

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

294817

ВЪСТАНЪЕ ЕВРОПЫ

12454

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ

ИМПЕРИИ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 5-я.

МАЙ, 1903.

ПЕТЕРБУРГЪ.

I.—ДУХОВНО-УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ и ихъ современное состояніе.—I-XIV. —Н. Рязанцева	5
II.—НА РАЗВАЛИНАХЪ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая: IX-XVIII.— Л. Е. Оболенскаго	40
III.—ТУРЦІЯ И МАКЕДОНИЯ.—Историческій очеркъ.—VI-IX.—Овоччаніе.— Х. Г. Исидорова	102
IV.—ЗВУКИ СТАРИНЫ ДАЛЕКОЙ.—Стих. А. М. Жемчужникова	134
V.—ВѢСТЬ О КИТАѢ.—I. Проектъ китайскихъ реформъ.—II. Средства къ вытѣсненію иностранцевъ изъ Китая.—Н. С. Попова	137
VI.—НА НОВОМЪ МѢСТѢ.—Рассказъ.—I-IV.—И. Хотымскаго	156
VII.—МОЯ ЖИЗНЬ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.—1832-1884 гг.— X-XI.—А. В. Романовича-Славянскаго	181
VIII.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—Ивѣа.—* *—Л. Кологривовой	206
IX.—УРОЖЕНЕЦЪ ВИРГИНИИ.—Романъ.—The Virginian, by Owen Wister.— XIII-XXV.—Съ англ. II—ны С—ной.	208
X.—ИЗЪ ПЪСЕНЬ ВЕРАНЖЕ.—I. Дурака примѣта.—II. Перевозщение.—Перев. В. Уманова-Каплуновскаго	269
XI.—ЕКАТЕРИНА II И МОНТЕСКЬЕ.—А. Н. Пыпина	272
XII.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—Ясныя дни.—О. П.	301
XIII.—ХРОНИКА.—Общѣна и „вѣдѣль“.—Ф. Ф. Воропонова	302
XIV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Именной Высочайшій указъ сенату 22 марта. —Новое уголовное уложеніе.—Его исторія.—Дѣленіе преступныхъ дѣлѣй. —Система наказаній.—Досрочное освобожденіе.—Зачѣтъ предварительнаго ареста.—Тюрьма и работный домъ.—Одинокое заключеніе.—Лишеніе и восстановленіе правъ.—Смѣщеніе и замѣна наказаній.—Законъ 12 марта; его отношеніе къ земскимъ учрежденіямъ	315
XV.—ГЛАВНЫЯ ОСНОВАНІЯ ЗАКОНОПРОЕКТОВЪ О СРЕДНЕЙ ШКОЛѢ.— М. Ст.	381
XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Кризисъ въ турецкихъ провинціяхъ.— Официальная доповідь и телеграмма.—Убийство русскаго консула въ Митровицѣ.—Политика великихъ державъ и вопросы о турецкихъ реформъ. —Туркофильскія мнѣнія въ нашей печати.—Багдадская желѣзная дорога и патриотическія заботы „Новаго Времени“.—Внутреннія дѣла во Франціи	339
XVII.—НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.—Письмо изъ Пекина.—В. В. Корсакова	352
XVIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Великій князь Николай Михайловичъ, Графъ Павелъ Строгановъ.—А. П.—II. П. А. Некрасовъ, Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности.—III. Проблемы идеализма, сборникъ статей, и. р. П. Н. Новгородова.—IV. Борьба за идеализмъ (А. Л. Волгинскій), Н. Г. Молодцова.—Евг. Л.— V. Дебидуръ, Политическая исторія XIX-го вѣка, т. I: Священный союзъ. —Н. Баръева.—VI. С. К. Говоровъ, Бранный вопросъ въ быту учащихся начальной школы.—М. М.—Новыя книги и брошюры	384
XIX.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Otto Ernst, Die Gerechtigkeit, Komödie in 5 Akten.—II. Henri de Regnier, Mariage de Minuit.—З. В.	390
XX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Национализмъ „первобытный“ и „просвѣдильный“.—Газетная инвекція.—Обвиненія, граничащія съ клеветой.— Еврейскій погромъ въ Кишиневѣ.—Два доклада о юридическомъ положеніи евреевъ.—Народныя чтенія въ Н.-Новгородѣ.—Земская медицина и земская статистика	403
XXI.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Комитета III-го Съѣзда русскихъ дѣлѣй по технич. и профессиональному образованію въ Россіи	416
XXII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Н. Баръевъ, Государство-городъ англійскаго міра.—О. П. Сениговъ, Памятникъ Земской старинѣ.—В. И. Сеженскій, Брестыне въ царствованіе имп. Екатерины II, т. I, изд. 2-е.— З. А. Рагозина, Древнѣйшая исторія Востока.—Н. Н. Захарьинъ (Якушнъ), Встрѣча и воспоминанія	
XXIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.	

ИЗДАНИЯ

ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ

ТИПОГРАФІИ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В.-О., 5 лин., д. № 28.

Книжный складъ типографіи принимаетъ на комиссію постороннія изданія не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ ихъ издателями, и высылаетъ иногороднымъ заказы съ наложеніемъ платежа по цѣнѣ книги и почтовыхъ расходовъ на ея пересылку.

—♦♦♦—
 Май, 1903 г.

АННЕНСКАЯ, А. Н. Свѣтъ и тѣнь.—Повѣсти и рассказы для дѣтей. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Зимніе вечера. Рассказы для дѣтей. Изд. 5-е. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

Своими путемъ. Повѣсти и рассказы для дѣтей старшаго возраста. Спб. Ц. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 75 к.

Мои двѣ племянницы. Сборникъ рассказовъ для дѣтей. 2-е изд. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Фригольфъ Хансенъ и его путешествія. Съ портр. и 40 рис. Спб. Ц. 1 р.

Анна. Романъ для дѣтей. Изд. 4-е. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

Братъ и сестра. Рассказъ для дѣтей. Изд. 2-ое. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Малерскій оборвышъ. Романъ Д. Гринвуда. Перев. съ англійскаго А. Н. Анненской. Изд. 4-е. Спб. Ц. 1 р.

ВАРСУКОВЪ, Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 17-ая. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к. Имѣются въ продажѣ первыя 16 книгъ. Цѣна каждой 2 р. 50 к.

БОБОРЫКИНЪ, П. Д. Европейскій романъ въ XIX столѣтіи. Романъ на Западѣ за двѣ трети вѣка. Спб. 1900 г. Ц. 3 р.

БЪЛИНСКІЙ, В. Г. Шестой томъ Полнаго Собранія сочиненій, въ 12-ти томахъ, изданіе С. А. Венгерова, п. р. и съ примѣчаніями издателя. Спб. 1903. Цѣна по подпискѣ 12 руб. безъ пересылки; пересылка по почтовой стоимости; отдѣльно каждой томъ—по 1 р. 25 к.

ВЕРВЛОВСКІЙ, Г. Вопросы русскаго гражданскаго права и процесса. Москва. Ц. 2 р. 50 к.

Движеніе русскаго гражданскаго процесса, изложенное на одномъ примѣрѣ. Изд. 2-е. Спб. Ц. 2 р.

Дополненіе къ движенію русскаго гражданскаго процесса. Москва. Ц. 40 к.

Законоположенія о преобразованіи мѣстныхъ крестьянск. и судебн. урѣженій и правила о производствѣ судебныхъ дѣлъ. Въ 2 частяхъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Систематическій сборникъ положеній и извлеченій изъ рѣшеній Гражданскаго Кассационнаго и Общаго Собранія 1-го, 2-го и Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената за 1883—1888 годъ. Спб. 1 р. 50 к.

ВОЛЖСКІЙ. Очерки о Чеховѣ. Спб. 1903 г. Ц. 80 к.

ГОФМАНЪ, К. Радій и его лучи. Переводъ Н. Ф. Индриксона. Спб. 1903 г. Ц. 70 к. Изд. 1-ое.

ГРАДОВСКІЙ, А. Д., проф. Собраніе сочиненій въ 9-ти томахъ. Вышли тт. I, II, III, IV, V, VI, VII и VIII-й. Цѣна I-го тома—2 р. 50 к.; II-го, III-го и V-го—по 3 р.; IV-го—4 р.; VI-го—3 р.; томъ VII, ч. 1—2 руб.; томъ VIII, ч. 2—3 р.

Подписная цѣна на все собраніе—15 р., при чемъ получаются первыя 8 вышедшихъ томовъ, а девятый, (ч. 3), печатаемый томъ выдается бесплатно. Пересылка по почтовой стоимости.

Востникъ Европы.—1903.

A

ГРЕВНЕРЪ, В. Ф., и ДОВРОВОЛЬСКІЙ, А. А. Практика бывшаго 4-го и судебного департаментовъ и второго общаго собранія Правительствующаго Сената по торговымъ дѣламъ съ 1889 г. по 1901 г. вклуч. Судопроизводство по исковымъ дѣламъ.—Администрація.—Неосостоятельность.—Векселя. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1902 г. Ц. 3 р.

ДЕВИДУРЪ, А., проф. Политическая исторія XIX вѣка. Исторія вѣдѣний ихъ сношеній европейскихъ державъ съ 1814 по 1878 г. Томъ I. Священный Союзъ. Переводъ съ фр. студентовъ Имп. Спб. унив., подъ ред. прив.-доц. А. Пилленка. Изданіе Библиотеки Общественныхъ Знаній. Выпускъ I. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

ДЕРЮЖИНСКІЙ, В. Ѳ., проф. Судебные дѣатели объ университетской подготовкѣ молодыхъ пристовъ. Спб. 1902 г. Ц. 25 к.

Международная борьба съ торговлею женщинами. Спб. 1902 г. Ц. 30 к.

Полицейское право. Пособіе для студентовъ. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

ЖЕМЧУЖНИКОВЪ, А. М. Пѣсни старости. Спб. Ц. 1 р.; въ издѣльномъ переплетѣ 1 р. 75 к.

Стихотворенія. Два тома. Изд. 3-е. Съ портретомъ и автобиографическимъ очеркомъ. Спб. Ц. 3 р.; въ перепл. 3 р. 75 к.

КАВЕЛИНЪ, К. Д. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ большихъ томахъ въ два столбца. Цѣна за четыре тома—10 р. безъ переплетки. Въ отдѣльной продажѣ: т. I—ц. 3 р. 50 к.; т. II—3 р. 50 к.; т. III—4 р.; т. IV—4 р.

КАРѢВЪ, Н. И. проф. Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. Изд. 3-е. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 30 к.

Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. Изданіе 2-е. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 10 к.

Учебная книга древней исторіи. Изданіе 2-е. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 20 к.

Философія культурной и социальной исторіи новаго времени (1800—1800). Введеніе въ исторію XIX вѣка. (Основные понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII в.). Изд. 2. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Введеніе въ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. (Романо-германскій міръ въ VI—XV вѣкахъ). Спб. Цѣна 35 коп.

Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Исторія Западной Европы въ новое время. Въ пяти томахъ. Цѣна 17 р. 50 к.

Въ отдѣльной продажѣ: т. I—ц. 2 р.; т. II—ц. 3 р. 50 к.; т. III—ц. 3 р. 50 к.; т. IV—ц. 3 р. 50 к.; т. V—ц. 5 р.

Идеалы общаго образованія. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.

Основные вопросы философіи исторіи. 3-е (сокращ.) изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Старые и новые этюды объ экономическомъ материализмѣ. Спб. Ц. 1 р.

Мысли о сущности общественной дѣятельности. 2-ое изд., дополненное. Спб. 1901 г. Цѣна 50 к.

Мысли объ основахъ нравственности. Изд. 2-е. Спб. Ц. 40 к.

Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Изд. 4-е. Спб. Ц. 50 к.

Литературная эволюція на Западѣ. Воронежъ. Ц. 2 р.

Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ до 1789 г. Варшава. Ц. 1 р.

Историческій очеркъ польскаго сейма. Москва. Ц. 1 р.

Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

Отзывъ о сочиненіи проф. Кореліна подъ заглавіемъ: „Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія“. Спб. Ц. 30 к.

Введеніе въ изученіе социологіи. Спб. Ц. 2 р.

Отзывъ о сочиненіи профессора Любвича подъ заглавіемъ: „Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ“. Спб. Ц. 20 к.

Главныя обобщенія всемірной исторіи. Учебное пособие для средняго образованія. Съ историческими картами. Спб. 1903 г. Ц. 80 к.

КОТЛЯРЕВСКІЙ, Н. Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка. Спб. Ц. 2 р.

- КОРКУНОВЪ, Н. М., проф.** Русское государственное право. Томъ I. Введение и общая часть. Изданіе четвертое (безъ существенныхъ перемѣнъ). Спб. 1901 г. Ц. 3 р.
Томъ II. Часть особенная. Изд. 4-е, безъ перемѣнъ. Спб. 1903 г. Ц. 3 р. 50 к.
Исторія философіи права. Пособіе къ лекціямъ. Изданіе третье (безъ перемѣнъ). Спб. 1903 г. Цѣна 2 р. 50 коп.
Стихи. Спб. Ц. 1 р.
- КОТЪ-МУРЛЫКА.** Повѣсти, сказки и рассказы въ семи томахъ. Сиб. Цѣна каждаго тома 1 р. 75 к.
- ЛОССКІЙ, Н. О.** Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. Спб. 1903 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- ЛУГОВОЙ, А. А.** Сочиненія. Томы I, II, III, IV и V. Романы, повѣсти, рассказы. Спб. Ц. 10 руб. Въ отдѣльной продажѣ: тт. I, II, III—по 2 р.; т. IV—2 р. 50 к.; т. V—ц. 1 р. 50 к.
Грани жизни. Романъ въ пяти частяхъ, но въ двухъ книгахъ. Изд. 2-е. Спб. Цѣна за двѣ книги 2 р. (Т. II, изд. 2-е, въ двухъ книгахъ—ц. 2 р.).
- МАРКОВЪ, ЕВГЕНІЙ.** Путешествіе по Святой землѣ, Іерусалимъ и Палестина, Самарія, Галилея и берега Малой Азіи. Спб. Ц. 2 р. 25 к.
Россия въ Средней Азіи. Очерки путешествія. Въ 2-хъ томахъ. Спб. 1901 г. Цѣна за оба тома 3 р.
Учебные годы стараго барчука. (Рассказы изъ прошлаго). Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ПИЛЕНКО, АД.** Привилегіи на изобрѣтенія. (Практическое руководство, въ приложеніемъ текста закона 20 мая 1896 г., позднѣйшихъ дополненій, формъ дѣловыхъ бумагъ и краткихъ свѣдѣній объ иностранныхъ законахъ). Второе, исправленное и дополненное, изданіе. Спб. 1903 г. Ц. 85 к.
Право изобрѣтателя. (Привилегіи на изобрѣтенія и ихъ защита въ русскомъ и международномъ правѣ). Историко-догматическое изслѣдованіе. Томъ I-й. Спб. 1902 г. Ц. 3 р.
Томъ II. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.
- ПРЕССЪ, АРКАДІЙ.** Писатели XIX вѣка. (Характеристики). Книга первая. Съ пятью портретами. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ПРУТКОВЪ, КОЗЬМА.** Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ, facsimile и биографич. свѣдѣніями. Изд. 8-ое. Спб. Ц. въ папѣ 2 руб.
- ПЫПИНЪ, А. Н.** Исторія русской литературы. Изданіе второе. Цѣна 4-хъ томовъ 10 руб. безъ пересылки.
Исторія русской этнографіи. 4 тома. Ц. 10 р.; каждый томъ отдѣльно 3 р.
М. Е. Салтыковъ. Идеализмъ Салтыкова. Журнальная дѣятельность 1868—1864. Библиографическая записка. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
Сводный старообрядческій синодикъ. Спб. Ц. 1 р.
Для любителей книжной старины. Москва. Ц. 1 р.
Изъ исторіи народной повѣсти. Спб. Ц. 75 к.
Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Историческіе очерки. Изд. 3-е, съ дополненіями. Спб. 1900 г. Ц. 3 р.
- СЕМЕВСКІЙ, В. И.** Крестьяне въ царствованіе Екатерины II. Томъ I. Ц. 3 р. 50 к.
Томъ II. Спб. 1901 г. Ц. 5 р.
- СЕРГѢЕВИЧЪ, В. И., проф.** Русскія юридическія древности. Т. I. Территорія и населеніе. Изд. 2-е, съ перемѣнами и дополненіями. Спб. 1902 г. Ц. 3 р.
Русскія юридическія древности. Томъ II. Вѣче и князь. Совѣтники князя. Изд. 2-е, съ поправками. Спб. 1900 г. Ц. 3 р.
Древности русскаго права. Томъ III. Землевлдѣніе. Тягло.—Порядокъ обложенія. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

СТАСЮЛЕВИЧЪ, М. М. Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ. Историческій очеркъ. 2-ое изданіе. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. Т. I. Періодъ первый: Отъ паденія западной римской имперіи Карла Великаго. 476—771 г. Изд. 3-е. Спб. Ц. 2 р. Т. II. Періодъ второй: Отъ Карла Великаго до крестовыхъ походовъ. 771—1096 г. Изд. 2-е. Спб. Ц. 3 р. Т. III. Періодъ третій: Отъ крестовыхъ походовъ до открытія Америки. 1096—1492 г. Изд. 2-е. Спб. Ц. 3 р.

ТОЛСТОЙ, Л. Н., гр. Полное собраніе сочиненій въ 16 томахъ. Цѣна 11 р. 35 к.; въ семи переплетахъ цѣна 14 руб. 50 к.; въ 16 перепл. цѣна 18 р. 55 к. Тоже, роскошное изданіе въ 14 большихъ томахъ, цѣна 25 руб., въ переплетѣ—37 руб.

Подписка съ разсрочкой не принимается.

ТРАЧЕВСКІЙ, АЛЕКСАНДРЪ, проф. Учебникъ древней исторіи. Третье, исправленное изданіе. Съ 52 рис. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Учебникъ средней исторіи. Третье, исправленное изданіе. Съ 111 рисунками. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Новая исторія. Т. I (1500—1750 гг.). Реформація и возрожденіе католицизма (1500—1600). Реакція и абсолютизмъ (1600—1750). 2-ое исправленное и дополненное изданіе. Спб. Ц. 3 р., въ изящномъ перепл. 3 р. 75 к.

Учебникъ Русской исторіи. Въ двухъ частяхъ. Ч. I. Древняя Россія. Съ 25-ю рис. Ч. II. Новая Россія. Съ 47-ю рис. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Главн. Управл. военно-учебн. завед. рекомендовано для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки кадетскихъ корпусовъ. Спб. Цѣна 2 р. 50 к. Въ изящномъ переплетѣ 3 р. 25 к. Цѣна каждой части 1 р. 25 к.

УТИНЪ, ЕВГ. И. Письма изъ Болгаріи. Спб. Ц. 2 р. 50 к.
Изъ литературы и жизни. Журнальныя статьи, этюды, замѣтки. Съ портретомъ автора. Въ 2 томахъ. Спб. Ц. 3 р.

ШЕСТОВЪ, Л. Достоевскій и Нитше. (Философія трагедіи). Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шекспиръ и его критикъ Брандесъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Добро въ ученіи гр. Толстого и Нитше. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

ШЛЯПКИНЪ, И. А., проф. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

ЩЕРБАТОВЪ, М. М., КНЯЗЬ. Исторія российская отъ древнѣйшихъ временъ. Т. I—II. Изданіе кн. В. С. Щербатова. Редакція И. П. Хрушова и А. Г. Воронова. Спб. 1901 г. Ц. 6 р. Т. III. 1902 г. Ц. 4 р. Т. IV. Часть 1-я. Спб. 1902 г. Ц. 3 р. 50 к. Т. IV, часть II и III. Спб. 1908 г. Ц. 5 руб. Тамъ же продаются: Сочиненія князя М. М. Щербатова, въ двухъ томахъ. Томъ I: Политическія сочиненія. Подъ редакціей И. П. Хрушова. Съ портретомъ. Спб. Ц. 4 р. Томъ II: Статьи историко-политическія и философскія. Подъ редакціей И. П. Хрушова и А. Г. Воронова. Спб. Цѣна 4 рубля.

ЮРЕНЕВЫ, Г. Н. и Н. А. „Родъ Юреневыхъ“. Генезиологическая роспись съ XIV по XX столѣтіе. Историко-біографическія свѣдѣнія по архивнымъ документамъ. Спб. 1903 г. Ц. 4 р.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LXVII. — ТОМЪ СССXCV. — 1/14 МАЯ 1903.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1903

112

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
294817
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1903 L

3244

ДУХОВНО-УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ

и

ИХЪ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ

I.

Едва ли кто будетъ оспаривать, что послѣдніе три-четыре года были временемъ усиленнаго обсужденія вопросовъ общепедагогическаго и дидактическаго характера,—обсужденія, тѣсно связаннаго съ ожидаемыми (и отчасти исполняемыми) реформами средней и высшей школь. На сцену выступили и общепедагогическія проблемы, обсуждались основные приемы дидактики и методики, тщательно разбирались различные типы средней школы, а въ связи съ тѣмъ шло дѣло по вопросу о болѣе рациональной постановкѣ высшаго образованія, которое въ своемъ настоящемъ положеніи давно уже признано мало удовлетворительнымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, было много удѣлено мѣста обсужденію различныхъ типовъ технической школы, и усиленный ростъ техническихъ учебныхъ заведеній самыхъ различныхъ видовъ отчасти показываетъ, что всѣ эти пренія имѣли не одно теоретическое значеніе. Но среди этихъ оживленныхъ толковъ почти совсѣмъ не упоминалось объ одномъ типѣ школь, который по своему общественному значенію заслуживалъ бы самаго серьезнаго вниманія. Мы разумѣемъ „духовную школу“. Такое молчаніе нельзя объяснить предположеніемъ, что въ этой школь все обстоитъ благополучно, и она не нуждается въ существенныхъ реформахъ: быть можетъ, найдутся лица, готовые принять такое предположеніе, но кто болѣе близко знакомъ съ внутреннимъ строемъ

этой школы, тотъ охотно признаетъ, что учебныя заведенія этого типа требуютъ самыхъ неотложныхъ и коренныхъ преобразований. Нельзя оправдывать безразличное отношеніе къ духовной школѣ ея специальнымъ назначеніемъ—служить цѣлямъ особаго сословія—почему она, будто-бы, представляетъ слишкомъ мало интереса для общества въ широкомъ смыслѣ. Мы уже не говоримъ о томъ, что духовныя семинаріи даютъ довольно значительный контингентъ учащихся для нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній (особенно на окраинахъ); но именно эти среднеучебныя заведенія являются училищами, неизмѣримо больше, чѣмъ какой-либо другой типъ средней школы, выпускающими своихъ питомцевъ прямо въ жизнь. Уже по одному этому очень важно знать, насколько эти питомцы являются подготовленными къ той дѣятельности, которая отърывается передъ ними непосредственно по выходѣ за двери школы,—а въ какой степени важна эта дѣятельность, какъ высокъ идеалъ, который отърывается передъ воспитанниками духовной школы, и какъ велика нравственная отвѣтственность, лежащая на нихъ,—это извѣстно всякому. Вчерашнему школьнику ввѣряются сотни, если не тысячи, духовныхъ дѣтей, причемъ воспитательное воздѣйствіе на эти часто первобытные умы и сердца предполагается не только въ самыхъ разнообразныхъ видахъ пастырскаго попеченія, среди приходской правити, но и въ видѣ учительства въ низшихъ народныхъ училищахъ, гдѣ въ послѣднее время особенно широкое поле дѣятельности отводится для священника—питомца именно этой средней духовной школы. Все это говоритъ ясно о томъ, какъ велико общественное значеніе среднихъ духовныхъ учебныхъ заведеній; а такъ какъ эти среднія заведенія тѣсно связаны съ низшей и высшей духовной школой,—причемъ послѣдняя теперь служитъ исключительнымъ разсадникомъ преподавателей для духовно-учебныхъ заведеній и является питомникомъ, изъ котораго выходятъ высшіе представители духовной іерархіи,—то и эти два типа низшей и высшей духовной школы также приобрѣтаютъ значеніе крупнаго общественнаго явленія. Все сказанное даетъ намъ право обратить вниманіе читателей на этотъ большинству мало знакомый міръ, бросить хотя бы и бѣглый взглядъ на современное положеніе духовно-учебныхъ заведеній; быть можетъ, вспомнить и объ этомъ типѣ школы при общешкольныхъ преніяхъ, что поможетъ устраненію многихъ недостатковъ и усвоенію другими свѣтскими типами школъ тѣхъ немногихъ, правда, положительныхъ особенностей, какія еще остались присущими духовной школѣ, несмотря на всѣ измѣненія къ худшему, кото-

рими характеризуется состояніе этихъ учебныхъ заведеній за послѣднія двадцать—двадцать-пять лѣтъ. Такимъ образомъ, здѣсь можетъ быть засвидѣтельствовано нѣкоторое взаимодѣйствіе между духовною и свѣтскою школою, и во всякомъ случаѣ духовная школа обнаружитъ на себѣ яркіе слѣды воздѣйствія на нее свѣтской школы въ ея положительныхъ и отрицательныхъ чертахъ, причѣмъ положительныя, благодаря особенному консерватизму духовной власти, удерживались и среди самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, а отрицательныя явленія, тоже въ силу извѣстныхъ особенностей, присущихъ духовной администраціи, или нѣсколько ослаблялись, или же иногда доходили до такого обостренія, какового мы не встрѣчаемъ въ свѣтской школѣ.

Приступая къ характеристикѣ современнаго положенія духовной школы, къ указанію ея слабыхъ, а иногда и сильныхъ сторонъ, мы совсѣмъ не имѣемъ въ виду дать полнаго анализа предмета, и ограничимся, главнымъ образомъ, учебною и ученою частью въ духовной школѣ, касаясь воспитательнаго дѣла только въ самыхъ краткихъ чертахъ.

II.

Мы начнемъ съ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній—съ академій. Назначеніе академій опредѣляется, въ 1-мъ параграфѣ ихъ устава (1884 г.), такимъ образомъ: „Православная духовная академія имѣетъ цѣлью доставлять высшее богословское образованіе, въ духѣ православія, для просвѣщеннаго служенія церкви на пастырскомъ, духовно-учебномъ и другихъ поприщахъ дѣятельности“. Какъ видно, здѣсь указывается на назначеніе духовной академіи, какъ учебнаго заведенія. Само собою понятно, что достиженіе указанной учебной цѣли предполагаетъ, чтобы это заведеніе стояло вполнѣ на уровнѣ современной церковной науки и такимъ образомъ изъ учебнаго заведенія обратилось въ ученое учрежденіе. На эту чисто ученую цѣль духовныхъ академій есть указаніе въ 163-мъ параграфѣ устава, гдѣ говорится: „Академіи предоставляется право открывать публичныя лекціи, учреждать ученныя общества, предметами дѣятельности которыхъ могутъ быть: разработка и изданіе источниковъ христіанскаго вѣроученія, памятниковъ и вообще матеріаловъ, относящихся къ исторіи и современному состоянію церкви, обзоръ произведеній отечественной и иностранной богословской литературы, изысканіе способовъ къ возвышенію уровня всѣхъ отраслей богослов-

скихъ наукъ, а равно и прочихъ наукъ съ тѣхъ сторонъ, которыми онѣ соприкасаются съ христіанствомъ и богословской ученостію, и пр. и пр.“.

Но можно спросить, осуществляется ли эта высокая цѣль ученаго учрежденія современными академіями? — Къ сожалѣнію, далеко нѣтъ. Мы совсѣмъ не хотимъ умалять выдающихся заслугъ нашихъ академій преимущественно въ области отечественнаго духовнаго просвѣщенія, но должны сознаться, что онѣ сравнительно мало внесли въ соврѣщенію общечеловѣческаго знанія. Едва ли это объясняется только тѣмъ, что западная наука слишкомъ опередила насъ, и намъ трудно быть вполне оригинальными: поле для самостоятельныхъ изслѣдованій еще слишкомъ велико, да и наша церковно-богословская наука, по большей части, не только не оригинальна, но и очень часто не даетъ намъ представленія и о тѣхъ иногда непререкаемо точныхъ и достовѣрныхъ результатахъ, къ которымъ пришли на Западѣ послѣ тщательныхъ продолжительныхъ изслѣдованій. Причина этого крайне прискорбнаго явленія лежитъ совсѣмъ въ другомъ: она кроется въ тѣхъ особенностяхъ обще-духовной цензуры, которая не даетъ возможности на русской почвѣ произрасти истинно научному церковно-богословскому знанію. Тяжесть этой своеобразной цензуры съ особой силой сказывается на ученыхъ богословскихъ диссертацихъ. Какъ извѣстно, эти диссертациі получаютъ свою санкцію отъ синода только послѣ разсмотрѣнія ихъ какимъ-нибудь архіереемъ. Обычно разсмотрѣніе диссертациі поручается какому-нибудь члену синода (постоянному или временному) или даже просто епархіальному архіерею, который (часто неизвѣстно почему) считается болѣе, чѣмъ какой-либо другой, компетентнымъ въ данной области. Во всемъ этомъ процессѣ, прежде всего, поражаетъ недовѣріе высшей духовной власти къ ученой коллегіи, — недовѣріе едва ли заслуженное. Правда, уполномоченный синода разсматриваетъ диссертацию только съ точки зрѣнія ея ортодоксіи, но вѣдь совѣтъ академіи и въ этомъ отношеніи можетъ быть свѣдущъ не менѣе владыки, который, какъ показываютъ факты, иногда при разрѣшеніи своихъ недоумѣній, возникающихъ при чтеніи ученаго сочиненія профессора академіи, конфиденціально совѣщается съ болѣе знакомымъ преподавателемъ семинаріи или училища. Результатомъ такой постановки дѣла нерѣдко бывають случаи неутвержденія въ степени лицъ, представившихъ въ высшей степени цѣнные изслѣдованія, которые не могли уложиться въ рамки одностороннихъ представленій о православіи, сложившихся въ головѣ того или другого

лица. При этомъ колебаніе основъ православія усматривается тамъ, гдѣ этого, повидимому, трудно было бы ожидать. Такъ, извѣстны случаи неутвержденія или утвержденія съ оговорками и предупрежденіями такихъ диссертаций, гдѣ приводились въ систему извѣстныя еретическія мнѣнія, или вполне законно представлялась интеллектуальная даровитость и литературная производительность какого-нибудь лжеучителя, или гдѣ, наконецъ, подвергались критикѣ устарѣлыя традиции, давно уже отвергнутыя русской же, но только свѣтской наукой¹⁾. Что же является результатомъ такого излишняго, а иногда и прямо оскорбительнаго контроля? Прежде всего, мы замѣчаемъ значительное суженіе области богословско-церковныхъ изысканій, по неволѣ ограничивающихся изслѣдованіемъ только самыхъ мелкихъ и потому безобидныхъ предметовъ. Этимъ, конечно, объясняется общая бѣдность нашей богословской литературы, особенно въ области догматическаго и нравственнаго богословія, а равнымъ образомъ и въ сферѣ церковно-исторической науки, включая сюда и библейскую исторію. Правда, количественно у насъ появляется достаточно сочиненій изъ этихъ областей, но научная цѣнность этихъ работъ очень незначительна. Что касается другихъ сферъ богословской науки, то за послѣднее время можно отмѣтить относительную многочисленность экзегетическихъ изслѣдованій, но всѣ они имѣютъ мало научнаго значенія: это, по большей части, компилятивные комментаріи, въ составъ которыхъ входятъ очень часто несоразмѣрно обильныя выписки изъ патристической литературы, чѣмъ маскируется бѣдность оригинальной мысли и обеспечивается ортодоксальная благонадежность. Что же касается истинно научныхъ трудовъ изъ области Священнаго Писанія, особенно Ветхаго Завѣта, гдѣ имѣются классическія работы на Западѣ, то у насъ въ этомъ отношеніи поразительная бѣдность, и русскій образованный человѣкъ можетъ узнать о состояніи этой богато разработанной науки или изъ иностранныхъ сочиненій, или изъ случайныхъ работъ, принадлежащихъ совсѣмъ не академическимъ ученымъ.

Особенно тяжелымъ образомъ отзывается гнетъ этой цензуры на сочиненіяхъ, носящихъ ярко апологетическій характеръ: необходимость считаться съ традиціями, давно потерявшими научный кредитъ, даетъ чувствовать себя съ особенною силою, и мы

¹⁾ Мы уже не говоримъ о томъ, что есть рядъ синодскихъ циркуляровъ, запрещающихъ касаться въ ученыхъ изслѣдованіяхъ опредѣленныхъ вопросовъ той или другой науки.

видимъ, какъ нерѣдко производится здѣсь насиліе надъ фактами, и истина приносится въ жертву отжившимъ воззрѣніямъ, утрата которыхъ совсѣмъ не колеблетъ самаго ядра религіи.

III.

Но если истинной науки такъ мало въ ученой богословской литературѣ, то, быть можетъ, она еще въ состояніи находить себѣ мѣсто на кафедрѣ, въ лекціяхъ профессоровъ, которыя не подлежатъ указанному унизительному контролю. Дѣйствительно, нѣкоторые профессора, ревностно преданные своей наукѣ и хорошо знакомые съ ея положеніемъ на Западѣ, выражаясь нѣсколько вульгарно, „отводятъ себѣ душу“ въ аудиторіи, гдѣ надъ ними очень рѣдко бодрствуетъ аргусовскій взглядъ академической администраціи. Но такое положеніе дѣла, разумѣется, ненормально: вѣдь здѣсь знакомство съ наукой совершается, такъ сказать, контрабанднымъ путемъ, а этотъ незаконный способъ дѣятельности всегда можетъ вызвать противъ себя легальную репрессію. Отсюда профессоръ, дѣйствующій такимъ образомъ, долженъ постоянно быть на сторожѣ, чувствовать надъ собой недремлющее око начальства и вообще испытывать очень тяжелое душевное состояніе. Тяжесть послѣдняго увеличивается еще оттого, что такой преподаватель не въ состояніи высказать своихъ воззрѣній печатно, и его учено-литературные труды нерѣдко являются совершенною противоположностью его задушевному убѣжденіямъ. Такая двуличность, конечно, не можетъ ускользнуть отъ его чуткихъ слушателей, которые видятъ своего наставника то фрондирующимъ съ начальствомъ, то смиренно и чуть не униженно исповѣдующимъ все, что онъ отрицалъ и порицалъ вмѣстѣ съ ними же. Но есть и другой типъ академическихъ профессоровъ, сложившійся среди тѣхъ же тяжелыхъ условий академической жизни. Эти преподаватели очень скоро подчиняются господствующему—только оффиціально—ортодоксальному направленію, проникаются своимъ мнимымъ апологетическимъ назначеніемъ, легко опровергаютъ своихъ часто непобѣдимыхъ противниковъ, представляя возраженія послѣднихъ въ искаженномъ и иногда прямо каррикатурномъ видѣ, и такимъ образомъ воспитываютъ въ себѣ то націоналистически-ортодоксальное самонѣніе, которое позволяетъ имъ съ такимъ пренебреженіемъ относиться къ корифеямъ западной науки и смотрѣть на себя какъ на истинныхъ и единственныхъ жрецовъ подлиннаго знанія.

Едва ли нужно доказывать, что оба упомянутые типа дѣятельности очень мало способствуютъ выработкѣ твердаго характера, человѣка непоколебимыхъ убѣжденій; наоборотъ, они способны воспитать ту умственную и нравственную эластичность, — каковыя свойства присущи многимъ преподавателямъ духовныхъ академій. На почвѣ такихъ неблагопріятныхъ условій можетъ получиться тотъ своеобразный оппортунизмъ, который присущъ нѣкоторымъ академическимъ преподавателямъ, приспособляющимъ свои возрѣнія къ взглядамъ начальства даже не изъ соображеній карьеризма, а просто потому, что это — то самое начальство, постоянное преклоненіе предъ которымъ вызываетъ въ нихъ привычку, такъ сказать, безсознательнаго или инстинктивнаго подобострастія. Въ духовной академіи скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, могъ найтись профессоръ, который въ своихъ чтеніяхъ по нравственному богословію смотрѣлъ на дуэль какъ на грѣхъ смертоубійства (руководствуясь въ этомъ случаѣ катехизисомъ митрополита Филарета), а послѣ извѣстнаго закона 1894 года сталъ оправдывать это узаконеніе, видя въ немъ выраженіе истинно-христіанской любви къ своей личности.

Итакъ, положеніе богословской науки въ академіяхъ нельзя признать удовлетворительнымъ: гнетъ цензуры не даетъ возможности еще такъ недавно насажденной у насъ церковной отрасли знанія превратиться въ пышное растеніе. Такимъ положеніемъ дѣла, очевидно, объясняется и невыполненіе нашими академіями одной изъ своихъ ученыхъ задачъ — основанія разныхъ обществъ, которыя могли бы способствовать дальнѣйшей разработкѣ науки: при современныхъ порядкахъ у профессоромъ академіи слишкомъ мало охоты къ тому, чтобы ставить дѣло на болѣе широкую дорогу, когда и въ сравнительно узкой сферѣ академическаго преподаванія на всемъ пути встрѣчается столько разнообразныхъ препонъ.

IV.

Но если таково положеніе церковно-богословской науки, то, быть можетъ, свѣтскіе предметы, на которые, повидимому, не должно простирается упомянутое стѣсненіе, такъ же процвѣтаютъ, какъ и въ университетахъ. Къ сожалѣнію, и этого сказать нельзя. Обозрѣвая состояніе небогословскихъ дисциплинъ въ различныхъ духовныхъ академіяхъ, мы скоро же замѣчаемъ, что эти науки находятся на должномъ уровнѣ только тамъ, гдѣ онѣ преподаются

профессорами университетовъ. Если же каедры этихъ предметовъ занимаются исключительно академическими питомцами, то эти столь важныя для общаго образованія науки находятся далеко не въ удовлетворительномъ положеніи, а иногда просто влечать свое существованіе. Это можно сказать не только о такихъ предметахъ, какъ классическіе языки, но и о такихъ, какъ исторія литературъ (русской и иностранной), гражданская исторія и даже философія. Намъ очень трудно указать выдающихся ученыхъ по этимъ наукамъ изъ среды академическихъ профессоровъ, исключая, конечно, тѣхъ, которые или получили образованіе въ университетахъ, или, по крайней мѣрѣ, соискывали тамъ ученныя степени ¹⁾. Объясняется это тѣмъ, что профессора свѣтскихъ наукъ обычно получаютъ ученныя степени въ духовныхъ же академіяхъ, а эти послѣднія принимаютъ въ опѣнкѣ диссертациі только богословскаго характера ²⁾. Отсюда получается такое явленіе, что профессоръ академіи, преподающій древнюю гражданскую исторію, пишетъ диссертацию по русской церковной исторіи, или, еще хуже, преподаватель философіи въ качествѣ диссертациі представляетъ изслѣдованіе о книгѣ одного изъ малыхъ пророковъ. Само собой понятно, что раздвоеніе въ занятіяхъ владеть отпечатокъ на умственный обликъ профессора, и этотъ отпечатокъ иногда остается на всю жизнь: нерѣдко случается, что профессоръ въ теченіе всей своей академической дѣятельности читаетъ одну науку, а пишетъ изъ области другой, почти не имѣющей никакого отношенія къ первой. Естественный выходъ изъ такого ненормальнаго положенія—въ томъ, чтобы преподаватели свѣтскихъ предметовъ въ академіяхъ или прямо приглашались изъ университетовъ или, по крайней мѣрѣ, соискывали тамъ ученныя степени, если они по своему образованію питомцы академіи. Это приводитъ насъ къ вопросу объ избраніи и подготовкѣ преподавателей духовныхъ академіи.

Академіи сохранили выборное право по отношенію къ преподавателямъ даже въ ту тяжелую эпоху, когда это право почти совсѣмъ было отнято у университетовъ. Конечно, этому можно

¹⁾ Даже относительно философіи мы готовы утверждать, что за послѣднія тридцать лѣтъ духовная академія имѣла только одного истинно ученаго, талантливаго профессора философіи вообще (а не христіанско-православной философіи),—это профессора М. И. Каринскаго, получившаго высшую ученую степень все-таки въ университетѣ.

²⁾ Вслѣдствіе нѣсколькихъ послѣднихъ циркуляровъ представленіе сочиненій, имѣющихъ своимъ предметомъ не спеціально богословскіе сюжеты, сдѣлалось почти невозможнымъ.

только радоваться и должно пожелать, чтобы и впредь этот избирательный принцип получил примѣненіе въ академіи и въ административнымъ должностямъ, что отчасти уже и осуществилось въ предшествующемъ уставѣ 1868 года. Выборъ преподавателей академій обычно совершается изъ среды лицъ, ежегодно оставляемыхъ (въ количествѣ двухъ) въ качествѣ такъ называемыхъ профессорскихъ стипендіатовъ. Вполнѣ сочувственно относясь къ этому институту, мы, однако, не можемъ признать его теперешнее состояніе вполнѣ удовлетворительнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ соответствующимъ своему назначенію. Прежде всего, это оставленіе при академіи бываетъ только на одинъ годъ, каковой срокъ очень недостаточенъ для подготовки къ серьезной научной дѣятельности, если даже оставляемый стипендіатъ и раньше достаточно занимался въ области избранной специальности. По истеченіи года, если не окажется свободной кѣсѣдры при академіи, стипендіатъ назначается преподавателемъ въ семинарію, часто по тому предмету, который ничего общаго не имѣетъ съ интересующей его наукой. Конечно, у такого преподавателя можетъ быть надежда на избраніе въ академію, но надежда эта слишкомъ проблематична, такъ какъ присутствіе новыхъ стипендіатовъ постепенно стираетъ воспоминаніе о ихъ предшественникахъ, и послѣднимъ, только въ силу своего отсутствія, часто нелегко бываетъ получить верхъ надъ своими, иногда гораздо менѣе даровитыми преемниками. Да и тотъ годъ, который стипендіатъ проводитъ при академіи, проходитъ у него не совсѣмъ плодотворнымъ образомъ. По большей части оставленные при академіи не столько занимаются изученіемъ избранной специальности, сколько изготовленіемъ диссертации. Какъ ни почетны занятія послѣдняго рода, но они не могутъ замѣнить тщательнаго штудированія извѣстной отрасли знанія, чѣмъ, вѣрнѣе, обязаны заниматься оставленные при университетахъ. Очень жаль, что для академическихъ стипендіатовъ не существуетъ испытаній, соответствующихъ университетскому магистерскому экзамену: магистерство въ академіи дается очень легко (для этого нужно имѣть извѣстную сумму балловъ), и даже лучшіе изъ магистрантовъ, занимающіе послѣ годичной подготовки самостоятельную кѣсѣдру, часто приступаютъ къ занятіямъ съ очень легкимъ научнымъ багажемъ. Правда, можно возразить, что талантливый человѣкъ быстро ориентированъ въ курсъ, который ему предстоитъ читать; но это возраженіе имѣетъ только частичную силу, такъ какъ и при талантливости трудно сразу овладѣть предметомъ, тѣмъ болѣе, что въ академіи новый пре-

подаватель съ самаго же начала является полнымъ руководителемъ кафедръ, такъ какъ у него нѣтъ ничего похожаго на университетскаго приватъ-доцента. Конечно, можно только пожалѣть объ отсутствіи въ академіяхъ этого послѣдняго института: при своемъ нормальномъ положеніи это учрежденіе могло бы оказаться очень плодотворнымъ и въ другомъ отношеніи: какъ и въ университетѣ, оно внесло бы нѣкоторую живую струю въ преподаваніе, которое иногда выпадаетъ лицу, способному скоро же покрыться плѣсенью. Вслѣдствіе отсутствія этого института въ академіи, избранный преподавателемъ магистрантъ, носящій званіе исправляющаго должность доцента, является единственнымъ представителемъ кафедръ. При этомъ наблюдается одна ненормальность: таковой преподаватель, получившій степень магистра, и сдѣлавшись доцентомъ, все-таки, не считается членомъ совѣта, хотя его присутствіе тамъ, какъ лица наиболѣе компетентнаго въ извѣстной области, является часто необходимымъ.

V.

Вотъ тѣ общія соображенія, которыя мы имѣли намѣреніе высказать по поводу настоящаго положенія учебной и ученой стороны въ духовныхъ академіяхъ. Мы не будемъ входить въ подробное обсужденіе состава преподаваемыхъ наукъ, ихъ распредѣленія по курсамъ и отдѣленіямъ и т. п. Скажемъ только, что далеко не всѣ науки, имѣющія важное значеніе для преподавателя и образованнаго пастыря, захвачены академической программой, а нѣкоторыя хотя и поставлены тамъ въ качествѣ обязательныхъ предметовъ, однако въ дѣйствительности только прозябаютъ. Это не тѣ чисто университетскіе предметы, о которыхъ у насъ шла рѣчь раньше, а такія, напримѣръ, какъ педагогика, важность которой какъ для пастыря, такъ и въ особенности для преподавателя, лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Какъ же проходитъ этотъ важный предметъ въ академіи? Прежде всего, для него нѣтъ особенной кафедры, а преподаваніе его поручается профессору пастырскаго богословія. Такое сосѣдство, быть можетъ, и возвышаетъ значеніе этой науки, но оно скорѣе отрицательнымъ образомъ сказывается на успѣшности разработки и преподаванія этой дисциплины: одному профессору очень трудно управиться съ этими двумя далеко не тождественными отраслями знанія. Въ настоящее время педагогика стремится стать по возможности опытной наукой, освободившейся отъ путъ метафизики,

и, къ сожалѣнію, въ такой серьезной формѣ мы рѣдко можемъ встрѣтить ее въ духовныхъ академіяхъ. Никто не будетъ сомнѣваться, какъ важно для изложенія этой дисциплины самое близкое знакомство съ науками о человѣческой природѣ—физиологіей и психологіей, а между тѣмъ преподаватели этого предмета рѣдко когда стоятъ на высотѣ своего положенія въ этомъ отношеніи. Поэтому нечего удивляться, если педагогика въ рукахъ такого преподавателя обращается или въ компилятивный курсъ по исторіи воспитанія, или въ довольно элементарную педагогическую психологію, изъ которой трудно извлечь что-нибудь путное. А между тѣмъ воспитаннику академіи негдѣ больше серьезно познакомиться съ основами общей педагогики и дидактики—дисциплинами, которыя имѣютъ такое важное значеніе для него, какъ для будущаго воспитателя и преподавателя. Конечно, можно возразить, что практика воспитанія и преподаванія пополнить многіе пробѣлы, которые получились при теоретическомъ изученіи науки. Но слишкомъ рискованно возлагать очень большія надежды на практику, которая въ большинствѣ случаевъ имѣетъ подъ собою не строго установленную теорію, а очень шаблонную рутину. Въ частности, что касается общей дидактики, которая могла бы дать и опредѣленные руководящіе методы преподаванія и показала бы часто наблюдаемое отличіе способовъ изслѣдованія отъ приѣмовъ изложенія или сообщенія научныхъ данныхъ, то ея почти нѣтъ и въ поминѣ въ академической программѣ. Методологическіе приемы еще отчасти бы могли иллюстрироваться въ разнообразныхъ типахъ практическихъ занятій, но, къ сожалѣнію, въ академіи мы почти не встрѣчаемъ ничего похожего на университетскія семинаріи. Послѣднихъ не могутъ замѣнить ни рефераты въ студенческихъ обществахъ, ни такъ называемыя семестровыя сочиненія: первые, по своему составу, слишкомъ далеки отъ всякой системы, да притомъ затрогиваютъ интересы отдѣльныхъ личностей; вторыя, представляя въ рѣдкихъ случаяхъ дѣйствительно очень цѣнныя и добросовѣстныя изслѣдованія, въ большинствѣ случаевъ являются сомнительными компиляціями, далеко не знакомятъ съ положеніемъ извѣстной науки въ ея цѣломъ, рѣдко вводятъ въ методологію серьезнаго научнаго изслѣдованія, что не мѣшаетъ многимъ авторамъ подобныхъ произведеній проникаться своеобразнымъ учено-литераторскимъ самоинтересомъ. Этимъ мы совсѣмъ не хотимъ подрывать громаднаго значенія письменныхъ работъ для общаго интеллектуальнаго развитія, но желаемъ только сказать, что при современномъ поло-

женіи дѣла въ духовныхъ академіяхъ занятія этого рода далеко не достигаютъ поставленной цѣли.

VI.

Этихъ общихъ замѣчаній мы считаемъ достаточнымъ для краткой характеристики учено-учебнаго дѣла въ духовныхъ академіяхъ. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о современномъ административномъ режимѣ въ высшей духовной школѣ, поскольку этотъ режимъ имѣетъ отношеніе къ ученымъ и учебнымъ цѣлямъ духовныхъ академій, такъ какъ главное назначеніе его, повидимому, усматривается въ его воспитательномъ воздѣйствіи, а этотъ вопросъ въ настоящее время не можетъ быть предметомъ обстоятельнаго обсужденія съ нашей стороны. Какъ извѣстно, ректоромъ академіи можетъ быть только лицо духовнаго сана (архимандритъ или протоіерей), причемъ въ послѣднія пятнадцать-двадцать лѣтъ ректорами академій являются почти исключительно монашествующія лица. Что касается ихъ ученаго ценза, то по уставу 1884 года для нихъ совсѣмъ не указана богословская степень, которой они должны удовлетворять,—во всякомъ случаѣ это не степень доктора, которая требовалась по уставу 1868 года, ибо ни одинъ изъ настоящихъ ректоровъ академій не имѣетъ этого ученаго отличія. Конечно, этому пониженію научныхъ требованій, предъявляемыхъ къ начальнику высшаго духовнаго учебнаго заведенія, едва ли можно сочувствовать, тѣмъ болѣе что и магистерство нѣкоторыхъ изъ нихъ нисколько не свидѣтельствуетъ о ихъ близкомъ знакомствѣ съ богословской наукой, и еще менѣе говорить о безкорыстномъ и преданномъ служеніи ей. Нерѣдко ректоромъ академіи дѣлается очень посредственный преподаватель семинаріи, съ трудомъ получившій магистерскую степень, или даже магистръ по старому уставу академій (до 1868 года), въ свое время даже не напечатавшій и не защитившій магистерской диссертациі. Разумѣется, такіа лица относятся къ истинному культивированію науки только съ индифферентизмомъ или даже съ пренебреженіемъ, ибо не могутъ подняться до болѣе широкаго взгляда на богословское знаніе—или въ силу своей ограниченности, или просто вслѣдствіе совершенной отсталости отъ всякой науки. Но и такое неблагоприятное отношеніе къ истинно научному развитію богословскаго знанія въ дѣйствительности не отражается очень губительными послѣдствіями, такъ какъ трудно такому, самому по себѣ болѣею

частью ограниченному начальнику, хотя и облеченному очень большою властью, поколебать тотъ характеръ научной работы (правда, можетъ быть, не особенно высокой), который уже сложился въ той или другой академіи въ теченіе продолжительной коллегіальной дѣятельности ея преподавателей. Но едва ли можно отрицать, что при такомъ начальствѣ могутъ преимущественно процвѣтать тѣ отрицательные типы академическаго профессора, о которыхъ у насъ была рѣчь раньше. Гораздо больше отрицательныхъ послѣдствій монашескаго режима можетъ быть въ отношеніи воспитанія, но мы пока не намѣрены подробно обсуждать этотъ вопросъ. Мы только свяжемъ, что монашествующіе администраторы далеко не всегда могутъ быть идеальными воспитателями. Уже давно стало truизмомъ, что примѣръ—лучшій воспитатель, а между тѣмъ администраторы духовныхъ академій далеко не всегда могутъ служить образцами, достойными подражанія. Стоитъ только упомянуть о такихъ идолахъ, которые стоятъ въ сердцахъ ихъ, какъ честолюбіе и властолюбіе, чтобы видѣть, что они не могутъ быть учителями смиренія. Далѣе, вознесенные на высоту положенія, часто исключительно благодаря монашескому сану, они иногда слишкомъ злоупотребляютъ своимъ постомъ, склоняя вѣранныхъ ихъ воспитанію юношей послѣдовать ихъ собственному примѣру и увлекая, такимъ образомъ, ихъ приманками предстоящей имъ власти и силы. Впрочемъ, нужно сознаться, что чары эти оказываются дѣйственными только по отношенію къ единичнымъ личностямъ; большинство же студентовъ способны устоять предъ этими оболъщеніями, тѣмъ болѣе, что, въ силу сравнительно поздняго поступленія въ академію, у многихъ изъ нихъ уже успѣваютъ сложиться опредѣленные взгляды на жизнь. Но все-таки за нѣкоторые слабые характеры, которые не могли остаться равнодушными къ раскрываемымъ имъ перспективамъ широкой дѣятельности и въ то же время извѣстнымъ жизненнымъ преимуществамъ, начальники академій понесутъ нравственную отвѣтственность, такъ какъ они слишкомъ легко смотрятъ на такой шагъ, какъ монашество, откуда уже трудно возвратиться юношѣ, пришедшему къ сознанию слабости своихъ душевныхъ силъ и непобѣдимости нѣкоторыхъ изъ своихъ инстинктовъ. Какъ бы то ни было, отрицательные плоды монашеской администраціи могутъ сильнѣе обнаруживаться по отношенію къ средней и низшей школѣ, чѣмъ въ отношеніи студентовъ академій, въ которыхъ эти специфическія тенденціи могутъ встрѣчать довольно сильную и иногда трудно побѣдимую реакцію.

Но объ этомъ у насъ будетъ рѣчь ниже, а теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о воспитательномъ режимѣ въ академіи.

VII.

Какъ извѣстно, въ интересахъ достиженія опредѣленныхъ цѣлей воспитанія, которыя указываются учащемуся въ высшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ юношеству, — въ академіяхъ существуютъ интернаты, а внѣ стѣнъ академіи студенты могутъ жить только у родителей. Эта мѣра не достигаетъ своихъ цѣлей: и въ стѣнахъ закрытаго учебнаго заведенія, иногда за крѣпкими запорами, юношество счумѣетъ жить такъ, какъ это свойственно его возрасту, присоединяя иногда сюда нѣкоторыя специфическія, часто отрицательныя явленія, которыми вообще характеризуются закрытыя учебныя заведенія. Да и странно изолировать отъ разныхъ внѣшнихъ вліяній лицъ, которыя по своему возрасту вполне способны самостоятельно относиться къ этимъ воздѣйствіямъ окружающей среды, и въ силу своего дальнѣйшаго служенія (напримѣръ, въ качествѣ священника) часто принуждены бываютъ стоять въ центрѣ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ вліяній. Между тѣмъ, необходимость жить всѣмъ студентамъ въ академическихъ зданіяхъ естественно сокращаетъ число студентовъ академіи, что едва ли желательно въ интересахъ церкви. Мы никакъ не можемъ понять, какимъ образомъ увеличеніе лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ можетъ оказаться излишнимъ или вреднымъ, — а, повидимому, высшая духовная администрація держится именно этого взгляда, разъ она въ недавнее время издаетъ запрещеніе принимать въ число студентовъ академіи женатыхъ священниковъ (повидимому, и женатый священникъ, живущій внѣ академическихъ зданій, не застрахованъ отъ нѣкоторыхъ тяжелыхъ подозрѣній). По нашему мнѣнію, двери академіи должны быть открытыми для возможно большаго числа желающихъ, безъ всякаго различія сословій и состояній. Не нужно только понижать научныхъ требованій при поступленіи въ академію, что, къ сожалѣнію, и наблюдалось немного лѣтъ тому назадъ при усиленномъ наплывѣ въ духовныя академіи свѣтскаго элемента. Въ то время попадало въ академіи, въ качествѣ вольнослушателей, пользовавшихся всѣми правами студентовъ и не несшихъ никакихъ обязанностей послѣднихъ, очень много почти сомнительныхъ личностей, которыя впоследствии могли скомпрометировать свою alma mater. Очень жаль, если этотъ прецедентъ

повліялъ на отрицательное рѣшеніе по отношенію къ женатымъ священникамъ, большинство которыхъ не имѣеть ничего общаго съ упомянутыми авантюристами.

VIII.

Этимъ исчерпываются наши замѣчанія о современномъ положеніи духовныхъ академій. Въ своемъ краткомъ очеркѣ мы касались преимущественно темныхъ сторонъ этого типа учебныхъ заведеній, что вполне понятно, такъ какъ мы имѣли въ виду обратить вниманіе именно на эти отрицательныя явленія, которыя должны быть устранены въ ближайшее же время. Устраненіе нѣкоторыхъ изъ этихъ явленій можетъ произойти безъ особеннаго потрясенія основаній высшей духовной школы, но большинство изъ указанныхъ недостатковъ могутъ быть искоренены только при условіи радикальной реформы этихъ учебныхъ заведеній. Мы не считаемъ себя призванными указывать здѣсь планъ этихъ коренныхъ преобразованій, но намъ кажется, что главное — если не единственное средство въ данномъ случаѣ — это преобразование нашихъ академій по типу богословскихъ факультетовъ. Разумѣется, тогда не будетъ смысла въ существованіи академій, въ видѣ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній, а они должны слиться съ университетами путемъ присоединенія къ существующимъ въ нихъ факультетамъ новаго — богословскаго. Только такимъ путемъ можетъ быть обезпечена свобода научнаго изслѣдованія и преподаванія, когда профессоръ не будетъ чувствовать надъ собою „дамоклова“ меча духовно-академической цензуры. Только здѣсь теперешній профессоръ академіи можетъ оказаться ученымъ съ болѣе широкимъ кругозоромъ, отрѣшиться отъ изолированности своего прежняго положенія; здѣсь же онъ всегда легче можетъ пополнить свои знанія по смежнымъ специальностямъ, что не всегда возможно при часто наблюдаемой разобщенности академическихъ и университетскихъ профессоровъ. Главное же, здѣсь профессоръ не будетъ вынужденъ скрывать мысли и продѣлывать тѣ *tour de force*, которые такъ нѣрѣдко можно встрѣтить въ академіи. Что касается студентовъ, то они такъ же утратятъ нѣкоторыя отрицательныя черты специально-академическаго бурша и усвоятъ лучшія стороны университетскаго слушателя. Среди нихъ труднѣе будетъ встрѣтить двѣ, такъ часто наблюдаемыя крайности: или крайнее самоиѣніе, или, наоборотъ, слишкомъ презрительное представленіе не только о духовномъ

студенчествѣ, но и вообще объ академической наукѣ и о всемъ академическомъ строѣ. Научныя стремленія студентовъ, выходящія за предѣлы академической науки, также всегда здѣсь могутъ найти полное удовлетвореніе, и студенты богословскаго факультета не будутъ принуждены въ этихъ случаяхъ довольствоваться плохими компиляціями по естественнымъ или общественнымъ наукамъ, каковыя книжки съ жадностью поглощаются нѣкоторыми изъ нихъ въ академіи, при отсутствіи вполне компетентнаго руководства. Легче будетъ тогда переходъ съ богословскаго факультета на другіе и обратно, и мы не думаемъ, чтобы первый обѣднѣлъ слушателями: при хорошей постановкѣ всегда найдутся усердныя и совсѣмъ не подневольныя (какъ это иногда бываетъ въ академіи) студенты. Такимъ образомъ, отъ подобнаго положенія дѣла выиграютъ всѣ: и культивирующіе науку, и усвоющіе ея результаты. При этомъ едва ли можно думать, что тогда, вслѣдствіе болѣе свободной разработки церковно-богословской науки, явится слишкомъ смѣлое отношеніе ко многимъ устарѣвшимъ традиціямъ, что можетъ произвести нѣкоторый соблазнъ среди нашего, слишкомъ маловультурнаго общества. Соблазнъ этотъ гораздо больше теперь, когда объективность академической науки уже нѣсколько заподозрѣна представителями аналогичныхъ кафедръ (напримѣръ, церковной исторіи, каноническаго права и т. д.) въ университетахъ, и когда выводы профессоровъ въ обоихъ ученыхъ учрежденіяхъ бываютъ иногда весьма различны, естественно склоняя большинство публики на сторону свѣтской науки. Едва ли также справедливо и другое опасеніе при новомъ порядкѣ: будто бы будетъ трудно пополнить ряды пастырей и ихъ руководителей—архипастырей. Но почему же будетъ мало достойныхъ священниковъ и архіереевъ съ богословскихъ факультетовъ? При вполне добровольномъ пополненіи этихъ отдѣленій университетовъ всегда можно будетъ встрѣтить болѣе достойныхъ кандидатовъ священства и архипастырства, и даже непосредственно по выходѣ изъ университета они могутъ оказаться нѣсколько не менѣе подготовленными, чѣмъ воспитанники академій. Если же у нихъ не будетъ того, что предполагается даннымъ, благодаря условіямъ академическаго интерната, то вѣдь, во-первыхъ, вліяніе этого рода общежитія не всегда благотворно, и мы имѣемъ теперь архипастырей, не бывшихъ въ академіи и однако стоящихъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и по духу своей дѣятельности выше академическихъ воспитанниковъ; во-вторыхъ, тѣ исключительныя черты, необходимыя для пастыря и архипастыря, которыя предполагаются создаваемыми не столько

благодаря общему строю преподаванія, сколько вслѣдствіе особыхъ условій воспитанія, возможно будетъ образовать благодаря новому типу школъ, въ которыя будутъ поступать желающіе принять духовный санъ уже по окончаніи университетскаго курса. Специалисты могутъ рѣшить вопросъ, какъ въ этихъ школахъ должно быть поставлено дѣло воспитанія, которое уже будетъ прямымъ приготовленіемъ къ пастырскому служенію.

IX.

Учебными заведеніями, подготовительными для академій, являются семинаріи, хотя у нихъ есть и своя специальная цѣль — готовить кандидатовъ священства. Въ свою очередь, семинаріи принимаютъ учениковъ духовныхъ училищъ, и эти послѣдніе находятся приблизительно въ такомъ же отношеніи къ семинаріямъ, какъ прогимназіи (4-хъ-классныя) къ гимназіямъ (съ 5-го класса). Такимъ образомъ, курсъ училищъ и семинарій есть нѣчто цѣльное, и потому трудно разсматривать эти учебныя заведенія вполнѣ изолированно другъ отъ друга. Училищно-семинарскій курсъ продолжается десять лѣтъ (четыре въ училищѣ и шесть въ семинаріи). Мы думаемъ, что большинство читателей согласится съ тѣмъ, что такой срокъ обученія въ средней школѣ слишкомъ продолжителенъ. Крайняя продолжительность его обнаруживается одинаково, будемъ ли мы разсматривать семинаріи, какъ общеобразовательныя учебныя заведенія, подготовляющія къ поступленію въ высшія свѣтскія училища, или какъ подготовительныя заведенія для академій, или, наконецъ, какъ учебныя учрежденія, готовящія исключительно кандидатовъ священства. Съ первой изъ точекъ зрѣнія, училищно-семинарскій курсъ на два года длиннѣе курса проектированной новой гимназіи (восьмилассной), и мы совсѣмъ не видимъ нужды удлиннять его до десяти лѣтъ. Еще меньше смысла такъ растягивать курсъ въ цѣляхъ духовной академіи, гдѣ многія изъ предметовъ весьма сходны съ семинарскими, а успѣшно усвоить эти предметы, несомнѣнно, могутъ молодые люди, прошедшіе и восьмилетовой курсъ, если только онъ умѣло организованъ. Такимъ образомъ, остается защищать существующее десятилѣтіе только какъ болѣе подходящій учебный срокъ для кандидатовъ священства, которые иногда со школьной скамьи вступаютъ въ жизнь, да еще въ такомъ отвѣтственномъ положеніи. Но, прежде всего, такіе случаи въ настоящее время сравнительно рѣдки, и теперь окончившіе курсъ въ семинаріяхъ опредѣляются въ свя-

ценности большею частью уже послѣ нѣсколькихъ лѣтъ учительства. Затѣмъ, если такая продолжительность курса желательна для будущихъ пастырей, то необходимо, чтобы этотъ длинный курсъ какъ можно больше соответствовалъ своему назначенію, и, главное, чтобы въ немъ по возможности былъ отдѣленъ богословскій элементъ отъ общеобразовательнаго. Несмотря на специальное положеніе семинарій, присутствіе значительнаго общеобразовательнаго элемента въ курсѣ низшихъ и среднихъ духовныхъ учебныхъ заведеній лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія. По уставу 1867 года, элементъ этотъ былъ довольно опредѣленно разграниченъ отъ специально богословскаго курса, который начинался въ пятомъ классѣ семинарій. Уставъ 1884 года нарушилъ этотъ принципъ опредѣленности и разсѣялъ богословскія науки по всему курсу. Не только въ специальной, но и въ общей литературѣ уже раздавались голоса, осуждавшіе эту мѣру, какъ въ высшей мѣрѣ нецѣлесообразную. Благодаря такой реформѣ, отношеніе между нѣкоторыми предметами стало самое неестественное, и тѣ свѣтскія науки, которыя должны были считаться преподавательскими для богословскихъ предметовъ, стали изучаться позже этихъ послѣднихъ: такъ, философія, близкое знакомство съ которой такъ важно для успѣшнаго пониманія основнаго богословія и церковной исторіи—особенно въ ея патристическій періодъ—изучается уже послѣ ознакомленія съ этими богословскими науками, что дѣлается только въ угоду мнимой цѣльности курса.

Теперь обратимъ вниманіе на составъ общеобразовательнаго курса семинарій и училищъ, и уже послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній по этому предмету сдѣлаемъ краткій обзоръ преподаванія богословскихъ наукъ.

Х.

Если давать характеристику современной духовной школы, пользуясь общеупотребительной терминологіей, то, въ виду преобладающихъ элементовъ въ составѣ общеобразовательнаго курса, ее можно назвать классической. Особенно это нужно сказать о духовныхъ училищахъ, гдѣ на четыре (или, вѣрнѣе, три класса, такъ какъ въ первомъ классѣ нѣтъ древнихъ языковъ) полагается 16 уроковъ латинскаго языка и столько же—греческаго. Въ семинаріяхъ этотъ классическій элементъ подавляется специально богословскимъ, однако и тамъ, на протяженіи, правда, шести классовъ, мы встрѣчаемъ по 14-ти уроковъ латинскаго и грече-

скаго языковъ. Вполнѣ признавая большое общеобразовательное значеніе классическихъ языковъ и считая знаніе ихъ очень важнымъ для пастыря въ его специальныхъ цѣляхъ (имѣя въ виду оригиналы Священнаго Писанія и святоотеческихъ твореній), мы все-таки не можемъ сказать, чтобы изученіе классическихъ языковъ въ духовной школѣ достигало своей цѣли. Причины этого—въ неудовлетворительной постановкѣ названныхъ предметовъ. Прежде всего способъ изученія ихъ, особенно въ училищахъ, преимущественно грамматическій, такъ что по выходѣ изъ училища ученики еще слишкомъ мало бывають знакомы съ текстомъ классиковъ. Да и грамматическій матеріалъ усвоится далеко не удовлетворительно, несмотря на сравнительно большое количество уроковъ. Объясняется это, между прочимъ, тѣмъ, что изученіе обоихъ древнихъ языковъ начинается со второго класса, когда ученики еще слишкомъ плохо усвоили русскую грамматику, и преподавателямъ-классикамъ нерѣдко приходится опережать въ своихъ разъясненіяхъ коллегу-учителя русскаго языка. Въ семинаріяхъ не чувствуется гнета грамматизма, но зато и вообще древніе языки находятся тамъ въ загонѣ, подавляемые специально богословскими предметами. Прочитывается изъ классиковъ слишкомъ мало, а въ старшихъ классахъ и число уроковъ крайне ограничено (одинъ въ недѣлю, хотя уже съ третьяго класса полагается всего два). Результаты такого положенія, разумѣется, очень печальны, и современная семинарія не воспитываетъ такихъ классиковъ, какими бывало большинство старинныхъ семинаристовъ (хотя это достигалось слишкомъ дорогою цѣною своеобразнаго естественнаго и искусственнаго отбора). Правда, и теперь иногда попадаются въ семинаріяхъ знатоки языковъ, но это блестящія исключенія, филологи по призванію, между тѣмъ какъ значительная часть оканчивающихъ курсъ отвѣчаетъ даже на экзаменахъ по подписанному тексту.

Что касается другихъ общеобразовательныхъ предметовъ, то, по отношенію къ училищу, прежде всего бросается въ глаза крайняя бѣдность общеобразовательнаго элемента. Кромѣ русскаго языка и ариметики, мы встрѣчаемъ тамъ только географію, да и та проходитъ тамъ всего въ двухъ классахъ. Совершенно отсутствуетъ исторія (хотя бы эпизодической курсъ), элементы естествознанія, рисованіе, новые языки. Если курсъ младшихъ классовъ классическихъ гимназій казался намъ до чрезвычайности сухимъ и скучнымъ, то что же можно сказать о духовныхъ училищахъ? Гдѣ здѣсь мѣсто живому, пытливому уму или особенно богатому дѣтскому воображенію? Тяжелое впечатлѣніе отъ этого

курса еще болѣе усилится, если мы вспомнимъ, что изъ 19-ти уроковъ русскаго языка (на всѣ четыре класса) не менѣе семи отводится на изученіе славянскаго языка, который, будучи преподаваемъ въ такой обильной дозѣ съ перваго класса, въ концѣ концовъ внушаетъ къ себѣ отвращеніе не меньше, чѣмъ латынь и греческій языкъ.

Что касается семинарій, то здѣсь, повидимому, положеніе другихъ (кромѣ древнихъ языковъ) общеобразовательныхъ предметовъ стоитъ нѣсколько лучше. Тамъ достаточно уроковъ по исторіи русской литературы и теоріи словесности, гражданской исторіи, по которой, въ отличіе отъ положенія этого предмета въ гимназіяхъ, существуютъ письменныя работы, — математикѣ, хотя положеніе этой послѣдней значительно ухудшилось по уставу 1884 г. Такъ, теперь совершенно устраниена изъ семинарскаго курса тригонометрія и какъ-то совсѣмъ странно сокращена программа по алгебрѣ. Въ неудовлетворительномъ положеніи также находится физика, на которую всего удѣляется три урока ¹⁾. Совершенно отсутствуютъ въ курсѣ семинаріи такія общеобразовательныя науки, какъ исторія всеобщей литературы, естествознаніе, основанія общественно-юридическихъ наукъ, знакомство съ которыми важно для будущаго священника и по практическимъ соображеніямъ. Новыя языки преподаются факультативно, да и то только въ теченіе трехъ лѣтъ. Далеко не удовлетворительно поставленъ и такой, правда, нѣсколько специальный, но въ то же время связанный съ нѣкоторыми общеобразовательными науками, предметъ, какъ дидактика, при чемъ почему-то почти совсѣмъ игнорируются методики, важность которыхъ для предстоящаго учительства лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но въ семинарской программѣ есть циклъ наукъ, присутствіе которыхъ даетъ важное преимущество этой программѣ не только по сравненію съ курсомъ классической гимназіи, но и въ отношеніи проектированной средней школы, — программа которой, повидимому, охватываетъ всѣ общеобразовательныя предметы. Мы разумѣемъ философскія науки. Большое развивающее значеніе философскихъ дисциплинъ едва ли можетъ быть оспариваемо. Знакомство съ философскими ученіями, проникновеніе въ тончайшіе изгибы человѣческой мысли, можетъ способствовать изощренію мышленія, выработкѣ очень гибкаго интеллекта, ко-

¹⁾ Преподавателями математики и физики въ послѣднее время стали назначать кандидатовъ академіи, которые заканчиваютъ свое математическое образованіе въ третьемъ классѣ семинарій. Хорошо, если эта мѣра только временная, вынужденная отсутствіемъ настоящихъ преподавателей (съ университетскимъ образованіемъ).

торый можетъ успѣшно оперировать въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ человѣческаго вѣдѣнія. Знакомство съ данными психологій, доставляя свѣдѣнія о нашей духовной природѣ, вообще расширяетъ нашъ умственный кругозоръ и въ то же время имѣетъ важное практическое значеніе, вскрывая тѣмъ самымъ теченіе душевныхъ процессовъ и позволяя иногда пользоваться знаніемъ законовъ психической жизни въ нашихъ личныхъ цѣляхъ. Изученіе основныхъ процессовъ нашей умственной дѣятельности, — съ чѣмъ имѣетъ дѣло логика, — кромѣ формально развивающаго значенія, плодотворно и въ томъ отношеніи, что оно помогаетъ разобратся намъ въ методахъ научнаго изслѣдованія и тѣмъ предохранить отъ многихъ ошибочныхъ умозаключеній. Наконецъ, тѣ синтетическія тенденціи, которыя лежатъ въ основаніи болѣе извѣстныхъ системъ новѣйшей философіи, стремящейся объединить точныя результаты науки съ данными философскаго анализа, лучше всего способствуютъ выработкѣ стройнаго міросозерпанія, котораго трудно достигнуть при изолированномъ изученіи даже наиболѣе развивающихся дисциплинъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы преподаваніе и этихъ наукъ было поставлено въ семинаріяхъ должнымъ образомъ. Прежде всего, слишкомъ мало времени отводится на курсъ философіи, — всего три часа въ недѣлю, — между тѣмъ, курсъ этотъ состоитъ изъ начальныхъ основаній философіи и изъ исторіи философіи, причемъ на послѣднюю не можетъ быть удѣлено больше одного часа. Благодаря этому, исторія философіи въ дѣйствительности или совсѣмъ не проходитъ, или проходитъ въ такой сжатой формѣ, что въ головахъ учащихся ничего не остается, кромѣ сухихъ рубрикъ и мало связанныхъ между собою афоризмовъ; о знакомствѣ же съ самыми сочиненіями философовъ почти не можетъ быть и рѣчи. Преподаваніе основаній философіи страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что разсмотрѣніе философскихъ проблемъ получаетъ одностороннее теологическое освѣщеніе, которое едва ли вызывается существомъ дѣла, а между тѣмъ подрываетъ довѣріе въ семинарской философіи, когда воспитанникъ впоследствии болѣе близко познакомится со строго-научными сочиненіями по философіи. Психологія, несмотря на болѣе конкретное содержаніе, преподается въ семинаріяхъ большею частью по довольно устарѣвшимъ руководствамъ, въ метафизическомъ духѣ, хотя теперь есть очень хорошія вполне научныя пособія по этому предмету и на русскомъ языкѣ. Преподаваніе логики также нѣсколько схоластично, — въ ней мало мѣста удѣляется логикѣ индукціи; положенія этой науки недостаточно иллюстри-

руются конкретнымъ матеріаломъ, методологическая прикладная часть проходится слишкомъ бѣгло. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, преподаваніе философскихъ наукъ въ семинаріи приносить результаты гораздо меньшіе, чѣмъ можно бы было ожидать, и объ этомъ свидѣтельствуютъ отчеты духовныхъ академій, говоря о вступительныхъ экзаменахъ семинаристовъ.

XI.

Въ какомъ положеніи находятся теперь богословскія науки? Богословскихъ предметовъ въ семинаріяхъ и училищахъ слишкомъ много, но это не значитъ, чтобы именно богословскія знанія были особенно обширны и глубоки у воспитанниковъ семинарій. Количество труда и масса времени, затрачиваемые на изученіе этихъ предметовъ, мало оправдываются достигаемыми результатами. Наоборотъ, слишкомъ большое число богословскихъ наукъ, разсѣянныхъ по всему курсу, какъ разъ ведетъ къ совершенно нежелательнымъ послѣдствіямъ. Въ семинарской программѣ слишкомъ много повтореній, совпаденій въ изложеніи наукъ, и часто случается, что одинъ и тотъ же предметъ трактуется и въ катехизисѣ, и въ церковномъ уставѣ, и въ литургикѣ, и въ пастырскомъ богословіи, и, наконецъ, въ дидактикѣ и въ нравственномъ богословіи. Благодаря этому, нерѣдко является чувство отвращенія къ этому въ высшей степени однообразному матеріалу, обработанному при этомъ часто очень схоластическимъ способомъ. Гдѣ же здѣсь мѣсто для чувства глубокой любви къ наукѣ, увлеченія религиознымъ знаніемъ, каковое чувство должно было бы согрѣвать душу пастыря въ теченіе всей его жизни, не давая ему погрузиться въ холодныя волны житейскаго моря? Въ силу такого положенія богословскихъ наукъ семинаристы, прошедшіе полный курсъ, очень мало бываютъ знакомы съ тѣмъ, что имъ нужно больше всего. Такъ, они не выносятъ изъ семинаріи даже хорошаго знанія свято-отеческой литературы, мало начитаны въ лучшихъ произведеніяхъ золотого періода богословскаго творчества, все равно какъ они не всегда хорошо знакомы съ выдающимися трудами новѣйшихъ проповѣдниковъ. Между тѣмъ болѣе близкое знакомство съ свято-отеческими твореніями важно совсѣмъ не для оправданія нѣкоторыхъ отжившихъ традицій (къ сожалѣнію, для этой цѣли этими произведеніями чаще всего пользуются), сколько для образованія въ будущихъ пастыряхъ того высшаго морально-религознаго на-

строенія, которымъ были проникнуты въ первые вѣва христіанства лучшіе представители пастырства. Что касается такихъ богословскихъ наукъ, какъ церковная исторія, основное богословіе, богословіе догматическое и нравственное, толкованіе Священнаго Писанія и т. д., то преподаваніе этихъ предметовъ не можетъ стоять въ семинаріи на истинно-научномъ уровнѣ въ силу тѣхъ же условій, которыя задерживаютъ расцвѣтъ этихъ наукъ въ академіяхъ. Здѣсь мы должны отмѣтить одну положительную черту при преподаваніи богословскихъ наукъ, которая, несомнѣнно, дѣйствуетъ все-таки развивающимъ образомъ, несмотря на общій схоластицизмъ, который господствуетъ при этомъ преподаваніи,—это домашнія письменныя работы. Большого развивающаго значенія этихъ упражненій никакъ нельзя отрицать, такъ какъ та гибкость ума, которая культивируется изученіемъ философскихъ наукъ, находитъ здѣсь для себя примѣненіе, и только желательно, чтобы эта діалектика имѣла дѣло съ болѣе цѣннымъ и въ научномъ отношеніи матеріаломъ. Но какъ бы то ни было, положеніе богословскихъ предметовъ въ семинаріи также не можетъ почитаться удовлетворительнымъ и требуетъ серьезной реорганизации.

XII.

Если мы, послѣ этого краткаго обзорѣнія семинарскаго преподаванія, зададимъ себѣ вопросъ объ общемъ умственномъ развитіи семинаристовъ сравнительно съ воспитанниками другихъ средне-учебныхъ заведеній (гимназистовъ и реалистовъ), то можемъ ли отдать предпочтеніе семинаристамъ? Нѣкоторые съ легкимъ сердцемъ отвѣтятъ: „да“,—но мы не рѣшаемся сдѣлать этого. Конечно, если дѣлать заключеніе по тѣмъ ученикамъ семинарій, которые поступаютъ въ высшія свѣтскія учебныя заведенія, гдѣ учатся реалисты и гимназисты, то, пожалуй, можно сдѣлать такое заключеніе. Но этотъ выводъ едва ли приложимъ ко всей массѣ оканчивающихъ курсъ семинаріи. Нужно имѣть въ виду, что вѣдь въ высшія свѣтскія учебныя заведенія поступаютъ наиболѣе талантливыя натуры, одаренныя къ тому же недюжинною силою воли, такъ какъ имъ придется выдержать борьбу за существованіе при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Затѣмъ, перевѣсъ ихъ въ занятіяхъ можетъ въ значительной степени зависѣть отъ тѣхъ личныхъ усилій, отъ той, такъ сказать, сверхъ-должной работы (лежащей внѣ семинарскаго программы), которую выпол-

няють эти энергичные люди, отдавая весь свой досугъ на усиленные труды по внѣшкольному образованію. Послѣднее имѣетъ тѣмъ болѣе шансовъ на преимущественный успѣхъ у семинаристовъ, что въ общій возрастъ ихъ гораздо выше возраста абитуриентовъ гимназій и реальныхъ училищъ, что вообще придаетъ имъ больше вдумчивости и настраиваетъ ихъ на болѣе серьезный тонъ въ отношеніи къ какимъ бы то ни было занятіямъ. Очевидно, здѣсь не можетъ идти въ счетъ объективное значеніе семинарскаго курса, какъ общеобразовательнаго фактора. Такимъ образомъ, если мы матеріаломъ для сравненія возьмемъ всѣхъ оканчивающихъ курсъ семинаристовъ, съ одной стороны, и гимназистовъ и реалистовъ—съ другой, то едва ли преимущество всегда останется на сторонѣ первыхъ: если лучшіе изъ семинаристовъ нерѣдко могутъ превосходить, по общему умственному развитію, гимназическихъ и реальныхъ медалистовъ, то довольно большая часть семинаристовъ можетъ поражать и своею неразвитостью, и относительною бѣдностью знаній сравнительно съ очень средними учениками гимназій и реальныхъ училищъ. Поэтому ярко выраженное сознаніе объективнаго превосходства семинаристовъ, которое можно встрѣтить у нѣкоторыхъ защитниковъ современнаго семинарскаго строя, намъ кажется ничѣмъ необоснованнымъ.

Едва ли также можно возражать противъ того, что успѣхъ преподаванія въ семинаріи, какъ и во всякомъ другомъ учебномъ заведеніи, въ значительной степени зависитъ отъ самихъ преподавателей и администраціи, поскольку послѣдней ввѣрено наблюденіе не только за воспитателями, но и за учебнымъ дѣломъ. Посмотримъ же, какъ обстоятъ въ этомъ отношеніи дѣла въ семинаріяхъ, насколько, такимъ образомъ, положеніе преподавателей способствуетъ осуществленію ихъ высокаго назначенія.

Мы уже говорили о подготовкѣ преподавателей духовно-учебныхъ заведеній, гдѣ, между прочимъ, упоминали, что въ этомъ отношеніи желательны нѣкоторыя улучшенія, тѣмъ болѣе, что когда человѣкъ уже приступитъ къ преподавательской дѣятельности, ему очень нелегко бываетъ пополнить пробѣлы образованія, которые обнаруживаются уже съ перваго раза. Такъ, у него и остается мало времени, и часто нѣтъ подходящихъ пособій, и отвлекаетъ масса практическихъ заботъ. О неудовлетворительности матеріальнаго положенія преподавателя средне-учебнаго заведенія сказано было достаточно и въ общей литературѣ; мы же должны замѣтить, что судьба учителя семинаріи и особенно духовнаго училища горше положенія преподавателя гим-

назін или реального училища. Такъ, учителю семинаріи трудно имѣть очень большое количество уроковъ, такъ какъ часто онъ можетъ имѣть только такое количество часовъ, которое полагается для извѣстнаго предмета (напримѣръ, богословскіе предметы, философскія науки и т. п.). Преподаватель же училища, тотъ прямо прикрѣпленъ въ своему предмету, и учитель, напримѣръ, русскаго языка можетъ имѣть всего девять уроковъ въ недѣлю (тогда какъ въ гимназій ихъ можно имѣть до тридцати). Трудно найти добавочныхъ уроковъ и въ какомъ-нибудь другомъ учебномъ заведеніи, а для преподавателя уѣзднаго училища это часто совершенно невозможно, ибо во многихъ уѣздныхъ городахъ нѣтъ учебныхъ заведеній выше приходскихъ училищъ.

Затѣмъ, важно отмѣтить почти безправное положеніе преподавателей семинарій и училищъ. Очень недалеко то время, когда педагогическіе совѣты принимали активное участіе въ избраніи семинарской и училищной администраціи, а теперь эта администрація имѣетъ право приглашать или не приглашать преподавателей на специально педагогическія собранія ¹⁾. Положеніе училищныхъ преподавателей отягчается еще однимъ обстоятельствомъ, вытекающимъ изъ факта взаимныхъ отношеній между училищами и семинаріями. Мы разумѣемъ въ частности пріемные экзамены въ семинарію, возстановленные въ 1900 году. Мы уже не говоримъ о педагогической нецѣлесообразности этой мѣры, которая является полнымъ анахронизмомъ для нашего времени, когда вполне признана несостоятельность экзаменовъ, какъ контролирующаго средства. Скажемъ только, что это возвращеніе къ старому порядку въ высшей степени оскорбительно для преподавателей училищъ, которые, по своему развитію и, главное, по своимъ стремленіямъ, часто, какъ болѣе молодые и интеллигентные люди, стоятъ гораздо выше уже затянутыхъ тиною рутины и покрытыхъ плѣсенью преподавателей семинарій. Въмѣсто того, чтобы взглянуть въ корень вещей, всесторонне проанализировать условія, которыми объясняется пониженіе умственнаго уровня въ семинаріяхъ, духовное начальство бросилось на первую причину неуспѣшности, которая была подсказана ему болѣе апатичными преподавателями семинарій, желавшими только свалить отвѣтственность съ своихъ плечъ. Такое формальное отношеніе можно встрѣтить только въ духовномъ вѣдомствѣ. Этимъ послѣднимъ распоряженіемъ высшее духовное начальство только способствовало тому, чтобы болѣзнь

¹⁾ Только когда уже эти замѣтки были написаны, появилось распоряженіе духовной власти, въ силу котораго въ собраніяхъ правленія, обсуждающихъ педагогическіе вопросы, присутствуютъ всѣ преподаватели съ правомъ рѣшающаго голоса.

вошла въ глубь организма, и дальнѣйшій діагнозъ, а тѣмъ болѣе леченіе дѣлаются еще болѣе затруднительными. Мы уже не говоримъ о томъ, что въ упомянутомъ возвращеніи къ старымъ порядкамъ выражается то въ высшей степени анти-гуманное отношеніе къ школьникамъ, котораго не встрѣчается ни въ одномъ вѣдомствѣ. Если главную причину неуспѣшности учениковъ духовныхъ училищъ нужно видѣть въ небрежномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ учителей, то чѣмъ виноваты ученики? Когда-то еще и какъ можетъ получить возмездіе небрежный учитель, а вѣдь абитуриентамъ духовныхъ училищъ, только-что сдавшимъ довольно сложныя выпускныя испытанія при училищѣ, отравляются всѣ каникулы, — благодаря подготовкѣ къ семинарскимъ экзаменамъ, — и подрываются еще не окрѣпшія молодыя силы.

XIII.

Что сказать объ администраціи въ семинаріяхъ и училищахъ? Какъ извѣстно, начальникомъ семинаріи бываетъ ректоръ, лицо духовнаго сана, архимандритъ или протоіерей. Смотрителемъ училища можетъ быть и свѣтское лицо, хотя преимущество всегда отдается духовному. Что касается семинарскаго начальства, то повидимому, съ болѣе широкой точки зрѣнія, нужно отдать предпочтеніе протоіерею: лицо изъ блага духовенства, будучи само отцомъ семейства, должно болѣе подходить къ роли воспитателя. Это, дѣйствительно, такъ и должно бы быть, если бы начальниками семинарій были исключительно лица изъ блага духовенства, не принужденныя конкурировать съ монашествующимъ духовенствомъ. Не то мы видимъ теперь, когда большинство ректоровъ — архимандриты, между тѣмъ какъ протоіерей только какъ бы терпится. Послѣдніе, *implicite*, постоянно подозрѣваемые въ нѣкоторомъ либерализмѣ, дабы оправдать себя отъ всякихъ нареканий, иногда въ исполненіи своихъ обязанностей доходятъ до такого формализма, котораго чужды многіе архимандриты, такъ какъ уже одно монашеское званіе застраховываетъ ихъ отъ подозрѣнія въ какихъ-нибудь слишкомъ свободныхъ тенденціяхъ. То же самое можно сказать и о многіхъ смотрителяхъ духовныхъ училищъ, которые часто стремятся стать *plus royalistes, que le roi même*. Но этимъ мы совсѣмъ не хотимъ сказать, что монашествующая администрація является въ настоящее время болѣе желательною, чѣмъ начальство изъ блага духовенства или просто свѣтское. Отрицательныя черты, которыми характери-

зается монашеское управление, извѣстны. Извѣстны также и условия, преимущественно способствующія развитію этихъ отрицательныхъ явленій. Это прежде всего крайняя молодость и неопытность монашествующихъ администраторовъ. Только-что окончившій курсъ юноша 24 — 25 лѣтъ, совершенно не знающій жизни и совсѣмъ неопытный въ воспитательномъ дѣлѣ, назначается смотрителемъ училища или инспекторомъ семинаріи, а черезъ годъ, два — и ректоромъ. Такимъ образомъ, такому-то лишенному всякой опытности лицу ввѣряется руководство воспитательнымъ и учебнымъ дѣломъ въ большомъ заведеніи, гдѣ его вѣдѣнію подлежатъ почти одинаковаго съ нимъ возраста воспитанники и, конечно, гораздо старшіе его преподаватели. Какъ же здѣсь можетъ быть рѣчь о компетентномъ руководствѣ? А между тѣмъ молодой начальникъ, снабженный очень обширными служебными полномочіями, поставленный въ непосредственныя отношенія къ епархіальной власти, проникается сознаніемъ своего положенія, и иногда на первыхъ же порахъ своей дѣятельности позволяетъ себѣ явно деспотическія замашки. Разумѣется, эти послѣднія могутъ встрѣтить нѣкоторый, хотя и очень слабый отпоръ отъ подчиненныхъ этому администратору преподавателей, но этимъ съ самаго начала устанавливается антагонизмъ между ректоромъ и учителями, и напряженность начальнической ревности перваго доходитъ иногда до крайней степени. Это напряженное душевное состояніе обильно питается и другой эгоистической эмоціей, которую такъ часто можно встрѣтить у людей этого типа. Мы разумѣемъ честолюбіе. Всякій, кто хорошо знакомъ съ типомъ молодого ученаго монаха, знаетъ, что вся дѣятельность этихъ людей очень часто движется именно этимъ чувствомъ. Мысль о скоромъ повышеніи, о переходѣ съ одной административной дѣятельности на болѣе высокой постъ завладѣваетъ всѣмъ существомъ такого человѣка, и глубокою скорбью, доходящею до отчаянія, наполняется сердце его, если дѣятельность разбиваетъ его мечты. Впрочемъ, современная дѣятельность скорѣе оправдываетъ, чѣмъ разбиваетъ такія ожиданія, ибо предъ нами многочисленныя примѣры возведенія на очень отвѣтственные посты монаховъ — почти юношей. Всѣмъ извѣстно, какъ развивается этотъ духъ своеобразнаго духовнаго карьеризма у молодой монашеской администраціи. Знаемъ мы также, какъ губительно отзывается это быстрое движеніе по іерархической лѣстницѣ и на положеніи учебно-воспитательнаго дѣла, ибо нерѣдко въ очень короткій срокъ то или другое учебное заведеніе испытываетъ на себѣ административные эксперименты

нѣсколькихъ правителей иногда съ очень разнообразными взглядами. Разумѣется, едва ли можно ждать плодотворныхъ результатовъ въ воспитательномъ отношеніи отъ такихъ администраторовъ. Да и вообще положеніе дѣла воспитанія въ семинаріяхъ и училищахъ, по вашему мнѣнію, далеко не удовлетворяетъ своему назначенію. При многочисленности ученическаго состава какъ въ семинаріяхъ, такъ и въ училищахъ, и при централизаци дѣла воспитанія часто въ однѣхъ рукахъ, совсѣмъ невозможно та искренняя близость между начальникомъ и ученикомъ, которая служитъ залогомъ полной успѣшности воспитательской дѣятельности. Поэтому, взамѣнъ искренняго и сердечнаго отношенія, устанавливается крайній формализмъ, между воспитанникомъ и воспитателемъ роется пропасть, которая съ возрастомъ перваго становится все шире и шире. Этотъ формализмъ, соединенный съ наивной вѣрой въ дѣйствительность внѣшнихъ мѣръ, проникаетъ даже въ такіа сферы воспитательнаго воздѣйствія, гдѣ требуется самое деликатное и осторожное отношеніе, — и, разумѣется, результаты получаются какъ разъ обратные тѣмъ, какихъ желаютъ. Возьмемъ, на примѣръ, религиозное чувство. Извѣстно, какое значеніе въ культурѣ этой возвышенной эмоціи придается въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ принудительнымъ продолжительнымъ молитвамъ, такому же богослуженію, строгимъ постанамъ, и какъ часто, наперекоръ всѣмъ этимъ стараніямъ, мы встрѣчаемъ воспитанниковъ этихъ учебныхъ заведевій, проникнутыхъ кощунственнымъ отношеніемъ ко всѣмъ принадлежностямъ культа и исполненнымъ самаго анти-церковнаго духа; на основаніи довольно продолжительнаго опыта, мы знаемъ, что такое настроеніе часто создается у лицъ въ высшей степени впечатлительныхъ, въ ранніе годы очень религиозныхъ, но у которыхъ эта насильственная культура религиознаго чувства вызываетъ очень сильную и, конечно, въ высшей степени вредную реакцію. И все это потому, что воспитатели не хотятъ или не умѣютъ подойти съ истинно человѣческими чувствами къ сердцу, еще широко открытому для всего добраго. То же самое нужно сказать и о нравственномъ воспитаніи. Мы уже не говоримъ о такихъ средствахъ, какъ безпрестанные выговоры, запрещенія, подавленіе самостоятельности, что практикуется и въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, — въ духовныхъ есть, кромѣ того, нѣчто специфическое. Ложно понимая христіанскій принципъ смиренія, духовное начальство часто съ особенною настойчивостью старается внѣдрить въ сердцахъ своихъ питомцевъ чувство почтительности, доходящей до подобострастія

и униженія. Надежнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли считаются тѣ же внѣшнія мѣры, въ родѣ низкихъ поклоновъ, опущенныхъ долу глазъ и т. п. Разумѣется, результаты здѣсь такіе же, какъ и въ отношеніи къ религіозному чувству. Проходя по мрачнымъ корридорамъ семинарскихъ и въ особенности училищныхъ общежитій, вы очень часто можете видѣть этихъ жмущихся къ стѣнамъ или извивающихся въ безпрестанныхъ склоненіяхъ потомковъ прежнихъ неукротимыхъ бурсаковъ; но большинство изъ этихъ наружно гуттаперчевыхъ людей всегда готовы показать кулакъ или сдѣлать еще болѣе грубый жестъ за спиною своего начальника, передъ которымъ они такъ пресмыкаются.

Едва ли нужно говорить, что такіе воспитательные приемы, существующіе въ нѣкоторыхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, меньше всего способствуютъ выработкѣ характера въ хорошемъ смыслѣ слова. Намъ нерѣдко приходилось слышать что духовная школа (особенно старая) преимущественно содѣйствовала образованію твердыхъ и сильныхъ характеровъ. Мы не можемъ согласиться съ этимъ. Если силу характера понимать въ смыслѣ извѣстной закаленности, способности выдерживать иногда самыя неблагопріятныя условія внѣшней обстановки, продолжать свое умственное развитіе среди тяжелыхъ матеріальныхъ лишеній, — то въ такой силѣ характера нельзя отказать семинаристамъ, которые вынуждены проходить суровую житейскую школу. Но если подъ характеромъ разумѣть непреклонную силу воли, въ основаніи которой лежатъ прочныя нравственные мотивы, способность широкой инициативы въ связи съ организаторскимъ талантомъ, — то такихъ качествъ, думаемъ, очень мало въ бывшихъ воспитанникахъ духовно-учебныхъ заведеній. Наоборотъ, большинство изъ нихъ отличается нежелательною гибкостью характера, ведущею иногда къ очень сомнительнымъ компромиссамъ, нерѣшительностью, отсутствіемъ способности къ энергичной общественной дѣятельности, поверхностнымъ скептицизмомъ къ прогрессивнымъ движеніямъ въ обществѣ, причемъ въ основаніи этого скептицизма часто лежатъ очень невысокіе въ этическомъ отношеніи мотивы. Къ сожалѣнію, такія душевныя свойства можно встрѣтить иногда у болѣе талантливыхъ питомцевъ духовно-учебныхъ заведеній, въ родѣ, напримѣръ, профессоровъ университетовъ и духовныхъ академій. Что же касается обычныхъ кандидатовъ академій, то нравственная неустойчивость многихъ изъ нихъ поразительна. Мы знаемъ кандидата академіи, повидимому искренно видѣвшаго весь смыслъ своей жизни въ самоотверженной пастырской дѣятельности и въ послѣдніе дни академической жизни много говорив-

шаго объ этомъ,—однако, черезъ два-три мѣсяца послѣ окончанія курса, поступившаго въ акцизъ. Извѣстенъ намъ также другой кандидатъ, готовившійся въ монахи и за послѣднее время пребыванія въ академіи почти обратившійся въ аскета: этотъ почти сейчасъ же по окончаніи курса поступилъ въ вѣдомство государственнаго коннозаводства и быстро сдѣлалъ тамъ себѣ карьеру. И все это даже при отсутствіи всякихъ тяжелыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя хотя отчасти могли бы оправдывать такіе неожиданные повороты во взглядахъ на задачи своей дѣятельности. Мы уже не говоримъ о такихъ явленіяхъ, какъ принятіе священнаго сана или даже постриженіе въ монашество безъ глубокаго внутренняго влеченія и безъ продолжительнаго приготовленія къ этому важному шагу, гдѣ такъ поступающій можетъ сослаться на исключительныя условія,—хотя это совсѣмъ не оправданіе для истинно-нравственнаго характера.

Такимъ образомъ, и нравственное воспитаніе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ не можетъ считаться достигающимъ своей цѣли. Въ воспитанникахъ духовной школы далеко не часто развиваются и обыкновенныя человѣческія свойства, считающіяся принадлежностью культурнаго человѣка, не говоря уже о тѣхъ высокихъ нравственныхъ качествахъ, которыя должны быть достояніемъ истиннаго пастыря. И это, повидимому, несмотря на всѣ старанія воспитателей, которые стремятся создать специальную, по ихъ мнѣнію, въ высшей степени плодотворную систему воспитательнаго воздѣйствія. Въ цѣляхъ именно приближенія воспитанниковъ семинаріи къ идеалу пастыря, въ послѣднее время распространяются и поощряются интернаты для учениковъ семинарій и училищъ, и учащіеся въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ почти всѣ помѣщаются въ общежитіяхъ. Но намъ уже отчасти приходилось говорить о томъ формализмѣ, который господствуетъ въ этого рода пансіонахъ. Здѣсь же мы только должны замѣтить, что однимъ изъ главныхъ условій, способствующихъ, по мнѣнію руководителей воспитательнаго дѣла, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, созданію лучшихъ моральныхъ стремленій, считается изоляція, полная отрѣшенность интерновъ отъ всего, что дѣлается за стѣнами семинаріи. Мы знаемъ, что въ девятидесятыхъ годахъ только-что истекшаго столѣтія этотъ принципъ изоляціи въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ простирался до того, что семинаристамъ по цѣлымъ недѣлямъ не приходилось бывать за стѣнами общежитія. Мы уже не говоримъ о томъ, что имъ положительно невозможно было побывать въ театрѣ или концертѣ, ибо посѣщеніе этихъ мѣстъ считалось тягчайшимъ преступле-

ніемъ. Намъ приходилось также упомянуть о томъ, какъ ограниченъ бываетъ ассортиментъ книгъ, допускаемыхъ въ семинарскія и ученическія бібліотеки, и какія строгія мѣры принимаются для воспрепятствованія семинаристамъ посѣщать какія бы то ни было внѣсеминарскія книгохранилища. Едва ли нужно говорить, что всѣ эти мѣры изоляціи не достигаютъ своей цѣли: семинаристы достаютъ такія книги, которыя считаются запрещенными даже и для публичныхъ бібліотекъ, а взамѣнъ вполне облагораживающихъ развлеченій дозволяютъ иногда себѣ такія, которыя совсѣмъ не могутъ быть оправданы и не съ особенно высокой этической точки зрѣнія. Едва ли также нужно доказывать, что такая изоляція не можетъ имѣть своего *raison d'être* и съ точки зрѣнія предстоящей дѣятельности семинарскихъ воспитанниковъ: положеніе священника будетъ естественно ставить питомца семинаріи въ самыя разнообразныя отношенія къ окружающимъ людямъ, и поэтому широкое общее развитіе, связанное съ яснымъ пониманіемъ тѣхъ условій, среди которыхъ придется дѣйствовать будущему пастырю, можетъ только обезпечить успѣхъ его пастырскаго служенія.

XIV.

Такимъ образомъ, теперь мы можемъ сказать, что и дѣло воспитанія въ духовныхъ семинаріяхъ далеко не сопровождается тѣми результатами, которыхъ ожидаютъ отъ затрачиваемыхъ на него усилій. Объясняется это, между прочимъ, нецѣлесообразностью мѣръ, которыя употребляются для достиженія намѣченныхъ цѣлей, о чемъ намъ уже достаточно приходилось говорить въ только-что изображенномъ положеніи учебно-воспитательнаго дѣла въ духовной школѣ. Но здѣсь нужно упомянуть о главной и кардинальной причинѣ всѣхъ неуспѣшныхъ мѣропріятій — особенно въ воспитательномъ отношеніи — въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства. Мы разумѣемъ *кастовый* характеръ духовной школы, какъ подобный же характеръ и самого сословія. Всѣмъ, разумѣется, извѣстно, что духовное вѣдомство и пополняется почти исключительно дѣтми духовенства. Такимъ образомъ, эти послѣднія съ самаго ранняго возраста обрекаются на профессію своихъ отцовъ, и какъ бы предполагается, что имъ уже природно призваніе къ служенію въ духовномъ санѣ. Конечно, ошибочность такого предположенія разумѣется сама собою, и мы видимъ, что у дѣтей духовенства еще очень рано обнару-

живаются задатки къ такого рода дѣятельности, которая не имѣетъ ничего общаго съ профессіей ихъ родителей и предковъ. Эти наклонности къ другимъ сферамъ дѣятельности проявляются съ особенною силою въ юношескомъ возрастѣ, когда у каждаго нормальнаго юноши чувствуется особый подъемъ душевныхъ силъ, когда душа его охвачена неутомимой жаждой дѣятельности, и бьющій черезъ край запасъ душевной энергіи ищетъ свободнаго, широкаго выхода. А между тѣмъ такой выходъ очень ограниченъ: изъ средней духовной школы въ настоящее время очень трудно поступить въ высшее свѣтское учебное заведеніе, которое открываетъ путь къ желательной сферѣ дѣятельности. Правда, не особенно далеко то время, когда семинаристы, перешедши только въ пятый классъ, имѣли право поступленія во всѣ высшія учебныя заведенія. Но теперь далеко не то: въ настоящее время только студенты семинаріи принимаются въ нѣкоторые университеты на окраинахъ. Правда, въ высшія спеціальныя заведенія допускаются и вообще окончившіе курсъ въ семинаріяхъ, но поступить въ послѣднія удается очень немногимъ, въ виду недостаточной подготовки семинаристовъ по математикѣ. Духовное вѣдомство, вмѣсто того чтобы облегчить семинаристамъ этотъ переходъ въ свѣтскія заведенія, еще съ конца семидесятыхъ годовъ употребляло всѣ средства къ тому, чтобы задержать этотъ отливъ изъ вѣдръ касты. Многие думаютъ, что и сокращеніе курса по математикѣ по уставу 1884 года сдѣлано было не безъ этой особенной цѣли—затруднить переходъ семинаристовъ въ свѣтскую высшую школу. Да и теперь, когда право на поступленіе въ окраинные университеты дается первымъ разрядомъ, мы нерѣдко встрѣчаемъ у семинарскаго начальства тенденцію къ сокращенію числа перворазрядныхъ воспитанниковъ, чтобы тѣмъ самымъ удержать лучшія силы въ своемъ вѣдомствѣ. Но такая тактика едва ли достигаетъ своей цѣли: оставшіеся по неволѣ въ духовной каствѣ едва ли могутъ быть полезными и дѣятельными членами ея; наоборотъ, это насильственное задержаніе можетъ вызывать реакцію, очень неблагоприятную для предстоящей пастырской дѣятельности этого своеобразнаго узника. И дѣйствительно, хотя и рѣдко, однако мы встрѣчаемъ служителей церкви, далеко не вѣрящихъ во все, что имъ приходится проповѣдывать, и иногда рѣшающихся на очень тяжелый, хотя и самый естественный въ ихъ положеніи шагъ—снятіе духовнаго сана, что, какъ извѣстно, сопровождается очень тягостными послѣдствіями для ихъ послѣдующей жизни. Между тѣмъ, едва ли нужно особенно задумываться надъ средствомъ

противъ различныхъ печальныхъ явленій: для этого только стоило бы строго раздѣлить семинарскій курсъ на общеобразовательный и спеціальный, организовать первый по образцу другихъ средне-учебныхъ заведеній и облегчить доступъ въ спеціальные богословскіе классы воспитанникамъ другихъ школъ. Правда, видимо, и теперь духовныя школы — и общесословныя, и общедоступныя: доступъ въ нихъ никому не возбраненъ, и въ нихъ могутъ поступать дѣти различныхъ сословій. Дѣйствительно, семинарскій и училищный уставъ не препятствуетъ поступленію въ семинарію и училище дѣтямъ свѣтскихъ лицъ, но предпочтеніе, отдаваемое дѣтямъ духовенства, очевидно и тамъ. Въ послѣднее время замѣтна тенденція духовенства сдѣлать духовную школу исключительно достояніемъ касты: стоитъ лишь припомнить послѣднія постановленія съѣздовъ духовенства о значительномъ повышеніи платы за обученіе съ иносословныхъ воспитанниковъ и объ установленіи ограниченнаго процента свѣтскихъ учениковъ при поступленіи въ школу. Мы уже не говоримъ о томъ, что такія кастовыя тенденціи не могутъ находить для себя юридической основы: вѣдь духовныя учебныя заведенія содержатся почти исключительно на церковныя доходы (отъ продажи свѣчъ и кошельковые сборы), которые доставляются всѣми прихожанами независимо отъ сословнаго различія. Но, несомнѣнно, была бы большая выгода отъ прилива свѣтскаго элемента и для самого духовенства, какъ сословія. Вѣдь изъ другихъ сословій стремятся поступить въ духовную школу большею частью дѣти ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ, крестьянъ и т. д., причемъ родители направляютъ сюда только такихъ дѣтей, которыя обладаютъ бросающимися въ глаза интеллектуальными задатками: въ противномъ случаѣ, они всегда бы пустили ихъ по своимъ стопамъ и не дѣлали бы попытки вывести ихъ за рамки своей профессіи. Кромѣ того, родители и родственники этихъ учениковъ проникнуты очень глубокимъ уваженіемъ къ положенію священника, и дѣти ихъ на свое послѣдующее служеніе смотрятъ во всякомъ случаѣ болѣе возвышеннымъ взоромъ, чѣмъ дѣти священно-церковнослужителей, которые часто въ своихъ прихожанахъ видятъ источникъ дохода, а въ своей пастырской дѣятельности — неизбѣжную профессію. Такимъ образомъ, благодаря освѣженію духовнаго сословія черезъ привожденіе новаго элемента, могъ бы значительно повыситься умственный и нравственный уровень духовенства, и болѣе слабыя экземпляры этого сословія могли бы быть элиминированы. Нужда же въ такой элиминаціи чувствуется давнымъ-давно: стоитъ лишь вспомнить о

тѣхъ дѣтяхъ-дегенерантахъ родителей-алкоголиковъ или одержимыхъ другими дефектами, которыя, едва-едва окончивши духовное училище, вступаютъ въ кадры низшихъ церковнослужителей и даютъ жизнь еще болѣе слабому и болѣзненному потомству. Для подобныхъ дѣтей необходимо было бы устраивать ремесленные и низшія техническія школы, и тогда можно было бы спокойно удалять ихъ туда изъ низшихъ классовъ духовныхъ училищъ, между тѣмъ какъ, теперь они терпятъ здѣсь иногда до окончанія курса, — чѣмъ, разумѣется, значительно понижается общій умственный уровень учащихся и наносится значительный ущербъ дѣлу преподаванія.

Мы закончили свои бѣглыя замѣтки о современномъ положеніи духовной школы. Мы не думаемъ, конечно, чтобы нашъ очеркъ былъ исчерпывающимъ: въ немъ захвачены еще не всѣ стороны въ существованіи этой школы, вызывающія къ реформамъ. Но мы и не претендовали на исчерпывающую полноту, и только хотѣли указать основныя причины неудовлетворительнаго положенія духовно-учебныхъ заведеній всѣхъ видовъ, безъ устраненія которыхъ едва ли возможно серьезное улучшеніе учебно-воспитательнаго дѣла въ духовной школѣ. Въ нашихъ замѣткахъ нѣтъ чего-нибудь вполне оригинальнаго и совершенно новаго: многіе вопросы, поднятые нами, возбуждались и раньше; нѣкоторые изъ нихъ достаточно дебатировались въ печати, но эти дебаты часто приводили къ выводамъ, совершенно противоположнымъ тѣмъ, которые намѣчаются нами, и притомъ все это было сравнительно давно, трагтовалось отрывочно и по частямъ, такъ что не мѣшаетъ снова выдвинуть на сцену всѣ эти проблемы и показать большое общественное значеніе ихъ. Не чужда, наконецъ, намъ мысль, что мы могли въ своихъ замѣчаніяхъ быть нѣсколько односторонни и, быть можетъ, даже немного рѣзки. Но что касается послѣдняго, то это вполне естественно, такъ какъ для насъ слишкомъ близка духовная школа: намъ пришлось въ свое время пройти ее снизу доверху, и намъ иногда трудно было подавить въ себѣ глубоко-горькое чувство, которое невольно пробуждается при взглядѣ на мало удовлетворительную жизнь современныхъ духовно-учебныхъ заведеній. Если же наши замѣчанія были нѣсколько односторонни, то это не бѣда: такую субъективность будетъ легко вскрыть, разъ затронутые нами вопросы сдѣлаются предметомъ дальнѣйшаго обсужденія — и при томъ въ устахъ лицъ, болѣе насъ компетентныхъ...

Не такъ давно въ газетахъ промелькнуло извѣстіе, что въ настоящее время въ учебномъ комитетѣ разрабатывается проектъ реформы духовной школы на всѣхъ ея стадіяхъ. Если это извѣстіе справедливо, и если бы оказалось, что наши замѣтки могли навести какъ-нибудь на нѣкоторые плодотворныя соображенія въ отношеніи проектируемыхъ преобразованій,—то и это уже было бы для насъ большимъ утѣшеніемъ.

Н. Рязанцевъ.

НА РАЗВАЛИНАХЪ

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IX *).

Возвратившись домой, Иванъ Захаровичъ Роговъ нашель у себя письмо изъ губернскаго города отъ Бѣлоконскаго:

„Мы такъ долго не видѣлись и не переписывались съ тобою,—писаль тотъ,— что ты, быть можетъ, удивишься, получивъ это неожиданное посланіе. Но оно вызвано серьезными причинами: мнѣ придется, по всей вѣроятности, побывать на дняхъ въ вашихъ палестинахъ. Я теперь исправляю должность слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ. А у васъ была какая-то стачка на фабрикѣ, и я надѣюсь, что меня туда командируютъ. Добиваюсь же я этой командировки не только для того, чтобы сдѣлать вамъ всѣмъ „книксенъ“, облобызать отчима въ его сахарныя уста и приложиться къ высохшей ручкѣ дорогой маман: ради этого не стоило бы тащиться въ такую даль. Есть мотивъ поважнѣе: Надежда Николаевна Петренко пишетъ мнѣ, что она собирается поѣхать къ вамъ „отдохнуть душой отъ шума городского“ въ вашемъ уютномъ кружкѣ, — какъ она высокопарно выражается, — а кстати думаетъ заняться и судьбой рабочихъ на фабрикѣ. Это, конечно, ея дѣло (и, по моему, довольно глупое: шальные денежки плачутъ). Мнѣ нужно будетъ повидаться съ

---

*) См. выше: апрѣль, стр. 488.

нею для болѣе важныхъ и широкихъ плановъ... Мои „предначертанія“ я тебѣ объясню по прїѣздѣ“...

Эта новость обрадовала Ивана Захаровича: Надежда Николаевна могла внести совершенно новое условіе въ ихъ жизнь, а именно, свои деньги, безъ которыхъ, казалось, и шагу нельзя ступить. Она же могла выручить и Софью Петровну: ей-то, конечно, Лопатинъ не откажетъ, и Надежда Николаевна можетъ взять Соню къ себѣ въ усадьбу.

Когда онъ сталъ перебирать въ своемъ умѣ, на что бы болѣе крупное можно было направить ея благотворительность, у него оказался пробѣлъ. За этотъ пробѣлъ онъ снова выбранилъ „интеллигенцію“, которая отвлекала его отъ сближенія съ крестьянами, чтобы лучше узнать ихъ нужды.

Утѣшилъ онъ себя тѣмъ, что до ея прїѣзда успѣетъ еще собрать свѣдѣнія, а главное: „раньше не стоило и собирать ихъ, не зная—какъ и чѣмъ помочь имъ. Другое дѣло теперѣ: разъ открывается возможность удовлетворить нуждамъ, онѣ сами объявятся, какъ вода, прорвавшаяся сквозь плотину“.

Въ то время, какъ онъ объ этомъ раздумывалъ, прихлебывая чай и кутаясь въ свое студенческое пальто, ему пришлось убѣдиться, что мѣстныя нужды, дѣйствительно, хлынуть сквозь прорвавшуюся плотину, какъ только въ деревнѣ узнаютъ о прїѣздѣ милліонерши. У наружныхъ дверей послышался звонокъ.

Въ сѣняхъ зашаркали огромныя сапожищи сторожа Петра. Онъ долго отпиралъ дверь, съ просонокъ. Вотъ послышались голоса, шаги, и въ темную прихожую кто-то вошелъ.

— Кто тамъ?—крикнулъ Роговъ.

— Это я-съ. Вы не очень заняты, Иванъ Захаровичъ?—проговорилъ неувѣренно хриповатый тенорокъ.—Ужъ очень важную новость пришелъ сообщить! И на погоду не посмотрѣлъ!

— А, доминусъ! Входите, входите! Я не занятъ!—говорилъ Роговъ, потрясая красную и холодную руку длиннаго, сутуловатаго человѣка лѣтъ тридцати, — мѣстнаго учителя. — Садитесь! Чайку! Эхъ, самоваръ-то совсѣмъ остылъ! Петръ, самоваръ!..

— Да вы не беспокойтесь... я... того... я пиль, — смущенно говорилъ учитель, вытягивая изъ задняго кармана скрутка темный цвѣтной носовой платокъ и вытирая имъ лицо, моющее отъ дождя и снѣга. — Да-съ, я къ вамъ... того, — съ радостной вѣстью. Ну-ка, угадайте — съ какой? — спросилъ онъ, издавъ короткій смѣхъ, отъ котораго на минуту задрожала его тощая, сгорбленная фигура и длинная узенькая голова съ выдавшимися скулами. — Слово даю, что не угадаете!

Онъ торжественно приосанился, поправилъ на шеѣ черный шелковый платокъ — безъ признаковъ бѣлыя, — пригладилъ на вискахъ черныя лоснящіяся волосы и высоко приподнял свои густыя брови надъ маленькими карими глазами; отъ этого его низенькій лобъ весь покрылся морщинами.

— Ужъ по началу вижу, что что-нибудь необыкновенное! — шутиливо отвѣтилъ докторъ:— и лицо у васъ такое сіяющее!

Дѣйствительно, лицо учителя если не сіяло, то блестяло: темная кожа, плотно обтягивавшая его черепъ, теперь еще больше натянулась отъ улыбки, лоснясь на скулахъ и синеватомъ бритомъ подбородкѣ.

Учитель сталъ усаживаться на стулъ, но не просто, а сперва, осмотрѣвъ внимательно сидѣнье, смахнулъ съ него платкомъ предполагаемую пыль, затѣмъ широко раздвинулъ помы своего длиннаго чернаго скюртука и тогда только аккуратно и бережно сѣлъ.

— Ну, ужъ не буду васъ томить больше, — началъ онъ, когда явившійся Петръ, изрядно нашумѣвъ сапогами, унесъ самоваръ.— Дочка нашего принципала Петренки на дняхъ пріѣдетъ сюда! Телеграмма пришла!.. Мой сторожъ былъ въ усадьбѣ и сейчасъ прибѣгалъ мнѣ сказать. А я къ вамъ... Велѣно домъ топить!..

— Ну, это, дѣйствительно, крупная новость!— сказалъ Роговъ, и больше ничего не прибавилъ, выжидая, чтобы учитель самъ заговорилъ о томъ, почему считаетъ важнымъ пріѣздъ патронессы. Раньше этого дня онъ былъ мало знакомъ съ учителемъ. Ихъ сношенія ограничивались тѣмъ, что Петръ Ивановичъ изрѣдка бралъ у доктора книжки журналовъ.

— Я... того... принесъ вамъ вашу книжечку, — началъ онъ.

— Понравился вамъ этотъ номеръ „Вѣстника Мысли“?— спросилъ Роговъ, догадываясь, что это—только вступленіе, которое приведетъ къ настоящей цѣли посѣщенія его доминусомъ.— Нашли что-нибудь интересное?

— Нашель-съ... того... Весьма взволновала меня одна статья о нѣмецкомъ философѣ, Ницше... Желалъ бы поговорить о ней...

— Ницше васъ взволновалъ?!— сказалъ Роговъ, и прилегъ на кушетку, приготовляясь слушать.

— Не то, чтобы взволновалъ, — говорилъ учитель, — а знаете ли... того... разныя этакія-такія мысли пошли... Предлагаютъ мнѣ давно дьяконское мѣсто и невѣсту не бѣдную... А у меня... того... Еще въ семинаріи, идея засѣла служить обществу... про-

свѣщать тьму... ну, и все такое... А каковъ же плодъ?! Каковъ плодъ?! Жалованье земство платитъ неаккуратно... Еслибы не маленькая добавка отъ Петренки,—съ голода бы умеръ! Дровъ мужики обѣщали, а вотъ уже недѣлю сижу въ нетопленной школѣ... и все такое...

— Пойдите, Петръ Ивановичъ! Не пойму я, какое отношеніе это имѣеть къ философіи Ницше?

— А какъ-же-съ?!.. Ежели, напримѣръ, всё эти, какъ говорится, общественныя жертвы... того... идеалы эти всякіе и тому подобное—оказываются чепухой, какъ доказываетъ господня Ницше, — такъ изъ-за чего же я долженъ страдать, напримѣръ?

Роговъ расхохотался.

— А что же? Это резонъ! Совѣтую послушаться Ницше, т.-е. жениться и взять дьяконское мѣсто...

— Хотя пословица и говоритъ, — продолжалъ учитель: — терпи, казакъ, атаманъ будешь, — однако, надъ вѣмъ меня атаманомъ-то сдѣлають? А теперь, вонъ, даже старшина и урядникъ... того... надо мной атаманы!

— Это вѣрно! — поддакивалъ Роговъ и опять смолкалъ.

Учитель, вида, что Иванъ Захаровичъ не хочетъ помочь ему — высказать свою главную мысль, рѣшился самъ приступить къ ней.

— Я насчетъ атаманства... того... заговорилъ собственно потому, что, въ виду пріѣзда этой барышни, не посовѣтуете ли вы мнѣ продлить мое терпѣніе?..

— То-есть, почему же вамъ отказываться отъ идей Ницше?

— А ежели, напримѣръ, какъ слухи ходятъ, эта дѣвица склонна къ обильнымъ жертвованіямъ на школы и всякія другія полезныя учрежденія, быть можетъ... того... и меня коснется ея щедрая десница... Я ужъ былъ у отца Ивана: онъ обѣщаль съ своей стороны замолвить слово...

Рогову стало жаль этого несчастнаго человѣка, забытаго нуждой и бурсой, и онъ почувствовалъ укоры совѣсти, что сдѣлалъ его предметомъ забавы...

— Вы хотите, Петръ Ивановичъ, чтобы и я поговорилъ съ нею о васъ?

— Да-съ, именно, да! — радостно встрепенувшись, сказалъ учитель: — мнѣ... того... знаете... было неловко... вамъ прямо объ этомъ бухнуть... А повѣрите ли... того... квартирѣнка не топленая... вода мерзнетъ. Стыдно рассказывать!.. Самъ точно шальной отъ холода... Къ несчастью, я не пью, какъ вамъ извѣстно...

На глазахъ учителя блеснули слезы.

— И хорошо дѣлаете, Петръ Ивановичъ! Даю вамъ слово, что устрою все, что можно! Вотъ вамъ моя рука!—И Роговъ вѣриво пожалъ востлявую руку учителя, который вскопчилъ съ мѣста, кланялся, улыбался и бормоталъ.

— Ужъ вы извините... такая бѣда!.. сами видите... Нѣтъ никакихъ возможностей...

Онъ ушелъ, выпивъ стакановъ пять чаю, успокоенный и обрадованный.

„И это—учитель народа!—думалъ Роговъ, оставшись одинъ. —И онъ еще изъ лучшихъ! Читаетъ, думаетъ, есть самолюбие... Но какое ужасное положеніе! Боже мой!—показать бы эту школу и этого учителя въ Европѣ“!..

Послѣ этого горячаго восклицанія, мысли Рогова вернулись снова къ его сердечнымъ дѣламъ. Но онъ подошелъ къ нимъ издалека, совершенно такъ, какъ издалека подходилъ учитель къ своему дѣлу, — окольной дорогой, черезъ Ницше. Разница была только въ томъ, что учитель старался обойти его, Рогова, а Роговъ обходилъ самого себя, какъ будто въ немъ сидѣло два Рогова, и одинъ изъ нихъ хотѣлъ обмануть другого.

„Вотъ, по неволѣ придется съѣздить завтра къ Рахмарову—объявить новость и обдумать сообща планъ атаки на Надежду Николаевну,—думалъ онъ.—Да, непременно нужно завтра же поѣхать“!

Это онъ думалъ уже въ постели.

„А вѣдь я не сказалъ Вѣрѣ Павловнѣ, что Софья желала повидаться съ нею у меня. Надо и это сообщить ей“.

Онъ замѣтилъ, что ему непріятно это предстоявшее свиданіе двухъ дѣвушекъ. Помимо того, что Лопатинъ могъ узнать о немъ и устроить скандалъ Рогову,—ему просто была непріятна мысль о дальнѣйшемъ сближеніи Лядовой и Софьи, потому что онъ видѣлъ за этимъ сближеніемъ Софьи съ Рахмаровымъ. Мысль о такомъ сближеніи возбуждала его негодованіе и, какъ ему казалось, вполне безкорыстное: „Новый романъ у этого грансеньера“! Вѣдь онъ уже старикъ! Еще годъ, два,—и онъ совсѣмъ обратится въ развалину! А она—молодая, полная жизни, порывовъ... И что же онъ можетъ ей дать?! Это прямо возмутительно! Надо помѣшать этому! Гораздо лучше, если она переберется въ усадьбу Надежды Николаевны, когда та пріѣдетъ. А до тѣхъ поръ—потерпеть. Только нужно извѣстить ее, чтобы она чего-нибудь не сдѣлала надъ собой“!

Эта мысль такъ его встревожила, что онъ всталъ, набросилъ

на себя пальто и торопливо сталъ писать Софьѣ свои предположенія о приѣздѣ Надежды Николаевны Петренко.

Позвавъ Петра, онъ велѣлъ ему завтра утромъ отнести письмо къ Лопатынымъ, внушивъ прежнія предосторожности.

Х.

На другой день, какъ только окончился приѣмъ больныхъ, Иванъ Захаровичъ поѣхалъ къ Лядовой

Разказавъ ей о приѣздѣ Петренко и своихъ планахъ, встрѣтившихъ полное ея одобреніе, онъ мало-по-малу вошелъ въ роль человѣка, увѣреннаго, что здѣсь его любятъ, исполнивъ ему преданы, и потому можно выложить свою душу, отдаться лиризму, разказавъ о страданіяхъ своего обиженнаго сердца. Этому помогала и обстановка, и глаза Вѣры Павловны, смотрѣвшіе на него съ кроткой и преданной лаской...

Они сидѣли передъ топившимся каминомъ. Лампа подъ густымъ абажуромъ наполняла комнату полусвѣтомъ... Вспышки дровъ въ каминѣ бросали красныя пятна, бѣгавшія по мебели, стѣнамъ и ихъ лицамъ...

Роговъ глубоко погрузился въ старинное кресло, недалеко отъ кушетки, на которой сидѣла Вѣра Павловна.

Какъ водится въ этихъ случаяхъ, онъ ни разу не сказалъ прямо, что любить Софью, но на это намекалъ его печальный видъ и просьбы „пожалѣть его, потому что въ послѣднее время онъ ужасно тоскуетъ“.

— Да что такое съ вами?—участливо спрашивала Вѣра.

— Право, не знаю! Надоѣло мнѣ мое одиночество! Нѣтъ никого такого близкаго, къ кому бы пришелъ, какъ къ матери или сестрѣ, когда сердце болитъ, когда сомнѣнія охватываютъ— и въ самомъ себѣ, и въ жизни, и въ своей работѣ...

— Я думаю, у васъ есть такіе близкіе люди: Петръ Григорьевичъ... наконецъ,—я... Неужели вы не знаете, что всегда встрѣтите здѣсь сочувствіе?..

— О, я увѣренъ въ этомъ! Но я говорю о другомъ. Ваша дружба имѣетъ общественный характеръ. А у человѣка есть и такіе уголки въ сердцѣ, которые составляютъ только его личную боль, не интересную никому, кромѣ такихъ близкихъ, какъ сестра, мать, передъ которыми не стыдно сознаться въ своей слабости и въ своемъ ничтожествѣ...

— Я помогу вамъ, милый Иванъ Захаровичъ, договорить

вашу мысль... Вы любите Соню и страдаете, потому что она не можетъ любить васъ? Вы хотѣли бы поговорить объ этомъ? Да? Вамъ было бы легче?

— Вы почти угадали... Я не знаю, любовь ли это, или что-нибудь другое. Но я не могу о ней не думать. Меня мучитъ ея будущее. Ну, вотъ, мы ее устроимъ у Надежды Николаевны. Ну, а что же дальше? И... затѣмъ... вы сами мнѣ высказали предположеніе, что она любить... Что можетъ изъ этого произойти, если они сблизятся... съ Петромъ Григорьевичемъ?..

— Этого никогда не случится!—сказала Вѣра Павловна:— я его знаю, и до этого никогда не дойдетъ. Да онъ и не любить ея!

Роговъ передалъ ей свой послѣдній разговоръ съ Рахмаровымъ и наблюденія, сдѣланныя тогда надъ нимъ.

— Это ничего не значить,—отвѣтила она:—отъ того, что онъ призналъ ея душевную красоту, еще далеко до любви... И онъ никогда не допуститъ этого...

— Ну, а если?.. Что изъ этого выйдетъ? Вѣдь ей мечтаются широкіе горизонты, необычайная любовь и работа... А вѣдь онъ уже ничего этого не можетъ дать... Быть можетъ, и нигде ей не можетъ дать того, о чемъ она мечтаетъ... Но она будетъ жить надеждой... А вѣдь тутъ прямо выйдетъ стѣна!.. Не слѣдуетъ ли намъ съ вами подумать объ этомъ? Оградить ихъ обоихъ отъ большого несчастья и страданія?

— Я согласна съ вами, что это было бы несчастьемъ для обоихъ... Ему уже поздно ринуться снова въ жизненную борьбу на широкой аренѣ... А она его поведетъ туда... Но я увѣрена, что вы преувеличиваете... Знаете что? Въ васъ немножко говорить ревность?

— Быть можетъ! Но это меня мучитъ, мѣшаетъ думать о чемъ-нибудь другомъ... Помогите мнѣ избавиться отъ этого сумбура...

— Я думаю, что это пройдетъ, когда прійдетъ Надежда Николаевна. Я увѣрена, что теперь все это происходитъ въ васъ оттого, что, за неимѣніемъ живого дѣла, вы сосредоточиваетесь на одномъ и томъ же, и вотъ небольшое горе вырастаетъ у васъ въ огромное страданіе... Я по себѣ это знаю... Я много объ этомъ передумала здѣсь. И когда поняла, мнѣ стало легче справляться съ душевными иллюзіями... Я каждый разъ, когда замѣчаю ихъ, говорю себѣ: „Не забывай: это миражъ, который создается невыносимой, мертвой, неподвижной общественной жизнью“! Попробуйте въ этотъ способъ, и вамъ станетъ такъ

легко, что будете смѣяться надъ этими миражами страданій! Увѣрю васъ...

— Такъ вы думаете, что все это миражь?

— Я не думаю, а убѣждена... Но, конечно, мало только убѣдиться въ этомъ; надо искать живого дѣла, отвлеченія... Знаете, въ родѣ мушкетера или горчичника...

Она засмѣялась.

— Но вѣдь я цѣлый день занятъ моими больными; это не помогаетъ... Иногда даже хуже: устанешь, измучишься, и ослабѣвшій мозгъ уже совсѣмъ не въ силахъ сопротивляться тоскѣ, разнымъ фантазіямъ...

— Да, но это потому, что ваше врачебное дѣло такъ же однообразно, какъ и вся окружающая жизнь; оно не даетъ вамъ ни крупныхъ радостей, ни усилий, а тянется изо дня въ день, какъ заведенная машина... Надо поискать чего-нибудь болѣе живого... И неужели нельзя этого отыскать? Ну, вотъ эти кустари? Или вы, напримѣръ, какъ-то говорили мнѣ о кружкѣ крестьянъ, читающихъ Евангеліе...

— Представьте, я на-дняхъ только-что думалъ объ этомъ! Не хотите ли вы поѣхать туда вмѣстѣ со мной?

— Очень хочу!.. Когда же мы соберемся?

— Я поговорю съ Ѳедей, разузнаю, и тогда сообщу вамъ.

— Ну, вотъ и отлично! Видите, вы уже и повеселѣли! У васъ, когда вы пришли, былъ такой унылый видъ, что я даже немножко испугалась за васъ! А сейчасъ вы смотрите совсѣмъ хорошо...

— И все благодаря вамъ! Чтѣ, еслибы тутъ не было васъ! Право, и я дошелъ бы до того, до чего дошелъ Морозовъ! Тосковалъ бы сильнѣе и сильнѣе, раздулъ бы въ своихъ глазахъ этотъ случай съ Софьей, какъ огромное несчастье, и дошелъ бы до зеленого змія... Ахъ, какое вамъ огромное спасибо!

— Принимаю его, — сказала она, улыбаясь, — но для того только, чтобы сдѣлать вамъ маленький выговоръ. Мнѣ Петръ Григорьевичъ разсказалъ, что вы рѣшили „сбѣжать отъ интеллигенціи“, какъ вы выразились... Она вамъ мѣшала работать... Рахмарова это очень огорчило. Вѣдь онъ все спасеніе русской интеллигенціи видитъ въ объединеніи. Это—его *idée fixe*. А я не очень огорчилась. Я была увѣрена, что это минутная вспышка у васъ! Просто—реакція!.. Такъ вотъ, не забудьте этого урока! —прибавила она шутливо. — А чтобы вы не жаловались, что интеллигенція отнимаетъ у васъ много времени,—поѣзжайте домой... Мы обо всемъ, чтѣ нужно, переговорили... Да теперь уже

и поздно... И я буду васъ всегда гнать домой, когда вы засидитесь у насъ безъ толку... Согласны?..

— Охъ, не хочется уѣзжать!—весело сказалъ онъ, однако всталъ: — такъ бы и не ушелъ отъ васъ! Ужъ очень у васъ и уютно, и тепло... А тамъ... морозъ!.. И у меня... такъ одиноко, холодно... казенно...

— Ничего, ничего! И это нужно для разнообразія! Еслибы вы здѣсь сидѣли всегда,—не такъ бы замѣчали, что здѣсь и уютно, и тепло... А это вамъ полезно...

Онъ взялъ ея руки и горячо поцѣловалъ на прощанье...

Дня черезъ три онъ пріѣхалъ къ ней, чтобы отправиться вмѣстѣ къ Единымъ друзьямъ. Она встрѣтила его въ прихожей и заговорила шопотомъ:

— У меня сидитъ очень оригинальный субъектъ. Явился изъ Москвы съ письмомъ отъ моихъ тамошнихъ знакомыхъ. Онъ— изъ богатыхъ купеческихъ сынковъ; увлекся проповѣдью „опрощенія“ и „непротивленія“. Отрекся отъ „благъ міра“, жилъ въ земледѣльской колоніи, самъ землю пахалъ...

Войдя въ гостиную Вѣры Павловны, Роговъ увидѣлъ совсѣмъ молодого человѣка, блѣднаго, бѣлокураго, съ небольшой бородкой и длинными волосами. Онъ былъ одѣтъ въ казакинъ изъ грубаго чернаго сукна и высокіе крестьянскіе сапоги.

Вѣра Павловна повознакомила ихъ.

— Мой новый знакомый, Иванъ Ивановичъ Стругановъ,— сказала она.—Онъ тоже хочетъ поѣхать съ нами къ „трезвенникамъ“.

— Да, мнѣ очень было бы желательно, — сказалъ Стругановъ,—и если вы ничего не имѣете, я бы съ вами отправился...

— Я-то ничего не имѣю, а вотъ какъ они?—сказалъ Роговъ.

— О, они меня знаютъ; за это вы не безпокойтесь... Они даже мнѣ писали... Я давно собирался къ нимъ: нужно съ ними немножко вступить въ пренія кое о чемъ...

— О чемъ же это?—спросила Вѣра Павловна.

— Да главное-то—о войнѣ. Они войну признаютъ... Да и не одну войну... Жалобы подають на судъ и на полицію, когда ихъ стѣсняють... А это, по моему, не слѣдуетъ...

Роговъ смотрѣлъ на него съ любопытствомъ и, какъ врачъ, прежде всего прикинулъ къ нему мѣрку изъ перечня душевныхъ болѣзней: „mania religiosa“?—подумалъ онъ вопросительно.

— Боюсь я, что метель помѣшаетъ сегодня,—замѣтилъ онъ: —сейчасъ ужасно вѣтеръ разыгрался. Пожалуй, придется отложить поѣздку. Здѣсь бывають такіа метели, что въ десяти ша-

гахъ ничего не видно; можно заблудиться, отойдя отъ дома очень недалеко. Бывали, говорятъ, случаи, что замерзали около собственнаго плетня, не находя дома...

— Ой, ой! — воскликнула Вѣра Павловна: — я немножко боюсь!

— А, можетъ быть, и успокоится, — отвѣтилъ Роговъ. — А пока велите-ка дать чайку: я озябъ.

Скоро Маша появилась съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стоялъ чай; за ней шли двѣ дѣвочки: одна несла сахарницу съ домашними булочками и ватрушками, другая — сливки. Лица дѣвочекъ сияли счастьемъ отъ этой важной роли.

— Это у васъ новость? — сказалъ Роговъ.

— Да. Онѣ приходятъ ко мнѣ неофициально учиться. А сегодня я ихъ и ночевать оставила. Такъ вотъ вызвались помогать Машѣ.

— Иванъ Ивановичъ! — обратилась Вѣра Павловна къ Струганову: — придвигайтесь ближе къ столу.

— Я чаю не пью, — отвѣтилъ онъ, и немножко покраснѣлъ, замѣтивъ, что вызвалъ своимъ отвѣтомъ недоумѣніе.

— Это отчего же вы чаю не пьете? — спросилъ Роговъ.

Юноша замялся.

— То-есть... я такъ сказалъ себѣ... когда обдумалъ не пить вина и не курить... ну, и кофе, и чай — тоже... Вѣдь это — лишнее и... возбуждаетъ... организмъ... ведетъ къ легкимъ мыслямъ...

— Вы теперь издалека? — спросилъ Роговъ.

— Я изъ Москвы сегодня пріѣхалъ, — отвѣтилъ Стругановъ: много слышалъ о Вѣрѣ Павловнѣ; захотѣлось познакомиться...

— Однако, не близко вамъ пришлось ѣхать, чтобы взглянуть на меня! — сказала она, смѣясь. — Вотъ какая я знаменитость! И хотя бы лѣтомъ! А то — зимой!

— Я давно собирался, да лѣтомъ ѣздилъ на Кавказъ: тоже хотѣлось повидать кое-кого изъ интересныхъ людей... Важно, знаете, это... единеніе... да... единеніе... оно прежде всего...

— А вы постоянно въ Москвѣ живете? — спросилъ Роговъ.

— И въ Москвѣ... А то два года прожилъ въ новгородской губерніи... Колонія у насъ тамъ была небольшая... землю пробовали пахать сами.

— Что же, ваша колонія разсѣялась? — спросила Вѣра Павловна.

— Нѣтъ, кое-кто остался, а нѣкоторые ушли. Теперь многіе рѣшили, что не въ этомъ надо стремиться... Вѣдь земля связы-

ваетъ заботами, вообще — „мірскимъ“. Мало времени остается для души, для Божьяго дѣла.

— Вы давно ли изъ Москвы?

— Да я уже съ мѣсяцъ: я, вѣдь, мало по желѣзной дорогѣ ѣхалъ. Все больше пѣшкомъ.

— Отрицаете желѣзныя дороги?—спросилъ Роговъ.

— Нѣтъ. А веселѣ пѣшкомъ и много интереснѣе: съ разными людьми встрѣчаешься; ночуешь въ избахъ; крестьянскую жизнь видишь.

На Рогова этотъ разговоръ произвелъ двойственное впечатлѣніе: казалось, съ одной стороны, немножко комичнымъ, что вотъ человѣкъ тратитъ почти мѣсяцъ на то, чтобы увидеть хорошаго человѣка, и для этого идетъ пѣшкомъ, когда рядомъ есть желѣзная дорога. Но посмѣяться надъ нимъ не являлось желанія: чувствовалось, что подъ этимъ лежитъ какая-то болѣе глубокая душевная струя, съ которой, быть можетъ, трудно согласиться, но надъ которой смѣяться неловко.

— Вотъ теперь интересуюсь узнать и этихъ „трезвенниковъ“,—сказалъ Стругановъ.—Я больше для нихъ и пробирался сюда.

Въ это время въ передней хлопнула дверь и послышались тяжелые шаги.

— А вотъ и Петръ Григорьевичъ!—сказала Вѣра Павловна:—онъ уже успѣлъ сегодня немножко поссориться съ москѣ Стругановымъ.

— За что это?—спросилъ Роговъ.

— Да я доказывалъ молодому человѣку,—шутливо сказалъ вошедшій Рахмаровъ, садясь въ столу,—что онъ опоздалъ года на три, что въ послѣднее время его взгляды вышли изъ моды. Вѣдь у насъ все это—по модѣ, лѣтъ на пять, на десять...

— Въ родѣ эпидемій,—замѣтилъ Роговъ.

— Нѣтъ, это даже не эпидемія, это—просто мода: выйдутъ кринолины, и всѣ носятъ кринолины; потомъ начинаютъ носить турнюры, а кринолины кажутся смѣшными. Моды тоже имѣютъ свои законы.

У Струганова свернули глаза, онъ покраснѣлъ и заговорилъ:

— Вышутить можно все! Даже самое святое! Можно самыя священныя вещи сравнить съ кринолинами! Но хорошо ли это? Гуманно ли?

— Это не вышучиваніе,—серьезно отвѣтилъ Рахмаровъ.—Мнѣ не хотѣлось говорить серьезно. Но давайте, если угодно, серьезно говорить: по моему глубокому убѣжденію, взгляды, по-

добные вашимъ, то-есть, всѣ эти опрошенія, непротивленія, древни, какъ буддизмъ, какъ ученіе циниковъ, какъ средневѣковой аскетизмъ... И всегда они выступали при болѣе или менѣе сходныхъ условіяхъ. Доказывать это было бы долго. У насъ они возникли отъ усталости, явившейся результатомъ борьбы нашей молодой интеллигенціи за прогрессъ и просвѣщеніе съ тысячами препятствій. Интеллигенція была еще очень немногочисленна, и придавить ее, по крайней мѣрѣ по наружности, было не особенно трудно. И вотъ слабые и нервныя изъ ея рядовъ пришли въ отчаяніе. Были между ними люди—дрянь, были и люди порядочные. Первые прямо бросились въ станъ ливующихъ и обгагрившихъ руки въ крови,—ну, а болѣе порядочные придумали компромиссъ, назвавъ его новымъ путемъ. Насколько онъ новъ—я сказалъ. Имъ началась, напримѣръ, наша эра, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ... И вы серьезно увѣрены, что можете сдѣлать то же дѣло лучше, чѣмъ его сдѣлали тогда?! Вы не плохого о себѣ мнѣнія: вѣдь, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ были, голубчикъ, дѣятели, являющіеся разъ въ нѣсколько тысячелѣтій...

— Мы не задаемся такими вопросами. Мы идемъ просто за тѣмъ, что считаемъ истинной... А что изъ этого выйдетъ, мы даже запрещаемъ себѣ думать. Результаты—въ рукахъ Божіихъ, а мы должны дѣлать то, что истинно... Вотъ и все...

— И, первое дѣло, не сердиться! Это—ваша первая заповѣдь,—а вотъ вы на меня сердитесь.

— Нѣтъ,—сказалъ юноша, покраснѣвъ,—и если это вамъ показалось, то простите меня: я—еще несовершенный человѣкъ. Я только добиваюсь стать лучше, но ветхій человѣкъ прочно засѣлъ во мнѣ: все еще волнуюсь въ преніяхъ.

— Въ одномъ, несомнѣнно, вамъ могутъ позавидовать многіе,—сказалъ Рахмаровъ:—вы вѣрите, а это—огромное счастье!

— Однако, поѣдемъ мы или нѣтъ? —спросила Лядова.—Петръ Григорьевичъ, что дѣлается на дворѣ?

— Метель стихла, и вамъ пора ѣхать. Лошади давно готовы.

— А вы съ нами не собираетесь?

— Нѣтъ. Я познакомился давно съ этими крестьянами: двое изъ нихъ были у меня.

— И что же? Интересные люди?

— По моему, очень даже. Уже одно то, что ихъ убѣжденія сразу отъучаютъ ихъ отъ водки. А потомъ, это—идеалисты въ крестьянской средѣ, гдѣ всякій идеализмъ задавленъ нуждой и крайними матеріальными невзгодами...

Когда собрались ѣхать, Рахмаровъ, прощаясь со всѣми,

отвелъ въ сторону Струганова и, крѣпко сжимая его руку, связалъ:

— Простите меня! Привычка семидесятихъ годовъ набрасываться на все, что пахнетъ мистикой! Но я уважаю ваши убѣжденія! Они очень цѣнны для нравственнаго подъема многихъ. Да и вообще интеллигенты не должны ссориться изъ-за второстепенныхъ разногласій. Единеніе—прежде всего. Вѣдь всё мы—если подумать хорошенько—строимъ одинъ и тотъ же храмъ, только съ разныхъ сторонъ.

— Какъ я радъ, что и вы это думаете!—искренно воскликнулъ юноша и тоже сжалъ его руку, а на его сѣрыхъ глазахъ заблестѣли радостныя слезы.

XI.

У крыльца уже стояла тройка, запряженная въ широкія сани-пошевни, покрытыя ковромъ.

Метель утихла, но вѣтеръ былъ еще порядочный и гналъ по снѣжной пеленѣ тонкія бѣлыя гривы. Черезъ быстро обгугціа низкія облака прокрадывался лунный свѣтъ, смутный и блѣдный.

— Люблю такія ночи!—сказалъ Роговъ.—А вотъ, пожалуй, дорогу замело. Ты не собьешься?—спросилъ онъ у кучера.

— Помилуйте-съ! Да тутъ рукой подать! Я и безъ дороги привезу!

Струганова посадили между Вѣрой Павловной и докторомъ, чтобы укрыть отъ вѣтра: его короткій полушубокъ, крытый сукномъ, представлялъ ненадежную защиту.

Рахмаровъ вышелъ провожать отъѣзжающихъ и бережно укутывалъ имъ ноги медвѣжьей полостью.

— А меня немножко мучить совѣсть,—сказала Вѣра Павловна, когда выѣхали въ поле:—мы точно на спектакль ѣдемъ, а тамъ люди вѣрятъ глубоко; для нихъ тутъ—цѣлая жизнь! Да еще какая высокая!

— Ну, я-то не ради зрѣлица хочу познакомиться съ ними,—замѣтилъ Стругановъ.—А оно—правильно, что если смотрѣть на ихъ бесѣду какъ на зрѣлице, такъ оно немножко какъ будто и стыдно... къ нимъ ѣхать...

— Я не нахожу этого,—сказалъ Роговъ:—вѣдь еслибы вы были правы, то и путешественникамъ не слѣдовало бы заходить въ храмы разныхъ народовъ... Тутъ не одно любопытное зрѣлице, но есть и поучительное... Хочется знать, какъ люди вѣрятъ не

по нашему... Тутъ же особенно дорого моему сердцу, что это—простые крестьяне своимъ умомъ добились... Я, вотъ, даже плохо понимаю, зачѣмъ вы, Иванъ Ивановичъ, собираетесь съ ними спорить? Вы думаете по своему, они—по своему. Лишь бы мысли эти были хорошия, веди къ доброму...

— У нихъ мысли не хорошия,—сказалъ Стругановъ:—по вашему хорошо—признавать войну? Вѣдь, вы и сами, небось, противъ войны?

— То-есть, какъ сказать? Въ общемъ—противъ. Но могутъ быть случаи... Однако, дѣло-то не въ томъ. Почему вы не спорите противъ войны со мной, съ другими крестьянами?.. А на этихъ собираетесь походомъ, хотя у нихъ есть положительные достоинства: не пьютъ, помогаютъ другъ другу, думаютъ, читаютъ...

— Кому много дано, съ того больше и взыщется,—отвѣтилъ Стругановъ.

— А чтѣ, если я войду въ ихъ согласіе?—сказала Вѣра Павловна.—Я почему-то уже заранѣе ихъ люблю, и мнѣ хочется стать къ нимъ поближе, чтобы жить ихъ жизнью... Знаете ли, я уже и теперь волнуюсь отъ того, чтѣ увижу... Вѣдь вы подумайте только: глухой хуторъ, кругомъ—тьма кромѣшная, а тутъ кучка людей вдумывается въ божественныя слова, старается провести въ свою скудную жизнь величайшій изъ идеаловъ... Право, это даже какъ-то невѣроятно! Мнѣ даже немножко страшно отчего-то...

— Прежде и у меня бывало такъ! А теперь привыкъ,—сказалъ Стругановъ:—много я перевидалъ такого народа! Въ общемъ—хорошій народъ. Но есть и дикія секты. Вотъ я былъ въ одной губерніи, въ одной лѣсной деревнѣ, такъ повѣрить трудно, какія тамъ чудачества видѣлъ... Есть тамъ секта—они молитву отрицаютъ. Да еслибъ только одну молитву! А то, представьте себѣ, что и работы они почти не признаютъ, кромѣ самой необходимой по дому...

— Чѣмъ же они живутъ?—спросилъ Роговъ.

— А подаваніями больше... Да и то не всякое принимаютъ. Зерномъ, на примѣръ, возьмутъ, а хлѣбомъ или мукой—нѣтъ.

— Да почему же?

— А потому—мука на мельницѣ смолота, а они зерно толкутъ въ ступахъ, по первобытному. Одежда у нихъ тоже самодѣльная и непремѣнно бѣлаго цвѣта: рубахи полотняныя, бѣлыя свиты... Многіе въ лѣсъ уходятъ, въ ямахъ живутъ, въ пещерахъ.

— Какъ они тамъ не умираютъ съ голоду?

— Случается, что замариваютъ себя голодомъ сами... Я видѣлъ въ В—нѣ троихъ: ихъ полиція забрала въ лѣсу—потому они пачпортовъ не признаютъ, — отощали, обросли волосами; пищи не принимаютъ и на всѣ вопросы молчатъ... Едва-едва одного мужчину отходили въ больницѣ искусственнымъ кормленіемъ... А двое такъ и умерли...

— И какая сила изувѣрства!—воскликнулъ Роговъ.

Тройка обогнала двухъ крестьянъ, шедшихъ въ ту же сторону по глубокому снѣгу.

— Это туда же идутъ, въ Аносову,—сказалъ кучеръ и прибавилъ съ презрительной насмѣшкой: — ишь, не сидится имъ дома, чертямъ!

ХІІ.

Крестьянинъ Аносовъ, въ которому ѣхали, жилъ на хуторѣ Овсянкѣ. Домъ его, у котораго остановились сани, былъ двухъ-этажный, но жилища горницы помѣщались въ верхнемъ этажѣ. Внизу оконъ не было. Сквозь промерзшія стекла лился на улицу свѣтъ, искрясь, какъ алмазы, въ причудливыхъ узорахъ, сдѣланныхъ морозомъ.

Въ домѣ слышали скрипъ полозьевъ. Ворота открылись и пропустили тройку на небольшой дворъ. Здѣсь пріѣзжихъ встрѣтили—Федя и хозяинъ, высокій широкоплечій человекъ; его лица нельзя было разсмотрѣть въ темнотѣ. Они помогли пріѣзжимъ выбраться изъ саней, ласково ихъ привѣтствуя:

— Милости просимъ! Вотъ сюда, по лѣсенкѣ, наверхъ... У насъ тутъ сколько, ступени немножко обледенѣли...

Стругановъ обратился къ хозяину и Федѣ, назвавъ свою фамилію.

— По письмамъ вы меня давно знаете,—добавилъ онъ.

— Какъ же, какъ же! Очень рады познакомиться! Пожалуйте, пожалуйста!—сказалъ хозяинъ.

Поднялись по лѣстницѣ. Въ снѣгахъ, держа въ рукѣ большую керосиновую лампу, ихъ встрѣтила высокая молодая женщина въ ситцевомъ сарафанѣ.

— Это супружница моя,—сказалъ хозяинъ.

Гости теперь увидѣли и его лицо: румяное, здоровое, съ мягкой бѣлокурой бородкой и вьющимися волосами. Выраженіе лицъ у мужа и жены было торжественно-ласковое, почти по-

кровительственное, какъ будто они принимали не господъ, а младшихъ братьевъ, пришедшихъ къ нимъ за помощью.

Въ большой горницѣ съ тремя окнами была широкая русская печь, по стѣнамъ—лавки; въ углу—большой столъ, какъ всегда у крестьянъ.

Съ лавокъ поднялись, привѣтствуя гостей тѣмъ же, нѣсколько покровительственнымъ, но ласковымъ тономъ, высокій, сѣдой, какъ лунь, старикъ, молодой человекъ въ пиджакѣ и коренастая, небольшого роста молодая женщина въ синемъ шерстяномъ платьѣ.

— А это—моя бабенка,—указалъ на нее Федя.

Жена его была очень некрасива, съ широкимъ, рябоватымъ лицомъ, бѣлыми рѣсницами, мигавшими смущенно надъ стекловидными глазами... Волосы ея напоминали ленъ.

За большой горницей была другая, маленькая. Тамъ заплакалъ ребенокъ, и хозяйка пошла къ нему съ лампочкой, сказавъ мужу ласково:

— Ты помоги раздѣться-то...

Въ маленькой комнатѣ освѣтился уголъ широкой, двуспальной кровати, покрытой пестрымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ лоскутковъ, и колыбель, прикрѣпленная къ потолку.

Пріѣзжіе сняли теплую одежду, поздоровались со всѣми за руку и сѣли по приглашенію хозяина на лавку и скамьи, представленные къ столу.

Горница поражала своей чистотой. На полу были разостланы домашніе половики. Было тепло и пахло свѣжимъ печенымъ хлѣбомъ. Въмѣсто обычнаго кіота съ иконами и лубочныхъ картинъ, изображающихъ адъ, висѣло на стѣнѣ въ деревянной рамкѣ небольшое литографированное изображеніе Христа въ терновомъ вѣнцѣ и съ связанными руками, а невдалекѣ отъ него—фотографическая карточка извѣстнаго всей Россіи священника, любимаго народомъ.

— Понтересовались нашими бесѣдами? — спросилъ старикъ. — Что жъ, дѣло хорошее! Дай, Господи, чтобы бесѣда наша на пользу душамъ вашимъ пошла... Несказанная отъ этого отрада сердцу бываетъ!

— А вы, Иванъ Ивановичъ, давно въ наши края прибыли?—обратился хозяинъ къ Струганову.

Тотъ отвѣтилъ, и передалъ ему поклонъ отъ какого-то Николая Ивановича, котораго видѣлъ проѣздомъ черезъ городъ Х.

— А вы не Порошинъ ли?—обратился Стругановъ къ молодому человѣку въ пиджакѣ.

— Я самый, Порошинъ.

— Много о васъ слышала отъ Николая Ивановича... Интересно васъ послушать. Вы теперь сюда откудова же прибыли?

Порошинъ сказалъ, что изъ Питера, а сюда заглянулъ проѣздомъ—познакомиться. Онъ имѣлъ видъ интеллигентнаго городского рабочаго, худощавый, съ высокими лбомъ и глубоко впавшими глазами, смотрѣвшими сурово.

Пока шли эти разговоры, въ горницу вошло еще нѣсколько крестьянъ и крестьянокъ.

Вѣра Павловна увидѣла на стѣнѣ фотографію извѣстнаго священника и спросила у хозяина:

— А вы его почитаете?

— Очень даже уважаемъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Потому мы этого іерея уважаемъ,—заговорилъ старикъ,—что у него вѣра не идетъ врозь съ дѣяніями. Много онъ вѣритъ и много добра людямъ дѣлаетъ, а потому и Христось его отличилъ: удостоилъ даже чудеса совершать...

— Какъ?! Вы допускаете и чудеса?!—воскликнулъ Стругановъ съ неудовольствіемъ.

— А какъ же ихъ не допускать-то, другъ ты мой милый, молодой человѣкъ,—отвѣтилъ старикъ,—когда ему дѣйствительно данъ этотъ даръ Божій!.. Мы вѣдь не зря этому вѣримъ, а по достовѣрному свидѣтельству нашихъ братьевъ, которые не солгутъ. Вотъ, послушай-ка: наши двое были въ Кронштадтѣ и сами видѣли: при всей толпѣ, въ храмѣ, изгналъ бѣса изъ женщины іерей Іоаннъ. Не „своимъ“ не повѣрили бы... А наши два „брата“ были. И женщину эту раньше встрѣчали. И ужъ какъ она, сердечная, билась да металась! Сказываютъ: страшно смотрѣть было! Всю въ дугу сгибало... Синяя вся, говорятъ, стала; пѣна изо рта! А онъ-то, іерей Іоаннъ, прикрылъ ее эпитрахилью, да какъ крикнетъ на дьявола: „Изыди изъ нея, окаянный!“ И другой разъ крикнулъ еще громче: „Изыди! Именемъ Іисуса Христа повелѣваю тебѣ!“ И какъ крикнулъ третій разъ—вскринула и женщина и заплакала радостными слезами: „Нѣтъ, говорить, „его“ во мнѣ! Вышелъ!“ И стала на колѣни, и начала плакать радостно и благодарить Господа!.. Вотъ что было! Да одно ли это было! Іисусъ Христось все сдѣлаетъ, если его хорошенько, съ полною вѣрой, попросить; все сдѣлаетъ, родимые! Только не надо просить о томъ, что противъ Евангелія, потому это—грѣхъ. А проси о томъ, что по закону Христову слѣдуетъ: проси, чтобы далъ тебѣ вѣру, любовь къ ближнему, прощенье враговъ, душевный миръ... И, ахъ, сударыня, это одно столь

велико, столь хорошо, что если Онъ дастъ это, то ничего больше и не нужно: великое блаженство сойдетъ въ сердце!.. Рай познаешь на землѣ! Ужъ это я тебѣ по опыту моему говорю! Ахъ, какъ хорошо, братья мои, ежели въ сердцахъ нѣтъ вражды, а любовь одна! Только и хотѣлъ бы тогда весь міръ Божій обнять!

— Обнять-то міръ вы хотите, — сказала Стругановъ, — а войну признаете! Ужъ какое это обниманіе, ежели вы допускаете убивать людей...

— А ты забылъ, молодой человекъ, что сказано: „Воздадите кесарево кесарю“. Мы должны повиноваться властямъ... Этотъ разговоръ надоть оставить... Не для этихъ дѣловъ мы собираемся, а для просвѣтленія души въ любви и мирѣ... Такъ-то!.. Ты знаешь, что сказано: „Гдѣ двое или трое во имя Мое, — тамъ и Я посреди ихъ“?.. Вотъ мы сошлись, и Онъ къ намъ придетъ, придетъ!.. Сейчасъ еще Его нѣтъ, потому мы еще сердцами не настроились, — житейскія рѣчи ведемъ... А вотъ, погоди, помолимся Ему да попросимъ, чтобы пришелъ, и ты самъ почувствуешь, что Онъ пришелъ... Видать Его не увидишь, а почувствуешь... Потому вся твоя середка, сердце-то твое сразу просвѣтлѣетъ, умилится... и слезы сами побѣгутъ изъ глазъ... Вотъ, погоди... Самъ познаешь!.. А это, нешто, не чудо? Тоже чудо, миленькій мой! Только понимать надо!

— Это-то возможно и даже должно быть, — спорилъ Стругановъ, — а вотъ изображенія-то на стѣнѣ вы напрасно держите... Это ужъ прямое отступленіе. — И онъ сослался на главу и параграфъ.

— Отступленія тутъ нѣтъ никакого, — сказалъ хозяинъ: — потому грѣхъ — идола дѣлать изъ такихъ изображеній. А у насъ идола изъ этого не дѣлаютъ! А изображеніе — все равно что портретъ, — вредить не можетъ.

— Вы не смущайте насъ, господинъ хороший, — сказалъ одинъ изъ пришедшихъ позднѣе: — мы спорить не желаемъ! Собираемся читать слова Господа нашего Иисуса Христа... И великую отраду въ томъ находимъ для сердца и души, вѣруя, что „Онъ“ самъ, кровь за насъ пролившій, среди насъ. И мы знаемъ, что Онъ точно среди насъ, потому что чудеса Его на глазахъ нашихъ совершаются. Да, вотъ, о себѣ расскажу. Всегда я былъ усерденъ къ церкви: на крылосѣ пѣлъ, службъ не пропускалъ, посты исполнялъ, а сердце мое спало, пока Господь не сподобилъ познакомиться съ подлинными словами своего благовѣствованія. До пятидесяти лѣтъ дожилъ, а грамотъ не зналъ, водочку любилъ, имѣнье свое расточалъ на это адское зелье. А какъ

позналъ свѣтъ Христовъ—и чудо свершилось! И вино бросилъ, и грамотъ научился, и ужъ не въ кабакъ несу имѣніе свое, а братьямъ. Да... И радостно мнѣ! Голоса ангельскіе слышу отовсюду: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе!“ „Благоволеніе“, миленькіе! У насъ, миленькіе, надо любить всѣхъ; ежели кто огорченъ или отчаявается, надо утѣшить, поддержать, а то и прямо помочь: не допускать челоуѣка, чтобы оплошалъ... И радость великая живетъ въ нашихъ сердцахъ повсегда!

Умиленный старикъ всхлипнулъ и отеръ слезы...

Въ комнату вошли два молодыхъ парня и одна старуха. Всѣ здоровались съ прїѣзжими, а со своими „братьями“ цѣловались, взявшись за руку.

Вошла хозяйка съ ребенкомъ на рукахъ.

— Не хочетъ спать!—сказала она съ улыбкой.

Мальчикъ былъ годовалый, здоровый. Онъ съ любопытствомъ таращилъ глазенки на господъ и сосалъ себѣ палець.

— Ну, больше никто, видно, не придетъ,—сказалъ хозяинъ и вынулъ изъ шкафа, стоявшаго въ углу, нѣсколько экземпляровъ Евангелія въ переплетѣ, на русскомъ языкѣ, синодальнаго изданія и крупнаго шрифта. Передъ каждымъ изъ сидѣвшихъ было положено по экземпляру, не исключая и гостей. Принесли еще небольшой столъ и поставили рядомъ съ первымъ, такъ какъ не доставало для всѣхъ мѣста за однимъ столомъ.

Когда всѣ усѣлись и наступила тишина, старикъ сталъ на одно колѣно передъ столомъ, закрылъ лицо рукой и, наклонивъ голову, медленно заговорилъ:

— Господи Иисусе Христе! Услышь молитву нашу общую: сойди къ намъ, удостой, Батюшка, бесѣду нашу невидимымъ присутствіемъ Твоимъ! Научи насъ и помоги понять слово Твое. Помоги и гостямъ нашимъ просвѣтиться словомъ Твоимъ! Въ-рнемъ въ Тебя и молимся: возсядь среди насъ и помоги!

Чувствовалось, что молитва была произносима экспромтомъ, съ остановками, вдумчиво, съ глубокой вѣрой и умиленіемъ. Она, видимо, сильно дѣйствовала на „братьевъ“; нѣкоторые повторяли ея слова въ полголоса, а женщины вздыхали и всхлипывали отъ умиленія.

Вѣра Павловна поблѣднѣла. Потомъ она рассказывала, что ее охватило какое-то особенное, таинственное чувство; явилась даже мысль: „А развѣ не можетъ быть, что Онъ придетъ къ нимъ? Вѣдь это дѣйствительно сказано въ Евангеліи!.. И вотъ, быть можетъ, Онъ здѣсь близко!“

А „братья“ уже садились каждый передъ своимъ Евангелиемъ, и ихъ лица сіяли восторгомъ, вдохновеніемъ. Глаза у всѣхъ были влажны. Они вѣрили всецѣло, что „Онъ“ пришелъ и находится сейчасъ здѣсь, среди нихъ. Отъ этого вся ихъ внѣшность—лица, манеры, движенія, тонъ голоса, взоры, все стало инымъ, радостно-умиленнымъ, благоговѣнно-восторженнымъ.

Порошинъ, съ глазами, въ которыхъ мерцало возвышенное вдохновеніе, заговорилъ вибрирующимъ голосомъ:

— Я слыхалъ отъ многихъ изъ васъ, братья, что сердца ваши тревожатся сомнѣніями отъ мысли о томъ, отчего Христосъ не сдѣлалъ людей безгрѣшными, праведными одной своей волей? Вѣдь Онъ всемогущъ. Для чего же Ему было нужно сходить еще на землю, воплощаться въ образъ человѣческой и претерпѣвать мучительнѣйшія страданія, чтобы спасти насъ, когда достаточно бы было одного Его слова? Я самъ долго мучился этимъ сомнѣніемъ. Оно колебало мою вѣру. И я сталъ вникать въ Писаніе, ища тамъ разъясненія, и нашелъ, братья, самыя точныя отвѣты. Вотъ, теперь я и желаю подѣлиться ими съ вами. Послушайте.

И онъ началъ, цитируя на память главы и параграфы Евангелія и „Посланій“, развивать слѣдующую мысль: еслибы Христосъ сдѣлалъ людей безгрѣшными самъ, одной своей властью, это было бы Его дѣломъ, а не дѣломъ людей. У нихъ не было бы ни заслуги въ этомъ, ни свободы. А Онъ не можетъ желать—лишить ихъ свободы. И вотъ, Онъ, оставляя ихъ вполне свободными—слѣдовать или не слѣдовать Его примѣру, явилъ только этотъ примѣръ, далъ образецъ, какъ жить и даже умирать за ближнихъ. Для этого-то Онъ самъ сдѣлался человѣкомъ, самъ первый показалъ примѣръ жизни, любви и смерти за благо людей.

Хотя Порошинъ цитировалъ главы и параграфы на память, по онъ тотчасъ же отыскивалъ ихъ въ книгѣ, лежавшей передъ нимъ, и прочитывалъ вслухъ текстъ, а всѣ остальные отыскивали тотъ же текстъ у себя и молча провѣряли. Они дѣлали это чрезвычайно быстро, привычной рукой; пріѣзжіе гости не могли въ этомъ поспѣть за ними, и вотъ сосѣди ласково помогали имъ, а Порошинъ пріостанавливалъ свою рѣчь, пока и у нихъ не было отыскано требуемаго мѣста.

Въ этомъ сказывалось столько дружелюбія, внимательности и терпимости къ людямъ совершенно чуждымъ, что Лядова была тронута до слезъ; она почувствовала въ этихъ простыхъ людяхъ настоящихъ „братьевъ“, любящихъ ее, заботящихся о просвѣщеніи ея души, ума и сердца.

А Порошинъ заканчивалъ свое объясненіе такимъ обращеніемъ къ братьямъ:

— Такъ вотъ какъ Онъ заботился о насъ—ничтожныхъ, грѣшныхъ! Онъ—всемогущій, всесильный! Чтобы не нарушить свободы нашей, Онъ рѣшился лучше претерпѣть такія пытки и мученія, что умъ мутится, когда только вспомнишь о нихъ! И вѣдь Онъ мучился по настоящему, какъ всякій обыкновенный человѣкъ! Безъ этого вѣдь и примѣра не было бы для насъ! Чѣмъ же мы можемъ воздать Ему за это? Чѣмъ? Только однимъ: исполнить завѣтъ Его—любить Бога всѣмъ сердцемъ своимъ, всѣмъ помышленіемъ своимъ, и любить ближняго, даже врага, какъ любимъ самихъ себя. И неужели, братья, мы не исполнимъ этого? Неужели насмѣемся надъ Его желаніями, надъ Его страданіями и смертью?! Да неужели же это возможно?!

И онъ тихо заплакалъ.

У всѣхъ по лицамъ катились слезы, а женщины плакали громко, навзрыдь, и со всѣхъ сторонъ вырывались восклицанія:

— Господи! Удостой пострадать за Тебя! Дай умереть за Тебя! Любимъ Тебя! Господи!

Среди этихъ восторженныхъ восклицаній вдругъ раздался громкій, истерически дребезжавшій голосъ старика:

— Господи! Находишься ли Ты здѣсь, среди насъ? Видишь ли и слышишь ли насъ?

— Онъ здѣсь! Истинно говорю вамъ: Онъ—въ васъ! Аминь!—вдохновенно, но покойно-увѣренно сказалъ Порошинъ.

На минуту все смолкло; слышались только сдерживаемые звуки восторженныхъ рыданій. Но потомъ всѣ поднялись, стали обнимать и трижды цѣловать другъ друга...

Когда всѣ нѣсколько успокоились и снова усѣлись передъ своими книгами, началъ говорить хозяинъ, Аносовъ, на тему о томъ, что все-таки одной только любви мало, необходима и вѣра.

Его рѣчь, сопровождаемая также ссылками на память, производила уже меньшее впечатлѣніе.

Когда онъ окончилъ, Лядова и Роговъ стали прощаться, а Стругановъ рѣшилъ остаться.

Тройка опять неслась по освѣщенному снѣжному полю.

— Какое же впечатлѣніе вынесли вы, Вѣра Павловна?—спросилъ Роговъ, когда они уже довольно далеко отъѣхали отъ хутора.

— Очень сильное,—отвѣтила она:—я просто подавлена имъ и не въ состояніи разобраться въ моемъ настроеніи. Я никогда не могла вообразить себѣ, что можетъ быть что-нибудь подобное

среди крестьянъ. Мы совсѣмъ не знаемъ нашего народа! Вѣдь то, что говорилъ этотъ молодой человекъ... какъ его зовутъ-то?

— Порошинъ.

— Да, Порошинъ! Вѣдь это просто мнѣ кажется гениальнымъ. Неужели онъ все это самъ придумалъ?

— Мнѣ кажется, самъ, а если и слышалъ отъ кого-нибудь, то все-же онъ изложилъ это замѣчательно. Это—выдающійся талантъ. Вѣдь онъ говорилъ безъ остановки болѣе часа... И это даже меня заинтересовало своей удивительной логичностью.

— Ну, и какой же вашъ выводъ вообще?—доспрашивалась Вѣра Павловна.

— Мнѣ грустно, грустно оттого, что я не могу вѣрить такъ, какъ они, не могу слиться съ ними... Какъ имъ хорошо и тепло живется!..

— Да, и я чувствую то же: вѣдь между ими и нами точность... А между тѣмъ они—такіе хорошіе, чистые, мыслящіе, любящіе; такихъ не найдешь среди нашей интеллигенціи... И что всего печальнѣе: сердцемъ и ихъ вполне понимаю; только я другими словами назвала бы то, во что они вѣрятъ... И неужели нельзя было бы сойтись съ ними при этой замѣнѣ одного понятія другимъ!..

— Я не совсѣмъ васъ понимаю: какія же ихъ понятія вы замѣните и чѣмъ?

— Да, вотъ, напримѣръ, ихъ вѣра въ то, что кто-то высшій приходитъ къ нимъ, просвѣтляетъ ихъ, умиляетъ... Да развѣ каждый изъ насъ не знаетъ такихъ минутъ, когда все понимаешь яснѣе, сильнѣе любишь, чувствуешь... Только мы называемъ это какъ-нибудь иначе: просвѣтленіемъ, восторгомъ, вдохновеніемъ, экстазомъ... А они воплощаютъ это въ живое существо.

— Въ этомъ-то, вѣроятно, сила и прелесть для нихъ этого состоянія, — сказалъ Роговъ.

— Вѣрно ли это? Я помню въ моей жизни нѣсколько подобныхъ минутъ... Да, вотъ, разъ пріѣхала я въ Москву; тамъ пришлось передать письмо одному человѣку, который предложилъ познакомить меня со своимъ кружкомъ. Привезъ онъ меня также вечеромъ куда-то въ глухую улицу, на конецъ Москвы. И даже домикъ, помню, былъ двухъ-этажный, въ три окна, какъ здѣсь, и пришлось подниматься по такой же высокой лѣстницѣ. Только это была не крестьянская хата, а квартира богатаго барина, который все свое имѣніе отдалъ кружку, а самъ жилъ въ двухъ комнатахъ. Онъ былъ совсѣмъ молодой, лѣтъ двадцати-шести, могучій, съ чуднымъ, чисто русскимъ лицомъ, кроткимъ, откры-

тымъ, милымъ... Онъ уже давно умеръ... далеко... И собрались у него такіе же, какъ онъ, вѣрящіе въ необыкновенныя силы русскаго народа, которыя только нужно пробудить, потому что онѣ заснули. Среди нихъ было нѣсколько молодыхъ дамъ и дѣвушекъ. Особенно поразила меня одна: худощавая, стройная шатенка, красавица, съ чудными темными глазами... И вотъ, какъ и сегодня, сперва долго говорили о своихъ планахъ. Это была прощальная вечеринка: нѣсколько человекъ уѣзжали въ волжскія понизовья... Подъ конецъ вечера, попросили шатенку, очаровавшую меня, спѣть. Повѣрите ли, я до сихъ поръ помню каждую нотку, каждое слово ея пѣнія,—а вѣдь это было лѣтъ семь тому назадъ! Она пропѣла сначала „Горный потокъ“ Шуберта, а потомъ русскую пѣсню, которую я слышала въ первый разъ: „Надоѣла мнѣ, надоскучила доля-долюшка желѣзная“... Не знаю теперь, всегда ли она такъ пѣла хорошо, или ее вдохновилъ моментъ, или, быть можетъ, мы всѣ, слушавшіе ее, были такъ настроены... Но, увѣряю васъ, я никогда въ жизни, ни прежде, ни послѣ, не переживала такого состоянія: я потихоньку плакала, какъ ребенокъ, я рѣшалась на какой-то невѣдомый подвигъ, я любила ихъ всѣхъ, какъ братьевъ и сестеръ... И вѣрила безпредѣльно въ то, во что они вѣрили... Нѣтъ, этого не передашь словами... Знаю одно, что такіе моменты никогда не забываются: они владутъ на сердце печать на всю жизнь...

Она задумалась, переживая вновь тотъ моментъ.

Снѣгъ тихо скрипѣлъ подъ полозьями саней. Тройка неслась весело по свѣтлому полю, освѣщенному тѣмъ же матовымъ свѣтомъ луны, пробивавшимся сквозь облака.

— И все же вы тогда чувствовали совсѣмъ иное, чѣмъ теперь, у этихъ „резвенниковъ“,—сказалъ Роговъ тихо и вдумчиво.—Я понимаю то, что вы чувствовали и тогда, и теперь... Тамъ была бурная, захватывающая волна страсти, а здѣсь... тихое, умиленное, почти подавленное состояніе мистическаго восторга... Нѣтъ, это не одно и то же...

— Но вѣдь и здѣсь, и тамъ—любовь къ людямъ: вотъ что сближаетъ эти моменты...

— Нѣтъ, тамъ была не одна любовь, а еще и ненависть, негодованіе, жажда грандіозной борьбы и мести... И я это больше понимаю... А здѣсь... я тоже понимаю, сочувствую даже, но сочувствую головой; я даже люблю ихъ, но мое сердце не бьется въ унисонъ съ ними...

На горѣ показалась усадьба со своимъ фантастическимъ бѣлымъ домомъ, освѣщеннымъ луной. Разговоръ прекратился.

Оба думали свои думы... Ужь около самой усадьбы Вѣра Павловна тихо проговорила:

— А все же хорошо и это!.. Мнѣ хочется сойтись съ ними близко... Кажется, я могу... вѣрить, какъ они...

— Да, и это хорошо,—отвѣтилъ онъ:—но я вѣрю, что придетъ и другое, что будетъ намъ родитѣе,—какъ пѣсня вашей „штенки“...

XIII.

Возвратившись домой, Роговъ былъ встрѣченъ на крыльцѣ фельдшеромъ, который воскликнулъ взволнованнымъ голосомъ:

— Вотъ такъ фунтъ, Иванъ Захаровичъ! Вы знаете ли, какая у насъ новость? Угадайте!

— Ну, говорите скорѣй, безъ кривляній!

— Приѣхала дочь Петренки, и въ вамъ отъ нея записка есть... Я распорядился, чтобы въ фабричной больницѣ все чистить и мыть...

— Совершенно напрасно! Тамъ и безъ того было чисто... Я терпѣть не могу этого! И вы можете только дать ей худое мнѣніе о насъ, что у насъ до ея приѣзда нехорошо было...

— На васъ ничѣмъ не угодишь!—проворчалъ фельдшеръ.

— И не нужно мнѣ угождать. Дѣлайте свое дѣло, и этимъ угодите не мнѣ, а дѣлу же...

Въ запискѣ Надежда Николаевна просила его побывать у нея на другой день, какъ только онъ будетъ свободенъ. Записка была написана на модной красной бумагѣ съ изображеніемъ чертенятъ. Отъ нея пахло какими-то рѣзкими духами.

Роговъ всегда чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ, когда ему приходилось дѣлать визиты къ особамъ женскаго пола. Когда знакомство уже завязывалось, это чувство неловкости исчезало. Но первые моменты его душевное состояніе можно было выразить одной фразой: „Ахъ, какъ бы отлично было провалиться съвозъ землю“!

Его смущали при этомъ самые разнообразные вопросы: „Въ какіе часы у нихъ принято являться? Какіе нужно надѣть брюки и галстухъ? Когда сидишь на стулѣ и говоришь съ дамой, гдѣ и какъ держать ноги? Можно ли ихъ прятать подъ стулъ, или вытянуть? Кажется, прятать нельзя, а нужно держать подъ прямымъ угломъ“, и т. д., и т. д.

Когда онъ явился на другой день къ Надеждѣ Николаевнѣ, всѣ эти вопросы до такой степени волновали его, что онъ не

разсмотрѣлъ ни убранства, ни вида цѣлаго ряда комнатъ, черезъ которыя вель его лакей, одѣтый во фракъ и бѣлый галстухъ. Этотъ лакей смущалъ его даже больше, чѣмъ сама хозяйка. Смутно промелькнули передъ нимъ высокіе потолки комнатъ съ живописью и лѣпными украшеніями, пестрая и золоченая мебель, хрустальныя люстры, огромныя окна и зеркала, ковры на полахъ и скользкій паркетъ въ залѣ, который онъ проклиналъ, чувствуя, что можетъ позорно растянуться на немъ, какъ на льду.

Къ счастью, Надежда Николаевна встрѣтила его какъ стараго знакомаго, весело выбѣжавъ изъ-за какой-то тяжелой портьеры и осыпавъ его сразу цѣлымъ потокомъ любезностей и благодарностей за крестьянъ, которые, будто бы, „въ одинъ голосъ его благословляютъ“, и т. д., и т. д.

Самому Рогову говорить почти не приходилось. Надежда Николаевна напоминала неистощимый рогъ разговорнаго изобилія и суетливости: она сразу предлагала сотни вопросовъ, не давая на нихъ отвѣтить, вскакивала, чтобы угостить папиросами, сигарами, завтракомъ, чаемъ, кофе, или чтобы показать какой-нибудь альбомъ, картину, необыкновенный рояль, купленный отцомъ на выставкѣ, и т. п.

Сначала это ему понравилось, потому что не нужно было придумывать темъ для разговора, но черезъ четверть часа, когда онъ освоился съ положеніемъ и вспомнилъ, что необходимо какъ можно скорѣе заговорить о Софѣ Петровнѣ и вызвать сочувствіе къ ней Надежды Николаевны, онъ былъ уже не радъ болтливости молодой хозяйки.

— Вы удивляетесь, что я пріѣхала сюда въ такое время года? Ахъ, надо знать мою жизнь, чтобы не удивляться этому! Всякія Ниццы, Ментоны, Біаррицы надоѣли мнѣ до одурѣнія! О Петербургъ уже и говорить нечего... Ахъ, Боже мой! Я не предложила вамъ папиросъ! Сейчасъ!.. Да, эти мѣста мнѣ ужасно надоѣли... И вдругъ я вспомнила, что могу отдохнуть здѣсь, среди милаго кружка изъ старыхъ друзей... Боже мой, у васъ нѣтъ спичекъ!.. Провести карнавалъ въ русской деревнѣ! Посмотрѣть, какъ его справляютъ наши мужички... Да вѣдь это прелесть! И это такая идея! Она воскресила меня!.. Да что же это не подають завтракъ?

Она звонила, опять усаживалась и снова говорила.

Только за завтракомъ Рогову удалось вставить и свое слово о Лопатиной. Но достаточно было ему назвать ея фамилію, какъ мадемуазель Петренко открыла цѣлый фонтанъ воспоминаній объ

институтѣ и затѣмъ пансіонѣ, гдѣ она училась вмѣстѣ съ Софьей.

— И какая она была прелесть, душка, еслибы вы знали! Я ее обожала! Она никогда не могла научиться по-нѣмецки, и я ей постоянно подсказывала... Боже, сколько разъ я была за нее наказана!..

— Она въ ужасномъ положеніи теперь, — вставилъ наконецъ Роговъ.

— Чтѣ такое? Она потеряла состояніе? Отецъ разорился? Неудачно вышла замужъ?

— Нѣтъ, не то. Позвольте мнѣ рассказать вамъ обо всемъ подробнѣе. Это дѣло требуетъ вашего серьезнаго участія. Вы одна можете спасти ее.

— Спасти? Чтѣ такое?! — воскликнула Надежда Николаевна съ выраженіемъ испуга и даже легкаго неудовольствія на лицѣ: она не любила ничего трагическаго въ жизни, хотя очень любила его на сценѣ.

Но когда Рогову удалось наконецъ объяснить ей, въ чемъ дѣло, она обрадовалась, и предположенія, планы полились изъ нея настоящимъ водопадомъ; она поѣдетъ сегодня же, она ее возьметъ къ себѣ, она навсегда возьметъ ее у отца, и онѣ будутъ жить вмѣстѣ! И какъ это будетъ хорошо! Ея милая Соня будетъ вмѣстѣ съ нею!..

Передъ уходомъ, Рогову удалось вернуть словечко и о несчастномъ учителѣ, и о кустаряхъ, и о старухѣ изъ Парменовки... — О, всему этому можно помочь! Это не такъ много! Вы составьте мнѣ записочку. Надѣюсь, мы будемъ съ вами видѣться каждый день. Вы обязаны приходить ко мнѣ обѣдать! Я назначу часъ обѣда, когда для васъ удобнѣе... Къ Сонѣ я поѣду сегодня же... Вы говорите, что Рахмаровъ и Лядова живутъ по дорогѣ? Отлично; я буду и у нихъ! А на фабрикѣ теперь спокойно? Я тогда все устроила по телеграммѣ Рахмарова... Я ему очень благодарна... Ахъ, кстати, вы знаете, что сюда не нынче — завтра пріѣдетъ и Бѣлоконскій... Мы съ нимъ постоянно переписываемся... Ему поручено разслѣдовать это дѣло на фабрикѣ и еще какое-то... Здѣсь явилась какая-то секта... Онѣ пишутъ очень коротко и неразборчиво...

— Какъ, уже разслѣдованіе о сектѣ?! — съ тревогой спросилъ Роговъ.

— Да, да, да! Кажется, о сектѣ... Я плохо разобрала слово... Но, кажется, о сектѣ... А вы о ней что-нибудь знаете?! Что-нибудь интересное, новенькое? Расскажите, пожалуйста!.. О, это

счастье ихъ, что они попадутъ въ его руки!.. Онъ такой милый, острый!

XIV.

Дня черезъ три послѣ этого свиданія, поздно вечеромъ, Роговъ сидѣлъ у себя съ учителемъ, который явился разспросить его о результатѣ переговоровъ съ Надеждой Николаевной. Со времени ея прїѣзда онъ заходилъ ежедневно, но не заставлялъ доктора дома.

Иванъ Захаровичъ успокоилъ его, посоветовалъ составить записку о нуждахъ школы и своихъ.

Учитель уже собрался уходить, когда послышался звонъ колокольчика. Онъ замолкъ у подъѣзда квартиры Рогова.

— Неужели опять къ больнымъ потащать? Я сегодня совсѣмъ измучился!—въ отчаяніи воскликнулъ Роговъ.

По ступенямъ крыльца и корридорчику послышались легкіе, торопливые шаги, дверь отворилась, и вошелъ высокій человѣкъ, закутанный въ медвѣжью шубу.

— Пустишь переночевать? — весело спрашивалъ онъ и, не ожидая отвѣта, сбрасывалъ съ себя шубу и высокіе мѣховые сапоги. Это былъ Бѣловонскій.

— Пуцу, пуцу!—воскликнулъ Роговъ.—Петръ! Самоваръ скорѣе!

— Ну что жъ, поцѣлуемся, что ли, или такъ обойдется?—спросилъ прїѣзжій.

— Давай, поцѣлуемся. Давно ужъ не видѣлись!

— Давненько!

— Какъ ты попалъ въ наши края?

— А получилъ сюда командировку. Вѣдь я теперь исправляю обязанности слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ. А у васъ тутъ какая-то стачка... секты...

— Да вѣдь стачка кончилась миромъ!

— Эге, братъ! Это одно, это—дѣло гражданское. А преступленія миромъ кончать нельзя...

Роговъ шуточно представилъ учителя прїѣхавшему.

— Рекомендую: профессоръ нашего деревенскаго университета, Петръ Ивановичъ Никифоровъ. Много лѣтъ мирно обучалъ ребятъ грамотѣ, а съ недавняго времени увлекся Ницше и рѣшилъ, подъ его вліяніемъ, бросить школу и поступить въ дьяконы!

— Очень радъ встрѣтить въ васъ отчасти единомышленника: я тоже люблю Ницше, хотя къ дьяконству онъ меня не склонилъ...

Петръ Ивановичъ постарался поддержать шутку.

— Да-съ! Я, признаться, самъ никакъ не ожидалъ, что философія свѣрхчеловѣка на деревенской почвѣ будетъ имѣть такія послѣдствія!—смѣясь, отвѣтилъ онъ:—а для васъ, столичнаго жителя, это тѣмъ болѣе сюрпризъ!.. Но въ Россіи всякая философія принимаетъ неожиданныя формы!

„Да онъ вовсе не глупъ“,—подумалъ Роговъ.

Петръ принесъ самоваръ. Заказали яичницу.

— Ну, что же ты тутъ, какъ? Разсказывай!—спрашивалъ Бѣлоковскій, помѣщаясь на кушеткѣ.—Давно ли моего отчима видѣлъ? Что онъ? Постарѣлъ? Все такой же оптимистъ?

— Видѣлъ на дняхъ. Подробности о немъ разскажу послѣ. А вотъ ты намъ разсказывай новости. Ты въ „губерніи“ живешь! А мы что? Заплѣсневѣли здѣсь.

— Ужъ и заплѣсневѣли! Знаю я тебя, другъ любезный! Помню, какъ ты, бывало, о мужикѣ плакалъ! Ха-ха-ха!.. Нѣтъ, серьезно говорю: ну, какъ дѣла? Кипятъ? Артели, кассы, кустарный банкъ, воскресныя школы, сыроварни, мыловарни растутъ, какъ грибы? А?—И онъ трепалъ Рогова по плечу.

— Шутить этимъ грѣхъ,—отвѣтилъ тотъ:—ты вѣдь знаешь, что ничего этого нѣтъ!..

— Да неужели?! А я-то надѣялся проѣхать по медовой рѣкѣ съ кисельными берегами!.. Даже ложку привезъ... Жаль, жаль!.. Ахъ, вы, господа, живущіе мечтами и утопіями!..

— А ты все прежній! Вышучиваешь всякую попытку внести что-нибудь въ жизнь свѣжее, лучшее!..

— Избави Богъ! Это я шучу оттого, что весель, а весель оттого, что увидѣлъ тебя... Если хочешь, я буду плакать о твоихъ неудачахъ, но послѣ... Теперь ты желаешь знать, остался ли я прежнимъ? Конечно, дружище! Я все такой же созерцатель всеобщаго хаоса и комедіи російской исторіи, какъ и былъ... Смотрю и посмѣиваюсь...

— И тебѣ не скучно?

— Какой вопросъ! Если смѣюсь, значить, не скучно! Нѣтъ, серьезно: я же тебѣ писалъ, что у меня есть и кое-что положительное... Но объ этомъ послѣ... Теперь давай еще чаю! А вотъ и яичницу несутъ! Да какой у тебя славный Захаръ!

— Онъ не Захаръ, а Петръ...

— А! Неужели Петръ? А я думалъ, онъ къ тебѣ поступилъ отъ Ильи Ильича Обломова...

— Тотъ былъ лѣнтяй и резонеръ, а Петръ—воплощенная

дѣтельность. Это и моя нянька, и мой сторожъ, и провизоръ въ аптекъ...

— Почтенный мужчина!—воскликнулъ Бѣловонскій, поглощая яичницу.—Что же ты ничего мнѣ не скажешь объ отчимѣ, о Вѣрѣ Павловнѣ? А „маманы“ мою видѣлъ? Какова величественность?! У китайскаго богдыхана проще! Ахъ, сколько я о ней анекдотовъ помню! А на Лядовой ты еще не женился?.. Напрасно, братъ, случай упускаешь! И я бы приволокнулся...

— Довольно вздоръ болтать!

— Это, братъ, не вздоръ, а философія: лови моментъ, собирай съ жизни весь медъ, каковой попадется на пути... Вы—идеалисты въ родѣ моего отчима—скучные люди! Уставитесь въ одну какую-нибудь точку и жуete ее и пережевываете... А жизнь въ это время бѣжитъ мимо васъ, создаетъ новыя точки, новыя формы, новыя требованія... Надо около всѣхъ ихъ покружиться, чтобы со всего собрать медъ, да и отъ жизни не отстать... А, главное, надо самому жить... Я недавно прочелъ чудесное стихотвореніе:

Près de nous est le trou béant.
 Avant de plonger au gouffre,
 Fais donc flambeau de ton néant,
 Aime, rêve et souffre!

—Дальше не помню, кромѣ заключительныхъ стиховъ:

Brûle ton coeur, songe au tombeau,
 Où tu deviendras poussière...

— Это что же значить?—спросилъ Роговъ:—я, признаться, плохо понимаю по-французски.

— А значить это: передъ нами зияющая дыра, т.-е., попросту; могила, гдѣ мы сдѣлаемся прахомъ; а потому: не будемъ ослами, на которыхъ ѣздить и возять тяжести, а заставимъ другихъ везти себя...

— А сами что будемъ дѣлать?

— Любить, мечтать и... въ стихахъ сказано: souffre,—страдать. Но поэтъ все же былъ глуповатъ... Я не хочу souffrir, а хочу наслаждаться, потому что въ другой разъ жить не буду, и никому передавать по наслѣдству моего права на наслажденіе не хочу...

— Вотъ это—философія! И хотя бы для этого нужно было давить другихъ колесницей, везущей твое драгоценное существо на вершину наслажденія?

— Ну, зачѣмъ же непременно давить? Даже хорошій ку-

черъ кричить толпѣ: „Эй, вы! Посторонитесь!“ Ну, и я то же дѣлаю. Просто изъ эстетическаго чувства: раздавленные противны! Ну, а если подвернулся подъ колеса, такъ я не виноватъ, что онъ глупъ и глухъ!.. И раздавлю! Сворачивать не буду для дураковъ! Иначе прїѣдешь туда, куда Макаръ телячь не гонялъ, — какъ это случилось съ отчимомъ...

— Ну, а какъ же исторія? Пусть она складывается сама собой?

— А какое мнѣ дѣло до исторіи! Вѣдь я тогда жить не буду! Да и что, кромѣ смерти, даже всему земному шару, даже всей солнечной системѣ, дастъ исторія въ своемъ финалѣ?!

— Смотрю я на тебя и думаю, — сказалъ Роговъ: — какъ ты встрѣтишься съ отчимомъ? Какое онъ горькое впечатлѣніе вынесетъ, бѣдняга, отъ твоего „профессіонъ де фуа“... Только этого удара ему еще недоставало отъ жизни!..

— Ха-ха-ха! Какой ты наивный, Медвѣдъ Захаровичъ! На какой пошленькой стрункѣ ты вздумалъ играть! Жальными словами вздумалъ разубѣждать! Ахъ ты, бѣдняга, бѣдняга! Да какъ же ты не поймешь, что убѣжденія складываются всей жизнью, что ихъ нельзя измѣнить оттого, что будетъ огорченъ какой-нибудь усталый идеалистъ съ разжижающимся мозгомъ! Нѣтъ, ты меня начинаешь сердить! Я жалѣю, что заѣхалъ къ тебѣ. Надо бы прямо къ отчиму. Онъ понялъ бы, что такъ мнѣ возражать нельзя...

Бѣлоконскій былъ раздраженъ и взволнованъ. Отливъ нервно нѣсколько глотковъ чаю, онъ снова заговорилъ:

— Въ этихъ жалкихъ словахъ, когда ими думаютъ убѣдить, нѣтъ ничего, кромѣ жестокости и деспотизма. Да! Я сейчасъ взволнованъ, разстроены! А почему? Да очень просто: я люблю Рахмарова, да, люблю! И цѣню его не меньше, чѣмъ ты! И мнѣ страшно жаль, что я его огорчу... Но какое же это можетъ имѣть вліяніе на мои убѣжденія?! Я могу ихъ скрыть отъ него, и только... Но это мнѣ противно... Значитъ, мнѣ и безъ того больно, такъ зачѣмъ же еще меня пилить этимъ?! Если можешь, — возражай, спорь, а не пили по больному мѣсту!.. Вотъ и „мамана“ огорчится тоже, что я не по ея думаю! Ну, что же ты меня не плишишь: „ахъ, де, она будетъ огорчена! заведи и ты у себя китайскія церемоніи“!

Учитель благоговѣнно прислушивался къ тому, что говорилъ Бѣлоконскій. Идея его казалась ему неожиданнымъ, новымъ открытіемъ, и мысленно онъ говорилъ себѣ, когда уходилъ отъ

Рогова: „Вотъ это—настоящій мудрецъ! Геній! А вѣдь какой молодой“!

По уходѣ учителя, Бѣлоконскій сталъ зѣвать и попросилъ устроить себѣ спанье.

Роговъ былъ задѣтъ его репликой. Онъ понималъ, что сказалъ глупость, думая повліять на гостя предстоящимъ огорченіемъ Рахмарова. Ему хотѣлось загладить эту ошибку, возразить что-нибудь важное, существенное, умное... И тутъ было не одно самолюбіе. Оно даже ушло на задній планъ. Тутъ было желаніе отстоять свою „вѣру“ противъ безвѣрія Бѣлоконскаго. Рогову было жаль его: ему казалось, что веселость и развязность этого „созерцателя“—напускныя, что въ душѣ у него должно быть холодно, пустынно и ужасно скучно; онъ острить и смѣется, чтобы заглушить это чувство тоски и жуткости безвѣрія... Роговъ любилъ Бѣлоконскаго по воспоминаніямъ юности; ему хотѣлось бы вдохнуть въ стараго товарища свою вѣру, свое чувство... Но какъ это сдѣлать? Съ какой стороны подойти?..

Оба молчали и молча улеглись спать: Роговъ—на кушеткѣ, а Бѣлоконскій въ его спальнѣ, на желѣзной кровати.

— Ты можешь мнѣ отвѣтить на два вопроса?—окликнулъ Иванъ Захаровичъ своего товарища.

— Спрашивай.

— Какой же планъ ты придумалъ, при твоемъ полномъ равнодушіи къ людямъ и ихъ жизни?..

— Ты ошибаешься, говоря о „полномъ“ моемъ равнодушіи. Я не равнодушенъ къ текущей дѣйствительности. Въ ней меня многое злитъ, бѣситъ, и больше всего—глупость человѣческаго стада! Я ненавижу эту глупость, несущую безсмысленныя тяжести и угѣшающуюся тѣмъ, что на эти тяжести наклеены разные баяники, украшенія, вывѣски... Еслибы я избралъ себѣ въ жизни какую-нибудь общественную работу, такъ это исключительно—борьбу противъ стадной глупости.

— И какія же средства ты проектируешь?

— Средства опредѣляются моей личной силой. Вѣдь эта стадная глупость—сила, и огромная сила. Чтобы бороться съ нею, надо недожинную силу, взятую у этого же стада... А кумиръ этого стада—деньги, богатство... И я добьюсь этой силы. Я добьюсь, чтобы въ моихъ рукахъ было какъ можно больше этого кумира... И тогда я рѣшу, какъ поступать въ моихъ цѣляхъ... А до тѣхъ поръ надо забраться прежде на эту первую ступень лѣстницы... Дальнѣйшая цѣль опредѣлится потомъ, всею совокупностью условій момента...

— И эта первая ступень—Надежда Николаевна Петренко? —спросилъ Роговъ.

— Если она подставитъ спину,—да! Если нѣтъ, то мнѣ все равно, кто будетъ этой ступенью...

— Но вѣдь это ужасно!—воскликнулъ Роговъ, не удержавшись:—это—продажа самого себя, да еще и безъ определенной цѣли...

— Ты, братецъ, говоря мягко, такъ неуменъ, что съ тобой говорить больше не стоитъ,—сказалъ раздражительно Бѣлоконскій,—да и мнѣ спать хочется... Довольно!..

Роговъ не предлагалъ больше вопросовъ, но ему не спалось, и онъ слышалъ, что Бѣлоконскій не спитъ тоже, ворочается, зѣваетъ... Такъ прошло съ четверть часа. Роговъ думалъ теперь о томъ, что во взглядахъ Бѣлоконскаго есть много общаго съ взглядами Софьи Лопатиной. „Они поняли бы другъ друга, — подумалъ онъ:—то же отсутствіе вѣры въ какіе бы то ни было идеи и идеалы. Та же надежда замѣнить какой-то дѣятельностью чисто отрицательнаго характера идеалы; ненависть и вражда— у той—къ людямъ, мѣшающимъ жить, а у этого—къ глупости человѣческаго стада, несущаго ярмо... И причины, создавшія этихъ людей, не однѣ ли и тѣ же? Отсутствіе чувства любви, отсутствіе вѣры въ лучшее и полный, совершенный хаосъ въ области идей“?

Въ это время Бѣлоконскій не выдержалъ и заговорилъ первый:

— Ты, вотъ, давеча сказалъ, что надѣнешься для своихъ плановъ на прїѣздъ Надежды Николаевны, т.-е. на ея деньги? Когда идетъ дѣло о твоихъ планахъ, ты не будешь стыдиться вылянчивать ихъ у нея. А я кланчить не хочу! Я приду и овладѣю и деньгами, и ею, какъ господинъ... Это, по твоему, я продаю себя!.. А когда я служу какимъ-то слѣдователемъ, ненавида это дѣло, служу за глупые гроши, — это я не продаю себя?! Нѣтъ, я убилъ бы себя завтра же, еслибы хотя на минуту повѣрилъ, что я изъ доли подъяремнаго раба этого стада не выйду къ долгу господина надъ нимъ, господина, который самъ держать въ рукахъ бичъ и гонить это стадо туда, куда ему хочется...

Роговъ не отвѣчалъ, но спать онъ не могъ. Его мысль работала въ прежнемъ направленіи, а именно, надъ сходствомъ стремлений Бѣлоконскаго и Софьи Петровны: и тамъ, и здѣсь стремленіе къ невѣдомой, но непремѣнно широкой жизни; и тамъ, и здѣсь невѣріе въ то множество идей, которыя прошли

въ умѣ, временно увлекли, но не закрѣпили тамъ, выбитыя противоположными идеями, которыя тоже не удержались... Затѣмъ ему представился другой вопросъ: „Каковъ будетъ результатъ встрѣчи этихъ двухъ натуръ, у которыхъ такъ много точекъ соприкосновенія“?

Ревнивое чувство зашевелилось въ немъ. Онъ ясно представилъ себѣ красиваго, изящнаго, ловкаго Бѣлоконскаго, съ его бархатными глазами, съ его попойной, внушительно-мягкой и вкрадливой рѣчью рядомъ... и въ сердце закралось робкое, тревожное, тоскливое чувство.

Вопреки своему ожиданію, Бѣлоконскій и послѣ своей реплики долго не могъ заснуть. Онъ представилъ себѣ свиданіе съ отчимомъ, и неприятное чувство усилилось: „Вѣдь непременно повторится то самое, что онъ пережилъ сейчасъ: его будутъ третировать съ сожалѣніемъ и съ высоты идеалистической морали. Придется возражать, какъ будто оправдываться... Оправдываться въ чемъ? Въ томъ, что я пошелъ дальше ихъ, что я лучше умѣю мыслить“!

И онъ сталъ думать: „Ужъ стѣдуетъ ли заѣзжать къ отчиму? Радости ни себѣ, ни ему отъ этого свиданія не будетъ, а неприятныхъ ощущеній не оберешься“!

Но что-то тянуло его къ этому человѣку: онъ привыкъ его любить и уважать. Онъ привыкъ имъ гордиться. Росъ онъ подъ вліяніемъ матери. Сошелся съ отчимомъ и сталъ понимать его только въ среднихъ классахъ гимназій. Но какіе горизонты онъ раскрылъ передъ нимъ въ то время! Юноша благоговѣлъ передъ нимъ, ловилъ каждое его слово, стараясь не только понять его, но и жить такъ, какъ тотъ указывалъ... Даже и теперь, когда онъ сталъ относиться къ Рахмарову свысока, онъ глубоко взволновался, вспоминая темныя аллеи парка, по которымъ они вдвоемъ ходили по цѣлымъ часамъ, разсуждая, иногда споря... Онъ помнилъ, что въ концѣ одной аллеи была бесѣдка надъ прудомъ. Тамъ отчимъ работалъ, читалъ. Юноша помѣщался около него, часто обращаясь съ замѣчаніями и вопросами по поводу какого-нибудь мѣста въ книгѣ, которое его или восхитило, или вызвало возраженія. Онъ ясно помнилъ цвѣтущія акаціи вокругъ этой бесѣдки... Яркіе лучи солнца бѣгали въ видѣ кружковъ по деревянному столу, сколоченному изъ досокъ... Жужжали пчелы и шмели на желтыхъ цвѣтахъ акацій...

Но жить по принципамъ отчима, — немного рахметовскимъ, — было нелегко: воспитаніе матери развило въ немъ совсѣмъ инныя привычки, утонченные вкусы, физическую избалованность,

эстетизмъ... Пока онъ жилъ въ деревнѣ съ отчимомъ, — это все спадало. Онъ ходилъ съ нимъ и по избамъ, и по полямъ; они забирались и въ лѣсъ, купались вмѣстѣ, спали на сѣнѣ... Но едва попавъ въ столицу, юноша точно перерождался: его захватывали прежнія привычки: хотѣлось всюду казаться аристократомъ, богатымъ баричемъ, стоять у всѣхъ на виду — и костюмомъ, и рѣчами, и убранствомъ своей студенческой квартиры, и знакомствами въ средѣ знаменитостей литературы, театра, великосвѣтскаго общества. Въ немъ не происходило рѣзкаго раздвоенія, не было мученій совѣсти оттого, что онъ не слѣдуетъ принципамъ отчима, но его мучила иногда мысль, что еслибы тотъ зналъ его жизнь, то не уважалъ бы его. И юноша придумывалъ себѣ оправданія въ формѣ разныхъ теорій, болѣе или менѣе возвышеннаго характера, гдѣ все оправдывалось какими-то высокими планами и цѣлями впереди; эти планы и цѣли хотя еще не оформились, но они должны оформиться, и т. д. Онъ много и часто писалъ отчиму изящнымъ и образнымъ языкомъ, старался понравиться ему оригинальностью своихъ образовъ, тонкостью наблюдений, глубиной и неожиданностью чувствъ...

Когда онъ попалъ въ губернской городъ, его охватила новая среда — среда губернскихъ „сливокъ“, съ одной стороны, и среда чиновниковъ-карьеристовъ и чиновниковъ-тружениковъ — съ другой. Онъ стоялъ между двумя этими мірами. Первый тянулся за петербургскими высшими сферами во всемъ: въ послѣднемъ вѣяніи, въ послѣдней модѣ на слова, галстуки, ботинки...

Второй міръ холопствовалъ передъ первымъ, стараясь такъ же подражать ему, какъ тотъ подражалъ Петербургу и холопствовалъ передъ Петербургомъ... Оба міра язвительно подтрунивали исподтишка надъ тѣми, кому они подражаютъ и передъ кѣмъ холопствуютъ, но по наружности было одно только благолѣпіе и благоговѣніе.

Бѣлоконскій одинаково презиралъ и тѣхъ, и другихъ, но вторыхъ даже больше, потому что здѣсь, зная его связи съ высшими сферами, передъ нимъ холопствовали, ему льстили, передъ нимъ лебезили.

Дальше, за ширмами этихъ двухъ официальныхъ міровъ, были „дамы“. Онѣ здѣсь скучали нѣсколько меньше, чѣмъ въ уѣздномъ городѣ. Здѣсь былъ болѣе широкій выборъ для флирта, было больше развлеченій въ приемахъ, визитахъ, балахъ, концертахъ, спектакляхъ съ аллегри и т. д. Но въ сущности подъ этимъ скрывалось то же болото, какъ и въ уѣздныхъ городахъ, только это болото было покрыто болѣе разнообразными цвѣтами,

болѣе мягкой травой, манящей къ себѣ. Оно было болѣе способно затянуть въ себя. И это болото его незамѣтно втягивало. Въ этомъ болотѣ не было ничего твердаго, чему можно бы было сопротивляться, съ чѣмъ хотѣлось бы побороться.

Быстрое назначеніе его на мѣсто, довольно видное въ губернскомъ муравейникѣ, удовлетворило лишь на минуту его честолюбіе. „А что же дальше? Мѣсто прокурора, члена суда, даже дальше — предсѣдателя суда“? Все это не казалось ему завиднымъ и привлекательнымъ... Засѣсть на „такое“ мѣстѣ, чтобы изо дня въ день тянуть все ту же лампу? Вездѣ надъ нимъ будетъ „начальство“, которому нужно „угождать“, не чувствуя себя никогда самимъ собою... Вращаться все въ той же средѣ, уже надоѣвшей порядочно въ одинъ годъ... Все это казалось такимъ ужаснымъ, что онъ впалъ бы въ отчаяніе или спился, еслибы въ его мечтахъ не мелькали какіе-то иные широкіе горизонты, которые въ послѣднее время все крѣпче связывались съ образомъ милліонерши, Надежды Николаевны Петренко...

XV.

Когда утромъ Петръ пришелъ будить Рогова, тотъ поднялся и сталъ тихо одѣваться, чтобы не разбудить товарища; чай онъ велѣлъ приготовить себѣ въ приѣмномъ покоѣ.

Въ комнату лился съ улицы пріятный бѣлый свѣтъ отъ выпавшаго за ночь снѣга. Трое крестьянскихъ „дровней“, запряженныхъ клячами, стояли у коновязи передъ окнами приѣмнаго покоя. Это пріѣхали больные.

— Много ли собралось? — спросилъ Роговъ шопотомъ у Петра.

— Да ужъ человѣкъ двѣнадцать будетъ, ваше высочордіе...

У Рогова отъ безсонной ночи болѣла голова и чувствовалось общее недомоганіе. Онъ вышелъ въ сѣни и, отворивъ дверь на улицу, простоялъ нѣсколько минутъ на крыльцѣ, вдыхая свѣжій утренній воздухъ, въ которомъ слегка слышался запахъ „соломеннаго дымка“. Онъ любилъ зиму, любилъ снѣгъ. Головная боль стала проходить, глаза весело смотрѣли на снѣговую пелену и на деревья, покрытыя инеемъ. Смутными, неясными образами пронеслись воспоминанія дѣтства: путешествія по молодому снѣгу съ толпой крестьянскихъ ребятъ, отыскивавшихъ заячьи слѣды, катавшихъ снѣжные шары и дѣлавшихъ изъ этихъ шаровъ снѣговую статуи...

Нѣсколько разъ онъ вздохнулъ глубоко, всей грудью, бодрый воздухъ и вошелъ въ пріемный покой. Здѣсь его охватилъ сразу удушливый, сладковато-кислый запахъ лекарствъ, мазей, овчянныхъ полушубковъ, мужицкихъ онучъ. Собравшіеся мужики и бабы поднялись при входѣ его. Каждый день повторялось это, но почему-то сегодня, послѣ вчерашнихъ споровъ, все это казалось ему не такимъ, какъ всегда. Только въ первые дни своего пріѣзда въ деревню онъ чувствовалъ такое тихое, радостное волненіе отъ своей работы, отъ этой толпы, которой онъ долженъ былъ служить, даже отъ этого запаха овчины, напоминашаго ему, для кого онъ работаетъ.

Поздоровавшись съ крестьянами, онъ быстро прошелъ въ свой небольшой „кабинетъ“, торопливо сталъ умываться, жадно поглядывая на стаканъ дымящагося, душистаго чая, уже внесенаго Петромъ.

— Посылай больныхъ!—сказалъ онъ ему, отпивая нѣсколько глотковъ.

Вчерашнія думы и споры казались ему теперь кошмаромъ, который постепенно разлетался. „Развѣ это не жизнь и не дѣло? — думалъ онъ, подбодряя себя: — Настоящая, реальная жизнь! Какая тутъ утопія!“

Одинъ за другимъ входили въ нему больные — мужики, бабы; приводили дѣтей, которыя неистово кричали и плакали, увидѣвъ незнакомаго „барина“. Приходилось не только разспрашивать, но и выслушивать совершенно ненужныя подробности, цѣлыя повѣствованія, повторять по десяти разъ одинъ и тотъ же совѣтъ, и убѣждаться, что его поняли, выступать и выслушивать, осматривать всякія раны и сыпи. И все это нужно было дѣлать внимательно и какъ можно скорѣе: народу ждало много.

Уже съ десятковъ больныхъ отпустилъ Роговъ, когда въ кабинетъ вошелъ Бѣловднскій, съ нѣсколько брезгливымъ видомъ.

— Я пришелъ проститься; ты извини меня, если я вчера былъ рѣзокъ,—сказалъ онъ.

— А ты теперь куда же?

— Да сначала въ контору: опрошу нѣкоторыхъ „зачинщиковъ“, затѣмъ зайду въ Надеждѣ Николаевнѣ, а оттуда поѣду къ отчиму. На обратномъ пути ты позволишь мнѣ остановиться у тебя? Мнѣ придется прожить здѣсь нѣсколько дней, чтобы основательно обследовать дѣло.

— Пожалуйста пріѣзжай.

— Ну, такъ я поѣду. Прощай!

Стали входить больные. Роговъ провозился съ ними часовъ

до четырехъ, и уже пріемъ подходилъ къ концу, когда за дверью послышались крики. Сторожъ удерживалъ кого-то, убѣждая, что не въ очередь входить къ доктору нельзя; тѣмъ не менѣе въ кабинетъ ворвалась маленькая старушонка въ засаленномъ полушубкѣ и черномъ платкѣ, сбившемся на сторону въ борьбѣ со сторожемъ. Переступивъ порогъ, она упала доктору въ ноги и, не поднимая головы, заголосила:

— Родимый! Защити съ сиротами! На тебя одного надежда! Заступись, кормилецъ ты нашъ!

Врачъ растерялся, подбѣжалъ къ старухѣ и старался поднять ее съ пола. Она долго не могла ничего объяснить, произнося все тѣ же возгласы, сопровождаемые рыданіями. Роговъ началъ терять терпѣніе.

— Да говори же, въ чемъ дѣло!—почти закричалъ онъ:— Мнѣ вѣдь некогда! Тамъ другіе ждутъ.

Старуха опомнилась и заговорила болѣе толково:

— Охъ, родимый! Меня Федя послалъ къ тебѣ... Знаешь, небось, Федора Ермолаева, что возилъ тебя прежде..

— Какъ не знать Федю! Такъ ты его мать, что ли, будешь? Что съ нимъ такое? Захворалъ?

— Охъ, еслибы захворалъ, бѣда невелика! А то даже и выговорить-то страшно! Вѣдь мать я ему! Каково это выговорить-то!

— Говори же скорѣе!

— Въ острогъ его хотятъ взять... Охъ, охъ, головушка моя горькая!—заголосила баба и опять упала на полъ.

— Да за что же? Что такое случилось?—волновался Роговъ, стараясь дать старухѣ воды. — Расскажи ты мнѣ, ради Бога, толкомъ, бабушка!

Наконецъ старуха заговорила болѣе связно, продолжая дрожать какъ въ лихорадкѣ:

— И ума не приложу, миленькій, за что?! И самъ онъ хорошенько понять не можетъ, велѣлъ только мнѣ скорѣе къ тебѣ бѣжать! „Скажи, говорить, Ивану Захаровичу, что его пріятель слѣдовщикъ меня хочетъ въ острогъ отправить. А за что, и самъ я, говорить, не знаю“!

— А раньше слѣдователь его вызывалъ?—спросилъ Роговъ.

— Съ утра въ контору вызвали... Тамъ до сихъ поръ и былъ... А оттуда ужъ съ десятскимъ привели сейчасъ... Дали только собраться, а потомъ прямо въ острогъ отправятъ... Охъ, что же мнѣ дѣлать-то, отецъ ты нашъ родной! Вѣдь онъ, слѣдовщикъ-то, тебѣ пріятель, у тебя и ночевалъ, сказываютъ...

Попроси ты его! Чтò мы будемъ безъ Федора дѣлать! Старикъ—хворый... Пятеро ребятшекъ у солдатки, вдовы старшаго сына... всѣ маховькіе... Только я да онъ, Федя, и работали... Онъ теперь на фабрикѣ хорошее жалованье получалъ... Поддержка была... А теперь чтò же будетъ-то? Съ сумой идти надо, Господи! А срамъ-то какой передъ людьми! Осторожнѣй!.. Вѣдь это сказать страшно!.. И еще, золотой ты мой, не смѣла сказать твоей милости: какъ услышала эту вѣсть Матрена, молодайва его, — ударилась объ полъ и сдѣлалось съ нею неладно что-то...

— Чтò же именно?

— А то, что за „бабкой“ посылать пришлось, батюшка. Она ужъ по четвертому мѣсяцу въ тягости... Да чтò наши бабки! Федя и это велѣлъ тебѣ сказать!.. Онъ бабкамъ-то не вѣрить...

— Я сдѣлаю все, чтò могу, — утѣшалъ ее Роговъ. — Скажи мнѣ: слѣдователь говорилъ ему, что нынче отправить?

— Нынче, родимый, нынче!..

— А гдѣ слѣдователь теперь?

— Да онъ изъ конторы къ барышнѣ прошелъ въ домъ, — мнѣ десятскій сказывалъ.

— Ну, я ему сейчасъ записку напишу, чтобы меня у ней дождался, а самъ поѣду къ вамъ посмотрѣть молодайку. Да и отъ Феде надо узнать, за чтò его? А то я и не знаю, чтò и говорить слѣдователю...

Роговъ, выйдя изъ пріемнаго покоя, сѣлъ на чьи-то крестьянскія дровни, привезшія больныхъ изъ сосѣдней деревни. Старухи уже не было: она бросилась впередъ, бѣгомъ, чтобы предупредить и успокоить домашнихъ о согласіи доктора помочь имъ.

Въ концѣ деревни стояла изба знакомаго намъ Феде, съ новымъ крылечкомъ по срединѣ, украшеннымъ рѣзбой. Окна были тоже съ рѣзбой, раскрашенной разноцвѣтными узорами. Роговъ зналъ, что всѣ эти украшения дѣлалъ на досугѣ Федя, послѣ того какъ бросилъ ямщичество и поселился дома, взявъ работу на фабрикѣ.

Теперь на крылечкѣ сидѣли два крестьянина съ дубинами, изображавшіе собою стражу, охранявшую преступника.

Прежде всего Роговъ отправился къ больной, которую уже успѣли перенести въ баню, такъ какъ послѣ припадка у нея начались мучительныя схватки, предвѣстники наступающихъ преждевременныхъ родовъ. Баня топилась „по черному“, т.-е. дымъ выходилъ не въ трубу, а прямо подъ потолокъ и оттуда въ растворенную дверь. Верхняя половина бани была, такимъ

образомъ, вся наполнена густымъ дымомъ, и только внизу, у самаго пола, согнувшись, можно было дышать, и то задыхаясь и кашляя.

Жена Оеди, Матрена, лежала на лавкѣ. Роговъ ничего не видѣлъ отъ дыма и, пригнувшись почти къ самому полу, гдѣ дымъ былъ рѣже, пробоваль пробраться къ ней, но задохнулся отъ кашля и велѣлъ ее вынести и положить передъ баней на полушубкѣ: день былъ ясный, солнечный, и она простудиться не могла. Перенести ее въ избу было невозможно, въ виду убѣжденія крестьянокъ, что роды должны происходить въ полномъ секретѣ и безъ мужа.

Исслѣдовавъ Матрену, онъ нашель, что необходимо поскорѣе сдѣлать операцію, правда, не особенно сложную... Повончивъ съ этимъ дѣломъ уже въ банѣ, куда опять перенесли Матрену, и повозившись часа полтора, онъ забѣжалъ къ Оедѣ.

Изба была тѣсная и душная, съ полатами и обычной обстановкой—лавками по стѣнамъ, иконами и большимъ столомъ въ переднемъ углу.

Когда Роговъ вошелъ, бабы голосили, а Оедя сидѣлъ на лавкѣ за столомъ, уронивъ голову на руки. Онъ всталъ на встрѣчу доктору; лицо его было мокро отъ слезъ, но онъ постарался пересилить себя и заговорилъ своимъ обычнымъ, шутливымъ тономъ:

— Вотъ, Иванъ Захаровичъ, въ какой бѣдѣ насъ застае!т!

— Присядь, касатикъ Иванъ Захарычъ!—заговорила старуха:—Чѣмъ тебя поштовать-то? Можетъ, молочка выпьешь? Или самоварчикъ поставить...

— Полно, мать,—ласково сказала Оедя,—нешто Иванъ Захарычъ не видалъ нашего угощенія. Да и есть ли ему время!

— Нѣтъ, бабушка, мнѣ некогда,—сказаль Роговъ старухѣ:—я только зашелъ на минутку—сказать Оедѣ, чтобы онъ не тревожился насчетъ острога. Я увѣренъ, что слѣдователь мнѣ не откажетъ и отдастъ тебя на поруки, а не то мы и залогъ представимъ: Надежда Николаевна дастъ. Но мнѣ нужно знать, въ чемъ ты обвиняешься.

— Спасибо вамъ, Иванъ Захаровичъ! — сказала Оедя, видимо оживляясь:—добрый вы человекъ, и Богъ вамъ этого не оставить!

Старуха тоже благодарила, кланялась до земли, а старикъ, стоя у двери, шамкаль:

— Эхъ, и отцы же вы наши родные!.. И дай же вамъ Богъ-Батюшка...

— Такъ въ чемъ же обвиняють тебя?—перебилъ Роговъ.

— А вотъ поди жъ ты, я и самъ не знаю! Я вамъ тогда рассказывалъ, Иванъ Захарычъ, что отговаривалъ нашихъ смировцевъ отъ дебоша. Они меня тогда чуть самого не побили. Насилу ушелъ. А тутъ одинъ сторожъ на фабрикѣ показалъ, что я будто изъ первыхъ говорилъ на сходеѣ и что я всему начало, потому, имѣя-де на нихъ вліяніе, завелъ между ними общество трезвости... Ну, и припелъ тутъ такое, что Богъ ему судья!.. И „трезвенниковъ“ нашихъ припуталъ, и Аносова, у котораго вы были... Еще Господь вѣдаетъ, что изъ этого выйдетъ!..

— Не тревожься, устроимъ. Я самъ въ свидѣтели пойду, если нужно будетъ.

Федоръ и его мать снова принялись благодарить, а старикъ кланялся въ ноги, и его пришлось поднимать.

— Что, Федя, сильно ты испугался, когда узналъ, что въ острогъ пойдешь? — сказалъ Роговъ, подавая ему руку на прощанье.

— Еще бы не испугаться, Иванъ Захарычъ! Вѣдь семья; смотрите, сколько ихъ тутъ! И я не то чтобы испугался, а ужъ очень осерчалъ: диви бы за дѣло, а то вѣдь совсѣмъ я тутъ ни причемъ! Господинъ слѣдователь кричитъ на меня: „Ты, молъ, первый зачинщикъ“! А я ему резонно отвѣтилъ: „Не зачинщикъ, молъ, я, а какъ я, значить, книжки читалъ всякія и даже ученые, и даже, молъ, у батюшки вашего, Петра Григорьевича Рахмарова, ихъ бралъ,—то и было мнѣ вѣдомо, что если „заработная плата“ не въ моготу,—можно уйти съ работы... Это и точно, можетъ быть, такъ въ разговорѣ кому-нибудь и рассказывалъ... Это показалъ Семенъ Прохоровъ... по сердцу... Мы съ нимъ прежде пріатели были, ну, а тутъ повздорили недавно... Вотъ онъ и припомнилъ этотъ разговоръ. А что, говорю, насчетъ дебоша,—я отговаривалъ“. Онъ и слышать не хочетъ! Ну, я и вышелъ зачинщикомъ! А это-то самое, что я упомянулъ о томъ, какъ мнѣ Петръ Григорьевичъ книжки давалъ, я думалъ, будетъ мнѣ на пользу, а вышла одна катавасія!—Федя шутливо махнулъ рукой и засмѣялся.—Слѣдователь совсѣмъ обидѣлся: „Какъ, говоритъ, ты и отчима моего путаешь, мерзавецъ! Да я тебя! Да ты такой-сякой“! Я думалъ, онъ меня побьетъ! Ей Богу! Вотъ не ожидалъ, не чаялъ: я думалъ, пасынокъ, молъ, Петра Григорьевича и вашъ пріатель, а потому вникнетъ въ дѣло... Ну, оказалось, что онъ—господинъ совсѣмъ особой смѣлки... Я ему, судру, такъ это и брявнулъ. Ну, сейчасъ велѣлъ онъ меня, раба

Божія, вывести и—подъ стражу! И представили ко мнѣ Тимоѳея да Ермилу съ дубинами,—ровно отъ звѣря лютаго народъ охранять... Что меня сторожить?! Не убѣгу я! Куда я убѣгу отъ семьи?.. Чудаки, право!

Феда начиналъ волноваться, и голосъ его задрожалъ, хотя онъ старался придать ему шутовское выраженіе.

— Ну, успокойся! Все дѣло устроимъ!—сказалъ Роговъ и, простившись, поѣхалъ въ усадьбу Петренки.

Однако, устроить дѣло Феде оказалось труднѣе, чѣмъ онъ рассчитывалъ.

XVI.

Когда Бѣлоконскій, послѣ допроса въ конторѣ, вошелъ въ барскій домъ, его тамъ уже ждали; но Надежда Николаевна считала нужнымъ продѣлать съ нимъ всѣ формальности, которымъ подверглась сама, когда сдѣлала визитъ женѣ Рахмарова. Его встрѣтилъ въ огромной передней лакей и попросилъ обождать, а самъ понесъ его карточку во внутреннія комнаты.

Вернувшись, онъ торжественно объявилъ:

— Пожалуйте. Барышни сейчасъ выйдутъ.

— Какъ барышни?—переспросилъ Бѣлоконскій.—Развѣ Надежда Николаевна пріѣхала не одна?

— Нѣтъ-съ, онѣ пріѣхали съ компаньонкой, а теперь у нихъ гостятъ еще Софья Петровна Лопатина, дочь здѣшняго члена управы...

Бѣлоконскій вспомнилъ, что встрѣчался съ нею въ Петербургѣ у Надежды Николаевны.

Лакей провелъ его въ обширную столовую, отдѣланную дубомъ, съ широкимъ каминомъ и старинной люстрой по срединѣ потолка, который былъ украшенъ лѣпными аксессуарами охоты: оленями, зайцами, птицами и т. п.

Черезъ огромную дверь онъ прошелъ въ слѣдующую комнату, выходящую четырьмя большими окнами въ паркъ, занесенный снѣгомъ.

Гость внимательно оглядѣлъ убранство этой обширной комнаты, служившей гостиной: оно было очень простое, старо-дворянское, безъ современной пестроты и вычурности: старикъ Петренко, купившій это имѣніе у графа Зюдерзее, ничего не измѣнилъ въ парадныхъ комнатахъ.

Бѣлоконскому пришлось ждать довольно долго, но это его

радовало: „значить, одѣвается и хочетъ произвести впечатлѣніе своей внѣшностью!—подумалъ онъ:—это хорошо“!

Раскаживая по гостинной, онъ чувствовалъ давно небывалое настроеніе: ему вспомнился почти такой же домъ, въ которомъ онъ провелъ свою юность у Рахмарова. Яркія картины этой далекой поры помчались въ его умѣ. „Каковъ-то теперь этотъ нашъ домъ?—подумалъ онъ съ невольной грустью.—Какъ ясно я помню то время! Точно это было вчера“.

Онъ остановился передъ стеклянной дверью, выходящей на террасу. За обширнымъ, засыпаннымъ сугробами, цвѣтникомъ, бѣлѣла полукруглая поляна, кончавшаяся стѣной изъ старинныхъ елей, пирамидальныхъ тополей и кустовъ. Широкія аллеи шли радіусами, прорѣзывая эту древесную стѣну, покрытую инеемъ.

„Вотъ—цари нашего времени!—подумалъ онъ о Петренко:—они все могутъ“. И снова что-то серьезное, почти мрачное пробѣжало по его лицу.

Въ сосѣдней комнатѣ слышался шорохъ женскаго платья. Въ комнату вошла Софья Лопатина. Она теперь показалась ему красавицей. Его поразили ея изящно лѣнивыя, медленныя движенія, легкій румянецъ на смугломъ лицѣ, смѣлые, но равнодушные глаза, большіе и черные, подъ тонкими изогнутыми бровями. Обычной насмѣшки теперь не было въ этихъ глазахъ. Страданія, пережитыя ею въ послѣдніе дни, измѣнили ея лицо: отъ него вѣяло сосредоточенной, сознательной мыслью и тихой печалью.

— Мы съ вами немножко знакомы,—сказала Соня, протягивая ему руку.—Надежда Николаевна сейчасъ выйдетъ и просила меня занять васъ.—Послѣднія слова она сказала съ улыбкой.

— Каюсь, я не узналъ бы васъ при встрѣчѣ: вы такъ измѣнились, такъ похорошѣли!..

— И вы измѣнились... Садитесь, пожалуйста! Но я не скажу, чтобы въ лучшему: кажется, вы не говорили прежде такихъ избитыхъ комплиментовъ.

Бѣлоконскій сразу перемѣнилъ съ нею тонъ на почтительный, съ легкимъ оттѣнкомъ пессимизма.

— Да, вы правы! Я очень измѣнился! „Такъ мало прожито, такъ много пережито!“—проговорилъ онъ стихами Надсона, дѣлая задумчивое и разсѣянное лицо.—Знаете, жизнь не позволяетъ остаться тѣмъ же наивнымъ идеалистомъ-студентомъ. Многие рабито въ душѣ, въ чемъ видѣлъ святыню... Хотя храмъ

разрушенный—все храмъ, кумиръ поверженный—все Богъ... но это-то всего тяжелѣе!..

— Ну, это не въ моемъ вкусѣ!—отвѣтила она скучающимъ голосомъ:—когда я развѣнчиваю кумиръ, я даже отъ него пьедестала не оставляю... Вы сюда по дѣлу, я слышала?

— Да... А вы постоянно живете въ деревнѣ? Не скучаете?

Она отвѣтила, что не скучаетъ.

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ слышались торопливые шаги, и ласковый голосъ еще издали кричалъ:

— Здравствуйте, Бѣлоконскій, здравствуйте! Простите, что по старому называю васъ по фамилии! Вѣдь давно мы не видѣлись!

Бѣлоконскій поднялся и пошелъ на встрѣчу хозяйкѣ. Она сильно пополнѣла. Дѣвушка быстро шла къ нему, по обыкновенію путаясь въ своемъ длинномъ платьѣ; на этотъ разъ оно было суконное, темносиняго цвѣта. Наружность ея сильнѣе поразила Бѣлоконскаго своей некрасивостью послѣ того, какъ онъ не видѣлъ ея болѣе года: этотъ небольшой носикъ на кругломъ румяномъ лицѣ, маленькіе, безпокойно смотрящіе глаза, прикрытые золотымъ пенсенэ, всѣ ея движенія—напоминали разодѣтую горничную средняго разбора. Ходила и говорила она торопливо, какъ будто смущалась или спѣшила сказать какъ можно больше. Она нервно куталась въ короткую бѣлую пуховую пелеринку.

Крѣпко пожавъ руку Бѣлоконскаго своей большой красной рукой, она засыпала его вопросами самаго разнороднаго характера, которые предлагала, по обыкновенію, не ожидая отвѣтовъ, одинъ за другимъ:

— Что дѣлается въ губернскомъ городѣ? Что въ Петербургѣ? Вѣдь вы писали мнѣ, что недавно ѣздили туда въ отпускъ? Довольны ли своей службой? Кто теперь губернаторомъ у васъ? Хорошенькая ли губернаторша?—и т. д., и т. д.

— А вы остались все та же!—смѣясь, воскликнулъ онъ:—десять вопросовъ сразу! На который отвѣчать сначала?

— Нѣтъ, стойте!—перебила она его тономъ балованнаго ребенка:—вы останетесь, конечно, завтракать? А быть можетъ, и обѣдать?—Не ожидая отвѣта, она позвонила.

Сказавъ нѣсколько словъ лакею, вошедшему на звонокъ, она снова заговорила:

— Ахъ, знаете, я такъ счастлива, что попала въ деревню! Я давно мечтала объ этомъ! Зимой въ деревнѣ!—ахъ, это—пре-лесть! Это такъ ново! И знаете, какъ я это хитро устроила!

Еслибы я заѣхала въ Москву къ отцу, онъ бы навѣрное отговорилъ, да и всѣ знакомые не пустили бы... И опять не удалось бы! А я, знаете, что сдѣлала? Только изъ Вержболова дала телеграмму, что ѣду прямо сюда! Воображаю, какой тамъ переполохъ у папы! Меня ждуть! Все приготовлено! И вдругъ такая телеграмма!

Она весело и заразительно расхохоталась.

— Ну, а теперь вы-то, вы рассказываете. Я совсѣмъ не даю вамъ говорить.

— Я сейчасъ ужъ и забылъ, съ чего надо начинать; подскажите мнѣ: съ чего?

— Ну, хотя съ того, что новаго въ Петербургѣ?

— Боже! Да развѣ въ Петербургѣ бываетъ что-нибудь новое? Вѣчные споры интеллигенціи, только подъ разными соусами; это — вѣчная басня о лебедѣ, ракѣ и щуцѣ, у которыхъ возъ стоитъ на одномъ мѣстѣ...

— Узнаю васъ, узнаю! Все тотъ же! Всѣхъ вышучиваетъ! Когда же мы узнаемъ наконецъ вашу собственную программу?

Софья Петровна стала внимательна.

— Да, — сказала она: — Мнѣ Надя говорила, что вы общаете человѣчеству что-то совершенно новое... Не можете ли подѣлиться имъ съ нами?

— Къ сожалѣнію, еще не могу. У меня слово всегда идетъ рядомъ съ дѣломъ. Когда я въ состояніи буду осуществить мою программу, тогда и говорить о ней буду... Пренеприятная роль синицы, обещающей зажечь море...

— Но что же нужно, чтобы осуществить вашу программу?

— Нужны, въ сущности, пустяки: нуженъ миллионъ, и у кого онъ есть, для того это—пустяки. У меня его еще нѣтъ... Но я увѣренъ, что будетъ.

— И тогда мы узнаемъ?—спросила Соня, съ отгнѣномъ ироніи въ голосѣ.

— Да, тогда всѣ узнаютъ,—сухо отвѣтилъ онъ.

— Ну, я такъ и знала, что Соня настроитъ васъ на минорный тонъ! Она стала ужасной пессимисткой. А на сегодня я это запрещаю! Слышите! Сегодня всѣ должны быть веселы! Ни о какихъ скорбяхъ сегодня я не хочу слушать! Я для того и вырвалась сюда, чтобы ни о чемъ такомъ не слышать!

Бѣлоконскій принялъ сразу свой обычный шутливый тонъ:

— Не въ мой ли огородъ вы камешекъ бросили? Помню, какъ я васъ эксплуатировалъ, бывало, на благотворительныя затѣи.

— Еслибы вы знали, Алексѣй Петровичъ, какъ мнѣ всѣ эти „благодѣлительности“ надоѣли! Куда ни явисься — въ Москву ли, въ Питеръ ли, въ Ниццу, — сейчасъ цѣлая толпа просителей! И кто меня больше всего возмущалъ, — это наши дамы, украшенные разными титулами и чинами! Сами онѣ почти ничего не жертвуютъ, но вѣчно что-нибудь „организуютъ“ и выпрашиваютъ! Кормятъ тысячи льстецовъ, тунеядцевъ, попрошайекъ... И еслибы вы видѣли, какъ онѣ умѣютъ „подъѣхать“ къ нашему брату, „золотому мѣшку“! Вѣдь за глаза онѣ иначе не называютъ насъ, думая, что мы не люди!.. А въ глаза: „Душечка, милочка! Ваше имя гремитъ! Вы прославились на весь мѣръ своею благодѣлительностью! Пожертвуйте же и на нашъ кружокъ защиты брошенныхъ котятъ и щенковъ! Что вамъ стоитъ“! И начнутъ лстить. Кипитъ у меня все внутри! Какой дурочкой онѣ тебя считаютъ! Чтобы отдѣлаться, бросишь имъ подачку! А повѣрите ли вы: та же самая патронесса не только не позоветъ меня на свой раутъ, но, встрѣтившись на какой-нибудь Promenade Anglaise, едва удостоитъ кивнуть головой! Какъ же, вѣдь она — титулованная, а я — *ragueuse*!.. О, какъ бы я имъ всѣмъ выпарапала глаза! Право, у меня часто, какъ у *madame Sans-Gêne*, проявляются инстинкты прабабушки, которая, вѣроятно, была прачкой: не даромъ у меня такія красныя руки!..

„Бѣдняжка! — подумалъ Бѣлоконскій: — она знаетъ, что некрасива, и старается предупредить впечатлѣнїе! И какъ ей хочется, чтобы ее любили не за одинъ золотой мѣшокъ“!

Ему стало жаль ее. Онъ старался отыскивать въ ней хорошія стороны и, между прочимъ, подумалъ, что она великодушна: она не можетъ не знать, что присутствіе красивой Лопатиной усиливаетъ ея уродливость. А между тѣмъ она пригласила ее!

— Да, вамъ приходится переживать тяжелыя минуты! — съ искренней лаской сказалъ Бѣлоконскій: — не даромъ сложилась русская пословица: „не въ деньгахъ счастье“!

— А вы сами мечтаете о миллионѣ! — сказала она, смѣясь. — Я думаю, что счастье, конечно, не въ деньгахъ, но и безъ денегъ я не хотѣла бы быть. Еслибы мой отецъ разорился и мы обѣднѣли, я не стала бы жить и одного дня! Деньги даютъ свободу... Когда нѣтъ настоящаго счастья, онѣ позволяютъ забывать объ этомъ. Всего ужаснѣе, по-моему, въ деньгахъ то, что никогда не можешь рѣшить, искренно ли люди хороши къ тебѣ! Это — ужасно! Я, напримѣръ, вѣроятно, никогда не выйду замужъ: какъ я узнаю, что человѣкъ любитъ меня? А безъ любви какой ужасъ выйти замужъ!.. Вѣрить, что любятъ тебя, и потомъ убѣ-

даться, что любили твои деньги... Нѣтъ, я даже боюсь и думать объ этомъ!.. Расскажите что-нибудь веселое.

„Такъ вотъ ты какая!—подумалъ Бѣлоконскій:—Однако, съ тобой, пожалуй, будетъ труднѣе уладить дѣло, чѣмъ я думалъ. Ну, да ты это такъ только разговариваешь! А какъ до дѣла дойдетъ...“—И онъ началъ весело болтать, пересыпая рѣчь островами. Въ преувеличенно-карикатурномъ видѣ изобразилъ представительницъ губернскаго бомонда. При этомъ рѣчь велась такъ, чтобы Надежда Николаевна была поражена его утонченными познаніями въ отгѣнкахъ великосвѣтскихъ обычаевъ, манеръ, пріемовъ, французскаго и англійскаго языковъ и т. п. Результатомъ первой части его болтовни было то, что Надежда Николаевна почувствовала нѣкоторый страхъ за свои манеры, обстановку, рѣчь, и потеряла развязность. Описывая свою послѣднюю поѣздку въ Петербургъ, онъ вышутилъ тамошнюю интеллигенцію, борьбу партій и направлений. Пострадали и народники, и марксисты, и декаденты, и ницшеанцы. Впрочемъ, о послѣднихъ онъ сказалъ, что имъ можетъ предстоять будущее, если среди нихъ явятся сильные умы, которые сдумаютъ понять основной принципъ.

Соня обратилась къ нему съ вопросомъ, показавшимъ, что онъ возбудилъ въ ней любопытство:

— А вы не можете сообщить, въ чемъ же, по вашему, этотъ основной принципъ ницшеанства?

— Я не смѣю нарушать запрещенія Надежды Николаевны говорить о серьезныхъ матеріяхъ,—уклончиво отвѣтилъ онъ.— Да мы, надѣюсь, еще будемъ имѣть время поговорить объ этомъ. Сегодня я увѣжаю къ моему отчиму и матери, но скоро вернусь, и мнѣ придется прожить здѣсь нѣсколько дней для окончанія слѣдствія.

— А въ какомъ оно положеніи?—спросила Надежда Николаевна.—Я надѣюсь, что никто не пострадаетъ?..

— Увы! Даже вамъ я не имѣю права выдать тайны слѣдственнаго производства!—любезно, но серьезно сказалъ Бѣлоконскій.

Въ это время подали записку отъ Рогова, просившаго слѣдователя подождать его у Петренко... Онъ сообщилъ объ этомъ дамамъ, и когда по этому поводу зашелъ разговоръ о Роговѣ, причѣмъ объ дѣвушки восхищались молодымъ врачомъ, Бѣлоконскій незамѣтно и очень тонко сталъ вышучивать Ивана Захаревича, дѣлая видъ, что тоже восхищается имъ, какъ горячимъ и увѣреннымъ народникомъ. Онъ описалъ квартиру Рогова, гдѣ полъ засыпанъ окурками папирось, а на хозяйнѣ грязное, заса-

ленное студенческое пальто. Онъ разсказалъ, заставивъ смѣяться слушательницъ, какъ Роговъ, послѣ горячаго спора съ нимъ, отмстилъ ему такимъ храпомъ, который не далъ ему спать всю ночь. Даже пріемъ больныхъ и отношеніе къ нимъ Рогова онъ описалъ въ смѣшномъ видѣ, представивъ, какіе глаза сдѣлалъ Иванъ Захаровичъ, когда сегодня утромъ онъ вошелъ къ нему въ кабинетъ, чтобы проститься, и оторвалъ его на пять минутъ отъ пріема больныхъ.

— Я думалъ, что онъ упадетъ въ обморокъ, этотъ фанатичный эскулапъ, оттого, что я помѣшалъ его великой миссіи— выдергивать мужицкіе зубы, прорѣзывать отвратительные нарывы и кормить крестьянскихъ бабъ и ребятокъ всякой дрянью...

Позвали завтракать.

Роговъ явился только тогда, когда уже встали изъ-за стола. Но онъ не вошелъ въ гостиную, отговариваясь тѣмъ, что является прямо отъ больныхъ и не успѣлъ переодѣться. Онъ просилъ лакея вызвать Бѣловонскаго въ переднюю.

На самомъ дѣлѣ больные были только предлогомъ. Иванъ Захаровичъ боялся встрѣчи съ Соней здѣсь, въ первый разъ послѣ того, какъ она намекнула ему о своей любви къ Рахмарову.

— Скажи, голубчикъ,—говорилъ онъ лакею,—что я не могу войти... И... и... скажи, что мнѣ нужно говорить съ слѣдователемъ наединѣ объ очень важномъ дѣлѣ по его должности...

Бѣловонскій вышелъ въ переднюю.

Лакей провелъ ихъ въ кабинетъ Надежды Николаевны.

Оставшись вдвоемъ съ Бѣловонскимъ, Роговъ прямо приступилъ къ дѣлу:

— Алексѣй Петровичъ, неужели нельзя не подвергать Теодора Ермолаева предварительному заключенію? Это—любимецъ и ученикъ твоего отчима.

— Тѣмъ болѣе я не имѣю права дѣлать для него снисхожденія,—отвѣтилъ Бѣловонскій.

— Да какое же тутъ снисхожденіе? Вѣдь предварительное заключеніе принимается какъ мѣра предупреждающая, чтобы обвиняемый не могъ уклониться отъ суда. Какія же у тебя основанія допустить, что онъ убѣжитъ? Это даже невозможно для него! Онъ въ семьѣ единственный работникъ! Взявъ его въ тюрьму, ты разоришь гнѣздо, гдѣ онъ кормитъ семь ртовъ! Зачѣмъ это?

— Въ острогъ сажаютъ не только для этого,—отвѣтилъ

Бѣлоконскій.— Оставаясь на свободѣ, онъ можетъ уничтожить слѣды преступленія, подговорить свидѣтелей...

— Допустимъ! Но для этого ты долженъ убѣдиться, что онъ совершилъ преступленіе. А я тебя увѣряю, что онъ невиненъ. Я говорилъ съ нимъ въ день стачки. Онъ былъ противъ беспорядковъ. Ты можешь допросить меня. Онъ первый поддерживалъ мою мысль, чтобы твой отчимъ отправилъ телеграмму Надеждѣ Николаевнѣ!

— Недостаетъ только, чтобы ты не только себя и Рахмарова, но и ее запуталъ въ это дѣло! Ты, право, настоящій ребенокъ! И что тебѣ дался этотъ Ермолаевъ? Бахвалъ! Сразу стады мнѣ хвастать знакомствомъ съ отчимомъ! Вѣдь если онъ будетъ болтать на эту тему, то его дѣло передадутъ другому слѣдователю.

— Ему нечего бояться! Онъ невиноватъ! Скажи мнѣ, почему ты думаешь, что онъ виноватъ? Какія у тебя улики?

— Я не имѣю права объяснять тебѣ этого. Лучше твоей разговоръ прекратить. У меня есть серьезные улики! Ты не все о немъ знаешь...

— Это неправда! У тебя ихъ не можетъ быть! А по нелѣпому подозрѣнію или наговору какого-то негодяя сажать въ острогъ мужика, единственнаго работника въ семьѣ, — да ты пойми, что это невозможно, это — немисливо! Это преступно! Надо не знать деревни! А главное, это совсѣмъ ненужная нелѣпость!

— Я просилъ бы тебя не говорить такъ со мной: сейчасъ передъ тобой лицо официальное, и я не имѣю даже права бесѣдовать о слѣдствіи съ частнымъ лицомъ: никакіе адвокаты въ предварительному слѣдствію не допускаются... Наконецъ, повтораю: противъ него есть секретное обвиненіе.

— Такъ ты рѣшительно отказываешься отдать его подъ поручительство или залогъ?

— Отказываюсь! И, пожалуйста, окончимъ этомъ разговоръ!

— Но, послушай, я, кажется, понимаю твои мотивы: ты опасаясь, что его отношенія съ твоимъ отчимомъ могутъ обнаружиться! Однако, пойми, что въ тюрьмѣ это можетъ случиться гораздо легче: вѣдь тамъ настоящая академія: его научатъ нарочно показывать это, чтобы отвести тебя отъ слѣдовательства; наконецъ, просто чтобы отмстить тебѣ за это заключеніе. Неужели ты не подумалъ этого?

— А! Этотъ негодяй уже высказалъ тебѣ такой планъ?

— Говорю тебѣ, что онъ — не негодяй! Это человѣкъ въ

высшей степени честный и порядочный! Онъ объ этомъ и не думалъ! И, вѣроятно, не сдѣлаетъ ничего подобнаго изъ боязни повредить Петру Григорьевичу, а особенно Вѣрѣ Павловнѣ... Онъ ихъ очень любитъ... Но я боюсь осторожныхъ вліяній. Они могучи! Тамъ его могутъ перевоспитать такъ, что и тѣни прежняго Феда не останется... Богъ знаетъ, чему онъ тамъ научится! И погибнетъ человѣкъ...

— Ты дѣлаешь одну фактическую ошибку: находящіеся подъ слѣдствіемъ подвергаются одиночному заключенію!

— Такъ не потому ли ты и торопишься его отправить?!— вскричалъ Роговъ:— Но, Боже мой, вѣдь это безчеловѣчно, это ужасно! Вѣдь нѣтъ основаній, ты самъ знаешь! Умоляю тебя, не дѣлай этого... Чѣмъ угодно клянусь, что о Петрѣ Григорьевичѣ онъ и не заикнется... Это онъ только тебѣ сказалъ, думая, что видитъ въ тебѣ такого же человѣка, какъ твой отчимъ.

— Ты забываешься, Роговъ! — высокомерно сказалъ Бѣлоконскій.— И кто осмѣлился допустить тебя къ подсудимому? Ты долженъ знать, что если ты это сдѣлалъ явно, то я буду вынужденъ составить протоколъ...

— А, вотъ какъ вы разговариваете! Такъ знайте: протокола вы не составите: я не видѣлъ Федора Ермолаева. Я былъ у его жены, какъ врачъ; она чуть не умерла, узнавъ о твоёмъ... о вашемъ постановленіи... У нея произошелъ абортъ! Вы убили ея перваго ребенка! Да, это сдѣлали вы, вы! И совѣмъ безцѣльно! Такъ вы, господинъ слѣдователь, отказываетесь отдать мнѣ на поруки Ермолаева?.. Я спрашиваю въ послѣдній разъ. Я найду и другой путь, и, предупреждаю васъ, не остановлюсь ни передъ чѣмъ. Это дѣло я доведу, съ согласія самого Рахматова, до печати. Я увѣренъ, что Петръ Григорьевичъ самъ напишетъ... Я расскажу всѣмъ, начиная съ Надежды Николаевны, какаго рода дѣянія...

— Да ты просто сумасшедшій!—воскликнулъ Бѣлоконскій.— Нѣтъ, не сумасшедшій, а ребенокъ, большой ребенокъ... И ты думаешь, что могъ бы повредить мнѣ, сообщивъ объ этомъ въ печати?! Да, во-первыхъ, этого нигдѣ не напечатаютъ; а во-вторыхъ, еслибы и напечатали, то ты устроилъ бы мнѣ этимъ ступеньку къ повышенію!

Онъ захохоталъ такъ весело, такъ неудержимо, что Роговъ рѣшительно не могъ понять, надъ чѣмъ онъ смѣется.

— Фу! уморилъ ты меня!—вричалъ тотъ, махая руками и вновь принимаясь хохотать.—И ты серьезно повѣрилъ, что я его отправлю въ тюрьму и составлю протоколъ о тебѣ! Ха-ха-ха!

Ха-ха ха! Охъ, не могу! Расскажу эту сцену Надеждѣ Николаевнѣ и Софьѣ Петровнѣ... Вотъ насмѣшу ихъ! Сейчасъ же расскажу! Ахъ, ты, наивный идеалистъ, ребенокъ! Да вѣдь я шутилъ!..

— Пожалуйста, оставьте эти шутки! Быть можетъ, я и не понялъ, что вы шутите! Но этимъ нельзя шутить! Тутъ жизнь цѣлой семьи! Вы и съ Ермолаевымъ не пошутили ли? И съ женой его? И съ этимъ умершимъ ребенкомъ?!

— Послушай, Роговъ!—вскричалъ Бѣлоконскій, плотно приотворяя дверь:—неужели же ты думаешь, что еслибы я могъ предвидѣть этотъ ужасный случай, я рѣшился бы напугать этого дурака заключеніемъ?! За кого же ты меня считаешь? Вѣдь мнѣ и въ голову не могло придти, что у него жена въ такомъ положеніи! А я хотѣлъ, дѣйствительно, напугать его.... Скажу больше,—я его непременно посадилъ бы. Вѣдь я не зналъ, что у него найдется поручитель или залогъ... Я поступилъ по закону и не могъ иначе поступить. Такъ поступаютъ всѣ! Быть можетъ, это и жестоко относительно деревенскаго люда, но я слѣдовалъ только обычаю... Наконецъ, быть можетъ мелькомъ, совершенно не влияя на дѣло, пробѣжала мысль объ огражденіи стараго сумасброда, моего отчима... Что же, ты находишь, что онъ не стоитъ этого? Что я совершилъ нѣчто безнравственное, подумавъ о немъ? Отвѣчай мнѣ!

Иванъ Захаровичъ не могъ рѣшить, дѣйствительно ли Бѣлоконскій только шутилъ съ нимъ, или же, начавъ серьезно, обратилъ все въ шутку, испугавшись угрозы. Но ему хотѣлось поскорѣе устроить дѣло Ѳеди, и онъ протянулъ руку Бѣлоконскому, сказавъ:

— Извини! Я напрасно оскорбилъ тебя. Не вини меня очень: вѣдь я только-что вернулся изъ этой семьи, видѣлъ ея горе, мученія родильницы... Бога ради, успокой же этихъ бѣдняковъ и скажи мнѣ: ты отпускаешь Ѳеду на поруки?

— Знаешь,—сказалъ Бѣлоконскій:—было бы лучше, чтобы кто-нибудь представилъ за него денежный залогъ; деньги дастъ Надежда Николаевна, но ни ей, ни тебѣ лучше не мѣшаться въ это дѣло. И залогъ удобнѣе внести кому-нибудь, кого не могутъ коснуться никакія двусмысленныя предположенія.

— Да право же, это излишняя предосторожность,—сказалъ Роговъ.

— Ну, ужъ предоставь мнѣ это знать лучше. Вѣдь ты, конечно, не желалъ бы потерять мѣсто въ земствѣ и на фабрикѣ... И вообще, я долженъ тебѣ сказать вотъ что: я несовсѣмъ безъ

цѣли пошутить съ тобой. Мнѣ хотѣлось показать тебѣ наглядно, что ты черезчуръ горячій и непрагичный адвокатъ. Во-первыхъ, ты своей горячностью и упреками можешь раздражить лицъ, отъ которыхъ зависитъ какое-нибудь дѣло, которое ты будешь отстаивать; а во-вторыхъ, ты говоришь много неудобнаго для самого себя: вѣдь я, напримѣръ, могъ бы отлично привлечь тебя къ дѣлу на самомъ законномъ основаніи. Не обижайся же на мою шутку, а скажи спасибо за урокъ... А дѣло съ Ермолаевымъ я устрою съ Надеждой Николаевной. Такъ ты рѣшительно не зайдешь къ ней?

— Меня ждуть больные... Такъ я могу послать къ Ермолаевымъ и утѣшить ихъ?

— Ни въ какомъ случаѣ! Ты можешь повредить и имъ, и мнѣ... Распространится слухъ, что ты повліялъ на меня; дѣло могутъ поручить другому. И ужъ тогда твой протѣже дѣйстви-тельно очутится въ острогѣ. Я сейчасъ сдѣлаю распоряженіе, чтобы его не увозили. У меня даже и предлогъ есть: нужно еще допросить его кое о чемъ..

Роговъ простился и поѣхалъ домой. А Бѣловонскій разсказалъ дамамъ о его посѣщеніи, конечно, въ смѣхотворномъ видѣ: онъ описалъ испугъ Рогова, когда ему было замѣчено о возможности составленія протокола, и т. д., и т. д. Потомъ Алексѣй Петровичъ обратился съ просьбой къ Надеждѣ Николаевнѣ дать за Ермолаева залогъ. Та, конечно, согласилась съ радостью, и они сообща рѣшили, что залогъ представить старіеъ-приказниѣ. Бѣловонскій оставилъ ее совершенно очарованной и общалъ возвратиться отъ отчима дня черезъ два или три.

И не одна Надежда Николаевна была отъ него въ восторгѣ, но и Соня. „Какой онъ оригинальный, живой, дѣятельный!“ — думала она. Но особенно ее заинтересовало: „Какіе у него планы? Для чего ему нужны милліоны? И какъ онъ надѣется ихъ достать? Развѣ женится на Надѣ? Но тогда зачѣмъ онъ такъ откровенно говорить ей о своей цѣли? Быть можетъ, это—особый приемъ!..“ Софья Петровна, не переставая, думала о немъ.

XVII.

Быль ясный зимній день. Передъ закатомъ солнца, Петръ Григорьевичъ шелъ съ пасынкомъ по большой аллеѣ парка, въ которой самъ прочистилъ въ снѣгу широкую дорогу для прогулокъ своей семьи и Вѣры Павловны.

— Пройдемъ, отецъ, въ ту бесѣдку, гдѣ, помнишь, мы, бывало, такъ славно съ тобой бесѣдовали! Надѣюсь, что цѣла?— говорилъ Бѣлоконскій, съ любовью осматривая гигантскую фигуру Рахмарова, который бодро, молодой, упругой походкой шелъ рядомъ съ нимъ въ своемъ короткомъ полубубѣ.

— Какъ же, цѣла! Я ее подновилъ,—отвѣтилъ Петръ Григорьевичъ такимъ мягкимъ, ласковымъ голосомъ, какой у него бывалъ только въ разговорѣ съ дочерью Олей, да и то когда они оставались вдвоемъ. — Да,—продолжалъ онъ,—ужь если ты не забылъ ее, то какъ же она для меня дорога! Тамъ—самыя лучшія мои воспоминанія о тебѣ!

— Твоя жизнь не была богата внѣшними впечатлѣніями,—участливо сказалъ Бѣлоконскій,—за то—моя!.. Сколько людей, типовъ, сколько идей пробѣжало передо мной за эти четыре года! И сколько пришлось передумать!

— Ты, конечно, подѣлишься со мною твоими выводами?—сказалъ Рахмаровъ.

— Мнѣ очень бы хотѣлось этого. Признаться, я мечталъ объ этомъ... Но... одного я боюсь, что ты примешь со мною тотъ же тонъ, какой привалъ твой другъ Роговъ, когда я попытался приподнять для него одинъ уголокъ занавѣса, скрывающаго мой душевный міръ... Если это случится,—я не въ состояніи буду говорить. Я очень самолюбивъ. А между тѣмъ мнѣ хотѣлось бы только съ однимъ тобой поговорить такъ, чтобы высказаться до конца. Ты одинъ могъ бы сдѣлать мнѣ настоящіе возраженія, не шаблонныя и вульгарныя, т.-е. не взятые изъ кружковыхъ катехизисовъ интеллигентной толпы.

— Я тебя понимаю, мой дорогой мальчикъ!—сказалъ Рахмаровъ.—Извини, что такъ называю тебя...

— Называй, называй такъ! Мнѣ отъ этого теплѣе! Ахъ, еслибы ты зналъ, какъ часто мнѣ нужно было это тепло! И такъ, выслушай же меня внимательно. И только выслушавъ внимательно до конца, уже возражай, даже брани, если хочешь, но только взвѣсь все...

Въ это время они подошли къ старой бесѣдкѣ, стоявшей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ аллеи. Снѣгъ по дорогѣ къ ней былъ расчищенъ и дорожка даже посыпана пескомъ.

Бесѣдка состояла изъ колоннъ, покрытыхъ березовой корой. Надъ нею высилась конусомъ крыша, также покрытая берестой. Въ серединѣ стоялъ столъ, а между колоннъ—деревянныя скамьи со спинками.

— Все, какъ было, такъ и осталось!—воскликнулъ Алексѣй Петровичъ, взглядывая съ любовью на отчима.

— Теперь я здѣсь часто засиживаюсь съ Олей,—отвѣтилъ тотъ:—она любитъ болтать со мной; заставляетъ говорить ей сказки... Ну, сядемъ, и ты мнѣ Расскажи свою сказку...

— Съ чего бы начать, отецъ?.. Ну, хотя бы вотъ съ чего: отвѣтъ сперва искренно на одинъ мой вопросъ: еслибы какимъ-нибудь чудомъ тебѣ дана была возможность начать твою жизнь сначала,—пошелъ ли бы ты прежнимъ путемъ? Вѣдь онъ тебѣ далъ одни только страданія! А результатовъ ни для тебя самого, ни для общества,—согласись самъ,—не было никакихъ! Всѣ твои муки и жертвы прахомъ пошли! Вѣдь общество все пятится назадъ. Все, что успѣли сдѣлать шестидесятые годы, идетъ на смарку!

— Я отвѣчу тебѣ вполне откровенно: ни одной іоты изъ моихъ принциповъ я не измѣнилъ бы. Быть можетъ, я внесъ бы поправки въ детали, потому что сталь опытнѣе... Я ни разу не жалѣлъ о томъ, что ты называешь моими страданіями. Всякая работа, старающаяся внести въ жизнь что-нибудь новое, сопрождалась страданіями въ теченіе всей исторіи. И я этого ждалъ, рассчитывалъ на это. И ты не правъ, говоря, что наши усилія (я не говорю—мой, а именно—наши, т. е. всѣхъ подобныхъ мнѣ) не принесли ничего обществу. Они запали въ души многихъ чуткихъ и ведутъ ихъ къ честному труду для общества и народа.

— Гдѣ ты видишь эти души?

— Да вотъ хотя бы около насъ: Роговъ и Лядова... и такихъ теперь—тысячи...

— Но въ этомъ нѣтъ ничего утѣшительнаго,—отвѣтилъ Бѣловонскій:—это меня даже возмущаетъ! Вѣдь вы просто загнипнотизировали это стадо недоумцовъ! Вы „внушили“ имъ, что нужно работать для общества, и они слѣпо подчинились внушенію! Но, вѣдь, это—позоръ! Человѣкъ, разумное существо, и всю жизнь ослѣпленъ гипнозомъ! И живетъ какъ лунатикъ!

— Ты клеветашь! — воскликнулъ Рахмаровъ, начиная волноваться.—Стремленіе работать для народа и общества—не гипнозъ, а потребность! Никто никого не гипнотизировалъ... Мы только уяснили эту потребность, насколько она стала ясна намъ самимъ!

— Прекрасно! Пусть это даже потребность! Но что такое потребность? Инстинктъ! Безсознательный, слѣпой инстинктъ и больше ничего! Но развѣ не позорно для разумнаго человѣка жить по слѣпому инстинкту!?

— Это не слѣпой инстинктъ: онъ одобренъ разумомъ лучшихъ людей и умомъ всего человѣчества.

— Да, прежнихъ! Но въ послѣдніе годы лучшіе умы стали „переоцѣнивать“ эти ваши старыя „цѣнности“. И ты это знаешь. Они говорятъ, что общественный инстинктъ нелѣпъ, отвратителенъ! Онъ созданъ слабостью толпы рабовъ, требующихъ ради своего эгоизма, чтобы для нихъ работали сильные! Эта рабская толпа хочетъ сильныхъ сдѣлать своими слугами и рабами! Это только отвратительно, а никакъ не прекрасно! Что ты мнѣ возразишь на это?

— Многие могъ бы сказать, и прежде всего, что это—игра ума, не больше... Но ты желаешь, конечно, чтобы я отвѣтилъ съ твоей точки зрѣнія. Изволь: отрицая работу для народа и общества, ты прежде всего долженъ самъ отказаться отъ ихъ работы и услугъ для тебя. Но ты, кажется, такъ поступить не намѣренъ. Затѣмъ, ты совсѣмъ забылъ, что на каждомъ изъ насъ лежитъ долгъ обществу и народу,—ну, хотя бы за данное намъ образованіе, не говоря уже о другихъ долгахъ...

— Ха-ха-ха! Старая пѣсня о долгѣ народу цивилизованныхъ классовъ! Тысячи глупцовъ служили и служатъ мнѣ и другимъ, не думающимъ ничего возвращать имъ за это, и вдругъ я стану отвѣтчикомъ за всѣхъ, кто пользовался услугами этихъ глупцовъ!

— Не за всѣхъ, а за себя,—съ негодованіемъ сказалъ Рахмаровъ.

— Да, помилуй! Если осель везетъ меня, то, по твоему, и я долженъ везти осла? Но, извини, это такая нелѣпость, которая... которая, ей Богу, не заслуживаетъ даже возраженія! Слово хватить не на одинъ мой вѣкъ, ну, и я съ этой стороны покоенъ. Нужно только имѣть нѣкоторую силу, чтобы повелѣвать и управлять ими... Вотъ и все! И повезутъ! И такъ будетъ еще сотни лѣтъ...

Рахмаровъ смотрѣлъ на пасынка съ такимъ изумленіемъ, какъ будто видѣлъ его въ первый разъ. Даже его негодованіе прошло и осталось только любопытство, желаніе узнать, до чего же можетъ дойти эта новѣйшая „игра ума“.

— И ты хочешь приобрести эту силу?—спросилъ онъ, стараясь ослабить въ голосѣ невольное выраженіе брезгливости.—Интересно узнать, въ чемъ ты видишь эту силу и какъ надѣешься добыть ее на свою долю.

— Я вижу ее въ томъ, въ чемъ, конечно, видишь ее и ты: ваша эпоха—эпоха капитала, денегъ. И вотъ, я говорю: если

капиталь—современная сила, овладѣй этой силой, вооружись ею... и иди... въ этомъ вооруженіи...

— Куда?—спросилъ Рахмаровъ. — Ты все говорилъ пова о средствахъ. Но цѣли твоей, то-есть для чего тебѣ все это, я еще не видѣлъ. Нельзя ли узнать?

— Цѣль? Ну, въ цѣляхъ мы тоже радикально разойдемся. Конечно, моя цѣль—не общество и не человѣчество. Все это—старые сантименты слезливыхъ философовъ! Моя цѣль—жизнь, просто жизнь, моя собственная жизнь въ невозможной полнотѣ, глубинѣ, широтѣ, жизнь все захватывающая, все объемяющая, все переиспытывающая, все смакующая, все, что только можетъ создать воображеніе, все, что есть на свѣтѣ, и даже то, чего нѣтъ... Одна эстетика, одно наслажденіе красотой, которую вы совсѣмъ выбросили за бортъ, сколько дастъ наслажденія и содержанія для жизни!

— Да, вотъ оно что? Эстетика? Но какъ же эта эстетика позволить тебѣ давить людей? Или—да, можно и въ этомъ найти красоту? Вѣдь Неронъ находилъ же! Прекрасно! Ну, а какъ же, напримѣръ, ты отыщешь красоту въ томъ, чтобы обирать этихъ „ословъ“, какъ ты ихъ называешь, обирать, ничего имъ не возвращая, то-есть, не платя долговъ ни настоящихъ, ни прошедшихъ? Довольно удивительная эстетика! Вѣроятно она обходится безъ внутренней красоты человѣка?

— Нѣтъ, не обходится, но единственной внутренней красотой она признаетъ силу и власть.

— И ты стараешься себя увѣрить, что это—„новое слово“? Но вѣдь это—эстетика Нероновъ, эстетика всякаго вырожденія, паденія и декаданса! Воображая, что ты выдумалъ новое слово и освободился отъ слѣпыхъ инстинктовъ общественности, ты, на самомъ дѣлѣ, весь охваченъ дѣйствительно ужъ слѣпымъ инстинктомъ упадка; ты, помимо своей воли и сознанія, катишься подъ гору упадка нѣкоторыхъ вырождающихся группъ общества, да и то не нашего—наше еще молодо,—а западно-европейскаго, за которымъ ты бѣжишь слѣпо, дѣйствительно какъ въ гипнозѣ, подъ вліяніемъ внушеній больного продукта вырожденія, несчастнаго, талантливаго Ницше!

— Мнѣ слѣдовало ожидать, что ты сведешь къ этому: вѣдь у васъ, старыхъ философовъ, неистребимая привычка—все подводить подъ рубрики. Меня ты поторопился подвести подъ декадентство и ницшеанство. Но скажу тебѣ по секрету: я не читалъ Ницше. Пробовалъ—и ничего не понялъ. Наша бесѣда ни къ чему не приведетъ. Мы пойдемъ разными дорогами... Я ошибся:

я думалъ, что ты моложе душой и что мы столкуемся. Но ты очень устарѣлъ...

— Да, да! Я останусь, конечно, при своемъ и, насколько хватить силъ, буду продолжать бороться съ жизнью во имя общественныхъ идеаловъ.

— Да скажи мнѣ, Бога ради, какое тебѣ дѣло до нихъ? Вѣдь ты умрешь, ничего не увидѣвъ изъ плодовъ твоей работы... Когда же ты будешь жить? Когда узнаешь счастье самъ?

— Мое счастье въ этой работѣ,—все мое счастье, вся моя жизнь! Да, въ этой надеждѣ, что внесу свою лепту на благо людей! Мнѣ даже смѣшно думать о какомъ-то другомъ счастьѣ! Безъ этого „моего“ счастья я не сталъ бы жить ни минуты. Жить для того, чтобы ѣсть, пить, спать, предаваться эстетическимъ и всякимъ другимъ наслажденіямъ, т.-е. высшимъ формамъ умственной, эстетической и всякой иной гастрономіи?! Да меня тошнить отъ одной мысли объ этомъ. Это не жизнь, а смерть! Надо потерять образъ человѣка и обратиться въ извѣстное животное, чтобы видѣть въ этомъ счастье!

— И это животное,—конечно,—я?! Вотъ это —терпимость, которую ты обѣщаль мнѣ!

Бѣловонскій поблѣднѣлъ.

— Прости! Я вовсе не хотѣлъ тебя сравнивать съ этими животными. Увѣряю тебя, что если я выразился такъ, то только потому, что увѣренъ въ тебѣ: ты не пойдешь по тому пути, о которомъ говоришь. Теперь твоя мысль охвачена мечтой захватить въ руки современную силу. Но если бы тебѣ это удалось когда-нибудь, повѣрь мнѣ: ты достаточно уменъ и чутокъ, чтобы найти удовольствіе въ томъ, чѣмъ живутъ обладатели этой силы. Ты скоро почувствуешь такую тоску и омерзѣніе, что проклянешь свою силу и придешь къ идеаламъ, отъ которыхъ отвернулся. Въ ихъ нѣтъ жизни, нѣтъ спасенія. Ты невольно поддался потоку разложенія. Ты честолюбивъ, тебѣ хочется сказать что-нибудь свое, особенное...

— А умишка не хватило!—перебилъ Бѣловонскій сорвавшимся голосомъ.—Но довольно оскорблять меня... Скажи лучше о себѣ: чтъ эта Вѣра Павловна? Правду ли говорятъ, что вы любите другъ друга?.. Новое увлеченіе?..

Петръ Григорьевичъ сначала покраснѣлъ, затѣмъ сталъ блѣденъ. Ему хотѣлось крикнуть отъ негодованія и боли... Онъ понималъ, что этимъ вопросомъ пасынокъ отчасти мститъ ему за его возраженія, отчасти намекаетъ, что можно быть одновременно и моралистомъ, и безнравственнымъ человѣкомъ въ лич-

ной жизни... Онъ употребилъ нечеловѣческое усиліе, чтобы удержаться отъ рѣзкаго отвѣта, и сказалъ почти покойно, хотя голосъ его дрожалъ:

— Она—не любовница мнѣ. Она—мой единственный, лучший другъ. И ты долженъ уважать ее за это, если хотя немного уважаешь меня. Это—отвратительная сплетня Лопатина,—одинъ изъ способовъ его мести мнѣ, обрушившійся на эту святую, чистую дѣвушку! И ты повторяешь!

— Ради Бога, извини! Я этого не зналъ! Всѣ говорятъ!.. Дай твою руку и докажи этимъ, что ты не сердишься! — сказалъ Бѣлоконскій, опомнившись.

— Я не сержусь, но скажу одно для окончанія нашей бесѣды: русская интеллигенція, а съ нею и Россія — погибнетъ если между группами людей этой немногочисленной и еще безсильной интеллигенціи распространятся подобныя твоимъ взгляды... Но я убѣжденъ, что этого не случится: эти взгляды—у насъ—не плодъ старости и перезрѣлости, а результатъ того, что нѣтъ живого дѣла, и люди шалѣютъ, дурѣютъ, начинаютъ извращаться безъ общественнаго дѣла... Надо создать у насъ условія для общественной работы; это — прежде всего! У насъ нѣтъ общности. Нашъ девизъ: „моя хата съ краю“. И мы ѣдимъ другъ друга, какъ пауки, посаженные въ клѣтку. Несчастная страна!.. Несчастный народъ!.. Но долго это не можетъ продолжаться; иначе Россія погибла бы!..

Онъ поднялся со скамьи во весь свой гигантскій ростъ и грустными, вопрошающими глазами смотрѣлъ въ снѣжную даль... Потомъ его глаза упали на пасынка, сидѣвшаго на скамьѣ съ понижшею головою.

Рахмарову стало жаль „своего мальчижа“, котораго онъ помнилъ здѣсь, въ этой бесѣдкѣ, такимъ горячимъ, воодушевлявшимся его словами, рвущимся впередъ... „Что его сдѣлало такимъ? О, еслибы это понять ясно! Еслибы, понявъ, предохранить и другихъ отъ этой разъѣдающей язвы декадентскаго индивидуализма! Бѣдный, бѣдный мой мальчижъ! Но ты еще вернешься! Сама жизнь вернетъ тебя ко мнѣ!“

И Рахмаровъ, слѣдуя порыву своего сердца, взялъ руку Бѣлоконскаго, лежавшую на столѣ, схватилъ ее вѣрно и проговорилъ со взглядомъ, полнымъ нѣжности и влажнымъ отъ набѣгавшихъ слезъ:

— Милый мой мальчижъ! Только объ одномъ прошу: вѣрь, что я тебя люблю, что я вѣрю въ твое лучшее будущее! И остаемся друзьями! Непремѣнно! Пиши мнѣ, пиши все, что тебя

поразить въ жизни своимъ противорѣчiemъ. Пиши о всѣхъ сомнѣніяхъ, надеждахъ, планахъ! Ты мнѣ обѣщаешь?

Алексѣй Петровичъ поднялся и, поглаживая усы, смотрѣлъ не въ глаза отчиму, а куда-то въ сторону. На его лицѣ пятнами вспыхивалъ румянецъ...

— Ты сказала, что мы, русскіе, ѣдимъ другъ друга, какъ пауки! А ты самъ не то же дѣлалъ сейчасъ? Ты оттолкнулъ меня жестоко за то, что у меня явилась своя формула. А я, наоборотъ, шелъ къ тебѣ, думая, что ты поймешь меня! Ахъ, отецъ! Обдумавъ хорошенько, ты поймешь, что намъ не о чемъ переписываться! Нѣтъ, мы—чужіе! Мы—чужіе! Я одинокъ! Ну, и отлично! И пойду одинъ, но ты еще услышишь обо мнѣ!..

Онъ гордо поднялъ голову, все не смотря на отчима.

Петръ Григорьевичъ выпустилъ его руку и подумалъ съ тревогой: „А что, если онъ правъ, хотя отчасти? Что, если его взгляды представляютъ, въ самомъ дѣлѣ, шагъ впередъ? Быть можетъ, я потерялъ способность понимать передовыя движенія? Устарѣлъ? Нѣтъ, нѣтъ! Боже мой! Да неужели можетъ быть передовымъ — отрицаніе общественной работы, эгоизмъ, ничѣмъ не стѣсняющійся? Да, если это и передовое движеніе, то передовое въ смыслѣ общаго разложенія, гніенія и смерти страны! Вотъ въ чемъ оно передовое! Развѣ страна можетъ жить съ такими лозунгами! Это—начало ея конца“!

Онъ опять пристально вглядывался въ лицо пасынка, точно хотѣлъ прочесть въ немъ грядущее, понять то явленіе, которое было передъ нимъ...

Молча шли они рядомъ по старой аллеѣ. Закатъ обливалъ кровавымъ свѣтомъ деревья и снѣгъ, покрывавшій кусты, вѣтви и землю... Холодная тоска сжала сердце Рахмарова, но только на одну минуту. „Вѣдь есть же и другіе типы у насъ!“ — подумалъ онъ, и опять вспомнилъ Лядову и Рогова, вспомнилъ праздникъ восьмого февраля, въ Петербургѣ, и съ облегченіемъ вздохнулъ: „Да, это временный кризисъ!—рѣшилъ онъ.—Есть у насъ и здоровыя силы, и бодрья движенія“...

XVIII.

Надежда Николаевна получила отъ отца письмо, въ которомъ онъ ей поручилъ переговорить съ Зиновьевымъ объ устройствѣ для рабочихъ кассы страхованія. Цѣль старика состояла въ томъ, чтобы, внеся извѣстную сумму, гарантировать себя отъ исковъ

и просьбъ со стороны рабочихъ въ случаѣ увѣчья, старости и т. д. Дочери онъ ничего не написалъ объ этой цѣли, а изобразилъ ей все дѣло какъ актъ своей гуманности и доброты. Она повѣрила и, конечно, пришла въ восторгъ отъ плана отца. Тотчасъ она послала Зиновьеву записку съ приглашеніемъ посѣтить ее, на что тотъ отвѣтилъ, что освободится на фабрику около девяти часовъ вечера и тогда придетъ. Впрочемъ, Зиновьевъ такъ мало интересовалъ молодую хозяйку, что она до вечера была свое приглашеніе. Всѣ ея мысли сосредоточивались на Бѣлоконскомъ, который уже дня три гостилъ у матери, откуда обѣщалъ вернуться къ ней. Съ каждымъ днемъ ожиданіе его возвращенія возрастало въ ней сильнѣе.

Ночь была лунная. Надежда Николаевна и Лопатина молча сидѣли въ угловой комнатѣ безъ огня. Одна расположилась на кушеткѣ, другая—въ длинномъ креслѣ. Широкія полосы луннаго свѣта лежали на полу. Въ паркѣ было свѣтло, какъ днемъ. Даже мракъ далекихъ аллей смягчался отраженіемъ луннаго свѣта отъ снѣговыхъ массъ.

Надежда Николаевна беспокоилась за то, что мать Бѣлоконскаго до сихъ поръ не отдала ей визита. „Не слѣдовало мнѣ ѣхать къ ней! Для чего я это сдѣлала?! Нелѣпное положеніе“!..

Софья думала о томъ, что теперь происходитъ у нея дома! Она очень любила свою вторую сестру, блѣдную, кроткую Надю, и тосковала о ней и ея положеніи. Передъ ея глазами рисовались низенькія комнаты, вся нелѣпная жизнь тамъ, съ ея вѣчной воркотней, перебранками... И въ этой средѣ, въ этомъ затхломъ воздухѣ задыхается ея несчастная Надя... „И неужели нельзя ее вырвать оттуда, какъ вырвалась я?! Вырвалась ли я? Что я такое? Не буду же я вѣчно приживалкой у милліонерши! Куда идти? Какъ быть? Съ кѣмъ посоветоваться? Съ Лядовой, съ Рахмаровымъ? Лядова мало знаетъ жизнь; Рахмаровъ можетъ посоветовать. Какъ давно я не видѣла ихъ! И какъ иногда мнѣ хорошо бывало у нихъ! Здѣсь я не могла бы долго жить. Ужъ и теперь — тоска! Какъ мы живемъ здѣсь? Для чего? У Надежды Николаевны еще есть дѣло, есть надежды, а я“?!..

Въ огромномъ домѣ царила тишина. Слышно было, какъ среди этой тишины, гдѣ-то въ дальней комнатѣ, стукалъ маятникъ каминныхъ часовъ. Изрѣдка доносились изъ „людскихъ“ комнатъ сдержанные голоса. Сторожъ около церкви простучалъ въ доску. И опять мертвая тишь. Вдругъ что-то вспугнуло въ паркѣ воронъ. Онѣ поднялись цѣлыми стаями и закаркали. По-

томъ все опять смолкло. Казалось, весь міръ уснулъ. Пробило восемь часовъ.

— А Роговъ, вѣроятно, не придетъ сегодня,—сказала Соня. —Что-нибудь задержало его... Вотъ и неинтересный собесѣдникъ, а безъ него скучно! Несчастныя мы существа—женщины! Совсѣмъ мы нуль безъ единицъ—мужчинъ. Ну, вотъ мы съ тобой: что бы мы дѣлали здѣсь, еслибы насъ оставить хоть на мѣсяць безъ господъ — мужчинъ? Меня возмущаетъ это рабство наше!

— Значить, таковъ намъ, бабамъ, предѣлъ отъ Бога положонъ! — шутя отвѣтила Надежда Николаевна крестьянскимъ жаргономъ.

— Никакого предѣла тутъ нѣтъ! Будь я на твоёмъ мѣстѣ, я бы сумѣла освободиться отъ этой унижительной зависимости...

— Да въ чемъ же моя зависимость?

— Во всемъ! Развѣ ты дѣлаешь что-нибудь самостоятельно? Куда мужчины толкнуть, что посоветуютъ, то ты и исполняешь. Развѣ ты сама что-нибудь придумала?

— Ахъ, милка! Да если лѣнь думать! Съ чего это я буду себя утруждать! Вотъ не было печали! Это у тебя такая охота до всего добираться, во всемъ конецъ отыскивать!.. А я—слуга покорная! Ты о чемъ-то и сейчасъ думала... концовъ добивалась...

— Правда! Я думала о Бѣловонскомъ: почему его не любить Роговъ? Неужели онъ не то, чѣмъ кажется?

— Какъ ты этого не понимаешь! — воскликнула Надежда Николаевна. — У мужчинъ малѣйшее разногласіе въ пустякахъ вызываетъ споръ и взаимное раздраженіе. Они, какъ пѣтухи, готовы драться изъ-за каждаго зерна, а въ особенности если тутъ есть нашъ братъ—бабы!

— Однако, и словечки у тебя!

— Люблю, милая, вульгарнымъ языкомъ иногда поговорить.

— Однако, при мужчинахъ ты сдерживаешься!

— Еще бы! Вѣдь тоже нашей сестрѣ хочется понравиться!

— А очень тебѣ хочется, чтобы полюбилъ кто-нибудь?

— Ухъ, какъ хочется! Даже голова кружится, когда подумаю! — И она протянулась въ креслѣ, вытянувъ сложенные руки надъ головой такъ, что суставы хрустнули. — А ты? Неужели тебѣ все равно?

— Вѣдь я ни за кого не мечтаю выйти замужъ,—уклончиво отвѣтила Софья,—а вотъ ты, кажется, серьезно это задумала...

— Молчи, молчи, милка!—вскрикнула Надежда Николаевна, захохотала, вскочила съ кресла и закружилась по комнатѣ.

Софья Петровна улыбнулась.

— Бѣдняжка!—проговорила она.—И ты не боишься, что онъ сдѣлаетъ предложеніе не тебѣ, а тому милліону, о которомъ мечтаетъ для своихъ какихъ-то плановъ?

— Молчи же! — бросилась къ ней подруга и, зажавъ ей ротъ, стала цѣловать ее въ волосы, глаза и щеки...

— Ты меня задушишь,—сказала Соня, освобождаясь.

— Еслибы онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе,—шопотомъ проговорила ей на ухо Надежда Николаевна,—я бы не спрашивала себя, любить ли онъ меня! Я бы все отдала ему! Все! Вѣдь не для себя нужны ему эти милліоны!

— И ты вполне въ этомъ увѣрена?

— Больше, чѣмъ вполне! Я вѣрю каждому его словечку. Онъ не можетъ лгать... Ну, а если и для себя?.. Пусть возьметъ...

Надежда Николаевна замолчала, подошла къ окну и долго смотрѣла въ паркъ, освѣщенный луной.

— Какая чудная ночь!—сказала она.—Какъ бы хорошо въ такую ночь, въ саянхъ, тройкой, по снѣжной степи... мчаться... чтобы духъ захватывало, чтобы снѣжная пыль была въ лицо...

— И, конечно, не одной?—насмѣшливо спросила Соня.

— И, конечно, не одной!—смѣясь, отвѣтила та.

— Ну, вотъ, вернется Алексѣй Петровичъ,—устрой катанье... Поѣдемъ къ Лядовой... Мы никуда не выѣзжаемъ...

— Мнѣ хотѣлось бы на крестьянскія посидѣлки, — сказала Надежда Николаевна:—я много объ этомъ мечтала. Тамъ, говорить, такъ весело и оригинально! Хороводы водятъ, парни въ хороводахъ съ дѣвушками цѣлуются...

— И ты бы стала участвовать въ хороводѣ?

— А что же! И стала бы! Вѣдь у насъ на балахъ обнимаются же! Ну, а тамъ цѣлуются!.. Не все ли равно?!

— Фи, Надя! Съ какимъ-нибудь парнемъ, отъ котораго пахнетъ и дегтемъ, и водкой, и Богъ вѣсть чѣмъ!

— Я объ этомъ не подумала! Но вѣдь теперь, говорятъ, есть и интеллигентные, вполне приличные парни... Даже кадрили и лянсѣ танцуютъ... А, однако, подъ конецъ не выдержать и хороводы водятъ... Знаешь что? Попросимъ когда-нибудь Рогова, чтобы онъ повелъ насъ на посидѣлки...

— Пожалуй... Только меня, право, это не интересуетъ... А вотъ Лядову мнѣ ужасно бы хотѣлось видѣть... Если Роговъ скоро придетъ, поѣдемъ къ ней втроемъ... Тамъ ты и Алексѣя Петровича своего увидишь.

— Отлично... поѣдемъ... Хотя Лядова до сихъ поръ не от-

дала мнѣ визита... Здорова ли она?.. А еще лучше вотъ что!— сказала она:— заѣдемъ сами къ Рогову, возьмемъ его и поѣдемъ къ ней! Въ самомъ дѣлѣ, быть можетъ, она больна... Кстати, мнѣ давно хотѣлось посмотрѣть, какъ живетъ Роговъ...

Надежда Николаевна позвонила и велѣла запрагать.

— Послушай, Нада! Почему ты думаешь, что Бѣловонскій не можетъ лгать?

— Почему?... Онъ—кровный аристократъ, а у нихъ есть что-то гордое, что не позволитъ солгать. Вѣдь ложь есть орудіе рабства, какъ сказалъ, кажется, Вольтеръ...

— И вовсе не Вольтеръ, а Монтескье,—поправила ее Соня. —Только едва ли наша русская аристократія входитъ въ это правило... Вспомни-ка, что рассказываетъ Фамусовъ о придворныхъ Екатерины! Большаго лакейства и выдумать трудно!.. Да и ты сама то же говоришь объ ихъ дамахъ...

— Дамы—совсѣмъ иное дѣло! Ну, идемъ одѣваться! Живо!..

Л. Е. ОВОЛЕНСКІЙ.

ТУРЦІЯ И МАКЕДОНИЈА

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Окончаніе.

VI *).

„Невозможно сдержать то чувство ужаса и протеста, которое невольно пробуждается, когда бросаешь взгляд на теперешнее состояніе Ислама“¹⁾... Эти слова говорить не христіанинъ, предполагаемый врагъ турецкаго господства, а турокъ, занимавшій, какъ мы уже видѣли, въ продолженіе многихъ лѣтъ одно изъ важныхъ мѣстъ въ турецкой бюрократіи. Между тѣмъ, нельзя не признать, что турецкое административное законодательство можетъ выдержать сравненіе съ законодательствомъ самыхъ передовыхъ странъ Европы! Но въ Турціи существуетъ пробѣлъ между писаннымъ закономъ и фактическими порядками управленія страной, что доказываетъ только замѣчательную неспособность османской имперіи приспособиться къ требованіямъ современной цивилизаціи. Было бы преувеличеніемъ сказать, что реформы, которыя декретировались въ Турціи, въ различныя эпохи прошлаго столѣтія, не принесли никакой пользы христіанамъ. До гюльханскаго акта 1839 года послѣдніе не имѣли, такъ сказать, легальнаго существованія. Они занимались торговлей или земледѣліемъ, приобрѣтали недвижимыя имущества, но не лично, а лишь на имя турецкихъ беговъ или знатныхъ людей. Гюльханскій актъ

---

*) См. выше: апр., 666 стр.

1) Mourad-Bey, *La force et la faiblesse de la Turquie*. Genève, 1897, p. 10.

впервые призналъ за христіаниномъ права гражданской личности, позволивъ ему пріобрѣтать всякаго рода собственность и заниматься свободно и самостоятельно торговлей, земледѣліемъ и промыслами. Однако, этими правами воспользовались главнымъ образомъ христіане-жители городовъ. Благодаря своей относительной численности, благодаря покровительству своихъ митрополитовъ и, наконецъ, благодаря тому обстоятельству, что въ большихъ городахъ живутъ иностранные консулы, къ помощи которыхъ христіане всегда могутъ обратиться, — благодаря, повторяю, всѣмъ этимъ преимуществамъ города надъ деревней, въ первомъ христіане могли отстаивать свои права съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ деревнѣ. Но и здѣсь, въ городѣ, опять-таки нужно различать богатаго и бѣднаго христіанина. Первый, имѣя возможность прибавить къ юридической аргументаціи болѣе убѣдительный аргументъ подкупа, всегда пользовался большимъ вниманіемъ со стороны турецкой власти. Все это касается гражданского (частнаго) права; наоборотъ, въ публичномъ правѣ, интересовавшемъ христіанъ не какъ собственниковъ, а какъ политическое цѣлое, всѣ объявленные реформы остались въ полномъ смыслѣ слова мертвой буювой. Но и уступки, сдѣланныя христіанамъ въ гражданскомъ правѣ, значительно перевѣшивались усиленіемъ правительственнаго гнета, такъ что въ концѣ концовъ христіане остались въ убыткѣ. Дѣло въ томъ, что въ большей части реформъ, подъ предлогомъ уничтоженія мѣстныхъ тирановъ, Порта преслѣдовала усиленіе центральной власти. Однако, мѣстные тираны продолжали существовать, и контингентъ ихъ только увеличивался присоединеніемъ нѣсколькихъ новосозданныхъ представителей центральной власти. Христіане, имѣвшіе до тѣхъ поръ дѣло лишь со своимъ спагемъ или бегомъ, теперь испытываютъ еще и гнетъ турецкой бюрократіи. Въ особенности съ усложненіемъ экономической жизни, съ расширеніемъ торговли, христіанину все чаще и чаще приходилось сталкиваться съ представителями турецкой администраціи и турецкаго фиска. Другими словами, реформы, открывшія христіанамъ дорогу къ экономическому развитію, расширили въ то же время и область, подверженную правительственному давленію. Вотъ почему покойный французскій публицистъ Сень-Маркъ де-Жиранденъ былъ правъ когда писалъ, что перенесеніе европейскихъ учрежденій въ Турцію явилось для послѣдней предлогомъ „создавать новые налоги и заставлять христіанъ оплачивать ужасы и злоупотребленія оттоманскаго режима цѣною, которою въ Европѣ оплачивается

правосудіе, безопасность и матеріальное благополучіе“¹⁾). Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы можемъ перейти въ исторію турецкихъ реформъ, ограничиваясь отмѣткой самыхъ важныхъ датъ.

Первыя реформы въ Турціи имѣли исключительною цѣлью усиленіе власти султана. Къ этому повело, напр., извѣстное избіеніе полунезависимой янычарской орды, съ ея замѣною регулярнымъ войскомъ, „низамъ“, и сокрушеніе власти отдѣльныхъ вассаловъ, какъ Позвантоглу и янинскій паша Мехмедъ-Али. Но этого было недостаточо. Для поддержанія новой военной системы нужно было отыскать средства, создать новыя подати, что должно было повести къ реорганизациіи внутренняго строя турецкой имперіи. На это наталкивали Турцію и событія двадцатыхъ годовъ. Съ одной стороны, потеря Греціи, сдѣлавшейся самостоятельнымъ государствомъ, съ другой—несчастный исходъ войны 1828 года съ русскими и впервые поднявшееся тогда въ Болгаріи революціонное движеніе (первый болгарскій заговоръ для освобожденія отъ турецкаго ига относится къ 1829 году), должны были заставить болѣе проникательныхъ государственныхъ людей Турціи искать въ реформахъ спасенія турецкой имперіи. Извѣстный болгарскій дѣятель до-освободительной эпохи, Г. С. Раковскій, замѣчаетъ, что стремленіе къ реформамъ существовало и среди турецкихъ богатыхъ и вліятельныхъ вельможъ. Отсутствие всякихъ гарантій личной безопасности висѣло, какъ дамокловъ мечъ, надъ богатыми турками, равно и надъ остальными подданными Порты. Въ тѣ отдаленныя времена султанъ имѣлъ право бросить въ тюрьму, казнить любого своего подданнаго и конфисковать его имущество безъ всякой судебной процедуры. Этимъ своимъ правомъ не разъ пользовался и султанъ Махмудъ. Такъ, онъ казнилъ, между прочимъ, извѣстнаго вельможу Галеть-эффенди, несмотря на личную грамоту о неприкосновенности, которая была дана ему тѣмъ же султаномъ²⁾).

Выразителемъ новаго теченія—стремленія къ реформамъ—явился Решидъ-паша. Этотъ великій визирь послѣднихъ лѣтъ царствованія Махмуда и первыхъ лѣтъ царствованія Абдуль-Меджида надѣялся путемъ реформъ добиться еще одного важнаго для Турціи результата. Онъ хотѣлъ привлечь на сторону послѣдней общественное мнѣніе Европы, и въ особенности Франціи, которая, въ

¹⁾ L'Effort, 15 Mai 1900, p. 7.

²⁾ „Изступленный дerviшъ или взяточный взпросъ“, Г. С. Раковского (писано въ Одессѣ въ 1858 г.). Пловдивъ, 1884, стр. 27.

борьбѣ Турціи съ египетскимъ пашой Мехмедъ-Али, сочувствовала послѣднему за его либеральную внутреннюю политику.

Вотъ различные факторы, способствующие провозглашенію реформъ, заключающемуся въ гюльханскомъ гати-шерифѣ 1839 г. —перваго года по восшествіи на престолъ Абдуль-Меджида. Всѣ эти реформы, какъ говорится въ самомъ гати-шерифѣ, сводятся къ тремъ слѣдующимъ категоріямъ: 1) „Гарантіи, обеспечивающія турецкимъ подданнымъ полную безопасность жизни, чести и собственности. 2) Правильная постановка собиранія податей. 3) Правильный способъ набора солдатъ и опредѣленіе срока воинской повинности“... Всѣ „эти императорскія уступки, —говорится въ заключеніе этого акта, —распространяются на всѣхъ нашихъ подданныхъ безъ различія вѣрхоисповѣданій“¹⁾. Учрежденія, которыя должны были явиться воплощеніемъ этихъ принциповъ, получили общее названіе—*танзиматъ*. Два спеціальныя комиссара отправились одинъ въ Малую Азію, а другой—въ европейскія турецкія провинціи объяснить жителямъ значеніе гюльханскаго гати-шерифа. Особые чиновники, „тевтишчелеры“, должны были, послѣ ознакомленія съ экономическими ресурсами каждой данной мѣстности, опредѣлить количество податей, взимаемыхъ при новыхъ порядкахъ. Въ Константинополѣ, при Портѣ, были созданы министерства юстиціи и финансовъ. Однако всѣ эти добрыя начинанія должны были закончиться неудачей по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, чиновники, подбираемые среди самихъ же турокъ, воспитанныхъ въ вѣковыхъ злоупотребленіяхъ и насилии, не могли быть на высотѣ своей миссіи. Мы видѣли, что агенты фиска, которые должны были замѣнить ненавистныхъ откупщиковъ, не уступали послѣднимъ ни въ чемъ и вызвали кровавыя возстанія въ Нишѣ и Виддинѣ. Съ другой стороны, послѣ первыхъ увлеченій реформами, въ высшихъ кругахъ наступила реакція. Решидъ-паша натолкнулся на сопротивленіе старо-турецкой партіи, которой и удалось, посредствомъ интригъ, смѣстить его, годъ спустя послѣ провозглашенія гюльханскаго гати-шерифа. Постъ великаго визиря занялъ теперь Рифаатъ-паша, вся программа котораго заключалась въ двухъ словахъ: „остаться турками“. Въ то же самое время, чтобы успокоить улемовъ и вдохновляемую ими турецкую массу, которые видѣли въ новыхъ реформахъ отступленіе отъ законовъ религіи, султанъ Абдуль-Меджидъ издалъ слѣдующій характерный фирманъ: „До насъ дошло, что люди, не понявшіе смысла нашихъ желаній, вообра-

¹⁾ D'Avril, Negotiations etc., p. 23.

жають и предполагають, что внутренній строй и политическое положеніе нашего государства будутъ измѣнены. Подобныя ошибочныя утверженія способствуютъ только затемненію общественнаго мнѣнія“¹⁾).

Какъ видимъ, весна турецкихъ реформъ длилась не больше года. Старо-турецкая партія оказалась побѣдительницей тѣмъ сворѣе, что она пользовалась поддержкой нѣкоторыхъ иностранныхъ державъ. Однѣ изъ нихъ были заинтересованы въ продолженіи внутренней анархіи турецкаго государства; другія же боялись, какъ бы реформаціонное движеніе въ Турціи не отразилось на ихъ внутреннихъ порядкахъ. Къ этимъ послѣднимъ принадлежала Австрія, жившая тогда, главнымъ образомъ, на счетъ неподвижности европейской политической системы. Вотъ почему Меттернихъ употребилъ все свое большое вліяніе, чтобы убить у турецкаго правительства всякое стремленіе къ реформамъ. „Изъ всѣхъ причинъ упадка Турціи, — писалъ онъ, Аппоньи, австрийскому посланнику въ Константинополь, — самой главной является склонность къ европейскимъ реформамъ, начатымъ еще Силимомъ, и которыя послѣдній султанъ хотѣлъ расширить, имѣя за собой только глубокое невѣжество и большой запасъ иллюзій“... Письмо Меттерниха кончается возгласомъ: „Турки должны остаться турками“²⁾!

Реакція, начавшаяся съ паденіемъ Решид-паши, продолжалась до крымской войны, которая, приведя Турцію въ соприкосновеніе съ Европой, вызвала новое теченіе въ пользу реформъ. Решидъ-паша снова оказался во главѣ правительства, и подъ его руководствомъ былъ составленъ новый сводъ реформъ, извѣстный подъ именемъ „гати-гумаюна“. Въ гати-гумаюнѣ, изданномъ въ 1856 году, повторялись тѣ же обѣщанія, которыя находились ранѣе въ гюльханскомъ гати-шерифѣ. Сверхъ того, Турція принимала на себя обязательство признать за христіанскими религиозными общинами юридическую личность, дать имъ право на свободную постройку церквей, школъ и больницъ. Она еще обѣщала принимать на службу христіанъ наравнѣ съ турками. По гати-гумаюну христіане должны были служить и въ арміи такъ же, какъ турки. Наконецъ, гати-гумаюнъ воспрещалъ пытки и такія тѣлесныя наказанія, которыя не указаны въ законахъ.

Но Турція какъ бы исчерпала всѣ свои реформаторскія спо-

¹⁾ Engelhardt, La Turquie et le Tanzimat, t. I, p. 50.

²⁾ Metternich, „Mémoires“, t. IV.

собности гюльханскимъ актомъ. Ни одно изъ постановленій гати-гумаюна, кромѣ болѣе свободной постройки церквей, не осуществилось. Это полное фiasco констатируется и въ меморандумѣ всѣхъ европейскихъ посланниковъ въ Константинополь, представленномъ Портѣ, 5-го октября 1859 года. „Великія державы, — говорится въ этомъ документѣ, — выражаютъ сожалѣніе, что Турція не старается помочь самой себѣ; что она не принимаетъ реформъ, и что ей не хватаетъ силы для достиженія цѣли, намѣченной въ фирмавѣ 1856 г.“¹⁾ Русское правительство предложило сверхъ меморандума отправить международную комиссію для изученія внутренняго состоянія Турціи. Чтобы предупредить осуществленіе этого проекта, тогдашній визирь Мехмедъ-Кепризли-паша отправляется самъ путешествовать по различнымъ провинціямъ. Выше, говоря объ экономическомъ состояніи Турціи, мы уже видѣли, что Мехмедъ-Кепризли-паша, хотя и въ мягкой формѣ, констатируетъ въ своемъ докладѣ султану недовольство, господствующее среди всѣхъ турецкихъ подданныхъ. Какъ санкцію этого оффиціального приванія, англійскій посланникъ предложилъ проектъ реформъ, обеспечивающихъ за христіанами участіе въ управленіи страной. Въ отвѣтъ на это турецкое правительство издало законъ о *вилайетахъ*. Онъ является копіей съ французскаго закона о департаментахъ и представляетъ собою какъ бы попытку ввести децентрализацію, — конечно, турецкую. Вся имперія раздѣлялась на нѣсколько вилайетовъ; вилайеть, въ свою очередь, подраздѣлялся на санджаки, каази (округи) и нахи (деревенскія общины). Во главѣ вилайета находился вали, во главѣ санджака — мютесарифъ, во главѣ каази — каймакамъ, а во главѣ общины — мухтаръ. Самое важное въ законѣ о вилайетахъ заключалось въ созданіи *меджлисовъ*, т.-е. смѣшанныхъ совѣтовъ изъ магометанъ и христіанъ, но роль меджлисовъ была сведена до минимума: они должны были имѣть лишь совѣщательный голосъ, и то въ дѣлахъ, касающихся матеріальныхъ интересовъ данной мѣстности. Еще больше уменьшилось значеніе этихъ совѣтовъ вслѣдствіе особой системы ихъ подбора, напоминающей способъ выборовъ французскаго трибунала временъ Наполеона I и сводившейся къ тому, что члены совѣтовъ назначались самимъ правительствомъ. Кромѣ того, христіане должны были составлять только одну четвертую всего состава, что лишало ихъ рѣшающаго голоса. Съ другой стороны, такъ какъ само правительство назначало членовъ меджлиса, то оно выбирало людей

¹⁾ Engelhardt, I, p. 161.

только исполнѣнъ преданныхъ турецкой администраціи. Отсюда и названіе *еветчи*, т.-е. люди, говорящіе: да (еветь), — названіе, которое получили христіане-члены меджлисовъ.

Эти половинчатыя реформы, усиливающія только гнетъ центральной власти, не могли, конечно, предупредить растушаго недовольства. Царствованіе Абдуль-Азиса ознаменовалось возстаніемъ въ Герцеговинѣ и Болгаріи. Европа еще разъ попробовала на константинопольской конференціи 1876 года заставить Турцію дать серьезныя реформы. Онѣ должны были заключаться въ созданіи полу-автономныхъ областей въ европейской части Турціи, управители которыхъ назначались бы съ одобренія великихъ державъ. Кромѣ того, для руководства дѣлами этихъ областей предлагались провинціальныя выборныя учрежденія, въ которыхъ христіанамъ уступалось $\frac{3}{5}$ депутатскихъ полномочій ($\frac{3}{5}$ — православнымъ и $\frac{1}{5}$ — католикамъ). Но самымъ главнымъ постановленіемъ константинопольской конференціи, свидѣтельствующимъ о полномъ поворотѣ въ политикѣ западныхъ государствъ по отношенію къ Турціи, было именно учрежденіе европейскаго контроля надъ внутренними дѣлами Турціи. Извѣстно, что до этого момента невмѣшательство во внутреннія дѣла Турціи являлось догматомъ иностранной политики западныхъ государствъ. Правда, всѣ реформы, начиная съ гюльханскаго акта, были провозглашены по настоянію державъ, но въ ихъ осуществленіи Европа полагалась исключительно на слово Турціи. Однако долгій историческій опытъ показалъ уже, какъ мало въ состояніи была Турція держать свое слово, и вотъ въ первый разъ на константинопольской конференціи всѣ европейскія государства безъ исключенія сошлись на томъ, что лишь европейскій контроль, т.-е. открытое вмѣшательство во внутреннее управленіе Турціи, можетъ служить гарантіей, что обѣщанныя реформы будутъ проведены. Этотъ контроль заключался въ учрежденіи комитетовъ изъ европейскихъ консуловъ, которые официально должны были служить посредниками между властью и христіанами и слѣдить за введеніемъ реформъ. Извѣстно, что турецкое правительство отвергло проектъ конференціи, „какъ несомнѣстимый съ достоинствомъ независимаго государства и какъ выражающій собою недовѣріе къ искренности намѣреній султана“. Но еще до этого, послѣдній провозгласилъ конституцію, блага которой должны были распространяться на всѣхъ турецкихъ подданныхъ безъ исключенія. Этотъ театральнй эпизодъ разыгрался еще въ первый день собранія европейскихъ делегатовъ. Еще до открытія засѣданія, зала топханійскаго дворца

огласилась шумомъ батарейныхъ выстрѣловъ. На трибуну поднялся Савфеть-паша, министръ иностранныхъ дѣлъ и председатель конференціи. „Эти залпы,—началь онъ,—возвѣщаютъ провозглашеніе конституціи, которую султанъ даруетъ своей имперіи. Этотъ актъ замѣняетъ существующую уже шестьсотъ лѣтъ форму правленія и означаетъ для оттоманскихъ народовъ новую эру процвѣтанія“... „Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ,—пишетъ очевидецъ этой сцены, графъ де Муи (de Mouy), секретарь константинопольской конференціи,—иностранные делегаты, не столько удивленные,—ибо они были подготовлены къ подобному инциденту,—сколько недовольные этой театральной выходкой, имѣвшей очевидную цѣль разстроить ихъ планъ дѣйствій, сохраняли глубокое молчаніе. Потомъ безъ всякихъ привѣтствій, какъ будто бы ничего не произошло, перешли къ очереднымъ дѣламъ“¹⁾.

Европейскіе дипломаты не поддались диверсіи турецкаго правительства и продолжали выработывать свой проектъ. Судьба его намъ уже извѣстна. Извѣстны также и послѣдующія событія: война и разгромъ Турціи. „Автономія или анатомія,—говорилъ одинъ иностранный дипломатъ,—вотъ дилемма, предъ которой находится Турція“. Порта не согласилась на автономію Болгаріи и Босніи-Герцеговины, и она была жестоко наказана, потерявъ ихъ окончательно на берлинскомъ конгрессѣ. Здѣсь, на берлинскомъ конгрессѣ, былъ принятъ великими державами тотъ XXI-ый параграфъ, на который ссылаются теперь македонскіе комитеты въ своихъ требованіяхъ. Турція обязывалась въ немъ провести въ своихъ европейскихъ провинціяхъ устройство, подобное тому, которое предполагалось для Восточной Румелии. Для выработки этого устройства, Порта должна была назначить „спеціальныя комиссіи, въ которыя войдутъ представители каждой провинціи. Проектъ организаціи, составленный этими комиссіями, будетъ предложенъ на разсмотрѣніе Высочайшей Порты, которая раньше, чѣмъ провести его въ жизнь, должна заручиться согласіемъ европейской комиссіи, учрежденной для устройства Восточной Румелии“²⁾.

Но Европа какъ бы побоялась довести до конца свое дѣло. Страхъ, что *исчезновеніе Турціи можетъ повести къ большимъ замѣшательствамъ*, останавливалъ перо европейскихъ дипломатовъ, и они не потребовали отъ Турціи гарантій, которыя дѣй-

¹⁾ Comte de Mouy. Souvenirs d'un diplomate (Revue des Deux Mondes, Février 1900, p. 627).

²⁾ D'Avril. Négociations relatives au Traité de Berlin, p. 22.

ствительно обезпечивали бы исполненіе ея обѣщаній. Европа снова положила на слово Турціи, и Турція ее снова обманула. Даже больше того—за періодъ въ двадцать-пять лѣтъ, прошедшій съ берлинскаго конгресса, турецкое правительство не только не дало ни одного искренняго доказательства своего желанія облегчить положеніе христіанъ, но и систематически уничтожало то, что было уже создано. Ничуть не преувеличивая, можно сказать, что никогда турецкое правительство не издѣвалось такъ безнаказанно надъ Европой, какъ въ этотъ періодъ. Доказательства этому, какъ увидимъ, даетъ оффиціальная переписка европейскихъ дипломатовъ съ Портой.

VII.

Политика Турціи послѣ берлинскаго конгресса принимаетъ яркій панисламскій характеръ. Можно было ожидать, что поражение и потеря провинцій вызовутъ въ Турціи широкое стремленіе къ серьезнымъ реформамъ, но младо-турки и теперь еще составляютъ очень ничтожную часть турецкаго общества. Наоборотъ, его подавляющее большинство и въ особенности вліятельные члены духовнаго сословія приписали несчастія своей родины тому же, чему приписывалъ ихъ великій визирь Рифаатъ-паша и Меттернихъ: стремленію подражать западной Европѣ. Отсюда и отвращеніе къ реформамъ, и усиленная ненависть къ христіанамъ, какъ къ непосредственнымъ виновникамъ войны. Но эта реакція въ деспотическомъ государствѣ, какова Турція, удѣ общественное мнѣніе не играетъ никакой роли, не пошла бы такъ далеко, еслибы она не соотвѣтствовала личнымъ взглядамъ и интересамъ самого султана.

Оставляя въ сторонѣ нравственную оцѣнку личности Абдуль-Гамида, нельзя не признать, что, послѣ султана Махмуда, Турція не имѣла болѣе ловкаго властителя. Абдуль-Меджидъ и Абдуль-Азисъ были людьми слабохарактерными, предпочитавшими гаремъ государственной канцеляріи. Султанъ Мурадъ, царствовавшій всего нѣсколько мѣсяцевъ, успѣлъ проявить только свою душевную болѣзнь. Въ противоположность своимъ предшественникамъ, султанъ Абдуль-Гамидъ—человѣкъ сильный и энергичный, по это—сила отрицательнаго свойства; это—деспотизмъ, упорство, религиозный фанатизмъ и вытекающая отсюда ненависть ко всему европейскому. Люди, хорошо знакомые съ дѣлами Турціи, утверждаютъ, что теперешній султанъ забралъ всѣ отрасли управ-

ленія въ свои руки, и что его первымъ дѣломъ было свести роль Высокой Порты до положенія обыкновенной канцеляріи, отмѣчающей только его распоряженія. „Порта больше не существуетъ,—писалъ въ 1881 году Габріель де-Шармъ;—это является даже самымъ характернымъ отличіемъ того режима, подъ которымъ находится теперь оттоманская имперія. И до Абдуль-Гамида власть султана была абсолютной, но она осуществлялась посредствомъ министровъ, которые играли дѣятельную роль въ руководствѣ внутренней и внѣшней политикой страны. Теперь все перевернулось. Министры являются простыми приказчиками, которые, не разсуждая, должны исполнять приказанія своего государя“¹⁾. Теперь для разрѣшенія самыхъ ничтожныхъ вопросовъ нужно обращаться въ канцелярію султана. Его личные секретари по своему вліянію стали сильнѣе самого великаго визиря. „Можно сказать,—писалъ своему правительству въ 1895 году Камбонъ, французскій посолъ въ Константинополь,—что вотъ уже четыре года, какъ управление страной перешло изъ Порты во дворецъ. Чиновники всякаго рода не зависятъ больше отъ своихъ министровъ, а находятся въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ секретарямъ султана. Часто случается, что они категорически отказываются подчиняться распоряженіямъ великаго визиря. Мнѣ самому не разъ приходилось лично убѣждаться въ безсиліи Порты подчинить своей волѣ своихъ самыхъ низшихъ чиновниковъ“²⁾.

Мы довольствуемся этими двумя свидѣтельствами, но то же самое констатируется всѣми историками современной Турціи³⁾. Но еще болѣе характерно употребленіе, сдѣланное султаномъ изъ своей деспотической власти. Мы разсмотримъ послѣдовательно его внутреннюю и иностранную политику.

Внутренняя политика была исключительно репрессивной: репрессія по отношенію къ младотуркамъ и по отношенію къ христіанамъ.

Младотурки начали появляться еще при Решидъ-пашѣ, но

¹⁾ La Situation en Turquie (R. des Deux Mondes, 15 Oct. 1881, p. 833).

²⁾ Донесеніе 3-го іюня 1895 г. Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques (Arménie) 1893—1897. Paris, 1897, p. 77.

³⁾ Mourad Bey, Le palais d'Yldys.—Necquard, La Turquie sous Abdoul-Hamid II. Bruxelles, 1901.—Какъ новое доказательство этого факта можно привести еще слѣдующую телеграмму агентства Гаваса: „Константинополь, 11-го (24-го) декабря. Императорскій комиссаръ въ Софіи, вслѣдствіе сообщенія на имя великаго визиря одного очень пессимистическаго доклада, получилъ отъ султана приказаніе не сообщать больше ничего Портѣ и сноситься исключительно съ дворомъ“. Temps, 25 Décembre 1902, стр. 4, столб. 5.

лишь въ концѣ шестидесятихъ годовъ, въ царствованіе Абдуль-Азиса, они выступили какъ обособленная группа. Въ 1868 году вышелъ первый манифестъ партіи, составленный Керединъ-пашой, подъ заглавіемъ: „Необходимыя для оттоманской имперіи реформы“. Главная задача младо-турокъ заключалась въ ограниченіи власти султана. „Единоличное управленіе,—писалъ въ вышеупомянутой брошюрѣ Керединъ-паша,—опасно, какими высокими качествами ни обладалъ бы автократъ“. Въ началѣ семидесятихъ годовъ, во главѣ младо-турокъ выступилъ извѣстный Мидхадъ-паша. Какъ либерально ни высказывались младо-турки, они сами не могли освободиться отъ многихъ инстинктовъ и предрассудковъ, привитыхъ имъ турецкой средой. Лучшее всего это можно было провѣрить на Мидхадъ-пашѣ. Это былъ несомнѣнно дальновидный человѣкъ, серьезно стремившійся къ введенію внутренняго порядка въ Турціи. Его пребываніе во главѣ дунайскаго вилайета (Болгарія) въ концѣ шестидесятихъ годовъ оставило до сихъ поръ слѣды хорошей администраціи, какъ, напр., проведеніе дорогъ, устройство мелкаго земледѣльческаго кредита, который былъ сохраненъ и болгарскимъ правительствомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Мидхадъ-паша проявлялъ въ подавленіи болгарскаго повстанческаго движенія 1868 года жестокость, какую можно встрѣтить только у азіатскихъ сатраповъ. Между прочимъ, румынскій король—тогда князь Карлъ—разсказываетъ, въ перепискѣ съ отцомъ, какъ Мидхадъ-паша на площадяхъ Рушува по три дня оставлялъ на висѣлицахъ трупы повстанцевъ, чтобы терроризировать населеніе ¹⁾).

Этотъ самый Мидхадъ-паша сталъ во главѣ турецкой либеральной партіи. Онъ способствовалъ сверженію Абдуль-Азиса съ цѣлью добиться у его преемника провозглашенія конституціи. Абдуль-Гамидъ, вступившій на престолъ три мѣсяца спустя послѣ таинственной и до сихъ поръ смерти Абдуль-Азиса, сначала пошелъ на уступки. Мидхадъ-паша сдѣлался великимъ визиремъ, а въ декабрѣ 1876 года была провозглашена и конституція, о которой мы уже говорили выше. Для Абдуль-Гамида она была вынужденнымъ актомъ. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ провозглашенія конституціи, какъ ея авторъ и великій визирь Мидхадъ-паша былъ сосланъ въ ссылку въ Малую Азію, а вслѣдъ затѣмъ была уничтожена и самая конституція. Но даже если бы Мидхадъ-паша остался у власти и его конституція продолжала

¹⁾ Notes sur la vie de roi Charles de Roumanie. Bucarest, t. I. Lettre de 5 (17) juillet 1868.

существовать, вряд-ли отъ этого наступила бы новая эра для христіанскаго населенія Турціи. Чтобы сохранился либеральный строй, нужно, чтобы за нимъ стояла какая-нибудь общественная сила, а такой поддержки и недоставало младо-туркамъ. Всѣ реформы въ Турціи, начиная съ реформъ Решид-паши, проваливались, во-первыхъ, потому, что отсутствовали такіе чиновники, которые могли бы ихъ примѣнить, а главное—проведеніе этихъ реформъ встрѣчало въ турецкихъ фанатическихъ массахъ не только равнодушное, но прямо враждебное настроеніе. Это говорится и людьми, несомнѣнно расположенными къ туркамъ, какъ проф. Вамбери, изучавшій Турцію въ теченіе сорока лѣтъ ¹⁾. Единственнымъ элементомъ, болѣе или менѣе способнымъ къ конституціонной жизни, являлись христіане. Но именно предвидя преобладающее вліяніе, которое приобрѣтутъ христіане, если въ Турціи осуществится искренній конституціонный режимъ, младо-турки 1876 года старались всячески устранить ихъ изъ своихъ комбинацій. „Что касается христіанъ,—говорилъ великій визирь,—то о нихъ будетъ рѣчь позже“... „Христіане,—говорилъ предсѣдатель новосозданнаго государственнаго совѣта,—должны разсчитывать только на *терпимость* съ нашей стороны“ ²⁾. Но, какъ видно изъ словъ Мурадъ-бея относительно армянъ,—словъ, приведенныхъ въ первой главѣ нашей статьи,—младо-турки и теперь не считаютъ христіанъ вполне полноправными съ собою, а смотрятъ на нихъ какъ на подчиненныхъ. При этихъ условіяхъ, конституціонализмъ въ Турціи свелся къ установленію чиновничьей олигархіи, которая продолжала старыя злоупотребленія, но только съ большей смѣлостью. Конечно, для Абдуль-Гамида, желавшаго неограниченно пользоваться своей властью, и этотъ режимъ являлся стѣснительнымъ. Онъ съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ и преслѣдуетъ младо-турокъ. Онъ воспользовался ихъ участіемъ въ низверженіи Абдуль-Азиса, чтобы устроить въ 1882 году судъ и избавиться отъ ихъ самыхъ вліятельныхъ вождей. Между прочимъ, былъ осужденъ и Мидхадъ-паша, приговоренный сначала къ смертной казни, а потомъ къ вѣчной ссылке въ Геджасъ (Аравія), гдѣ онъ скоропостижно и нѣсколько таинственно умеръ.

Младо-турки, тѣмъ не менѣе, численно увеличивались. Среди турецкой молодежи, выходящей изъ класса чиновниковъ и зажи-

¹⁾ N. Vambery, Türkische Reformen und die Gefahr eines Weltkrieges (Cosmopolis, Mars 1897). S. 876.

²⁾ Comte de Mouy, Souvenirs d'un diplomate. Un Essai du régime constitutionnel en Turquie (R. des Deux Mondes, etc. p. 644).

точныхъ турокъ, послѣ войны, замѣчается стремленіе къ просвѣщенію. По даннымъ, сообщеннымъ фонъ-деръ-Гольцемъ, число учениковъ военнаго училища въ Константинополь увеличилось съ 4.000 (1883 г.) до 14.000 (1895 г.)¹⁾. „Вмѣсто стараго духа рабства и апатіи,—пишетъ тотъ же авторъ,—замѣчается живое стремленіе къ свободѣ и болѣе современному управленію“. Противъ этого-то стремленія и направилъ всѣ свои репрессіи Абдуль-Гамидъ. Самъ фонъ-деръ-Гольцъ, положившій много усилій для организаціи турецкой арміи, долженъ былъ повинуть Турцію, чтобы избѣгнуть вѣчнаго выслѣживанья со стороны султанскихъ агентовъ. Абдуль-Гамидъ подозрѣвалъ фонъ-деръ-Гольца въ сочувствіи младо-туркамъ; его подозрительному воображенію самня обыкновенныя дѣйствія нѣмецкаго генерала казались направленными противъ его собственной особы. Такъ, напр., султанъ Гамидъ былъ необыкновенно встревоженъ донесеніемъ дворцовыхъ агентовъ, что фонъ-деръ-Гольцъ занимается тактическими упражненіями съ учениками военной школы на одной изъ высотъ Константинополя, откуда можно обстрѣливать и Ильдизъ-Кіоскъ. Еще большимъ недоумѣемъ проникнуть султанъ въ образованнымъ туркамъ. Обыкновенно, кончающіе курсъ офицера, обращающіе вниманіе своими выдающимися способностями, отсылаются въ отдаленные гарнизоны Аравіи, Малой Азіи или Македоніи²⁾. Но борьба съ младо-турками не ограничивается только предохранительными мѣрами; не проходитъ мѣсяца, чтобы телеграмма изъ Константинополя не сообщала о массовыхъ арестахъ и ссылкахъ изъ среды чиновниковъ и, главнымъ образомъ, изъ среды офицерства; съ другой стороны, каждый годъ, чтобы избѣжать преслѣдованій, множество младо-турокъ эмигрируетъ за границу: въ Египетъ, Румынію, Болгарію и западную Европу. Какъ извѣстно, въ прошломъ году состоялся даже конгрессъ младо-турокъ въ Парижѣ. По отношенію къ живущимъ за границей младо-туркамъ политика султана мѣняется. Невозможность воспользоваться силой для подавленія младо-турецкаго движенія заставляетъ его прибѣгать къ соблазнительнымъ обѣщаніямъ, на которыя поддался не одинъ младо-турокъ. Недавно преданные Ильдизу органы заговорили о возвращеніи въ Константинополь Дамадъ-Махмуда-паши, зятя султана, бѣжавшаго вмѣстѣ со своими сыновьями

¹⁾ C. Freiherr von der Goltz, Stärke und Schwäche des Türkischen Reiches. (Deutsche Rundschau, October 1897, p. 96).

²⁾ Georges Gaulis, Les Allemands à Constantinople (Revue de Paris, 1897, t. II, pp. 338—339).

года два тому назадъ. Но Дамадъ на дняхъ успѣшилъ опровергнуть это сообщеніе.

Политика Абдуль-Гамида по отношенію къ христіанскимъ національностямъ сводилась къ подавленію и той маленькой самостоятельности, которую онѣ приобрѣли послѣ гати-гумаюна. Закрытіе газетъ, журналовъ, школъ, церквей, — уничтоженіе одного за другимъ ихъ правъ, — вотъ какими средствами Ильдизъ-Кіоскъ думалъ отрѣзать христіанамъ возможность всякаго протеста и неминуемаго за этимъ вмѣшательства европейской дипломатіи. „Еще съ 1882 года, — пишетъ Мурадъ-бей, — были изданы секретныя циркуляры о преслѣдованіи армянъ. Чиновники получали спеціальныя инструкціи о сокращеніи числа армянскихъ литературныхъ и политическихъ изданій, о преслѣдованіи народа и даже, если нужно, его разграбленіи (*le dévouiller*), но съ осторожностью, такъ чтобы не было повода къ жалобамъ. Какъ членъ высшаго совѣта министерства народнаго просвѣщенія, я былъ свидѣтелемъ возмутительныхъ дѣйствій по отношенію къ армянской печати. Я даже обратился съ протестомъ къ министру народнаго просвѣщенія, протестовалъ въ то же время и передъ своими товарищами въ совѣтѣ, но министръ показалъ мнѣ циркуляръ двора, изданный по приказанію султана“¹⁾.

Однако, когда, несмотря на эти мѣры, армяне все-таки протестовали, надъ ними разразились ужасныя, памятныя всѣмъ читателямъ репрессіи. Въ этой рѣзні, покрывшей кровью улицы малоазійскихъ городовъ и самой султанской столицы, характеренъ констатированный всѣми послами въ Константинополь фактъ, что самое избіеніе произошло по распоряженію свыше. Во главѣ свирѣпствовавшихъ въ Константинополь шаяекъ находились полицейскіе офицеры и агенты Ильдизъ-Кіоска. Еще за три дня до рѣзни, константинопольская полиція рекрутировала будущихъ убійцъ. Извѣстны, между прочимъ, показанія турокъ, служащихъ при нѣкоторыхъ посольствахъ, о сдѣланномъ имъ предложеніи за деньги подкрѣпить ряды переодѣтыхъ полицейскихъ²⁾. На помощь послѣднимъ пришли и офицеры регулярной арміи. Турецкое правительство, желая повліять на общественное мнѣніе Европы, просило находящихся на турецкой службѣ европейскихъ офицеровъ засвидѣтельствовать, что поведеніе арміи было корректно. Но какъ французскій генералъ

¹⁾ Mourad Bey, *La Force et la faiblesse*, p. 50.

²⁾ Ministère des affaires étrangères. *Affaire d'Arménie*. 1897. См. въ донесеніи Камбова текстъ протеста пословъ.

Лекокъ-паша, такъ и нѣмецкій Кампофейерт, — занявшій мѣсто фонъ-деръ-Гольца, — отказались съ негодованіемъ ¹⁾.

Другое средство, къ которому прибѣгъ Абдуль-Гамидъ, чтобы обезсилить христіанъ въ Турціи, заключалось въ искусственномъ распредѣленіи мусульманскихъ элементовъ. Были ассигнованы особые фонды для поддержки турецкой эмиграціи изъ Румыніи и, въ особенности, Болгаріи. Переселившіеся турки получали земли въ округахъ, гдѣ населеніе состояло, главнымъ образомъ, изъ христіанъ. Съ другой стороны, подобныя привилегіи получили и курды. Подъ предлогомъ дисциплинировать эту разбойничью расу, султанъ создалъ курдскую кавалерію — „гамидіе“, игравшую такую печальную роль въ избиеніяхъ въ Малой Азіи. Въ Македоніи роль курдовъ, какъ противовѣса христіанамъ, играли албанцы. По отношенію къ нимъ султанъ прибѣгъ къ той самой политикѣ особыхъ благоволеній: онъ дѣлалъ торжественные приемы ихъ вожакамъ, въ родѣ Хаджи-Молла-Зева, Исса-Болитинаца и др., и оказывалъ имъ всякаго рода уступки. Результаты этой политики въ Македоніи выразились уже въ томъ, что многія деревни сѣверной части провинціи, населенныя раньше исключительно болгарами, теперь стали албанскими. Болгарское населеніе вытѣсняется больше и больше къ городамъ и къ югу ²⁾. Окружить христіанъ со всѣхъ сторонъ живымъ кольцомъ враждебно настроенныхъ къ нимъ магометанъ — является любимой задачей Ильдизъ-Кюска.

Заигрыванье съ турецкой червью и ея фанатизмомъ было для султана тѣмъ болѣе пріятной и легкой ролью, что онъ самъ проникнуть идеологіей старо-турокъ. По сообщеніямъ фонъ-деръ-Гольца, въ первые годы своего царствованія Абдуль-Гамидъ находился подъ исключительнымъ вліяніемъ одного стараго фанатика, Юсуфъ-Риза-паша, олицетворенія политики панисламизма ³⁾. Однимъ изъ обычныхъ приемовъ султана для воздѣйствія на турецкое населеніе являются религіозныя миссіи. Онъ ихъ отправляетъ не только во всѣ концы турецкой имперіи, но еще и по всѣмъ частямъ мусульманскаго міра. Проповѣдь этихъ миссіонеровъ носитъ не только религіозный, но и политическій характеръ. Не разъ иностранныя правительства нападали на слѣды этой подпольной организаціи, поддерживаемой на средства Турціи. Этимъ миссіонерамъ приписывали французы враждебное къ нимъ

¹⁾ Gaulis, Les Allemands à Constantinople, p. 350 et 369.

²⁾ Victor Berard, La Macédoine. Paris 1897.

³⁾ Von der Goltz. S. 112.

отношеніе тунисскаго магометанскаго населенія въ 1880 г. ¹⁾. Впрочемъ, тогда турецкая печать, какъ, напр., полу-оффиціозная газета „Вакиъ“ („Время“), открыто проповѣдывала объединеніе всѣхъ магометанскихъ владѣтелей подъ скипетромъ султана. Тѣ же самые миссіонеры въ 1897 году, во время греко-турецкой войны, вызвали броженіе среди болгарскихъ мусульманъ, особенно въ варненскомъ округѣ, броженіе, которое угрожало превратиться въ вооруженное возстаніе, еслибы болгарское правительство не приняло своевременно предохранительныхъ мѣръ. Существованіе этой арміи мусульманскихъ миссіонеровъ—не тайна для иностранныхъ пословъ въ Константинополѣ. Во время армянскихъ ужасовъ, французскій посолъ Камбонъ предлагалъ султану отправить по мечетямъ миссіонеровъ—остановить свою проповѣдью фанатизированную чернь. Съ другой стороны, во время боксерскаго движенія въ Китаѣ, въ позапрошломъ году, самъ Абдуль-Гамидъ любезно предложилъ Европѣ услуги своихъ миссіонеровъ, которые, по его словамъ, своею проповѣдью среди китайскихъ мусульманъ могли бы способствовать умиротворенію страны. Наконецъ, проведеніе желѣзной дороги въ Мекку было предпринято султаномъ изъ тѣхъ же побужденій панисламскаго прозелитизма. Несомнѣнно, эта политика поднимаетъ престижъ султана въ глазахъ турецкихъ массъ, которыя въ своей наивности охотно вѣрятъ въ могущество калифа.

Намъ остается еще охарактеризовать политику Абдуль-Гамида по отношенію къ европейскимъ державамъ. Зная о громадномъ вліяніи, какое общественное мнѣніе Запада оказываетъ на политику государствъ, султанъ старался прежде всего заручиться или поддержкой, или, по крайней мѣрѣ, молчаніемъ европейской печати въ вопросахъ о Турціи. Теперь извѣстно, что во время армянскихъ безпорядковъ во Франціи семнадцать газетъ получали субсидію турецкаго правительства ²⁾. Однако, этимъ способомъ Турціи далеко не всегда удается скрыть настоящее положеніе дѣлъ. Даже тѣ газеты, которыя за деньги печатаютъ анонимныя сообщенія турецкаго посольства, стараются оградить свою нравственную отвѣтственность. Такъ, напр., „Figaro“ недавно напечаталъ одно опроверженіе турецкаго посольства въ Парижѣ относительно событій въ Македоніи, но помѣтилъ его на третьей страницѣ, *между объявленіями*, такъ чтобы для чи-

¹⁾ Gabriel Charme, La politique du Chalifat et ses conséquences (R. des Deux Mondes, 15 Oct. 1881, p. 739).

²⁾ Victor Berard, La Turquie et le Sultan.

тателя не могло быть сомнѣній относительно характера и происхожденія этого документа. До какой степени доходить въ этомъ смыслѣ цинизмъ турецкихъ агентовъ за границей, — можно судить по недавнему заявленію швейцарскаго депутата Гоба, въ бернской федеральной палатѣ. Онъ сказалъ, что, на основаніи признаній самого турецкаго консула въ Женевѣ, турецкій посланникъ въ Парижѣ Мюниръ-бей вытребовалъ отъ своего правительства 140.000 фр. „на чай“ швейцарскому федеральному соѣзту ¹⁾. Конечно, эти деньги остались въ карманѣ Мюниръ-бея, что и возмутило его женевского коллегу, выдавашаго все дѣло. Распространенность подеуповъ въ Турціи развила у турецкихъ правителей представленіе, что деньгами можно все сдѣлать. Рассказываютъ, что во время берлинскаго конгресса Махмудъ-Недимъ-паша восклицалъ съ горечью: „Если бы былъ у насъ теперь миллионъ турецкихъ лиръ, легко было бы закрыть ротъ Бисмарку“.

Гораздо характернѣе для современной политики Турціи исторія реформъ послѣ 1878 года.

VIII.

Мы уже упоминали о XXIII-мъ параграфѣ берлинскаго трактата, въ силу котораго Турція обязывалась ввести рядъ реформъ въ своихъ европейскихъ провинціяхъ. Для этой цѣли должны были быть назначены спеціальныя комиссіи съ представителями отъ различныхъ провинцій. Кромѣ того, реформы должны были подвергнуться разсмотрѣнію и одобренію со стороны европейской комиссіи, занимавшейся устройствомъ Восточной Румеліи. Но Порта не спѣшила исполнить свои обязательства. Когда, по окончаніи устройства Восточной Румеліи, европейская комиссія обратилась въ турецкому правительству съ вопросомъ, приняло ли оно мѣры къ исполненію § XXIII-го берлинскаго трактата, турецкіе комиссары отвѣтили, что въ берлинскомъ трактатѣ не определено никакого срока для исполненія XXIII-го параграфа и что кромѣ того нужно сдѣлать предварительную анкету ²⁾.

Тѣмъ не менѣе, Порта не могла оттягивать исполненіе своихъ обязательствъ, но вмѣсто того, чтобы назначить спеціальныя комиссіи изъ турокъ и христіанъ для выработки устройства своихъ

¹⁾ Gazette de Lausanne, 11 Juin 1902, стр. 1, столб. 5.

²⁾ Engelhardt, II, p. 203.

европейских провинцій, она возложила эту задачу на нѣсколькихъ чиновниковъ. Составленный ими проектъ и былъ предложенъ на разсмотрѣніе европейской комиссіи. Делегаты европейскихъ государствъ въ своемъ протоколѣ 23-го августа 1880 года отмѣчаютъ не-корректное поведение Турціи, не назначившей предусмотрѣнныхъ берлинскимъ трактатомъ специальныхъ комиссій; но, не желая затягивать дѣло, они согласились принять за отправную точку своихъ работъ проектъ Порты ¹⁾. Результатомъ работъ европейской комиссіи явился солидный законопроектъ, осуществленіе котораго, несомнѣнно, положило бы конецъ многимъ злоупотребленіямъ. Онъ давалъ широкую автономію общинному управленію христіанъ, вводилъ выборное начало для постоянныхъ смѣшанныхъ совѣтовъ при центральныхъ административныхъ властяхъ, предвидѣлъ устройство смѣшанныхъ судовъ, поставилъ рационально вопросъ о собираніи податей и распределеніи доходовъ между бюджетомъ провинцій и центральнымъ бюджетомъ, но, къ сожалѣнію, этотъ проектъ абсолютно не примѣнялся. Случилось еще разъ то, что сами европейскіе делегаты констатируютъ въ своемъ послѣднемъ протоколѣ: „Въ Турціи никогда не было недостатка въ хорошихъ законахъ, но они никогда не исполнялись“.

Европейская дипломатія какъ бы заснула на этомъ своемъ послѣднемъ платоническомъ актѣ. Она положила на слово султана и ждала цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ до армянскихъ безпорядковъ, чтобы убѣдиться въ неисполненіи всѣхъ этихъ реформъ. Начались опять переговоры о реформахъ, опять комиссіи, опять проекты и контръ-проекты. Замѣчательнѣе всего въ этихъ новыхъ переговорахъ было то, что европейскіе посланники теперь довольствовались меньшими уступками, а султанъ, наоборотъ, сопротивлялся и тѣмъ реформамъ, на которыя онъ уже согласился въ 1880 году. Даже больше: чѣмъ дальше длились переговоры, тѣмъ менѣе уступчивымъ дѣлалось турецкое правительство. Никогда по отношенію къ европейской дипломатіи оно не проявляло такого дерзкаго сопротивленія, какъ въ 1895—97 годахъ. Кромѣ того, и тѣ обѣщанія, которыя даетъ Порта, носятъ условный характеръ. „Если это будетъ возможно“... „если это окажется нужнымъ“, — вотъ стереотипныя фразы, постоянно встрѣчающіяся въ официальныхъ отвѣтахъ турецкаго правительства.

Новый проектъ реформъ 1895 года, составленный посланни-

¹⁾ Текстъ этого протокола, какъ и всѣхъ документовъ по вопросу о реформахъ, напечатанъ въ англійской синей книгѣ за 1880 годъ: „Correspondance respective... the New Law for the European Provinces of Turkey. 1880“.

вами, повторялъ главныя положенія проекта 1880 года, что касается выборныхъ учреждений и устройства администраціи. Тамъ предусматривалось между прочимъ, что если управители вилайетовъ и ихъ подраздѣленій не христіане, то ихъ помощники должны быть непременно таковыми. Кромѣ того, турецкое правительство должно было всегда „официознымъ путемъ“ сообщать посланникамъ имена новоназначенныхъ управителей вилайетовъ. Въ проектѣ предвидѣлось еще созданіе смѣшанной жандармеріи изъ турокъ и христіанъ, для охраненія деревень отъ разбойничества. Кромѣ того, предвидѣлось назначеніе провинціальныхъ инспекторовъ по всѣмъ отраслямъ управленія. Всѣ эти требованія въ той или иной формѣ входили уже въ проектъ 1880 года. Единственнымъ нововведеніемъ являлось устройство постоянной смѣшанной комиссіи изъ шести магометанъ и шести христіанъ, для наблюденія за дѣйствительнымъ осуществленіемъ реформъ. Эта комиссія должна была собираться каждый мѣсяцъ въ Константинополѣ при Портѣ и должна была пользоваться широкими полномочіями, какъ, напр., входить въ непосредственныя сношенія съ представителями пословъ, выслушивать жалобы турецкихъ подданныхъ, назначать слѣдствія и т. п. Для европейскихъ пословъ эта постоянная смѣшанная контрольная комиссія (§ 8 проекта реформъ) была самымъ существеннымъ требованіемъ; подобное учрежденіе могло служить болѣе или менѣе серьезной гарантіей, что реформы будутъ проведены. Что же отвѣтило турецкое правительство?—Оно отвергло не только это требованіе, но и многія другія. „Принятіе § 8-го—говорилось въ отвѣтѣ султана,—допускающаго вмѣшательство представителей пословъ во внутреннія дѣла, можетъ вызвать частыя и непріятныя пререканія между Портой и послами. Но кромѣ этихъ неудобствъ, посламъ извѣстно, что независимость турецкаго правительства признается трактатами парижскимъ и берлинскимъ. Въ особенности изъ постановленій парижскаго трактата вытекаетъ ясно, что великія державы ни отдѣльно, ни сообща, не должны вмѣшиваться въ дѣла Турціи. То же самое признается и въ берлинскомъ трактатѣ. Поэтому гг. посланникамъ слѣдуетъ согласиться, что турецкое правительство можетъ только отклонить § 8 проекта реформъ“¹⁾.

На основаніи тѣхъ же доводовъ турецкое правительство отвергло и „официальное предупрежденіе“, которое оно должно было дѣлать посламъ о новоназначаемыхъ чиновникахъ. „Такъ какъ въ меморандумѣ пословъ,—говоритъ турецкій отвѣтъ,—

¹⁾ Ministère des affaires étrangères. La Réforme en Arménie, etc., p. 74.

предусмотрѣно, что губернаторы должны выбираться среди людей, отличившихся своими способностями, и что, съ другой стороны, тѣ которые не отвѣчаютъ своему назначенію, будутъ смѣщены, то господа посланники должны согласиться, что „оффиціозное предупрежденіе“, котораго они требуютъ, затрогиваетъ обезпеченную трактатами самостоятельность императорскаго правительства“. Турція отвергла и требованіе о смѣшанной жандармеріи, какъ несогласное съ существующими законами. Наконецъ, на предложеніе пословъ, совѣтовавшихъ Турціи возмѣститъ матеріальные убытки пострадавшихъ армянъ, Порты отвѣтила буквально слѣдующей ироніей: „Е. и. в. султанъ выдалъ до сихъ поръ на эту цѣль 1.500 турецкихъ лиръ (т.-е. около 9.000 р.). Но если мстныя чиновники доведутъ до свѣдѣнія правительства, что есть еще люди, достойные императорскаго великодушія, то въ немъ не будетъ отказано“. Такъ же условно обѣщаетъ Порты назначить и помощниковъ управителей изъ христіанъ: „Если возможно будетъ назначить—тамъ, гдѣ государство сочтетъ это нужнымъ—христіанъ-муавиновъ (помощниковъ)“. Изъ обѣщаній Порты слѣдуетъ отмѣтить только ея согласіе назначить провинціальныхъ инспекторовъ. Этотъ проектъ реформы помѣченъ сентябремъ 1895 года, и онъ касался пока азіатскихъ провинцій. Но его совершенная недостаточность была очевидной еще тогда, и вотъ почему послы сослались на новые безпорядки, чтобы требовать болѣе широкихъ уступокъ со стороны Турціи.

Можно было думать, что Турція послѣ константинопольскихъ ужасовъ сознается въ несостоятельности своей правительственной системы и пойдетъ на дальнѣйшія уступки. Случилось какъ разъ наоборотъ. Правда, султанъ согласился распространить реформы на всю имперію, а стало быть и на Македонію, но зато его новый проектъ обѣщаль еще меньше, чѣмъ прошлогодній. „Уже при первомъ разсмотрѣніи новаго проекта,—писалъ французскій посоль Камбонъ,—я замѣчаю значительную разницу сравнительно съ разъ принятымъ уже нами текстомъ. Такъ, напр., въ новомъ проектѣ Порты заботливо избѣгаетъ говорить о принятіи христіанъ на гражданскія должности. Тогда какъ декретъ прошлаго года предусматривалъ двухъ инспекторовъ для каждаго вилайета—одного мусульманина и другого христіанина,—въ новомъ проектѣ говорится лишь объ одномъ инспекторѣ, да и то для двухъ или трехъ вилайетовъ. Во всѣхъ другихъ параграфахъ говорится о сохраненіи существующихъ уже законоположеній. Между тѣмъ, вашему превосходительству извѣстно, что постановленія существующихъ законовъ не примѣняются и что цѣль реформъ

заключалась именно въ воскрешеніи тѣхъ законовъ, которые оставались до сихъ поръ мертвой буквой. Поэтому я спрашиваю себя, не будутъ ли новыя уступки султана такъ же призрачны, какъ, къ несчастю, были призрачны и всѣ сдѣланныя до сихъ поръ“¹⁾.

Убѣжденіе въ призрачности всякихъ реформъ въ Турціи безъ европейскаго контроля Камбонъ высказываетъ во всѣхъ своихъ дописаніяхъ. „Султанъ далъ мнѣ самыя удовлетворительныя обѣщанія,—пишетъ онъ 26-го сентября 1896 года,—но боюсь, что онъ не сдержитъ ни одного“. „Иззетъ-бей (секретарь султана) приходилъ ко мнѣ два раза, — опять пишетъ Камбонъ мѣсяць спустя.—Отъ имени султана онъ повторилъ тѣ же обѣщанія, которыя мнѣ были сдѣланы самимъ султаномъ въ аудіенціи 26-го сентября и изъ которыхъ ни одно не было сдержано“. Два дня послѣ посѣщенія Иззетъ-бея, посоль имѣетъ у султана новую аудіенцію, длившуюся три часа. „Султанъ мнѣ заявилъ, что реформы, касающіяся шести армянскихъ вилайетовъ, почти вполнѣ проведены. На это я замѣтилъ, что свѣдѣнія его величества находятся въ полномъ противорѣчій съ нашими, и что нигдѣ реформы не были серьезно примѣнены“²⁾. „Я прошу ваше превосходительство, — пишетъ 16-го ноября того же года Камбонъ своему министру,—не придавать никакого значенія заявленіямъ Мюниръ-бея. Единственно, что до сихъ поръ сдѣлала Порта, это приступъ къ процедурѣ выбора армянскаго патріарха. Дѣло Махзаръ-бея (убійцы французскаго миссіонера Сальватора) даже еще не начиналось. Этотъ офицеръ еще и теперь разгуливаетъ на свободѣ... Султанъ прибѣгаетъ ко всякимъ средствамъ, чтобы выиграть время, и письменныя отношенія его парижскаго посланника имѣютъ исключительною цѣлью заставить васъ вѣрить, что турецкое правительство что-то предпринимаетъ, когда, въ сущности, оно ничего не дѣлаетъ“. „Еще много времени пройдетъ,—писалъ 24-го декабря того же года французскій консулъ въ Салоникахъ,—раньше, чѣмъ реформы будутъ примѣнены въ Македоніи“³⁾. Чтобы можно было выставить что-либо передъ Европой, турецкое правительство единственно лишь назначило въ Македоніи въ муавины двухъ болгаръ—Пандурова и Кристевича, но оба они долгое время занимали подчиненную должность въ турецкой полиціи, а, потому не имѣютъ ни самостоятельности, ни авторитета. Болгары имъ не довѣряютъ, а турецкое начальство надъ ними издѣвается. Такъ, напр., одному изъ этихъ муа-

¹⁾ Тамъ же, стр. 323.

²⁾ Тамъ же, стр. 294 и 320.

³⁾ Тамъ же, стр. 345.

виновъ дали должность вести статистику подводъ, въѣзжающихъ въ городъ.

Въ началѣ декабря прошлаго года султанъ, по настоянію посланника Россіи, издалъ новый декретъ о реформахъ въ Македоніи. Въ немъ, поскольку можно судить по напечатанному въ газетахъ, повторяются тѣ же стереотипныя фразы о безпристрастномъ судѣ, о честныхъ чиновникахъ и хорошемъ финансовомъ хозяйствѣ, образчики которыхъ даетъ еще гати-шерифъ 1839 года. Порта обѣщаетъ еще назначить генеральнаго инспектора для контроля надъ чиновниками. Но эта должность была уже создана въ 1880 году. Габриель Шарль еще тогда въ „Revue des Deux Mondes“ описывалъ одиссею одного инспектора, посланнаго въ Малую Азію, но которому турецкое правительство скоро перестало высылать жалованье и который долженъ былъ на свои средства вернуться въ Константинополь. Должность инспекторовъ проектировалась и въ 1896 году, и тотъ фактъ, что турецкое правительство опять ее вводитъ, доказываетъ лишь одно, что она никогда не была осуществлена въ дѣйствительности. Наконецъ, Порта назначаетъ контрольную комиссію изъ трехъ человекъ, засѣдающую въ Константинополѣ, въ обязанность которой вмѣняется слѣдить за дѣйствіями управителей вилайетовъ. Но какая гарантія, что чиновники этой комиссіи, назначаемые Портой, составятъ счастливое исключеніе изъ всего остального чиновничьяго класса? Это лишь новое бюрократическое учрежденіе въ турецкой государственной машинѣ, уже и безъ того сложной и тяжелой. Лишь тѣ реформы оказались бы серьезными, которыя дали бы дѣйствительную, а не только номинальную возможность войти въ управленіе страной интеллигентнымъ христіанскимъ элементамъ. Но это означало бы передать власть въ руки христіанъ. „Вы можете уничтожить Турцію, — говорилъ въ 1876 году Мидхадъ-паша, делегатъ константинопольской конференціи, — но вы никогда не добьетесь того, чтобы Турція сама на себя подняла руку“.

IX.

„Никогда обширная турецкая имперія не была такъ дезорганизована, никогда ея положеніе не было столь критическимъ, какъ теперь. Съ этимъ согласится всякій разумный и безпристрастный турокъ. Во всякой другой странѣ царствующее здѣсь безправіе, административный произволъ и отчаянная нищета вы-

звали бы всеобщее возстаніе. Если этого до сихъ поръ не случилось, то только благодаря безграничному терпѣнію и уваженію магометанъ къ намѣстнику пророка и, наконецъ, благодаря трудности объединить всѣ элементы противъ правительства, которая проистекаетъ отъ различія расъ и отъ господствующей взаимной религіозной ненависти“.

Тагъ писалъ, 4-го мая 1880 года, сэръ Лэйардъ, англійскій посланникъ въ Константинополь своему министру иностранныхъ дѣлъ, лорду Грэнвиллю ¹⁾. Опасенія англійскаго дипломата сбылись не тагъ скоро, но вотъ уже семь лѣтъ, начиная съ 1895 года, не проходитъ года, чтобы какая-нибудь турецкая провинція не была театромъ частичныхъ возстаній. Сначала мы были свидѣтелями армянскаго движенія, и турецкое правительство еще не успѣло его усмирить, какъ вспыхнуло движеніе въ Македоніи.

Раньше, чѣмъ дойти до этого фазиса, македонское движеніе пережило періодъ непримѣрной борьбы національностей. Болгары, сербы, греки—каждый со своими основаніями предъявлялъ свои права на Македонію. Тагъ, напримѣръ, по греческимъ статистикамъ, въ Македоніи территорія греческаго діалекта обнимаетъ 1.162.000 жителей, тогда какъ территорія славянскихъ діалектовъ—всего лишь 513.000 (Николайдесъ). По болгарскимъ статистикамъ, въ Македоніи живетъ всего-на-всего 229.000 грековъ и, наоборотъ, 1.235.000 болгаръ, изъ которыхъ 1.090.000 православныхъ, а остальные—магометанскаго вѣроисповѣданія (Къичевъ). По численности, послѣ болгаръ идутъ турки (511.750); что же касается сербовъ, то по болгарскимъ статистикамъ въ Македоніи ихъ не больше 500. Сербскіе источники уменьшаютъ число турокъ до 215.000, грековъ—до 201.000, а болгаръ по этимъ источникамъ въ Македоніи всего-на-всего 57.600 человѣкъ. Наоборотъ, число сербовъ восходитъ до 1.686.000—изъ которыхъ 321.500, магометанскаго вѣроисповѣданія (Гопчевичъ). Если теперь мы обратимся къ статистикѣ нѣмецкаго профессора Вайганда, который долго оставался въ Македоніи и пользовался турецкой статистикой, то найдемъ слѣдующія цифры. Все населеніе Македоніи, т.-е., трехъ вилайетовъ (Салоникъ, Монастира и Ускюба) доходитъ до 2.275.000 жителей, которые распредѣляются такъ: славяне—1.200.000, турки и албанцы—700.000, греки—220.000, евреи—90.000 и румыны—70.000. Изъ 1.200.000 славянъ нужно вычесть 300.000 исповѣдывающихъ магометанство; изъ остальныхъ 900.000 одна девятая, т.-е.,

¹⁾ Engelhardt. II, 221.

100.000, находится еще подъ вѣдѣніемъ греческой патріархіи, а 800.000 признаются болгарами и находятся подъ духовнымъ управленіемъ болгарской епархіи. Но именно за этими 800.000 болгарами сербы и отрицаютъ право называться болгарами; они таковы лишь по недоразумѣнію, ибо между ними и сербами больше родства въ лингвистическихъ формахъ и въ нравахъ, чѣмъ между ними и болгарами. Болгары доказываютъ какъ разъ обратное. Мы здѣсь не можемъ входить въ эти филологическіе споры, для насъ они, въ сущности, лишены всякаго значенія, и гораздо важнѣе, какимъ образомъ случилось, что македонское славянское населеніе примкнуло къ обще-болгарскому движенію. Прежде всего характерно одно обстоятельство, на которое указывалъ, между прочимъ, и г. Милюковъ, что до послѣднихъ территоріальныхъ перемѣнъ на Балканскомъ полуостровѣ сербы не предъявляли никакихъ претензій на Македонію¹⁾. Въ первый разъ они заговорили о Македоніи, какъ о сербской странѣ, послѣ берлинскаго конгресса, когда сербскія провинціи Боснія и Герцеговина перешли къ Австріи. О расширеніи территоріи на западѣ Сербія уже не могла мечтать, — дорога къ Адриатическому морю для нея была закрыта. Тогда она обратилась лицомъ къ Македоніи, которая вмѣстѣ съ двумя милліонами жителей и обширной, плодородной территоріей, могла ей дать выходъ къ морю. Приобрѣтеніе Македоніи сдѣлалось для Сербіи вопросомъ, отъ разрѣшенія котораго зависѣло экономическое и политическое будущее страны. Это одно уже указываетъ на специфическій характеръ, который носитъ сербская пропаганда въ Македоніи.

Что же касается самихъ македонцевъ, то ихъ симпатіи — на сторонѣ болгаръ. И тому есть причины. Во время турецкаго ита македонцы вели ту же борьбу противъ греческаго духовенства, какъ и болгары дунайскихъ провинцій; они одинаково и вмѣстѣ требовали устройства независимой болгарской церкви. Политическій идеаль — освобожденіе отъ турецкаго владычества — былъ тотъ же. Европейская дипломатія подтвердила не только общность ихъ интересовъ, но и ихъ полную тождественность, рѣшивъ на константинопольской конференціи дать Македоніи названіе Западной Болгаріи, включивъ въ послѣднюю, вмѣстѣ съ теперешними македонскими вилайетами, и нѣкоторые округа дунайской Болгаріи. По санъ-стефанскому договору Македонія также входитъ въ составъ болгарскаго княжества. Тогда этого никто не

¹⁾ П. Милюковъ, Сербско-болгарскія отношенія по македонскому вопросу. Сборникъ журнала „Русское Богатство“. 1899 г.

находилъ неестественнымъ. Отдѣленіе на берлинскомъ конгрессѣ дунайской Болгаріи и Эракіи въ особыя провинціи, вмѣсто того, чтобы уничтожить узы между ними и Македоніей, еще болѣе ихъ укрѣпило. Взоры македонцевъ обратились къ свободному княжеству, какъ къ ихъ будущему освободителю. Болгарія открыла свою границу для македонцевъ, которые являлись въ нее, какъ въ родную страну, и немедленно пользовались всѣми правами болгарскихъ гражданъ. По послѣднимъ статистическимъ даннымъ, въ Болгаріи проживаетъ теперь въ качествѣ постоянныхъ жителей около 50.000 македонцевъ; изъ 20.509 болгарскихъ чиновниковъ, 955—македонцы, изъ нихъ 167—офицеры болгарской арміи ¹⁾. Кроме того, македонская интеллигенція играла и играетъ теперь громадную роль въ политической и литературной жизни Болгаріи. Эти македонцы, конечно, естественно тяготеютъ къ соединенію своей страны съ болгарскимъ княжествомъ. Но такъ какъ, съ другой стороны, македонцы такіе же славяне, какъ и сербы, такъ какъ они отлично понимаютъ другъ друга „безъ словаря“, какъ понимаютъ другъ друга сербы и болгары, самые близкія между собою изъ всѣхъ славянскихъ племенъ, то сербская пропаганда могла разсчитывать на извѣстный успѣхъ. И вотъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ Македонія стала театромъ отчаянной борьбы сербской и болгарской пропаганды, — борьбы, которой не разъ приносились кровавыя жертвы со стороны тѣхъ и другихъ. Въ 1898 году, болгары силой воспротивились отдачѣ ихъ кладбища при Кумановской церкви сербамъ. Въ дракѣ была ранена прикладомъ въ животъ болгарская учительница Симиджіева, которая и умерла нѣсколькими днями позже отъ преждевременныхъ родовъ. Извѣстно, съ какою энергіей болгары сопротивлялись рукоположенію Фирмилиана на постъ ускубскаго митрополита. Дѣло тянулось годами, и нуженъ былъ весь авторитетъ посланника одной великой державы, чтобы сломить упорство болгаръ ²⁾. Турція, конечно, очень довольна этими національными столкновеніями: они переносятъ македонскій вопросъ съ его настоящей почвы—борьбы съ турецкими злоупотребленіями—на почву междоусобной борьбы, которая раздвѣляетъ и обезсиливаетъ и сербовъ, и грековъ, и болгаръ.

¹⁾ Кънчевъ, Етнографіята на Македонія, стр. 24.

²⁾ Ускубскій вилайетъ, граничащій съ Сербіей, является и главнымъ полемъ дѣйствія сербской пропаганды. Въ настоящее время, по болгарскимъ источникамъ, изъ всего населенія ускубскаго вилайета 12,9% признаютъ себя сербами, 36%—болгарами, 47,5%—турками и албанцами.

Въ такомъ фазисѣ находилось македонское движеніе въ теченіе пятнадцати лѣтъ; въ такомъ фазисѣ оно находится и теперь, но только отчасти. Борьба пропагандъ продолжается и будетъ продолжаться, но она мало-по-малу уступаетъ мѣсто борьбѣ противъ турецкаго правительства. Эта перемѣна произошла въ связи съ армянскими событіями. Еще при первыхъ армянскихъ манифестаціяхъ въ 1894 году болгарская печать заговорила о политическихъ реформахъ въ Македоніи. Тогдашняя офиціозная газета „Свобода“, органъ находившагося еще у власти Стамбулова, воскресила проектъ Раковского о созданіи сильной дуалистической турецко-болгарской державы. Западные органы, сочувствовавшіе Стамбулову, начиная съ вѣнской „Neue Freie Presse“ и кончая бернскимъ „Bund“омъ, указывали на невыгодность для Турціи этого проекта. Но еще въ томъ же году Стамбуловъ палъ. Въ слѣдующемъ году основался въ Софіи верховный македонскій комитетъ, подъ предсѣдательствомъ покойнаго Китанчева,—македонца по происхожденію и извѣстнаго болгарскаго политическаго дѣятеля. Въ скоромъ времени всѣ города Болгаріи покрылись сѣтью отдѣльныхъ верховнаго комитета. Параллельно съ тѣмъ, что происходило въ княжествѣ, въ самой Македоніи организовались подпольные комитеты, поставившіе себѣ цѣлью подготовленіе широкаго народнаго возстанія. Вотъ уже семь лѣтъ, какъ существуютъ эти комитеты въ Болгаріи и Македоніи, и уже ихъ исторія чрезвычайно богата всякими инцидентами, внутренними разногласіями, по поводу которыхъ на болгарскомъ языкѣ существуетъ множество брошюръ и статей. Если оставить въ сторонѣ обвиненія частнаго характера, которыя македонскіе дѣятели взваливаютъ другъ на друга, мы найдемъ двѣ коренныя причины ихъ разногласій: во-первыхъ, различное отношеніе къ болгарскому правительству и, во-вторыхъ, различныя представленія о будущемъ самой Македоніи.

Еще въ самомъ началѣ македонскаго движенія, когда во главѣ комитета находился Китанчевъ, болгарское правительство старалось овладѣть этимъ движеніемъ. Нѣкоторые даже приписываютъ ему, не безъ основанія, помощь въ организаціи повстанческихъ дружинъ, перешедшихъ въ Македонію лѣтомъ 1895 года. Князю Фердинанду приписывалось, опять-таки не безъ основанія, желаніе воспользоваться этимъ движеніемъ, какъ средствомъ обратить на себя вниманіе нѣкоторыхъ державъ, которыя, увидавъ, что въ его рукахъ миръ на Балканскомъ полуостровѣ, согласились бы признать его законнымъ княземъ Болгаріи, въ замѣнъ чего онъ обязался бы удерживать македонское движеніе въ из-

вѣстныхъ границахъ. Однако, разъ движеніе возникло, оно быстро развивалось далѣе по своимъ собственнымъ законамъ. Въ средѣ комитета образовались двѣ партіи: одна, продолжавшая вдохновляться политикой болгарскаго правительства, и другая, дѣйствующая самостоятельно, на свой рискъ и страхъ. Во главѣ первой находились генераль Цончевъ, профессоръ Михайловскій; во главѣ второй—Борисъ Сарафовъ, македонецъ и бывший офицеръ болгарской арміи. Борьба этихъ двухъ фракцій продолжается уже два года и закончилась тѣмъ, что вмѣсто одного верховнаго македонскаго комитета ихъ оказалось два. Это раздѣленіе произошло прошлымъ лѣтомъ въ Софіи, когда во время ежегоднаго македонскаго конгресса партизаны генерала Цончева отказались признать полномочія партизановъ Сарафова. Между тѣмъ, послѣдніе составляютъ большинство не только въ Болгаріи, но что самое главное—и внутри Македоніи. Генераль Цончевъ и его товарищи, чтобы привлечь на свою сторону эти внутреннія македонскія организаціи, поспѣшили провозгласить въ октябрѣ возстаніе въ Македоніи. Однако, это возстаніе, провозглашенное лишь однимъ—и при томъ не пользующимся въ Македоніи авторитетомъ—верховнымъ комитетомъ, должно было остаться частичнымъ. „Желая дѣйствовать какъ можно поспѣшнѣе, — пишетъ заграничный органъ фракціи Сарафова, „Le Mouvement Macédonien“,—генераль Цончевъ и его друзья провозгласили возстаніе, несмотря на твердое и неотмѣнное рѣшеніе внутренней тайной организаціи ждать момента, благоприятнаго для всеобщаго и хорошо организованнаго движенія... Вотъ почему внутренняя организація отказалась слѣдовать за Цончевымъ. Не потому, что она была бы противъ возстанія, а какъ разъ наоборотъ. Но возстаніе есть средство, и, какъ таковое, оно опредѣляется соображеніями о своевременности и полезности. Между тѣмъ внутренняя организація убѣждена, что возстаніе, провозглашенное въ сентябрѣ,—несвоевременно, и что сверхъ того оно не произведетъ того дѣйствія, котораго можно ожидать отъ всеобщаго движенія македонскаго народа. Вотъ объясненіе того обстоятельства, что внутренняя организація приказала своимъ комитетамъ воздержаться“¹⁾.

Однако, несмотря на отсутствіе поддержки со стороны внутренней организаціи, генераль Цончевъ и полковникъ Янковъ продержались больше двухъ мѣсяцевъ на двухъ театрахъ своихъ дѣйствій: на юго-западной границѣ Македоніи, въ окрестностяхъ

¹⁾ Le Mouvement Macédonien, 5 Nov. 1902, p. 2.

Водена и Коситуръ, и на восточной границѣ, по близости отъ Болгаріи, въ окрестностяхъ Мельника, Неврокопа и Демиръ-Гиссара. Это было первой попыткой болѣе широкаго повстанческаго движенія, обратившей на себя вниманіе европейской дипломатіи. Но въ Македоніи, даже въ періодъ чисто націоналистической пропаганды, никогда не переставали появляться отдѣльныя дружины. Отчасти онѣ организовались въ Болгаріи, отчасти рекрутировались среди недовольныхъ элементовъ въ самой странѣ. Ихъ цѣль—или мечь какому-нибудь бегу, или защита деревень отъ разбойниковъ, или же, наконецъ, такъ называемая „вооруженная пропаганда“. Дружина „гайдуковъ“ входитъ въ деревни, собираетъ крестьянъ и убѣждаетъ ихъ организовать комитетъ. Если судить по нѣкоторымъ цифровымъ даннымъ, крестьяне-земледѣльцы численно преобладаютъ въ подпольной организаціи, а главная руководящая роль принадлежитъ деревенскимъ учителямъ. Изъ одного списка, опубликованнаго въ четвертомъ номерѣ „Mouvement Macédonien“, видно, что изъ 45 осужденныхъ на каторгу по дѣлу Киримидги-оглу (имѣвшему мѣсто въ адрианопольскомъ вилайетѣ) 24 принадлежатъ къ крестьянскому слою, 11 являются народными учителями, а остальные распределяются такъ: 2 купца, 3 рабочіе, 1 лавочникъ, 2 кузнеца и 1 служащій болгарской метрополіи въ Адрианополѣ. Другой списокъ, касающійся 49 убитыхъ въ разныхъ схваткахъ или убившихъ себя, чтобы не попасться въ руки баши-бузувовъ, отличается болѣе разнообразнымъ составомъ: 14 крестьянъ-земледѣльцевъ, 11 учителей (среди нихъ одна учительница Вассилка Иванова), 5 рабочихъ, 6 купцовъ, 2 мясника, 2 портныхъ, 2 студента, 3 служащихъ, изъ которыхъ одинъ на желѣзной дорогѣ, и, наконецъ, одинъ телеграфистъ, одинъ пастухъ и одинъ каменщикъ. По другимъ даннымъ, напечатаннымъ въ той же газетѣ отъ 20-го ноября 1902 года, выходитъ, что съ апрѣля до половины сентября, т. е. до начала возстанія, вызваннаго Цончевымъ, было около сорока схватокъ отдѣльныхъ повстанческихъ дружинъ съ турецкими жандармами и солдатами. Число убитыхъ доходитъ до нѣсколькихъ сотъ; особенно много убитыхъ въ рядахъ турецкой жандармеріи и войска. Последнее обстоятельство объясняется тѣмъ фактомъ, что турки нападаютъ, тогда какъ повстанцы, въ большинствѣ случаевъ, выбираютъ самыя защищенныя позиціи.

Программа македонскихъ комитетовъ сводится къ требованію широкой автономіи подъ верховной властью султана. Но въ пониманіи этой автономіи обѣ фракціи различаются. Тогда какъ для таеъ называемыхъ „цончевистовъ“ и вообще для громаднаго

большинства собственно болгаръ эта автономія является только переходной фазой къ окончательному присоединенію Македоніи къ Болгаріи, другая фракція все усиленнѣе проповѣдуетъ идею „Македоніи для македонцевъ, разъ навсегда“. Пять-шесть лѣтъ тому назадъ, эта идея встрѣчала сочувствіе лишь у отдѣльных болгарскихъ публицистовъ. Ссылаясь, между прочимъ, на составъ населенія и на необходимость дать македонскому вопросу не только справедливое, но и такое практическое рѣшеніе, на которомъ могли бы сойтись всѣ балканскіе народы,—эти публицисты настойчиво доказывали, что Македонія не должна быть присоединена къ Болгаріи. Въ противномъ случаѣ,—предположивъ, что это присоединеніе допустить великія державы,—Балканскій полуостровъ сдѣлается театромъ жесточайшей борьбы національностей, что неминуемо поведетъ къ ихъ политическому и экономическому пораженію.

Съ тѣхъ поръ эта идея совершила свое развитіе. Она раздѣляется теперь уже не отдѣльными публицистами или идеологическими группами, а цѣлыми партіями. Она вошла въ программу демократической партіи, отдѣлившейся, два года назадъ, отъ Каравелова. Эту идею раздѣляютъ и руководители внутреннихъ македонскихъ организацій. Ихъ идеаль—автономная Македонія, „которая, какъ самостоятельное государство, вошла бы въ конфедерацію балканскихъ государствъ“¹⁾.

Стремленія и дѣятельность македонскихъ комитетовъ не могли, конечно, оставаться тайной для Турціи. Еще съ 1895 года турецкое правительство предпринимаетъ всѣ предохранительныя мѣры, увеличиваетъ полицейскій надзоръ, сосредоточиваетъ громадныя войска и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, переходитъ законныя границы и превращаетъ предохранительныя мѣры въ жестокія репрессаліи. Жертвами этихъ репрессалій становятся не только виновные, но—что еще важнѣе—и люди невинные, непричастные къ какому бы то ни было движенію. Въ турецкой практикѣ за дѣйствія каждаго должны отвѣчать не только его родственники, но и всѣ его сограждане. Турція въ этомъ отношеніи дошла до такой смѣлости, что потребовала отъ великихъ державъ признанія за этимъ принципомъ коллективной отвѣтственности силы закона. Для этой цѣли въ свой проектъ реформъ 1896 года Порта внесла слѣдующій параграфъ: „Въ случаѣ намѣреннаго поджога или уничтоженія домовъ, жатвы или земледѣльческихъ продуктовъ въ какой бы то ни было мѣст-

¹⁾ Le Mouvement Macédonien, № 2, p. 3.

ности, жители послѣдней обязаны найти и выдать властямъ виновниковъ или же оплатить сдѣланный убытокъ“¹⁾). Этотъ неслыханный принципъ, заставляющій всю деревню отвѣчать за поступки отдѣльныхъ личностей, примѣняется турецкимъ правительствомъ и въ Македоніи. Такъ, напр., въ 1897 году, возлѣ деревни Виницы найдено было въ полѣ зарытое оружіе. Турецкое правительство сочло отвѣтственными за это всѣхъ крестьянъ ближнихъ деревень, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль начальникъ солунской полиціи Мехмедъ-паша, о которомъ мы уже упоминали выше, свирѣпствовалъ, казнилъ, арестовывалъ, подвергалъ пыткамъ и заставилъ десятки семействъ спасаться бѣгствомъ въ Болгарію. Когда турецкая полиція нападаетъ на слѣды какой-нибудь подпольной организаціи, это является для нея предлогомъ массовыхъ арестовъ всѣхъ подозрѣваемыхъ людей. Послѣ этого начинается слѣдствіе, причемъ насиліями и пытками власти стараются и у невинныхъ вынудить признаніе въ несуществующихъ преступленіяхъ. Такъ было осуждено большинство обвиняемыхъ по дѣлу Кириמידга-оглу, — болгарина, убійство котораго турецкія власти приписывали болгарскому комитету. Много было невинно осужденныхъ и въ большомъ процесѣ — обвиняемыхъ было больше ста, — который разсматривался въ солунскомъ судѣ въ мартѣ 1901 года. Во время суда одинъ изъ обвиняемыхъ, Христоматовъ, учитель солунской гимназіи, поднялся и въ энергичныхъ выраженіяхъ началъ раскрывать, какими пытками судебный слѣдователь вырываетъ какъ у него, такъ и у другихъ невѣрные показанія; ревъ (прокуроръ) его остановилъ словами: „Здѣсь не мѣсто и не время жалобамъ; перейдемъ къ дальнѣйшему допросу“. Онъ не успѣлъ еще окончить своей фразы, какъ молодой господинъ изъ присутствовавшей публики, возмущенный пристрастностью суда, воскликнулъ: „Это позоръ! да, позоръ! Это не судъ, а безстыдная комедія!“ Предсѣдатель суда Сами-Эфенди, сначала ошеломленный, пришелъ въ себя и строгимъ голосомъ началъ: „Кто осмѣливается...?“ — но его вопросъ застылъ на этомъ словѣ, когда онъ увидѣлъ, что протестующій не кто иной, какъ секретарь австро-венгерскаго консульства въ Салоникахъ²⁾).

Недавнее движеніе въ Македоніи дало поводъ къ новымъ репрессаліямъ, подробности которыхъ всѣмъ извѣстны уже очень хорошо по газетнымъ корреспонденціямъ. По подсчетамъ бол-

¹⁾ См. цитированную выше французскую желтую книгу, стр. 229.

²⁾ D'Espagnat, p.p. 297—298.

гарской газеты „Право“, въ одной монастырской тюрьмѣ находится теперь 290 заключенныхъ. По свѣдѣніямъ „Mouvement Macédonien“, за шесть мѣсяцевъ, съ апрѣля по октябрь, 76 деревень было ограблено или сожжено. Больше двухъ тысячъ бѣглецовъ, главнымъ образомъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей, нашло себѣ убѣжище въ болгарскихъ пограничныхъ городахъ и Рильскомъ монастырѣ. Каждый день телеграфъ и газеты приносили новыя извѣстія о жестокостяхъ турецкихъ властей. Одно изъ новѣйшихъ—сообщеніе объ избіеніи 24 мирныхъ македонскихъ рабочихъ, когда они переходили болгаро-македонскую границу. Хотя у нихъ всѣ бумаги были въ порядкѣ, турецкія пограничныя власти отвели ихъ въ мѣстность, называемую „Бѣлопольскій мостъ“, и избили всѣхъ до одного, отрѣзавъ имъ сначала руки, ноги и, наконецъ, головы. Это случилось ночью 12-го ноября¹⁾. Болгарскія газеты сообщали имена, мѣсторожденія и возрастъ всѣхъ убитыхъ. Нѣсколько дней спустя, болгарское правительство официально подтвердило достовѣрность этого, повидимому, неправдоподобнаго факта. Правда, телеграмма изъ Константинополя назвала потомъ извѣстіе вымышленнымъ, но такъ же поступало турецкое правительство и раньше, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. На стр. 289 французской желтой книги объ армянскихъ дѣлахъ находится заявленіе турецкаго правительства, что виновниками константинопольской рѣзни были по большей части переодѣтые армянскіе революціонеры.

Послѣднія турецкія репрессаліи снова обратили вниманіе европейской дипломатіи на внутренніе порядки Турціи. Но еще характернѣе то, что онѣ вызвали перемѣну настроенія въ Сербіи и Греціи. До сихъ поръ сербская и греческая печать не поднимала вопроса о политическихъ реформахъ въ Македоніи, боясь, что ими воспользуются болгары въ своихъ націоналистическихъ цѣляхъ. Наоборотъ, она старалась, вмѣстѣ съ султаномъ, отвѣтственность за турецкія жестокости возложить на болгарскіе комитеты или на албанскихъ беговъ (въ Старой Сербіи) и вела узко-националистическую пропаганду. Но теперь греческая печать, начиная съ „Неологосъ“ и кончая издающимся по-французски „Messager d'Athènes“, требуетъ реформъ, которыя обезпечили бы устойчивый порядокъ въ Македоніи. То же самое говорятъ и сербы. Извѣстно, что въ октябрь состоялся въ Бѣлградѣ большой митингъ. Нѣкоторые ораторы, интересовавшіеся прежде всего тѣмъ, чтобы турецкое правительство отмѣчало въ своей статистикѣ по-

¹⁾ Прѣпорецъ, № 59 (Софія, 27-го ноября 1902 г.).

больше сербовъ, предложили послать султану адресъ, въ которомъ, вмѣстѣ съ выраженіемъ привѣтствія, требовали его покровительства противъ болгарскихъ комитетовъ. Но другіе ораторы осудили политику раболѣпія и предложили резолюцію о политическихъ реформахъ. На ихъ сторонѣ оказалось и большинство митинга. Теперь всѣ требуютъ, чтобы въ Македоніи былъ установленъ „устойчивый порядокъ“ путемъ „серьезныхъ реформъ“. Но изъ нашего очерка видно, что серьезными можно считать лишь тѣ реформы, которыя создадутъ организованный европейскій контроль надъ внутренними дѣлами Турціи и обезпечать христіанамъ широкій доступъ къ власти.

Х. Г. Инсаровъ.

ЗВУКИ СТАРИНЫ ДАЛЕКОЙ...

Зимой мнѣ были молчаливы
Явленья жизни; я вѣдь глухъ;
Но музыкальные мотивы
Ласкали мой духовный слухъ.

Сижу, бывало, одинокій
Въ невозмутимой тишинѣ,
А звуки старины далекой
Былое воскрешаютъ мнѣ.

Все больше отрочества годы
Мнѣ шлютъ радушный свой привѣтъ.
Я ужъ тогда былъ другъ природы;
Уже тогда я былъ поэтъ...

Въ аллеѣ липъ, въ аллеѣ вишенъ
Весеннимъ днемъ гуляю я;
Мнѣ птичій гамъ отсюда слышенъ;
Я свѣтель, добръ; мой духъ возвышенъ;
Я полонъ счастьемъ бытія.

„Я убѣжденъ, что мошки, пчелы
Такимъ же счастьемъ полны,
И всѣ слагаютъ гимнъ веселый
Во славу жизни и весны.

„Я увлеченъ пѣтушьемъ крикомъ;
И объяснилъ мнѣ чуткій слухъ,

Что, въ удовольствіи великомъ,
Повѣдать силится пѣтухъ:

„Какъ хорошо!—кричитъ онъ, слава
Природу щедрю за все;
И юный сынъ его, картава,
Кричитъ за нимъ:—Какъ халасѣ!

„Сижу я въ классной. Не пускаютъ
Меня гулять въ ненастный день;
Но звуки вскорѣ развлекаютъ
Мою задумчивую лѣнь.

„То чтенье слышится: красиво
Звучитъ „Опѣгина“ строфа;
То мать поетъ—иль „Casta diva“,
Иль „Una voce poco fa“.

„Въ столовой—всенощной служенье.
Открыты окна настезь въ садъ;
И дымъ вадильнаго куренья
Цвѣтамъ струить свой ароматъ.

„Сталь уставать я понемногу,
И сталъ разсѣянъ; но потомъ,
При пѣньѣ:—Слава въ вышнихъ Богу!
Души я чувствую подъемъ.

„И въ то же время изъ-за сада
Я слышу топоть, ржанье, рѣвъ
Домой вернувагося стада—
Овецъ, коней, телятъ, коровъ.

„Сперва всѣ взрослые смутились;
Но далъ примѣръ священникъ самъ,
Чтобы погромче возносились
Молитвы клира къ небесамъ.

„Весь трудъ, однако, былъ напраснымъ,
И стадо заглушить не могъ
Ни дьяконъ басомъ громогласнымъ,
Ни звоняиъ тѣноромъ дьячокъ.

„А мнѣ пріятенъ выси съ доломъ
Такой нечаянный союзъ;
И я, въ волненіи веселомъ,
Еще усерднѣе молюсь...“

Такъ звуки старины далекой
Былое воскрешали мнѣ,
Когда мечталъ я, одинокій,
Въ невозмутимой тишинѣ...

АЛЕКСѢЙ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

Мартъ 1903.
Тамбовъ.

ВѢСТИ О КИТАѢ

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія союзныхъ отрядовъ въ Пекинъ и освобожденія иностранцевъ изъ пасти ихътуанцевъ, китайское правительство, въ сознаниіи всей безпомощности своего положенія и настоятельной необходимости коренныхъ реформъ, предложило англійскому миссіонеру Ричарду Тимоти, извѣстному въ средѣ китайцевъ своимъ глубокимъ знаніемъ жизни Китая и его языка, — представить проектъ реформъ, которыя могли бы вывести его изъ хаотическаго состоянія, возродить его и сдѣлать сильнымъ и богатымъ.

Проектъ этотъ, являющійся выраженіемъ идей и взглядовъ, которые въ большей или меньшей степени раздѣляются всѣми соотечественниками его автора, не можетъ не представлять для насъ извѣстнаго интереса. Изъ него мы узнаемъ, какимъ образомъ, какими средствами и при помощи какихъ силъ авторъ предполагаетъ осуществить гигантскую работу возрожденія Китая, и въ какой мѣрѣ онъ признаетъ необходимымъ, желательнымъ и полезнымъ участіе въ ней другихъ націй вообще и Россіи въ особенности. Проектъ этотъ, написанный на китайскомъ языкѣ и со всею свойственною ему образностью, былъ переведенъ нами вскорѣ по его представленію по его высокому назначенію, но по разнымъ обстоятельствамъ не могъ появиться въ печати ранѣе.

Одновременно съ переводомъ проекта англичанина Ричарда Тимоти, нами переведена была статья одного китайца — „О способахъ вытѣсненія иностранцевъ“. Находя, что взгляды автора не лишены извѣстнаго интереса, заключаютъ въ себѣ много жизненной правды въ характеристикѣ взаимныхъ отношеній между китайцами и иностранцами и носятъ печать нѣкоторой оригинальности въ общихъ сужденіяхъ, показывающихъ, что предста-

вители желтой расы начинаютъ проникаться идеями Запада и осваиваться съ ними, мы рѣшаемся подѣлиться также и ими съ читателями.

I.

ПРОЕКТЪ КИТАЙСКИХЪ РЕФОРМЪ.

„Небо нелицеприятно; ко всѣмъ оно относится съ одинаковою любовью; послушные ему остаются, а противящіеся погибаютъ. Это—вѣковѣчный, неизмѣнный законъ. Прошло болѣе 50 лѣтъ съ открытія торговыхъ сношеній Китая съ иностранцами, въ теченіе которыхъ между Китаемъ и иностранными державами, вслѣдствіе ничтожныхъ причинъ, случались нарушенія мирныхъ отношеній. Эти нарушенія происходили вслѣдствіе различія языковъ, воздвигшихъ между ними преграду, — однимъ словомъ, отъ взаимнаго непониманія, которое влекло къ неумышленнымъ промахамъ (нарушенію приличій), а эти послѣдніе вызывали войны. Коль скоро имѣются международныя сношенія, то необходимо взаимное пониманіе взаимныхъ руководящихъ принциповъ и условій. Если же при этомъ одно какое-нибудь государство ограничивается только знаніемъ собственныхъ дѣлъ, а незнакомо съ дѣлами иностранными, читаетъ только однѣ свои книги, а не читаетъ иностранныхъ, то при взаимныхъ сношеніяхъ оно неизбежно терпитъ.

„Вникая въ государственное управленіе Китая и иностранныхъ земель, я нахожу, что Китаю крайне необходимо измѣнить слѣдующіе четыре предмета: систему образованія народа, способы пропитанія его, мѣры къ успокоенію его и къ его обновленію.

„1. Система воспитанія. Въ настоящее время взаимныя сношенія Китая и иностранцевъ незамѣтнымъ образомъ терпятъ громадный вредъ. Настоятельно необходимо, чтобы китайскій государь и чины его могли понимать истинное положеніе Китая и иностранныхъ державъ, а равнымъ образомъ имѣть полное знакомство съ положеніемъ своего народа и правительственныхъ сферъ. А такъ какъ ближайшіе совѣтники государя не осмѣливаются говорить правду, то, само собою разумѣется, является необходимость въ людяхъ, которые бы знакомили ихъ величества съ сущностью просвѣщенія и государственнаго строя иностранныхъ земель. Такъ какъ князья императорской крови въ послѣдствіи будутъ держать въ своихъ рукахъ правительственную

власть, то настоятельно необходимо выбрать изъ нихъ десять чело-
вѣкъ и отправить въ путешествіе въ чужіе края на два года. За-
тѣмъ, дѣтей высшихъ столичныхъ и провинціальныхъ чиновни-
ковъ, генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, также слѣдуетъ
отправить въ чужіе края для обученія на нѣсколько лѣтъ, съ
цѣлью полного ознакомленія ихъ съ иностранными порядками.
Изъ китайскихъ ученыхъ, знакомыхъ съ древними и новыми зна-
ніями и понимающихъ высшіе интересы, надлежитъ командиро-
вать за границу сто челоувѣкъ для изученія разныхъ специаль-
ностей.

„Для установленія связи между правительствомъ и народомъ
необходимо: а) основаніе газетъ. Если желаете, чтобы государ-
ство было сильно, для этого необходимо обогатить народъ; а
желая обогатить народъ, необходимо произвести преобразованія,
которыя немедленно приведутъ къ богатству и силѣ. Но, для
того, чтобы китайскіе чиновники и народъ понимали пользу но-
ваго правительственнаго строя, необходимо широкое распростра-
неніе газетной прессы, которою бы вѣдали лица, понимающія
современныя дѣла. б) Переводъ иностранныхъ книгъ. Китайскую
старинную ученость, насчитывающую нѣсколько тысячелѣтій, ни-
коимъ образомъ нельзя бросать, но, въ виду сношеній съ ино-
странцами, нельзя и не знать и новыхъ общеупотребительныхъ
между иностранцами наукъ, прибавленіе которыхъ доставитъ
большую пользу, а отсутствіе причинитъ большой вредъ. Напри-
мѣръ, на одноколесной телѣгѣ также возможно ѣхать далеко;
но если мы замѣнимъ ее двухколесною телѣгою, запряженною
хорошею лошадью, не будетъ ли отъ этого ѣзда быстрѣе и по-
койнѣе? По всѣмъ иностраннымъ наукамъ существуютъ специаль-
ныя книги, какъ элементарныя, такъ и спеціальныя, которыя
нужно переводить въ обширныхъ размѣрахъ для того, чтобы
люди, незнакомые съ иностранными языками, также могли полу-
чать доступъ къ основательному изученію иностранныхъ наукъ.
в) Основаніе школъ. Иностранныя науки не составляютъ до-
стоянія одной какой-либо національности и не представляютъ
трудъ одного лица, — это общее достояніе всего челоувѣчества. Для
распространенія ихъ необходимо во всѣхъ областныхъ городахъ
и торговыхъ портахъ открыть школы и пригласить въ нихъ уче-
ныхъ иностранныхъ специалистовъ для преподаванія, которое
можетъ идти на китайскомъ или же иностранномъ языкѣ.
г) Расширеніе экзаменовъ. Китайскіе экзамены, прекрасные по
идеѣ и отличные по системѣ, не слѣдуетъ упразднить. Одно-
только, что темы ихъ не отличаются обширностью и, ограничи-

ваясь разсужденіями объ отечественныхъ предметахъ, игнорируютъ совершенно способы управленія иностранныхъ государствъ. Въ западныхъ государствахъ учатся не для того только, чтобы быть чиновниками, но также и для принесенія пользы въ разныхъ другихъ профессіяхъ. Тамъ на каждыхъ десять человекъ приходится по 7—8 человекъ грамотныхъ, тогда какъ въ Китаѣ—только по 1—2. Учащихся мало,—оттого мало и годныхъ людей. Выбирать ученыхъ на экзаменахъ одинъ разъ въ три года—это слишкомъ мало; и при этомъ ограничиваться одною только спеціальною—это слишкомъ узко. Если не ввести новаго метода, для расширенія пути къ почестямъ, то Китай останется всегда позади другихъ странъ. Считаю долгомъ просить милостиваго указа о прибавкѣ одного китайско-иностраннаго экзамена. Каждый годъ изъ каждой области брать около ста студентовъ китайско-иностранныхъ наукъ; каждый годъ въ главномъ городѣ всякой провинціи удостоивать по экзаменамъ около ста человекъ степени кандидата китайско-иностранныхъ наукъ; каждый годъ на испытаніяхъ въ столицѣ удостоивать степени магистра китайско-иностранныхъ наукъ приблизительно сто человекъ, а затѣмъ, чтобы каждый годъ на дворцовыхъ экзаменахъ были высочайшею властью отмѣчаемы десять академиковъ. Этимъ путемъ при небольшихъ расходахъ образуется значительный запасъ дѣльныхъ людей.

„2. Система пропитанія народа. Всѣ провинціи Китая отличаются громаднымъ приростомъ населенія. А между тѣмъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, въ Китаѣ ежегодно погибаетъ отъ голода и холода отъ 3-хъ до 4-хъ милліоновъ людей, а тѣхъ, которые влачатъ жалкое существованіе, и не перечестъ. Да, не только одно простонародье находится въ такомъ положеніи, но даже большая половина столичныхъ и провинціальныхъ чиновниковъ, за исключеніемъ немногихъ счастливыхъ, не въ состояніи пропитываться на получаемое жалованье. Что же касается чиновниковъ, ожидающихъ вакансій, то крайне бѣдственное положеніе ихъ трудно себѣ представить. Неизвѣстные же ученые пробиваются уроками, получая въ годъ ланъ 100 (около 140 р.), да и то нужно еще быть расторопнымъ, чтобы получить и эту скромную сумму. Кромѣ этого, нѣтъ другихъ средствъ къ жизни. Такое бѣдственное положеніе—дѣло невиданное въ другихъ государствахъ. Китай, въ сущности,—богатѣйшее государство, а между тѣмъ доводитъ свой народъ до такой крайней степени бѣдствія и страданія. А почему? Все потому, что онъ не усвоилъ себѣ хорошихъ способовъ пропитанія народа, глав-

ныя основанія которыхъ сводятся къ слѣдующимъ десяти положеніямъ: а) Къ проложенію путей сообщенія. Если желѣзныя и шоссейныя дороги покроютъ весь Китай, то произведенія распространятся повсюду и на провозной платѣ ежегодно будутъ получаться огромныя сбереженія; какъ путешественники, такъ и остающіеся на мѣстахъ получаютъ большія выгоды; продавцы и покупатели также не будутъ въ убыткѣ. б) Къ ускоренію обмена корреспонденціи учрежденіемъ по всему государству почтовыхъ конторъ; почтовые сборы доставятъ казнѣ нѣсколько милліоновъ дохода, а ускореніе движенія корреспонденціи будетъ выгодно и для правительства, и для публики. в) Къ открытію минеральныхъ богатствъ, разработка которыхъ, при быстротѣ перевозки по желѣзнымъ дорогамъ, можетъ быть распространена на всѣ провинціи Китая и кроющаяся въ нѣдрахъ земля безполезная грязь на поверхности ея превратится въ полезные, дорогіе металлы. г) Къ распашкѣ пустырей, которыхъ не мало въ Манчуріи и въ сѣверо-западномъ Китаѣ; но, благодаря отсутствію путей сообщенія, онѣ остаются заброшенными; съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, можно будетъ двинуть туда переселенцевъ для обработки ихъ и, такимъ образомъ, на непринадлежащей нивому землѣ кормить бездомный народъ, который уже не будетъ, расходясь отъ нужды, превращаться въ воровъ и разбойниковъ. д) Къ увѣщаніямъ заниматься ремеслами. Ручной трудъ одного человѣка можетъ прокормить только его, тогда какъ при машинномъ производствѣ одинъ человѣкъ можетъ замѣнить десятерыхъ и въ одинъ день сдѣлать десятидневную работу, и, зарабатывая болѣе, доставлять довольство семьѣ. е) Къ сооруженію машинъ, распространеніе которыхъ въ западныхъ государствахъ на первыхъ порахъ также вызывало безпокойство по поводу отнятія средствъ къ жизни у бѣднаго населенія, тогда какъ въ сущности это было не отнятіемъ занятія, а измѣненіемъ и расширеніемъ его. Наоборотъ, съ развитіемъ машиннаго производства и средства къ жизни увеличиваются, потому что съ увеличеніемъ предметовъ производства увеличивается сбытъ ихъ въ иностранныя государства. Кромѣ того, не только не будетъ опасности отлива денегъ за границу, но и въ самомъ государствѣ число людей, участвующихъ въ прибыляхъ, съ каждымъ днемъ будетъ уменьшаться, а число производителей цѣнностей—увеличиваться. ж) Къ открытію банковъ, потому что Китай страдаетъ бѣдностью отъ запустѣнія полей и многолюдства, вслѣдствіе чего денежная наличность съ каждымъ днемъ уменьшается. Съ открытіемъ банковъ можно пустить въ обращеніе ассигнаціи,

съ полнымъ обезпеченіемъ ихъ наличнымъ капиталомъ, соответствующимъ выпускной суммѣ; тогда капиталъ въ 10.000 будетъ дѣйствовать за 20.000. з) Къ чеканкѣ монеты. Въ иностранныхъ государствахъ право чеканить монету принадлежитъ государству. Монета бываетъ трехъ родовъ: золотая, серебряная и мѣдная; только въ Китаѣ существуетъ одна мѣдная монета, да и то не вездѣ одинаковая; поэтому денежное обращеніе совершается при содѣйствіи мѣняльныхъ лавокъ, пропитывающихъ нѣсколько милліоновъ праздныхъ людей, подтачивающихъ благосостояніе государства. и) Къ покровительству торговому классу, который, содѣйствуя свободному обращенію товаровъ, какъ бы служить для государства регуляторомъ для равномернаго распредѣленія ихъ; поэтому необходимо охранять ихъ выгоды, чтобы правительство могло побольше получать пошлинъ и сборовъ. і) Къ объявленію о каждомъ правительственномъ распоряженіи и мѣропріятіи, съ цѣлю искорененія обмана и предупрежденія корыстолюбія.

„3. Мѣры къ успокоенію народа. Причинъ безпокойства китайскаго народа двѣ: опасности извнѣ и внутреннія невзгоды — обѣ крайне опасныя и, безъ надлежащихъ предупредительныхъ мѣръ, могущія привести государство къ немедленной гибели. Для успокоенія народа существуетъ два способа: поддержаніе мирныхъ отношеній съ иностранцами и обезпеченіе внутренняго спокойствія. Для поддержанія мирныхъ отношеній съ иностранцами требуется установленіе дружественныхъ связей, видимыми проявленіями которыхъ служитъ заключеніе договоровъ и отправленіе посольствъ. Иностранныя державы отправляютъ своихъ посланниковъ въ Китай, для поддержанія дружественныхъ отношеній; эту мысль необходимо хорошо усвоить себѣ и обходиться съ ними искренно, безъ обмана и подозрѣнія. Международный мирный конгрессъ также является однимъ изъ средствъ къ свѣршенію мирныхъ отношеній, и Китай, чтобы быть въ немъ участникомъ, долженъ вмѣстѣ съ другими государствами содѣйствовать поддержанію общихъ интересовъ и охраненію всеобщаго мира. Необходимо также и заключеніе союзовъ. При настоящемъ, крайне опасномъ положеніи дѣлъ въ Китаѣ и въ виду того, что едва ли общественное мнѣніе успѣетъ придти къ нему на помощь, ему необходимо заключить тайный союзъ съ однимъ изъ могущественныхъ, высокопочтенныхъ государствъ (разумѣй Англію), принимающихъ къ сердцу общіе интересы. Какъ посторонній человѣкъ, я не могу звать въ настоящее время намѣреній Китая, а также и не осмѣливаюсь разсуждать объ этомъ. Но въ прошлую

весну мною былъ представленъ одинъ прекрасный проектъ, и еслибы главноуправляющіе сѣвернымъ и южнымъ Китаемъ могли исполнить его, то не было бы настоящей опасности. Теперь же положеніе дѣлъ значительно измѣнилось, и проектъ этотъ едва ли осуществимъ. Къ тому же, безъ особаго плана, составленнаго высокоталанливимъ и понимающимъ современное положеніе дѣлъ знаткомъ международнаго права, положительно невозможно обойтись. Но, судя по настоящему времени, если не прибѣгнуть къ заключенію съ иностранными державами мира на нѣсколько лѣтъ, я опасаюсь, что, подъ давленіемъ вѣдшихъ политическихъ условій, у Китая никогда не будетъ свободнаго времени для необходимыхъ внутреннихъ преобразованій. Поэтому миръ—это великое благодѣяніе и великая польза для Китая, а раздоръ—великая опасность и великій вредъ. Для поддержанія внутренняго спокойствія необходимо устранить пристрастіе къ одной какой-либо школѣ или ученію, и безразлично изучать все полезное для человѣка въ томъ или другомъ, отношеніи. Затѣмъ, необходимо изысканіе средствъ. Въ настоящее время Китаю, какъ для внутренняго устройства, такъ и для вѣдней политики нужны громадныя средства. Прежняя финансовая система не только бесполезна, но и соединена со множествомъ злоупотребленій, а потому необходимо замѣнить ее самою лучшею иностранною финансовою системою, съ лучшими иностранными финансистами. Только при этихъ условіяхъ Китай можетъ немедленно удовлетворить неотложнымъ потребностямъ, а затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, при громадномъ населеніи Китая и обширномъ пространствѣ его, финансово-экономическое положеніе его совершенно исправится. Кромѣ этого, необходимо заняться военнымъ дѣломъ. Особенно это крайне необходимо для Китая послѣ понесеннаго имъ пораженія. Для этого ему настоятельно требуется прибѣгнуть къ иностранной системѣ, пригласить изъ Европы специалистовъ военнаго дѣла и вѣстѣ съ хорошими китайскими военачальниками заняться обученіемъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, и когда введена будетъ точная и строгая военная дисциплина, Китай, конечно, не подвергнется оскорбленіямъ отъ другихъ. Съ этимъ ему слѣдуетъ поторопиться, потому что система набора солдатъ, въ моментъ нужды въ нихъ, никакой пользы не принесетъ. Далѣе, необходимо поощреніе всякихъ новыхъ изобрѣтеній, полезныхъ для народа, осуществленію которыхъ правительство должно содѣйствовать матеріальными средствами. Между иностранцами въ Китаѣ также имѣются люди, способные на разныя изобрѣтенія, которыми они могли бы до-

ставить пользу Китаю. Зачѣмъ же бросать ихъ и предоставлять другимъ государствамъ пользоваться ихъ талантами?

„4. Мѣры къ обновленію народа. Въ разныхъ провинціяхъ Китая, среди образованнаго класса встрѣчается весьма много людей гуманныхъ, достойныхъ и заслуживающихъ глубокаго уваженія. Къ сожалѣнію, большая часть изъ нихъ пропитана глубокою ненавистью къ иностранцамъ, не сознавая того, что чувство ненависти къ иностранцамъ совершенно противно желаніямъ Неба. Проповѣдываніе единенія есть небесный законъ, а разъединенія—отрицаніе его. Верховное Небо (Богъ) есть милосердіе и любовь; оно желаетъ вѣчнаго мира и безъ сомнѣнія объединить всѣ народы. Глубокая ненависть къ иностранцамъ происходитъ отъ непониманія ихъ. Напримѣръ, представьте себѣ, что торгующій на базарѣ пшеницею вдругъ, увидавъ продающаго рисъ и вспыхнувъ къ нему глубокою ненавистью, сталъ бы поносить его, утверждая, что рисъ есть ядъ, могущій убить человѣка. Законно ли это? Всѣ злаки служатъ для питанія человѣческаго организма. Точно также и всѣ религіи служатъ средствомъ для питанія человѣческаго духа. Всякому предоставляется свобода слѣдовать той или другой религіи. Поношеніе послѣдователемъ одной религіи исповѣдывающаго другую походить на то, какъ торгующій пшеницею поносить продавца риса, считая рисъ ядомъ, убивающимъ человѣка. Разсудительный человѣкъ поступитъ не такъ. Въ началѣ Индія и Японія позаимствовали много новаго, благодаря миссіонерамъ. Съ этого времени между ними и туземнымъ населеніемъ существуетъ полное согласіе, нѣтъ никакихъ религіозныхъ споровъ, и силы государства быстро поднялись. Въ Китаѣ особеннымъ уваженіемъ пользуются пять основныхъ нравственныхъ качествъ (человѣколюбіе, справедливость, вѣжливость, пониманіе и честность), во главѣ которыхъ стоитъ человѣколюбіе, которое, съ ученіемъ западныхъ религій: „люби ближняго, какъ самого себя“, выходитъ изъ одного источника. Въ иностранныхъ государствахъ повсюду есть гуманисты, и глубоко жаль, что эти государства ежедневно затрачиваютъ нѣсколько милліоновъ на содержаніе армій. Желательно, чтобы китайскіе и западные гуманисты воздѣйствовали въ смыслѣ вѣчнаго прекращенія войнъ, чтобы міръ управлялся не силою, а нравственными принципами. Объединеніе всѣхъ народовъ составляетъ главную цѣль всѣхъ религій.

„Въ теченіе пятидесяти лѣтъ Китаю неоднократно приходилось терять землю и уплачивать вознагражденіе. Это происходило не отъ отсутствія патріотизма у его государственныхъ людей

и не было ошибкою какого-нибудь современнаго дѣятеля, а отъ того, что во всемъ Китаѣ не было хорошей системы, да, къ тому же, не было и исполнителей. При настоящихъ международныхъ сношеніяхъ Китая съ иностранными державами, если ограничиваться только знаніемъ собственныхъ дѣлъ, то во всемъ неизбежны будутъ ошибки и упущенія. Чтобы заpastись хорошимъ планомъ (средствомъ), необходимо предварительно всестороннее повиманіе положенія иностранцевъ, для чего китайцамъ слѣдовало побольше вращаться между иностранцами и бесѣдовать съ ними. Конечно, кругозоръ ихъ отъ этого расширялся; но дѣло въ томъ, что ихъ знакомые были люди разношерстные, съ узкими взглядами, а не ученые специалисты; вслѣдствіе этого они не могли распространить по всему Китаю всѣ хорошія мѣры и узаконенія западныхъ странъ. Знакомились они съ иностранными сочиненіями въ переводахъ; но иностранныхъ сочиненій, переведенныхъ на китайскій языкъ, вообще крайне ограниченное количество, и притомъ между ними весьма мало солидныхъ сочиненій. Возможно ли по нимъ полное знакомство съ Западомъ? Читаютъ китайцы и газеты; но между редакторами китайскихъ газетъ нѣтъ ни одного, который былъ бы всесторонне знакомъ съ великими и важными вопросами Запада. А коль скоро самъ редакторъ не понимаетъ дѣла, то какъ же можетъ понять его читатель? Посылаетъ Китай своихъ воспитанниковъ за границу. Мѣра эта сама по себѣ—въ высшей степени прекрасная. Но жаль, что изъ нихъ вышло только нѣсколько человекъ, а всѣ остальные бросили ученіе на полпути. Посланники, отправляемые Китаемъ въ иностранныя государства, при незнакомствѣ съ иностранными языками и ихъ литературой и при трехлѣтнемъ только срокѣ пребыванія ихъ на своихъ постахъ, также не имѣютъ возможности приобрѣсти основательныя познанія о нихъ. Правда, составленные ими дневники, въ которыхъ они толкуютъ объ иностранныхъ дѣлахъ,—довольно дѣльные, но въ нихъ масса ошибокъ и упущеній. Въ столицѣ существуетъ институтъ иностранныхъ языковъ и наукъ. Мысль основанія этого института была отличная, но количество воспитанниковъ незначительное, ученіе—слишкомъ поверхностное; при параллельномъ изученіи китайскихъ и иностранныхъ наукъ получается крайне мало специалистовъ,—все равно что капля въ морѣ. Вотъ тѣ средства, которыми китайцы пользуются для приобрѣтенія иностранныхъ знаній, не понимая того, что это—знанія поверхностныя, недостаточныя. Но какъ же тутъ быть, когда именно люди требуются немедленно?—Въ данномъ случаѣ не остается другого средства, какъ послѣ-

довать примѣру Россіи и Японіи, то-есть, пригласить иностранцевъ и назначить китайскихъ сановниковъ для совмѣстнаго съ ними веденія дѣлъ, а по истеченіи какого-нибудь десятка лѣтъ, когда китайцы усвоятъ все основательно, приняться за работу самостоятельно, безъ иностранной помощи. Такъ поступали не только Россія и Японія, но даже Германія и Франція при введеніи желѣзныхъ дорогъ. Такъ поступали не только иностранныя государства, но и самъ Китай, который, при императорѣ Канъ-Си, пользовался въ астрономическомъ приказѣ содѣйствіемъ иностранцевъ. Что же касается китайскихъ сановниковъ-сотрудниковъ, необходимо, чтобы они были знакомы съ западными науками и имѣли не болѣе сорока слѣшкомъ лѣтъ, чтобы быть въ состояніи окончить работу“....

Разсмотрѣвъ общія основанія необходимыхъ реформъ, авторъ проекта полагаетъ, что для скорѣйшаго осуществленія ихъ необходимо, а именно:

„1) Слѣдуетъ пригласить двухъ пользующихся довѣріемъ иностранцевъ, которые бы составили наилучшій планъ къ скорѣйшему заключенію договора съ великими державами; этотъ договоръ обезпечивалъ бы Китаю миръ на десять лѣтъ, а этимъ временемъ можно было бы воспользоваться для заключенія съ ними новыхъ договоровъ.

„2) Слѣдуетъ основать новыя, высшія правительственныя учрежденія изъ восьми главноуправляющихъ, — четырехъ китайцевъ и четырехъ иностранцевъ. Послѣдніе должны быть англичане и американцы, такъ какъ они ранѣе другихъ заключили договоры съ Китаемъ, и хотя мирныя между ними отношенія и нарушались, но это никогда не приводило къ войнѣ, и дѣло рѣшалось посредничествомъ другихъ державъ. Оба государства не питали къ Китаю ненависти, оба не любятъ войны, и потому наиболѣе пригодны въ качествѣ помощниковъ Китаю. Такіе-то и такіе-то люди — выдающіеся между англичанами, а такіе-то и такіе-то — даровитѣйшіе изъ американцевъ. Если бы эти нѣсколько человекъ стали во главѣ новаго управленія и работали вмѣстѣ съ четырьмя китайскими сановниками, то новое правленіе походило бы на дерево, имѣющее корни, или на рѣку съ истоками. Веденіе дѣлъ по разнымъ отраслямъ новаго управленія должно быть поручено извѣстнымъ иностраннымъ специалистамъ, съ назначеніемъ ко всѣмъ имъ китайскихъ сановниковъ для совмѣстной работы; это какъ бы рукава у рѣкъ, или вѣтви и листья у деревьевъ.

„3) Китай обширенъ и богатъ дарами природы. Желѣзныя до-

роги составляютъ основу и источникъ богатства и силы. Въ настоящее время, когда поднятъ вопросъ о постройкѣ ихъ, въ „цзунъ-ли-я-мынь“ поступило весьма много предложеній, въ которыхъ безъ основательнаго знакомства трудно разобраться. Въ виду этого слѣдуетъ вызвать въ Пекинъ такихъ и такихъ иностранцевъ для разбора и въ то же время пригласить по телеграфу первѣйшаго иностраннаго желѣзнодорожнаго спеціалиста, приблизительно лѣтъ сорока, и съ нимъ совѣтоваться. Такъ какъ постройка желѣзныхъ дорогъ по всему Китаю не можетъ быть окончена ранѣе 20-ти лѣтъ, то поэтому необходимо, чтобы этотъ спеціалистъ былъ въ цвѣтущемъ возрастѣ, и тогда только онъ можетъ довести дѣло до конца. вмѣстѣ съ тѣмъ, для совмѣстнаго веденія дѣла надобно назначить къ нему двухъ китайскихъ сановниковъ.

„4) Такой-то, отличающійся цвѣтущимъ возрастомъ, человѣкъ въ высшей степени искусный, долженъ занять въ новомъ управленіи постъ министра финансовъ и имѣть двухъ китайскихъ финансовыхъ сановниковъ въ качествѣ помощниковъ.

„5) Китай долженъ временно пригласить англичанина такого-то и американца такого-то, которые во всякое время могли бы видѣть богдыхана для подробныхъ докладовъ по всѣмъ иностраннымъ дѣламъ.

„6) Въ виду жизненной важности государственной газетной прессы, необходимо, для главнаго завѣдыванія ею, пригласить такого-то англичанина и такого-то американца и назначить къ нимъ, въ качествѣ редакторовъ, китайцевъ, основательно знакомыхъ съ положеніемъ Китая и иностранныхъ земель.

„7) Министерство народнаго просвѣщенія составляетъ основу для образованія талантовъ. Для главнаго управленія имъ слѣдуетъ пригласить такого-то нѣмца и такого-то американца. Эти два лица пользуются высокою репутаціей, обладаютъ талантами и нравственными качествами и будутъ въ состояніи совмѣстно съ китайскими сановниками вѣдать дѣломъ просвѣщенія.

„8) Съ военнымъ дѣломъ я не особенно знакомъ; для него слѣдуетъ пригласить особыхъ спеціалистовъ.

„9) По поводу всѣхъ вышеупомянутыхъ вопросовъ слѣдуетъ издать указъ о томъ, что новое правленіе полезно для государства и для народа, что оно необходимо и должно быть введено, и объявить его въ рѣшительныхъ выраженіяхъ, чтобы ученые и разумные люди съ удовольствіемъ приняли участіе въ дѣятельности. Только при этомъ условіи возможенъ успѣхъ.

„При серьезномъ проведеніи вышеуказанныхъ мѣропріятій я

надѣюсь, что въ теченіе двадцатити лѣтъ внутреннія смуты улягутся и рознь между Китаемъ и Западомъ исчезнетъ. Способы самые усовершенствованные, отличнѣйшіе, испытанные и дѣйствующіе во всѣхъ государствахъ міра, всѣ могутъ быть переданы Китаю. Ежедневный доходъ, самое меньшее, можетъ увеличиться на миллионъ ланъ, или въ годъ, по меньшей мѣрѣ, на 360 миллионновъ. При довольствѣ народа и государь будетъ доволенъ. Когда государь съ чинами и всѣми сословіями въ государствѣ богаты, тогда какая необходимость скорбѣть о бѣдности и недостаткахъ, о томъ, что нечѣмъ будетъ кормиться и содержать себя, или заботиться, что нечѣмъ будетъ платить по займамъ? Положимъ, земледѣльцу, во время посѣва, потребуется занять денегъ на покупку сѣмянъ. Послѣ жатвы, когда урожай будетъ несравненно обильнѣе, за уплатою долга, онъ получитъ еще громадную пользу. Если же земледѣлецъ, не имѣя средствъ на покупку сѣмянъ, не осмѣлится прибѣгнуть къ займу, то, значить, онъ самъ хочетъ умереть съ голоду, чего умный человѣкъ, конечно, не сдѣлаетъ. Китаю двадцать лѣтъ тому назадъ слѣдовало заняться этимъ, а онъ медлилъ до настоящаго времени и, подъ давленіемъ обстоятельствъ, сильно пострадалъ; но онъ еще можетъ рассчитывать на половину выгоды, если скоро примется за дѣло. Но въ случаѣ дальнѣйшаго промедленія и нанесенія себѣ вреда можно опасаться, что степная засуха въ мигъ уничтожитъ все, что сливающимся съ горизонтомъ потоппъ немедленно распространитъ повсюду мракъ и смятеніе. Великое и нескончаемое бѣдствіе будетъ передъ глазами. Тогда хотя бы появились государи, подобные Яо и Шуню, и подданные, подобные Чжоу-Гуну, и они никоимъ образомъ не могли бы излечить отъ неизлечимой, тяжелой болѣзни и продлить непродлимую жизнь. Какъ видно, вначалѣ Китай страдалъ только онѣмѣниемъ членовъ, а теперь пораженъ параличомъ и застоємъ крови въ мозгу. Только одно это средство (т.-е. созданіе новаго управленія при помощи англичанъ, американцевъ и нѣмцевъ) и можетъ возвратитъ его къ жизни и воскреситъ изъ мертвыхъ. А между тѣмъ, когда онъ борется между жизнью и смертью, находятся еще люди, которые немилосердно препятствуютъ ему въ этомъ. Спрашивается, чѣмъ же эти, губящіе свое отечество, невѣжды отличаются отъ невѣжественныхъ докторовъ, убивающихъ людей? Въ добавокъ къ этому, человѣкъ, котораго они губятъ и убиваютъ, — вѣдь это ихъ государь, ихъ отецъ, а они — его дѣти. Китай всегда толковалъ о преданности государю, сыновней почтительности, милосердіи и любви, и потому онъ никоимъ образомъ не можетъ ожесточиться до такой степени, чтобы попрать законы и добро-

вольно погубить отечество. Къ сожалѣнію, по непониманію международной политики, Китай незамѣтно усволяетъ пристрастный взглядъ, а вслѣдствіе этого нарушаетъ законы приличія, вѣроломствуетъ и вызываетъ нескончаемое бѣдствіе. Жалко и больно! Если онъ желаетъ проявить энергію и озаботиться сохраненіемъ своего существованія, то ему необходимо въ теченіе десяти дней пригласить по телеграфу въ Пекинъ четыре вышеупомянутыя лица для главнаго завѣдыванія новымъ управленіемъ. Остальныя лица также должны поспѣшить прибыть до закрытія навигаціи; потому что каждый день промедленія, по меньшей мѣрѣ, будетъ стоить ему 1.000.000 ланъ, не считая потери войска и территоріи, о чемъ даже трудно составить себѣ понятіе.

„Кромѣ англичанъ, американцевъ и нѣмцевъ, и между русскими, французами, японцами и другими иностранцами также нѣтъ недостатка въ способныхъ людяхъ, которыхъ также можно своевременно пригласить на помощь Китаю, для обезпеченія всеобщаго, вѣчнаго мира. Я провелъ въ Китаѣ 25 лѣтъ, пытаюсь его продуктами и попирая его землю. Глубоко признательный за безпредѣльную милости вашихъ величествъ, я, удостоившись чести быть спрошеннымъ вами, не могъ не объяснить всего съ полною откровенностью, и, повергая на ваше высокое усмотрѣніе мой проектъ, прошу о скорѣйшемъ приведеніи его въ исполненіе. Это будетъ великимъ счастьемъ какъ для Китая, такъ и для всѣхъ вообще...

„Что же касается того, что положеніе Китая крайне критическое, что дальнѣйшія промедленія невозможны и что кромѣ этого способа нѣтъ другого, то это—общее мнѣніе всѣхъ разумныхъ китайцевъ и иностранцевъ, а не одно только мое личное“.

II.

СРЕДСТВА КЪ ВЫТѢСНЕНІЮ ИНОСТРАНЦЕВЪ ИЗЪ КИТАЯ.

„Нашъ Китай на весь міръ ославился преслѣдованіемъ иностранцевъ. За убійство иностранцевъ, разрушеніе храмовъ, нападеніе на посольства, убійство посланника—все человѣчество клеймитъ его именемъ губителя принциповъ гуманности и считаетъ общимъ врагомъ, не терпимымъ международнымъ правомъ. Этими дѣйствіями онъ погубилъ свою столицу, народъ и армію, довелъ до урѣзанія территоріи, уплаты вознагражденія и совершенно потерялъ свои державныя права, такъ что государство почти пере-

стало быть государствомъ. Дѣло въ томъ, что чѣмъ съ большею силою вытѣсняють иностранцевъ, тѣмъ ужаснѣе обѣдственные послѣдствія того.

„По моему мнѣнію, китайцы не умѣютъ вытѣснять иностранцевъ. Для этого существуютъ два способа: варварскій — при помощи физической силы, и цивилизованный — при помощи умственной силы. Вытѣсняющіе при помощи физической силы, въ своемъ негодованіи на иностранцевъ за то, что они тѣснятъ Китай, — смотрятъ на нихъ какъ на враговъ, остерегаются ихъ какъ разбойниковъ. Если Китай крѣпко-на-крѣпко станетъ запираеть свои ворота и оказывать упорное сопротивленіе иностранцамъ, то этимъ самымъ онъ, безъ сомнѣнія, лишитъ себя возможности воспользоваться выгодами иностранныхъ знаній и цивилизаціи. Но физическая сила одного человѣка не въ состояніи противостоять физической силѣ сотни лицъ; она, безъ сомнѣнія, истощится, а съ истощеніемъ ея и иностранное давленіе сдѣлается гораздо сильнѣе презняго, и у насъ тѣмъ менѣе будетъ средствъ противодѣйствовать ему. Кромѣ того, безразсудное нарушеніе международнаго права вызоветъ взрывъ всеобщаго гнѣва иностранцевъ, которые, видя въ насъ дикарей и общаго врага, соединятъ свои силы для отмщенія и воспользуются этимъ для удовлетворенія своихъ частныхъ видовъ, и уже безъ всякой боязни будутъ смотрѣть на крайнее пограніе и угнетеніе насъ, какъ на должное по международному праву обращеніе съ дикарями. Съ истощеніемъ же нашихъ силъ для вытѣсненія иностранцевъ и при нашей неправотѣ, мы не можемъ не преклонить головы и будемъ должны молча выносить ихъ давленіе.

„Тѣ же, которые вытѣсняють иностранцевъ силою ума, обращаются съ ними съ изысканною вѣжливостью и, отличаясь тактомъ въ международныхъ сношеніяхъ, не нарупаютъ этикета. Даже въ сношеніяхъ съ своими исконными врагами, отъ которыхъ терпѣли угнетеніе и позоръ, они отличаются тѣмъ же вниманіемъ, какъ и къ родственнымъ имъ домамъ. Мало того, вслѣдствіе затаенной вражды, они изучаютъ ихъ государственный строй, усвояють ихъ цивилизацію, по наружности почитаютъ ихъ за своихъ наставниковъ, а сами въ то же время совершенствуютъ свой государственный строй. Но когда дѣло касается самостоятельности во внутреннемъ управленіи, державныхъ правъ и привилегій своего народа, то ни одно хотя бы самое слабое и ничтожное государство не допуститъ ни малѣйшаго посторонняго вмѣшательства и посягательства на нихъ. Зная это, ни одно государство, имѣющее на него попользованіе, не осмѣливается пустить

въ ходъ свои замыслы для осуществленія посягательства и вмѣшательства.

„Эти два способа вытѣсненія иностранцевъ, одинаковые по цѣли, однако далеко разнятся по средствамъ. Отъ этого-то и результаты процвѣтанія или упадка, возвышенія или паденія государствъ, получаются различныя.

„Китай уже нѣсколько десятковъ лѣтъ находится во взаимныхъ сношеніяхъ съ иностранцами. Въ теченіе этого времени политика его по отношенію къ иностранцамъ въ сущности сводится къ двоякому образу дѣйствій. Вначалѣ онъ держался принципа враждебности. Представители этого направленія, проникшись мыслью, усвоенною ими изъ обращенія съ разными древними инородцами, что Китай—единственное самостоятельное, всемірное государство, возвеличивая себя, называли его „небесною монархіей“, и унижая другихъ, величали ихъ „варварами“. Политика ихъ состояла въ стремленіи къ прекращенію всякихъ сношеній съ иностранцами, на которыхъ они смотрѣли какъ на ядовитыхъ змѣй, какъ на дивныхъ животныхъ, какъ на большой пожаръ и какъ на враговъ, на ихъ просвѣщеніе и чудесныя науки—какъ на ужасный адъ, и потому прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы слѣда иностранцевъ не осталось въ Китаѣ. Разъ-другой попытались вытѣснить иностранцевъ этимъ путемъ, но не могли одолѣть ихъ. Испугавшись, что вытѣсненіемъ иностранцевъ можно навлечь бѣдствіе, вдругъ измѣнили политику, принявъ покорность за главное основаніе ея. Подавленные могуществомъ иностранцевъ и устрашенные ихъ силою и убѣдившись, что они имъ не пара, хитрые люди воспользовались ихъ силою для упроченія своего положенія, для собственной защиты и снисканія средствъ въ жизни; люди низшаго класса думали обезпечить этимъ путемъ свою жизнь и имущество, люди высшаго класса—сохранить богатство и знатность. Мало того, нѣкоторые, заручившись тѣнью иностраннаго вліянія, съ гордостью и презрѣніемъ смотрѣли на своихъ собратьевъ и угнетали своихъ единоплеменниковъ, считая это за удовольствіе. Люди кроткіе, видя, что иностранцы своимъ вліяніемъ дѣйствительно въ состояніи оказать покровительство, съ оживленіемъ передавали объ этомъ другъ другу, устремлялись къ нимъ, словно бѣшеные, и прибѣгали ко всевозможнымъ уловкамъ, чтобы состоять у нихъ въ подчиненіи и пользоваться ихъ покровительствомъ. На иностранцевъ смотрѣли какъ на духовъ, какъ на боговъ; служили имъ, какъ слуги господамъ; льстили имъ какъ жены и наложницы; прежде смотрѣвшіе на нихъ какъ на враговъ—теперь охотно превратились въ ихъ рабовъ и почти

забыли свое отечество и свою національность. Да, возносящійся смиряется. Вытѣсненіе иностранцевъ варварскимъ способомъ всегда оканчивается тѣмъ, что вытѣсняющій становится рабомъ своего врага.

„Въ сущности, ненависть Китая къ иностранцамъ—не болѣе какъ повтореніе старинныхъ разсказовъ объ изгнаніи варваровъ. Подобно тому, какъ собака, услышавъ лай, лаетъ на тѣнь, такъ было и здѣсь. При одномъ имени иностранцевъ, у нихъ поднимается гнѣвъ или негодованіе на то, что обращенные китайцы даютъ ихъ своимъ вліяніемъ, или же ропотъ на жестокое обращеніе иностранцевъ вообще и на гордость иностранныхъ чиновниковъ, слишкомъ притѣсняющихъ народъ. Но, на первыхъ порахъ, они не умѣли скорбѣть объ униженіи государственнаго могущества, проникаться негодованіемъ при видѣ похищенія державной власти, отстаивать народныя права и со всею энергіей стремиться къ самостоятельности.

„Извѣстно, что, при крайнемъ напряженіи силы и крайней быстротѣ движенія, даже самое слабѣйшее тѣло и то не можетъ не имѣть отраженнаго движенія. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ желаніе иностранцевъ раздѣлить Китай было слишкомъ стремительно и планы захвата его слишкомъ быстры. Они взяли за дѣло черезчуръ круто и вызвали смуту.

„Теперь всѣ западные интеллигентные люди порицаютъ свои правительства за неумѣнье захватить Китай. Если иностранцы измѣняютъ свою политику, замѣняютъ стремительный образъ дѣйствій медленнымъ, оставляютъ идею открытаго раздѣла и будутъ подходить къ осуществленію его незамѣтнымъ образомъ, располагая къ себѣ частными благодѣяніями, приманивая ничтожными выгодами и удовлетворяя тщеславію, то наши китайцы, никогда не занимавшіеся политическими науками и не имѣющіе ни малѣйшаго понятія о дипломатіи, конечно, станутъ полагаться на нихъ, какъ на близкихъ людей, какъ на помощниковъ, попадутся въ ихъ сѣти и будутъ прославлять и благодарить ихъ. Вѣдь иностранцы всегда поносили насъ, китайцевъ, и признавали за людей съ рабскими наклонностями; а рабы не оказываютъ сопротивленія; и послѣднее движеніе, въ сущности, было не болѣе, какъ слабымъ отраженіемъ слишкомъ стремительно направленнаго удара. Китайцы не умѣютъ и не могутъ вытѣснять иностранцевъ.

„Нѣтъ ни одного государства въ мірѣ, вытѣснявшаго иностранцевъ и не погибшаго; равнымъ образомъ, нѣтъ и государства, которое, не вытѣсняя иностранцевъ, могло бы сохранять

свою самостоятельность. Отчего происходит вытѣсненіе чужихъ, т.-е. того, что не-я? Отъ ограниченія, присущаго природѣ всякаго человѣка. Ограничивая себя, мы называемъ другого: „чужой человѣкъ“; ограничивая свой домъ, мы называемъ домъ другихъ „чужимъ“ домою; ограничивая свое государство, мы говоримъ о другомъ государствѣ: „это чужое государство“; точно также другое племя въ отличіе отъ своего мы называемъ чужимъ. Выдѣляя такимъ образомъ себя, свою семью, свое государство и свой родъ, мы, конечно, не можемъ не дѣлать разницы въ выраженіи нашихъ чувствъ и въ нашихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ тѣмъ и другимъ. Поэтому своего брата мы любимъ, а чужого не любимъ. Когда ссорятся домашніе, то мы ихъ прикрываемъ, а когда ссорятся сосѣди, то затворяемъ ворота. Вотъ почему вѣкъ варварства отличался горячимъ желаніемъ исключенія иностранцевъ, и обычаи относительно этого были чрезвычайно строги. Въ періодъ родового и племенного быта къ иностранцамъ относились враждебно, и пребываніе ихъ въ чужой странѣ возможно было не иначе, какъ за поручительствомъ туземцевъ, и правила вѣжливости и законы въ приложеніи къ нимъ отличались крайней несправедливостью. Римъ началъ цивилизоваться чрезвычайно рано, и потому для защиты иностранцевъ были установлены общіе законы. Современная Европа все болѣе и болѣе славится своею цивилизаціей. Ея гражданскіе и уголовные законы составляетъ одинъ общій кодексъ, въ которомъ не дѣлается различія между своими гражданами и иностранцами. Но что касается государственныхъ законовъ, то уложенія ихъ все-таки ставятъ на высшую точку гражданскія права, которыми могутъ пользоваться только собственные граждане и въ которыхъ не могутъ участвовать иностранцы. Мало того, лицо, переселившееся въ другое государство, или вышедшее замужъ за иностранца, исключается изъ списковъ своего государства, лишается гражданскихъ правъ и ставится наравнѣ съ иностранцами. Такимъ образомъ, стремленіе вытѣснить иностранцевъ, составляя общее прирожденное свойство, можетъ быть прекращено человѣческими законами. Коль скоро существуетъ обособленіе государствъ, то хотя бы самъ Иисусъ былъ государемъ, а Моисей, древній проповѣдникъ всеобщей любви, былъ у него министромъ, и они не могли бы сгладить этой грани и объединить всѣхъ. Еслибы мы спросили почтенныхъ и достойныхъ государей, извѣстныхъ своею любовью къ народу, печаловавшихся въ поляхъ и усердно работавшихъ въ совѣтахъ, что въ сущности за цѣль ихъ работы, то они отвѣтили бы намъ: „обеспеченіе своихъ дѣтей и своего народа“. Европейскія госу-

дарства, при заключеніи каждаго договора, непремѣнно добиваются соотвѣтствующихъ условій и во всякомъ дѣйстви — взаимности, и ежегодно расходуютъ огромныя суммы на содержаніе армій. Если вы спросите ихъ, для чего они собственно стараются, то они также отвѣтятъ вамъ: „для предупрежденія посягательства иностранцевъ на наши права“. Почему же они не охраняютъ чужихъ дѣтей и не заботятся о чужомъ народѣ? Почему они не дѣлятся своими выгодами со всѣми государствами, а непремѣнно принимаютъ мѣры противъ иностранныхъ захватовъ? Развѣ это не доказываетъ того, что коль скоро границы государствъ поставлены, — даже самъ святой человекъ не въ состояніи ихъ сгладить? Кромѣ того, западные великіе ученые, въ видахъ поднятія народнаго духа, то вызываютъ къ патріотизму, то къ чувству независимости и самостоятельности, то къ борьбѣ изъ-за выгодъ и, неустанно проповѣдая законъ о побѣдѣ лучшихъ особей и гибели худшихъ, добиваются расширенія вліянія своего государства и увеличенія народныхъ силъ, съ цѣлью одержать верхъ надъ иностранцами. Они открыто и безбоязненно проповѣдуютъ, что самое спокойное дѣло — полагаться на тѣхъ, кто связанъ съ вами общими интересами, и самое опасное дѣло — вѣряться тѣмъ, интересы которыхъ отличны отъ вашихъ. Это дѣлается для возбужденія въ своихъ согражданахъ стремленія къ вытѣсненію иностранцевъ. Вытѣсненіе англичанъ американцами и образованіе своей независимости, вытѣсненіе итальянцами Австріи и основаніе ими національнаго государства — это факты дѣйствительнаго вытѣсненія иностранцевъ. И представители общественнаго мнѣнія прославляютъ полноту ихъ народнаго духа и крѣпость народной силы, и ни единымъ словомъ не порицаютъ ихъ за нарушеніе международныхъ правъ. По всей вѣроятности, съ постепеннымъ повышеніемъ уровня цивилизаціи, возрастаетъ и сила вытѣсненія иностранцевъ, а вмѣстѣ съ этимъ и искусство вытѣсненія ихъ становится утонченнѣе. Идею вытѣсненія иностранцевъ скрываютъ подъ такими прекрасными именами, какъ патріотизмъ, независимость, самостоятельность и конкуренція. Патріотизмъ и независимость, рѣзко отличаясь отъ вытѣсненія иностранцевъ по имени, по существу тождественны съ нимъ. На что въ чужихъ государствахъ смотрятъ какъ на вытѣсненіе иностранцевъ — то въ своемъ государствѣ называютъ патріотизмомъ. Когда западные народы вытѣсняютъ иностранцевъ, то силы ихъ государствъ развиваются; а когда мы вытѣсняемъ иностранцевъ, то силы нашего государства сокращаются. Отчего это? Отъ недостатка свободы, говорятъ намъ запад-

ные ученые. Такъ какъ мы ставимъ чужую свободу границею (нашей дѣятельности), то и при вытѣсненіи иностранцевъ безъ сомнѣнія существуетъ извѣстная граница. Когда мы вытѣсняемъ ихъ при помощи правительственныхъ узаконеній, то, какъ бы они ни были строги, лишь бы только не выступали изъ предѣловъ законности, — мы тѣмъ расширяемъ вліяніе государства и приобретаемъ добрую славу; но если мы вытѣсняемъ ихъ въ области международныхъ сношеній, то, при каждомъ нашемъ движеніи, мы тотчасъ же выходимъ за предѣлы, подвергаемся дѣйствительному бѣдствію и покрываемся позорнымъ именемъ. Нашъ народъ не умѣетъ правильно вытѣснять, незнакомъ съ искусствомъ вытѣсненія иностранцевъ при помощи правительственныхъ мѣръ и, не вынося ничтожнаго неудовольствія, безразсудно прибѣгаетъ къ варварскимъ дѣйствіямъ; но при первомъ неудачномъ нападеніи онъ теряетъ, падаетъ духомъ, умоляя не тѣснить его“...

П. Поповъ.

Окт., 1902.

НА НОВОМЪ МѢСТѢ

РАЗСКАЗЪ.

I.

По изрытой и пыльной дорогѣ отъ города къ селу Тюменцевскому медленно двигалась довольно странная для непривычнаго глаза группа.

Впереди, едва передвигая ноги, шелъ полицейскій, держа подъ мышкой книгу; за нимъ, лѣнливо шагая, пара маленькихъ сибирскихъ лошадеоекъ тащила телѣгу, всю нагруженную массою всевозможныхъ узловъ, кувальцовъ, ящиковъ, на которыхъ съ большимъ трудомъ держались немолодая женщина и двое дѣтей. Съ правой стороны телѣги шли среднихъ лѣтъ мужчина, одѣтый въ арестантскій халатъ, и мальчуганъ лѣтъ десяти.

Изрѣдка попадавшіеся на встрѣчу крестьяне мелькомъ и равнодушно оглядывали группу, не обнаруживая никакого любопытства. Лишь одинъ крестьянинъ, поровнявшись съ полицейскимъ, спросилъ:

— Къ намъ, что-ль, везешь? .

— А ты тюменцевскій?

— Ну!

— Къ вамъ.

— А кто такіе?

— Да кто ихъ знаетъ! Жиды!—отвѣтилъ полицейскій.

Крестьянинъ, осмотрѣвъ еще разъ группу, поѣхалъ дальше. И онъ, да и остальные, встрѣчавшіеся на пути, мужики ежедневно встрѣчали и встрѣчаютъ такіе обозы, доставляющіе сибирскимъ селамъ новыхъ обитателей. Шедшій возлѣ телѣги человекъ въ арестантскомъ платьѣ и былъ однимъ изъ этихъ новыхъ невольныхъ гражданъ Сибири, а мальчикъ и сидѣвшія на возу женщина и дѣти были его семьей, добровольно слѣдовавшей за своимъ главой въ далекой, страшный для нея край. Поселенца Зелига Кормана и его семью арестантская партія доставила еще три дня тому назадъ на мѣсто—конечный пунктъ ихъ странствованія. А мѣстная полиція выбрала поселеніемъ для Кормана село Тюменцевское, куда его и сопровождалъ теперь полицейскій.

Длинное и тяжелое трехмѣсячное странствіе съ арестантской партіей наложило страшную печать на лица всей семьи. Всѣ они были изжелта-блѣдные, утомленные, особенно дѣти. Но въ этотъ моментъ во всѣхъ движеніяхъ, въ каждомъ взглядѣ Кормана и его жены проглядывало одно чувство смертельнаго страха и безграничнаго испуга. Ихъ страшило и пугало неизвѣстное будущее, незнакомый край, полное одиночество, въ которомъ они очутятся чрезъ нѣсколько часовъ, когда ихъ окончательно освободятъ.

Однако, ѣхали всѣ молча. Близость свободы, а слѣдовательно и момента, когда одиночество и неизвѣстность сразу охватятъ ихъ, не побуждала испуга, и супруги во всю дорогу не обмѣнялись ни однимъ словомъ на этотъ счетъ. Испугъ поворилъ и мысль, и усталость, и голодъ, а въ душѣ и Корманъ, и его жена, ужасались и жаждали этого страшнаго конца долгихъ мученій.

— Ну, слава Богу, вотъ ужъ и Тюменцево!—радушно связалъ полицейскій, а Корманы испуганно повернули головы по указанію полицейскаго.

Село помѣщалось въ глубокой лоцинѣ, и съ высокой горы, на которой находились странники, было ясно видно все. Тюменцевское, какъ и большинство сибирскихъ селъ, было громадное, растянувшееся на нѣсколько верстъ поселеніе, беспорядочно застроенное высокими деревянными домами, съ разрисованными ставнями на окнахъ. Дома отдѣлялись другъ отъ друга большими пространствами,—очевидно, мѣстомъ не стѣснялись. Къ одной части села примыкалъ рѣдкій и молодой березовый перелѣсокъ.

Корманы, не отрываясь, смотрѣли на село и не замѣтили,

какъ спустились съ горы и очутились у поскотины. Старый, хромой поскотинщикъ открылъ ворота, и телѣга очутилась въ грани села; однако до волости они добрались еще не скоро. Версты три тянулася поскотина, затѣмъ столько же почти они ѣхали селомъ до волостного правленія, помѣщавшагося на другомъ концѣ.

Въ самомъ селѣ они также никакого интереса къ себѣ не возбудили. Ихъ внимательно, но очень равнодушно осматривали и ни о чемъ не спрашивали.

— Ну, слава Богу, добрались!—еще разъ радостно повторилъ полицейскій, когда телѣга, наконецъ, остановилась у зданія волостного правленія.—Ну, ты, слѣзай!—обратился онъ къ сидѣвшей на возу женщинѣ. Та отъ страха чуть не свалилась съ воза; дѣти начали плакать.

Подошедшему десятскому полицейскій привазалъ сбѣгать за писаремъ, а самъ усѣлся на крылечко.

— Ну, паренѣкъ, скидай барахло-то, да поѣдемъ чай пить. У тебя дружокъ есть тутъ? поѣзжай самоваръ готовить!—обратился онъ къ ямщику.

— Есть,—отвѣтилъ тотъ и принялся разгружать телѣгу.

— Ну, а вы чего стоите? Помогай ему!—крикнулъ онъ точно остолбенѣвшимъ Корманамъ.

Тѣ всей семьей бросились снимать свое добро, но отъ испуга только мѣшали ямщику.

— Ну, васъ! мѣшаете только, оставь, самъ сниму,—остановилъ ихъ ямщикъ. Они послушно оставили.

Ямщикъ выгрузилъ все на землю и поѣхалъ, рассказавъ полицейскому, какъ добраться до дружка. Корманы, буквально, очутились на улицѣ съ дѣтьми и всѣмъ своимъ скарбомъ.

Къ волости одинъ за другимъ стали подходить мужики, здоровались за руку съ полицейскимъ, спрашивали: „кто такіе?“, и получивъ односложный отвѣтъ: „жиды“, принимались осматривать новоприбывшихъ. Одинъ изъ подошедшихъ, послѣ того какъ внимательно осмотрѣлъ всѣхъ, обратился къ Корману:

— А вы чьи будете?

Корманъ ничего не отвѣтилъ,—только испуганно моргалъ глазами.

— Пукаются,—усмѣхнулся полицейскій.

— Чьи вы будете? спрашиваю; звать-то тебя какъ?—повторилъ мужикъ.

— Звать... звать... Зелигъ...—едва переводя дыханіе и словно давась, отвѣтилъ Корманъ.

— Ка-ахъ?—переспросилъ мужикъ.

— Зелигъ...—тѣмъ же тономъ сказала Корманъ.

— Зе-лигъ,—раздѣльно произнесъ, недоумѣвая, мужикъ.—
Зе-е-лигъ... гмъ... А по-русски это какъ будетъ?

Съ такимъ же недоумѣніемъ посмотрѣлъ Корманъ на мужика, не зная, что отвѣтить. Этотъ вопросъ былъ ему еще болѣе непонятенъ, чѣмъ первый.

— Да что ты его спрашиваешь? Вѣдь это расейскій,—съ презрѣніемъ замѣтилъ полицейскій.—У нихъ вѣдь все по-иному. Ишь, трусить.

— То-то трусить! У насъ, братъ, не по вашему; тутъ тебѣ и крышка, и тебѣ, и бабѣ твоей, и ребятишкамъ,—добродушнымъ тономъ, усмѣхаясь, обратился къ Корману другой мужикъ.

Женщина не совсѣмъ поняла сказанное; ускользнулъ отъ нея и добродушный тонъ; она инстинктивно догадалась, что рѣчь идетъ о ея дѣтахъ, и прижала къ себѣ двоихъ.

— Ну, что зря пугаешь? Безъ тебя напуганы,—остановилъ насмѣшника первый мужикъ.

— Да я, дядя Егоръ, пошутилъ, — оправдывался тотъ и прибавилъ:

— Придется къ дядѣ Левонтію послать; куда жъ имъ дѣваться?

— Извѣстно, къ дядѣ Левонтію; это ты правильно,—согласился дядя Егоръ, и обратился къ одному, вертѣвшемуся у волости и тоже глазѣвшему мальчугану:—Эй, Миколка! Сбѣгай къ дядѣ Левонтію; скажи, чтобъ шелъ къ волости: дѣло, молъ, есть.

— Дядя Левонтій даде на пашню поѣхалъ, я видалъ, — отвѣтилъ мальчуганъ.

— Ну, такъ тетка Настасья пускай... — началъ было дядя Егоръ.

— Вернулся, вернулся уже дядя Левонтій. Эвона когда вернулся еще, мы видали!—закричали другіе ребятишки.

— Ну, такъ бѣги, Миколка, да скорѣй, мотри!—распорядился дядя Егоръ. Миколка побѣжалъ. Тѣмъ временемъ къ волости подошли еще нѣсколько крестьянъ. Убитый, подавленный видъ всей семьи, особенно дѣтей, жавшихся къ матери, видимо трогалъ мужиковъ, и всѣ одобрили распоряженія дяди Егора, пославшаго за дядей Левонтіемъ.

— Да гдѣ у васъ писаря запропали?—сказалъ полицейскій, которому надоѣло сидѣть на крылечкѣ.

— Писарей, братъ, теперъ не скоро сыщешь. Да ты оставь

ихъ, ступай чай пить. Не убѣгутъ, поди, — усмѣхнулся дядя Егоръ, показавъ на Кормановъ. Остальные мужики тоже усмѣхнулись. Полицейскій внялъ совѣту и отправился; съ нимъ ушли и нѣкоторые мужики. Дядя Егоръ тоже хотѣлъ-было идти.

— А ты вуды же? Обожди ужъ дядю Левонтія, обскажи ему, — остановили его уходящіе.

— Ну, ладно, — согласился дядя Егоръ. Онъ усѣлся на крыльцѣ и уставился на Кормановъ.

Нѣсколько минутъ онъ молчалъ, потомъ спросилъ Кормана:

— А тебя за что прислали къ намъ?

Корманъ опять испугался. Ни добродушный тонъ, ни явное участіе дяди Егора не успокоивали его возбужденную, перепуганную душу; каждый вопросъ повергалъ его въ неопиcуемый ужасъ. Давясь и дрожа, онъ началъ объяснять. По-русски говорилъ онъ скверно, съ польскимъ акцентомъ. Дядя Егоръ плохо понималъ его спутанную и нервную рѣчь.

— За поджогъ, значитъ, — скорѣе догадался, чѣмъ понялъ тотъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... не я... не я... напрасно совѣмъ... — еще торопливѣй, еще съ большимъ испугомъ залепеталъ Корманъ и снова пустился въ объясненія, изъ которыхъ дядя Егоръ только и слышалъ часто повторяемое Корманомъ: „напрасно“.

— Да что ты все: напрасно да напрасно! — перебилъ онъ. — Намъ, братъ, все равно. Прислали, ну и живи. А тамъ по-напрасну али нѣтъ — намъ-то какое дѣло?..

Снова наступило небольшое молчаніе. Жена Кормана, нагнувшись къ мужу, что-то прошептала ему на ухо. Онъ замалъ на нее руками. Дядя Егоръ это замѣтилъ.

— Что бабу обижаешь? — сказалъ онъ.

— Я... нѣтъ... я... она спрашиваетъ, есть ли тутъ евреи, — едва выговорилъ Корманъ, и отеръ потъ съ лица.

— Есть-то, есть, только... совѣмъ ты, братецъ мой, не такой, — почесывая затылокъ, сказалъ дядя Егоръ.

— А эвона и дядя Левонтій съ Миколкой! — закричали ребятишки.

Сердца у Кормановъ забились. Какъ они ни были напуганы, но невольно обратили вниманіе на такъ часто повторяемое имя „дядя Левонтій“, связывая его съ своей участью. Теперь, посморгнувъ по указанному ребятишками направленію, они увидали высокаго, коренастаго крестьянина, неторопливо направлявшагося къ нимъ. Подходившій былъ одѣтъ, какъ и остальные крестьяне, въ рубахѣ на выпускъ, перепопоясанной узкимъ поясомъ, и въ высокихъ сапогахъ.

Дядя Левонтій подошелъ къ волости, поздоровался за руку съ вставшимъ ему на встрѣчу Егоромъ и такъ же молча уставился въ Кормановъ. Онъ не торопясь и внимательно осматривалъ каждаго отдѣльно и весь хламъ, окружавшій семью. Наконецъ, послѣ того, какъ онъ все осмотрѣлъ, онъ направился къ Корману.

— Шолемъ алейхемъ ¹⁾! — выговорилъ онъ по-еврейски и широкимъ, размахистымъ движеніемъ протянулъ руку.

Корманъ съ минуту простоялъ, точно ошеломленный, потомъ схватилъ протянутую руку обѣими своими и зашепталъ по-еврейски:

— Вы... вы... вы еврей, еврей?..

Онъ задыхался, дрожалъ и старался заглянуть въ глаза дяди Левонтія.

— Ну, да, еврей,—спокойно сказалъ тотъ, не отнимая протянутой руки.—А это ваша жена и дѣти?—показалъ онъ на притаившуюся женщину.

— Слава Богу... слава Богу...—не отвѣчая, бормоталъ Корманъ, и вдругъ слезы полились у него изъ глазъ; жена его заплакала въ голосъ; ее поддержали ничего не понимавшія дѣти.

— Шш! тише... что вы? Слава Богу!—старался успокоить ихъ Корманъ, но и онъ самъ продолжалъ всхлипывать.

— Ишь, обрадовались!—улыбаясь, обратился Егоръ къ дядѣ Левонтію.—По-каковски это ты съ ними разговаривалъ?

— По-нашему, по-еврейски,—важно отвѣтилъ тотъ.

— По-еврейски? — недоувѣрчиво произнесъ дядя Егоръ. — Что-то онъ совсѣмъ не такъ, какъ ты... Одначе, вуды ты его, къ себѣ?

— Къ себѣ возьму, а тамъ посмотримъ.—А какъ васъ зовутъ?—обратился онъ къ Корманамъ.

— Зелигъ... Меня зовутъ Зелигъ... А ее тоже зовутъ Ентой, —неизвѣстно почему „тоже“,—отвѣтилъ Корманъ. Онъ говорилъ хотя торопливо и волнуясь, но уже болѣе веселымъ и бодрымъ тономъ.

— Во-во-во!—обрадовался дядя Егоръ.—Слышь, какъ зовутъ-то? Зеликъ! Это какъ же по-нашему будетъ?

— Захаръ,—послѣ небольшого раздумья рѣшилъ дядя Левонтій.

— Захаръ, говоришь? Ну, это хорошо. А бабу какъ?

¹⁾ Миръ вамъ!—еврейское привѣтствіе.

— Бабу, значить, Фодосья,—такъ же скоро рѣшили дядя Левонтій.

— Ну, вотъ, это такъ. Захаръ, значить, да Фодосья. А то, чудакъ человѣкъ, говоритъ, что... Зе-лякъ... и не выговоришь!.. —благодушно болталъ дядя Егоръ.—Ну, что-жъ, веди ихъ чай пить; поди, проголодались,—закончилъ онъ.

— Пойдемъ теперь ко мнѣ, чайку попьемъ, — сейчасъ же обратился къ Корманамъ дядя Левонтій.

— А, хорошо, спасибо. Вы здѣсь посидите, а я...

Дядя Левонтій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Зачѣмъ же оставаться? Всѣ пойдемъ.

— Какъ всѣ? куда всѣ? къ вамъ? — не менѣе удивленный спросилъ Корманъ.

— Ну, да. Тамъ пробудете, пока чтѣ.

— Какъ же это? Какъ же это? Насъ вѣдь пятеро.

— Ну, такъ чтѣ-жъ? У меня чистая горница, большая, помѣститесь. Все же лучше, чѣмъ такъ-то, на улицѣ.

Корманъ посмотрѣлъ на заплаканную жену, на истомленные лица дѣтей и, крайне взволнованный, началъ со слезами благодарить дядю Левонтія, призывая на него благословеніе Божіе.

— Да за чтѣ вы меня благодарите?—съ искреннимъ недоумѣніемъ спросилъ дядя Левонтій, и замѣтивъ, что и Корманъ, и жена его, и дѣти принялись нагружать на себя свои безчисленные узлы, мѣшки и ящики, сказалъ:

— Да вы оставьте это. Я пришлю телѣгу, и все привезуть.

Корманы переглянулись и какъ-то замаялись.

— Да вы не бойтесь, никто не тронетъ. Эй, ребята! Постерегите тутъ. Я сейчасъ Гриньку пришлю, привезете съ нимъ,—крикнулъ онъ ребятишкамъ.—Ну, пойдемъ теперь!—и онъ двинулся впередъ съ дядей Егоромъ. Корманы послѣдовали за ними всей семьей, оглядываясь назадъ, на оставленне добро свое, которое окружила толпа ребятишекъ.

— Ахъ, вы, рассеяскіе!—не вытерпѣвъ дядя Егоръ, замѣтивъ ихъ встревоженные лица, и, неодобрительно покачавъ головой, распростился съ дядей Левонтиемъ.

II.

Теперь на Кормановъ, предводительствуемыхъ дядей Левонтиемъ, обращали гораздо больше вниманія. Встрѣчавшіеся то-и-дѣло справлялись:

— Дядя Левонтій! Землики что-ли? кто такіе?

— Богъ ихъ знаетъ! Евреи! — не останавливаясь, отвѣчалъ дядя Левонтій.

— А-а! Къ себѣ, значитъ, ведешь?

— Ну!—слѣдовалъ краткій отвѣтъ.

Частью изъ-за этихъ разспросовъ, частью потому, что Корманы едва поспѣвали за своимъ предводителемъ, они во всю дорогу не обмѣнялись ни словомъ. Дядя Левонтій, невозмутимо спокойный, шелъ медленно, и Корманъ едва поспѣвалъ за нимъ. На ходу разница въ ихъ наружности сказывалась довольно рѣзко. Высокій, коренастый и широкоплечій, дядя Левонтій казался прямо богатыремъ въ сравненіи съ маленькимъ, тощимъ Корманомъ. Одинъ представлялъ олицетворенное спокойствіе, въ то время какъ другой, нервный, взволнованный и перепуганный, боязливо оглядывался во всѣ стороны и отъ всякаго вопроса, обращеннаго къ дядѣ Левонтію, вздрагивалъ и дрожалъ.

— Вотъ это мой домъ!—и съ этими словами дядя Левонтій открылъ висѣвшія на петляхъ изъ прутьевъ воротца и, пождавъ, пока вся семья прошла, закрылъ ихъ снова.

Корманы очутились на большомъ и чистомъ дворѣ. Съ одной стороны, стоялъ на высокомъ фундаментѣ большой деревянный домъ, а съ другой помѣщался громадный крытый навѣсъ, подъ которымъ въ беспорядкѣ валялись колеса, передки отъ телѣгъ, плетушки и много крестьянскихъ саней-дровней. На столбахъ, поддерживавшихъ навѣсъ, были развѣшаны хомуты, шлеи и другая сбруя.

— Гривька дома?—остановившись посреди двора, крикнулъ въ пространство дядя Левонтій.

— Дома, у лошадей,—откуда-то отвѣтилъ женскій голосъ.

— Гривька!—позвалъ дядя Левонтій.

— Что?—донесся звонкій дѣтскій голосъ.

— Подъ-ка сюда! А вы ступайте пока въ горницу!—обратился онъ къ Корманамъ и снова крикнулъ въ пространство:— Настя! чай готовъ!

Въ этотъ моментъ изъ-за угла дома показался мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати. Онъ былъ босикомъ, безъ шапки.

— Кони у насъ дома?—обратился къ нему дядя Левонтій.

— Которые дома.

— Ну, такъ обхомутай-ка гнѣдка, съѣзди въ волости, да привези вотъ ихъ лопатину ¹⁾.

¹⁾ Вещи.

— Гнѣдка нельзя, онъ по сѣно бѣгалъ, — важно отвѣтилъ мальчуганъ.

— Ну, буланку...

— Да на буланкѣ ты же на пашню ѣздилъ, — на выстойкѣ еще.

— Ну, такъ рыжку. Да живѣй, мотри! Поилъ ты ихъ?

— Нѣтъ еще. Да я лучше карьку запрягу, — что онъ все стоить?

— Карьку? Смотри, какъ бы не понесъ.

— Нѣ вотъ! понесетъ! — презрительно отвѣтилъ мальчуганъ и, оглядѣвъ Кормановъ, не спѣша, скрылся за уголъ дома.

— Ну, теперь поидемъ! — сказалъ Корманамъ дядя Левонтій. Они слушали весь этотъ разговоръ, не понимая ни слова. Опять вся семья двинулась за дядей Левонтиемъ.

По довольно высокой лѣстницѣ они поднялись и очутились въ полутемныхъ сѣняхъ, полъ которыхъ былъ устланъ сѣрымъ крестьянскимъ холстомъ. По обѣимъ сторонамъ сѣней были одностворчатныя, грубо размазанные разноцвѣтными звѣздами двери. Прямо противъ входа настежь раскрытая дверь вела въ большую, свѣтлую и чистую кухню, на полкахъ которой помѣщалось много кухонной и молочной посуды. Изъ кухни на встрѣчу Корманамъ вышла здоровая, высокая женщина и вопросительно посмотрѣла на дядю Левонтія.

— Самоваръ у тебя готовъ? — спросилъ ее тотъ.

— Сейчасъ подамъ, веди въ горницу, — сказала она, широко раскрывая двери и проходя первая. Она, ни о чемъ не спрашивая, направилась къ стеклянному шкафу, стала доставать изъ него чайную посуду и разставлять ее на столѣ. Дядя Левонтій снялъ шапку и, оправивъ рубаху, сказалъ:

— Это вотъ моя жена, Настя. Ну, садитесь, гостями будете.

Корманъ былъ въ большомъ затрудненіи, не зная, снимать ли ему шапку, или нѣтъ. Онъ приподнял ее, тревожно оглядываясь.

— Да вы можете не снимать шапки. Я вѣдь знаю, что безъ шапки нельзя, да ужъ мы привыкли по-крестьянски, — и дядя Левонтій въ первый разъ добродушно улыбнулся. — Ну, присаживайтесь, да не стѣсняйтесь, что вы въ самомъ дѣлѣ? Халать снимите, жарко вѣдь! — продолжалъ онъ, обращаясь къ Корману. Тотъ густо покраснѣлъ; онъ совершенно забылъ, что на немъ арестантскій халатъ. Торопливо снявъ его, онъ остался въ одной рубашкѣ, поверхъ которой былъ надѣтъ „арбе-канфесъ“ съ длинными „цицесъ“.

— Ужъ вы извините... извините... привезутъ вещи, я сейчасъ... — бормоталъ Корманъ, весь красный.

— Зачѣмъ? Совсѣмъ не надо. А арбе-кафесъ у васъ хорошій. У меня тоже есть, хотя совсѣмъ простой, только я не ношу его, никакъ невозможно при работѣ. Зато талесъ ¹⁾ у меня хорошій, изъ Рассаи выписалъ, двадцать-восемь рублей стоить.

— Съ серебромъ талесъ-то, — съ видимымъ удовольствіемъ сказала по-русски Настя. Она принесла самоваръ, цѣлую гору калачей, кринку молока и громадный кусокъ сливочнаго масла. Все это она разставила на большомъ, накрытомъ синей крестьянской скатертью столѣ. Усѣвшись за самоваръ, она налила чашку чаю и подала ее Корману со словами:

— Получайте, кушайте съ привуской!

Эти слова сопровождали каждую налитую ею чашку чаю. Корманы стѣснялись. Они опять чего-то пугались; на нихъ дѣйствовала эта странная, невиданная обстановка, это искреннее и простое радушіе, во всего болѣе этотъ диковинный еврей, говорящій по-еврейски такъ, какъ въ Россіи говорятъ на жаргонѣ долго жившіе среди евреевъ русскіе. Но если въ чертахъ дяди Левонтія и можно было еще, внимательно взглядившись, найти типичныя еврейскія черты, то жену его никоимъ образомъ за еврейку признать нельзя было. Здоровая, краснощекая крестьянская баба, съ сутулой, широкой спиной и высокой грудью, одѣта она была также совершенно по-крестьянски, въ синей юбкѣ и желтой грубой рубахѣ, дѣлавшей еще болѣе широкой ея и безъ того широкую фигуру. По-еврейски говорила она еще хуже, чѣмъ мужъ ея, и съ большимъ затрудненіемъ подыскивала слова.

— Что же вы ничего къ чаю не берете? Кушайте съ прикуской, кушайте! — говорила она.

— Да вы, можетъ, руки помыть хотите? Настя, покажи рукомойникъ. Мы, вѣдь, знаемъ, что надо руки мыть, а только такъ, значить, по-крестьянски, все грѣшимъ, — сказалъ дядя Левонтій. Съ Корманомъ онъ говорилъ по-еврейски, къ женѣ обращался по-русски. Точно такъ же поступала и та.

Корманы все-таки чувствовали себя скверно, послѣ каждой чашки отказываясь, но Настя упрашивала „выкушать еще“, и очень огорчалась, что гости не ѣдятъ. Зато она съ удовольствіемъ смотрѣла, какъ ѣли голодные ребятишки, тоже сначала стѣснявшіеся. Она поминутно подкладывала имъ что-нибудь, и ея большіе добрые сѣрые глаза съ участіемъ смотрѣли на блѣдныя, истощенныя лица дѣтей.

¹⁾ „Талесъ“ — облаченіе, надѣваемое при утренней молитвѣ. „Арбе-кафесъ“ — тоже, только малыхъ размѣровъ и носится постоянно.

Разговоръ не клеился. Стѣсняющіеся гости стѣсняли и хозяевъ. Въ это время раздался грохотъ телѣги, и во дворъ вѣхалъ Гринька въ сопровожденіи нѣсколькихъ ребятъ.

— Ты это Гриньку куды посылалъ?—спросила мужа Настя.

— За лопатиной, вотъ. Надо будетъ въ чистую горницу ставить, подь-ка, приготовь,—отвѣтилъ тотъ.

Настя встала и, посмотрѣвъ въ окно, снова обратилась къ мужу.

— Онъ что-жь это? На карькѣ ѣздилъ?

— На карькѣ. Самъ захотѣлъ.

— Самъ захотѣлъ! — недовольно сказала Настя.—Лошадь закидается, а онъ ребенка посылаетъ.

— Что-жь коню пропадать? Надо же къ хомуту приучать!

— Такъ самъ приучай, а не ребенка... Лошадь завидается, могла разнести, а онъ...

— Не разнесла же!—перебилъ дядя Левонтій жену.

— Не разнесла! — недовольно повторила Настя и вышла изъ комнаты.

— Мать, значить, за сына боится,—добродушно улыбаясь, обратился къ Корману дядя Левонтій послѣ ухода жены.

Корманъ тоже улыбнулся вымученной, жалкой улыбкой. Онъ ни слова не понялъ изъ разговора мужа и жены, и только изъ обращенія къ себѣ догадался, что босоногій, ведшій такой серьезный и такъ же малопонятный разговоръ съ дядей Левонтіемъ мальчуганъ—сынъ его. Совершенно машинально Корманъ посмотрѣлъ на своего блѣднаго и хилаго сына, не обмолвившагося за все время ни словомъ. Разница между нимъ и мальчуганомъ была большая.

Въ сѣняхъ раздались шаги, и Гринька появился на порогѣ.

— Куды таскать-то? Въ горницу? Тамъ писарь сказывалъ, чтобы привести ихъ, потому не записаны еще; безъ спросу, говорить, зачѣмъ ушли? Сердился...

Корманъ поблѣднѣлъ и испуганно посмотрѣлъ на дядю Левонтія.

— Какой писарь-то? Иванъ Ефремычъ? — спокойно спросился тотъ.

— Ну.

— Ну, ничего. Завтра успѣеть. Ничего, не бойтесь. Я завтра схожу съ вами,—сказалъ онъ Корману. Не столько слова, сколько тонъ, какимъ они были сказаны, успокоили послѣдняго.

— А баню затопить не надо?—спросилъ Гринька, собираясь уходить.

— Баню? Какъ же, какъ же, скажи Прасковья. Это ты хорошо придумалъ, — живо подхватилъ дядя Левонтій, и когда сынъ вышелъ, сказалъ: — Вотъ, вамъ баньку истопить, попаритесь. Поди, давно уже въ банѣ-то не были...

Онъ не успѣлъ окончить, какъ жена Кормана разрыдалась. На нее, измученную, истерзанную, словно закаменѣвшую въ страданіяхъ, это искреннее и могучее по своей простотѣ участіе этихъ странныхъ, невиданныхъ единовѣрцевъ дѣйствовало какъ горячее солнце на ледъ. Бѣдная женщина словно оттаивала, охваченная сердечной лаской, такъ давно ею не испытанной. Она горько плакала, не сознавая — о чемъ. Давно накопившіяся въ душѣ слезы, которыхъ горе уже не могло вызвать наружу, текли безъ удержу, несмотря на старанія удержать ихъ.

— Богъ съ вами, что вы?! — испуганно произнесъ дядя Левонтій. Рыданія привлекли и Настю. Она вошла и, посмотрѣвъ на бывшую въ слезахъ женщину, быстро подбѣжала къ ней.

— Что вы, что вы, о чемъ? Что ты ей сдѣлалъ? — рѣзко обратилась она къ мужу.

— Ничего не сдѣлалъ. Гринька, вотъ, баню хотѣлъ затопить, а я, значить, сказалъ, что хорошо; что, значить, попариться имъ теперь хорошо, — все еще испуганно пояснялъ мужъ.

— Будетъ плакать, не надо, родная! — сердечно заговорила по-русски Настя, наклонившись надъ рыдающей. — Смотрите, и дѣтей напугаете; будетъ, будетъ, выкушайте водицы! — говорила она.

Дѣти, не зная и не понимая, о чемъ плачетъ мать, жались другъ къ другу, вотъ-вотъ готовыя разрыдаться. Самъ Корманъ тоже хлопоталъ возлѣ жены, уговаривая ее успокоиться.

— Пойдемте въ ту горницу, тамъ вы скорѣе заспокоитесь, — наконецъ, сказала Настя, и чуть ли не силой поставила Енту на ноги.

— Богъ вамъ заплатитъ, Богъ вамъ заплатитъ! — захлебываясь отъ слезъ, шептала Ента, выходя съ Настей изъ комнаты.

— Ну и бабы эти, чтобъ имъ пусто было! — сказалъ дядя Левонтій. — И чего плачетъ-то, скажи на милость? за что благодарить? — и онъ въ полномъ недоумѣніи развелъ руками.

III.

Дядя Левонтій, или Леонтій Григорьичъ Винеръ — коренной свбирякъ и житель села Тюменцеваго. Здѣсь же жили и два

брата его: большаеъ — Василій и средній братъ — Аронъ. При жизни отца братья жили одной семьей, безусловно подчиняясь волѣ старика Винера, также сибиряка. Когда старикъ отецъ умеръ, братья продолжали жить вмѣстѣ, управляемые большакомъ Василюемъ. Все у нихъ было общее: и работа, и плоды ея. Но между большакомъ и среднимъ братомъ начались недоразумѣнія, и „старика“, къ которымъ братья обратились за разрѣшеніемъ ихъ недоразумѣній, посоветовали имъ раздѣлиться. Раздѣлъ былъ совершенъ опять-таки при участіи тѣхъ же стариковъ, распредѣлившихъ достояніе семьи по-божески, никого не обидѣвъ. Однако Леонтію, какъ самому младшему и малосемейному, — у него былъ всего одинъ сынъ, — досталось меньше братьевъ, и онъ считался бѣднякомъ. Большаеъ Василій далъ ему денегъ на постройку избы, полтора десятка лошадей, восемь штукъ рогатаго скота и пятьдесятъ овецъ. Обидѣлъ Василій Леонтія и пашней, отвелъ ему на косогорѣ. Въ то время, какъ Аронъ горячо отстаивалъ свои интересы и получилъ все, что считалъ въ правѣ получить изъ общаго достоянія семьи, добродушный, относившійся съ большимъ почтеніемъ къ старшему брату Леонтію удовольствовался полученнымъ безъ спора.

Впрочемъ, первое время Василій помогалъ брату. Не имѣя наличныхъ денегъ на наемъ работника, Леонтію самъ не поднѣялъ бы громадную, въ тридцать съ лишнимъ сибирскихъ десятинъ пашню, и Василій „занялъ“ ему денегъ, а иногда посылалъ ему на помощь своихъ „ребятъ“, двухъ рослыхъ и здоровыхъ парней, — Левку и Ефиму. Въ сѣнокосъ и жнитво Василій парней не отпускалъ, посылалъ одну только дѣвку, такую же рослую и здоровую, какъ и ея братья.

Ребята съ удовольствіемъ помогали дядѣ, у котораго все время помощи и проживали, и въ домѣ котораго они чувствовали себя гораздо свободнѣе, чѣмъ въ родномъ домѣ, подъ вѣчнымъ надзоромъ строгаго и требовательнаго отца. Добродушные дядя Левонтію и тетка Настасья такъ искренно были признательны племянамъ за ихъ помощь, что тѣ работали на нихъ изо всѣхъ силъ.

Черезъ два года, послѣ отдѣла отъ старшаго брата, Леонтію уже окончательно оправился: прикупилъ еще нѣсколько лошадей, нанялъ работника и уже имѣлъ въ запасѣ нѣсколько тысячъ пудовъ хлѣба, котораго рѣшилъ не продавать, а выжидать „случая“, т.-е. повышенія цѣны. Ко времени прибытія Кормановъ Леонтію уже считался „средственнымъ мужикомъ“, т.-е. человекомъ небогатымъ, но вполне обеспеченнымъ, какъ и большин-

ство крестьянъ села Тюменцевскаго, среди которыхъ бѣдноты вообщее не было.

На селѣ Леонтія, за его добродушіе, уважали искренно и, пожалуй, больше, чѣмъ большака, который слылъ за богача, и котораго, поэтому, называли не просто дядя Василій, а Василій Григорьичъ. Средній братъ не пользовался такимъ расположеніемъ, хотя говорили, что онъ еще богаче старшаго брата. Причина тому была та, что онъ, слабосильный и больной, самъ пашней не занимался, а предоставилъ это двумъ своимъ сыновьямъ, нанявъ имъ въ помощь нѣсколькихъ работниковъ. Кромѣ того, Аронъ сдѣлался „купцомъ“, т.-е. открылъ лавочку, и старики вкрайне не одобряли его.

— Ты что-жь это, Аронъ Григорьичъ, въ купцы записался? На легкіе хлѣбы сѣлъ?—говаривали ему старики.

— Что-жь такъ-то безъ дѣла сидѣть? Хворь одолѣла. Даве, вонъ, по сѣно поѣхалъ, такъ и назадъ ворочаться пришлось; ломить спину и—шашашъ. Ужь что и дѣлать, не знаю,—оправдывался Аронъ, но его оправданія въ резонъ не принимались.

— Должно, знаешь, что лавочку, вотъ, открылъ. Что тебѣ—кормиться нечѣмъ стало, что-ли? Всталъ бы повойничекъ Григорій, посмотрѣлъ бы на тебя,—небось, узналъ бы, что дѣлать. А то, эвона! — лавочку отерылъ; еще, можетъ, и питейное откроешь? одно уже въ одному,—корили старики.

— Ну, ужъ питейное! Это зачѣмъ же?—бормоталъ свонфу-женно Аронъ.

— А кто тебя знаетъ? Ишь тебя на легкіе хлѣбы потянуло.

— Хоть бы ты, Василій Григорьичъ, брату поговорилъ,—срамъ вѣдь одинъ! Что онъ, поселюга что-ли, чтобы въ лавочкѣ сидѣть?—обращались къ большаку старики.

Василій и самъ былъ вкрайне скандализованъ затѣей брата, съ которымъ по этому поводу даже ссорился, но ничего не могъ съ нимъ сдѣлать. На обращенія стариковъ онъ только отмахивался недовольно. Въ сущности, и самъ Василій, и кормившіе Арона старики были тоже „купцами“; они всѣ занимались продажей хлѣба, покупая другъ у друга и перепродавая на заводы и горожанамъ, но эта купля-продажа не считалась зазорною. Тѣмъ не менѣе, открытая Арономъ лавочка работала на славу. Подоставшихъ сыновей своихъ, которыхъ всѣхъ у него было пятеро, онъ уже приучалъ къ „торговлѣ“, чѣмъ окончательно уронилъ себя въ глазахъ однодеревенцевъ, съ презрѣніемъ прозванныхъ его Аронкой. Отъ общественныхъ дѣлъ Аронъ совершенно

отсталъ, и если, бывало, онъ являлся на сходку, его встрѣчали удивленными либо насмѣшливыми возгласами.

— Глянь-ка, ребята, кто пришелъ! А, купецъ! съ какимъ товаромъ пожаловалъ? Дорого, смотри, не бери, все-же знакомые...

Аронъ пересталъ являться на сходки, въ противоположность своимъ братьямъ, изъ которыхъ Василій пользовался громаднымъ вліяніемъ на мірскія рѣшенія, отчасти по своему богатству, но всего больше потому, что слылъ за „серьезнаго мужика“, т.-е. умнаго, хорошо знающаго деревенскія дѣла и крайне заинтересованнаго въ правильномъ рѣшеніи ихъ. Если Василій не оказывался на сходкѣ, за нимъ командировали нарочнаго, и онъ немедленно являлся, и сейчасъ же его глухой, осипшій голосъ смѣшивался съ общимъ гамомъ спорившихъ стариковъ.

Леонтій активнаго участія въ рѣшеніи мірскихъ дѣлъ не принималъ, но на сходки являлся исправно и всегда вотировалъ согласно съ мнѣніемъ брата, котораго онъ продолжалъ, — несмотря на то, что жилъ самостоятельно и независимо отъ него, — уважать какъ большака, и въ глаза, и за глаза называя его: „братецъ Василь-Григорычъ“.

Национальность братьевъ никакой роли въ глазахъ деревни не играла. Вѣрнѣе, о томъ, что Винеры евреи, никто и не думалъ. Одинъ былъ справный мужикъ Василь-Григорычъ, другой — мужикъ средственнй дядя Леонтій. Не только Леонтія, не имѣвшему недоброжелателей за свое добродушіе, мирный нравъ и адское трудолюбіе, но даже Василю, у котораго были враги, особенно среди богатѣевъ, никогда не попрекали и не указывали ему на его еврейство. Если случалось Василю совершить какую-нибудь ловкую, не безъ доли лукавства или прижимки, операцію съ хлѣбомъ, выгодно купить или продать, то это ему въ упрекъ не ставилось, — наоборотъ, проникались еще большимъ уваженіемъ къ „сурьезности“, т.-е., къ уму „Василь-Григорыча“.

По наружности также ничто не говорило о національности братьевъ. Одѣвались они какъ всѣ, рѣчь была чисто русская, вѣрнѣе — сибирская. Такъ же одинаковы были и распорядки ихъ домовъ, и весь укладъ ихъ жизни. Какъ у Василю, такъ и у Леонтія были однообразные съ другими высокіе дома, дѣлившіеся на двѣ половины: чистую, состоящую изъ одной большой комнаты, и обыкновенную. Первая служила для приѣма гостей въ большіе праздники, во второй жили круглый годъ. Чистота въ обѣихъ половинахъ была образцовая, но она совсѣмъ не была исключеніемъ, — чистота для дома сибиряка обязательна. Стѣны вымазаны,

полы сплошь устланы „половниками“ — узенькими дорожками изъ разноцвѣтныхъ доскутковъ. Эти же половики покрываютъ и желѣзные сундуки, въ которыхъ хранится „лопатина“ семьи. Деревянные, окрашенные въ буро-красный цвѣтъ скамьи тянутся вдоль двухъ стѣнъ; возлѣ остальныхъ стоятъ также крашенные табуреты. Въ углу, противоположномъ красному, — гдѣ обыкновенно помѣщается громадный столъ, накрытый синей крестьянской скатертью, — стоитъ большая кровать съ цѣлой горой подушекъ, застланная одѣяломъ, составленнымъ изъ доскутковъ всевозможныхъ цвѣтовъ и матерій, отъ ситца до бархата включительно. Кровать накрыта ситцевой занавѣсью отъ подполка до полу. Это — обычное убранство комнаты сибирскаго крестьянина, и когда къ дядѣ Левонтію или къ Василь-Григоричу являлись сосѣди, они чувствовали себя какъ дома. Только незнакомые, не знающіе братьевъ, входя въ „горницу“, долго вертѣли головой во всѣ стороны и, прежде чѣмъ „поздороваться“, спрашивали:

— А гдѣ у васъ Богъ-отъ? Что-то не найду.

— Мы евреи, — отвѣтитъ дядя Левонтій или тетка Настасья.

— А-а! То-то! — удовлетворится тотъ, перекрестится „безъ Бога“ и потомъ уже скажетъ: — Ну, здравствуйте!

Что касается повседневной работы и занятій, то оба брата дѣлали все то и совершенно такъ же, что и какъ дѣлала вся деревня. Они были два типичныхъ сибирскихъ крестьянина хлѣбопашца, жили и интересовались исключительно землей, считая другой трудъ либо пустымъ, либо зазорнымъ занятіемъ. Внутреннія отношенія членовъ семьи опять-таки были чисто крестьянскія, сибирскія. Всѣ подчинялись старшему, безконтрольно распоряжавшемуся не только имуществомъ, но и судьбою своихъ чадъ и домочадцевъ. Большое вліяніе на домашнія дѣла имѣли и женщины, пользующіяся у сибиряковъ большимъ уваженіемъ, и безъ совѣта съ которыми они не предпринимали ни одного дѣла, но именно только женщины, „бабы“, жены или матери. Дѣвки же абсолютно устранялись не только отъ общихъ семейныхъ, но и своихъ личныхъ дѣлъ. Ихъ „пропиваютъ“ безъ спроса за „парней“, вравящихся старикамъ, нисколько не интересующимъ, нравятся ли парень пропиваемой.

Но если сибирскіе евреи не сохранили никакихъ національныхъ чертъ, если по наружности, по внутреннимъ распорядкамъ, по укладу жизни они вполне слились съ сибиряками, то въ смыслѣ вѣроисповѣдномъ они являлись самыми правовѣрными евреями. Въ самое горячее время и какъ бы къ спѣху ни было,

Леонтій Винеръ не выѣзжалъ изъ дому, или, если бывалъ на пашнѣ, не принимался за работу, не прочитавъ всѣхъ утреннихъ молитвъ. Талеса онъ при этомъ не надѣвалъ, а если при этомъ бывалъ „рассейскій“, то наивно объяснялъ ему:

— Ужъ больно хорошъ талесъ, съ серебромъ. Поди, Богу-то все равно, что въ талесѣ, что безъ.

„Рассейскій“ иногда соглашался, иногда сомнительно качалъ головой.

— Ну? — испуганно говорилъ въ послѣднемъ случаѣ Леонтій. — Что же дѣлать-то? Выписать развѣ какой дешевенькій. Говорю тебѣ, ужъ больно хорошъ талесъ-то, только бы для праздниковъ... А все она виновата, — показывалъ онъ при этомъ на жену. — Говорилъ ей, — не портъ старый, пригодился бы, вотъ, на будни; а она взяла, да на одѣялко Гринькѣ и изрѣзала! — жаловался онъ, а тетка Настасья при этомъ страшно конфузилась.

Молитвы Леонтій читалъ нараспѣвъ, раскачиваясь и однимъ тономъ, вода толстымъ пальцемъ по молитвеннику, но не понимая ни слова изъ читаемаго. Въ дѣтствѣ его выучили еврейской азбуки, но не сочли нужнымъ обучить переводу съ древнееврейскаго на жаргонъ, и онъ молился съ одинаковымъ чувствомъ, читалъ ли что-либо торжественное, или же о порядкѣ приношенія жертвъ въ древнемъ храмѣ. Тетка Настасья всегда съ удовольствіемъ прислушивалась, какъ молится супругъ, и при этомъ тяжко вздыхала.

Въ пятницу, задолго до захода солнца, Леонтій бросалъ работу, подметалъ дворъ и затѣмъ отправлялся въ баню. Вернувшись, онъ усаживался пить чай и все торопилъ жену:

— Кончай, смотри, скорѣй! Сейчасъ звѣзда будетъ.

Тетка Настасья бросала тревожный взглядъ на залитый солнцемъ дворъ и удваивала энергію. У нея было много работы — заготовить пищу на два дня. Въ субботу печь не топилась.

Тетка Настасья не только кончала все „до звѣзды“, но успѣвала и сама въ баню сбѣгать. Послѣ этого супруги франтились. Она надѣвала яркихъ цвѣтовъ ситцевое платье, онъ облекался въ красную рубаху и синюю поддеву. Гриньку командировали смотрѣть „звѣзду“.

— Есть, тятъка, есть! Эвона! — радостно выкрикивалъ Гринька. Тетка Настасья сейчасъ же зажигала свѣчи и благословляла ихъ, закрывъ лицо ладонями рукъ. Мужъ, важно заложивъ руки за спину, смотрѣлъ, какъ молится „баба“.

— Тятка! ты безъ шапки!—иногда выкрикивалъ Гринька, неизмѣнно присутствовавшій при обрядѣ благословенія свѣчей.

Тятка испуганно хватался за голову и бросался за шапкой. Тетка Настасья, не переставая шептать молитвы, укоризненно качала головой.

— Спасибо тебѣ, Господи, за святую субботу!—кончала всегда тетка Настасья свою молитву. Эту фразу она случайно подслушала у одной благочестивой „рассейской“ еврейки и считала поэтому обязательной для себя.

— Аминь!—отливался мужъ. Это онъ уже импровизировалъ. Послѣ этого супруги выходили за ворота, усаживались на деревянный обрубокъ и смотрѣли на улицу, дожидаясь, когда совсѣмъ стемнѣетъ. Проходившіе мимо мужики здоровались съ ними и неизмѣнно справлялись:

— Шабашуешь, дядя Левонтій?

— Ну,—говорилъ тотъ.

— А тетка Настасья нынче рано управилась, до звѣзды; молодецъ она у тебя!—хвалили мужики, хорошо знавшіе громадное значеніе звѣзды для начала субботы. Тетка Настасья конфузилась отъ похвалы себѣ и застѣнчиво закрывала лицо.

Когда сумерки совсѣмъ сгущались, Леонтій возвращался въ домъ и, усѣвшись за столъ, открывалъ свой молитвенникъ и читалъ субботнюю молитву, окончивъ которую и подождая, пока вернувшіеся съ поля работники управлялись со скотиной, вся семья вмѣстѣ съ работниками ужинала и сейчасъ же отправлялась на повои.

Въ будни тетка Настасья вставала раньше мужа; въ субботу же онъ поднимался, не будя жены, и отправлялся по хозяйству. Снаряжалъ и отправлялъ работника.

Потомъ шелъ за теткой Агаѳею, которая „по сосѣдски“ не отказывалась донть коровъ. Сосѣдка Агаѳья иногда шла сама, иногда посылала „дѣвку“ свою. Она знала, что Настасья въ субботу донть коровъ нельзя, ибо это—тяжкій грѣхъ. Тѣмъ временемъ вставала и Настасья. Пили чай, потомъ опять облакались во вчерашнее праздничное платье, прибавивъ къ нему—тетка Настасья яркій платочекъ на шею, а Леонтій—новенькія блестящія галоши, въ которыхъ и щеголялъ весь день, безразлично лѣтомъ и зимою, въ знойный или ненастный день. Въ послѣднемъ случаѣ онъ избѣгалъ выходить на улицу, чтобы не запачкать галошъ.

Часовъ въ восемь Настасья доставала изъ сундука талесъ и торжественно подавала его мужу. Тотъ съ едва скрывающимся

восхищеніемъ развѣтывалъ дорогой талесъ и, полюбовавшись на блестящую серебряную отдѣлку, облекался въ него и снова принимался за молитвы. Обѣдали въ субботу рано и сейчасъ укладывались спать. Снова пили чай, послѣ котораго Леонтій принимался за псалтирь. Такъ какъ читалъ онъ его сравнительно рѣдко и по порядку, то псалмы были ему плохо знакомы. Онъ по нѣскольку разъ повторялъ каждое слово, а особенно трудныя повторялъ по десятку разъ и все при этомъ качалъ сомнительно головой, самъ не зная, правильно произносить или нѣтъ. Онъ обливался потомъ, но старательно читалъ, а жена сидѣла напротивъ и все тяжело вздыхала, особенно при трудныхъ словахъ.

Послѣ этого шли въ гости, все больше къ „братцу Василь-Григорьичу“. Другого брата, Арона, Леонтій посѣщалъ рѣдко. Василій считался мудрымъ, ибо онъ умѣлъ не только читать по-еврейски, но даже съ грѣхомъ пополамъ объяснять читаемое. Объяснялъ по-русски, такъ какъ на жаргонѣ не находилъ подходящихъ выраженій. Леонтій съ благоговѣніемъ слушалъ поясненія Василя и проникался еще большимъ уваженіемъ къ мудрому и ученому брату.

IV.

Съ ранней весны до поздней осени всѣ три брата и ихъ семья не ѣдали мяса. Не потому, что его не было, или изъ скупости, а потому, что не было мяса кошернаго. Шойхетъ ¹⁾ жилъ далеко, за пятьсотъ верстъ отъ села Тюменцевскаго, и некому было колоть свотину. Все лѣто, несмотря на тяжкую работу, питались исключительно молочными продуктами, благо послѣднихъ было въ изобиліи, да рыбой. Зато осенью, когда наступала пора „забойки“ ²⁾, братья дѣлали складчину и выписывали шойхета. Обходилось это очень недешево. Кромѣ вознагражденія, оплачивался и проѣздъ туда и обратно шойхета, такъ что на долю одного Леонтія, который, какъ малосемейный, участвовалъ въ расходахъ въ меньшемъ размѣрѣ, падала довольно большая для крестьянскаго бюджета сумма въ сорокъ-пятьдесятъ рублей ежегодно. Зато мяса заготавливали столько, что когда наступало тепло, его приходилось, какъ порченное, выбрасывать.

¹⁾ Лидо, специально изучившее законы рѣзки скота.

²⁾ Сибирскіе крестьяне, при наступленіи холоднаго времени, готовятъ себѣ мясо на цѣлую зиму заразъ. Каждая семья бьетъ нѣсколько скотинъ, мясо солится и сохраняется до весны. Пора эта называется „забойкой“.

— Чтò, дядя Левонтій, попортилось мясо-то?—говорили мужики.

— Попортилось, язви его! Ужъ какъ солилъ!

— Тепло, оттого. Теперь, значить, у тебя постъ. Опять до осени безъ мяса.

— Ну, ничего не подѣлаешь.

— Извѣстно. Коли нельзя—чего подѣлаешь?—соглашались мужики.

Зная, что „нельзя“, мужики, приходившіе въ гости къ братьямъ, не обижались, если ихъ „не подчивали“ мясомъ.

— Ужъ не обезсудьте. Мясa-то у насъ нѣтъ.

— На вотъ, чего обижаться! Чай, и самимъ-то не сладко безъ мяса.

— Какое тамъ сладко! Просто ужъ заскучали. Вотъ уже осенью заготовимъ.

— Опять выписывать будете? Дорого, поди, стойтъ?

— Охъ, какъ дорого, просто бѣды! А ничего не подѣлаешь.

Зато, когда Леонтій приходилъ въ гости къ мужикамъ, его тоже мясомъ не подчивали.

— Ужъ мы тебѣ, Григорьичъ, мяса-то не тово... знаемъ, что нельзя. Развѣ курятины вотъ, поди, можно?

— Покорнице благодарю, никакъ невозможно.

— Ну, такъ рыбки пожалуйте, а то шанежку съ черемухой. А отчего это, скажи на милость, Григорьичъ, нельзя? Примѣрно, вотъ, курица, али, скажемъ, цыпленокъ, какъ ты его ни зарѣжь все единственно цыпленкомъ будетъ,—резонерствовалъ радушный хозяинъ.

— А это, вишь ты, надо безпремѣнно, чтобы такой человекъ рѣзалъ, который, значить, тово... шойхеть... который по книгамъ знаетъ,—объяснялъ Леонтій.

— А-а! Ученый, значить,—догадывался резонеръ.

— Ну, акромя того, старики наши такъ дѣлывали, а намъ чего же? Связано: нельзя—ну, и нельзя,—добавлялъ Леонтій, чувствуя, что первое объясненіе мало убѣдительно.

Ссылка на стариковъ рѣшала вопросъ до того радикально, что Леонтію и его женѣ подносили угощенье не на тарелкахъ, которыя считались трэфными, а на нейтральныхъ чайныхъ блюдахъ, причемъ если увлекшійся разговоромъ Леонтій нечаянно клалъ кусокъ на тарелку, то замѣтившій это хозяинъ или хозяйка съ искреннимъ испугомъ кричали:

— Стой, стой, стой, Григорьичъ! на тарелку положишь.

Григорьичъ еще больше пугался, а хозяинъ продолжалъ:

— Брось, брось, кусокъ-оть, возьми другой!

Съ теткой Настасьей такихъ прорухъ не случалось. Бывая въ гостяхъ, она ѣла съ большимъ выборомъ, и бабы на нее не обижались, зная, что „скинется“ она не потому, что брезгаетъ, а потому, что „законъ у нея такой“.

Въ гости ходили и гостей принимали только въ большіе праздники, которые праздновались деревней и братьями особенно торжественно. Круглый годъ заходили или принимали „пососѣдски“, пили неизмѣнный чай съ прикусой; въ праздники же Рождества и Пасхи Винеры дѣлали визиты официальные всѣмъ многочисленнымъ знакомымъ. Точно также эти знакомые считали обязанностью „проздравить“ Василь-Григорьяча и дядю Леонтія съ еврейской пасхой и осенними праздниками Нового года и кущей. Нейтральнымъ праздникомъ была масляница съ неизбѣжными блинами. Самыми торжественными, особенно чтимыми праздниками были осенніе—Новый годъ, судный день и кущи.

Къ этимъ праздникамъ въ Тюменцевское съѣзжались многіе родственники, знакомые и незнакомые Винеровъ изъ смежныхъ деревень. Въ общей сложности собиралось больше полсотни душъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей; всѣ размѣщались у братьевъ и жили у нихъ до окончанія праздниковъ, т.-е., чуть ли не мѣсяцъ. Больше остальныхъ ютиль у себя Василій, у котораго и помещенія было больше, и который, вообще, какъ большакъ, пользовался почетомъ, и гости считали долгомъ не отказываться отъ его приглашенія „погостить“.

— Чтой-то вы, братецъ, Василій Григорьячъ, всѣхъ гостей себѣ забираете?—обижались другіе братья, и тоже на перебой просили „погостить“. И гости жилали цѣлый мѣсяцъ. Открывались чистыя половины, и тамъ располагались семьи прибывшихъ, все равно—знакомые или незнакомые. Послѣднимъ даже оказывалось больше вниманія, за ними усиленно ухаживали.

Особенно много работы доставляли осенніе праздники и съѣздъ въ Тюменцевское евреевъ смежныхъ деревень— „бабамъ“. Не легко было принять столько гостей, цѣлый мѣсяцъ ухаживать за ними, да еще ухаживать такъ, чтобы, храни Господь, „не обезсудили“, не обвинили въ скупости или негостепримствѣ,—и женщины выбивались изъ силъ, стараясь угодить. Онѣ поднимались далеко до свѣту и до поздней ночи работали, какъ каторжныя, варили, пекли, ставили самовары. Если какая-нибудь гостья желала помочь хозяйкѣ въ ея адскомъ трудѣ,—та энергично протестовала:

— На вотъ! что это вы, кумушка, Господь съ вами! Гости прѣехали, а работой себя неволить будете. Нѣтъ ужъ, не обижайте! — И кумушки не обижали, и продолжали жить на всемъ готовомъ.

Мужчины по праздникамъ молились, принимали гостей, но едва наступалъ вечеръ будней — сейчасъ же отправлялись на пашни, гдѣ шла самая горячая осенняя работа по уборкѣ хлѣба съ поля.

Молились въ домѣ Василя, которому остался при раздѣлѣ съ братьями маленькій свитокъ Пятикнижія. Святѣя содержалась въ большомъ почетѣ. Въ одной изъ двухъ комнатъ чистой половины дома былъ сооруженъ особый ящичекъ, въ которомъ Пятикнижіе сохранялось въ теченіе круглаго года. Обѣ эти комнаты въ большіе праздники превращались въ синагогу. Въ первой молились женщины, во второй, большой — мужчины.

Россійскіе евреи, впервые посѣщавшіе Винеровъ въ эти дни моленій, посмотрѣвъ на составъ молящихся, приходили въ ужасъ. Высокіе, коренастые, съ загрубѣлыми и загорѣлыми лицами, одѣтые въ синія поддѣвки, поверхъ красныхъ рубахъ навывпускъ, съ большими бобровыми шапками на головахъ — сибиряки такъ мало походили на своихъ Россійскихъ единовѣрцевъ. Разнились они и въ формѣ моленій. Въ то время, какъ Россійскіе евреи, понимая смыслъ молитвъ, относились къ нимъ сообразно ихъ внутреннему содержанію, т. е. далеко не съ одинаковымъ вниманіемъ, многихъ изъ нихъ совершенно не читая, — сибиряки, разложивъ предъ собой молитвенники, читали все безъ разбора, искренно сокрушаясь лишь о томъ, что не могутъ поспѣть за канторомъ, Россійскимъ евреемъ, легко и свободно произносящимъ эти трудныя, непонятныя, но священныя слова молитвъ.

Еще съ большимъ усердіемъ молились женщины. Вѣрнѣе, онѣ не молились, а плавали самыми горькими и искренними слезами.

— Ну, что вы, бабы, зря плачете? — проходя черезъ бабью половину синагоги, урезонивалъ какой-нибудь дядя Левонтій или дядя Захаръ. — Совсѣмъ тутъ плакать не полагается. Вотъ ужъ, какъ завидите, что всѣ встали, ну, тогда и плавать надо, а теперь совсѣмъ понапрасну, — съ видомъ знатока пояснялъ онъ. Но бабы ему не вѣрили и продолжали плакать.

Зато тамъ, „гдѣ полагается“, эти коренастые, загрубѣлые мужики плакали такъ же горько и такъ же искренно, какъ и „бабы“ ихъ; особенно много слезъ проливалось при чтеніи покаянной молитвы, сопровождающейся ударами въ грудь. Случа-

лось, впрочемъ, и такъ, что во время самой торжественной молитвы вдругъ раздастся сильный голосъ Василь-Григорьяча, — голосъ; покрывающій и кантора, и шумъ молящихся:

— Лёвка! Сважи-ка дѣвкамъ телятъ загнать; вышли вонъ, разбредутся—и не найдешь.—Это Василь-Григорьячъ увидаль черезъ окно вышедшихъ со двора телятъ и распорядился по хозяйству.

Или дядя Леонтій вдругъ нагнется къ сосѣду:

— Ахти мнѣ! Рыжка-то у меня все на выстойкѣ стоять. Давно бы спустить надо. И куда это Гринька дѣвался?

Леонтій выбѣгалъ, отыскивалъ Гриньку и, распорядившись, возвращался и принимался снова за молитвенникъ.

Во время чтенія торы, когда російскіе евреи дѣлали перерывъ, выходили въ большія сѣни и болтали о разныхъ разностяхъ, сибиряки оставались на мѣстахъ, напряженно прислушиваясь къ монотонному чтенію.

— Леонтій Григорьячъ! тебя зовутъ!—вдругъ раздается предупредительный возгласъ.—Леонтій до того привыкъ къ тому, что онъ—Григорьячъ или дядя Леонтій, что совершенно не обратилъ вниманія на еврейское имя, произнесенное притомъ скороговоркой чтецомъ, вызывающимъ его къ торѣ. Леонтій нерѣшительно поднимается и по-русски спрашиваетъ чтеца:

— Меня, что-ль?

И только послѣ того, какъ чтецъ кивкомъ головы подтвердитъ, онъ идетъ къ столу, благоговѣнно прикладываетъ къ торѣ и по молитвеннику читаетъ благословеніе.

Цѣлый день въ импровизированную синагогу заходятъ группами мужики. Они на цыпочкахъ пробираются черезъ „бабью половину“ и, остановившись въ дверяхъ, внимательно и серьезно наблюдаютъ, а выходя—дѣлятся впечатлѣніями.

— Хорошо молятся,—одобрительно отзывается одинъ.

— Что-жь, такъ и слѣдуетъ; каждый, значить, по-своему.

— А бабы-то, бабы какъ плачутъ, страсть!—говоритъ третій и, придя домой, обращается къ своей женѣ:

— Подь-ка, Митревна, посмотри, какъ у Василь-Григорьяча молятся. Бабы плачутъ, страсть! Настасья Абрамовна такъ и разливается.

— Ну-у!—съ живѣйшимъ любопытствомъ отзывается Митревна и, накинувъ на голову платокъ, бѣжитъ смотрѣть. Она также входитъ на цыпочкахъ, но только въ женскую половину, останавливается у косяка и, глядя, какъ горько и искренно

„разливаются бабы“, у Митревны самой слезы навертываются на глаза.

Само собой, что въ грозный судный день всѣ—мужчины, женщины и даже „дѣвки“—постничаютъ самымъ строгимъ образомъ, т.-е. отъ звѣзды до звѣзды не позволяя себѣ даже глотка воды. Зато разговляются шумно. Двѣ-три рюмки водки, выпитыя на тощакъ, дѣйствуютъ быстро, и въ многочисленномъ обществѣ царить самое непосредственное и искреннее веселье, прерываемое изрѣдка грубыми и добродушными шутками мужиковъ надъ „бабами“ и непрерывнымъ пристаиваніемъ къ гостямъ то хозяйна, то хозяйки—„выкушать“.

Разговѣвшись у Василья, шли къ Арону, затѣмъ къ Леонтію, потомъ снова возвращались къ Василью и уже тамъ заканчивали вечеръ. Василь-Григорьичъ затягивалъ какую-нибудь русскую пѣсню; подхватывали его парни, затѣмъ болѣе солидные мужики, наконецъ и женщины присоединяли свои пискливые голоса. Пѣсня смѣняется пѣсней, привлекая неспящихъ еще мужиковъ, которыхъ хозяйинъ, давшій тонъ веселью, радушно встрѣчаетъ, угощаетъ, и тѣ, изрядно „продравивъ“ съ праздникомъ, присоединяются къ общему веселью.

А на утро, чуть свѣтъ, Василь-Григорьичъ, босой и въ одной рубашкѣ, стоялъ уже на покрытомъ ивеемъ крыльцѣ, торопилъ своихъ парней и работниковъ на пашню. Парни, плохо проспавшіеся, двигались медленно, а это сердило хозяина.

— Да чтò вы, язви васъ, копаетесь тамъ? Смотри, вонъ, уже солнышко, а они еще со двора не выѣхали! Все бы вамъ пѣсни играть да съ дѣвками возиться!—кричалъ онъ.

Парни, не возражая на брань, выѣзжали со двора, крикнувъ:
— Ворота запри!

Василь-Григорьичъ шелъ босой по ивею, закрывалъ ворота и, воротившись въ кухню, гдѣ его, еще раньше вставшая, „баба“ возилась у печи, говорилъ:

— А гдѣ Оенька-то? Спать еще?

— Спать, пускай. Вчера поздно легла, посуды звонъ сколько!—и она показываетъ на цѣлыя горы столовой и чайной посуды, служившей вчера для угощенья и, несмотря на поздній часъ, въ который послѣднее кончилось, прибранной, вычищенной и поставленной на обычномъ мѣстѣ.—Пускай поспитъ еще!—заканчивала жена.

— Пускай поспитъ!—сердится мужъ.—Скотина, вонъ, загонъ разносить, Дарьѣ одной не управиться. А то, смотри, гости начнутъ вставать, самоваръ надо.

— Еще молиться будете, успѣете самоварь-отъ,—говорить мать, которой жалко будить уставшую дочь. Но Василь-Григорьячъ неумолимъ:

— Да что молиться, что молиться!—кричитъ онъ.—Долго ли? Сегодня, поди, не праздникъ, скоро. Оенька! вставай!

Появляется заспанная Оенька и командирруется на помощь работницѣ Дарьѣ. Успокоившись, Василь-Григорьячъ моется, обертываетъ ноги громадными онучами, одѣваетъ сапоги и садится читать псалтирь.

• Читаетъ онъ долго, пока всѣ гости просыпаются. Сообща помолвившись, пьютъ чай. Только послѣ этого Василь-Григорьячъ закладываетъ лошадь и, захвативъ „харчи“, ѣдетъ на пашню къ работникамъ и парнямъ, откуда всѣ возвращаются уже поздно ночью.

Кончились еврейскіе праздники и начались обычные, крестьянскіе, рабочіе будни.

II. Хотымскій.

МОЯ ЖИЗНЬ

и

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

1832—1884 гг.

Воспоминанія и замѣтки.

X *).

Вступленіе мое въ совѣтъ.—Назначеніе генераль-губернаторомъ Анненкова.—Польскія банды въ окрестностяхъ Кіева.—Университетскій уставъ 1863 года.—Приватъ-доцентъ.—Шульгинское дѣло.—Оставленіе ректорства Иванишевичемъ.

18-го января 1863 года я въ первый разъ засѣдалъ въ университетскомъ совѣтѣ. Наконецъ, и я въ этомъ сонмѣ университетскихъ „сенаторовъ“, гдѣ скоро я замѣтилъ и смѣлыхъ вожаковъ, и робкихъ молчаливыхъ. Всѣхъ членовъ совѣта было тогда не болѣе тридцати человѣкъ, изъ которыхъ въ засѣданія являлись человѣкъ не болѣе двадцати-пяти. Нашъ ректоръ Иванишевъ былъ человѣкъ очень умный, и я не сомнѣваюсь, что онъ могъ бы прекрасно вести совѣтскія засѣданія, но на дѣлѣ выходило иначе. Дѣло дошло до того, что по порученію совѣта въ 1864 г. я внесъ записку о правѣ предсѣдателя руководить совѣтскими преніями и о предѣлахъ этихъ преній. Пренія бы-

---

*) См. выше: апр., 527 стр.

вали дѣйствительно безконечными; Иванишевъ терялся, и дѣло не разяснялось, а только запутывалось. Все это происходило отъ того, какъ мнѣ кажется, что его никогда не покидала мысль объ оппозиціи, всегда стоящей за нимъ и зорко слѣдящей за каждымъ его шагомъ. Эти опасенія оппозиціи отравляли все его ректорство и, можетъ быть, были одной изъ причинъ его перехода на службу въ Варшаву. Контингентъ оппозиціи составляли мы, совѣтскіе юнцы, въ которымъ отъ времени до времени приставали и нѣкоторые старшіе члены совѣта. Извѣстна была шутка Иванишева: „я похожъ на Сатурна, и отличаюсь отъ него только тѣмъ, что тотъ поѣдалъ своихъ дѣтей, а меня поѣдаютъ мои“. Оппозиція, въ самомъ дѣлѣ, была неугомонная, и старалась обратить въ смѣшную сторону всякое предложеніе ректора, какъ бы симпатично оно ни было. Я помню, напримѣръ, какъ было осмѣяно весьма хорошее предложеніе ректора организовать постоянныя публичныя лекціи, въ которымъ кievская публика показывала несомнѣнный интересъ. Мы, совѣтскіе юнцы, многимъ обязанные Иванишеву, перешли на сторону оппозиціи, на знамени которой читалось: „прогрессъ“. Демченко, Сидоренко, Рененкампфъ, я, а по возвращеніи изъ-за границы и Цѣхановецкій, составили сплоченную солидарную группу, всегда готовую откликнуться на вызовъ оппозиціи. Таково было впечатлѣніе, которое на меня произвелъ сонъ университетскихъ „сенаторовъ“, когда я самъ сдѣлался его членомъ. Но тѣмъ не менѣе онъ вліялъ на меня, и я былъ робкимъ молчальникомъ. Даже когда обсуждался въ совѣтѣ вопросъ о судьбахъ вѣжинскаго лицея, я ничего не сказалъ въ защиту этого почтеннаго заведенія, заслуги котораго были мнѣ хорошо извѣстны и которое слѣдовало бы не упразднить, а сохранить.

Настроеніе совѣта въ 1863 г. обуславливалось политическими причинами: начиналось польское повстаніе.

Осенью 1862 года, отъ крупознаго воспаленія легкихъ, умеръ генераль-губернаторъ князь Васильчиковъ, ровно десять лѣтъ правившій краемъ. Убѣжденный аристократъ, князь Васильчиковъ былъ истиннымъ антиподомъ демократа Бибикова: если послѣдній заботился объ интересахъ крестьянъ, то главной заботой перваго было оберегать интересы мѣстнаго дворянства. Подъ охраной такой политики зрѣла мысль о возстановленіи Рѣчи Посполитой въ самыхъ стародавнихъ предѣлахъ: готовились нужные военные припасы для вооруженнаго возстанія. Преемникомъ князя Васильчикова былъ назначенъ дряхлый и неопытный въ дѣлахъ края, совершенно ему незнакомаго, Авненковъ. вмѣсто полнаго энергіи

и свѣдѣній, какимъ долженъ былъ быть администраторъ края, назначается немощный старикъ, кажется, прежде стоявшій во главѣ государственнаго контроля, но совершенно не вѣдавшій особенностей западно-русской окраины. Тѣмъ легче было готовить въ Киевѣ повстанье при такомъ администраторѣ: собиралось оружіе, созывались повстанцы, изъ которыхъ формировались то пѣшіе, то конные отряды. Университетскій берейторъ Ольшанскій въ своемъ манежѣ образовалъ кавалерійскую школу и, по данному сигналу, выступилъ во главѣ ея изъ Кіева. Въ концѣ апрѣля разнеслась вѣсть, что въ окрестностяхъ Кіева идетъ война польскихъ повстанцевъ съ русскими войсками. Производился тогда экзаменъ изъ католическаго богословія, на который были назначены, по обычаю, отъ факультетовъ депутаты: я — отъ юридическаго. Хорошо помню озадаченнаго преподавателя римско-католическаго богословія, есендза Добшевича, которому пришлось экзаменовывать только нѣсколькихъ человѣкъ, такъ какъ другіе его слушатели были въ бандахъ. Пришелъ я съ этого экзамена домой и сѣлъ обѣдать. Является знакомый студентъ Тарновскій, предлагая поѣхать въ Бородянку, посмотреть на войну поляковъ съ русскими. Я, конечно, отъ этой прогулки отказался, но Тарновскій, въ сопровожденіи Жевакова, бывшаго впоследствии правителемъ канцеляріи попечителя, и другихъ товарищей, поѣхалъ-таки въ Бородянку — и дорого за это заплатился: его съ товарищами приняли за польскихъ повстанцевъ, перевязали и привели въ Кіевъ вмѣстѣ съ плѣнными польскими воинами. Не забылъ я и до сихъ поръ этого тяжелаго зрѣлища, когда избитые и израненные польскіе юноши, которыхъ я недавно видѣлъ въ своей аудиторіи, приведены были въ Кіевъ и, подъ эскортомъ жандармовъ, отправлены въ крѣпость. Затѣмъ, не проходило дня, чтобы крестьяне, вооруженные своими ципками, не приводили въ Кіевъ своихъ прежнихъ помѣщиковъ, изловленныхъ въ разныхъ лѣсахъ и оврагахъ.

Въ виду всѣхъ этихъ событій задумано было подать государю всеподданнѣйшій адресъ. Въ квартирѣ ректора собралось нѣсколько профессоровъ, и я въ томъ числѣ, и мы выслушали проектъ адреса, составленный Незабитовскимъ. Проектъ былъ хорошо составленъ и безъ измѣненій предложенъ былъ совѣту, отъ лица котораго и препровожденъ государю. Своро мы получили благодарность. Адресомъ университетъ не ограничился: въ иностранной прессѣ помѣщалась масса невѣрныхъ свѣдѣній изъ польскихъ источниковъ; составлена была брошюра за подписью всѣхъ членовъ совѣта, въ которой эти ложныя свѣдѣнія опро-

вергались, а факты восстанавливались въ ихъ подлинномъ видѣ. Отвѣтныя ноты вице-канцлера Горчакова приняты были съ энтузіазмомъ, а авторъ ихъ единогласно былъ избранъ въ почетные члены университета. Въ 1864 году, по предложенію Митюкова, всегда прежде индифферентнаго къ общественнымъ дѣламъ, былъ выбранъ почетнымъ членомъ университета Катковъ, какъ бы въ видѣ протеста противъ Шедо-Фероти, порицавшаго публицистическую дѣятельность редактора „Московскихъ Вѣдомостей“.

Засѣданія совѣта, такъ патриотически настроеннаго, были интересны. Но этотъ патриотическій энтузіазмъ совѣта заходилъ уже слишкомъ далеко: я не могъ, напримѣръ, оправдать ходатайства о закрытіи католической каплицы, гдѣ подъ звуки органа совершалось католическое богослуженіе, разрѣшенное императоромъ Николаемъ въ стѣнахъ университета св. Владимира, въ виду значительнаго числа студентовъ-католиковъ; органъ былъ, помнится, проданъ, а каплица превращена въ зоологическую лабораторію. Мнѣ казалось также, что совѣтъ проявилъ *tror de zèle*, когда процентъ поляковъ-студентовъ, ограниченный императоромъ Александромъ II-мъ одной пятой общаго числа, распространилъ на фармацевтовъ и вольныхъ слушателей; такое установленіе ограничительнаго процента для иноплеменниковъ мнѣ всегда казалось крайне некультурнымъ и нецѣлесообразнымъ; оно наноситъ государству, вмѣсто ожидаемой пользы, несомнѣнный вредъ.

Пришли каникулы, и мнѣ понадобилось съѣздить въ полтавскую губернію. Эмансипація уже акклиматизировалась среди лохвицкаго дворянства, и не замѣчалъ я въ немъ такого дурмана, какъ въ прошломъ году. Уже меньше боялись крестьянскихъ бунтовъ, а выкупные платежи залечили сердечныя язвы, причиненныя актомъ 19 февраля 1861 года. Мировые посредники, составъ которыхъ въ лохвицкомъ уѣздѣ былъ весьма изряденъ, дѣйствовали бойко, а тѣ помѣщики, которые лили пули, чтобы застрѣлиться по случаю освобожденія крестьянъ, какъ, напримѣръ, почтенный Николай Романовичъ Зарудный, поуспокоились и принялись за старое житье-бытье. Для меня вообще было очень интересно наблюдать, какъ прививалась къ мѣстному мало просвѣщенному дворянству грандіозная идея освобожденія крѣпостныхъ. Насмотрѣвшись на все это, я вернулся въ Кіевъ, гдѣ ждалъ меня пріятный сюрпризъ: университетскій уставъ 1863 г. Онъ былъ прочтенъ ректоромъ въ засѣданіи совѣта 30 іюля; настроеніе совѣта было ликующее, исполненное благодарности за дарованіе устава, такъ широко раздвинувшаго автономію

университета. Съ какой охотой выработывались въ комиссіяхъ уставы разныхъ университетскихъ учреждений, составленіе которыхъ предоставлялось самому университету; работы было много, но какъ легка казалась она въ виду тѣхъ благъ, которыми уставъ надѣлялъ русскій университетъ! Скоро началась практика устава: первымъ проректоромъ былъ выбранъ Митюковъ; первыми судьями — Демченко, Ходецкий и Тютчевъ. Первое дѣло, которое разобрано ими, было дѣло о повстанцѣ Витольдѣ-Леонардѣ Волье-Ланевскомъ, получавшемъ стипендію и ушедшемъ въ банды, котораго судъ приговорилъ къ исключенію, представивъ этотъ приговоръ на утвержденіе совѣта. Полномочія судей возобновлялись ежегодно. Сначала составъ судей мѣнялся, а потомъ сдѣлался болѣе или менѣе постояннымъ. Дѣятельность его проявлялась очень рѣдко; это не то, что судъ университетскаго правленія, чуть ли не еженедѣльно занятаго то увольненіемъ, то исключеніемъ, то отдачей въ солдаты студентовъ. Я могу говорить объ этомъ, какъ лицо компетентное, такъ какъ я былъ членомъ какъ университетскаго суда, такъ и правленія, и могу сказать лишь одно: процедура университетскаго суда была болѣе правильная и болѣе гарантировала справедливость рѣшенія. Въ немъ, напримѣръ, никогда не возбуждался вопросъ о томъ, что можно постановить заочное рѣшеніе, даже исключеніе изъ университета, не видя обвиняемаго въ глаза. Жаль только, что уставу 1863 года пришлось дѣйствовать недолго въ его первобытномъ видѣ: въ 1866 году Головинна смѣнилъ графъ Д. А. Толстой. На первыхъ порахъ онъ не нарушалъ устава. Но съ начала 70-хъ годовъ задумалъ отмѣнить его, и начались постоянныя колебанія, такъ что нѣкоторые его распоряженія противорѣчили уставу. Я глубоко убѣжденъ, что если бы уставъ 1863 года привился къ русскимъ университетамъ, исторія послѣднихъ не имѣла бы многихъ печальныхъ страницъ. Возвратясь изъ совѣта домой, я обрадовалъ жену вѣстью объ усиленныхъ окладахъ профессорскаго жалованья. Для насъ это было тѣмъ болѣе встать, что вѣточки Богуша были ужъ слишкомъ тѣсными, и намъ хотѣлось имѣть болѣе просторное жилище. Я нанялъ на Козинкѣ, въ домѣ университетскаго учителя рисованія Васью, пять приличныхъ комнатъ за 325 рублей въ годъ. Я нарочно выставлю прежнія цѣны, для сравненія ихъ съ настоящими.

Уставъ 1863 года животворно подѣйствовалъ на русскіе университеты. Появляется въ нихъ небывалая привать-доцентура. Правда, она скоро оказалась тощимъ плодомъ, до времени созрѣвшимъ. Но на первыхъ порахъ она общала жизнь и развитіе.

Припоминаю первенцевъ приватъ-доцентовъ университета св. Владимира: Леонтовичъ, Ващенко-Захарченко, Авсѣенко, Драгомановъ, Николай Степановъ, Кистяковскій, Чепихинъ, Маровскій, Деларю, Борщовъ, Паульсонъ. Вотъ ихъ списокъ, можетъ быть, не совсѣмъ полный. Не всѣ они вышли въ люди, по крайней мѣрѣ въ люди академическіе, но о многихъ изъ нихъ я сохранилъ воспоминанія. Припоминаю приватъ-доцентскіе диспуты Авсѣенка и Драгоманова: двѣ личности во многомъ противоположныя. Сухой и холодный авторъ „Похода Карла VIII въ Италію“, Авсѣенко, держалъ себя на диспутѣ чрезвычайно импозантно—не то Гизо, не то Шульгинъ. Когда онъ читалъ свою вступительную лекцію, я не мало удивлялся, что онъ, довольно стройный и красивый, могъ такъ уподобляться горбатуму и невзрачному Шульгину: онъ такъ же держался на кафедрѣ, такъ же поправлялъ свои большіе очки, такъ же жестикულიровалъ. Можетъ быть, за это уподобленіе факультетъ къ нему не благоволилъ, что сказалось на диспутѣ въ обращеніи съ нимъ Ставровскаго. Это неблаговоленіе, можетъ быть, и было причиною, что Авсѣенко не долго сидѣлъ на кафедрѣ, и что изъ него не вышло академическаго человѣка. Онъ скоро оставилъ приватъ-доцентуру и замѣнилъ Шульгина въ редактированіи газеты „Кіевлянинъ“, которая въ его рукахъ отличалась безцеремонными выходками мѣстнаго краснорѣчиваго „Феда-Миленькаго“ противъ университета и его членовъ. Этотъ Феда-Миленькій—также интересная фигура изъ университетскихъ неудачниковъ. Когда припомнишь его первые шаги на поприщѣ кіевской сатиры и карикатуры,—за что онъ иногда подвергался патриархальной расправѣ фешенеблей,—и сравнишь съ его послѣдними шагами,—его, Ромера, на поприщѣ орловской агрономіи и садоводства, то думаешь, тотъ ли это самый Феда-Миленькій, который когда-то въ Кіевѣ писалъ свои развязные каламбуры и акростики? Мы еще встрѣтимся съ этимъ сатирически-карикатурнымъ направленіемъ „Кіевлянина“, которое поддерживалось такимъ просвѣщеннымъ человѣкомъ, какъ Шульгинъ.

Весьма живо помню фигуру Драгоманова, защищавшаго—*pro venia legendi*—своего императора Тиверія и отшучивавшагося отъ нападеній очевидно къ нему расположеннаго Селина. Умный и находчивый, съ игривой фразой, онъ, какъ видно было, хотѣлъ быть похожимъ на Добролюбова: по крайней мѣрѣ, его бакенбарды, окружавшія лицо, напоминали критика „Современника“. Фигура Драгоманова заслуживаетъ, чтобы на ней нѣсколько остановиться. Онъ воспитывался въ интернатѣ полтавской гимназій, въ которой вѣроятно былъ *enfant gaté* такихъ учителей, какъ

Стронинъ и Полевичъ. Изъ гимназiи, такимъ образомъ, этотъ даровитый юноша могъ вынести значительную долю самолюбiя и чрезмѣрной вѣры въ свои силы. Студенчество его проходило при Пироговѣ, когда даровитые студенты, и особенно умѣвшие хорошо говорить, выдвигались на первый планъ, играя выдающуюся роль въ средѣ товарищей. Я помню, какъ его самоудѣяность потерпѣла на его магистерскомъ диспутѣ отъ его оппонентовъ Бильбасова и Модестова. Я помню еще одну сцену этого диспута: демонстрацію студентовъ противъ Лучицкаго, который оказался на сторонѣ противниковъ Драгоманова. Гордое сознание своихъ дарованiй вредило Драгоманову, этому несомнѣнно талантливому и симпатичному русскому человѣку, къ которому я всегда питалъ глубокое сочувствiе. Изъ него могъ бы выработаться выдающийся профессоръ.

Въ моемъ воображенiи рисуется еще черноволосая прилизанная голова Николая Степанова, защищавшаго свое сочиненiе о пехахъ—*pro venia legendi*. Онъ былъ любимцемъ Иванишева, который вообще не отличался умѣньемъ выбирать любимцевъ. Николай Степановъ не былъ похожъ на ученаго, а его диспутъ былъ диспутомъ Молчалина, спорящаго съ Фамусовымъ. Онъ ивѣ потомъ говорилъ, что такимъ характеромъ диспута онъ хотѣлъ отмѣтить свое обращенiе съ начальствомъ въ отличiе отъ слишкомъ развязной и фамильярной манеры Драгоманова. Степановъ прочелъ вступительную лекцію о цензурѣ, но мы не могли составить себѣ мнѣнiя, какъ онъ самъ смотритъ на это учрежденiе: полезна ли цензура или вредна, слѣдуетъ ли ее сохранить или упразднить. Потомъ онъ подвергся магистерскому экзамену изъ полицейскаго права: Иванишевъ думалъ, что онъ былъ отлично подготовленъ, и хотѣлъ въ протоколѣ написать, что экзаменъ выдержанъ удовлетворительно. Но Бунге, предложившiй магистранту нѣсколько вопросовъ по кредитнымъ учрежденiямъ, нашелъ его малосвѣдущимъ. Факультетъ постановилъ предложить Степанову повторить экзаменъ. Это оскорбило Степанова, и онъ бросилъ дѣло, для котораго, впрочемъ, не имѣлъ природныхъ наклонностей.

Между приватъ-доцентами этой свѣтлой университетской поры выдѣляется въ моихъ воспоминанiяхъ громоздкая фигура Александра Федоровича Кистяковскаго, сдѣлавшагося потомъ извѣстнымъ криминалистомъ. Я его зналъ еще по студенческой скамьѣ, такъ какъ онъ былъ двумя курсами ниже меня и, подобно мнѣ, жилъ въ казеннокоштномъ интернатѣ. Учился онъ въ черниговской духовной семинарiи, въ которой уже сложи-

лись его атеистически-радикальныя убѣжденія и жажда ихъ пропагандировать для спасенія міра, погрязшаго въ ошибкахъ и заблужденіяхъ. Большой спорщикъ, онъ уже и тогда вступалъ со мной въ споръ, но, уважая мое филистерство, не придавалъ этимъ спорамъ того рѣзкаго колорита, къ которому онъ былъ такъ способенъ. Окончаніе имъ курса очень замедлилось столкновеніемъ его съ субъ-инспекторомъ Тулубомъ, за чтò онъ подвергся ссылке учителемъ возелецаго приходскаго училища. По возвращеніи изъ этой ссылки, онъ держалъ окончательный экзаменъ, но получилъ только званіе дѣйствительнаго студента, такъ какъ отиѣтка изъ педагогій была неудовлетворительна. Мои первые профессорскіе шаги сопровождались нерѣдкими встрѣчами съ нимъ, которыя, по обыкновенію, и оканчивались спорами. Я помню, что когда и жилъ въ домѣ Лагоды, то по сосѣдству со мной жилъ и Кистяковскій; тогда наши бесѣды нерѣдко продолжались по длиннымъ зимнимъ ночамъ. Потомъ Кистяковскій попробовалъ петербургской службы, сначала въ сенатѣ, а потомъ въ департаментѣ народнаго просвѣщенія. Оставленный за штатомъ, онъ прибылъ въ Кіевъ въ 1863 году, когда мы, его товарищи, были уже экстраординарными профессорами. Во мнѣ и въ Демченкѣ онъ встрѣтилъ такую поддержку, что довольно скоро его положеніе въ факультетѣ сдѣлалось лучше нашего. Наши взаимныя отношенія всегда были безупречно товарищескими, хотя я не встрѣчалъ человѣка, въ которомъ высокое мнѣніе о себѣ было бы развито до такихъ размѣровъ, какъ у Кистяковскаго. Его никогда не оставляла жажда играть первую роль, быть „властителемъ думъ“, и ему это дѣйствительно удавалось въ нѣкоторыхъ сферахъ—среди студенчества и украинофильства. Но едва ли его уметвенные ресурсы соответствовали его притязаніямъ: умъ его былъ довольно тяжеловѣсный; въ факультетѣ и совѣтѣ, несмотря на всѣ его стремленія, ему не удавалось играть первую роль. Онъ стремился первенствовать и въ сферѣ городского управленія, приобрѣвъ большое вліяніе на избирателей послѣдней категоріи. Но здѣсь онъ встрѣчался съ оппозиціей Рененкампа—человѣка болѣе предприимчиваго и ловкаго. Несомнѣнная сила Кистяковскаго заключалась въ его рѣдкомъ трудолюбіи и любви къ своей наукѣ, которую онъ излагалъ хотя довольно вяло, но обогатилъ ее нѣсколькими, довольно цѣнными работами.

Другую фізіономію представлялъ приватъ-доцентъ Борщовъ—человѣкъ широкаго европейскаго образованія, вполне научныхъ стремленій, испытанный альтруистъ, павшій жертвой любви къ

близнему: онъ умеръ отъ тифа, полученнаго имъ при уходѣ за больными русскими солдатами—жертвами русско-турецкой войны 1877 года. Еще симпатичнѣе свѣтлая личность доктора Чешина. Каѳедра оказалась не по немъ, такъ какъ онъ не былъ мастеромъ слова, которое ему очень трудно давалось. Но изъ него вышелъ замѣчательный практический врачъ, рѣдкой доброты и безкорыстія... Уставъ 1863 г. установилъ выборъ двумя третями на дополнительное пятилѣтіе. При бѣдности русскихъ ученыхъ силъ, едва ли можно было оправдать такое постановленіе. Притомъ оно примѣнялось совѣтомъ крайне неразборчиво. За исключеніемъ немногихъ случаевъ, рѣдко кому удавалось благополучно пройти двумя-третьими голосовъ. Мы ниже еще встрѣтимся съ этимъ вопросомъ, а пока припомнимъ, что первой жертвой его сдѣлался профессоръ факультетской терапевтической клиники Сергѣй Петровичъ Алферьевъ; онъ получилъ 20 избирательныхъ при 12 неизбирательныхъ. Такимъ образомъ, при значительномъ абсолютномъ большинствѣ, признавшемъ его годнымъ, онъ долженъ былъ оставить каѳедру, что едва ли было полезно медицинскому факультету, лишившемуся замѣчательнаго клинициста и славнаго діагноста. Недаромъ медицинскій факультетъ хотѣлъ исправить совѣтскую ошибку, предлагая оставить Алферьева преподавателемъ по найму, но это встрѣтило протестъ въ самомъ медицинскомъ факультетѣ, въ лицѣ Мазона. Правда, медицинскій факультетъ скоро поправился, замѣнивъ Алферьева Мерингомъ, а Меринга—Покровскимъ, однимъ изъ талантливѣйшихъ профессоровъ университета. Для другихъ же факультетовъ эти двѣ-трети имѣли болѣе роковыя послѣдствія: историко-филологическій факультетъ былъ почти разрушенъ. Отмѣна двухъ-третей была поэтому вполне основательна.

Но важнѣйшимъ дѣломъ совѣта во время ректорства Иванова было дѣло Шульгина, приобрѣвшее почти всероссійскую огласку. Припомнимъ, что Шульгинъ былъ украшеніемъ университета св. Владиміра и что такого профессора исторіи рѣдко приходилось слышать не только у насъ, но и за границей. Осенью 1862 года, по чисто личнымъ и семейнымъ обстоятельствамъ, онъ оставилъ профессуру. Его тогдашніе слушатели и теперь хорошо помнятъ его послѣднюю лекцію по историографіи, когда онъ излагалъ значеніе историческихъ работъ братьевъ Тьері. Рукоплесканіями провожали Шульгина по университетскому коридору, а толпы студентовъ сопутствовали ему до самаго выхода изъ университета. Будучи магистромъ, и притомъ русской исторіи, онъ имѣлъ рангъ исправляющаго должность экстраординар-

наго профессора. Шульгинъ былъ рожденъ для катедры, и поэтому понятно, какъ больно ему было оставить ее. Онъ женился, одумался, ему захотѣлось возвратиться на кафедру, на которой онъ такъ блисталъ. Въ августѣ 1863 года онъ подалъ попечителю прошеніе о разрѣшеніи прочесть ему рядъ публичныхъ лекцій о французской революціи. Къ прошенію была приложена обычная программа, которая была передана на разсмотрѣніе университетскаго совѣта. Друзья Шульгина воспользовались этимъ случаемъ и подняли вопросъ о его возвращеніи въ университетъ. Началось знаменитое дѣло, не одинъ мѣсяцъ занимавшее умы университетскихъ „сенаторовъ“. Душою этого дѣла былъ профессоръ Бунге, интимный другъ Шульгина; но такъ какъ Бунге пришлось отлучиться на продолжительное время въ Петербургъ, по вызову графа Строганова, для преподаванія покойному Наслѣднику финансовъ и статистики, то веденіе Шульгинскаго дѣла въ университетскомъ совѣтѣ онъ поручилъ Рененкампу, приемы котораго едва ли не повліяли на неблагоприятный и для университета, и для Шульгина исходъ дѣла. Ректору поручено было войти въ сношеніе съ Шульгинимъ, чтобы узнать, не пожелаетъ ли онъ возвратиться въ университетскую среду. Получился отвѣтъ: возвратиться-де согласенъ, но на прежнихъ условіяхъ, т.-е. съ званіемъ экстраординарнаго профессора, чему противорѣчилъ тотъ параграфъ устава, который для этого требовалъ докторской степени. Тѣмъ не менѣе, совѣтъ постановилъ баллотировать Шульгина на прежнее званіе, и онъ значительнымъ большинствомъ голосовъ былъ избранъ; послѣдовалъ энергическій протестъ историко-филологическаго факультета, который нашелъ такое избраніе противозаконнымъ, такъ какъ оно противорѣчило требованіямъ новаго устава. Во главѣ этого протеста былъ энергическій деканъ филологическаго факультета—Селинъ. Между нимъ и Шульгинимъ были личныя неудовольствія на почвѣ институтскаго прекраснаго пола, такъ какъ они оба были лириками и романтиками. Началась борьба факультета съ совѣтомъ—борьба, можно сказать, двухъ силъ, забывавшихъ объ интересахъ университета и науки и задавшихся грубымъ интересомъ: чья возьметъ? Протестъ филологическаго факультета дошелъ до министра, который не утвердилъ совѣтскаго избранія, въ слѣдствіе его несоотвѣтствія съ требованіями новаго устава. Дѣло получило иной оборотъ: профессоръ акушерства Матвѣевъ, въ засѣданіи совѣта въ февралѣ 1864 года, предложилъ возвести Шульгина въ доктора безъ испытанія. Полагаемъ, что въ интересъ пріобрѣтенія университетомъ такого даровитаго профессора эксцентричное, по-

видимому, предложеніе профессора акушерства было цѣлесообразно. Да и не заслуживалъ ли такой докторской степени авторъ курса всеобщей исторіи и такой несравненный лекторъ, какимъ былъ Шульгинъ? Но филологическій факультетъ думалъ иначе: послѣдовалъ новый сильный протестъ противъ принятаго совѣтомъ предложенія профессора Матвѣева, такъ какъ голосованіе состоялось въ пользу Шульгина, и совѣтъ постановилъ выдать ему докторскій дипломъ. Деканъ филологическаго факультета отказался отъ подписи этого диплома; подписать его совѣтъ поручилъ тихому и вроткому Нейвируху. Шульгинъ поблагодарилъ за честь такого избранія, но факультетскій протестъ былъ слишкомъ силенъ и энергиченъ, и министръ не могъ не обратить на него вниманія. Дѣло рѣшилось не въ пользу Шульгина, который долженъ былъ возвратитъ свой дипломъ министру. Побѣдила грубая сила, съ которой ея же приемами думала бороться противная партія. Потерялъ не только Шульгинъ, но потеряла русская наука и русскій университетъ. Шульгинъ былъ сбитъ съ его настоящаго пути и превратился въ злобствующаго на университетъ публициста. Университету, которому онъ такъ доблестно служилъ, онъ нанесъ не мало уеоловъ фельетонами Феди-Миленьбаго, а это въ нашей провинціальной средѣ могло дискредитировать высшее учрежденіе. Русская наука лишилась такихъ изслѣдователей, какимъ былъ авторъ „Исторіи русской женщины“, а русскій университетъ потерялъ такую блестящую силу на каедрѣ, какою былъ Шульгинъ.

Уставъ 1863 года впервые, можно сказать, правильно поставилъ факультетское преподаваніе государственнаго права, разбивъ его на три отдѣла: теорія государственнаго права, иностранное государственное право и русское. Я принялся за разработку новаго курса своего предмета и двѣ первыя части слилъ въ одну, обработавъ хотя довольно эклектическій курсъ, но стоявшій на уровнѣ современной науки. Лекціи этого курса записывались студентами Скордели и Зиберомъ, а потомъ литографировались: первый опытъ примѣненія литографіи въ университетскимъ курсамъ. Оба слушателя были люди талантливые, но только для различныхъ дѣлъ. Скордели, хотя былъ преподавателемъ въ нѣжинскомъ лицее и съ успѣхомъ выдержалъ устный экзаменъ на степень магистра гражданскаго права, но его сердце лежало не къ наукѣ: изъ него вышелъ бойкій финансовый дѣлецъ, нажившій большое состояніе. Но все-таки онъ сохранилъ платоническую любовь къ юридической наукѣ, и въ его библіотекѣ всегда можно было пайти полный подборъ все-

возможныхъ руководствъ и курсовъ по всѣмъ частямъ науки права. Совсѣмъ другого рода была личность Николая Ивановича Зиберы — фанатика науки и послѣдовательнѣйшаго идеалиста. Вспоминаю его магистерскій экзамень изъ политической экономіи, на которомъ мы впервые услышали имя экономиста Маркса и его знаменитую теорію, которую магистрантъ излагалъ съ такимъ увлеченіемъ. Зиберъ получилъ званіе штатнаго доцента, но не долго читалъ свои лекціи, такъ какъ скоро оставилъ факультетъ и, связанный тѣсной дружбой съ Драгомановымъ, послѣдовалъ за нимъ за границу, гдѣ избралъ своею резиденціей Бернъ. Оставивъ университетъ, онъ не повидаль своей любимой науки, которую обогатилъ рядомъ цѣнныхъ книгъ. Въ спискахъ научныхъ именъ имя Зиберы всегда должно быть вспоминаемо, какъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ. Курсъ русскаго государственнаго права подвергся также значительной переработкѣ, и все-таки съ большимъ расширеніемъ историческаго элемента, котораго я былъ рѣшительнымъ сторонникомъ. Несмотря на изданный профессоромъ петербургскаго университета Андриевскимъ учебникъ русскаго государственнаго права, я задумывалъ уже тогда издать свой курсъ, что и сдѣлалъ, спустя нѣсколько лѣтъ.

Мы видѣли, какъ былъ принятъ новый университетскій уставъ профессорскимъ сословіемъ. Какъ же онъ былъ принятъ студентами? Студентами онъ былъ принятъ крайне равнодушно, и это было вполне понятно: новый уставъ не только не давалъ студентамъ ничего, но даже лишалъ ихъ того, что само собою сложилось въ ихъ средѣ во времена попечителей Ребиндера, Пирогова и Николаи,—разумѣемъ студенческія сходы и всяческія организаціи. Принципомъ новаго устава въ сферѣ студенчества было полное отрицаніе всякой солидарности и единства между студентами, которые должны были считать себя отдѣльными слушателями — сепаратными единицами, которыя случайно встрѣчаются въ стѣнахъ университета, но между которыми не должно быть ничего общаго. Такое возрѣніе составителей устава могло быть навѣяно воспоминаніями о беспорядкахъ петербургскаго университета при графѣ Путятинѣ въ 1861 году. Но для русскіхъ университетовъ эта теорія сепаратности студентовъ имѣла роковыя послѣдствія: вмѣсто организацій явныхъ и легальныхъ, стали развиваться организаціи секретныя и конспиративныя, всецѣло подчинившіяся вліянію политическихъ агитаторовъ и провокаторовъ, которые долго господствовали надъ русскими университетами.

Въ январѣ 1865 года, ректоръ Иванишевъ получилъ отпускъ

въ Петербургъ, а въ началѣ февраля мы узнали, что онъ переводится на службу въ Варшаву. Все это было сдѣлано такъ быстро и секретно, что университетъ не могъ устроить своему ректору обычной прощальной оваціи, и Иванишевъ изъ своего родного университета, которому онъ такъ долго и такъ успѣшно служилъ, уѣхалъ какъ чужой. Переходомъ на службу въ Варшаву Иванишевъ лично потерялъ не мало, но не мало потерялъ и университетъ, лишившись такого даровитаго члена. Возникъ вопросъ, кѣмъ замѣнить выбывшаго ректора. Совѣтъ остановился на Митюковѣ, котораго и выбралъ ректоромъ, 28 февраля 1865 г., большинствомъ 23-хъ противъ 8-ми. Полагаю, что этотъ выборъ былъ вполне удаченъ. Къ сожалѣнію только, Митюковъ ректорствовалъ очень недолго. Человѣкъ гордый и самолюбивый, онъ боялся уронить какимъ-нибудь автомъ свою репутацію глубокаго ума, и въ августѣ того же 1865 года сложилъ свои ректорскія полномочія. Ректорство его было такъ непродолжительно, что трудно было уловить его особенности. Въ моей памяти сохранилось только, что это ректорство совпало со столѣтіемъ Ломоносовскаго юбилея, и что мы собрались на чашку чая въ квартирѣ ректора, гдѣ обсуждался вопросъ о томъ, какъ ознаменовать этотъ юбилей. Къ сожалѣнію, это было, кажется, послѣднее наше собраніе въ ректорской квартирѣ въ стѣнахъ университета, которая скоро была упразднена въ личныхъ интересахъ ректора Матвѣева. За отказомъ Митюкова послѣдовалъ выборъ новаго ректора; въ началѣ сентября 1865 года былъ выбранъ Бунге большинствомъ семнадцати противъ десяти; отъ этого ректорства онъ отказался. Дважды предъ этимъ его не избирали: въ мартѣ 1862 и въ февралѣ 1865 года; въ немъ могло заговорить чувство недовольства совѣтомъ; во всякомъ случаѣ отказъ былъ настолько категориченъ, что въ слѣдующее засѣданіе былъ выбранъ Матвѣевъ, большинствомъ девятнадцати противъ девяти. Зная хорошо Матвѣева, я, признаюсь, былъ удивленъ его выборомъ, и особенно альтернативой—или Бунге, или Матвѣевъ; но чтѣ было общаго между этими двумя личностями, діаметрально противоположными? Выросшій въ семьѣ неустаннаго труда, профессоръ Бунге отличался рѣдкимъ трудолюбіемъ и образцовой аккуратностью въ веденіи порученнаго ему дѣла. Потомокъ богатой дворянской фамилии, выросавшій среди ея преданій въ орловской средѣ, Матвѣевъ былъ лѣнивый сибаритъ, для котораго важнѣйшее значеніе въ жизни принадлежало чувственнымъ матеріальнымъ благамъ. Какъ онъ думалъ относиться къ своимъ ректорскимъ обязанностямъ, можно усмотрѣть изъ того, что вслѣдъ за своимъ

выборомъ онъ испросилъ разрѣшеніе министра отлучаться изъ Кіева, не испрашивая каждый разъ особаго дозволенія. И эти отлучки, какъ, напримѣръ, во Флоренцію къ Демидову, были довольно продолжительны.

Начало ректорства Матвѣева ознаменовалось празднованіемъ Карамзинскаго юбилея 1 декабря 1865 года. Я помню юбилейный обѣдъ, весьма многолюдный. Помню рѣчь Юзефовича о Карамзинѣ, которую онъ произносилъ съ особенными удареніями; на этомъ обѣдѣ я услышалъ печальную вѣсть о болѣзни П. А. Милютина, которая свела въ могилу этого блестящаго государственнаго человѣка.

XI.

Графъ Д. А. Толстой и его отношеніе къ университетскому уставу 1863 года.—Ректорство Матвѣева.—Опека надъ историко-филологическимъ факультетомъ.—Планъ преобразованія совѣта, предложенный ректоромъ Матвѣевымъ.—Моя поѣздка въ Петербургъ для напечатанія докторской диссертациі.—Докторскій диспутъ.—Мое знакомство съ семействомъ Искри и вторичная женитьба.

Въ началѣ своего управленія графъ Д. А. Толстой къ новымъ университетскимъ порядкамъ, созданнымъ уставомъ 1863 г., относился, какъ онъ самъ выразился въ разговорѣ съ казанскимъ попечителемъ Шестаковымъ, „какъ конституціонный король“. Порядки эти такъ соотвѣтствовали истиннымъ интересамъ университета, что нужна была продолжительная интрига и науськиванье, чтобы накинуться на эти порядки и нарушить ихъ. Такое направленіе въ университетской политикѣ графа Толстого замѣчается съ тѣхъ поръ, какъ „лизнули крови Леонтьева“, который пригрозилъ злой мести. Актъ этой злой мести дѣйствительно совершился надъ русскими университетами, органической строй которыхъ распался подъ гнетомъ устава 1884 года на отдѣльныя составныя части, которыя такъ трудно государству опять собрать во единое цѣлое. Строго говоря, нашъ университетъ, какъ цѣльное органическое учрежденіе, въ настоящее время существуетъ въ развалинахъ. Правительству долго придется бороться съ тѣми вѣянїями, которыя смущаютъ академическую жизнь и съ которыми съ большимъ успѣхомъ могло бы бороться самое учрежденіе, если бы только оно имѣло цѣлесообразный строй. Графъ Толстой не сразу поддался интригѣ противъ университета, мотивированной личной страстью и злобой. Уставъ духовныхъ академій 1869 года былъ сколомъ съ университетскаго устава

1863 года. Когда въ 1867 году былъ возбужденъ вопросъ о болѣе точномъ опредѣленіи полномочій ректора и его отношеній къ совѣту, то вопросъ этотъ былъ предоставленъ обсужденію самихъ университетскихъ совѣтовъ. Вообще, читая университетскіе протоколы за первые годы министерства графа Толстого, мы въ нихъ не усматриваемъ еще никакихъ посягательствъ на университетскую автономію. Единственнымъ нарушеніемъ была отмена правила насчетъ двухъ-третьей, но она была вызвана злоупотребленіями и неосмотрительнымъ примѣненіемъ этого параграфа новаго устава. Но когда читаешь эти протоколы, — какою стройною представляется тогдашняя жизнь университета въ сравненіи съ теперешней, хаотической и запутанной! Изъ этихъ протоколовъ выдѣляется университетъ, какъ цѣльное органическое учрежденіе, отдѣльные элементы котораго связаны между собою солидарно. Составъ членовъ совѣта, по крайней мѣрѣ въ университетѣ св. Владиміра, былъ ниже дарованнаго университету самоуправленія, но достоинства организациі покрывали слабыя стороны персонала, и совѣты дѣйствовали съ полнымъ успѣхомъ, преслѣдуя истинные интересы университета и его достоинство. Рознь между членами университета существовала, конечно, и тогда, но надъ ними стояло властное учрежденіе — совѣтъ, предъ которымъ эта рознь унималась, а на сцену выступалъ интересъ, примиряющій всѣхъ, интересъ университета.

Хорошо я помню шумъ преній и рѣзкія рѣчи тогдашняго времени, но я также хорошо помню и свѣтлыя, симпатичныя черты былого. Я помню, на примѣръ, какъ принята была всѣмъ совѣтомъ выходка предсѣдателя кievской гражданской палаты, Чернова, и его товарища, Рашета, представлявшихъ начальству, что судебная реформа въ юго-западномъ краѣ не можетъ быть введена, вслѣдствіе того, что такой слабый юридическій факультетъ, какъ въ университетѣ св. Владиміра, не можетъ готовить нужныхъ судебныхъ дѣателей. Оскорбленіе, нанесенное факультету, почувствовалось всѣмъ совѣтомъ, и совѣтъ выслушалъ благородное, исполненное достоинства, объясненіе факультета. Словомъ, чувство связности, солидарности отдѣльныхъ членовъ было естественнымъ послѣдствіемъ устава 1863 года, даровавшаго университету значеніе правящаго своими дѣлами органическаго цѣлаго. Насколько велики были достоинства тогдашнихъ университетскихъ порядковъ, можно видѣть изъ того, что на ходъ дѣла существеннаго вліянія не имѣла личность ректора. Автономическіе порядки дѣйствовали сами собой, корректируя возможные личные недостатки главы университета.

Собственно говоря, новые порядки насаждались во время ректорства Матвѣева съ 1865 по 1871 годъ, такъ какъ Иванъ Шевъ былъ при нихъ недолго, а Митюковъ — только въ каѳедру въ каѳедру. Но каковымъ же ректоромъ могъ быть Матвѣевъ? Это былъ типическій орловскій дворянинъ и спортсменъ, для котораго охота и рыбная ловля, цвѣты и фрукты были важнѣйшей стороною жизни. Человѣкъ очень даровитый, онъ былъ знаткомъ и отличномъ преподавателемъ своего предмета; но дѣльнымъ ректоромъ онъ быть не могъ, такъ какъ былъ лѣнивъ и бѣжалъ отъ дѣла. При немъ правила секретари. Но зато Матвѣевъ былъ очень пріятель и вполне русскій хлѣбосоль: угощать товарищей было его слабостью. Я помню, какъ, послѣ засѣданій совѣта, къ нему на Тарасовскую улицу, гдѣ охраняли его медвѣди и волченята, собирался чуть ли не весь персоналъ университета, начиная отъ приватъ-доцентовъ и оканчивая настоятелемъ университетской церкви. Столы ломались подъ тяжестью яствъ и наливокъ, и мы пили и ѣли на славу. Черта эта, конечно, очень почтенная, но ея одной мало, чтобы быть хорошимъ ректоромъ, обязанности котораго были тяжелы для такого сибарита, какъ Матвѣевъ, который дремалъ и похрапывалъ въ засѣданіяхъ совѣта. Тѣмъ не менѣе, автономическая машина дѣйствовала съ полнымъ успѣхомъ и университетскія дѣла были въ полномъ порядкѣ, — такъ мудра и цѣлесообразна была организація по уставу 1863 года. А что, если бы при нынѣшнихъ порядкахъ во главѣ университета стояла личность, подобная Матвѣеву?!

Важнѣйшимъ вопросомъ, занимавшимъ совѣтъ въ разсматриваемое нами время, былъ вопросъ о замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ. Особенно озабочивали каѳедры историческія: русская исторія не была замѣщена съ 1859 года, когда профессоръ Павловъ перешелъ въ Петербургъ, а каѳедра всеобщей исторіи осиротѣла съ 1862 г., когда оставилъ ее Шульгинъ, и единственнымъ ея представителемъ былъ Ставровскій, имѣвшій мало общаго съ наукой. Между прочимъ, этотъ знаменитый въ лѣтописяхъ университета св. Владиміра историкъ держалъ въ своихъ рукахъ обѣ исторіи, не давая хода той талантливой молодежи, которая нашлась бы. Дѣйствительно, между тогдашними стипендіатами можно отмѣтить цѣлый рядъ талантливыхъ молодыхъ людей, посвятившихъ себя занятіямъ исторіей. Это были: Владимірскій-Будановъ, Пигулевскій, Васильевъ, Драгомановъ, Иконниковъ, Авѣенко, Лучицкій. Можно даже удивляться, что ихъ собралось столько въ такое печальное для исторической науки

время: не традиции ли Павлова и Шульгина привлекли эту молодежь къ занятіямъ то русской, то всеобщей исторіей? Между прочимъ, молодежь хода не имѣла, и Ставровскій продолжалъ быть монополистомъ исторіи. Совѣтъ напоминалъ объ этомъ факультету, который и сносился то съ Костомаровымъ, то съ Иловайскимъ, получая отъ нихъ то положительныя, то отрицательныя отвѣты, а дѣло все-таки стояло, не двигаясь. Всеобщую исторію поручали преподавать приватъ-доценту Драгоманову. Но, конечно, онъ не могъ обнять всѣ части такой обширной науки: Курторга рекомендовалъ Бильбасова. Въ декабрѣ 1866 года онъ былъ выбранъ единогласно въ штатныя доценты по кафедрѣ всеобщей исторіи, а въ ноябрѣ 1867 года, при баллотировкѣ въ экстраординарные профессора, онъ былъ забаллотированъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Какъ и почему произошло все это — не знаю. Онъ оставилъ университетъ и явился вновь по назначенію министра, какъ ординарный профессоръ. Если память мнѣ не измѣняетъ, въ 1871 году онъ опять разстался съ нашимъ университетомъ уже навсегда. Назначеніе Бильбасова совпало съ приглашеніемъ на кафедру всеобщей исторіи харьковскаго профессора Петрова, переходу котораго къ намъ это назначеніе помѣшало, а съ оставленіемъ кафедры Бильбасовымъ эта важнѣйшая наука въ историко-филологическомъ факультетѣ опять осталась безъ представителя, пока не возвратился изъ-за границы Драгомановъ и не перешелъ къ намъ Фортинскій.

Кромѣ историческихъ кафедръ, совѣтъ озабочивала вакансія кафедры зоологіи, которая имѣла такого блестящаго представителя, какъ профессоръ Кеслеръ, въ 1862 году перешедшій въ петербургскій университетъ: факультетъ велъ переговоры съ извѣстнымъ Сѣверцевымъ, но безуспѣшно. Преподаваніе зоологіи поручалось приватъ-доценту Паульсону, рекомендованному Бэрромъ и Пироговымъ, а затѣмъ кафедра была замѣщена знаменитымъ эмбриологомъ Ковалевскимъ, перешедшимъ къ намъ изъ Казани. Изъ Казани же, на кафедру Дѣллена, перешелъ къ намъ и Модестовъ. Вообще, это время ознаменовалось капитальными приобрѣтеніями новыхъ ученыхъ силъ, которая значительно измѣнили прежній составъ университета. Совѣтъ какъ бы старался искупить свои забаллотировки двумя-тремя голосовъ.

Выдающіяся приобрѣтенія были сдѣланы медицинскимъ факультетомъ: по предложенію Вальтера былъ избранъ профессоръ Покровскій—человѣкъ большихъ дарованій, ранняя смерть котораго отъ заразы сыпнымъ тифомъ лишила Россію второго

Боткина. Нѣсколько лѣтъ списокъ профессоровъ нашего медицинскаго факультета украшалъ своимъ именемъ Склифасовскій, перешедшій къ намъ, по предложенію Каравасва, изъ Одессы, но, къ сожалѣнію, скоро промѣнявшій нашъ университетъ на петербургскую академію. Была также возможность получить Бергмана, пользующагося въ настоящее время міровой репутаціей: профессоръ Гюббенетъ, оставляя свою кафедру, рекомендовалъ въ свои преемники Бергмана, но послѣдній не имѣлъ тогда громкаго имени, и факультетъ не очень старался о его приглашеніи.

Тогда какъ медицинскій факультетъ вмѣстѣ съ другими обогащался такими капитальными приобрѣтеніями, историко-филологическій факультетъ почти-что разрушился. Ни одному изъ факультетовъ 78-й параграфъ не нанесъ такихъ ударовъ, какъ историко-филологическому. Можетъ быть, это было отместкой за Шулгинскую исторію. Дѣло дошло до того, что факультетъ состоялъ изъ одного только профессора Яроцева.

Въ концѣ сентября 1869 года, праздновался юбилей кievской духовной академіи. Онъ праздновался весьма чинно и торжественно. Скажу—болѣе чинно и выдержанно, чѣмъ нашъ юбилей 1884 года, ознаменованный такими событіями, какъ разгромъ ректорской квартиры и увольненіе изъ университета всѣхъ наличныхъ студентовъ. Вспоминаю не очень обширную залу торжественныхъ собраній кievской духовной академіи: стѣны ея изукрашены портретами всѣхъ выдающихся ея питомцевъ-архіереевъ; въ тѣсныхъ рядахъ—депутаты отъ разныхъ учреждений. Я вижу коренастую фигуру Погодина, съ черногорской лентой черезъ плечо; вотъ и ректоръ московскаго университета Сергій Баршевъ, сухо и холодно привѣтствующій академію отъ лица своего университета; вотъ Михаилъ Сербскій, горячимъ словомъ вспоминающій свою связь съ академіей, а вотъ и высокая, благородная фигура Дмитрія Херсонскаго, отъ котораго такъ и вѣетъ добротой и милосердіемъ...

Кстати о юбилеяхъ. Вспоминаю чрезвычайно веселый и оживленный юбилей 50-лѣтней литературной дѣятельности Максимовича. Максимовича я видѣлъ еще въ дѣтствѣ, когда, живя въ университетѣ, я приготовлялся въ гимназію. Его выразительное лицо настолько запечатлѣлось въ моей памяти, что когда, много лѣтъ спустя, я встрѣтилъ его на постояломъ дворѣ въ Переяславлѣ, я тотчасъ же узналъ фигуру перваго ректора нашего университета. Во дворъ вѣхала бричка—обычный экипажъ мелкопомѣстнаго помѣщика, а изъ нея вышелъ Максимовичъ съ молодой дамой, какъ оказалось—его женой. Кисеть съ табакомъ

и длинный чубукъ, крѣпостной Селифанъ—все это было, какъ тому и подобаетъ быть. Максимовичъ былъ слишкомъ живой и разговорчивый, чтобъ не наговориться всласть со словоохотливымъ студентомъ. Затѣмъ, много лѣтъ спустя, я встрѣтился съ нимъ на пароходѣ изъ Переяслава въ Кіевъ. Максимовича сопровождалъ извѣстный библіографъ Пономаревъ. Я удивился молоджавости и рѣзвой мысли этого пожилого человѣка. Живя на своей Михайловской горѣ, Максимовичъ болѣе сносился съ Москвою, гдѣ жилъ его другъ Погодинъ, чѣмъ съ нашимъ университетомъ, который какъ будто забылъ о своемъ первомъ ректорѣ. О немъ вспомнилъ Сидоренко, представивъ его въ почетные члены нашего университета, а Хрущевъ предложилъ историко-филологическому факультету отпраздновать, 6-го сентября 1871 года, въ день именинъ Максимовича, 50-лѣтіе его литературной дѣятельности.

Совѣту пришлось обсуждать въ разсматриваемое нами время и нѣкоторые другіе вопросы, если только память позволитъ вспомнить о нихъ. Мы обсуждали, наприимѣръ, вопросъ, возбужденный харьковскимъ профессоромъ Лавровскимъ, о причинахъ малочисленности историко-филологическаго факультета; мы изыскивали мѣры привлеченія студентовъ къ серьезнымъ и практическимъ занятіямъ; мы говорили объ обязательности посѣщенія лекцій студентами и о мѣрахъ побужденія къ этому посѣщенію; мы возстановили студенческія сочиненія по предложенію юридическаго факультета; мы ограничили примѣненіе коллоквиума случаями сомнѣнія въ подлинности автора... Мы о многомъ думали-гадали, да всего не припомнишь, не перескажешь. Я хорошо только помню эксцентричный проектъ Матвѣева о преобразованіи совѣта. Нашему ректору-хлѣбосолу захотѣлось быть и законодателемъ, а можетъ быть, онъ чуялъ перемѣну вѣтра. Онъ внесъ въ совѣтъ предложеніе о его радикальномъ преобразованіи. Совѣтъ,—разсуждалъ Матвѣевъ,—обремененъ массой дѣлъ, рѣшеніе которыхъ очень затягивается, а участіе въ совѣтѣ сдѣлалось для профессоровъ тяжелой обязанностью. Для устраненія этого онъ предлагалъ два способа: 1) уменьшеніе состава совѣта такъ, чтобы онъ состоялъ изъ ректора, проректора, декана и депутатовъ отъ каждаго факультета по одному, по избранію факультета; 2) возложить на правленіе университета рѣшеніе большей части тѣхъ дѣлъ, которыя теперь рѣшаются въ общемъ собраніи совѣта. Въ такомъ случаѣ въ засѣданіи правленія должны присутствовать депутаты отъ факультетовъ. Что же касается общаго собранія совѣта, то оно должно было быть со-

зывается для рѣшенія болѣе важныхъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ этимъ предложеніемъ ректора былъ доложенъ рапортъ Мацона, утверждавшаго, что если только будутъ приняты предложенныя ректоромъ перемѣны, то необходимо сократить сроки службы по университетскимъ административнымъ должностямъ до одного года. Это могло бы предупредить развитіе бюрократизма. Не помню, какъ отнесся совѣтъ къ этимъ предложеніямъ. Онъ постановилъ передать ихъ на обсужденіе факультетовъ, но я не могу сказать, какаѣ были ихъ дальнѣйшая судьба. Несомнѣнно одно: предложеніе Матвѣева—симптомъ того новаго направленія университетской политики графа Толстого, которое вело его къ уставу 1884 года. Что же касается мыслей профессора Мацона, то онѣ казались мнѣ сочувственными: долговременное исполненіе административныхъ должностей одними и тѣми же лицами создавало въ университетѣ какъ бы династію бюрократовъ. Такими династіями были Матвѣевъ, Митюковъ, Бунге, Незабитовскій. Къ нимъ всегда стремился Рахманиновъ, дворянская амбіція котораго какъ-то уживалась съ такимъ честолюбіемъ. А появленіе такихъ династій едва ли согласовалось съ тѣмъ равенствомъ, которое должно быть отличительной чертой академической среды.

Я говорилъ выше, что мы, молодые члены совѣта, имѣвшіе одинъ и тотъ же рангъ исправляющихъ должность экстраординарнаго профессора, составляли цѣльную солидарную группу, дѣйствовавшую единодушно. Но солидарность и единодушіе поколебались; группа стала разлагаться, а въ 1870 году между нѣкоторыми ея членами установилась вражда. Главная связь состояла въ единствѣ положенія, но оно постепенно нарушалось: въ апрѣлѣ 1868 года Рененкампфъ защитилъ свою докторскую диссертацию, вызвавшую такой тонкій разборъ Незабитовскаго; въ маѣ 1869 года Сидоренко защитилъ на степень доктора свою работу о рекрутской повинности, а затѣмъ Цѣхановецкій защитилъ свой прекрасный трактатъ о желѣзныхъ дорогахъ. Такимъ образомъ, группа распалась на трехъ докторовъ и ординарныхъ профессоровъ и на двухъ магистровъ, исправляющихъ должность экстраординарныхъ профессоровъ. Къ послѣднимъ принадлежали Демченко и я. Кистяковскій же успѣлъ присоединиться къ докторамъ: въ декабрѣ 1869 года онъ защищалъ докторскую диссертацию, а мнѣ пришлось быть его оппонентомъ. Ухъ, какъ тяжело было спорить съ такимъ упрямымъ дефендентомъ! Я много работалъ надъ своей докторской диссертацией, но она еще далеко не была окончена. Сложность и необработанность задачи замедляли дѣло, но въ апрѣлѣ 1870 года рукопись была окончена, и я

представил ее факультету, прося исходатайствовать пособие на ее изданіе. Незабитовскій далъ благопріятный отзывъ, и софѣтъ назначилъ около 700 руб. на напечатаніе. Я задумалъ для этого поѣхать въ Петербургъ.

Между прочимъ, нанявши другую квартиру и рѣшивши отправить семью въ деревню, въ маѣ 1870 года я уѣхалъ въ Петербургъ. Въ первый разъ я былъ въ этомъ городѣ, и онъ мнѣ очень понравился. Меня особенно поражали бѣлыя ночи, къ которымъ я долго не могъ привыкнуть, страдая бессонницей. Рукопись своей исторіи русскаго дворянства я отдалъ для напечатанія въ типографію министерства внутреннихъ дѣлъ, а самъ устроился въ Надеждинской улицѣ, противъ государственнаго коннозаводства. Неподалеку отъ меня жилъ Щегловъ, авторъ „Исторіи социальныхъ системъ“, къ которому я имѣлъ рекомендательную карточку отъ Модестова. Со Щегловымъ познакомился и подѣхавшій изъ Кіева Цѣхановецкій. Они столбовались о томъ, что осенью пріѣдетъ въ Кіевъ Щегловъ, чтобы выдержать экзаменъ на степень магистра политической экономіи. Къ сожалѣнію, этотъ экзаменъ не удался автору исторіи социализма, который провалился на письменномъ отвѣтѣ о рентѣ. Печатаніе моей рукописи затянулось довольно долго; я имѣлъ много свободнаго времени, чтобы хорошо изучить Петербургъ, тонуцій въ водахъ Невъ и Фовоѣ. Изъ тогдашнихъ встрѣчъ въ Петербургѣ вспоминаю покойнаго Замысловскаго, съ которымъ я довольно хорошо познакомился, да Барсукова, который много меня спрашивалъ о Максимовичѣ. Припоминаю также завѣдывавшаго синодальнымъ архивомъ Григоровича, который тогда собирался писать біографію канцлера Безбородко. Но особенно часто я проводилъ время съ своимъ прежнимъ профессоромъ Павловымъ. Я нашелъ въ немъ большую перемену: глядя на него, разбитаго жизнью, мнѣ жалко было того молодого, полнаго мысли Платона Васильевича, котораго мы такъ любили слушать. Даже наружный видъ его очень измѣнился: не было его чудныхъ вудрей до плечъ, потускнѣли черные огненные глаза, на лицѣ—слѣды перенесенной оспы... такимъ былъ Павловъ въ 1870 году, черезъ 11 лѣтъ послѣ того, какъ мы дѣлали ему въ Кіевѣ прощальныя оваціи. Въ бесѣдѣ онъ былъ довольно тяжелъ своимъ многословіемъ и повтореніемъ уже сказаннаго. Видно было, что имъ пережита нравственная катастрофа. Но мнѣ все-таки онъ былъ милъ и дорогъ: съ нимъ связывались воспоминанія о студенческихъ годахъ, о мысли ранней. Я задумалъ, какъ бы переселить нашего Павлова опять въ уни-

верситетъ св. Владиміра, на кафедрѣ теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ. И мнѣ это удалось, благодаря въ особенности поддержкѣ Кистяковскаго. Мы опять увидѣли Павлова на кафедрѣ нашего университета. Но это былъ уже не прежній Павловъ, а его развалина, и намъ больно было думать, что Модестовъ имѣлъ основаніе такъ энергически противодействовать возвращенію въ Кіевъ Павлова.

Въ концѣ іюля книга моя была готова. Часть ея я распродалъ петербургскимъ книгопродавцамъ, а большую часть экземпляровъ передалъ на комиссію Кожанчиову. Это былъ преннтересный типъ русскаго книгопродавца. Малограмотный, онъ наметался въ бесѣдахъ съ петербургскими литераторами настолько, что не только могъ судить о книгахъ, но даже меценатствовалъ, оказывая покровительство молодымъ начинающимъ ученымъ. Оцупавъ книгу, онъ уже составлялъ понятіе, насколько она интересна и рыночна. Онъ очень покровительственно отнесся къ моей „Исторіи дворянства“, обѣщавъ ей полный успѣхъ. Не предсказалъ онъ только той печальной исторіи, которая постигла мою книгу. Я уже совсѣмъ собрался выѣхать изъ Петербурга, какъ получилъ изъ цензуры приглашеніе пожаловать къ г. предсѣдателю цензурнаго комитета, Петрову, объясниться по поводу издавна мною сочиненія. Петровъ когда-то былъ въ Кіевѣ директоромъ первой гимназій и встрѣтилъ меня привѣтливо, какъ земляка. Онъ предложилъ мнѣ перепечатать нѣкоторыя страницы, такъ какъ онѣ могутъ дать поводъ къ недоразумѣніямъ и неприятностямъ. На это я отвѣтилъ, что это невозможно, такъ какъ книга уже въ ходу. На этомъ мы и разстались, и я на другой день выѣхалъ въ Москву, въ которой пробылъ нѣсколько дней, посвященныхъ знакомству съ этимъ интереснымъ городомъ. Въ Москвѣ я занесъ свою книгу Соловьеву и Сергѣевичу, который тогда былъ еще профессоромъ государственнаго права въ московскомъ университетѣ. Приѣхавъ въ Кіевъ, я тотчасъ же поѣхалъ къ семьѣ, въ радомысльскій уѣздъ, но скоро вернулся, такъ какъ мнѣ предстоялъ диспутъ.

Разборъ моей диссертациі былъ написанъ Незабитовскимъ, но какъ будто противъ него написалъ рецензію Сидоренко, вызвавшійся быть моимъ оппонентомъ, хотя предметъ моей диссертациі мало соприкасался съ его спеціальностью. 1-го сентября состоялся мой докторскій диспутъ, при огромномъ стеченіи публики, заинтересованной предметомъ диссертациі и тезисами.

Въ сентябрѣ 1870 года я былъ выбранъ ординарнымъ профессоромъ, получивъ 22 противъ 9. Въ это же засѣданіе былъ

выбранъ на первое пятилѣтіе Н. Х. Бунге, перемѣнившей свою прежнюю катедру на катедру полицейскаго права, большинствомъ 27 противъ 5. Но съ утвержденіемъ меня въ званіи ординарнаго профессора произошла маленькая заминка. Обыкновенно проходитъ на это недѣли три, а относительно моего дѣла шель уже третій мѣсяць, а дѣло не кончалось. До меня дошли тревожные слухи: моя „Исторія дворянства“ подверглась гоненію министра внутреннихъ дѣлъ Тимашева, который, будто бы, указалъ на нее, какъ на книгу вредную, оскорбительную для высшаго сословія, а между тѣмъ разрѣшенную къ печати факультетскою цензурой. Объ этомъ было, будто бы, сообщено графу Толстому. Положеніе графа Толстого обязывало его быть моимъ защитникомъ, что для него было тѣмъ легче, что книга моя стояла на самой лояльной почвѣ. Дѣло кое-какъ разъяснилось, и къ концу декабря послѣдовало мое утвержденіе въ званіи ординарнаго профессора. Но черезъ нѣсколько времени попечитель получилъ, для сообщенія мнѣ, конфиденціальную бумагу, въ которой министръ дѣлалъ мнѣ строгія замѣчанія за нѣкоторыя страницы моей книги, значеніе которой вообще онъ оцѣнивалъ и призывалъ.

За это время произошли перемѣны правящихъ лицъ. На мѣсто Анненкова генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ Безаевъ — человекъ большого ума и страннаго, оригинальнаго нрава. Это былъ типъ администратора-демократа, всецѣло отдававшагося разрѣшенію запутаннаго крестьянскаго дѣла. Суровый и властный, онъ умѣлъ внушить уваженіе къ своей власти, велѣніямъ которой беспрекословно все повиновалось. Но Безаевъ вскорѣ умеръ и замѣненъ былъ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Это былъ человекъ совсѣмъ другого типа, совсѣмъ другой административной программы: сердце его не болѣло отъ крестьянской нужды, и онъ готовъ былъ болѣе склоняться на сторону землевладѣльцевъ. Впрочемъ, онъ пользовался общими симпатіями въ краѣ, который сохранилъ о немъ свѣтлыя воспоминанія.

Попечителя Витте смѣнилъ князь Ширинскій-Шихматовъ — если не ошибаюсь — племянникъ министра. Онъ былъ также усерденъ къ церкви и богомоленъ, но до ханжества у него дѣло не доходило. Отставной морякъ, онъ производилъ впечатлѣніе человека добраго и прямого. Достаточно было всмотрѣться въ его открытую фізіономію, чтобы вполнѣ довѣриться ему. Я не знаю, какъ онъ правилъ округомъ, но къ университету и профессорамъ онъ относился корректно. Онъ очень цѣнилъ ревизіи гимназій профессорами и часто обращался къ совѣту съ предложеніями

о назначеніи такихъ ревизій. Въ 1867 году онъ былъ замѣненъ генераломъ Антоновичемъ, который довольно долго правилъ округомъ. Это былъ человѣкъ болѣе обширнаго ума и болѣе сложной психологіи. Въ молодости онъ, студентъ московскаго университета, былъ разжалованъ въ солдаты. Можетъ быть, вслѣдствіе этого на всю жизнь сохранилъ онъ снисхожденіе къ ошибкамъ и заблужденіямъ молодости. Новгородъ-сѣверецъ, онъ былъ не безъ малороссійской хитрости, и нерѣдко ему приходилось балансировать между симпатіями либераловъ и требованіями начальства. Но человѣкъ широкаго ума и благороднаго сердца, онъ велъ свое дѣло правильно, и о немъ сохранились воспоминанія, какъ объ одномъ изъ лучшихъ попечителей.

Моя частная жизнь въ описываемое мною время была содержательна и разнообразна. Важнѣйшими ея эпизодами были—смерть моей первой жены въ маѣ 1864 года и моя вторичная женитьба. Въ мартѣ 1866 года, на одномъ изъ благотворительныхъ концертовъ, я услышалъ дивное сопрано, которое своей силой могло бы покрыть цѣлый оркестръ. Къ этому присоединялась осмысленная вокализація. Я выросалъ въ пѣвучей семьѣ, которая съ утра до вечера пѣла малороссійскія пѣсни, и обо-жалъ пѣніе. Изъ программы концерта я увидѣлъ, что высое сопрано и художественная вокализація принадлежатъ дѣвицѣ Искрѣ. Мнѣ удалось съ нею познакомиться. Я погостилъ у нихъ въ деревнѣ: мы сблизились, и въ августѣ 1866 года, въ сельской церкви села Оранова, я обвѣнчался съ моей новой подругой. Мнѣ вторично пришлось породниться съ родовитой малороссійской семьей. Но какая разница была между лѣвобережными Гамалѣями и правобережными Искрами! Отъ Гамалѣевъ вѣяло малороссійской козацкой старшиной, съ ея эгоизмомъ и довольно грубыми инстинкетами. Въ потомствѣ полковника Ивана Искры, подписавшаго „доносъ на гетмана-злодѣя царю Петру отъ Кочубея“, не замѣчалось слѣдовъ ничего козацкаго. Отца моей жены я уже не засталъ въ живыхъ, но о немъ сохранилось много свѣтлыхъ, симпатичныхъ воспоминаній, какъ о человѣкѣ доброй и кроткой души, какъ о помѣщикѣ, заботившемся о своихъ крестьянахъ, которые называли его своимъ „батькой“.

Впервые мнѣ, полтавцу, привывшему въ черноему, къ степнымъ пейзажамъ и чуднымъ видамъ лохвицкаго и лубенскаго уѣздовъ,—впервые пришлось побывать въ Полѣсьѣ, радомысльскаго уѣзда. Какая унылая, монотонная природа: пески да вырубленный сосновый лѣсъ, и вездѣ одно и то же. Не на чемъ остановиться взору. Лѣвобережный помѣщикій бытъ носилъ дру-

гой, болѣе жесткій характеръ. Но что меня въ особенности удивляло—что большинство помѣщиковъ радомысльскаго уѣзда были поляки, что подъ самымъ Кіевомъ господствовалъ польскій языкъ. Эти польскіе элементы представляли собою болѣе высокую культуру; хозяйство велось гораздо лучше, чѣмъ на лѣвомъ берегу; строй жизни былъ правильнѣе; семейные нравы чище; было болѣе дисциплины и менѣе распущенности, которою такъ отличалось лѣвобережное дворянство. Все это я наблюдалъ скоро послѣ повстанья 1863 года, навалившагося такимъ тяжелымъ бременемъ на мѣстную помѣщичью жизнь, которая еще не пришла въ себя, не устроилась, и все-таки представляла много и хорошихъ чертъ.

А. В. Романовичъ-Славатинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н Е В А.

На сѣверѣ суровомъ, гдѣ зимою
Такъ рѣдко блещетъ неба синева,
Прозрачною, студеною волною
Несется въ даль красавица-Нева.

На берегахъ, гдѣ нѣкогда осовой
Заглохшія болота поросли,
Гдѣ средь глуши пустынно-одинокой
Лишь вѣтеръ съ моря завывалъ вдали,
И чайка бѣлая, спускаясь надъ водою,
Перомъ скользила рѣзваго крыла,
Возсталъ богатый городъ надъ рѣкою
По мановенью царсваго жезла.

Краса и гордость сѣверной столицы,
Нева ее какъ лентой обвила;
Надъ ней горять весеннія зарницы,
Встаетъ ночь мая—словно день свѣтла.

Я блескъ люблю струи ея холодной,
Просторъ и ширь могучаго русла,
Льдинъ хороводъ весною полноводной,
Алмазы брызгъ подъ взмахами весла.

Люблю, когда въ сіяньи яркомъ злата
Надъ ней багряный гаснетъ лучъ зари
И въ сумеркахъ морознаго заката
Вдругъ замелькають, вспыхнувъ, фонари.

Подъ льдомъ прозрачнымъ схоронясь глубоко,
Покрыта бѣлымъ снѣговымъ ковромъ,
Она равниной стелется далеко,
Теряясь въ пространствѣ голубомъ.

И страшенъ мигъ, когда, движенья полны,
 Сердито бьютъ береговой гранить,
 Бѣля пѣной, бѣшенныя волны,
 И ярость ихъ погибелью грозить.

Но въ тщетной злобѣ съ бурей поспоря,
 Вновь усмирится гнѣвная рѣка,
 И воды слить съ струей привольной моря
 Она спѣшитъ, спокойна и легка.

* * *

День весенній угасъ, потемнѣлъ кругозоръ,
 Встала ночь краше сказочной феи,
 И луна набросала дрожащій узоръ
 На песокъ, подъ вѣтвями аллей.
 Въ полу-мглѣ потонулъ зеленѣющій садъ,
 Все окутали мягкія тѣни;
 Отъ березовыхъ листьевъ, струясь, ароматъ
 Слился съ запахомъ первой сирени.
 Соловей защелкалъ... Что за чудная ночь!
 Въ сердцѣ смолгла дневная забота,
 И уснуть въ эту чудную пору не въ мочь,
 И входить въ душный домъ неохота...
 Приходи, милый другъ, посидѣть у пруда,
 Гдѣ, сплетаясь, склонились березы,
 И глядя, какъ луной серебрится вода,
 Отдадимся во власть тихой грезы.
 Говорить я не стану съ тобой ни о чемъ,
 Чтобъ волшебную тишь не нарушить.
 Лишь, къ плечу твоему наклоняясь плечомъ,
 Буду трель соловьиною слушать.

Л. Кологривова.

УРОЖЕНЕЦЪ ВИРГИНИИ

РОМАНЪ.

—The Virginian. A Horseman of the plains, by Owen Wister. London—New-York. 908.

XIII *).

Вся Америка—это несомнѣнный фактъ—дѣлится на два класса: на знатныхъ—и на равныхъ. Послѣдніе всегда признають аристократію, если ихъ ошибочно причисляютъ къ ней. Такъ оно будетъ у насъ обстоять до тѣхъ поръ, пока наши американки не будутъ производить на свѣтъ только однихъ королей... „Декларация независимости“ была, собственно, со стороны американцевъ, признаніемъ „вѣчнаго неравенства“ людей: Ею уничтожена была только родовая аристократія, при которой мелкіе люди занимали высокое положеніе, а люди значительные обречены были на скромныя роли; наша любовь къ справедливости не могла мириться съ такимъ насиліемъ надъ человѣческой природой. Вотъ почему мы и постановили, что у насъ отнынѣ всякій человѣкъ одинаково имѣетъ право искать себѣ самъ соотвѣтствующее ему мѣсто въ обществѣ. Тѣмъ самымъ мы признали у себя дѣйствительный аристократизмъ: „побѣда за достойнѣйшимъ, кто бы онъ ни былъ“—таковъ жизненный лозунгъ Америки. Истинная аристократія и истинная демократія—это одно и то же. Кто этого не видитъ, тотъ слѣпъ...

---

*) См. выше: апр., 605 стр.

Такъ разсуждалъ я, направляясь въ Биллингсъ, въ Монтанъ, недѣли три спустя послѣ неожиданной встрѣчи съ моимъ виргинцемъ въ Омагѣ, въ Небраскѣ. Я не зналъ, что судья Генри поручилъ ему дѣло, по которому онъ долженъ былъ отправиться на Западъ. А я собрался поѣздить съ нимъ по горамъ, надѣясь застать его въ мѣстечкѣ „Глубокой-Рѣкѣ“. Но вдругъ я встрѣтился съ нимъ въ „Гастрономическомъ дворцѣ“ полковника Кира Джонса.

Дворецъ этотъ находился въ Омагѣ, вблизи станціи, и представлялъ собою деревянную хижину, расписанную золотыми эмблемами, орлами и пароходами; у входа лежалъ ручной медвѣдь. Въ хорошую погоду двери дворца раскрывались настежь, и передъ взорами обѣдающихъ проходили вереницы людей всѣхъ оттѣнковъ кожи: индійскіе вожди, китайцы, африканцы, выходцы изъ Европы, всевозможные авантюристы, женщины въ яркихъ одеждахъ, и т. п.

Я направился туда, выйдя изъ спальнаго вагона, и у самаго входа пораженъ былъ доносившимся до меня голосомъ полковника, котораго я никогда до того не видалъ. Онъ стоялъ въ глубинѣ своего дворца, въ конфедератскомъ мундирѣ, съ пышными сѣдыми усами, и передавалъ требованія своихъ гостей повару черезъ отверстіе въ стѣнѣ. При входѣ нужно было купить билетъ, уплачивая заранѣе за ѣду; мѣра эта была принята въ виду того, что посѣтители часто уходили, не заплативъ по счету. Я купилъ билетъ и вошелъ въ залу. Давно уже я не слышалъ такого голоса, какъ голосъ полковника, и на меня повѣяло свѣжестью долинъ отъ его окриковъ. Я подошелъ поближе — и вдругъ увидалъ передъ собой виргинца; онъ сидѣлъ одинъ за столикомъ.

Поздоровавшись со мной съ тѣмъ равнодушіемъ, которое ему казалось болѣе приличествующимъ для встрѣчъ въ городѣ, онъ все-таки прибавилъ почти ласково: — Я радъ увидѣть наконецъ *человѣка!* Вѣдь этотъ народъ не умѣетъ даже ѣсть — всѣ они спѣшать только насытиться. — И онъ окинулъ присутствующихъ своимъ зоркимъ и вмѣстѣ хмурымъ взглядомъ.

— А зачѣмъ вы сюда явились? — спросилъ я.

— Что жъ дѣлать? Когда нѣтъ выбора, берешь что есть. — И виргинецъ взялъ въ руки списокъ блюдъ. Я повялъ, что онъ чѣмъ-то занятъ, и оставилъ его въ покоѣ.

Онъ продолжалъ просматривать „меню“.

— Какъ вамъ это понравится? — спросилъ онъ, передавая мнѣ грязную бумажку, на которой были обозначены самыя невѣроятныя кушанья: *salmis*, *sauparés*, *suprêmes* и т. п. Я зналъ эту

устарѣвшую манеру въ Америкѣ списывать какое-нибудь европейское ресторанный меню, и зналъ, какая ужасная пища соотвѣтствуетъ широковѣщательнымъ названіямъ. И виргинецъ зналъ это, очевидно, не хуже меня.

— Старая штука!—сказалъ я.

— Посмотримъ, что выйдетъ, если заказать вотъ это,—и онъ показалъ пальцемъ на одно изъ обозначенныхъ въ спискѣ блюдъ: „Лягушечья лапка à la Delmonico“.—Интересно, дѣйствительно, какъ выпутается хозяинъ изъ подобнаго затрудненія,—отвѣтилъ я. Но мнѣ припомнился старый тѣхасскій анекдотъ о томъ, какъ путешественникъ, прочтя меню, потребовалъ себѣ *vol-au-vent*,—хозяинъ же, приставивъ ему пистолетъ къ уху, сказалъ:—Вамъ подадутъ котлеты!—Вспоминая это, я потребовалъ лягушечьихъ лапокъ для виргинца.

— Лягушечьихъ лапокъ ему?—переспросилъ полковникъ громовымъ голосомъ. Онъ пристально взглянулъ на меня и прищурилъ глаза.—Сегодня, видите, здѣсь завтравало много ученыхъ,—сказалъ онъ.—Одинъ миссіонеръ, только-что передъ вашимъ приходомъ, съѣлъ послѣднюю порцію лапокъ... — Поджареной пшеницы!—крикнулъ онъ въ отверстіе въ стѣнѣ, передавая требованіе одного изъ гостей, заказавшаго пшеничныя лепешки.

— Дайте мнѣ тогда печеныхъ яицъ, да чтобы ихъ подпекли съ обѣихъ сторонъ!—потребовалъ виргинецъ.

— Подайте „бѣлыя крылья“!—передалъ полковникъ пѣвучимъ голосомъ требованіе виргинца.—Взмахните ихъ вверхъ и внизъ!

— Да еще непрожаренный бифштексъ и чернаго кофе,—прибавилъ виргинецъ.

— „Убійство на сковородѣ“, такъ чтобы кровь стекала!—крикнулъ полковникъ:—да еще нацѣдите „ночнаго мрака“!

— Мнѣ, пожалуйста, стаканъ воды,—сказалъ я.

Полковникъ взглянулъ на меня съ сожалѣніемъ.—Миссури со льдомъ для профессора!—крикнулъ онъ.

Въ эту минуту въ залу вошло нѣсколько человѣкъ, запыхавшихъ съ дороги. Усаживаясь за столъ, каждый изъ нихъ кивнулъ головой виргинцу. Одного изъ вошедшихъ я узналъ.

— Да вѣдь это тотъ самый человѣкъ, съ которымъ вы играли въ карты въ Медесинъ-Боу,—сказалъ я.—Да, это Трампасъ. У него теперь здѣсь оказалось дѣло.—Виргинецъ ничего болѣе не добавилъ и продолжалъ завтракать.

Наружность виргинца значительно измѣнилась со времени нашей послѣдней съ нимъ встрѣчи; онъ не очень возмужалъ, но

утратилъ прежнее выраженіе дѣтскости. Это уже не былъ задорный провазникъ, который поднялъ на ноги весь Медесинъ-Боу своимъ пари со Стивомъ и возмутилъ все населеніе „Медвѣжьей-Рѣки“ своей продѣлкой съ младенцами. Но нѣкоторая возмужалость уже была замѣтна теперь на его лицѣ и очень шла къ нему. Его молодая сила, казалось, развились и окрѣпли, и онъ научился сдерживать ихъ.

Послѣ завтрака мы отправились на станцію.

— Судья очень расширилъ свое дѣло въ этомъ году, — началъ виргинецъ небрежнымъ тономъ, изъ чего я заключилъ, что онъ сообщалъ нѣчто важное для него. — Это — первый транспортъ нашихъ воловъ, — продолжалъ онъ. — Ихъ отправляютъ въ Чикаго двумя партіями черезъ Берлингтонъ.

Мы медленно прошлись вдоль обоихъ поѣздовъ: двадцать вагоновъ нагружены были волами, испуганно глядѣвшими на насъ изъ-за рѣшетокъ. — Они почти ничего не ѣли, — сказалъ виргинецъ, — и не пили съ тѣхъ поръ, какъ попали въ поѣздъ; видъ у нихъ таковой, точно они знаютъ, зачѣмъ ихъ везутъ въ Чикаго.

И тѣмъ же небрежнымъ тономъ онъ разсказалъ мнѣ остальное. Судья Генри не могъ отпустить своего управляющаго; онъ ему нуженъ былъ для второго транспорта; поэтому эти два поѣзда — каждый изъ десяти вагоновъ, съ двойнымъ составомъ погонщиковъ — ввѣрены были виргинцу. На обратномъ пути изъ Чикаго онъ еще долженъ былъ повидаться съ директорами нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ и выхлопотать льготные тарифы для провоза дальнѣйшихъ транспортовъ скота.

— Вы, значить, получили повышеніе, стали управляющимъ, — сказалъ я.

— Нужно же, чтобы кто-нибудь былъ управляющимъ, я полагаю.

— И вы, конечно, тяготитесь этимъ повышеніемъ?

— Ни о какомъ повышеніи нѣтъ и рѣчи, — отвѣтилъ онъ. — Погонщики привыкли смотрѣть на меня какъ на товарища... А почему бы и вамъ не поѣхать съ нами до Платсмута? — Этимъ вопросомъ онъ какъ бы отклонилъ отъ себя дальнѣйшій разговоръ на эту тему. Я принялъ его предложеніе, такъ какъ изъ Платсмута я могъ поѣхать дальше съ другимъ поѣздомъ.

Хозяинъ, очевидно, былъ о немъ высокаго мнѣнія, если довѣрилъ ему нѣсколько тысячъ головъ скота и команду надъ людьми. Отвѣтственность за скотъ кончалась въ Чикаго, но на обратномъ пути управляющему предстояло выполнить гораздо болѣе трудную задачу — увести незанятыхъ дѣломъ товарищей изъ

городовъ и доставить ихъ обратно на работу въ помѣстьѣ судьи. Послѣдній былъ бы очень огорченъ, если бы они не вернулись, такъ какъ нуждался въ рабочихъ. А управлять людьми въ странѣ, гдѣ всѣ считаютъ себя равными, не легко, и положеніе виргинца было довольно затруднительное. Нашъ поѣздъ, между тѣмъ, медленно шелъ вдоль береговъ Миссури и добрался до Платсмута, гдѣ его оставили на запасный путь, чтобы дать проѣхать поѣзду, съ которымъ ѣхало одно миссіонерское общество. Погонщики усѣлись коротать время за игрой въ покеръ; я же съ виргинцемъ сѣлъ на платформу и смотрѣлъ вдаль на необъятныя пространства песковъ.

— Можетъ быть, вамъ тоже хочется поиграть съ ними?— спросилъ я.

— Въ покеръ? съ этими щенятами?— Въ глазахъ его на минуту свернуло выраженіе гордости и быстро исчезло; онъ закончилъ фразу своимъ обычнымъ благодушнымъ тономъ, растягивая слова:— Я люблю играть только въ интересныя игры,— и вынувъ изъ кармана книгу, романъ Вальтеръ Скотта, „Кениль-вортъ“ (онъ уже раньше сообщилъ мнѣ, что романъ этотъ ему дала для прочтенія миссъ Молли Вудъ), онъ сталъ медленно перелистывать страницы.

— Королева Елизавета навѣрное отлично сыграла бы въ покеръ,— неожиданно сказалъ виргинецъ.

— Въ покеръ?

— Да. А скажите, помните вы Шекспировскаго толстяка?

— Фальстафа? Еще бы.

— Какая грандіозная фигура! А жаль, что Шекспиръ не зналъ игры въ покеръ. Фальстафъ въ его драмѣ навѣрное по цѣлымъ днямъ игралъ бы въ покеръ съ Долли Тиршитъ. А принцъ выигралъ бы у нихъ партію.

— Принцъ былъ уменъ,—сказалъ я.

— Развѣ?—а я объ этомъ и не подумалъ.

— А Фальстафъ, по вашему, не уменъ?

— Достаточно для того, чтобы играть въ вистъ.

— Вы, можетъ быть, понимаете, о чемъ говорите—а я вѣдь не знаю.

Виргинецъ кротно поглядѣлъ на меня.— Умный человекъ, видите, всегда сѣмѣетъ играть въ вистъ—для этого нужны только карты. Для покера же этого мало. Такой человекъ, какъ Шекспировскій принцъ (тутъ дѣло не въ умѣ, а въ чемъ-то гораздо болѣе глубокомъ) будетъ выигрывать въ покеръ, что бы у него ни было въ рукахъ—маленькій ли дрянной пистолетъ, или

заряженный шестиствольный револьверъ, или даже ничего, кромѣ присутствія духа. Всякая старая ветошь годится такому чело-вѣку, какъ принцъ, для повера.

— Хотѣлъ бы я, чтобы вы точнѣе опредѣлили, въ чемъ состоить, по вашему, игра въ покеръ, — сказалъ я.

Но прежде чѣмъ виргинецъ успѣлъ мнѣ отвѣтить, миссіонерскій поѣздъ сталъ переѣзжать мостъ; всѣ вагоны были украшены яркими флагами, и у оконъ стояли члены христіанскаго братства, весело махая платками и оглашая воздухъ радостными кликами. Раздался сигналъ, товарный поѣздъ могъ двинуться въ путь — и я соскочилъ съ платформы.

— Скажите судья, что, пока, все обстоитъ благополучно, — сказалъ виргинецъ, и мы на время расстались съ нимъ.

XIV.

Въ „Глубокую-Рѣву“ мнѣ пришлось ѣхать не прямымъ путемъ. По желѣзной дорогѣ я нѣсколько уклонился на сѣверо-западъ, въ форть Мидъ, гдѣ провелъ нѣсколько времени въ пріятномъ военномъ обществѣ. Оттуда я поѣхалъ верхомъ, но въ „Черныхъ-Горахъ“ меня настигъ пренепріятный дождь, и я былъ радъ, когда могъ сѣсть въ дилижансъ и расстаться съ моей измученной лошадыю.

— Значить, сегодня будетъ шесть ногъ въ этой таратайкѣ, — сказалъ кто-то, когда я взбирался по колесу въ дилижансъ. — Спасибо еще, что не восемь, — прибавилъ онъ веселымъ голосомъ, — не правда ли, Шорти! — Сказавъ это, онъ хлопнулъ по плечу своего сосѣда. Я принялъ ихъ за старыхъ пріятелей, но оказалось, что мы всѣ одинаково чужіе другъ другу. Они рассказали мнѣ о новой вспышкѣ „золотой горячки“ въ Рогайдѣ, и мы разговорились по этому поводу. Когда разговоръ прервался, я сталъ мечтать о предстоящихъ осеннихъ развлеченіяхъ въ помѣстьѣ судьи. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ онъ сообщалъ, что изъ Биллингса отправляется кавалькада къ нему седьмого числа, и что для меня заказана лошадь. Въ дилижансъ я сѣлъ пятого и надѣялся попасть въ-время въ Биллингсъ. Мы кое-какъ размѣстили свои шесть ногъ въ дилижансѣ и тряслись по размоченной дождемъ дорогѣ, ничего не зная другъ о другѣ, кромѣ того, что можно было прочесть на лицахъ.

Мои спутники, впрочемъ, ничего не утаивали. Тотъ, кто хлопнулъ по плечу Шорти, поспѣшилъ назвать себя:

— Мое имя Сципіонъ Лемуанъ, изъ Галлиполиса въ Огайо, — сказалъ онъ. — У насъ всегда старшему въ родѣ даютъ это имя; оно французское. Наша семья бѣлая уже болѣе ста лѣтъ.

Онъ былъ подвиженъ и ловокъ, и умѣлъ такъ искусно мѣнять положеніе, когда дилижансъ подпрыгивалъ или намеренялся на бокъ, что совершенно не стучался при толчкахъ. У него были блѣдные, выцвѣтшіе глаза и странный, длинный, смѣшной носъ. Онъ занимался главнымъ образомъ скотоводствомъ, но въ настоящее время былъ безъ дѣла и подыскивалъ подходящее занятіе. Мысль о Рогайдѣ его очень занимала. Шорти, какъ мнѣ казалось, тоже высматривалъ себѣ дѣло. У него были свѣтлые волосы и кроткій, приниженный видъ.

По прихоти судьбы и желѣзной дороги, намъ пришлось короче познакомиться другъ съ другомъ. Мы приближались къ Медорѣ. Я усѣлся поудобнѣе и дремалъ въ пріятномъ ожиданіи конца путешествія въ дилижансѣ. Вдругъ я почувствовалъ рѣзкій толчокъ и, проснувшись, увидѣлъ быстро выпрыгивающаго изъ дилижанса Сципіона; вслѣдъ за нимъ полетѣлъ и Шорти. Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ паръ отъ локомотива. Поѣздъ остановился на довольно далекомъ разстояніи отъ насъ, и уже собирался двинуться въ путь. Когда нужно догнать поѣздъ, чемоданъ становится очень неудобнымъ дорожнымъ товарищемъ, особенно если приходится бѣжать сначала по глубокому песку, а потомъ — по топкому болоту; подъ моими ногами очутился еще, вдобавокъ, кусокъ оборванной проволоки, въ которой я запутался. Но мы все-таки бѣжали изо всѣхъ силъ; мои товарищи по несчастью махали платками; но все оказалось тщетнымъ. Когда мы подбѣжали къ полотну, поѣздъ уже тронулся, сердито и отрывисто пыхтя. Намъ предстояло ждать слѣдующаго поѣзда цѣлыя сутки.

Я швырнулъ съ досадою чемоданъ на землю и сѣлъ на него молча.

Шорти сталъ громко изливать свою душу. Всѣ его незатѣйливныя тайны вышли наружу: и то, что онъ потерялъ теперь работу, что онъ несчастливо игралъ въ карты и долженъ былъ продать лошадь и сѣдло, чтобы нагнать товарища, ѣхавшаго съ этимъ поѣздомъ; онъ точно рассказалъ о томъ, что этотъ пріятель собирался сдѣлать для него. Такъ онъ оглашалъ воздухъ перечисленіемъ своихъ бѣдъ, точно воздуху было до него какое-нибудь дѣло.

Сципіонъ же притворялся сначала спокойнымъ. Онъ засунулъ руки въ карманы, прищурилъ глаза, слѣдя за послѣднимъ

вагономъ уходящаго вдаль поѣзда, и когда поѣздъ окончательно скрылся изъ виду, Сципионъ принялся изо всѣхъ силъ ругать его, точно это былъ живой человѣкъ, обманувшій его надежды.

— Ты вѣрно полагаешь, что надулъ меня?—кричалъ онъ.— Какъ бы не такъ, щенокъ! Очень ты мнѣ нуженъ! Гордишься тѣмъ, что катишься по рельсамъ,—а вотъ еслибы я тебя поволокъ саженъ на десять въ кусты,—посмотримъ, какъ бы ты нашель дорогу! Ахъ, ты, обитая бархатомъ, обшитая нивкелемъ, свистающая уборная! По твоему, мнѣ не все равно, ѣхать ли на западъ или на востокъ?..

Исчерпавъ цѣлый лексиконъ бранныхъ словъ, неудобныхъ для передачи, Сципионъ вдругъ сжалился надъ локомотивомъ и сталъ соболѣзновать ему, въ виду того, что у него навѣрное нѣтъ матери.

— А отецъ, по вашему, есть?—спросилъ чей-то протяжный голосъ.

Я вскочилъ—передо мною былъ виргинецъ.

— Я доставилъ скотъ, куда слѣдуетъ,—сообщилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, и затѣмъ прибавилъ:—Мнѣ было васъ очень жалко, когда я видѣлъ, какъ вы бѣжали за поѣздомъ. А чемоданъ вашъ не пострадалъ, когда вы его такъ швырнули объ землю?

— Кто это?—съ любопытствомъ спросилъ меня Сципионъ.

Южанинъ сидѣлъ, съ газетой въ рукахъ, на задней площадкѣ вагона для рабочихъ, прицѣпленнаго къ товарному поѣзду, шедшему на западъ. Часть его порученія была исполнена; онъ сдалъ свой грузъ въ Чикаго и возвращался теперь домой съ погонщиками (я слышалъ, какъ они галдѣли въ вагонѣ). Управляющій, казалось, былъ доволенъ положеніемъ дѣлъ и совершенно спокоенъ. Я тоже успокоился, такъ какъ зналъ, что теперь доберусь въ Биллингсъ.

— Кто это?—повторилъ свой вопросъ Сципионъ.

Изъ вагона доносился смѣхъ и шумъ, заглушавшій наши слова. Кто-то запылъ: „Сегодня ночью мой чередъ выть“.

— Всѣ завтра завоемъ въ Рогайдъ,—произнесъ другой голосъ, и всѣ закричали хоромъ.

Виргинецъ не обращалъ вниманія на шумъ въ вагонѣ и продолжалъ разговаривать съ нами. Намъ было совѣстно передъ нимъ, такъ какъ теперь выяснилось, что онъ былъ свидѣтелемъ нашей неудачной попытки нагнать поѣздъ и нашей беспомощной ярости при видѣ ушедшаго поѣзда.

Виргинецъ внимательно и, какъ мнѣ показалось, одобрительно поглядѣлъ на Сципиона.

— Судя по вашимъ ногамъ, вы привыкли къ сѣдлу, — сказалъ онъ.

— Еще бы не привыкнуть въ моемъ дѣлѣ!

— А судя по рукамъ, — продолжалъ южанинъ, — вамъ за послѣдніе годы не приходилось держать повода. Вы поваромъ, что ли, были, или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ?

— Предположимъ, что такъ, — отвѣтилъ Сципіонъ. — Ну, а теперь предскажите мнѣ будущее. Можетъ быть, вы на этотъ разъ примете въ соображеніе мой ротъ.

— Мнѣ очень жаль, — кротко отвѣтилъ южанинъ, — но у насъ съ собой нѣтъ ни капли спиртныхъ напитковъ.

— Пойдемте выпить со мной въ городъ! Вы мнѣ очень нравитесь.

Виргинецъ взглянулъ въ сторону питейныхъ заведеній, расположенныхъ вблизи станціи, и покачалъ головой.

— Да вѣдь отсюда такъ близко къ водкѣ, — приставалъ Сципіонъ. — Идемъ. Меня зовутъ Сципіономъ Лемуанъ. Вы ищете на мнѣ мѣдныхъ серегъ — напрасно. Наша семья бѣлая уже болѣе ста лѣтъ. Идемте же! У меня жажды на сорокъ долларовъ.

Въ вагонѣ пѣвіе становилось все болѣе громкимъ, и подъ звуки его колеса вагона задвигались — товарный поѣздъ двинулся въ путь.

Виргинецъ вдругъ поднялся.

— Согласны вы потерпѣть на этотъ разъ жажду и заработать сорокъ долларовъ?

— Чѣмъ же это: опаздываньемъ на поѣзда, руганью или чѣмъ другимъ?

— Я вамъ скажу, когда буду знать навѣрное.

Сципіонъ пристально взглянулъ на виргинца.

— Да вѣдь вы дѣло говорите, — сказалъ онъ и быстро вскочилъ на платформу вагона, куда я взобрался уже до него. — Я подумывалъ о Рогайдѣ, — прибавилъ онъ, — но теперь оставилъ эту мысль.

— Что-жъ, счастливаго пути! — сказалъ Шорти, стоя на полотнѣ подлѣ насъ.

— Пожалуйста, — попросилъ за него Сципіонъ, — возьмите и его съ собой; ему также хотѣлось поѣхать съ этимъ поѣздомъ, какъ и мнѣ.

— Входите, — сказалъ виргинецъ, подзывая Шорти. — Но для него я работы не имѣю, онъ — не то, что вы.

Такимъ образомъ Шорти все-таки присоединился къ намъ, какъ заблудившаяся собака, которая прибѣгаетъ, если ей свист-

нуть. Колеса загромыхали по рельсамъ. Въ вагонѣ ревъ и пѣніе не прекращались.

— Это ваши друзья?—спросилъ Сципіонъ.

— Моя команда,—протянулъ виргинецъ.

— Вы всегда сидите на платформѣ?—продолжалъ свои вопросы Сципіонъ.

— Внутри вагона чувствуешь себя слишкомъ одинокимъ,— отвѣтилъ виргинецъ.

Въ эту минуту изъ вагона вышелъ человекъ и захлопнулъ за собой дверь.

— Адъ и черти!—крикнулъ онъ, глядя на остававшійся позади городъ, и прибавилъ наглымъ тономъ, обращаясь къ виргинцу:—Я вѣдь сказалъ, что мнѣ нужно сходить за бутылкой водки до отхода поѣзда.

— Такъ отправляйся за ней!—отвѣтилъ южанинъ и сбросилъ его съ платформы. Въ то же время онъ вынулъ заряженный револьверъ и прицѣлился. Очувтившись на полотнѣ, бунтовщикъ присмирѣлъ. Наблюдая за нимъ, пока онъ не скрылся изъ виду, мы увидѣли, какъ онъ всталъ и пошелъ по направленію къ питейнымъ заведеніямъ.

XV.

— Это первый рѣшительный шагъ, который мнѣ пришлось сдѣлать за все время,—сказалъ виргинецъ, пряча револьверъ.—Я боялся, что онъ заставитъ меня выстрѣлить.—Онъ съ отвращеніемъ взглянулъ въ сторону исчезавшаго изъ виду города.

— Вы давно знаете вашего друга?—шопотомъ спросилъ меня Сципіонъ.

— Да, довольно давно.

— Съ нимъ шутки плохи—его не проведешь.

— Я надѣялся, что доведу ихъ домой въ полномъ составѣ,—сказалъ виргинецъ, прислушиваясь къ шуму въ вагонѣ.—Это бы удалось—вотъ только этотъ негодяй испортилъ дѣло. Это очень досадно,—добавилъ онъ, помолчавъ,—вы меня понимаете.

Я зналъ, что онъ самолюбивъ, но не подозревалъ, до какой степени въ немъ развито это чувство. Сципіонъ сталъ его утѣшать.

— У васъ ихъ еще много,—сказалъ онъ.

— Я до сихъ поръ ладилъ съ ними,—продолжалъ виргинецъ.—Всю дорогу до самаго Сентъ-Поля они слушались меня

и признавали мой авторитетъ. Вотъ теперь только слухи о золотѣ смутили ихъ. Но какъ бы они ни своевольничали, они все-таки вернутся со мной, согласно приказаніямъ судьи. Никто не сбѣжитъ въ Рогайдъ. Одинъ только остался здѣсь упрямецъ. Придется, быть можетъ, принять мѣры противъ него. А теперь вотъ что: человекъ, котораго я выбросилъ на полотно, былъ нашимъ поваромъ, и я предлагаю вамъ, полковникъ, занять его мѣсто.

Сципionъ вскрикнулъ отъ изумленія.

— Какъ такъ полковникъ? — Онъ сталъ вглядываться въ виргинца. — Развѣ я встрѣчался съ вами во дворцѣ?

— Мы не то что встрѣчались, но я былъ при томъ, какъ, около мѣсяца тому назадъ, вотъ этотъ господинъ заказывалъ за завтракомъ лягушечьи лапки.

— Господи помилуй, въ какомъ я былъ тогда жалкомъ положеніи! — воскликнулъ Сципionъ, выдавая себя. — Мнѣ приходилось по цѣлымъ днямъ выдумывать разныя глупости гостямъ, вѣчно напрягать мозгъ и за самое жалкое вознагражденіе. Дѣло вѣдь не безопасное; надувая людей, раздражаешь ихъ нервы. Я сказалъ, чтобы наняли кого-нибудь другого, а я снова сдѣлаюсь погонщикомъ или пойду воевать съ индѣйцами, или просто буду отдыхать, лишь бы не оставаться здѣсь, гдѣ меня могутъ подстрѣлить въ концѣ концовъ; вѣдь мнѣ только двадцать-пять лѣтъ, и мнѣ жаль моей жизни. Настоящій полковникъ Киръ Джонсъ уже давно умеръ, но его дворецъ пользуется большою извѣстностью, и онъ самъ служилъ ему рекламой — поэтому всегда и нанимаютъ кого-нибудь для исполненія роли полковника. Пренепрятная должность! Я, конечно, съ удовольствіемъ буду служить у васъ поваромъ. Ну, и память же у васъ на лица!

Дверь еще разъ отворилась. На платформу вышелъ человекъ съ густыми черными бровями, черными усами и въ черной рубашкѣ, подпоясанной бѣлымъ платкомъ. Онъ пристально взглянулъ на насъ.

— Здравствуйте! — сказалъ онъ не особенно привѣтливо и прибавилъ, обращаясь къ виргинцу: — Гдѣ же Шофнеръ?

— Онъ теперь, вѣрно, досталъ уже бутылку воды, Трампасъ. Трампасъ опять поглядѣлъ на cadaго изъ насъ въ отдѣльности.

— Вѣдь онъ сказалъ, что вернется.

— Я долженъ сказать, что когда онъ спустился съ поѣзда, то не имѣлъ вида человека, который собирается вернуться.

Сципionъ кашлянулъ при этихъ словахъ виргинца и сосре-

дотоchenно занялся чисткой ногтей. Мы избѣгали глядѣть другъ другу въ глаза. Шорти не шелъ въ счетъ; онъ все время сидѣлъ на верхней ступенькѣ лѣсенки и не принималъ участія въ разговорѣ.

Трампасъ, казалось, былъ въ нерѣшительности.

— А давно уже поѣздъ двинулся?—спросилъ онъ.

— Порядочно, — протяжно отвѣтилъ виргинецъ, взглянувъ на часы.

Трампасъ поглядѣлъ на насъ на этотъ разъ съ явнымъ недоброжелательствомъ.

— Поѣздъ, кажется, становится пассажирскимъ, — сказалъ онъ и, быстро повернувшись, ушелъ въ вагонъ.

— Это и есть упрямецъ, о которомъ вы говорили?—спросилъ Сципионъ.

— Да, — отвѣтилъ южанинъ.

Шумъ внутри вагона затихъ и смѣнился тишиной—не слышно было даже звука разговора. Нашъ поѣздъ неспѣшно гремялъ по рельсамъ, пробѣгая милю за милей на западъ, въ то время какъ ночь начинала спускаться на землю.

— Ужъ не отрядили ли они кого-нибудь изъ своихъ искать Шофнера?—сказалъ виргинецъ. — Пойду-ка я къ нимъ. — Онъ открылъ дверь вагона.—Темновато что-то.—Засвѣтивъ фонарь, онъ вошелъ въ вагонъ и оставилъ насъ однихъ на платформѣ.

— Какъ вамъ кажется, — спросилъ меня Сципионъ, — довезетъ онъ ихъ до „Глубовой-Рѣки“?

— Ему очевидно кажется, что довезетъ. А разъ онъ убѣжденъ, то у него хватить храбрости, чтобы выполнить это на дѣлѣ.

— Такой храбрости еще далеко не достаточно, — воскликнулъ Сципионъ.—Бываютъ минуты, когда нужна храбрость *вопреки* убѣжденію, безъ *отры* въ успѣхъ—иначе все пропало. А вашъ другъ такой глубокой человѣкъ, что ни вы, ни я не можемъ угадать его мысли.

— Если дойдетъ дѣло до стрѣльбы, — вставилъ свое замѣчаніе добрякъ Шорти, — я буду ему помогать.

— Ну васъ со стрѣльбой!—отвѣтилъ Сципионъ, окончательно развеселившись.—На кой чортъ судьѣ грузъ мертвыхъ погонщиковъ, когда ему нужны живые рабочіе?

— Вѣрно, — согласился Шорти.

— Нѣтъ, — размышлялъ Сципионъ въ то время, какъ ночь сгущалась вокругъ насъ.—Онъ ждетъ, чтобы кто-нибудь другой надоумилъ его, какъ дѣйствовать. Я готовъ биться объ закладъ,

что теперь онъ хочетъ только одного—не дать никому догадаться, что онъ самъ не знаетъ, яѣмъ все это кончится.

Сципіонъ высказалъ всѣ свои мысли, закурилъ папиросу и замолчалъ; мудрость его изсякла. Наступила ночь. На крышѣ вагона появился рабочій, зажигая фонари, и прошелъ дальше, не обращая на насъ вниманія. Холодный вѣтеръ подулъ издалека, свидѣтельствуя о приближеніи къ горамъ.

— Это вѣтеръ изъ Монтаны,—сказалъ Сципіонъ втягивая въ себя воздухъ.—Какъ я радъ снова подышать имъ.

— Вамъ не холодно?—раздался голосъ виргинца.—Въ вагонѣ мѣста достаточно.

Ему очевидно хотѣлось, чтобы мы вошли вслѣдъ за нимъ, но онъ не хотѣлъ подать вида, что нуждается въ поддержаніи.—Эти господа опоздали на экспрессъ въ Медорѣ,—сказалъ онъ погонщикамъ, когда мы вошли. За кого они насъ приняли—я не знаю. Въ вагонѣ чувствовалось какое-то общее напряженіе. Я старался расположить ихъ къ себѣ въ виду того, что намъ предстояло проѣхать еще триста миль вмѣстѣ, и сталъ напоминать имъ о нашемъ прежнемъ знакомствѣ въ помѣстьѣ судьи.—Я такъ радъ, что нагналъ васъ,—сказалъ я,—а то бы мнѣ ниваже не попасть въ „Глубокую-Рѣку“. Я еще сталъ говорить имъ разныя любезности, но они отвѣчали мнѣ очень кратко и уклончиво и глядѣли въ сторону.

Разговоръ не клеился, но Трампасъ задѣлъ оживившую всѣхъ тему.

— Вы отправляетесь туда, гдѣ теперь идетъ горячка?—спросилъ онъ, обращаясь къ Шорти.

— Горячка?—переспросилъ Шорти, поднимая глаза.

— Ну да, въ Рогайдъ,—сказалъ Трампасъ, и всѣ стали пристально глядѣть на Шорти.

— Я самъ не знаю, куда мнѣ ѣхать, въ виду того, что я упустилъ экспрессъ,—отвѣтилъ Шорти.

— Можетъ быть, я дамъ вамъ работу,—сказалъ виргинецъ.—Мнѣ нужна партія людей для земляныхъ работъ.

— Если вы ищете компанію, то отправляйтесь въ Рогайдъ, туда многіе ѣдутъ,—продолжалъ Трампасъ, вербуя себѣ сторонника.

— А чтò тамъ болтаютъ про Рогайдъ?—спросилъ Сципіонъ, искусно отклоняя уговоры Трамаса.—Много они тамъ достаютъ золота? Видали ли вы руду?

— Руду!—воскликнулъ одинъ изъ присутствующихъ.—Вотъ.

--И онъ вынулъ изъ кармана кусокъ руды.

— Вѣчно вы показываете вашу руду, — сказали недовольнымъ тономъ Трампасъ, такъ какъ Шорти снова сталъ дремать, и общимъ вниманіемъ овладѣлъ Сципіонъ.

— Гмъ! — сказалъ Сципіонъ, разглядывая руду. Онъ вертѣлъ ее въ рукахъ, внимательно оглядывалъ со всѣхъ сторонъ, подбрасывая ее на воздухъ, и отдалъ ее обратно собственнику. — Это порфирій. — Онъ сказалъ это спокойнымъ и безапелляционнымъ тономъ, прекращавшимъ всякіе дальнѣйшіе разговоры, и сталъ рассказывать о знакомыхъ ему золотыхъ приискахъ въ Мексикѣ и Аризонѣ.

Шорти заснулъ, и Трампасъ не могъ болѣе возобновлять съ нимъ разговора, а къ утру мы посовѣтовали Шорти то-и-дѣло мѣнять свои рѣшенія, чтобы окончательно отвадить Трампаса отъ желанія завербовать его.

Мы улеглись на койки въ вагонѣ и представляли собой очень мирное зрѣлище. Я почти тотчасъ же заснулъ отъ усталости и проснулся среди ночи, почувствовавъ, что въ вагонѣ врывается свѣжій воздухъ. Открывъ глаза, я увидѣлъ, что дверь раскрыта, и у нея сидитъ одинокая фигура виргинца, глядящаго на луну.

XVI.

Вамъ случалось, вѣроятно, проснуться иногда утромъ, совершенно не понимая, гдѣ вы очутились. Такъ и я, проснувшись въ вагонѣ, услышалъ голоса, но не понималъ, въ чемъ дѣло.

Вдругъ раздались слова: — Гаттавэй; отъ Портленда 1291.

Эти слова не пробудили ничего въ моемъ сознаніи, и я продолжалъ дремать подъ мѣрный звукъ колесъ. Черезъ нѣсколько времени я проснулся на слѣдующей стоянкѣ; когда мы снова двинулись въ путь, кто-то снова произнесъ: — Росбутъ; отъ Портленда 1279. — Эта цифра меня окончательно разбудила: — Что это? прежде вѣдь было 1291.

Я сталъ вспоминать настроеніе вагона въ предшествующій вечеръ, и на слѣдующей стоянкѣ окончательно понялъ, что собственно происходитъ.

— Форситъ, — прочелъ одинъ изъ табунщиковъ названіе станціи. — Отъ Портленда 1266.

Они считали уменьшающееся разстояніе по направленію къ западу, т.-е. къ Рогайдѣ и тамошнимъ золотымъ приискамъ. Въ этомъ чувствовалось мятежное настроеніе, и я замѣтилъ, какъ оно растетъ, когда раздобылъ себѣ свѣжей воды въ Форситѣ и

стать умываться въ присутствіи моихъ спутниковъ. Мы приближались къ Рогайдѣ, т. е. къ станціи, съ которой нужно было свернуть на пріисви. Въ этой близости соблазна была сила Трамаса, и въ этомъ заключался его перевѣсъ надъ виргинцемъ. Послѣдній, однако, казалось, никакой опасности не предвидѣлъ и спокойно завтракалъ въ Форситѣ.

Поѣздъ, послѣ остановки, снова медленно поползъ вдоль береговъ Иеллоустона, и бунтовщики сидѣли нѣсколько времени молча, предаваясь отдыху.

— Откуда у тебя этотъ шрамъ? — спросилъ одинъ погонщикъ у своего сосѣда.

— По глупости получилъ его.

— Твоей?

— Да, моей собственной. Я какъ-то, прошлымъ лѣтомъ, гуляя, увидалъ большую змѣю, и когда товарищи стали раззадоривать меня, говоря, что я не могу справиться съ ней, я со всего размаха закинулъ лассо и схватилъ ее за хвостъ; затѣмъ сталъ размахивать ею по воздуху, какъ бичемъ, и отхватилъ у нея такимъ образомъ голову. Вы видали когда-нибудь, какъ это дѣлается?

Слушатели вивнули головой съ нѣсколько усталымъ видомъ.

— Но оторванная голова полетѣла прямо на меня, захватила меня зубами, и я долго послѣ того былъ боленъ.

— Вотъ что значитъ быть неловкимъ. Нужно было такъ схватить змѣю, чтобы голова упала не на тебя, а въ противоположную сторону, въ кусты.

— Кстати объ укусахъ, — вмѣшался въ разговоръ другой погонщикъ: — что вы скажете объ этомъ? — Онъ показал свой большой палецъ.

— Господи помилуй! — воскликнулъ Сципiонъ: — ужъ не львиный ли это укусъ?

— Вовсе нѣтъ, — обиженно отвѣтилъ погонщикъ. — Я добывалъ свиные яйца для одного ботаника изъ Бостона, — сталъ онъ объяснять мнѣ.

Вся компанія почему-то недовѣрчиво отнеслась къ началу его разказа; мнѣ стало его жалко, и я попросилъ его продолжать разсказывать. Моя вѣжливость тоже почему-то вызвала хихиканіе у двухъ погонщиковъ; Сципiонъ же поглядѣлъ на меня съ явной досадою, и, посидѣвъ нѣсколько минутъ съ нами, вышелъ на платформу къ виргинцу.

— Этотъ молодой человекъ, — продолжалъ разсказчикъ, — носилъ короткіе до колѣнъ штаны, толстые очки и черезъ плечо

у него висѣла длинная жестяная коробка—оттого-то я и зналъ, что онъ ботаникъ. Ему нужны были свиныя яйца—той породы маленькихъ совъ изъ прерій, которыя, будто бы, могутъ вертѣть головой и въ упоръ глядеть на человѣка. Мы проѣзжали черезъ одинъ городъ въ преріяхъ, и я сказалъ, что найду свиное гнѣздо; мнѣ самому было интересно узнать, правда ли, что совы живутъ вмѣстѣ съ собаками и змѣями.

Разсказчикъ остановился и поглядѣлъ на меня. Я изобразилъ на своемъ лицѣ полное вниманіе и довѣріе къ его разсказу.

— Такъ вотъ,—продолжалъ онъ,—пока ботаникъ бродилъ по городу, отыскивая совмѣстное жилище собаки и совы, я сталъ рыть яму въ землѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ только-что передъ тѣмъ увидѣлъ сову, скрывшуюся въ землю. И вотъ что вышло изъ этого!—онъ снова показалъ палецъ.

— Въ норѣ оказалась змѣя!—воскликнулъ я.

— Да, сэръ. Какъ разъ тогда змѣя осталась охранять домъ. Я вытащилъ ее вмѣстѣ съ пальцемъ, въ который она впѣпилась. Это была длинная гремучая змѣя, съ восьмью позвонками въ хвостѣ.

— Съ восьмью позвонками!—воскликнулъ я.—Такая огромная!

— Да, сэръ, я уже думалъ, что мнѣ конецъ пришелъ. Но женщина...

— Какая женщина?

— Да жена ботаника. Развѣ я вамъ не сказалъ, что съ нимъ была жена? Она оказалась гораздо храбрѣе мужа. Онъ сейчасъ потерялъ голову, сталъ плавать на то, что у него нѣтъ воды, что ножъ его недостаточно острый, чтобы ампутировать имъ палецъ, что докторъ живетъ за двадцать миль, и всякую другую ерунду,—а самъ ничего не дѣлалъ. Она же кинулась къ нему, стала шарить въ его карманѣ и кричать: „Дай ему камень, Августъ“! Вытащивъ у него цѣлительный индійскій камень—это былъ первый, который я увидалъ въ моей жизни,—она приложила его къ моему пальцу—и весь ядъ сразу вышелъ.

— Какъ же это случилось?—спросилъ я.

— Да камень всосалъ ядъ, какъ пропускная бумага всасываетъ чернило. Станный это камень съ виду—мягкій и сѣрый; и какъ только онъ всосалъ ядъ, такъ и отвалился самъ собой. Я поблагодарилъ ее за то, что она сохранила присутствіе духа. Но я не догадывался, до чего она была тогда взволнована—это обнаружилось только нѣкоторое время спустя: у нея родился ребенокъ съ восьмью лишними позвонками.

Въ вагонѣ поднялся неистовый хохотъ, къ которому и я

добродушно присоединился, хотя и былъ самъ жертвой ловкой выдумки; но разсказчикъ такъ искусно переплелъ правду съ выдумкой, что трудно было не попасться на удочку, — и мнѣ вовсе не было стыдно за свою недогадливость — а только забавно. Я сталъ хохотать вмѣстѣ съ другими, но вдругъ замолкъ, чувствуя что-то странное въ настроеніи окружающихъ. Они слишкомъ ужъ громко смѣялись. Я замѣтилъ также, что Трампасъ поглядѣлъ на виргинца съ злобнымъ торжествомъ, а Сципионъ, стоявшій у дверей, посмотрѣлъ на меня съ неудовольствіемъ.

Изумленный всѣмъ этимъ, я вышелъ на платформу, чтобы хоть избавиться отъ шума.

— Что тутъ собственно произошло? — спросилъ я Сципиона.

— Вѣдь я старался оградить васъ отъ нихъ, но вы вашими вопросами прямо-таки напрашивались на то, чтобы васъ одурачили. Но вѣдь дѣло не въ томъ, что васъ осмѣяли, а въ томъ, что вы — другъ управляющаго, и что черезъ васъ въ него мѣтили. Это возбуждаетъ въ нихъ мятежный духъ — развѣ вы не понимаете?

Сципионъ сказалъ правду. Уже на слѣдующей стоянкѣ они самымъ вызывающимъ тономъ стали орать: — Портлендъ, 1256!

Мимо насъ, вдоль полотна, все время проходили партіи рабочихъ. Виргинецъ поднялся.

— Пойду-ка я къ своимъ, — сказалъ онъ. — Эти рабочіе, идущіе все по одному направленію, какъ будто подтверждаютъ слухъ о томъ, что размыло мостъ.

— Какой? — спросилъ Сципионъ.

— Мостъ Большого-Рога, — его смыло, кажется, четыре дня тому назадъ.

— Ахъ, какъ это невстати!

— Ничего, обойдется, — отвѣтилъ виргинецъ протяжнымъ и спокойнымъ тономъ, приводя Сципиона въ изумленіе и восхищеніе своимъ присутствіемъ духа.

Войдя въ вагонъ, виргинецъ завелъ съ погонщиками, и въ частности съ Трампасомъ, спокойный дѣловой разговоръ о частыхъ поврежденіяхъ на желѣзныхъ дорогахъ и о лучшихъ способахъ предупреждать ихъ. Въ этомъ дѣловомъ разговорѣ чувствовалось, однако, что два врага соперничаютъ въ умѣнъ подчинять себѣ умъ и чувство слушателей.

Разговоръ снова зашелъ о поврежденномъ мостѣ и о томъ, какъ поѣздъ переберется черезъ него.

— Нашъ-то поѣздъ станетъ значительно болѣе легкимъ, подѣвжая къ мосту, — сказалъ Трампасъ.

— И то правда,—отвѣтилъ виргинецъ.— Можетъ быть, никто, кромѣ меня, не будетъ переѣзжать черезъ мостъ Большого Рога. Вотъ была бы штука, еслибы вы и меня убѣдили отказаться отъ должности и тоже отправиться на принскі!

— Не забудьте, что я нанялся къ вамъ въ повара,—хмуро сказалъ Сципіонъ.

Въ это время поѣздъ замедилъ ходъ — мы подъѣзжали къ Рогайдѣ. Всѣ засуетились и заговорили:— Ну, что-жъ, маршъ сейчасъ же на принскі!—Нѣтъ, раньше хорошо бы поѣсть!—Да сегодня, все равно, слишкомъ поздно, и т. д.—Всѣ стали собираться, складывать вещи, натягивать куртки, суетиться. Виргинецъ не обращалъ вниманія на то, что происходило въ вагонѣ; онъ стоялъ на платформѣ и глядѣлъ вдаль. Сципіонъ не отводилъ отъ него изумленнаго взора. Когда мы остановились около водокачки, виргинецъ воскликнулъ:— Они еще здѣсь!—Это открытіе доставило ему очевидное удовольствіе.

Слова его относились къ задержаннымъ по случаю починки моста поѣздамъ. Передъ нами стояли четыре экспресса и нѣсколько товарныхъ поѣздовъ; должно было пройти по крайней мѣрѣ еще два часа прежде, чѣмъ можно было переѣхать черезъ мостъ.

Путешественники стояли съ растеряннымъ видомъ около вагоновъ или ходили вдоль полотна. Къ нимъ подходили индѣйцы, предлагая имъ стрѣлы, рога и разныя бездѣлушки.

— Полагаю, что пассажиры предпочли бы кусокъ баранины всему этому, — сказалъ виргинецъ, обращаясь къ человѣку, подошедшему къ нашему вагону.

— Еще бы!—отвѣтилъ подошедшій.— Первый поѣздъ стоитъ здѣсь уже четыре дня. Пассажиры изголодались, съѣли все, что было припасено въ буфетѣ, въ вагонномъ ресторанѣ. Все, что можно было достать въ городѣ, закуплено и съѣдено. Еслибы мы предвидѣли это, можно было бы сдѣлать блестящія дѣла. Вы не представляете себѣ, какія деньги платили мѣстнымъ индѣйцамъ за мясо, дичь и рыбу. Пассажировъ восточнаго поѣзда совсѣмъ ограбили.

— Кто-нибудь отправляется сегодня въ Рогайдъ?—спросилъ Трампасъ, показываясь у дверей вагона.

— До завтрашняго утра никто туда не идетъ,—сказалъ собесѣдникъ виргинца и, обращаясь къ нему, прибавилъ:— А вы тоже на принскі?

— Не знаю еще,—отвѣтилъ южанинъ медленно и небрежно, обращаясь исключительно къ своему новому знакомому и намѣ-

ренно не обращая вниманія на Трамаса.—Во всякомъ случаѣ, —продолжалъ онъ,—мы или всѣ отправляемся въ Рогайдъ, или всѣ въ Биллингсъ. Мы вѣдь составляемъ одну неразлучную компанію.

Трамасъ громко разсмѣялся, входя въ вагонъ къ своимъ товарищамъ.—Пусть онъ притворяется передъ другими,—сказалъ онъ такъ, чтобы мы могли слышать его слова.—Не все ли намъ равно, что онъ говоритъ постороннимъ.

— Но прежде всего я хочу поѣсть,—продолжалъ виргинецъ.—А грабить себя, однако, не позволю. Я собирался устроить здѣсь пиръ въ случаѣ остановки.

— Я вѣдь говорю вамъ, что въ городѣ ничего не осталось.

— Мало ли что вы говорите! Вы сами не знаете, что у васъ подъ рукой непочатый источникъ дохода. Если у васъ есть прочный полотняный мѣшокъ, я научу васъ заработать деньги.

— Что вы такое придумали?

— Мистеръ Лемуанъ, — сказалъ виргинецъ, обращаясь къ Сципіону,—возьмите кастрюлю изъ походной кухни, разложите огонь, и мы попробуемъ, вкусны ли лягушечьи лапки.

Сказавъ это, онъ сейчасъ же ушелъ, и его новый знакомый послѣдовалъ за нимъ, какъ вѣрный песъ.

— Лягушечьи лапки! — пробормоталъ Сципіонъ, изумленно обращаясь ко мнѣ.—Это еще что?

— Онѣ значились въ спискѣ кушаній полковника Кира Джонса,—сказалъ я.—„Лягушечьи лапки à la Delmonico“.

— Вотъ оно что! Но это не я ихъ придумалъ—ихъ до меня стали выписывать. Я никогда ихъ и не видывалъ. Да можно ли жарить лягушекъ?—Онъ медленно и задумчиво спустился съ вагона на землю и покачалъ головой.—Вотъ ужъ, дѣйствительно, невозможно предвидѣть, что ему взбредетъ въ голову! Ну, да что жъ дѣлать, буду раскладывать огонь. Я ему во всемъ вѣрю, и у него такой увѣренный видъ, что я совершенно спокоенъ.

Сципіонъ взялся за работу; Шорти сталъ ему помогать; я притащилъ дровъ. Трамасъ съ компаніей отправились всѣ вмѣстѣ на станцію.

Мы разложили огонь около нашего вагона, чтобы недалеко было ходить за кухонной утварью. Казалось бы, въ томъ, что мы дѣлали, было мало интереснаго для голодныхъ пассажировъ: нѣсколько горящихъ полѣненьвъ, сковорода, немного сала въ горшкѣ, вода, тарелки, ножи и вилки, и три молчащихъ чловѣка, суетящихся вокругъ всего этого—вотъ и все. Варить и жарить было нечего. Однако, вокругъ насъ стали собираться

пассажиры, сначала по одиночкѣ, потомъ группами, и стали заговаривать съ нами. — Что, ужинъ варите? спросилъ одинъ. — Нѣтъ, завтракъ, — сердито отвѣтилъ Сципионъ, — и послѣ этого къ намъ уже не приставали.

— Видно, тамъ много лягушекъ, — сказалъ Сципионъ, ожидавшій съ нетерпѣніемъ возвращенія виргинца.

Мы пошли пройтись, и вскорѣ увидали виргинца, занятаго ловлей лягушекъ въ пруду.

— Знаете, — сказала Сципионъ, — я какъ будто начинаю понимать его. Онъ, очевидно, хочетъ отомстить Трампасу за попытку поднять бунтъ, и собирается всѣхъ одурачить, — вотъ увидите. Помните, что онъ говорилъ объ игрѣ въ поверъ? — Трампасъ проиграетъ. Однако, нужно вернуться къ огню, а не то Шорти дастъ ему угаснуть.

Въ то время, какъ мы подошли обратно къ костру, вернулись Трампасъ и его товарищи со станціи. Они не нашли ничего съѣстного въ городѣ, и нельзя было рассчитывать на подвозъ новыхъ припасовъ до слѣдующаго поѣзда съ запада. Въ этомъ, конечно, Трампасъ не былъ виноватъ; — однако, число слѣдовавшихъ за нимъ людей теперь уменьшилось. Они несли кусокъ сыра, величиной въ кулакъ, вѣсомъ въ кирпичъ, неаппетитнаго зеленоватаго цвѣта. Пассажиры привѣтствовали сыръ, какъ стараго знакомаго, и даже стали снимать шапки передъ нимъ, такъ какъ за эти дни его много разъ предлагали имъ по весьма высокой цѣнѣ.

— Вотъ и нашъ ужинъ приближается, — сказала Сципионъ, глядя въ сторону пруда. Онъ пересталъ смѣяться и принялъ серьезный видъ.

— Надѣюсь, что скоро придетъ поѣздъ, — сказалъ Трампасъ, — и у насъ будетъ ужинъ получше лягушекъ.

Общій интересъ сосредоточился теперь на виргинцѣ. Онъ возвращался въ сопровожденіи своего помощника и съ мѣшкомъ на плечѣ; мѣшокъ былъ тяжело нагруженный. Не обращая вниманія на собравшихся вокругъ людей, онъ усѣлся и на половину опорожнилъ мѣшокъ. — Вотъ, — сказалъ онъ дѣловымъ тономъ своему помощнику, — этого намъ пока довольно. Я полагаю, что будетъ достаточно спроса на вашъ товаръ.

— Господи помилуй! — сказалъ одинъ изъ погонщиковъ. — Да какой же это дуракъ станетъ ѣсть лягушекъ?

— Я согласенъ ѣсть хоть головастики, — воскликнулъ одинъ изъ проголодавшихся пассажировъ, и вслѣдъ за нимъ всѣ стали вынимать кошельки, чтобы купить себѣ ужинъ.

— Почему вы берете за пару?—спросилъ погонщикъ, только что смѣявшійся надъ затѣй виргинца.

Виргинецъ взглянулъ на него съ пріятнымъ изумленіемъ.

— Берите и ѣшьте,—сказалъ онъ.—Мы еще пока составляемъ одну компанію. Ышьте на здоровье!—повторилъ онъ, обращаясь къ Трампасу и его товарищамъ.

Они на минуту отшатнулись, потомъ какъ-то неожиданно для самихъ себя положили сыръ на землю и приблизились къ огню, чтобы поужинать лягушками.

— Конечно, онѣ не такъ хороши, какъ у Дельмониво,—объяснялъ виргинецъ пассажирамъ,—и въ особенности у Августина.

Онъ имѣлъ въ виду знаменитаго филадельфійскаго ресторатора Августина, о которомъ я рассказывалъ ему за завтракомъ во дворцѣ полковника Кира Джонса.

Сципионъ работалъ на славу, и, отвѣдавъ его стряпню, виргинецъ громко расточалъ ему похвалы. Многіе пассажиры ѣли очевидно съ удовольствіемъ; только самъ Сципионъ не притрогивался къ своей стряпнѣ.

— Вотъ вы и заработали кое-что,—сказалъ виргинецъ челоуѣку, который помогъ ему наловить лягушекъ. Тотъ предложилъ виргинцу подѣлить прибыль, но виргинецъ отвѣтилъ ему, что онъ и безъ денегъ извлечъ достаточно пользы изъ этой затѣи.

— Вотъ, посмотрите,—сказалъ одинъ изъ пассажировъ,—какъ глупы здѣшніе жители. Мы тутъ умирали съ голоду столько дней, а вы пріѣхали—и сразу все устроилось.

— Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго,—сказалъ виргинецъ.—Я выросъ въ странѣ, гдѣ на лягушкахъ зарабатываютъ огромныя деньги, а они этого не знаютъ. Здѣсь все сосредоточено на скотѣ. Они говорятъ о скотѣ, думаютъ о скотѣ, и поэтому банкротятся. Вѣдь всѣ разоряются, не правда ли?—спросилъ онъ туземца.

— Почти-что такъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Очень трудно заняться не тѣмъ, чѣмъ занимаются сосѣди,—продолжалъ виргинецъ.—Въ Монтанѣ все переполнено скотомъ, значить, всѣ только о скотѣ и думаютъ, но забываютъ, что пастбищъ здѣсь мало, а болотъ много, такъ что страна какъ бы создана для лягушечьяго промысла.

При этихъ словахъ всѣ насторожились.

— Я вовсе не считаю себя смышленѣе здѣшнихъ людей,—скромно сказалъ виргинецъ своему помощнику.— Но когда

много путешествуешь, многому и научаешься. Имѣете ли вы представление о томъ, какъ лягушечій промыселъ процвѣтаетъ въ Туларе, въ Калифорніи, на сѣверномъ берегу озера? Тамошніе жители, дѣйствительно, великолѣпно воспользовались своими болотами. Конечно, вложили въ это дѣло большой капиталъ, затѣмъ разработали вопросъ научно, обратились за совѣтомъ въ рыбную комиссію. Къ тому же, у нихъ оказались огромные рынки для сбыта—Санъ-Франциско, Лосъ-Анжелесъ. Благодаря новой линіи желѣзной дороги, они экспортировали лягушекъ даже прямо въ Нью-Йоркъ. Но вы могли бы начать съ того, что продавали бы лягушекъ пассажирамъ каждый день—вотъ какъ сегодня; вашъ товаръ сталъ бы извѣстенъ по всей линіи, такъ какъ конкурирующихъ болотъ немного въ окрестностяхъ. Вагонные рестораны закупали бы у васъ лягушекъ, лучшіе отели посылали бы вамъ заказы. Вѣдь въ отеляхъ очень гонятся за деликатессами. Вотъ бы и завелась у васъ оживленная торговля.

— Очень практичная идея,—сказалъ одинъ изъ пассажировъ.—И осуществленіе ея совсѣмъ не требуетъ большихъ затратъ.

— Вотъ именно,—подтвердилъ виргинецъ.

— А почему будутъ платить за лягушекъ?—спросилъ Трампасъ. Я видѣлъ, какъ Сципіонъ при этихъ словахъ особенно усердно углубился въ стряпню.

— Не знаю,—сказалъ пассажиръ.—Мы сегодня заплатили довольно дорого.

— Вы-то ужъ опоздали въ Туларе, Трампасъ,—сказалъ виргинецъ.

Сципіонъ уткнулся носомъ въ свою сковороду.

— Забавное это мѣсто,—продолжалъ виргинецъ, озираясь кругомъ, чтобы привлечь какъ можно больше слушателей. Онъ позволилъ себѣ улыбнуться при одномъ воспоминаніи.—Интересно послушать, какъ они говорятъ о лягушкахъ въ Туларе—какъ въ другихъ городахъ о лошадяхъ, о стадахъ, или о какой-нибудь другой отрасли промышленности. И вы сами заговорили бы тѣмъ же тономъ, еслибы завели это дѣло. Все, что даетъ человѣку хлѣбъ, становится для него серьезнымъ—будь это даже лягушка.

— Вѣрно,—сказалъ туземецъ.—А что же, дѣло оказалось выгоднымъ?

— Единственно-выгоднымъ въ этой мѣстности,—отвѣтилъ виргинецъ.—Все другое не удавалось, кромѣ лягушечьяго промысла. Вначалѣ это казалось страннымъ, такъ какъ населеніе

слишкомъ привыкло къ свотоводству. Но потомъ дѣло развилось, и стало обогащать предпринимателей, — оно давало до сорока процентовъ въ годъ. Хозяева платили рабочимъ огромныя жалованья, — это имъ было легко. Они сбывали свой товаръ во всѣ французскіе рестораны въ Санъ-Франциско и во множество другихъ мѣстъ. Нѣкоторые отели сдѣлали изъ лягушекъ свою спеціальность. Слава туларскихъ лягушекъ распространилась до самаго Нью-Йорка. Вотъ только въ Сакраменто торговля шла вяло: тамъ сенаторы не доросли до такихъ тонкостей.

Виргинецъ остановился среди разсказа и сталъ добывать лягушечью лапку. И затѣмъ, съ дьявольскимъ коварствомъ, онъ сдѣлалъ видъ, точно хочетъ разсказать анекдотъ, не имѣющій прямого отношенія къ вопросу о лягушкахъ. — Кстати о сенаторахъ, — продолжалъ онъ. — Сенаторъ Вайзъ...

— Какое жалованье платятъ рабочимъ въ Туларе? — спросилъ одинъ изъ партіи Трампа. —

— Не знаю, право, сколько получалъ главный завѣдующій, но хорошіе рабочіе получали по сто.

— По сто въ мѣсяцъ?

— Ну да; вѣдь работа-то грязная, и къ тому же легко схватить ревматизмъ, шатаясь по болотамъ. Ну, вотъ, возвращаюсь къ генералу Вайзу: когда онъ говорилъ, что собирается поѣхать въ Аляску...

— Вы говорите, что дѣло даетъ сорокъ процентовъ? — сказалъ Трампасъ.

— Я долженъ позвать сюда жену, — произнесъ за моей спиной одинъ пассажиръ. — Вѣдь мы именно для этого пріѣхали на западъ. — И онъ поспѣшно ушелъ.

— Въ плохіе годы сорокъ процентовъ нельзя было получить, — отвѣтилъ виргинецъ. — У лягушекъ есть враги, какъ и у другихъ животныхъ. Я помню, какъ однажды весной на дугъ, гдѣ паслись лягушки, попалъ пеликанъ, и все стадо разбѣжалось, перепрыгивая черезъ заборъ.

— Какой заборъ? — спросилъ пассажиръ.

— Пастбища состояли изъ огороженныхъ проволокой сътой болотистыхъ пространствъ. Слышали ли вы смѣшанные мрачные звуки, издаваемые стадами, согнанными въ одно мѣсто? Точно также шумъ лягушечьихъ пастбищъ въ Туларе слышенъ былъ за много миль. Весной лягушки заливались пѣніемъ какъ молодыя дѣвушки, а осенью превращались въ густые басы. Да, въ плохіе годы, когда появлялись пеликаны, больше двадцати процентовъ дѣло не давало. Вѣдь если лягушка попала въ рѣку,

она погибла, какъ вырвавшійся изъ стада быкъ. А они еще не додумались до того, чтобы накладывать тавро на лягушекъ и тѣмъ обезпечивать право собственности.

— Ну, и двадцати процентовъ для меня хватитъ,—сказалъ Трампасъ,—если Рогайдъ мнѣ не подойдетъ.

— Доходило до пятидесяти процентовъ,—продолжалъ виргинецъ,—когда Филадельфія и Нью-Йоркъ стали соперничать между собой въ доставкѣ туларскихъ лягушекъ. Цѣлые поѣзда съ лягушками мчались черезъ Аризону,—ихъ возили въ большихъ стеклянныхъ резервуарахъ съ проволочными крышками, изъ-за которыхъ выглядывали лягушки; такъ ихъ довозили до Нью-Йорка.

— Послушай, Джорджъ, да вѣдь онъ ихъ дурачить! Все это выдумки!—сказала жена пассажира, подошедшая къ намъ во время разсказа виргинца.

— Конечно, дорогая; въ томъ-то и прелесть!

Но избалованной дамѣ надоѣло слушать, и она вернулась въ свой спальный вагонъ.

Мужъ ея остался въ группѣ слушателей, число которыхъ все увеличивалось. Ихъ объединяло общее любопытство, уничтожавшее всѣ классовыя различія. Желтыя туфли пассажировъ спальныхъ вагоновъ топтались рядомъ съ мексиканскими шпорами. Всѣ глаза устремлены были на виргинца, съ явнымъ сочувствіемъ его словамъ. Спекуляторы стали взвѣшивать выгоды предпріятія и сравнивать ихъ съ шансами Рогайда—жажда наживы разгорѣлась до крайности. Если бы въ эту минуту кто-нибудь сталъ урезонивать ихъ, они бы поступили съ нимъ по закону Линча. Даже индѣйскіе вожди приблизились къ намъ въ своихъ военныхъ шапкахъ и плащахъ. Они не понимали, о чемъ идетъ рѣчь, но чувствовали, что виргинецъ—герой всего происходящаго, и смотрѣли на него съ восторгомъ. Онъ же сидѣлъ у огня, съ сковородой въ рукахъ, улыбаясь съ дьявольскимъ коварствомъ. Когда Трампасъ заявилъ, что билеты въ Калифорнію стоятъ дорого, и что поэтому все-таки лучше начать съ Рогайда, онъ предоставилъ полную волю своей фантазіи.

— Рогайдъ слѣдуетъ предпочесть не только потому, что билеты туда дешевле, Трампасъ,—сказалъ онъ.—Я вѣдь говорилъ вамъ, что въ Туларе уже поздно ѣхать.

— Я слышалъ, что вы это сказали,—отвѣтилъ Трампасъ.— Но мы съ вами часто расходимся въ мнѣніяхъ.

— Да подумайте, Трампасъ,—сказалъ виргинецъ:—неужели

бы я торчалъ здѣсь на сорока долларахъ жалованья, если бы Туларе былъ въ прежней силѣ! Нѣтъ, туларское дѣло кончено.

— Что же его доконало—вашъ отъѣздъ?

— Нѣтъ, месь,—сказалъ виргинецъ, ударяя сковородой по котлѣну, такъ какъ уже всѣ лягушки были изжарены.—Изъ-за лягушекъ вышла страшная распря между знаменитымъ филадельфійскимъ рестораторомъ Августинио и его нью-іоркскимъ соперникомъ, Дельмонико. Послѣдній хотѣлъ получить монополію на лягушекъ, которая тогда вошли въ большую моду, и отбить это дѣло у Филадельфіи. Поэтому онъ сталъ скупать лягушекъ, платя долларомъ больше за партію; Августинъ надбавилъ по три доллара, и пошла игра, такъ что цѣны на лягушекъ страшно поднялись. Потомъ вдругъ Августинъ самъ отправился въ Туларе, а вслѣдъ за нимъ и Дельмонико; каждый изъ нихъ хотѣлъ заключить условіе съ туземцами, по которому онъ бы одинъ имѣлъ монополію туларскихъ лягушекъ. Тамъ, однако, стали смѣяться надъ ними; они обидѣлись и, превратившись изъ враговъ и соперниковъ въ союзниковъ, задумали страшную месь. Эта месь убила лягушекъ.

— Какъ такъ?—спросилъ Трампасъ.

— Убила—вотъ и все. Дельмонико и Августинъ вывели изъ моды лягушекъ. У нихъ въ ресторанахъ никогда болѣе не подавалось этого кушанья, и ни одинъ банкиръ Пятой-улицы ни за что не рѣшится теперь ѣсть лягушекъ изъ боязни, чтобы его не уличилъ въ несвѣтскости другой банкиръ. Лягушкамъ пришелъ конецъ, Трампасъ,—и вамъ также.

— Встаньте, выдумщики, и преклонитесь передъ вашимъ королемъ!—крикнулъ Сципионъ въ восторгѣ.—Я прямо-таки влюбился въ васъ.—И онъ бросился обнимать виргинца.

— Позвольте и мнѣ пожать вамъ руку,—сказалъ путешественникъ, которому не удалось заинтересовать свою жену разсказами виргинца.

Другіе путешественники тоже стали благодарить его за интересный разсказъ, и къ нимъ присоединились индѣйскіе вожди, хотя и не понимали, что собственно произошло на ихъ глазахъ.

— Не обижайтесь на меня, братцы,—сказалъ виргинецъ смущеннымъ погонщикамъ.—Эти господа, пріѣхавшіе съ востока, немного позабавились на вашъ счетъ; но подумайте,—вѣдь они здѣсь такъ долго скучали. Да вѣдь вы сами начали играть со мной въ эту игру; мнѣ по неволѣ пришлось слѣдовать за вами. И въ утѣшеніе вамъ я могу сказать еще вотъ что: когда я дошелъ до половины исторіи съ лягушками, я самъ сталъ вѣрять

въ нее.—И онъ въ первый разъ за все время сердечно разсѣялся.

Погонщики сдались на его объясненія и одинъ за другимъ стали пожимать ему руку. Трампасу пришлось продѣлать это вмѣстѣ съ другими, и чтобы сдѣлать его поражение менѣе замѣтнымъ, виргинецъ самымъ непринужденнымъ образомъ заговорилъ съ нимъ о другомъ.

Наконецъ объявили, что мостъ исправленъ и путь отереть. Поѣзда шумно двинулись на западъ. Пассажиры стояли у оконъ, махали платками на прощанье и отбѣжали среди говора и смѣха. Черезъ двадцать минутъ всѣ запоздавшіе поѣзда ушли, и пришелъ нашъ чередъ.

— Послѣдній срокъ для отправки въ Рогайдъ,—сказалъ виргинецъ.

— Послѣдній срокъ для отъѣзда въ „Глубокую-Рѣку“,—сказалъ одинъ изъ одумавшихся мятежниковъ, и всѣ вскочили въ поѣздъ. Виргинецъ побѣдилъ.

Нашъ вагонъ медленно направился къ Биллингсу. И когда издали стали показываться знакомыя снѣжныя вершины, всѣ стали собирать вещи. Виргинецъ заботливо завертывалъ „Кенильвортъ“, чтобы вернуть книгу собственницѣ въ обратномъ видѣ. Я сказалъ ему:—Не правда ли, вы смогли бы играть въ покеръ съ королевой Елизаветой?

— Нѣтъ, она бы меня обыграла,—отвѣтилъ онъ,—потому что она была лэди.

XVII.

Оставивъ поѣздъ, мы отправились верхомъ въ „Глубокую-Рѣку“. Виргинецъ долженъ былъ еще пригнать въ имѣніе судьи разбѣжавшійся съ пастбищъ скотъ. Оживленіе, которое охватило виргинца во время путешествія, смѣнилось молчаливымъ настроеніемъ; онъ былъ прिवѣтливъ съ погонщиками, отдавалъ нужныя приказанія, но ни въ какіе разговоры не вступалъ. На видъ онъ казался спокойнымъ, отлично спалъ, но что-то, очевидно, завладѣло его мыслями. Погонщики совершенно подчинились его вліянію и относились въ нему съ особымъ преклоненіемъ,—одинъ только Трампасъ, очевидно, не забылъ навесной ему обиды.

Сидионъ, зорко наблюдавшій за отношеніями двухъ соперниковъ, часто разговаривалъ со мной о нихъ и доказывалъ, что счеты между ними еще далеко не кончены. Недовольство Трам-

паса было совершенно понятно: ему тяжело было видѣть, что всѣ его сторонники сразу отпали отъ него. Всякій другой на его мѣстѣ сбѣжалъ бы послѣ такой неудачи; если же онъ этого не сдѣлалъ, то только потому, какъ мнѣ объяснял Сципіонъ, что не хотѣлъ уйти, не получивъ жалованья, которое ему слѣдовало отъ судьи за все это время. Кромѣ того, въ „Глубокой-Рѣкѣ“ положеніе его могло измѣниться къ лучшему. Виргинецъ только временно занималъ постъ управляющаго, и по возвращеніи домой, его полномочія оканчивались; онъ снова дѣлался равнымъ своимъ товарищамъ, и Трампасъ освобождался отъ его начальства. Настоящій же управляющій благоволилъ къ Трампасу, такъ что послѣдній могъ надѣяться, что ему удастся отомстить за поражение, которое онъ претерпѣлъ,—эта надежда и удерживала его среди насъ.

Но и виргинецъ, по мнѣнію Сципіона, тоже обдумывалъ планы мести. Счеты его съ Трампасомъ не были повончены тѣмъ, что онъ его такъ зло и остроумно одурачилъ на глазахъ у всѣхъ. Въ данную минуту для виргинца было самымъ важнымъ оправдать довѣріе судьи и въ точности исполнить возложенное на него порученіе. Это ему удалось. Онъ возвращался со всѣми ввѣренными ему погонщиками,—выгнанный поваръ былъ замѣщенъ Сципіономъ; грозившій мятежъ былъ подавленъ, и онъ могъ рассчитывать, что хозяинъ останется имъ доволенъ. Но по возвращеніи домой положеніе его должно было измѣниться, и тогда отношенія съ Трампасомъ могли обостриться.

Я признавалъ вѣрность психологическихъ разсужденій Сципіона и старался провѣрить ихъ собственными наблюденіями надъ характеромъ виргинца. Но мнѣ никакъ не удавалось вызвать его на бесѣду. Однажды, грѣясь у огня въ довольно холодный весенній день, я сталъ говорить о чувствѣ равенства, составляющемъ національную черту американцевъ. Онъ давалъ мнѣ уклончивые отвѣты. Когда я спросилъ его, что, по его мнѣнію, даетъ власть надъ людьми, онъ ничего не отвѣтилъ и, покачавъ головой, продолжалъ вурить трубку. Я завелъ разговоръ о погодѣ, удивился перемѣнчивости американскаго климата, и высказалъ мнѣніе, что постоянные переходы отъ холода въ теплу вліяютъ на характеръ обитателей страны и, можетъ быть,—прибавилъ я,—благодаря климату, заставляющему характеръ, американцы и стали такими мастерами въ игрѣ въ покеръ.

Какъ бы въ отвѣтъ на мои слова, виргинецъ вдругъ выстрѣлилъ изъ ружья. Пуля скользнула мимо моего плеча. Я вскопчилъ съ мѣста, сильно раздосадованный.

— Вотъ первая глупость, которую вы совершили на моихъ глазахъ!—сказалъ я.

— Да,—протяжно сказалъ онъ.—Мнѣ слѣдовало сдѣлать это раньше. Она опять ожила.—Онъ поднялъ змѣю, лежавшую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Она окоченѣла отъ холода и начала оживать отъ солнечныхъ лучей. Теперь онъ отстрѣлилъ ей голову.

XVIII.

Во время остального пути я почти не пытался заводить разговоры съ виргинцемъ. Подъѣзжая къ помѣстью судьи, мы замѣтили большое оживленіе: у судьи были гости. Я предоставилъ виргинца его препирательствамъ съ Трампасомъ и его домашнимъ дѣламъ, и пошелъ къ хозяевамъ. Въ числѣ гостей, которыхъ я засталъ у него, была миссъ Молли Вудъ, а также миссіонеръ Макъ Брайдъ, господинъ съ очень авторитетнымъ и монотоннымъ голосомъ. При моемъ приближеніи, онъ какъ разъ заканчивалъ начатую фразу: „...это дастъ имъ возможность часто слушать проповѣди“.

— Конечно, сэръ!—Мнѣ показалось, что судья привѣтствовалъ меня съ особеннымъ жаромъ, радуясь, что мой приходъ положить конецъ начатому разговору.—Позвольте вамъ представить доктора богословія, пастора Александра Макъ Брайда.—Докторъ, это гость, котораго мы поджидали,—представилъ меня судья. Въ числѣ гостей были еще м-ръ Огденъ, изъ Нью-Йорка, и его жена,—съ ними я молча раскланялся. Мое появленіе не нарушило, однако, хода разговора.

— Мы, кажется, уже видѣлись,—сказалъ д-ръ Макъ Брайдъ, устремляя на меня начальнической вѣзрѣ. Я подумалъ, что если бы небо нуждалось въ полиціи, онъ былъ бы по меньшей мѣрѣ сотникомъ въ небесномъ отрядѣ.—Я видѣлъ васъ верхомъ, когда ѣхалъ сюда,—сказалъ онъ; и я, дѣйствительно, припомнилъ, глядя на него, фигуру всадника, которую замѣтилъ наканунѣ въ дорогѣ.

— Вашъ пріятель,—продолжалъ миссіонеръ, обращаясь къ судьѣ,—отлично ѣздитъ верхомъ. Хорошо бы, если бы люди такъ быстро мчались въ церковь по воскресеньямъ.

— Да,—согласился судья,—это было бы хорошо.

М-съ Генри пробормотала что-то о хозяйскихъ обязанностяхъ и удалилась.

— Меня предупреждали,—продолжалъ д-ръ Макъ Брайдъ,—

когда я предпринялъ эту поѣзду, что я попаду въ одичалую и почти безбожную страну. Но никто мнѣ все-таки не сказалъ, что изъ Медесинъ-Боу я проѣду верхомъ триста миль, не встрѣтивъ ни одной церкви.

Судья объяснилъ ему, что въ сторонѣ отъ пути, по которому онъ ѣхалъ, справа и слѣва, было нѣсколько церквей. — Но вы все-таки, конечно, правы, — прибавилъ онъ. — Не забудьте только, что вы здѣсь въ самой новой части Новаго Свѣта.

Разговоръ на этомъ прервался. Воспользовавшись наступившимъ молчаніемъ, судья отозвалъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ на ухо жалобнымъ голосомъ: — Онъ собирается остаться здѣсь цѣлую недѣлю!

Изъ дальнѣйшихъ словъ судьи я узналъ, что онъ и его жена — въ большомъ затрудненіи. Они очень рады были гостямъ, но не ожидали, что всѣ пріѣдутъ одновременно. Поэтому двоимъ изъ гостей приходилось поселиться вмѣстѣ въ домѣ управляющаго. Этими двумя оказались я и миссіонеръ. Я думалъ, что послѣдній будетъ недоволенъ, но онъ сказалъ козыйкъ, что лучше жить вдвоемъ, чѣмъ спать на соломѣ въ конюшнѣ, какъ ему часто приходилось во время миссіонерскихъ поѣздокъ. Мы отправились въ предназначенную намъ комнату, разложили свои вещи и вернулись къ нашимъ хозяйкамъ.

М-съ Генри приготовила намъ прекрасный ужинъ, и судья старался изо всѣхъ силъ, чтобы за ужиномъ было нескучно. Онъ усердно подливалъ намъ вина и рассказывалъ безъ конца анекдоты. Мы бы всѣ дѣйствительно веселились, если бы среди насъ не сидѣлъ д-ръ Макъ Брайдъ, который отъ времени до времени тяжеловѣсно произносилъ: „ха-ха“! Миссъ Молли шепнула мнѣ, что смѣхъ его звучитъ какъ изъ бочки. — Что это онъ обдумываетъ? — спросила она меня. — Вѣроятно проповѣди, которыми онъ насъ будетъ угощать въ теченіе недѣли. — Я рассказалъ ей, что въ нашей общей комнатѣ разложены цѣлые вороха проповѣдей. — Господи Боже мой! — сказала она. — Неужели онъ намъ каждый вечеръ будетъ читать проповѣдь? — Я утѣшилъ ее. — Нѣтъ, онъ вѣроятно только привезъ всѣ свои проповѣди, чтобы выбрать для насъ лучшую и показаться передъ нами въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. — Она успокоилась и сказала, какое впечатлѣніе произвелъ на нее пасторъ. — Знаете, когда я въ первый разъ услышала его, мнѣ его голосъ показался сердечнымъ. Но потомъ я убѣдилась, что голосъ этотъ только воинственный. Докторъ Макъ Брайдъ никогда не можетъ тронуть слушателя, — все время кажется, что онъ ведетъ какую-то войну.

— Онъ найдетъ здѣсь очень заворенѣлаго язычника, сказалъ я.

— Судью Генри?

— Нѣтъ, того дивяра, котораго вы укрощаете. Могу вамъ сообщить, что онъ привезъ „Кенильвортъ“ въ сохранности.

У нея былъ невозмутимый видъ.—Не такъ-то легко приручить его,—сказала она.—Но не правда ли, онъ очень уменъ?

Я вдругъ понялъ, что она вовсе не хотѣла приручить его. Но что же она собственно хотѣла? Онъ краснѣлъ при всякомъ упоминаніи о ней,—она же совершенно спокойно говорила о немъ.

По общему смѣху за столомъ я понялъ, что судья закончилъ свой излюбленный анекдотъ о „единственномъ оставшемся въ живыхъ свидѣтелѣ“.

— Такимъ образомъ,—заклучилъ судья,—всѣ они разбѣжались какъ безумные, именно потому, что не произошло избіенія.—Всѣ гости хохотали, и черезъ нѣсколько секундъ раздалось запоздавшее тяжеловѣсное „ха-ха!“ пастора, упавшее какъ тяжелый камень на общую веселость.

— Я никакъ бы не выдержала семи его проповѣдей,—сказала мнѣ миссъ Вудъ.

— Кстати объ избіеніяхъ,—вмѣшался я въ общій разговоръ:—я недавно самъ едва уцѣлѣлъ отъ подобной катастрофы.

Судья, исчерпавшій всѣ свои средства для увеселенія гостей, сталъ умолять меня рассказать о случившемся.

— Серьезно говоря, мы были на краю трагическихъ происшествій, но вашъ замѣчательный управляющій искусно превратилъ трагедію въ комедію.

Всѣ съ интересомъ стали внимать моимъ словамъ, и я рассказалъ подробно обо всемъ, что произошло съ той минуты, какъ виргинецъ сбросилъ съ поѣзда повара, о томъ, какъ назрѣвалъ мятежъ, и какъ виргинецъ побѣдилъ его своей находчивостью и юморомъ, такъ что гроза разразилась смѣхомъ.

Всѣ внимательно слѣдили за моимъ рассказомъ: нью-іорскіе гости—потому что подобныя происшествія рѣдко случаются на берегахъ Гудсона; м-съ Генри—потому что, въ качествѣ хозяйки, хотѣла быть любезной; миссъ Вудъ—по какимъ-то своимъ причинамъ; я не видѣлъ ея глазъ, но чувствовалъ, что она очень напряженно внимала разсказу о поступкахъ человѣка, котораго не хотѣла укрощать. Но наибольшее вниманіе отражалось во взглядахъ судьи и миссіонера, и оба они выяснили свое отношеніе къ моему разсказу. Судья стукнулъ кулакомъ объ столъ.—Я зналъ это!—сказалъ онъ и откинулся на спинку стула съ

видимымъ удовлетвореніемъ. Онъ радъ былъ, что довѣріе его къ виргинцу оправдалось на дѣлѣ.

— Простите меня, — произнесъ, обращаясь ко мнѣ, д-ръ Макъ Брайдъ, и такъ проговорилъ эти слова, что никакъ нельзя было простить ему.

Судья взглянулъ на него вопросительно.

— Насколько я понялъ, эти погонщики хотѣли поднять мятежь, и смирились, увидавъ, что не умѣютъ такъ искусно лгать, какъ человѣкъ, власть котораго они хотѣли свергнуть.

— Видите ли, сэръ, — отвѣтилъ я ему, скрывая свое возмущеніе: — онъ обнаружилъ совершенно другія качества и способности въ томъ, что вы называете его лганьемъ.

— А какъ же мнѣ это иначе назвать? Произошелъ турниръ въ искусствѣ выдумывать, и онъ — я съ этимъ согласенъ — одержалъ побѣду надъ другими.

— Оставьте его! — шепнула мнѣ миссъ Вудъ: — онъ, все равно, ничего не понимаетъ.

Судья тоже вмѣшался въ разговоръ: — Видите ли, докторъ... — началъ онъ.

М-ръ Огденъ пришелъ ему на помощь. — Вы сами объяснили, въ чемъ тутъ дѣло, докторъ, — сказалъ онъ: — произошло состязаніе, — провѣривъ силы — не все ли равно на чемъ.

— Да, — неожиданно проговорила миссъ Вудъ. — Даже Георгъ Вашингтонъ могъ сказать неправду въ случаѣ нужды. Если бы онъ задался цѣлью выдумать что-нибудь, то навѣрное сдѣлалъ бы это лучше Корваллиса.

— Для меня ясенъ весь ходъ дѣла, — продолжалъ Огденъ. — Люди были мрачно настроены. Управляющій сердилъ ихъ своимъ поведеніемъ. Тогда онъ надумилъ ихъ рассказывать выдумки, и самъ потомъ одурачилъ ихъ. Убѣдившись въ этомъ, они сразу присмирѣли: — ничто такъ не расколаживаетъ, какъ смѣхъ.

Д-ръ Макъ Брайдъ задумался, отыскивая самый сильный аргументъ въ свою пользу. — Извините меня, — сказалъ онъ, — я не могу стать на такую точку зрѣнія. У насъ въ странѣ и такъ царить духъ легкомыслія. Какъ бы вы ни оправдывали этого человѣка, все-таки я вижу только одно: происходила борьба между людьми, и побѣдителемъ оказался умѣющій искуснѣе врать. Гораздо лучше, если бы дѣло честно рѣшили пули. Война — не худшее изъ золъ.

Докторъ оглядѣлъ насъ побѣднымъ взоромъ. Но никто изъ насъ не задрожалъ, а если бы и задрожалъ, то не отъ страха. М-съ Генри поспѣшила отклонить разговоръ на другую тему,

и заговорила о ловлѣ форелей. Д-ръ Мак' Брайдъ очень любилъ этотъ спортъ, и обрадовался, когда ему сообщили, что рѣки въ помѣстьѣ судьи изобилуютъ форелями. Такимъ образомъ бесѣда отклонилась отъ опасной темы, и ужинъ окончился въ миролюбивомъ настроеніи.

XIX.

— И часто у васъ бываютъ подобныя посѣщенія?—спросилъ Огденъ у судьи Генри.

Нашъ хозяинъ угощалъ насъ виски въ столовой, а докторъ Мак' Брайдъ, пока мы курили, разставшись съ дамами, отправился въ свое помѣщеніе въ домъ управляющаго, чтобы приготовиться къ предстоявшему богослуженію.

Судья разсмѣялся.

— Называютъ нѣсколько разъ въ годъ,—сказалъ онъ.—Я люблю, когда пріѣзжаетъ епископъ. И люди всегда бываютъ довольны. Но я боюсь, что нашъ другъ едва-ли имъ понравится.

— Вы не предполагаете, однако, чтобы они стали...

— О, нѣтъ. Они сохраняютъ полное спокойствіе. У нихъ фактически гораздо лучшія манеры, чѣмъ у него. Но чтобы онъ принесъ имъ пользу...

— Я сомнѣваюсь въ его научныхъ познаніяхъ,—замѣтилъ я.

— Научныя познанія! Онъ даже не знаетъ, что такое христіанство. Нашъ миссіонеръ никогда не пойметъ, что одной изъ основъ христіанства является чувство, заставляющее относиться во всемъ людямъ какъ къ братьямъ.

Раздался довольно сильный стукъ въ дверь, и мы всѣ со страхомъ подумали, что это докторъ Мак' Брайдъ. Но когда судья отворилъ дверь, то въ темнотѣ обрисовалась фигура виргинца.

— Наконецъ-то вы вернулись!—сердечнымъ тономъ воскликнулъ судья Генри.

— Вернулся, чтобы ѣхать опять,—отвѣчалъ табунщикъ, и они пожали другъ другу руку.

Огденъ подтолкнулъ меня локтемъ.

— Это тотъ самый молодецъ, который вытолкнулъ повара съ поѣзда?—спросилъ онъ, разглядывая виргинца.

Я утвердительно кивнулъ головой.

Судья Генри, придерживавшійся демократическихъ взглядовъ, представилъ своего служащаго Огдену.

Уроженецъ Нью-Йорка тоже захотѣлъ выказать себя демократомъ.

— Вы тотъ человѣкъ, о которомъ мнѣ рассказывали цѣлую кучу разныхъ разностей?—произнесъ онъ.

Но фамиллярность не есть равенство.

— Къ сожалѣнію, я не имѣлъ случая слышать о васъ, сэръ,—отвѣчалъ очень вѣжливо виргинецъ.—Прикажете мнѣ выѣхать завтра?—продолжалъ онъ, снова переводя свои серьезные глаза на судью. На меня онъ не обратилъ никакого вниманія. Онъ явился какъ служащій къ своему хозяину.

— Да, да,—отвѣчалъ Генри,—завтра я васъ спрошу о скотѣ. Но войдите на минуту. Тутъ есть одно дѣло...—Виргинецъ вошелъ въ комнату и снялъ шляпу.—Садитесь. У васъ были непріятности... я уже кое-что слышалъ,—продолжалъ судья.

Виргинецъ граціознымъ движеніемъ опустился на стулъ, сохраняя прежнюю серьезность, не выпуская изъ рукъ шляпы и недружелюбно поглядывая на меня и на Огдена.

— У васъ были непріятности?—повторилъ судья.

— Да, было время, когда, можетъ быть, объ этомъ и стоило говорить. Они славные ребята!—и онъ слегка улыбнулся.

Выраженіе удовольствія въ лицѣ судьи усилилось.

— Трампасъ тоже славный малый?

Улыбка виргинца исчезла, и онъ въ упоръ посмотрѣлъ на своего хозяина. Тотъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Вы привезли ихъ всѣхъ обратно въ цѣлости?

Виргинецъ опустилъ глаза на свою шляпу и снова поднялъ ихъ на судью.

— Мнѣ пришлось расстаться съ поваромъ,—произнесъ онъ и, взглянувъ на меня какъ бы съ упрекомъ, прибавилъ:—я полагаю, что вамъ это уже извѣстно.

— Да, и я нахожу, что вы поступили правильно.

— Благодарю васъ,—сказалъ виргинецъ и сдѣлалъ движеніе, намѣреваясь встать.

— Я еще не кончилъ,—произнесъ судья;—вотъ что я хотѣлъ сказать вамъ: мнѣ кажется, Трампасъ узналъ неожиданную для него новость... относительно Робертса.

Выраженіе торжества промелькнуло въ лицѣ южанина, придавъ ему на мгновеніе что-то дикое, но онъ ничего не сказалъ.

— Дѣло въ томъ,—пояснилъ судья, обращаясь ко мнѣ,—что мнѣ пришлось на прошлой недѣлѣ отпустить моего управляющаго. Его женѣ нельзя было жить здѣсь зимою, и онъ получилъ хорошее мѣсто возлѣ Лосъ-Анжелесъ.

Теперь мнѣ все стало ясно. Судья былъ очень ловкій человекъ. Онъ понялъ отношеніе Трамаса къ виргинцу и то, что въ лицѣ Робертса Трамаса терять могущественнаго друга. Теперь у него не было больше посредника и защитника, и онъ становился лицомъ къ лицу съ виргинцемъ.

— Такимъ образомъ, — заключилъ судья, — я остался безъ управляющаго въ самое неподходящее для этого время. Вотъ развѣ,—и онъ подмигнувъ мнѣ, прежде чѣмъ повернуться къ виргинцу,—вотъ развѣ вы согласитесь взять на себя эту обязанность. Хотите?

Я видѣлъ, какъ одна рука виргинца замерла, сжимая шляпу, а другая стала медленно комкать ее мягкую тулью. Въ этомъ предложеніи заключалось для него многое: и повышеніе, и матеріальное обезпеченіе, и отдѣльный домъ, а главное, оно, быть можетъ, приближало его хоть на одинъ шагъ къ любимой имъ женщинѣ. Не знаю, что сказалъ бы онъ судья, еслибы находился съ нимъ наединѣ. При насъ онъ произнесъ только:

— Благодарю васъ.

— Ну, вотъ, для меня это большое облегченіе! — воскликнулъ судья, вставая.—Тотчасъ же можете вступить въ отправленіе вашихъ обязанностей. Переселяйтесь въ помѣщенія для служащихъ. Эти джентльмены разрѣшатъ вамъ ночевать въ вашемъ собственномъ домѣ.

И онъ съ веселой и шутилой улыбкой отпустилъ своего новаго управляющаго. Но новый управляющій, уже выйдя изъ дверей, вдругъ вернулся опять, чтобы произнести отрывисто, почти рѣзко:

— Я постараюсь угодить вамъ.

Послѣ этого онъ быстро ушелъ. Я разглядѣлъ на фонѣ освѣщенныхъ оконъ, какъ онъ ловко перепрыгнулъ черезъ заборъ, направляясь къ помѣщенію для служащихъ. Вскорѣ оттуда донесли радостные возгласы и выстрѣлы. Это табунщики узнали о случившемся и привѣтствовали своего новаго начальниа.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, стрѣляетъ ли также и Трамаса?—сказалъ Огденъ.

— Гмъ,—произнесъ судья,—въ эти подробности я не вхожу и умываю руки... А вотъ и докторъ Макъ Брайдъ.

XX.

Въ душѣ миссіонера уже скопчались громы небесныя, но насъ онъ еще озарялъ солнечнымъ сіяніемъ.

— Мнѣ, право, очень совѣстно, что я перевертываю у васъ все вверхъ дномъ,—произнесъ онъ съ важностью,—но вашъ домъ —наиболѣе подходящее мѣсто для моей службы.

И онъ сталъ говорить о томъ, что надо отодвинуть столы и придвинуть стулья въ помѣщеніи, гдѣ должна была разразиться буря его краснорѣчія. До начала оставалось двадцать минутъ. Мы бросили наши недовуренныя сигары и вернулись къ дамамъ, чтобы предложить имъ наши услуги. Но онъ справился и безъ насъ, и въ залѣ все уже было готово.

— Онъ объявилъ, на какой текстъ будетъ говорить проповѣдь?—спросила, подходя къ намъ, Молли Вудъ.—Я выбрала для него подходящий текстъ,—и, ставъ на цыпочки, она прошептала каждому изъ насъ на ухо комическимъ тономъ: — „Рекъ я въ поспѣшности своей,—всѣ люди лжецы“.

Всѣ засмѣялись, и я оставилъ дамъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлалось въ помѣщеніи для служащихъ. Табунчики готовились къ церковной службѣ—причесывались, брились и мылись среди разговоровъ и шутокъ, иногда довольно кощунственныхъ.

— Въ концѣ концовъ я, какой ни-на-есть, а все-таки—христіанинъ,—объявилъ одинъ.

— По нѣкоторымъ соображеніямъ сдается мнѣ, что я—мормонъ,—замѣтилъ другой.

— А я—магометанинъ,—заявилъ третій,—и надѣюсь, что мнѣ не придется услышать ничего для меня оскорбительнаго.

Шутки въ такомъ родѣ продолжались, и только Трампасъ не принималъ въ нихъ участія. Онъ лежалъ на кровати, читалъ газету и совсѣмъ не старался быть любезнымъ.

Въ это время появился сіяющій Сципіонъ. Онъ помогаль виргинцу перебраться изъ дома для служащихъ въ помѣщеніе для управляющаго, а самъ долженъ былъ занять его кровать.

— Надѣюсь, частица его счастья перейдетъ ко мнѣ,—сказалъ Сципіонъ.—Посмотрѣли бы вы, что было, когда онъ сообщилъ намъ о своемъ назначеніи,—онъ слегка вздохнулъ;—хорошо, должно быть, чувствуется человѣку, когда друзья такъ радуются за него.

— Особенно Трампасъ, — сказалъ я и прибавилъ: — судьба уже все извѣстно.

— Извѣстно? Что же онъ говоритъ?—Сципіонъ быстро увелъ меня изъ помѣщенія для служащихъ.

— Говорить, что не станетъ входить въ подробности и умываетъ руки.

— А какъ онъ узналъ? Вы сказали!—тотчасъ же догадался

Спиціонъ. — Онъ никогда бы не сказалъ, — прибавилъ онъ, указывая запрокинутымъ большимъ пальцемъ на освѣщенное окно, въ которомъ показалась фигура виргинца.

— Онъ не любитъ впутывать другихъ въ свои дѣла, даже не намекнулъ ни о чемъ судѣ, это на него похоже, и вотъ вы увидите, какъ онъ поступитъ съ Трампасомъ. Держите ухо востро и присматривайтесь къ окружающему.

— Да почему вы знаете, что должно что-то случиться?

— Я не выдержалъ и прямо спросилъ его, когда тащилъ въ дверь сундукъ, и онъ мнѣ прямо отвѣтилъ. Присматривайтесь къ окружающему. Я больше ничего не могу вамъ сказать, — это было бы нечестно съ моей стороны.

Легко понять, что послѣ такого разговора я не понималъ ни одного слова изъ молитвъ и отрывковъ священнаго писанія, которые читалъ докторъ Макъ Брайдъ. Я опомнился и сообразилъ, что нахожусь нѣкоторымъ образомъ въ церкви, только когда онъ развернулъ рукопись, заключавшую его проповѣдь. Я сидѣлъ въ первомъ ряду, но сбоку, возлѣ стѣны, такъ что отлично могъ видѣть всѣхъ табунщиковъ. Если м-съ Огденъ надѣялась увидать отчаянныхъ смѣльчаковъ съ пистолетами и кинжалами, то ее ожидало полное разочарованіе. Это были самые обыкновенные молодые люди, скромные и вѣжливые. Только сильный загаръ свидѣтельствовалъ объ ихъ образѣ жизни.

Докторъ Макъ Брайдъ выбралъ не тотъ текстъ, который избрала для него миссъ Вудъ.

— „Нечестивцами стали они всѣ; нѣтъ ни единого творящаго благо, нѣтъ ни единого“, — проговорилъ онъ громко и обвелъ присутствовавшихъ взглядомъ, ясно говорившимъ, что они не составляли исключенія изъ общаго правила. Онъ еще разъ повторилъ текстъ и, развивая первоначальную мысль, не оставилъ намъ ни единого луча надежды. Табунщики узнали изъ проповѣди, что не только они не могли творить добро, но что еслибъ и стремились къ этому, то, все равно, это ничему бы не помогло. Они были обречены проклятію еще до рожденія, еще до существованія Адама. Объявивъ имъ это, миссіонеръ пригласилъ ихъ прославить имя Создателя и восхвалить Господа, прозявшаго ихъ. Все это было доказано логически. Громоздя камень на камень, строилъ онъ черное зданіе своего богословія, включая изъ него и солнце, и цвѣты, и радость.

Епископъ имѣлъ обыкновеніе попросту бесѣдовать съ табунщиками объ ихъ трудовой тяжелой жизни и представлявшихся имъ искушеніяхъ, и если имъ случалось падать, онъ го-

ворилъ имъ о любви и прощеніи. Но этому миссіонеру не было дѣла до ихъ жизни. Догматъ былъ для него всѣмъ, а бѣдное человѣчество являлось только цѣлью для ударовъ, наносимыхъ догматомъ.

Изъ всѣхъ слушателей проповѣди повидимому произвела впечатлѣніе только на одного виргинца. Онъ не спускалъ глазъ съ проповѣдника и не проронилъ ни одного слова.

По окончаніи проповѣди, миссіонеръ поговорилъ о ловлѣ форели и о томъ, что въ окрестностяхъ появились индѣйцы, и, пожелавъ намъ спокойной ночи, рано ушелъ спать.

— Свези мнѣ его, что-ли, рыбу ловить, — меланхолично проговорилъ судья.

— Да, мой другъ, свези, — отвѣчала его жена, — а я буду пить его чаемъ въ продолженіе шести дней.

— Иначе, — замѣтилъ Огденъ, — на васъ донесутъ, что вы — враги религіи.

— Съ людьми я умѣю ладить, — сказалъ судья, — но слоны меня положительно подавляютъ.

Въ помѣщеніи для служащихъ табунщики укладывались спать и обмѣнивались замѣчаніями по тому же поводу.

— Вы вѣрите, что дѣти пойдутъ въ адъ?

— Конечно, нѣтъ.

— Если онъ правду говоритъ, такъ я останусь мормономъ.

— А я перестану бѣгать отъ соблазновъ.

— Конечно, лучше попасть въ пекло послѣ веселой жизни, чѣмъ послѣ скучной, и т. п.

Когда я пришелъ въ помѣщеніе новаго управляющаго, въ его комнатѣ было тихо и темно. Не оставалось сомнѣнія въ томъ, что и докторъ Макъ Брайдъ спалъ. Я улегся и скоро заснулъ, несмотря на это неудобное сосѣдство.

Меня разбудилъ голосъ виргинца. Онъ стоялъ, нагнувшись надъ миссіонеромъ, и замѣтивъ, что я проснулся, извинился за причиненное мнѣ беспокойство.

— Кто вы такой? Берегитесь! При мнѣ есть оружіе! — воскликнулъ, вскакивая, миссіонеръ.

— Можете положить ваше ружье, сэ. Я чувствую, какъ будто духъ во мнѣ готовъ начать свидѣтельствовать. Какъ будто на меня находитъ просвѣтленіе.

Онъ употреблялъ выраженія изъ только-что слышанной проповѣди. Докторъ всталъ, зажегъ лампу, взялъ какую-то книгу и прошелъ съ виргинцемъ въ его комнату. Черезъ нѣсколько времени онъ вернулся, потушилъ лампу и улегся. Я началъ засы-

пать, какъ вдругъ дверь скрипнула, и виргинецъ очутился возлѣ кровати миссіонера.

— Вы не спите, сэ?

— Что? Что такое?

— Простите, сэ, но врагъ одолеваетъ меня. Я не чувствую въ себѣ довольно силы, чтобы бороться съ грѣхомъ.

Снова была зажжена лампа, и опять въ сосѣдней комнатѣ были слышны увѣщеванія. Укладываясь черезъ часъ въ постель, докторъ вздохнулъ. Вскорѣ я задремалъ, и меня разбудилъ свѣтъ лампы. Это докторъ въ третій разъ возвращался отъ виргинца. Прежде чѣмъ потушить лампу, онъ взглянулъ на часы, и я освѣдомился, второрый часъ.

— Три,—отвѣчалъ онъ.

Черезъ нѣсколько времени изъ комнаты виргинца раздался стонъ:

— Мнѣ страшно быть одному! Я боюсь, я боюсь. Чувствую, какъ грѣхъ проникаетъ въ мои нѣдра...

Опять докторъ зажегъ лампу и ушелъ.

На этотъ разъ ихъ бесѣда продолжалась дольше прежняго. Уже окно стало сѣрымъ и начали выдѣляться очертанія мебели. За окномъ раздавались голоса птицъ, цыплятъ, нетерпѣливое постукиваніе лошадиныхъ копытъ и мычанье коровы, искавшей своего теленка. Я взглянулъ на часы. Было шесть часовъ утра. Значить, я провелъ въ постели около семи часовъ, а докторъ провелъ около семи часовъ внѣ постели. Дверь отворилась, и онъ вошелъ съ лампой и книгой въ рукахъ. Онъ слегка дрожалъ, и я замѣтилъ, съ какимъ вождельніемъ взглядъ его прильнулъ къ постели, но за нимъ слѣдовалъ виргинецъ. Они представляли удивительную пару въ своихъ ночныхъ костюмахъ. Виргинецъ—сухощавый и стройный, какъ породистая лошадь, а миссіонеръ—съ большимъ животомъ, жирный и неповоротливый.

— Вы скоро пойдете завтракать и къ дамамъ, сэ,—скромно проговорилъ виргинецъ, — а я буду мучиться безъ васъ цѣлый день. Но я надѣюсь, что ночью...

Я зарылъ лицо въ подушку, но все-таки не могъ удержаться и сталъ испускать звуки, похожіе на крикъ курицы, свесшей яйцо.

Я услышалъ голосъ миссіонера. Онъ старался говорить спокойно:

— Какая гнусность. Какое недостойное поведеніе. Никогда въ жизни мнѣ не приходилось...

Я повернулъ голову и, увидавъ несоотвѣтствіе его важнаго

вида съ безпорядкомъ костюма, сталъ издавать клохтанье двѣнадцати несущихся куръ. Виргинецъ не выдержалъ. Онъ убѣжалъ въ свою комнату и бросился на полъ, закрывъ голову руками, а докторъ захлопнулъ за нимъ дверь. Я плакалъ отъ смѣха и ждалъ, что миссіонеръ убьетъ меня. Изъ-за двери до меня доносились конвульсивныя движенія виргинца, а рядомъ—злбныя движенія поспѣшно одѣвавшагося доктора. Я боялся взглянуть на него, и выглянулъ только, услыжавъ его удаляющіеся шаги. Онъ выходилъ изъ комнаты съ чемоданомъ въ рукахъ. Я лежалъ измученный и раскисшій отъ хохота, когда отворилась дверь изъ комнаты виргинца, и онъ появился умытый и одѣтый. Только въ его глазахъ еще продолжали прыгать дьяволы. Я никогда не видывалъ никого болѣе красиваго.

— Чтѣ вы надѣлали!—сказалъ я:—онъ уложился, и сейчасъ навѣрное уѣдетъ.—Виргинецъ выглянулъ въ окно.

— Да, въ самомъ дѣлѣ уѣзжаетъ; но я, конечно, не побѣгу за нимъ. Скатертью дорога!

Онъ подошелъ и сѣлъ на край моей кровати.

— Дѣйствительно, вѣдь было досадно сидѣть битый часъ и слушать, какъ васъ называютъ и нечестивцемъ, и свиньей. И И все это какъ разъ послѣ того, какъ совершилъ поступокъ, который всякій близко стоящій человѣкъ назоветъ вполне честнымъ и чистымъ...

— Трампасъ!—не удержавшись, воскликнулъ я.

— Я пріѣхалъ сюда, и разныя у меня въ головѣ бродили мысли. Ни одну изъ нихъ нельзя было назвать христіанской. Но когда судья поговорилъ со мной... вы вѣдь слышали, — я передумалъ...

Звукъ шаговъ за дверью заставилъ его замолчать.

— Съ добрымъ утромъ! — проговорилъ Трампасъ, входя и не глядя на насъ.

Мы отвѣтили на его привѣтствіе.

— Кажется, я опоздалъ съ поздравленіемъ, — сказалъ Трампасъ угрюмо.

Виргинецъ взглянулъ на часы.

— Еще только половина седьмого, — замѣтилъ онъ.

Трампасъ сталъ еще угрюмѣе.

— Всѣхъ, я думаю, поздравляютъ съ повышеніемъ, — произнесъ онъ.

— Конечно, и я не забуду, насколько я обязанъ вамъ моимъ повышеніемъ.

— Я пришелъ сюда не для того, чтобы просить прощенія, — проговорилъ Трампасъ и фырнулъ.

— Развѣ вы когда-нибудь чувствовали потребность въ чемъ-нибудь подобномъ? — произнесъ невозмутимымъ тономъ виргинецъ.

Трампасъ увидалъ, что этимъ путемъ онъ ничего не добьется.

— О, вѣдь у меня за спиною не было судьи. Я слышалъ, что вы сегодня утромъ хотѣли расплачиваться съ ребятами, и пришелъ за расчетомъ.

— Вы хотите уйти отъ насъ? — спросилъ новый управляющій. — А чѣмъ же вы недовольны?

— Я не хочу ждать, чтобы меня выгнали въ шею, — лучше самъ уйду.

Виргинецъ переложилъ одну ногу на другую, отклонился немного назадъ и разсмѣялся.

— Идите-ка и принимайтесь за свою работу, Трампасъ, если вамъ не на что больше жаловаться. Вы говорили о моемъ повышеніи. Это вѣрно, мнѣ посчастливилось, но, можетъ быть, посчастливилось не мнѣ одному.

Вотъ что зналъ, но отказался сообщить мнѣ Сципiонъ. Ему хотѣлось, чтобы я самъ былъ свидѣтелемъ благороднаго поступка виргинца.

Трампасъ ушелъ, пробормотавъ что-то, чего я не могъ разслышать, и виргинецъ послѣдовалъ за нимъ, сказавъ мнѣ на прощанье:

— Вы опоздаете къ завтраку.

Дамы были нѣсколько скандализованы поступкомъ виргинца съ миссіонеромъ, но зато судья не скрывалъ своего восторга. Миссъ Молли Вудъ ничего не сказала, но послѣ завтрака отправилась удить рыбу въ сопровожденіи виргинца. Я поѣхалъ съ ними, рѣшивъ очень скоро избавить ихъ отъ своего присутствія.

— А вѣдь это хорекъ, — сказалъ я, замѣтивъ маленькое, хорошенькое животное, пробиравшееся какъ разъ передъ нами, возлѣ густого кустарника.

— Ахъ, гдѣ, гдѣ? Я боюсь! — воскликнула Молли и при этомъ по истинѣ женскомъ возгласѣ виргинецъ посмотрѣлъ на молодую дѣвушку съ такою улыбкой, что, на ея мѣстѣ, я, ни минуты не колеблясь, призналъ бы себя его собственностью. Но на миссъ Вудъ этотъ взглядъ произвелъ гораздо менѣе сильное впечатлѣніе, или она просто сдѣлала видъ, что не замѣтила его.

Я уже расстался съ ними и удилъ въ одиночествѣ, когда до меня долетѣли слѣдующія слова:

— Вы все еще не имѣете сказать мнѣ ничего особеннаго?

— Нѣтъ, имѣю. Мнѣ до сихъ поръ никто еще не нравился такъ, какъ вы, но я надѣюсь, что это случится. — Больше словъ не было слышно, и только звукъ голосовъ долеталъ до меня сквозь шумъ потока.

XXI.

Пребываніе супруговъ Огденъ въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“ и ихъ разговоры произвели на Молли Вудъ такое же впечатлѣніе, какъ еслибы къ птицѣ, живущей случайно среди чуждыхъ ей породъ, вдругъ прилетѣли птицы одной съ нею породы. Дѣло виргинца отъ этого, конечно, значительно проиграло. Отношеніе къ нему молодой дѣвушки не дошло еще до той стадіи развитія, когда отсутствіе усиливаетъ любовь, и поэтому, встрѣтясь съ нимъ послѣ долгой разлуки, она сказала ему такъ легко и свободно, что надѣется встрѣтить человѣка, который понравится ей больше, чѣмъ онъ. Огденъ и не подозрѣвали, что явились союзниками Молли Вудъ въ ея жестокой борьбѣ съ своимъ собственнымъ чувствомъ. Она часто ѣздила къ нимъ въ „Глубокую-Рѣку“, разговаривала и вспоминала о своей прежней жизни, находила общихъ знакомыхъ и общіе интересы. Ея стремленіе найти союзниковъ и стараніе вызвать прошлое для борьбы съ настоящимъ могли служить хорошими признаками для молодого человѣка. Очевидно, она боялась своего противника и сознавала его силу. Но, къ сожалѣнію, многочисленныя служебныя обязанности виргинца отвлекали его отъ его сердечныхъ дѣлъ. Онъ общалъ судѣ Генри, что постарается угодить ему, и теперь хлопоталъ о томъ, чтобы слова перешли въ дѣло. Онъ не зналъ, что уже вполне угодилъ судѣ, и что Генри не могъ только рѣшить, какой изъ двухъ поступковъ новаго управляющаго ему больше нравится: его остроумное поведеніе съ миссіонеромъ или его великодушіе относительно Трамаса. Многочисленныя дѣла не позволяли виргинцу видаться наединѣ съ любимой дѣвушкой, и какъ разъ въ это время миссъ Молли собралась съѣздить на родину въ компаніи Огденъ. Было гораздо пріятнѣе путешествовать съ друзьями, чѣмъ одной. Всѣ были такъ довольны занятіями миссъ Вудъ въ школѣ, что охотно дали ей отпускъ.

— Нѣтъ, книгъ мнѣ больше не нужно до вашего возвращенія, — сказалъ огорченныи виргинецъ, прощаясь съ нею. — Мы обмѣнялись ролями, — прибавилъ онъ: — тотъ разъ я уѣзжалъ, а вы оставались.

— Да, это правда, — отвѣчала она, — но вы теперь заняты болѣе, чѣмъ когда-либо; и у васъ не хватитъ свободнаго времени, чтобы тосковать обо мнѣ.

Она дѣлала ему больно, и ее радовало сознание, что она одна имѣетъ эту власть надъ нимъ, но онъ постарался отпарировать ея ударъ.

— Слѣдующій разъ ни одинъ изъ насъ не останется, — сказалъ онъ: — мы оба поѣдемъ вмѣстѣ.

И при этомъ такъ посмотрѣлъ на нее, что она долго сидѣла задумавшись въ вагонѣ, и все ей слышался его голосъ и мерещились его глаза.

Въ Беннингтонѣ Молли Вудъ встрѣтили съ распростертыми объятіями; знакомые давали обѣды въ честь ея пріѣзда, и она нѣсколько разъ ѣздила кататься верхомъ съ Самомъ Баннеттомъ. Ей хотѣлось повидать всѣ любимыя съ дѣтства знакомыя мѣста.

— Какъ здѣсь хорошо! — восклицала она иногда, любуясь деревьями какого-нибудь лѣса, и потомъ прибавляла задумчиво: — но, конечно, всего интереснѣе быть въ такомъ лѣсу, гдѣ можно повстрѣчаться съ медвѣдемъ или оленемъ! — или же говорила: — Какое это милое мѣстечко, — такъ напоминаетъ одно мѣсто въ „Медвѣжьей Рѣкѣ“! Только, конечно, здѣсь нѣтъ такого чистаго воздуха.

— Я не забылъ васъ, — сказалъ Самъ, — а вы, помните ли вы обо мнѣ? Или: съ глазъ долой — изъ сердца вонъ?

Молли отвѣчала, что всѣхъ отлично помнить. Въ Дунбартонѣ старая двоюродная бабушка долго держала Молли за руку, глядя ей въ лицо, и наконецъ сказала:

— Ты очень измѣнилась.

— Я постарѣла на годъ, — замѣтила молодая дѣвушка.

— Пустяки, моя милая! Ты мнѣ лучше скажи, кто онъ?

— Никто! — съ негодованіемъ воскликнула Молли.

— Тогда бы ты такъ не закричала, — замѣтила старушка.

Молодая дѣвушка спрятала лицо ей въ колѣни.

— Мнѣ кажется, я никого не могу любить, кромѣ себя самой, — сказала она. Старая лѣди, въ юности своей встрѣчавшаяся съ Лафайетомъ, стала нѣжно гладить склоненную къ ней голову и не задавала больше вопросовъ, потому что поняла болѣе, чѣмъ на половину.

— Я очень стара, — сказала она, — но отлично все помню. Онъ былъ смѣлый и красивый, но они не хотѣли меня за него выдать, потому что у него не было состоянія. А я любила его; только, должно быть, надо было любить еще сильнѣе. Я обѣщала

ему, что не забуду его; онъ уѣхалъ на своемъ кораблѣ, и этотъ корабль и онъ погибли.—Голосъ старушки зазвучалъ медленно и тихо. — Еслибъ я... еслибъ... можетъ быть, и тогда онъ погибъ бы, но это было бы уже послѣ... Если можешь не выходить замужъ, не выходи ни за что; но если не въ силахъ разстаться съ человѣкомъ, не слушайся никого, кромѣ голоса любви. Я знаю, дорогая, что твой выборъ не можетъ быть недостойнъ Старковъ. А теперь покажи мнѣ его портретъ. Навѣрное ты привезла его вмѣстѣ съ фотографіями западныхъ мѣстностей, которыя показывала намъ вчера.

Догадливость старой бабушки загнипотизировала Молли. Она поворно встала и принесла фотографію виргинца. Онъ былъ снятъ въ своемъ характерномъ костюмѣ, съ пистолетомъ за поясомъ и лассо въ рукахъ.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула старушка.

Молли молчала, но въ ея глазахъ появилось враждебное выраженіе.

— Господи!—повторила старая лэди:—и неужели такой человѣкъ могъ осмѣлиться...

— Онъ совсѣмъ не такой. То-есть, онъ именно такой,—сказала Молли, и хотѣла выхватить фотографію изъ рукъ бабушки, но та не дала ей.

— Я надѣюсь,—произнесла она,—что выпадаютъ дни, когда онъ никого не убиваетъ.

— Онъ никогда никого не убиваетъ!—со смѣхомъ воскликнула Молли.

— Милая моя, ты просто влюбилась въ его костюмъ.

— Совсѣмъ не въ костюмъ. И я нисколько не влюбилась. Онъ очень часто одѣвается иначе и носить бѣлый воротникъ, какъ всякій другой.

— Вотъ такъ бы ему и сняться. Не можетъ же онъ явиться сюда въ такомъ видѣ. Я бы сама не могла его принять.

— Онъ никогда не думаетъ о такихъ вещахъ. Вы говорите о немъ, какъ о какомъ-нибудь дикарѣ.

Старая лэди внимательно разглядѣла фотографію.

— У него хорошее лицо,—сказала она наконецъ.—Онъ въ самомъ дѣлѣ такъ красивъ, какъ на портретѣ?.. — и прощаясь съ внучкой, она проговорила:—Да благословить и да сохранить тебя Богъ, дитя мое. Я не стану тебя оберегать, какъ они меня оберегали. Ты никогда не дѣлала ничего недостойнаго Старковъ. И если ты рѣшила его взять, то сдѣлай это, пока еще я жива,

чтобъ я могла привѣтствовать васъ обоихъ. Господь съ тобою, дитя мое!

Проводивъ молодую дѣвушку, старушка задумалась.

„Она—какъ всѣ мы. Она хочетъ, чтобъ мужъ ея былъ настоящій мужчина, въ лучшемъ значеніи этого слова“.

Никому изъ семьи старушка ни слова не сказала о своемъ разговорѣ съ внучкой. Такимъ образомъ, никто не видалъ портрета и ни слова не слыхалъ отъ Молли, но тѣмъ не менѣе послѣ ея отъѣзда вся семья была взволнована. Кто-то сообщилъ мужу сестры Молли, что она собралась выйти замужъ за „gustler“ а.

Никто не понималъ хорошенько этого слова и въ лексиконѣ его нельзя было найти. Кто-то сказалъ, что это слово употребляли въ похвальномъ смыслѣ, говоря о живыхъ и ловкихъ людяхъ, но что иногда подъ этимъ словомъ разумѣютъ извѣстную породу лошадей. Самая непріятная версія заключалась въ томъ, что подъ этимъ словомъ разумѣли грабителей скота. Всѣ эти объясненія имѣли основаніе, такъ какъ одно слово выражало собою нѣсколько понятій. Какъ бы то ни было, но въ Беннингтонѣ черезъ нѣсколько дней передавалась сплетня, что Молли обручилась съ картежникомъ, золотопромышленникомъ, бѣглымъ разбойникомъ и мексиканскимъ бандитомъ, а м-съ Флинтъ увѣряла, что она вышла замужъ за мормона.

А въ это время Молли Будъ ѣхала верхомъ съ виргинцемъ вдоль „Медвѣжьей-Рѣки“. Они не были ни женаты, ни обручены, и она рассказывала ему о Вермонтѣ.

— Мнѣ никогда не случалось тамъ бывать,—сказалъ онъ.

— А что руководило вашимъ выборомъ во время путешествій?—спросила Молли.

— Счастливый случай и стремленіе къ удачѣ. Я, вѣроятно, самолюбивѣе моихъ братьевъ или безпокойнѣе ихъ. Они всѣ сидятъ по своимъ фермамъ. Шестъ лѣтъ я былъ въ отлучкѣ и двадцати лѣтъ вернулся домой. Они все еще говорили о тѣхъ же старыхъ вещахъ; тридцатилѣтніе и двадцатипяти-лѣтніе люди сидѣли и все толковали о томъ же. Никакого движенія въ ихъ жизни не было. А я рассказывалъ матери о томъ, гдѣ былъ, и что видѣлъ, и мои рассказы радовали ее до самой смерти. Послѣ ея смерти я ушелъ, а они всѣ остались на мѣстѣ. Общались я имъ вернуться, когда мнѣ будетъ пятьдесятъ лѣтъ, чтобы посмотреть, не заговорятъ ли они о чемъ-нибудь новомъ, да только едва ли.

— Мнѣ иногда кажется, что вы знаете гораздо больше, чѣмъ я,—сказала Молли.

— Ну, еще бы, конечно!—отвѣчалъ онъ совершенно просто. —Я съ четырнадцати лѣтъ самъ зарабатывалъ свой хлѣбъ и никогда не укралъ и не попросилъ ни единого цента. Не хотѣлось бы мнѣ, чтобы вы знали все, что я знаю. Много счастливыхъ случаевъ потерялъ я въ жизни, но зато получилъ васъ, и это—мое самое большое счастье.

Она была очень довольна, что какъ разъ въ эту минуту ихъ догналъ на своей лошади Жоржикъ Телоръ. Зато виргинецъ шопотомъ произнесъ проклатіе. Больше ничего не случилось во время этой прогулки.

XXII.

Пришла зима. Дѣла у виргинца стало гораздо меньше, но, несмотря на это, онъ былъ очень занятъ. Въмѣсто Шекспира и современныхъ романовъ, на столѣ его лежали всевозможные учебники, и онъ читалъ и писалъ цѣлыми часами. Большіе листы бумаги были исписаны задачами и упражненіями. М-съ Генри помогала ему, дѣлала поправки и давала совѣты и указанія.

— Я, правда, кажется, готова влюбиться въ него,—говорила она судьѣ: —теперь ты въ самомъ дѣлѣ можешь начать безпокоиться.

— Мнѣ не угрожаетъ никакая опасность,—возражалъ судьѣ, —для него существуетъ только одна женщина въ мірѣ.

Однажды утромъ Сципіонъ Лемуанъ вошелъ въ комнату виргинца, ту самую комнату, гдѣ докторъ Макъ Брайдъ цѣлую ночь боролся съ дьяволомъ. Виргинецъ сидѣлъ за столомъ. Кругомъ лежали раскрытыя книги, а передъ нимъ—полуниспанный листъ бумаги. Пальцы его были выпачканы чернилами, но онъ смотрѣлъ не на книги и бумагу, а въ окно, на далекую холодную равнину. Сципіонъ улыбнулся про себя и подумалъ: „ему чудится Медвѣжья-Рѣка“, но тотчасъ же убѣдился, что ошибся. Виргинецъ слѣдилъ взглядомъ за тѣмъ-то реальнымъ, и Сципіонъ подошелъ къ окну, чтобы узнать, на что онъ смотрѣлъ. Далеко, на фонѣ окружавшей бѣлизны, выдѣлялись двѣ маленькія темныя фигуры.

— Когда онъ наконецъ уберется отъ насъ, какъ вы думаете?—спросилъ Сципіонъ.

— Онъ?—прошепталъ виргинецъ, все еще не спуская глазъ съ далекихъ всадниковъ, и повторилъ:—онъ?

Сципіонъ свободно развалился на стулѣ. Онъ и виргинецъ

хорошо изучили другъ друга со времени ихъ первой встрѣчи въ Мендорѣ, и поэтому теперь Сципіонъ понялъ, о чемъ думалъ его другъ.

— Ну, что жъ! — сказалъ онъ: — отсутствіе одного — для насъ не потеря, а отсутствіе другого — прямая выгода.

— Бѣдный Шорти, — произнесъ виргинецъ, — бѣдный дурачокъ!

— Ну, нѣтъ, — сказалъ менѣе сострадательный Сципіонъ, — мнѣ его совѣмъ не жаль; всякій взрослый человѣкъ долженъ видѣть Трамаса насквозь.

— Шорти добръ къ животнымъ, — возразилъ виргинецъ, все еще глядя въ окно. — Какъ онъ приручилъ эту лошадь, Педро, купленную имъ на первыя заработанныя деньги! Удивительно выдрессировалъ. Подумайте только, какіе у насъ жестокіе нравы относительно животныхъ! Что мы дѣлаемъ съ сотнями и тысячами маленькихъ телятъ! Мы ихъ бросаемъ на землю, жаримъ, рѣжемъ, клеймимъ ихъ, выпускаемъ на волю и опять ловимъ. Иначе нельзя, конечно. Но я только говорю, что въ человѣкѣ, сохраняющемъ при всемъ этомъ жалость и любовь къ животнымъ, должно быть много хорошаго. А Шорти — именно таковой человѣкъ. Но онъ позволилъ Трамасу завладѣть собою, и оба вмѣстѣ уйдутъ отъ насъ. — Онъ снова взглянулъ на безбрежную снѣжную равнину, но всадники скрылись за подножіемъ холма.

Сципіонъ сидѣлъ молча. Ему никогда не приходили такія мысли относительно людей и животныхъ, но онъ сознавалъ, что онѣ были справедливы.

— Странно! — выговорилъ онъ наконецъ.

— Что странно?

— Все.

— Ничего нѣтъ страннаго, — возразилъ виргинецъ, — кромѣ брака и молвіи. Эти двѣ вещи меня всегда удивляютъ.

— Нѣтъ, все-таки странно, — настаивалъ Сципіонъ. — Вотъ, напримѣръ, Трамасъ. Онъ поступилъ съ вами подло. Вы ему простили. Могли застрѣлить его, а вмѣсто этого дали работу. Это былъ добрый поступокъ, а изъ него вышло зло.

— Вы жестоко ошибаетесь, — возразилъ виргинецъ: — доброта тутъ ни при чемъ. Я управляющій, и не выжилъ, и не убилъ Трамаса, чтобы имѣть теперь возможность сказать всякому: „я выше всѣхъ этихъ гадостей“. И зло явилось не слѣдствіемъ моего добраго поступка, а слѣдствіемъ самого Трамаса. Онъ вездѣ останется самимъ собой. Вы помните, какъ мы чуть-было не поймали человѣка, убившаго одну изъ нашихъ ко-

ровъ и утачившаго теленка? Мы ничего не могли доказать, потому что онъ ускользнулъ отъ насъ, но съ тѣхъ поръ воровство и убійство скота прекратились. А теперь Трампасъ рѣшилъ перемѣнить свое мѣстопробываніе. Можетъ быть, скоро опять начнутся убійства и грабежи, и намъ еще предстоитъ много дѣла и придется прибѣгать къ очень энергичнымъ мѣрамъ.

— Я бы хотѣлъ знать, что испытываешь, когда убиваешь человѣка?—спросилъ задумчиво Сципіонъ.

— Это не трудно, если человѣкъ заслуживаетъ быть убитымъ.

— Что Трампасъ уйдетъ отъ насъ—я знаю, но почему вы думаете—уйдетъ Шорти?

— Онъ попросилъ у меня прибавки.

— Онъ и своего-то жалованья не стѣдитъ.

— Трампасъ внушилъ ему другое. Бѣдный Шорти! Онъ рассказывалъ мнѣ о своей жизни,—тяжелая она. И никогда онъ не поумнѣетъ. Онъ хлопочетъ о прибавкѣ жалованья, потому что большую часть своихъ денегъ отсылаетъ на родину.

— А зачѣмъ онъ понадобился Трампасу?

— Тотъ хочетъ пользоваться имъ, какъ ловкимъ орудіемъ.

— Ну, ужъ не очень-то ловкимъ.

— Во всякомъ случаѣ, всякому вору удобно имѣть молодого подручнаго и брать все себѣ, предоставляя на его долю одну отвѣтственность за совершенныя кражи.

Сципіонъ всталъ и, подойдя къ столу, заглянулъ въ учебники и на исписанный до половины листъ бумаги.

— Въ ариметикѣ я еще маравую немного, а вотъ въ ореографіи—много фантазій. Что касается географіи,—продолжалъ онъ,—то я всѣ свои познанія изъ этой области растерялъ въ преріяхъ. Развѣ Бенningтонъ—столица Вермонта? И какъ пишется слово „женихъ“?

Въ тотъ же вечеръ виргинецъ призвалъ къ себѣ Шорти. Обыкновенно, когда у него являлась опредѣленная мысль, онъ говорилъ свободно и фразы складывались сами собою, но, взглянувъ на Шорти, онъ почувствовалъ себя въ затруднительномъ положеніи. Въ лицѣ стоявшаго передъ нимъ человѣка не было ничего злого, но и никакой силы. Ни одна черта лица ничего не обѣщала и все сливалось въ одну безформенную посредственность. Но такъ какъ все-таки надо было начать говорить, то виргинецъ произнесъ:

— Интересно бы знать, сколько градусовъ. Возьмите лампу и освѣтите градусникъ,—онъ съ правой стороны окна.

— Я не умѣю смотрѣть, — отвѣчалъ Шорти, подойдя съ лампой къ окну, — никогда не приходилось.

Виргинецъ вспомнилъ, что онъ былъ неграмотный, и самъ взглянулъ на градусникъ.

— Двадцать-два — ниже нуля... Табакъ довольно недурной, — не хотите ли?

Шорти набилъ себѣ трубку.

— Здоровый былъ морозъ, когда вы ѣздили сегодня верхомъ, — замѣтилъ управляющій.

Глаза Шорти выразили удивленіе.

— А мы васъ не видали, — сказалъ онъ.

— Скоро морозы кончатся, — продолжалъ виргинецъ, пропустивъ это замѣчаніе мимо ушей, — и, кромѣ того, работа насъ всѣхъ согрѣветъ. Въ конюшняхъ очень много дѣла, и, мнѣ кажется, это самая подходящая для васъ работа.

— Я могу больше заработать, — началъ Шорти и остановился.

— Мнѣ скоро понадобится человѣкъ, умѣющій дрессировать лошадей, которыхъ собирается купить м-ръ Генри. Онъ будетъ платить такому человѣку пятьдесятъ въ мѣсяцъ.

— Я могу заработать больше, — произнесъ Шорти уже съ упорствомъ.

— Да, иногда человѣкъ зарабатываетъ больше того, что можетъ заработать по настоящему. И со мною это бывало, когда я рыскалъ по свѣту. Я не могъ заработать настоящимъ трудомъ больше пятидесяти или даже двадцати-пяти въ мѣсяцъ, а иногда въ одну ночь выигрывалъ въ карты цѣлую кучу денегъ.

Глава Шорти расширилась.

— И потомъ — трахъ! все сразу прокучивалось съ товарищами и женщинами.

— А я никогда... — началъ Шорти и опять остановился.

Виргинецъ зналъ, что онъ думаетъ о деньгахъ, посылаемыхъ на родину.

— И всегда, — продолжалъ онъ, — деньги, которыя легко достаются, легко и уходятъ. А деньги, заработанныя настоящимъ трудомъ, я сталъ откладывать. Еслибы вы только знали, какое это пріятное чувство...

— Да, еслибъ мнѣ ваше счастье.

— Какое счастье? — строго спросилъ виргинецъ.

— Еслибъ я занялъ землю на берегу непересыхающей рѣки и былъ утвержденъ ея владѣльцемъ, какъ вы, и еслибы эта

земля съ каждымъ годомъ поднималась въ цѣнѣ, а я бы для этого и пальцемъ не пошевелилъ...

— А почему же вы не шевелили пальцемъ?—перебилъ его виргинецъ.— Кто вамъ мѣшалъ занять какую-нибудь землю? Она повсюду вокругъ васъ. Когда нужно было шевелить пальцемъ, я и шевелилъ, а вы—нѣтъ. Впрочемъ, и это все равно. Возьмите у меня завтра мою землю, у меня все-таки останутся мои сбереженія въ банкѣ, а они не даромъ мнѣ достались. Я всячески старался найти то дѣло, для котораго я именно годенъ, и нашелъ. И вы можете сдѣлать то же самое. Начните дрессировать лошадей судьи—и вы получите возможность откладывать сбереженія въ банкъ.

— Я могу больше заработать,—упрямо повторилъ Шорти.

Виргинцу хотѣлось кривнуть ему:— Въ такомъ случаѣ уберите вонъ!—но онъ сдержался и произнесъ добродушно:

— Теперь еще стоятъ морозы, времени много. Обдумайте все хорошенько и сообщите мнѣ ваше рѣшеніе.

XXIII.

Снѣгъ растаялъ, и Монте отлично могъ бы пройти по горнымъ тропинкамъ отъ „Глубокой-Рѣки“ до „Медвѣжьей-Рѣки“, но его хозяинъ былъ занятъ исполненіемъ своихъ обязанностей, и вмѣсто того, чтобы ѣхать самому, послалъ письмо. Это было его первое посланіе къ миссъ Молли Вудъ, и онъ, конечно, трусилъ, отправляя его. Онъ привыкъ писать дѣловыя письма по порученію судьи Генри и справлялся съ ними отлично, но тутъ было совсѣмъ другое дѣло. Сначала онъ написалъ черновикъ карандашомъ, а потомъ уже сталъ переписывать чернилами. Это давалось ему нелегко, и когда Шорти просунулъ голову къ нему въ дверь и спросилъ:— Вы придете обѣдать?—то получилъ въ отвѣтъ:

— А вы убирайтесь къ чорту!

Вѣроятно, письмо никогда не было бы окончено и послано, еслибы не тоскливое состояніе духа, въ которомъ находился нашъ герой. Онъ мечталъ о свиданіи съ любимой дѣвушкой, но вдругъ обстоятельства сложились такъ, что это свиданіе приходилось отложить на многіе дни, можетъ быть, даже недѣли. Не видѣть ее и даже не быть въ состояніи сказать ей нѣсколько словъ—было слишкомъ невыносимо, и только въ письмѣ могъ

виргинецъ найти исходъ своему мученью. Письмо было отправлено и путешествовало очень долго. Когда оно пришло въ „Медвѣжью-Рѣку“, ему уже было двѣнадцать дней отъ рожденія. Сначала оно находилось въ частныхъ рукахъ, потомъ ѣхало въ почтовомъ экипажѣ и очень долго дожидалось, пока почтарь не началъ, не продолжалъ и не кончилъ игру въ поверъ, обильно орошаемую виски. Послѣ этого оно снова было передано въ частныя руки и, наконецъ, доставлено адресату.

Молли Вудъ взглянула на конвертъ. Ей до тѣхъ поръ ни разу не приходилось видѣть почеркъ виргинца, но она узнала его тотчасъ же. Она заперлась въ своей комнатѣ и стала читать письмо съ бьющимся сердцемъ.

„Помѣстье „Глубокая-Рѣка“, 5 мая 188....

„Дорогая миссъ Вудъ! Мнѣ ужасно досадно. Я думалъ, что выйдеть совсѣмъ иначе, и мы скоро поѣдемъ съ вами кататься верхомъ. Весна ранняя въ этомъ году. Снѣгъ сошелъ на плоскогорьяхъ по эту сторону горной цѣпи, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ солнцу удастся сильно пригрѣвать цѣлый день, земля зеленѣетъ и показывается множество цвѣтовъ. Видно, какъ они перепутываются и качаются по вѣтру. Я надѣялся смотрѣть на все это вмѣстѣ съ вами, и это была моя лучшая мечта. Вода поднялась высоко, но я перебрался бы черезъ нее, а что касается снѣга на горныхъ вершинахъ, то одинъ человѣкъ сказалъ мнѣ, что еще недѣлю не будетъ тамъ проѣзда, а самъ только-что проѣхалъ. Ну, не смѣшной ли онъ человѣкъ? Все это ничего бы, да вотъ я не могу приѣхать, миссъ Вудъ. Я именно теперь очень нуженъ судѣ Генри, и не былъ бы хорошаго мнѣнія о себѣ, еслибы бросилъ его и всю работу, чтобы только исполнить свое личное желаніе. Еслибы я зналъ, когда могу приѣхать, то предупредилъ бы васъ, но самъ не знаю.

„Не вѣрьте рассказамъ объ индѣйцахъ. Это все выдумываютъ редакторы газетъ. Во всякомъ случаѣ, индѣйцы не явятся въ такое населенное мѣсто, какъ „Медвѣжья-Рѣка“.

„Ничего важнаго не случилось, что бы стоило сообщать вамъ. Я прочелъ „Отелло“. Не надо писать такихъ вещей. Вы не знаете, правда ли все это? Я самъ разъ былъ свидѣтелемъ еще болѣе ужаснаго случая въ Аризонѣ. Одинъ человѣкъ убилъ своего маленькаго ребенка и жену, но не надо писать красивымъ языкомъ такихъ вещей для публики. Прочелъ я „Ромео и Джульетту“. Это очень красиво написано, но Ромео — не настоящій мужчина. Мнѣ больше нравится его другъ Меркуціо. Еслибы онъ женился на Джульеттѣ, то не вышло бы такихъ безумій и ужасовъ.

„Какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть васъ сегодня, миссъ Вудъ. Знаете, я думаю, еслибъ я сѣлъ на моего Монте и бросилъ поводъ, онъ привезъ бы меня прямо въ „Медвѣжью-Рѣку“, къ вашей калиткѣ, потому что вѣдь у этой лошади большое пониманіе („въ этомъ словѣ—первая ошибка“, подумала Молли). Наши коровы, телята и куры очень радуются веснѣ. Не помню, рассказывалъ ли я вамъ объ одной нашей курицѣ, Эмилиі? У нея не было настоящаго пониманія, и она не хотѣла заводить свою семью, а старалась интересоваться чужими дѣтьми и заводила сношенія съ цыплятами, индюшатами и щенятами и воспитывала ихъ. Она умерла, не испытавъ семейныхъ радостей, какъ-разъ въ то время, какъ я началъ строить для нея домъ, чтобы завести въ немъ школу („Каковъ, дерзкій!“—воскликнула Молли и густо покраснѣла, сидя одна съ письмомъ въ рукахъ). Я приѣду къ вамъ при первой возможности. Готовъ сдѣлать сто миль, чтобы провести съ вами одинъ часъ, и Монте также готовъ. Посылаю вамъ цвѣтокъ. Только-что сорвалъ его и поцѣловалъ“.

Молли опустила письмо на колѣни, потомъ вдругъ всеочила и прижала цвѣтокъ къ своимъ губамъ.

А черезъ нѣсколько времени м-съ Тэлоръ увидала, какъ она быстро вышла изъ калитки и вернулась черезъ полчаса вся розовая отъ быстрой ходьбы и весенняго воздуха.

На другой день утромъ, выглянувъ изъ окна, Молли увидала голову Монте, привязаннаго къ забору Тэлора. Ахъ, еслибъ онъ могъ приѣхать днемъ раньше и она встрѣтила бы его послѣ своей первой весенней прогулки!

XXIV.

• Виргинець не могъ пробыть у миссъ Молли даже и часа. Онъ проѣзжалъ мимо по дѣлу и заѣхалъ только взглянуть на нее.

— Получили вы мое письмо?—спросилъ онъ.

— Да, вчера.

— Вчера! А я написалъ его три недѣли тому назадъ. Но все равно, вы его получили. Только сегодня я не могу провести съ вами цѣлый часъ. Этотъ часъ придетъ и, можетъ быть, скоро.

Она ничего не могла ему отвѣтить. Она чувствовала облегченіе и вмѣстѣ съ тѣмъ тоску. Онъ привелъ ей верховую лошадь для катанья и на прощанье передалъ ей букетъ цвѣтовъ.

Потомъ онъ уѣхалъ, а она глядѣла ему вслѣдъ, какъ онъ двигался по берегу рѣки, вдоль густого кустарника, покрытаго дикими розами. Изъ травы раздавалась неожиданная пѣсня невидимыхъ жаворонковъ, взлетала и уносилась въ необъятныя пространства. И небо, и земля, были бы благопріятны для него, еслибъ онъ остался. И сердце ея отчасти благопріятствовало ему. Оно стыло отъ доводовъ разсудка, но таяло отъ страсти, все отдавалось во власть противорѣчій, самообвиненій и нерѣшимости. Для нея наступили мучительные дни, а онъ, между тѣмъ, работалъ и страстно ждалъ возможности увидать ее снова.

Наконецъ, эта возможность явилась, и онъ уже повернулъ Монте въ сторону „Медвѣжьей-Рѣки“. Ему пришлось ѣхать мимо помѣстья Балаама, и онъ увидалъ самого хозяина на противоположномъ берегу рѣки. Онъ невольно сдержалъ Монте, чтобы посмотреть, что такое дѣлалъ Балаамъ.

— Правду мнѣ рассказывали про него,—прошепталъ онъ, увидавъ, что Балаамъ привелъ лошадей на водопой и съ силой хлесталъ тѣхъ изъ нихъ, которыя не хотѣли пить. Виргинецъ такъ внимательно слѣдилъ за этой сценой, что не замѣтилъ подѣхавшаго къ нему Шорти.

— Здорово!—произнесъ Шорти принужденнымъ тономъ, но виргинецъ поздоровался съ нимъ очень ласково.

— Боялся, что не удастся васъ скоро найти, — сказалъ Шорти.—Вотъ вамъ!—и онъ передалъ своему прежнему начальнику довольно измятое и запачканное письмо.

Это было письмо отъ судьи, и перебивало оно попеременно въ карманахъ трехъ табунщиковъ. Взглянувъ на конвертъ, виргинецъ увидалъ, что письмо имѣло отношеніе къ Балааму, и сердце его упало. Въ письмѣ судья давалъ ему еще новое порученіе, и онъ не могъ ѣхать на свиданье къ Молли Вудъ.

— Галло, Шорти! — крикнулъ Балаамъ съ противоположнаго берега. Виргинцу онъ только слегка кивнулъ головой. Онъ не былъ съ нимъ знакомъ, хотя отлично зналъ, кто онъ такой.

— Вамъ здѣсь есть письмо отъ судьи Генри,—сказалъ виргинецъ, и переѣхалъ черезъ рѣку.

Много недѣль тому назадъ, еще ранней весной, Балаамъ занялъ у судьи двухъ лошадей и обѣщалъ вернуть ихъ очень скоро.

Генри напоминалъ ему объ этомъ въ вѣжливомъ тонѣ, прося извинить за безповойство. Балаамъ пожалѣлъ, что не вернулъ лошадей раньше. Судья былъ болѣе значительнымъ лицомъ, чѣмъ онъ, и письмо вызвало у него дурное настроеніе.

— Судьѣ Генри лошади нужны къ тридцатому, — сказалъ онъ, разсматривая письмо, — какимъ же образомъ вы доставили мнѣ это письмо черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ оно было написано?

Глаза виргинца сверкнули на мгновенье, но онъ очень вѣжливо объяснилъ, что самъ только-что получилъ письмо отъ Шорти.

— Какъ же вы рассчитываете, что я доставлю лошадей къ тридцатому, когда сегодня двадцать-седьмое? — снова спросилъ Балаамъ.

— Я ни на что не рассчитываю, — возразилъ виргинецъ: — къ судьѣ должны прѣхать друзья изъ Нью-Йорка, — прибавилъ онъ, — и для нихъ понадобятся эти лошади.

Балаамъ былъ очень не въ духѣ, но надо было что-нибудь предпринять. Онъ позвалъ одного изъ своихъ рабочихъ и сталъ отдавать ему приказанія, дѣлая ударенія на подробностяхъ и привязывая торопиться.

Виргинецъ стоялъ въ выжидательной позѣ, положивъ руку на сѣдло, а Шорти усѣлся въ тѣни, и привычный глазъ Балаама невольно остановился на его лошади.

— Вы больше не работаете въ „Глубокой-Рѣкѣ“? — спросилъ онъ, отдавъ всѣ нужныя приказанія и обращаясь къ Шорти.

— Нѣтъ.

— Такъ, значитъ, въ какомъ-нибудь другомъ помѣстьѣ?

— Нѣтъ.

Балаамъ усмѣхнулся. Онъ замѣтилъ, какъ желтоватые волосы Шорти выглядывали изъ дыры на его шляпѣ и до какой степени старъ и поношенъ былъ весь его костюмъ.

Шорти съ радостью взялся отвезти письмо виргинцу, чтобы заработать немного денегъ, но ужъ и эти деньги перешли изъ его кармана въ карманъ Трамаса, обыгравшаго его въ покеръ. Единственной оставшейся у него драгоценностью была его лошадь Педро.

— Хорошая у васъ лошадка, — произнесъ Балаамъ и при этомъ ударилъ по мордѣ свою собственную лошадь, не хотѣвшую подойти вмѣстѣ съ другими къ водѣ.

Виргинецъ посмотрѣлъ на него молча и мрачно. Онъ не могъ виѣшиваться въ то, какъ человекъ обращался со своими собственными животными.

— Не хотите ли пообѣдать со мною, Шорти? — предложилъ Балаамъ. — Сейчасъ подадутъ.

Шорти разсѣдлалъ Педро и пустилъ его на пастбище Балаама.

Среди безконечнаго желтаго пейзажа это пастбище выдѣлялось зеленымъ кускомъ, да еще берега узкой рѣки, покрытые хлопчатникомъ, извивались и уходили вдаль зеленой змѣею.

Виргинецъ тоже пустилъ свою лошадь на пастбище. Ему предстояло ждать въ помѣстьѣ Балаама, пока не отыщутъ лошадей судьи.

— М-съ Балаамъ нѣтъ, она уѣхала на Востокъ,—заявилъ хозяинъ, ведя гостей въ столовую. Пригласивъ Шорти, онъ не могъ отказать въ гостепрѣимствѣ и виргинцу, хотя это ему совсѣмъ не улыбалось.

— Ну что, видали вы индѣйцевъ? — спросилъ за обѣдомъ Балаамъ.

— Рассказываютъ, будто одинъ охотникъ поѣхалъ въ большой лѣсъ, что за „Глубокою-Рѣкою“, да и не вернулся, а лошадь его одна прибѣжала назадъ,—отвѣчалъ Шорти.—Ну, да мало ли что болтаютъ!—прибавилъ онъ презрительно и, подумавъ, закончилъ:—Ничего страшнаго въ этихъ индѣйцахъ нѣтъ; я любому изъ нихъ скорѣе довѣрюсь, чѣмъ Трампасу.

Балаамъ наклонилъ набокъ свою бычачью голову и разсмѣялся иронически, поглядывая на своего гостя.

— Ну, а въ какомъ положеніи ваши банковскія дѣла?

Онъ положилъ винограду на тарелку Шорти.

— У меня нѣтъ никакихъ дѣлъ въ банкѣ,—пробормоталъ молодой человекъ.

Балаамъ вынулъ изъ жилетнаго кармана сигару и бросилъ ее Шорти черезъ столъ.

— Спички сзади васъ,—прибавилъ онъ и протянулъ другую сигару виргинцу.

Когда Шорти собрался уѣзжать, Балаамъ пошелъ вмѣстѣ съ нимъ на пастбище.

— Захватили лассо?—спросилъ онъ.

— Мнѣ его не нужно. Я могу такъ подойти къ Педро, а вы оставайтесь сзади.

Держа уздечку за спиною, Шорти подошелъ къ берегу, гдѣ стояла его лошадь, обмахиваясь своимъ длиннымъ хвостомъ. Онъ что-то убѣдительно говорилъ ей и наконецъ, подойдя совсѣмъ близко, положилъ руку на ея темную сравнительно съ мастью гриву. Педро повернулъ голову съ ожиданіемъ, и хозяинъ протянулъ ему кусокъ хлѣба.

— Развѣ онъ ѣстъ?—спросилъ черезъ заборъ Балаамъ.

— Очень любить соль, — отвѣчалъ Шорти. — Ну, теперь разожми зубы, н-но! Не хочешь, чтобы тебя взнуздали? Любишь

показывать, что никому не принадлежишь и живешь независимо на собственные средства!

Педро, очевидно, доставляло удовольствіе, что съ нимъ такъ разговаривали. Онъ далъ взнудать себя и поворно послѣдовалъ за хозяиномъ.

Шорти остановился и протянулъ руку.

— Ну, здравствуй! — сказалъ онъ, и лошадь подняла и подала ему правую переднюю ногу.

— Ну, теперь другое копытце! — и Педро точно такъ же подаль лѣвую ногу.

— Это я его выучилъ этому, — произнесъ табунщикъ съ гордостью и любовью. — Скажи, Педе, вѣдь ты самая лучшая лошадка во всей странѣ?.. Да нѣтъ больше хлѣба, нечего тамъ исвать, — прибавилъ онъ лошади, опустившей до половины носъ въ его карманъ.

— А сколько бы вы за него взяли? — спросилъ Балаамъ.

— Кусочекъ грязи съ его шерстки стоитъ больше ста долларовъ, — произнесъ Шорти, величественно приподнявъ голову и глядя на небо.

— Ну, такъ и оставьте себѣ грязь, а я вамъ дамъ тридцать долларовъ за лошадь.

Шорти разсмѣялся особеннымъ смѣхомъ настоящаго лошадирика и взялся за сѣдло.

— Во всякомъ случаѣ сегодня вамъ нечего ѣхать, — сказалъ Балаамъ, поднимая камешекъ и бросая его въ рѣву. — Переночуйте у меня, а завтра я васъ отправлю самымъ удобнымъ образомъ въ фурѣ.

— Педро меня скорѣе доведетъ, — произнесъ Шорти и задумался. — А сколько бы вы мнѣ, серьезно, могли дать? — спросилъ онъ, держа въ рукахъ подпругу.

— Я вамъ сказалъ: тридцать долларовъ, — отвѣчалъ Балаамъ, влѣзая и усаживаясь на заборѣ. — Я вѣдь не буду плакать о вашемъ Педро, но для васъ же было бы удобнѣе имѣть теперь эти деньги, а потомъ заработать побольше и выкупить лошадь. — Онъ заложилъ большой палецъ въ карманъ жилета. — Впрочемъ, я не плачу о вашемъ Педро... Подождите-ка, почему это онъ такъ стоитъ? Чтò это у него съ передней ногой? — онъ соскочилъ съ забора, подбѣжалъ къ лошади и сталъ осматривать ея ноги. — М-м! — протянулъ онъ, нахмурившись: — всегда этого можно ожидать, когда начинаютъ ѣздить на слишкомъ молодой лошади.

— Да чего ожидать-то? Что ее будутъ до сыта кормить? Это вѣрно, онъ ѣсть у меня здорово.

При этомъ замѣчаніи виргинецъ не могъ удержаться отъ сочувственнаго и одобрительнаго смѣха.

— Кость повреждена, — со вздохомъ произнесъ Балаамъ: — его на всемъ скаку круто поворачивали, когда еще кости не окрѣпли, — вотъ причина.

Шорти съ негодованіемъ выругался и, подтянувъ подпругу, вскочилъ на сѣдло и ускакалъ, исчезая въ облакѣ пыли. Балаамъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и разсмѣялся неприятнымъ, рѣзкимъ смѣхомъ.

Онъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ, и дѣйствительно, когда онъ, отдавъ нужныя привязанія рабочимъ, вернулся въ столовую, на порогѣ его встрѣтилъ Шорти.

— Можно ли такъ говорить о хорошей лошади? — произнесъ онъ обидчиво. — Взгляните еще разъ. Въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго брака, онъ даже никогда не спотыкается.

— Лучше уводите-ка отсюда вашу лошадь, — сказалъ виргинецъ.

Балаамъ повернулъ къ нему свою бычачью голову.

— Кажется, это не ваше дѣло, мой другъ?

— Уводите свою лошадь, Шорти! — медленно повторилъ виргинецъ.

Лицо Балаама исказилось отъ гнѣва, но южанинъ спокойно и серьезно смотрѣлъ на Педро. Онъ тоже былъ очень недоволенъ, испытывая смѣшанное чувство жалости къ Шорти и злобы къ Балааму. Онъ съ радостью прекратилъ бы этотъ торгъ, давъ за Педро возможную и даже невозможную цѣну и оставивъ его за собою. Но онъ уже и такъ своимъ вмѣшательствомъ нарушилъ общепринятія правила. Когда бьются объ закладъ, играютъ въ карты и торгуютъ лошадѣй, каждый долженъ заботиться самъ о себѣ, а зритель долженъ сохранять полное спокойствіе и оставлять про себя свои мудрые совѣты.

Вечеромъ Шорти курилъ уже вторую сигару. Онъ продалъ Педро за сорокъ долларовъ, полосатый мексиканскій коверъ и пару шноръ.

— Я выкуплю Педро, какъ только достану заработокъ, — сказалъ онъ вечеромъ, раздѣваясь, виргинцу, но тотъ проворчалъ что-то сердито въ отвѣтъ. Ему предстояла неприятная поѣздка съ лошадями, и кромѣ того и главнымъ образомъ, его мучила невозможность попасть въ „Медвѣжью-Рѣку“.

На разсвѣтѣ Шорти всталъ и осторожно вышелъ изъ дома, чтобы не разбудить спящихъ вокругъ него рабочихъ.

Надъ пустыннымъ хребтомъ отвѣснаго рѣчнаго берега еще

лежала блѣдная луна, но уже не свѣтила въ просвѣтлявшемся отъ зари сумракѣ. Педро стоялъ на пастбищѣ возлѣ забора. Шорти присѣлъ на крыльцѣ, вынулъ полученные деньги, лѣниво подбросилъ ихъ нѣсколько разъ на рукѣ, не испытывая никакого удовольствія отъ обладанія ими. Потомъ онъ спряталъ ихъ и осторожно подошелъ къ Педро. Онъ сталъ въ послѣдній разъ разговаривать съ лошадей, соскабливая пальцами кусочки приставшей къ шерсти грязи и поглаживая пушистую гриву. Потомъ оглянулся, чтобы убѣдиться, что его никто не видитъ, и обнялъ лошадь за шею, прижавшись головою къ ея мордѣ. На мгновеніе его незначительное лицо преобразилось отъ настоящаго сильнаго чувства. Лошадь стала искать хлѣба.

— Прощай, Педро!—произнесъ онъ.—Нѣтъ, хлѣба больше не будетъ. Прощай, моя милая, милая лошадка!

Послѣ завтрака мимо пастбища проѣхала фура, и Педро внимательно, но равнодушно прослѣдилъ за нею взглядомъ, переставъ жевать траву. Его хозяинъ, сидѣвшій въ фурѣ, низко опустилъ голову и не взглянулъ на него.

XXV.

Лошади судьи были приведены, и Балаамъ велѣлъ сѣдлатъ Педро и вьючную лошадь. Онъ рѣшилъ самъ отвести лошадей м-ру Генри. Эта любезность должна была сгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное его неаккуратностью, и кромѣ того ему очень хотѣлось повидать пріѣзжихъ изъ Нью-Йорка. О томъ, что творилось на бѣломъ свѣтѣ, онъ узнавалъ только изъ газетъ, запаздывавшихъ на восемь дней.

Было жарко и безоблачно; со всѣхъ сторонъ тянулась безбрежная пустыня. Къ вечеру имъ удалось найти мѣстечко, гдѣ еще сохранилось немного желтоватой воды. Лошади долго и жадно пили ее, а люди развели костеръ и, молча завусивъ и покуривъ, улеглись спать, закрывшись одѣялами. Лошадей пустили пасться на свободѣ, и на утро Балаамъ на Педро отправился за ними. Когда онъ вернулся, то Педро весь былъ въ мылѣ и съ губъ у него капала кровавая пѣна.

— Вы бы лучше пересѣли на свою вьючную лошадь,—замѣтилъ виргинецъ, приготовляя кофе для Балаама.

— Спасибо за совѣтъ,—отрѣзалъ Балаамъ и сталъ бранить лошадей и рассказывать, какъ трудно было съ ними справиться.

У вьючной кобылы виргинецъ замѣтилъ на боку рану, сдѣ-

ланную очевидно брошеннымъ въ нее камнемъ. Когда послѣ завтрака Балаамъ подошелъ къ Педро, лошадь шарахнулась въ сторону, а когда онъ схватилъ ее подъ уздцы, то она рванулась и взвилась на дыбы.

— Прежде никогда ничего подобнаго съ Педро не бывало,—замѣтилъ виргинецъ, до тѣхъ поръ молча перемывавшій и укладывавшій посуду.

— Дрянъ этакая!—воскликнулъ Балаамъ;—онѣ всѣ одинаковы. Ихъ надо держать въ страхѣ, если не хотите, чтобы онѣ надѣлали вамъ бѣды. Этого Педро и холили, и баловали, а что въ немъ хорошаго? Ну, да теперь онъ будетъ знать, какъ себя вести со мною!

— М-ръ Балаамъ,—сказалъ виргинецъ,—я у васъ куплю эту лошадь хоть сейчасъ.

— Не сейчасъ и никогда,—покачалъ головою Балаамъ:—она мнѣ самому нужна.

Виргинецъ вспомнилъ, какъ иногда табунщики говорили своимъ лошадямъ:—стой смирно, а то я тебя „побалаамлю“!—Теперь онъ начиналъ понимать значеніе этихъ словъ.

Балаамъ повелъ напоить Педро передъ отъѣздомъ. Лошадь упиралась и не шла, и онъ ударилъ ее хлыстомъ по лбу. Это не помогло. Виргинецъ ждалъ, сидя уже на лошади.

— Какъ же она пойдетъ за вами, если вы бьете ее по головѣ?—замѣтилъ онъ наконецъ.

— Вы думаете учить меня, какъ обращаться съ лошадьми?—спросилъ Балаамъ.

— Да, казалось бы, это совершенно лишнее, — небрежно отвѣчалъ виргинецъ.

— А въ такомъ случаѣ и прекратите ваши замѣчанія, мой другъ.

Виргинецъ поднялъ глаза на Балаама.

— Хорошо,—сказалъ онъ все тѣмъ же тихимъ и мягкимъ голосомъ,—а вы прекратите называть меня вашимъ другомъ. Вы уже два раза сдѣлали эту ошибку.

Молча отправились они дальше. Остановившись черезъ нѣсколько часовъ, чтобы напоить лошадей, они увидѣли возлѣ лужи кучку остывшей золы, нѣсколько колебъ и основаніе постройки изъ ивовыхъ вѣтвей, похожей на клѣтку.

— Стоянка индѣйцевъ,—сказалъ виргинецъ.

— Они были здѣсь не ближе какъ недѣлю тому назадъ,—замѣтилъ Балаамъ:—вѣроятно охотились. А далеко отсюда до „Глубокой-Рѣки“?

— Мы должны поторопиться, чтобы до ночи переѣхать каналъ.

— Знаете что, свяжемте вмѣстѣ лошадей судьи и погонимъ ихъ передъ собою, это будетъ гораздо скорѣе,—сказалъ Балаамъ, и, оставивъ виргинца съ вьючной кобылой, онъ помчался на Педро за лошадьми. Но лошади не поддавались, и началась бѣшеная скачка. Педро сталъ ослабѣвать, но Балаамъ еще сильнѣе вдавливалъ ему шпоры въ бока. Виргинецъ видѣлъ издали, какъ отъ лошади шель паръ; она двигалась, раскрывъ ротъ и спотыкаясь каждую минуту. Веди вьючную лошадь въ поводу, онъ поѣхалъ на помощь Балааму, но ничего не могъ сдѣлать. Одиравшія лошади судьи, безъ влады и безъ всадниковъ, какъ вѣтеръ взлетѣли на холмы и, наконецъ, совсѣмъ исчезли за горнымъ хребтомъ. Виргинецъ слѣзъ съ лошади и сѣлъ въ ожиданіи Балаама. Балаамъ подсказалъ въ нему, тоже сошелъ на землю и сталъ бѣшено колотить Педро, пока палка не сломалась. Тогда онъ схватилъ обломанный конецъ и хотѣлъ продолжать.

— Лучше оставьте лошадь!—сказалъ виргинецъ, но Балаамъ не слышалъ его. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно и въ глазахъ его появилось выраженіе маниака.

— Онъ притворялся, что усталъ,—произнесъ онъ, глядя на виргинца стеклянными глазами. Злоба его превратилась въ болѣзненный припадокъ. Голосъ звучалъ хрипло и глухо.—Провести меня хочеть!—прибавилъ онъ и, повернувшись къ Педро, закрывшему отъ изнеможенія глаза, онъ схватилъ его ослабѣвшую голову и потрясъ ее. Виргинецъ отвернулся съ отвращеніемъ, а Балаамъ машинально влѣзъ опять на сѣдло. Педро не двигался съ мѣста. Оглянувшись, наконецъ, виргинецъ увидалъ, какъ Балаамъ, съ совершенно звѣрскимъ выраженіемъ лица, нагнулся и такъ стиснулъ колѣнями бока лошади, что она рухнула на землю, подняла голову и стала жалобно мотать ею изъ стороны въ сторону. У виргинца потемнѣло въ глазахъ. Онъ бросился на Балаама, схватилъ его, ударилъ, швырнулъ на землю, поднялъ, опять швырнулъ и сталъ бить, нанося удары куда попало и совершенно не помня себя отъ ярости. Бычачье сложеніе и сила Балаама не могли ему помочь. Онъ страшно вскрикнулъ отъ злости и боли и схватился за шестиствольный револьверъ, спрятанный у него за поясомъ, но новый ударъ почти лишилъ его сознанія. Гнѣвъ и мщеніе виргинца пронеслись, какъ сильная, но короткая гроза. Онъ остановился надъ челоуѣкомъ, неподвижно лежавшимъ рядомъ съ лошадью.

— Если бы вы умерли,—произнесъ онъ,—то я былъ бы

доволенъ, но вы живы и даже не особенно пострадали. Погодите, я принесу вамъ воды.—Когда онъ вернулся съ водою, Балаамъ уже сидѣлъ, дико оглядываясь по сторонамъ. Рядомъ съ нимъ лежалъ револьверъ и поблескивалъ на солнцѣ. Къ Педро также стали возвращаться силы; онъ всталъ на ноги и, пошатываясь, направился къ лужѣ. Когда виргинецъ подошелъ къ нему, то онъ испугался только въ первую минуту, а потомъ понялъ, что находится въ дружескихъ рукахъ, и спокойно далъ разсѣдлать себя.

— Я полагаю, вы въ состоянїи ѣхать,—сказалъ виргинецъ, подходя къ Балааму.—Садитесь на вьючную лошадь, а Педро пойдетъ въ поводу. Мы должны отправляться скорѣе, чтобы не упустить лошадей. Вотъ вашъ револьверъ.—Балаамъ молча повиновался, и они снова пустились въ путь. Послѣ только-что случившагося, ихъ взаимная ненависть и раздраженіе вдругъ утихли. Они даже обмѣнялись нѣсколькими замѣчаніями. Между тѣмъ стало вечерѣть и гдѣ-то въ ущельѣ застонали совы. Онѣ кричали черезъ извѣстный промежутокъ времени, точно переговаривались другъ съ другомъ. Среди тишины этотъ унылый звукъ неприятно подѣйствовалъ на обоихъ путниковъ. Вершины горъ, еще горѣвшія красноватымъ свѣтомъ, померкли. Миновавъ ивовый кустарникъ, виргинецъ и Балаамъ увидели лошадей. Онѣ поднялись на холмъ и направлялись къ лѣсу.

— Имъ надо помѣнать,—сказалъ виргинецъ,—въ лѣсу намъ ихъ не найти. Вы ступайте по этой тропинкѣ, а я поѣду имъ наперерѣзъ,— и онъ быстро ускакалъ. Балаамъ подѣхалъ къ опушкѣ лѣса и уже собирался спѣшиться, думая, что имъ придется заночевать подъ деревьями, какъ вдругъ Педро насторожилъ уши, захрапѣлъ, вырвалъ поводъ изъ рукъ Балаама и, круто повернувъ, вошелъ въ воду, очевидно, намѣреваясь переправиться на другой берегъ. Балаамъ, боясь, что онъ убѣжитъ, схватилъ револьверъ и выстрѣлилъ передъ его мордой, чтобы испугать его и заставить вернуться. Но рука его, сильно ушибленная виргинцемъ, дрогнула, и онъ выстрѣлилъ ниже и правѣе, чѣмъ хотѣлъ. Педро упалъ въ воду, но тотчасъ же поднялся и выскочилъ на противоположный берегъ. Балаамъ переправился черезъ рѣку, подѣхалъ къ нему и увидалъ, что пулей раздробило ему ногу. И въ ту же минуту онъ вдругъ понялъ, чего испугался Педро и что заставило его повернуть отъ опушки лѣса. Очевидно, въ лѣсу были индѣйцы, и это они перекинулись, подражая крику совъ. Ему вспомнился разсказъ объ охотникѣ, отправившемся въ лѣсъ, и объ его лошади, вернувшейся

домой безъ всадника. Очевидно, и его ждала та же участь, и только Педро спасъ его отъ неминуемой гибели. Несчастная лошадь лежала на травѣ и спокойно глядѣла на долину, начинавшую исчезать въ сумеркахъ. Вѣроятно она не испытывала страданій отъ раны и не сознавала своей гибели,—по крайней мѣрѣ выраженіе ея великолѣпныхъ глазъ было спокойно и кротко. Балаамъ зарядилъ револьверъ и, приставивъ его къ уху Педро, выстрѣлилъ—и на этотъ разъ не промахнулся. Прострѣленная навзлѣтъ голова лошади упала на траву. Это было все, что могъ сдѣлать Балаамъ, чтобы отплатить Педро за спасеніе своей жизни.

Потомъ онъ сѣлъ на свою кобылу и въ полумракѣ сталъ отыскивать дорогу назадъ. Онъ не могъ ѣхать въ „Глубокую-Рѣку“, весь избитый, безъ лошадей судьбы и съ полной увѣренностью, что виргинецъ какъ разъ попалъ въ лѣсу на засаду индѣйцевъ. Онъ переночевалъ, положивъ подъ голову сѣдло и не смѣя развести огня, изъ боязни, что его увидятъ, а на другой день къ вечеру доѣхалъ до своего помѣстья. Тамъ его дожидался Шорти. Ему сразу повезло; онъ заработалъ немного денегъ и явился выкупить Педро.

— Опоздали вы, Шорти!—сказалъ Балаамъ, и видя, какъ Шорти блѣднѣетъ, прибавилъ въ объясненіе:

— Насъ съ этимъ человѣкомъ изъ Виргиніи преслѣдовали индѣйцы. Онъ попался, а я нѣтъ. Индѣйцы же и вашу лошадь убили. Дѣлать нечего. Отдохните у меня и пойдите пообѣдать съ рабочими.

Съ англ. П—на С—ва.

ИЗЪ
ПѢСЕНЬ БЕРАНЖЕ

I.

ДУРНАЯ ПРИМѢТА.

(Treize à table).

Друзья, однако, насъ тринадцать за столомъ
И соль просыпана случайно предо мною!
Несчастное число грозитъ, навѣрно, зломъ...
Да вотъ и смерть вошла и стала за спиною.
Богиня, фея, духъ?.. Мнѣ страшно... Кто она?
Прекрасна, молода, съ улыбкою во взглядѣ.
Давайте пѣть скорѣй, пока намъ жизнь дана!
Нѣтъ, право, не страшна мнѣ смерть въ такомъ нарядѣ.

Какъ гостя, въ намъ теперь она пришла на пиръ,
Пришла вѣнчаяная, въ волнѣ цвѣтовъ душистыхъ,
А вы не видите... Въ лицѣ—покой и миръ,
И вся въ сіяніи казихъ-то искръ лучистыхъ.
Я слышу словно звонъ разорванныхъ цѣпей.
Младенецъ къ ней принижь, спить на груди въ усладѣ.
Мой кубокъ опустѣль. Вина,—вина живѣй!
Нѣтъ, право, не страшна мнѣ смерть въ такомъ нарядѣ.

Она сказала мнѣ: „Чего бояться, другъ!
Я небомъ рождена, сестра моя—Надежда.“

Когда жалѣеть рабъ, что сталъ свободнымъ вдругъ,
 Что, вмѣсто тяжкихъ узъ, на немъ—какъ снѣгъ, одежда?
 Какъ падшему, тебѣ верну я крылья вновь,
 Что не даны судьбой въ житейскомъ маскарадѣ “.
 Тѣснѣй, красавицы! Сердца пьянить любовь...
 Нѣтъ, право, не страшна мнѣ смерть въ такомъ нарядѣ.

„Едва приду къ тебѣ“, услышалъ я опять:
 „Душа твоя вспорхнетъ въ лазурныя селеня,
 Гдѣ огненнымъ мірамъ повелѣно сиять,
 Гдѣ движутся они отъ первыхъ дней творенья.
 Пока не сбросила душа плотскихъ оковъ,—
 Сомнѣнья заглушивъ, иди къ земной отрадѣ “.
 Друзья, отъ жизни все возьмемъ безъ дальнихъ словъ!
 Нѣтъ, право, не страшна мнѣ смерть въ такомъ нарядѣ.

Видѣнье чудное исчезло безъ слѣда.
 Завылъ, залаялъ песь у нашего порога.
 Трусливый мы народъ... Какая въ томъ бѣда,
 Что смерть являлась къ намъ!.. Всѣхъ ждетъ одна дорога.
 Друзья, пускай волна умчитъ впередъ челнокъ!
 Придемъ вѣдь къ той же все кладбищенской оградѣ.
 Тринадцать за столомъ—такъ предназначилъ рокъ.
 Нѣтъ, право, не страшна мнѣ смерть въ такомъ нарядѣ.

II.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНІЕ.

(La Métempsychose).

Въ переселенье душъ давно я слѣпо вѣрилъ
 И про себя вчера, улегшись отдохнуть,
 Свои всѣ склонности я мысленно измѣрилъ
 И, для разгадки ихъ, рѣшилъ съ душой болтнуть.
 „Чѣмъ безъ меня бы ты былъ! Имѣй ко мнѣ почтенье!
 Во мракѣ былъ бы ты“,—послышался отвѣтъ:
 „Но я не дѣвственной сошла въ твое владѣнье“...
 —Душа права, сомнѣній нѣтъ,
 Сомнѣній нѣтъ, сомнѣній нѣтъ!

„Мнѣ смутно помнится, что я плющомъ сначала
 Росла и головы вѣнчала на пирахъ,
 Потомъ, переродясь, нѣжнѣй и меньше стала
 И птицей пѣвчею носилась въ небесахъ,
 То возлѣ пастуховъ порхала въ сочномъ полѣ,
 Рѣзвилась, прыгала и пѣла сколько лѣтъ,
 И крылья у меня расправились на волѣ“...

— Душа права, сомнѣній нѣтъ,
 Сомнѣній нѣтъ, сомнѣній нѣтъ!

„Была собакою, по прозвищу Медоромъ,
 Опорой твердою убогаго слѣпца,
 И съ чашею въ зубахъ бродила подъ заборомъ,
 Сопутствуя ему повсюду безъ конца.
 Утѣха нищаго, я богачей плѣняла,
 Кормила одного, у всѣхъ прося чуть-свѣтъ,
 И, дѣлая добро, другихъ къ добру склоняла“...

— Душа права, сомнѣній нѣтъ,
 Сомнѣній нѣтъ, сомнѣній нѣтъ!

„Какъ было чудно мнѣ въ укромномъ заключеньи,
 Когда я въ дѣвушку красивую вошла!
 Но ринулись туда Амуры въ испугленьи,
 И этотъ уголокъ былъ разнесенъ до тла.
 Ихъ воинскій отрядъ потратилъ много жару:
 Пока я тамъ жила, — и ночью, и въ разсвѣтъ
 Все было въ пламени. Привыкла я къ пожару“...

— Душа права, сомнѣній нѣтъ,
 Сомнѣній нѣтъ, сомнѣній нѣтъ!

„Но чтобы мой рассказъ яснѣе сталъ немного“,
 Закончила душа: „еще скажу тебѣ, —
 Прогнѣвавъ небеса, наказана я строго...
 Меня заменить въ тебя Богъ приказалъ судьбѣ.
 Заботы, вѣчный трудъ... а женское коварство!..
 А слезы!.. Я молчу, какъ ты живешь, поэтъ.
 Съ тобою, какъ въ аду, несмѣтныя митарства“...

— Душа права, сомнѣній нѣтъ,
 Сомнѣній нѣтъ, сомнѣній нѣтъ!

В. Умановъ-Каплуновскій.

ЕКАТЕРИНА II

и

МОНТЕСКЬЁ

Въ своихъ мемуарахъ—именно въ ихъ части, еще неизданной—императрица Екатерина рассказываетъ, какъ въ своей ранней юности,—ей было тогда четырнадцать лѣтъ,—она узнала въ первый разъ шведскаго графа Гилленбурга. Екатерина съ своей матерью гостила тогда въ Гамбургѣ у бабушки, которая—въ дѣвчествѣ принцесса баденъ-дурлахская—была вдовой герцога голштейнъ-готторпскаго, епископа любекскаго. Семейныя и политическія отношенія были таковы: старшій сынъ этой вдовствующей герцогини и старшій братъ матери Екатерины былъ принцъ-епископъ любекскій,—онъ же былъ опекуномъ герцога Карла-Петра-Ульриха, который по смерти отца, Карла-Фридриха шлезвигъ-голштинскаго (по матери—племянника Карла XII, и жена-таго на дочери Петра I), становился одновременно претендентомъ на два сѣверные престола, шведскій и русскій. По дипломатическому соглашенію Россіи съ Швеціей, затруднительность или прямая невозможность этого двойкаго наслѣдства была разрѣшена такъ, что когда русское наслѣдство было предоставлено Карлу-Петру-Ульриху (потомъ Петръ III), на престолъ шведскій предоставлено было избрать его опекуна, принца-епископа любекскаго, другого принца голштинскаго дома. Дѣйствительно, въ 1739 г. Карлъ-Петръ-Ульрихъ отказался отъ шведскаго престола, принявъ греко-россійское исповѣданіе, получилъ имя Петра и объявленъ былъ наслѣдникомъ русскаго престола и преемникомъ имп. Елизаветы, съ титуломъ великаго князя.

Въ одинъ изъ прїѣздовъ матери Екатерины (вмѣстѣ съ дочерью) въ Гамбургъ, кажется въ 1743, тамъ именно ожидали прибытія шведскаго посольства, которое должно было окончательно призвать въ Швецію принца-епископа любекскаго: „онъ былъ избранъ наслѣдникомъ шведскаго престола, или, вѣрнѣе, статья мирнаго договора Россіи съ Швеціей дѣлала этого принца наслѣдникомъ шведской короны“. Дѣйствительно, многочисленное шведское посольство прибыло въ Гамбургъ; принцъ уѣхалъ съ нимъ въ Швецію, простившись съ семействомъ, которое видѣлъ въ послѣдній разъ... Въ составѣ посольства былъ и графъ Гилленбургъ.

Императрица рассказываетъ дальше, что со времени этой поѣздки въ Гамбургъ мать стала обращать на нее больше вниманія, чѣмъ прежде. Одной изъ главныхъ причинъ перемѣны былъ этотъ графъ Гилленбургъ.

Въ это время, „онъ каждый день бывалъ въ домѣ бабушки“ (повторимъ, что это была мать призываемаго въ Швецію наслѣдника престола) „и имѣлъ возможность ближе познакомиться съ моею матерью и со мной; онъ видѣлъ, что мать не обращала на меня особеннаго вниманія; однажды онъ сказалъ ей: „madame, вы не знаете этого ребенка; я ручаюсь вамъ, что у нея гораздо больше ума и способностей, чѣмъ вы думаете; прошу васъ, обратите на нее больше вниманія, чѣмъ вы дѣлали это до сихъ поръ; она заслуживаетъ того во всѣхъ отношеніяхъ“. Этотъ графъ Гилленбургъ не переставалъ воспитывать мою душу всѣми лучшими чувствованіями и самыми высокими нравственными правилами, какія только можно внушать молодымъ людямъ; я жадно это схватывала и себѣ усвоивала“.

Видимо, это былъ просвѣщенный человѣкъ того типа XVIII столѣтія, какой сталъ тогда распространяться подъ вліяніемъ уже начавшагося „философскаго“ направленія: оно обращалось на вопросы нравственные, а также вопросы общественные, образовывало людей съ опредѣленными убѣжденіями, внушало не только личную твердость въ этихъ убѣжденіяхъ, но и стремленіе дать имъ силу въ общественномъ примѣненіи.

Послѣ встрѣчи въ Гамбургѣ, другая встрѣча произошла въ Петербургѣ, въ 1745. Тѣмъ временемъ Екатерина, въ качествѣ ангальт-цербстской принцессы, была приглашена съ матерью въ Россію, гдѣ она должна была стать невѣстой великаго князя, который уже раньше былъ вызванъ въ Россію, какъ наслѣдникъ престола. Въ 1745, дворъ жилъ въ Москвѣ.

„Къ концу нашего пребыванія въ Москвѣ“,—пишетъ Екатерина въ другихъ, болѣе извѣстныхъ ея мемуарахъ,—„прибыло

шведское посольство, во главѣ котораго находился сенаторъ Цедеррейцъ. Немного времени спустя прибылъ также графъ Гилленбургъ, съ извѣщеніемъ къ императрицѣ о бракѣ шведскаго королевскаго принца, брата моей матери, съ одной прусскою принцессой. Этотъ графъ Гилленбургъ былъ намъ знакомъ; мы видѣли его въ Гамбургѣ, куда онъ пріѣзжалъ со многими другими шведами во время отъѣзда королевскаго принца въ Швецію. Это былъ человѣкъ большого ума; онъ уже не былъ молодъ, и моя мать оказывала ему большое уваженіе; что касается меня, я была ему нѣкоторымъ образомъ обязана, потому что въ Гамбургѣ, видя, что моя мать почти или совсѣмъ не обращала на меня вниманія, онъ сказалъ ей, что она была неправа и что несомнѣнно я была ребенкомъ гораздо выше своего возраста. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ пришелъ къ намъ и какъ въ Гамбургѣ онъ всегда мнѣ говорилъ, что у меня складка ума очень философическая, онъ спрашивалъ меня, какъ идетъ моя философія въ томъ вихрѣ, въ которомъ я находилась; я рассказала ему, что я дѣлала въ своей комнатѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что философъ въ пятнадцать лѣтъ еще не можетъ знать самого себя и что я окружена была такими подводными камнями, что надо было очень опасаться, чтобы я не подверглась крушенію, если только моя душа не была самымъ высокимъ образомъ закалена; что нужно питать ее самымъ лучшимъ чтеніемъ, какое только возможно, и для этого онъ рекомендовалъ мнѣ жизнеописанія знаменитыхъ людей Плутарха, жизнь Цицерона и „Причины величія и упадка римской республики“ Монтескье. Я тотчасъ послала за этими книгами, которыя съ трудомъ можно было тогда найти въ Петербургѣ, и я сказала ему, что я сдѣлаю ему свой портретъ, какъ я себя знала, чтобы онъ могъ видѣть, знала я себя или нѣтъ. Дѣйствительно я написала свой портретъ, который назвала „Портретъ философа въ 15 лѣтъ“, и отдала ему. Много лѣтъ спустя, а именно въ 1758, я нашла это сочиненіе и была удивлена глубиной знанія самой себя, какое въ немъ заключалось. Къ сожалѣнію, я сожгла тогда это сочиненіе со всѣми другими моими бумагами, боясь держать что-нибудь изъ нихъ у себя въ комнатѣ, во время несчастнаго дѣла графа Бестужева. Графъ Гилленбургъ черезъ нѣсколько дней возвратилъ мнѣ мою рукопись; я не знаю, списалъ ли онъ себѣ копію. Онъ сопровождалъ мою рукопись нѣсколькими страницами размышлений на мой счетъ, которыми онъ старался увѣривать во мнѣ какъ возвышенность души и твердость, такъ и другія качества сердца и ума. Я много разъ перечитала написанное имъ; я прониклась

его словами и положила себѣ серьезно слѣдовать его совѣтамъ. Я дала себѣ это обѣщаніе, и когда я себѣ что-нибудь обѣщала, я не помню, чтобы когда-нибудь этого не исполняла. Потомъ я возвратила графу Гилленбургу его рукопись, какъ онъ меня просилъ, и признаюсь, что онъ много послужилъ къ тому, чтобы образовать и укрѣпить складъ моего ума и моей души“.

Этотъ рассказъ является въ разныхъ отношеніяхъ любопытнымъ эпизодомъ и въ исторіи имп. Екатерины, и въ исторіи русскаго общественнаго просвѣщенія. Правительницей руссой имперіи предстояло быть принцессѣ мелкаго нѣмецкаго двора; ея нравственно-философскимъ руководителемъ привелось быть шведскому графу, который направилъ ее къ сильнѣйшему нравственно-философскому и общественно-политическому движенію того времени, главнымъ очагомъ котораго была французская литература. Графъ Гилленбургъ прямо указалъ ей на Монтескье. Такіе пути потребовались между прочимъ для культурнаго русскаго развитія, въ которомъ имп. Екатерина имѣла такую сильную, вліятельную роль.

Монтескье (1689—1755) въ эти годы былъ еще только авторомъ „Персидскихъ писемъ“ (1721) и „Причинъ величія и упадка римской республики“ (1734); еще готовился „Духъ Законовъ“ (1748). Но двѣ первыя книги, особливо вторая, людямъ серьезнымъ указали въ Монтескье глубокаго мыслителя, который искалъ раскрыть въ судьбѣ человѣческихъ обществъ или государствъ основные мотивы ихъ историческаго бытія, найти законы явленій и, наконецъ, извлечь изъ этихъ сознательныхъ историческихъ изученій и указанія для болѣе или менѣе правильной оцѣнки и постановки учреждений, дѣйствующихъ на политическую жизнь обществъ въ настоящее время.

Наконецъ, появленіе главнаго труда Монтескье, „Esprit des Lois“, было настоящимъ событіемъ, не только во Франціи, но во всей просвѣщенной Европѣ: вездѣ книга была переведена, и въ особенности она была высоко оцѣнена въ Англии, потому что въ первый разъ для самихъ англичанъ объяснила глубокое значеніе ихъ представительныхъ учреждений. Впечатлѣнія книги во французскомъ обществѣ такъ описывалъ Рейналь въ письмѣ къ просвѣщенной нѣмецкой герцогинѣ Луизѣ-Доротее: „Во Франціи нѣтъ изученій болѣе заброшенныхъ, чѣмъ изученіе публичнаго права. Немногія сочиненія, какія у насъ есть объ этомъ предметѣ, очень плохи, и еслибы даже онѣ были хороши, ихъ бы не читали. Нужно было очень большого человѣка и, что еще важнѣе, человѣка въ модѣ, чтобы измѣнить въ этомъ вкусъ націи.

Президентъ Монтескьё совершилъ теперь эту перемѣну. Его книга, подъ названіемъ „Духъ Законовъ“, изданная нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Женевѣ и вскорѣ тайно перепечатанная въ Парижѣ, вскружила голову у всѣхъ французовъ. Это сочиненіе можно найти одинаково въ кабинетѣ нашихъ ученыхъ и на туалетѣ нашихъ дамъ и нашихъ свѣтскихъ франтовъ. Не знаю, будетъ ли этотъ энтузіазмъ продолжителенъ, но несомнѣнно, что онъ не можетъ идти дальше“. Извѣстный Мельхіоръ Гриммъ (лѣтъ десять спустя ставшій ревностнымъ корреспондентомъ импер. Екатерины) въ 1756 писалъ въ своей Перепискѣ: „Духъ Законовъ произвелъ совершенный переворотъ въ духѣ націи. Лучшія головы въ послѣднія семь или восемь лѣтъ посвятили себя объясненію политическихъ вещей. Правительственныя дѣла стали теперь предметомъ философскихъ толковъ, и если не въ дѣйствительности, то въ наукѣ политики мы уже можемъ теперь равняться съ англичанами“.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на подробностяхъ книги Монтескьё. Сочиненіе о причинахъ величія и паденія Рима и „Духъ Законовъ“ были у насъ переведены еще въ концѣ XVIII и началѣ XIX-го вѣка; потомъ „Духъ Законовъ“ былъ переведенъ еще разъ и наконецъ явился въ новѣйшемъ переводѣ съ обширнымъ комментариемъ М. М. Ковалевскаго, 1900. Для цѣльнаго знакомства съ личностью знаменитаго писателя, въ нашей литературѣ есть переводъ прекрасной книги о Монтескьё, Альберта Сореля, 1898.

Суровый Шлоссеръ, въ его строгихъ сужденіяхъ объ обществѣ, правительствахъ, политическихъ дѣятеляхъ, „философахъ“ XVIII-го вѣка, выдѣляетъ великія достоинства Монтескьё, указываетъ во многихъ случаяхъ его глубоко справедливыя мысли о разныхъ вредныхъ и ложныхъ законодательныхъ положеніяхъ и общественныхъ понятіяхъ того времени. Онъ находилъ, что „непосредственное дѣйствіе „Духа Законовъ“ въ Германіи и во Франціи было не очень значительно“: „въ обѣихъ этихъ странахъ слишкомъ привыкли презирать народъ и считать преступленіемъ мысль о государственныхъ дѣлахъ со стороны частнаго человѣка, такъ что не могли думать ни о конституціи, ни о свободѣ“, — хотя, какъ мы видѣли, уже въ то самое время книга Монтескьё произвела большое впечатлѣніе во французскомъ обществѣ. Далѣе Шлоссеръ указываетъ, что позднѣе Монтескьё сталъ, однако, оракуломъ для историковъ и политиковъ, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, что къ его авторитету прибѣгало потомъ и феодальное дворянство противъ демократіи. Сорель особо

останавливается на разнообразномъ „потомствѣ“ Монтескьё въ эпоху революціи и послѣ, во времена реставраціи: разныя партіи и взгляды искали у него аргументовъ въ свою защиту...

Это появленіе „потомства“ Монтескьё, какъ выражается Сорель, указывало именно на богатство идей и историко-политическихъ соображеній, собранныхъ въ двухъ знаменитыхъ книгахъ. Основа ученій Монтескьё заключалась именно въ томъ, чтобы въ массѣ событій, въ разнообразіи учреждений, въ измѣнчивой судьбѣ государствъ, найти какую-либо путеводную нить,—если она существовала. Уже въ тѣ времена вопросъ о существѣ исторіи ставился сильными умами, и если съ одной стороны онъ рѣшался провиденціальной теоріей Боссюэта, съ другой—онъ вызывалъ теоріи скептическія, которыя приписывали ходъ исторіи, судьбы государствъ и народовъ простому сцѣпленію случайныхъ обстоятельствъ. Когда Монтескьё поставилъ вопросъ о *причинахъ* величія и потомъ упадка Рима, онъ съ перваго раза отвергъ случай, а въ „Духѣ Законовъ“ все изслѣдованіе посвящено опредѣленію общихъ причинъ, создающихъ судьбу народовъ и учреждений. Эти причины—физическія и нравственныя: съ одной стороны условія природы, въ какихъ живетъ народъ, климатъ, почва и т. д.; съ другой—складъ характера, нравы. Такъ онъ находитъ три основныя формы правленія, сложившіяся у народовъ: республика, представительная монархія и деспотія. Шлоссеръ въ слѣдующихъ словахъ указываетъ, „какимъ образомъ эти формы представлены здѣсь большой публикѣ“. „Республика блеститъ какъ недостижимый идеалъ; основаніе ея есть чистая добродѣтель, принципъ ея любовь къ совершенному равенству. Конституціонная монархія является какъ послѣднее приближеніе нашихъ европейскихъ племенъ какъ они есть и какъ могутъ быть, такъ какъ имъ недостаетъ той добродѣтели, которую Монтескьё добродушно признаетъ за нѣкоторыми древними республиками; принципъ этой государственной формы составляетъ, по его мнѣнію, честь. Напротивъ, деспотія, свойства которой, по положительнымъ словамъ Монтескьё, всего больше встрѣчаются въ абсолютно-монархическихъ военныхъ государствахъ континента, есть язва человечества, причина испорченности и вредъ для нравовъ; принципъ ея есть страхъ“.

Строгий критикъ, Шлоссеръ, какъ можно замѣтить и въ приведенной цитатѣ, не считаетъ трудъ Монтескьё безупречнымъ,—принимая даже во вниманіе тогдашнее состояніе историческихъ званій. Онъ отдаетъ всю похвалу честному гражданину, просвѣщенному мыслителю, смѣлому публицисту,—но находитъ не-

малые недостатки у научнаго изслѣдователя... Въ свое время эти недостатки указывались. Шлоссеръ смѣется надъ Вольтеромъ, который упрекалъ Монтескьё въ поверхностныхъ сужденіяхъ, когда въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ былъ такъ поверхностенъ. Но были и болѣе серьезные судьи: основательный ученый, глубокий знатокъ древнихъ языковъ, Кревье— „во всякое другое время былъ бы страшнымъ противникомъ Монтескьё“.

„Въ болѣе части случаевъ, онъ былъ безспорно правъ: но голосъ публики, которая не обращала никакого вниманія на ученость Кревье, былъ за Монтескьё. Кревье не безъ основанія упрекалъ прославленнаго писателя въ тщеславіи, фразерствѣ, въ недостаткѣ основательныхъ свѣдѣній... Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кревье бралъ подъ защиту устарѣвшее правительственное устройство и устарѣвшій общественный порядокъ: онъ хотѣлъ спасти и защитить такія религіозныя и государственныя формы, какія не могли спастись. Подобный родъ швольной учености, естественно, долженъ былъ замолкнуть передъ голосомъ свѣта“...

Но безъ сомнѣнія онъ долженъ былъ бы замолкнуть и передъ голосомъ истинной науки. Какія бы ни были частныя фактическія ошибки, когда онѣ были, эти ошибки не измѣняли цѣльной широкій постановки историческаго и политическаго сооруженія Монтескьё, и новѣйшіе историки видятъ въ немъ именно одного изъ великихъ начинателей, или даже перваго начинателя современной исторіографіи.

Такъ смотритъ на него Альбертъ Сорель, въ предѣлахъ французской исторіографіи.

И здѣсь, правда, сказался еще разъ тотъ историческій скептицизмъ, о которомъ мы выше упоминали. Выразителемъ его явился Сентъ-Бёвъ.

„Онъ соглашается съ Монтескьё только на половину и съ безчисленными ограниченіями, — говоритъ о немъ Сорель. — Именно въ его сочиненіяхъ можно найти въ самой мягкой формѣ наиболѣе существенныя возраженія, какія были сдѣланы Монтескьё... Сентъ-Бёвъ много разъ обращался къ Монтескьё, подходилъ къ нему со всѣхъ сторонъ... Человѣкъ его плѣняетъ, писатель очаровываетъ, сочиненіе тревожитъ, исторію приводитъ въ нетерпѣніе, законодатель ставитъ въ тупикъ.“

„Какъ законодателя, Сентъ-Бёвъ упрекаетъ Монтескьё въ томъ, что онъ слишкомъ высоко ставитъ средняго человѣка, слишкомъ много жертвуетъ декорациі міра и человѣческому уваженію, довольно мягко говорить о первоначальной, всегда скрытой злости человѣка, слишкомъ скрываетъ подъ общественной

драпировкой людскую одежду, т.-е. рубище... Сентъ-Бёвъ не видитъ, что въ великой политической гигиенѣ оптимизмъ является условіемъ и душой всякаго предпріятія. Какъ руководить человекомъ, если не считаешь его способнымъ быть руководимымъ; какъ усовершенствовать его, если считаешь его неспособнымъ къ совершенствованію?..

„Въ исторіи Сентъ-Бёвъ находитъ, что Монтескье слишкомъ пренебрегаетъ непослѣдовательностью людей и капризами судьбы. Монтескье, по его мнѣнію, слишкомъ все упрощаетъ и представляетъ все слишкомъ симметрично; онъ оставляетъ въ сторонѣ случайности; изолируетъ извѣстные эпизоды, соединяетъ ихъ и влагаетъ въ нихъ подобіе разума, котораго они никогда не имѣли; считается только съ событіями, принесшими свои слѣдствія, пропуская всѣ тѣ, которыя не имѣли успѣха; изъ тысячи формъ, которыя могло принять событіе, выбираетъ только одну, ту, которая осуществилась на самомъ дѣлѣ; проходитъ мимо неожиданностей; не знаетъ „правды интриги и человѣческаго маскарада“... Великіе перевороты и великія побѣды являются (по мнѣнію Сентъ-Бёва) дѣломъ бессознательныхъ актеровъ; все сводится здѣсь къ волненіямъ неизвѣстныхъ слѣпцовъ, которые копошатся въ тѣни“...

Дальше мудрено идти въ историческомъ скептицизмѣ. Сорель указываетъ опроверженіе его въ словахъ Монтескье по поводу такого же отрицанія (еще въ XVIII вѣкѣ) исторической причинности: „случайность не имѣетъ подобнаго рода постоянства“.

„Это вѣрно въ явленіяхъ историческихъ, какъ и явленіяхъ физической природы,—продолжаетъ Сорель:—одинъ случай не можетъ произвести того, чтобы при тождественныхъ условіяхъ явленія повторялись и смѣняли другъ друга. Эта смѣна имѣетъ свои законы: факты не нагромождены другъ на друга и не изолированы; они держатся другъ за друга, они имѣютъ свою связь. Случай распоряжается только формой событий“... „Общая причина влечетъ за собою всѣ частные случаи“. Это именно и является причиной того, что еслибы не явился Цезарь, то другой занялъ бы его мѣсто. Монтескье никогда не выражалъ этого лучше, чѣмъ въ слѣдующемъ примѣрѣ: „Возстановленіе республики (въ древнемъ Римѣ) было такъ невозможно, что случилось то, чего никогда еще не было видано: не было уже тирана, и все-таки не было болѣе свободы, потому что причины, уничтожившія ее, все время продолжали существовать“.

„Между Монтанемъ и Паскалемъ,—продолжаетъ Сорель,—излишкомъ человѣческой ироніи и бездной разсудка, уничтожаю-

шагося въ самомъ себѣ, существуетъ середина для знанія, мысли и здраваго смысла: это—мѣсто Монтескьё. Онъ прежде всего—честный общественный человѣкъ и честный политикъ, которому ничто человѣческое не чуждо, который стремится къ познанію самого себя съ цѣлью познать другихъ и къ тому, чтобы познакомить людей съ условиями ихъ существованія съ цѣлью научить ихъ сдѣлать его болѣе сноснымъ. Его сочиненія не утрачиваютъ своего значенія, потому что они — историческія и потому, что основываются на наблюденіяхъ надъ природой. Его общіе взгляды справедливы, это главное; что касается ошибокъ въ деталяхъ, то онѣ не имѣютъ важнаго значенія. Вильменъ очень хорошо сказалъ: „Въ сочиненіяхъ подобнаго рода эти ошибки стоятъ не больше дробей въ большихъ смѣтахъ“. Монтескьё оставилъ нѣчто лучшее, чѣмъ правила: методъ, который позволилъ развить его мысль и примѣнить ее къ случаямъ, которыхъ онъ не могъ предвидѣть. Онъ оказалъ глубокое и продолжительное вліяніе на свое время; онъ еще исполненъ поучительности и для нашего времени. Его имя связано съ большею частью лучшихъ реформъ, которыя мы произвели въ теченіе вѣка. Онъ представляетъ нашъ національный духъ въ томъ, что есть въ немъ наиболѣе точнаго, наиболѣе широкаго, благороднаго и мудраго“.

Таковъ былъ писатель, котораго графъ Гилленбургъ рекомендовалъ юной принцессѣ: —мы видѣли, какъ она цѣнила совѣты своего руководителя, и нѣтъ сомнѣнія, что она читала „Les causes de la grandeur et de la décadence“. Какъ выше замѣчено, въ это время еще не былъ изданъ „Esprit des Lois“; но опять едва ли сомнительно, что книга, о которой подыались такіе оживленные толки не въ одной французской, но и въ цѣлой европейской литературѣ, не миновала рукъ будущей императрицы. Определенныхъ свѣдѣній объ этомъ пока нѣтъ, и отношеніе имп. Екатерины къ Монтескьё выясняется для насъ уже только въ шестидесятихъ годахъ XVIII-го вѣка, черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ она въ первый разъ познакомилась съ этимъ писателемъ... Въ перепискѣ императрицы между прочимъ нашлось и было издано отвѣтное письмо ея къ графу Гилленбургу отъ 1766,—письмо котораго было доставлено Екатеринѣ его сыномъ. Отвѣтъ былъ чрезвычайно благосклонный. Въ письмѣ Гилленбурга она „съ удовольствіемъ увидѣла тѣ же знаки вниманія, какіе онъ показывалъ ей больше двадцати лѣтъ тому назадъ“; она говорила, что многіе соотечественники графа могли

ему повторить, что ей всегда хотѣлось знать обо всемъ, что его касается; она очень многимъ ему обязана — „и если я имѣю нѣкоторые успѣхи, то и вы въ нихъ участвуете, такъ какъ развили во мнѣ желаніе достигнуть до совершенія великихъ дѣлъ“¹⁾. Одно изъ „обязательствъ“ (obligations), какія она здѣсь предполагала, было то, что Гилленбургъ первый указалъ ей на Монтескье, который въ эти годы былъ для нея величайшимъ авторитетомъ.

Много разъ поминается имя Монтескье въ перепискѣ императрицы именно за первые шестидесятыя годы, во время работы надъ „Наказомъ“. Приводимъ нѣсколько цитатъ, которыя укажутъ ея отношеніе къ великому французскому писателю.

Въ первой половинѣ 1765 года, отвѣчая на письмо д'Аламбера (отъ апрѣля), она говоритъ очевидно о „Наказѣ“, надъ которымъ тогда работала:... „Давно я собиралась писать вамъ, такъ какъ нѣкоторымъ образомъ была вамъ должна отвѣтомъ. Я хотѣла прибавить къ этому нѣкоторую тетрадь, но требовалось время, чтобы сдѣлать ее разумною (raisonnable), и притомъ она еще не кончена. Если вы ее одобрите, я буду довольна. Вы увидите тамъ, какъ я на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескье, не называя его; я надѣюсь, что если съ того свѣта онъ видитъ мою работу, онъ проститъ мнѣ этотъ плагиатъ для блага двадцати милліоновъ людей, которое должно отсюда произойти. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы оскорбиться этимъ; его книга есть мой молитвенникъ“.

Въ 1766, „Наказъ“ былъ сообщенъ Гр. Орловымъ, въ числѣ другихъ лицъ, Василю Баскакову и извѣстному А. П. Сумарокову. Оба написали свои замѣчанія: первымъ императрица осталась очень довольна, но не вторымъ. Къ замѣчаніямъ его имп. Екатерина приписала: „Господинъ Сумароковъ хорошій поэтъ, но слишкомъ скоро думаетъ. Чтобъ быть хорошимъ законодательцемъ, онъ связи довольной въ мысляхъ не имѣетъ; чтобъ критиковать цѣль — и для того привязывается къ наружности колецъ, составляющихъ цѣль, и находитъ, что здѣсь или тамъ въ полирѣ ошибка есть, которыхъ пороковъ онъ бы оставилъ, есть ли бы понималъ связь“...

Между прочимъ Сумароковъ упомянулъ о Монтескье: ...„великіе и всю Европою почитаемые авторы, а особливо несравненный Монтескю, но и въ немъ многое критикѣ подлежитъ, о чемъ противъ ево и писано“. Екатерина приписала къ этому: „Многіе

¹⁾ Бумаги имп. Екатерины II, хранящіяся въ Госуд. Архивѣ и пр. Томъ II. Спб. 1872, стр. 157.

критиковали Монтескю, не разумѣя его: я вижу, что я сей жребій съ нимъ раздѣлю“¹⁾.

Въ другомъ письмѣ къ д'Аламберу, отъ 1766 (въ отвѣтъ на его письмо отъ августа того года), опять мимоходомъ упоминаніе о Монтескьѣ, конечно въ связи съ „Наказомъ“: „Уже два года мои главныя занятія заключаются въ томъ, что я переписываю и обдумываю принципы президента Монтескьѣ. Я стараюсь понять его и сегодня зачеркиваю то, что находила вчера очень хорошимъ“.

Не останавливаясь еще на нѣсколькихъ другихъ упоминаніяхъ о „Наказѣ“ въ письмахъ императрицы (напр. къ г-жѣ Жоффренъ), приведемъ еще нѣсколько словъ изъ письма ея къ Фридриху II отъ октября 1767. Посылая прусскому королю нѣмецкій переводъ „Наказа“, Екатерина писала: „...Ваше в-ство не найдетъ тамъ для себя ничего новаго, ничего неизвѣстнаго... Во всемъ моего—только распредѣленіе предметовъ по статьямъ, и въ разныхъ мѣстахъ то строчка, то слово: еслибы собрать все, прибавленное здѣсь мною, я не думаю, чтобы вышло больше двухъ, трехъ листовъ. Большая часть извлечена изъ Духа Законовъ, президента Монтескьѣ, и изъ сочиненія О преступленіяхъ и наказаніяхъ, маркиза Беккариа“²⁾...

Новѣйшіе изслѣдователи собрали не мало прямыхъ сличеній „Наказа“ съ текстами Монтескьѣ и Беккариа, указывали вліяніе нѣкоторыхъ другихъ писателей (напр. Мерсье де-ла-Ривьера), сосчитывали по статьямъ, какому изъ авторитетовъ Екатерины принадлежала большая доля ея труда³⁾,—но достаточно прямыхъ указаній самой Екатерины, чтобы видѣть, что главнѣйшимъ ея руководителемъ былъ именно Монтескьѣ. И это естественно: Монтескьѣ давалъ цѣлую обширную философскую исторію политической жизни народовъ и законодательства; цѣль сочиненій Беккариа была болѣе тѣсная.

Въ автобіографической запискѣ имп. Екатерины о первыхъ годахъ ея царствованія указаны мотивы, которые тогда же убѣдили ее въ необходимости дать русскому законодательству лучшей порядокъ,—и именно порядокъ рациональный. „И для того я начала читать, потомъ писать наказъ комиссіи уложенія. Два года я читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова“... Повидимому, только послѣ она взяла себѣ сотруд-

¹⁾ Тамъ же, стр. 83, 84, 87.

²⁾ Сборникъ И. Р. И. Общества, т. XX, Слб. 1877, стр. 236. ✓

³⁾ См. обзоръ данныхъ объ исторіи „Наказа“ въ предисловіи къ прекрасному изданію „Наказа“ г. Павелѣва. Слб. 1893, стр. 14—23, 31—53. ✓

никовъ, говорила съ княземъ Орловымъ (Гр. Гр.), который „дѣны не ставилъ ей работы и требовалъ часто, чтобъ тому или другому оную показать“... Такимъ образомъ работа надъ Наказомъ происходила въ самые первые годы царствованія. Очевидно, что иначе и быть не могло, потому что самый планъ былъ уже дѣйствіемъ правительственнымъ. Здѣсь и началось пристальное и детальное изученіе Монтескьё и Беккариа.

Какъ видно изъ мемуаровъ Екатерины II, она уже задолго до воцаренія предчувствовала, и предвидѣла, будущую царственную роль. Она и готовилась къ ней—пока размышленіями. Сюда безъ сомнѣнія относятся тѣ замѣтки, относимыя во времени до 1762 года, которыя изданы были въ первомъ томѣ „Бумагъ имп. Екатерины“¹⁾.

Мнѣ кажется, что есть еще одно болѣе раннее указаніе на эти теоретико-политическіе интересы Екатерины, когда она была еще великой княгиней, и что въ этихъ интересахъ занимали уже важное мѣсто идеи Монтескьё.

Въ 1760, вышла безъ указанія имени автора и мѣста печатанія книга подъ названіемъ „Lettres Russiennes“²⁾. Библиографы, упоминавшіе объ этой книгѣ, обыкновенно приписываютъ ее нѣкоему Струбе де-Пирмонтъ, между прочимъ бывшему во второй половинѣ XVIII вѣка членомъ петербургской академіи наукъ³⁾. Отъ XVIII вѣка не осталось біографіи этого ученаго; краткія свѣдѣнія о немъ,—такъ какъ онъ дѣйствовалъ между прочимъ въ Россіи и писалъ о русскихъ предметахъ,—даны были въ извѣстномъ Словарѣ митрополита Евгенія⁴⁾; наконецъ, если не ошибаемся, первая нѣсколько обстоятельная біографія его дана Пекарскимъ по архивнымъ матеріаламъ Академіи наукъ⁵⁾.

¹⁾ Слб., 1871, стр. 82—101.

²⁾ Lettres Russiennes. MDCCLX. Съ эпиграфомъ: Ne dùm tacemus, non verecundiae, sed diffidentiae causa, tacere videamur. Cyprian. 12°. 270 стр. и 1 непом. Errata.—Въ „Russica“ И. Публ. Библиотеки, 1873, см. L 770, S 2889.

³⁾ Lettres Russiennes не указаны, однако, въ числѣ сочиненій Струбе въ обстоятельномъ „Лексиконѣ“ Мейзеля: „Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller. Ausgearbeitet von Johann Georg Meusel“. 13-й томъ. Лейпц. 1813, стр. 494—495.

⁴⁾ Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи. Изданіе Москвитянина. М. 1845. II, 184: здѣсь онъ названъ Струбъ де Пирмонтъ.

⁵⁾ Исторія Имп. Академіи наукъ въ Петербургѣ. II. Пекарскаго, Слб. 1871, I, стр. 671—689.

Интересъ книги „Lettres Russiennes“ заключается въ томъ, что это—критическій разборъ „Esprit des Lois“, особливо въ той его части, гдѣ рѣчь касается Россіи, и что этотъ разборъ встрѣтилъ живѣйшія возраженія имп. Екатерины.

Струбе, или Штрубе, де-Пирмонтъ родился въ 1704 и былъ родомъ изъ Ганновера; именно, родиной своей онъ называлъ Пирмонтъ ¹⁾; хотя онъ былъ настоящій нѣмецъ, онъ къ своей фамиліи прибавлялъ *de*,—такова была мода, и притомъ онъ писалъ почти только по-французски. Онъ учился въ Галле, гдѣ, между прочимъ, его профессоромъ былъ знаменитый Христіанъ Томазіусъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ нѣмецкихъ ученыхъ первой половины XVIII вѣка, защитникъ просвѣщенія, вѣротерпимости и общественной справедливости. Отъ него, вѣроятно, Струбе перенялъ вкусъ къ вопросамъ нравственной философіи и естественнаго права, а также извѣстную нѣмецкую методичность и начитанность. Съ 1730 года, какъ говорится въ академическихъ документахъ, онъ „служилъ, въ качествѣ секретаря, во многихъ посольствахъ“ ²⁾ въ Вѣнѣ, Англіи и Польшѣ, а затѣмъ, опять въ качествѣ секретаря, онъ долго состоялъ при герцогѣ Курляндскомъ, т.-е. герцогѣ Биронѣ. Въ эти годы началась и его литературная дѣятельность французскими книжками и брошюрами по дипломатической политикѣ; первою былъ, кажется, „L'Examen des réflexions d'un patriote allemand au sujet de la garantie de la pragmatique impériale“ (въ Амстердамѣ, 1732), по поводу прагматической санкціи имп. Карла VI, и потомъ „La réponse à la lettre de l'auteur des réflexions“ и пр. (въ Ратисбоннѣ, 1733).

Въ петербургскую академію Струбе попалъ въ 1738. Въ протоколахъ просто записано, что президентъ академіи, баронъ

Впослѣдствіи архивные матеріалы, изъ которыхъ черпалъ Пекарскій, напечатаны были сполна или въ извлеченіяхъ, въ двухъ изданіяхъ Академіи, посвященныхъ ея исторіи:

— Матеріалы для исторіи Импер. Академіи наукъ. Т. III. Спб. 1886, стр. 804—805; г. IV, 1887, стр. 52, 389, 575, 576 и др. (въ указателѣ); т. V, 1889, стр. 4; т. VI, 1890, стр. 471—472, 474, 608 и др.; т. VII, 1895, стр. 215, 453 и д.; т. VIII, 1895, стр. 124, 142—147, 301, 408 и др.; т. IX, 1897, стр. 87, 126, 156, 597 и др.; т. X, 1900, стр. 56, 83, 85, 94, 103, 121, 125 и д.

— Протоколы засѣданій конференціи Ими. Академіи наукъ съ 1725 по 1808 года. Томъ I. Спб. 1897; т. II, 1899; т. III, 1900,—о Струбе упоминается въ протоколахъ съ 1738 по 1771 годъ.

¹⁾ Въ академическихъ архивныхъ матеріалахъ ближайшимъ образомъ его родиной указывается Галлершпрингъ, близъ Ганновера.

²⁾ Чьихъ?

Корфъ, заявилъ въ академическомъ собраніи 4 сентября, что на мѣсто выбывшаго изъ академіи Бекенштейна назначенъ имъ Струбе де-Пирмонтъ, и 11 сентября Струбе былъ введенъ президентомъ въ академическое собраніе. Въ заключенномъ съ нимъ контрактѣ (на пять лѣтъ, съ 860 р. жалованья) онъ названъ профессоромъ „юриспруденціи и политиви“. Первый трудъ Струбе, напечатанный при Академіи, относится къ естественному праву: „Recherche nouvelle del'origine el des fondemens du droit de la nature“, 1740. Въ томъ же году ему было поручено „сочинить настоящую исторію“ изъ реляцій и вѣдомостей о польскихъ и турецкихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ царствованіе имп. Анны; онъ приступилъ къ этой работѣ, но въ слѣдующемъ году она была прервана, такъ какъ ему поручено было состоять секретаремъ при графѣ Петрѣ Чернышевъ въ Копенгагенѣ, потомъ въ 1743 — въ Берлинѣ. За границей онъ продолжалъ ученныя работы, писалъ опять о естественномъ правѣ, психологіи, составилъ для академической гимназіи логику, — въ 1746, съ нимъ заключенъ былъ новый контрактъ, гдѣ говорилось однако, что „понеже профессія его ¹⁾ не такая, въ которой частыя должно дѣлать изобрѣтенія ²⁾ которыя бы вносить можно было въ Комментаріи“, то онъ назначенъ былъ секретаремъ академіи: онъ долженъ былъ вести протоколы. Кромѣ исполненія своихъ академическихъ обязанностей, Струбе предлагалъ какому-то (неизвѣстному) высокопоставленному лицу, въ 1746, свои финансовыя проекты: въ одномъ предлагалось ввести бумажныя деньги (*paperis gouaux*) вмѣсто пятикопеечниковъ; въ другомъ — обязательная мужская одежда новаго образца, болѣе соотвѣтствующая нашему климату и менѣе дорогая, чѣмъ французское платье, и притомъ полагалось, что носящіе новую одежду должны были платить особую пошлину.

Въ 1748, Струбе объявлялъ курсъ юриспруденціи и также заявлялъ въ академіи, что такъ какъ невозможно излагать юношеству законы російской имперіи, если не имѣется въ тому руководства, то онъ бралъ на себя составить „краткое руководство къ російскимъ правамъ“: онъ надѣялся завершить эту работу въ два года. Въ архивныхъ бумагахъ сохранился реестръ главъ предполагавшагося сочиненія, гдѣ указаны общіе вопросы права и частныя предметы русскаго законодательства. Для по-

¹⁾ Т.-е. специальность. Самъ Струбе называлъ себя, въ *Русскихъ* письмахъ (онъ скоро овладѣлъ нѣсколькими русскими языкомъ), „профессоромъ юрисъ и политичесъ“.

²⁾ По старымъ уставамъ, академики обязаны были дѣлать „инвенціи“, которыя и должны были публиковаться въ „Комментаріяхъ“ (— латинскихъ).

ощрения труда, Струбе назначена была прибавка къ жалованью. Въ библиотекѣ академіи хранится рукопись „Краткаго руководства къ російскимъ правамъ“ (переводилъ его академическій переводчикъ Лебедевъ), писанная въ 1750; въ 1753, Струбе представилъ въ академическую канцелярію „Гражданскихъ правъ часть вторую“,—но въ концѣ концовъ академическое начальство видимо осталось трудомъ его недоволено, прибавка къ жалованью была прекращена—на томъ основаніи, что его книга была сочинена „не тѣмъ образцомъ, какъ онъ обѣщался и ее назвалъ, т.-е. краткимъ руководствомъ, ибо въ оной ничего болѣе не учинено, какъ только что подъ краткими заглавіями расположены матеріи и содержанія указовъ, регламентовъ и прочаго во всемъ ихъ пространствѣ отъ слова до слова“... Однимъ словомъ, Струбе только собралъ подъ рубрики сырой матеріалъ. Академическая канцелярія, не безъ основанія, нашла книгу для юношества „неспособною“ и въ такомъ видѣ ее „въ печать произвести за излишне признано“...

Въ 1754, при сенатѣ учреждена была особая коммиссія для разсмотрѣнія дѣйствующаго законодательства и для „сочиненія ясныхъ и понятныхъ законовъ“; въ числѣ восьми членовъ этой коммиссіи былъ и Струбе.

Въ 1756, въ конференцію, учрежденную при дворѣ имп. Елизаветы, былъ призванъ Шумахеръ, и ему велѣно было издавать при академіи французскую газету. Академическая канцелярія поручила это дѣло Струбе; послѣдній отказывался за болѣзнь, но долженъ былъ взяться за изданіе. Въ 1757 онъ снова отказался, и за то былъ уволенъ совсѣмъ изъ академіи. Онъ поступилъ потомъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, гдѣ повидимому оставался до 1775 года, когда за старостью и будучи „непроченъ болѣе къ дѣламъ“ получилъ отставку съ значительной пенсіей. Годъ его смерти неизвѣстенъ; полагаютъ, что онъ умеръ до 1790.

Струбе оставилъ свое имя и въ русской исторіографіи. Здѣсь принадлежатъ ему два сочиненія: во-первыхъ, книжка (рѣчь въ торжественномъ собраніи академіи): „Sur l'origine et les changements des lois russiennes“, 1756, замѣчательная какъ первое изслѣдованіе по исторіи русскаго законодательства. Калачовъ, въ своей книгѣ о „Русской Правдѣ“ (1846), обратилъ вниманіе на то, что Струбе находилъ уже въ древнихъ русскихъ законахъ большое сходство съ древними законами германскихъ народовъ, въ особенности датскими и шведскими, доказывая это примѣрами и сравненіями. „Для того времени это было въ са-

момъ дѣлѣ новымъ открытіемъ, и самъ знаменитый Шлёцеръ снѣшилъ имъ воспользоваться какъ доказательствомъ въ пользу своего мнѣнія о происхожденіи Руси“¹⁾...

Вторымъ сочиненіемъ Струбе о русскихъ древностяхъ (и послѣднимъ изданнымъ его трудомъ) была книга: „Dissertation sur les anciens Russes“²⁾. Въ предисловіи говорится, что авторъ приступилъ къ этому изслѣдованію уже давно, сорокъ лѣтъ тому назадъ—т.-е. въ 1749—50 годахъ, когда шло слѣдствіе о разсужденіи Герарда-Фридриха Миллера на ту же тему. Выводы Миллера казались ему не отвѣчающими „краткимъ и яснымъ показаніямъ нашихъ лѣтописцевъ“ и извѣстіямъ иноземныхъ историковъ, и онъ предположилъ „обстоятельнѣе изслѣдовать пунктъ, о которомъ и доселѣ еще спорятъ“, и собрать о немъ достовѣрныя свѣдѣнія. По своему времени изслѣдованіе Струбе было замѣчательно: къ истолкованію началъ древней Руси были привлечены, кромѣ русской лѣтописи, извѣстія историковъ византійскихъ, лѣтописи западныя, извѣстія и преданія народовъ скандинавскихъ и кельтскихъ.

Навонецъ, до послѣднихъ своихъ трудовъ Струбе не оставлялъ своихъ давнихъ интересовъ къ „естественному праву“. Очевидно, здѣсь онъ считалъ себя специалистомъ. Въ этомъ смыслѣ онъ не могъ не обратить особеннаго вниманія на книгу Монтескье, которая произвела тогда сильное впечатлѣніе во всей европейской литературѣ и которая именно примыкала къ разысканіямъ о „естественномъ правѣ“, когда стремилась объяснить естественными условіями климата, почвы, „нравовъ“ (т.-е. сложившагося изъ рѣшающихъ первобытныхъ данныхъ народнаго характера), объяснить особенности самыхъ политическихъ формъ и законовъ. Въ изслѣдованіи этихъ основаній „Духа законовъ“ Струбе не всегда соглашался съ знаменитымъ писателемъ. Къ этому обще-

¹⁾ Книжка Струбе тогда же была переведена на русскій языкъ: „Слово о началѣ и переменѣхъ российскихъ законовъ въ торжественное празднество тезоименитства Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшей государыни императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийской въ публичномъ собраніи Санктпетербургской Императорской Академіи наукъ говоренное Феодоромъ Штрубомъ сентября 6 дня 1756 году. И переведенное на Россійской языкъ Семеновъ Нарышкинымъ. Печатано при Императорской Академіи Наукъ“. 4°. 34 стр.

²⁾ Par F. H. S. D. P. (4°. 76 стр.), 1785. И это сочиненіе также было переведено на русскій языкъ:

„Разсужденіе о древнихъ Россіянахъ, сочиненное Ф. Г. С. Д. П.“ (т.-е. Фридрихомъ Генрихомъ Струбе де Пирмонтъ). „Съ французскаго перевелъ Левъ Павловскій. Москва, въ Университетской Типографіи, у В. Огорокова. 1791“. 8°. 7 непом. стр. VIII и 192 стр.

историческому разнорѣчію присоединилось и другое. Въ книгѣ Монтескье находились замѣчанія о формѣ правленія въ европейскихъ континентальныхъ государствахъ, и сколько онъ сочувствовалъ англійскимъ учрежденіямъ, столько не сочувствовалъ учрежденіямъ континентальнымъ, гдѣ правленіе онъ представлялъ какъ деспотическое. Монтескье упоминалъ здѣсь и о Россіи; а кромѣ того дѣлалъ частныя замѣчанія объ отдѣльныхъ узаконеніяхъ. То и другое вызывало у Струбе болѣе или менѣе настойчивыя опроверженія: онъ хотѣлъ исправлять ошибки Монтескье, а въ особенности хотѣлъ опровергнуть существенную, по его мнѣнію, ошибку въ сужденіяхъ Монтескье о „деспотизмѣ“ и „рабствѣ“ (крѣпостномъ правѣ), насколько то и другое примѣнялось имъ къ Россіи. Первый примѣръ такихъ возраженій находимъ уже въ упомянутой книжкѣ Струбе: „Слово о началѣ и перемѣнахъ російскихъ законовъ“¹⁾.

Полемики противъ Монтескье посвящены сполна и упомянутыя „Lettres Russiennes“. Пекарскій говорилъ о нихъ: „книга эта замѣчательна если не даровитостью и не убѣдительностью доводовъ автора, то по цѣли, которую онъ преслѣдовалъ; въ „Lettres russiennes“ опровергаются въ началѣ тѣ мѣста знаменитыхъ „Lettres persannes“ Монтескье, въ которыхъ говорится о деспотизмѣ и рабствѣ, а потомъ слѣдуютъ доказательства, что въ Россіи правленіе не деспотическое“²⁾. Но это указаніе на „Lettres Persannes“ невѣрно: намекъ на нихъ представляетъ только одно заглавіе „Lettres Russiennes“, въ подражаніе первымъ, но самое содержаніе не имѣетъ къ „Персидскимъ письмамъ“ никакого отношенія. На первыхъ же страницахъ книги Струбе, въ предисловіи издателя, прямо названъ „Esprit des Lois“, какъ предметъ полемики; онъ ярео указанъ и въ первыхъ строкахъ изло-

¹⁾ Онъ говоритъ въ „Словѣ“, что для исполненія своей задачи думалъ „послѣдовать нѣкоторымъ писателямъ, упомянувшимъ о законахъ Россійской имперіи. Но тотчасъ увидѣлъ, что они сами не имѣя объ нихъ довольнонаго понятія не могли описать ихъ ясно, по чему и подражанія недостойны“. Въ подстрочномъ примѣчаніи онъ продолжаетъ: „Я буду доволенъ, если ли сообщу здѣсь одинъ примѣръ, котораго никто не уповалъ бы найти въ столь славномъ писателѣ, какъ господинъ Монтескью“. И онъ приводитъ изъ Esprit des Lois дѣйствительно нѣсколько странныхъ замѣчанія о русскихъ торговыхъ дѣлахъ, что „весели... и самая коммерція, противныя ихъ законамъ“... „Нѣтъ сего несходнѣе съ истиною,—пишетъ Струбе,—и видно, что сей писатель мало имѣлъ попеченія въ приобрѣтеніи себѣ знанія о коммерціи и законахъ сей имперіи“. Онъ приводитъ дальше доказательства. „Слово“, стр. 2—3.

²⁾ Исторія Академіи Наукъ, I, стр. 687. Мѣсто печатанія книги не указано; Пекарскій замѣчаетъ, что „по прифту и мелкимъ украшеніямъ легко примѣтить, что книга вышла изъ петербургской академической типографіи“.

женія самого Струбе, и къ „Esprit des Lois“ относятся цитаты, которыми книга испещрена.—Да и странно было бы говорить о специально французской сатирѣ, какою были „Lettres Persannes“, когда уже изданъ былъ „Esprit des Lois“, гдѣ и находились подробныя толкованія политическаго вопроса.

Книга Струбе имѣетъ форму писемъ автора къ какому-то, вѣроятно важному, лицу, которое желало его отзыва о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частностяхъ въ сочиненіи Монтескье. Авторъ писемъ относится съ великимъ почтеніемъ къ знаменитому писателю, „которому ученый міръ обязанъ остроумной системой права и политики“; но авторъ сожалеетъ, что этотъ „превосходный писатель, увлеченный невѣрными свѣдѣніями, даетъ неудовлетворительное понятіе о законахъ и правительствѣ имперіи, которой до сихъ поръ извѣстно только могущество и величіе“. Авторъ желалъ исправить это неудовлетворительное понятіе, и такъ какъ большая часть невѣрныхъ показаній связана съ представленіемъ, какое Монтескье составилъ о деспотизмѣ вообще, то авторъ счелъ нужнымъ прежде всего съ точностью анализировать это представленіе.

„Авторъ (Монтескье) даетъ такое опредѣленіе тому роду правленія, о которомъ идетъ рѣчь. „Это такое правленіе,—говоритъ онъ,— гдѣ одинъ, безъ правилъ и безъ закона, увлекаетъ все своей волей и своимъ произволомъ“. Чтобы живѣе нарисовать его, онъ сравниваетъ его съ дурнымъ обычаемъ дикарей Луизианы, „когда, чтобы имѣть плодъ, они срубаютъ дерево у корня и снимаютъ тогда плодъ“. Соответственно этимъ взглядамъ, онъ утверждаетъ, что „деспотизмъ чудовищень, что онъ причиняетъ человѣческой природѣ страшныя бѣдствія, и что о немъ нельзя говорить безъ содроганія“.

„Я не буду,—говоритъ дальше Струбе,—требовать отъ сочиненія, гдѣ господствуютъ соль и цвѣты, опредѣлений, строго отвѣчающихъ всѣмъ правиламъ искусства. Я замѣчу только, что идея, которую г. Монтескье связываетъ съ деспотизмомъ, такъ неясна и обманчива, что когда мы думаемъ увидѣть здѣсь государства, не имѣющія основныхъ законовъ, которые ограничиваютъ власть государя, мы находимъ въ сущности только тѣ, какія имѣютъ несчастіе управляться дурными государями, которыхъ неправильное поведеніе не имѣетъ ничего общаго съ формой правленія, какое имъ поручено, и такимъ образомъ (это поведеніе) не могло бы сообщить этимъ государствамъ постоянное устройство, какого онѣ не имѣютъ; изъ чего слѣдуетъ прежде всего, что эта идея, отвѣчающая дѣйствительно только чудови-

щамъ, не приложима ни къ какому частному роду или къ настоящей формѣ гражданскаго правленія“. Такимъ образомъ онъ изслѣдуетъ далѣе: „что есть собственно такъ называемый деспотизмъ, и есть ли это правленіе дурное (viciеux) само по себѣ, или только вслѣдствіе злоупотребленій, которыя оно можетъ причинить“. — „Я не такъ тщеславенъ, чтобы имѣть притязаніе противопоставить мое перо перу г. Монтескьё. Но я и вовсе не отчаиваюсь, что могу сопротивляться огню и очарованіямъ его реторикѣ простымъ свѣтомъ, который чувствую себя въ состояніи пролить на предметы, о которыхъ мы думаемъ различно“.

Для объясненія своего взгляда Струбе цитируетъ древнихъ писателей, новѣйшихъ путешественниковъ (описанія деспотизма въ Турціи), писателей политическихъ отъ Бодэна и Гуго Гроція до Локка и т. д. Ближайшая цѣль его—устранить нареканія на образъ правленія въ русской имперіи, который называли также деспотическимъ и которому это названіе вовсе не соотвѣтствуетъ; разъяснить съ точностью, что такое „рабство“, и т. п.

Эта полемика противъ Монтескьё вызвала живѣйшія возраженія имп. Еватеринны.

Въ одномъ драгоценномъ книгохранилищѣ, гдѣ между прочимъ привелось мнѣ изучать рукописные труды имп. Еватеринны, мнѣ встрѣтился также экземпляръ „Lettres Russiennes“, покрытый на поляхъ (писанными карандашомъ) замѣчаніями императрицы. На книгѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, когда она была читана, и когда эти замѣтки могли быть сдѣланы. Ясно одно, что „Esprit des Lois“ былъ уже изученъ и былъ для императрицы высокимъ авторитетомъ. Она съ видимой нетерпѣливостью относилась къ „опровергателю“ (refuteur), между прочимъ и тамъ, гдѣ повидимому могла бы согласиться съ тѣми возраженіями или ограниченіями, какія „опровергатель“ предлагалъ относительно выводовъ Монтескьё.

Было бы очень долго излагать сполна аргументацію „Lettres Russiennes“, которая вызывала, на поляхъ книги, собственно-ручныя возраженія императрицы. Мы предпочтемъ краткія выписки изъ текста этихъ „Lettres“ и приведемъ подъ каждой изъ выписокъ сполна самыя возраженія и замѣтки имп. Еватеринны ¹⁾.

¹⁾ Возраженія и замѣтки императрицы набираются курсивомъ подъ каждой отдѣльной выпиской. Экземпляры книги Струбе нѣтъ; они имѣются въ бібліотекахъ Публичной и Академической.

Въ первыхъ замѣткахъ императрица опровергаетъ возраженія „Lettres R.“ противъ того, что говорилъ Монтескьё относительно „рабства“. Авторъ „Lettres“ какъ будто имѣлъ въ виду отличить „рабство“ отъ русскаго крѣпостного права и защитить это послѣднее:

Cmp. 33: Un serf, ce sont ses paroles, ne peut rien faire par vertu; et le maître contracte avec ses esclaves toutes sortes de mauvaises habitudes, et s'accoutume insensiblement à manquer à toutes les vertus morales.

L'insuffisance de cette preuve paroit d'abord...

„Cela est très vrai cependant“.

Cmp. 34: N'est-il pas bon de se nourrir, de se vêtir, de bâtir des maisons pour se loger? D'ailleurs, comment l'A(uteur, т.-е. Montesquieu) pourra-t-il vérifier qu'un serf ne sauroit rien faire par vertu?

„Des maisons des habit(ants) sont bons, mais ne sont pas des vertus. M(ontesquieu) qu'on refute pensoit plus profondement, que son refuteur“.

Qu'est ce qui l'empêcherait de cultiver la terre, ou de conduire un troupeau, avec la même fidélité qu'un homme libre peut administrer l'Etat et travailler au bien de la société?...

„Une hirondelle ne fait point d'été, dit-on en Allemand“.

Cmp. 35: Rome a-t-elle élevé un plus grand nombre d'hommes illustres, depuis que l'esclavage y a été aboli, qu'elle ne l'a fait dans le tems, où cette merveilleuse ville fourmilloit des serfs?

„Illustre et vertueux n'est point synonyme. La peur peut abbatre le crime, mais elle abbat la vertu aussi. Qui n'ose penser, n'ose que ramper“.

Cmp. 36: C'est la raison, pour laquelle plusieurs savans aussi éclairés que sincères ont fort désapprouvé l'abolition de la servitude dans les États de l'Europe les plus policés.

„Ses (sic) savans choquoient la raison“.

Voici comment l'habile M-r de Busbecq s'est exprimé à ce sujet: „Je ne sais, dit-il, si nous sommes fort obligez à celui qui a défendu l'esclavage parmi nous. La servitude a des utilités qui contrepesent et surmontent *peut-estre* le mal qu'elle fait

endurer, si on la pratiquoit avec justice et douceur, comme les lois Romaines le demandent, etc.

„Voilà un: peut être de grande conséquence“.

Cmp. 44—45: Il me semble assez inutile de prouver ici qu'un homme qui nous attaque injustement, ou qui nous refuse sans raison ce qu'il nous doit, rompt lui même les liens qui l'unissoient avec nous et anéantit ainsi par la propre faute les obligations que nous imosoient ces liens, etc.

(Отчеркнута на поляхъ: „Il me semble... imosoient ces liens“).

Cmp. 59. Cela fait assez voir que les Jurisconsultes Romains en soutenant que la liberté est une chose inestimable, n'ont voulu dire autre chose, sinon que la liberté d'un homme ne pouvant être estimée que par lui-même, ou de son gré, il n'est pas permis aux juges, ou à un tiers, d'en fixer le prix, etc.

„Verbiage que tout cela“.

Cmp. 61: Mais on a déjà fort bien observé que les serfs n'étant en état de nourrir leurs enfans qu'aux dépens de leurs maîtres, et ceux-ci n'étant pas obligés, par un droit parfait et rigoureux, de se mettre en fraix pour l'éducation de ces enfans, il dépend d'eux de ne le faire que sous la condition qu'ils leur appartiendront, et que ces pauvres créatures ne peuvent payer un bienfait ou un service de cette nature, qu'en y acquiesçant lorsqu'elle parviennent à l'âge de raison.

„Voilà de belles suites“.

Cmp. 82: Un fauteur de la servitude ne pourroit-il pas renvoyer la bale, en soutenant que la liberté est aussi inutile dans certains pays que dans les autres, parce que tout peut s'y faire par des serfs. Cette raison ne prouve donc autre chose, sinon que la liberté et la servitude des personnes, dont il s'agit ou du bas peuple, sont en elles-mêmes indifférentes à la société, et que tout dépend des moeurs ou des loix, qui peuvent les rendre utiles ou dangereuses dans tous les Etats, où elles existent actuellement.

„Un ancien Grec ou Romain auroit dit que ce livre est l'opprobre de l'esprit humain, l'éloge de la servitude! Et pourquoi l'Auteur ne ce (sic) vend il pas pour esclave?“

Послѣ объясненія сущности рабства, или собственно послѣ его защиты противъ Монтескьѣ, авторъ „Lettres“ переходитъ къ его опредѣленію политическихъ формъ (республика, представительная монархія и пр.) и доказываетъ, что „добродѣтель“ (по Монтескьѣ специальная принадлежность и особенность республики) можетъ одинаково принадлежать и другимъ формамъ правленія:

Cmp. 168—169: Après avoir rendu à la vertu la place, qu'elle doit tenir dans les Etats monarchiques, comme dans tous les autres, il me reste à examiner de quel droit l'A[uteur] a exilé l'honneur des Etats absolus, et s'il est vrai qu'il y seroit dangéreux.

„L'honneur expose les particuliers, non l'état à des dangers, où, il est très aisé de nommer, il n'est pas permis quasi dans un état despotique de ce (sic) plaindre p. e. d'un passe droit ou de refuser telle charge dont on ce (sic) croit incapable“.

Qu'on me dise donc quels sont les dangers, où l'honneur exposerait ces Etats? On sent d'abord que les Citoyens n'en auroient rien à craindre; d'autant qu'il ne peut manquer de les rendre meilleurs, par la ressemblance, qu'ont ses effets avec ceux de la vertu. Ce ne sera pas non plus un Chef attentif à la félicité de ses peuples qu'il pourra allarmer. Restent donc les seuls Princes injustes et cruels, à qui il pourroit faire ombrage.

„Ici notre refuteur n'entend absolument pas M(ontesquieu)“.

Cmp. 170: Je suis bien éloigné de soupçonner Mr. de M. d'avoir voulu prêcher les vices. Mais la manière, dont il s'est exprimé ici, comme en beaucoup d'autres endroits, que je passe pour le présent sous silence, ne fait-elle pas croire que, sans y penser, il s'approche trop d'un Ecrivain si justement décrié? Machiavel auroit-il pu donner d'autres leçons à ses Héros?

„Ose-t'on ainsi parler d'un aussi grand homme et ne sauroit on plus dire le pour et le contre sans être exposé à la calomnie? Coute que coute il faut finir l'apologie du Despotisme, chose difficile“.

Cmp. 171—172: A ce que l'A(uteur) observe sur les récompenses, que peut donner un Prince alsolu, je n'opposerai que le magnifique tableau, que Mr. de Busbecq a fait de la Cour de Soliman. „La Cour de ce Prince, dit-il, étoit parfaitement belle. Il y avoit les plus grands Officiers de la courone. Il y avoit toute la cavalerie et ses gardes, tous les Spahis, Garipiges,

Ulufages et grand nombre de Janissaires. Mais dans toute cette troupe de Courtisans l'on ne connoissoit personne que par ses vertus et par ses belles actions", etc.

„Mais où trouvera t'on des Solimans“?

Cmp. 173: Je viens à l'observation, que Mr. de M. a faite sur le degré d'obéissance, qu'il suppose dans les Etats despotiques, „où, selon lui, la volonté du Prince doit faire le même effet que fait une boule jettée contre une autre. Il n'y a point de tempérament, ajoute-t-il, point de modification, de rémontrances, rien d'égal, ou de meilleur à proposer“, etc.

„Par conséquent point de réparation d'honneur, donc l'honneur s'éteint“.

Cmp. 178: Qui pourroit donc s'imaginer que le pouvoir des Rois de Perse ait été, ou soit encore actuellement plus borné que celui de tous les autres Princes absolus, par rapport à la revocation de leurs ordres ou de leurs arrêts?

„On pourroit donner pour règle à ces Princes bien penser avant que de publier, mais ne jamais revoke“.

Cmp. 177—178 (примѣчаніе): „C'est une absurdité que de s'imaginer, que ceux qui ont l'autorité de faire des loix, ne puissent aussi en suspendre quelcune, quand le bien le demande. Sans ce pouvoir tout Gouvernement seroit defectueux, et n'auroit ni la force ni les moyens de se conserver.“

„Mais jamais par caprice“.

Cmp. 181—182: Le meme Roi (Darius) ayant ordonné de faire mourir un juge, qui s'étoit laissé corrompre, et s'étant souvenu des services importans, que ce juge avoit rendus à l'Etat, revoqua ses ordres dans le moment même qu'ils alloient être en exécution.

„Voilà une misérable querelle“.

Cmp. 182—183: Il y a quelque chose, dit-il, qu'on peut quelquefois opposer à la volonté du Prince: c'est la Religion. Dans les Etats monarchiques, ajoute-t-il, on n'ira point lui alléguer les loix de la Religion: „un Courtisan se croiroit ridicule“. On lui alléguera sans cesse celles de l'honneur“.

„Adieu l'honneur“.

N'est-ce donc pas assez de pouvoir alléguer loix de la Religion à un Prince qui la respecte.

Cmp. 183 (примечание): C'est sans doute parce que ce n'est pas le métier d'un Courtisan de prêcher les Princes. Mais leurs Aumoniers et leurs Confesseurs pourroient-il leur proposer les loix de l'honneur, sans se rendre ridicules à leur tour?

„Non“.

Cmp. 184: Seroit-on plus heureux dans les Etats, où les Souverains n'écouteront que les loix de l'honneur, par lesquelles Mr. de M. n'entend lui-même que celles qui peuvent être connues aux Courtisans.

„Pourvu qu'il écoute importe“.

Cmp. 187: Suffit-il pour conserver la liberté des peuples que les Ministres aient assez de finesse pour leur cacher leur véritable état, et ne soient pas les premiers à leur montrer les chaînes, qu'ils leur font porter? Si cela étoit, Mr. de M. auroit rendu un très mauvais service à sa patrie en lui révélant un secret, qu'il lui importoit d'ignorer.

„Bequeleries“.

Cmp. 190 (примечание): Il achève (Montesquieu) de brouiller tout par les observations, qu'il ajoute sur certaines circonstances et sur le physique du Climat, qu'il croit avoir fait des prodiges pour la Chine seule. Rien ne seroit donc plus aisé que de faire voir la frivolité de ses décisions.

„Il est aisé de traiter de frivole ce qu'on n'est pas à portée d'entendre; pour Vous en croire, il vous faudroit l'égalité de génie avec Mr. de M(montesquieu)“.

Cmp. 192 (примечание b): Dans le Liv. VI Chap. XV L'A(uteur, т.-е. Montesquieu) dit que „sous les Empéreur l'Empire Romain étoit devenu despotique et militaire“. Il est vrai qu'il avoit remarqué dans un autre endroit (Liv. II. Chap. XVII), que „sous les bons Empéreur l'Etat reprenoit ses principes, et que le thrésor de l'honneur suppléoit aux autres thrésors“.

„Cela n'est pas disputable“.

Cmp. 192 (примечание d): Il n'est pas difficile de juger

par les paroles qu'on trouve dans le Liv. XVII. Chap. IV, que „l'autre Royaume du Nord qui a perdu ses loix, ne peut être, dans l'idée d'A(uteur) que le Danemarc“.

„Mais il faut être bien ignorant pour ne pas savoir, que le Roi de Danemarch est Despotique, pouvoir qui lui a été donné par le consentement de se (sic) sujets il y a 100 ans“.

Cmp. 193 (примѣчаніе): Charles XII étant à Bender, trouvant quelque résistance dans le Sénat de Suède, écrivit qu'il leur enverroit une de ses bottes pour les commander.

„Charles“ подчеркнута, и на поляхъ: „Il n'y ait que sa soeur qui y renonce“.

Cmp. 195—196 (примѣчаніе): Mais on n'a pas vu que ces Princes, dont la puissance étoit d'ailleurs sur son déclin, aient fait, ou pu faire la moindre altération dans le Gouvernement, et il est très certain que ce changement s'est borné au titre... Je crois ne pas mal faire d'ajouter ici une remarque assez singulière, que le Hardouin a faite à ce sujet.

„Voilà un homme à citer“.

Cmp. 197—198: Je commencerai par prouver que le Gouvernement de Russie n'est pas un Gouvernement despotique proprement dit.

„Monsieur dispute pour le nom, non pour chose“.

Cmp. 201 (примѣчаніе): N'a-t-on pas vu de véritables Monarchies sans ce que nous appellons Noblesse, tout comme nous voyons actuellement cette Noblesse dans des Etats, où il n'y a point de Rois?

„Où sont-elle“ (sic)?

Cmp. 215—216: Pierre le Grand n'a donc jamais pensé à donner la moindre atteinte à la forme du Gouvernement, qu'il avoit trouvé établie dans cet Empire, et qui le mettoit à même d'opérer les merveilles, qui l'ont fait admirer de toutes les Nations, et qui passent de loin les effets d'un pouvoir limité.

Quant à ce que l'A(uteur, т.-е. Montesquieu) soutient, tantôt que, malgré l'industrie avec laquelle le Gouvernement Russien cherche à descendre de son Despotisme, il ne le peut; tantôt que des causes particulières pourroient y ramener l'espèce de Gouvernement, qu'il y suppose actuellement; j'avoue que je n'y

comprends rien. Les oracles ne s'énonçoient pas avec plus d'obscurité.

„Cependant cela n'est pas obscur“.

Cmp. 216: Quand il dit ailleurs: qu'un autre Royaume du Nord „ait perdu ses loix; on peut s'en fier au climat, il ne les a pas perdues d'une manière irrévocable; on ne peut s'y tromper“. Ce sont les influences du Septentrion, ou plutôt la nature du froid, etc.

„Notre refuteur mérite uniquement ce titre, mais il n'a ni talens ni savoir ni expérience et il est très indigne de ce (sic) mesurer contre Mr. de M. et s'il n'osoit dire ce qu'il pense que prouveroit-il“?

Cmp. 216—218... A l'égard de la Russie, non seulement les causes les plus efficaces, auxquelles l'A. attribue le Despotisme, le Climat chaud, p. e. une Religion, qui comporte la violence, le manque de loix, de Tribunaux et de Noblesse, l'abbattement et la timidité des peuples, la dureté, la mollesse et l'incapacité des Princes et de leurs Ministres; n'y existent point. Mais encore tout ce qui, selon lui, s'oppose à cette espèce de Gouvernement: le Climat du Nord, la Religion Chrétienne, les Loix, les Magistrats, la Noblesse, l'intrépidité des peuples, la débonnairété, la valeur et les lumières des Souverains, l'habileté de leurs Ministres; s'y voit actuellement.

Подчеркнуты слова: „une Religion, qui comporte la violence“... „l'abbattement et la timidité... la mollesse et l'incapacité... de leurs Ministres... n'y existent point... l'habileté de leurs Ministres... s'y voit actuellement“.

Cmp. 218—220: L'A(uteur, т. е. Montesquieu) affirme, qu'„en Russie le peuple n'est composé que d'esclaves attachés aux terres et d'esclaves qu'on appelle Ecclesiastiques, ou Gentilshommes, parce qu'ils sont seigneurs de ces esclaves“. D'où il conclut qu'„il ne reste personne pour le Tiers-Etat, qui doit former les ouvriers et les marchands“.

„Pierre le Grand tâchoit de former ce Tiers-Etat“.

J'ai déjà prouvé d'une manière incontestable la réalité de la différence qu'il y a dans cet Empire, comme dans tous les autres Etats, où la servitude subsiste, entre les personnes libres et les serfs. Il suffira donc de faire voir que la Noblesse y est préci-

sément ce qu'elle est par sa nature partout où elle se trouve; que ce sont les prérogatives et les droits particuliers, qu'elle tient des Souverains, qui la distinguent des serfs et du Tiers-Etat...

...que la Noblesse Russienne n'a jamais été dépouillée de ses droits, et qu'enfin les villes et les bourgs de ce pays fourmillent d'ouvriers, de marchands et de différentes espèces de personnes, qui ne sont comprises ni dans la Noblesse, ni dans le Clergé.

Подчеркнуты слова: „Qui la distinguent des serfs et du Tiers-Etat“ (съ вопросомъ на полъ: „En quoi?“) — „que la Noblesse Russienne n'a jamais été depouillée de ses droits“ (съ вопросомъ на полъ: „Mais quels sont-ils?“) — „fourmillent d'ouvriers“ (съ восълицаниемъ: „Morbleu! ce sont donc des serfs ou des affranchis ou des déserteurs“).

Стр. 226: Струбе приводить сличение терминовъ: gentillesse (старинное), noblesse, nobles hommes, gentry (англійское).

„L'étimologie et les citations à tort et à travers sont le fond de notre homme, mais il est plus que faible dans les raisonnemens politiques, encore plus dans les conclusions“.

Стр. 229: Il est donc indubitable que les Knias et les Dvorianin ont joui ici, dès l'établissement de la Monarchie, comme ils le font encore actuellement, de tous les droits et de toutes les prérogatives, que donne la Noblesse par elle-même, et que sous ce regard ils se trouvent exactement au niveau des vrais Nobles de tous les autres Etats, où l'on en connoît.

Подчеркнуто: „de tous les droits et de toutes les prérogatives“, съ вопросомъ на поляхъ: „Mais où sont-elles“?

Стр. 231—232 (примъчаніе): Liv. XVII. Chap. V. Si Mr. de M(outesquieu) avoit dit que dans les pays du Nord la connoissance et le voisinage des Etats modérés peuvent inspirer l'envie de les imiter: au lieu que dans les pays méridionaux l'éloignement et l'ignorance de ces mêmes Etats empêchent d'y penser; il auroit dit, selon moi, quelque chose de beaucoup plus spécieux.

„Voilà le premier mot raisonnable du livre“.

Стр. 249—250: Je ne dissimulerai point que les inductions, que Mr. de M. a tirées de la force du Climat m'ont paru également injurieuses et frivoles. Que peut-on penser lorsque d'un côté cet Auteur pose en fait que „les peuples Asiatiques et

méridionnaux sont „paresseux, timides, efféminés et faits par la „nature pour le Gouvernement despotique“; ...quand d'un autre côté on lit dans des Relations dignes de foi que les Tartares, les Turcs, les Arabes, les Mores, etc., sont vaillans, infatigables, opiniâtres et mutins, que Mustapha II a été juridiquement déposé...

„Mais le desespoir fait agir les plus timides“.

Въ началѣ и концѣ книги, на обліхъ листахъ переплета, Екатерина сдѣлала свои общія замѣчанія.

Въ началѣ—впечатлѣніе отъ цѣлаго сочиненія:

La cause est mauvaise.
La dispute scholastique
Le commencement du livre ennuyeux.
Le milieu très foible.
La fin passable.

Первая фраза означала, безъ сомнѣнія, то, что Екатерина осуждала самое намѣреніе автора, какъ претензію посредственнаго человѣка критиковать столь великаго писателя, каковымъ былъ въ ея глазахъ Монтескьё. Въ самыхъ замѣткахъ на поляхъ не однажды высказалось пренебрежительное отношеніе къ критику.

Въ концѣ, на свободномъ листѣ переплета, Екатерина изложила свои мысли о самомъ существѣ вопроса,—о формѣ правленія, наиболѣе подходящей для Россіи. Приводимъ ея строки въ подлинникѣ ¹⁾:

„Un Grand Empire comme celui de Russie se détruiroit, s'il y étoit établie une forme du Gouvernement autre que Despotique, parce que c'est le seul qui peut remédier avec promptitude nécessaire aux besoins des Provinces éloignées, toute autre forme détruisant par des longueurs cette activité, qui donne la vie à tout. Ainsi prions seulement Dieu qu'il nous donne toujours des maîtres raisonnables, qui se conforment aux Loix et n'en fassent qu'après mûr examen et uniquement en vuë du bien de leurs sujets“.

Какъ выше замѣчено, въ книгѣ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ указаній на то, когда она могла быть читана Екатериной и когда могли быть составлены эти замѣтки. Остается руководиться общимъ тономъ и впечатлѣніемъ. Прежде всего намъ кажется, что замѣтки писаны тогда, когда Екатерина сама еще

¹⁾ Исправляя только неправильности правописанія.

не была обладательницей власти надъ „великой имперіей“: нѣтъ указаній на какой-либо собственный правительственный опытъ. Нѣтъ, далѣе, слѣда, чтобы Екатерина теперь уже видѣла въ Монтескьё своего политическаго учителя, какъ то было по ея воцареніи. Вѣдншія обстоятельства также указывали бы на раннюю пору этого чтенія. Екатерина узнала Монтескьё еще въ свои самые юные годы; графъ Гилленбургъ такъ настойчиво рекомендовалъ ей этого писателя, что, безъ сомнѣнія, когда она доставала его книги, читала его внимательно. Когда вышли „Lettres Russiennes“, невѣроятно, чтобы Екатерина не узнала о книжкѣ, направленной противъ „Esprit des Lois“ и появившейся рядомъ, въ самомъ Петербургѣ. Вѣроятно, что тогда же, въ 1760, она читала эту книжку и писала свои замѣчанія.

Такимъ образомъ, эти критическія замѣтки на „Lettres Russiennes“ могли быть первымъ опытомъ Екатерины II въ изученіи Монтескьё и въ размышленіяхъ о политическихъ предметахъ. Въ замѣткахъ видна уже ревностная почитательница знаменитаго писателя; взгляды ея уже очень рѣшительны: она нетерпѣливо встрѣчаетъ критическія неодобренія, даже негодуетъ на автора книжки; нѣкоторыя мнѣнія его считаетъ прямо „позорными“. Біографъ Струбе рассказываетъ, что въ 1767 году, въ разгаръ вопроса о Коммисіи для сочиненія новаго уложенія, Струбе думалъ предложить императрицѣ свои услуги (въ качествѣ юриста и специалиста по естественному праву), но предложеніемъ, видимо, не воспользовались ¹⁾, и въ этомъ, быть можетъ, участвовало старое нерасположеніе къ критику Монтескьё.

Что замѣчанія къ „Lettres Russiennes“ относились ко времени до воцаренія, можно думать вообще по ея отношенію къ вопросамъ правленія и учреждений, какъ крѣпостное право. Въ послѣднемъ, именно къ его практическому примѣненію, она и потомъ (какъ напр. въ „Мемуарахъ“) относилась нерѣдко съ строгимъ осужденіемъ,—но, вступивъ на престолъ и встрѣтившись на дѣлѣ съ прочно утвердившимся дворянскимъ бытомъ, она сдѣлала ему уступку. Что касается правленія, то въ эпоху полемикъ съ аббатомъ Шаппомъ она, похоже на то, какъ въ „Lettres Russiennes“, весьма настойчиво опровергаетъ его опредѣленіе русской формы правленія, какъ деспотизма, и старается, сколько возможно, смягчить картину русскихъ учреждений и нравовъ ея времени.

А. Пыпинъ.

¹⁾ Пехарскій, I, стр. 687—688.

ЯСНЫЕ ДНИ

Есть у каждаго міръ неизвѣстный,
И у каждаго думы свои...
Но сплотили насъ дружбою тѣсной
Нашей юности ясные дни.
Погостивъ, какъ друзья дорогіе,
Улетать невозвратно они,
И придуть имъ на смѣву другіе,
Безпокойные, грустные дни.
Но, быть можетъ, потомъ, незамѣтно,
Какъ вечерняго неба огни,
Улыбнутся тепло и привѣтно
Намъ далекіе ясные дни.
И тѣ грезы, что въ сердцѣ проснутся,
Мы поймемъ и оцѣнимъ одня...
И одни намъ на нихъ отзовутся
Отлетѣвшіе ясные дни.

О. П.

ОБЩИНА И „ВЫДѢЛЪ“

О Ч Е Р К Ъ .

I.

Предъ нами выдвигается вопросъ о будущности общиннаго крестьянскаго землевладѣнія. Но пока говорить приходится не столько о его сущности и теоретическихъ достоинствахъ,—такъ какъ о нихъ существуетъ цѣлая литература,—сколько о тѣхъ практическихъ сторонахъ дѣла, которыхъ, повидимому, можетъ коснуться въ ближайшемъ будущемъ состоявшееся нынѣ указаніе: совмѣстить сохраненіе общиннаго владѣнія съ облегченіемъ „выхода“ изъ общины отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяевъ. Здѣсь мы подходимъ къ дѣлу, требующему крайней внимательности и осторожности, потому что иначе можно, вмѣсто улучшеній, водворить въ сельскомъ мірѣ не мало такого замѣшательства, которое способно породить новые чувствительные имущественные и общественные перевороты, тѣмъ болѣе нежелательные, что бытовья деревенскія ненормальности лишь черезъ большіе промежутки времени, и то по исключительнымъ поводамъ, привлекаютъ къ себѣ правительственное участіе и серьезныя поправочныя усилія.

Извѣстно, что на ряду съ горячими сторонниками общиннаго принципа существуютъ у насъ настойчивые его противники, доходящіе въ своихъ увлеченіяхъ до совершенной безоглядочности. И замѣчательно, что въ послѣдніе годы противъ означеннаго принципа выступаютъ все съ болѣе и болѣе легкимъ вооруженіемъ. Происходитъ это частью отъ кореннаго различія въ понятіяхъ нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ и крестьянской массы, частью отъ недостаточнаго знакомства первыхъ съ фактическимъ бытовымъ матеріаломъ, но въ меньшей степени—отъ возрастающей у насъ легкости отношенія къ наиболѣе

труднымъ и сложнымъ народнымъ вопросамъ, при которой многіе готовы смѣло предлагать всякія внѣшнія ломки. Серьезнаго отношенія къ данному дѣлу, требовательности отъ себя при предложеніи мнѣній, у насъ много было сравнительно съ прежнимъ временемъ, напр. около эпохи крестьянской реформы и ближайшей къ ней. Тогда больше сознавалась необходимость обосновывать свои мысли возможно солидно. Были и тогда безусловные противники общиннаго начала, не видѣвшіе отличія крестьянскаго надѣла отъ всякой другой земельной собственности, но выдвинутый дѣйствительными знатоками сельскаго быта матеріалъ, вмѣстѣ съ солидностью ихъ соображеній, успѣли обуздать усилія означенныхъ противниковъ и доставить торжество—хотя съ извѣстной уступкою—гораздо болѣе справедливому, основательному и даже практичному принципу—уваженія къ свободѣ народныхъ воззрѣній и воздержанія отъ принудительности въ этой сферѣ. Кто держится личнаго начала—пусть держится; кто твердо усвоилъ общинное—пусть его сохраняетъ, а для перехода отъ общиннаго къ личному владѣнію—достаточно одной свободы мірскаго выбора, безъ всякаго навязыванія извнѣ.

Но съ теченіемъ времени проектное творчество безъ солидной критики видимо становится легче и получаетъ болѣшій просторъ. Кто воспитался на исключительныхъ понятіяхъ о личной собственности, тотъ не придаетъ несходнымъ съ ними правовымъ народнымъ воззрѣніямъ никакой цѣны и видитъ въ нихъ просто какую-то нелѣпость, не задумываясь надъ тѣмъ, что если подобная „нелѣпость“ держится вѣка и сохраняется у рѣшительно преобладающаго большинства населенія нѣскольکو десятковъ лѣтъ, послѣ открытія вполнѣ достаточной возможности разстаться съ нею, то это—результатъ не одной только тупости и косности населенія, а навѣрное имѣетъ и болѣе глубокія основанія. Встрѣчаются по прежнему и просто нетерпимые приверженцы безусловно личнаго владѣнія, готовые распоряжаться интересами массъ, какъ пѣшками. А склонные вообще къ беззаботности по части достаточныхъ основаній для предлагаемыхъ проектовъ справляются съ вопросомъ еще легче и быстрѣе. Тутъ и широчайшія обобщенія случайныхъ примѣровъ, и натянутые выводы, и задергиваніе фактовъ изъ совсѣмъ неподходящихъ сферъ, и „сваливаніе съ больной головы на здоровую“, въ видѣ приписыванія общинному владѣнію того, что вовсе не отъ него происходитъ и относится къ другимъ причинамъ, даже скорѣе—къ самому личному началу. Со всѣмъ этимъ приходилось считаться общинному принципу въ самое послѣднее время. Необходимо по возможности устранять подобныя грубыя примѣсы, чтобы данный вопросъ, ставъ очереднымъ, могъ разрѣшаться на основаніи только солидныхъ соображеній въ ту и другую сторону.

II.

Характерныя черты легковѣсности преслѣдованія общины въ особенноти даль прошлагодній газетный походъ на нее. Кто только не выдвигалъ противъ нея обвиненій? Общину винили, не только повторяя старинныя общія мѣста, но и въ томъ, что происходитъ просто отъ крестьянской бѣдности, отъ недостатка примитивнаго образованія и тому подобное,—то-есть, отъ такихъ причинъ, которыя способны вредить крестьянскому хозяйству и благосостоянію при всякой формѣ владѣнія,—и этимъ отводили глаза отъ дѣйствительныхъ корней зла. Общинѣ приписывали такіе грѣхи, въ которыхъ она даже по существу дѣла не можетъ быть повинна. Критикуя ее, ссылались на примѣры, взятые не только въ полтавской губерніи, гдѣ, при господствѣ личнаго владѣнія, объ общинѣ могутъ знать хоть по наслышкѣ изъ сосѣднихъ мѣстностей, но даже въ ковенской, гдѣ у литовскаго населенія такъ глубоко вкоренена полная подворщина съ сильнымъ инстинктомъ обособленности и неравенства владѣній, что едва ли можно предполагать у тамошнихъ крестьянъ и понятіе о возможности общинныхъ порядковъ. Встрѣчая подобныя ссылки, приходилось заключать, что у самихъ авторовъ неясно представленіе, противъ чего именно они возстаютъ; обвиняя общину, они имѣютъ въ виду не то, что обыкновенно разумѣется подъ ея именемъ, а нѣчто другое. Словомъ, путаницы много оказывалось не въ предметѣ критики, а въ самихъ критикахъ; но если это вообще у насъ дѣло частое, то нѣкоторые образцы обвиненій столь замѣчательны, что на нихъ стоить остановиться. Напримѣръ, въ общинѣ видѣли причину—черезполосья, неудобныхъ фигуръ земельныхъ владѣній и—считаемой вредною для хозяйства—излишней крупности селеній. Взглянемъ на каждое изъ этихъ указаній отдѣльно.

Развитіе черезполосья находить благоприятную почву именно въ личной собственности, а не въ общинномъ владѣніи, что нагляднѣе всего представляется примѣрами помѣщичьихъ имѣній. Была, напр., большая земельная дача, ее начинаютъ дѣлить между собою сонаслѣдники, а попутно совершаются продажи отдѣльныхъ ея кусковъ, тоже постепенно идущихъ въ раздѣлъ. Земельная площадь—не шахматная доска, на которой всѣ бѣлыя или черныя поля одинаковы, а—совокупность разнаго рода и количества угодій, имѣющихъ нерѣдко самыя прихотливыя очертанія. Тутъ—пашня, тамъ—извивающійся лентою мокрый лугъ, здѣсь—сухой оврагъ, а кое-гдѣ лѣсъ, и притомъ всѣмъ нужно пользованіе водою, источникомъ которой являются криво текущая рѣка, извилистый ручей и тому подобное. Когда люди дѣ-

лятся, ища возможной равномерности выгодъ, то они, пока можно, добиваются и равенства свойствъ угодій. И въ результатѣ возникаютъ выкройки длинными полосами, въ свою очередь потомъ дробящимися на куски и кусочки. Но съ теченіемъ времени идутъ не одни дѣлежи, а также и скупки; покупать же можно не все, что угодно, а только то, что продается. И вотъ покупатель приобретаетъ одинъ кусокъ изъ владѣнія одного сосѣда, другой изъ владѣнія другого, третій у третьяго,—и всѣ эти куски разобщены между собою нерѣдко значительными разстояніями, — послѣ чего совершаются новые раздѣлы, перепродажи и т. под. Вотъ, черезполосица и готова; а когда объясненный процессъ тянется долго, то со смѣною нѣсколькихъ поколѣній черезполосье доходитъ до неимоверности. Не мало такихъ образцовъ встрѣчается въ средней Россіи,—напр., въ какой-нибудь курской губерніи,—но едва ли еще не больше въ западныхъ губерніяхъ. Въ юго-западномъ краѣ я встрѣчалъ такія селенія, гдѣ образовалось нѣсколько десятковъ, а въ одномъ даже болѣе трехъ-сотъ помѣщичьихъ „имѣній“, и расположеніе ихъ представляло въ высшей степени затѣливую мозаику. Тамъ—разбросанныя двадцать-тридцать десятинъ, здѣсь—пять, тутъ—три, а между ними затерлись и дробы десятинъ отдѣльнаго владѣнія. Въ глубоко-подворной ковенской губерніи одно имѣніе часто состоитъ изъ совокупности разрозненныхъ полосокъ, перемежаемыхъ такими же полосками помѣщичьяго и крестьянскаго владѣнія. Сколько подобной путаницы у бессарабскихъ „резешей“ (крестьянъ-личныхъ владѣльцевъ)! Все это—частная, личная собственность, къ которой неприменимы никакія соображенія общинныя. При общинномъ владѣніи, напротивъ, коль скоро почувствовалось неудобство земельного расположенія—есть возможность кореннымъ образомъ измѣнять его путемъ періодическихъ передѣловъ. Если крестьяне при этихъ передѣлахъ дѣлятъ земли на сорта и стараются отвести каждому по куску въ каждомъ сортѣ, то это дѣлается по инстинкту справедливой равномерности — котораго хаать не за что,—но дѣлается не на вѣкъ, а при всегдашней доступности исправленій, коль скоро въ нихъ сознается потребность. А попробуйте развести частныхъ владѣльцевъ мозаичной дачи—вамъ придется не только вызвать еще болѣе обостренныя сцены, чѣмъ описанныя въ Тургеневскомъ „Завтракѣ у предводителя“, но встрѣтить еще огромное затрудненіе въ самомъ способѣ взаимныхъ земельныхъ переуступокъ, требующихъ совершенія крѣпостнымъ порядкомъ. Сколько повозитесь съ нотариусами, съ нотаріальными архивами, сколько переплатите пошлинъ, несмотря на то, что тутъ никто не получаетъ лишней десятины, а идетъ только округленіе. Не выходитъ ли, что не только

развитіе, но и охрана черезполосья гораздо сильнѣе при личномъ, а не при обвиняемомъ общинномъ владѣніи, которое тутъ ни при чемъ?

То же слѣдуетъ сказать и относительно неудобныхъ фигуръ отдѣльныхъ владѣній. Происхожденіе ихъ такое же, какъ объясненное выше происхожденіе черезполосья (т.-е. дѣлежи, перепродажи, доступъ къ водѣ и т. д.), и устраненіе ихъ затрудняется такими же причинами, но гдѣ больше можно встрѣтить подобныхъ фигуръ, какъ не въ областяхъ господства подворщины и личной собственности? Въ отличающейся господствомъ личного начала ковенской губерніи входящія въ составъ имѣній полоски часто имѣютъ саженъ пять ширины, а въ длину тянутся на версту или на двѣ, т.-е. владѣніе выкроено узенькими ленточками. Нѣчто сходное найдете и въ юго-западномъ краѣ. Въ Бессарабіи встрѣчаются большія имѣнія шириною около 300 саженъ, а въ длину—до десяти верстъ; а у резешей—ленточки въ нѣсколько падей ширины и длиною во всю большую вотчину. Даже въ Новороссійскомъ-краѣ, при сравнительной недавности образованія землевладѣнія, отведенныя когда-то по генеральному межеванію квадратныя или прямоугольныя дачи успѣли уже много уступить приближенію ленточной системы.

Не болѣе причастна община и третьему грѣху—образованію черезчуръ крупныхъ селеній. Нѣтъ надобности входить въ разборъ—грѣхъ ли это по существу?—но достаточно вспомнить о географическомъ распредѣленіи крупныхъ и мелкихъ поселеній. Сколько огромныхъ сель встрѣчается, напр., въ кievской и подольской губерніяхъ,—а тамъ владѣніе подворное; какія громадныя слободы образовались въ харьковской губерніи,—а тамъ онѣ созданы колонизаціею малорусовъ, вовсе не сторонниковъ общины; какія непомерныя селенія тянутся по берегамъ рѣкъ въ херсонской,—а это просто потому, что при маловодности страны люди тянутся къ водѣ, гдѣ она есть. И въ то же время какая масса населенія расположилась разбросанными мелкими деревнями, напр., въ смоленской или тверской губерніяхъ, гдѣ коренной народъ—великоруссы-общинники.

Если безоглядно валять „съ больной головы на здоровую“, приписывая общинѣ слѣдствія личного начала, то это, конечно, можно разъяснять; однако, при распространяющейся у насъ короткости памяти, подобныя разъясненія давно выясненнаго представляются повтореніемъ задовъ, чѣмъ-то въ родѣ наполненія бочки Данаидъ, къ чему едва-ли можетъ быть большая охота. Между тѣмъ, подыманіе напраснаго шума все-же усиливаетъ соответствующее впечатлѣніе у людей, мало расположенныхъ вникать глубже въ суть дѣла, и создаетъ излишнее предрасположеніе противъ общины, такъ что и въ отношеніи къ ней воспоминается изреченіе: „salomniez, salomniez, il

en reste toujours quelque chose“... А это грозитъ опять и извѣстными свойствами мѣропріятій.

III.

Возникавшія въ прошломъ году опасенія отмѣны извнѣ общиннаго владѣнія, въ общемъ его видѣ, теперь устранились манифестомъ 26 февраля с. г. вмѣстѣ съ тѣмъ предположено облегчить „выходъ“ изъ общины для отдѣльныхъ крестьянъ-домохозяевъ, причемъ способы такого выхода еще не предрѣшены и въ главныхъ чертахъ. Поэтому означенные способы становятся очень серьезнымъ очереднымъ вопросомъ. Надо сдѣлать удачный выборъ, и это тѣмъ важнѣе, что между означенными способами есть такіе, которые могутъ если не прямо разрушать, то косвенно и существенно подрывать общинное владѣніе фактически. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что при выборѣ тоже много значатъ благопріятность или неблагопріятность отношенія къ существу общины, и вотъ почему освобожденіе ея отъ напрасныхъ нареканий не теряетъ значенія и въ настоящую пору.

Выходъ изъ общины большею частью считаютъ дѣломъ свободы, открытія простора личной инициативѣ, толчкомъ къ полезной предпримчивости, а потому и способы его нужны такіе, которые вполнѣ соотвѣтствуютъ только этого рода цѣлямъ, т.-е. флагомъ свободы и доброй инициативы не прикрываютъ какого-либо иного содержанія, на примѣръ — нарушенія или стѣсненія чужихъ правъ. А въ этомъ отношеніи надо серьезно посчитаться съ указапіями предвѣдущей долгой практики подобныхъ выходовъ.

Когда крестьянинъ выходитъ изъ общины только лично, для обращенія къ другимъ занятіямъ, оставляя обществу состоявшую въ его пользованіи надѣльную землю, — въ этому не можетъ быть никакихъ препятствій. Но обыкновенно имѣется въ виду не такой выходъ, а сопровождаемый выдѣломъ уходящему его наличной земельной доли изъ общиннаго владѣнія въ личную собственность, съ правомъ продажи впоследствии кому угодно. Такую форму допускали и Положенія 1861 года, что произвело много послѣдствій. По 165-й статьѣ „Положенія о выкупѣ“, каждому отдѣльному домохозяину предоставлялось, внеся въ казначейство всю причитающуюся на его участокъ долю общественной выкупной ссуды, не только освободиться отъ дальнѣйшаго взноса выкупныхъ платежей, но и *требовать* выдѣла этого участка въ личную собственность, причемъ общество *обязывалось* произвести подобный выдѣлъ, *по возможности*, къ одному мѣсту, но по своему же собственному (т.-е. общества) *усмотрѣнію*. Слова: „обязывается“, „по возможности“ и „по усмотрѣнію самого общества“ — пред-

ставляли нѣкоторое взаимное противорѣчіе, почему точный смыслъ закона какъ бы не дѣлалъ безусловно обязательнымъ отводъ выкупленной доли къ одному мѣсту; но законъ съ такимъ недоразумѣніемъ практиковался болѣе тридцати лѣтъ и во многихъ случаяхъ фактически приводилъ къ тому, что выдѣляемыя доли отводились именно „къ одному мѣсту“—даже при нежеланіи общества, особенно когда выдѣляющійся или тотъ, кто руководилъ имъ въ своихъ личныхъ интересахъ, пользовались мѣстною протекціею. На такую практику въ теченіе десятковъ лѣтъ шли непрерывныя жалобы, въ томъ числѣ и въ печати (о 165-й статьѣ существуетъ цѣлая литература), а въ результатѣ состоялось, наконецъ, сокращеніе правъ на подобныя выдѣлы. По закону 14 декабря 1893 года, до погашенія обществомъ выкупного долга, выдѣлъ отдѣльныхъ домохозяевъ и досрочный выкупъ ими участковъ изъ земли, приобретенной цѣлымъ обществомъ, допускается уже не иначе, какъ съ *согласія* общества и на *условіяхъ*, указанныхъ въ приговорѣ сельскаго схода; да и послѣдующая продажа такихъ участковъ дозволяется только въ руки членовъ того же крестьянскаго общества, къ которому принадлежалъ выдѣлившійся. Исключеніе допущено только для особыхъ случаевъ, для „промышленныхъ“ цѣлей, причемъ и въ этихъ случаяхъ продажа постороннимъ лицамъ обусловливается разрѣшеніемъ трехъ министерствъ. Таковъ дѣйствующій нынѣ законъ, и если онъ твердо соблюдался, то новое положеніе рѣзко отличается противъ бывшаго раньше. Прежде—выдѣлявшійся „требовалъ“, а общество „обязывалось“; теперь же общество можетъ разрѣшить и не разрѣшить выдѣлъ или поставить для него свои условія, въ томъ числѣ и относительно отвода или неотвода къ одному мѣсту.

Итакъ, старый законъ открывалъ широкій просторъ личнымъ выдѣламъ и продажамъ надѣльной земли на сторону, а послѣдующій, сравнительно недавній, счелъ нужнымъ сократить подобныя операціи. Теперь вопросъ о выдѣлѣ вновь ставится на очередь. Можно ли предполагать, въ той или другой степени, возвращеніе къ старому порядку или слѣдуетъ разсчитывать на совсѣмъ новую комбинацію, предотвращающую прогрессивное умаленіе состава надѣльныхъ земель, сообразно указаніямъ прошлаго и съ необходимымъ просторомъ для дѣйствительно полезныхъ выходовъ? Здѣсь надобно обратиться къ нѣкоторымъ юридическимъ и практическимъ соображеніямъ относительно существа выдѣла, особенно по старымъ основаніямъ.

IV.

Существенный атрибутъ общиннаго владѣнія составляютъ періодическіе передѣлы надѣльной земли между домохозяевами. При этихъ передѣлахъ мѣняются не только мѣста земельного пользованія, но и самое количество даваемой каждому земли, основаніемъ чему служатъ обыкновенно перемены въ хозяйственныхъ силахъ дворовъ, образование новыхъ хозяйствъ, а также присущій населенію инстинктъ уравнительности выгодъ и тягостей. Въ прежнія времена, когда доходность земли была значительно меньше нынѣшней, а выкупные платежи были выше и существовала еще подушная подать—земельное пользование соединялось съ такими обязанностями, что становилось чувствительнымъ обремененіемъ, и потому на сходахъ, при передѣлахъ или частныхъ накупкахъ и скидкахъ долей, каждый старался получить земли поменьше. Тогда бывали драки изъ-за отказовъ отъ приема накупываемыхъ земельныхъ частицъ. Но такое положеніе рѣшительно измѣнилось съ отменою подушной подати, пониженіемъ выкупныхъ платежей и подъемомъ земельной доходности въ ея денежномъ выраженіи. Владѣніе землею обратилось изъ обремененія въ *омоту*, и каждый желаетъ уже взять земли побольше. Если прежній передѣлъ былъ уравненіемъ „тягостей“, то нынѣшній сталъ уравненіемъ „выгодъ“, и теперь драки случаются уже изъ-за стремленія хозяевъ по возможности увеличить свои доли. Аппетитъ къ землѣ вообще возросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилился и инстинктъ къ выдѣламъ. Многимъ интересно закрѣпить за собою свои участки, избавляя ихъ отъ шансовъ будущаго уменьшенія при передѣлахъ; иныхъ же соблазняетъ и перспектива поторговать ими, сбыть за хорошія деньги,—а для подобныхъ цѣлей особенно пригодно округленіе владѣній, возвышающее ихъ цѣну. Отрубной кусокъ земли, конечно, найдетъ лучшаго покупателя, чѣмъ разбросанныя среди владѣній другихъ крестьянъ полоски, особенно когда онъ выгодно выкроенъ, да и чѣмъ свободнѣе доступъ къ покупцѣ людямъ всякихъ сословій, тѣмъ шире кругъ покупателей и выгоднѣе тому, кто можетъ быть продавцомъ. Таковы интересы выдѣляющихся крестьянъ, но—насколько они согласуются съ правами и интересами обществъ?

Право отдѣльнаго домохозяина при общинномъ владѣніи состоитъ въ томъ, что онъ получаетъ извѣстную долю надѣла, но—*подъ условіемъ подчиненія будущимъ ея измѣненіямъ*. Сегодня у него пять десятинъ, а при передѣлѣ могутъ ему назначить только три или двѣ. Положимъ, не исчезаетъ вѣроятность полученія и шести или семи, то-есть увеличенія; однако, въ виду постояннаго и быстрого прироста

населенія прибавки могутъ являться только дѣломъ случайности, вѣроятность которой слаба; слѣдовательно, устраняя исключительныя явленія, надо признать въ качествѣ общаго правила, что каждый владѣть подѣ условіемъ подчиненія будущему *уменьшенію* своей доли. Между тѣмъ, выдѣляющійся, получая въ собственность всю наличную величину своего владѣнія, закрѣпляетъ ее за собою навсегда. Всѣ другіе члены общества будутъ дѣлиться и дробить свои доли, а выдѣлившійся освободится отъ этого невыгоднаго условія. Стало бытъ, выдѣломъ онъ достигаетъ *увеличенія* принадлежавшаго ему прежде права за счетъ уменьшенія правъ другихъ. Если онъ продаетъ выдѣленный участокъ постороннему, то онъ передаетъ послѣднему большее право, чѣмъ какимъ до выдѣла самъ пользовался въ составѣ своихъ односельцевъ. Значитъ, выдѣлъ, во всякомъ случаѣ, заключаетъ въ себѣ несправедливое начало усиленія выгодъ одного лица въ ущербъ всему обществу, и потому правильно—обусловливать его допущеніе вполне добровольнымъ согласіемъ всѣхъ. Если же выкупъ производится принудительно (какъ по отмѣненной 165-ой статьѣ, когда одинъ „требовалъ“, а масса „обязывалась“), то онъ прямо усвоиваетъ характеръ насильственнаго дѣйствія одного противъ всѣхъ. Притомъ, возможность такого дѣйствія давалась тому, кто побогаче, такъ какъ взносъ разомъ всей выкупной ссуды за владѣніе, конечно, доступенъ былъ только исключительнымъ по состоятельности членамъ общества. Положимъ, выдѣлялись и малосостоятельныя, но это бывало тогда, когда кто-нибудь посторонній давалъ мужику свои деньги на выкупъ, съ цѣлью потомъ купить выдѣленный участокъ. Тутъ было для постороннихъ открытіе дверей ко вторженію въ крестьянскій надѣлъ и уменьшенію его состава ради своихъ выгодъ. Итакъ, выдѣлъ на старыхъ основаніяхъ, принудительно преувеличивая право одного за счетъ цѣлага общества, представлялъ серьезную юридическую ненормальность. Но за послѣднюю выступали еще большія практическія ненормальности.

V.

Изъ практическихъ ненормальностей прежде всего надо обратиться къ отводу всей выкупленной земли къ одному мѣсту. Если сдѣлать для одного отводъ всѣхъ его (расположенныхъ въ разныхъ клинахъ) смѣнъ сѣвооборота изъ одной общественной смѣны, то это можетъ стѣснить порядокъ общественнаго земельного хозяйства и нарушить распредѣленіе угодій, давъ одному больше земли лучшаго сорта, предоставивъ ему больше пашни или луга, съ оставленіемъ другимъ большаго количества овраговъ и вообще худшихъ угодій и т. под. А если изъ одного общества стануть выдѣляться цѣлыя

группы, выкраивающія себѣ участки то въ одномъ, то въ другомъ клину, то это можетъ такъ поломать общій хозяйственный порядокъ, что обществу придется очень жутко; ему останется или терпѣть всѣ невыгоды, или—когда стѣсненіе стараго порядка дойдетъ до невозможности—наконецъ обратиться, вопреки желанію и издавна усвоеннымъ воззрѣніямъ, къ общему переходу на подворное владѣніе. Но такой переходъ будетъ уже явно *вынужденнымъ*, а потому несправедливымъ и невыгоднымъ. Напомнимъ опять, что земельная площадь—не шахматная доска съ одинаковыми полями, а нѣчто очень прихотливое по составу и по формѣ. Такимъ образомъ, излишнимъ просторомъ для выдѣловъ можно, не отнимая общиннаго владѣнія прямымъ закономъ, подорвать его на дѣлѣ очень успѣшно. Эту сторону дѣла необходимо особенно имѣть въ виду и направить вопросъ такъ, чтобы онъ не разрѣшался фактически подобными закулисными способами. Охраняя общинное владѣніе отъ принудительнаго разрушенія, въ принципѣ, слѣдуетъ защитить его и отъ косвеннаго подрыва.

Мотивомъ къ выдѣлу часто выступаютъ желаніе завести лучшее хозяйство, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ примѣненія бывшей 165-ой статьи не оправдывалось и это. Выдѣлявшійся оставался при прежнемъ хозяйственномъ способѣ, но имѣлъ въ виду другія цѣли. Въ свое время сообщалось много фактовъ (особенно изъ приволжскихъ губерній, гдѣ выдѣлы практиковались всего шире), показывавшихъ, что выдѣленные пользовались своимъ положеніемъ для притѣсненія односельцевъ или для земельной торговли, а въ результатѣ возникали огромныя затрудненія для обществъ и многочисленныя жалобы. Крестьяне часто бывали только орудіемъ въ рукахъ постороннихъ. Облюбуетъ надѣльный кусокъ сторонній человекъ и начнетъ соблазнять отдѣльныхъ крестьянъ. Дастъ деньги на выкупъ, а потомъ и приберетъ все къ себѣ; и при умноженіи подобныхъ промышленниковъ—мірской надѣлъ таялъ, вопреки своей юридической неприкосновенности. Но если въ первое двадцатипятилѣтіе объемъ выдѣловъ еще ограничивался, то тѣмъ, что тягость платежей была больше, а зѣмли стоили дешевле. Внести выкупную ссуду прежняго размѣра было труднѣе и землю менѣе интересовались, почему ею еще не такъ соблазнялись, какъ теперь, когда предвидится меньшая уплата въ казну и бѣльшая прибыльность сдѣлокъ. А ко всему этому надо вспомнить, что низкопробный промышленный духъ больше и больше вторгается въ нашъ сельскій міръ. Мелкіе промышленники, факторы, прожектеры, неказистыя цѣли—теперь сильно умножились вездѣ, почему что-либо въ родѣ возстановленія былой 165-ой статьи грозитъ гораздо большею опасностью, чѣмъ въ прежнее время, и открыло бы болѣе широкія двери къ постороннему оперированію надѣ

крестьянскимъ надѣломъ, помимо всякихъ улучшительныхъ для хозяйства цѣлей.

Припомню кстати случай, встрѣченный мною въ саратовской губерніи въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Крестьяне сильно жаловались на своего односельца, который, въ свою очередь, негодовалъ на общественную нелюбовь къ нему. Этотъ односелецъ выкупилъ свою долю, добился извѣстными ему способами отвода ея къ одному мѣсту и сталъ тѣснить своихъ сосѣдей. „Всю свою землю,—говорили они,—забралъ онъ себѣ въ одинъ кусокъ, да еще общимъ мірскимъ пастбищемъ пользуется, и мірскихъ сборовъ платить не хочетъ; а, говоритъ, свое выкупилъ, а пастбище—общее для всей деревни; значитъ, и для меня; платить же, говоритъ, не желаю, потому что послѣ выкупа отъ всѣхъ сталъ особнякомъ, и нѣтъ мнѣ дѣла до ихъ нуждъ“. — И уже слышался ему практичный совѣтъ: „Глупъ ты и больше ничего; выкупившись, тебѣ надо въ мѣщане переписаться; тогда землю будешь пользоваться крестьянскою, а отъ общественныхъ крестьянскихъ повинностей будешь свободенъ, какъ мѣщанинъ“. Вотъ куда пошло; а о сельскохозяйственномъ прогрессѣ и слуху не было.

Много я слышалъ, до закона 1893 года, жалобъ на распоряженіе личными владѣніями въ курской губерніи, гдѣ распространено такъ называемое „четвертное“ владѣніе. Это владѣніе имѣетъ особое происхожденіе и выражается въ томъ, что, на ряду съ общиннымъ владѣніемъ деревни бывшихъ государственныхъ крестьянъ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть участки, предоставленные въ личное владѣніе. Хозяева этихъ участковъ и сами сбывали ихъ, и запутывались въ долговые обязательства, по которымъ означенные участки продавались принудительно. Помню особенно характерный разговоръ сильно возмущавшагося такимъ порядкомъ судебного пристава, которому постоянно приходилось возиться съ подобными дѣлами... „Когда земля общественная,—разсказывалъ онъ,—такъ ее по крайней мѣрѣ продать на сторону нельзя. Запилъ, разорился мужикъ—земля останется въ обществѣ, могутъ его же сыну надѣлить, если онъ дѣльный; иной и радъ бы выманить у мужика его общественную или—какъ они называютъ—душевую землю, да законъ не велитъ, а съ четвертникомъ не церемонятся. Четвертной участокъ считается его собственность—ну и распоряжайся имъ, какъ знаешь. Кто заглядѣлся на четвертную землю—сейчасъ ея хозяина въ кабакъ, поить, угощать, деньги взаимы давать, да проценты насчитывать. Задолжалъ мужикъ рублей десять, а смотри—черезъ полгода уже есть вексель на пятьдесятъ, а тамъ дальше и дальше. Кончается тѣмъ, что мужикъ свое четвертное владѣніе по-боку, самъ пошелъ по міру, да и семья тоже. А не хочетъ продать земли, заупрямился—вексель во взысканію, а же и приѣду продавать его четвертными десятинами. Довольно я наглядѣлся

этихъ картинъ. Приѣдешь, мужикъ гдѣ-нибудь спрятался, а тутъ тебя встрѣчаютъ бабій да дѣтскій крикъ, вой, плачь... просто, хоть вонь бѣги. И ничего не подѣлаешь: самъ видишь, что творится безобразіе, а долженъ продавать и неприютную семью выгнать на улицу. Страхъ, сколько мы уже обезземелили этихъ крестьянъ-четвертниковъ!.. Не мало народу идетъ по міру. Вотъ, еслибы вы могли ко мнѣ заѣхать, я готовъ бы хоть вѣдомость такихъ случаевъ вамъ составить... а то легко расписывать издалека всѣ эти благодѣянія личнаго владѣнія... На бумагѣ все выходитъ гладко да прекрасно, а я вижу, какъ все это выходитъ въ деревнѣ, на улицѣ, въ хатѣ, во дворѣ“...

Великъ у насъ просторъ предположенію, что выдѣлы надѣльной земли главнымъ образомъ имѣютъ цѣлью улучшение хозяйства отдѣльныхъ крестьянъ. Но, не отрицая возможности въ отдѣльныхъ случаяхъ и подобныхъ цѣлей, слѣдуетъ преимущественно опасаться явленій вреднаго характера, спекуляцій, безразсуднаго распоряженія и т. д. Тогда какъ улучшение—дѣло громоздкое, затяжное, требующее разныхъ благопріятныхъ условий, о чемъ свидѣтельствуетъ и положеніе многихъ помѣщичьихъ хозяйствъ,—спекуляціи и всякія торговля и кулацкія продѣлки всегда подъ рукою, для нихъ легче найдутся соѣтчики, пособники и соблазнители. Какъ бы, въ погонѣ за фикціями хозяйственнаго прогресса у отдѣльныхъ крестьянъ, не открыть каналъ къ широкой утечкѣ изъ массы важнаго крестьянству надѣльнаго землевладѣнія, при которой, вмѣстѣ съ рядомъ новыхъ неприглядныхъ явленій, станутъ тощать средства и къ содержанію крестьянъ, и къ отбѣгтю возрастающихъ общественныхъ повинностей. Все это будетъ падать на сокращающуюся площадь. Для спекуляцій и торговыхъ сдѣлокъ довольно простора представляютъ земли частнаго владѣнія. Если даже и будутъ у нѣкоторыхъ улучшения отъ выдѣла, то едва ли правильно жертвовать для нихъ интересами цѣлыхъ обществъ и нарушеніемъ ихъ правъ, такъ какъ, конечно, хозяйства существуютъ для людей, а не человѣческая масса должна составлять пассивный матеріалъ для спорадическихъ хозяйственныхъ опытовъ.

VI.

Но нельзя отрицать также полезныхъ случаевъ выдѣла отдѣльнымъ крестьянамъ выгодъ надѣльнаго владѣнія. Подобные случаи могутъ встрѣчаться, напримѣръ, при переселеніяхъ, ставшихъ у насъ рѣшительно необходимою. Когда людямъ надобно разстаться съ родиною, нельзя удерживать ихъ насильно, потому что это было бы дѣйствительнымъ стѣсненіемъ свободы и удовлетворенія вопіющей потребности. И точно также нельзя отпускать ихъ ни съ чѣмъ. Какъ бы ни было мало ихъ участіе въ надѣлѣ—это участіе составляетъ принадле-

жащее имъ право и имѣть существенную матеріальную цѣнность. Доходность ихъ надѣльныхъ долей, за вычетомъ причитающихся на нихъ платежей, во всякомъ случаѣ даетъ остатокъ, который доступенъ капитализаціи. Несправедливо сказать переселенцамъ: „уходите, коли желаете, и оставьте эту цѣнность остающимся на мѣстѣ членамъ общества безъ всякаго вознагражденія“. Надо дать имъ возможность реализовать принадлежавшую имъ выгоду. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы способъ подобной реализаціи состоялъ лишь въ выдѣлѣ земельного участка для продажи его кому угодно. Вопросъ этотъ могъ бы разрѣшаться, напримѣръ, вознагражденіемъ уходящихъ за ихъ право отъ самого общества, которому на то могла бы выдаваться соответствующая ссуда. Тогда переселенецъ ушелъ бы съ деньгами, общество сохранило бы за собою его земельную долю, да и само не было бы въ убыткѣ, такъ какъ уплаты по ссудѣ покрывались бы разницею между доходомъ отъ повинутой переселенцемъ доли и обременяющими эту долю прежними платежами. Облегченіе такого „выхода“ дѣйствительно соглашало бы интересы свободы, полезныхъ цѣлей и охраны общественнаго владѣнія землею. Возможны и другіе особо уважительные поводы къ выдѣленіямъ на подобномъ или сходномъ съ нимъ основаніи, но въ проектированіе ихъ вдаваться не стану, не имѣя въ виду разбирать здѣсь это дѣло детально и ограничиваясь лишь общими замѣчаніями.

Въ манифестѣ 26 февраля сказано слово „выходъ“, а не выдѣлъ. Способы же выхода не предрѣшены и могутъ быть различны, а это даетъ основаніе выразить желаніе, чтобы окончательно избранный способъ состоялъ не въ чемъ-либо близкомъ къ возстановленію былой 165-ой статьи „Положенія о выкупѣ“. Охрана общиннаго владѣнія отъ внѣшней принудительности нужна полная, такъ чтобы это владѣніе, будучи свободно отъ прямого разрушенія, не подрывалось и косвенно путемъ принудительныхъ и своеобразныхъ приѣмовъ земельного „выдѣла“. Разрѣшая этотъ вопросъ, необходимо какъ можно больше обращаться съ фактическими указаніями прошлой практики, дающей не мало полезныхъ предостереженій. Народнымъ возрѣніямъ нуженъ просторъ: нельзя сдѣлать принудительно ни общинника подворникомъ, ни подворника общинникомъ, и слишкомъ самоувѣренно было бы диктовать извнѣ внутренніе хозяйственные порядки массѣ нашихъ деревень, особенно при нерѣдкой смѣнѣ преобладающихъ вѣяній. И способы перехода отъ одного рода владѣнія къ другому, и разрѣшенія выдѣловъ—правильнѣе предоставить добровольному рѣшенію самихъ обществъ, причѣмъ только очень серьезную потребность составляютъ достаточныя гарантіи этой добровольности.

Ө. Воропоновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1903.

Именной Высочайшій указъ сенату 22 марта.—Новое уголовное уложение.—Его исторія.—Дѣленіе преступныхъ дѣяній.—Система наказаній.—Досрочное освобожденіе.—Зачетъ предварительнаго ареста.—Тюрьма и работный домъ.—Одинокое заключеніе.—Лишеніе и восстановленіе правъ.—Смягченіе и замѣна наказаній.—Законъ 12-го марта; его отношеніе къ земскимъ учрежденіямъ.

22-го марта состоялся слѣдующій Именной Высочайшій указъ правительствующему сенату:

„Болѣе полувѣка тому назадъ, въ царствованіе Прадѣда Нашего, Императора Николая I, обнародовано было въ 1845 году уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, изданію коего предшествовали продолжительныя законодательныя работы.

„Послѣдовавшія въ царствованіе Дѣда нашего, Императора Александра II, коренныя преобразованія обновили весь строй государственнаго быта Россіи. Измѣнившіяся подъ вліяніемъ этихъ преобразованій условія народной жизни вызвали необходимость привести въ соотвѣтствіе съ ними уголовные законы.

„Дѣло сіе, начатое по Монаршему предъказанію Императора Александра II, Державною волею Незабвеннаго Родителя Нашего, Императора Александра III, ввѣрено было особой комиссіи, коей повелѣно начертать проектъ уголовного уложенія.

„По вступленіи на Прародительскій Престолъ, Мы не переставали заботиться о приведеніи въ окончанію этого труда первостепенной государственной важности.

„Въ сихъ видахъ, по завершеніи обширныхъ работъ комиссіи, Мы повелѣли выработанный ею проектъ уголовного уложенія, въ связи съ заключеніями вѣдомствъ, подвергнуть обсужденію сперва въ особомъ совѣщаніи при Государственномъ Совѣтѣ, а затѣмъ въ особомъ присутствіи соединенныхъ его департаментовъ и въ общемъ онаго собраніи.

„Признавъ за благо утвердить составленное и рассмотрѣнное въ такомъ порядкѣ уголовное уложеніе и препровождая его въ Правительствующій Сенатъ, повелѣваемъ сдѣлать надлежащія распоряженія

къ обнародованію онаго и къ приведенію засимъ въ дѣйствіе въ срокъ, который будетъ Нами особо къ тому назначенъ.

„Уповая, что новый уголовный законъ, сообразованный съ современными условіями государственнаго и общественнаго быта, будетъ способствовать успѣшному отправленію уголовного правосудія, Мы пребываемъ въ твердой увѣренности, что законъ этотъ, разграничивая область воспрещеннаго и дозволеннаго и противодѣйствуя преступнымъ посягательствамъ, послужитъ къ вѣщшей охранѣ гражданскаго порядка и къ укрѣпленію въ народѣ чувства законности, которое должно быть постояннымъ руководителемъ каждаго какъ отдѣльно, въ кругу личной его дѣятельности, такъ и въ совокупномъ составѣ сословія и обществъ“.

Изъ вышеизложеннаго видно, что срокъ введенія въ дѣйствіе новаго уголовного уложенія еще не установленъ. Нужно надѣяться, что онъ не будетъ продолжителенъ, такъ какъ ознакомленіе учреждений и лицъ судебного вѣдомства съ новымъ законодательнымъ актомъ не можетъ потребовать много времени. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, утвержденное 15-го августа 1845-го года, было введено въ дѣйствіе 1-го мая 1846-го года, т.-е. менѣе чѣмъ черезъ годъ; между тѣмъ, въ своемъ первоначальномъ видѣ оно заключало въ себѣ болѣе двухъ тысячъ статей— а въ новомъ уложеніи ихъ менѣе 700, да и все построеніе его, сравнительно ясное и простое, очень облегчаетъ его изученіе. Скорѣйшее его осуществленіе представляется тѣмъ болѣе желательнымъ, чѣмъ дольше продолжалась его подготовка ¹⁾. Необходимость коренныхъ перемѣнъ въ уложеніи 1845-го года была признана уже въ 1860-мъ году и сдѣлалась еще болѣе очевидной, когда рѣшена была, въ принципѣ, судебная реформа. Одновременно съ судебными уставами 1864-го года былъ изданъ, однако, только уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями—уставъ, обновившій собою лишь небольшую часть уголовного законодательства. Въ 1870 г. особая коммиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, высказалась за общій пересмотръ уложенія. Этой работѣ рѣшено было предпослать созданіе новой системы наказаній и основныхъ правилъ, опредѣляющихъ ея примѣненіе. Одна коммиссія слѣдовала за другою, сосредоточиваясь то на лѣстницѣ наказаній, то спеціально на тюремной реформѣ. 11-го декабря 1879-го года были установлены главные типы карательныхъ учреждений; въ то же время второму отдѣленію Собственной Е. И. В. канцеляріи и министерству

¹⁾ Исторія новаго уложенія подробно разсказана г. Евангуловымъ въ № 16 газеты „Право“.

юстиці предоставлено было начертать планъ работъ по составленію новаго уложенія. Этотъ планъ былъ утвержденъ 22-го апрѣля 1881-го года, и вслѣдъ затѣмъ началась дѣятельность редакціонной комиссіи, въ составъ которой вошли, подъ предсѣдательствомъ Э. В. Фриша, профессора Таганцевъ, Фойницкій и Неклюдовъ, старшій чиновникъ второго отдѣленія Розинъ и юрисконсультъ министерства юстиціи Липскій; мѣсто послѣдняго, вскорѣ умершаго, заступилъ профессоръ Случевскій. Предполагалось, что работа комиссіи будетъ окончена въ 3—4 года, но на самомъ дѣлѣ она затянулась на четырнадцать лѣтъ, до 1895-го года. Три года потребовалось, далѣе, для обсужденія проекта въ различныхъ вѣдомствахъ и для исправленія его министромъ юстиціи, совмѣстно съ предсѣдателемъ комиссіи. Въ 1898 г. проектъ былъ внесенъ въ государственный совѣтъ и рассмотрѣнъ сначала въ особомъ совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ Э. В. Фриша, потомъ въ особомъ присутствіи, подъ предсѣдательствомъ гр. К. И. Палена, и наконецъ въ общемъ собраніи. Со времени начала трудовъ редакціонной комиссіи до утвержденія проекта прошло, такимъ образомъ, *двадцать два* года, хотя, по окончаніи работъ комиссіи, и было признано возможнымъ обойтись безъ одного изъ первоначально намѣченныхъ фазисовъ движенія—безъ рассмотрѣнія проекта въ учрежденномъ въ 1881-мъ году особомъ комитетѣ. Еще болѣе поразительна продолжительность промежутка, отдѣляющаго первоначальное рѣшеніе отъ окончательнаго исполненія: если принять за исходный пунктъ реформы обнародованіе основныхъ положеній судебной реформы (28 сентября 1862-го года), предопредѣлившихъ, въ сущности, судьбу стараго уложенія, то съ тѣхъ поръ до 22-го марта нынѣшняго года прошло болѣе *сорока* лѣтъ!

Указанныя выше данныя какъ нельзя болѣе характерны для нашего законодательнаго механизма. Быстроты, иногда очень большой, его работа достигаетъ, съ одной стороны, въ эпохи поступательнаго движенія, всюду вносящаго жизнь, учащающаго бѣненіе государственнаго и общественнаго пульса, съ другой—въ моменты обостряющейся реакціи, для которой недостаточно скорымъ кажется иногда даже обычный, нормальный ходъ законопроектовъ. Только чрезвычайнымъ подъемомъ духа, иногда граничившимъ съ вдохновеніемъ, можно объяснить тотъ фактъ, что крестьянская реформа, несмотря на сложную процедуру подготовки ея въ губернскихъ комитетахъ, была приведена къ концу въ три съ небольшимъ года (считая съ рескрипта 20-го ноября 1857-го года), судебная реформа—въ два года (считая съ обнародованія основныхъ положеній), земская реформа—въ полтора (считая съ утвержденія, 2 іюля 1862 г., главныхъ началъ ея); не многимъ болѣе трехъ лѣтъ потребовалъ, въ первой половинѣ шести-

десятихъ годовъ, и пересмотръ законодательства о печати. Гораздо медленнѣе двигалась городская реформа, осуществленіе которой состоялось уже послѣ окончанія преобразовательнаго періода; съ 20 марта 1862-го года, когда рѣшено было приступить къ улучшенію общественнаго управленія во всѣхъ городахъ имперіи, до изданія городского положенія 16 іюня 1870-го года прошло болѣе восьми лѣтъ... Образцомъ быстроты другого рода, вызываемой соображеніями охранительнаго свойства, можетъ служить законъ 9 мая 1878-го года (объ изыятіи цѣлой категоріи дѣлъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ), непосредственнымъ поводомъ къ которому послужилъ оправдательный приговоръ, состоявшійся 31-го марта того же года. Положенія объ усиленной охранѣ и о полицейскомъ надзорѣ, равно какъ и цѣлый рядъ „временныхъ“ правилъ о печати, были проведены, въ видахъ ускоренія, даже помимо государственнаго совѣта. Прямую противоположность обѣимъ только-что упомянутымъ группамъ законодательныхъ мѣръ представляютъ тѣ, которыя, совпадая съ періодами застоя или регресса, имѣютъ, если можно такъ выразиться, нейтральный характеръ, т. е. не затрогиваютъ непосредственно политической злобы дня. Здѣсь медленность процедуры вступаетъ во всѣ свои права; движеніе законопроектовъ нерѣдко исчисляется не годами, а десятилѣтіями. Работа надъ новымъ вексельнымъ уставомъ продолжалась около сорока лѣтъ. Къ давнопрошедшему времени относится начало работы надъ уставами опекунскимъ, гипотечнымъ, межевымъ. Прошло уже болѣе девяти лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ рѣшено было пересмотрѣть законоположенія по судебной части—а государственный совѣтъ лишь недавно приступилъ къ обсужденію проектовъ, составленныхъ министерствомъ юстиціи. Только въ связи съ этими и другими аналогичными фактами становится понятной исторія проекта уголовного уложенія. Невольно приходитъ на память, что сѣверо-германское уголовное уложеніе, обнародованное въ 1870 г. и годъ спустя обращенное въ уголовное уложеніе германской имперіи, было изготовлено въ три года. Мы далеки отъ мысли, чтобы такая же точно скорость была обязательна для составителей нашего уголовного уложенія: мы очень хорошо знаемъ, что пропасть между старымъ и новымъ, мостомъ черезъ которую служить кодексъ, у насъ гораздо шире, чѣмъ въ Германіи шестидесятихъ годовъ, а матеріаловъ для постройки моста гораздо меньше. Чтобы заручиться содѣйствіемъ юридическаго міра и вообще образованнаго общества, составители проекта должны были идти впередъ не спѣша, останавливаясь для выслушанія и для обсуждения замѣчаній (которыхъ было сдѣлано немало). Задержка работы была неизбѣжна—но неизбѣжна, конечно, не въ такой степени, чтобы намѣченные четыре года обратились въ четырнадцать. Еще болѣе воз-

можно было ускореніе дальнѣйшихъ фазисовъ дѣла, начиная съ 1895-го года. А между тѣмъ, скорость, въ данномъ случаѣ, была далеко не безразлична. Недостатки стараго уложенія, цѣлые десятки лѣтъ оставшагося неприспособленнымъ къ новымъ процессуальнымъ порядкамъ, отражались на дѣятельности суда присяжныхъ и были, *de facto*, одною изъ главныхъ причинъ недовѣрія къ этому институту, нѣсколько разъ проявлявшагося въ официальныхъ сферахъ и вызвавшаго значительное ограниченіе его компетенціи. Суровость наказаній, въ связи съ недостаточнымъ просторомъ въ ихъ назначеніи, нерѣдко приводила къ оправданію сознавшихся или несомнѣнно виновныхъ подсудимыхъ — и, что еще важнѣе, къ несправедливому отягощенію участи осужденныхъ. Частныя поправки, внесенныя въ дѣйствующее уложеніе за послѣднюю четверть вѣка, не устранили и не могли устранить всѣхъ этихъ неудобствъ; многія перемѣны къ лучшему, признанныя необходимыми, откладывались до изданія новаго уложенія. Послѣдствія запозданія можно будетъ признать изглаженными только тогда, когда будетъ восстановленъ первоначальный кругъ вѣдомства суда присяжныхъ.

По мѣрѣ того, какъ подвигались впередъ занятія редакціонной комиссіи, намъ приходилось говорить о главныхъ нововведеніяхъ, вносимыхъ ею въ наше уголовное законодательство. Не всѣмъ этимъ нововведеніямъ суждено было войти въ окончательную редакцію уголовного уложенія: проектъ комиссіи подвергся, во время послѣднихъ фазисовъ работы, довольно существеннымъ передѣлкамъ. Остановимся, покажѣмъ, на первой главѣ уложенія: „О преступныхъ дѣяніяхъ и наказаніяхъ вообще“¹⁾. Измѣнена, прежде всего, терминологія комиссіи: вмѣсто дѣленія преступныхъ дѣяній, смотря по тяжести назначаемыхъ за нихъ наказаній, на преступления, проступки и нарушенія, принято дѣленіе на тяжкія преступления, проступки и проступки. Большого значенія эта перемѣна не имѣетъ, такъ какъ границы всѣхъ трехъ группъ остаются прежнія; но терминологія комиссіи была ближе къ привычному смыслу словъ. Проступками назывались до сихъ поръ всѣ преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями — а между ними немало такихъ, которыя новое уложеніе подводитъ подъ понятіе о преступленіи. Словомъ: *проступокъ* въ нашихъ курсахъ уголовного права принято переводить французское слово *délit* и нѣмецкое *Vergehen*, и такъ понимала его и редакціонная комиссія: въ уложеніи

¹⁾ Объ этой главѣ см. „Внутреннія Обозрѣнія“ въ № 12 „Вѣстн. Европы“ за 1882 г., № 1 за 1883 г. и № 8 за 1885 г.

оно употреблено для означенія тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя обыкновенно называются *нарушеніями* (contraventions, Uebertretungen). Весьма распространено между криминалистами мнѣніе, что трехчленное дѣленіе должно уступить мѣсто двухчленному (преступленія и нарушенія)—но уложеніе не приняло и къ этому мнѣнію, выдѣливъ въ особую группу *тяжкія* преступленія. Последнее выраженіе кажется намъ не особенно удачнымъ, потому что преступное дѣяніе, выспимъ наказаніемъ за которое назначена каторга, можетъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, оказаться не особенно тяжкимъ и повлечь за собою значительно смягченное наказаніе.

Въ перечнѣ наказаній уложеніе отступаетъ отъ проекта только по одному пункту: на мѣсто *заточенія* оно ставитъ заключеніе въ крѣпости. Разница здѣсь не только въ словахъ: заточеніе могло быть отбываемо не только въ крѣпости, но и въ другомъ устроенномъ для того помѣщеніи. Можно было предполагать, что такія помѣщенія будутъ больше приспособлены къ такъ называемой *custodia honesta* (лишеніе свободы, не затрагивающее чести заключеннаго), чѣмъ крѣпость, съ ея по необходимости суровой дисциплиной. Въ проектѣ было сказано, что приговоренные къ заточенію занимаются работами по ихъ выбору; въ уложеніи относительно приговоренныхъ къ заключенію въ крѣпости это не оговорено, но молчаніе закона должно быть, повидимому, толкуемо въ томъ же смыслѣ, какъ и правило проекта, потому что для всѣхъ остальныхъ видовъ лишенія свободы (кромя ареста на срокъ не свыше семи дней) прямо установлена обязательность работы. Лучше было бы, однако, еслибы была сохранена редакція проекта, устранявшая всякія сомнѣнія по этому предмету.

Въ проектѣ были съ точностью опредѣлены права заключенныхъ на весь чистый доходъ отъ ихъ работы (при заточеніи и арестѣ) или на извѣстную часть этого дохода (одну десятую—при каторгѣ, $\frac{2}{10}$ —при заключеніи въ исправительномъ домѣ, $\frac{4}{10}$ —при заключеніи въ тюрьмѣ). Въ текстѣ уложенія объ этомъ ничего не говорится, вѣроятно потому, что признано болѣе удобнымъ перевести соотвѣствующія постановленія въ уставы различныхъ мѣстъ заключенія. Намъ кажется, что правильнѣе было бы сохранить редакцію проекта, такъ какъ способъ распредѣленія дохода, получаемого отъ работы заключенныхъ, составляетъ немаловажную особенность каждаго вида заключенія и вліяетъ, до извѣстной степени, на тяжесть наказанія.

Изъ числа наказаній, опредѣляемыхъ уложеніемъ, всего болѣе возраженій встрѣтили, при обсужденіи проекта, смертная казнь и каторга. За смертную казнь не стояла, въ сущности, сама редакціонная коммиссія; не признавая себя въ правѣ разрѣшить вопросъ, имѣющій преимущественно политическое значеніе, она выразила убѣжденіе, что

„Россія могла бы сдѣлать новый дальнѣйшій шагъ по историческому пути, преемственно начертанному еще съ XVIII-го вѣка, съ царствованія Елизаветы, и не только ограничить число случаевъ примѣненія смертной казни, но и вычеркнуть ее вовсе изъ списка наказаній, налагаемыхъ по общимъ законамъ“. Это благое пожеланіе комиссіи осталось неисполненнымъ: достигнуто только *ограниченіе* сферы примѣненія смертной казни, освобожденіемъ отъ нея несовершеннолѣтнихъ, стариковъ (свыше семидесяти лѣтъ) и женщинъ (кромѣ осужденныхъ за наиболѣе тяжкое политическое преступленіе), а также смягченіемъ отвѣтственности за нарушеніе карантинныхъ узаконеній (подведенное подъ общій законъ о несоблюденіи правилъ предосторожности противъ заразныхъ болѣзней). Что касается до каторги, то съ разныхъ сторонъ (между прочимъ—и въ нашемъ журналѣ) было высказано мнѣніе о возможности соединенія ея съ исправительнымъ домомъ, въ видахъ большаго упрощенія системы наказаній. Указывалось на то, что въ Германіи существуетъ только одна тяжелая форма лишенія свободы—заключеніе въ смирительномъ домѣ (Zuchthaus), наибольшая продолжительность котораго (15 лѣтъ) равняется высшему (по новому закону) сроку каторги, наименьшая (одинъ годъ)—низшему сроку заключенія въ исправительномъ домѣ. Выставлялась, далѣе, на видъ чрезвычайная трудность выработать два различныхъ порядка и типа для учрежденій столь близкихъ между собою, какъ каторга и исправительный домъ. Одно изъ двухъ: или каторга приблизится къ исправительному дому и сдѣлается излишней, или она станетъ чрезвычайно тяжелой, безъ достаточной надобности и безъ правильной цѣли. Самое названіе каторги, вызывая представленіе о „мертвомъ домѣ“, принадлежитъ къ числу тѣхъ, съ которыми неразрывно связанъ цѣлый рядъ предрасудковъ и традиционныхъ приемовъ. Такого взгляда на вопросъ мы продолжаемъ держаться и до сихъ поръ. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что максимальная продолжительность срочной каторги уменьшена, сравнительно съ дѣйствовавшимъ до сихъ поръ уложеніемъ, съ двадцати до пятнадцати лѣтъ, а минимальная, проектомъ опредѣленная въ пять лѣтъ, окончательною редакціею уложенія сокращена до нынѣшняго размѣра, т.-е. до четырехъ лѣтъ.

Согласно съ проектомъ, уложеніе допускаетъ досрочное освобожденіе отъ каторги, поселенія и исправительнаго дома, обусловливая его одобрительнымъ поведеніемъ сосланныхъ или заключенныхъ. При безсрочной каторгѣ оно возможно по истеченіи пятнадцати, при поселеніи—десяти лѣтъ, при срочной каторгѣ—по истеченіи двухъ третей, при заключеніи въ исправительномъ домѣ—пяти шестыхъ опредѣленнаго приговоромъ срока. Сочувствуя досрочному освобожденію вообще, мы продолжаемъ думать, что его слѣдовало бы примѣнить и

къ другимъ видамъ лишенія свободы—заточенію (заключенію въ крѣпости), тюрьмѣ, аресту. Для приговоренныхъ къ аресту на шесть мѣсяцевъ или къ тюрьмѣ на одинъ годъ далеко не безразлично быть освобожденнымъ однимъ или двумя мѣсяцами раньше: надежда на такое освобожденіе и для нихъ могла бы послужить могучимъ побужденіемъ къ усердной работѣ, къ точному соблюденію тюремныхъ правилъ... Вполнѣ справедливо, далѣе, устанавливаемое новымъ уложеніемъ факультативное (т.-е. необязательное для суда) сокращеніе срока лишенія свободы, сообразно съ временемъ, проведеннымъ въ предварительномъ заключеніи; жаль только, что оно не распространено на кавторгу. Возражая, въ свое время, противъ такого ограниченія, мы приводили слѣдующій примѣръ: убійство совершено двумя лицами; одно поймано на мѣстѣ преступленія, другое—шесть мѣсяцевъ спустя, когда слѣдствіе надъ первымъ было уже закончено. Поимка второго преступника заставляетъ отложить разбирательство дѣла еще на шесть мѣсяцевъ, такъ что одинъ изъ виновныхъ сидитъ подъ стражей, до приговора, цѣлый годъ, другой—только полгода. При назначеніи обоимъ одной и той же мѣры наказанія и при отсутствіи зачета, лица, одинаково виновныя, понесутъ, такимъ образомъ, наказаніе на самомъ дѣлѣ далеко не одинаковое. Замѣтимъ, что при факультативности зачета нѣтъ основанія опасаться намѣреннаго затягиванья дѣла со стороны подсудимыхъ. Если замедленіе въ ходѣ слѣдствія зависѣло отъ подсудимаго, судъ, безъ сомнѣнія, откажетъ ему въ зачетѣ.

Новымъ является въ уложеніи слѣдующее постановленіе, котораго не было въ проектѣ редакціонной комиссіи: „приговоренный къ заключенію въ тюрьмѣ, если судъ признаетъ его учинившимъ преступленіе вслѣдствіе тунеядства или праздности, можетъ быть, по опредѣленію суда, помѣщенъ, непосредственно по отбытіи заключенія въ тюрьмѣ, въ работный домъ на срокъ отъ шести мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ“. Для насъ не совсѣмъ ясно, когда должно быть постановляемо опредѣленіе объ отдачѣ въ работный домъ—одновременно ли съ опредѣленіемъ о заключеніи въ тюрьму, или по окончаніи срока заключенія? Въ первомъ случаѣ оно можетъ оказаться излишнимъ и, слѣдовательно, несправедливымъ: если осужденный, во время содержанія въ тюрьмѣ, усердно и тщательно исполнялъ всѣ тюремныя работы, то едва ли есть надобность въ дальнѣйшемъ ограниченіи его свободы. Во второмъ случаѣ судъ по неволѣ долженъ будетъ руководствоваться отзывомъ тюремнаго начальства и принимать на себя несвойственную ему роль исполнителя чужихъ внушеній. При хорошей организаціи тюремныхъ работъ, сближающей тюрьму съ работнымъ домомъ, присоединеніе къ тюремному заключенію содержанія въ работномъ домѣ едва ли окажется согласнымъ съ правиломъ: non bis in idem.

На основаніи проекта, приговоренные къ исправительному дому должны были содержаться въ одиночномъ заключеніи первые шесть мѣсяцевъ, приговоренные къ тюрьмѣ—все время (т.-е. отъ двухъ недѣль до одного года). Последнее правило сохранено уложеніемъ, но продолжительность одиночнаго заключенія для приговоренныхъ къ исправительному дому опредѣлена болѣе эластично—отъ трехъ до шести мѣсяцевъ. Намъ кажется, что максимальный срокъ одиночнаго заключенія (годовой) слишкомъ великъ, хотя мнѣніемъ госуд. совѣта, утвержденнымъ одновременно съ уложеніемъ, и допущенъ переводъ изъ одиночнаго заключенія въ общее, какъ только удостовѣрена опасность одиночества для здоровья заключеннаго. Не всегда вредное вліяніе одиночнаго заключенія можетъ быть своевременно обнаружено врачомъ, даже внимательнымъ и опытнымъ. Кто, въ силу особенностей своей натуры, не расположенъ просить о снисхожденіи, тотъ можетъ молча, незамѣтно для посторонняго глаза переносить муки одиночнаго заключенія—и избавленіе отъ нихъ можетъ придти для него слишкомъ поздно, когда онъ успѣли уже оставить въ немъ неизгладимый слѣдъ. Для людей слабыхъ, нервныхъ, склонныхъ къ ипохондріи критическій моментъ можетъ наступить весьма скоро... Другая разница между проектомъ и уложеніемъ состоитъ въ томъ, что по проекту продолжительность содержанія въ тюрьмѣ не ставилась въ зависимость отъ отбыванія его въ общемъ или въ одиночномъ заключеніи, а по уложенію четыре дня общаго считаются равными тремъ днямъ одиночнаго заключенія; другими словами, переводъ изъ одиночнаго заключенія въ общее удлинняетъ остающійся срокъ заключенія на одну треть (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда переводъ вызванъ опасностью одиночнаго заключенія для здоровья заключеннаго). Цѣлесообразность такого правила кажется намъ тѣмъ болѣе спорною, что переводъ въ общее заключеніе обусловливается (помимо случаевъ, упомянутыхъ выше) не желаніемъ, не просьбою заключеннаго, а исключительно неимѣніемъ или недостаткомъ въ тюрьмѣ одиночныхъ камеръ. Есть лица, для которыхъ общее заключеніе гораздо тягостнѣе одиночнаго; обострять претерпѣваемую ими кару увеличеніемъ срока содержанія въ тюрьмѣ тѣмъ болѣе несправедливо, что самый переводъ въ общее заключеніе совершается помимо ихъ воли, вслѣдствіе независящихъ отъ нихъ обстоятельствъ. Въ особенности это примѣнимо къ короткимъ срокамъ тюремнаго заключенія: если оно не превышаетъ нѣсколькихъ недѣль, многіе, безъ сомнѣнія, предпочли бы отбыть его въ одиночной камерѣ.

Проектъ редакціонной комиссіи отмѣнялъ лишеніе *всѣхъ* правъ состоянія въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно понимается дѣйствующимъ уложеніемъ. За осужденными къ самымъ тяжкимъ наказаніямъ—ка-

торгѣ и поселенію—сохранялись ихъ имущественныя права; ограничивалось только пользованіе ими, путемъ взятія имущества въ управленіе (организацію котораго предполагалось опредѣлить въ законахъ гражданскихъ). Новое уложеніе разрѣшаетъ вопросъ иначе: оно устанавливаетъ, что присужденіе къ каторгѣ и поселенію влечетъ за собою потерю правъ по имуществу, какъ вытекающихъ изъ союза родственнаго, такъ и вообще принадлежавшихъ осужденному до вступленія приговора въ законную силу. Удержано въ силѣ, такимъ образомъ, открытіе наслѣдства при жизни осужденнаго, едва ли согласное съ нормальными семейными отношеніями. Намъ кажется, что система проекта, въ достаточной степени охраняя интересы государства, была болѣе справедлива къ самому осужденному и менѣе опасна для его семейства. Едва ли желательно, чтобы судебный приговоръ являлся источникомъ матеріальной выгоды для ближайшихъ родственниковъ осужденнаго... Всецѣло, за то, усвоено уложеніемъ другое нововведеніе проекта: общественныя и политическія права, утраченныя въ силу судебного приговора (за исключеніемъ правъ сословныхъ и зависѣвшихъ отъ прежняго званія или службы), пріобрѣтаются вновь по прошествіи извѣстныхъ сроковъ со времени отбытія наказанія, а въ случаѣ одобрительнаго поведенія осужденныхъ—могутъ быть восстановлены и раньше, по истеченіи половины означенныхъ сроковъ.

Безъ всякихъ перемѣнъ вошла въ составъ уложенія та статья проекта, которая опредѣляетъ власть суда въ смягченіи наказаній. Власть эта весьма обширна. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ законѣ опредѣленъ особый низшій предѣлъ наказанія (напр. каторга на срокъ не ниже десяти лѣтъ), судъ можетъ спуститься до низшаго законнаго размѣра даннаго рода наказанія (т.-е. до четырехъ лѣтъ каторги); если же низшій предѣлъ не указанъ, судъ въ правѣ перейти къ слѣдующему, въ порядкѣ постепенности, роду наказанія (отъ смертной казни—къ каторгѣ безъ срока или на срокъ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ, отъ безсрочной каторги—къ срочной, отъ срочной каторги—къ исправительному дому, отъ поселенія—къ заключенію въ крѣпости на срокъ не ниже одного года, отъ исправительнаго дома—къ тюрьмѣ, отъ тюрьмы—къ аресту). Единственный недостатокъ этой системы, указанный нами въ свое время ¹⁾, заключается въ томъ, что она даетъ суду возможность почти не принимать въ расчетъ снисхожденіе, данное подсудимому присяжными засѣдателями. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ виды смягченія, упомянутые выше, совершенно факультативны: обязательно для суда только одно—не назначать, при признаніи подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, *высшей*

¹⁾ См. „Внутр. Обзор.“ въ № 1 „Вѣстн. Европы“ за 1883 г. и № 7 за 1896 г.

меры наказанія, установленной закономъ за данное дѣяніе. Сравнительно съ этимъ болѣе существеннымъ можетъ иногда оказаться даже смягченіе, обязательное для суда за силою дѣйствующихъ законовъ. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. За предумышленное убійство дѣйствующее уложеніе опредѣляетъ наказаніе по 2-ой степени ст. 19-ой, т.-е. ссылку въ каторжную работу на время отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ. Слѣдующія двѣ степени, третья и четвертая—каторжная работа отъ двѣнадцати до пятнадцати и отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ. При признаніи виновнаго въ убійствѣ заслуживающимъ снисхожденія судъ, обязанный, по дѣйствующему закону, понизить наказаніе по крайней мѣрѣ на одну степень и не имѣющій права понизить его больше чѣмъ на двѣ степени, не можетъ назначить осужденному каторжную работу ни на срокъ болѣе пятнадцати лѣтъ (высшая мѣра третьей степени), ни на срокъ менѣе десяти лѣтъ (низшая мѣра четвертой степени). По новому уложенію виновный въ убійствѣ наказывается каторгой на срокъ не ниже восьми лѣтъ; при признаніи его заслуживающимъ снисхожденія судъ можетъ, слѣдовательно, понизить срокъ работы до четырехъ лѣтъ, но можетъ и уменьшить его только на одно полугодіе противъ выснаго срока каторги (срокъ каторги исчисляется, на основаніи новаго уложенія, годами и полугодіями), т.-е. назначить осужденному четырнадцать съ половиною лѣтъ каторги. Разстояніе между возможными максимумомъ и минимумомъ наказанія по новому уложенію является, такимъ образомъ, болѣе значительнымъ, чѣмъ по дѣйствующему закону (десять съ половиною лѣтъ вмѣсто пяти), но уменьшается (съ пяти лѣтъ до полугода) размѣръ смягченія, *обязательнаго* для суда: другими словами, уменьшается обязательное вліяніе снисхожденія, даннаго подсудимому присяжными засѣдателями. Другой примѣръ, еще болѣе яркій: по дѣйствующему уложенію умышленный поджогъ обитаемаго зданія наказывается каторжной работой по 5-ой степени ст. 19-ой, т.-е. на время отъ восьми до десяти лѣтъ. Слѣдующія двѣ степени, шестая и седьмая—каторжная работа отъ шести до восьми и отъ четырехъ до шести лѣтъ. Итакъ, высшее наказаніе для поджигателя, признаннаго заслуживающимъ снисхожденія—восемь лѣтъ, низшее—четыре года каторжной работы. Новое уложеніе за поджогъ обитаемаго зданія назначаетъ срочную каторгу; такъ какъ низшій предѣлъ ея здѣсь не опредѣленъ, то судъ, при признаніи виновнаго заслуживающимъ снисхожденія, можетъ перейти къ исправительному дому (и даже дойти до низшей мѣры этого наказанія, т.-е. до полутора года), но можетъ и ограничиться наименьшимъ законнымъ пониженіемъ срока каторги, т.-е. присудить поджигателя къ каторгѣ на четырнадцать съ половиною лѣтъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что прак-

тика скоро обнаружить необходимость повысить минимальныя нормы смягченія, обязательнаго для суда въ случаѣ признанія подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія.

Особыя правила о замѣнѣ наказаній для несовершеннолѣтнихъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они включены въ уложеніе, заключаютъ въ себѣ нѣсколько отступленій отъ проекта редакціонной комиссіи. Для несовершеннолѣтнихъ отъ четырнадцати до семнадцати лѣтъ (если преступное дѣяніе вмѣнено имъ въ вину) проектъ замѣнялъ смертную казнь и безсрочную каторгу—тюрьмой на время отъ пяти до десяти лѣтъ, срочную каторгу—тюрьмой съ сокращеніемъ срока заключенія на половину. Уложеніе назначаетъ въ первомъ случаѣ тюрьму на время отъ восьми до двѣнадцати, во второмъ случаѣ—на время отъ трехъ до восьми лѣтъ (при дѣйствіи правила, предположеннаго проектомъ, максимумъ тюремнаго заключенія составлялъ бы въ послѣднемъ случаѣ семь лѣтъ съ половиной, минимумъ—два года); въ обоихъ случаяхъ повышаются, такимъ образомъ, сроки лишенія свободы. По проекту несовершеннолѣтніе отъ десяти до семнадцати лѣтъ безусловно освобождались отъ лишенія правъ; уложеніе исключаетъ изъ дѣйствія этого правила тѣхъ несовершеннолѣтнихъ, которые присуждены къ долгосрочному тюремному заключенію въ замѣнѣ смертной казни или безсрочной каторги. Для несовершеннолѣтнихъ женщинъ уложеніе допускаетъ замѣну исправительно-воспитательнаго заведенія женскимъ монастыремъ. Переменною къ лучшему, сравнительно съ проектомъ редакціонной комиссіи, кажется намъ правило, въ силу котораго несовершеннолѣтній, при невозможности помѣстить его въ исправительно-воспитательное заведеніе, можетъ быть—если преступное дѣяніе, имъ совершенное, влечетъ за собою, по общему закону, заключеніе въ тюрьмѣ,—отданъ подъ отвѣтственный надзоръ родителей, или лицъ, на попеченіи которыхъ онъ состоитъ, или другихъ благонадежныхъ лицъ.

Отлагая до слѣдующаго обзорѣнія уваженіе другихъ главныхъ особенностей, которыми новое уголовное уложеніе отличается, съ одной стороны, отъ дѣйствующаго права, съ другой—отъ проекта редакціонной комиссіи, мы считаемъ долгомъ замѣтить, что, какъ бы ни смотрѣть на тѣ или другія отдѣльныя постановленія уложенія, въ общемъ оно представляетъ собою такой шагъ впередъ, какаго давно уже не дѣлало наше законодательство.

Высочайше утвержденное 12-го марта мнѣніе государственнаго совѣта, обнаруженное одновременно съ именнымъ Высочайшимъ

указомъ отъ того же числа ¹⁾, устанавливаетъ новый порядокъ взысканія окладныхъ сборовъ, обусловливаемый отмѣною круговой поруки, и вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ существенно важныя измѣненія въ положеніе земскихъ финансовъ. Изъ сборовъ съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель прежде всего должны быть покрыты: окладъ земскаго сбора—сполна, недоимка этого сбора—въ размѣрѣ до 20% оклада. На вторую очередь ставится окладъ государственныхъ сборовъ, съ такою же недоимкой; затѣмъ покрываются остальные недоимки, сперва земскія, потомъ казенныя. Такой порядокъ, представляя собою возвращеніе къ существовавшему въ началѣ дѣятельности земскихъ учреждений, безспорно благопріятенъ для земства, получавшаго, на основаніи закона 1899-го года, не болѣе 20% съ каждаго поступленія и вслѣдствіе этого, особенно въ первой половинѣ года, часто остававшагося безъ средствъ на выполненіе самыхъ неотложныхъ расходовъ. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что не меньшую роль, чѣмъ платежи съ надѣльныхъ крестьянскихъ земель, играютъ въ земскомъ хозяйствѣ платежи съ частновладѣльческихъ земель ²⁾, исправное поступленіе которыхъ по прежнему ничѣмъ не обезпечено. Прочный порядокъ въ земскихъ финансахъ сдѣлается возможнымъ только тогда, когда самому земству будетъ предоставлено взысканіе недоимокъ съ частныхъ владѣльцевъ. Только тогда прекратятся такія явленія, какъ, напри- мѣръ, накопленіе на одномъ имѣніи (въ аткарскомъ уѣздѣ саратовской губерніи) недоимки въ *двадцать тысячъ* рублей. Ничего подобнаго не могло бы случиться, еслибы всякій плательщикъ земскаго сбора зналъ, что существуютъ дѣйствительныя средства понудить его къ исполненію долга, лежащаго на немъ по отношенію къ земству. Не было бы тогда мѣста для мысли, что земскій сборъ, въ противоположность казенному, больше напоминаетъ собою добровольное приношеніе, чѣмъ обязательный платежъ. Не встрѣчались бы разсужденія въ родѣ того, которымъ „Московскія Вѣдомости“ сопровождаютъ извѣстіе о высокой цифрѣ земскихъ недоимокъ за частными владѣльцами валковскаго уѣзда (харьковской губерніи). „Вся дѣятельность нашихъ всесословныхъ земствъ,—говоритъ московская газета,—направлена исключительно для удовлетворенія дѣйствительныхъ и мнимыхъ нуждъ одного только крестьянскаго сословія. Что же удивительнаго, что каждый крестьянинъ старается покрыть земскіе платежи изъ своего случайнаго заработка? А гдѣ найти этотъ заработокъ частнымъ владѣльцамъ? Гдѣ взять имъ денегъ на уплату зем-

¹⁾ Текстъ этого указа напечатанъ въ концѣ нашей апрѣльской „Общественной Хроники“.

²⁾ Въ саратовской губерніи, напри- мѣръ, губернскій земскій сборъ съ надѣльныхъ земель составляетъ только одну треть общей суммы оклада.

скихъ налоговъ? Еслибы хотя часть ихъ платежей тратилась въ ихъ интересахъ, то и у нихъ явилась бы, вѣроятно, возможность платить болѣе аккуратно“. Въ этомъ разсужденіи все, съ начала до конца, лишено всякой тѣни основанія. Совершенно невѣрно, чтобы накопленіе частновладѣльческихъ недоимокъ обуславливалось преимущественно неимѣніемъ средствъ для уплаты земскаго сбора. Вовсе онъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не такъ великъ, чтобы своевременный взносъ его представлялъ непреодолимые затрудненія. Не уплачивается онъ, сплошь и рядомъ, просто потому, что не предвидится отъ того никакихъ неприятныхъ послѣдствій — и только черезъ нѣсколько лѣтъ, когда недоимка, вмѣстѣ съ пеней, во много разъ превышаетъ окладъ, ея погашеніе становится иногда дѣйствительно нелегкимъ. Съ другой стороны, земскій сборъ, какъ и всякій налогъ, вовсе не зависитъ отъ суммы удобствъ, предоставляемыхъ плательщику. Такая пропорціональность мыслима только на первыхъ ступеняхъ развитія податной системы, когда налогомъ оплачиваются отдѣльныя услуги власти; у всѣхъ культурныхъ народовъ она давно уступила мѣсто обложенію, такъ или иначе соответствующему платежнымъ силамъ. Невозможнымъ сдѣлалось бы веденіе государственнаго и общественнаго хозяйства, еслибы исправность плательщика опредѣлялась субъективной оцѣнкой выгодъ, извлекаемыхъ изъ принадлежности къ государству или къ общественному союзу. Безпочвенна, дальше, попытка доказать, что крестьянину легче, чѣмъ частному владѣльцу, уплатить земскій сборъ изъ „случайнаго заработка“. Если понимать подъ этимъ именемъ доходъ, извлекаемый не изъ обложенной земскимъ сборомъ земли, то у частнаго владѣльца источниковъ такого дохода (служба, профессиональный трудъ, проценты съ капитала, промышленныя и торговыя предпріятія) конечно не меньше, чѣмъ у крестьянина. Нельзя, наконецъ, согласиться и съ тѣмъ, что *вся* дѣятельность земства направлена *исключительно* на удовлетвореніе крестьянскихъ нуждъ. Не говоря уже о той косвенной пользѣ, которую приносятъ всему населенію начальная школа, хотя бы въ ней обучались одни крестьянскія дѣти, — земскими дорогами и мостами, земской почтой, земской медициной и ветеринаріей частные владѣльцы пользуются наравнѣ съ крестьянами. Любопытно въ аргументаціи „Московскихъ Вѣдомостей“ только одно: признаніе, что крестьяне понимаютъ пользу, приносимую имъ земствомъ. Понадобившееся, въ данную минуту, какъ подтвержденіе болѣе чѣмъ парадоксальнаго тезиса, это признаніе идетъ прямо въ разрѣзъ съ обычными увѣреніями реакціонной печати.

По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“, законъ 12-го марта, уменьшая, отмѣною круговой поруки, зависимость крестьянъ отъ сельскаго общества, увеличиваетъ зависимость ихъ отъ мѣстныхъ

властей (земскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ), которымъ предоставляется разсрочка и отсрочка платежа не только казенныхъ, но и *земскихъ* сборовъ. Къ администраціи переходитъ, такимъ образомъ, одно изъ правъ, до сихъ поръ принадлежавшихъ земству. „Торгово-промышленная Газета“, отвѣчая „Русскимъ Вѣдомостямъ“, старается доказать, что своевременное и правильное облегченіе населенія въ уплатѣ земскихъ сборовъ можетъ быть достигнуто только при предоставленіи соотвѣтственнымъ полномочій мѣстнымъ учреждениямъ, дѣйствующимъ непрерывно въ теченіе всего окладного года и близко знакомымъ съ условіями хозяйственнаго быта и платежными средствами крестьянъ. По мнѣнію „Торгово-промышленной Газеты“, къ числу такихъ учреждений земское собраніе, собирающееся только однажды въ годъ, отнесено быть не можетъ. „Московскія Вѣдомости“ мотивируютъ новую мѣру нѣсколько иначе: онѣ утверждаютъ, что земства, въ лицѣ земскихъ управъ, весьма часто, несмотря на засвидѣтельствованное администраціей затруднительное положеніе крестьянъ, отказывали въ льготахъ по земскому сбору и настаивали на немедленномъ его взысканіи, причиняя тѣмъ самымъ трудно поправимый иногда вредъ крестьянскому благосостоянію. Нѣсколькими строками ниже московская газета впадаетъ въ противорѣчіе сама съ собою, признавая, что на практикѣ отказы въ льготы „не приносили земствамъ желательныхъ результатовъ, такъ какъ земскіе сборы фактически обыкновенно не взыскивались“. И дѣйствительно, разъ что мѣры понужденія къ платежу зависятъ всецѣло отъ администраціи, трудно предположить, чтобы онѣ были пускаемы въ ходъ по требованію земства, когда плательщики, по убѣжденію администраціи, имѣли право на льготу. Извѣстны случаи разоренія крестьянъ взысканіемъ казенныхъ недоимокъ (напр. въ вятской губерніи, вслѣдъ за неурожаеми начала девяностыхъ годовъ)—но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы къ такому результату приводило когда-либо взысканіе недоимокъ земскаго сбора. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что земству гораздо чаще приходилось ходатайствовать о предоставленіи крестьянамъ, въ тяжелыя для нихъ години, всяческихъ податныхъ льготъ, чѣмъ хлопотать о неукоснительномъ взысканіи земскихъ недоимокъ... Не болѣе убѣдительны и доводы „Торгово-промышленной газеты“, какъ нельзя лучше опровергнутыя „Русскими Вѣдомостями“. Однажды въ годъ созывается очередное земское собраніе, но ничто не препятствуетъ созыву собраній чрезвычайныхъ; возможно, притомъ, и разрѣшеніе податныхъ льготъ земскою управою, въ предѣлахъ, установленныхъ собраніемъ. Что свѣдѣніями о хозяйственномъ бытѣ и о платежныхъ средствахъ крестьянъ земства обладаютъ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ администрація—это не подлежитъ никакому сомнѣнію:

стоитъ только припомнить хотя бы исторію борьбы съ послѣдствіями недавнихъ голодобоковъ. Если въ разрѣшеніи разнаго рода податныхъ льготъ необходимо единство, то всего естественнѣе было бы сосредоточить его въ рукахъ земства, какъ учрежденія, наиболѣе близкаго къ населенію.

Отрицательно относясь къ нѣкоторымъ сторонамъ закона 12-го марта, мы привѣтствуемъ отъ души главное нововведеніе, вносимое имъ въ русскую жизнь: отмѣну круговой поруки. Подорванная почти полвѣка тому назадъ, изъятіемъ изъ ея дѣйствія небольшихъ сельскихъ обществъ, круговая порука рѣдко примѣнялась на практикѣ и еще въ 1899 г. была обречена на окончательное уничтоженіе: тѣмъ не менѣе ея отмѣна составляетъ шагъ впередъ къ освобожденію личности крестьянина, къ уравненію крестьянъ съ другими гражданами имперіи. Не существуетъ больше одного изъ препятствій, затруднявшихъ выходъ крестьянина изъ общества; не существуетъ одного изъ источниковъ зависимости его отъ міра. Само собою разумѣется, однако, что все главное еще впереди. Исполнилось только одно изъ желаній, высказанныхъ губернскими и уѣздными сельско-хозяйственными комитетами—и притомъ именно то, осуществленіе котораго съ самаго начала не возбуждало почти никакихъ сомнѣній.

ГЛАВНЫЯ ОСНОВАНИЯ ЗАКОНОПРОЕКТОВЪ О СРЕДНЕЙ ШКОЛѢ.

Въ половинѣ истекшаго нынѣ апрѣля мѣсяца, по поводу ожидаемой реформы нашей средней школы,—какъ общеобразовательной, гуманитарной, такъ и технической и профессиональной, или прикладной,—въ газетахъ было сообщено, что 15 марта Государю Императору благоугодно было Высочайше преподать управлявшему тогда министерствомъ народнаго просвѣщенія нижеслѣдующія указанія, долженствующія служить главными основаніями подлежащихъ разработкѣ законопроектовъ о средней школѣ:

„1) Гимназіи сохраняютъ восьмиклассный составъ; въ нихъ преподаются оба древніе языка, но обученіе греческому языку въ большей части ихъ не обязательно. Усвоеніе гимназическаго курса открываетъ доступъ къ высшему университетскому образованію.

„2) За реальными училищами, конхъ учебный планъ подлежитъ тоже пересмотру, сохраняется составъ шести основныхъ классовъ и седьмого дополнительнаго. Окончаніе курса сего послѣдняго класса открываетъ доступъ въ высшія техническія заведенія.

„3) Помимо гимназій и реальныхъ училищъ, должны быть организованы среднія учебныя заведенія съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ при шестиклассномъ составѣ. Окончаніе курса въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ даетъ право на службу въ губерніи.

„4) Широкое развитіе должно быть дано среднему техническому и профессиональному образованію, рассчитанному на удовлетвореніе практическихъ потребностей жизни.

„5) Особливое вниманіе должно быть обращено на изысканіе способовъ къ поднятію религиозно-нравственнаго и вообще воспитательнаго воздѣйствія школъ всѣхъ типовъ на учащихся, а также на укрѣпленіе въ нихъ преданности русской государственности и народности.

„6) Въ видахъ возможно полнаго разрѣшенія воспитательныхъ задачъ должны быть учреждены пансіоны, въ которыхъ могли бы пользоваться соответственнымъ руководствомъ питомцы извѣстной группы учебныхъ заведеній даннаго города.

„7) Въ соответствии съ требованіями, предъявляемыми къ преподаваемой средней школѣ, должны быть безотлагательно установлены способы болѣе дѣлесообразной подготовки учителей для оной.

„Затѣмъ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, 28-го марта Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть:

„Въ тѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ на основаніи таблицы уроковъ, Высочайше утвержденной 20-го іюля 1902 г., начало изученія грече-

скаго языка отнесено къ V классу, приступить къ постепенному, начиная съ 1903—1904 учебнаго года, введенію необязательности изученія греческаго языка, съ тѣмъ, чтобы для учениковъ, имѣющихъ перейти нынѣшнею весною и въ ближайшіе послѣдующіе годы изъ IV класса въ V безъ изученія греческаго языка въ предыдущихъ классахъ, изученіе означеннаго предмета не было обязательнымъ до окончанія ими гимназическаго курса, и съ тѣмъ, чтобы будущіе абитуриенты гимназій, не обучавшіеся греческому языку, пользовались тѣми же правами, которыя нынѣ пріобрѣтаются окончаніемъ гимназическаго курса, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что они могутъ быть привимаемы въ число студентовъ историко-филологическихъ и восточнаго факультетовъ, а также въ историко-филологическіе институты не иначе, какъ по выдержаніи дополнительнаго испытанія изъ греческаго языка по программѣ, которая имѣетъ быть установлена для преобразованныхъ въ законодательномъ порядкѣ гимназій.

„Приведенныя Высочайшія указанія Его Императорскаго Величества сообщены предсѣдателю ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія къ неуклонному руководству, при разсмотрѣніи переданнаго уже въ этотъ комитетъ матеріала по вопросу о преобразованіи среднихъ учебныхъ заведеній. Ученому комитету предложено также обсудить вопросъ о тѣхъ видоизмѣненіяхъ въ дѣйствующихъ нынѣ учебныхъ планахъ и программахъ старшихъ классовъ гимназій, которыя вызываются постепеннымъ установленіемъ необязательности изученія греческаго языка, и опредѣлить, какой учебный матеріалъ долженъ быть усвоенъ учащимися означенныхъ классовъ гимназій взамѣнъ греческаго языка“.

I.

Изъ всего сообщеннаго предсѣдателю ученаго комитета и что должно послужить послѣднему „главнымъ основаніемъ подлежащихъ разработкѣ законодательныхъ проектовъ о средней школѣ“ въ Россіи, — видно, что комитету предстоитъ, при разсмотрѣніи уже переданнаго ему матеріала по вопросу о преобразованіи средней школы, ограничиться выборомъ только той его части, которая можетъ послужить къ наилучшему осуществленію и приведенію въ исполненіе Высочайшихъ указаній, такъ какъ они сообщены ему къ неуклонному руководству. Ученому комитету предоставлено обсудить самостоятельно только одинъ вопросъ: о видоизмѣненіяхъ программъ старшихъ классовъ гимназій. Такимъ образомъ, главный характеръ проектируемой на будущее время средней школы, въ ея существенныхъ чертахъ, представляется уже и нынѣ вполне опредѣленнымъ.

Въ предшествующее министерство генерала П. С. Ванновскаго, какъ извѣстно, полагалось въ основаніе общеобразовательной, т.-е. гуманитарной средней школы, въ отличіе ея отъ профессиональной,

прикладной, *единство* этой школы; и она была довольно тѣсно связана съ высшею, также общеобразовательною школою, научною, т.-е. университетомъ; по настоящему же плану средняя общеобразовательная школа должна будетъ представить нѣсколько типовъ, и только одинъ изъ нихъ, какъ мы видѣли, — съ двумя классическими языками, — послужитъ вполне открытою дорогою во всѣ факультеты университета; другому, съ однимъ латинскимъ языкомъ, предоставляется доступъ въ историко-филологическій и восточный факультеты условно, — по выдержаніи дополнительнаго экзамена изъ греческаго языка; третьему же и четвертому типамъ — вовсе загражденъ путь въ университетъ. Такимъ образомъ, съ настоящаго времени, мы будемъ имѣть:

1) *Восьмиклассная гимназія съ двумя древними языками*; ихъ абитуриентамъ, выпускнымъ, открытъ путь въ университетъ на всѣ факультеты безъ различія.

2) *Восьмиклассная гимназія, съ однимъ латинскимъ языкомъ*; ихъ абитуриентамъ закрытъ свободный доступъ въ историко-филологическій факультетъ и факультетъ восточныхъ языковъ.

3) *Шестиклассная реальная училища*, съ дополнительнымъ классомъ для тѣхъ, которые желаютъ получить право на поступленіе въ высшія техническія учебныя заведенія.

4) *Шестиклассная средняя учебныя заведенія*, которымъ пока еще не дано опредѣленнаго названія, а только пояснено, что они будутъ организованы, „помимо гимназій и реальныхъ училищъ съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ“, и слѣдовательно, какъ бы параллельно съ ними и въ замѣщеніе ихъ; а абитуриенты этихъ училищъ получать „право на службу (конечно, государственную) въ губерніи“.

II.

Гимназія классическія и полуклассическія оставлены, какъ видно, поврѣжнему съ восьмилѣтнимъ курсомъ. Такой срокъ установленъ былъ только начиная съ 70-хъ годовъ, въ министерство гр. Д. А. Толстого, и оправданіемъ къ тому служилъ тогда чрезмѣрный расходъ времени на обученіе латинскому и греческому языку, потребовавшій и соответственнаго увеличенія времени на прохожденіе гимназической программы въ ея полномъ объемѣ. До 70-хъ годовъ, Уваровскія гимназіи, въ которыхъ преподаваніе одного или двухъ древнихъ языковъ было вполне нормальное, требовали не болѣе семи лѣтъ для прохожденія всей программы гимназическаго курса. Надобно думать, что сохраненіе срока, установленнаго для гимназическаго курса при гр. Д. А. Толстомъ, и имѣющаго для того свои причины, никакимъ обра-

зомъ не означаетъ возвращенія къ прежней программѣ, въ которой древніе языки занимали главное мѣсто, подавляя собою всѣ прочіе предметы. Если же преподаваніе древнихъ языковъ будетъ, при осуществленіи новаго плана, введено въ естественные берега, какъ оно происходило въ Уваровскихъ гимназіяхъ, то пока мы не можемъ сами себѣ объяснить, почему именно оказалось необходимымъ остаться, однако, при срокѣ гр. Д. А. Толстого; абитуриенты семилѣтнихъ гимназій, какъ это, вѣроятно, признаютъ знавшіе гимназіи той эпохи, нисколько не уступали абитуриентамъ восьмилѣтнихъ, по мнѣнію же иныхъ — во многомъ были превосходнѣе, и абитуриенты ихъ не были столь великовозрастны, какъ нынѣшніе; если же нѣтъ какихъ-либо особыхъ причинъ настаивать и теперь на срокѣ, установленномъ гр. Д. А. Толстымъ, то, конечно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что лишній годъ гимназическаго курса требуетъ и отъ казны, и отъ родителей учащихся, увеличенія матеріальныхъ расходовъ, и кромѣ того, въ извѣстной мѣрѣ затрудняетъ, равнымъ образомъ, доступъ къ высшему образованию. Чѣмъ вся эта невыгода будетъ возмѣщена при 8-лѣтнемъ курсѣ гимназій, при нормальномъ преподаваніи древнихъ языковъ — о томъ можно будетъ судить только по составленіи программъ въ ученomъ комитетѣ, а пока приходится ограничиваться одними общими соображеніями: мы имѣемъ живой примѣръ въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ, напримѣръ, Александровскій лицей или училище правовѣдѣнія, гдѣ на прохожденіе гимназическаго курса и факультетскаго, вмѣстѣ взятыхъ, требуется не болѣе 9 и 10 лѣтъ; между тѣмъ, для такого же курса въ гимназіи и университетѣ требовалось до сихъ поръ 12 лѣтъ, вмѣсто прежнихъ 11 лѣтъ. Все это заставляетъ думать, что семилѣтній курсъ для гимназій не долженъ бы считаться слишкомъ тѣснымъ, какъ онъ, впрочемъ, и не считался никогда до гр. Д. А. Толстого.

Абитуриенты изъ гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ и въ прежнее время также допускались условно на историко-филологическій факультетъ, но съ тѣмъ, что имъ предоставлялось льготное время для греческаго языка, а именно, они обязывались держать экзаменъ, по общей программѣ, черезъ годъ, съ правомъ одновременно держать переводный экзаменъ во второй курсъ. Безъ такой льготы, можно опасаться, что историко-филологическій факультетъ скоро совсѣмъ опустѣетъ, если, напримѣръ, въ Петербургѣ будетъ всего двѣ или три гимназіи съ обоими древними языками; между тѣмъ, важность этого факультета очевидна сама собою, и притомъ не въ одномъ научномъ отношеніи: этотъ факультетъ доставляетъ, какъ и прежде доставлялъ, отлично приготовленныхъ факультетомъ преподавателей важнѣйшихъ предметовъ не только гимназическаго курса, но и университетскаго.

Предоставленіе абитуриентамъ гимназій съ однимъ древнимъ языкомъ

комъ права поступать на историко-филологическій факультетъ не послужило, однако, примѣромъ для того, чтобы предоставить, на томъ же основаніи, абитуриентамъ реальныхъ училищъ, по выдержаніи дополнительнаго экзамена изъ латинскаго языка, такого же права поступать на физико-математическій факультетъ, къ которому они подготовлены больше и лучше абитуриентовъ классическихъ гимназій, а потому и могли бы успѣвать больше абитуриентовъ классическихъ гимназій, поступающихъ, притомъ, на физико-математическій факультетъ безъ дополнительнаго экзамена изъ естественныхъ наукъ и математики. Реалистамъ, правда, открытъ доступъ въ высшія техническія заведенія, но при этомъ не объяснено: имѣютъ ли они право поступать туда безъ приемаго экзамена, какъ поступаютъ изъ классическихъ гимназій въ университетъ?—впрочемъ, еслибы они и имѣли такое право, то, тѣмъ не менѣе, для тѣхъ изъ нихъ, которые желали бы посвятить себя чистой наукѣ, а не примѣненію ея къ практикѣ, преподаваніе на физико-математическомъ факультетѣ дало бы имъ больше удовлетворенія, нежели техническое. Вѣроятно, именно потому изъ германскихъ реальныхъ гимназій (у насъ называются реальными училищами) открытъ доступъ на физико-математическій факультетъ.

III.

„Помимо гимназій и реальныхъ училищъ“, а слѣдовательно, какъ бы параллельно съ ними, предполагается учредить совершенно новый типъ „средняго учебнаго заведенія съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ, при шестиклассномъ составѣ“; ихъ курсъ, такимъ образомъ, долженъ какъ бы замѣнить собою для многихъ курсъ гимназій; это будетъ, такъ сказать, сокращенный гимназическій курсъ. Такого типа училищъ не существовало до сихъ поръ у насъ, и мы не находимъ никакого подобнаго учебнаго заведенія и за границей, а потому затрудняемся пока понять ихъ настоящее значеніе. Ясно уже теперь одно, что положеніе такихъ училищъ является вполне изолированнымъ въ общей системѣ школъ; узнаемъ еще и то, что „окончаніе курса въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ даетъ право на службу въ губерніи“. Но въ этомъ отношеніи эти училища могутъ оказаться излишними, такъ какъ они будутъ отличаться отъ „городскихъ четырехклассныхъ училищъ“, по Положенію о нихъ 31 мая 1872 года, единственно тѣмъ, что къ четыремъ классамъ городского училища прибавляется еще два года ученія, а права ихъ и преимущества остаются тѣ же: абитуриенты четырехкласснаго училища пользуются та-

кимъ же, какъ и шестиклассные, „правомъ вступать въ гражданскую службу“ и „при производствѣ въ первый классный чинъ, они освобождаются отъ установленнаго для сего испытанія“ (39 статья Положенія о город. учил. 1872 г.; Свод. Закон., т. XI, ч. I, изд. 1893 г., ст. 3150). Мало этого: въ силу того же „Положенія“ (ст. 40; 1151 Св. Зак., т. XI), „ученики, успѣшно окончившіе полный курсъ ученія въ городскомъ училищѣ и желающіе впоследствии быть учителями городскихъ училищъ... по достиженіи ими шестнадцати лѣтъ (принимаются въ училище не моложе двѣнадцати лѣтъ, на четыре года) они поступаютъ въ первый классъ учительскаго института (сравнительно высшее учебное заведеніе), преимущественно передъ другими кандидатами“... Итакъ, городскія четырехклассныя училища,—училища народныя,—какъ видно, имѣютъ даже большое преимущество предъ шестиклассными средними учебными заведеніями: во-первыхъ, воспитанники ихъ поступаютъ на гражданскую службу, безъ ограниченія мѣста служенія губерніею, а слѣдовательно и въ столицѣ; а во-вторыхъ, и что гораздо важнѣе, четырехклассныя училища поставлены все-таки въ связь съ другими учебными заведеніями, каковы учительскіе институты, дающіе право службы въ „городскомъ училищѣ“—высшей народной школѣ. Такимъ образомъ, кромѣ права на канцелярскую службу, и то въ провинціи,—которое нужно пріобрѣсти цѣною шестилѣтняго ученія, довольно дорогого въ матеріальномъ отношеніи, сравнительно съ народнымъ училищемъ (20 р. въ годъ),—проектируемое нынѣ „среднее учебное заведеніе“ не дастъ своимъ абитуриентамъ ничего больше, и аттестатъ, выданный имъ, не открываетъ имъ никакого доступа въ болѣе высшее учебное заведеніе. Между тѣмъ, примѣняя къ нимъ то условіе, какое, мы видѣли, было допущено для гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ, на случай желанія ихъ абитуриентовъ поступить на историко-филологическій факультетъ, а именно, держать дополнительный экзамень,—быть можетъ, окажется возможнымъ ученому комитету составить программу этого средняго учебнаго заведенія, шестиклассныхъ гимназій, такимъ образомъ, чтобы ихъ абитуриенты, по выдержаніи дополнительнаго экзамена, могли поступать въ восьмиклассную гимназію на послѣдніе два года, когда обыкновенно сильно сокращается число учащихся, сравнительно съ числомъ поступившихъ въ младшій классъ. Тогда и шестиклассныя гимназіи въ провинціи могутъ сдѣлаться точно также полезны, и даже болѣе, нежели прогимназіи, въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ вовсе еще гимназій. Иначе же можно опасаться, что эти шестиклассныя гимназіи будутъ имѣть такую же незавидную участь, какую имѣли четырехклассныя: исполнилось тридцать лѣтъ со времени ихъ учрежденія, а и до сихъ поръ они не получили надлежащаго развитія. Да и вообще, много ли най-

дется отцовъ семействъ, которые рѣшатся, съ „легкимъ сердцемъ“, впередъ произнести жестокой приговоръ надъ десятилѣтнимъ сыномъ, лишаящій его права на высшее образованіе, и отдадутъ его въ шестиклассное среднее училище? Вотъ почему, мы полагаемъ, необходимо будетъ, рано или поздно,—и лучше раньше, чѣмъ позже,—вести эти „среднія учебныя заведенія“ въ общую систему „народнаго просвѣщенія“, связавъ ихъ съ учебными заведеніями, между которыми они занимаютъ средину. Это будетъ имѣть болѣе значенія для ихъ будущности, нежели „права на службу въ губерніи“, которыя, притомъ, какъ мы видѣли, можно получить и безъ нихъ, окончивъ курсъ ученія въ четырехклассномъ училищѣ, и притомъ безъ ограниченія службою въ провинціи.

Противъ этого можно было бы сдѣлать одно возраженіе: этой цѣли можно—скажутъ намъ—достигнуть другимъ, болѣе простымъ и вполне рациональнымъ способомъ, а именно—программу восьми-классныхъ гимназій выработать такъ, чтобы въ первыхъ пяти или шести классахъ было общее всѣмъ и законченное обученіе, а послѣдніе три класса оставались бы, какъ то практикуется и въ Германіи, исключительно для тѣхъ, которые ищутъ высшаго образованія. Это—вѣрно; но это значило бы—вести единство средней школы, чтó походило бы на уклоненіе отъ утвержденнаго плана, а потому осуществленіе такого единства средней школы дозволительно у насъ ожидать только отъ болѣе или менѣе отдаленнаго времени. Но, по нашему мнѣнію, не уклоняясь нисколько отъ плана, возможно, однако, путемъ внимательнаго и строго обдуманнаго составленія программъ для всѣхъ типовъ будущей средней школы, установить если не единство ея, то соглашеніе программъ среднихъ учебныхъ заведеній различныхъ типовъ, съ тѣмъ, чтобы облегчить переходъ изъ одного типа средней школы въ другой. Это подготовило бы въ скоромъ времени и установленіе единства средней школы ¹⁾.

¹⁾ На-дняхъ происходило весьма интересное засѣданіе въ прусской „палатѣ господъ“ (верхней), причемъ пренія коснулись и вопроса о единствѣ средней школы. Въ отчетѣ объ этомъ засѣданіи берлинскій корреспондентъ одной изъ здѣшнихъ газетъ („Новое Время“, 17-го апрѣля) сообщаетъ между прочимъ рѣчь извѣстнаго проф. Шмоллера и его заключительныя слова: „Когда дѣло идетъ о среднемъ образованіи для сотенъ тысячъ юношей, то руководствоваться лишь эстетическимъ впечатленіемъ (т.-е. классическимъ) невозможно; *единая* же, или реформенная школа (введенная нынѣ въ Пруссію) хороша именно тѣмъ, что до 15-ти-лѣтняго возраста она не предназначаетъ своему питомцу—быть или реалистомъ, или классикомъ“... Въ Германіи реалисты, впрочемъ, могутъ поступать нынѣ даже на юридическій факультетъ, не говоря уже о физико-математическомъ.—Замѣтимъ кстати, что у насъ, при обсужденіи вопроса о судьбѣ средней школы, не были затребованы мнѣнія тѣхъ, которые болѣе всего заинтересованы ея судьбой, такъ какъ средняя школа доставляетъ имъ весь матеріалъ,—это, именно, не отдѣльные профессора, а самые совѣты

IV.

Относительно средняго технического и профессиональнаго образованія, указано именно на необходимость дать ему „широкое развитіе“, такъ какъ оно „разсчитано на удовлетвореніе практическихъ потребностей жизни“; но это, конечно, не значить, чтобы общее образованіе, гуманитарное, не нуждалось въ такомъ же широкомъ развитіи, такъ какъ оно одно удовлетворяетъ уже не практическимъ, а высшимъ потребностямъ нашей духовной природы, и потому ничѣмъ не можетъ быть замѣнено—никакимъ приспособленіемъ человѣка къ удовлетворенію практическихъ, но преходящихъ потребностей физической жизни.

Далѣе, указывается еще на необходимость обратить особенное вниманіе на изысканіе способовъ къ поднятію религіозно-нравственнаго и вообще воспитательнаго воздѣйствія школъ всѣхъ типовъ на учащихся. Это, безъ сомнѣнія, составляло и до сихъ поръ постоянно главную задачу всякой школы; если же теперь, тѣмъ не менѣе, указывается на необходимость обратить особенное къ тому вниманіе, то это можетъ быть разсматриваемо, какъ признаніе слабости получаемыхъ до сихъ поръ результатовъ. Впрочемъ, отчасти это дѣло и не зависитъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ религіозное воздѣйствіе находится исключительно въ рукахъ духовенства, а потому, можетъ быть, необходимо было бы позаботиться также и о томъ, чтобы семинаріи и духовныя академіи могли готовить законоучителей, вполне способныхъ оказывать религіозное воздѣйствіе; мы отступили бы далеко отъ истины, если бы сказали, что въ этомъ отношеніи духовная школа у насъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Что же касается до преданности учащихся русской государственности и народности, то во всѣхъ странахъ, какъ и у насъ, дѣти съ этимъ рождаются; школа только укрѣпляетъ въ нихъ и то, и другое, лишь бы за стѣнами школы дѣйствительность не опровергала часто то доброе, законное и справедливое, чему учатъ въ школахъ,—а это-то обстоятельство именно и можетъ скорѣе всего распятывать въ учащемся вѣру и въ доброе, и въ законное, и въ справедливое.

М. Ст.

17 апрѣля 1903 г.

университетовъ. Впрочемъ, въ наше время, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, университеты были болѣе тѣсно связаны съ гимназіями: имъ принадлежало право по-вѣрки абитуриентовъ изъ гимназій, и профессоры приглашались присутствовать на выпускныхъ экзаменахъ воспитанниковъ гимназій и такимъ образомъ близко слѣдить за состояніемъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1903.

Кризисъ въ турецкихъ провинціяхъ.—Официальныя донесенія и телеграммы.—Убіиство русскаго консула въ Митровицѣ.—Политика великихъ державъ и вопросъ о турецкихъ реформахъ.—Туркофильскія мнѣнія въ нашей печати.—Багдадская желѣзная дорога и патріотическія заботы „Новаго Времени“.—Внутреннія дѣла во Франціи.

Въ послѣднее время дѣятельность дипломатіи на Балканскомъ полуостровѣ получила весьма опредѣленное направленіе, которое не можетъ быть названо иначе какъ туркофильскимъ. Традиціонная политика вѣнскаго кабинета стала вновь играть руководящую роль на Востокѣ, уже не только отъ имени Австро-Венгріи, но и отъ имени Россіи и Европы, благодаря австро-русскому соглашенію 1897 года. Примѣная къ современному турецкому кризису австрійскіе охранительныя принципы, дипломатія выдвинула на первый планъ заботу не о прекращеніи мусульманскихъ насилій въ Македоніи и Старой Сербіи, а объ удержаніи болгаръ и сербовъ отъ заступничества за угнетенныхъ христіанъ; въ интересахъ миролюбія производилось постоянное и энергическое давленіе не на Турцію, а на Болгарію; жестокія расправы и безчинства башибузуковъ гораздо менѣе волновали мѣстныхъ дипломатическихъ агентовъ, чѣмъ дѣйствія македонскихъ комитетовъ и организуемыхъ ими „революціонныхъ“ отрядовъ. Обѣщанія султана относительно реформъ, предложенныхъ державами, считаются достаточными для успокоенія его христіанскихъ подданныхъ; даже въ донесеніяхъ консуловъ замѣчается какой-то странный избытокъ довѣрія къ турецкимъ властямъ, рядомъ съ чрезмѣрною подозрительностью и враждебностью къ недовольнымъ христіанамъ. Даже наши дипломатическіе представители невольно, какъ будто, прониклись австрійскимъ духомъ, что особенно ясно выразилось въ нѣкоторыхъ консульскихъ сообщеніяхъ, опубликованныхъ недавно въ газетахъ. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 18 марта напечатана, между прочимъ, слѣдующая выписка изъ донесенія російскаго консула въ Битоли, отъ 12—24 февраля 1903 г.:

„Согласно полученнымъ отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Зиновьева указаніямъ, консульство въ Битоли официально извѣстило мѣстныхъ христіанъ, что Императорское Правительство строго осуждаетъ образъ дѣйствій комитетовъ и не будетъ оказывать защиты принявшимъ участіе въ беспорядкахъ. Такое же заявленіе было сдѣлано членамъ комитетовъ, которымъ предлагалось прекратить ихъ

преступную дѣятельность и не мѣшать дѣлу осуществленія предложенныхъ державами преобразованій.

„Заявленіе было встрѣчено руководителями революціоннаго движенія съ крайнимъ неудовольствіемъ, такъ какъ послѣдніе далеко не удовлетворены предложеннымъ державами проектомъ преобразованій и мечтаютъ о введеніи въ трехъ вилайетахъ автономіи, при коей они могли бы получить хорошо оплачиваемыя выдающіяся мѣста въ администраціи. На дняхъ комитеты прислали въ консульство уполномоченнаго, заявившаго, что они считаютъ невозможнымъ распустить банды до тѣхъ поръ, пока реформы дѣйствительно не будутъ введены и не окажутся цѣлесообразными.

„Въ видахъ поддержанія въ мѣстныхъ христіанахъ недовольства и побужденія ихъ попрежнему пополнять ряды бандъ, руководители комитетовъ всѣми силами стараются мѣшать распространенію среди населенія извѣстія о дарованной султаномъ амнистіи и о принимаемыхъ Портою мѣрахъ къ улучшенію быта христіанъ въ трехъ вилайетахъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность бандъ не прекращается. Между ними и преслѣдующими ихъ турецкими отрядами нерѣдко происходятъ кровопролитныя столкновенія. При преслѣдованіи повстанцевъ войскамъ часто оказываютъ содѣйствіе и шахибузуки, причемъ, однако, никакихъ насилій надъ мирными жителями въ послѣднее время турки не производятъ.

„Наряду съ усиленіемъ дѣятельности бандъ за послѣднее время снова участились политическія убійства, жертвами коихъ являются главнымъ образомъ сельскіе учителя и священники изъ сербовъ, отговаривающіе своихъ односельчанъ присоединяться къ бандамъ.

„За послѣднее время дѣятельность комитетовъ значительно усилилась. Фактъ этотъ совпалъ съ пріѣздомъ въ Битоли вновь назначеннаго управляющаго мѣстнымъ болгарскимъ торговымъ агентствомъ и вызвалъ неблагоприятный для Болгаріи слухъ о томъ, что княжество причастно дѣятельности комитетовъ, желая въ данномъ случаѣ доказать, что центръ революціоннаго движенія находится внѣ его предѣловъ.

„Турецкое правительство продолжаетъ дѣятельно осуществлять проектъ предложенныхъ державами преобразованій. Такъ, одновременно съ возвѣщенной недавно амнистіей, инспектору финансовъ Салоникскаго вилайета предписано составить проектъ бюджета для трехъ македонскихъ вилайетовъ.

„Значительную помощь дѣлу умиротворенія края оказываетъ назначенный недавно генералъ-губернаторомъ въ Битоли Али-Риза-паша, прилагающій всѣ усилія къ искорененію чинимыхъ служащими злоупотребленій“.

Въ этомъ донесеніи обращаютъ на себя вниманіе отдѣльныя мало понятныя замѣчанія и односторонніе намеки, съ которыми неудобно встрѣчаться въ официальномъ документѣ. Очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ членовъ македонскихъ комитетовъ мечтаютъ объ автономіи по корыстнымъ побужденіямъ, въ расчетѣ получить „хорошо оплачиваемыя мѣста“ въ будущей администраціи края; но есть ли

основаніе приписывать подобные мотивы всѣмъ руководителямъ и участникамъ движенія, — людямъ, которые во всякомъ случаѣ идутъ на неравную кровавую борьбу и несомнѣнно жертвуютъ собою въ той или другой формѣ? Комитеты едва ли заботятся также о томъ, чтобы въ населеніи не распространялись извѣстія о дарованныхъ султаномъ милостяхъ, народъ давно уже самъ знаетъ цѣну обѣщаніямъ турецкаго правительства и неспособенъ, конечно, раздѣлять надежду дипломатовъ на „принимаемаыя Портою мѣры къ улучшенію быта христіанъ въ трехъ вилайетахъ“. Въ донесеніи упоминается объ участіи *башибузуковъ* въ преслѣдованіи македонскихъ повстанцевъ, но при этомъ дѣлается неожиданная и мало вѣроятная оговорка, что „однако никакихъ насилій надъ мирными жителями въ послѣднее время турки не производятъ“. Вообще турецкія власти дѣйствуютъ, какъ будто, превосходно: правительство „продолжаетъ дѣятельно осуществлять проектъ предложенныхъ державами преобразованій“, а мѣстный генераль-губернаторъ „прилагаетъ всѣ усилія къ искорененію чинимыхъ служащими злоупотребленій“. Сообщая въ то же время объ усиленіи дѣятельности комитетовъ въ данномъ районѣ, авторъ донесенія прямо связываетъ этотъ фактъ съ „пріѣздомъ въ Битоли вновь назначеннаго управляющаго мѣстнымъ болгарскимъ торговымъ агентствомъ“: здѣсь обвиненіе въ преступной агитаціи возводится противъ точно опредѣленнаго лица, и этимъ ничѣмъ не мотивированнымъ и не провѣреннымъ указаніемъ могло бы воспользоваться (и вѣроятно уже воспользовалось) турецкое правительство для соответственныхъ практическихъ выводовъ и мѣропріятій. Само собою разумѣется, что снабжать подобнаго рода указаніями турецкую администрацію—повидимому, не дѣло дипломатическихъ агентовъ, и приведенное нами выше фактическое свѣдѣніе, быть можетъ, только совершенно случайно попало въ официальный документъ.

Критическое положеніе дѣлъ въ Македоніи, подъ вліяніемъ „революціонной агитаціи“ комитетовъ, весьма ясно характеризуется напечатанною затѣмъ выпискою изъ донесеній русскаго генеральнаго консула въ Солуни, отъ 1 марта 1903 года:

„За разыгравшимися минувшей осенью беспорядками послѣдоваль періодъ безшумной, но упорной работы революціонныхъ комитетовъ, всѣ усилія коихъ по прежнему направлены къ возбужденію поголовнаго возстанія. Призывая христіанъ къ завѣдомо неравной борьбѣ, комитеты надѣются вызвать вмѣшательство Европы въ свою пользу. „Настроеніе, господствующее какъ въ мѣстномъ мусульманскомъ мірѣ, такъ и среди христіанъ, крайне тревожно. Въ предвидѣніи возможныхъ осложненій, власти озабочены сооруженіемъ дорогъ и постройкою казармъ. Количество бандъ со дня на день возрастаетъ.

Во всемъ округѣ нѣтъ ни одного селенія, гдѣ не гнѣздилась бы чета повстанцевъ, находящихъ среди христіанъ частью вынужденныхъ, частью добровольныхъ укрывателей. Комитеты съ лихорадочной поспѣшностью готовятъ все необходимое для возстанія, вербуя въ свои ряды молодыхъ христіанъ, заготовляя обувь, одежду, разнаго рода запасы и перевозочныя средства.

„Что касается до программы возстанія, то въ нее входитъ главнымъ образомъ переселеніе четъ въ горы, увлеченіе туда жителей и нападеніе партизанскими отрядами на расположенныя въ разныхъ пунктахъ турецкія войска.

„Столкновенія бандъ съ турецкими войсками за послѣднее время замѣтно учащаются.

„Трудно допустить, чтобы революціонная агитація, пустившая въ теченіе многихъ лѣтъ глубокіе корни, сама распалась мирнымъ путемъ. Хотя и нѣтъ основаній ожидать всеобщаго возстанія, но не слѣдуетъ терять изъ виду возможность одновременныхъ вспышекъ мятежа въ разныхъ пунктахъ трехъ вилайетовъ“.

Такимъ же пессимизмомъ проникнута телеграмма російскаго консула въ Ускюбѣ, отъ 14 марта 1903 года, по поводу событій въ Старой Сербіи:

„Смута въ Коссовскомъ вилайетѣ не утихаетъ, а усиливается. Центромъ повстанческаго движенія, по всей вѣроятности, будетъ Иштибъ, Прильпъ и окрестности Кичева. Въ Кочанѣ и Иштибѣ много четъ, нѣрѣдко достигающихъ ста и болѣе человекъ, состоящихъ не изъ селянъ, а горожанъ и учителей. Предполагается взорвать динамитомъ казармы, артиллерійскій паркъ, конюшни въ Иштибѣ, гдѣ будетъ руководить офицеръ Ковачевъ, и прервать желѣзнодорожное и телеграфное сообщеніе. Ожидается много офицеровъ изъ Болгаріи. Селяковъ, подъ угрозой смерти, вынуждаютъ помогать бандамъ, давать деньги, заготовлять къ веснѣ провіантъ для четъ и принимать оружіе. Сообщеніе російскаго консульства о неодобреніи Императорскимъ правительствомъ дѣйствій комитетовъ и предоставленіи, въ случаѣ возстанія, участивовъ послѣдняго ихъ собственной участи тщательно скрывается комитетами отъ населенія. При этомъ комитеты стараются даже убѣдить мѣстныхъ жителей, что все дѣлается подъ покровительствомъ Россіи. Такъ, 11-го марта изъ села Соколарцы, находящагося близъ Кочанъ, въ російское консульство прибыла депутація, просившая сообщить, справедливо ли утвержденіе главарей, что движеніе возникло по призыванію Россіи, и заявившая, что въ такомъ случаѣ, несмотря на все ихъ несочувствіе комитетамъ, повергающимъ населеніе въ нищету и всякія злоключенія, они готовы идти, куда укажетъ Россія, и лишь просятъ дать убѣжище женщинамъ и дѣтямъ: фактъ этотъ служитъ нагляднымъ доказательствомъ искусственности настоящаго движенія, не опирающагося на массу населенія. Дабы обострить положеніе, комитеты подвергаютъ турокъ жестокимъ насиліямъ. Такъ, недавно въ Прильпѣ шайкой нѣкоего Георгія, только что амнистированнаго, былъ умерщвленъ мѣстный нотабль Сефеддинъ Бахтіаръ, у котораго были вырваны ногти, выколоты глаза и, наконецъ, отрублена голова. Въ тотъ же день нѣкто Дечо Трайко жестоко

замучил мѣстнаго богача Вессель-Абди, а его старуху-мать повѣсиль, надругавшись предварительно надъ нею. Комитеты всячески стараются вызвать общее озлобленіе мусульманъ и побудить ихъ къ поголовному избіенію христіанскаго населенія“.

Общее впечатлѣніе получается такое, какъ будто источникъ всѣхъ бѣдствій заключается не въ турецкомъ режимѣ, не въ господствѣ башибузуконъ надъ безправнымъ христіанскимъ населеніемъ, а въ зловредной агитаціи комитетовъ, упорно противодѣйствующихъ благимъ намѣреніямъ и предначертаніямъ турецкаго правительства. Комитеты ставятъ себѣ такія цѣли, которыхъ даже нельзя понять съ обыкновенной человѣческой точки зрѣнія: они „всячески стараются вызвать общее озлобленіе мусульманъ и побудить ихъ къ поголовному избіенію христіанскаго населенія“,—какъ сказано въ телеграммѣ изъ Ускюба. Комитеты состоятъ все-таки изъ христіанъ и основываютъ свою дѣятельность на интересахъ защиты христіанскаго населенія;—какъ же могутъ они желать „поголовнаго избіенія“ своихъ же соотечественниковъ и единовѣрцевъ, которымъ именно и стремятся помочь организаціей вооруженныхъ отрядовъ? Самые эти отряды, организуемые комитетамъ, не имѣли бы никакого значенія, еслибы не встрѣчали всеобщей поддержки и сочувствія въ массѣ туземныхъ поселянъ, всего менѣе занимающихся политикою.

Преувеличенныя заботы о спокойномъ поведеніи христіанъ и ихъ заступниковъ привели къ тому, что наиболѣе опасные элементы мусульманскаго населенія могли безпрепятственно собраться съ силами и начать систематическую войну противъ реформъ и улучшеній, навязанныхъ Портѣ великими державами. Внимательно наблюдая за маленькими болгарскими отрядами и ихъ комитетамъ, дипломатія совершенно упустила изъ виду мусульманскихъ фанатиковъ и въ частности албанцевъ, которые съ своей стороны рѣшились не допускать никакихъ льготъ въ пользу христіанъ и выступили въ защиту турецкаго патріотизма не маленькими „четами“, а цѣлыми, правильно вооруженными полчищами. Прискорбная односторонность, заставившая кабинеты не замѣчать открытыхъ угрозъ и приготовленій мусульманъ, имѣла крайне печальные результаты. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, отъ 20 марта, вслѣдъ за приведеннымъ сообщеніемъ изъ Ускюба, напечатаны слѣдующія краткія, но краснорѣчивыя извлеченія изъ телеграммъ російскаго консула въ Митровицѣ (Г. С. Щербины) отъ 13-го, 17 и 18-го марта:

„Албанцы, собравшись близъ города Вучетрына, потребовали удаленія заптѣвъ-христіанъ; не получивъ на это согласія властей, они 16-го марта вошли въ Вучетрынъ и подъ своею стражею отправили заптѣвъ-христіанъ въ Приштину. 17-го марта, они осадили Митровицу, но были отбиты и разбѣяны артиллерійскимъ огнемъ турецкихъ

войскъ. Убитыхъ и раненыхъ болѣе ста человекъ. Новыя толпы албанцевъ двигаются изъ Ипека и Ени-Базара“.

Послѣднія извѣстія были сообщены Г. С. Щербиною 18-го марта; тѣмъ же числомъ помѣчена телеграмма россійскаго консула въ Ускюбъ, сообщающая о покушеніи на жизнь г. Щербины:

„Нашъ консулъ въ Митровицѣ раненъ 18-го марта, въ 5^{1/2} час. вечера, при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

„Выйдя изъ дому въ сопровожденіи каваса и военнаго конвоя, г. Щербина былъ встрѣченъ солдатомъ-албанцемъ, Ибрагимомъ, который, дѣлая видъ, что кланяется, выстрѣлилъ въ него изъ маузеровскаго ружья и ранилъ въ лѣвый бокъ навзлетъ. Сдѣлавъ затѣмъ выстрѣлъ въ каваса, Ибрагимъ самъ былъ раненъ сопровождавшими г. Щербину солдатами. По словамъ Ибрагима, онъ выстрѣлилъ въ русскаго консула, желая отомстить за раненаго наванунъ своего родственника.

„Военный комендантъ Митровицы, Саидъ-бей, въ сопровожденіи докторовъ, тотчасъ же прибылъ на мѣсто происшествія и перенесъ г. Щербину въ консульство. Генеральный инспекторъ Хильми-паша и генераль-адъютантъ Нассиръ-паша немедленно выразили по телеграфу свои сожалѣнія. Затѣмъ, по приказанію Хильми-паши, лучший хирургъ вилайета Іаковъ-паша съ особеннымъ поѣздомъ выѣхалъ въ Митровицу.

„По словамъ докторовъ, г. Щербина внѣ опасности“.

Вопреки оптимистическому предсказанію, переданному въ приведенной депешѣ, Г. С. Щербина умеръ отъ раны;—онъ скончался 27 марта, возбудивъ общія сожалѣнія и симпатіи, въ которыхъ не могли ему отказать и турки. Насколько можно судить по имѣющимся свѣдѣніямъ, покойный консулъ былъ однимъ изъ немногихъ нашихъ дипломатическихъ дѣятелей, смотрѣвшихъ на балканскія событія не черезъ австрійскіе очки; онъ понималъ, что задача представителей великихъ державъ въ Турціи — ограждать мѣстное христіанское населеніе отъ избіеній и безчинствъ, а не только охранять турецкую власть отъ безпокоящей ее агитаціи болгарскихъ и иныхъ комитетовъ. Если христіанское населеніе Митровицы не подверглось разгрому со стороны осаждавшихъ городъ албанцевъ, то этимъ оно прежде всего обязано Г. С. Щербинѣ, который своимъ энергическимъ вмѣшательствомъ побудилъ турецкихъ начальниковъ оказать надлежащій военный отпоръ правовѣрнымъ повстанцамъ. Телеграммы Щербины о военныхъ дѣйствіяхъ албанцевъ внесли нѣкоторый диссонансъ въ общій тонъ туркофильскихъ донесеній, и внезапная смерть молодого дипломата (ему было всего 35 лѣтъ) отъ руки турецкаго солдата не была простой случайностью. Въ его лицѣ мусульманскіе фанатики устранили опаснаго врага, и, конечно, никто не повѣритъ голословнымъ утвержденіямъ, въ родѣ того, которое приводится и въ депешѣ нашего консула въ Ускюбъ,—что, будто бы, убійца желалъ

„отомстить за раненаго наканунѣ своего родственника“. Русскій консулъ въ Митровицѣ ни въ какомъ смыслѣ не могъ считаться отвѣтственнымъ за битву албанцевъ съ турецкими войсками при нападеніи на этотъ городъ; убитыхъ и раненыхъ было тогда болѣе ста человѣкъ, и если въ ихъ числѣ оказался родственникъ солдата, стрѣляшаго потомъ въ Щербину, то это обстоятельство не имѣло, очевидно, никакой связи съ истинными мотивами покушенія. Убійство нашего консула было серьезнымъ политическимъ событіемъ, и поспѣшныя попытки умалить его значеніе были вполне излишни, такъ какъ безусловное миролюбіе Россіи не нуждалось и не нуждается въ доказательствахъ. Но миролюбіе нашей дипломатіи не исключаетъ отвѣтственности Турціи за гибель русскаго представителя, убитаго турецкимъ солдатомъ, и простое „сожалѣніе“, выраженное по телеграфу генеральнымъ инспекторомъ Хильми-пашою и даже самимъ султаномъ, едва ли могло быть признано достаточнымъ въ данномъ случаѣ. Печальная судьба Г. С. Щербины свидѣтельствуетъ о господствующемъ нынѣ настроеніи турецкаго мусульманства, поощряемаго туркофильскою политикою великихъ державъ, и выясняетъ въ то же время неспособность или нежеланіе турецкихъ властей оградить личную безопасность иностранныхъ представителей въ предѣлахъ Турціи. Тѣмъ не менѣе Россія, по свойственной ей скромности во внѣшнихъ дѣлахъ, выказала великодушіе относительно Порты и избавила ее отъ затрудненій, которыя неизбѣжно обрушились бы на нее при другихъ условіяхъ. Совершившемуся въ Митровицѣ грустному факту рѣшено не придавать политическаго значенія, и убійство русскаго консула не повлечетъ за собою никакихъ неприятныхъ послѣдствій для Турціи. Оцѣнить ли правительство султана эту сдержанность Россіи и не усмотритъ ли въ ней поощренія для своихъ преданныхъ слугъ, усердно охраняющихъ завѣты турецкаго патриотизма,—это другой вопросъ, на который трудно было бы дать опредѣленный отвѣтъ.

Опытъ прошлаго не позволяетъ поддерживать обычныя дипломатическія иллюзіи относительно возможныхъ внутреннихъ реформъ въ Оттоманской имперіи. Пока турки останутся господами и распорядителями въ областяхъ съ иновѣрнымъ населеніемъ, до тѣхъ поръ нельзя ожидать существенныхъ перемѣнъ въ положеніи и бытѣ странъ, подвластныхъ Высокой Портѣ. Если предположить, что сами правители Турціи пожелають реформировать себя и ввести новые культурные порядки, болѣе благопріятные для христіанскихъ подданныхъ султана, то противъ такихъ нововведеній возстанутъ представители и защитники мусульманскихъ традицій, и на сторонѣ этой оппозиціи будутъ

всѣ правовѣрные турки, въ томъ числѣ и башибузуки всякаго рода и происхожденія. Въ настоящее же время не турецкіе министры придумали для себя программу реформъ, а имъ предложили ее въ готовомъ видѣ могущественные иностранные кабинеты, привыкшіе сопровождать свои пожеланія настойчивыми требованіями, которыя иногда похожи на скрытыя угрозы; поэтому Порта не можетъ серьезно стремиться къ осуществленію проектовъ, принятыхъ ею противъ воли, и она будетъ неизбежно сочувствовать попыткамъ противодѣйствія, исходящимъ отъ турецкихъ патриотовъ или даже отъ такихъ непокорныхъ союзниковъ, какъ албанцы. Можно смотрѣть на балканскій кризисъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, но одно только несомнѣнно: изъ этого хроническаго мучительнаго кризиса нѣтъ другого разумнаго выхода, кромѣ автономіи отдѣльныхъ турецкихъ провинцій подъ контролемъ и покровительствомъ великихъ европейскихъ державъ. Вотъ почему и о македонской автономіи мечтаютъ не только люди, рассчитывающіе занять выгодныя должности въ будущей областной администраціи, какъ удостовѣряетъ одно изъ приведенныхъ выше консульскихъ донесеній,—но и всѣ искренніе сторонники прочнаго мира и порядка на Балканскомъ полуостровѣ. Подобное рѣшеніе вопроса соотвѣтствовало бы также интересамъ самой Турціи и ея правительства.

Впрочемъ, широкія рациональныя рѣшенія—не по силамъ современной европейской дипломатіи, и быть можетъ даже бесполезно говорить о нихъ, при установившемся равнодушіи передовыхъ культурныхъ націй къ судьбѣ чужихъ народностей, бѣдствующихъ гдѣ-то въ далекихъ турецкихъ владѣніяхъ. Послѣ горькихъ разочарованій, испытанныхъ нами въ послѣдней турецкой войнѣ и въ позднѣйшую эпоху, восточный вопросъ утратилъ для насъ значительную долю своего интереса, и мы вполне основательно отказались отъ роли непомѣрно щедрыхъ благодѣтелей и опекуновъ балканскихъ христіанъ, которые въ сущности въ матеріальномъ отношеніи находятся не въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ масса нашего собственнаго крестьянства. Но внѣшняя политика существуетъ; она имѣетъ свои дорого оплачиваемые органы и свои законные способы дѣйствія, и естественно поэтому желать, чтобы по крайней мѣрѣ дипломатія пользовалась всѣми зависящими отъ нея средствами для возможнаго практическаго достиженія разумныхъ и справедливыхъ цѣлей, соотвѣтствующихъ русскимъ интересамъ въ области восточно-турецкой проблемы. Между тѣмъ нѣкоторая часть нашей печати идетъ гораздо дальше простого миролюбія и обнаруживаетъ полный индифферентизмъ къ балканскимъ дѣламъ и событіямъ, а иногда впадаетъ даже въ туркофильство, которое почти исчезло въ западно-европейской журналистикѣ; любопытнѣе всего, что на этотъ туркофильскій путь вступила газета, основанная

свой первоначальный успѣхъ на общественномъ движеніи въ пользу турецкихъ славянъ, и нынѣшнее „Новое Время“ находитъ уже нужнымъ возставать противъ неумѣренныхъ, будто бы, симпатій французской прессы къ бѣдствующему населенію Македоніи и Старой Сербіи. Такъ мѣняются времена и обстоятельства! Западно-европейская печать идетъ теперь впереди русской даже въ излюбленной нашими „патріотами“ сферѣ славянскихъ и турецкихъ интересовъ;—это фактъ характерный и поучительный.

Оставляя почти безъ вниманія близкія намъ по разнымъ причинамъ политическія дѣла Балканскаго полуострова, наши газетные націоналисты усердно занимаются почему-то весьма отдаленными и даже вполне посторонними для насъ международными вопросами и комбинаціями, въ родѣ вопроса о багдадской желѣзной дорогѣ. „Новое Время“ давно уже волнуется по поводу предполагаемаго нѣмцами-сооруженія желѣзнодорожной линіи, имѣющей прорѣзывать всю Малую Азію и соединить Босфоръ съ Персидскимъ заливомъ. Въ чемъ причина этого волненія—неизвѣстно.

Концессія на постройку новой дороги дана германской компаніи анатолийскихъ желѣзныхъ дорогъ, согласно конвенціи, подписанной въ Константинополь 5 марта текущаго года. Проектированная линія должна пройти на очень далекомъ разстояніи отъ возможной сферы русскаго вліянія въ Малой Азіи, такъ какъ организаторы дѣла желали заранѣе оградить свое предпріятіе отъ будущихъ притязаній, нареканій и споровъ. Проектъ въ томъ видѣ, какъ онъ утверждёнъ Портою, угрожаетъ интересамъ британской торговли и представляетъ нѣкоторую опасность для иностранныхъ кредиторовъ Турціи, но нисколько не затрагиваетъ интересовъ Россіи. Турція беретъ на себя тяжелыя финансовыя обязательства, обеспечивая доходность дороги крупными ежегодными приплатами, которыя должны составить въ лучшемъ случаѣ около полутора милліона фунтовъ стерлинговъ въ годъ; средства для этихъ приплатъ могутъ быть доставляемы только таможеннымъ доходомъ, путемъ значительнаго повышенія пошлинъ на иноземные товары, ввозимые въ страну; но пошлины служатъ уже гарантіею исправнаго платежа процентовъ по внѣшнимъ государственнымъ займамъ и не могутъ быть назначаемы для другихъ цѣлей безъ предварительнаго разрѣшенія заинтересованныхъ державъ и прежде всего Англій; повышеніе же ввозныхъ пошлинъ причинило бы огромный ущербъ англійскимъ коммерсантамъ, снабжающимъ своими товарами Малую Азію и Турцію. Сверхъ того, вся желѣзнодорожная организація остается по проекту въ нѣмецкихъ рукахъ, хотя англичанамъ и французамъ предоставлено извѣстное число мѣстъ въ составѣ прав-

ленія и въ администраціи. На сооруженіе дороги потребуется отъ 32 до 36 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, т.-е. болѣе трехсотъ милліоновъ рублей; предполагалось, что значительнѣйшая часть этого огромнаго капитала будетъ собрана во Франціи и въ Англіи. Лондонскій кабинетъ относился на первыхъ порахъ сочувственно къ задуманному предпріятію, имѣя въ виду потребовать лишь измѣненія нѣкоторыхъ его условій; однако въ печати и въ парламентѣ проектъ подвергся жестокимъ нападкамъ, причемъ наиболѣе энергическимъ противникомъ его выступилъ членъ палаты общинъ, Гибсонъ Боульсъ. Раздраженіе вызывалось не только явнымъ желаніемъ нѣмцевъ замѣнить англичанъ въ промышленной эксплуатаціи богатыхъ мало-азіатскихъ земель, но и косвенными политическими замыслами, усмотрѣнными въ попыткѣ добраться до Персидскаго залива; а въ этомъ заливѣ Англія думаетъ утвердиться сама, въ виду близости его къ Индіи. Послѣ того какъ въ „Times“ былъ напечатанъ текстъ конвенціи о багдадской дорогѣ, подтвердившій сдѣланныя ранѣе разоблаченія, вопросъ считался окончательно рѣшеннымъ: общественное мнѣніе единодушно высказалось противъ какого бы то ни было британскаго участія въ германскомъ проектѣ. Глава кабинета, Бальфуръ, первоначально отзывавшійся о предпріятіи, какъ о международномъ промышленно-культурномъ дѣлѣ, къ которому желательно привлечь англійскіе капиталы,—долженъ былъ публично сознаться въ ошибкахъ и отречься отъ своего прежняго взгляда. Правительство официально заявило въ парламентѣ, что оно несогласно оказывать поддержку сооруженію багдадской дороги на предположенныхъ основаніяхъ, и общественное мнѣніе въ Англіи успокоилось. Правительство готово было сдѣлать ложный шагъ подъ вліяніемъ одностороннихъ свѣдѣній, доставленныхъ заинтересованными лицами, или подъ вліяніемъ дружественныхъ и придворныхъ связей съ императоромъ Вильгельмомъ II; но общественное мнѣніе бодрствуетъ въ Англіи и своевременно раскрываетъ всякій недосмотръ или промахъ, допущенный министрами, предупреждая и устраняя его невыгодныя практическія послѣдствія. Такъ случилось и съ вопросомъ о багдадской дорогѣ, и въ этомъ нѣтъ, казалось бы, ничего особеннаго, съ общепринятой точки зрѣнія.

Однако, „Новое Время“ тоже о чемъ-то усиленно хлопотало по поводу багдадской дороги, указывало на необыкновенный эффектъ своихъ статей въ Англіи и намекало на важную роль этихъ статей въ отклоненіи проекта со стороны англичанъ; газета увѣряла даже, что въ ряду мотивовъ принятаго въ Лондонѣ рѣшенія видное и чуть ли не первое мѣсто занимаетъ мысль о возможномъ неудовольствіи Россіи. Англичане, будто бы, всего больше боятся сдѣлать намъ что-нибудь непріятное; они чрезвычайно дорожатъ нашимъ расположеніемъ и готовы ради этого постоянно ссориться съ Германією; они и отказа-

лись отъ участія въ багдадской дорогѣ главнымъ образомъ потому, что знали о неодобреніи этой дороги Россією, а знать это они могли единственно лишь изъ статей „Новаго Времени“; слѣдовательно, „Новое Время“ можетъ прямо или косвенно дѣйствовать на политику чужихъ могущественныхъ державъ, хотя въ отечествѣ оно скромно молчитъ о многомъ существенномъ и интересномъ. Кого думаетъ увѣрить газета, что англичане были серьезно озабочены предполагаемыми мнѣніями Россіи, высказанными въ „Новомъ Времени“, относительно багдадской дороги? Чтò намъ и Россіи эта мало-азіатская желѣзнодорожная линія? Она ничего у насъ не отниметъ ни въ торговомъ, ни въ политическомъ отношеніи; а еслибы и отнимала что-нибудь, то мы никакъ не могли бы помѣшать ея постройкѣ, и наши хлопоты объ этомъ были бы совершенно безцѣльны. Неужели въ самомъ дѣлѣ у насъ нѣтъ болѣе близкихъ и болѣе крупныхъ промышленно-политическихъ вопросовъ, чѣмъ багдадская дорога? Если ужъ толковать объ опасности нѣмецкихъ промышленныхъ захватовъ въ непринадлежащей намъ Малой Азіи, то не слѣдуетъ ли предварительно вспомнить о фактическомъ преобладаніи нѣмецкой промышленности и нѣмецкаго землевладѣнія во многихъ мѣстностяхъ нашего собственнаго отечества? Не смѣшно ли намъ задаваться соперничествомъ съ Германією и Англією въ чужихъ краяхъ, когда мы бессильны соперничать съ ними у себя дома? Наконецъ, съ какихъ поръ и почему Малая Азія представляетъ для насъ болѣе значительный интересъ, чѣмъ Балканскій полуостровъ, которымъ фактически постепенно завладѣваетъ Австро-Венгрія? Національный патріотизмъ имѣетъ и долженъ имѣть свою реальную почву,—но жизненный смыслъ его остается чуждымъ именно тѣмъ нашимъ публицистамъ, которые наибольше говорятъ о своемъ націонализмѣ и патріотизмѣ.

Во Франціи повидимому окончилась борьба съ духовными конгрегациями,—если можно называть борьбою простое одностороннее упраздненіе, при отсутствіи или фиктивности противодѣйствія. Правительство и парламентъ поступили довольно безцеремонно съ закономъ 1901 года: всѣ его сложныя правила о способахъ разсмотрѣнія ходатайствъ отдѣльныхъ монашескихъ институтовъ, домогающихся легальнаго признанія, оказались мертвою буквою, и самыя ходатайства вовсе не разсматривались палатою, рѣшавшею ихъ судьбу. Мужскія конгрегации, представившія свои заявленія и документы, были распределены на три группы, и каждая изъ этихъ группъ поочередно объявлялась лишеною права на дальнѣйшее существованіе; сначала происходило голосованіе о 25 учебныхъ или образовательныхъ конгрегацияхъ, затѣмъ о 28 проповѣдническихъ, и наконецъ о монашескомъ орденѣ Шартрѣзъ, знаменитомъ не столько религіозными заслугами

своихъ представителей, сколько производствомъ общеизвѣстнаго въ мѣрѣ ликёра. Большинство палаты уничтожило всѣ эти духовные союзы гуртомъ, тремя послѣдовательными голосованіями, не вдаваясь въ разборъ ихъ правъ, заслугъ, достоинствъ или недостатковъ.

Такой сокращенный способъ примѣненія недавно изданнаго закона былъ бы, конечно, невозможенъ, еслибы примѣненіе было представлено суду, а не той же палатѣ, которая выработала самый законъ. Французская палата депутатовъ не считаетъ себя связанною своими собственными законодательными постановленіями, такъ какъ въ каждое данное время она фактически можетъ ихъ измѣнить или отмѣнить; поэтому возлагать на палату исполненіе закона, имѣющаго бесспорную политическую тенденцію, было крупною ошибкою или сознательнымъ коварствомъ со стороны республиканской партіи. Когда законодательное собраніе присвоиваетъ себѣ исполнительныя или судебныя функціи, то въ результатѣ получается такой же произволъ, какъ и при совмѣщеніи законодательныхъ или судебныхъ полномочій съ административными. Каждая страна имѣетъ свои особыя формы произвола или безправія: въ однихъ государствахъ администрація ставитъ себя выше законовъ и судебныхъ учреждений; въ другихъ—законодательная власть поглощаетъ собою исполнительную; въ третьихъ—какъ, на примѣръ, въ Турціи,—нѣтъ никакой прочной организаціи властей, и все зависитъ отъ произвольнаго усмотрѣнія правителей, ничѣмъ не стѣсненныхъ и не контролируемыхъ. Только тамъ, гдѣ исполненіе законовъ зависитъ не отъ законодателей и не отъ администраціи, а отъ самостоятельнаго суда, и гдѣ суду принадлежитъ высшій контроль и надзоръ за правильнымъ истолкованіемъ и соблюденіемъ законовъ,—официальный произволъ теряетъ почву или становится невозможнымъ. Во Франціи администрація подчиняется политикѣ, а политика создается въ палатѣ депутатовъ, которая устанавливаетъ законы и руководитъ ихъ исполнителями; гарантіи—если не законности, то добросовѣстности и отсутствія преднамѣреннаго произвола,—закljučаются тамъ только въ неограниченной публичности и свободѣ обсуждения. Французы утѣшаются тѣмъ, что палата дѣйствуетъ и распоряжается на глазахъ всѣхъ, что она имѣетъ всѣ полномочія и можетъ въ случаѣ надобности свергнуть министровъ, которыхъ только-что возвеличила; но нѣтъ сознанія твердой законности, если творцы законовъ суть въ то же время ихъ истолкователи и исполнители.

Передовые французскіе республиканцы увѣрены, что ведутъ успѣшную борьбу съ клерикализмомъ и одерживаютъ надъ нимъ важныя побѣды при помощи крутыхъ правительственныхъ мѣръ и радикальныхъ парламентскихъ голосованій. Но религиозныя чувства и традиціи народной массы, особенно сельской, не слабѣютъ, а крѣпнутъ подъ вліяніемъ преслѣдованій, хотя бы только кажущихся; насильственные

изгнанія монаховъ и монахинь обрुжили ихъ ореоломъ и создали имъ популярность, которой давно у нихъ не было. Духовенство обновило и усилило свой авторитетъ, выступивъ въ защиту свободы вѣры и совѣсти, свободы обученія и преподаванія; клерикальная печать получила благодарнѣйшій матеріалъ для нападеній на „безбожное якобинство“ и значительно расширила кругъ своихъ обычныхъ читателей. Женская половина французскаго общества по прежнему покорно слѣдуетъ внушеніямъ патеровъ, и привязанность къ католической церкви сохраняетъ полную силу въ наиболѣе вліятельныхъ классахъ населенія. Можно сказать, что клерикализмъ возродился и ожилъ во Франціи съ тѣхъ поръ, какъ правительство и парламентъ объявили войну клерикаламъ.

Рядомъ съ преслѣдованіемъ монашества и съ обсужденіемъ текущихъ политическихъ дѣлъ, палата депутатовъ иногда развлекается возвышеннымъ или горячимъ краснорѣчіемъ по вопросамъ общаго характера, и эти содержательные или поучительные эпизоды отчасти вознаграждаютъ публику за скучныя дѣловые пренія заурядныхъ парламентскихъ дней. Въ засѣданіяхъ 6 и 7 апрѣля (нов. ст.) говорилъ Жордесъ, лучший теперь ораторъ Франціи,— и говорилъ о самыхъ щекотливыхъ предметахъ, какихъ никто другой не могъ бы вовсе касаться; онъ говорилъ о дѣлѣ Дрейфуса и о сложномъ рядѣ фактовъ и явленій, прямо или косвенно связанныхъ съ этимъ дѣломъ. Поводомъ къ новымъ преніямъ о злоупотребномъ старомъ процессѣ послужилъ вопросъ о законности избранія въ депутаты націоналиста Сиветона, который въ своихъ избирательныхъ афишахъ и рѣчахъ называлъ министерство Вальдека-Руссо правительствомъ измѣнниковъ и ссылаясь на мнимую секретную записку императора Вильгельма II о „канальѣ Дрейфусѣ“. Жордесъ вновь освѣтилъ печальную роль націоналистовъ въ той системѣ лжи, клеветы и подлоговъ, которою удалось опутать и затемнить чисто-судебное дѣло; онъ уличилъ бывшаго тогда военнымъ министромъ депутата Годафруа Кавеньяка въ сокрытіи важнаго письма генерала Пельё отъ главы кабинета Бриссона, чѣмъ вызвалъ бурную сцену въ палатѣ; наконецъ, онъ подробно разобралъ происхожденіе нелѣпой легенды о письмѣ германскаго императора и выставилъ все ничтожество средствъ, которыми искусственно волновалось общественное мнѣніе Франціи въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Внѣшній успѣхъ рѣчи Жордеса не подлежалъ никакому сомнѣнію, но попытка возобновить разслѣдованіе по дѣлу Дрейфуса не имѣла успѣха; за то выборы Сиветона были кассированы палатою, которая такимъ образомъ формально осудила агитацію націоналистовъ по поводу мнимыхъ закулисныхъ сторонъ реннского процесса.

НА ДАЛЬНОМЪ ВОСТОКѢ.

Письмо изъ Пекина.

I.

Завѣса, которая цѣлыя столѣтія скрывала Дальній Востокъ отъ взоровъ Европы, нынѣ рукою всевластнаго времени поднята высоко, и на отрывшейся сценѣ появились дѣйствующими лицами сами европейскіе народы. Разыгрываемая „комедія всемірной исторіи“ является наиболѣе интересной въ Китаѣ, который еще не приспособился, подобно Японіи, къ пониманію европейскаго искусства, почему и представляетъ въ игрѣ своихъ выдающихся дѣятелей много самобытныхъ чертъ.

Японія давно открыла свои двери для европейцевъ и въ теченіе сорока послѣднихъ лѣтъ сужѣла понятъ видимое содержаніе и требованія европейской цивилизаціи. Оставаясь до самаго мозга костей при своемъ національномъ японскомъ самосознаніи, Японія наружно усвоила всѣ приемы европейской культуры, которая была ей не только полезна, но необходима въ предстоявшей борьбѣ съ европейскими же державами за первенствующую роль на Дальнемъ Востокѣ.

Китай не былъ предусмотрителенъ подобно Японіи; онъ вель слишкомъ долго свою замкнутую и самодовольную жизнь, нисколько не интересуясь жизнью заморской Европы, которая, вторгаясь въ его предѣлы, показывала главнымъ образомъ лишь непривлекательныя стороны своей культуры. Китай откупался отъ этой культуры деньгами и расплачивался рѣками пролитой крови, если начиналъ силой противодѣйствовать пионерамъ-европейцамъ, приходившимъ просвѣщать его и будить отъ вѣкового сна.

Въ настоящее время Китай все еще продолжаетъ быть загадкой въ отношеніи ближайшаго будущаго, которое надвигается на него грозной, неминуемой тучей. Какъ встрѣтить эту европейскую тучу и чѣмъ отвѣтить ей громадные по пространству и густо населенныя 19 провинцій, несомнѣнно тѣсно сплоченныя между собою еще непонятною для европейцевъ связью? Какая это связь, какъ прочно скованы ея цѣпи, какой силы чужеземный напоръ могутъ онѣ выдержать? Определенно отвѣтить на эти вопросы невозможно. Можно только сказать, что, наблюдая китайскій народъ, не видишь того па-

тріотизма, который, какъ могучая стихійная сила охватываетъ другіе народы въ години переживаемыхъ бѣдствій. Но, можетъ быть, еще не пришло время для проявленія этой стихійной силы у китайскаго народа. Когда время придетъ, тогда китайскій народъ, можетъ быть, проявитъ такую мощь патріотизма, передъ которымъ, пожалуй, не устоятъ европейская сила и натискъ.

Въ настоящее время можно говорить, что отдѣльныя группы китайскаго народа живутъ каждая отдѣльной своей жизнью, нисколько не интересуясь направлениемъ общенародной жизни. Устои народной жизни на всемъ пространствѣ страны остаются пока все одни и тѣ же: господство старины и патріархальный бытъ, господство ученыхъ, живущихъ преданіями своихъ отжившихъ мыслителей, а не дѣйствительностью живого знанія и пониманія современности, ея задачъ и потребностей, указываемыхъ наукой. Живое знаніе, живая мысль не создали въ самомъ Китаѣ живой науки, а принесенныя изъ-за моря европейцами оказались изнанкой, извращениемъ живой мысли, познаниемъ зла. Эти дары европейцевъ, накопляясь изъ году въ годъ, создали въ концѣ концовъ боксерскій 1900-й годъ. Но боксерское движеніе не доразвилось до общаго народнаго движенія; оно вышло отъ отдѣльныхъ лицъ, взбаламутило народную жизнь и оставило серьезныя смуты въ трехъ провинціяхъ Китая: Сычуани, Гуан-си и Гуандунъ. Но насколько велико вліяніе боксерскаго года на эти смуты, сказать трудно, такъ какъ въ этихъ провинціяхъ смуты были постоянно и прежде, доходя до жестокихъ возстаній, каково, напр., бывшее движеніе тай-пинговъ.

Въ складѣ жизни китайскаго народа, въ устояхъ, на которыхъ она прочно покоится, есть условія для европейцевъ, отчасти непонятныя, а отчасти неизвѣстныя, неиспытанныя, создавшія такую своеобразную народную физиономію.

Къ числу этихъ особыхъ условий прежде всего относятся отсутствіе родового дворянства, отсутствіе родовой аристократіи и общій демократизмъ жизни. При существованіи всѣхъ этихъ и многихъ другихъ условий, когда я мысленно смотрю на современный Китай, наблюдаю современную дѣятельность его правительства и проявленія общественной жизни, то невольно сравниваю эту страну съ человекомъ, котораго только-что насильно разбудили отъ тяжелаго, крѣпкаго и продолжительнаго сна.

Съ трудомъ поднимаетъ онъ свои вѣки, не отдаетъ еще яснаго себѣ отчета о происходящемъ вокругъ и силится снова уснуть. Но спать ему не даютъ, и мало-по-малу мысли у него просвѣтляются, глаза широко раскрываются и онъ ясно начинаетъ различать окру-

жающіе предметы, начинаетъ осматриваться и понимать, что многое было у него неудобно, неладно, и это многое необходимо исправить.

Боксерскій 1900-й годъ несомнѣнно заставилъ окончательно проснуться Китай; этотъ годъ встряхнулъ сильно и китайское правительство, и китайское общество. Китайское правительство, расклебывая ту кашу, которую заварили боксеры, поняло прежде всего, что оно должно найти себѣ покровителей и друзей среди европейскихъ державъ, что своими единичными силами правительство расклебать этой каши не можетъ. Здравый смыслъ китайскаго народа и многовѣковая наблюдательность сразу указали правительству покровителей въ лицѣ американцевъ, а друзей—въ лицѣ японцевъ. Американцы, чуждые политики приключеній съ насильственнымъ отчужденіемъ въ свою пользу земельныхъ участковъ, поставили лишь одно условіе китайскому правительству—открытыя двери, и эту политику открытыхъ дверей американцы проводили упорно и оказали не мало услугъ китайскому народу. Японцы, которые первые дали сильный толчокъ спящему великану, заставивъ его очнуться, но не сумѣвъ окончательно разбудить войной 1894 года, поняли свою политическую ошибку и въ настоящее время искренно ее исправляютъ. Самымъ сильнымъ вліяніемъ на Китай пользуются японцы. Во всѣхъ отрасляхъ обновляемой китайской жизни японцы стали во главѣ: обученіе и организація военныхъ китайскихъ силъ находятся въ рукахъ японцевъ; высшее образованіе военное и специальное китайское юношество получаетъ въ Японіи; промышленность японская проникаетъ повсюду. Но не только китайское правительство прониклось необходимостью реформы,—само китайское общество, относившееся до сего времени совершенно безучастно къ политической жизни государства, проникается самосознаніемъ, становится сплоченнымъ въ борьбѣ съ европейцами, хотя первые шаги въ этой борьбѣ не настолько крѣпки, чтобы общество могло отстоять, не подчиняясь, свои предъявляемыя національныя права.

Только-что закончившееся наружно столкновеніе китайцевъ съ англичанами изъ-за поднятаго на тонгшанскихъ каменноугольныхъ копяхъ китайскаго флага съ дракономъ представляетъ собою первый примѣръ открытаго протеста со стороны китайцевъ и требованія признанія своихъ національныхъ правъ. Столкновеніе хотя и окончилось тѣмъ, что китайцы уступили англичанамъ, тѣмъ не менѣе эта первая попытка была въ высшей степени интересна и поучительна. Въ Тонгшанѣ, вблизи Тяньцзина, находятся богатыя каменноугольныя копи, разработка которыхъ впервые начата была лѣтъ 25 тому назадъ. Тогда было учреждено первое въ Китаѣ акціонерное англо-китайское общество, и въ числѣ учредителей этого общества былъ и по-

войный Ли-хун-чангъ. Это общество до боксерскаго года мирно и согласно вело свои дѣла. Боксерскій годъ нарушилъ правильную работу въ кайпинскихъ и тонгшансенхъ кояхъ, а послѣдующій захватъ этихъ копей европейскими иностранными войсками окончательно привелъ въ разстройство дѣла англо-китайскаго общества. Чтобы возстановить дѣятельность и работы въ кояхъ, признано было необходимымъ привлечь новыхъ членовъ капиталистовъ, для каковой цѣли уполномоченныя общества вошли въ переговоры съ одной горно-промышленной компаніей въ Англии, которая въ сообществѣ съ бельгійскими компаніонами вступила въ дѣло англо-китайской компаніи.

Каменноугольныя копи были возвращены акціонерной компаніи иностранными представителями вмѣстѣ съ возвратомъ желѣзныхъ дорогъ въ юнѣ истекшаго года. Вступившая въ дѣло новая компанія прислала своихъ уполномоченныхъ, которые стали совершенно игнорировать старое управленіе коями и захватили все дѣло въ свои руки. Правленіе дѣлами акціонерной компаніи было перенесено въ Лондонъ, а мѣстное правленіе въ Тяньцзинѣ уничтожено безъ согласенія съ мѣстными акціонерами. Между тѣмъ какъ акціонеровъ-китайцевъ въ этомъ предпріятіи до тридцати человекъ, а общее число акціонеровъ — около двухъ-сотъ человекъ. Капиталь китайцевъ-акціонеровъ составляетъ болѣе трети общаго капитала всѣхъ членовъ.

Начавшіяся недоразумѣнія и пререканія между новыми представителями, желавшими исключительно овладѣть дѣлами компаніи и старыми членами-акціонерами, и привели къ разыгравшемуся довольно характерному инциденту.

Въ день рожденія китайской императрицы, 9 ноября, представитель китайскаго правленія коями въ Тонгшанѣ, Янг-шанг-чинъ, распорядился поднять надъ главной шахтой китайскій флагъ съ дракономъ, чего ранѣе не дѣлалось. Былъ поднятъ также и англійскій флагъ, и оба флага въ этотъ день мирно развѣвались. На другой день, однако, китайскій флагъ не былъ спущенъ и по прежнему развѣвался надъ главной шахтой. Главный инженеръ, бельгіецъ г. Маметь, не преминулъ усмотрѣть въ этомъ посягательство на права англичанъ и потребовалъ отъ Янг-шанг-чина, чтобы китайскій флагъ былъ немедленно спущенъ, а когда тотъ отказалъ исполнить требованіе инженера, то г. Маметь разослалъ телеграммы въ Тяньцзинъ къ властямъ и къ англійскому посланнику въ Пекинъ, прося вмѣшательства. Свое требованіе г. Маметь объяснялъ тѣмъ, что каменноугольныя копи составляютъ юридически собственность англійской компаніи и находятся подъ покровительствомъ англійскаго правительства, что правленіе находится въ Лондонѣ, слѣдовательно и флагъ можетъ быть поднимаемъ только англійскій, но не китайскій. Въ свою очередь Янг-шанг-чинъ защи-

щаль право китайскаго флага развѣваться вмѣстѣ съ англійскимъ и указывалъ на то, что копи эти—собственность англо-китайской компаніи, слѣдовательно и китайцы считаютъ себя въ правѣ поднимать свой національный флагъ наравнѣ съ флагомъ англійскимъ, настаивалъ, что собственность акціонеровъ-китайцевъ одинакова и права ихъ тѣ же самыя, что и у англичанъ-акціонеровъ. Вопросъ о китайскомъ флагѣ поднялъ на ноги все тиньцзинское европейское общество, которое раздѣлилось на двѣ партіи, сходявшіяся въ одномъ: необходимо упорядочить веденіе дѣлъ тонгшанскихъ копей разслѣдованіемъ ихъ современнаго положенія, обсужденіемъ отношеній мѣстныхъ акціонеровъ и улучшеніемъ разработки и содержанія копей. Последнее время то-и-дѣло въ шахтахъ происходили несчастія, при которыхъ гибли рабочіе-китайцы, но на дняхъ въ одной изъ шахтъ погибъ и бельгійецъ-инженеръ Бакстеръ вмѣстѣ съ двѣнадцатью рабочими.

Смерть молодого инженера страшно взволновала всѣхъ, и общественное мнѣніе потребовало разслѣдованія причинъ, вызвавшихъ это несчастіе.

Такимъ образомъ смерть европейца послужить въ улучшенію участи рабочихъ-китайцевъ въ шахтахъ и не одному изъ нихъ сохранить жизнь.

Инцидентъ съ китайскимъ флагомъ закончился тѣмъ, что на мѣсто недоразумѣній пріѣхалъ, по пути слѣдованія въ Шанхай-Гуань, англійскій посланникъ, сэръ Эрнестъ Сатоу, и убѣдилъ китайскихъ представителей спустить китайскій флагъ. Во всякомъ случаѣ дѣла англо-китайскаго акціонернаго общества отнынѣ становятся гласными, а гласность можетъ быть только на пользу китайскому народу во всѣхъ проявленіяхъ его общественной жизни, какъ между собою, такъ и въ отношеніяхъ съ европейцами.

II.

Дальній Востокъ проявляетъ нынѣ бодрую дѣятельность. Представителемъ этой энергичной и сильной дѣятельности служить Японія, которая рѣшила всемірной выставкою, устраиваемой ею, показать Европѣ весь блескъ и всю мощь своей промышленности. Выставка открывается 1 марта и продолжится до 31 іюля 1903 года въ г. Осака. Это—по счету—пятая выставка въ Японіи. На выставкѣ будетъ девять отдѣловъ: земледѣльческій, рыбный, мануфактурный, машинный, передвиженія, воспитанія, изящныхъ искусствъ, зоологическій, иностранныхъ экспонатовъ и акваріумъ.

Выставка занимаетъ громадную площадь близъ знаменитаго храма

Тенно-и въ горной части города Осаки. Мѣстность вся чрезвычайно живописна. Всѣ отдѣлы выставки помѣщаются въ нарочно для нихъ выстроенныхъ зданіяхъ.

Городъ Осака, какъ центръ коммерческой жизни Японіи и распре-дѣленія ея промышленности, выбранъ для выставки чрезвычайно удачно. За послѣднія пять лѣтъ этотъ городъ выросъ до степени регулятора, назначающаго и распределяющаго цѣнность рынковъ. Окрестности Осаки не только живописны, но интересны также и по историческимъ воспоминаніямъ. Здѣсь очень старинный храмъ Шинто, посвященный памяти великаго народнаго учителя и философа Сугавара, а также и древній буддѣйскій храмъ Тенно-и, построенный болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ. Здѣсь же старинные храмы Нара, Иоши, вѣковья рощи и близко, выдѣляющееся красотой природы, Кіото. На время выставки японское правительство одѣлало распоряженіе открыть для посѣтителей всѣ старинные храмы и замки, которые въ обычное время остаются недоступными.

Для привлеченія посѣтителей объявлены льготные проѣзды на выставку пароходными компаніями и желѣзными дорогами. Вообще надо сказать, что вопросъ о скорости сообщенія Дальняго Востока съ Западомъ сталъ „злободневнымъ“. Всѣ европейцы изъ Китая направляются въ Европу по сибирской дорогѣ, и въ Пекинѣ проявился особенный среди иностранцевъ интересъ къ изученію русскаго языка. Скорость сообщенія желѣзнодорожнымъ путемъ черезъ Сибирь вызвала ускореніе и морского передвиженія пароходовъ. Въ Америкѣ образовалась уже компанія, которая открываетъ пассажирскую линію между Нью-Йоркомъ, Санъ-Франциско и Юкогама. Пароходы этой компаніи будутъ совершать рейсы въ десять дней. Такимъ образомъ, съ открытіемъ рейсовъ этими пароходами въ апрѣлѣ 1903 года, можно будетъ совершить путешествіе вокругъ свѣта всего только въ пятьдесятъ дней, гораздо скорѣе, нежели совершалъ его герой романа Жюль Верна!

Быстрота создающихся новыхъ путей сообщеній становится ощутительна и въ Китаѣ. Пройдетъ еще десятокъ лѣтъ, и вся страна будетъ прорѣзана желѣзнодорожною сѣтью, которая послужитъ къ перемѣщенію населенія изъ одной провинціи въ другую, создастъ новые модные города, приведетъ въ запустѣніе многіе изъ старыхъ и, что всего обиднѣе, мало-по-малу будетъ измѣнять складъ народной жизни, уничтожая многія народныя вѣрованія, составляющія пока краеугольный камень его душевной жизни. Съ натискомъ европейской цивилизаціи и борьбой за кусокъ хлѣба будутъ исчезать изъ народной души вѣковья вѣрованія, мечтанія и сказанія.

III.

Въ народныхъ вѣрованіяхъ, сказаніяхъ, обычаяхъ всего яиче, всего выпуклѣе рисуются и познаются народныя чувства, народныя мысли, желанія и ожиданія, не затемненныя суровой и тяжелой дѣйствительностью, которая прикрываетъ лучшія движенія души и мысли заботами и борьбой за существованіе. Справедливо поэтому поступаютъ тѣ, кто, желая изслѣдовать, изучить и понять жизнь народа, изучаютъ его жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, будутъ ли это народныя празднества, или радости народной жизни, или ея горе, или религіозныя вѣрованія. Народная жизнь проходитъ тогда сама передъ глазами. Жизнь китайскаго народа въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересна. Въ его вѣрованіяхъ сохранилась самая сѣдая старина, отъ которой у другихъ народовъ можно найти только небольшіе слѣды.

Главныя, основныя вѣрованія и религіозныя церемоніи у китайскаго народа соединены съ наиболѣе видными проявленіями въ жизни природы: весной, лѣтомъ, осенью и зимой. Времена года, положеніе звѣздъ, весеннее и осеннее равноденствія, солнцестоянія—всѣ эти явленія природы, поражая народное чувство и умъ, создали празднества и жертвоприношенія.

Китайцы считаютъ время по лунѣ, почему каждый мѣсяць начинается у нихъ первымъ днемъ появленія луны и имѣетъ 29 и 30 дней.

Въ обычномъ году китайцевъ 12 мѣсяцевъ, но остатки отъ каждаго года, собираясь, составляютъ въ теченіе 13 лѣтъ нарастающій 13-й мѣсяць. Лѣтосчисленіемъ и счисленіемъ мѣсяцевъ и всѣми астрономическими наблюденіями завѣдуетъ въ Китаѣ особый астрономическій приказъ, который издаетъ отъ себя особые календари и альманахи для народнаго пользованія.

Вслѣдствіе луннаго счисленія времени у китайцевъ новый годъ приходится въ разные сроки, но не ранѣе 21 января и не позже 19 февраля. Съ новаго года китайцы считаютъ начало весны. Весеннее равноденствіе приходится у нихъ на второй мѣсяць, лѣтнее солнцестояніе—на пятый мѣсяць, осеннее равноденствіе—на восьмой мѣсяць и зимнее солнцестояніе—на одиннадцатый. Такимъ образомъ, четыре центра времени года: весны, лѣта, осени и зимы, приходится у китайцевъ на средину этихъ временъ года. Самымъ выдающимся праздникомъ, самымъ желаннымъ и радостнымъ, является всенародный праздникъ новаго года. Только отщепенецъ, только „бывшій человѣкъ“, потерявшій все человѣческое, относится равнодушно къ этому событію,—весь же китайскій народъ готовится къ встрѣчѣ новаго года, полный радостнаго ожиданія.

Празднество въ честь зимняго солнцестоянія не составляет шумнаго праздника, а проходит семейно. День зимняго солнцестоянія, приходящійся всегда на ноябрь, но на разные числа, указывается разнѣ каждый годъ календаремъ. День этотъ называется эрой зимы— дунъ-чжи— и начинается жертвоприношеніемъ въ честь домашнихъ боговъ и предковъ за оказанныя ими благодѣянія и добро въ теченіе прожитого года. Самое торжество состоитъ въ слѣдующемъ. На разсвѣтѣ назначеннаго календаремъ дня готовится праздничное тѣсто особымъ способомъ. Наканунѣ рисъ наливается водой, чтобы размокъ. Затѣмъ этотъ мягкій рисъ кладутъ въ ступку и толкутъ его, послѣ чего складываютъ въ мѣшечки и выжимаютъ прессомъ. Послѣ этого прибавляютъ сахару, придаютъ полученному тѣсту форму булочки и варятъ на пару.

Когда булочки готовы, то раскладываютъ ихъ на рѣшето въ особомъ порядкѣ. Всѣхъ булочекъ дѣлаютъ 12, одинаковыхъ по величинѣ, и располагаютъ ихъ кругомъ, а 13-ую, значительно большую, или апельсинъ, украшенный живымъ или искусственнымъ цвѣткомъ, ставятъ посреди. По сторонамъ булочекъ кладутъ кусочки рисоваго тѣста, придавъ имъ форму связокъ денегъ.

Съ разсвѣтомъ дня сваренныя булочки раскладываются на блюда и вмѣстѣ съ другими жертвенными яствами, назначенными для жертвоприношенія, ставятся старшимъ членомъ семьи на домашній алтарь передъ стоящими на немъ божествами и таблицами предковъ. Совершаются колѣнопреклоненія передъ алтаремъ, зажигаются курительныя жертвенныя палочки и затѣмъ жертвенныя яства относятся на приготовленный семейный столъ для общей трапезы.

Въ обычаѣ также разсылать часть приготовленныхъ булочекъ роднымъ и близкимъ знакомымъ. Рисъ, какъ главное питающее китайскій народъ произведеніе земли, употребляется во всѣхъ жертвоприношеніяхъ. Въ праздникъ 15-го числа шестой луны выражается благодарность за первую жатву риса; въ праздникъ 15-го числа восьмой луны выражается благодарность за произведенія осени; а въ праздникъ зимняго солнцестоянія выражается благодарность за всѣ благодѣянія, которыя природа оказывала людямъ въ теченіе всего года.

Хотя днемъ зимняго солнцестоянія не заканчивается китайскій гражданскій годъ, но имъ заканчивается годъ земледѣльческій и астрономическій. Съ этого дня солнце, закончивъ свой годовой циклъ движенія, поворачиваетъ обратно. У русскаго народа „поворотъ солнца“ приуроченъ къ празднованію дня св. Спиридона, котораго русскій народъ такъ и зоветъ „Спиридонъ-поворотъ“, ибо съ этого дня „солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ“.

Населеніе, провожая рабочій годъ, символически выражаетъ уходящему свою благодарность, готовя равныхъ двѣнадцать булочекъ, располагая около нихъ изъ тѣста подобіе связокъ денегъ, тѣмъ еще разъ высказываетъ свое убѣжденіе, что все богатство, все имущество и даже деньги получаютъ черезъ земледѣліе. Этими булочками изъ рисоваго тѣста народъ знаменуетъ плоды годового труда, который онъ съ признательностью приноситъ богамъ въ жертву.

Большую булочку въ центрѣ зовутъ „булочка-мать“, и она знаменуетъ собою всю собранную годовую жатву, весь итогъ труда земледѣльца. Въ Амоя, какъ говоритъ J. Groot, описавшій празднества китайскаго народа въ своей книгѣ „Annales du Musée de Guimet“, есть для этого специальное выраженіе: „булочка-мать рождаетъ булочекъ-дѣтей“.

Если въ семьѣ есть беременная женщина, то она пользуется булочками, какъ средствомъ узнать, кого она произведетъ на свѣтъ: мальчика или дѣвочку. Для этой цѣли беременная женщина сама замѣшиваетъ для себя булочку и сама варитъ ее на пару. Если булочка растрескается, то родится дѣвочка; если булочка останется цѣлой, но удлинится, то родится мальчикъ.

Въ Амоя женщины, кромѣ булочекъ, дѣлаютъ изъ тѣста еще изображенія куръ, собакъ, свиней и разставляютъ ихъ также около, и вмѣстѣ съ булочками приносятъ, какъ жертву, домашнимъ богамъ.

Приношеніе сдѣланныхъ изображеній животныхъ объясняютъ тѣмъ, что народъ благодаритъ боговъ не только за продукты земли, но и за размноженіе домашнихъ животныхъ въ текущемъ году, и призываетъ на нихъ благословеніе. Другіе изслѣдователи китайской жизни въ изображеніяхъ животныхъ желаютъ видѣть знакъ китайскаго зодіака, который у китайцевъ и знаменуетъ каждый мѣсяцъ однимъ изъ животныхъ, а именно: крыса, быкъ, тигръ, заяцъ, драконъ, змѣя, лошадь, коза, обезьяна, курица, собака, свинья. Какъ бы то ни было, но сохраняющаяся въ китайскихъ семьяхъ обрядность много вноситъ въ жизнь семьи радости и единства.

Въ жизни китайскаго народа свято хранятся и строго исполняются обряды поминовенія умершихъ. Два раза въ году, весной и зимой, совершаются установленныя закономъ поминовенія, но, кромѣ этихъ, узаконенныхъ для всего народа, въ каждой семьѣ, въ каждомъ роду хранятся еще и свои семейныя дни и годовщины, которые служатъ днями чествованія памяти отшедшихъ предковъ.

День зимняго поминовенія усопшихъ ежегодно назначается календаремъ и сопровождается слѣдующими церемоніями.

Въ большихъ храмахъ, въ которыхъ хранятся таблицы многихъ

родовъ, наканунѣ назначеннаго по календарю дня поминовенія, собираются старшіе члены семействъ, имѣющихъ здѣсь таблицы предковъ, и приводятъ все въ порядокъ для послѣдующаго торжества, ставятъ передъ таблицами предварительныя яства, сладости, чай съ печеніями и возжигаютъ курительныя палочки.

На другой день, поутру, въ храмъ собираются уже всѣ мужскіе потомки умершихъ, и каждая семья, возможно полно и пышно, устрояетъ столы передъ таблицами своихъ умершихъ. Отдѣльно отъ этихъ отдѣльныхъ столовъ-жертвенниковъ ставится одинъ общій для всѣхъ столовъ-жертвенникъ, на которомъ ставятся только курильница и двѣ восковыя свѣчи. Всѣ столики разставляются направо и налево отъ этого общаго стола въ порядкѣ старшинства табличекъ. Жертвенные столики съ яствами наполняются жареными и вареными мясными блюдами, мучными, фруктами, и украшаются цвѣтами. Часто можно видѣть у богатыхъ на столахъ жареныхъ барановъ, свиней, козъ, фазановъ и др. Когда всѣ столы убраны и разставлены въ порядкѣ, то старшій изъ присутствующихъ исполняетъ обязанности главнаго жреца, а двое слѣдующихъ по старшинству становятся его помощниками. Всѣ остальные родственники въ порядкѣ старшинства становятся за этими тремя старшими передъ жертвеннымъ столомъ. Старшина, ставъ впереди, дѣлаетъ нѣсколько колѣнопреклоненій, касаясь головой пола, и въ полголоса, нараспѣвъ, произноситъ соотвѣтственныя моленія. Помощники его берутъ жертвенныя палочки, зажигаютъ ихъ и разносятъ каждому изъ присутствующихъ, строго слѣдящихъ и исполняющихъ все, что исполняетъ старшій членъ передъ жертвеннымъ столомъ.

Въ извѣстный моментъ всѣ жертвенныя палочки ставятся въ одну общую курильницу. Моленіе совершается въ полнѣйшей тишинѣ, и слышно только шуршаніе одеждъ молящихся, когда они преклоняются передъ жертвенникомъ или поднимаются, да голосъ молящагося и призывающаго души предковъ, пребывающія въ таблицахъ, выйти изъ нихъ и занять мѣста за приготовленными для нихъ яствами. Старшиной избирается всегда старшій членъ родовъ, хотя бы въ данное время это былъ ребенокъ. Въ этомъ случаѣ за его спиной становятся двое взрослыхъ и исполняютъ всѣ положенные обряды. Когда церемонія заканчивается, то раздается звонъ въ гонгъ.

Если храмъ обширный и въ немъ есть свободныя помѣщенія, то тамъ устраивается общая трапеза, приготовленная изъ принесенныхъ изъ храма яствъ. За этой трапезой участвуютъ всѣ присутствующіе, которые были въ храмѣ.

Празднованіе памяти умершихъ предковъ было во времена древнія общимъ у всѣхъ народовъ; но въ настоящее время оно во всей пол-

нотѣ осталось только у китайцевъ; у остальныхъ же народовъ Европы остались только слѣды, указывающіе на бышія когда-то тризны.

Уходя домой изъ храма, каждый изъ участниковъ уноситъ съ собою часть жертвенныхъ кушаній, дабы у себя дома раздѣлить трапезу и съ тѣми душами предковъ, которыя остаются въ таблицахъ на домашнихъ алтаряхъ.

Въ Китаѣ установлено празднованіе памяти умершихъ два раза въ году—весной и зимой, но въ семьяхъ совершаются поминки своихъ умершихъ, независимо отъ этихъ общенародныхъ дней, каждое 1-е и 15-е число.

IV.

Зима давно вступила у насъ въ свои права, и еще 19 ноября въ Пекинѣ выпалъ первый снѣгъ, покрывшій легкимъ слоємъ всю поверхность земли. Снѣгъ валилъ весь тотъ день большими хлопьями. Морозъ былъ небольшой, всего одинъ градусъ; воздухъ свѣжій и бодрый, а солнце свѣтило ярко, такъ что снѣжокъ лежалъ только въ тѣни, а на солнцѣ таялъ. Зима текущаго года обѣщала быть мягкой зимой, „сиротской“, какъ говорятъ бѣдняки.

Съ началомъ зимы въ Китаѣ обычно начинается оспа, достигающая нерѣдко силы жестокихъ эпидемій, отличающихся высокой смертностью. Отчего оспа появляется въ Китаѣ исключительно съ началомъ холодовъ, держится упорно всю зиму и съ началомъ весны стихаетъ? На этотъ вопросъ нѣтъ положительнаго отвѣта, и приходится довольствоваться объясненіемъ, скорѣе взятымъ изъ практики жизни, нежели даваемымъ наукой. Зимнія эпидеміи оспы стараются объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что съ началомъ весны обычно всѣ теплыя вещи сдаются на сохраненіе въ склады, а вмѣстѣ съ этими вещами удаляется изъ жилищъ и оспенная зараза. Жилища, съ наступленіемъ теплыхъ дней, начинаютъ естественнымъ путемъ дезинфекцироваться, т.-е. провѣтриваться и просушиваться горячими солнечными лучами, убивающими оспенную бациллу.

Съ наступленіе Холодовъ, зимнія вещи вынимаются, а вмѣстѣ съ ними поступаетъ въ обращеніе и оспенное заразное начало.

Среди китайскаго населенія совершенно не организовано оспопрививанія, равно какъ не существуетъ и леченія оспы.

Помимо множества заболѣваній, среди китайскаго населенія часты случаи и черной оспы.

На оспу китайцы смотрятъ какъ на даръ богини Доу-синь-нянь и называютъ самую болѣзнь „цвѣткомъ“ хуа. Китайцы потому не избѣ-

гають оспы, а наоборотъ, стараются умиловить богиню, приводя дѣтей въ тѣ семьи, гдѣ есть больные, и стараясь привить болѣзнь отъ больного къ здоровому ребенку, надѣвая на него или платье съ больного, или же помѣщая здороваго вмѣстѣ съ больнымъ. Дѣлается все это для того, чтобы умиловить богиню, доставивъ ей пріятное приношеніе. Населеніе убѣждено, что въ такихъ случаяхъ оспа протекаетъ легче, нежели когда дѣтей прятать и тѣмъ прогнѣвлять богиню...

В. В. Корсаковъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1908

I.

— Великій Князь Николай Михайловичъ. Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774—1817). Историческое изслѣдованіе эпохи императора Александра I. Томъ первый. Спб. 1903.

Новая русская исторія, XIX-й вѣкъ, и даже вторая половина XVIII-го вѣка, до сихъ поръ остаются мало разработаны; только въ послѣднее время сдѣланы или предприняты изслѣдованія, которыя давно составляли бы настоящую потребность науки и общественнаго образованія. На подобныхъ изслѣдованіяхъ долго лежало, а частью и теперь лежитъ суровое veto: время считалось еще слишкомъ близкимъ, не подлежащимъ ни историческому разбору, ни разсказу. Объ этомъ положеніи вещей нельзя было не пожалѣть самымъ серьезнымъ образомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что историческое изученіе есть одинъ изъ самыхъ благотворныхъ путей общественнаго просвѣщенія и національнаго самосознанія, а послѣднее есть не только дѣло національнаго достоинства, но и великій интересъ самой правительственной власти. Только на почвѣ самосознанія создается истинный, глубокий патріотизмъ, съ широкимъ горизонтомъ пониманія и служенія государственному и народному благу въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ жизни.

Эта потребность въ историческомъ знаніи такъ велика, что она уже ярко выразилась въ литературѣ послѣднихъ десятилѣтій обиліемъ историческихъ работъ и даже специальныхъ историческихъ журналовъ. Съ другой стороны, никогда не было у насъ такого изобилія изданій историческихъ матеріаловъ именно по новой нашей исторіи, по XVIII-му и XIX-му вѣку. Таковы изданія Имп. Р. Историческаго Общества—громадное собраніе дипломатическихъ и иныхъ документовъ по двумъ послѣднимъ столѣтіямъ. Таковы изданія цѣлыхъ об-

ширныхъ фамильныхъ архивовъ за тѣ же столѣтія: архивы кн. Воронцова, кн. Куракиныхъ, Мордвиновыхъ, Шереметевыхъ. Нельзя не порадоваться, что интересъ къ разработкѣ новой русской исторіи находится, наконецъ, опору въ самыхъ высшихъ сферахъ русскаго общества.

За послѣднее время, въ „Литературныхъ Обозрѣніяхъ“ „Вѣстника Европы“ были указаны замѣчательныя изданія Е. И. В., Великаго Князя Николая Михайловича: „Князья Долгорукіе, сподвижники импер. Александра I въ первые годы его царствованія“; „Луи де Сентъ-Обень. Тридцать-девять портретовъ 1808—1815 г. Фотографическія воспроизведенія съ біографическими очерками“. Теперь передъ нами новый трудъ Е. И. В., опять посвященный эпохѣ импер. Александра I.

Эта эпоха исполнена живого и разнообразнаго историческаго интереса, какъ въ цѣлой національной судьбѣ русскаго народа, пережившаго грозную борьбу двѣнадцатаго года, такъ, въ частности, въ развитіи русскаго общества, видѣвшаго „дней Александровыхъ прекрасное начало“, потомъ испытавшаго возбужденія того же двѣнадцатаго года, надолго отразившіяся, особенно въ молодыхъ поколѣніяхъ, броженіемъ общественно-политическихъ идей;—та же эпоха ознаменована однимъ изъ величайшихъ явленій русской литературной исторіи—развитіемъ могущественной поэзіи Пушкина, положившей начало новой русской литературѣ... За послѣднее время издано множество отдѣльныхъ матеріаловъ по этой исторіи; въ книгѣ Богдановича сдѣланъ опытъ цѣльной исторіи царствованія имп. Александра, которая осталась, впрочемъ, слишкомъ вѣдшею; цѣльнымъ событіемъ въ нашей исторіографіи была книга Шильдера. Но предстояло, конечно, еще много дальнѣйшей работы—необходимой для цѣльнаго историческаго изображенія эпохи: за событіями стояли лица, требовавшія освѣщенія, и стояли нравы, составлявшіе фонъ картины, нравственную и умственную складку общества. Для этой бытовой и біографической стороны исторіи Александровской эпохи труды Великаго Князя Николая Михайловича представляютъ высокую цѣнность. Обширная біографія, предпринятая въ настоящемъ изданіи, обѣщаетъ дать чрезвычайно интересныя объясненія къ исторіи первыхъ лѣтъ царствованія импер. Александра. Въ этомъ трудѣ, между прочимъ, впервые введенъ матеріалъ, который до сихъ поръ оставался недоступенъ нашимъ историкамъ.

„При разработкѣ славной эпохи императора Александра I,—читаемъ въ предисловіи,—личность графа Павла Александровича Строганова, среди разнохарактерныхъ сотрудниковъ государя, обращаетъ на себя особенное вниманіе.

„Рядъ счастливыхъ случайностей далъ мнѣ возможность ознако-

митяся съ нетронуемыми еще рукописями частныхъ архивовъ, которыя не только выяснили благородную фигуру графа П. А. Строганова и его отношенія къ другимъ дѣятелямъ того времени, но и ярко отбѣнили особу Благословеннаго Монарха.

„Архивы графа С. А. Строганова въ его знаменитомъ домѣ у Полицейскаго моста въ Петербургѣ, а также бумаги, хранящіяся въ селѣ Марьинѣ, у князя П. П. Голицына, служили мнѣ главнымъ источникомъ къ ознакомленію съ личностью графа Павла Александровича. Въ этихъ семейныхъ архивахъ сохранился, къ счастью для потомства, рядъ цѣннѣйшихъ писемъ и бумагъ, живо рисующихъ симпатичный образъ интересной личности гр. П. А. Строганова“.

Кромѣ того, цѣннымъ матеріаломъ послужили приобретенныя Великимъ Княземъ во Франціи бумаги Жильбера Ромма (воспитателя гр. Строганова); наконецъ, официальные документы архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ и Москвѣ и военно-учебнаго архива главнаго штаба.

Цѣлый трудъ распределенъ на пять главъ. Первая посвящена родителямъ П. А. Строганова, особливо его отцу; вторая—его воспитанію и его наставнику Жильберу Ромму; третья—эпохѣ реформъ въ первые годы царствованія импер. Александра I, къ которому въ это время гр. Строгановъ былъ однимъ изъ наиболѣе близкихъ лицъ; четвертая—лондонской миссіи, и пятая—его военной дѣятельности.

Не менѣе этой біографіи важны будутъ обильныя приложенія. Здѣсь въ строго хронологическомъ порядкѣ сообщены будутъ официальные документы и письма, „дающія полную картину жизни графа Строганова, его мнѣній и его отношеній съ современниками“. Особенный интересъ должны представлять письма и документы къ третьей главѣ біографіи. Объ этомъ читаемъ въ предисловіи: „Всѣ записки, бумаги и письма, относящіяся до эпохи реформъ, издаются мною впервые полностью въ приложеніяхъ: онѣ взяты цѣликомъ изъ Строгановскаго архива. Отчетъ о засѣданіяхъ Секретнаго Комитета, изданный съ значительными пропусками въ „Исторіи царствованія императора Александра I“ Богдановичемъ, на русскомъ языкѣ, печатается нынѣ на французскомъ, согласно подлиннику“. Письма гр. Строганова къ его женѣ, письма Адама Чарторыжскаго, Новосильцова, Кочубея, С. Р. Воронцова и др. будутъ изданы только въ извлеченіяхъ, въ ихъ части наиболѣе важной.

Можно по этому судить о великомъ интересѣ, который представить трудъ Великаго Князя Николая Михайловича въ его законченномъ видѣ. Въ первомъ томѣ изданы упомянутыя пять главъ біографіи и начало приложеній; продолженіе ихъ должно ожидаться во второмъ и третьемъ томахъ.

Мы говорили о томъ, какъ важно для полной, всесторонней картины времени изученіе детальное, біографическое. Важность его заключается вовсе не въ томъ только, чтобы разцвѣтить картину анекдотическими подробностями, которыя дѣйствительно могутъ для обыкновеннаго читателя придавать ей оживленіе и разнообразіе; для серьезной исторіи это детальное изученіе имѣетъ другую цѣну: въ изображеніи лицъ, объясненіи индивидуальнаго развитія умовъ и характеровъ, оно даетъ возможность проникать въ самыя глубины историческаго движенія, внутреннія настроенія и мотивы дѣйствій, изъ которыхъ слагаются сложныя явленія исторіи. Какъ серьезна эта сторона историческаго изображенія, это не требуетъ, кажется, особенныхъ объясненій; примѣръ, и очень важный, мы найдемъ и въ настоящемъ случаѣ. Извѣстно, какимыя нареканія въ свое время (у людей „старога вѣка“ и старыхъ, консервативныхъ, взглядовъ) и впослѣдствіи (у историковъ „старога вѣка“, напр. у Богдановича, весьма, впрочемъ, добросовѣстнаго),—какимыя нареканія подвергались „молодые совѣтники“ импер. Александра въ первые годы царствованія, между прочимъ и гр. П. А. Строгановъ: полагалось, что это были люди—„французскаго“ (или англійскаго) воспитанія и взглядовъ, не имѣвшіе „опыта“, и предполагалось, что по этому самому они не могли судить правильно и ихъ планы могли быть только вредны... Какаю противоположность въ сужденіи новѣйшаго историка, изучившаго не только ходъ событій, но и самую біографію (см. въ настоящей книгѣ главу третью, „Эпоха реформъ“, въ концѣ; также стр. 217 и дал.): возстановляется правда не только относительно лица,—въ которомъ „французское воспитаніе“ не только не уменьшило патриотизма, но усилило его болѣе высокой степенью образованія и общественнаго чувства; но возстановляется правда относительно цѣлаго явленія нашей исторической жизни. Дѣло въ томъ, что начиная съ XVIII вѣка и до нашихъ дней въ извѣстныхъ кругахъ нашего общества высказывалась крайняя вражда къ влияніямъ европейскаго просвѣщенія, которыя считались вредными, даже гибельными для нашей самородной жизни,—когда другой сторонѣ общественнаго мнѣнія думалось, напротивъ, что это просвѣщеніе, къ которому путь открытъ былъ Петромъ, величайшимъ лицомъ русской исторіи, имело дано впервые широкій просторъ великимъ дарованіямъ и дѣятельнымъ силамъ русскаго народа, нисколько не заглушивъ ихъ, и напротивъ, давши имъ возможность развиваться во всей ихъ оригинальной самобытности,—какъ, между прочимъ, можно это видѣть на томъ сильномъ впечатлѣніи, какое въ настоящее время производятъ въ западной Европѣ русская литература и русское художество.

Въ европейскомъ влияніи прибавлялось къ нашей жизни не „фран-

цузское“ или англійское воспитаніе, а просвѣщеніе общечеловѣческое,—это чувствовалъ другой дѣятель Александровской эпохи, величайшій поэтъ нашей литературы, Пушкинъ... Въ практической жизни того времени, противники европейскихъ вліяній, мнимые люди „опыта“ не однажды оказывались врагами, русскаго народа, обскурантами, защитниками крѣпостного права и всякаго застоя, а люди „французскаго“ воспитанія — бывали истинно доблестными, просвѣщенными людьми, поборниками общественнаго и народнаго блага...

Такъ, серьезно изученная, правдивая біографія можетъ содѣйствовать разъясненію самыхъ существенныхъ вопросовъ въ исторіи общества.—Друзья нашей исторической науки будутъ несомнѣнно съ живѣйшимъ интересомъ ожидать второго и третьяго томовъ замѣчательнаго труда Великаго Князя Николая Михайловича. — А. П.

II.

—П. А. Некрасовъ. Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. (Пересмотръ основаній соціальной физики Кетле). Изданіе Математическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Москва. 1902.

Позитивизму рѣшительно не повезло въ послѣднее время—противъ него ополчились съ разныхъ сторонъ: одни — потерявъ терпѣніе и извѣрившись въ возможности для него стать панацеей для страждущаго человѣчества; другіе—рѣшившись низвести его на служебную роль по отношенію къ метафизикѣ; третьи—задавшись цѣлью совершенно изъять его изъ обращенія. Г-нъ Некрасовъ принадлежитъ къ самымъ строгимъ противникамъ позитивизма: послѣдній, по его мнѣнію, „долженъ быть самымъ рѣшительнымъ образомъ исключенъ изъ философіи и науки о человѣкѣ“. Предпринимая научный, по внѣшнимъ признакамъ, пересмотръ соціальной физики Кетлѣ, г. Некрасовъ выразилъ большую скромность, отличающую истиннаго философа, во взглядѣ на объемъ и значеніе своего труда. „Пытаясь настоящимъ краткимъ очеркомъ вернуть науку о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности на старый путь точной логики, я не надѣюсь однако, — съ грустью замѣчаетъ онъ,—на то, чтобы пропаганда этой логики по отношенію къ наукѣ о человѣческой дѣятельности имѣла успѣхъ въ близкомъ будущемъ, и это потому, что сложились крайне неблагоприятно всѣ условія. Эти условія создаютъ то, что лишь немногія отдѣльныя лица владѣютъ этою логикою, —но и эти лица большею частію математики, не стоящіе въ ряду работниковъ по исторической и юридической наукѣ и государствовѣдѣнію“. Въ примѣчаніи къ этому безспорному, съ точки

зрѣнія автора, положенію г. Некрасовъ обращаетъ вниманіе на то, что слушателямъ своихъ лекцій по теоріи вѣроятностей онъ указывалъ на тѣ заблужденія и утопіи, которыя вытекаютъ изъ неправильнаго примѣненія законовъ массовыхъ, случайныхъ явленій: „Къ сожалѣнію, слушателями моими были лишь математики, а не юристы и историки“. Если лекціи г. Некрасова представляли столь легкій способъ избавиться отъ заблужденія и утопій извѣстнаго свойства, овладѣвавшихъ, какъ видно изъ словъ автора, слушателями не только одного математическаго, но и другихъ факультетовъ, то можно пожалѣть еще болѣе о томъ, что предметъ автора не сдѣланъ былъ обязательнымъ для студентовъ всѣхъ безъ исключенія факультетовъ, занявъ въ этомъ отношеніи равноправную роль, напримѣръ, съ богословіемъ...

Излагая усовершенствованную логическую схему изслѣдованія массовыхъ процессовъ, со свойственными имъ случайными явленіями, авторъ, по его словамъ, пользуется выводами не только западной науки и философіи, но и русской. Однако подробный и въ высшей степени обстоятельный разборъ труда г. Некрасова, въ статьѣ г. Z., въ „Русской Мысли“ (февраль, 1903), служащій для непосвященныхъ читателей ключомъ къ опредѣленію научно-математической цѣнности его и потому составляющій существенное къ нему дополненіе, доказываетъ какъ нельзя болѣе убѣдительно, что съ чистой математикой вообще и съ западно-европейской наукой и философіей въ частности дѣло не обошлось у г. Некрасова безъ весьма крупныхъ недоразумѣній. Критикъ отмѣчаетъ въ г. Некрасовѣ: слабость историческихъ и библиографическихъ свѣдѣній въ области исторіи и теоріи вѣроятностей, т.-е. его спеціальнаго предмета, совмѣщеніе несомвѣстимыхъ понятій, подстановку или умышенное смѣшеніе послѣднихъ; въ итогѣ цѣль автора признается совершенно чуждой наукѣ, а иногда и прямо ей враждебной.

Научной стороной не исчерпываются особенности труда г. Некрасова. Въ Россіи болѣе, чѣмъ за границей, дѣятель науки есть вмѣстѣ съ тѣмъ и общественный дѣятель, въ тѣсномъ смыслѣ слова, особенно когда онъ, подобно г. Некрасову, отвлеченные выводы точной науки переводитъ на языкъ конкретныхъ жизненныхъ представленій. Если столь несостоятельна научная сторона упоминаемаго труда, то каковъ же его идейный общественный смыслъ? Не вывода послѣдній изъ-подъ скобокъ quasi-научныхъ формулъ автора и предоставляя читателямъ сдѣлать это вмѣстѣ съ подстановкой въ надлежащихъ мѣстахъ конкретныхъ жизненныхъ фактовъ, прислушаемся къ тому, что говоритъ г. Некрасовъ о назначеніи своего изслѣдованія. Оно преслѣдуетъ двѣ цѣли: „1) вернуть науку о чело-

вѣкъ и ея преподаваніи на вѣрный путь, отъ котораго наука, въ лицѣ нѣкоторыхъ ея представителей, уклонилась, породивъ умственные и нравственные колебанія, и 2) предохранить тотъ слой общества, который участвуетъ въ практическомъ управленіи и реформахъ государственной и общественной жизни, отъ опасной склонности направлять эту дѣятельность подъ вліаніемъ отвлеченностей, то эмпирическихъ, то идеалистическихъ, забывая тотъ единственный вѣрный практическій путь, который исходитъ изъ идеализма, согласованнаго съ конкретною дѣйствительностью посредствомъ тщательной индукціи". Такимъ образомъ, логика, опирающаяся на теорію вѣроятностей, вмѣстѣ съ ея философіей, въ научномъ истолкованіи г. Некрасова, открываетъ современному читателю прежде всего ту истину, что, во-первыхъ, есть преподаватели, уклоняющіеся въ сторону умственныхъ и нравственныхъ заблужденій, и что, во-вторыхъ, тому слою общества, „который участвуетъ въ практическомъ управленіи“, не мѣшаетъ подумать о предохраненіи себя отъ столь опасныхъ дѣятелей. Если сопоставить съ этой истиной, своего рода научнымъ откровеніемъ, добытое столь же научнымъ путемъ разсужденіе о свободной („доброй“ и „злой“) волѣ, то вопросъ объ общественныхъ побужденіяхъ автора уясняется самъ собою. „Часто никакіе разумные доводы не могутъ воздѣйствовать на дурную свободную волю, и въ этомъ опять наглядно выражается ея свобода. Въ такихъ случаяхъ остается еще одинъ ключъ къ воздѣйствію на нее для ея исправленія: этотъ ключъ есть воздѣйствіе справедливою репрессіей или наказаніемъ (курсивы автора) за всякое осуществленіе ея позывовъ своего низменнаго хотѣнія во вредъ другимъ“. Совершающій репрессію долженъ быть, по рецепту г. Некрасова, строгъ, но справедливъ; уклоняющійся „отъ этого долга“ долженъ быть разсматриваемъ, какъ соучастникъ въ соответствующихъ актахъ злой воли. Требуя отъ исполнителей его репрессивной теоріи твердой справедливости, г. Некрасовъ, конечно, понимаетъ, что она составляетъ необходимое условіе разумно-объективнаго, чуждаго всякаго пристрастія отношенія къ предмету репрессіи; однако нѣкоторыя особенности стиля указываютъ на непоследовательность автора въ этомъ смыслѣ, ярко сказывающуюся тамъ, гдѣ рѣчь заходитъ о представителяхъ несимпатичныхъ ему умственныхъ и общественныхъ теченій: послѣднихъ онъ аттестуетъ паразитами, подлыми, плутами, болтунами и т. д., что едва ли обезпечиваетъ за изслѣдованіемъ необходимую степень научнаго безпристрастія.

Дѣло обстояло бы гораздо проще, еслибы субъективное отношеніе г. Некрасова къ трактуемымъ вопросамъ нашло себѣ самостоятельное выраженіе въ открытой пропагандѣ его излюбленныхъ идей. Правда,

эта пропаганда могла бы, своимъ содержаніемъ, совпасть безъ остатка съ тѣмъ, что пишутъ, напримѣръ, „Московскія Вѣдомости“ и имъ подобные органы. Зато осталась бы въ покоѣ наука, грузъ которой оказывается слишкомъ тяжелъ для философско-публицистическаго па-ренія автора въ высоту. Не то, чего добраго, иные припомнятъ изъ безсмертнаго творенія величайшаго нѣмецкаго гуманиста то мѣсто, гдѣ послѣдній возражаетъ діалектикамъ, утверждавшимъ, будто— „людямъ и испосланы науки и знаніе для того, чтобы умъ дополнял недостатки природы“... Слѣдуетъ пожалѣть науку.

III.

— Проблемы идеализма. Сборникъ статей: С. Н. Булгакова, кн. Е. Н. Трубецкого, П. Г., Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, С. А. Аскольдова, кн. С. Н. Трубецкого, П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, А. С. Лаппо-Данилевскаго, С. О. Ольденбурга, Д. Е. Жуковскаго. Подъ редакціей П. И. Новгородцева. Изданіе Московскаго Психологическаго Общества. М. 1902.

Эта книга представляетъ собою видное явленіе въ текущей литературѣ. Она является, по мысли издателей, отвѣтомъ на тѣ разнообразныя запросы, которые снова предъявляются къ отвлеченной мысли, знаменуя собой значительный подъемъ въ обществѣ философскаго интереса. Тѣ направленія, которыя не признавали за философіей самостоятельнаго значенія или же пытались обосновать ее исключительно на эмпирическихъ данныхъ, утратили, по ихъ мнѣнію, свою руководящую роль, и въ обществѣ пробудилось стремленіе искать разрѣшенія вѣчныхъ запросовъ жизни и духа въ новомъ направленіи. Авторы статей, служащихъ выраженіемъ новаго движенія въ области философской мысли, понимаютъ осуществленіе своей задачи въ связи съ общими условіями современнаго развитія философій. „Исходя отъ критическаго отношенія къ недавнему прошлому нашей мысли, связанному съ господствомъ позитивизма, говорится въ предисловіи, они смотрѣли и на ея будущее съ ожиданіемъ новыхъ перспективъ, не входившихъ въ программу позитивной философій. Они отправлялись отъ убѣжденія, что современное критическое движеніе призвано не только утвердить науку на прочныхъ и истинно-положительныхъ основаніяхъ, но, сверхъ того, еще и отстоять необходимое разнообразіе запросовъ и задачъ человѣческаго духа, для котораго наука есть лишь одна изъ сферъ проявленія“.

На почвѣ отрицанія позитивизма сошлись писатели, въ большинствѣ случаевъ уже заявившіе себя на разнообразныхъ поприщахъ не только ученой, но и публицистической дѣятельности, слѣдовательно

стоявшихъ лицомъ къ лицу съ насущнѣйшими вопросами жизни, какъ они понимаются не только въ философскомъ умозрѣннн, но во всей наготѣ своего несоотвѣтствія съ идеаломъ. И тѣмъ характернѣе этотъ призывъ къ отвлеченному идеализму и религіозной вѣрѣ, которымъ новые идеалисты пытаются подорвать кредитъ опытнаго знанія и опиравшіяся на него научныя теоріи и направленія. Метафизическое мышленіе, кажется имъ, одно только способно обезпечить людямъ правильное рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ цѣлостнымъ представленіемъ о мірѣ, какового не въ силахъ представить позитивная наука. „Компетенція метафизики больше, чѣмъ положительной науки, какъ потому, что метафизика рѣшаетъ вопросы болѣе важныя, нежели вопросы опытнаго знанія, такъ и потому, что, пользуясь умозрѣніемъ, она даетъ отвѣтъ на вопросы, которые не подъ силу опытной наукѣ“.

Эти слова принадлежать г. Булгакову, автору самой, если можно такъ выразиться, метафизической статьи объ основныхъ проблемахъ теоріи прогресса. Эта статья, какъ и большинство остальныхъ, любопытна не только своей ультра-метафизической стороною, но и своими соотношеніями съ наиболѣе яркими и типичными теченіями современной общественной мысли. Въ своемъ стремленіи доказать безсиліе позитивной науки въ попыткахъ раскрыть высшій смыслъ историческаго процесса, который „есть не только эволюція, но и прогрессъ“, авторъ особенно скептически относится къ наукѣ объ общественномъ развитіи, соціологіи, которая пріобрѣла столь исключительное значеніе среди другихъ наукъ, ставъ какъ бы „богословіемъ новой религіи“. Теорія научнаго социализма, въ ученіи Маркса и Энгельса, получившая наибольшій успѣхъ среди соціологическихъ системъ, убѣдительно всего доказываетъ невозможность предсказать, при помощи данныхъ научнаго опыта, неизбежность наступленія въ будущемъ того соціологическаго строя, который является идеаломъ современныхъ марсистовъ. Остановливаясь на понятіи, что значитъ предсказывать будущее, и характеризуя это понятіе, какъ точное опредѣленіе наступленія будущихъ событій, г. Булгаковъ готовъ признать за научной теоріей прогресса ея „научообразность“, но при этомъ ставитъ вопросъ, способна ли она удовлетворить тѣхъ, кто ищетъ въ ней твердаго убѣжища, основу и вѣры, и надежды, и любви. Подобнаго удовлетворенія не можетъ дать, по мнѣнію автора, ученіе, рассматривающее личность, безъ отношенія къ ея свободному развитію, опредѣленной нравственной природѣ и способностямъ, лишь какъ продуктъ историческаго развитія, который измѣняется вмѣстѣ съ послѣдними. Понятіе личности, носительницы абсолютныхъ задачъ, исчезаетъ въ марксизмѣ, выражаясь лишь въ чисто формальномъ единствѣ я. Естественно, что эта теорія совершенно упраздняетъ

формулу: свободное развитіе личности. „И снова,—говорить г. Булгаковъ,—позитивная наука стучится въ дверь метафизики...“ Осмыслить историческій процессъ предстоитъ особой дисциплинѣ, которая до сихъ поръ носила названіе философіи исторіи; по основному характеру ея философскаго содержанія, авторъ предлагаетъ назвать ее метафизикою исторіи.

Метафизика исторіи должна служить раскрытіемъ абсолютнаго въ относительномъ, опредѣлить отраженіе вѣчнаго сіянія абсолюта въ ограниченной рамкѣ пространства и времени. „Что же значить найти смыслъ исторіи? Это значить прежде всего показать, что исторія есть раскрытіе и выполненіе одного творческаго и разумнаго плана, что въ историческомъ процессѣ выражена міровая провиденціальная мысль“. Это и есть основная проблема не только метафизики и исторіи, но и всей нравственной философіи. Эта мысль приводитъ историческій процессъ въ конечномъ результатѣ ко благу, къ тому добру, оправданіе котораго давало исчерпывающее содержаніе философской дѣятельности покойнаго Вл. С. Соловьева. И обращаясь отъ абсолюта, міровыя цѣли котораго намъ въ данное время еще неизвѣстны, къ нашей собственной личности, мы слышимъ его властный, категорическій и неумолимый голосъ, вмѣняющій намъ въ нравственный законъ хотѣть добра ради самого добра. Задачей нравственной жизни съ этой точки зрѣнія является устанавленіе связи между абсолютнымъ и относительнымъ, заполненіе формы абсолютнаго долженствованія конкретнымъ жизненнымъ содержаніемъ. Здѣсь пріобрѣтаетъ свой *raison d'être* положительная наука, являясь орудіемъ нравственной воли; ея социальныя науки въ частности призваны раскрывать добро и зло въ социальной жизни.

Авторъ считаетъ философію необходимой для жизни теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей переживаемаго нами историческаго момента. „Всѣмъ извѣстно, какой кризисъ переживаетъ теперь рабочее движеніе, своимъ вѣроисповѣданіемъ считающее ученіе Маркса. Кризисъ этотъ не экономическаго и политическаго характера, напротивъ, самая его возможность обусловлена растущей мощью движенія, но моральнаго, скажу даже—религіознаго характера. Мы уже знаемъ, что марксизмъ представляетъ собой самую яркую версію теоріи или религіи прогресса; онъ воодушевлялъ своихъ сторонниковъ вѣрой въ близкій и закономѣрный приходъ иного, совершеннаго общественнаго строя, конца—*Vorgeschichte*, и начала—*Geschichte*. Онъ силенъ былъ, такимъ образомъ, не своими научными, а своими утопическими элементами, не своей наукой, а своей вѣрой. Но вѣра эта, неправильно направленная, должна была разсѣяться или, по крайней мѣрѣ, ослабнуть вмѣстѣ съ ростомъ движенія. На

очередь становилось все больше практическихъ задачъ, заслонявшихъ конечныя цѣли. На смѣну прежнему социально-политическому утопизму явился социально-политическій реализмъ, связанный совершенно случайно съ именемъ Бернштейна. Современное развитіе отличается, такимъ образомъ, двустороннимъ характеромъ: съ одной стороны, усиливаются практическія завоеванія рабочаго сословія; съ другой, это же усиленіе убиваетъ прежнія религиозно-восторженныя вѣрованія; въ полумракъ святилища оно вноситъ дневной прозаическій свѣтъ. Упадокъ идеализма (въ данномъ случаѣ выражавшагося въ социальномъ утопизмѣ) грозитъ понизить движеніе до полной духовной буржуазности, лишить его души, несмотря на всѣ практическія побѣды“.

Кн. Е. Н. Трубецкой, въ статьѣ: „Къ характеристикѣ ученія Маркса и Энгельса о значеніи идей въ исторіи“, подвергаетъ критической оцѣнкѣ нѣкоторыя положенія знаменитыхъ экономистовъ. Констатируя неясность самихъ основныхъ положеній экономического материализма, авторъ опровергаетъ прежде всего ту точку зрѣнія Маркса, которая придаетъ „материальнымъ производственнымъ силамъ“, т.-е., очевидно, „способу производства“, роль первоначальнаго двигателя исторіи. По ученію Маркса, сознание и воля людей не являются двигателями развитія экономической структуры общества; наоборотъ, процессъ развитія сознанія и воли находится въ нѣкоторой зависимости отъ производственныхъ силъ и производственныхъ отношеній. Точно также Энгельсъ указываетъ, что послѣднія причины общественныхъ переворотовъ слѣдуетъ искать не въ возростающемъ пониманіи людьми вѣчной правды и справедливости, а въ измѣненіяхъ способа производства и обмѣна, т.-е. не въ философіи, а въ экономіи каждой данной эпохи. „Въ настоящее время,—говоритъ кн. Трубецкой,—никто не станетъ отрицать важной роли экономическихъ причинъ въ исторіи; безспорная заслуга Маркса и его послѣдователей заключается въ томъ, что они подчеркнули и выдвинули ихъ значеніе. Но въ послѣдней инстанціи ходъ исторіи опредѣляется не экономическими причинами, а рядомъ такихъ первоначальныхъ данныхъ, которые обуславливаютъ самое хозяйство, какъ и всѣ вообще проявленія общественной жизни: условіями той вѣшной среды, въ которой протекаетъ человѣческая жизнь, особенностями человѣческой психики индивидуальной и общественной и, наконецъ, тою горнею сферою *должнаго*, тѣмъ царствомъ цѣлей, которое, возвышаясь *надъ человекомъ*, даетъ направленіе его сознанію и дѣятельности“.

Весьма ярка для характеристики нашего философскаго развитія статья г. П. Г., въ которой онъ, по поводу книги Ранскаго, „Соціологія Н. К. Михайловскаго“, проводитъ ту мысль, что Н. К. Михайловскій составляетъ крупную величину не въ качествѣ соціолога, а

философа. Слѣдую субъективному методу Конта, г. Михайловскій тоже разрывалъ рамки позитивизма“. Понимая правду въ смыслѣ сочетанія правды-истины съ правдой-справедливостью, г. Михайловскій стоялъ лицомъ къ лицу съ такой философской проблемой цѣлостнаго возрѣнія, которое объединяло сущее и должное въ одномъ построеніи и само по себѣ было метафизической по существу. „Ошибка г. Михайловскаго, осудившая его на почти полное философское безплодіе, состояла въ томъ, что онъ метафизическую проблему выражалъ въ понятіяхъ положительной науки и думалъ разрѣшить ея средствами. Соціологія, хотя бы и „субъективная“, конечно, не могла дать отвѣта на грандіозный предъявленный къ ней метафизическій запросъ. Въ лицѣ философствовавшаго г. Михайловскаго оказалось два существа, не опознавшія себя и не размежевавшіяся между собой, а потому другъ другу только мѣшавшія. Положительная наука у него извращалась безсознательно метафизикой, а метафизическую мысль тяготило, связывало и обезпложивало ея подчиненіе положительной наукѣ“.

Конечно, положенія г. П. Г. далеко не безспорны. Авторъ нѣсколько легко расстаётся съ г. Михайловскимъ, какъ публицистомъ, но принципиально нельзя не согласиться съ его общимъ требованіемъ, чтобы публицистъ былъ прежде всего и главнымъ образомъ политикомъ, стоя на стражѣ общественно-политическихъ задачъ времени. Нельзя не остановиться еще и на томъ мѣстѣ статьи г. П. Г., гдѣ онъ, находясь, повидимому, въ полномъ единомысліи съ г. Струве, говоритъ объ отношеніи позитивно-критическаго марксизма послѣдняго къ метафизической проблемѣ объ отношеніи должнаго къ сущему (въ опытѣ). Соціальная психологія представляетъ удобную почву для насильственно-догматическаго сведенія должнаго къ сущему въ опытѣ.

„Если у субъективистовъ основное заблужденіе позитивизма вызываетъ противъ себя смутный некритическій протестъ, если у догматиковъ-материалистовъ оно составляетъ безсознательное предположеніе ихъ философствованія, то въ этой формѣ марксизма оно открыто провозглашается, съ полнымъ сознаніемъ того, что цѣльное міросозерцаніе не можетъ удовлетвориться въ этомъ пунктѣ просто критическимъ воздержаніемъ, но должно предложить совершенно определенное рѣшеніе. Лишь очень внимательный и чуткій читатель могъ и тогда уже уловить въ рѣзкихъ рѣшеніяхъ Струве скрывавшуюся за ними внутреннюю неувѣренность въ правильности найденнаго исхода, мучившую автора, но имъ не сознаваную и заглушенную; некритическая насильственность этого исхода должна была, однако, обнаружиться.“

„Пересмотрѣвъ свое рѣшеніе, Струве отъ него отказался и, не признавъ возможнымъ ни критическаго воздержанія, ни психологи-

ческаго субъективизма, — открыто перешелъ къ метафизикѣ, т. е., отпавъ отъ позитивизма, въ философскомъ отношеніи пересталъ быть и марксистомъ. Выраженіемъ этого поворота явилась книга Бердяева съ предисловіемъ Струве. Бердяевъ обнаруживаетъ въ своей книгѣ еще двойственное отношеніе къ метафизикѣ, Струве рѣшительно отдается ей. Метафизическое недоумѣніе „субъективистовъ“, тщетно искавшее себѣ удовлетворенія въ позитивизмѣ, находитъ выходъ въ метафизикѣ.

Н. А. Бердяевъ выясняетъ сущность и смыслъ философской этики изъ противоположенія *сущаго* и *должнаго*. Не являясь научнымъ изслѣдованіемъ сущей нравственности, нравовъ и нравственныхъ понятій, она ставитъ возможное рѣшеніе нравственной проблемы за гранью обыденной, условной житейской морали и эмпирическаго добра и зла „съ ихъ печатью сущаго“. Нравственный законъ — есть непосредственное откровеніе абсолютнаго, — это голосъ Божій внутри человѣка, онъ данъ „для міра сего“, но онъ „не отъ міра сего“. Эволюціонизмъ, съ этой точки зрѣнія, теряетъ, такимъ образомъ, свое значеніе для этики, но вмѣсто него приобрѣтаетъ значеніе телеологическая идея прогресса.

Переходя къ вопросу объ отношеніи нравственной проблемы къ свободѣ и, въ частности, внутренней свободы къ свободѣ внѣшней, г. Бердяевъ такъ формулируетъ требованія философской этики: „Этика ясно и опредѣленно требуетъ осуществленія „естественнаго права“ человѣческой личности и не допускаетъ въ этомъ отношеніи никакихъ компромиссовъ, этимъ самымъ она требуетъ гарантіи правъ гражданина; вмѣстѣ съ тѣмъ этика безусловно осуждаетъ классовые антогонизмы, какъ важнѣйшее препятствіе для развитія человѣка. Съ этической точки зрѣнія оправдываются всѣ усилія, направленные къ завоеванію того минимума правъ, при которомъ только и возможно достойное человѣка существованіе; съ этической точки зрѣнія для человѣка позорно не отстаивать тѣхъ своихъ правъ, которыя являются необходимымъ условіемъ идеальнаго самоосуществленія. Еслибы съ точки зрѣнія естественной необходимости оказалось, что насиліе, несправедливость и угнетеніе человѣка должны увеличиваться, что свобода — неосуществимая мечта, то и тогда императивы эти остались бы въ полной силѣ, зло было бы не менѣ отвратительно, но только человѣчество должно было бы пасть въ борьбѣ съ нимъ“.

Кн. С. Трубецкой посвящаетъ статью вопросу о томъ, чему учить исторія философіи. Съ высокой степенью убѣдительности и характеризующимъ этого писателя тонкимъ изяществомъ изложенія, авторъ указываетъ на необходимость историческаго изученія философіи, какъ идеальной образующей силы, освобождающей человѣчество отъ оковъ

духовнаго рабства, въ связи съ общей культурой; каждое отдѣльное ученіе должно быть понято въ своемъ отношеніи къ другимъ ученіямъ, ему современнымъ, предшествующимъ и послѣдующимъ, въ умственнымъ и нравственнымъ теченіямъ вѣка, словомъ—къ общему міросозерцанію эпохи.

Интересная статья П. И. Новгородцева, подъ заглавіемъ: „Нравственный идеализмъ въ философіи права“, приводитъ читателя къ вопросу о возрожденіи естественнаго права, который въ послѣдніе годы снова привлекъ вниманіе русскихъ ученыхъ. Авторъ—горячій сторонникъ школы естественнаго права. „Въ качествѣ идеала, создаваемого въ виду несовершенствъ существующаго порядка, естественное право можетъ служить для самыхъ различныхъ стремленій; но съ давнихъ поръ оно сроднилось съ индивидуализмомъ, какъ съ наиболѣе законной формой своего выраженія, и въ этомъ видѣ, на этой почвѣ, оно получило свое широкое развитіе. Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ протестомъ противъ положительнаго права естественнo-правовая идея всегда несетъ съ собою и протестъ противъ власти, отъ которой исходятъ положительные законы. Въ качествѣ границы для этой власти можно было указывать на высшій нравственный законъ, на волю Божію, какъ это часто дѣлали въ средніе вѣка, но еще чаще въ качествѣ противовѣса власти выставлялись притязанія отдѣльныхъ лицъ. Такой именно смыслъ имѣютъ естественнo-правовыя теории новаго времени, формулировавшія впервые идею неотчуждаемыхъ правъ личности. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, естественное право является выраженіемъ того самостоятельнаго абсолютнаго значенія личности, которое должно принадлежать ей при всякихъ формахъ политическаго устройства. Въ этомъ видѣ оно является болѣе, чѣмъ требованіемъ лучшаго законодательства: оно представляетъ протестъ личности противъ государственнаго абсолютизма, напоминающій о той безусловной моральной основѣ, которая является единственнымъ правомѣрнымъ фундаментомъ для общества и государства“.

Въ полномъ объемѣ „Сборникъ“ производитъ двойственное впечатлѣніе: съ философской стороны онъ, несомнѣнно, представляетъ большой интересъ, какъ показатель новѣйшихъ теченій умственной и духовной жизни нашего общества; своимъ призывомъ въ область вѣры и религіознаго воодушевленія къ идеаламъ добра и правды, онъ способенъ вызвать въ читателѣ бодрящее настроеніе и поднять падающую вѣру въ жизнь и людей. Но общественная оцѣнка „Сборника“, вѣроятно, разойдется съ чисто-философской, и призывъ по ту сторону положительнаго знанія, не давая (въ общественномъ смыслѣ) ничего взаимно отвергаемаго, кромѣ соблазнительныхъ обѣщаній высшей гармоніи, можетъ быть истолкованъ иными, какъ своего рода почет-

ный выходъ для уклоненія отъ участія въ рѣшеніи ничтожныхъ, съ точки зрѣнія абсолюта, но на дѣлѣ весьма существенныхъ вопросовъ, которые выдвигаются повседневною жизнью и держатъ мысль и совѣсть въ непрестанной тревогѣ и борьбѣ. И нѣтъ ли здѣсь причинной зависимости, подъ безусловность которой, впрочемъ, такъ усердно подкапываются гг. метафизики, между возвратомъ къ метафизической философіи и тѣмъ состояніемъ общества, при которомъ дѣйствительность кажется столь неприглядной, что возникаетъ невольное стремленіе бѣжать отъ бездны отчаянья и скорби и, забывъ „сучья пѣсни земли“, утонуть въ созерцаніи абсолютныхъ идей и всемірной гармоніи?

IV.

— Н. Г. Молоствовъ. Борецъ за идеализмъ (А. Л. Волынский). Второе изданіе Сиб. 1908.

О г. Волынскомъ мы говорить не будемъ. Онъ представляетъ собою настолько опредѣлившуюся величину, какъ въ общественномъ, такъ и въ литературномъ смыслѣ, что едва ли кто-либо сознательно рѣшится поставить г. Волынского на ряду съ писателями, которые явились выразителями создающагося на нашихъ глазахъ идеалистическаго направленія. Можно только пожалѣть г. Молостова, который беретъ г. Волынского подъ свою защиту и находитъ возможнымъ связывать въ одномъ представленіи имя своего *protégé* съ понятіемъ объ идеализмѣ, придавая послѣднему, такимъ образомъ, извращенный смыслъ.

„Нарисовавъ нѣсколько моментовъ изъ критико-философской дѣятельности А. Л. Волынскаго,—говоритъ г. Молоствовъ,—я этимъ хотѣлъ послужить, по мѣрѣ моихъ силъ, дѣлу идеализма и, по возможности, представить практическій матеріалъ, дающій живое представленіе о безпримѣрно одинокомъ положеніи смѣлаго агитатора за идеализмъ среди дѣятелей современной печати“. Г. Молоствовъ приводитъ газетные отзывы о лекціяхъ г. Волынскаго, въ которыхъ шла рѣчь, по энергичному репортерскому опредѣленію, объ „охлажденіи“ русской литературы въ лучшихъ ея представителяхъ, возмущается единодушнымъ негодованіемъ печати и общества, припоминаетъ печальный случай, происшедшій нѣсколько лѣтъ назадъ на юбилей одного изъ писателей, гдѣ г. Волынский вызвалъ скандалъ однимъ своимъ появленіемъ,—таковы моменты, которымъ авторъ безъ колебанія придаетъ серьезную и положительную окраску. Не беремса рѣшить, чего больше въ защитѣ г. Молостова—наивнаго увлеченія по-

двигами г. Волинскаго, или извращеннаго пониманія самыхъ простыхъ требованій здраваго смысла, литературной и общественной этики. Одно можемъ отмѣтить съ увѣренностью, что эта защита, какъ и предметъ ея—критико-философская дѣятельность г. Волинскаго, — производятъ впечатлѣніе факта прискорбнаго и въ существѣ своемъ непривлекательнаго.—Евг. Л.

V.

— Дебидуръ. Политическая исторія XIX вѣка. Исторія внѣшнихъ сношеній европейскихъ державъ съ 1814 по 1878 г. Т. I. Священный союзъ. Спб. 1903.

Книга Дебидура во французскомъ подлинникѣ (*Histoire diplomatique de l'Europe depuis l'ouverture du congrès de Vienne jusqu'à la clôture du congrès de Berlin*) вышла въ свѣтъ въ двухъ томахъ еще въ 1891 г. До сихъ поръ, однако, это—лучшій компендіумъ для исторіи внѣшнихъ сношеній европейскихъ державъ въ теченіе двухъ-третей XIX в., отъ вѣнскаго конгресса до конгресса берлинскаго, и такъ какъ на русскомъ языкѣ нѣтъ ни одного сочиненія, посвященнаго этому предмету, то нельзя не сочувствовать появленію книги Дебидура въ русскомъ переводѣ, какъ книги хорошей и полезной. Намъ нерѣдко приходилось обращаться къ ней при работѣ надъ IV и V томами „Исторіи Западной Европы въ новое время“; уже давно мы находили желательнымъ видѣть ея появленіе въ русскомъ переводѣ, какъ именно хорошей и полезной книги. Но особенно отмѣтить выходъ въ свѣтъ этого перевода заставляетъ насъ еще одно обстоятельство. Переводъ—подъ редакціей А. А. Пиленка, прив.-доц. петербургскаго университета по кафедрѣ международнаго права,—сдѣланъ студентами названнаго университета въ видѣ перваго опыта въ предпринятомъ г. Пиленкомъ и еще нѣсколькими лицами дѣлѣ организаціи трудовой помощи среди студентовъ, и съ этой стороны нельзя не пожелать особаго успѣха разсматриваемому изданію. Трудовая помощь—одна изъ лучшихъ формъ помощи недостаточнымъ студентамъ, но ее особенно трудно организовать, и все, что только можетъ ей содѣйствовать, должно находить въ обществѣ особую поддержку. Уже трудъ надъ переводомъ I тома книги Дебидура доставилъ заработокъ одиннадцати молодымъ людямъ, а вся чистая выручка отъ продажи изданія пойдетъ на продолженіе этого хорошаго дѣла, развитіе котораго, такимъ образомъ, будетъ находиться въ зависимости отъ большаго или меньшаго сочувствія публики. Повидимому, организаторы и руководители предпріятія рассчитываютъ издать такимъ образомъ цѣлую серію книгъ: по крайней мѣрѣ, первый томъ книги Дебидура

отмѣченъ какъ первый выпускъ „Библиотеки общественныхъ знаній“. Насколько мы просмотрѣли, какъ сдѣланъ переводъ, онъ въ общемъ весьма удовлетворителенъ, а мѣстами даже очень хорошъ—въ зависимости, конечно, отъ разныхъ степеней способности къ работѣ подобнаго рода отдѣльныхъ переводчиковъ, но видно, что и общій редакторъ перевода, г. Пиленко, потрудился надъ нимъ немало, въ чемъ нельзя не видѣть и гарантія точной передачи подлинника.

Въ первомъ томѣ книги Дебидура исторія международной политики доводится до 1848 г.; во второмъ, носящемъ подзаголовокъ: „La révolution“, разсматривается слѣдующее тридцатилѣтіе, и онъ будетъ еще интереснѣе для русскихъ читателей.

Прибавлю еще, что цѣна книги—полтора рубля за тридцать печатныхъ листовъ—болѣе, чѣмъ умѣренная.—Н. Карвевъ.

VI.

— С. К. Говоровъ. Брачный вопросъ въ быту учащихся начальной школы. М. 903. Ц. 25 к.

Изъ вступительныхъ словъ брошюры видно, что собственно дѣло въ ней идетъ не о „брачномъ вопросѣ въ быту учащихся начальной школы“, а о другомъ совершенно предметѣ. Въ нашихъ начальныхъ школахъ,—говоритъ авторъ (стр. 2),—„почему-то признается возможнымъ, если не всегда официально, то частно, выступать съ предъявленіемъ къ учащимъ такихъ требованій по поводу ихъ вступленія въ бракъ, которыя фактически существенно ограничиваютъ ихъ свободу перехода изъ одинокаго состоянія въ семейное и приводятъ иногда дѣло къ вынужденному ихъ безбрачію. Еще не такъ удивительно было бы примѣненіе этихъ стѣсненій въ мирѣ казенныхъ школъ, гдѣ правящія власти могутъ въ такихъ случаяхъ хотя опереться на 9-ю статью X-го тома, но совершенно непонятно, со стороны чисто формальной, въ силу какихъ законныхъ основаній тѣ или другія стѣсненія въ этой области могли бы практиковаться со стороны общественныхъ учреждений въ отношеніи учащихся ихъ вѣдомства, ибо тутъ эта статья (9-я X-го тома) и не можетъ представлять точки опоры“. Вотъ, повидимому, тотъ настоящій вопросъ, который интересуется авторъ; въ доказательство же того, что уже состоялось одно официальное постановленіе по этому предмету, авторъ помѣщаетъ въ приложеніи къ брошюрѣ утвержденный петербургскою городскою Думою, въ 1897 г., „Порядокъ опредѣленія на учительскія должности въ начальныхъ народныхъ училищахъ г. С.-Петербурга“. Въ этихъ правилахъ, между прочимъ, сказано:

„§ 16. Лица, допущенныя въ должности замѣстительницы или въ должности учительницы, при выходѣ замужъ, вмѣстѣ съ симъ, считаются сложившими съ себя званіе учащаго“.

Но и помимо отсутствія „законныхъ основаній“ къ подобному постановленію городской Думы, авторъ, съ другой стороны, задается вопросомъ по существу: „Чѣмъ, спрашивается, мотивируются эти стѣсненія и ограниченія“?..

„Обыкновенно, — отвѣчаетъ авторъ, — мотивами къ тому выставляются соображенія школьныхъ пользы и интересовъ: учитель или учительница, въ особенности если они безбрачны, могутъ безраздѣльно отдаваться школьному дѣлу; они аккуратнѣе по службѣ, въ жизни ихъ скорѣе не встрѣтятся вредныхъ для школы осложнений, къ которымъ можетъ приводить брачное состояніе учащаго, — это обычные открытые мотивы для мѣропріятій указаннаго характера. Едва-ли, однако, мы ошибемся, если къ этимъ мотивамъ прибавимъ еще и другіе, болѣе интимнаго свойства: кажущуюся большую легкость управленія учительскимъ персоналомъ, не имѣющимъ за собою семьи; кажущуюся большую выгодность имѣть на службѣ одинокихъ, для которыхъ не нужно въ такой мѣрѣ заботиться объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія и квартиръ, которые не потребуютъ лишнихъ расходовъ ни на пособіе имъ въ затруднительныхъ случаяхъ, ни на воспитаніе ихъ дѣтей и т. п.

„Какіе изъ этихъ мотивовъ преобладаютъ въ школьной политикѣ покровительства безбрачію учащихся, трудно взвѣсить и опредѣлить въ точности, только несомнѣнно, что и тѣ, и другіе находятъ себѣ въ этомъ дѣлѣ примѣненіе.

„Изъ нихъ первыя, какъ наиболѣе часто приводимыя и касающіяся школьныхъ пользы и интересовъ, заслуживаютъ, конечно, особаго вниманія и особенно серьезнаго анализа, хотя не слѣдуетъ упускать изъ виду и вторыя.

„На ряду съ этимъ, однако, небезполезно задать себѣ вопросъ: не можетъ ли и безбрачное состояніе учащихся приводить къ отрицательнымъ результатамъ для школьнаго дѣла и его интересовъ. Не вліяетъ ли оно угнетающимъ образомъ на обычное настроеніе учащаго? Не страдаетъ ли отъ этого здоровье учащихся. Не отражается ли, при этихъ условіяхъ, безбрачіе учащаго вредно и на учебно-воспитательномъ дѣлѣ его по школѣ“?

Для правильнаго, по мнѣнію автора, и безпристрастнаго рѣшенія всѣхъ поставленныхъ имъ вопросовъ онъ прибѣгнулъ къ подачѣ голосовъ. „Предметъ спора, — говоритъ онъ, — по деликатности и щекотливости своей не позволялъ надѣяться на большое число отвѣтовъ при незначительномъ числѣ опросныхъ писемъ; поэтому мною

разослано было до 700 такихъ писемъ. Нѣкоторые изъ этихъ писемъ не были (?) получены; на громадное большинство я, какъ и слѣдовало (?) ожидать, не получилъ никакого отвѣта; тѣмъ не менѣе, мною все-таки было получено, и довольно скоро, значительное число отвѣтныхъ корреспонденцій,—а именно, авторъ получилъ на 700 разосланныхъ имъ писемъ отвѣтъ отъ одной-десятой ихъ части,—а именно, 70 корреспонденцій. И вотъ общій результатъ этой любопытной подачи голосовъ, для рѣшенія возбужденнаго вопроса баллотировкой:

„Изъ общаго числа,—по словамъ автора,—этихъ 70-ти отвѣтовъ 13 получены мною отъ учителей (9-ти городскихъ и 4-хъ сельскихъ) и 57—отъ учительницъ (50-ти городскихъ и 7-ми сельскихъ). Изъ учителей отвѣтили: 2 холостыхъ (въ возрастѣ 26-ти лѣтъ), 10 женатыхъ (въ возрастѣ отъ 22 до 50-ти лѣтъ) и одинъ вдовецъ (въ возрастѣ свыше 60-ти лѣтъ). Изъ учительницъ отвѣтили: 44 дѣвицы (2 не указавшія возраста, а остальные—въ возрастѣ отъ 22-хъ до 49-ти лѣтъ), 11 замужнихъ (въ возрастѣ отъ 28-ми до 42-хъ лѣтъ) и 2 вдовы (одна—въ возрастѣ около 30-ти лѣтъ, а другая—возраста своего не указавшая). Изъ отвѣтившихъ учительницъ-дѣвицъ лишь 4 оказались въ возрастѣ моложе 25-ти лѣтъ, всѣ же остальные (т.-е. 40) оказались въ возрастѣ 25 лѣтъ и болѣе.

„Изъ 70-ти корреспондентовъ и корреспондентокъ высказались за *предпочтительность брачнаго состоянія учащихъ*: учителей—11 человекъ (въ томъ числѣ 1 холостой, 9 женатыхъ и 1 вдовецъ); учительницъ—35 человекъ (въ томъ числѣ 10 замужнихъ, 1 вдова и 24 дѣвицы въ возрастѣ отъ 22-хъ до 46-ти лѣтъ) и оказались *не противъ брачнаго состоянія учащихъ*: изъ учительницъ-дѣвицъ—8 (въ возрастѣ отъ 30 до 45 лѣтъ, преимущественно—между 30-ю и 40-ка годами); замужняя—1 и учительница-вдова—1. Такимъ образомъ, всѣхъ корреспондентовъ, высказавшихся за брачность учащихъ и не противъ нея, оказалось 56 человекъ (11 учителей и 45 учительницъ), или 80% всѣхъ отвѣчавшихъ. *Противъ брачнаго состоянія учащихъ* или *за предпочтительность ихъ безбрачія* высказались: изъ учителей—1, сельскій и женатый, возражавшій лишь противъ брачности учительницъ, и 1 городской, возражавшій противъ брачности учителей лишь при современной постановкѣ школьнаго дѣла; а изъ учительницъ—12 дѣвицъ, въ возрастѣ отъ 25-ти до 49-ти лѣтъ, въ томъ числѣ 5—въ возрастѣ до 30-ти лѣтъ влѣчительно и 7—въ возрастѣ за 30-ю годами. Такимъ образомъ, всѣхъ, высказавшихся, и вполнѣ, и отчасти, за безбрачіе и за предпочтительность безбрачія учащихъ, оказалось 14 человекъ (2 учителя и 12 учительницъ), т.-е. всего 20%“.

Засимъ, авторъ весьма тщательно дѣлаетъ извлеченія изъ писемъ

какъ про, такъ и contra; эти извлеченія и составляютъ главное содержаніе брошюры, которая заканчивается помѣщеніемъ полностью двухъ писемъ учительницъ, одной—сельской, а другой—городской, и выдержки изъ письма одного старика-учителя городской школы; всѣ они говорятъ о пользѣ брака для школы, но изъ писемъ противоположнаго содержанія не приведено полностью ни одного. Безъ объясненія оставляетъ авторъ и вопросъ: почему изъ 700 учащихся—630 оставили его безъ отвѣта; это, по меньшей степени, мало понятно, и авторъ не дѣлаетъ попытки къ объясненію, почему процентъ не считавшихъ нужнымъ отвѣчать на такой вопросъ такъ великъ!

Интересующіеся знать подробно извлеченное изъ тѣхъ 70 корреспонденцій найдутъ все это въ брошюрѣ, а мы перейдемъ прямо къ заключенію автора, которое, какъ легко увидитъ каждый, не только не оправдываетъ его идеи, но, напротивъ того, говоритъ противъ семейныхъ учительницъ, и говоритъ даже гораздо болѣе, нежели могли бы сказать ихъ противники.

„Всѣ разсмотрѣнные нами факты,—по мнѣнію автора,—склоняютъ насъ, такимъ образомъ, къ тому убѣжденію, что со стороны учреждений и лицъ, отрывающихъ и вѣдающихъ начальныя школы, не только не цѣлесообразно относиться враждебно или отрицательно къ брачному состоянію учащихся въ этихъ школахъ, но, напротивъ, было бы цѣлесообразнѣе, какъ во имя справедливости, такъ и въ интересахъ самого школьнаго дѣла, принять съ своей стороны всѣ мѣры для облегченія учащимъ возможности безпрепятственно вступать въ бракъ, не покидая школьной службы“ (курсивъ автора).

„Какія же для этого нужны мѣры“?—спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Въ тѣхъ же учительскихъ письмахъ есть указанія на цѣлый рядъ такихъ мѣръ. Большинство этихъ указаній сводится, главнымъ образомъ, къ тому, что для безпрепятственнаго вступленія учащихся въ бракъ нужно было бы: 1) *улучшеніе ихъ матеріальнаго положенія* въ такой мѣрѣ, чтобы вознагражденіе ихъ могло хватать на безбѣдное, не только одинокое, но и *семейное* существованіе; 2) *обезпеченіе брачныхъ учащихся* достаточно помѣстительными и изолированными *квартирами при школѣ*; 3) *обезпеченіе учащихся помощи въ дѣлѣ воспитанія ихъ дѣтей*, въ видѣ бесплатнаго обученія ихъ или учрежденія для нихъ стипендій въ учебныхъ заведеніяхъ, устройства для нихъ интернатовъ по городамъ, учрежденія учительскихъ пенсій и т. п.; 4) *облегченіе учащимъ тяжести ихъ школьнаго труда*; 5) *обезпеченіе учащихся путей къ свободному общенію ихъ между собою и съ обществомъ*, и 6) *обезпеченіе замужнихъ учительницъ отпусками и пра-*

вильно организованномъ замѣстительствомъ на время родовъ, больницы и дѣтей" и т. п. (курсивы автора).

Надобно думать, что безъ принятія всѣхъ этихъ „мѣръ“ семейные учащіе, и по мнѣнію автора, не могутъ быть признаны полезными, а принятіе самыхъ мѣръ таково, что оно потребовало бы отъ общественныхъ управленій, содержащихъ училища на свой счетъ, не только расходовъ на содержаніе училищъ, но и на поддержку семейнаго начала въ средѣ учащихся: выходящія замужъ должны получать, по 1 п., въ виду семейнаго существованія, большее содержаніе, нежели незамужнія; при увеличеніи семейства, чего нельзя имъ не желать, по 2 п., нужно дать болѣе помѣстительную квартиру, и кромѣ того, квартира должна быть отдѣлена отъ школы, а потому при школѣ необходимо нанять особое лицо для завѣдыванія школьною квартирою и ея инвентаремъ; по п. 3, городъ долженъ взять на себя обезпеченіе помощи воспитанія дѣтей учащихся, и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, и по мнѣнію автора, только при принятіи всѣхъ упомянутыхъ мѣръ семейные учащіе окажутся даже весьма полезными для училищъ, а, съ другой стороны, принятіе такихъ мѣръ поставитъ городъ въ необходимость заботиться не только о народномъ образованіи, но не менѣе того и о замужествѣ учащихся, и о наилучшемъ устройствѣ ихъ семейной жизни; въ иныхъ же случаяхъ, когда учащая можетъ выйти замужъ—что случается—за неокончившаго курсъ учащагося въ одномъ изъ высшихъ среднихъ заведеній, то, пожалуй, городу придется позаботиться и о содержаніи мужа—не говоря уже дѣтяхъ, о наймѣ для нихъ кормилицъ, нянь и т. п. Перечисленіемъ тѣхъ „мѣръ“ авторъ скорѣе испортилъ свою защиту преимуществъ семейныхъ учащихся предъ несемейными, хотя, съ другой стороны, нельзя не признать, что онъ вполне правъ, утверждая, что всѣ тѣ мѣры необходимы для устраненія возраженій противъ пользы семейныхъ учащихся; придется только все это отнести къ числу „добрыхъ намѣреній“.

Автору, какъ мы замѣтили выше, слѣдовало бы лучше, вмѣсто рѣшенія возбужденнаго имъ вопроса путемъ подачи голосовъ, обратить свое вниманіе на то, что въ Германіи оспариваемый имъ порядокъ существуетъ цѣлыми десятками лѣтъ, а нѣмцамъ трудно отказать въ пониманіи условій благоустройства школьнаго дѣла особенно въ области народной школы.

На вопросъ одному изъ завѣдующихъ инспекціею берлинскихъ народныхъ школъ:—на основаніи какого закона въ Германіи дѣлаютъ такое установленіе, онъ объяснилъ намъ, что на это и не нужно никакого закона, такъ какъ поступленіе на службу учащаго есть результатъ его договора съ городомъ, какой можетъ заключить и частное лицо, не нарушая никакого закона, а именно—взять воспитательницу для

своихъ дѣтей и заявить ей, что, въ случаѣ вступленія ея въ бракъ, она должна будетъ уступить мѣсто другой; то же самое дѣлаетъ и городъ: учительница, вступая въ должность, подписываетъ „Revers“ — даетъ подписку, что она, въ случаѣ выхода замужъ, извѣститъ о томъ инспекцію, а затѣмъ городской магистратъ (управа) выдаетъ ей впередъ за три мѣсяца жалованье, съ пожеланіями всего лучшаго въ бракѣ, мѣсто же ея занимаетъ новая учительница тѣмъ же порядкомъ; если учительница, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы, вышла замужъ и потомъ овдовѣла, то она снова принимается на службу, и съ разрѣшенія городского магистрата ей зачисляются къ пенсіи прежніе годы ея службы. Такой порядокъ установился въ Пруссіи и въ Германіи, вслѣдствіе всеобщаго признанія свѣдущими въ школьномъ дѣлѣ людьми невыгоднымъ для успѣховъ училищнаго дѣла соединенія обязанностей учительницы и матери семейства; и такой порядокъ, продолжаясь десятки лѣтъ, не вызывалъ тамъ никакихъ возраженій и нигдѣмъ не было дѣлано попытокъ къ перерѣшенію его путемъ подачи голосовъ. Вышеупомянутое правило, утвержденное здѣшнейю городскою Думою, очевидно, повторяетъ только то, что давно установлено въ Германіи — за исключеніемъ награды учительницамъ, выходящимъ замужъ — въ видѣ свадебнаго подарка, и что, по нашему мнѣнію, также слѣдовало бы усвоить и у насъ. — М. М.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ были получены Редакціею нижеслѣдующія книги и брошюры:

Абаза, К. В. — Книга для чтенія въ военныхъ школахъ и казармахъ, въ школахъ воскресныхъ и вечернихъ классахъ для взрослыхъ. Съ 27 картин. и планами. 8-е исправл. изд. Спб. 903. Ц. 60 к.

Амтеская, А. Н. — Свѣтъ и тѣни. Повѣсти и рассказы для дѣтей. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Баженовъ, д-ръ мед., Н. Н. — Психіатрическія бесѣды на литературныя и общественныя темы. М. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Витовъ, Юр. — Графъ Л. Н. Толстой въ литературѣ и искусствѣ. Подробный библиографическій указатель русской и иностранной литературы о гр. Л. Н. Толстомъ. Со многими портретами гр. Толстого. М. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Боденштедтъ, Фр. — Пѣсни Мирзы-Шаффа. Перев. съ нѣм. 160-го изданія И. С. Проданъ. 1-ый вып. Юр., 903. Ц. 40 коп.

Будищевъ, Ал. Н. — Я и Онъ. Рассказы. Спб. 903. Ц. 1 р.

Бутовскій, А. Д. — Система шведской педагогической и военной гимнастики. Изд. 2-е. Спб. 903. Ц. 1 р. 35 к.

Введенскій, Арс. И. — Литературныя характеристики. Послѣднія произведенія Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, — Сатиры Щедрина. — Литературное народничество. Гл. Успенскій. Н. Златовратскій. Спб. 903. Ц. 2 р.

Вольманъ, П. С. — Опекѣ и попечительство. Спб. 903. Ц. 60 к.

- Георгіевскій, П. И.* — Краткій учебникъ политической экономіи, 2-е изд., исправл. и дополн. Спб. 903. Ц. 1 р.
- Говорова, С. К.* — Брачный вопросъ въ быту учащихся начальной школы. М. 903. Ц. 25 к.
- Гордѣевъ, П. Р.* — Въ глуши родныхъ стѣнъ. 250 верстъ по Донской области. Спб. 903.
- Грота, Я. К.* — Труды. V: Дѣятельность литературная, педагогическая и общественная. Статьи, путевыя впечатлѣнія, замѣтки, стихи и дѣтское чтеніе. Изд. п. р. проф. К. Я. Грота. Спб. 903. Ц. 3 р.
- Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И.* — Путеводитель по Туркестану и средне-азиатской желѣзной дорогѣ, съ историческимъ очеркомъ сооруженія и эксплуатаціи закаспійской военной желѣзной дороги и очеркомъ сооруженія Оренбургъ-Ташкентской желѣзной дороги, составленнымъ В. Антипинимъ, п. р. Н. Левашева. Съ портретами, 290 фото-типогравюрами и картою средне-азиатскихъ владѣній. Спб. 903.
- Доманскій, Н.* — Среди душевно-больныхъ. Виленская окружная психіатрическая лечебница. Наблюденія и впечатлѣнія. В. 903. Ц. 25 к.
- Евреиновъ, Г. А.* — Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ. Спб. 903.
- Елпатьевскій, С.* — Въ кухнѣ, разск. Изд. вятскаго земства. Вятка. 901. Ц. 5 к.
- Захарыинъ (Якунинъ), И. Н.* — Встрѣчи и воспоминанія. Изъ литературнаго и военнаго міра. Спб. 903. Ц. 1 р. 75 к.
- Зибекъ, Г., проф.* — Прогрессъ, какъ нравственная задача. Съ нѣм., п. р. проф. С. Н. Булгакова. Кіевъ, 903. Ц. 20 к.
- Зудерманъ, Г.* — Собраніе драматическихъ сочиненій. Т. II. Перев. п. р. К. Бальмонта. М. 903. Ц. 1 р. 50 к.
- Измайловъ, А. А. (Смоленскій).* — Въ бурсѣ. Бытовая хроника въ 2 ч. Третья книжка рассказовъ: Oder mortis (Запахъ смерти). — Христовлавы. — Доспѣевъ грѣхъ. — Хиромантикъ. Спб. 903. Ц. 1 р.
- Карпеевъ, Н.* — Государство-городъ античнаго міра. Опытъ историческаго построенія политической и социальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ. Съ 2 историч. картами. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.
- Клоссовскій, А.* — Матеріалы въ вопросу о постановкѣ университетскаго дѣла въ Россіи. Од. 903.
- Ковоплянскій, І. С.* — Наслѣдственность или вѣчное упражненіе? Гипотезы дилетанта. Вильна. 903. Ц. 35 к.
- Коллонтай, А. М.* — Жизнь финляндскихъ рабочихъ. Экономическое изслѣдованіе. Спб. 903. Ц. 2 р. 35 к.
- Круловъ, А. В.* — Вчера и сегодня. Повѣсти и рассказы. М. 903. Ц. 1 р.
- Куракинъ, вв. Ф. А.* — Девятнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, изд. п. р. В. Н. Смольянинова. Т. I. М. 903. Ц. 4 р.
- Лавриновичъ, Ю. Н. (Надеждинъ).* — Очерки французской общественности: I. Журнализмъ и журналисты. — II. Рабочіе союзы. — III. Армія просвѣщенія. — IV. Демократизація науки. — Заботы о будущемъ человѣчествѣ. Спб. 903. Цѣна 1 р. 25 к.
- Ласкоревъ, В.* — Фауна Бугловскихъ слоевъ Золыни. Съ 5 табл. Спб. 903.
- Лемке, Мих.* — Думы журналиста. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.
- Либровичъ, Сиг.* — Непомищкій Царевичъ. Спб. 903. Ц. 1 р.

- Лидовъ, А. П.* — Введеніе въ химическую технологию. Съ 34 рис. Харьк. 903.
- Липтсъ, І.* — Основы психо-физики. Перев. Г. Котляра. Спб. 903. Ц. 40 к.
- Ломакинъ, К.* — Равсваан. М. 903. Ц. 80 к.
- Мижусель, П. Г.* — Средняя школа въ Германіи. Спб. 903. Ц. 60 к.
- Народное образованіе и реформа средней школы въ Норвегіи, по Отто Андерсону и др. источникамъ. Спб. 903. Ц. 50 к.
- Никитинъ, А. Ф.* — Питаніе матросовъ пассажирскихъ пароходовъ рѣки Волги. Спб. 903.
- Нордау, Максъ.* — Собраніе сочиненій. Съ нѣм., п. р. В. Михайлова. I. Рѣчи. II. Докторъ Конъ. III. Письма изъ Парижа. Т. XII. Кіевъ, 903. Цѣна 12 т.—6 р.
- Овсянко-Булковскій, Д., проф.* — Н. В. Гоголь. М. 903. Ц. 1 р.
- Перевъ, П. Д.* — Проложеніе перваго телеграфа черезъ океанъ. М. 903. Ц. 35 к.
- Платонъ.* — Творенія. Перев. съ греч. Влад. Соловьева, М. С. Соловьева и кн. С. Н. Трубецкого. Т. II. М. 903. Ц. 1 р. 50 к.
- Полиновскій, Н. Б.* — Среди босняковъ. Очерки и рассказы. Изд. 2-е. Од. 903. Ц. 15 к.
- Полторацкій, Алексѣй.* — Старымъ варяжскимъ путемъ. Плаваніе кадетъ Подолецкаго корпуса въ 1901 г. изъ Полоцка до Рижскаго залива на яхтѣ „Константинъ“. Спб. 903. Ц. 80 к.
- Поляковъ, М.* — Сионямы и евреи. Спб. 903. Ц. 30 к.
- Пушкинъ, А. С.* — Сочиненія и письма. Т. I: Мелкія стихотворенія, 1812—1824. Критически провѣренное и дополненное по рукописямъ изданіе, съ биографическимъ очеркомъ, вступительными статьями, объяснительными примѣчаніями и художественными приложеніями, п. р. П. О. Морозова. Спб. 903.
- Ренанъ, Эрн.* — Собраніе сочиненій. Т. XII: 1) Историческія статьи. 2) Очерки по исторіи искусства и культуры. Кіевъ, 903. Ц. за 12 т.—6 руб.
- Роменскій, Ю. А.* — Рамайяна. Индійская эпическая поэма. Съ нѣм. Спб. 903.
- Сандръ.* — Рассказы. Спб. 903. Ц. 1 р.
- Санъ-Галли, Фр. К.* — „Culticulum vitae“. Спб. 903.
- Семинъ, Ф. П.* — Памятники земской старины. Спб. 903.
- Сиверсъ, В., проф.* — Серія сочиненій по всемірной географіи: Африка, проф. Ф. Гана. Полный перев. съ 2-го изд. Д. А. Корончевскаго. 200 илл. въ текстѣ, 11 картъ и пр. 15 вынусковъ, по 50 к. Спб. 902.
- Скромный читатель.* — Сонъ: Максимъ Горькій и всѣ „нынѣшніе“. Поэма. Од. 903. Ц. 20 к.
- Скуратовъ, Пав., актеръ.* — Сказки, былины, легенды. Съ рисунк. Кіевъ. 903. Ц. 2 р.
- Столповская, Анна.* — „Проявленіе упадка во Франціи“. По національнымъ источникамъ. М. 903. Ц. 1 р.
- Томолянкъ, В.* — Мошь кооперации. М. 903. Ц. 15 к.
- Третицкиъ, И. Н.* — Переходъ права собственности на движимыя имущества посредствомъ передачи и соглашенія. Од. 903. Ц. 2 р. 50 к.
- Тушинскій, Д. А.* — Попечительства о народной трезвости въ 1900 году. Спб. 903.
- Хломинъ, Г. В., проф.* — Гигіена городовъ. Съ рис. въ текстѣ. Юрьевъ. 903. Ц. 50 к.

Шалландъ, Л.—Юридическая природа территориальнаго верховенства. Историко-догмат. изслѣдованія. Т. I. Спб. 903. Ц. 2 р.

Шершеневскій, Г. Ф.—Учебникъ торговаго права. Каз. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Шотте, Ф.—Самыя необходимыя предохранительныя приспособленія при сельско-хозяйственныхъ машинахъ для огражденія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Съ вѣм. Г. Н. и В. Н. Сажновскія. Кіевъ. 903. Ц. 1 р.

Языковъ, Дм.—Графиня Параскева Ивановна Шереметева. Биограф. очеркъ. М. 903. Ц. 20 к.

— Исполнѣть Федоровичъ Богдановичъ. Биограф. очеркъ. М. 903. Цѣна 20 коп.

Федоровъ, А. М.—Разказы. Кн. 1. Спб. 903. Ц. 1 р.

Fagus.—Ixion, poème. Par. 903. Pr. 3 fr.

Pégaré, madame.—Deuxième Congrès International des Oeuvres et Institutions Féminines, tenu à l'Exposition Universelle de 1900 sous la présidence de Mlle Sarah Manod. T. I—IV. Par. 902.

Radic, Stiepan.—Uznieke Uspomene, U Novem Sadu. 903.

— Геологическія изслѣдованія въ золотоносныхъ областяхъ Сибири. Амурско-Приморскій золотоносный районъ. Вып. III. Спб. 903.

— Изданія Общества ревнителей историческаго просвѣщенія: 1) Мои воспоминанія, 1845—46 г.г., князя А. М. Дондукова-Корсакова, ч. II. 2) Къ портретамъ Н. В. Гоголя, съ приложеніемъ письма его къ графинѣ П. Е. Капнистѣ. 3) Извѣстія Довъ-Хуана Де-Персія, съ испанск. 4) Изъ семейной старины, по бумаг. Остаф. архива кн. Вяземскихъ. 5) Выписка изъ писемъ гр. А. Х. Бенкендорфа къ имп. Николаю I о Пушкинѣ. 6) Матеріалы для біографіи А. П. Волынского. 7) Къ вопросу объ Арсеніи Мацвѣвичѣ. Чтеніе Т. И. Филиппова. Спб. 903.

— Изданія Товарищества „Знаніе“, п. р. Г. Фальборка и В. Черногускаго: 1) Министерскія училища, п. 25 к. 2) Приходскія училища, ц. 25 к. 3) Народныя училища, по Полож. 1874 г., ц. 75 к. 4) Городскія уѣздныя и Маринскія училища, ц. 1 р. 5) Испытанія на званіе начальнаго учителя, ц. 25 к. 6) Испытанія на званіе учителя уѣзднаго училища и т. д., и на первый классный чинъ, ц. 1 р. Спб. 903.

— Матеріалы къ вопросу о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности въ саратовской губерніи. Саратов. 903. Ц. 1 р.

— Отчетъ Тверской Земской Управы за 1901 г. Тв. 903.

— Педагогическіе курсы Нижегородскаго Губернскаго Земства съ 4 по 25 іюня 1902 года. Н.-Новг. 903.

— Русскій Биографическій Словарь. Кнопце—Кюхельбекеръ. Спб. 903.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т.т. 114, 115 и 116. Юрьевъ и Спб. 902—903. Ц. по 3 р.

— Статистика, текущая, состава и естественнаго движенія населенія Сибирской губерніи и ея уѣздовъ, съ распредѣленіемъ по отдѣльнымъ церковнымъ приходамъ и отдѣльнымъ населеннымъ мѣстамъ. Т. I, II и III (1896—1899 г.г.). Сызрань. 902.

— Стенографическій отчетъ заведеній очереднаго Тверскаго Губернскаго Земскаго Собранія и чрезвычайнаго, сессіи 1901 г. Тв. 903.

— Сѣверныя Цвѣты. Третій Альманахъ книгоиздательства „Скорпіонъ“. М. 903. Ц. 1 р. 80 к.

— Труды Красноярскаго Отдѣла Имп. Москов. Общества сельскаго хозяйства. Вып. VI: Нужды сельско-хозяйственной промышленности Енисейской губерніи. Красноярскъ. 903. Ц. 1 р.

— Тюмень въ XVII столѣтіи. Изд. А. И. Чукмадиной. М. 903. Ц. 1 р. 50 коп.

— Уставъ внутренней службы въ артиллеріи. По проекту, Высочайше утвержденному 14 сентября 1902 г. Разработанъ Конст. Арт. Училища гв. капитаномъ А. Н. Никитинымъ. Изд. В. Березовскій. Спб. 903. Ц. 30 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Otto Ernst. Die Gerechtigkeit. Komödie in 5 Akten (Leipzig, Verlag L. Staackmann).

Отто Эрнстъ — нѣмецкій юмористъ, авторъ многочисленныхъ разсказовъ, новеллъ, сатирическихъ очерковъ. Наибольшей извѣстностью онъ пользуется какъ драматургъ своими пьесами „Современная молодежь“ (*Jugend von heute*) и „Воспитатель Флакманъ“ (*Flachsmann als Erzieher*). Къ этимъ пьесамъ присоединилась теперь еще одна комедія нравовъ, подъ заглавiемъ „Справедливость“ (*Die Gerechtigkeit*). Во всѣхъ трехъ пьесахъ интересъ сводится къ сатирѣ нравовъ. Отто Эрнстъ — тонкій наблюдатель и умѣетъ пластично изображать уродливыя явленія жизни. Наибольшій успѣхъ имѣла его комедія „Воспитатель Флакманъ“, въ которой задѣтъ жгучій вопросъ о школьномъ воспитанiи. Нравы, описываемые Эрнстомъ, чисто нѣмецкiе, но пьеса нравится и внѣ Германiи, благодаря чрезвычайно сценичной разработкѣ темы и высказываемымъ авторомъ вѣрнымъ мыслямъ о задачахъ воспитанiя.

Особенность Отто Эрнста заключается въ томъ, что будучи весьма язвительнымъ сатирикомъ, онъ въ то же время большой оптимистъ. Онъ рисуетъ существующее зло, но выводитъ всегда идеальнаго героя, который торжествуетъ надъ окружающею его испорченностью. Этотъ примирительный конецъ его пьесъ и завоевываетъ ему вѣроятно симпатiи публики. Всѣ достаточно наслушались о царящей въ современной жизни тьмѣ, и рады, когда имъ обѣщаютъ, что будетъ свѣтъ. Эрнстъ — серьезный наблюдатель жизни и чуждъ фальшивой идеализацiи въ изображенiи дѣйствительности; — поэтому онъ не изображаетъ торжество добра въ настоящемъ, а только выводитъ отдѣльныхъ правдивыхъ и безкорыстно преданныхъ своему дѣлу людей, — въ существованiе подобныхъ вѣрить всякій, — и только въ концѣ его пьесъ звучитъ свѣтлая нота торжества, или, вѣрнѣе, надежды на лучшее будущее. То, что онъ только намекаетъ на возможность торжества добра въ жизни, а не изображаетъ дѣйствительность въ идеальномъ видѣ, спасаетъ Эрнста отъ сентиментальности и фальши. Господствующимъ элементомъ его комедiй остается остроумная сатира, изображенiе отрицательныхъ типовъ.

Въ „Воспитатель Флакманъ“ изображены педагоги въ мрачныхъ — преувеличенно мрачныхъ краскахъ. Во главѣ школы, которая представлена въ комедіи, стоитъ Флакманъ; онъ не только бездушный формалистъ, сводящій все обученіе къ дисциплинѣ, но прямо негодяй. обманнымъ образомъ добившійся своего положенія. Онъ даже не получилъ нужнаго образованія, а воспользовался бумагами своего брата, умершаго отъ чахотки вскорѣ послѣ того, какъ онъ выдержалъ экзаменъ на школьнаго учителя. Выдавая себя за брата, Флакманъ быстро сдѣлалъ карьеру при помощи интригъ и умѣнья ладить съ начальствомъ. Его педагогическая система очень простая; онъ ставитъ дисциплину выше всего преподаванія, терроризируетъ дѣтей строгостью, старается обезличить ихъ и превратить въ послушныхъ автоматовъ, и требуетъ отъ своихъ подчиненныхъ такого же отношенія къ дѣлу. Въ его школѣ заведено шпионство надъ учителями и учениками съ цѣлью искоренить всякую самобытность въ школьной жизни; отъ учителей требуется полное подчиненіе школьному плану, и Флакманъ дѣлаетъ имъ строгіе выговоры за всякую прогулку въ неурочный часъ, за всякій разговоръ съ дѣтьми и тѣмъ болѣе за чтеніе съ ними чего-нибудь внѣ программы. Главная забота Флакмана направлена при этомъ на выслуживаніе передъ инспекторомъ разными неблаговидными средствами. Для полноты картины Флакманъ представлять человекомъ съ низменными инстинктами; женщины, такъ или иначе зависящія отъ него, матери учениковъ, учительницы, съ трудомъ спасаются отъ его грубыхъ ухаживаній. Въ общемъ этотъ типъ кажется слишкомъ исключительнымъ, уже потому, что Флакманъ — обманщикъ, преступными путями добившійся своего положенія. Но въ лицѣ его мѣтко обличены главныя язвы школьнаго дѣла — формализмъ, обезличивающій учениковъ, и карьеризмъ, замѣняющій любовь къ дѣлу. Учительская среда представлена въ комедіи еще вѣсколькими другими, очень живо изображенными типами педагоговъ, равнодушныхъ къ своему дѣлу, занятыхъ своей карьерой, или же настолько лишенныхъ всякихъ духовныхъ интересовъ, что кромѣ школьныхъ сплетенъ и игры въ карты ничто ихъ не занимаетъ. Къ преподаванію они относятся чисто формально, — они слѣдуютъ школьному плану, справляются съ дѣтьми при помощи колотушекъ, и считаютъ этимъ свой долгъ выполненнымъ. Особенно отталкивающее впечатлѣніе производитъ учитель Дирксъ, положеніе котораго въ школѣ обезпечено тѣмъ, что онъ знаетъ тайну Флакмана. Диркса ненавидятъ и дѣти, и товарищи, всѣ знаютъ о его продѣлкахъ, — но Флакманъ долженъ поддерживать его; онъ хлопочетъ о его повышеніи и топить вмѣстѣ съ нимъ другихъ учителей, пользуясь шпионскими средствами. Но, рисуя въ такомъ мрачномъ свѣтѣ школьное дѣло въ Германіи, Отто

Эристъ противопоставляетъ Флакману и компаніи—людей совершенно другого закала, съ инымъ отношеніемъ къ дѣлу; въ борьбѣ обскурантовъ и карьеристовъ съ предвозвѣстниками „лучшаго будущаго“ заключается драматическій интересъ пьесы. Врагомъ Флакмана и его системы является учитель Флеммингъ, всей душою преданный своему призванію, энергичный и—что самое главное—вѣрющій въ торжество своихъ идеаловъ. Въмѣсто того, чтобы пасть духомъ и озлобиться среди безвыходнаго мрака, Флеммингъ спокойно проводитъ свои педагогическіе принципы, не обращая вниманія на противодѣйствіе директора и злобное отношеніе къ себѣ учительскаго персонала. Дѣти его обожаютъ, ученіе въ его классѣ идетъ успѣшно, но у него происходятъ постоянныя стычки съ Флакманомъ, который всячески старается очернить его передъ высшимъ начальствомъ и добиться его увольненія. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ Флеммингъ долженъ сложить оружіе, но онъ въ сущности и не думаетъ о борьбѣ, а только не отступаетъ отъ своихъ убѣжденій, не поддается угрозамъ директора, свободно высказываетъ ему свое презрѣніе и ведетъ свое дѣло такъ, какъ будто бы не было никакихъ препятствій. Вокругъ него ведутся интриги, ему строятъ разныя козни,—онъ же и не думаетъ отстаивать себя, не старается вредить своимъ врагамъ, а продолжаетъ идеально вести свое дѣло, готовый въ тому, что его могутъ удалить въ каждую данную минуту. Благодаря этой внутренней свободѣ, онъ и одерживаетъ побѣду. Въ школу неожиданно является ревизоръ, и раскрываетъ истину. Онъ сначала враждебно относится къ Флеммингу, въ виду наговоровъ директора и въ виду того, что Флеммингъ навлекъ на себя дисциплинарное взысканіе, оскорбивъ директора. Но постепенно ревизору выясняется настоящее положеніе дѣлъ; онъ видитъ, что предложенный директоромъ на открывшуюся вакансію учитель Дирксъ—отъявленный негодяй, и увольняетъ его; онъ старается также выяснитъ себѣ, почему директоръ рекомендовалъ именно Диркса, и почему онъ питаетъ такую злобу къ Флеммингу. Уволенный Дирксъ мститъ не сумѣвшему отстоять его директору, и въ письмѣ къ ревизору раскрываетъ тайну Флакмана, исторію подмѣннаго диплома. Этимъ все разъясняется: — Флакмана немедленно увольняютъ, и на его мѣсто назначается Флеммингъ; благополучіе послѣдняго увѣнчано еще его женитьбой на молодой учительницѣ, которой очень плохо жилось подъ начальствомъ Флакмана, такъ какъ онъ преслѣдовалъ ее за ея веселость и самостоятельность—и, главное, за то, что она отвергала его ухаживанія.

Счастливая развязка комедіи составляетъ слишкомъ сильный и нѣсколько наивный контрастъ съ преувеличенно-мрачными красками, въ которыхъ изображено положеніе школьнаго дѣла. Авторъ, очевидно,

считаетъ Флаксмана и его единомышленниковъ типичными явленіями, а идеальнаго Флемминга—исключеніемъ изъ общаго правила; странно поэтому, что исключительное торжествуетъ надъ типичнымъ. Но, какъ мы уже сказали, рѣзкость оптимистической развязки смягчается тѣмъ, что она относится къ будущему, а на „лучшее будущее“ надѣются и самые строгіе хулители существующей дѣйствительности. Кроме того, интересенъ путь, на который авторъ комедіи указываетъ всякому, кто искренно стремится къ торжеству добра. Рыцари зла въ его комедіи заняты безконечной войной противъ всѣхъ: чтобы удержаться самимъ, они должны топить другихъ; и отсюда—система шпіонства, интригъ, доносовъ въ школѣ, управляемой Флаксманомъ. Не вѣря въ себя, или, вѣрнѣе, сознавая свою неправоту, они должны постоянно думать о самооборонѣ и нападать на другихъ. Напротивъ того, положительный герой пьесы, Флеммингъ, совершенно спокоенъ въ своемъ служеніи правдѣ, и не думаетъ о самозащитѣ. Его интересуетъ только самое дѣло, которое онъ хочетъ поставить идеально, — и въ этомъ его сила. Онъ могъ бы тоже нападать на своихъ враговъ, обличать ихъ, — ему было бы болѣе легко сдѣлать это, чѣмъ имъ оклеветать его; но еслибы онъ противопоставилъ интригу интригѣ, правда едва ли такъ ярко обнаружилась бы, какъ при его полномъ презрѣніи къ личной борьбѣ. Можетъ быть, въ дѣйствительности Флемминги не такъ легко побѣждаютъ, такъ какъ рѣдко появляются на сценѣ жизни такіе идеальные ищущіе истины ревизоры, какъ въ пьесѣ Отто Эрнста; но если понять этого ревизора символически, какъ воплощеніе строгой и справедливой совѣсти, то нередъ судомъ ея несомнѣнно всегда будутъ торжествовать люди, занятые не личными счетами — хотя бы и вполне справедливыми, — со своими врагами, а тѣ, которые идутъ путемъ правды, не обращая вниманія на жизненныя препятствія, готовые пасть, если ихъ одолѣетъ окружающее зло, — но до конца вѣрныя себѣ.

Новая пьеса Отто Эрнста, „Справедливость“, построена на тѣхъ же контрастахъ царящаго въ обществѣ зла и идеальныхъ стремленій отдѣльныхъ личностей; побѣда, какъ въ „Воспитателѣ Флаксмана“, — на сторонѣ добра. Опять въ концѣ пьесы открывается свѣтлая перспектива „лучшаго будущаго“. Въ „Справедливости“ изображенъ газетный мѣръ; авторъ показываетъ, сколько уродства люди вносятъ въ благородное дѣло, когда превращаютъ его въ орудіе для достиженія мелкихъ житейскихъ цѣлей.

Обличая существующую въ Германіи торговлю общественнымъ мнѣніемъ, Отто Эрнстъ, однако, доказываетъ устами своихъ положительныхъ героевъ, что зло это временное, и что нельзя относиться съ презрѣніемъ къ мнѣніямъ публики только потому, что она легко

поддается воздѣйствію недобросовѣстныхъ журналистовъ и легкомысленно мѣняетъ свои убѣжденія. „Публика, — говоритъ герой пьесы, композиторъ Франкъ, — вовсе не то же самое, что сумма отдѣльныхъ людей; это—новое химическое тѣло, имѣющее свою низмъ еще не разгаданную душу. Сегодня она кричитъ, чтобы распяли пророка, а завтра пламенѣетъ искреннимъ, согласнымъ стихійнымъ возмущеніемъ по поводу какой-нибудь общественной несправедливости. Поэтому значеніе прессы, создающей общественное мнѣніе, безконечно велико. Нужно только знать, что публика похожа на ребенка; она такъ же непостоянна, жестока, несправедлива и жадна, какъ ребенокъ, — но вмѣстѣ съ тѣмъ столь же искренна, безкорыстна, какъ ребенокъ, и главное, ее можно воспитывать, какъ ребенка“. Такимъ отношеніемъ къ общественному мнѣнію и къ роли прессы, Отто Эрнстъ смягчаетъ свою сатиру; она направлена только противъ отдѣльныхъ уродливыхъ явленій, но связана съ идеализаціей журнальной профессіи.

Самое интересное въ комедіи „Справедливость“—сатирическія картины газетныхъ нравовъ; въ нихъ много правды, много юмора, много интересно подмѣченныхъ типовъ. Въ центрѣ дѣйствія стоитъ редакция газеты, носящей названіе „Справедливость“. Иронія заключается въ самомъ названіи, потому что газета, о которой идетъ рѣчь, живетъ шантажемъ, выдумкой завѣдомо ложныхъ сенсационныхъ извѣстій и всякаго рода скандалами. Авторъ примѣняетъ къ ней характерное названіе—„Revolverblatt“. Во главѣ газеты стоитъ почти безграмотный коммерсантъ, не скрывающій своего отношенія къ дѣлу. Онъ откровенно заявляетъ въ редакціонномъ собраніи, что для него изданіе газеты—такое же торговое дѣло, какъ всякое другое: „одинъ торгуетъ мыломъ, другой общественнымъ мнѣніемъ“, — говоритъ онъ. Единственная его забота—имѣть какъ можно больше объявленій. Поэтому онъ требуетъ отъ своихъ сотрудниковъ, и главнымъ образомъ отъ редактора, чтобы газета была какъ можно болѣе сенсационна, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы она угождала всѣмъ партіямъ, потому что —этотъ аргументъ онъ считаетъ неопровержимымъ—соціально-демократическія газеты имѣютъ столько же объявленій, какъ и консервативныя. Когда одинъ изъ сотрудниковъ приходитъ въ ужасъ отъ столь откровеннаго цинизма и напоминаетъ о томъ, что все-таки задача газеты проводить какія-нибудь идеи,—наивный въ своемъ безстыдствѣ издатель добродушно соглашается съ нимъ и говоритъ: „конечно, милый мой, я тоже стою за идеалы. Я и такъ постоянно твержу, что не нужно постоянно писать только пикантно, такъ какъ публика и этого не любитъ“. Составъ редакціи вполне соответствуетъ издателю; въ нее входятъ люди, готовые за деньги защищать все, что угодно, и кромѣ того нѣсколько честолюбцевъ, для которыхъ газета является средствомъ сводить

свои личные счеты. Нравственный облик этих журналистов обрисовывается в столкновении, составляющем сюжет комедии. Вопросы внутренней и внешней политики не волнуют никого из сотрудников „Справедливости“. Оба они согласны, за жалованье, которое им платит издатель, держаться наиболее удобных для распространения газеты мнений в каждый данный момент. Но так как сенсационность газеты обуславливается отношением к мелким злобам дня, городским происшествиям, к людям, занимающим внимание публики, то в этой области сотрудники „Справедливости“ и дают волю своим личным симпатиям и антипатиям. История разыгрывается из-за талантливого композитора Феликса Франка, дирижера симфонического оркестра. Он имеет большой успех в публике, но его одинаково ненавидят и редактор „Справедливости“, и музыкальный критик; первый — за то, что он отказался дать первую партию в своей опере жене редактора, очень плохой певички; второй же — из зависти, так как дирекция местного театра отдала предпочтение опере Франка перед опереткой, написанной музыкальным критиком. Оба они соглашались поэтому начать кампанию против Франка в газете и развешивать его в глазах публики; их отвращенная беседа по этому поводу представлена очень остроумно и зло. Кампания начинается с того, что музыкальный критик заранее пишет рецензию о концерте, в котором Франк должен дирижировать симфонией Бетховена, а затем — своим собственным оркестровым произведением. Критик очень зло высматривает композицию Франка, говоря, что о ней не стоит говорить, потому что о ней уже достаточно говорилось, когда речь шла о разных великих композиторах, которых Франк на этот раз обобрал в своем произведении. Бетховена же, по мнению рецензента, он дирижировал так, как будто хотел спихнуть неудобного конкурента. Написав эту рецензию в день концерта, критик даже не считает нужным пойти послушать Франка и посмотреть, как к нему отнеслась публика. Оказывается, что концерт сошел блестяще, что Франк имел огромный успех, и как композитор, и как дирижер, — и потому появившаяся на другой день в „Справедливости“ рецензия тем более возмущает его. Очень правдиво и с большим юмором представлено во втором акте комедии отношение всех знакомых и друзей Франка к явно несправедливой, злонамеренной рецензии. Во-первых, все спешат или принести, или прислать ему по почте номер газеты, чтобы обратить его внимание на „гнусную клевету“; один приятель приносит ему сам газету, рассказывая в доказательство своей дружбы, что он бегал по всему городу, чтобы раздобыть наконец номер, так как он читается нарасхват. Другой, особенно сердобольный прия-

тель приходится выражать свои соболѣзнованія по поводу того, что столь уничтожающій отзывъ можетъ сильно повредить молодому композитору; онъ пространно говоритъ о распространенности газеты „Справедливость“ и съ возмущеніемъ цитируетъ особенно злыя мѣста рецензій, которую онъ запомнилъ отъ слова до слова. Конечно,—говоритъ онъ взволнованному композитору и его старухѣ-матери,—все это чистѣйшая клевета; рецензентъ, очевидно, не былъ въ концертѣ и преслѣдуетъ какія-то личныя цѣли. но „голосъ прессы“ и т. д. Франкъ раздраженъ и самой рецензійей, и отношеніемъ къ ней знакомыхъ, и рѣшается вступить въ борьбу съ газетой, которая задѣла его честь, назвавъ его музыку воровствомъ. Его другъ, редакторъ честной, но очень мало распространенной газеты, старается отговорить его, но, въ виду его твердой рѣшимости, предоставляетъ ему для борьбы столбцы своей газеты. Начинается полемика, которою издатель „Справедливости“ весьма доволенъ, такъ какъ она поднимаетъ тиражъ газеты. Онъ на время требуетъ остановки полемики, потому что издатель Франка пришелъ къ нему и далъ на значительную сумму объявленій о сочиненіяхъ молодого композитора. Но травля Франка вскорѣ возобновляется по желанію другого полезнаго для газеты человѣка, богатаго банкира; Франкъ приходитъ почти въ отчаяніе отъ изливаемой на него ежедневно грязи, не можетъ работать, но твердо рѣшается не прекращать борьбы, пока не возстановитъ свое доброе имя. Его раздражаетъ къ тому же отношеніе знакомыхъ, которые какъ бы нарочно преувеличиваютъ значеніе нападокъ газеты, и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтуютъ ему прекратить борьбу. Онъ чувствуетъ себя одинокимъ, отвергнутымъ всѣми, падаетъ духомъ;—ему кажется, что наступилъ конецъ его музыкальной дѣятельности. Ему предстоитъ сдѣлать послѣдній рѣшительный шагъ въ разгорѣвшейся борьбѣ. Въ мѣстномъ театрѣ должна пойти его опера, и за день до представленія въ „Справедливости“ появляется уничтожающій ее разборъ, написанный послѣ генеральной репетиціи, на которую рецензентъ пробрался обманнымъ образомъ. Директоръ, искренній поклонникъ Франка, приходитъ къ нему, и убѣждаетъ его отложить представленіе, чтобы избѣгнуть скандала. Франкъ ни за что не соглашается, хотя на этотъ разъ и мать его, поддерживавшая его, колеблется и даетъ понять сыну, что лучше было бы на этотъ разъ отказаться отъ борьбы. Франкъ—въ отчаяніи, но его спасаетъ неожиданное. Къ нему является незнакомая дѣвушка, дочь одного изъ сотрудниковъ „Справедливости“. Она приходитъ только позать ему руку, сообщаетъ ему также, что отецъ ея ушелъ изъ газеты, возмущенный травлей Франка. Изъ ея словъ Франкъ понимаетъ, что ея отцу трудно было рѣшиться на этотъ шагъ, такъ какъ семья у него большая, и онъ ее поддерживалъ

только своей журнальной работой. Это неожиданное сочувствие знакомой дѣвушки сразу перерождает Франка, возвращает ему вѣру въ себя и надежду на лучшее будущее. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы опера была поставлена, заражаетъ исполнителей своимъ приподнятымъ настроеніемъ, и опера проходитъ съ блескомъ. Франкъ торжествуетъ надъ врагами; въ концѣ представленія къ нему приходитъ за кулисы издатель „Справедливости“, и съ наивнымъ цинизмомъ „торговца общественнымъ мнѣніемъ“ предлагаетъ ему быть отнынѣ его союзникомъ; онъ говоритъ, что удалить преслѣдовавшихъ его сотрудниковъ, и что отнынѣ онъ всецѣло къ услугамъ любимца публики. Франкъ только удивленно смотритъ на него, и когда другіе объясняютъ издателю, что ему лучше уйти прежде, чѣмъ его прогнать, издатель добродушно уходитъ, не понимая, что собственно случилось. Благополучный исходъ борьбы завершается, конечно, женитьбой Франка на спасшей его своимъ сочувствіемъ дѣвушкѣ. Правда и на этотъ разъ, какъ и въ „Воспитатель Флакманъ“, торжествуетъ. Но интересъ комедіи—не въ этой развязкѣ, указывающей на „лучшее будущее“, а въ сатирическомъ изображеніи газетныхъ нравовъ въ Германіи. Сцена въ редакціи, откровенные „дѣловые“ разговоры сотрудниковъ между собой, выходки *enfant terrible* редакціи, пьяницы Клебеля, написаны чрезвычайно живо, сценично и остроумно.

II.

Henri de Regnier. Mariage de Minuit. Roman. Стр. 316 (Paris, 1903, Edit. du „Mercure de France“).

Анри де-Ренье—поэтъ и романистъ, въ произведеніяхъ котораго художественность формы преобладаетъ надъ идейностью содержанія. Въ современной французской поэзіи онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ своими почти классическими по формѣ, спокойными и отточенными стихами, соединяющими пластичность описаній съ пышностью красокъ. Основные мотивы его поэзіи—описанія природы, неодушевленныхъ предметовъ, воспоминанія классической древности, причемъ эти вѣчные мотивы носятъ у него очень индивидуальную окраску; онъ—классикъ безъ паеоса, лирикъ безъ романтизма, поэтъ сложныхъ ощущеній; жизнь его печалитъ и пугаетъ своей грубостью и жестокостью, и въ то же время примиряетъ тѣмъ, что въ формахъ внѣшняго міра, а также и въ душѣ человѣческой есть вѣчно прекрасное. Онъ бѣжитъ отъ живой дѣйствительности, предпочитая ей прекрасныя неживыя формы предметовъ или освященную искусствомъ древ-

ность, но въ этотъ отдаленный отъ жизни мѣръ онъ вноситъ и грусть, и надежды современной души, ея тревожное отношеніе къ красотѣ, какъ къ символу высшей цѣли бытія.

Въ своей прозѣ Анри де-Ренъе—такой же эстетъ, какъ и въ поэзіи. Романы его менѣе всего поучительны; они не касаются нравственныхъ проблемъ, волнующихъ современное общество, не рѣшаютъ сложныхъ задачъ живой дѣйствительности, а въ намѣренно легкомъ, слегка сатирическомъ и въ высшей степени художественномъ тонѣ возсоздаютъ жизнь *grand' seigneurs'*овъ старой Франціи, т.-е. людей, для которыхъ цѣль существованія заключалась въ удовольствіи, и которые владѣли въ совершенствѣ искусствомъ жить и разнообразить свои ощущенія, сохраняя благородство и въ легкомысліи. Искусство это утрачено людьми нашего вѣка съ его усложнившимися во всѣхъ отношеніяхъ запросами. Но въ анализъ легкомыслія былыхъ временъ Ренъе вноситъ большую тонкость психологическаго пониманія и затрогиваетъ глубокія струны человѣческаго сердца. Въ центрѣ его романовъ стоитъ всегда какое-нибудь сложное, противорѣчивое душевное переживаніе, какой-нибудь капризъ чувства—une complication sentimentale—не трагичное, но раскрывающее неожиданную вѣжность и душевную красоту въ поверхностныхъ, занятыхъ, казалось бы, только свѣтскими развлеченіями натурахъ. Тотъ моментъ, когда сильное, иногда идущее въ разрѣзъ со всѣми обычными условіями и обстоятельствами жизни, влеченіе къ другому существу измѣняетъ всю атмосферу жизни, представленъ въ романахъ Ренъе съ большой художественностью и вдумчивостью. Самое интересное въ его романахъ—тонъ его описаній жизни, скептической и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжный и скорбный, когда онъ обнажаетъ скрытую глубину чувствъ. Онъ потому и выбираетъ для своихъ романовъ жизнь вельможъ стараго времени, что въ ней больше беззаботности, на фонѣ которой яснѣе выступаютъ проблески глубокихъ и своеобразныхъ, захватывающихъ все существо чувствъ. Особенно художественъ въ этомъ отношеніи его романъ „*Double maitresse*“, гдѣ рассказанный въ шутовомъ и неприязнательномъ тонѣ „капризъ чувства“ даетъ автору матеріалъ для тонкихъ наблюденій надъ человѣческимъ сердцемъ.

Новый романъ Ренъе, „*Marriage de Minuit*“, по тону напоминаетъ прежніе. Въ немъ выступаютъ болѣе или менѣе праздные свѣтскіе люди, занятые культомъ наслажденія, понимаемаго каждымъ изъ нихъ по своему; вниманіе автора сосредоточено главнымъ образомъ на изображеніи своеобразныхъ, психологически интересныхъ фигуръ. Дѣйствіе на этотъ разъ перенесено въ современность; въ романѣ изображенъ Парижъ послѣднихъ лѣтъ, свѣтскій кругъ, живущій, конечно, не такъ беззаботно, какъ вельможи XVII и XVIII-го вѣка, но все-же

имѣющій возможность и досугъ предаваться и культу утонченныхъ ощущений, и разнымъ прихотямъ и причудамъ, которыхъ не мало описано въ романахъ. Ту же среду описываютъ многіе изъ модныхъ французскихъ романистовъ—и Бурже, и Оне, и др., но у нихъ весь интересъ свѣтской жизни сводится къ пошлымъ любовнымъ интригамъ, до того похожимъ одна на другую, что трудно различить героевъ одного романа отъ героевъ другого; къ тому же, ихъ не существованию мелкія и мимолетныя сердечныя переживанія представлены часто въ трагическомъ видѣ, что дѣлаетъ ихъ еще болѣе неправдоподобными и потому мало любопытными, показывая, что авторъ стоитъ не выше описываемой имъ среды, а принимаетъ въ серьезъ ея призрачныя интересы. „Mariage de Minuit“ составляетъ полную противоположность романамъ этого господствующаго во Франціи типа. Рене относится къ выведеннымъ имъ лицамъ съ улыбкой, сильно напоминающей въ этомъ отношеніи Анатоля Франса; онъ отмѣчаетъ курьезы свѣтской жизни, рисуетъ маниаковъ и оригиналовъ, возможныхъ только въ этой средѣ, воссоздаетъ общій тонъ суеты, царящей въ свѣтскомъ кругу, выводитъ на сцену изворотливыхъ карьеристовъ, добивающихся успѣха разными неблаговидными средствами, рисуетъ свѣтскихъ женщинъ, вѣтренныхъ и всецѣло поглощенныхъ любовными интригами; но онъ не вноситъ въ свое повѣствованіе злобнаго сатирическаго тона, какъ это дѣлаютъ послѣдователи Золя, а также не примыкаетъ къ школѣ Бурже, и не смѣшиваетъ чувственныхъ капризовъ избалованныхъ и пресыщенныхъ людей съ глубокими человѣческими страстями. Онъ беретъ въ романъ очень вѣрный тонъ любопытствующаго философа, ничего не осуждающаго и не увлекающагося наблюдаемыми имъ явленіями,—и въ этомъ заключается художественное достоинство его романа.

Въ „Mariage de Minuit“ представленъ интересный психологическій случай. Франсуаза Деклере, дочь разорившагося аристократа, легкомысленнаго чудака, погубившаго семью своей страстью къ дѣловымъ предпріятіямъ, живетъ у своей тетки, возвращается въ свѣтскомъ кругу, въ которомъ ея положеніе крайне тяжелое: всѣ знаютъ, что она бѣдна, что не можетъ рассчитывать на замужество въ своемъ кругу, и потому считаютъ ее способной на пошлыя и грубыя авантюры. Франсуаза понимаетъ свое положеніе—понимаетъ жизнь, смотритъ открытыми глазами на окружающихъ ее людей, ничѣмъ не возмущается, но сохраняетъ среди развращающей обстановки нетронутую, чистую душу. Она—не наивная „petite oie blanche“, какъ большинство дѣвушекъ во французскихъ романахъ изъ свѣтской жизни, а свободная женщина съ чистыми помыслами, умѣющая не только беспомощно страдать подъ гнетомъ обстоятельствъ, но дѣйствовать и устроить жизнь

по-своему. Этотъ новый во французской литературѣ типъ свободной и самостоятельной женщины составляетъ психологическій интересъ романа Ренье; онъ представляетъ психологическую загадку своимъ контрастомъ съ окружающею жизнью, и эта загадочность привлекаетъ Ренье, занятаго вѣчнымъ исканіемъ психологическихъ курьезовъ въ своихъ романахъ. Судьба Франсуазы описана въ романѣ безъ трагизма, очень просто и живоенно, но глубина и стойкость ея натуры выступаетъ тѣмъ болѣе ярко, что никакой внѣшней драмы въ ея жизни не происходитъ. Франсуаза рано стала понимать жизнь: ея дѣтство и первая юность прошли въ путешествіяхъ по всей Европѣ,—отецъ ея среди своихъ безумныхъ дѣловыхъ предпріятій переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто и возилъ съ собою дочь, вѣчно мечтая о томъ, какъ онъ разбогатѣетъ и возстановитъ великолѣпіе своего родового помѣстья; Франсуаза проводила длинные вечера съ отцомъ въ разныхъ городахъ Европы за чертежами плановъ, за мечтами о перестройкѣ ихъ развалившагося замка. Потомъ наступило окончательное разореніе, смерть отца, затѣмъ матери, и на душѣ Франсуазы накопилось много разочарованій и несбывшихся надеждъ. Она переселяется въ Парижъ къ своей дальней родственницѣ, которая почему-то называетъ себя ея теткой, и входитъ въ богатый аристократическій кругъ, сразу внушающій ей отвращеніе. Она научилась рано понимать людей, и потому никакой иллюзіи не питаетъ относительно своей новой обстановки. Ея тетка, м-мъ Бриньянъ, проживааетъ остатки молодости въ любовныхъ приключеніяхъ, и очень неразборчива въ своихъ увлеченіяхъ. Франсуаза все это видитъ, понимаетъ и тѣмъ болѣе страдаетъ, что поведеніе тетки набрасываетъ тѣнь и на нее. До нея доходятъ обрывки сплетенъ про нее; она получаетъ письма съ наглыми предложеніями, и даже почти этимъ не возмущается, понимая, что иначе и быть не можетъ при данныхъ условіяхъ. Изъ любви къ ней ея тетка хочетъ выдать ее замужъ, и она сама по благоразумію не противится этимъ планамъ;—но когда планы принимаютъ осязательную форму, и она встрѣчается съ притязателемъ на ея руку, она очень рѣзко разбиваетъ возможность предполагаемаго брака. Ей сватаютъ стараго маниака, помѣшаннаго на коллекціонированіи драгоцѣннаго стекла и хрустала, но ее такъ ужасаетъ мысль жить взаперти въ его венеціанскомъ замкѣ, среди драгоцѣнныхъ коллекцій, что она, чтобы испугать его, роиаетъ драгоцѣнный многотысячный бокалъ, въ которомъ онъ подаетъ ей вино; старикъ убѣгается въ ужасѣ, несмотря на то, что молодая, красивая дѣвушка очень ему понравилась. Франсуаза продолжаетъ жить у тетки, среди вѣчныхъ столкновеній съ наглыми людьми, не допускающими мысли о томъ, что она неприступна; у нея есть другъ, старый князь Берсене, съ которымъ она совершаетъ

прогулки, не обращая вниманія на сплетни, которыя распространяются по этому поводу; ей нравятся умныя рѣчи старика, его мѣткія сужденія о людяхъ и сохранившаяся въ немъ вѣра въ добро. Есть у нея и молодой другъ, Филиппъ Легардуа, но у нихъ отношенія чисто пріятельскія, и дѣвушка сама не подозреваетъ, что между ними зарождается болѣе нѣжное чувство. Она знаетъ, что другъ ея ведетъ разсѣянную свѣтскую жизнь, но относится къ этому очень просто, и при случаѣ говоритъ ему о красотѣ его пріятельницъ. Ея жизнь — тяжелая, почти безвыходная, но такъ какъ никакихъ вѣшнихъ катастрофъ не происходитъ, то она по-своему мирится со своей судьбой, сохраняя личную свободу среди окружающей грязи. Моментъ рѣшительнаго дѣйствія наступаетъ со смертью князя Версене, ея стараго друга. Она идетъ на похороны одна, — ея тетка отговаривается нездоровьемъ. Отпѣваніе кончается очень скоро; у Франсуазы очень тяжело на душѣ, она не ѣдетъ на кладбище и возвращается домой ранѣе, чѣмъ предполагалось; дома ее не ждали, и она натывается на слишкомъ откровенную сцену любовнаго свиданія м-мъ Бриньянъ съ ея возлюбленнымъ. Контрастъ настроенія, въ которомъ она пришла домой, съ тѣмъ, что она застаётъ дома, такъ сильно дѣйствуетъ на Франсуазу, что она немедленно уходитъ, съ твердой рѣшимостью не возвращаться къ теткѣ. Единственный для нея исходъ — замужество; она идетъ къ ухаживавшему за ней молодому романисту, и предлагаетъ ему жениться на ней, приводя его этимъ въ величайшее смущеніе. Онъ — слишкомъ тонкій эгоистъ, слишкомъ боится всякаго глубокаго и дѣлающагося чувства, слишкомъ боится разочарованія, чтобы связать себя на всю жизнь съ женщиной, которая ему пока только нравится. Онъ отказывается отъ руки Франсуазы, — почти съ отчаяніемъ, потому что чувствуетъ, что любить ее; но ему слишкомъ дорогъ покой, и онъ допускаетъ въ жизни только удовольствія, и боится всего, что связываетъ душу. Франсуаза уходитъ съ тяжелымъ чувствомъ, — она увидѣла еще одинъ примѣръ развращающаго вліянія свѣтской пустоты на человѣка съ несомнѣнно тонкой организацией. Она идетъ къ Легардуа, и проситъ его дать ей пріютъ въ его помѣстьѣ, въ деревнѣ, гдѣ никто теперь не живетъ. Въ бесѣдѣ съ Легардуа выясняется ихъ взаимное чувство, — Франсуаза спасена любовью. Она выходитъ замужъ за Филиппа; они уѣзжаютъ вдвоемъ въ его помѣстье, и тамъ забываютъ объ оставленномъ ими суетномъ свѣтѣ. Въ полночь, когда они выходятъ въ одинокой паркъ и обмѣниваются поцѣлуемъ при свѣтѣ луны, они чувствуютъ спасительную силу любви, которая очищаетъ душу отъ всѣхъ разочарованій, отъ всякой горести. Эта послѣдняя сцена, символизирующая власть любви, и объясняетъ заглавіе романа — „Mariage de Minuit“.

Вокругъ этого центрального дѣйствія сгруппированы въ романѣ интересные типы свѣтскихъ людей. Особенно удаются Ренье фигуры оригиналовъ-стариковъ. Коллекционеръ Гангдорфъ, влюбленный въ хрусталь и стекло, изящный и умный князь Берсене, распутный и вмѣстѣ съ тѣмъ практичный маркизъ Бокинкуръ,—все это портреты, напоминающіе своей законченностью, пластичностью и своеобразностью знаменитые „портреты“ Лабрюйера. Болѣе современенъ свѣтскій аферистъ, де Серпиньи, эксплуатирующій талантъ простаго рабочаго керамиста и выдающій его работы за свои. Со своей обычной любовью къ описаніямъ неодушевленныхъ предметовъ, Ренье удѣляетъ много мѣста описаніямъ коллекцій Гангдорфа и работъ Серпиньи. Стекло и вазы кажутся совершенно живыми въ его подробныхъ, сдѣланныхъ съ большимъ знаніемъ предмета описаніяхъ; страницы эти напоминаютъ отчасти нѣкоторыя сцены изъ знаменитаго романа Гюисманса „А gebours“, а во всемъ тонѣ романа, въ описаніяхъ свѣтской среды и душевныхъ переживаній героевъ, сказывается вліяніе Анатоля Франса. Въ общемъ романъ несомнѣнно интересенъ художественностью отдѣльныхъ характеристикъ и тонкостью психологическаго анализа.--З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 мая 1903.

Национализмъ „первобытный“ и „просвѣщенный“.—Газетная инквизиція.—Обвиненія; граничащія съ клеветою.—Еврейскій погромъ въ Кишиневѣ.—Два доклада о юридическомъ положеніи евреевъ.—Народныя чтенія въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Земская медицина и земская статистика.

Въ нашей предыдущей общественной хроникѣ мы выразили убѣжденіе, что „люди, достигшіе извѣстной степени развитія, не могутъ застыть на первобытныхъ формахъ націонализма, игнорирующихъ чужія особенности, чужое право“. Въ этихъ словахъ одна изъ петербургскихъ газетъ усмотрѣла, по совершенно своеобразнымъ мотивамъ, „знаменіе времени“. „Идея націонализма“—читаемъ мы въ „Новомъ Времени“ (№ 9739)—„носится въ воздухѣ. Потребность въ проясненіи національнаго сознанія—это неудержимо, хотя и неторопливо нарастающее въ нѣдрахъ развивающагося общества новое и властное желаніе. И вотъ, журналъ невольно включилъ въ свое исповѣданіе вѣры это вѣщее слово. Правда, онъ ставитъ его пока очень робко и лишь въ отрицательной формѣ; но если онъ противъ *первобытныхъ формъ націонализма*, значитъ онъ не имѣетъ ничего противъ націонализма просвѣщеннаго. Национализмъ, признающій чужія особенности и чужое право, очевидно допустимъ съ точки зрѣнія журнала“. Нѣтъ, это вовсе не очевидно; выводъ, сдѣланный изъ нашихъ словъ, не имѣетъ ничего общаго съ нашей настоящей мыслью. Мы употребили терминъ: *націонализмъ* въ томъ значеніи, какое упрочено за нимъ Владиміромъ Соловьевымъ. Национализмъ, по опредѣленію покойнаго мыслителя ¹⁾—это „превращеніе живого національнаго сознанія въ отвлеченный принципъ, утверждающій *національное* какъ безусловную противоположность *универсальному* и *свое, родное*—какъ безусловную противоположность *чужеземному*“. Признавая такой націонализмъ воззрѣніемъ анти-историческимъ, не допускающимъ теоретическаго оправданія, Соловьевъ находилъ, что „практическое значеніе онъ отчасти имѣетъ какъ знамя дурныхъ народныхъ страстей, особенно въ странахъ съ пестрымъ многонароднымъ населеніемъ“. Понимаемый такимъ образомъ, націонализмъ можетъ облекаться—и облекается на самомъ дѣлѣ—въ весьма различныя формы, начиная съ „первобыт-

¹⁾ См. „Энциклопедическій Словаръ“ Брокгауза и Ефрона“, т. XX, стр. 710.

ныхъ“, т.-е. простѣйшихъ и грубѣйшихъ, до сравнительно мягкихъ и утонченныхъ. Мы говорили о *первобытныхъ* формахъ націонализма, потому что именно съ ними всего чаще приходится встрѣчаться въ русскомъ обществѣ и русской печати; но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы съ нашей точки зрѣнія былъ допустимъ націонализмъ „просвѣщенный“. Въ чемъ состоитъ такой націонализмъ и къ чему онъ приводитъ—это можно наблюдать во Франціи, въ Англии, въ Германіи. Во Франціи, подъ его вліяніемъ, въ широкихъ сферахъ долго держалась мысль, что французамъ нечему учиться за границей, что французское всегда и во всемъ лучше не-французскаго. Тяжелый опытъ нанесъ ударъ этому самообольщенію, но не разрушилъ его совершенно. Обломки націоналистическихъ предразсудковъ являются до сихъ поръ не только точкой опоры для цѣлой партіи, но и трудно преодолимой преградой на пути къ социальнымъ реформамъ. Въ Англии націонализмъ, въ союзѣ съ „империализмомъ“, затормазилъ внутреннее развитіе страны и способствовалъ паденію ея нравственнаго авторитета. Въ Германіи, послѣ ея объединенія, онъ внесъ много нежелательнаго въ общественную жизнь и создалъ на окраинахъ имперіи нѣсколько очаговъ недовольства, искры котораго легко могутъ разгорѣться въ цѣлое пламя. На примѣрѣ Германіи всего удобнѣе провѣрить справедливость словъ Соловьева объ особенной опасности націонализма въ странахъ съ пестрымъ многонароднымъ населеніемъ. Къ числу такихъ странъ принадлежитъ и Россія—и для нея одинаково нежелателенъ какъ „первобытный“, такъ и „просвѣщенный“ націонализмъ.

Что „национализмъ“, въ специфическомъ смыслѣ слова, имѣется у насъ на лицо, проявляясь, бѣльшую частью, въ „первобытныхъ“ формахъ—это признала недавно та самая газета, которой мы теперь возражаемъ: припомнимъ полемику между гг. Сигмой и Величко, о которой шла рѣчь въ нашей предыдущей хроникѣ. „Бездоказательное обвиненіе цѣлыхъ группъ русскихъ гражданъ въ политической неблагонадежности“, которое г. Сигма ставилъ въ вину своему противнику—такое излюбленное орудіе публицистовъ, именующихъ себя русскими по преимуществу. Иновѣрцы и инородцы, которыхъ въ Россіи такъ много—таковы обычные объекты травли, производимой во имя національнаго принципа. „О, національность!“—можно было бы воскликнуть, пародируя предсмертныя слова одной изъ жертвъ французской революціи,—„сколько во имя твое произносится нехорошихъ словъ и совершается нехорошихъ дѣяній!“ Первобытныхъ формъ націонализма не чужды, впрочемъ, и тѣ органы печати, которые иногда считаютъ нужнымъ отъ нихъ отречься. Не лучше профессиональныхъ націоналистовъ они относятся, на примѣрѣ, къ еврейскому вопросу, да и ко многимъ

другимъ, возникающимъ на окраинахъ Россіи. Совершенно напрасно такое отношеніе прикрывается именемъ *просвѣщеннаго* націонализма; по самому своему существу оно прямо противоположно требованіямъ истиннаго просвѣщенія. Совершенно напрасно, также, сводится рѣчь на то, какъ отражается просвѣщенный націонализмъ на настроеніи *народа*: націонализмъ, въ занимающемъ насъ смыслѣ, является искусственнымъ продуктомъ искусственно созданной теоріи и, слѣдовательно, не можетъ быть свойственъ цѣлому народу. Подчинить своей власти онъ можетъ только отдѣльныя группы или партіи — и въ нихъ онъ меньше всего развиваетъ уваженіе къ чужой самостоятельности, къ чужому праву. Поклоняясь только *своему*, свое вознося надъ всѣмъ остальнымъ, онъ стремится доставить этому *своему* господство не только въ предѣлахъ *нации*, но и въ предѣлахъ *государства* — государства, въ составъ котораго входитъ, сплошь и рядомъ, разноплеменное населеніе. На этомъ пути онъ неизбѣжно идетъ въ разрѣзъ съ гуманностью и либерализмомъ, являясь, по выраженію Соловьева, „отрицаніемъ альтруизма и человѣческой солидарности“.

„Совершенно немислимо“ — сказано было нами въ той же хроникѣ, — „чтобы люди, достигшіе извѣстной степени развитія, стали равнодушны къ свободѣ совѣсти, свободѣ слова, свободѣ личности“. Къ вопросу, затронутому въ этихъ словахъ, газета, которой мы возражаемъ, относится съ крайнимъ оптимизмомъ. „Кто же изъ насъ“ — восклицаетъ она — „не признаетъ свободы слова и совѣсти, свободы личности человѣческой? Всѣ признаютъ. Это не прерогативы, это просто человѣческія права, безъ которыхъ человѣкъ — не человѣкъ. Если въ этомъ либерализмъ, то кто же изъ русскихъ просто порядочныхъ людей не либераль? Кому же еще надо это доказывать? Это такая же общепринятая и общеобязательная истина, какъ та, что мы всѣ говоримъ прозой“. Итакъ, либералами сначала оказывались *все* безъ оговорки, потомъ — *все просто порядочные люди*. Даже и къ этой, значительно смягченной формулѣ газета могла придти только потому, что заговорила о свободѣ, какъ о естественномъ правѣ человека, тогда какъ мы понимали ее въ смыслѣ права признаннаго и гарантированнаго государствомъ. Что свобода въ послѣднемъ смыслѣ — свобода слова, совѣсти, личности — признана у насъ далеко не всѣми и на практикѣ не существуетъ почти вовсе, это, къ сожалѣнію, не подлежитъ никакому сомнѣнію и спору: а пока это такъ, до тѣхъ поръ не можетъ исчезнуть въ средѣ общества настроеніе, именуемое либерализмомъ, не можетъ прекратиться борьба между нимъ и враждебными ему теченіями. Доказательство этому — одно изъ безконечно многихъ — авторъ статьи „Новаго Времени“ могъ бы найти въ фельетонѣ г. Розанова, всего днемъ раньше появившемся въ той же га-

зетѣ и вызванномъ именно безцеремоннымъ посягательствомъ на свободу слова и свободу совѣсти. Оставаясь вѣрными своей обычной роли, „Московскія Вѣдомости“ напечатали діатрибу противъ религиозно-философскихъ собраний, происходившихъ, съ весны прошлаго года, въ Петербургѣ, и противъ журнала („Новый Путь“), въ которомъ печатались протоколы этихъ собраний. Діатриба, какъ и слѣдовало ожидать, обратилась въ обвинительный актъ и закончилась призывомъ къ бдительности начальства. „Явились лукавые ревнители, которые желали бы совершенно устранить церковную власть. Правда, объ этой цѣли они пока благоразумно молчатъ... Нашлись отдѣльные представители церкви, которые сами поспѣшили, ради дешевой популярности, примкнуть къ интеллигентамъ, чтобы утвердить ихъ въ убѣжденіи, будто можно быть христіанами, не соблюдая правилъ и обрядовъ православной церкви и даже совершенно ее игнорируя. И вотъ, у насъ началась открытая проповѣдь безцерковнаго и даже антицерковнаго христіанства въ публичныхъ чтеніяхъ, газетныхъ статьяхъ и даже въ специальномъ, для сего созданномъ, *противоцерковномъ* журналь. *Безпрепятственность этой пропаганды вводила многихъ въ ружьица въ соблазнъ, а многихъ и въ смущеніе*... Препятствія, преграды, запрещенія—вотъ, слѣдовательно, конечная цѣль „сообщенія“, появившагося на страницахъ московской газеты. Не о возраженіяхъ она думаетъ, не о борьбѣ равнымъ оружіемъ, а о вмѣшательствѣ, устраняющемъ возможность борьбы. Можно ли говорить, въ виду этого, объ общепризнанности свободы?... Мы узнаемъ отъ г. Розанова, что редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ просилъ, истекшей зимой, о допущеніи его въ религиозно-философское собраніе, но получалъ отказъ, вызванный воспоминаніемъ о томъ, какъ, проникнувъ однажды въ закрытое засѣданіе московскаго психологическаго общества, г. Грингмутъ поднималъ въ печати „злостную обвинительную кампанію“ противъ прочтенной въ этомъ засѣданіи рѣчи Влад. Соловьева. Болѣе чѣмъ правдоподобно предположеніе г. Розанова, что между недовѣріемъ къ г. Грингмуту, выразившимся въ только-что упомянутомъ отказѣ, и обличительной статьёй „Московскихъ Вѣдомостей“ существуетъ тѣсная внутренняя связь. Ясно, во всякомъ случаѣ, что собранія, для присутствованія въ которыхъ необходимо особое разрѣшеніе, не принадлежать къ категоріи *публичныхъ*. Лучше чѣмъ кто-нибудь это долженъ былъ знать г. Грингмутъ; но публичность, съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“, является обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину—и этого достаточно, чтобы приписать ее религиозно-философскимъ собраниямъ. Правда, протоколы собраний печатались, въ послѣднее время, въ „Новомъ Пути“, становясь, такимъ образомъ, достояніемъ гласности; но не слѣдуетъ забывать, что „Новый Путь“—журналъ подцензурный, а

нѣкоторыя его страницы, судя по сдѣланнымъ къ нимъ дополненіямъ (supplementa), просматриваются какъ свѣтскою, такъ и духовною цензурою. Недостаточными подобныя гарантіи могутъ казаться только тому, чей идеаль—внѣшнее единомысліе, обезпечиваемое вынужденнымъ молчаніемъ.

Присмотримся поближе къ приемамъ наблюденія и обличенія, пускаемымъ въ ходъ „Московскими Вѣдомостями“. Первый изъ нихъ—это „чтеніе въ мысляхъ“. Устроителямъ религіозно-философскихъ собраній приписывается цѣль, о которой они „пока благо-разумно молчатъ“ и которую, слѣдовательно, нельзя вывести изъ дѣйствительно сказаннаго ими. Эта цѣль—„совершенное устраненіе церковной власти“, т.-е. нѣчто идущее даже гораздо дальше протестантизма, пропаганду котораго, т.-е. уголовное преступленіе (Улож. о наказ. ст. 189), московскіе инквизиторы усматриваютъ въ рѣчахъ, произнесенныхъ у Чернышева моста. Что ничего подобнаго въ нихъ не было и не могло быть—достаточнымъ доказательствомъ этому служить самый составъ собраній. „Устранителямъ церковной власти“ конечно не могла бы придти въ голову мысль о совмѣстной дѣятельности съ носителями священническаго и, тѣмъ болѣе, епископскаго сана—не могла бы придти уже потому, что именно отъ послѣднихъ слѣдовало ожидать немедленнаго, энергичнаго отпора антицерковнымъ теченіямъ. Если такого отпора не было дано въ теченіе цѣлаго года, то, очевидно, у православнаго духовенства и у инициаторовъ собраній оказалась общая почва, на которой возможна общая работа. Очень хорошо сознавая значеніе того факта, что въ собраніяхъ, открытых съ вѣдома и согласія епархіальнаго начальства, непрерывно принимали участіе представители церковной іерархіи, московская газета прибѣгаетъ къ своему любимому средству: заподозриванію мотивовъ. Исканіе „дешевой популярности“—вотъ что заставило церковныхъ дѣятелей „применить къ интеллигентамъ“, чтобы „утвердить“ ихъ въ ихъ отрицательномъ отношеніи къ церкви! И здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ „чтеніемъ въ сердцахъ“, къ которому присоединяется явное искаженіе фактовъ. Между церковными и свѣтскими членами религіозно-философскихъ собраній нерѣдко обнаруживались разногласія: первые вовсе не „примыкали“ къ послѣднимъ (которые, впрочемъ, также во многомъ расходились между собою) и чаще старались поколебать, чѣмъ „утвердить“ взгляды, въ чемъ-либо расходившіеся съ церковными. Что можетъ быть, притомъ, презрѣннѣе стремленія все объяснять личными, мелкими соблазнами? Гдѣ основанія предполагать, что духовные члены религіозно-философскихъ собраній искали „дешевой популярности“? Не лавры, а скорѣе тернія видѣлись передъ ними; имъ предстоялъ не триумфальный путь,

а узкая дорога между разнородными преградами. Гораздо ближе къ истинѣ подходит г. Розановъ, объясняя вступленіе ихъ въ собраніе „благодѣю“, добрымъ желаніемъ помочь ищущимъ правды. Мы очень далеки отъ согласія съ писателями, взявшими на себя починъ религиозно-философскихъ собраній; мы готовы допустить, что не все сказанное ими въ этихъ собраніяхъ заслуживаетъ сочувствія, какъ не заслуживаетъ его многое въ ихъ статьяхъ и книгахъ; но мы рѣшительно отказываемся понять, какимъ образомъ сколько-нибудь уважающій себя органъ печати можетъ предпочесть честному спору мало похвальный призывъ къ воздѣйствію власти. Доступные для всѣхъ, благодаря воспроизведенію ихъ въ „Новомъ Пути“, дебаты религиозно-философскихъ собраній могли сдѣлаться предметомъ всесторонней, свободной полемики. Только она могла отдѣлать цѣнное отъ незначительнаго, зерно отъ мякины, и подвести итоги работъ, во всякомъ случаѣ не излишней. Вопросы, обсуждавшіеся въ религиозно-философскихъ собраніяхъ, выдвинуты самою жизнью; они не перестанутъ занимать умы и волновать сердца, какія бы препятствія ни встрѣчало ихъ обсужденіе. А между тѣмъ, остріе навітовъ, сочиняемыхъ на Страстномъ бульварѣ, направлено не только противъ религиозно-философскихъ собраній, но и противъ солидарнаго съ ними журнала. На берегахъ Невы къ этимъ навітамъ спѣшить присоединиться „Гражданинъ“, рабски подражая не только содержанію ихъ, но и формѣ. „Какіе-то новопутейцы“—читаемъ мы въ „Рѣчахъ консерватора“ (№ 31)—„устраиваютъ шекхендзы интеллигентовъ-атеистовъ съ православною церковью. Въ этомъ обществѣ новопутейцевъ засѣдаютъ пастыри церкви, въ угоду интеллигентамъ *поносящие и продающіе* свою церковь“. Дальше этого не можетъ идти ни пренебреженіе къ правдѣ, ни безцеремонность выраженій...

„Легкость, съ которою возникаютъ и распространяются еврейскіе погромы“,—говорили мы двадцать лѣтъ тому назадъ ¹⁾, послѣ еврейскаго погрома въ Елатеринославѣ,—„зависитъ отчасти отъ того, что русскій человѣкъ привыкъ видѣть въ еврейчужака, парію, только терпимаго въ Россіи“. Вспоминая объ этихъ словахъ много лѣтъ спустя, по поводу погрома въ Николаевѣ ²⁾, мы указали на часто повторяющееся совпаденіе еврейскихъ погромовъ съ періодами обостренія стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ евреямъ. „Взглядъ на евреевъ, какъ на неполноправныхъ членовъ государства, находить“—

¹⁾ См. „Внутр. Обзорніе“ въ № 9 „Вѣстника Европы“ за 1883 г.

²⁾ См. „Обществ. Хронику“ въ № 6 „Вѣстника Европы“ за 1899 г.

замѣтили мы дальше—„своеобразное отраженіе въ умахъ толпы, какъ находилъ его въ средніе вѣка, въ эпоху наибольшаго угнетенія евреевъ. Такія же сцены, какія происходятъ на нашихъ глазахъ въ южной и западной Россіи, происходили въ XI-мъ вѣкѣ—на Рейнѣ, въ XII-мъ—въ Лондонѣ, съ тою только разницею, что тогда элементъ религиозной антипатіи къ евреямъ игралъ, повидимому, гораздо большую роль, чѣмъ въ настоящее время. Сходство довершается тѣмъ, что значительная часть населенія стоитъ у насъ на той же ступени умственнаго развитія, на какой стояли, семь или восемь вѣковъ тому назадъ, нѣмецкіе и англійскіе горожане“. То же самое, съ глубокою грустью, приходится повторить теперь, подъ вліяніемъ вѣсти о безпримѣрномъ по своей жестокости кишиневскомъ погромѣ. Прежде страдало, главнымъ образомъ, имущество евреевъ—въ Кишиневѣ неистовство толпы было направлено противъ нихъ лично; убитыхъ и тяжело раненыхъ между ними столько, сколько не всегда оказывается на полѣ битвы. Страшно читать объ ужасахъ, въ теченіе цѣлаго дня (7-го апрѣля) происходившихъ на улицахъ Кишинева. По словамъ корреспондента „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, враждебно относиться къ евреямъ и явно выражать наклонность къ сведенію счетовъ съ ними населеніе Кишинева стало со времени появленія въ „Бессарабцѣ“, „Новомъ Времени“ и „Свѣтѣ“ извѣстнаго характера статей относительно бессарабскихъ евреевъ. „Все убѣждены“,—пишетъ корреспондентъ „Новостей“,—„что небывалый погромъ является слѣдствіемъ пропаганды г. Крушевана въ „Бессарабцѣ“, такъ какъ до нея у насъ евреи очень хорошо уживались съ мѣстнымъ населеніемъ“. Весьма возможно, даже вѣроятно, что обвиненія обоихъ корреспондентовъ въ значительной степени преувеличены, что нѣтъ причинной связи между погромомъ и юдофобствомъ нѣкоторыхъ органовъ печати; но едва ли можно отрицать, что оно служитъ однимъ изъ источниковъ настроенія, на почвѣ котораго возникаютъ погромы. Непосредственнаго воздѣйствія на толпу печать, несомнѣнно, не производитъ, и о такъ называемой „моральной виновности“ ея въ погромахъ, какъ и въ другихъ массовыхъ преступленіяхъ, не можетъ быть и рѣчи. Не безъ вліянія ея, однако, слагается умственная атмосфера, принадлежащая къ числу важнѣйшихъ факторовъ народной жизни. Бездѣ и всегда существуютъ зачатки нерасположенія къ *чужому*, едва замѣтные въ нормальное время, но питающіеся всѣмъ, что подчеркиваетъ національный или религиозный антагонизмъ. Если антисемитизмъ вызываетъ иногда безпорядки даже у нашихъ западныхъ сосѣдей, то тѣмъ менѣе онъ можетъ оставаться безвреднымъ въ Россіи, при гораздо большей темнотѣ народныхъ массъ.

Кромѣ необыкновенно значительнаго числа жертвъ, кишиневскій

погромъ представляетъ еще нѣкоторыя другія особенности. „Въ каждомъ районѣ“ — пишутъ „Восходу“ — дѣйствовала кучка чело­вѣкъ въ 20—25, изъ которыхъ половина — подростки ¹⁾). Подобная кучка, справившись съ однимъ домомъ или лавкой, переходила къ другому; при малѣйшемъ желаніи со стороны властей, такую кучку людей можно было забрать въ участокъ—тогда прочіе сосѣдніе дома были бы спасены“. „Полиція“—говоритъ корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“—„очень строго кричала на громилъ. Патрули не менѣе строго призывали разбойниковъ къ порядку, но тѣ плохо слушались и съ остервенѣніемъ продолжали свое опустошительное дѣло“. Все это происходило на второй день беспорядковъ, когда уже съ утра къ грабежу присоединились убійства. „Интеллигентная публика“ — по словамъ того же корреспондента—„пальцемъ о палець не ударила для прекращенія разбоевъ: она спокойно гуляла и наблюдала за ужасной работой“. Есть, однако, рядъ фактовъ, свидѣтельствующій о томъ, что не всѣ частныя лица оставались равнодушными свидѣтелями по­грома: г. Назаровъ, какъ видно изъ письма его въ „Новости“, серьезно пострадалъ, заступаясь за избиваемыхъ евреевъ; начальникъ команды вольной пожарной дружины, инженеръ Кушъ, съ нѣсколькими дру­жинниками, спасъ цѣлый районъ; торговцы толкучаго рынка отстаивали его при помощи нѣсколькихъ босяковъ. Все это заставляетъ думать, что противодѣйствіе погрому было возможно и безъ принятія край­нихъ мѣръ—возможно тѣмъ болѣе, что опасность была заранѣе извѣстна. По Кишиневу—читаемъ мы въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомо­стяхъ“—„циркулировали зловѣщіе слухи: кажется, на Пасху будутъ бить евреевъ“. Много пользы могло бы принести предоставленіе на­родной массѣ, въ пасхальные дни, здоровыхъ развлеченій—но въ нынѣшнемъ году, вопреки обыкновенію, ничего въ этомъ смыслѣ не было сдѣлано городскимъ попечительствомъ о народной трезвости. Народъ хлынулъ на площадь, гдѣ были устроены буфеты и качели частныхъ предпринимателей—и именно здѣсь и начались, около полудня 6-го апрѣля, беспорядки, быстро разросшіеся до такихъ громадныхъ размѣ­ровъ. Нужно надѣяться, что все ненормальное, трудно объяснимое въ кишиневскихъ событіяхъ будетъ предметомъ всесторонняго из­слѣдованія. Важно не только установить отвѣтственность виновныхъ, но и опредѣлить ближайшія и отдаленныя причины катастрофы, а слѣдовательно и средства предупредить ея повтореніе.

¹⁾ По другимъ свѣдѣніямъ кучки были еще малочисленнѣе, отъ 8 до 10 чело­вѣкъ, и всѣхъ грабителей было не болѣе двухсотъ.

Какъ тяжело, въ настоящее время, юридическое положеніе евреевъ — объ этомъ даютъ понятіе два доклада, представленные, въ началѣ нынѣшняго года, московскому съѣзду представителей обществъ вспомошествованія лицамъ учительскаго званія, но имъ, по независящимъ отъ него причинамъ, не рассмотрѣнные. Одинъ изъ нихъ посвященъ вопросу о предоставленіи еврейскимъ учителямъ права повсемѣстнаго жительства въ имперіи. Не имѣя права пребыванія внѣ черты осѣдлости, еврейскіе учителя, вслѣдствіе громадной конкуренціи, вынуждены довольствоваться самымъ ничтожнымъ вознагражденіемъ, въ виленскихъ частныхъ еврейскихъ училищахъ не превышающимъ, напримѣръ, 12—16 руб. за годовой урокъ. Между тѣмъ, въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ евреямъ дозволяется жить лишь въ видѣ исключенія, потребность въ еврейскихъ учителяхъ чувствуется весьма сильно и остается безъ удовлетворенія. Такъ напримѣръ, петербургскому еврейскому обществу отказано было въ ходатайствѣ разрѣшить пребываніе въ Петербургѣ еврейскимъ учителямъ, приглашаемымъ туда для преподаванія въ еврейскихъ училищахъ. Одинъ изъ учителей владикавказскаго еврейскаго училища, окончившій курсъ въ виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ и допущенный къ занятіямъ по соглашенію попечителей учебныхъ округовъ виленскаго и кавказскаго, долженъ былъ оставить свою должность по распоряженію главноначальствующаго на Кавказѣ, какъ не имѣющій права пребыванія внѣ черты осѣдлости. Оставляются безъ удовлетворенія даже просьбы еврейскихъ учителей о временномъ пребываніи въ Петербургѣ или въ курортахъ центральной Россіи, для леченія болѣзни. Уравненіе еврейскихъ учителей съ евреями-ремесленниками, имѣющими право повсемѣстнаго жительства, было бы вполне справедливо по отношенію къ нимъ самимъ и принесло бы существенную пользу разсѣяннымъ въ разныхъ частяхъ имперіи еврейскимъ обществамъ. — Другой докладъ имѣлъ предметомъ ходатайство о предоставленіи дѣтямъ учителей-евреевъ права поступать въ среднія и высшія учебныя заведенія внѣ установленной для евреевъ нормы. При существованіи этой нормы средняя школа оказывается фактически доступной только для тѣхъ еврейскихъ семействъ, которые имѣютъ возможность дать своимъ дѣтямъ самую тщательную подготовку и обезпечить, этимъ путемъ, ихъ торжество надъ другими конкуррентами. Такой возможности не имѣютъ семьи бѣдствующихъ, обыкновенно, еврейскихъ учителей. Не могутъ онѣ, по недостатку средствъ, и обучать дѣтей своихъ дома или помѣщать ихъ въ частныя школы. Между тѣмъ, именно учителямъ особенно свойственно желаніе дать своимъ дѣтямъ возможно лучшее образованіе. Этимъ, отчасти, объясняется освобожденіе ихъ дѣтей отъ платы за ученіе—освобожденіе, распространяющееся, de

jure, и на учителей еврейскихъ, но de facto приносящее имъ очень мало пользы. Ошибочно было бы думать, что удовлетвореніе ходатайства повлекло бы за собою чрезмѣрное увеличеніе числа учащихся въ средней школѣ евреевъ: по расчету докладчика, дѣтей школьнаго возраста у учителей-евреевъ не болѣе 770, и не всѣ они, конечно, воспользовались бы предоставленной имъ льготой.

Годъ тому назадъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, при чайной, извѣстной подъ названіемъ „Столбы“, небольшая коммиссія, предсѣдателемъ которой сначала состоялъ Н. Н. Юрданскій, а теперь состоитъ В. М. Волковъ, начала устраивать народныя чтенія. Особенность ихъ заключается въ томъ, что въ ихъ программу, кромѣ обычнаго въ подобныхъ случаяхъ репертуара, входятъ драматическія пьесы, читаемыя съ распредѣленіемъ ролей между нѣсколькими лицами. Первый опытъ былъ сдѣланъ съ сценами изъ „Женитьбы“ Гоголя; когда онъ оказался удачнымъ, за нимъ послѣдовало чтеніе „Ревизора“, всей „Женитьбы“, „Горя отъ ума“, „Недоросля“, „Скупого рыцаря“ и нѣсколькихъ пьесъ Островскаго („Свои люди—сочтемся“, „Вѣдность не порокъ“, „Не все коту масленица“). Въ публикѣ, значительную часть которой составляли такъ называемые „босяки“, эти чтенія возбудили громадный интересъ. „Какъ очарованная“,—читаемъ мы въ отчетѣ коммиссіи—„стояла публика по окончаніи чтенія („Горя отъ ума“), не желая вѣрить, что чтенію конецъ. Лекторы должны были нѣсколько разъ повторить, что чтенія больше не будетъ. Благодарную и не умѣющую сдерживать выраженія какъ одобренія, такъ и порицанія, публику „Столбовъ“ нельзя сравнивать съ пресыщенной, равнодушной публикой нашихъ театровъ и клубовъ... Аудиторія постоянно переполнена, мѣста (около 500) занимаютъ за часъ до начала чтенія; образцовый порядокъ поддерживается безъ всякаго вмѣшательства полиціи; мертвая тишина царитъ во время чтенія, ни одна голова не обернется въ сторону, всѣ взгляды устремлены на эстраду, гдѣ читаютъ; лекторовъ провожаетъ сердечное спасибо... По окончаніи одного чтенія, босякъ, выдѣляясь изъ толпы, сказалъ, обращаясь къ лектору: „Іоаннъ Златоустъ, слово-то что золото льется“. Общее заключеніе коммиссіи таково: „для народа вовсе не требуется какихъ-то особыхъ народныхъ чтеній и развлеченій. Ему нравится и то, что нравится интеллигенціи. Хорошее чтеніе, хорошее исполненіе драматическихъ произведеній, даже безъ всякой театральной обстановки (грима и декораций), такъ же увлекаетъ народъ, какъ и интеллигенцію“. Подтверждая раньше сдѣланныя наблюденія, это заключеніе не должно быть упускаемо изъ виду устроителями развлеченій для народа.

Наша реакціонная печать весьма охотно, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, подчеркиваетъ „плачевное положеніе хваленой земской медицины“, не разбирая причинъ, задерживающихъ ея развитіе, и не сравнивая ее съ тѣмъ, чему она пришла на смѣну. Оказывается, что болѣе справедливую оцѣнку труда земства въ этой области находятъ даже за границей. Мы ознакомились недавно съ небольшою статьей висбаденскаго доктора Прюссіана, напечатанной въ №№ 5 и 6 „Berliner Klinische Wochenschrift“ за 1903 г. Написанная съ большимъ знаніемъ дѣла, свободная отъ тѣхъ фактическихъ ошибокъ, которыя все еще слишкомъ часто встрѣчаются въ отзывѣхъ иностранцевъ о Россіи, она рельефно выставляетъ на видъ главные заслуги земства и земскихъ врачей въ дѣлѣ охраненія народнаго здоровья. Многолѣтней, неутомимой земской работѣ сельское населеніе, въ глазахъ автора, обязано тѣмъ, что врачебная помощь въ деревняхъ поставлена, мѣстами, лучше чѣмъ въ городахъ. Исчезло прежнее недовѣріе къ больницамъ, къ правильному леченію. Земскіе врачи были настоящими пионерами культуры, пионерами безкорыстными, не рассчитывавшими ни на какія матеріальныя и личныя выгоды. Хорошо извѣстно доктору Прюссіану и все сдѣланное земскими врачами въ сферѣ общественной гигиены и медицинской статистики. Центръ тяжести всего земскаго строя онъ видитъ въ самоуправленіи, благодаря которому на первый планъ выдвигается общее благо. Въ противоположность нашимъ газетнымъ земствофобамъ, домогающимся если не уничтоженія, то возможно большаго ограниченія земскихъ учреждений, онъ широко понимаетъ задачи земства; согласно съ Пироговымъ, онъ находитъ, что земская медицина призвана бороться съ народнымъ невѣжествомъ, стремиться къ поднятію уровня народнаго благосостоянія—и что она исполняетъ это назначеніе.

Изъ всѣхъ отраслей земской дѣятельности наиболѣе тяжелое время переживаетъ теперь земская статистика—и все-таки въ ней не прекращаются усердные поиски новыхъ путей и новыхъ приѣмовъ. Блестящее доказательство этому дали недавно работы оцѣночно-статистическаго отдѣленія костромской губернской земской управы. Исполняя порученіе губернскаго земскаго собранія, управа пригласила, въ качествѣ экспертовъ, трехъ изъ числа наиболѣе извѣстныхъ земскихъ статистиковъ (Н. О. Анненскаго, Н. А. Каблукова и А. А. Русова) и просила ихъ дать заключеніе о работахъ отдѣленія. Эксперты нашли, что эти работы не только произведены согласно съ требованіями закона и съ указаніями теоріи, но отличаются чрезвычайно внимательнымъ, вдумчивымъ отношеніемъ къ дѣлу, стремленіемъ проникнуть въ особенности хозяйственныхъ условій костромской губерніи и выяснить всѣ тѣ экономическіе факторы, совокупность которыхъ, въ концѣ кон-

цовъ, выражается въ оцѣночныхъ нормахъ. Новые, вполнѣ практичныя по мнѣнію экспертовъ приемы введены костромскими статистиками въ оцѣнку лѣсныхъ угодій (изученіе пробныхъ площадей, съ цѣлью точнѣе опредѣлить ежегодный приростъ древесины) и городскихъ строеній (изученіе дѣйствительнаго отношенія доходности къ цѣнности имущества). Это—новый доводъ въ пользу жизненности земскихъ предпріятій, всего меньше поддающихся усыпляющему вліянію рутинны.

ИЗВѢЩЕНІЯ

ОТЪ КОМИТЕТА Ш-ГО СЪѢЗДА РУССКИХЪ ДѢТЕЛЕЙ ПО ТЕХНИЧ. И ПРОФЕСС. ОБРАЗОВАНІЮ ВЪ РОССІИ.

- 1) Положеніе о третьемъ Съѣздѣ русскихъ дѣтелей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи.

Утверждено Министромъ Народн. Просвѣщ. 30 ноября 1901 г. на основаніи Высочайшаго повелѣнія 15 февраля 1897 г., съ выключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій, по ходатайству Совѣта Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, утвержденныхъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія 5 ноября 1902 г.

1. Третій Съѣздъ русскихъ дѣтелей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи созывается въ концѣ 1903 или въ началѣ 1904 г. въ С.-Петербургѣ.

2. Съѣздъ созывается Императорскимъ Русскимъ Техническимъ Обществомъ, при содѣйствіи Постоянной Комиссіи по техническому образованію, а также при участіи правительственныхъ и общественныхъ учреждений, въ программу дѣятельности коихъ входитъ забота о распространеніи техническаго и профессиональнаго образованія, а также и другихъ учреждений, могущихъ оказать содѣйствіе цѣлямъ Съѣзда.

3. Третій Съѣздъ имѣетъ цѣлью дальнѣйшее выясненіе положенія и потребностей техническаго и профессиональнаго образованія, а также разрѣшеніе вопросовъ, касающихся этого рода образованія.

4. День открытія Съѣзда, продолжительность его, а равно и подробная организація будутъ опубликованы впоследствии.

5. Подготовительныя работы по устройству Съѣзда, а равно веденіе самого Съѣзда поручается Комитету, который избирается въ собраніи лицъ, какъ избранныхъ Совѣтомъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и Постоянной Комиссіею по техническому образованію, такъ и приглашенныхъ Совѣтомъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

6. Комитетъ состоитъ: изъ предсѣдателя, трехъ его товарищей, секретаря Съѣзда, казначея и членовъ Комитета. Въ составъ членовъ Комитета входятъ: предсѣдатели и представители Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и Постоянной Комиссіи по техническому образованію, предсѣдатели, товарищи предсѣдателей и секретари всѣхъ секцій Съѣзда, а также предсѣдатели распорядительной Комиссіи Съѣзда и распорядительнаго Комитета выставки и ихъ товарищи.

7. Комитетъ Съѣзда выдѣляетъ изъ своей среды распорядительную комиссію Съѣзда, состоящую изъ предсѣдателя, коимъ можетъ быть

одинъ изъ товарищей предсѣдателя Съѣзда, его товарища, предсѣдателей секцій, ихъ товарищей и секретарей. Секретаремъ распорядительной Комиссiи состоитъ секретарь Съѣзда. Предсѣдатель Комитета Съѣзда (онъ же предсѣдатель Съѣзда), его товарищи, предсѣдатель распорядительной Комиссiи и товарищъ его, секретарь Съѣзда, предсѣдатели секцій и товарищи предсѣдателей секцій представляются Совѣтомъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества на утверждение Министра Народнаго Просвѣщенiя.

8. На обязанности Комитета Съѣзда лежитъ выработка программы занятiй Съѣзда, привлеченiе полезныхъ для Съѣзда учреждений и лицъ, вообще веденiе дѣлъ Съѣзда, устройство выставки при Съѣздѣ и пр., а также приведенiе въ порядокъ всѣхъ дѣлъ Съѣзда и сдачи ихъ по окончанiи со своимъ заключенiемъ въ Императорское Русское Техническое Общество для дальнѣйшаго направленiя возбужденныхъ въ Съѣздѣ вопросовъ.

9. Распорядительной Комиссiи Комитетомъ Съѣзда поручается разработка поступающихъ свѣдѣнiй, приготовленiе докладовъ; выборъ докладовъ для печати, установленiе очереди въ докладахъ на Съѣздѣ, а также общее направленiе занятiями въ секціяхъ. О своихъ постановленiяхъ распорядительная Комиссiя доводитъ до свѣдѣнiя Комитета Съѣзда, распорядительная Комиссiя передаетъ доклады для дальнѣйшей разработки въ соответственные секціи.

Примѣчанiе. Подробная организація и программы занятiй секцій, по утверженiи ихъ Министромъ Народнаго Просвѣщенiя, будутъ опубликованы впослѣдствiи.

10. Комитету Съѣзда, вмѣстѣ съ Совѣтомъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, предоставляется избранiе почетныхъ предсѣдателей Съѣзда и Комитета Съѣзда, а также Комитета выставки. Кромѣ того, Комитету предоставляется право просить лицъ, оказавшихъ особое содѣйствiе къ достиженiю цѣли и устройства Съѣзда, о принятiи наименованiя „почетныхъ учредителей“ и „почетныхъ членовъ“ Съѣзда.

11. Членами Съѣзда могутъ быть всѣ лица, принимающiя и принимавшия участiе въ дѣятельности какого-либо профессиональнаго, техническаго, ремесленнаго, коммерческаго и т. п. учебнаго заведенiя въ качествѣ учредителей, попечителей, начальниковъ, инспекторовъ, или преподавателей ихъ, — уполномоченные отъ упомянутыхъ въ § 2 учреждений и обществъ: заводчики, фабриканты и завѣдующiе работами въ мастерскихъ, а также и постороннiя лица — если состоятъ членами Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и другихъ Обществъ, приглашенныхъ къ участiю на Съѣздѣ, то по заявленiю, а если не состоятъ, то съ разрѣшенiя Комитета Съѣзда. Желаящiе быть членами Съѣзда и имѣть право голоса заявляютъ о томъ заблаговременно Комитету Съѣзда, дѣлая при этомъ опредѣленный взносъ на расходы по устройству Съѣзда. Члены Съѣзда записываются въ ту или другую секцію, по собственному желанiю, и могутъ быть членами нѣсколькихъ секцій.

12. Занятiя Съѣзда состоятъ въ чтенiи и обсужденiи докладовъ и въ постановленiи резолюцій по обсуждавшимся вопросамъ. Печатаенiе докладовъ и пренiй, вполне или въ извлеченiи, зависитъ отъ

усмотрѣнія Комитета Съезда по докладу распорядительной Комиссіи и соглашенію съ авторами. Засѣданія бываютъ общія и спеціальныя по секціямъ.

Примѣчаніе. Публика допускается лишь на торжественныя собранія и сообщенія, которыя не сопровождаются преніями; въ обыкновенныхъ же засѣданіяхъ секцій, на которыхъ происходитъ чтеніе и обсужденіе докладовъ, принимаютъ участіе только члены Съезда.

13. Доклады допускаются къ прочтенію на секціяхъ Съезда съ разрѣшенія предсѣдателей оныхъ; предназначенные къ чтенію въ общемъ собраніи—предсѣдателя общихъ собраній. На отвѣтственность тѣхъ же предсѣдателей возлагается соблюденіе должнаго порядка какъ въ общемъ собраніи, такъ и въ секціяхъ.

14. Предсѣдателямъ общаго собранія и секцій предоставляется право, подъ личною отвѣтственностью и по ихъ усмотрѣнію, допускать и приглашать въ собранія постороннихъ лицъ съ правомъ совѣщательнаго голоса, или въ качествѣ слушателей.

15. Комитетъ Съезда принимаетъ пожертвованія на покрытіе расходовъ по организаціи Съезда и выставки и для образованія особаго фонда для устройства въ Россіи періодическихъ Съездовъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію и выставокъ при нихъ. Фондъ этотъ передается въ Комиссію по техническому образованію при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ.

16. Средства Съезда составляются изъ: 1) субсидій общественныхъ учреждений, 2) частныхъ пожертвованій, 3) взносовъ учредителей, членовъ и пр.

17. Для нагляднаго ознакомленія членовъ Съезда съ современнымъ состояніемъ у насъ учебнаго дѣла по техническому и профессиональному образованію, при Съездѣ устраивается выставка работъ учениковъ техническихъ и профессиональныхъ учебныхъ заведеній, уставовъ, правилъ и программъ, руководствъ и т. п., а также предметовъ производства разныхъ промышленныхъ учреждений, необходимыхъ для потребностей означенныхъ учебныхъ заведеній. Правила объ устройствѣ выставки будутъ опубликованы впослѣдствіи, по утвержденіи ихъ правительствомъ.

18. По окончаніи Съезда, Комитетъ онаго сообщаетъ всѣ принятыя Съездомъ резолюціи Совѣту Императорскаго Русскаго Техническаго Общества черезъ Постоянную Комиссію по техническому образованію въ С.-Петербургѣ, со своими заключеніями для дальнѣйшаго направленія возбужденныхъ на Съездѣ вопросовъ, и послѣ приведенія всѣхъ дѣлъ его въ порядокъ, сдаетъ эти дѣла состоящей при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ Постоянной Комиссіи по техническому образованію въ С.-Петербургѣ, вмѣстѣ съ остатками отъ собранныхъ по Съезду и выставкѣ суммъ согласно п. 15 Положенія.

19. Полный отчетъ о Съездѣ, съ приложеніемъ всѣхъ трудовъ онаго, представляется въ Министерство Народнаго Просвѣщенія черезъ Совѣтъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

2) Положеніе о выставкѣ при III Съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованию.

Утверждено Министромъ Народнаго Просвѣщенія 30-го ноября 1901 г.

1. При Съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованию устраивается выставка работъ учениковъ техническихъ, профессиональныхъ и т. п. учебныхъ заведеній, изъ уставовъ, правилъ, руководствъ, учебныхъ пособій и т. п. предметовъ, имѣющихъ цѣлью показать современное состояніе въ Россіи учебнаго дѣла по техническому и профессиональному образованию и предметовъ по школьной и профессиональной гигиенѣ.

2. Для достиженія предположенной цѣли на выставкѣ должны быть представлены:

а) Различные методы обученія ремесламъ и разнымъ техническимъ производствамъ.

б) Способы преподаванія и достигаемые результаты по графическимъ искусствамъ какъ въ учебныхъ заведеніяхъ, преслѣдующихъ художественно-техническія цѣли, такъ и въ тѣхъ, гдѣ упомянутыя искусства являются лишь вспомогательными.

в) Программы, курсы, руководства (письменные, литографированныя и печатныя) и разные учебныя пособія, какъ по общеобразовательнымъ, такъ и по специальнымъ предметамъ, примѣнительно къ различнымъ типамъ учебныхъ заведеній, упомянутыхъ выше, въ § 1-мъ.

г) Работы обучающихся различнымъ техническимъ знаніямъ, ремесламъ и искусствамъ, съ указаніемъ на окончательные результаты, достигаемые учебнымъ заведеніемъ, въ отношеніи качества издѣлій и быстроты ихъ исполненія.

д) Подробныя свѣдѣнія о практической дѣятельности учащихся по окончаніи курса.

е) Предметы производства и работы разныхъ лицъ и учрежденій, имѣющіе близкое отношеніе къ дѣлу технического и профессиональнаго образования.

ж) Проекты, чертежи, предметы, аппараты и проч., а также описанія, книги и проч., выясняющіе положеніе и состояніе школьной и профессиональной гигиены.

3) Для наиболѣе нагляднаго ознакомленія съ выставкой она будетъ раздѣлена на слѣдующія восемь группъ:

I. Мужскія техническія и профессиональныя учебныя заведенія и другія подобныя учрежденія, правительственныя, общественныя и частныя, высшія, среднія и низшія.

II. Женскія профессиональныя учебныя заведенія и т. п. учрежденія, правительственныя, общественныя и частныя.

III. Ручной трудъ и ремесла въ школахъ общеобразовательнаго характера.

IV. Графическія искусства какъ въ общеобразовательныхъ, такъ и въ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

V. Учрежденія для обученія малолѣтнихъ и взрослыхъ рабочихъ въ школахъ общеобразовательныхъ и специальныхъ; ученичество у мастеровъ и средства попеченія о малолѣтнихъ рабочихъ.

VI. Обученіе ремесламъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, а также въ исправительныхъ пріютахъ, колоніяхъ для малолѣтнихъ, тюрьмахъ и проч.

VII. Учебныя пособія, руководства и учебники печатные, литографированные и писанные, справочныя книги, періодическія изданія спеціального характера и проч., а также предметы въ п. е § 2-го.

VIII. Школьная и профессиональная гигиена.

4) Открытіе выставки послѣдуетъ тремя недѣлями ранѣе начала занятій въ Съѣздѣ дѣятелей по техническому профессиональному образованію, а закрытіе—не ранѣе окончанія занятій Съѣзда.

5) Къ участію на выставкѣ приглашаются не только упомянутыя выше въ § 1 и § 2 учебныя заведенія, какъ мужскія, такъ и женскія, но также различныя учрежденія и отдѣльныя лица, строго удовлетворяющія требованіямъ, изложеннымъ въ п. е § 2 и § 3.

6) Устройство и общее завѣдываніе выставкою возлагается на особый Распорядительный Комитетъ, предсѣдатель, товарищи и члены котораго избираются Комитетомъ Съѣзда. Комитетъ Съѣзда, вмѣстѣ съ Совѣтомъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, можетъ также избрать почетнаго предсѣдателя и почетныхъ членовъ выставки изъ лицъ, оказавшихъ ей устройству наибольшее содѣйствіе, согласно § 8 Положенія о Съѣздѣ. Исполненіе текущихъ работъ по устройству выставки возлагается на лицъ, приглашаемыхъ Распорядительнымъ Комитетомъ выставки въ помощь его членамъ.

7) Средства, необходимыя на устройство и содержаніе выставки, составляются изъ: а) пособій отъ разныхъ лицъ и учрежденій, б) платы за посѣщеніе выставки и в) выручки отъ продажи указателей и отъ другихъ поступленій.

8) Комитетъ Съѣзда избираетъ особую экспертную комиссію изъ лицъ компетентныхъ въ дѣлѣ техническаго и профессиональнаго образованія для оцѣнки экспонатовъ, а также и составленія доклада по всѣмъ отдѣламъ выставки. Результаты работъ экспертной комиссіи сообщаются общему собранію Съѣзда.

9) Въ виду важнаго значенія, которое имѣетъ выставка для техническаго образованія, Комитетъ Съѣзда, черезъ Совѣтъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, доводитъ до свѣдѣнія подлежащихъ начальствъ и другихъ лицъ, могущихъ содѣйствовать дѣлу устройства выставки. Всѣ учебныя заведенія, участвовавшія на выставкѣ, получаютъ отъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества особыя удостовѣренія объ участіи на выставкѣ и о содѣйствіи ихъ дѣлу профессиональнаго образованія; тѣ же учебныя заведенія, которыя по заключенію экспертной комиссіи окажутъ особое содѣйствіе выясненію дѣла профессиональнаго образованія и правильной его постановкѣ, независимо удостовѣреній, получаютъ особые дипломы съ указаніемъ отличій и заслугъ. Для промышленныхъ фирмъ, участвующихъ

щихъ на выставкѣ своими издѣліями по специальности учебныхъ пособій, могутъ быть назначаемы медали.

3) Программа занятій III-го Съѣзда.

Утверждена Министромъ Народнаго Просвѣщенія 5 марта 1903 года.

Нижеслѣдующіе вопросы имѣютъ быть обсуждаемы по отношенію къ существующимъ въ предѣлахъ Россіи видамъ учебныхъ заведеній: техническихъ (высшихъ, среднихъ и низшихъ), ремесленныхъ и коммерческихъ и иныхъ профессиональныхъ, принадлежащихъ къ разряду техническо-промышленныхъ школъ, курсовъ, дополнительныхъ и подготовительныхъ классовъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Отдѣлъ I. *Ознакомленіе въ современнымъ положеніемъ техническаго и промышленнаго образованія въ Россіи.*

Отдѣлъ II. *Выясненіе вопросовъ, относящихся къ учебному плану, методамъ преподаванія, какъ теоретическаго, такъ и нагляднаго, техническо-промышленныхъ училищъ, классовъ и курсовъ.*

а) Какой размѣръ общеобразовательной подготовки слѣдуетъ признать наиболѣе цѣлесообразнымъ для различныхъ видовъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній технико-промышленнаго характера.

б) Въ какой мѣрѣ и въ какомъ отношеніи должно находиться продолженіе общаго образованія въ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ къ образованію техническо-промышленному и вообще профессиональному.

в) Какая наилучшая постановка системъ обученія должна быть принята для выработки практическаго умѣнья и навыка.

г) Сколько рабочихъ часовъ на теоретическія и практическія занятія можно отводить въ профессиональныхъ мужскихъ и женскихъ школахъ.

Отдѣлъ III. *Участіе учебныхъ заведеній въ дѣль развитія соответственныхъ отраслей промышленности и различныхъ видовъ труда.*

а) Свѣдѣнія о судьбѣ учащихся, какъ окончившихъ учебное заведеніе, такъ и вышедшихъ изъ него до окончанія полнаго курса; отношеніе числа окончившихъ полный курсъ ученія къ общему числу вступающихъ въ учебныя заведенія.

б) Участіе правительственныхъ, общественныхъ, земскихъ и частныхъ учреждений, равно и представителей промышленности и торговли и частныхъ лицъ къ учрежденію и развитію (въ педагогическомъ и финансовомъ отношеніяхъ) техническихъ, промышленныхъ и профессиональныхъ учебныхъ заведеній, курсовъ и классовъ.

в) Выясненіе вопроса, какъ отражается на промышленности привлеченіе къ ней рабочихъ, получившихъ подготовку, какъ общеобразовательную (низшую или среднюю), такъ и специально-профессиональную.

г) Связь учебныхъ заведеній съ бывшими учениками ихъ. Общества, братства, кассы и проч., имѣющія своею цѣлью попеченіе и заботу объ учащихся.

Отдѣлъ IV. *Распространеніе техническихъ и профессиональныхъ знанийъ и умѣній, обученіе этимъ знаниямъ и умѣніямъ въ учебныхъ заведеніяхъ установившихся типовъ.*

- а) Ученичество въ ремесленныхъ мастерскихъ и на заводахъ.
- б) Курсы, вечерніе и воскресные, предметовъ технического, профессиональнаго и общеобразовательнаго обученія.
- в) Публичныя чтенія и предметныя уроки по отдѣльнымъ производствамъ, мастерствамъ, рукодѣліямъ и проч.
- г) Техническо-ремесленная подготовка кустарей.
- д) Обученіе малолѣтнихъ и взрослыхъ рабочихъ.
- е) Внешкольныя практическія занятія и обязательная профессиональная практика.

Отдѣлъ V. *Отдѣльные вопросы по предметамъ, не обнимаемымъ предгидущими отдѣлами.*

а) Постановка преподаванія естествознанія, товаровѣдѣнія, черченія и рисованія, какъ вспомогательныхъ и подготовительныхъ знаній для цѣлей технического и профессиональнаго образованія.

б) Вопросы, относящіеся до преподаванія ремеслъ и искусствъ. Мѣры для подготовки надлежащихъ преподавателей.

в) Постановка преподаванія ручнаго труда, основанная на педагогическомъ и утилитарномъ значеніи его.

г) Учрежденія, способствующія успѣшности преподаванія техническихъ и профессиональныхъ знанийъ: учебныя кабинеты, лабораторіи, мастерскія, выставки, музеи, бібліотеки, читальни и проч.

д) Способы для оживленія и приданія жизненности преподаванію техническихъ и профессиональныхъ знанийъ: осмотры мастерскихъ, заводовъ, фабрикъ, гаваней, желѣзно-дорожныхъ станцій (по возможности крупныхъ по движенію товаровъ), каналовъ, прирѣчныхъ пристаней и проч.; экскурсіи для ознакомленія съ промышленностью, кустарными и ремесленными производствами въ данномъ районѣ, въ своей губерніи, въ своемъ уѣздѣ.

е) Вопросы школьной гигиены и физическаго развитія по отношенію къ промышленно-техническимъ и профессиональнымъ учебнымъ заведеніямъ.

ж) Обсужденіе вопросовъ, относящихся до учебниковъ, руководствъ, пособій, атласовъ, справочныхъ книгъ, по спеціально техническимъ и профессиональнымъ знаніямъ.

з) Вопросы о постановкѣ преподаванія техническихъ и профессиональныхъ знанийъ на спеціальныхъ курсахъ для рабочихъ или же на курсахъ для подготовки рабочихъ (напр. курсы для кочегаровъ, курсы для слесарей, плотниковъ, каменщиковъ, печниковъ и т. д.).

и) Обсужденіе вопроса о наилучшемъ способѣ провѣрки знаній учащихся.

к) Потребность въ живомъ общеніи и объединеніи въ дѣятельности отдѣльныхъ учреждений и обществъ, содѣйствующихъ техническому и профессиональному образованію въ Россіи.

4) Организация III-го Съезда.

Утверждена г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 5 марта 1903 года.

Комитетъ III-го Съезда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію, утвержденный въ своемъ составѣ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, раздѣляется на Распорядительный Комитетъ Выставки и на одиннадцать секцій.

Согласно программѣ, утвержденной Министромъ Народнаго Просвѣщенія, III-й Съездъ подраздѣляется на слѣдующія секціи:

- I—вышія техническія учебныя заведенія.
- II—среднія и низшія техническія учебныя заведенія.
- III—ремесленные учебныя заведенія и учебныя ремесленные мастерскія.
- IV—коммерческое образованіе.
- V—мореходныя учебныя заведенія и рѣчныя училища.
- VI—женское профессиональное образованіе.
- VII—ремесленное ученичество.
- VIII—художественно-промышленное образованіе и графическія искусства.
- IX—ручной трудъ.
- X—курсы и школы для рабочихъ.
- XI—школьная гигиена и физическое воспитаніе въ техническихъ и профессиональныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

5) Составъ Комитета.

Предсѣдатель.

Петровъ, Николай Павловичъ, Инженеръ-Генераль,—Предсѣдатель Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

Товарищи Предсѣдателя:

Головинъ, Харлампій Сергѣевичъ, Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа.

Кирпичевъ, Викторъ Львовичъ, Профессоръ, Членъ Совѣта Министра Финансовъ.

Коноваловъ, Дмитрій Петровичъ, Профессоръ С.-Петербургскаго Университета, Предсѣдатель I отдѣла Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

6) Правила III-го Съезда.

Утверждены Комитетомъ Съезда 6 февраля 1903 года.

1) Открытіе III-го Съезда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію послѣдуетъ 26-го декабря 1903 года и

закрытіе 6-го января 1904 года. Засѣданія будутъ происходить ежедневно, за исключеніемъ 1-го января 1904 года, въ часы, назначенныя Комитетомъ Съѣзда.

2) Членами III-го Съѣзда могутъ быть всѣ лица, принимающія и принимавшія участіе въ дѣятельности какого-либо профессиональнаго, техническаго, ремесленнаго, коммерческаго и т. п. учебнаго заведенія (§ 11 положенія). Члены Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и тѣхъ Обществъ, которыя приглашены къ участію на Съѣздѣ, записываются въ члены Съѣзда по заявленію.

3) Лица, желающія быть членами III-го Съѣзда, не состоящія членами Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, присылаютъ свои заявленія въ Комитетъ Съѣзда (С.-Петербургъ, Пантелеймоновская, 2) не позже 10 декабря 1903 года. Члены Императорскаго Техническаго Общества заявляютъ Комитету III-го Съѣзда о желаніи быть членами III-го Съѣзда не позже 20 декабря 1903 года.

4) Входные билеты и членскіе знаки выдаются съ 15 декабря 1903 года въ Канцелярію III-го Съѣзда. (С.-Петербургъ, Пантелеймоновская 2), по внесеніи членскаго взноса пяти рублей. Въ эту сумму включена плата за предполагаемые къ изданію Труды III-го Съѣзда. На основаніи § 15-го Положенія принимаются и большіе взносы, и въ такомъ случаѣ сумма, превышающая пять рублей, записывается какъ пожертвованіе.

5) Лица, сочувствующія цѣли учрежденія Съѣзда и желающія сдѣлать пожертвованія, благоволятъ адресовать таковыя въ Постоянную Комиссію по техническому образованію при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ (С.-Петербургъ, Пантелеймоновская, 2).

Лица, внесшія не менѣе ста рублей, считаются членами-учредителями III-го Съѣзда.

Лица, оказавшія особыя услуги и содѣйствія Съѣзду и выставки при немъ, считаются почетными учредителями Съѣзда.

6) Входъ на устроенную при III-мъ Съѣздѣ выставку для членовъ Съѣзда бесплатный.

7) Занятія III-го Съѣзда состоятъ въ чтеніи и обсужденіи докладовъ по утвержденной программѣ Съѣзда и въ постановленіи резолюцій по обсуждавшимся докладамъ. Доклады съ выраженными тезисами препровождаются авторами заблаговременно въ Комитетъ III-го Съѣзда (С.-Петербургъ, Пантелеймоновская, 2). Доклады, поступившіе въ Комитетъ III-го Съѣзда не позднѣе 15 октября 1903 года, печатаются по постановленію Комитета Съѣзда до открытія Съѣзда. Печатаніе доложенныхъ на съѣздѣ докладовъ и преній, вызванныхъ ими, вполне или въ извлеченіи, зависитъ отъ Комитета III-го Съѣзда, по соглашенію съ авторами.

8) Засѣданія III-го Съѣзда бывають общія и по секціямъ. Члены III-го Съѣзда записываются въ ту или другую секцію по своему желанію и могутъ быть членами нѣсколькихъ секцій.

9) Во время чтенія или произношенія доклада не допускается прерывать докладчика замѣчаніями или вопросами. Желающіе принять участіе въ преніяхъ подають о томъ заявленіе, до засѣданія или во время его, Предсѣдателю засѣданія. Возраженія и замѣчанія дѣлаются лишь по окончаніи чтенія доклада въ очередномъ порядкѣ

заявленій. Для прочтенія доклада предоставляется время не долѣе 20 минутъ, для каждаго возраженія—не долѣе 10 минутъ.

Отъ Предсѣдателя засѣданія зависитъ продлить время чтенія доклада, равно какъ и время на возраженія докладовъ, приходящихся на данное засѣданіе.

10) Новыя предложенія, резолюціи и иные вопросы, вытекающіе изъ доклада, или имѣющіе съ нимъ ближайшую связь, могутъ быть обсуждаемы не иначе какъ по выслушаніи всѣхъ очередныхъ оппонентовъ.

ПОПРАВКА:

Въ апрѣльской книгѣ, журнала, въ статьѣ кн. Д. В. Друцкого-Соколинскаго, на стр. 753, строка 22 св.:

Напечатано: .. „о пониженіи желѣзно-дорожныхъ ставокъ на перевозку зерна, въ видѣ вознагражденія за такую возможную убыточность“.

Слѣдуетъ: ... „о пониженіи желѣзно-дорожныхъ ставокъ на перевозку зерна и — въ видѣ вознагражденія за такую возможную убыточность, — о пропорціональномъ повышеніи этихъ ставокъ на перевозку муки“.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

№ 5.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

№ 5.

КНИЖНАГО СКЛАДА ТИПОГРАФІИ

М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5-я л., 28.

Книжный складъ типографіи принимаетъ на комиссію постороннія изданія не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ ихъ издателемъ, и высылаетъ иногороднымъ заказы съ наложеніемъ платежа по цѣнѣ книги и почтовыхъ расходовъ на ея пересылку *).

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ.

Ауэрбахъ, Бертольдъ. Спиноза. Переводъ съ нѣмецкаго Надежды Вахрушевой. Подъ редакціей, съ введеніемъ и примѣчаніями проф. А. Трачевскаго. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к. 6973

Берсъ, А. А. Что такое пониманіе музыки? (Психологическій очеркъ). Спб. 1903 г. Ц. 50 к. 6988

Вагнеръ, К. Простая жизнь. Переводъ съ французскаго С. Леонтьевой. Спб. Ц. 1 р. 6993

Ковалевскій, П. И., проф. Вырожденіе и возрожденіе. Преступникъ и борьба съ преступностью. (Соціально-психологическіе эскизы). Изданіе второе. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 6791

Резановъ, В. В. Въ мірѣ неснаго и нерѣшеннаго. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к. 6993

Сомоловъ, П. Вѣра. Психологическій этюдъ. Москва. 1902 г. Ц. 60 к. 6965

Соловьевъ, Владиміръ. Оправданіе добра. Нравственная философія. Второе, дополненное изданіе. Москва. 1899 г. Ц. 2 р.

Стасюлевичъ, М. М. Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ. Изд. 2-е. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Цертелевъ, Д. Н., кн. Нравственная философія гр. Л. Н. Толстого. Москва. 1890 г. Ц. 75 к.

Эстетика Шопенгауэра. Изд. 2-е. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Шестовъ, Л. Достоевскій и Нитше. (Философія трагедіи.). Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шопенгауэръ, Артуръ. О писательствѣ и о слогѣ. Переводъ съ предисловіемъ князя Д. Цертелева. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Эристика или искусство спорить. Переводъ съ предисловіемъ князя Д. Цертелева. Изданіе четвертое. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Эразмъ Роттердамскій. Похвала глупости. Переводъ съ предисловіемъ, введеніемъ и примѣчаніями профессора П. Н. Арлашева. Юрьевъ. 1902 г. 1 р. 6993

II. СЛОВЕСНОСТЬ.

Алмазовъ, В. Н. Сочиненія, въ 3-хъ томахъ, съ портретомъ, гравированнымъ на стали, и краткимъ біографическимъ очеркомъ. М. Ц. 5 р.

Байронъ, Манфредъ. Драматическая поэма. Переводъ кн. Д. Н. Цертелева. Москва. Ц. 50 к.

Балобанова, Е. Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани. Изданіе второе, безъ перемѣнъ. Спб. Ц. 1 р. 6841

Бѣлинскій, В. Г. Сочиненія. Въ четырехъ томахъ. Съ портретомъ и факсимиле автора. Томъ первый 1834—1840. Томъ второй 1840—1842. Томъ третій 1842—1844. Томъ четвертый. 1844—1848. Москва. Цѣна каждаго тома 65 к. Всѣхъ четырехъ томовъ вмѣстѣ—2 р. 50 к. 6988

*) Книжки, вновь поступившія въ складъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, указаны:

— Литература, поэзія, театр. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

Бѣлоконскій, И. И. Деревенскія впечатлѣнія. (Изъ записокъ земскаго статистика). Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вербицкая, А. „Вавочка“. Романъ въ трехъ частяхъ. Изд. 2-е. Москва. 1902 г. Ц. 1 р. 6811

Веселовскій, Алексѣй. Этюды и характеристики. Джорджъ Бруно, Донъ-Жуанъ, Мольеръ, Вольтеръ, Дидро, Вольтеръ, Беранже, В. Гюго, Альф. Додэ, Свифтъ, Ибсенъ, Аджестъ и Чапкій, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь, Чаадаевъ, Вѣлинскій, Легенда о Прометѣе и друг. Второе, значительно дополненное изданіе. Москва. 1903 г. Ц. 2 р. 75 к. 6773

Веселовскій, А. Н., академикъ. Чтеніе о В. А. Жуковскомъ. Спб. 1902 г. Ц. 10 к.

Вѣра. Одна за многихъ. Изъ дневника молодой дѣвушки. Переводъ съ нѣмецкаго А. Ф. Л. Изданіе второе. Москва. 1903 г. Ц. 50 к. 6868

Виземскій, П. П., князь. Собраніе сочиненій (1876—1887 гг.). Спб. Ц. 4 р.

Гёте. Фаустъ. Трагедія. (Часть первая). Переводъ кн. Д. Н. Цертелева. М. Ц. 1 р.

— Фаустъ. Трагедія. Въ стихотворномъ переводѣ Э. И. Губера. Спб. Ц. 2 р., въ перепл.—3 р. 6966

Добролюбовъ, В. А. Ложь гг. Николая Энгельгардта и Розанова о Н. А. Добролюбовѣ, Н. Г. Чернышевскомъ и духовенствѣ. Спб. 1902 г. Ц. 80 к. 6979

Жуковский, В. А. Образцы персидскаго народнаго творчества. Пѣсни пѣвцовъ—музыкантовъ, пѣсни свадебныя, пѣсни колыбельныя, загадки, образцы разнаго содержанія. Съ 10 рис. и портретомъ. Спб. 1902 г. Ц. 3 р. 6971

Назаринъ, А. В. Опытъ о природѣ человѣческаго мышленія. Спб. 1902 г. Ц. 50 к. 6976

Киплингъ, Редьярдъ. „Смѣлые мореплаватели“. Повѣсть. Полный переводъ съ англійскаго А. Каррикъ. Съ 38 иллюстраціями. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к. 6868

Лавриченко, К. Вѣра въ жизнь. Шестидесять годовъ. Романъ въ двухъ частяхъ. Содержаніе: Письмо къ автору М. Салтыкова. Изъ письма къ автору И. Аксакова. Юбилей нашего вѣщаго слова. Общаніе К. Кавелина. Общаніе А. Суворина. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

М. Горькій за границей. Къ десятилѣтію литературной дѣятельности. 1892—1902. Книжка первая. Изданіе С. Гринберга. Спб. Ц. 25 к. 6901

Максимовъ, А. Я. „Безъ руля, компаса и вѣтриль“. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть I. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 6699

N. Z. О женщинахъ. Мысли, факты и афоризмы. Изданіе 5-е, значительно дополненное. Спб. 1902 г. Ц. 75 к. 6907

Орнешко, Эл. Аргонавтъ. Повѣсть. Изданіе автора. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Петрулянь, М. К. Женщина и ея судьба. Вильна. Ц. 80 к.

— Какъ мы живемъ и какъ должны жить. Спб. Ц. 50 к. 6582

Покровская, М. И., женщина-врачъ. По подваламъ, чердакамъ и угловымъ квартирамъ Петербурга. Содержаніе: О жилищныхъ петербургскихъ рабочихъ.—Моя думская практика.—Изъ жизни петербургской угловой квартиры. Спб. 1903 г. Ц. 60 к. 6705

Рачинскій, С. А. Татевскій сборникъ. Съ приложеніемъ портрета А. С. Хомякова. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

„Просвѣты“ и настроенія. 1) Предчувствіе „Сѣвернаго сіянія“ (Забытыя слова“ Салтыкова). 2) Благая часть (Крестовоздвиженское трудовое братство). 3) Душа поэта-философа (о Вл. С. Соловьевѣ). Спб. 1903 г. Ц. 75 к. 6996

Рядъ историческихъ романовъ: 1) Абельяръ, Пьеръ. Исторія моихъ бѣдъ. Переводъ съ латинскаго П. О. Морозова. Подъ ред., съ введеніемъ и примѣчаніями проф. А. Трачевскаго. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

2) Бальзакъ, Онуор. Темное дѣло. Переводъ съ французскаго. Подъ ред., съ введеніемъ и примѣчаніями проф. А. Трачевскаго. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

3) Гюлье, Юдвѣ. Завоеваніе раа. Переводъ съ французскаго Ольги Трачевской. Подъ ред., съ введеніемъ и примѣчаніями проф. А. Трачевскаго. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

4) Жоржъ-Зандъ. Янъ Книжка. Переводъ съ французскаго Л. Я. Рытова. Подъ ред., съ введеніемъ и примѣчаніями проф. А. Трачевскаго. Спб. 1902 г. Ц. 75 к.

5) Кроуфордъ, Маріонъ. Донъ-Жуанъ. Переводъ съ англійскаго. Подъ ред., съ введеніемъ и примѣчаніями проф. А. Трачевскаго. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

6) Мордовцевъ, Данило. Вельможная панна. Часть I. Съ введеніемъ и примѣчаніями проф. А. Трачевскаго. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

7) Сп, Эженъ. Жанъ Кавалье. Переводъ съ французскаго. Подъ ред., съ введеніемъ и примѣчаніями проф. А. Трачевскаго. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

8) Твэвъ, Маркъ. „Жанна д'Аркъ“. Переводъ съ англійскаго. Подъ ред., съ введеніемъ и примѣчаніями проф. А. Трачевскаго. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

9) Шверль, Августъ. Смысловъ Будивон. Переводъ съ нѣмецкаго. Подъ ред., съ введеніемъ и примѣчаніями проф. А. Трачевскаго. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Карль. Царь Сіона. Переводъ съ нѣмецкаго. Подъ ред., съ введеніемъ и пригнѣчаніями проф. А. Трачевскаго. Слб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к. 11) Эвсвортъ, Уильямъ Джонъ Ло. Переводъ съ англійскаго П. И. Люблинскаго. Подъ ред., съ введеніемъ и пригнѣчаніями проф. А. Трачевскаго. Слб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к. 12) Эвсвортъ, Уильямъ. Уэль Тайлдеръ. Переводъ съ англійскаго К. П. Русановой. Подъ ред. и съ примѣч. проф. А. Трачевскаго. Слб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к. 13) Юлетъ, Морисъ. Ричардъ—Львиное Сердце. Переводъ съ англійскаго А. А. Богачевской. Подъ ред., съ введеніемъ и пригнѣчаніями проф. А. Трачевскаго. Слб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к. 6973

Сальковъ, В. П. Смерть тещи и кончина жены. (Отрывокъ изъ дневника). Истинное происшествіе. (Посвящается тещамъ). Н.-Маргеланъ. 1902. Ц. 40 к. 6664
 — Превратность судьбы или двѣ смерти. Н.-Маргеланъ. 1902 г. Ц. 20 к. 6664

Сиребицкій, А. И., д-ръ. Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ призрѣніе на Западѣ Съ чертежами въ текстъ и пятью таблицами. Слб. 1903 г. Ц. 6 р.

Труды Я. К. Грота. Т. V. Дѣятельность литературная, педагогическая и общественная. Статьи, путевыя замѣтки, стихи и дѣтское чтеніе. (1837—1889). Изданы подъ редакціей проф. К. Я. Грота. Съ приложеніемъ портрета-офорта работы художника В. И. Быстренина. Слб. 1903 г. Цѣна 3 руб. Имѣются въ продажѣ первые четыре тома. Цѣна каждого—3 р. 6808

Тургеневъ, И. С. Стихотворенія. Изд. 2-е, просмотр., исправ. и дополи. С. Н. Кривенко. Слб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фаресовъ, А. И. Въ одиночномъ заключеніи. Второе изданіе. Слб. 1903 г. Ц. 1 р. 6974

Хрущовъ, И. П. Бесѣды о древней русской литературѣ. Слб. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к. 6884

Цертелевъ, Д. Н. кн. Стихотворенія. Слб. 1902 г. Ц. 1 р.

Теорія искусства графа Л. Н. Толстого. Москва. Ц. 50 к.

Шаливъ, Ольга. Ея ситѣльство. Изданіе второе. Слб. 1903 г. Ц. 1 р. 6865

Шараловъ, Сергій. Сочиненія. Томъ VIII (выпуски 22, 23 и 24). 1) Черезъ полъ вѣка. Фантастическій политико-соціальный романъ. 2) Неопознанный гевій. (Памяти Никиты Петровича Гилрова-Платонова). Съ портретомъ и факсимиле почившаго. 3) Дезинфекція московской „прессы“. Москва. 1902 г. Ц. 1 р. 6826

Шумахеръ, П. В. Шутки послѣднихъ лѣтъ. Москва. Ц. 1 р.

III. ИСТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ — ЯЗЫКОВЗНАНІЕ.

Веселовскій, Юрій. Литературныя очерки. (Леопарди. Байронъ. Шиллеръ. Гейне. Пѣвецъ богемн XV вѣка. Расинъ. Шенье. Додз и др.). Москва. 1900 г. Ц. 2 р. 6136

Дрэперъ, Джонъ-Вильямъ. Исторія умственнаго развитія Европы. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей А. Н. Пыпина. Два тома. Изданіе пятое. Слб. 1901 г. Цѣна за оба тома 3 руб.

Порфирьевъ, И. Исторія русской словесности. Ч. I. Древній періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра Вел. Изд. 6-е. Казань. Ц. 2 р.

— Исторія русской словесности. Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ 1. Отъ Петра Вел. до Екатерины II. Изд. 4-е. Казань. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Исторія русской словесности. Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ 2. Литература въ царствованіе Екатерины II. Изд. 3-е. Казань. Ц. 2 р.

— Исторія русской словесности. Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ 3. Литература въ царствованіе Александра I. Изд. 2-е. Казань Ц. 1 р. 20 к. 6316

— Краткій курсъ исторіи древней русской словесности. Изд. 2-е. Казань. 1901 г. Ц. 1 р. 20 к. 6316

IV. ПЕДАГОГИКА.

Вниманіе и интересъ при обученіи. Дидактическій очеркъ, составленный по класснымъ урокамъ воспитанниками казанскаго учительскаго института подъ ред. А. И. Анастасіева. Слб. 1903 г. Ц. 40 к. 763

Демновъ, М. И. Исторія русской педагогій. Ч. I. Древне-русская педагогія. (X—XVII вв.) Изд. 2-е, исправл. Слб. Ц. 2 р.

— Ч. II. Новая русская педагогія (XVIII-й вѣкъ). Слб. 1897 г. Ц. 4 р.

Лихачева, Е. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. I. 1086—1856 г Слб. Ц. 3 р.

— II. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи 1856—1890 г. Слб. 1901 г. Ц. 4 р.

Тростниковъ, М. Обученіе чтенію правильному, сознательному и выразительному. Слб. 1901 г. Ц. 25 к. 763

— Обученіе письму. (Чистописанію и правописанію). Слб. 1902 г. Ц. 40 к. 763

Флеровъ, Вс. Подробный планъ занятій по обученію грамотѣ, съ указаніемъ приемовъ обученія. 3-е изд. Москва. 1901 г. Ц. 10 к. 6900

A*

Новый способъ обученія сліянію звуковъ при обученіи грамотѣ. Изд. 4-е. Спб. 1901 г. Ц. 25 к.

Чевасъ, П., д-ръ. Уходъ за дѣтьми и воспитаніе ихъ по англійскому способу. Пер. съ англійск. Е. Д. Ильиной. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

V. УЧЕБНИКИ.

Бернвицъ, Л. Ф., проф. Коммерческая ариметика. Изданіе второе. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Дерюгинъ, М. Е. Начала механики. Курсъ средн. учебн. заведеній Изд. 3-е. Спб. Ц. 1 р. 268

Картовъ, Н. Главныя обобщенія всемірной исторіи. Учебное пособие для средняго образованія. Съ историческими картами. Спб. 1903 г. Ц. 80 к.

Киприановичъ, П. Я. Учебникъ русской грамматики для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній (примѣнительно къ правописанію). Часть 1-я, этимологія. Спб. 1891 г. Ц. 50 к.

Синтаксисъ русскаго языка. Приложение: литературный матеріалъ, вопросы и задачи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе пятое, переработанное. Спб. 1902 г. Цѣна 50 к. 816

Синтаксисъ русскаго языка, слитенный съ синтаксисомъ классическихъ и церковно-славянскаго языковъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Четвертое изданіе, дополненное и исправленное. Спб. 1896 г. Ц. 50 к. 816

Львовъ, В. Н., прив.-доц. Начальный учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть II: безпозвоночныя. Съ 249 рис. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 6936

Мензбиръ, М. А., проф. Начальный курсъ зоологіи. Примѣнительно къ программамъ реальныхъ училищъ. Часть вторая: безпозвоночныя. Съ 198 рис. и таблицей въ краскахъ. Москва. 1902 г. Цѣна 1 р. 6799

Морозовъ, В. Космографія въ историко-генетическомъ изложеніи для среднихъ учебныхъ заведеній. Вильна. 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.

Обломовъ, П. Краткій учебникъ географіи. Курсъ I. Общій обзоръ земного шара. Съ чертежами и рис. въ текстѣ, съ приложеніемъ краткаго обзорнія Россійской Имперіи и трехъ картъ: 1) полушарій, 2) океаническихъ теченій и осадковъ и 3) Европейск. Россіи. Спб. 1902 г. Цѣна 70 к.

Ребьеръ, А. Курсъ элементарной тригонометріи в собраніе примѣровъ и

упражненій. Перевелъ Н. де-Жоржъ, преподаватель математики 8-й сиб. гимн. и реальн. училища Н. Богинскаго. Изд. 3-е, исправленное. Спб. 1902 г. Ц. 85 к. 844

Розенталя, И. Общая физиологія. Введеніе въ изученіе естественныхъ наукъ и медицинн. Съ 187 рис. Переводъ съ нѣмецкаго В. Елизавьевскаго и Г. Риттера, подъ ред. съ измѣненіями и дополненіями академика кн. И. Тарханова. Москва. 1903 г. Ц. 3 р. 6936

Смирновъ, И., Клеменчичъ, О., и Суворовъ, И. Учебникъ латинскаго языка. (Для среднихъ учебныхъ заведеній). Изд. 5-е. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 40 к. 687

Сомовъ, Г. Начертательная геометрія. Изд. 6-е. Спб. 1881 г. Цѣна текста съ чертежами 2 р.

Тамбелла, П. Курсъ французскаго языка. 1-я часть (1-й годъ). Спб. 1901 г. Ц. 45 к

VI. НАРОДНЫЯ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Абаза, К. К. Отечественные героические рассказы. Съ рисунками, картами и планами. Ц. 2 р. въ переплетъ; въ бумажкѣ 1 р. 50 к.

Героические рассказы. Народы Востока и Запада. Съ рисунками, картами и планами. Цѣна 2 р. въ переплетъ; въ бумажкѣ 1 р. 50 к.

Азбелевъ, Н. Дѣтскій маскарадъ-звѣринецъ. Съ рисунками. Спб. 1888 г. Цѣна 20 к.

Балобанова, Е. Рейнскія легенды. 3-е изданіе безъ перемѣнъ, со 2-го сокращеннаго изданія. Для юношества. Иллюстраціи А. Шнейдеръ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 6841

Бенкьеръ, В. А. Галль. Сцены изъ римской жизни время Августу. Спб. 1876 г. Ц. 1 р.

Харикль. Сцены изъ жизни древнихъ грековъ. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к.

Богачевская, А. — Веселая азбука. Пособіе для матерей, воспитательницъ и дѣтскихъ садовъ. Слова и музыка — собственность автора. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Любимыя сказки. Слова и музыка. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Привѣты Сборникъ поздравительныхъ пѣсенъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ на 1, 2 и 3 голоса. Спб. Ц. 1 р.

Vogafewsky, A. „Amusements pour nous!“ Petits-airs et petits-jeux. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Бутневичъ, С. Дневникъ дѣвочки. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Иллюстр. П. А. Ассатурова. Приложение: съ кар-

тини С. Зейденберга. Рисунок обложки Г. Шварца. Изд. 3-е. Ц. въ пакѣтѣ 1 р. 10 к.

В. Р. Щ. Дюжина. XII пьесокъ для дѣтскаго театра. Одуванчикъ.—Стрелоза и муравей.—Кто милѣе.—Тройка.—Старый уголокъ.—Воевода.—Что купить.—Ножницы.—Несчастная.—Чижикъ.—Большое дурно.—Бѣдная Амичка. Сиб. Ц. 1 р.

Вернь, Жюль. Вокругъ луны. Съ 40 рисунками. Сиб. 1875 г. Ц. 2 р.

Путешествіе къ центру земли. Съ 60 рис. художника Риу. Изд. 2-е. Сиб. 1875 г. Ц. 2 р.

Отъ земли до луны, 97 часовъ прямого пути. Перев. съ французскаго. Сиб. 1866 г. Ц. 1 р.

Герасимовъ, П. Въ подарокъ дѣтямъ. Четыре разсказа изъ ихъ жизни. Съ 4-мя рисунками. Изд. 2-е. 1899 г. Ц. 50 к.

Народные разсказы. 1) Усердіе не по разуму. Ц. 10 к. 2) Копѣйку бросишь—рубль подберешь. Ц. 30 к. 3) Дома и у турокъ. Ц. 30 к. 4) Покойница воскресла. Ц. 20 к. 5) Наѣхалъ и чуть не въѣхалъ. Ц. 10 к. 6) Грѣхъ и покаяніе Петра Безлидаго. Ц. 15 к. 7) На грѣхъ минута—на отвѣтъ жизнь. Ц. 15 к.

Григорова, Е. Н. Вилліамъ Шекспиръ, для юношескаго возраста, съ портретомъ и рисунками. Москва. 1896 г. Ц. 75 к.

Т. Г. Шевченко. Биографія. Для юношества. Съ 4 рис. Москва. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Разсказы для дѣтей старшаго возраста. Изд. 2-е, дополн. Москва. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Магометъ. Для юношескаго возраста. Москва. 1890 г. Ц. 25 к.

Денисовъ, Д. Бѣлая лилія. Разсказъ для дѣтей. (Изъ записокъ дѣвочки). Съ 15-ю рисунками. Москва. 1896 г. Ц. 75 к.

Дергачевъ, И. Прежде азбуки. Первые вопросы ребенку и первое чтеніе съ малолѣтками. Изд. 3-е. Съ рисунками въ текстѣ. Тула. 1889 г. Ц. 1 р.

Жизнь дѣтей, въ разсказахъ изъ иностранной дѣтской литературы. Сиб. 1898 г. Ц. 30 к.

Нарасевичъ, С. Земли и небо. Описание важнѣйшихъ явленій изъ области астрономіи, въ формѣ разсказовъ для дѣтей средняго возраста. Съ 30 рис. Сиб. 1898 г. Ц. 75 к.

Красильникова, Н. Прочти и разскажи! Сборникъ статей для пересказа и стихотвореній для заучиванія наизусть. Сиб. 1901 г. Ц. 40 к.

Ломанъ, Д. Н. Достопримѣчательности С.-Петербурга. Чтеніе для народа. Съ 124 картинками. Сиб. Ц. 30 к., въ изданномъ переплетѣ 40 к.

Лушаневичъ, К. Рыбка-колюшка-рѣзвуха. Разсказъ. Сиб. 1893 г. Ц. 50 к.

Птичница Агаюба. Разсказъ. Сиб. 1893 г. Ц. 50 к.

Аксютка—нянька. Изд. Фребел. О—ва. Сиб. 1897 г. Ц. 50 к.

Луневичъ, В. Землетрясенія и огнедышащія горы. 2-е изд. Съ рис. Ц. 16 к. Среди снѣговъ и вѣчнаго льда. Съ рис. Ц. 24 к. Земля. Съ рис. Ц. 8 к. Семейная жизнь животныхъ. Съ рис. Ц. 15 к. Общественная жизнь животныхъ. Съ рис. Ц. 12 к. Обезьяны. 2-е дополн. изд. Съ рис. Ц. 15 к. Пчелы, осы и термиты. Съ рис. Ц. 18 к. Вода. Съ рис. Ц. 28 к. Подводное царство. Съ рис. Ц. 20 к. Воздухъ. Съ рис. Ц. 15 к. Стѣнь и пустыня. Съ рис. Ц. 18 к. Тайга и тундра. Съ рис. Ц. 14 к.

Некрасовъ, Н. А. Русскимъ дѣтямъ. Иллюстрированное изданіе, съ 16 картинками работы барона М. П. Клодта, рѣзаными на деревѣ и отпечатанными въ Лейпцигѣ, у Брокгауза. Сиб. 1881 г. Цѣна въ роскошномъ коленкоровомъ, тисненномъ золотомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

Олькотъ, Л. Маленькія женщины уже взрослые. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Перев. съ англ. Ольги Кларкъ. Сиб. Цѣна 1 р. 25 к.

Семь братьевъ и сестра. Пер. съ англ. О. Бутеновой. Изд. 3-е. Сиб. Ц. 1 р. 25 к.

Юность—Розы. Продолженіе повѣсти „Семь братьевъ и сестра“. Пер. О. Бутеновой. Сиб. Ц. 1 р. 25 к.

Подъ сиренями. Пер. Бутеновой. Изд. 2-е. Сиб. Ц. 1 р. 50 к.

П. В. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Сиб. 1873 г. Ц. 20 к.

Петровская, Е. И. Картинки изъ дѣтской жизни. Разсказы-быль. Съ рисунками А. Шнейдеръ и др. Сиб. Цѣна 1 р.

Мама—дѣткамъ о природѣ. Для первоначальнаго ознакомленія дѣтей съ явленіями четырехъ стихій. Съ рис. А. Шнейдеръ и др. Сиб. Ц. 1 р.

Плахово, Н. Ф. Волшебница весна. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста, удостоенный преміи Сиб. Фребелевскаго О—ва. Съ рисунками К. В. Изенберга. Сиб. Ц. 50 к.

„Родникъ“. Иллюстрированный журналъ для дѣтей. Первое полугодіе (январь—іюнь) 1902 г. Второе полугодіе (іюль—декабрь). 1902 г. Ц. 6 руб. 6960

Сетонъ-Томпсонъ, Эрнестъ. Два разсказа. I. Хромуша-медвѣжонокъ. II. Путешествіе дикой утки съ утятами по сухому пути. Съ англійск. перевела Е. В. Съ 18 рис. автора. Москва. 1903 г. Ц. 25 к., въ пакѣтѣ—45 к. 6852

Сиретта Герты и другіе рассказы Ам. Комменсъ, Джоржа Хиса, Виктора Гюго и др. Съ 19 рисунк. Н. Николаевскаго и иностранныхъ художниковъ. Рисунки на обложкѣ Н. Н. Живаго. Москва. 1903 г. Ц. 1 р., въ папѣ—1 р. 25 к. 6852

Гурь, Е. Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Изд. 4-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Книжна Дубровина. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Москва. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сергій Борь-Рамевскій Повѣсть въ двухъ частяхъ. Изд. третье. Москва. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Черезъ край. Рассказъ. Издание 2-е. Москва. 1891 г. Ц. 40 к.

Чудный даръ. Сборникъ сказокъ: Виктора Гюго, Эжезила Моро, Франсуа Коппе, Лабуте, Жюна Рёскина и Карменъ Сильва. Съ 25 рис. Н. И. Живаго и иностранныхъ художниковъ. Москва. 1903 г. Ц. 75 к., въ папѣ—1 р. 6852

VII. ИСТОРИЯ—БИОГРАФИЯ.— ПУТЕШЕСТВІЯ.

Болдановъ, Н. М. Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи начала XVII в. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Бартольдъ, В. Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія. Часть первая. Тексты. Спб. 1898 г. Часть вторая. Исслѣдованіе. Спб. 1900 г. Ц. за обѣ части 5 р.

Вайиштейнъ, Софія. Госпожа Сталь, мыслитель переходной эпохи. Съ предисловіемъ проф. Трачевскаго. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к. 6973

Ланглюа, Ш. В. Инквизиція по новейшимъ изслѣдованіямъ. Переводъ подъ редакціей Н. Сперанскаго. Москва. 1903 г. Ц. 45 к. 6936

Лейцъ, Э. Опись собранія оружія гр. С. Д. Шереметева. Съ приложеніемъ 26 фотографическихъ таблицъ. Спб. Ц. 10 р.

Лясковскій, Валерій. Братья Кирѣвскіе Жизнь и труды ихъ. Спб. Ц. 80 к.

Мансимовъ, А. Я. „Вокругъ свѣта“. Путевая записка и впечатлѣнія. Въ двухъ частяхъ. Часть 1-я. Спб. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к. 6699

„На далекомъ востока“. Полное собраніе сочиненій. Книга десятая. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к. 6699

Мордовцевъ, Д. Палій. Воскреситель правобережной Украины. Историче описанія. Спб. 1902 г. Ц. 75 к. 6654

Переписка и бумаги Бориса Петровича Шереметева. 1704—1722 гг. Спб. Ц. 3 р.

Соллогубъ, В., графъ. Биографія генерала Котляревскаго. Изд. 3-е. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Старина и Новизна. Книга VI. Историческій сборникъ, издаваемый при Обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. Имѣются въ продажѣ первыя пять книгъ. Цѣна каждой книги—2 р.

Ратгенъ, К., проф. Возрожденіе Японіи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Н. Е. Спб. 1903 г. Ц. 20 к. 6990

Щербатовъ, М. М., князь. Исторія російская отъ древнѣйшихъ временъ. Т. IV. Часть II и III. Изданіе кн. В. С. Щербатова. Редакція И. П. Хрупова и А. Г. Воронова. Спб. 1903 г. Ц. 5 р.

Ясинскій, А. Н. Основныя черты развитія права въ Чехіи XIII—XV вв. Историко-юридическій очеркъ. Юрьевъ. 1902 г. Ц. 40 к.

VIII. ГЕОГРАФИЯ—ЭТНОГРАФИЯ— СТАТИСТИКА.

Географическія чтенія. Азія. Африка. Переводъ съ англійскаго. Съ 35 рисунками въ текстѣ. Москва. 1903 г. Ц. 80 к. 6957

Крамеръ. Сибирь и значеніе великаго Сибирскаго пути. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Крауфордъ, Маріонъ. Константиновъ. Вып. I Переводъ съ англійскаго графини Е. П. Шереметевою, подъ ред. проф. Помяловскаго. Спб. Ц. 50 к.

Ядринцевъ, Н. М. Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Этнографическія и статистическія изслѣдованія, съ приложеніемъ статистическихъ таблицъ. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

IX. МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ— МЕТЕОРОЛОГІЯ.

Агаловъ, Д. В. Подробное рѣшеніе и объясненіе всѣхъ численныхъ задачъ геометріи А. Давидова. Оренбургъ. 1902 г. Ц. 1 р. 6870

Приложеніе логарифмовъ къ вычисленію сложныхъ процентовъ и срочныхъ уплатъ. Оренбургъ. 1902 г. Ц. 60 к. 6870

Веребрюсовъ, А. Теорія кубическихъ формъ. Москва. 1903 г. Ц. 20 к. 6640

Волковъ, М. Эволюція понятія о числѣ. Спб. Ц. 80 к. 214

Поссе, К., проф. Курсъ дифференціального и интегральнаго исчисленій. Спб. 1903 г. Ц. 4 р.

Шиффъ, Вѣра. Сборникъ упражненій и задачъ по дифференціальному и интегральному исчисленіямъ. Ч. I-я. Изд. 3-е. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ч. II. Приложенія анализа без-

конечно-малыхъ къ геометріи и интегри-
рование дифференціальныхъ уравненій. Спб.
1900 г. Ц. 3 р. 6526

Якубовичъ, И. Н. I. Причина всемір-
наго таятѣнія. II. Гипотеза о прибли-
женіи земли къ солнцу. Изд. 2-е, исправ-
ленное и дополненное. Брестъ-Литовскъ.
1902 г. Ц. 30 к. 6969

X. ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЕ—ФИЗИКА—
ХИМИЯ.

Беръ, Поль. Лекціи зоологіи. Анато-
мія и физиологія. Переводъ съ франц.
д-ра А. Н. Симонова. 3-е русское изд.
И. И. Билибина, подъ редакц. и съ дополи.
проф. М. А. Мензбира. Съ 402 рис. въ
текстѣ. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 661

Бергъ, Р. С. Курсъ общей эмбриологіи.
Съ 126-ю рис. въ текстѣ. Подъ редак-
ціей проф. В. М. Шимкевича перевели, съ
разрѣшенія и съ дополненіями автора, Б. Су-
вачевъ и А. Линко. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.
80 к. Весь чистый сборъ съ изданія по-
ступаетъ въ пользу столовой студентовъ
спб. университета. 631

Георгиевичъ, Георгъ, фонъ. Химія кра-
сокъ. Со 2-го изданія (1902 г.). „Lehr-
buch der Farbenchemie von G. von Geor-
gievics“ подъ ред. преподавателя Имп. Тех-
ническаго училища В. В. Шарвина. Переве-
ли студенты того же училища. Изданіе
Павла Шормыгина. Москва. 1903 г. Цѣна
2 р. 75 к. 6982

Готманъ, К., проф. мюнхенскаго
университета. Радій и его лучи. Переводъ
съ нѣмецкаго, съ добавленіями Ф. Н. Ин-
дриксона, подъ редакціей проф. И. И. Борн-
мана (Съ 7-ю рисунками). Спб. 1903 г.
Ц. 70 к. 6991

Диксонъ, Чарльзъ. Перелетъ птицъ.
Опытъ установленія закона періодическихъ
перелетовъ птицъ. Переводъ съ англійскаго
графини Е. П. Шереметевой, подъ редакц.
Дж. Кайгородова. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Карпентеръ, Г. Насѣкомыя, ихъ строе-
ніе и жизнь. Съ 184 рисунками. Переводъ
съ англійскаго В. А. Герда. Москва.
1903 г. Ц. 1 р. 75 к. 6936

Мушкетовъ, И. В., проф. Физическая
геологія. Т. I. Общія свойства и составъ
земли. 2-ое изд., значительно передѣланное.
Съ 4 картами и 708 политипажами въ тек-
стѣ. Спб. Ц. 6 р. 615

XI. ЮРИДИЧЕСКІЯ И СОЦІАЛЬНЫЯ
НАУКИ.

Бернштейнъ, Эд. Соціальныя пробле-
мы. Переводъ съ нѣмец. П. С. Когана.
Москва. 1901 г. Ц. 80 к. 6957

Будковичъ, К. В. Присяга на судѣ.
По поводу работъ Высочайше учрежденной
комиссіи для пересмотра законоположеній
по судебной части. Одесса. 1903 г. Ц. 35 к.
6984

Бухъ, Л. Основные элементы поли-
тической экономіи. Съ предисловіемъ Эд.
Бернштейна. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

Вышемирскій, А. П. Организация за-
водскаго счетоводства. Усовершенствован-
ный типъ бухгалтеріи и отчетности для за-
водскихъ предпріятій. Николаевъ. 1902 г.
Ц. 2 р. 50 к. 6967

Георгиевичъ, П. И., проф. Краткій
учебникъ политической экономіи. Второе
изданіе (исправленное и дополненное). Спб.
1903 г. Ц. 1 р. 6731

— Указатель русской экономиче-
ской литературы, съ приложеніемъ списка
статей нѣкоторыхъ иностранныхъ журна-
ловъ. Спб. 1903 г. Ц. 80 к. 6731

Музисъ, А. И. Сборникъ кассацион-
ныхъ рѣшеній правительствующаго сената
по дѣламъ о взыскаіиіи пожарныхъ убыт-
ковъ за 1867—1895 г.г. Москва. Цѣна въ
перепл.—5 р. 40 к. 6980

Мигулинъ, П. П., проф. Реформа де-
нежнаго обращенія въ Россіи и промыш-
ленный кризисъ (1893—1902). Харьковъ
1902 г. Ц. 2 р.

Мигулинъ, П. П., проф. Русскій го-
сударственный кредитъ (1769—1899 г.).
Опытъ историко-критическаго обзора. Т. II.
(Министерство Н. А. Витнеградскаго).
Харьковъ. 1900 г. Ц. 2 р.

— Т. III. (Министерство С. Ю.
Витте и задачи будущаго). Вып. I. Кон-
версионныя операціи въ 1893—1901 г.г.
Харьковъ. 1901 г. Ц. 75 к.

— Вып. II. Реформа денежнаго
обращенія 1897—1898 г.г. и связаннаго съ
нею кредитныя операціи Харьковъ. 1902 г.
Ц. 1 р. 50 к.

— Вып. III. Жельзнодорожныя
займы и жельзнодорожная политика 1893—
1902 г.г. Харьковъ. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Наша новѣйшая жельзнодорож-
ная политика и жельзнодорожныя займы
(1893—1902). Харьковъ. 1903 г. Ц. 2 р.
6770

Моревъ, Д. Руководство политической
экономіи. Изд. 6-ое. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.
843

Носенно, Д. А. Вексельные уставы
1902 и 1893 г.г. съ разъясненіями. Изданіе
неофициальное. Москва. 1902 г. Ц. 2 р.
50 к. 685

Носенно, Д. Н. Уставъ о несостоя-
тельности. Изданіе третье, исправл. и до-
полн., неофициальное. Москва. 1903 г.
Ц. 3 р. 25 к. 685

Несомичъ, С. И. Крестьянская реформа въ Новгородской губерніи 1861—1863. Съ предисловіемъ В. И. Семевского. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рамснй, С. П. Соціологія Н. К. Михайловскаго. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

 Розановъ, В. В. Семейный вопросъ въ Россіи. Дѣти и родители. — Мужья и жены. — Разводъ и понятіе незаконнорожденности. — Холостой бытъ и проституція. — Женскій трудъ. — Законъ и религія. Съ рисунками въ текстѣ. Въ двухъ томахъ. Спб. 1903 г. Цѣна за два тома—4 р. 50 к. 6998

Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. Томъ VII. Изданіе А. Ф. Скорова. Москва. 1903 г. Ц. 2 р. 6708

Скоровъ, А. Ф. Новые законы 1901—1902 гг. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 6708

— Новые законы о банкахъ и акціонерныхъ компанияхъ и фондовомъ отдѣлѣ Спб. биржи и объ оплатѣ пробирною коммисіою золотыхъ и серебряныхъ издѣлій. Москва. 1903 г. Ц. 60 к. 6708

Сломинскій, Л. З. Умственное разстройство, его значеніе въ правѣ гражданскомъ и уголовномъ. — I. Гражданское право и психіатрія. — II. Уголовное право и психіатрія. Спб. Ц. 1 р.

Случевскій, В., проф. Уголовно-процессуальная казуистика. Пособіе для лекцій и экзаменовъ. Спб. Ц. 1 р.

— Учебникъ русскаго уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. Изд. 2-е, передѣланное и дополненное. Спб. Ц. 5 р.

— Добавленіе къ учебнику русскаго уголовного процесса. Спб. 1900 г. Ц. 35 к. Покупателямъ „Учебникъ“ добавленіе выдается бесплатно. 616

Тумановъ, Г. И. Усадебныя и полевныя земли крестьянъ-общинниковъ съ точки зрѣнія гражданскаго права. Согласовано съ изданіемъ 1902 г. Положенія о сельскомъ состояніи. Изд. 2-е. Спб. 1903 г. Ц. 50 к. 6981

Юмановъ, С. Н. Соціологическіе этюды. Т. II, издан. дополненное. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Вопросы просвѣщенія. Публицистическіе опыты. — Реформа средней школы. — Системы и задачи высшаго образованія. — Гимназическіе учебники. — Вопросъ всенароднаго обученія. — Женщина и просвѣщеніе. 1897 г. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Ямшулъ, И. И., проф. Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. 3-е изд. Спб. Ц. 3 р. 50 к. 578

 Ясинскій, А. Н. Очерки и изслѣдо-

ванія по соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка. Т. I. Основы соціальнаго строя чешскаго народа въ эпоху господства обычнаго права. Юрьевъ. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

XII. МЕДИЦИНА — ГИГИЕНА — ВЕТЕРИНАРІЯ.

Добрынинъ, П. И., д-ръ. Полное руководство къ изученію повивальнаго искусства, съ изложеніемъ краткихъ правилъ ухода и пособій при женскихъ болязняхъ. Съ 486 рис. въ текстѣ. Третье изданіе, вновь пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1901 г. Ц. 5 р. 588

Зелениковъ, А. П., д-ръ мед. Объ основномъ принципѣ лекарственной терапіи. Спб. 1900 г. Ц. 20 к. 6968

Ивановъ, Ник. Зах., д-ръ мед. Антисептика и асептика. Необходимыя свѣдѣнія для акушеровъ и фельдшеровъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва. 1902 г. Ц. 75 к. 6668

Кондратьевъ, А. И., д-ръ. Краткій курсъ военной гигиены, со включеніемъ правилъ подачи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и на полѣ сраженія. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Похитонова, М. К., женщ.-врачъ, д-ръ мед. парижск. унив. Красота женщины, ея совершенствованіе и сохраненіе путемъ гигиены. Съ портретомъ автора и со многими красивыми головками, вышитками и пр. Спб. 1903 г. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к. 6966

 Сегенъ, Э. Воспитаніе, гигиена и нравственное леченіе умственно-нормальныхъ дѣтей. Переводъ съ франц. М. П. Лебедевой, подъ редакціей В. А. Есько. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 6992

Шарно. Брюссель. Бушаръ. Трактатъ по медицинѣ. Переводъ со втораго франц. изданія врачей: Е. В. Дунверса, М. П. Канчаловскаго, В. В. Муравьева и Е. М. Швальбе. Съ рисунками въ текстѣ. Четыре выпуска. Вып. I. (А. Chantemesse—Брюшной тифъ). Москва. 1900 г. Вып. II. (Fernand Vidal.—Гриппъ.—Денгъ.—Малярія.—Азиатская холера.—Желтая лихорадка.—Чума). Москва. 1900 г. Вып. III. (Louis Guinon.—Скарлатина.—Корь.—Краснуха.—Оспа.—Вѣтряная оспа — Предохранительная оспа (vaccinina).—Потовая горячка.—Заушница. Emile Voix.—Рожа). Москва. 1901 г. Вып. IV. (А. Ruault.—Дифтерія. Thoinot.—Сыпной тифъ. Oettinger.—Острый ревматизмъ. Tollemer—Скорбутъ). Москва. 1902 г. Цѣна каждого выпуска—2 р., за четыре выпуска—7 р. 6957

III. ТЕХНОЛОГИЯ—СТРОИТЕЛЬНОЕ И ИНЖЕНЕРНОЕ ДѢЛО—РЕМЕСЛА.

Бобылевъ, Д., проф. Прибавленіе къ курсу аналитической механики. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

— Гидростатика и теорія упругости. Вып. I. Спб. Ц. 1 р. 70 к.

— Курсъ аналитической механики. Ч. I, кинематическая. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к. Ч. II, кинетическая. Вып. I. Механика материальной точки. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к. Вып. II. Механика системъ, составленныхъ изъ материальныхъ точекъ. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

— Очеркъ теоріи водяныхъ теченій, вырабатанной Буссинекомъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

— Руководство къ курсу теоретической механики. Съ 6-ю листами чертежей. Спб. Ц. 4 р. 40 к. 6397

Броннищъ, Л., и **Фишеръ, В.** Краткое руководство къ строительному искусству и архитектурѣ. (Общія начала). Рекомендованное въ программахъ испитаній на званіе техника путей сообщения. Выпускъ I. Материалы и работы. Къ тексту приложено 20 листовъ чертежей. 6-е изданіе, исправленное и дополненное. Спб. 1903 г. Цѣна съ атласомъ чертежей 2 р.

Верига, В. Переплетчикъ. Полное практическое руководство къ переплетному дѣлу для желающихъ вполнѣ ознакомиться съ переплетными работами. Съ 97 объяснительными рисунками работъ, инструментовъ и новѣйшихъ машинъ, употребляемыхъ въ переплетномъ дѣлѣ. Изд. 6-е, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к. 6820

Намбеседь, Ф. Теоретической и практической курсъ горнаго искусства. Перев. Н. Ганъ и А. Н. Митинскаго. Вып. I. Изученіе мѣсторожденій. Спб. 1896 Ц. 1р. 50 к. Вып. III. Крѣпленіе. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.

Крене. Руководство къ разбивкѣ закругленій на обыкновенныхъ и желѣзныхъ дорогахъ (Abstecken von Curven) съ полными таблицами и чертежами. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія техника П. А. Федорова. Третье безъ измѣненія русское изданіе (точно свѣренное). Спб. 1903 г. Ц. 80 к. 6654

Меттони, Ф. фонъ. Обжигъ и обжигательныя печи въ керамической промышленности. Съ 42 рис. Николаевъ. 1902 г. Ц. 60 к. 6968

Хедеръ, Германъ (H. Haeder). Паровыя машины и парораспределенія. Шестое, вновь переработанное изданіе. Пол-

ный переводъ съ нѣмецкаго, съ исправленіями и дополненіями профессора Импер. Техн. училища А. И. Сидорова. Книга состоитъ изъ двухъ частей (въ одномъ томѣ) и папки съ чертежами (16 малыхъ и 10 большихъ таблицъ). Москва. 1902 г. Цѣна книги въ колѣнкоромѣ переплетѣ, съ чертежами въ отдѣльной папкѣ—9 руб. 6962

— Органы парораспределеній. Парораспределеніе въ паровыхъ машинахъ. Переводъ съ VI нѣмецкаго изданія инж. М. Блокъ. 267 стран. текста съ 700 полтипажами, 78 таблицами и 16 листами чертежей. Москва. 1903 г. Ц. 3 р. 6868

Эдвинсонъ, Д. Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. Переводъ съ англійскаго. Съ 25 полтипажами въ текстѣ. Руководство для любителей ремесла и научныхъ приложений. 5-е исправленное изданіе. Москва. 1903 г. Ц. 50 к.

— Руководство спайки и луженія. Съ приложеніемъ отдѣльной статьи о плавнѣ свинца. Съ 177 полтипажами въ текстѣ. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 70 к. 6868

XIV. ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Абаза, К. К. Завоеваніе Туркестана. Рассказы изъ военной исторіи, очерки природы, быта и нравовъ туземцевъ—въ общедоступномъ изложеніи. Съ рисунками, картами и планомъ текинской крѣпости Деонгиль-Тене. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сальковъ, В. П. Андижанское возстаніе въ 1898 г. (Сборникъ статей). Казань. 1901 г. Ц. 75 к., съ пересылкою 1 р. 6664

Фалтеевъ, Н. И. Цѣли воинскаго наказанія. Спб. 1902 г. Ц. 3 р. 6903

Щепкинъ, Евгений. Русско-австрійскій союзъ во время семилѣтней войны. 1646—1758 гг. Изслѣдованіе по даннымъ Вѣнскаго и Копенгагенскаго архивовъ. Спб. 1902 г. Ц. 3 р. 50 к. 6931

XV. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Герцъ, Ф. О. Аграрный вопросъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. и съ предисловіемъ А. А. Мануилова. Москва. 1900 г. Ц. 80 к. 6957

Земледѣліе, фабрично-заводская и кустарная промышленность и ремесла. Съ англійскаго перевелъ А. Н. Коппинъ. Москва. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к. 6852

Королевъ, Ф. Н. Льноводство. Руководство къ льноводству, получению льняного волокна и сельско-хозяйственной его обработкѣ. Съ 47 чертежами въ текстѣ. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1893 г. Ц. 86 к.

Сельское строительное искусство. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Ламинарель, А. Сѣнные прессы, ихъ описание и устройство. Съ 22-мя рисунками и чертежами. Спб. Ц. 50 к.

Сѣно и сѣнопрессованіе. Спб. Ц. 30 к.

Мигулинъ, П. П., проф. Русскій сельско-хозяйственный банкъ. Къ вопросу о нуждахъ нашей сельско-хозяйственной промышленности. Харьковъ. 1902 г. Ц. 50 к. 6770

XVI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Александровъ, Викторъ (Крыловъ). Для сцены. Сборникъ пьесъ. Тт. I—IX. Цѣна каждого тома—1 р. 50 к. 6944

Деревницкій, А. Современная опера и ея главнѣйшія направленія на западѣ. Одесса. 1900 г. Ц. 60 в. 6478

Крыловъ, Викторъ. Петръ Великій. Историческая хроника въ пяти дѣйствіяхъ и тринадцати картинахъ. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Таяъ на свѣтѣ все превратно. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Спб. 1875 г. Ц. 75 к.

Сорванецъ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 6944

Рѣскинъ, Джонъ. Современные художники. I. Общіе принципы и правда въ искусствѣ. Переводъ со второго англійск. изданія П. С. Когана. Москва. 1901 г. Ц. 3 р. 50 к., въ переплетѣ—4 р. 6957

Эрманна-Шатриана. Братья Ранцау. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Переводъ Виктора Крылова. Спб. Ц. 1 р. 6944

XVII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Анненковъ, Н. Ботаническій словарь. Справочная книга для ботаниковъ, сельскихъ хозяевъ, садоводовъ, лѣсоводовъ,

фармацевтовъ, врачей, дрогистовъ, путешественниковъ по Россіи и вообще сельскихъ жителей. Спб. Ц. 8 р. 6581

Арианъ, П. Н. Первый женскій календарь на 1908 г. 5-й годъ изд. Медицинскій отдѣлъ подъ ред. проф. Н. И. Быстрова Составленъ женщинами-врачами О. Ю. Каминской, В. А. Волькенштейнъ, А. П. Поповой и З. Е. Ельциной. Спб. 1908 г. Цѣна 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к. 6966

„Vegetarianna“. Нѣчто о вегетарианствѣ. Второй выпускъ. Спб. 1908 г. Цѣна 30 к. 6985

Мемовъ, В. И. Русская историческая библиографія. Указатель книгъ и статей по русской и всеобщей исторіи и вспомогательнымъ наукамъ за 1800—1854 г. Томъ I. Историческіе и историко-юридическіе акты. Политическая исторія Россіи вообще, и исторія составныхъ ея частей. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.—Томъ II. Биографія и некрологи русскихъ дѣятелей. Вспомогательная наука по русской исторіи: Геральдика.—Генеалогія.—Хронологія.—Археологія.—Палеографія.—Нумизматика.—Сфрагистика.—Медальерное искусство.—Мнеология. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.—Томъ III. Географія.—Гидрографія.—Орографія.—Картографія.—Путешествія.—Статистика.—Этнографія.—Исторія вѣры и церкви.—Агіологія.—Исторія народнаго просвѣщенія и образованія въ Россіи.—Исторія академій, университетовъ, лицеевъ, гимназій и др. учебныхъ заведеній. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Фесенко, И. О. Важный вопросъ городского хозяйства. Участіе квартирохозяевъ въ городскомъ управленіи. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Хорошій тонъ. Сборникъ правилъ и совѣтовъ на всѣ случаи жизни общественной и семейной. IV-ое изд., исправленное и дополненное. Спб. Ц. 2 р., въ перепл.—3 руб. 6966

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

НОВАЯ КНИГА
А. ЛУГОВОГО.

Романъ

Грани жизни.

2-е изданіе.

Въ 2-хъ книгахъ, цѣна за обѣ 2 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Т-ва „Общественная Польза“,
С.-Петербургъ, В. Подъячская, 39.

НОВЫЯ КНИГИ,

отпечатанныя въ типографіи М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

въ апрѣлѣ 1903 г.:

- АННЕНСКАЯ, А. Н.** Свѣтъ и тѣни. Повѣсти и рассказы для дѣтей. Слб. 1903 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- БУТОВСКИЙ, А. Д.** Система шведской педагогической и военной гимнастики. Изданіе 2-е. Слб. 1903 г. Ц. 1 р. 35 к.
- ВВЕДЕНСКИЙ, АРС. И.** Литературныя характеристики. Слб. 1903 г. Ц. 2 р.
- ЗАХАРЪИНЪ, И. Н. (ЯЗВУИНЪ).** Встрѣчи и воспоминанія. Изъ литературнаго и военнаго міра. Слб. 1903 г. Цѣна 1 р. 75 к.
- ЛЕМКЕ, МИХ.** Думы журналиста. Слб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.
- МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.** Л. Толстой и Достоевскій. Томъ I. Изд. 3-е. Слб. 1903 г. Ц. 2 р.
Томъ II. Изд. 2-е. Слб. 1903 г. Ц. 3 р.
- ПОЛТОРАЦКИЙ, АЛЕКСѢЙ.** Старымъ варяжскимъ путемъ. Слб. 1903 г. Цѣна 80 коп.
- УСТАВЪ** внутренней службы въ артиллеріи. Изд. В. Березовскаго. Слб. 1903 г. Ц. 30 к.

Находятся въ печати:

- Алексѣевъ, В.**—Хрестоматія по исторіи древней Греціи.
- Вайковъ, А. Л.**—
- Валнеръ, Н. П., проф.**—Повѣсти, сказки и рассказы Кота-Мурлыки. Т. V, изд. 3.
- Водовозова, Е. Н.**—Жизнь европейскихъ народовъ. Т. III.
- Гаршинъ, Всеволодъ.**—Рассказы. Изд. 9-е.
- Гофманъ, К.**—Радій и его лучи. Перев. Ф. Н. Индриксона. Изд. 2-е.
- Гравовскій, А. Д.**—Собраніе сочиненій. Т. IX.
- Дювернуа, Н. Л., проф.**—Чтенія по гражданскому праву. Т. I, вып. 3.
- Елпатьевскій, К. В.**—Учебникъ русской исторіи. Изд. 8-е.
- Иностранцевъ, А. А., проф.**—Учебникъ геологіи.
- Костомаровъ, Н. И.**—Русская исторія. Т. II. Продолженіе и окончаніе. Изд. 5-е.
— Историческія монографіи и изслѣдованія. Кн. 1-я.
- Дукьяновъ.**—Основанія общей патологіи дыханія.
- Марковъ, Е. Л.**—Путешествіе по Греціи.
— Въ братской землѣ.
- Нернстъ.**—Теоретическая химія.
- Опшель.**—Лекціи по анатоміи.
- Орловъ, В. Н., прив.-доц.**—Краткій курсъ по общей терапіи женскихъ болѣзней.
Изд. Риккера.
- Петрушевскій, А.**—Рассказы про Петра Великаго. Изданіе 9-е, съ портретомъ.
- Цири, Р.**—По большому льду къ сѣверу.
- Пирожковъ, М. В.**—Дифференціальныя исчисленія, Бертрана.
— Археометика, Серре.
- Письма и бумаги Суворова.**
- Программы чтенія для самообразованія.**
- Сергѣевичъ, В. И., проф.**—Лекціи и изслѣдованія.
- Хвольсонъ.**—Курсъ физики. Т. II. Изд. 2-е.
- Чичаговъ, Л. М., свяд.**—Лѣтопись Серафимо-Дивѣвскаго монастыря. Изд. 2-е.
- Щиловскій.**—Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи.
- Щегловитовъ, С. Г.**—Судебные уставы императора Александра II.
- Щербатовъ, князь.**—Исторія Россійская, т. V, ч. 2-я.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ
НА
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. И. КОСТОМАРОВА,

издаваемое Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ
и ученымъ (Литературнымъ Фондомъ).

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературный Фондъ), приступая, по соглашенію съ Ал. Л. Костомаровой, къ изданію **Собранія сочиненій Н. И. Костомарова**, объявляетъ, что въ предпринимаемое нынѣ изданіе войдутъ историческія монографіи и изслѣдованія покойнаго историка, въ числѣ 21 тома. Монографіи эти будутъ сгруппированы въ 8 книгъ, въ общемъ объемѣ около 375 печатныхъ листовъ. Цѣна на это изданіе по подпискѣ назначается, безъ пересылки, **20 рублей**, уплачиваемыхъ въ такомъ порядкѣ: при подпискѣ вносится **4 рубля** и подписчику выдается билетъ на полученіе всѣхъ **8 книгъ**; затѣмъ уплачивается по **3 рубля** при выдачѣ I и II книгъ; по **2 рубля** при выдачѣ III, IV, V, VI и VII книгъ, а VIII книга будетъ выдана безплатно подписавшимся на изданіе лицамъ.

По выходѣ въ свѣтъ всего изданія, которое предположено окончить не позже, какъ черезъ два года (къ маю 1905 года), цѣна будетъ повышена, а именно: за всѣ восемь книгъ **25 руб.** и при покупкѣ отдѣльными книгами: 1-я и 7-я книги по **3 руб. 50 к.**, 2-я, 4-я, 5-я и 6-я книги по **4 рубля**, 3-я книга **2 р. 50 к.** и 8-я **4 р. 50 к.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича, въ С.-Петербургѣ,
В. О., 5 линія, домъ № 28.

Плата за пересылку взимается, по почтовой стоимости, при доставкѣ книгъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Н. Картев. — Государство-города античного мира. Съ двумя историческими картами. Сиб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ поставилъ себѣ задачей сдѣлать опытъ историческаго построения политическаго и социальнаго роста одной изъ древнихъ гражданскихъ общинъ, какою была Римъ, вмѣстѣ и „города“, и „государство“ (civitas). Въ своемъ предисловіи, онъ указываетъ, въ какомъ отношеніи этотъ трудъ стоитъ къ „Политикѣ“ Аристотеля, гдѣ обобщены результаты его наблюдений надъ массою государствъ-городовъ, или государственныхъ городовъ, такъ сказать, правительствующихъ. „Древній міръ, — справедливо говоритъ авторъ, — отдаленнѣе отъ насъ столькими вѣками, можетъ сдѣлаться намъ очень близкимъ, если мы увидимъ, что и греческіе города (точно также „государственные“), и Римъ, уже пережили въ свое время то, что лишь позднѣе стала переживать, или и теперь еще переживаетъ новая Европа... Время угнетенія античныхъ міровъ прошло, и мы съ нимъ знакомимся не для того, чтобы чему-нибудь научиться у древнихъ, но чтобы умѣть лучше понимать свое собственное время по его аналогіямъ и контрастамъ съ древностью“. Для нашей исторіи тема, избранная авторомъ, представляется особый интересъ уже и потому, что въ ней встрѣчаются также подобныя государства-города, между которыми первое мѣсто занималъ старій Новгородъ.

О. П. Семиговъ. — Памятники Земской старини. Сиб. 903. Ц. 5 руб.

Памятники нашей „Земской старини“ извлечены изъ собираемыхъ изъ архивныхъ документовъ, хранящихся въ главномъ московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и касаются исторіи земскихъ учрежденій русскаго народа за первое тридцатилѣтіе XVII-го вѣка, въ эпоху смутнаго времени и царствованія Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича. Собиравшій, приступая къ своей работѣ, руководился мыслью, что самостоятельное развитіе русскаго народа, со всеми его достоинствами и недостатками, могло происходить, въ самомъ концѣ XVI-го вѣка и въ началѣ XVII в., въ мѣстностяхъ, составляющихъ бассейны двухъ рѣкъ — Сѣверной Двины и Онеги, и отчасти Печеры и Свири. Открытіе Бѣломорскаго пути, подорвавшее торговое значеніе Новгорода, послужило тамъ основаніемъ къ развитію торгово-промышленной культуры, чему, впрочемъ, много содѣйствовало и то стаславное обстоятельство, что въ сѣверо-восточномъ краѣ отсутствовало враждебное самостоятельному развитію русскаго народа вліаніе чужеземныхъ обстоятельствъ, какими явились въ другихъ мѣстностяхъ монгольское иго и потомъ крѣпостное право. Въ то же время эти мѣстности, какъ удаленныя отъ центра, не искали на себѣ всѣхъ народныхъ бѣдствій въ эпоху смутнаго времени, и вотъ причина, по которой въ памятникахъ земской старини сѣверо-восточнаго края наблюдается наиболѣе развитіе у насъ древняго земскаго самоуправления. Имѣя въ виду то значеніе, какое могутъ имѣть эти памятники не для одной исторіи нашего народа, но и для исторіи русскаго языка, собиравшій, при слитіи копій съ архивныхъ документовъ, сохранялъ всѣ фонетическія особенности сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ нарѣчій стариннаго русскаго языка.

Крестьяне въ царствованіи императрицы Екатерины II. В. И. Семевскаго. Томъ первый. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Сиб. 903. Стр. XXXVII + 643. Ц. 3 р. 50 к.

Крестьяне въ царствованіи императрицы Екатерины II. В. И. Семевскаго. Томъ первый. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Сиб. 903. Стр. XXXVII + 643. Ц. 3 р. 50 к.

Благотворный трудъ В. И. Семевскаго давно уже пользуется заслуженною извѣстностью въ нашей исторической литературѣ, какъ наиболее обстоятельное и полное, основанное на архивныхъ матеріалахъ, изслѣдованіе по исторіи нашего крестьянства. Первый томъ этого глубоководительнаго сочиненія вышелъ въ свѣтъ въ первомъ изданіи болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ; съ тѣхъ поръ специальная литература предмета значительно разрослась, но по исторіи крестьянъ въ XVIII вѣкѣ появилось сравнительно мало новыхъ работъ, и изслѣдованіе В. И. Семевскаго остается единственными въ своемъ родѣ, по обширности замысла и полнотѣ и точности исполненія. Въ первомъ томѣ, кромѣ общаго введенія, заключаются данія по исторіи помѣщичьихъ или крѣпостныхъ крестьянъ, и посессионныхъ, приписанныхъ въ фабрики и заводы, причемъ приводится масса бытовыхъ подробностей о положеніи крѣпостныхъ, о повинностяхъ ихъ въ пользу владѣльцевъ, о воземельной общинѣ, о дворовыхъ, о происшедшихъ волненіяхъ среди крестьянъ, о судьбѣ заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ. Новое изданіе является иницѣ въ значительно дополненномъ видѣ; въ концѣ приложено спискомъ важнѣйшихъ книгъ и журнальныхъ статей по исторіи крестьянъ въ Россіи.

Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи. З. А. Рагозиной. Съ 113 рисунками и 2 картами. Изд. А. Ф. Маркса. Сиб. 902. Стр. 423. Ц. 2 р. 50 к.

Въ книгѣ г-жи З. А. Рагозиной собраны интересныя свѣдѣнія о результатахъ повѣстныхъ раскопокъ и научныхъ изслѣдованій въ области древняго Востока. Факты, излагаемые авторомъ, выясняютъ „связь восточной древности съ классической, долго заимствованною у нея и религію, и культуру, и государственную организацию“; они наглядно указываютъ также на тотъ „неиссякаемый источникъ, откуда столько тысячелѣтій черпаетъ мировое искусство“. Ясное, общедоступное изложеніе, подкрѣпляемое множественностью иллюстрацій, дѣлаетъ книгу занимательною и для тѣхъ читателей, которые мало интересуются научными вопросами и изслѣдованіями по исторіи всемірной культуры.

И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). — Встрѣчи и воспоминанія. Сиб. 903. Ц. 1 р. 75 к.

Сборникъ статей, напечатанныхъ въ различныхъ журналахъ и въ различное время — числомъ десять, — заволащывающій вѣстрѣчами автора и его воспоминаніями изъ литературнаго и военнаго міра. Нѣкоторыя изъ статей составлены по запискамъ автора и отчасти по воспоминаніямъ; статьи же о Шамалѣ и гр. Л. Н. Толстомъ изложены частно по личнымъ воспоминаніямъ, вслѣдствіе вѣстрѣчи съ ними.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1903 г.

(Тридцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ: По полугодіямъ: По четвертямъ года:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Взвѣ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За граничный, въ госуд. почтов. совза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январь и іюль, и по четвертямъ года: въ январь, апрѣль, іюль и октябрь, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Ближайше магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычномъ уступкомъ.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

ВЪ МОСКВѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Циверлинга, Невскій пр., 20.

- въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КИЕВѢ:

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатики, 33.

- въ книжн. магаз. „Образованіе“, Рингелъевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ означать въ себѣ имя, отчество, фамилію съ точнымъ обозначеніемъ губерній, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтового учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ таковаго учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Переменная адресъ* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иностраніе, доллжнъ заплатить 1 руб., и иностранцы, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже чѣмъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Высланы* въ полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иностранныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ въ посылочной сумкѣ 14 коп. почтовымъ маркамъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Сиб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академич. пер., 7.

Trade

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR LENOX
TILDEN FOUNDATION

ВЪСТѢЖЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБИМЦЕВЪ.

ТРИЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 6-Я.

ЮНЬ, 1903.

ПЕТЕРБУРГЪ.

I.—НА РАЗВАЛИНАХЪ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть II: XIX-XXVIII.— Окончаніе.—Л. Е. Оболенскаго	425
II.—ТАЙГА И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ.—I-IV.—П. И. Соколова	477
III.—МОЯ ЖИЗНЬ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.—1832-1884 гг.— XII.—Окончаніе.—А. В. Романовича-Славатинскаго	499
IV.—ВЛАДИМИРЪ РАЕВСКІЙ И ЕГО ВРЕМЯ.—Биографическій очеркъ.—I-V.— П. Е. Щеголева	509
V.—НА НОВОМЪ МѢСТѢ.—Рассказъ.—Окончаніе.—П. Хотымскаго	562
VI.—„НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ“ ВЪ ИТАЛИИ.—I-III.—Франц. Параске	590
VII.—ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Высохшія ружей. II. Въ зеленомъ морѣ. III. Пер- вая молнія.—О. Михайловой	614
VIII.—УРОЖЕНЕЦЪ ВИРЖИНІИ.—Романъ.—The Virginian, by Owen Wister.— XXVI-XXXVI.—Окончаніе.—Съ англ. П.—ны С.—вой.	616
IX.—НА ВЫСОТАХЪ КАВКАЗА.—Путевыя замѣтки и наблюденія.—I.—Н. П. Вьло- конскаго	677
X.—ПОСЛѢДНІЙ ВЪНОКЪ.—I-III.—Стих. М. Филинскаго	697
XI.—ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ДЛЯ КРЕСТЬЯНЪ.—Н. Катаева	700
XII.—ХРОНИКА.—Экономическая полемика.—Петръ Лохтинъ. Къ вопросу о реформѣ селскаго бита крестьянъ.—В. В.	719
XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Положеніе объ управленіи земскими хозяй- ствомъ въ дѣлѣ западныхъ губерній.—Порядокъ утвержденія земскихъ сѣкъ и раскладокъ.—Общее значеніе реформы.—Новое уголовное уложеніе: постановленія о вѣнчаности и вѣнчаній, о видахъ виновности, о давности, о религіозныхъ послѣдствіяхъ	731
XIV.—НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ЗЕМСКИХЪ И НЕ-ЗЕМСКИХЪ ГУБЕР- НІЯХЪ.—М. Ц.	750
XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Иностранная газетная кампанія противъ Рос- сін.—Полемика по мянчурскому вопросу.—Международная злоупотре- бленія.—Балканскій кризисъ.—Сербскія и болгарскія дѣла.—Имперіализмъ и его представители въ Англіи	764
XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Графъ Л. Н. Толстой въ литературѣ и искусствѣ, состав. Ю. Витовъ.—А. И.—П. Очерки французской обществен- ности, Ю. Лавриновича.—III. Письма Пушкина и къ Пушкину, и в. В. Бро- сова.—А. С. Пушкинъ, „Труды и дни“, Н. Лернеръ.—IV. Литерат. Архивъ, П. Карганова.—Статьи и матеріалы, посвящ. Некрасову.—Писатели изъ народа, Литерат. Сборникъ, Памяти Некрасова.—V. Первое столѣтіе Пряутска, В. Сукачова.—Гомель въ XVII столѣтіи.—Евг. Л.—VI. Па- белла Гриневская, „Бабь“,—Л. Об-скій.—VII. А. Фаресовъ, Въ одиноч- номъ заключеніи.—VIII. П. Д. Боборичинъ, „Вѣнній Городъ“.—IX. С. С. Та- тищевъ, Имп. Александръ II.—М. Г.—Новыя книги и брошюры.	776
XVII.—ПОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Anatole France, Histoire Comique.—П. Max Dreyer, Das Thal des Lebens. Historischer Schwank.—З. В.	806
XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Двухсотлѣтіе Петербурга.—Петербургъ и Москва.—Странное ходатайство.—Что такое „моральная виновность“ печати?—Отголоски вѣнчанскихъ событій.—Свобода литературы и сво- бода печати.—Рѣшеніе сената и комментарий къ нему въ „Гражданинѣ“.— К. М. Станюковичъ ф.	821
XIX.—ВЗВѢЩЕНІЯ.—I. Отъ Совѣта Имп. Женскаго Патриотическаго Общества.— II. Шестой конкурсъ для соисканія преміи имени князя А. И. Васильчикова.	836
XX.—ВИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Труды Н. К. Грота, т. V.—Матеріалы для изданія изданія А. С. Пушкина, собр. Л. Н. Майковичъ.—Граждан- ское положеніе девицъ съ древн. времена, П. Жидъ.—Записки колони- затора Сибири, П. Соколова-Костромскаго.—Щеголовитовъ, С. Г., Судебные Уставы императора Александра II.—Водовозова, Е. Н., Жаны европейскіхъ народовъ, т. III: Житыи Средней Европы.	
XXI.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.	

ИЗДАНИЯ

ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ
ТИПОГРАФІИ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В.-О., 5 лн., д. № 28.

Книжный складъ типографіи принимаетъ на комиссію постороннія изданія не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ ихъ издателями, и высылаетъ иногороднымъ заказъ съ наложеніемъ платежа по цѣнѣ книги и почтовыхъ расходовъ на ея пересылку.

Іюнь, 1903 г.

АННЕНСКАЯ, А. Н. Свѣтъ и тѣни.—Повѣсти и рассказы для дѣтей. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Зимніе вечера. Рассказы для дѣтей. Изд. 5-е. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

Своимъ путемъ. Повѣсти и рассказы для дѣтей старшаго возраста. Спб. Ц. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 75 к.

Мои двѣ племянницы. Сборникъ рассказовъ для дѣтей. 2-е изд. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Фригюфъ Нансенъ и его путешествія. Съ портр. и 40 рис. Спб. Ц. 1 р.

Анна. Романъ для дѣтей. Изд. 4-е. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

Братъ и сестра. Рассказъ для дѣтей. Изд. 2-ое. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

БАРСУКОВЪ, Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 17-ая. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к. Издѣются въ продажѣ первыя 16 книгъ. Цѣна каждой 2 р. 50 к.

БОВОРЫКИНЪ, П. Д. Европейскій романъ въ XIX столѣтіи. Романъ на Западѣ за двѣ трети вѣка. Спб. 1900 г. Ц. 3 р.

ВЪЛИНСКІЙ, В. Г. Шестой томъ Полнаго Собранія сочиненій, въ 12-ти томахъ, изданіе С. А. Венгерова, п. р. и съ примѣчаніями издателя. Спб. 1903. Цѣна по подпискѣ 12 руб. безъ пересылки; пересылка по почтовой стоимости; отдѣльно каждый томъ—по 1 р. 25 к.

ВЕРЬЛОВСКІЙ, Г. Вопросы русскаго гражданскаго права и процесса. Москва. Ц. 2 р. 50 к.

Движеніе русскаго гражданскаго процесса, изложенное на одномъ примѣрѣ. Изд. 2-е. Спб. Ц. 2 р.

Дополненіе къ движенію русскаго гражданскаго процесса. Москва. Ц. 40 к.

Законоположенія о преобразованіи мѣстныхъ крестьянск. и судебн. учреждений и правила о производствѣ судебныхъ дѣлъ. Въ 2 частяхъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Систематическій сборникъ положеній и извлеченій изъ рѣшеній Гражданскаго Кассационнаго и Общаго Собранія 1-го, 2-го и Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената за 1883—1888 годы. Спб. 1 р. 50 к.

ВОЛЖСКІЙ. Очерки о Чеховѣ. Спб. 1903 г. Ц. 80 к.

ГОФМАНЪ, К. Радій и его лучи. Переводъ Н. Ф. Индриксона. Спб. 1903 г. Ц. 70 к. Изд. 1-ое.

ГРАДОВСКІЙ, А. Д., проф. Собраніе сочиненій въ 9-ти томахъ. Вышли тт. I, II, III, IV, V, VI, VII и VIII-й. Цѣна I-го тома—2 р. 50 к.; II-го, III-го и V-го—по 3 р.; IV-го—4 р.; VI-го—3 р.; томъ VII, ч. 1—2 руб.; томъ VIII, ч. 2—3 р.

Подписная цѣна на все собраніе—15 р., при чемъ получаютъ первыя 8 вышедшихъ томовъ, а девятый (ч. 3), печатаемый томъ выдается бесплатно. Пересылка по почтовой стоимости.

Вѣстникъ Европы.—1903.

A

- ГРЕВНЕРЪ, В. Ф., и ДОБРОВОЛЬСКИЙ, А. А.** Практика биз-
несаго департаментовъ и второго общаго собранія Правительствующаго
Сената по торговымъ дѣламъ съ 1839 г. по 1901 г. включ. Судопроизвод-
ство по исконнымъ дѣламъ.—Администрація.—Несостоятельность.—Векселя.
Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1902 г. Ц. 3 р.
- ДЕВИДУРЪ, А., проф.** Политическая исторія XIX вѣка. Исторія вѣн-
скихъ сношеній европейскіхъ державъ съ 1814 по
1878 г. Томъ I. Священный Союзъ. Переводъ съ фр. студентовъ Имп. Спб.
унив., подъ ред. прив.-доц. А. Пяленка. Изданіе Библиотеки Обществен-
ныхъ Знаній. Выпускъ I. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ДЕРЮЖИНСКИЙ, В. Θ., проф.** Судебные дѣтели объ университетской
подготовкѣ молодежи юристовъ. Спб.
1902 г. Ц. 25 к.
Международная борьба съ торговлею женщинами. Спб. 1902 г. Ц. 80 к.
Полицейское право. Пособіе для студентовъ. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.
- ЖЕМЧУЖНИКОВЪ, А. М.** Пѣсни старости. Спб. Ц. 1 р.; въ изящ-
номъ переплетѣ 1 р. 75 к.
Стихотворенія. Два тома. Изд. 3-е. Съ портретомъ и автобиографическимъ очер-
комъ. Спб. Ц. 3 р.; въ перепл. 3 р. 75 к.
- КАВЕЛИНЪ, К. Д.** Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ большихъ томахъ
въ два столбца. Цѣна за четыре тома—10 р. безъ пере-
сылки. Въ отдѣльной продажѣ: т. I—ц. 3 р. 50 к.; т. II—3 р. 50 к.;
т. III—4 р.; т. IV—4 р.
- КАРѢВЪ, Н. И., проф.** Учебная книга новой исторіи. Съ историческими
картами. Изд. 3-е. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 30 к.
Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. Изданіе 2-е.
Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 10 к.
Учебная книга древней исторіи. Изданіе 2-е. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 20 к.
Философія культурной и социальной исторіи новаго времени (1900—1800). Введе-
ніе въ исторію XIX вѣка. (Основные понятія, главнѣйшія обобщенія и наи-
болѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII в.). Изд. 2. Спб. 1902. Ц. 60 к.
Введеніе въ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. (Романо-германскій міръ въ VI—
XV вѣкахъ). Спб. Цѣна 35 коп.
- Защѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.
Исторія Западной Европы въ новое время. Въ пяти томахъ. Цѣна 17 р. 50 к.
Въ отдѣльной продажѣ: т. I—ц. 2 р.; т. II—ц. 3 р. 50 к.; т. III—ц. 3 р.
50 к.; т. IV—ц. 3 р. 50 к.; т. V—ц. 5 р.
- Идеалы общаго образованія. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.
Основные вопросы философіи исторіи. 3-е (сокращ.) изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к.
Старые и новые этюды объ экономическомъ материализмѣ. Спб. Ц. 1 р.
Мысли о сущности общественной дѣятельности. 2-ое изд., дополненное. Спб.
1901 г. Цѣна 50 к.
Мысли объ основахъ нравственности. Изд. 2-е. Спб. Ц. 40 к.
Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Изд. 4-е. Спб. Ц. 50 к.
Литературная эволюція на Западѣ. Воронежъ. Ц. 2 р.
Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ до 1789 г. Варшава. Ц. 1 р.
Историческій очеркъ польскаго сейма. Москва. Ц. 1 р.
Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ.
Москва. Ц. 1 р. 50 к.
- Отзывъ о сочиненіи проф. Кореліи въ заглавіи: „Ранній итальянскій гума-
низмъ и его историографія“. Спб. Ц. 30 к.
Введеніе въ изученіе социологіи. Спб. Ц. 2 р.
Отзывъ о сочиненіи профессора Любовича въ заглавіи: „Начало католичес-
кой реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ“. Спб. Ц. 20 к.
Главные обобщенія всемірной исторіи. Учебное пособие для средняго образова-
нія. Съ историческими картами. Спб. 1903 г. Ц. 80 к.
- КОТЛЯРЕВСКИЙ, Н.** Мировая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ на-
шего вѣка. Спб. Ц. 2 р.

- КОРКУНОВЪ, Н. М., проф.** Русское государственное право. Томъ I. Введение и общая часть. Изданіе четвертое (безъ существенныхъ перемѣнъ). Слб. 1901 г. Ц. 3 р.
Томъ II. Часть особенная. Изд. 4-е, безъ перемѣнъ. Слб. 1903 г. Ц. 3 р. 50 к.
Исторія философіи права. Пособіе къ лекціямъ. Изданіе третье (безъ перемѣнъ). Слб. 1903 г. Цѣна 2 р. 50 коп.
Стихи. Слб. Ц. 1 р.
- КОТЪ-МУРЛЫКА.** Повѣсти, сказки и рассказы въ семи томахъ. Слб. Цѣна каждого тома 1 р. 75 к.
- ЛОССКІЙ, Н. О.** Основныя ученія психологін съ точки зрѣнія волюнтаризма. Слб. 1903 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- ЛУГОВОЙ, А. А.** Сочиненія. Томы I, II, III, IV и V. Романы, повѣсти, рассказы. Слб. Ц. 10 руб. Въ отдѣльной продажѣ: тт. I, II, III—по 2 р.; т. IV—2 р. 50 к.; т. V—ц. 1 р. 50 к.
Грани жизни. Романъ въ пяти частяхъ, но въ двухъ книгахъ. Изд. 2-е. Слб. Цѣна за двѣ книги 2 р. (Т. II, изд. 2-е, въ двухъ книгахъ—ц. 2 р.).
- МАРКОВЪ, ЕВГЕНІЙ.** Путешествіе по Святой землѣ. Іерусалимъ и Палестина, Самарія, Галилея и берега Малой Азіи. Слб. Ц. 2 р. 25 к.
Россія въ Средней Азіи. Очерки путешествія. Въ 2-хъ томахъ. Слб. 1901 г. Цѣна за оба тома 3 р.
Учебные годы стараго барчука. (Рассказы изъ прошлаго). Слб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ПИЛЕНКО, АЛ.** Привилегіи на изобрѣтенія. (Практическое руководство, съ приложеніемъ текста закона 20 мая 1896 г., позднѣйшихъ дополненій, формъ дѣловыхъ бумагъ и краткихъ свѣдѣній объ иностранныхъ законахъ). Второе, исправленное и дополненное, изданіе. Слб. 1903 г. Ц. 85 к.
Право изобрѣтателя. (Привилегіи на изобрѣтенія и ихъ защита въ русскомъ и международномъ правѣ). Историко-догматическое изслѣдованіе. Томъ I-й. Слб. 1902 г. Ц. 3 р.
Томъ II. Слб. 1903 г. Ц. 2 р.
- ПРЕССЪ, АРКАДІЙ.** Писатели XIX вѣка. (Характеристики). Книга первая. Съ пятью портретами. Слб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ПРУТКОВЪ, КОЗЬМА.** Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ, facsimile и біографич. свѣдѣніями. Изд. 8-ое. Слб. Ц. въ папкѣ 2 руб.
- ПЫПИНЪ, А. Н.** Исторія русской литературы. Изданіе второе. Цѣна 4-хъ томовъ 10 руб. безъ пересылки.
Исторія русской этнографіи. 4 тома. Ц. 10 р.; каждый томъ отдѣльно 3 р.
М. Е. Салтыковъ. Идеализмъ Салтыкова. Журнальная дѣятельность 1868—1864. Библиографическая замѣтка. Слб. Ц. 1 р. 50 к.
Сводный старообрядческой синодикъ. Слб. Ц. 1 р.
Для любителей книжной старины. Москва. Ц. 1 р.
Изъ исторіи народной повѣсти. Слб. Ц. 75 к.
Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Историческіе очерки. Изд. 3-е, съ дополненіями. Слб. 1900 г. Ц. 3 р.
- СЕМЕВСКІЙ, В. И.** Крестьяне въ царствованіе Екатерины II. Томъ I. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Слб. 1903 г. Ц. 3 р. 50 к.
Томъ II. Слб. 1901 г. Ц. 3 р.
- СЕРГѢВИЧЪ, В. И., проф.** Русскія юридическія древности. Т. I. Территорія и населеніе. Изд. 2-е, съ перемѣнами и дополненіями. Слб. 1902 г. Ц. 3 р.
Русскія юридическія древности. Томъ II. Вѣче и князь. Совѣтники князя. Изд. 2-е, съ поправками. Слб. 1900 г. Ц. 3 р.
Древности русскаго права. Томъ III. Землевладѣніе. Тагло.—Порядокъ обложенія. Слб. 1903 г. Ц. 2 р.

СТАСЮЛЕВИЧЪ, М. М. Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ. Историческій очеркъ. 2-ое изданіе. Спб.

1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. Т. I. Періодъ первый: Отъ паденія западной римской имперіи до Карла Великаго. 476—771 г. Изд. 3-е. Спб. Ц. 2 р. Т. II. Періодъ второй. Отъ Карла Великаго до крестовыхъ походовъ. 771—1096 г. Изд. 2-е. Спб. Ц. 3 р. Т. III. Періодъ третій. Отъ крестовыхъ походовъ до открытія Америки. 1096—1492 г. Изд. 2-е. Спб. Ц. 3 р.

ТОЛСТОЙ, Л. Н., гр. Полное собраніе сочиненій въ 16 томахъ. Цѣна 11 р. 85 к.; въ семи переплетахъ цѣна 14 руб. 50 к.; въ 16 перепл. цѣна 18 р. 55 к. Тоже, роскошное изданіе въ 14 большихъ томахъ, цѣна 25 руб., въ переплетѣ—37 руб.*Подписка съ разсрочкой не принимается.***ТРАЧЕВСКІЙ, АЛЕКСАНДРЪ, проф.** Учебникъ древней исторіи. Третье, исправленное изданіе. Съ 52 рис. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Учебникъ средней исторіи. Третье, исправленное изданіе. Съ 111 рисунками. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Новая исторія. Т. I (1500—1750 гг.). Реформація и возрожденіе католицизма (1500—1600). Реакція и абсолютизмъ (1600—1750). 2-ое исправленное и дополненное изданіе. Спб. Ц. 3 р., въ изданіи перепл. 3 р. 75 к.

Учебникъ Русской исторіи. Въ двухъ частяхъ. Ч. I. Древняя Россія. Съ 25-ью рис. Ч. II. Новая Россія. Съ 47-ю рис. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Главн. Управл. военно-учебн. завед. рекомендовано для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки кадетскихъ корпусовъ. Спб. Цѣна 2 р. 50 к. Въ изданіи перепл. 3 р. 25 к. Цѣна каждой части 1 р. 25 к.

УТИНЪ, ЕВГ. И. Письма изъ Болгаріи. Спб. Ц. 2 р. 50 к.
Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Историч. очерки. Спб. Ц. 2 р.
Изъ литературы и жизни. Журнальныя статьи, этюды, замѣтки. Съ портретомъ автора. Въ 2 томахъ. Спб. Ц. 3 р.**ШЕСТОВЪ, Л.** Достоевскій и Нитше. (Философія трагедіи). Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шекспиръ и его критикъ Брандесъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Добро въ ученіи гр. Толстого и Нитше. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

ШЛЯПКИНЪ, И. А., проф. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.**ЩЕРБАТОВЪ, М. М., князь.** Исторія російская отъ древнѣйшихъ времъ. Т. I—II. Изданіе кн. Б. С. Щербатова. Редакція И. П. Хруцова и А. Г. Воронова. Спб. 1901 г. Ц. 6 р. Т. III. 1902 г. Ц. 4 р. Т. IV. Часть 1-я. Спб. 1902 г. Ц. 3 р. 50 к. Т. IV, часть II и III. Спб. 1903 г. Ц. 5 руб. Тамъ же продаются: Сочиненія князя М. М. Щербатова, въ двухъ томахъ. Томъ I: Политическія сочиненія. Подъ редакціей И. П. Хруцова. Съ портретомъ. Спб. Ц. 4 р. Томъ II: Статьи историко-политическія и философскія. Подъ редакціей И. П. Хруцова и А. Г. Воронова. Спб. Цѣна 4 рубля.**ЮРЕНЕВЫ, Г. Н. и Н. А.** „Родъ Юреневыхъ“. Генеалогическая роспись съ XIV по XX столѣтіе. Историко-біографическія свѣдѣнія по архивнымъ документамъ. Спб. 1903 г. Ц. 4 р.

НА РАЗВАЛИНАХЪ

Романъ въ двухъ частяхъ.

Окончаніе.

XIX *).

Прогулка Надежды Николаевны съ Соней, однако, не состоялась. Когда все уже было готово, у наружныхъ дверей раздался звонокъ. Приѣхали—Лядова, Бѣловонскій и Роговъ.

Раздались веселые голоса, восклицанія, поцѣлуи дамъ.

— А мы собирались къ вамъ! Сердце сердцу вѣсть подаетъ!—кричала Надежда Николаевна, возбужденная и сіяющая...

Комнаты освѣтились. Лакею давались приказанія о чаѣ, десертѣ, ужинѣ...

— Сейчасъ пріѣдетъ Рахмаровъ,—сказала Вѣра Павловна:— онъ отдѣльно ѣдетъ въ санкахъ.

Своро явился и онъ. Поговоривъ съ хозяйкой, Петръ Григорьевичъ подошелъ къ Софьѣ, которая сидѣла въ уголѣ гостиной.

— Какъ я давно васъ не видѣлъ!—сказалъ онъ, наклоняясь надъ нею и сжимая обѣ ея руки въ своихъ огромныхъ рукахъ.— Ну, вы теперь немного вздохнули? Здоровы? Какъ вы блѣдны! Вы еще не вполнѣ поправились...

Онъ подвинулъ кресло и сѣлъ возлѣ нея, смотря въ ея большіе темные глаза съ отеческой лаской.

---

*) См. выше: май, 40 стр.

Ее охватила такая радость и волненіе, что сразу она даже ничего не отвѣтила, а только смотрѣла въ его глаза, и эти глаза, и выраженіе его лица, и голосъ, какимъ онъ говорилъ, казались ей музыкой. Еслибы кругомъ никого не было, она, быть можетъ, не удержалась бы и заплакала отъ счастья, что онъ такъ ласково говорить съ нею. Наконецъ, ей удалось говорить:

— Я ужасно счастлива, что вижу васъ... Я здорова... Спасибо!.. Только я еще очень нервна... Я такъ хотѣла все время видѣть васъ и Вѣру Павловну... Я такъ полюбила васъ обоихъ...

Голосъ ея дрогнулъ, и на рѣсницахъ мелькнули слезы...

— О, да въ самомъ дѣлѣ ваши нервы совсѣмъ еще плохи!.. Иванъ Захаровичъ!—позвалъ Рахмаровъ Рогова, который въ это время говорилъ съ Лядовой:—что же вы не исполняете своихъ обязанностей! У васъ тутъ пациентка, а вы, кажется, и не подозрѣваете.

— Чтò такое? — спрашивалъ тотъ, быстро подходя вмѣстѣ съ Вѣрой Павловной.

— Да вотъ, посмотрите! Нашъ прїѣздъ вызвалъ въ Софьѣ Петровнѣ такой аффектъ, что она заплакала. У нея нервы очень не въ порядкѣ.

— Это пустяки!—сказала Софья измѣнившимся, холоднымъ тономъ.—Я совсѣмъ здорова, но я такъ давно не видѣла васъ всѣхъ, что немножко взволновалась...

Она постаралась улыбнуться и вышла изъ гостиной.

— Чтò такое съ нею?—тревожно спрашивалъ Рахмаровъ.—Вамъ, Иванъ Захаровичъ, нужно серьезно заняться ея здоровьемъ. Теперь она близко отъ васъ.

Роговъ отвѣтилъ, что она ему не жаловалась на свои нервы.

Въ это время Бѣлоконскій говорилъ Надеждѣ Николаевнѣ:

— Матап очень извиняется, что... еще не отдала вамъ визита. Она будетъ у васъ завтра. Звалъ ее теперь же съ нами, но вся ея жизнь построена изъ формальностей. Непремѣнно въ извѣстный часъ, въ извѣстномъ костюмѣ... Знаете ли, я, благодаря ей, сдѣлалъ научное открытіе: въ отношеніи личности къ обществу существуетъ такой же догматизмъ, какъ и въ отношеніи къ религіи. Одни ничего не дѣлаютъ для общества, но исполняютъ мельчайшіе его обряды; другіе почти игнорируютъ обряды и стараются приносить обществу пользу.

— Ахъ, какъ это вѣрно! А вы къ какому относитесь?

— Я? Ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Я—либрпансёръ, эсте-

тихъ! Обрядники общественной службы, это — холопы... Искренніе ея служители — глупцы!

— Какъ?! Искренніе служители общества — глупцы?! А ваши планы съ милліонами? Развѣ не для общества?

— Они рассчитаны не на общество, а на все человѣчество, на борьбу съ его невыносимой глупостью и холопствомъ! Мнѣ эстетически омерзительно и то, и другое... Я не за общество, а противъ него...

— Я не совсѣмъ понимаю... Объясните!..

Въ это время вернулась Софья и сѣла недалеко отъ нихъ. Бѣловонскій замѣтилъ ее и заговорилъ громче, чтобы она слышала:

— Тутъ все просто, — говорилъ онъ: — неужели вы не чувствовали отвращенія къ лакеямъ по призванію? У моей мамы есть идеальныя лакеи въ этомъ смыслѣ: это — ходячія догматы общественной обрядовъ, какъ и она... Я его видѣть не могу! Но у меня передъ глазами были иногда и настоящіе служители общества... слѣпые, фанатическіе, готовые жертвовать жизнью для этого Молоха... И я не рѣшаюсь сказать, кто хуже!

Софья Петровна почти съ ужасомъ взглянула на него. „Неужели онъ намекаетъ на Рахмарова“?

Надежда Николаевна слушала наполовину, не вдумываясь, поглощенная мыслью, что она „не занимаетъ“ другихъ гостей. Она сказала Бѣловонскому:

— Это гениально! Вы когда-нибудь развеите мнѣ эту мысль... А сейчасъ... радон, я иду къ нимъ...

Она направилась къ Рахмарову, Лядовой и Рогову, сообщая имъ, какъ онѣ скучали эти дни съ Соней, какъ мечтали даже о крестьянскихъ посидѣлкахъ, и т. д., и т. д.

Бѣловонскій подошелъ къ Софьѣ.

— Вы чѣмъ-то разстроены? Больны? Какъ вы блѣдны сегодня!..

— Оставьте въ покоѣ мою блѣдность и объясните то, что вы сейчасъ говорили Надѣ: вы серьезно считаете самоотверженіе — глупостью?

— Считаю! — сказалъ онъ покойно, всматриваясь въ ея лицо своими бархатными глазами такъ упорно, что она опустыла рѣсницы. — Я слышалъ отъ Вѣры Павловны, что и вы сами не считаете общественной работы настоящей жизнью.

— Мнѣ часто казалось, что тратиться на мелкое служеніе людямъ, ну, въ родѣ того, что дѣлаетъ Вѣра Павловна, — можно только отъ скуки, когда нѣтъ ничего другого, болѣе высокаго,

грандіознаго... Какое мнѣ дѣло, будутъ ли дѣти грамотны? Моя жизнь отъ этого не проиграетъ, не выиграетъ... А вѣдь прежде всего надо, чтобы я жила сама—всѣмъ, что во мнѣ есть... А есть во мнѣ, я это чувствую, потребность чего-то широкаго, неогляднаго, не будничнаго...

— Совершенно вѣрно! Это я и называю потребностью эстетической: жажда великаго, возвышеннаго...

— Но я считала мое настроеніе не достоинствомъ, а несчастіемъ. Я была убѣждена, что это во мнѣ недостатокъ любви къ людямъ, недостатокъ сочувствія къ страданіямъ... Я и теперь тоже думаю... Безъ любви нѣтъ цѣли въ жизни... Я часто думала, что эту цѣль можетъ дать ненависть... Безъ цѣли—зачѣмъ жить?

— Тутъ не все вѣрно: любить людей не за что! Ненавидѣть ихъ тоже не стоитъ! Можно презирать и невозможно жалѣть... Но ихъ глупость и холопство,—мнѣ по крайней мѣрѣ—невыносимы инстинктивно! Да, инстинктивно, эстетически! И это моя почва, на которой я готовъ работать. Вы правы: безъ цѣли или, точнѣе, безъ борьбы за что-нибудь не стоитъ жить... То, что обыкновенно называютъ наслажденіями, пошло до одурѣнія...

— Да. Въ томъ, что вы говорите, много правды,—сказала Софья Петровна, задумавшись:—но только все-же, мнѣ кажется, есть еще что-то... безъ чего все это неполно, пусто, холодно... и безъ чего жить не стоитъ.

Онъ замѣтилъ, что легкій румянецъ разлился по ея лицу, и любовался ею, думая уже не въ первый разъ: „Какъ она хороша! И это не виѣшняя красота! Что-то изнутри освѣщаетъ эти чудныя черты, какъ огонь, зажженный внутри статуи“!

Подожло остальное общество. Рахмаровъ старался держаться вдали отъ пасынка и не вступалъ въ разговоръ съ нимъ, но это дѣлалось такъ свѣтски-тонко, что никто не замѣтилъ ихъ натянутыхъ отношеній.

Надежда Николаевна сіяла и цвѣла, какъ макъ цвѣтъ. Она была счастлива и какъ хозяйка, у которой собрались такіе милые люди, и какъ влюбленная женщина: Бѣлоконскій незамѣтными отгѣнками обращенія, мимолетными взглядами, мелкими услугами давалъ ей чувствовать, что занятъ исключительно ею...

Между Роговымъ и Лядовой установилось что-то въ родѣ безмолвнаго союза наблюдателей: онъ ревниво слѣдилъ за каждымъ взглядомъ и словомъ сперва Софьи и Рахмарова, а потомъ, послѣ разговора Софьи съ Бѣлоконскимъ, его ревность включила и того. Лядова же чувствовала себя одинокой среди

всѣхъ нихъ: никому, въ сущности, не было до нея дѣла; Иванъ Захаровичъ былъ ей ближе всѣхъ, но она видѣла, что всѣ его мысли сосредоточены на Лопатиной, а она сама служить ему только громоотводомъ.

Черезъ часъ гости стали собираться въ обратный путь. Надежда Николаевна объявила, что поѣдетъ съ Соней ихъ провожать. Она снова распорядилась запрягать лошадей. Въ этотъ промежутокъ времени Бѣлоконскій очутился въ залѣ около рояля и сталъ играть какой-то сентиментально-страстный вальсъ, подѣвая себѣ изрѣдка красивымъ теноромъ. Могучіе звуки громко раздавались подъ высокими потолками.

Рахмаровъ подошелъ къ Софьѣ Петровнѣ, сидѣвшей все время на одномъ мѣстѣ послѣ разговора съ Бѣлоконскимъ.

— Вы, кажется, разсердились на меня давеча за то, что я сказала о вашихъ слезахъ?.. Ради Бога, простите меня. Это у меня невольно сорвалось! Я знаю, что это вышло неловко! Но меня испугала ваша нервность... Я очень, очень жалѣю...

— Хорошо, что пожалѣли хотя послѣ!—сухо отвѣтила она.

— Да, вы сердитесь! И я теперь вижу, что сочувствовать людямъ можно иногда очень неудачно!—сказалъ онъ печально.

— Есть два рода сочувствія,—отвѣтила она:—въ васъ явилось сочувствіе моему здоровью, но не душевному состоянію... Оно... было вамъ не интересно... Я не сержусь на васъ... Но мнѣ стало больно... Я почему-то всегда видѣла въ васъ чело-вѣка очень чуткаго... Мнѣ всегда казалось, что именно вы можете мнѣ отвѣтить на нѣкоторые самые мучительные мои вопросы... Вы такъ много перестрадали, передумали, видѣли...

— И вы теперь думаете, что я не могу помочь вамъ?

— Не знаю... Но у меня пропало желаніе говорить съ вами объ этомъ. Ахъ, еслибы вы знали, какъ опостылѣла эта вѣчная фраза, которую со всѣхъ сторонъ слыпишь: „У васъ—нервы, нервы! Надо лечиться“! Какъ люди не поймутъ, что и сами нервы больны оттого, что душа болитъ! Ее нужно вылечить! Ей нужно дать отвѣтъ! „Нервы, нервы“! Какъ это все надоѣло... Это—лазейка, чтобы ни во что не вдумываться и не всматриваться поглубже...

Рахмаровъ сидѣлъ около нея нѣсколько наклонившись и чувствовалъ такую печаль въ тонѣ ея голоса, что въ душѣ про-влиналъ свою нечувствость. Ему казалось, что онъ жалѣетъ ее, какъ любимую дочь, страдающую и безпомощную.

Она посмотрѣла случайно въ его выразительное и открытое

лицо, и сразу ея настроеніе измѣнилось: въ глазахъ вспыхнула надежда, почти радость. Она быстро протянула ему руку.

— Забудемъ это! Простите меня! Вы хорошій! И мнѣ опять хочется говорить съ вами обо всемъ, что меня мучить... Когда бы намъ поговорить такъ, чтобы не помѣшали? Послѣ сегодняшняго разговора съ Бѣлоконскимъ мнѣ особенно необходимо говорить съ вами...

— Если вы найдете удобнымъ, то мы можемъ поѣхать отсюда въ моихъ саняхъ... Дѣло устроится ко всеобщему удовольствію... Роговъ сядетъ съ Вѣрой, пасыновъ—съ Надеждой Николаевной... Дорогой мы поговоримъ... Впрочемъ, я всегда могу пріѣхать сюда, когда вы скажете.

— Нѣтъ, здѣсь Надя будетъ мѣшать! Въ ея присутствіи не говорится о такихъ вещахъ. Я поѣду сегодня съ вами...

Въ передней послышался звонокъ. Бѣлоконскій пересталъ играть.

— Ахъ, Боже мой!—послышался изъ зала голосъ Надежды Николаевны: — я знаю, кто это! Это—Зиновьевъ! Намъ помѣшаютъ! Я совсѣмъ забыла, что назначила ему сегодня. Отецъ поручилъ мнѣ переговорить съ нимъ о страховой кассѣ для рабочихъ...

Лакей уже докладывалъ о приходѣ Зиновьева.

— Господа, я приму его. Вы извините! Придется подождать нѣсколько минутъ! Я скоро кончу... Просите его въ кабинетъ!—сказала она лакею.

— Ну, едва-ли скоро кончите!—насмѣшливо сказалъ Бѣлоконскій.—Знаю я, какъ вы скоро кончаете ваши разговоры...

— Злой!—сказала она воежливо.—Даю слово, что на этотъ разъ сдержу свою болтливость.

Она ушла.

— Это не тотъ ли Зиновьевъ,—обратился Рахмаровъ къ Рогову,—который тогда, помните, восьмого февраля сказалъ такую ужную рѣчь на студенческомъ вечерѣ?

— Да, это онъ,—отвѣтилъ Иванъ Захаровичъ.—Ну, съ нимъ Надежда Николаевна не разговорится. Онъ каждое свое слово по червонцу цѣнитъ, если не дороже...

— Что это за Зиновьевъ? Отчего мнѣ Надя не говорила о немъ?—спросила Лопатина у Рогова.

— Это очень оригинальный человѣкъ,—сказалъ Иванъ Захаровичъ:—онъ весь отданъ своему дѣлу... Живетъ здѣсь съ матерью-старушкой, женщиной съ рѣдкимъ образованіемъ... Онъ—

большая умница... Хотя мы въ убѣжденіяхъ съ нимъ расходимся, но я уважаю его очень...

— Чтѣ ты называешь его дѣломъ?—спросилъ Бѣлоконскій. — Вѣдь онъ,—насколько я помню изъ тогдашней его рѣчи,—марксистъ бернштейновскаго толка?

— Эти клочки надо оставить Петербургу,—отвѣтилъ уклончиво Роговъ.

Послѣ разговора съ Бѣлоконскимъ о Федѣ онъ рѣшилъ, что съ нимъ откровенничать не слѣдуетъ: Богъ его знаетъ, гдѣ у него кончается пріятель и начинается официальный служитель Семиды?

— Да, но ты все-же не объяснилъ намъ, въ чемъ состоитъ его дѣло здѣсь?—настаивалъ Бѣлоконскій.

— Онъ техникъ при фабрикѣ... Обучаетъ нѣсколькихъ рабочихъ химической сторонѣ здѣшняго производства...

— И только? Я слышалъ, что онъ какое-то общество трезвости здѣсь устроилъ?

— Да, да! Во всякомъ случаѣ ты съ официальной точки зрѣнія можешь быть доволенъ: его дѣятельность вполне законна.

Бѣлоконскій поблѣднѣлъ отъ этого намека и отвѣтилъ язвительно:

— Совѣтую тебѣ прочесть „Судебные Уставы“, чтобы отличать слѣдователя отъ сыщика.

— Я ихъ не смѣшиваю,—отвѣтилъ тотъ и тоже поблѣднѣлъ.

Рахмаровъ, чтобы прекратить непріятный разговоръ, спросилъ:

— Какъ странно, что онъ до сихъ поръ не познакомился ни съ кѣмъ изъ насъ! Неужели онъ не случается здѣсь безъ интеллигенціи?—И, обратившись къ Софѣ, прибавилъ: — Онъ при васъ бывалъ у Надежды Николаевны?

— Нѣтъ,—сказала она:—я даже не знала о его существованіи. И это досадно! Я бы непременно познакомилась съ нимъ: вѣдь такихъ людей, которые всю жизнь отдаютъ общественному дѣлу, очень немного... Правда, Алексѣй Петровичъ думаетъ, что они глупы... но вотъ въ этомъ-то мнѣ и хотѣлось бы убѣдиться... Иванъ Захаровичъ, этотъ Зиновьевъ глупъ?

— Мнѣ онъ показался очень умнымъ и развитымъ,—отвѣтилъ Роговъ.—Да неужели вы придаете значеніе этому парадоксу Алексѣя Петровича?

— Представьте себѣ, хотя и не придаю значенія, но эта мысль меня давно интересуетъ.

Въ это время явилась Надежда Николаевна.

Всѣ замѣтили, что она была красивѣе обыкновеннаго и смущена.

— Ну, ѣдемъ!—говорила она.—Нашъ разговоръ конченъ.

— Ну, и какъ же? Чѣмъ же вы порѣшили о насъ?

Она пожала плечами.

— Ничѣмъ! Онъ отказался принять въ этомъ дѣлѣ какое-либо участіе! И такъ рѣзко, какъ будто я его обидѣла, предложилъ составить проектъ.

— Но почему же?—спросилъ Бѣловонскій.

Надежда Николаевна замаялась.

— Онъ не объяснилъ хорошенько. Сказалъ только, что не сочувствуетъ. Впрочемъ, онъ видѣлъ лошадей у подѣзда и торопился... Я просила его заходить, чтобы серьезно уяснить себѣ этотъ вопросъ... Если, въ самомъ дѣлѣ, это нехорошо, я отговорю отца... Ну-съ! ѣдемъ, ѣдемъ!

XX.

— Итакъ, вы хотѣли у меня что-то спросить? — сказалъ Рахмаровъ, когда его санки выѣхали со двора, нѣсколько отставъ отъ двухъ троекъ, несшихся впередъ со звономъ бубенчиковъ и колокольчиковъ.

— Дайте собраться съ мыслями, — сказала Софья Петровна. — Не знаю, съ чего начать...

Рахмаровъ правилъ лошадей самъ: это была смирная водовозка. Опустивъ поводья, онъ далъ ей волю бѣжать потихоньку, а самъ любовался широкимъ снѣжнымъ горизонтомъ, гдѣ все искрилось при свѣтѣ мѣсяца.

— Я сначала о себѣ хочу посоветоваться, — заговорила Софья Петровна: — какъ мнѣ быть? Вѣдь не могу же я долго оставаться Надиной приживалкой! Что мнѣ дѣлать?

— Вамъ, конечно, необходимо добиться самостоятельной роли въ жизни. Для этого нѣтъ иного пути, какъ научиться предвѣрительно какой-нибудь специальности.

— То-есть, — сказала она, — учиться для того, чтобы получить мѣсто; это мѣсто я получу для того, конечно, чтобы имѣть средства платить за каморку, северный обѣдъ и дрянные башмаки... И день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, цѣлые годы, всю жизнь, всю жизнь, до самой могилы, работать, работать безъ отдыха, работать для осуществленія все того же великодушнаго

идеала: грязной или даже не грязной каморки, обѣда, башмаковъ и тому подобныхъ возвышенныхъ предметовъ! Чудная жизнь! Удивительный идеалъ!

Она захохотала, но въ ея голосѣ и смѣхѣ были сдерживаемыя слезы.

— Никто не видитъ идеала въ твоей жизни, — отвѣтилъ Рахмаровъ: — но для того, чтобы могъ осуществиться настоящій идеалъ, лучшая жизнь, нужно, чтобы кто-нибудь для этого идеала работалъ.

Она сдѣлала нетерпѣливый жестъ и хотѣла возражать, но онъ перебилъ ее:

— Подождите, выслушайте меня до конца. Есть, конечно, другая дорога, и многія женщины избираютъ ее, и бросить въ нихъ камень, при тѣхъ условіяхъ, какія вы сами сейчасъ нарисовали, не у всякаго хватитъ духа. Этотъ путь извѣстенъ: жить на чужой счетъ, держать лошадей, пожалуй, повара, выписывать башмаки не иначе, какъ изъ Парижа...

— За что вы меня такъ оскорбляете! — воскликнула она съ негодованіемъ, сквозь которое еще сильнѣе заискрились слезы. — Развѣ я такой жизни хочу!? Я презираю ее всѣми силами моей души! Я не вижу въ такой жизни никакой радости, ничего, кромѣ жестокости, нелѣпости... Но я и о той, другой, труженнической жизни не могу думать безъ ужаса... А никакой третьей жизни нѣтъ. Значить, жить не стоитъ, не нужно, нельзя...

— Да, если жить для себя, то вы вполне правы.

— Вы хотите сказать, что нужно работать и жить для счастья другихъ! Для какого? Для будущаго, конечно: вѣдь теперь его еще не можетъ быть. Но вѣдь меня тогда не будетъ, когда оно придетъ, а теперешнее счастье я считаю глупостью, да и вы также. И я, значить, стану работать для глупости?! Нѣтъ, нѣтъ! Жизнь — безсмыслица, нелѣпость, и оставаться жить — позорная слабость!

— Вы находите, что работать для того, чтобы жизнь перестала быть глупостью — очень далекій идеалъ. Хорошо, допустимъ. Но не стоитъ ли работать для того, чтобы сейчасъ уменьшить страданія? Пусть жизнь — нелѣпость, но вѣдь страданія-то ея — фактъ. Будемъ же уменьшать муки хотя бы глупой жизни...

— Ахъ, Боже мой! Это опять старое! Я же сказала, что мнѣ все равно, страдаютъ ли люди или нѣтъ. Если страдаютъ, то отъ своей глупости, и мнѣ ихъ не жаль.

— Подумайте, что было бы, еслибы такъ рассуждали тѣ люди, которые помогли вамъ выбраться изъ родного дома?

— Было бы гораздо лучше: я раньше пришла бы къ выводу, что жить не стоитъ.

— Я ожидалъ этого отвѣта. Скажу одно: подождите рѣшиться на что-нибудь. Я убѣжденъ, что придетъ моментъ, когда ваше сердце крикнетъ вамъ: „нужно жить для того, чтобы другіе меньше страдали“... Этого случая я жду.

Она пожала плечами и горько улыбнулась...

Они ѣхали молча. Софья Петровна упорно думала о томъ, какого случая онъ ждетъ. И какъ можетъ явиться такой случай? „Быть можетъ, онъ думаетъ, что если я полюблю кого-нибудь, у меня найдется и смыслъ въ жизни? Но развѣ любовь не иллюзія? Да, наконецъ, я люблю его, люблю, и отъ этого еще больше страдаю! И даже еслибы я знала, что онъ меня любитъ, и еслибы устроилось то, что люди зовутъ „счастьемъ любви“, — какая бы это была пошлость, какой ничтожный самообманъ! Минуты забытья, опьяненія... а потомъ — грязь, пошлость“...

Рахмаровъ прервалъ молчаніе.

— У насъ, т.-е., собственно, у Вѣры Павловны, гостить теперь интересный субъектъ... какъ, бишь, его фамилія?.. Кажется, Спиридоновъ... Она познакомилась съ нимъ въ городѣ, когда ѣздилъ хлопотать за меня... Онъ былъ фельетонистомъ мѣстной газеты, но долженъ былъ оставить это дѣло...

— Чѣмъ же онъ интересенъ?

— Да вотъ хотя бы тѣмъ, что пришелъ почти къ такимъ же выводамъ, какъ вы, но только съ иной точки зрѣнія. У него, наоборотъ, страшная жажда дѣла, работы общественной, но на всѣхъ путяхъ онъ встрѣтилъ полную невозможность приложить свои силы и пришелъ къ тому, что у насъ никакая положительная, созидающая культурная работа невозможна. И вотъ, онъ рѣшилъ отдаться работѣ отрицательной, потому что не можетъ существовать безъ дѣла...

— Какая же это отрицательная работа?

— О, у него много плановъ! Да вотъ, прїѣдемъ къ намъ, и я васъ познакомлю. Вы его разспросите. Это очень интересно. А онъ будетъ говорить охотно, потому что и прїѣхалъ-то къ намъ для того, чтобы вербовать себѣ послѣдователей. Я съ нимъ, конечно, не согласенъ...

Налѣво отъ дороги показалась маленькая покривившаяся деревянная часовня съ старообрядческимъ крестомъ, полузанесенная снѣгомъ...

— Вѣдь здѣсь поворотъ въ нашу усадьбу, — сказала Софья Петровна. — Мнѣ такъ бы хотѣлось взглянуть на нее, хотя из-

дали! Проѣдемте мимо нея... Еслибы вы знали, какъ мнѣ жаль мою вторую сестру, Надю! Вы ее не знаете. Какая она хорошая, тихая, кроткая... и такая слабенькая, мечтательная... Часто она казалась мнѣ цвѣткомъ, который рано, еще не успѣвъ расцвѣсть, охваченъ морозомъ... Проѣдемъ мимо... Быть можетъ, я увижу огонь въ ея комнатѣ... Знаю, что и она тоскуетъ обо мнѣ...

Рахмаровъ повернулъ лошадь влѣво, мимо часовни, на дорогу къ усадьбѣ Лопатинныхъ, и поѣхалъ быстро...

Вотъ изъ-за холма, совсѣмъ близко, открылась усадьба. Высокая, покрытая снѣгомъ крыша Лопатинскаго дома возвышалась надъ крышами надворныхъ построекъ и надъ небольшимъ фруктовымъ садомъ... Какъ тутъ все было знакомо Софьѣ Петровнѣ! Она знала каждую яблоню, каждую вишню въ садикѣ, и этотъ старый заборъ вокругъ него, и высокій шестъ, торчавшій для чего-то на углу... Была мертвая тишь... Все спало подъ снѣжными сугробами... Даже собаки не лаяли. Точно все умерло... Только мѣсяцъ смотрѣлъ съ самой вершины неба... Они проѣзжали около стараго забора, окружавшаго садъ... Длинная вѣтвь старой яблони, покрытая мягкими хлопьями снѣга, выдавалась на дорогу. Ее задѣла другая, и снѣгъ посыпался тысячами снѣжинокъ въ лицо Софьѣ Петровнѣ.

— Проѣдемъ такъ, чтобы мнѣ увидеть окна,—тихо проговорила она, и Рахмаровъ разслышалъ, что въ звукахъ ея голоса дрожать слезы.—Нѣтъ! Пойдите!—вдругъ сказала она:—остановите лошадей!.. Только подѣзжайте поближе къ забору... совсѣмъ близко...

— Зачѣмъ вамъ это?—спросилъ онъ.

— Надя, вѣроятно, теперь перешла въ мою комнату... Она выходитъ въ садикъ. Я увижу ея окно...

Онъ вѣхалъ въ сугробъ и остановилъ лошадь у самаго забора. Софья Петровна встала на ноги въ саняхъ и приняла къ широкому отверстию между досками. Сквозь развѣсистыя вѣтви низенькихъ яблонь она увидѣла освѣщенные окна своей бывшей комнаты. Да, она не ошиблась: Надя поселилась у нея! Быть можетъ, въ эту минуту она читаетъ ея книги и думаетъ тѣ же думы, какія передумала и она... „Чувствуетъ ли она, что я такъ близко? Еслибы увидѣть на стеклахъ ея тѣнь“!

И это желаніе какъ будто передалось черезъ пространство и черезъ стѣну дома... На освѣщенныхъ изнутри стеклахъ появилась голубоватая тѣнь: ясно были видны голова и плечи... „Да, это она! Подошла къ окну и смотритъ на занесенный садикъ... И, конечно, думаетъ обо мнѣ“...

Тѣвъ исчезла... Софья долго ждала, не появится ли она вновь, а потомъ прошептала, садясь:

— Поѣдьте!

Онъ ударилъ лошадь вожей и повернулъ ее назадъ.

Софья Петровна, склонившись лицомъ на муфту, тихо плакала. Потомъ подняла голову и проговорила:

— Чего бы я не сдѣлала, чтобы и ее взять отсюда!

— Простите, но я ловлю васъ на словѣ,—серьезно и взволнованнымъ голосомъ сказалъ онъ:—развѣ вамъ не все равно, будетъ ли ей хуже или лучше?

Софья была такъ поглощена мыслью о сестрѣ, что не поняла сразу, для чего онъ предложилъ этотъ вопросъ, и горячо воскликнула:

— Господи! Да развѣ можно объ этомъ спрашивать! Да я не знаю, чего бы я не сдѣлала, чтобы ей жилось лучше...

Она вдругъ замолкла, не договоривъ слова, какъ будто испугалась того, что сказала, но тотчасъ же необыкновенная радость разлилась по ея лицу и отразилась въ широко раскрывшихся глазахъ, гдѣ сверкало отраженіе луны.

— Господи!—прошептала она, послѣ минутнаго молчанія:—это и есть то, о чемъ вы говорили! Вотъ оно! Какъ ясно и какъ радостно стало сразу! И какъ же я не видѣла, что ужъ если людямъ нужно жить, то не все равно—какъ?..

— Да,—тихо сказалъ Рахмаровъ:—это и есть тотъ случай, котораго я ждалъ. Онъ вамъ самъ отвѣтилъ на вашъ вопросъ: „зачѣмъ жить“? Только теперь вы это поняли, потому что любите сестру... Но увѣрю васъ, что вы любите и не ее одну... а многихъ, многихъ, милліоны!.. Вотъ и тѣхъ сестеръ и маленькихъ братишекъ, и сѣдыхъ стариковъ, и сгорбленныхъ отъ труда старухъ, что въ этихъ хатахъ промерзлыхъ... Вы ихъ любите, да только не замѣчали этого! А подождите, всѣхъ ихъ станеть вамъ такъ же жаль, какъ и Надю!.. Придетъ случай...

— Отчего же я не замѣчала этого?

— Своя неурядица въ жизни была очень велика. Я увѣренъ, что и о Надѣ вы меньше мучились, пока свое собственное страданіе поглощало все...

Она ничего не отвѣтила.

Добѣжали опять до поворота у часовни.

— Я думаю, наши уже теперь вернулись; я отвезу васъ прямо въ Смирново.

— Да, да! — сказала она такимъ тономъ, какъ будто была въ забытій и плохо даже слышала его слова...

Они проѣхали уже половину дороги отъ часовни, когда она протянула свою руку къ рулѣ Рахмарова и крѣпко пожала ее.

— Спасибо вамъ! Вы и не подозрѣваете, какъ много вы для меня сдѣлали... Кажется, теперь я буду... здорова...

Онъ схватилъ ее руку и проговорилъ:

— Это не я сдѣлалъ! Это вы сами! Да, вы будете здоровы! И будете счастливы... будете...

— Нѣтъ, счастлива я никогда не буду!—проговорила она упавшимъ голосомъ: — но я буду жить и работать... Если это дастъ какія-нибудь добрыя минуты, и то хорошо!

— Отчего же вамъ и счастливой не быть?! Какъ можно говорить это? Вы встрѣтите тамъ, въ столицѣ, добрыхъ, энергичныхъ, живыхъ людей. Да вы не узнаете себя!..

— Не говорите! Я знаю это счастье... Нѣтъ, у меня не можетъ быть даже радости настоящей...

— Значить, есть что-то въ вашей жизни, что мнѣ не извѣстно...

— Да, есть!..

— Но, быть можетъ, кто-нибудь былъ бы въ силахъ помочь вамъ, устранить это препятствіе... Отчего вы до конца не скажете мнѣ всего?

Она молчала.

Показалось село Смирново и усадьба Петренки.

— Нѣтъ, нѣтъ! Это — безуміе! Этого никогда не можетъ быть!—тихо проговорила она какъ бы сама съ собой.—Да и не нужно, чтобы это было!

Онъ не спрашивалъ.

Выйдя изъ санокъ у подъѣзда, она протянула ему руку.

— Прощайте! Спасибо за все! Помогите мнѣ подумать о Надѣ... Я одна ничего не придумаю...

Онъ повернулъ лошадь и ѣхалъ до своей усадьбы шагомъ, опустивъ голову, и такъ глубоко задумался, что не видѣлъ ничего вкругомъ...

XXI.

Софья Петровна, войдя въ прихожую, спросила лакея, приѣхала ли Надежда Николаевна.

— Точно такъ-съ! И съ ними господинъ Бѣловонскій.

„Ну, значитъ, онъ сдѣлалъ предложеніе, — подумала она, пока лакей ее раздѣвалъ.—Теперь женихъ и невѣста! Влюбленные!“—Послѣдняя мысль вызвала на ея лицѣ горькую, презри-

тельную улыбку.— „Какъ, однако, это противно! Вѣдь онъ ея не любить, конечно, и долженъ притворяться, лизать ея руки! Господи, какъ онъ можетъ! Какъ онъ можетъ“!

А „влюбленные“, услышавъ, что она вернулась, выбѣжали въ залъ на встрѣчу къ ней, держась за руки:

— Поздравь насъ! Мы женихъ и невѣста! — воскликнула Надежда Николаевна, бросаясь ей на шею.— Какъ я счастлива!

— Вы, конечно, этого ожидали? — спросилъ Бѣловонскій, когда она, пересиливая отвращеніе къ нему, протянула ему руку и поздравила.

— Да... я... догадывалась, — пробормотала Софья Петровна, думая, что быть нелюбезной съ нимъ значить огорчить Надю.

И она старалась казаться довольной, веселой, войти въ ихъ тонъ, а въ душѣ было что-то такое гадливое, какъ будто по ея груди ползла жаба. Въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ Бѣловонскаго она видѣла смущеніе: онъ еще не вошелъ въ свою роль. Еслибы Надя была тактичѣе, эта роль не была бы ему такъ трудна. Но у той не было ни малѣйшей чуткости, даже обыкновеннаго приличія. Или она просто потеряла голову. Не обращая вниманія на присутствіе Сони, она садилась близко къ жениху, брала его руки, гладила ихъ, страстно смотрѣла въ его глаза и спрашивала у Сони:

— Видишь, какъ мы счастливы! Ты должна быть рада за меня...

— Не думаю, чтобы Софья Петровна было приятно смотрѣть на насъ! — нашелся наконецъ Бѣловонскій.— Еслибы и около нея былъ женихъ, тогда иное дѣло...

— Ты завидуешь? Завидуешь? — лепетала Надежда Николаевна.— Да? Онъ правду говоритъ? А если я его при тебѣ поцѣлую?

— Алексій Петровичъ отчасти правъ, — сказала Соня, стараясь и въ лицѣ, и въ голосѣ выразить любезность: — постороннему такъ же неловко смотрѣть на влюбленныхъ, какъ трезвому на... опьяненныхъ...

— Вотъ видите, Надежда Николаевна, я былъ правъ, — сказалъ Бѣловонскій.

— Не смѣй меня называть Надеждой Николаевной! Я теперь для тебя Надя! И откуда это „вы“, когда обѣщала говорить мнѣ „ты“? А ты, Соня, значить, нехорошая! Ты должна бы радоваться, а ты насъ сжонфувила! Вотъ я и отойду отъ него! Мнѣ ужъ стыдно!

И она, дѣйствительно, сѣла на другое мѣсто и попробовала

сдѣлать огорченное лицо, но не могла и стала смотрѣть шаловливо, маня къ себѣ пальцемъ Бѣлоконскаго. Онъ пересѣлъ къ ней.

Эта шаловливость вышла естественно и хотя грубо, но по своему граціозна. Соня даже подумала: „А вѣдь она, пожалуй, и мила сейчасъ! Вотъ что дѣлаетъ счастье! У нея и глаза совсѣмъ другіе! Чего добраго, она можетъ сейчасъ ему нравиться!“

Посидѣвъ съ ними нѣсколько минутъ, она сказала, что послѣ катанья хочетъ спать, да и вообще не желаетъ ихъ стѣснять.

Оставшись одна въ своей комнатѣ, она присѣла въ кресло и старалась прогнать чувство гадливости, снова овладѣвшее ею при мысли о „влюбленныхъ“. Но оно все возростало въ ней, когда, помимо ея воли, воображеніе создавало картины того, что должно было происходить въ кабинетѣ послѣ ея ухода, если даже при ней Надя не могла сдерживаться.

„Какъ онъ можетъ! Какъ онъ можетъ!“—сжимая голову руками, думала она, и ей хотѣлось закричать и заплакать.—„Какая гадость—люди!—продолжала она размышлять, когда первый пароксизмъ негодованія и гадливости нѣсколько затихъ.—Что это я говорю? Да развѣ всѣ люди таковы“?..

„Однако, какую же роль я буду играть теперь при нихъ?—думала она черезъ четверть часа.—Постоянно присутствовать при этихъ пантомимахъ любви?!... А сидѣть въ своей комнатѣ—тоже неловко: Надя обидится... Нѣтъ, это невыносимо! Надо вызвать Рахмарова, поговорить съ нимъ“...

Отъ этой мысли ей стало легче. Уже одно то было хорошо, что есть предлогъ его скоро увидѣть, говорить съ нимъ...

„А зачѣмъ? Не лучше ли совсѣмъ его не видѣть? Вѣдь съ каждой встрѣчей меня все сильнѣе тянетъ къ нему! Что же это будетъ? Онъ, конечно, и не подозрѣваетъ того, что дѣлается со мной... А еслибы догадался? Что подумалъ бы онъ обо мнѣ!.. Нѣтъ, лучше его не звать! Съ Роговымъ посоветоваться? Не стѣдить: онъ милый, хорошій, но совсѣмъ рохля, слабій!.. Еслибы познакомиться съ этимъ Зиновьевымъ? Но, говорятъ, онъ суровый“!

Она видѣла одинъ разъ Зиновьева. Его фигура и лицо произвели на нее впечатлѣніе недюжинной духовной силы. Она даже спросила, кто это, но, получивъ отвѣтъ: „техникъ при фабрикѣ“, перестала имъ интересоваться. Сегодня она узнала о немъ подробности: онъ—человѣкъ идейный, учитъ рабочихъ, говорилъ гдѣ-то въ Петербургѣ замѣчательную рѣчь... Непремѣнно надо познакомиться съ нимъ. Пусть Надя позоветъ его. Нѣтъ, Надѣ

теперь не до того. Пойду сама на фабрику и скажу, что желаю ее осмотрѣть. Вотъ и все! А тамъ разговоримся“...

Въ эту ночь Бѣлоконскій поздно уѣхалъ изъ усадьбы Надежды Николаевны и велѣлъ себя везти къ матери. У Рогова онъ рѣшилъ не останавливаться: отношенія къ нему Ивана Захаровича стали явно враждебными; объясненій съ нимъ вести не хотѣлось.

Комната Софьи Петровны была рядомъ съ спальней невѣсты. Соня не спала и слышала, какъ та почти передъ разсвѣтомъ тихонько вошла къ себѣ. Обыкновенно она заходила къ подругѣ, и онѣ долго болтали. Но теперь Лопатина представилась спящей. Она предвидѣла, что та будетъ безъ конца говорить о своемъ счастьѣ. „Еще какъ-нибудь замѣтить, что я въ это счастье не вѣрю. Богъ съ ней! Путь думаетъ, что счастлива! Вѣдь что бы я ей ни сказала, это только огорчить ее, поссорить со мной, а ничему не поможетъ“!

Она поймала себя на этой боязни ссоры между ними, и горечь ея положенія стала для нея еще яснѣе. „Я должна притворяться, чтобы не разсердить свою благодѣтельницу!—подумала она съ горечью.—Вѣдь безъ нея—я пропаду! Боже, какая гадость! Вѣдь это ужъ настоящее рабство“!

XXII.

До самаго разсвѣта не спала Софья Петровна, и на слѣдующее утро проснулась съ сильной головной болью. Горничной она сказала, что больна и не выйдетъ изъ своей комнаты.

Надежда Николаевна проснулась позднѣе, и когда узнала о болѣзни Сони, вбѣжала къ ней встревоженная:

— Милочка! Что съ тобой? Не послать ли за Роговымъ? Ты не простудилась ли вчера во время катанья? Какая досада! У меня такая радость, а ты захворала!

— Не тревожься, серьезнаго ничего нѣтъ! Я просто не спала всю ночь. Твоя радость омрачена не будетъ!—нервно отвѣтила Лопатина, подумавъ, что въ ея положеніи она не имѣетъ даже права захворать, чтобы не нарушить радости своей „благодѣтельницы“. Она была въ такомъ настроеніи послѣ бессонной ночи, что каждое слово Нади попадало въ больное мѣсто и вызывало горькое чувство.

— Отчего же ты не спала?

— Думала о своемъ будущемъ.

— Какъ ты смѣешь о немъ думать, когда я около тебя! Я

тебя увезу; будемъ выказывать вмѣстѣ. Ты заведешь знакомства въ высшемъ обществѣ и устроишь свою судьбу! О, я объ этомъ позабочусь! И мой Алеша позаботится! У него обширныя связи и знакомства!

— Не болтай пустяговъ, Нада! Я тебя прошу отнестись къ дѣлу серьезно. Мнѣ необходимо устроиться самостоятельно и даже поучиться для этого. Ты помоги мнѣ въ этомъ. Но устрой такъ, чтобы я не стѣснила тебя, а ты меня,—чтобы я не думала, что должна поддѣлываться къ твоему настроенію, бояться ссоры съ тобой. Пока ты была сама независима, я не думала объ этомъ. Теперь ты не одна. Не къ одной тебѣ я должна приспособляться; будетъ постоянно еще третье лицо, совершенно мнѣ чуждое...

— Я тебя рѣшительно не понимаю!—сказала Надежда Николаевна обиженнымъ тономъ.—Какъ будто бы я и онъ—не одно и то же?! Впрочемъ, если ты находишь, что твое положеніе двусмысленно, скажи, что я могу сдѣлать для тебя, и я устрой такъ, какъ ты хочешь... А я мечтала, что мы будемъ всегда вмѣстѣ...

— Не говори такъ! А главное,—не обижайся! Я увѣрена, что если ты и мечтала до сегодняшняго дня о томъ, что мы всегда будемъ вмѣстѣ, то теперь ты не можешь этого желать: когда любишь, хочется быть только съ любимымъ человекомъ. А тутъ торчитъ постоянно третье лицо!

— Ты ошибаешься! Наоборотъ! Мое счастье удваивается, когда его видятъ кто-нибудь посторонній. Ты мнѣ нужна даже для этого!

— Спасибо за такую роль! Но мнѣ она не по характеру!..

— Ты завидуешь?!

— Да, да! Ты угадала!—раздражительно вскрикнула Софья.—Какъ же мнѣ не завидовать!

— Ахъ, какъ ты меня злишь!—воскликнула та:—съ первыхъ же дней моего счастья ты устраиваешь сцены, объясненія! Вотъ не могла думать, что съ этой стороны найдетъ облако и омрачить мою жизнь! Конечно, если ты такъ относишься ко мнѣ, необходимо подумать, какъ тебя устроить! Я подумаю, а ты успокойся!..

Тонъ ея былъ недружелюбенъ. Она вышла.

Еслибы Соня не видѣла ясно, что иного выхода, кромѣ помощи Нади, у нея нѣтъ, она отвѣтила бы ей, что не приметъ отъ нея ничего. И ей такъ хотѣлось это сказать!.. Но въ во-

ображеніи вставала картина жизни у отца, и ее охватывалъ такой ужасъ, что она, стиснувъ зубы, не отвѣтила ничего...

Въ теченіе дня она узнала отъ горничной, что пріѣзжала съ вивитомъ мать Бѣлоконскаго, а затѣмъ пріѣхалъ онъ самъ и остался у „барышни“. Позднѣе пришелъ Роговъ.

— Докторъ просить позволенія войти къ вамъ, — сказала горничная.

— Пусть войдетъ.

— Что съ вами? Не случилось ли чего-нибудь? — спрашивалъ, входя, Иванъ Захаровичъ встревоженнымъ тономъ.

— Пустяки! Я не спала почти всю ночь... Дайте мнѣ чего-нибудь, чтобы не такъ болѣла голова...

Роговъ послалъ записку къ фельдшеру, а затѣмъ сказалъ, усаживаясь въ кресло:

— Мнѣ нужно поговорить съ вами. Вотъ въ чемъ дѣло: Надежда Николаевна просила меня составить списокъ деревенскихъ нуждъ. До сихъ поръ я не успѣлъ этого сдѣлать: хотѣлось все сразу собрать, чтобы не вляичить потомъ... Сегодня я принесъ записку и отдалъ ей, но вижу, что опоздалъ... Она на нее едва взглянула и черезъ секунду забыла о ней... Вы могли бы помочь мнѣ... напомнить ей... Объясните, что съ этимъ медлить нельзя... что нужда очень велика...

— Хорошо, Иванъ Захаровичъ, я сдѣлаю, что могу, но... важется, между нами тоже не все ладно... Мы почти поссорились сегодня.

— Въ чемъ дѣло?

Софья Петровна подумала, слѣдуетъ ли рассказывать ему о томъ, что произошло. Но ей была такъ нужна чья-нибудь поддержка, что она рассказала все, не исключая и совѣта Рахмарова, что ей необходимо искать себѣ работы и для этого поучиться.

— Ну, рѣшите, Иванъ Захаровичъ, права ли я?

— Конечно, вы правы... Ваше положеніе будетъ не изъ удобныхъ... И Рахмаровъ правъ...

— Надо это хорошенько обдумать, — отвѣтила она. — Не обойдешься безъ помощи Нади!.. А вы не можете ли поговорить обо мнѣ съ ней? Постороннему это легче. Я буду вашимъ адвокатомъ, а вы — мой. Согласны?

— О, конечно!

Отъ фельдшера принесли лекарство противъ мигрени. Роговъ научилъ ее, какъ имъ пользоваться, и, уходя, обшпалъ сегодня потолковать съ Надеждой Николаевной.

Софья была значительно покойнѣе... Вечеромъ она даже рѣшила выйти изъ своей комнаты. Надежда Николаевна очень обрадовалась, когда увидѣла ее, а Бѣлоконскій былъ опять смущенъ.

— Ну, что, мое капризное дитячко? Успокоилась немножко? Я много говорила о тебѣ съ Роговымъ и моимъ Алешей, и мы кое-что рѣшили, — заговорила она, обвиняя Софью Петровну. — Твои опасенія сами собой устраняются: мы съ Алешей рѣшили не откладывать свадьбы въ долгій ящикъ. Я дня черезъ три ѣду въ Москву, предупредить отца. Туда придетъ Алеша и его мать... Если ты хочешь, поѣдемъ вмѣстѣ... въ Москвѣ подумаемъ, посоветуемся съ умными людьми, какъ тебѣ устроиться... Я сюда, конечно, не вернусь... Послѣ свадьбы уѣдемъ за границу... Конечно, ты на мѣсяць останешься въ Москвѣ у моего отца, а потомъ прийдешь къ намъ. Согласна?

— Приѣхать къ вамъ?! За границу? — удивилась Софья. — Но развѣ Роговъ ничего не говорилъ съ тобой обо мнѣ?

— Говорилъ, но ужасные пустяки. Алеша разбилъ его на всѣхъ пунетахъ. Онъ хотѣлъ доказать намъ, что тебѣ необходимо учиться, подготовиться къ какому-нибудь самостоятельному труду... Это — дѣтскія утопіи! Что можетъ дать такой трудъ? Ты совсѣмъ не знаешь жизни! Спроси Алешу! Онъ знаетъ, какъ живутъ учительницы, гувернантки! Заштопанныя платья, чулки! Стоптаннныя башмаки! Грязная, сырая каморка! Гнилой, отвратительный обѣдъ! Да развѣ ты вынесешь такую жизнь?!

— Я убѣжденъ, Софья Петровна, — сказалъ Бѣлоконскій, — что вамъ посоветовалъ это мой отчимъ. Но, ради Бога, не забывайте вы, что эти старые утописты идеализируютъ и жизнь, и людей. Не слушайте вы ихъ! Вамъ ли, съ вашей красотой, съ вашимъ умомъ, затеряться въ какихъ-то грязныхъ, вонючихъ меблированныхъ комнатахъ? Изсушить себя въ бессмысленномъ, оплачиваемомъ грошами, ваторжномъ трудѣ! Вы должны создать себѣ иные планы... широкіе... И они у васъ были! Онъ просто загнипотизировалъ васъ своими утопіями... Приѣзжайте къ намъ за границу... Мы будемъ жить въ самыхъ блестящихъ центрахъ, куда стекаются сливки петербургской знати... Съ вашимъ умомъ и красотой, вы будете вертѣть ими, какъ пѣшкками...

— Все, что вы говорите, — сказала она дрожащимъ голосомъ, сдерживая негодованіе, — мнѣ очень, очень не нравится... Простите, но вѣдь вы мнѣ назначаете... роль кокетки?!

— Боже меня избави! Да развѣ вы не съуждете среди тамошней толпы отыскать человѣка, который вамъ понравится?!

Не думайте такъ плохо о нашемъ высшемъ обществѣ. Въ немъ есть люди блестящаго ума, образованія, широкыхъ плановъ. Вы, именно вы... можете рассчитывать на партію, вполне подходящую для васъ...

— Ловить богатаго жениха?—сказала она.

— Не жениха и не ловить! А избрать хорошаго человѣка, обладающаго тѣмъ, безъ чего у насъ дышать нельзя, — богатствомъ и высокимъ положеніемъ въ обществѣ... Этого человѣка взять себѣ, какъ человѣка, а его силу и богатство употребить на осуществленіе своего идеала.

Бѣловонскій говорилъ горячо, сильно волнуясь, и въ концѣ рѣчи сталъ ходить изъ угла въ уголъ.

Вошелъ лавей и доложилъ, что Надежду Николаевну хочеть видѣть Зиновьевъ.

— Попроси въ кабинетъ,—сказала она. — Я васъ оставлю не надолго. Убѣди ее, Алѣша... Я по ея лицу вижу, что она начинаетъ сдаваться.

— И не думаю сдаваться, — отвѣтила Соня съ холодной улыбкой.—А вотъ что, Надя: послѣ того, какъ ты кончишь дѣловой разговоръ съ Зиновьевымъ, пригласи его сюда. Мнѣ необходимо познакомиться съ нимъ...

— Что за желаніе?

— Это мое дѣло. Послѣ объясню...

— Хорошо, я приглашу, но онъ всегда такъ торопится... Ты лучше войди въ кабинетъ, такъ черезъ четверть часа... И ты, Алѣша! Мнѣ такъ трудно съ нимъ говорить! Вы поможете.

— Отлично! — отвѣтилъ Бѣловонскій.—Кстати, мнѣ нужно его позондировать: что это за гусь? Твой отецъ безусловно ему довѣряется, ну, а я-то этихъ господъ знаю! Онъ еще чего-нибудь натворить у тебя на фабрикѣ, потомъ и не расклебашь! У насъ съ тобой будутъ свои дѣла, и быть игрушкой чужихъ, да еще неизвѣстныхъ,—глупо, нельзя!

— Какой ты у меня умный! — Она не удержалась, подбѣжала къ нему и, схвативъ его голову, поцѣловала въ лобъ, а затѣмъ выбѣжала.

Софья Петровна не видѣла выраженія лица Бѣловонскаго: она опустила глаза, но даже и при этомъ они выражали такъ много гнѣва, презрѣнія, что Алексѣй Петровичъ не сразу заговорилъ съ ней. Онъ сначала нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, протирая руки, какъ будто ему было холодно. Наконецъ остановился передъ нею и грустнымъ тономъ сказалъ:

— Да, это—ясно! Вы не довѣряете мнѣ!

Она молчала.

— Молчанье—знакъ согласія, говорятъ уѣздные франты,— продолжалъ онъ, переходя въ насмѣшливый тонъ. — Итакъ, я не ошибся?! Но мнѣ хотѣлось бы выяснитъ, въ чемъ именно вы мнѣ не довѣряете? Въ томъ ли, что я дѣлаю то, что дѣлаю, не ради себя? Или въ томъ, что я люблю Надежду Николаевну?

Она опять молчала.

— Странный у насъ разговоръ!—воскликнулъ онъ уже съ нѣкоторой досадою. — Вы хотите, чтобы я говорилъ одинъ. Извольте. Доказать вамъ, что я хлопочу не для себя, я, конечно, словами не могу... Это повлечетъ будущее... Станемъ говорить только о Надѣ. Люблю ли я ее или нѣтъ,—это вопросъ второстепенный. Любовь, это—сентиментальная выдумка жалкихъ мнинезенгеровъ, раздутая потому романтизмомъ... Есть страсть, а не любовь. Страсть, которая охватываетъ, опьяняетъ, можетъ свести съ ума, можетъ длиться дни, недѣли, можетъ завертѣть и на всю жизнь... Таковой страсти у меня въ Надѣ нѣтъ! Но я не могу сказать, чтобы я не цѣнилъ ее чудесной доброты, чистоты, искренности, простоты, даже ума, котораго у нея больше, чѣмъ у очень и очень многихъ. Но дѣло не въ томъ: я васъ спрашиваю: она счастлива теперь или нѣтъ? Отвѣйте мнѣ. Это очень важно.

— Хорошо. Отвѣчу: она счастлива, потому что обманывается; она вѣритъ, что вы любите ее не такъ...

— Допустимъ... Хорошо-съ. А вы вѣрите, что она встрѣтитъ человѣка, который ее будетъ любить такъ, какъ она мечтаетъ? Вы вѣрите въ возможность и прочность счастья отъ той любви, какой бы ей хотѣлось? Отвѣйте искренно, искренно.

— Не вѣрю, — тихо сказала она: — такой любви ей не встрѣтитъ, и такого счастья, вѣроятно, не бываетъ... долго...

— Да, да! Потому что такое счастье основано на взаимной иллюзии, на самообманѣ двухъ людей... Ну-съ, такъ вотъ я ей даю эту иллюзію, хотя самъ не участвую въ ней. Но именно потому-то, что я въ ней не участвую, я могу длить въ ней эту иллюзію всю жизнь! Теперь попробуйте себѣ отвѣтить: еслибы въ вашей власти было дать ей такую иллюзію, а значитъ, такое счастье,—не забудьте, что всякое счастье иллюзія,—вы не дали бы ей его? А если другой,—я, на примѣръ,—дастъ ей это счастье, прочное, на всю жизнь, — вы были бы способны разбить его? Отвѣйте мнѣ...

Она молчала.

— А! Вы молчите! Теперь вы молчите! А какимъ презрѣ-

нѣмъ былъ полонъ вашъ взглядъ десять минутъ тому назадъ! И съ какимъ негодованіемъ вы смотрѣли на меня вчера, хотя употребляли страшныя усилія, чтобы казаться любезной. Я читала на вашемъ лицѣ каждую вашу мысль...

Она подняла на него свои глаза и съ удивленіемъ спросила:

— Что вамъ въ моемъ мнѣніи? Почему вы такъ волнуетесь?

Онъ на мгновеніе смутился; легкій румянецъ скользнулъ по его щекамъ. Но онъ отвѣтилъ быстро:

— Я вижу въ васъ единственнаго человѣка, и не только здѣсь, но среди всѣхъ, кого я знаю, а я знаю и зналъ тысячи женщинъ... И вы одна только способны понять, быть моей союзницей... У меня есть все: и планы, и теперь большія средства, и нѣтъ одного: я страшно одинокъ, совсѣмъ одинокъ... А одинъ ничего не сдѣлаешь... Даже для вѣры въ себя нуженъ другой... Вы такъ много передумали и пережили, что объяснять вамъ этого не нужно... Скажу только два слова: человѣкъ—животное общественное, и нѣтъ страданія для него, которое было бы ужаснѣе одиночества... О, вѣдь можно жить въ обществѣ и быть болѣе одинокимъ, чѣмъ преступникъ въ одиночномъ заключеніи: у того есть какой-нибудь паукъ, какой-нибудь мышенокъ, котораго онъ приручилъ.

— Но у васъ—Надя! Она васъ безумно любит!

— Да поймите же вы: мнѣ не это нужно! Не любовь слѣпая и беззавѣтная! Мнѣ нуженъ такой же критическій и въ то же время творческій духъ, какъ мой! Нуженъ товарищъ по уму, волю, по свиданію того новаго, небывалаго дѣла, о которомъ я мечтаю...

Его рѣчь прервалъ лавей.

— Надежда Николаевна приказали доложить, что онѣ кончили разговоръ съ господиномъ Зиновьевымъ.

— Пойдемте!—сказалъ Бѣлоконскій.—Надѣюсь, что вы позволите мнѣ когда-нибудь окончить этотъ разговоръ... И скоро... Необходимо, чтобы вы рѣшили пріѣхать къ намъ за границу...

Въ дверяхъ она ему отвѣтила задумчиво:

— Да, этотъ разговоръ нужно будетъ возобновить... Мнѣ необходимо знать ваши планы.

— Вы ихъ узнаете до моего отъѣзда.

XXIII.

Когда Софья Петровна съ Бѣлоконскимъ вошла въ кабинетъ, Надежда Николаевна повнакомила ихъ съ Зиновьевымъ, назвавъ

Алексѣя Петровича своимъ женихомъ, а Соню — „другомъ дѣтства“.

— Вы живете съ ней въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, а еще незнакомы! — сказала она тономъ шутливаго упрека. — Да вы, кажется, ни съ кѣмъ здѣсь не знакомы? Рахмарова и Лядовой вы тоже не знаете?

— Да... не успѣлъ... Много работы, — сухо и безъ улыбки сказалъ Зиновьевъ.

— Вотъ, Алексѣй Петровичъ, — обратилась хозяйка въ жениху, не понимая сама, почему не назвала его при Зиновьевѣ „Алѣшей“: — мнѣ не удалось убѣдить мосьѣ Зиновьева принять участіе въ проектѣ отпа. Онъ находитъ, что такое страхованіе — въ ущербъ рабочимъ... Не убѣдите ли вы его. Вы — юристъ, а я въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаю... Мосьѣ Зиновьевъ находитъ, что рабочіе, принявъ это страхованіе, будутъ получать ничтожныя суммы въ случаѣ несчастія, а зато потеряютъ право искать убытки, что дало бы имъ больше...

Зиновьевъ молчалъ. Заговорилъ Бѣлоконскій:

— Вы забываете, мнѣ кажется, одно обстоятельство: по проекту будутъ получать известную сумму всѣ рабочіе, въ случаѣ инвалидности, т.-е. старости, тяжелой болѣзни... А вѣдь искн дадутъ право только наувѣченнымъ или убитымъ на работѣ.

— Я этого не забываю. Но я помню и то, что получить эти одновременноя пособія рабочіе могутъ только прослуживъ на фабрикѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ. А если случится, что имъ понизятъ плату, или просто расчитаютъ за ненадобностью? Тогда и на это пропадаетъ право; выходитъ такъ, что это — фикція, а вовсе не право. Этой фикціей будутъ, однако, держать ихъ въ полной кабалѣ, и будутъ держать до той поры, пока администраціи фабрики не заблагоразсудится удалить ихъ... Извините, но въ такомъ проектѣ я не могу принять участія. Понимаю, что мое участіе нужно для того собственно, чтобы я одобрилъ проектъ передъ рабочими, которые мнѣ немножко доверяютъ. Но развѣ я могу солгать имъ? Да и сами они — очень неглупый народъ, и сразу поймутъ, что имъ только кабала, а выгоды никакой...

— Я увѣрена, — сказала горячо Надежда Николаевна, — что отцу этого не приходило въ голову! Я его хорошо знаю! У него была одна цѣль — обезпечить ихъ... Быть можетъ, онъ измѣнитъ проектъ, если вы сдѣлаете поправки, указанія...

— Трудно ихъ сдѣлать... Въ такой проектъ нельзя ввести главнаго, что важно для рабочаго, а именно — помощи на случаѣ

потери работы или собственного отказа отъ нея, напримѣръ, въслѣдствіе крайняго пониженія заработной платы...

— На случай стачки?—спросилъ Бѣловонскій иронически.

— Вовсе не на случай стачки только! Хотя почему же и не на случай стачки?

— Онѣ не разрѣшены закономъ...

— Да вѣдь и крѣпостное право было недавно подъ охраной закона... Законы мѣняются по требованіямъ жизни... Но, впрочемъ, я вовсе не предполагалъ говорить здѣсь о такихъ вопросахъ... Меня спросили, согласенъ ли я содѣйствовать этому проекту, и я отвѣчаю: нѣтъ, несогласенъ. Вотъ и все.

Зиновьевъ поднялся со своего мѣста.

— Быть можетъ, вы сами предложите какой-нибудь проектъ? —торопливо заговорила Надежда Николаевна, стараясь его задержать.

— У меня есть проектъ... То-есть, не у меня, а у нѣкоторыхъ рабочихъ. Еслибы вашъ батюшка принялъ въ немъ участіе, я ничего бы не возражалъ... Онъ построенъ совсѣмъ на иныхъ началахъ... Это—страховая касса самихъ рабочихъ... изъ ихъ небольшихъ взносовъ... Еслибы господинъ Петренко пожертвовалъ въ эту кассу, безъ всякихъ условий, известную сумму, было бы недурно... Касса могла бы начать свои функціи раньше, чѣмъ это возможно при ничтожныхъ взносахъ самихъ рабочихъ. Еще важнѣе, чтобы онъ пособилъ при утвержденіи устава этой кассы... Если вы поможете этому,—будетъ дѣло хорошее...

— Я сдѣлаю все, что могу! Даю вамъ слово!—воскликнула Надежда Николаевна.—Вы дадите мнѣ свой проектъ?

— Едва ли вашъ отецъ согласится на такой проектъ, —сказалъ Бѣловонскій:—вѣдь это прямо противъ его интересовъ. Вы поторопились дать слово!

— Я его дала и назадъ не возьму! —сказала она, вспыхнувъ. — Я знаю отца! Онъ не таковъ! Пожалуйста, дайте мнѣ этотъ проектъ или уставъ...

— Хорошо-сь, я вамъ его доставлю...

Онъ простился и ушелъ.

— Почему ты думаешь, что отецъ не согласится на этотъ проектъ? —сказала ласкающимъ голосомъ Надежда Николаевна, когда Зиновьевъ вышелъ: она чувствовала, что учинила маленькій бунтъ противъ Бѣловонскаго, и теперь старалась заглядить свою вину.

— Весьма просто! —возразилъ Бѣловонскій холоднымъ тономъ:—не найдется такого глупца, который далъ бы деньги и

самъ бы еще хлопотать о томъ, что направлено противъ него: вѣдь эта масса будетъ давать помощь рабочимъ въ случаѣ ихъ отказа отъ работы! Неужели вы этого не понимаете?

— Я это отлично понимаю!—воскликнула Надежда Николаевна тономъ обиды:—но я понимаю и то, что это—хорошо! Вѣдь никто изъ насъ не можетъ поручиться, что управление фабрики всегда право! Отецъ живетъ далеко, я—тоже! Хорошо, что въ прошлый разъ мнѣ телеграфировалъ Рахмаровъ! Не всегда это возможно...

— Ну-съ, это все „гуманство“, а по моему — фабрикантъ, такъ ужъ фабрикантъ, и тогда гуманство это нужно бросить; съ нимъ и въ трубу вылетить... Вѣдь тутъ не бабья филантропiя, а конкуренція съ другими! Поговорите-ка вы съ отцомъ... Онъ объяснитъ вамъ, что всякій лишній расходъ на рабочихъ онъ долженъ разложить на цѣну товара, т.-е. повысить ее. А если онъ повыситъ цѣну сравнительно съ другими фабрикантами, будутъ покупать не у него, а у нихъ. . И онъ вылетитъ въ трубу...

— Значить, вы противъ интересовъ рабочихъ? — спросила Софья Петровна съ любопытствомъ.

— Нисколько! Я просто объективно смотрю на дѣло и логически прихожу къ точнымъ выводамъ,—конечно, съ точки зрѣнiя отца Надежды Николаевны.

— А почему же Зиновьевъ приходитъ логически къ противоположному выводу?

— Онъ смотритъ съ точки зрѣнiя рабочихъ.

— А развѣ нельзя стать на какую-нибудь третью точку зрѣнiя? Ну, напримѣръ, на вашу „новую“, которой я еще не знаю...

— Можно. И я отчасти стою на ней. Моя точка зрѣнiя требуетъ разрушать человѣческую глупость, а „гуманство“ тутъ нелѣпость, ложь противъ самой сущности дѣла, которое сполна основано на расчетѣ, а не на гуманствѣ. Иначе оно вылетитъ въ трубу... И всѣ такія „гуманства“ только вводятъ въ заблужденіе, т.-е. дѣлаютъ людей глупѣе...

— Отецъ не вылетитъ въ трубу! — гордо сказала Надежда Николаевна: — у него эта фабрика такъ, въ родѣ удовольствiя! Мнѣ—на булавки, какъ онъ сказалъ однажды... Ну, вотъ я и буду жертвовать своими булавками!.. А ты ужъ на меня разозлился! А этого не слѣдуетъ!.. Ты долженъ радоваться, что твоя Надя—такая добрая, и любить ее еще больше! Ну, довольно дуться! Ахъ, ты, мой строгій юристъ!..

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы меня понимали!.. Это для васъ очень важно!

— Ну, хорошо, хорошо! Буду понимать! Нельзя же сразу!

Я чувствую, что твои идеи очень глубоки, оригинальны... Ты мнѣ ихъ разъясни... Ахъ, встати! Что же, мы поѣдемъ сегодня къ Рахмарову? Такая чудная ночь! Ты давеча хотѣлъ?.. Тройка! Луна!..

— Нужно поѣхать. Вы должны побывать и у моей матери, — отвѣтилъ тотъ все еще сурово.

— А ты, Соня, — поѣдешь съ нами?

Софья Петровна слышалась въ тонѣ ея вопроса нежеланіе, чтобы „третье лицо“ участвовало въ этой поѣздкѣ при лунѣ... Но ей очень хотѣлось поговорить съ Рахмаровымъ. Разговоръ, происходившій передъ тѣмъ, сблизилъ ее совершенно съ толку. Ея собственная мысль была такъ утомлена въ послѣднее время, что она чувствовала себя бессильной разобраться въ противорѣчійхъ, которыя зародились въ ней подъ вліяніемъ словъ Рахмарова, Зиновьева и Бѣлоконскаго.

— Я боюсь, что помѣшаю вамъ, — отвѣтила она уклончиво.

— О, нисколько! — воскликнулъ Бѣлоконскій. — Наоборотъ, намъ вдвоемъ ѣхать совершенно невозможно! Мама этого не проститъ! Еслибы вы не пожелали сопутствовать намъ, — пришлось бы пригласить миссъ Ромэнсъ.

Это была старушка англичанка, взятая Надеждой Николаевной въ качествѣ компаньонки, а на самомъ дѣлѣ исполнявшая обязанности кастелянши и совершенно ступшевавшаяся по пріѣздѣ въ деревню: даже обѣдала она отдѣльно, и только иногда ее звали разливать чай.

— Въ такомъ случаѣ я поѣду, — сказала Софья Петровна.

Черезъ полчаса тройка, звеня колокольчиками и бубенчиками, мчалась по снѣжному полю, озаренному луной. Пристѣжные поднимали мелкую снѣжную пыль, которая алмазами сверкала въ воздухѣ и, попадая изрѣдка въ лица дѣвушекъ, заставляла звонко смѣяться Надежду Николаевну.

Софья же была очень задумчива: она уже раскаявалась, что поѣхала.

„Пусть бы взяли съ собой англичанку! Я хитрю передъ собой: не посоветоваться мнѣ нужно съ Рахмаровымъ, а просто увидѣть его, услышать... Воли нѣтъ... Надо бы сразу все обрвать! Чего я хочу?! На что надѣюсь? Глупо, нелѣпо“!

— Зачѣмъ вы такъ печальны? — обратился къ ней Бѣлоконскій. — Для чего эти думы? Живите всей душой! Жизни не бываетъ два раза! Надо ловить жизнь, ловить мгновенье!

И онъ неожиданно запѣлъ своимъ слабымъ, но задушевнымъ

теноромъ извѣстную малороссійскую пѣсню, кончающуюся грустными припѣвомъ:

„А молодость не вернется, не вернется она“!

Этотъ припѣвъ всегда хватается за душу того, кто чувствуетъ, что молодость его уже на исходѣ. Онъ шевельнулъ и въ сердцѣ Софьи смутную тоску о счастьѣ, котораго она не знала и, въ роитно, не узнаетъ никогда.

А Бѣлоконскій упорно повторялъ припѣвъ.

— Чудная пѣсня!—сказалъ онъ.—Довольно только получше понять ее, и поймешь смыслъ жизни... Я знаю только другую такую же чудную пѣсню.

И онъ запѣлъ:

„Ночи безумны“...

— Ради Бога, не пойте! — тихо проговорила Софья Петровна: — я совсѣмъ не могу слышать этой пѣсни... я расслачусь...

— Не буду, не буду! — воскликнулъ онъ весело.—Лучше я вамъ продекламирую стихи, гдѣ ту же мысль выразилъ французъ... Но кавая разница! Слушайте:

„Tout est mensonge: aime pourtant,
Aime, rêve et désire encore;
Présente ton coeur palpitant
A ces blessures qu'il adore“!.

Вдругъ онъ самъ сталъ задумчивъ и замолеъ.

— Какой ты странный! — сказала Надежда Николаевна: — сейчасъ звалъ насъ къ радости и счастью, а теперь самъ задумчивъ и грустенъ.

— Бываютъ такія состоянія, — отвѣтилъ онъ глухо, — когда вдругъ начинаешь видѣть все глубже и яснѣе. Начинаешь схватывать такія свои чувства, которыхъ обыкновенно не замѣчаешь... Это сейчасъ пройдетъ.

Онъ сказалъ это такимъ серьезнымъ, унылымъ голосомъ, что обѣ дѣвушки взглянули на него. При свѣтѣ луны, при блѣдномъ, голубоватомъ сіяніи снѣга, лицо его показалось имъ очень блѣднымъ; на этой матовой блѣдности мерцали его большіе черные глаза, задумчиво смотрѣвшіе вдале, на широкую снѣжную равнину. На горизонтѣ чернѣлъ синеватой лентой дѣсъ, а около него горѣла красная, огненная точка: то былъ фонарь желѣзнодорожной станціи.

Онъ случайно взглянулъ на Софью и увидѣлъ выраженіе ея глазъ, устремленныхъ на него. Что-то нѣжное, загадочное помѣрилось ему въ ея взглядѣ, и его еще сильнѣе охватила тоска о какомъ-то неиспытанномъ счастьѣ „настоящей“ любви. Вспыхнули туманныя, смутныя, давно забытыя юныя мечты... Невольно онъ перенесъ взглядъ на Надежду Николаевну, и его неприятно поразили—и этотъ маленький носикъ „пуговкой“, помраснѣвшій отъ холода, и это красное кругленькое лицо, и маленькіе, восторженно улыбающіеся глаза. А она, какъ нарочно, защебетала мечтательнымъ, счастливымъ голосомъ:

— Не нужно случать! Не нужно никакихъ тяжелыхъ думъ и сомнѣній! Ты будешь счастливъ! Ты достоинъ счастья! Смотри впередъ безъ страха и сомнѣнья! Вѣдь около тебя—я!

Софья Петровна показалося, что она понимаетъ душевное состояніе Бѣлоконскаго и чувствуетъ, какъ каждое слово Нади должно ранить его сердце стыдомъ и злобой. Онъ какъ-то весь сѣѣлся, глаза потухли...

Но черезъ нѣсколько минутъ Бѣлоконскій былъ уже другимъ: онъ шутилъ, смѣялся надъ собой, смѣшилъ Надежду Николаевну и поцѣловалъ руку, которую та протянула къ его губамъ.

Подъѣзжали къ усадьбѣ Рахмарова.

Бѣлый старый домъ со своими башнями возвышался надъ чернымъ паркомъ, какъ привидѣніе, при мерцающемъ свѣтѣ луны...

Сердце у Софьи замерло отъ мысли, что сейчасъ она увидитъ Рахмарова и будетъ говорить съ нимъ, слушать его ласковый голосъ. Она забыла все остальное. Только въ памяти неотвязно звенѣлъ унылый припѣвъ: „А молодость не вернется, не вернется она“!

XXIV.

Когда всѣ они вошли въ уютную, маленькую гостиную Вѣры Павловны, тамъ, кромѣ хозяйки, былъ Рахмаровъ и, незнакомый пріѣзжимъ, молодой человѣкъ небольшого роста, съ копной кудрявыхъ бѣлокурыхъ волосъ на головѣ и съ блестящими темными глазами. Это былъ тотъ фельетонистъ Губернскаго Вѣстника“, съ которымъ мы уже познакомили читателей.

Рахмаровъ подвелъ его къ Софьѣ Петровнѣ, сѣвшей въ уголокѣ, и сказалъ:

— Вотъ нашъ гость, о которомъ я говорилъ вамъ на-дняхъ и съ которымъ вы желали побесѣдовать.

Софья Петровна взглянула на Петра Григорьевича съ изумленіемъ: она ничѣмъ ему не выразила желанія побесѣдовать съ этимъ господиномъ.

Спиридоновъ, крѣпко пожавъ ея руку, присѣлъ рядомъ на маленький пуфъ, а Рахмаровъ подошелъ къ Рогову, чтобы не мѣшать ихъ бесѣдѣ.

— Вѣроятно, слушаете въ деревнѣ?—спросилъ Спиридоновъ, чтобы какъ-нибудь завязать разговоръ.

— Напротивъ, и не думаю слушать,—раздражительно отвѣтила Софья; она ѣхала сюда, чтобы видѣть Рахмарова, а тотъ навязалъ ей этого господина!

— Вѣроятно, нашли себѣ здѣсь дѣло по дугѣ? Простите мое любопытство: какое же это дѣло?

— Никакого дѣла не наша и не ищу!—отвѣтила Софья, раздражаясь все сильнѣе на это „интервью“.

— Та-акъ-съ!—протянулъ Спиридоновъ, не понимая, за что она сердится.—Но это довольно странно,—продолжалъ онъ:—не слушать здѣсь безъ всякаго дѣла! Вы—оригинальное исключеніе...

— Да, да! Я—оригинальное исключеніе...

— Интересно бы, однако, узнать, какимъ же образомъ была оригинальная душа,—слово „оригинальная“ Спиридоновъ иронически подчеркнулъ,—примиряетъ такія непримиримыя вещи, какъ деревенская скука, бездѣлье и отсутствіе недовольства?..

— Объ этомъ долго рассказывать,—отвѣтила она, и громко позвала Рахмарова:—Петръ Григорьевичъ!

Когда онъ подошелъ къ ней, она тихо сказала:

— Мнѣ необходимо говорить съ вами много и совсѣмъ свободно, чтобы никто не помѣшалъ... Хотите пойти со мной въ паркъ?

— Идемте,—сказалъ онъ, смотря на нее съ изумленіемъ.

Вотъ они вдвоемъ въ очень знакомой ей аллеѣ, по которой когда-то, осеннимъ влажнымъ утромъ, она шла, полная отчаянія, послѣ разговора съ Роговымъ на крылечкѣ у Марьи Семеновны. Почему-то ей съ необыкновенной неостью вспомнилось то осеннее утро, рѣзкія слова, сказанныя ею измученному, поблѣднѣвшему Рогову... Какъ она боялась тогда остаться здѣсь, чтобы не встрѣтиться съ Рахмаровымъ, если онъ скоро вернется! А теперь?.. Она сама, помимо своей воли, ищетъ встрѣчи съ нимъ...

„Но что же я скажу ему? Я надоѣла ему своими вопросами! Нѣтъ, о нихъ я не буду говорить... О нихъ я поговорю съ Зиновьевымъ... Съ нимъ мнѣ надо говорить о другомъ, да, о другомъ!.. Надо кончить эту муку! Что-нибудь одно! Пусть скажетъ

„да“ или „нѣтъ“... И я буду знать, что здѣсь все для меня умерло“...

А Рахмаровъ шелъ рядомъ съ ней, покорно ожидая, когда она начнетъ разговоръ. По ея волненію онъ еще въ комнатѣ замѣтилъ, что говорить она хочетъ о чемъ-то очень щекотливомъ; она уже тогда то вспыхивала, то блѣднѣла... И теперь—это долгое молчаніе!.. Волненіе ея начало передаваться и ему...

Снѣгъ тихо поскрипывалъ подъ ея легкими шагами... Въ аллеѣ былъ голубоватый свѣтъ отъ отраженныхъ снѣгомъ лунныхъ лучей, пробирававшихся сквозь черныя вѣтви облетѣвшихъ деревьевъ.

— Петръ Григорьевичъ,—заговорила Софья упавшимъ голосомъ:—когда мы ѣхали съ вами въ тотъ разъ, вы угадали: у меня въ душѣ есть одно страданіе... Оно не даетъ мнѣ жить...

Она вдругъ замолкла. У нея захватило дыханіе. Но вотъ она опять заговорила:

— Я ни о чемъ другомъ думать не могу... Вы одинъ можете помочь мнѣ. Скажите прямо, даже грубо отвѣтите на тотъ вопросъ, который я хочу вамъ сдѣлать... Да, грубо, рѣзко, чтобы сразу обрубить...

— Да что же такое? Что же это съ вами?—спросилъ онъ ласково, наклоняясь къ ней и взявъ ея руку. Но она ее торопливо отняла у него...

— Я люблю... я сумасшедшая... я люблю васъ,—прошептала она, закрывъ лицо муфтой, и заплакала.

Онъ вздрогнулъ и, ничего не отвѣчая, какъ-то согнулся весь, точно его придавили эти слова... Однако, онъ быстро оправился и, замѣтивъ, что она идетъ нетвердо, сказалъ тихимъ голосомъ:

— Возьмите меня подъ руку. Дойдемъ до бесѣдки и тамъ поговоримъ. Надо говорить много...

— О, нѣтъ, немного! Только два слова! Скажите мнѣ, что это гадко, дерзко, возмутительно, невозможно! Я только этого хочу... Я знаю, что другой отвѣтъ невозможенъ! Я это тысячу разъ говорила себѣ... Но пусть вы его сами скажете...

Она остановилась передъ нимъ, но не могла взглянуть въ его глаза.

— Этого-то я и не скажу,—отвѣтилъ онъ такъ ласково и грустно, что она не повѣрила сразу, его ли это голосъ.—Я скажу вамъ другое,—продолжалъ онъ:—да, это—невозможно! Это—совсѣмъ невозможно!.. И мнѣ кажется, что вы страшно ошибаетесь,—что это какой-то самогипнозъ, ужасная душевная иллюзія... Не можете вы любить меня!.. Вы любите кого-то дру-

того, кого видите во мнѣ... Вѣдь я—развалина, развалина и тѣломъ, и душой...

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—вскрикнула она:— вы здѣсь молоде, юнѣ всѣхъ! Вы не знаете, вы не знаете!..

Онъ взялся руками за голову, какъ будто его мозгъ разрывался на части, и ему нужно было удержать его...

Долго ждала она его отвѣта. Онъ проговорилъ чуть слышно:

— Пойдемте дальше... я отвѣчу... сейчасъ...

Казалось, онъ собирался съ силами,—такъ труденъ былъ для него этотъ отвѣтъ.

...Они подошли къ пруду... Здѣсь отъ луны было свѣтло, какъ днемъ. Правѣе возвышалась бесѣдка на своемъ холмѣ... За прудомъ видѣлись занесенныя свѣгомъ крыши деревенскихъ хатъ...

— Вы хотѣли, чтобы я былъ съ вами рѣзокъ, даже грубъ,—заговорилъ онъ холоднымъ, почти суровымъ тономъ, отъ котораго она вздрогнула:— Да, вы правы, вамъ отъ этого будетъ легче... И вотъ, я говорю грубо, рѣзко, и вы должны мнѣ вѣрить: то, что вы принимаете за любовь ко мнѣ, не есть любовь; это—потребность любви, не встрѣтившая пока человѣка, какой вамъ нуженъ... Уѣдете отсюда, увидите много хорошихъ людей, и найдете, и полюбите по настоящему... Меня вы любите совсѣмъ другой любовью, не той, за какую вы ее считаете: вы видите во мнѣ нѣкоторыя стороны, которыя уважаете... Но и только... Вы не любите вашего отца; едва ли любите мать... И вотъ, у васъ эта потребность, именно эта, потребность дочерней любви,—обратилась на меня. И не стыдитесь этого чувства; не стыдитесь, что сказали мнѣ о немъ. И пусть эта любовь сохранится въ васъ... Быть можетъ, я и стою ея... Она даже поможетъ вамъ жить... И не только думайте, что любите меня, какъ хорошаго отца, но и знайте, что этотъ отецъ любить васъ тоже, и любить васъ какъ дочь...

Голосъ его задрожалъ и прервался. Говорить онъ больше не могъ.

Она стояла, опустивъ голову, какъ будто ждала, что онъ скажетъ еще что-то, совсѣмъ другое... Но онъ молчалъ. Въ ней проснулась гордость. Поднявъ голову, она сухо сказала:

— Быть можетъ, вы и правы... Простите, пожалуйста...

Но у нея не хватило силы продолжать тѣмъ же холоднымъ тономъ, и вдругъ вырвалось почти рыдающимъ звукомъ:

— Прощайте!..

Не подавъ ему руки и не оборачиваясь, она быстро пошла къ дому.

XXV.

Когда Софья Петровна вернулась въ комнату, всѣ замѣтили, что она необыкновенно блѣдна и едва можетъ идти. Но спросить у нея о причинѣ никто не рѣшился, — только Роговъ, явившійся къ Лядовой позднѣе ея прїѣзда и во время ея ухода съ Рахмаровымъ, — сказалъ, здоровалось:

— А у васъ видъ нехорошій! Не нужна ли моя помощь?

— Нужна, — почти шопотомъ сказала Лопаткина: — можете вы отвезти меня домой поскорѣе?.. Я нехорошо себя чувствую...

Она едва выговаривала слова.

— Но сдѣлайте это какъ-нибудь незамѣтно... Пусть знаетъ одна Вѣра Павловна...

Роговъ отвелъ въ сторону Лядову, поговорилъ съ нею и вышелъ, чтобы распорядиться о лошадяхъ, а Вѣра подошла къ Софьѣ и, обнявъ ее, сказала:

— Мнѣ нужно сказать вамъ два слова. Пройдемте въ мою спальню.

Ни о чемъ не спрашивая, она дала ей выпить воды, горячо поцѣловала ее въ лобъ, помогла надѣть шубку, укутала платкомъ и проводила до передней; тамъ уже ожидалъ Роговъ, совсѣмъ готовый въ путь.

Всю дорогу оба молчали. Только подъѣзжая къ дому, Роговъ сказалъ:

— Я зайду къ вамъ. Вамъ надо что-нибудь прописать.

— Зайдите! Но прописывать ничего не нужно...

Она чувствовала, что если въ этотъ вечеръ останется одна, это будетъ послѣдній вечеръ ея жизни. Но противъ этого возмущалось ея самолюбіе, ея гордость... Кромѣ того, ея не покидала мысль, что она еще не сдѣлала ничего для сестры Нади.

Они прошли прямо въ ея комнату.

— Я овябъ, — сказалъ Роговъ: — хорошо бы стаканчикъ горячаго чаю... Да и вамъ не мѣшаетъ. А еслибы въ него нѣсколько капель рому или коньяку, такъ и совсѣмъ отлично! У васъ зубъ на зубъ не понадаетъ...

— Сейчасъ скажу. Велю и каминъ затопить...

Принесли чай; растопили каминъ. Она совсѣмъ овладѣла собою, и чтобы завести какой-нибудь разговоръ, стала передавать

то, что рассказывалъ Бѣловонскій объ ужасной жизни трудящихся интеллигентныхъ женщинъ.

— Вы ихъ видѣли много. Правда ли это? — спрашивала она. — Я не могла бы вынести такой жизни; я это очень хорошо чувствую.

— Да, жизнь не особенно легкая и сытая! — отвѣтилъ онъ: — Но въ ней есть стороны, которыя многое скрашиваютъ: задумчивое товарищество хорошихъ, чистыхъ людей, наука, хорошие разговоры, театръ, концерты, публичные чтенія... Я не припомню ни одной молодой дѣвушки этого круга, которая была бы печальна отъ матеріальной обстановки. У всѣхъ такой жизнерадостный, счастливый видъ! Конечно, необходимо съуздить свои матеріальныя требованія...

— Значитъ, Бѣловонскій очень сгустилъ краски?..

— Для чего онъ это дѣлаетъ? Для чего хочетъ, чтобы вы ѣхали непременно за границу съ ними?

— Онъ старался объяснить мнѣ это своими идейными планами. Я не имѣю права рассказывать вамъ обо всемъ этомъ подробно.

— Пожалуй. Но только совѣтую вамъ одно: не довѣряйте ему. Я знаю этого человѣка давно, съ ранней юности. Болталъ онъ и мнѣ еще недавно о своихъ планахъ... Никакихъ у него плановъ нѣтъ! Онъ ихъ самъ еще долженъ выдумать, чтобы оправдать эту женитьбу... Вотъ и все!

— А мнѣ хочется ему вѣрить! Ну, пусть даже его планы еще не ясны ему самому, хотя, впрочемъ, онъ общалъ мнѣ ихъ сообщить еще до отъѣзда въ Москву, — значитъ, они есть... Но пусть еще нѣтъ. А вѣдь я по себѣ знаю это стремленіе въ чему-то болѣе широкому, чѣмъ обыденная жизнь, въ которой все, все такъ мизерно, такъ не удовлетворяетъ... Если у него будутъ миллионы, онъ можетъ сдѣлать все, что создастъ его фантазія... И уже одна эта возможность... отъ нея захватываетъ духъ!.. И въ этомъ ужъ оправданіе, пожалуй, и его женитьбы... Но оставимъ его. Онъ меня мало интересуетъ. У меня есть другое, болѣе важное дѣло къ вамъ: меня мучитъ мысль о сестрѣ Надѣ... Я думаю, все думаю, какъ ее вырвать изъ нашей семьи, и ничего не могу придумать... Помогите мнѣ въ этомъ... Что можно сдѣлать для нея? Тамъ она совсѣмъ погибнетъ, зачахнетъ... Мнѣ невыносима мысль объ этомъ... Вѣдь, у нея даже общества нѣтъ никакого; поговорить ей не съ кѣмъ! А я знаю, какъ это ужасно!.. Къ Лядовой ее не пустятъ... А больше здѣсь никого нѣтъ!..

— Пойдите! Мнѣ пришла мысль! У Зиновьева мать — идеальная старушка, — милая, образованная... Я мало знаю ее, но увѣренъ, что если ей все откровенно рассказать, она приметъ въ ней участие, сама поѣдетъ познакомиться съ вашей семьей и будетъ часто звать къ себѣ Надежду Петровну.

— Это чудесная мысль! Знаете, пойдите сейчасъ къ этой Зиновьевой, поговоримъ съ ней... Вѣдь это ничего, что безъ визитовъ! А надо дѣлать поскорѣе... Вѣдь Надя задыхается тамъ. Каждый день дорогъ!..

— Я не прочь! А вы согрѣлись ли?

— Отлично себя чувствую...

И вотъ, они уже шли къ фабрикѣ черезъ паркъ. Иней, покрывавшій вѣтви столѣтнихъ деревьевъ, сверкалъ искрами въ лунныхъ лучахъ. Синія тѣни лежали на сѣнгу отъ этихъ гигантовъ, спавшихъ непробуднымъ сномъ.

— Я привелъ вамъ гостю, — сказалъ Роговъ, когда на ихъ звонокъ въ квартирѣ Зиновьева, отперла дверь его мать.

— А! Рѣдкій госты! — воскликнула старушка ласково: — очень, очень рада! Кого же это вы привели?

— Подруга Надежды Николаевны, Софья Петровна Лопатина...

— Входите, входите, пожалуйста! И какъ хорошо вы сдѣлали, что безъ китайскихъ церемоній, прямо вечеромъ! Вотъ и сынъ сейчасъ вернется. Мы живемъ ужъ очень одиноко... Не разъ я ему говорила, что надо знакомства завести... Вѣдь, — молодой человѣкъ! Нельзя же все только работать да со мной, старухой, сидѣть. И онъ бы самъ не прочь, да только работы много... времени-то не хватаетъ знакомства завести.

Она усадила ихъ въ своей маленькой гостиной, вокругъ стола, на которомъ горѣла недорогая лампа съ зеленымъ абажуромъ, и стала разспрашивать Софью объ ея семьѣ, о матери, объ отцѣ; старушка не подозрѣвала, какъ той тяжело было отвѣчать на эти вопросы. Роговъ поспѣшилъ на выручку къ Софьѣ Петровнѣ.

— А знаете, Лидія Федоровна, мы къ вамъ пришли не со всѣмъ безъ дѣла.

— Чтѣ такое? Всѣмъ рада служить, чтѣмъ могу, — оживилась Зиновьева.

— Да ужъ буду говорить вамъ прямо, — отвѣтилъ онъ и, обратившись къ Лопатиной, спросилъ: — Вы позволяете?

Та кивнула головой. Роговъ сталъ рассказывать, что въ семьѣ Софьи не все ладно, что она ушла оттуда; вынести не могла...

А тамъ осталась вторая сестра... И у нея ни общества, ни даже челоуѣка, съ которымъ бы слово сказать было можно.

— Впрочемъ, вы такъ не поймете,—перебилъ онъ самого себя.—Надо вамъ все разсказать отъ Адама.

И онъ разсказалъ, по возможности, все, что заставило Соню уйти отъ отца; не сказавъ только, щадя ее, о главномъ,—о доносахъ Лопатина на Рахмарова и Лядову.

Когда онъ окончилъ, старуха все поняла и предупредила его вопросомъ:

— Нужно, чтобы я поѣхала туда, познакомилась и брала къ себѣ почаще Надежду Петровну? Да? Ну, я завтра же поѣду и завтра же постараюсь увести ее къ себѣ, если понравлюсь имъ!

— О, навѣрное понравитесь! — воскликнула Софья. — Какая вы добрая! Какая милая! — И она схватила ее руки, смотря въ ее глаза съ любовью и лаской; а въ ее умѣ пробѣжала мучительная мысль: „Господи, еслибы у меня была такая мать! Развѣ жизнь моя сложилась бы такъ, какъ теперь!“

Поговорили еще о разныхъ предметахъ, о свадьбѣ Надежды Николаевны, о планахъ Софьи, двойшихся между столичными курсами и поѣздкой за границу. Зиновьева убѣждала ее поучиться на курсахъ; хотя съѣздить за границу, чтобы посмотреть, какъ люди хорошо могутъ устроиться, тоже полезно... И это слѣдуетъ сдѣлать,—только не надолго...

Въ это время вернулся Зиновьевъ. Онъ, конечно, былъ удивленъ, увидѣвъ гостей; но они могли замѣтить, что удивленіе его было радостное. Онъ видѣлъ, что мать была необыкновенно оживлена и уже успѣла подружиться съ гостьей. Сухой и нѣсколько чопорный видъ, какой былъ у него въ кабинетѣ Надежды Николаевны, здѣсь исчезъ сразу; онъ весело и ласково заговорилъ съ гостями, и всѣ сразу почувствовали себя давно знакомыми; гости приняли даже участіе въ скромномъ ужинѣ, который въ эти часы обыкновенно подавался на столъ, что не было нарушено и въ этотъ вечеръ, съ чисто западной регулярностью.

Среди оживленныхъ разговоровъ, Софья Петровна упомянула о мнѣніи Бѣлоконскаго относительно участія старика Петренко въ кассѣ рабочихъ, проектируемой ими самими и Зиновьевымъ.

— Онъ находитъ, что это участіе было бы обманомъ,—сказала она.—Вѣдь эта касса будетъ идти въ разрѣзъ съ интересами Петренки: она будетъ поддерживать рабочихъ въ тѣ моменты, когда они, напримѣръ, не согласятся на пониженіе заработной платы или захотятъ ее повысить, и тому подобное... А вѣдь ни одинъ фабрикантъ не станетъ дѣлать что-нибудь противъ своихъ

интересовъ. Если тутъ встрѣтится исключеніе, то оно можетъ быть принято рабочими за правило... Значить, ихъ введутъ въ заблужденіе?..

Роговъ громко засмѣялся.

— А, вѣдь, это та самая мысль, которую вы, Зиновьевъ, высказали мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ! Помните, когда я спрашивалъ вашего совѣта относительно телеграммы къ Надеждѣ Николаевнѣ—по поводу стачки? Какъ же теперь вы соглашаетесь на участіе Петренки въ этой кассѣ?

— Да очень просто,—отвѣтилъ тотъ:—я вовсе не узкій доктринеръ, который какое-нибудь одно правило прикладываетъ ко всевозможнымъ случаямъ. Каждый случай имѣетъ свои особенности, свою индивидуальность... Тогда, съ этой телеграммой, я былъ вполне правъ, не желая въ ней участвовать. Филантропія этой барышни явилась ложью относительно общаго правила, а между тѣмъ случай былъ такой, что эта ложь бросалась въ глаза, ослѣпляла, оставляла сильное впечатлѣніе; да, яркое, неизгладимое впечатлѣніе! А тутъ совсѣмъ другое дѣло: пожертвуетъ онъ въ кассу, ну, положимъ, тысячу рублей, похлопочетъ о ея разрѣшеніи, и все это легко забудется, а касса останется и сослужить большую службу, ну, хотя бы для нѣкотораго единенія рабочихъ, для ихъ привычки дѣлать общее дѣло... Выгоды отъ кассы перевѣшиваютъ невыгоды отъ мимолетнаго впечатлѣнія этой филантропіи.

— Я вполне васъ понимаю и совершенно съ вами согласна! — сказала Софья Петровна, испытывая то пріятное чувство умственнаго удовлетворенія, когда вопросъ, казавшійся труднымъ, разрѣшается легко и просто.

— Ну, а я несогласенъ!—сказалъ Роговъ, улыбаясь:—т.-е., несогласенъ съ самымъ первымъ положеніемъ, что подобная филантропія вообще вносить какую-нибудь ложь въ умы. Въ этомъ нѣтъ ни іоты правды! Вотъ была бы ложь, еслибы человекъ, желая что-нибудь сдѣлать ближнимъ, не дѣлалъ этого потому, что кто-то сдѣлаетъ изъ этого ошибочный выводъ. Ну, не дикій ли это парадоксъ? Человекъ хочетъ быть добрымъ, сдѣлать добро, а ему говорятъ: „Не смѣй, будь золъ, притворись злымъ, иначе дашь ложное понятіе о людяхъ вообще, которые по теоріи должны быть злы“... Да вѣдь это-то и есть ложь! Поймите вы, господа! Вѣдь, значить, есть и добрые люди, и есть злые люди, а вы хотите, чтобы была известна только одна сторона жизни—алоба людей! Вѣдь это все равно, что въ математической задачѣ выбросить одну величину ради другой, хотя онѣ обѣ важны!..

— Да въ математикѣ такъ и дѣлается,—сказаль Зиновьевъ:—если величина ничтожна, ее игнорируютъ!

— Да, если она ничтожна!—сказаль Роговъ.—Вотъ я приведу сейчасъ примѣръ! Дайте договорить, а не то собьюсь!—Онъ вскочилъ съ мѣста и, потирая лобъ, забѣгалъ по комнатѣ:—Да вотъ вамъ: вы думаете, какъ Гоббсъ, что человекъ человекъ волкъ, homo homini lupus! Отлично! А вотъ мы сегодня съ Софьей Петровной не повѣрили этому и пришли къ вашей матушкѣ съ важнымъ дѣломъ, рассчитывая на ея доброту, и не ошиблись: она обѣщала помочь намъ... Что, еслибы мы вѣрили только въ то, что люди злы, что они—волки для другихъ людей?! Мы бы не пошли, и хорошее дѣло не осуществилось бы!

Начался споръ, въ которомъ старушка приняла сторону Рогова противъ сына, а Софья молчала, опять сбитая съ толку двумя совершенно противоположными идеями, которыя казались ей одинаково вѣрными...

Но къ ея удивленію теперь это не мучило ее, какъ бывало прежде. Наоборотъ, она чувствовала себя очень хорошо среди этихъ людей, такъ горячо спорившихъ, но, видимо, уважавшихъ другъ друга, одинаково честныхъ и добрыхъ, думавшихъ только объ истинѣ, о наилучшемъ рѣшеніи вопроса, обеспечивающемъ хорошее существованіе людей. Она начинала понимать, что многія изъ тѣхъ противорѣчій, которыя такъ возмущали ее въ книгахъ, вызваны тѣмъ же горячимъ исканіемъ истины и любовью къ человекъ, для счастья котораго эта истина отыскивалась...

„Да, это особенные люди!—думала она:—они не думаютъ о себѣ! И какъ хорошо около нихъ! И какъ холодно, какъ ужасно тамъ, дома, у отца, у Надежды Николаевны“...

Потомъ она стала думать, какъ хорошо будетъ ей Надѣ среди этихъ людей, и ей даже захотѣлось самой остаться здѣсь, въ деревнѣ, чтобы жить около нихъ...

Но когда ея воображеніе нарисовало ярко, что она навсегда осталась бы вотъ въ этихъ самыхъ маленькихъ комнатахъ, съ этими хорошими людьми,—что на мѣсяцы, на годы, на всю жизнь она должна остаться въ этомъ уголкѣ,—ея сердце сжалось тоской, точно въ него вложили кусочекъ льда...

„Я не могла бы, нѣтъ, не могла бы долго жить такъ!.. Вотъ Надюша моя, она—совсѣмъ другой человекъ. И, быть можетъ, Зиновьеву она понравится, а онъ ей... и тогда... Какъ бы это хорошо было!.. Она бы дала ему счастье и сама была бы счастлива... А я точно „juif ergant“... Для меня нѣтъ нигдѣ счастья“!..

XXVI.

День, назначенный для отъезда въ Москву жениха и невесты, давно наступилъ и прошелъ, а они не уѣзжали. Причиной былъ Бѣловонскій, у котораго сдѣлалась лихорадка, хотя Рогова онъ не звалъ и лечился отъ нея самъ.

По наружности онъ былъ, дѣйствительно, боленъ: похудѣлъ, раздражался, брюзжалъ, какъ-то съѣжился весь...

Надежда Николаевна ухаживала за нимъ и была сильно разстроена.

— Вотъ препятствіе! Вотъ неожиданное препятствіе! — повторила она унылымъ голосомъ: — Алеша, да выздоравливай ты поскорѣе! Это даже неловко! Въ Москвѣ насъ ждутъ! Отецъ — Богъ знаетъ что можетъ подумать!

— Не могу же я рисковать жизнью изъ-за того, что онъ подумаетъ! — отвѣчалъ сердито Бѣловонскій. — Ему послана телеграмма! Ну, пошли еще! Ничего нѣтъ удивительнаго, что у чловѣка лихорадка!

Онъ оживлялся только тогда, когда въ комнату входила Лопатина, но это было очень рѣдко, потому что та цѣлые дни проводила у Зиновьевыхъ, гдѣ еще гостила ея сестра.

Но оживленіе Бѣловонскаго въ присутствіи Софьи Петровны было какое-то странное: онъ выпучивалъ ея „увлеченіе Зиновьевыми“, рисуя въ карикатурномъ видѣ и старуху, и ея сына; напримѣръ, онъ говорилъ неожиданно:

— Скажите, она нюхаетъ табакъ?

— Кто она? — спрашивала Софья.

— Ну, эта „божья коровка“, мать Зиновьева.

— Нѣтъ, не нюхаетъ. Почему вамъ кажется, что она должна нюхать табакъ?

— Вотъ подите же! Самъ не знаю, почему! Какъ-то я видѣлъ въ окнѣ одного петербургскаго магазина карикатурную статуэтку: старикъ и старуха смотрятъ влюбленно другъ на друга и нюхаютъ табакъ изъ одной табакерки! И вотъ, кажется мнѣ, что это — Зиновьева и ея сынъ!

— Но вѣдь онъ — молодой! — смѣясь, возразила Надежда Николаевна: — какія тебѣ фантазіи въ голову приходятъ!

— Онъ?!.. Молодой?!.. Да это — илюзія! У него около губъ старческаія складки! А его сгорбленная фигура! Правда, годами онъ молодъ, но душой и тѣломъ такіе люди никогда не бываютъ молоды! Воображаю, что изъ него выйдетъ лѣтъ черезъ

пять! Особенно, если онъ женится, обзаведется ребятами... Ха-ха-ха! Чудная картина! Онъ навѣрное надѣваетъ по вечерамъ болнакъ, какъ всѣ нѣмцы, и спитъ въ немъ подъ периной!

— За что вы его такъ не любите?—спрашивала Лопатина.

— А вы, кажется, не шутя занялись этимъ сфинксомъ?—сказалъ онъ съ досадой.

— Да, не шутя: онъ—человѣкъ очень интересный и новый для меня. А вы не отвѣтили, за что такъ не любите его?

— За то, что онъ аршинъ проглотилъ и держитъ себя какъ индюкъ, или, по меньшей мѣрѣ,—гордый испанецъ! И эта индюшина манера у него основана на томъ, что онъ вычиталъ въ иностранной книгѣ одну мысль и думаетъ, что открылъ такую Америку, что передъ нимъ, какъ передъ Колумбомъ, всѣ мы—мальчишки и щенки! И, конечно, васъ онъ успѣлъ загипнотизировать этой великой идеей?

— Какой идеей?

— Будто вы не знаете?! Ну, что въ Россіи должно наступить,—да ужъ и наступило,—царство капитализма. Его наступленію нужно помочь. Оно создастъ изъ русскаго мужика классъ европейскихъ рабочихъ-пролетаріевъ, отнявъ у нихъ землю. Затѣмъ, эти рабочіе сознаютъ себя какъ классъ, интересы котораго противоположны капиталистическимъ, и... тогда устроятъ рай на землѣ!.. Вѣрно я передалъ?

— Я эту теорію знаю, но вовсе не отъ него, а изъ книгъ. Онъ никогда не говоритъ объ этомъ,—отвѣтила Софья съ досадой.—А что же? По вашему, это не вѣрно?

— А пусть даже и вѣрно! А мнѣ какое до этого дѣло? И вамъ какое до этого дѣло?

— Какъ?! Но вѣдь это указываетъ путь для работы...

— Ха-ха-ха! Для меня или для васъ это указываетъ, какъ намъ лучше устроить свою жизнь, и только!

— Я васъ не понимаю!

— Да мы съ вами—это же будемъ? Вы капиталистка, т.-е. землевладѣлица, я—тоже. И мы можемъ утѣшиться, что, значить, наступаетъ наше время. Помощи господина Зиновьева мнѣ не нужно. Я и самъ это себѣ устрою. Устройте и вы, вѣроятно, если попадете подъ хорошее вліяніе,—напримѣръ, мое... А что будетъ потомъ, когда какой-то тамъ рабочій классъ сознаетъ себя и устроитъ рай,—до этого мнѣ нѣтъ никакого дѣла! Судя по тому, какъ онъ медленно, почти два столѣтія, устроиваетъ этотъ рай въ Америкѣ, Англии, Франціи,—это устроится у насъ лѣтъ черезъ пятьсотъ... Отъ насъ тогда не останется даже и

пра-пра-пра-правнуковъ. Такъ почему же мнѣ можетъ быть интересенъ или любъ этотъ господинъ, проглотившій аршинъ? По моему, онъ, т.-е. не лично онъ, а всѣ они—безъ винта въ головѣ... Это загипнотизированные нѣмецкой книжкой бараны,—и только! И замѣтите, у нихъ даже выраженіе лица баранье! Глупое и вмѣстѣ важное. Глаза у всѣхъ круглые, какъ будто ихъ кто ударилъ по лбу и ошеломилъ... И дѣйствительно, ихъ хватилъ по лбу нѣмецкая книга, ошеломила,—они такъ и остались навсегда съ круглыми глазами. Вы скажете: они—необыкновенные люди, потому что увлечены идеей! Но это вовсе не рѣдкость. Пойдите въ любой домъ умалишенныхъ, одержимыхъ какой-нибудь маніей, въ родѣ Гаршинскаго „Краснаго цвѣтка“, и вы увидите прототипы этихъ героевъ.

— Но тѣ—сумасшедшіе, а этотъ—здоровый человѣкъ,—возразила Софья Петровна.

— Эхъ, кто же теперь не знаетъ, что между здоровымъ и сумасшедшимъ нельзя указать границы... Хороши здоровые, которые загипнотизированы чужой идеей, и готовы поѣхать на стѣну! Экая энергія, подумаешь! Да, наконецъ, пусть тамъ у нихъ раз-энергія, а намъ-то до нихъ какое дѣло?! У насъ есть свои дѣла... Напримѣръ, вы мечтали жить въ широкомъ смыслѣ этого слова... весь міръ охватить, все испытать, всѣмъ овладѣть... Такъ какой же смыслъ—интересоваться этими маніаками?! Съ ними еще въ какую-нибудь исторію влопаешься, и будешь потомъ всю жизнь,—какъ мой почтенный отчимъ,—киснуть да ныть, величаясь тѣмъ, что пострадалъ,—самъ не зная, за что, и сталъ жертвой невѣдомо чего! И неужели васъ, такую умную, можетъ подобный вздоръ интересовать? Ну, пожалуй, какъ всякая новинка, это интересно. Но довольно разъ видѣть и слышать ихъ,—и они исчерпаны, теряютъ интересъ, какъ стоптанныя туфли!.. Нѣтъ, судя по тому, что я слышала о васъ, я... думаю, что вы не увлечетесь этимъ филистеромъ! Простое эстетическое чувство должно васъ удержать отъ его нѣмецкаго ночного колпака!..

— Ты такъ горячишься,—сказала Надежда Николаевна,—что Соня можетъ подумать,—ужъ не ревнуешь ли ты ее къ этому Зиновьеву?

— А если и ревную! Каждый человѣкъ идеи ревнуетъ тѣхъ, кто можетъ стать его послѣдователемъ, если видитъ, что они хотятъ идти за другимъ.

— Не ревнуйте меня, если такъ: я не буду ни вашей, ни его послѣдовательницей,—сказала Софья.

— Что его послѣдовательницей вы не будете, это я и самъ

сказалъ,—воскликнулъ Бѣлоконскій:—ну, а что моей не будете, это мы еще посмотримъ... Вы вѣдь еще не знаете, къ чему я стремлюсь... Объ этомъ мы еще будемъ говорить!

— А я думаю, что никогда этого не знаю и говорить вы объ этомъ не будете. Уже очень долго мы ждемъ.

— А я уже все-что знаю!—хвастливо сказала Надежда Николаевна:—онъ будетъ издавать большую газету!

Бѣлоконскій вспыхнулъ.

— Какой вздоръ! — рѣзко отвѣтилъ онъ. — Я жалѣю, что сказалъ вамъ даже это! Развѣ не ясно, что это только одна изъ деталей моего плана?! Какъ вы меня поняли?!

— Ну, не сердись же, Алеша! Я вѣдь не сказала, что это весь твой планъ...

— Да, но вы такъ сказали, что это можно подумать! Я вижу, что съ вами приходится молчать о самомъ дорогомъ для меня вопросѣ! И я этого не забуду...

— Ну, не сердись! Ну, прости меня!—бросилась къ нему невѣста.

Софья Петровна не могла безъ негодованія видѣть этой университетской сцены. Она почувствовала ясно, что этотъ человѣкъ лгалъ ей, когда говорилъ, что намѣренъ дать Надѣ „иллюзію счастья“. Онъ ясно почувствовалъ свою силу надъ этой несчастной и старается еще больше забрать ее въ руки, чтобы она и пикнуть не смѣла.

Такъ прошло дней пять. Софья Петровна старалась не встрѣчаться съ Бѣлоконскимъ и почти цѣлые дни проводила у Зиновьевыхъ, даже обѣдала тамъ.

XXVII.

Какъ-то утромъ Софья Петровна получила записку отъ матери Зиновьева: „Ваша сестра у меня. Мнѣ удалось упросить вашу матушку, чтобы она ее отпустила—погостить у меня нѣсколько дней. Приходите. Она очень жаждетъ видѣть васъ“.

Встрѣча сестеръ вышла очень трогательной: Надя ждала Софью Петровну, и когда та отворила дверь въ квартиру Зиновьевыхъ, она какимъ-то инстинктомъ почувствовала, что пришла именно Софья. Надя съ тихимъ крикомъ бросилась въ прихожую и, охвативъ своими тонкими руками шею сестры, разрыдалась отъ радости. Софья Петровна сама едва сдержала слезы.

Когда мать Зиновьева ввела ихъ въ свою приемную, Софья Петровна увидѣла въ уголкѣ наклонившагося надъ книгой Спиридонова. При ея входѣ онъ оторвался отъ книги и лѣживо поднялся съ мѣста.

— Вы знакомы?—спросила старушка.

— Немного,—отвѣтилъ съ улыбкой фельетонистъ, подавая руку Софьѣ.

— Почему вы смѣтаетесь?—спросила Надя, которая уже успѣла съ нимъ поговорить вдоволь и привыкла къ нему.

— О, мое знакомство съ вашей сестрой было хотя и кратко, но очень сердито! Она меня оборвала, какъ шевалье, — смѣясь, отвѣтилъ тотъ.

— Простите, — улыбаясь также, сказала Софья:—я тогда была страшно нерасположена говорить. У меня было важное дѣло къ Рахмарову, а онъ навязалъ мнѣ васъ... Но сегодня я не злая, и вы меня не бойтесь. Я очень рада, что васъ встрѣтила здѣсь...

— Ну, и отлично! Значитъ, побесѣдуемъ... У меня есть большой порокъ—всѣхъ обращать въ свою вѣру! Вотъ пріѣхалъ, чтобы и Зиновьева совратить съ пути, да онъ крѣпокъ, какъ камень... А вотъ съ вами потолкую, быть можетъ, съ большимъ успѣхомъ.

— Вы думаете, что женщину легко убѣдить въ чемъ угодно, потому что у нея волосъ дологъ, да умъ коротокъ?—шутливо сказала Софья.—Однако, хотя у меня и длинные волосы, а я тоже въ своемъ родѣ камень... Меня очень трудно переубѣдить въ чемъ-нибудь, если я думаю иначе...

— Вотъ это и отлично! Я немножко знаю, какъ вы думаете, и потому-то увѣренъ, что мы сойдемся: мы думаемъ почти одинаково...

— Откуда вы знаете, какъ я думаю?!—спросила Софья, быстро краснѣя.

— Слухомъ земля полнится. Я говорилъ о васъ съ Рахмаровымъ и Вѣрой Павловной...

Мать Зиновьева навинилась, что уйдетъ на минутку распорядиться завтракомъ.

— Ну, и что же вы узнали отъ нихъ о моихъ взглядахъ?—спросила Софья Петровна у Спиридонова.

— Узналъ только самое хорошее: вы хотите собственной мыслью добиться правды, потому что разочаровались въ книжкахъ, которыя прочитали... Вы нашли въ нихъ противорѣчія... Вы еще больше разочарованы въ тѣхъ якобы истинахъ, которыя

вамъ всѣмъ подсовываетъ такъ называемая житейская мудрость, которую всѣ проповѣдуютъ на словахъ для другихъ и никогда не исполняютъ сами... Говоря кратко, вы сознали и—что всего важнѣе,—вы глубоко прочувствовали, что все кругомъ—ложь, обманъ, лицемеріе; вы желали бы пересмотрѣть вновь всѣ взгляды, критически провѣрить всѣ чувства, на которыхъ окружающіе строятъ правила жизни, поведенія, дѣятельности...—Онъ пріостановился.

— Да, вы знаете превосходно мои взгляды! Ну, и вы знаете, конечно, что я признала себя безсильной рѣшить всѣ тѣ вопросы, которые возникли передо мной, и живу, не зная, какъ нужно думать, что нужно дѣлать...

— И это знаю... И нисколько это не удивительно... Въ вашемъ положеніи былъ каждый изъ насъ, задавшійся тѣми же вопросами... И я былъ въ этомъ положеніи... Вовсе не такъ легко одному человѣку рѣшить то, надъ чѣмъ уже думаютъ и работаютъ сотни людей, и не одинъ десятокъ лѣтъ, начавъ съ того же, съ чего начали и вы...

— И они пришли къ чему-нибудь?

— О, конечно... Одному рѣшить трудно,—на это не хватило бы жизни... Но, повторяю вамъ, надъ этими вопросами думали сотни выдающихся умовъ, о нихъ написаны книги, которыхъ вы не видѣли и не могли видѣть... Онѣ написаны очень недавно...

— И онѣ есть у васъ? И вы дадите мнѣ...

— Есть, и, конечно, я вамъ ихъ дамъ...

— Онѣ теперь у васъ, съ собой?

— Да...

— И когда же вы можете дать ихъ мнѣ?

— Когда хотите. Хоть сейчасъ...

Ихъ разговоръ перебила Надя.

— Ты такъ увлеклась своимъ новымъ знакомымъ,—сказала она сестрѣ,—что и не спросишь меня, что дѣлается у насъ дома...

— Милая ты моя, не обижайся! — отвѣтила Софья, обнимая ее.—Я знаю, что тамъ дѣлается; ничего хорошаго; все по-прежнему... Лучше не рассказывай мнѣ... Я только разстроюсь... А впрочемъ, быть можетъ, есть что-нибудь новое и важное?..

— Нѣтъ,—отвѣтила грустно Надя:—ты не ошиблась: все по-прежнему... все... все...

Спиридоновъ вышелъ въ другую комнату.

— А ты вѣдь не знаешь, я тебя на дняхъ видѣла. То-есть, не тебя, а твою тѣнь на окнѣ моей комнаты.

И Софья Петровна рассказала, какъ она съ Рахмаровымъ подѣхала къ усадьбѣ, какъ она смотрѣла на окно Нади...

— И ты ничего не почувствовала тогда? Припомни хорошенько... Это было третьяго дня, часовъ въ девять вечера...

— Вотъ не помню!—смущенно улыбаясь, отвѣтила Нади.— Знаю, что мнѣ было грустно, что я думала о тебѣ. Но это бываетъ каждый день, а вечеромъ особенно... Помню, что и къ окну подходила... и...—она наклонилась къ уху Софьи, тихо шепча:—и... немножко поплакала...

— Ну, и со мной было то же самое въ тотъ вечеръ,—смѣясь, сказала Софья Петровна, цѣлуя ее нѣсколько разъ въ глаза и лобъ:—а теперь мнѣ такъ хорошо, что я тебя вижу!

Въ это время Спиридоновъ вернулся въ комнату, неся въ рукахъ съ десятокъ книжекъ разныхъ форматовъ, между которыми были и совсѣмъ крохотныя брошюры...

— И здѣсь вся премудрость?—спросила Софья нѣсколько насмѣшливо.

— Сказать, что вся,—было бы очень смѣло... Ну, а на главные ваши вопросы отвѣты найдутся.

— Спасибо!.. Буду читать сегодня всю ночь.

— Да вы не торопитесь... Я пробуду здѣсь и у Вѣры Павловны еще два три...

Пришелъ Зиновьевъ съ фабрики. Подали завтракъ. Софья отказалась отъ него.

— Я пока лучше посмотрю эту премудрость, которая должна просвѣтить меня; ужъ очень нетерпѣние сильно: вѣдь не правда ли,—обратилась она къ Зиновьеву,—не чудо ли обѣщаетъ мнѣ этотъ юноша? Сколько лѣтъ я искала отвѣтовъ на нѣкоторые вопросы, и вдругъ, прочту вотъ эти книжки, и все узнаю?!...

— Вы смѣтаетесь надъ тѣмъ, что онѣ такія маленькія и ихъ не много, — отвѣтилъ Спиридоновъ.—Ну, а Евангеліе—вѣдь тоже небольшая книжка, а сколько миллионъ людей узнавали изъ нея все, что имъ было нужно...

Зиновьевъ улыбнулся, но скорѣе ласково, чѣмъ насмѣшливо.

— Милая молодость!—сказалъ онъ:—какъ она хорошо и горячо вѣрить!..

— Ужъ будто вы такой старикъ? — спросила его, смѣясь, Софья, и вдругъ громко засмѣялась, вспомнивъ, какъ Бѣловон-

скій увѣрялъ, что Зиновьевъ старъ, нюхаетъ табакъ и спитъ въ ночномъ колпагѣ.

— Что васъ такъ разсмѣшило въ моихъ словахъ?—спросилъ онъ.—Годами я молодъ, но я уже неспособенъ увлекаться, какъ бывало... Мало прожито, но много пережито... а еще больше передумано...

— Но вѣдь у васъ есть убѣжденія, въ которыя вы вѣрите...

— Тѣ убѣжденія, которыя я имѣю,—не плодъ вѣры, а рѣшенія науки...

— А я о своихъ думаю такъ же,—шутливо сказалъ Спиридоновъ.—Почему привилегія научности принадлежитъ только вашимъ взглядамъ... А я думаю, наоборотъ, что вы—юноша, что вы увлекаетесь, вѣря въ свой путь, а мы стоимъ, наоборотъ, на почвѣ самой строгой науки и критики.

— Не буду спорить... Вѣдь мы другъ друга не убѣдимъ,—ласково отвѣтилъ Зиновьевъ.

Софья Петровна, вернувшись домой, дѣйствительно, всю ночь читала книжки Спиридонова и была очень удивлена: въ нихъ она не нашла рѣшительно ничего новаго для себя; все, что въ нихъ говорилось, она уже давно передумала. Ново для нея было одно—что она не одна думала такъ,—что есть, очевидно, не мало людей на свѣтѣ, которые пришли къ тѣмъ самымъ выводамъ, къ которымъ пришла она. И это ее обрадовало. Она не была одинока. У нея есть братья по мысли и чувству...

Она поняла, что всѣ ея мысли, которыя она считала исключительно своими, которыя она приписывала странному устройству своей души, своего ума и сердца, были у цѣлой группы людей, какъ будто какая-то внѣшняя сила заставляла и ее, и этихъ людей думать совершенно одинаково...

„Какъ это можетъ быть? Отчего это можетъ быть?“—спрашивала она себя и не находила отвѣта.

На другой день, придя къ Зиновьевымъ, она этотъ вопросъ предложила прежде всѣхъ другихъ Спиридонову.

— Очень просто, — отвѣтилъ онъ: — вамъ жилось очень трудно, нехорошо... И тѣмъ, чьи книжки вы читали, жилось также плохо... И причины, почему плохо жилось, были и у васъ, и у нихъ, въ сущности, однѣ и тѣ же: повальная ложь, жестокость и несправедливость всего окружающаго... Было бы странно, еслибы вы и они не пришли къ одинаковымъ вопросамъ и рѣшеніямъ.

— Но вѣдь моей средой была исключительно семья?..

— Это все равно... Дѣло зависитъ не отъ величины того

круга, который наводитъ на мысли, а отъ одинаковыхъ условій жизни—въ маломъ ли кругѣ, въ семьѣ, или въ большомъ кругѣ,—обществѣ, челоѳчествѣ...

— Однако, живутъ же другіе и ни къ чему такому не приходятъ...

— А вы забыли знаменитый стихъ, что одинъ и тотъ же „млатъ, дробя стекло, куеъ булатъ“. Одни и тѣ же условія жизни однихъ дробятъ, другихъ мнутъ, а третьихъ куеъ... Все отъ характера зависитъ...

— Ну вотъ, какъ я рада!—смиься, отвѣтила Софья:—значить, я—булатъ!..

Когда Спиридоновъ увѣждалъ черезъ два дня, она общала переписываться съ нимъ.

— Бросьте здѣсь все,—убѣждалъ онъ:—поѣдте сперва въ губернской городъ, а оттуда въ Петербургъ. Средства найдутся у насъ...

— Еще надо подумать,—отвѣтила она.—Но я не говорю „нѣтъ“... Весьма возможно, что приѣду: здѣсь нечего дѣлать... Однако, повторяю вамъ: ваши книжечки не сказали мнѣ ровно ничего новаго. И меня поражаетъ, какъ вы можете придавать имъ такое значеніе?

XXVIII.

Послѣ отъѣзда Спиридонова прошла недѣля.

Былъ вьюжный зимній вечеръ. Вътеръ метался съ печальнымъ свистомъ въ обнаженныхъ вѣтвяхъ деревьевъ парка. По аллеѣ расхаживалъ, кутаясь въ шубу, Бѣловонскій. Вотъ онъ подошелъ къ бесѣдкѣ, построенной въ видѣ китайскаго домика на краю аллеи, вошелъ въ нее, присѣлъ на одинъ изъ диванчиковъ и закурилъ папиросу.

Черезъ нѣсколько времени со стороны фабрики послышались голоса и шаги. Это Софья Петровна возвращалась отъ Зиновьева, который провожалъ ее.

— Теперь вы можете вернуться; я не боюсь здѣсь,—сказала она, протягивая ему руку.

— Завтра придете, конечно?—дружески спросилъ Зиновьевъ.

— Непремѣнно. Ваша матушка хотѣла помочь мнѣ въ переводѣ нѣкоторыхъ мѣстъ... А, быть можетъ, и вы понадобится. Въ этихъ книжкахъ есть термины, которыхъ я не могу перевести.

— Будемъ ждать васъ. Матушка такъ васъ полюбила. Я не знаю, какъ она будетъ обходиться безъ васъ, когда вы уйдете...

— Останется моя сестра... Вы ее приютите...

— А вы непременно рѣшили уѣхать? Вы не находите, что и здѣсь можно жить и работать?

— Да, я рѣшила... Мнѣ хотѣлось бы очень остаться здѣсь. Такъ хорошо жилось эти дни, но... Я знаю себя... Я затосковала бы здѣсь скоро. А въ такомъ состояніи я невыносима... Нѣтъ, нужно уѣхать...

— Ваше дѣло!—сказалъ онъ.—Только вспомните: хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ. Всю жизнь искать, значить—ничего не дѣлать!..

— Ну, ужъ такая я несчастная! А, быть можетъ, и найду...

— Отъ души желаю найти! И, пожалуй, не стану васъ заранѣе разочаровывать... Если ничего не найдете по душѣ, можете вѣдь и сюда вернуться... Здѣсь вы встрѣтите всегда тѣхъ же вѣрныхъ друзей, очень полюбившихъ васъ... Ну-съ, до завтра...

Они простились, и Софья Петровна медленно пошла къ дому. Когда она подходила къ бесѣдкѣ, Бѣловонскій зажегъ восковую спичку, освѣтившую его лицо, такъ что она сразу узнала его. „Зачѣмъ онъ здѣсь? Такъ поздно? Больной?“

Неприятное предчувствіе сжало ея сердце. Она торопливо прошла мимо бесѣдки, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ его. Но онъ ее окликнулъ. Было бы невѣжливо не остановиться и не подождать его.

— Однако, вы рискуете, выходя съ лихорадкой въ такой вѣтеръ,—сухо проговорила Лопатина.

— Лихорадка у меня нѣтъ давно, по крайней мѣрѣ физической. А отъ другой, душевной лихорадки я вынужденъ лечиться сюда... Я васъ ждалъ. Мнѣ необходимо объясниться съ вами... Вы позволите?

— Говорите, пожалуйста!

— Я очень счастливъ, что услышалъ послѣднія слова вашего разговора съ Зиновьевымъ...

— Во-первыхъ, какое вамъ дѣло до меня и моего разговора съ нимъ? А во-вторыхъ, вы дурно сдѣлали, что не предупредили насъ о своемъ присутствіи... Вѣдь мы могли говорить и о томъ, что для васъ не назначалось...

— Какое мнѣ дѣло? Вы хотите знать, какое дѣло? Хорошо, я скажу вамъ: вообразите себѣ человѣка, идея котораго, влекаящая всей жизнью, требуетъ крупнаго богатства для своего

осуществленія. И вотъ, для него представляется случай взять это крупное богатство, и въ этотъ-то моментъ онъ встрѣчается съ дѣвушкой, которая внушаетъ ему безумную любовь. Какъ поступить тутъ? Отказаться отъ цѣли всей жизни, отъ огромной и важной задачи, и идти въ сторону любви, или, наоборотъ, принести любовь въ жертву идеѣ? Дайте мнѣ совѣтъ.

— Дѣло, очевидно, идетъ о Nadine... Кто другая—мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Вы хотите, чтобы я дала совѣтъ. Онъ очень простъ: убѣдите Надежду Николаевну въ правотѣ своей идеи, сдѣлайте ее вашей послѣдовательницей, и тогда она отдастъ на ваше дѣло свои милліоны безъ всякаго обмана!

— Но почему же обманъ вы такъ презрительно отвергаете?! Развѣ больныхъ не обманываютъ? А она больна любовью ко мнѣ... Если стать выше предразсудковъ, то я сдѣлаю дурно, сказавъ ей правду: это сведетъ ее съ ума... А дѣло я потеряю...

— Ну, а другого совѣта я не вижу!.. Извините, я должна идти...

— Ради Бога, постоитъ! Ну, а еслибы часть этихъ милліоновъ была нужна и для того еще, чтобы дать той дѣвушкѣ, которую я безумно полюбилъ, тѣ широкіе горизонты, о которыхъ она мечтаетъ? Чтò бы вы сказали на это?

— То-есть, вы хотѣли бы устроить семейное тріо, гдѣ одна играла бы роль... ужъ я и не знаю, какъ назвать эту роль!—воскликнула она съ отвращеніемъ.

— Но вѣдь это предразсудокъ! Эта дѣвушка выше толпы! Она, конечно, не придаетъ значенія брачнымъ формальностямъ, устарѣвшей, шаблонной морали...

— Если не признаетъ, то она, быть можетъ, и приметъ ваше предложеніе.

— Вы думаете?

— Конечно! Если она раздѣляетъ ваши взгляды... Но она потребуетъ, разумѣется, и для себя такого же права обманывать васъ... Вѣдь вы говорите, что безумно влюблены, значить, тоже больны... Тріо обратится въ квартетъ...

— Какъ цинично вы говорите объ этомъ!

— А! Вы находите, что когда дѣло идетъ о васъ,—это цинично?! А я полагаю, что эта дѣвушка, зная и раздѣляя ваши взгляды, должна будетъ поступить еще циничнѣе: такъ какъ въ ея рукахъ ваша тайна, то она можетъ всѣ ваши планы сейчасъ же уничтожить, рассказавъ вашей невѣстѣ. И вотъ, представьте себѣ, что, не вступая съ вами ни въ какіе дальнѣйшіе разговоры, она говоритъ: „подѣлитесь со мной своимъ милліо-

номъ, да на слово я вамъ еще не повѣрю, потому что морали вы не признаете, а дайте вексель или какой-нибудь формальный документъ "...

— Вы шутите, конечно?!

— Нисколько! Говорю совершенно серьезно! Эта дѣвушка, при ея убѣжденіяхъ (т.-е. при вашихъ), будетъ очень глупа и непослѣдовательна, если не поступитъ такъ...

— Что вы такое говорите?! Вѣдь это—преступленіе, это—шантажъ!

— Да, да! И надо быть душой, чтобы не поступить такъ съ человѣкомъ, который призналъ себя стоящимъ вѣв морали. Если вы требуете, чтобы другіе были моральны относительно васъ, то, значитъ, вы лгали,—вы все-же признаете мораль. Но тогда какъ же оскорбительно ваше предложеніе!! Видите: эта дѣвушка—хорошая ученица ваша, и только! Вы съ такимъ ужасомъ вскрикнули: „шантажъ“! Удивляюсь, какъ вы, отрицающій всякіе принципы, осмѣливаетесь бросать ей съ такимъ негодованіемъ это слово: не вы ли проповѣдовали ей, что принципы—вздоръ, что только умъ, расчетъ и смѣлость достойны уваженія?.. И такъ, преклонитесь передъ ней!.. Она осуществляетъ вашъ идеалъ человѣка. Вы—мужчина *fin de siècle*, а она—дѣвица *fin de siècle*, но только болѣе смѣлая и послѣдовательная, чѣмъ вы! Но... довольно мнѣ шутить съ вами! Вы, кажется, готовы серьезно испугаться! А я только разыграла съ вами такую же сцену, какую вы когда-то разыграли съ Роговымъ по поводу несчастнаго Ѳеда!.. Дрянной вы человѣчишка! Дайте мнѣ дорогу!

Она быстро пошла къ дому. А онъ остался, какъ вкопанный, на одномъ мѣстѣ. Быть можетъ, въ первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ, что падаетъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, что тотъ ореолъ, которымъ онъ старался окружить себя въ своемъ собственномъ мнѣніи, съ него сорванъ.

Среди обширнаго, когда-то барскаго, а теперь купческаго парка стоялъ онъ, осколокъ старой аристократіи, и съ омерзѣніемъ къ самому себѣ чувствовалъ, что не можетъ отказаться отъ этого парка, отъ этого дома, отъ этихъ милліоновъ, и что никакихъ идей тутъ нѣтъ, а есть обыкновенная, пошлая торговля своей личностью и своимъ барскимъ именемъ... Ему хотѣлось зарыдать, но изъ груди вырвался только истерическій хохотъ надъ собой и, какъ ему казалось, надъ жизнью, надъ цѣлымъ міромъ...

А Софья Петровна, вернувшись въ свою комнату, набросала записку Рогову, въ которой просила его достать ей завтра

рано утромъ лошадей до станціи желѣзной дороги и нѣсколько денегъ на билетъ до губернскаго города.

Рано утромъ, ни съ кѣмъ не простившись, она уѣхала, оставивъ Надеждѣ Николаевнѣ письмо, въ которомъ говорилось: „Обстоятельства неожиданно сложились такъ, что я должна уѣхать отъ тебя, не воспользовавшись твоей помощью. Думай объ этомъ, какъ знаешь. Искренно благодарю тебя за все, что ты для меня сдѣлала. Если когда-нибудь понадобится помощь, обращусь“.

Прошло около года.

Въ усадьбѣ Рахмарова декабрьскимъ вечеромъ собрались у Вѣры Павловны почти всѣ наши знакомые. Тутъ былъ Роговъ, самъ Рахмаровъ, Вѣра Павловна, Ѳеда Ермолаевъ, Зиновьевъ съ Надеей, на которой онъ женился, и со своей матерью: познакомились съ Рахмаровымъ и Лядовой, они часто навѣщали ихъ и очень подружились. Не было только Софьи Петровны Лопатиной.

Пили чай. За окнами завывала метель, а въ комнатѣ Вѣры Павловны было тепло и уютно. Лилась тихая бесѣда о послѣднихъ новостяхъ изъ столицъ, о статьяхъ въ журналахъ, о деревенскихъ дѣлахъ и новостяхъ... Ожидали газетъ и писемъ, которыя въ этотъ часъ привозила обыкновенно земская почта; особенно ждали письма отъ Софьи Петровны, которая писала, мѣсяць тому назадъ, что она въ Якутскѣ.

— Сегодня почта навѣрное запоздаетъ по случаю метели,— сказала Вѣра Павловна:— страшно подумать, что ради нашей привычки читать письма и газеты человѣкъ долженъ во всякую погоду ѣхать, почти жертвуя иногда жизнью. Вѣдь, въ такую метель, какъ сегодня, нерѣдко замерзаютъ.

Прошло съ полчаса, послышался стукъ въ окно...

— Вотъ и почта!.. Ѳеда, голубчикъ,— сказала Вѣра Павловна,— выйди и позови его погрѣться чаемъ... Я думаю, онъ совсѣмъ замерзъ.

Ѳеда вернулся съ пожилымъ крестьяниномъ, совершенно покрытымъ снѣгомъ, съ оледенѣвшей бородой, рѣсницами и бровями. Онъ сталъ въ передней отряхивать снѣгъ.

— Есть письма?—спросилъ Рахмаровъ.

— Есть телеграмма въ вамъ, батюшка Петръ Григорьевичъ... А! Да вотъ здѣсь и Иванъ Захарычъ: и къ тебѣ, родимый, есть письмецо,—сказалъ крестьянинъ, увидѣвъ Рогова.

И онъ сталъ рыться въ своей почтовой сумкѣ, а Вѣра Павловна налила ему стаканъ чаю и понесла въ прихожую.

— Позвала бы тебя сюда, къ намъ,—сказала она,—да ты весь въ снѣгу.

— Мнѣ и тутъ хорошо, мужичку! Я у васъ тамъ наслажду.

Онъ вынулъ изъ сумки газеты, телеграмму и письмо въ Рогову.

Когда Рахмаровъ прочиталъ телеграмму, онъ разорвалъ ее и, бросивъ на полъ, воскликнулъ:

— Вотъ нахаль!

— Что такое? Отъ кого?—спрашивала Вѣра Павловна.

Онъ громко захохоталъ, наклонился съ своего кресла и, поднявъ вѣточки телеграммы, сложилъ ихъ передъ собою на столѣ. Затѣмъ сталъ раздѣльно читать по-французски (телеграмма была изъ Ниццы):

„Новорожденный внукъ, слившій въ себѣ вѣтви древней аристократіи съ вѣтвью могучей буржуазіи, шлетъ привѣтъ дѣду изъ страны вѣчныхъ розъ въ страну вѣчнаго снѣга.—Бѣловонскій“.

— Нахальство невыразимое!—повторилъ онъ.

Роговъ ничего не слышалъ. Прочитавъ полученное письмо, онъ сидѣлъ, опустивъ голову на руку, и задумчиво смотрѣлъ на черныя стекла окна, за которыми была мятель. Наконецъ, на него обратили вниманіе.

— Что съ вами! Роговъ! Что такое случилось?!—спросила первой Вѣра Павловна.

Онъ указалъ рукой на письмо, всталъ и молча заходилъ по комнатѣ, проговоривъ лишь:

— Бѣдная, бѣдная! Вотъ чѣмъ кончилось!

Письмо взяла Вѣра Павловна, но едва прочла вслухъ первую строчку, замолкла, поблѣднѣла, рука ея, державшая письмо, задрожала. Въ этой первой строчкѣ говорилось:

„Сегодня, въ восемь часовъ утра, Софья Петровна Лопатина“...

— Дальше, дальше!—вскринула Надя.—Она умерла?!

— Сильно заболѣла,—чуть слышно выговорила Лядова.

— Нѣтъ, нѣтъ, не скрывайте отъ меня! дайте мнѣ письмо!

—Надя протянула руки, мгновенно выхватила письмо у Вѣры Павловны и прочла:

„...умерла отъ скоротечной чахотки. Она просила меня, ея товарку, когда все кончится, написать именно вамъ, довторъ, чтобы вы осторожно сообщили это извѣстіе ея сестрѣ. Она предвидѣла свою смерть, хотѣла писать сама, но уже не могла. Вѣроятно, чахотка была у нея и раньше, но здѣсь приняла очень быстрое теченіе, подъ вліяніемъ климата и ужасной обстановки.

Передъ самой смертью, она просила написать еще, что вспоминаетъ всѣхъ, кто остался въ деревнѣ, и всѣхъ очень любить, и чтобы вы это имъ передали“...

Надя, истерически рыдая, упала головой на столъ. Ея мужъ, его мать и Роговъ, возились около нея. На Вѣру Павловну напалъ настоящій столбнякъ: она стояла неподвижно около стола, а губы ея шептали:

— Господи, Господи! Одна! Въ такой обстановкѣ! Да что же это! Боже!

Затѣмъ наступило молчаніе. Всѣ были точно громомъ поражены. Рахмаровъ сидѣлъ за столомъ блѣдный, подперевъ голову руками, съ убитымъ, растеряннымъ видомъ. Наконецъ, онъ заговорилъ глухимъ, прерывающимся голосомъ, путаясь въ словахъ и останавливаясь:

— Терзаетъ меня теперь одна мысль... Не виноваты ли мы... да,—и голосъ его прервался на минуту:—не виноваты ли мы,—повторилъ онъ,—въ томъ, что она... она... погибла... Отчего мы не умѣли... создать... такое дѣло, чтобы ей по душѣ было... Ахъ, не то я говорю!.. Отчего мы такъ безсильны!

Вдругъ лицо его перекопилось жалкой, болѣзненной улыбкой, и онъ вскрикнулъ съ какимъ-то визгомъ:

— Эхъ, да что же теперь говорить! Поздно ужъ теперь говорить! Всему конецъ!

И вдругъ онъ заплакалъ, какъ ребенокъ, смотря на всѣхъ изумленными, испуганными глазами, какъ будто самъ не могъ понять, какимъ образомъ могло случиться, что онъ плачетъ. Прошло мгновенье, и онъ, схвативъ шапку, быстро выбѣжалъ изъ комнаты...

Л. Е. Оболенскій.

ТАЙГА

И

ЕЯ ОБИТАТЕЛИ

Изъ путешествія по сивирской тайгѣ.

I.

„Займка“ Поваренкина находится въ сѣверной тайгѣ томской губерніи. Подъ „займками“ въ Сибири разумѣютъ одинъ домъ или избу, много двѣ или три, принадлежація одному какому-либо хозяину, уѣхавшему изъ деревни по причинѣ „утѣсненія“ и выстроившему на привольномъ мѣстѣ себѣ жилище—или для временныхъ выѣздовъ на полевая работы, причемъ вокругъ такихъ займокъ сосредоточены всѣ пашни, иногда и луга,—или для постоянного мѣстопробыванія. Въ послѣднемъ случаѣ займщикъ уже кончаетъ счеты со своей родной деревней, въ смыслѣ домоводства, и платитъ лишь подати въ общество. Поваренкина займка—особая статья. Она возникла въ тайгѣ, куда добраться можно лѣтомъ по рѣкѣ Чети, быстрой таежной рѣкѣ, изливающей свои воды въ р. Чулымъ—правый притокъ Оби. Какъ возникла эта займка, про то вѣдаютъ старцы, поселившіеся въ тайгѣ ради спасенія души, да сами займщики. А говорятъ про ея начало вотъ что. Изъ вятской губерніи пришелъ Якимъ Поваренкинъ, удалившійся отъ преслѣдованія властей во время гоненія на старовѣровъ въ срединѣ прошлаго столѣтія. Сначала онъ приписался къ дер. Рубиной, томской губерніи. Въ деревнѣ ему показалось тѣсно, да и обряды старинные править не такъ удобно было. И пошелъ онъ въ тайгу искать „бѣльниковъ“, что

кромѣ березы да осины другихъ породъ мало имѣютъ, да привольныхъ мѣстъ близъ широкой рѣки. Такихъ мѣстъ въ тайгѣ не мало; поискать да походить—много найдешь. И вотъ на берегу Четы, почти у самаго устья рѣки Кандата, при слияннн двухъ рѣкъ, нашлись такія мѣста. Прирѣчные цвѣтушіе луга здѣсь уступаютъ тѣнистымъ дубравамъ; воды много, чистой, вкусной, какая только въ таежныхъ да горныхъ рѣчкахъ встрѣчается. Звѣря и птицы вокругъ не оберешься, вся живность подь выстрѣлъ сама просится; ягодъ—малины, смородины, черники, голубицы—хоть отбавляй. Всего таежнаго добра не выбрать, много зря пропадаетъ, некому собирать; медвѣдей хоть не мало, да имъ всего не переѣсть. За кедровыми шишками не надо далеко ходить. Переѣхалъ р. Четь—на правомъ берегу ужъ тайга начинается, а прошелъ двѣ, три версты въ сторону—тамъ и кедровники попадутся. Сообразилъ Поваренкинъ все добро, всю пользу этой палестины и, несмотря на лѣсную глушь, выстроилъ избу, выписалъ своихъ близкихъ да родныхъ и сталъ съ ними жить въ лѣсу да добра наживать. Состарѣлся Поваренкинъ, удалился отъ міра и суеты людской, выстроилъ себѣ келью и заперся въ ней хоть и неподалеку отъ главной избы, да все равно какъ бы въ пустыню удалился, пересталъ видѣться съ посторонними людьми, дѣла же всѣ передалъ сыну. Сынъ же его Иванъ былъ допльмй, бойкій человекъ, смѣтливый и въ дѣлахъ торговыхъ аккуратный и по стариннымъ книгамъ начетчикъ смышленый. А дѣлъ было не мало. Весь кедровый промыселъ забралъ въ руки Иванъ...

Прошли годы, и вмѣсто одной избы, типичной заимки, выросла за дремучей Чиндатской тайгой цѣлая деревня. Населилась она старообрядцами разныхъ толковъ. Тутъ были и австрійцы, и часовенные, и бѣгуны, и ярославцы, всѣ въ перемежку, всѣхъ тайга привлекла и кормила; „двуперстники“ вѣриво держались другъ друга, а за Поваренкина, какъ за богатѣя и основателя заимки, —въ особенности. Нѣкоторымъ и тутъ тѣсно показалось, пошли они по сосѣдству приволья искать, стали селиться и строиться отдѣльными заимками; такъ образовались заимки Шишлянникова, Рубина, Нечаева по сосѣдству съ Поваренкиной. Всѣ онѣ соединены между собою дорогами и тропами торными. И связаны не столько дорогами, сколько дѣлами общими... Деньжонокъ ли, хлѣбца ли, охотничьихъ ли припасовъ нужно, идутъ немущіе къ Поваренкину, и тотъ даетъ, зная, что ни единой копейки ни за вѣмъ не пропадетъ; все кедровыми орѣхами осенью да пушнинаю зимой получить съ большой прибылью, а не хватить сырья—натурой должники на его просторныхъ пашняхъ да лугахъ отрабо-

таютъ. И сталъ Поваренкинъ богатѣть съ каждымъ годомъ, и въ городахъ его узнали. Въ Томскѣ и Красноярскѣ сталъ орѣхи да шкуры сбывать, а въ неурожайные для орѣховъ годы съ великими барышами оптомъ собранный по пудамъ таежный товаръ продавать. Прослышало начальство о привольѣ Четской лѣсной дачи, начало заглядывать къ Поваренкину. Всѣхъ принималъ онъ, былъ мужикъ обходительный, — даромъ что крикунъ, начетчикъ и биржаеъ, а умѣлъ каждому честь отдать и принять. Лѣсной ли ревизоръ, или лѣсничій прїѣдетъ, или исправникъ — каждому чиновнику мѣсто и пища найдутся въ просторномъ Поваренкинскомъ домѣ, гдѣ и чистая „свѣтская“ горенка имѣется и гдѣ чортово зелье — табачокъ покурить можно, гдѣ и грѣшная трава, что „чаемъ“ зовется, въ ведерномъ самоварѣ варится и гостямъ разливается...

Въ Россіи стало тѣсно крестьянамъ, — хлынулъ переселенческій потокъ въ пространную Сибирь. Заняли непрошенные и нежеланные для коренныхъ сибиряковъ гости всѣ свободные луга и поля вокругъ населенныхъ мѣстъ. Прошла чугушка по Сибири. Затрещали подъ топоромъ лѣса, сталъ православный народъ въ тайгу торговаться. Заботливое начальство принялось имъ въ тайгѣ отводить участки. Хоть на первое время находилось и мало охотниковъ до лѣсной глуши, а потомъ попривыкли; стали новоселы лѣсъ рубить да пни корчевать и тайгу въ пашни да луга обращать. Начались межевныя работы въ тайгѣ, а съ ними — осмотры, рекогносцировки и всякія изслѣдованія. И при этомъ безъ Поваренкиной заимки не обошлось, и тутъ запасливый хозяинъ пригодился. Гдѣ въ тайгѣ хлѣба взять, какъ за сто верстъ въ тайгу отъ ближней деревни заберешься? У Поваренкина. Гдѣ лошадей подъ провіантъ лостать при работахъ у р. Кандата и Чиндата, какъ не у Поваренкина? Онъ хоть и цѣну возьметъ, но всего дастъ, все у него въ запасѣ. И хлѣбецъ, слава Богу, амбары ломить, и крупа для рабочихъ изъ закромовъ сыплется, и мясо отъ скотины лишней бываетъ, и масло и сметана не переводятся. Чего по крестьянству у Поваренкина ни спросишь — все найдется. И лавки открытой нѣтъ, а покупателей да просителей — хоть отбавляй. И само собой какъ-то вышло, что Поваренкина заимка стала центромъ работъ по изслѣдованію Чулымской тайги и отвода въ ней переселенческихъ участковъ. Принялось то-и-дѣло въ нее заглядывать. Поплутаешь по тайгѣ, сдѣлаешь „заѣздъ“ дней на двадцать, и опять вернешься въ Поваренкину, чтобы не возвращаться въ большое село при желѣзной дорогѣ, до котораго надо безъ малаго шесть сутокъ идти на коняхъ,

ибо въ тайгѣ безъ дорогъ рысью не разскачешься, да и по тропамъ шибко очень поѣдешь—съ лошади кувырнешься или глазъ вѣткою выткнешь.

И въ эту поѣзду въ „черную“ тайгу Поваренкина заимка явилась пунктомъ отправленія, куда мы (я и нашъ топографъ) ѣхали съ тасажнымъ багажемъ и рабочими по вновь прорубленной дорогѣ-тропѣ черезъ тайгу, отъ деревни Тюхтети до рѣки Кандата, съ поворотомъ на заимку Поваренкину. Спасибо межевымъ за эту дорожку! Хоть и узка она, а все-таки по ней и кони, и люди прошли безъ труда, а до нея по этому пути нельзя было ни пройти, ни пролѣзть, хоть сколько ни бейся въ иныхъ мѣстахъ. Рабочихъ было съ нами четверо: Тихонъ-кыржакъ, неуклюжій Дементій, хозяйственный Иванъ, ходившій въ „поварахъ“, да Костя—съ немалой лѣнцой, которому было пятьдесятъ лѣтъ; сверхъ того, еще не хватало знающихъ проводниковъ, съ которыми въ тайгѣ не заблудишься. Задача наша была нелегкая. Не по заимкамъ идти, да со старцами бесѣдовать задумали, а лѣзть на-проломъ въ тайгу по компасу.

Повстрѣчали мы Ивана Якимовича Поваренкина на нашей тропѣ, въ „малинникѣ“, далеко за полдень, какъ солнце стало закатываться, и наши кони сильно приустили, ибо шли мы мѣрнымъ лошадинымъ шагомъ съ самаго ранняго утра, сдѣлавъ одинъ привалъ въ серединѣ дня для отдыха. Разсиживаться да разлеживаться было некогда, хотѣлось добраться хоть въ вечеру до заимки.

Много „гари“ въ тайгѣ. Охотники, а иногда тасажники, а главное, „жители“, не жалѣя лѣсу, рубятъ его; этого мало имъ кажется, они жгутъ его напропалую. Горитъ тайга нерѣдко на протяженіи десятковъ верстъ; бѣда попасть путнику въ область огня, — если самъ ноги уберетъ, такъ вещей да припасовъ не досчитается. Не до конца лѣсныя горятъ, а большею частью обугливаются, и стоятъ онѣ потомъ мрачными, черными столбами съ цѣпкими длинными волочущимися вѣтвями, въ кровь царапающими зазѣвавшася тасажника. Среди гари обильно растутъ кустарники изъ таволги разныхъ сортовъ да малины, а между кустарникомъ пробиваются и молодыя березки да осинки. И вырастаетъ чрезъ нѣсколько лѣтъ на мѣсто пихтовой да еловой тайги березовый да осиновый лѣсъ. Среди такой гари малина густо растетъ. А въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы Поваренкина повстрѣчали, не доходя версты четыре до рѣки Чети, малинникъ глазомъ не овинешь. Верстъ на пять, а то и болѣе, въ окрестность расширились да расплодился малиновые кусты. Засѣлъ

Иванъ Поваренкинъ съ своей семьей въ малинѣ, и не видать никого изъ нихъ было, когда мы подѣхали со своей оравой. Ягодъ было ужъ очень много. Кусты красѣли на солнцѣ прозрачными яхонтовыми ягодами. Цѣлые кузова да корзины стояли то тутъ, то тамъ, до верху наполненные свѣжей малиной. На нашъ говоръ и шумъ отъ лошадиныхъ ногъ, ступающихъ по упавшимъ лѣсинамъ и ломающихъ обугленные вѣтви, вышелъ къ намъ Поваренкинъ безъ шапки, съ головой, повязанной по-бабы сѣткой, безъ которой ни одинъ таежный житель и путникъ не обходится, иначе—комары да мошки заѣдятъ.

— Здравствуйте! Какъ здоровье? Куда путь держите?—кричалъ онъ намъ издали.

— Къ тебѣ, Иванъ Якимычъ, въ тайгу идемъ, — отвѣчалъ я, здороваясь съ нимъ за руку.

— Пожалуйте, пожалуйста, на перепутьи погостите, отдохните... малинки не угодно ли?—и онъ протянулъ березовый туесъ съ малиной, изъ котораго я и тодеграфъ взяли нѣсколько горстей.—Ягодъ нынѣ столько Господь уродилъ, что всѣмъ хватить; всѣхъ работниковъ своихъ выгналъ съ Васильемъ (сыномъ), да и дѣвокъ своихъ послалъ собирать малину, да, овромъ меня, всѣ займщики, чай, рассыпались по-малину,—говорилъ онъ, закрывая ладонью отъ солнца глаза и тряся своей рыжей бородой и шапкою такихъ же волосъ на головѣ.

— Мѣста все удобныя разыскиваете? — спрашивалъ онъ меня, какъ стараго знакомаго,—россійскихъ выходцевъ устраиваете, много ли участковъ наобразовали?

— Да порядочно, Иванъ Якимычъ, только бы заняли, а мѣста въ тайгѣ найдется.

— А за дорожку, что прорубили черезъ тайгу, въ нашей займкѣ, благодарствуемъ. Порасширить бы ее надо, а то я, намеднись, по ней въ деревню Тюхтеть ѣздилъ, такъ только верхомъ и можно проѣхать; въ одномъ мѣстѣ такъ лошадь застряла, пришлось спѣшиться да ее вытаскивать изъ болота.

— Расширить-то ее больно дорого, Иванъ Якимычъ, и ту тропу, что прорубили, пришлось изъ казенныхъ суммъ, данныхъ на работы, дѣлать, и это всеочило въ немалую копѣйку,—объяснилъ я ему.

— У казны денегъ много: хотятъ Сибирь заселить,—надо и раскошелиться,—говорилъ разсудительно киржацкѣй воротило,—безъ расходовъ такія дѣла не дѣлаются.

Этотъ неученый мужикъ своимъ здравымъ умомъ порѣшилъ по своему вопросу, надъ которымъ думаютъ немало чиновниковъ

въ настоящее время. Дорожный вопросъ при колонизаціи является на первой очереди и „довлѣтъ“ самому себѣ, ибо какъ могутъ заселиться таежныя участки переселенцами безъ немедленнаго проведенія удобныхъ дорогъ къ будущимъ мѣстамъ заселенія! А между тѣмъ нерѣдко бываетъ такъ, что участки „нарѣзались“ и пустовали въ виду того, что добраться до нихъ никакъ нельзя было, а денегъ для устройства дорогъ нѣтъ, или ассигновывались такія малыя суммы, что къ одному участку выстроить дорогу, а другіе ждутъ да подождутъ.

— На займѣ-то остался кто-нибудь? — спросилъ я Поваренкина.

— Какъ же, жена тамъ приметъ и пища найдется... тутъ вѣдь недалече. Къ солнцезакату придете... Счастливо оставаться... Я и самъ поспѣшу.

— Поспѣшай, Якимычъ, завтра въ тайгу надо ѣхать! — крикнулъ я ему, когда нашъ караванъ тронулся.

— Погостите у насъ, тайга не уйдетъ! — кричалъ онъ.

— Тайга не уйдетъ, да дни-то ясныя пройдутъ, — отвѣчалъ ему на-ходу топографъ.

Дѣйствительно, къ вечеру мы были на займѣ, переправившись вбродъ черезъ довольно широкую рѣку Четь; и когда мы вступали за калитку просторнаго двора Поваренкинскихъ, на крыльцѣ стояла расторопная Аеимья, жена хозяина, и привѣтствовала насъ, размахивая руками.

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже сидѣли въ „свѣтской“ горницѣ просторной „пятистѣнной“ ¹⁾ избы, за шивающимъ огромнымъ самоваромъ, съ обычными сибирскими угощеніями, въ видѣ ватрушекъ — „шанегъ“, „хвороста“, малиноваго варенья, вареной рыбы, кедровыхъ орѣховъ и прочей „прикуски“.

— А у насъ нивогошенько въ дому нѣтъ, всѣ по-малину уѣхали, и далъ же Богъ ея намъ новѣшній годъ! — говорила намъ нараспѣвъ хозяйка, присѣвъ на широкую кровать, стоявшую у противоположной стѣны.

Начались разспросы бойкой Аеимьи, которая за словомъ въ карманъ не лѣзла, о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Услыхавъ, что мы на другой день собираемся въ тайгу, да еще въ верховья Чиндата и Кандата, она хлопнула о полы руками.

— Матушки-свѣты! Труды-то какіе вы воспринимаете! Да вы тамъ, ваше благородіе, въ болотахъ-то застрянете; вѣдь тамъ глушь-то какая, звѣрья-то сколько... медвѣдей-то, лосей-то...

¹⁾ Пятистѣнными называются избы на двѣ половины, съ сѣнами между ними.

— Подавай намъ Богъ этого звѣря, тетенька! — проговорилъ топографъ.

— Сначала по бѣльникамъ-то пройдетъ, какъ по саду, и малинки вдоволь повушаете, а вотъ въ тайгу заберетесь—ужь тутъ плохо вамъ будетъ! — И она, съ соболѣзнованьемъ смотря на насъ, стала причитать и охать.

— Служба, Аеимья,—проговорилъ я въ раздумьи.

— Охъ, ужь трудная ваша служба! Наградятъ, поди, за это?

— Объ этомъ пока нечего думать, пройти бы намъ только.

— Бѣда, бѣда!.. А помните, какъ вы ѣздили по старцамъ, такъ многие изъ нихъ ужь разбѣжались: Исаакъ ушелъ на Четь, въ Нивифору, Михай—преставился. Старики древнѣе въ монастырѣ остались доживать послѣднѣе дни свои. Новоселовъ они шибко испугались; имъ не ужиться съ ними, и рѣшили они, что будутъ безпремѣнно около нихъ участки. Потому и разбѣжались.

Не прошло и часу въ такихъ разговорахъ, какъ въ горницу вошелъ Иванъ Якимычъ.

— А вотъ и я васъ нагналъ!—закричалъ онъ, здороваясь.—Здоровыми ли доѣхали, какъ черезъ рѣку переѣзжали?

— Ничего, спасибо, благополучно,—отвѣтили мы ему.

Онъ присѣлъ къ столу, за которымъ мы пили чай. На стулѣ онъ вертѣлся и откашливался, какъ будто бы готовился къ какой-то важной для него бесѣдѣ, хотя съ загорѣлаго лица, покрытаго морщинами, не сходила „подитичная“ улыбка.

— Какъ мы, значить, ознакомились и не впервые видимся,—заговорилъ онъ торжественно, смотря въ потолокъ, крикливымъ тономъ начетчика,—осмѣлюсь высказать просьбу вамъ...

— Что-жъ, говори, Иванъ Якимычъ—послушаю, а что могу—сдѣлаю,—отвѣтилъ я ему, прихлебывая изъ стакана.

— Мы теперича, я и родитель мой съ нашими домочадцами, живемъ во всякомъ довольствѣ и при домашности на сей землѣ десяти лѣтъ, молимся Богу, и никому изъ людей своихъ и пришлыхъ зла не дѣлаемъ, окромя добра и всякаго вспоможенія. Задумали мы, значить, оставаться здѣсь и на будущія времена и въ томъ разсужденіи, какъ вы насъ извѣстили, что здѣсь нарѣжутся участки и вокругъ насъ поселятся разные чужіе люди, то ежели теперича намъ приписаться къ новымъ людямъ, то великое послѣдуетъ намъ утѣсненіе. Выживутъ они насъ отселева со всѣмъ домоу и хозяйствомъ, стоящимъ трудовъ большихъ. Мысли наши въ разбродѣ пошли и съ остальнымъ обществомъ никакого сладу у насъ не выходитъ. Задумали мы съ родителемъ выдѣлиться изъ участка и просить васъ дать намъ наши

поля и пашни по надѣлу, сколько причтется, въ наше владѣніе. По закону можно это сдѣлать?

— Можно, — отвѣчалъ я, — каждому займщику предоставляется право или войти въ составъ будущаго участка, или вымежевать свои угодыя.

— Такъ, значить, и просьбу можно написать, потомъ и отрѣзуть?

— Можно и отрѣзать, какъ только межеваніе участка будетъ закончено. Только какъ же ты, Якимычъ, со скотиной будешь дѣлаться, — вѣдь твои земли не около самой займки, а въ отдаленіи?

— Будемъ арендовать, — отвѣтилъ онъ.

— Сдерутъ съ тебя односельчане и новоселы.

— Чтò подѣлаешь, куда дѣваешься! зато ужъ собственная земля будетъ на вѣчныя времена, — отвѣтилъ онъ.

— А усадьба какъ же?

— Да ужъ и усадебныя мѣста, и мельницу, что около займки, покорнѣйше прошу вымежевать.

Когда я согласился сдѣлать по закону, онъ былъ въ большой радости и началъ суетиться, не зная, чѣмъ угощать. Но такъ какъ мы насытились, то постарались отбояриться отъ Демьяновой ухи, рѣшивъ завалиться пораньше спать, чтобы „утрекомъ“ двинуться въ тайгу.

II.

Утромъ весь дворъ обширной Поваренкинской займки постепенно сталъ наполняться народомъ. Словно какъ пчелы, заснувшія на ночь въ ульяхъ пасѣки, вылетаютъ изъ своихъ гнѣздъ на добычу, оглушая воздухъ жужжаньемъ, такъ и обитатели займки, упокоившіеся на ночь въ разныхъ клѣткахъ и амбарахъ, стали вылѣзать изъ своихъ логовищъ, сначала медленно, почесываясь, а потомъ болѣе энергично и съ опредѣленной цѣлью. Не прошло и часа, какъ наши рабочіе, и проводники, и члены семьи Поваренкинской, копошились на дворѣ, занятые приготовленіями къ „походу“. Кто складывалъ вещи въ мѣшки, кто „ладилъ“ ремни у сѣдла, кто велъ поить коня, и каждый это дѣлалъ серьезно, сосредоточенно, какъ солдатъ, готовящійся къ „дѣйствию“. У всѣхъ было сознаніе, что тайга — это не шутка, и въ ней происходятъ также война, но война не людей между собою, а война съ тяжелыми условіями пути, съ препятствіями и лишеніями.

Всѣ были даже угрюмы, при чемъ надтреснутый и зычный голосъ самого Поваренкина еще болѣе рѣзко и повелительно раздавался въ разныхъ углахъ займки. Онъ, какъ коршунъ, налеталъ на всѣхъ, кто подвертывался ему подъ руку; его рыжая косматая голова издали видѣлась, колеблемая утреннимъ вѣтеркомъ, такъ какъ онъ ходилъ большею частью безъ шапки. Пестрядинная рубаха, подпоясанная узкимъ пояскомъ, болталась на немъ при его рѣзкихъ движеніяхъ; трясущаяся рыжая борода развѣвалась. Его типичная фигура мелькала то тутъ, то тамъ по широкому двору займки. Я наблюдалъ съ крыльца за копошащимся людомъ и постепенно проникался ощущеніями „таежнаго похода“. „Въ тайгу сворѣе, — говорилъ во мнѣ внутренній голосъ, — подальше отъ людей, не на лоно, а вглубь природы, въ сокровенное ея царство, не тронутое рукой людей...“ Передо мною открывалась широкая картина. Дворъ ограничивался рѣдкою изгородью, за которой протекала рѣчка; на ней шумѣла непрестанно мельница съ глухимъ гуломъ; черезъ мельничный мостикъ проходили займщики на противоположный крутой берегъ, покрытый пестрѣющимъ луговымъ покровомъ, среди котораго возвышались раскидистыя сосны въ видѣ отдѣльныхъ эземпляровъ. Дорожка, ведущая отъ мельницы, терялась среди цвѣтущаго луга, обрамляемаго зеленою стѣною лиственнаго и хвойнаго лѣса, начинающагося невдалекѣ отъ займки и составляющаго преддверіе этой завѣтной безконечной тайги. Изъ-за лѣса показались двѣ человѣческія фигуры... Кто ѣздилъ по нашимъ дорогамъ, тотъ навѣрное встрѣчалъ такихъ странниковъ, съ палками и съ котомками за спиной, въ сѣрыхъ суконныхъ курткахъ, ступающихъ мѣрною поступью ногъ, обутихъ въ лапти. У всѣхъ у нихъ большею частью сѣрыя, запыленные лица, на которыхъ написано утомленіе, соединенное съ любопытствомъ и надеждой, — во утомленіе бодрое, не подавленное и замученное, имѣющее таковой видъ, что эти люди, прошедшіе тысячи верстъ, могутъ отмахать и еще столько же своимъ развѣреннымъ шагомъ. Это — не каторжники, бѣгущіе отъ людей и скрывающіеся по глухимъ тропинкамъ съ традиціонными котелками; это — не бродяги, просящіе подаваніе и угрожающе исподлобья посматривающіе на встрѣчныхъ людей, нося въ своихъ загрубѣлыхъ сердцахъ нерѣшительность, не зная опредѣленно, нападутъ ли они, или станутъ униженно просить, смотря по обстоятельствамъ. Нѣтъ, это люди, прямо смотрящіе въ глаза прохожимъ, знающіе цѣль своего пути, ищущіе новыхъ мѣстъ. Изъ этого „сѣраго“ люда, разбросаннаго по отдѣльнымъ тропинкамъ, слагается волна,

хлнувшая за послѣдніе годы изъ тѣсной Западной Россіи въ широкую и просторную Сибирь; и нѣтъ конца этой стихійной волнѣ...

Солнце ярко свѣтило, бросая снопы лучей на противоположный берегъ, по которому спускались эти двѣ фигуры. Поваренникъ, очутившійся недалеко отъ меня, тоже сталъ смотрѣть на рѣку, прикрывши лицо ладонью, чтобы защитить глаза отъ ослѣпляющаго солнечнаго „сіянія“, какъ онъ любилъ выражаться. „Ходоки идутъ!“ — рѣзко крикнулъ онъ. „Ходоки!“ — пронеслось по двору, среди возящихся съ лошадьми и вещами людей, изъ которыхъ каждый, отрываясь отъ снѣжной работы, вглядывался въ приближающіяся двѣ человѣческія фигуры. Скрипнула калитка, и „ходоки“ вошли во дворъ займы, направляясь къ крыльцу.

— Къ вамъ, ваше благородіе, пришли мы, — проговорили ходоки, подойдя къ ступенямъ крыльца, на которомъ я стоялъ, и снимая свои катанныя шляпы.

— Здравствуйте, любезные! Чтò скажете?

— Да, вотъ, — проговорилъ одинъ изъ нихъ, съ черными усами и съ темнымъ загаромъ кожи; онъ былъ нѣсколько старше своего товарища, съ бѣлымъ лицомъ безъ бровей и съ выпуклыми, нѣсколько удивленно смотрѣвшими глазами: — ужъ больно намъ полюбились эти мѣста, ваше благородіе, — нельзя ли намъ здѣсь поселиться?

— Вишь, разлакомились на чужое-то добро! — проворчалъ Поваренникъ и, тряхнувъ волосами, отошелъ въ сторону, собираясь, очевидно, слушать, чтò будетъ говорить „саранча“, какъ онъ ихъ про себя называлъ.

— Да васъ сколько? — спросилъ я.

— Мы, значить, ходоки, идемъ отъ общества, выбранные осмотрѣть мѣста, ходили къ начальнику (крестьянскаго начальника здѣсь просто называютъ „начальникомъ“), нѣтъ ли участковъ, чтобы намъ поселиться... Онъ сказалъ, что готовые, то-есть, прошлогодніе всѣ записаны на людей, а новые осмотрѣть только можно. Мы было-хотѣли на старые участки записаться, — вѣдь они всѣ пустыютъ, развѣ только гдѣ два да три дома повыстроила мордва, да намъ отказали... заняты, говорятъ... а кѣмъ?

И черный почесалъ въ затылкѣ.

— Здѣсь еще пока не образуются участки вокругъ займочъ, и я пріѣхалъ осматривать мѣста; вотъ я сегодня только выѣзжаю на осмотръ тайги, — проговорилъ я.

— Ваше благородіе! — взмолился бѣлобрысый: — возьмите меня въ тайгу! Я буду вамъ служить, да заодно и землю, и лѣса увижу.

Я съ любопытствомъ началъ его разсматривать.

— Глупый ты человекъ! — проговорилъ Поваренкинъ, подошедши къ нему: — а провиантъ-то ты куда положишь? а есть ли онъ у тебя?

Купить можно, — беззаботно проговорилъ онъ съ мало-русскимъ акцентомъ.

— Ты изъ какой губерніи? — спросилъ я его.

— Полтавской.

— Хохоль, и видать, что хохоль, — проговорилъ подошедшій къ нашей группѣ рабочій Костя, искавшій всегда случая „покалявать“ и „отдохнуть“ отъ работы.

— Такъ чего же, баринъ! — проговорилъ „ходежь“, отмахиваясь какъ отъ назойливыхъ мухъ, отъ обступившихъ его рабочихъ.

Въ это время во дворъ въѣхалъ всадникъ, ведя за собою еще другую лошадь. На головѣ его торчала круглая шапка изъ потертаго мѣха (несмотря на жару), покрытая сѣткою, что имѣло видъ турецкой чалмы. Въ зубахъ дымилась трубка. За плечомъ висѣло ружье, а у сѣдла лошади торчало другое, привязанное въ особомъ чехлѣ, называемомъ охотниками „нагалищемъ“. За нимъ слѣдовали двѣ собаки. Всадникъ оказался „знаменитымъ“ Никифоромъ Игнатьевымъ. Онъ, не торопясь, слѣзъ съ лошади и, широко улыбаясь, приблизился къ нашей группѣ. „А вотъ, паринъ, и я подоспѣлъ!“ — и онъ началъ здороваться съ окружающими. Его появленіе произвело сенсацию, подобно появленію „знаменитости“ среди провинціальной труппы. Всѣ наперерывъ привѣтствовали его, начиная съ самого Поваренкина, который постоянно останавливался на „Никифоровской“ или „Игнатьевской“ займкѣ, а главное постоянный успѣхъ въ звѣриномъ промыслѣ окружалъ его уваженіемъ тавжнхъ жителей. Хохоль былъ оставленъ, что дало ему возможность безпрепятственно заняться сборами въ тайгу. Съ другого конца двора подошелъ топографъ, который вернулся еще рано утромъ, послѣ охоты на медвѣдицу, довольно неудачной, ибо медвѣдица, почуявъ человекъ, ходила всю ночь вокругъ и около, а на выстрѣлъ не попалась. Онъ, немного поспавши послѣ охоты въ пустомъ амбарѣ, былъ уже готовъ къ отправленію. За нимъ шелъ мужичокъ съ рыжеватой бородкой и съ елейной фізіономіей. Все лицо его осклаблялось отчасти лукавой, отчасти почтительной улыбкой. Маленькіе глаза глядѣли умно и насмѣшливо.

— А я вамъ еще проводника привелъ, П. И., — проговорилъ топографъ: — отлично знаетъ тайгу и проведетъ отъ Кон-

дата до Тойлока, рекомандую — „отче“ Абрамій. Кланяйся „отче“! — и онъ засмѣялся.

— Здравствуйте, ваше в-дѣ, ужъ возьмите пустынноика-то, меня грѣшнаго, раба божія Абрамія! — и „отче“ низко поклонился, по прежнему ослабившись.

— Хорошъ пустынноикъ! — проговорилъ весело топографъ: — уже троихъ дѣтей имѣеть.

— Все по силамъ, ваше в-дѣ, сколько вмѣститъ могу, — отозвался Абрамій.

Я изъявилъ свое согласіе, весьма заинтересованный „пустынникомъ“.

— А ты насъ не удержишь сборами? — спросилъ я его.

— Святой Никола да Іоаннъ Столпникъ помогутъ собраться отшельнику, да много ли мнѣ и надо, — былъ бы хлѣбушко да водица, — говорилъ „отче“ смиренно.

— Такого, я вамъ скажу, чудака, какъ этотъ „отче“, я не видывалъ никогда, — проговорилъ топографъ. — Ну, и штукарь же!..

— Чтѣ вы-съ... помилуйте!.. какія у грѣшника штуки! были бы въ тайгѣ ноги да руки, — свромно и елеинымъ голосомъ возражалъ „отче“.

Условіе было заключено, и Абрамій съ Игнатіемъ приняли на себя обязанности проводниковъ по глухой тайгѣ.

— Ну, братцы, собирайтесь живѣе! — крикнулъ топографъ на рабочихъ, и мы съ нимъ пошли подкрѣпляться чаемъ „съ прикусой“ (по-сибирски) въ горницу, гдѣ уже расторопная Парасковья, въ городскомъ платьѣ, раскраснѣвшаяся въ хлопотахъ по кухнѣ, разставляла вокругъ кипящаго огромнаго самовара подрумяненные булочки, пирожки, блюдо съ малиной и прочую снѣдь. — Прикушайте передъ дальней дорожкой-то! — уговаривала она насъ. Мы, конечно, не заставили ее долго упрашивать и основательно принялись за ѣду, стараясь не терять времени передъ тѣмъ моментомъ, когда явится одинъ изъ рабочихъ съ вѣстью, что „все готово“.

III.

Вотъ уже третій день, какъ тянется нашъ караванъ по тайгѣ. Впереди открываетъ шествіе „отче“ Абрамій, съ неизмѣнными прибаутками подхлестывая свою рыжую кобылу, за которой бѣжитъ съ веселымъ видомъ Манерка, его собака. За нимъ ѣдетъ Никифоръ Игнатъевъ, имѣющій видъ бандита въ своей широкой шапкѣ съ трубой въ рукахъ; сзади него ѣдемъ мы съ топогра-

фомъ, подъ которымъ идетъ громадная лошадь, называемая имъ „баланчой“; за нами двигаются два вьючныхъ коня и лошадь съ однимъ изъ устающихъ рабочихъ, каковымъ большею частью оказывался Костя Сухоплюевъ. За конями идутъ пѣшие, хохолъ, неизмѣнный предметъ шутокъ остальныхъ рабочихъ-сибиряковъ, Дементій и Иванъ, имѣющій обязанности повара и никогда не упускающій случая набрать грибовъ по дорогѣ въ платокъ или мѣшокъ, или малины въ туюсь, почему онъ всегда оказывался въ арьергардѣ съ молодымъ Тихономъ, котораго звали то Павломъ, то Тихономъ. Послѣдній киржачилъ, то-есть, придерживался строго старовѣрства и держался молча и въ сторонѣ. По бокамъ бѣжали бодро, перескакивая черезъ всѣ препятствія, наши собаки-друзья Соколка и Черныакъ, и еще одна приставшая собачонка. До сихъ поръ это собачье трио не выражало особеннаго интереса къ путешествію, ибо мы ѣхали отъ рѣки Чети по „бѣлымъ никамъ“ (березово-осиновымъ насаждениямъ) и по мѣшавному лѣсу; встрѣчались только бѣлки, сидяція на высокихъ пихтахъ и еляхъ, на которыхъ собаки лаяли рѣдко и какъ бы по обязанности. Когда мы, въ силу новизны, слѣзали съ коней и кто-нибудь изъ насъ подстрѣливалъ еще не выдержанную по мѣху бѣлку, оказывавшуюся или рыжею, или черноватой (подполью), собаки вели свою линію, но, увидѣвъ наше пренебреженіе къ бѣлкамъ, лѣниво тявкали на нихъ и бросали въ концѣ концовъ это дѣло. Манерка почти не лаяла, а ловила болѣе мышей и потѣшно скакала за ними.

— Зачѣмъ ты эту собаку водишь съ собой, отче?—спрашивалъ съ улыбкой топографъ: — вѣдь она къ охотѣ негодна, хлѣбъ только переводить. — „Э, баринъ, она дорогая мнѣ собачка; еслибы не она, такъ не ѣздить бы мнѣ съ вами“,—сладкимъ голосомъ отвѣтилъ Абрамій. — Какъ такъ? — „Понятно, безъ Никола многомилостиваго и его помощи дѣло не обошлось“. — Ну, рассказывай. — „Наняли меня наши киржаки поваренкинскіе да рубинскіе ладить вынѣшней зимой дорогу; выѣхалъ я это съ Манеркой одинъ, я да Богъ, да Никола угодникъ, вотъ и всѣ тутъ, да еще савраска съ санками; лажу я дорогу, то-есть, пни срубаю да снѣгъ раскапываю, и потрудился я такъ съ равняго утра до поздняго вечера... Какъ смеркаться стало, я и не примѣтилъ; мнѣ бы къ зимней избушкѣ, что на пути, а я стукъ да стукъ, весь день и простуквалъ, а вечерокъ-то и подступилъ, а по дорогѣ-то попался пенъ большу-ущій,—какъ на грѣхъ, видно, лукавый подставилъ мнѣ; я около него возиться сталъ, вдругъ моя Манерка какъ бросится отъ меня въ сторону

да какъ залазеть! Я за бердянку свою схватился, жду, что будетъ, да и думаю: вѣрно куропатки; а вмѣсто куропатокъ зашевелилось, шагаѣтъ такъ въ тридцати, черное чудовище, да какъ зарычитъ на меня! Не взвидѣлъ я свѣта, сердце—тукъ да тукъ, а медвѣдь-то,—это онъ былъ,—бѣжить на меня, а Манерка-то, голубка, такъ и заливадается, да сзади его хватается, ходу ему большого не даетъ. Онъ пробѣжитъ шаговъ пять, да назадъ огрызнется. Я присѣлъ за пень, бердянку наставилъ съ патрономъ,—думаю, что будетъ, а выпалю. Медвѣдь-то—въ пню, да ужъ лапы положилъ на него; я—бацъ въ него, прямо ему въ грудь; онъ—назадъ,—вѣрно ловко угодило, да не совсѣмъ, и пошелъ удирать отъ меня во всю! Я по кровавому слѣду за нимъ съ Манеркой, тутъ ужъ храбрости набрался. Понятно, не догналъ, а его все-таки прогналъ... Потомъ, какъ весной охотники рубинские убили его, такъ по пулѣ-то моей узнали, что это тотъ же медвѣдь, пуля-то заросла мясомъ, рубецъ лишь остался... матерущій медвѣдь былъ "...

— Вишь, какая собака у тебя дошлая! — промолвилъ Никифоръ.

— А вотъ и тайга-матушка начинается!—сказалъ Абрамій.

До сихъ поръ, когда шли бѣльники съ высокими березами и осинами, хохоль, не знавшій усталости, все изумлялся. „Жерди, жерди-то какія!“—говорилъ онъ, останавливаясь и загибая высоко голову на стройныя осины, стоявшія сѣрыми колоннами, до самой вершины оголенные и покрытыя группами лишаевъ и мховъ.

— Вотъ бы настроилъ избѣ-то,—говорили ему въ тонѣ рабочіе. — Да ты шапку-то не потеряй, неровенъ часъ—шею вывернешь. Небось, у себя не видалъ такого добра; деревцо-то у васъ отъ деревца, поди, за версту стоитъ?

Первое моховое болото дало себя знать и лошадямъ, и людямъ, избаловавшимся за два дня прохожденія по сухимъ бѣльникамъ. Изумрудно-зеленый, издали бархатно-мягкій покровъ изъ сфагновыхъ мховъ съ торчащими среди него высокими, бурчавыми кедрами и съ корявыми березами, уныло повосившимися, затягивалъ въ себя; лошади то-и-дѣло проваливались; приходилось снимать вьюки, вытаскивать бьющихся лошадей, а за болотомъ чернѣла глухая тайга сплошной стѣной, безъ просвѣту. Въ ней было тихо и мрачно; уныло каркала одна кедровка, эта „таежная ворона“; не было слышно ни свиста рябчиковъ, которыхъ мы изрядно пострѣляли по бѣльникамъ, ни мельканья бѣлокъ. Наши путники, особенно новички, насупились и затихли. Пошелъ

„пихтачь“, черезъ который было трудно пробраться; доставалось лошадямъ съ вьюками, которые то-и-дѣло задерживались между густо растущими пихтами и елями.

— А это что за тропинка? — вдругъ спросилъ топографъ. И дѣйствительно, среди густого пихтача показалась какъ бы изъ земли выросшая дорожка, ведущая къ болоту, оставшемуся за нами. Абрамій какъ будто не слыжалъ и дальше протискивался черезъ „пихтачь“, оставивъ насъ. — Эй, ты, „отче“, куда прешь? крикнулъ топографъ: — остановись! — Тотъ остановился, и мы къ нему подѣхали.

— Куда эта дорожка ведетъ, Абрамій? — спросилъ я его. Онъ видимо смутился.

— Да ты не финти, братъ, а сказывай! — допытывалъ его топографъ.

— Да тутъ старушка одна спасается, ваше б—діе, — проговорилъ онъ медоточивымъ голосомъ, какъ бы извиняясь.

— Такъ что ты скрываешь-то? Веди насъ къ ней!..

— Да она испужается больно; гляди, какъ бы со страху не умерла.

— Да какъ звать старуху-то? — спросилъ Костя Сухоплюевъ. — Можетъ быть, молодуха тебѣ знакомая, да ты скрываешь...

— Показать не хочетъ, еще киржачить! — заговорили молодые.

— Чтобъ пропасти на васъ не было! — окрысился „отче“ съ напускнымъ гнѣвомъ. — Миѣ ли, пустынноку, заниматься такими дѣлами!.. тьфу... Матерь Божія!.. Древняя она старуха, старая, убогая; зовуть ее, — ужъ все вамъ сказать, — Анной Дмитріевной.

— Ну, и веди насъ къ ней! — крикнули мы ему... Повернули на тропинку. Тропинка шла по глухой тайгѣ, но довольно сухой, обходя задомъ отъ свалившихся старыхъ пихтъ и елей; наконецъ, версты черезъ полторы просвѣтлѣло; показались березы, кустарники таволги и черемухи, и къ нашему удовольствію, на высокомъ и сухомъ бугрѣ, очутившемся какъ оазисъ въ хвойной тайгѣ, среди кудрявыхъ березъ и осинъ съ развѣсистой рябиной, появилась словно изъ-подъ земли приземистая избушка, около которой зеленѣли грядки, засаженные разною овощью, съ огурцами включительно. За маленькимъ огородомъ виднѣлся журавль отъ колодца, за которымъ невдалекѣ сочился маленькій ручеекъ. Картина была веселая и умильная по своей миниатюрности. „Ай да бабушка, ай да старушка, какую она себѣ хату выстроила! Вотъ такъ хибарка!.. чудо, чудо!“ — удивлялся хохоль. Изъ избушки, въ которой овазались окна и дверь, выскочила

черная собачка и провзительно залаяла. Наши псы сейчас же ее окружили, солидно обнюхивая друг друга.

— Какъ ее увидать-то намъ теперь?..—проговорилъ Абрамій.—Вѣдь она къ намъ не выльзетъ; поди, легла и пританлась...

— Что ты ломаешься! — крикнулъ Никифоръ.—Ступай къ ней въ избу, ты вѣдь святой!.. Ступай, ступай, отче!—заговорили мы. И „отче“ вряхтя, слѣзъ съ лошади и, не торопясь, полѣзъ въ хату.

— Вишь, плутина какая!—проговорилъ Никифоръ:—хотѣлъ вѣдь насъ провести мимо тропы.

— Не любятъ, видно, киржаки своихъ-то святыхъ показывать,—замѣтилъ Костя.

Прошло нѣсколько минутъ въ ожиданіи, и Абрамій вышелъ изъ хаты со словами:—Насилу поднялъ, обмерла со страху; я ужъ ее уговаривалъ, что худого ничего не будетъ. Ну и старуха! — Черезъ минуту на порогъ появилась вся въ черномъ древняя старуха, которая не вышла, а просто выползла изъ избы и съ трудомъ дотащилась до самой лошади, стоявшей впереди. Дотащилась и стала на колѣни, простирая ко мнѣ руки.

— Да что ты, бабушка, чего ты боишься? Развѣ мы худое пришли тебѣ сдѣлать? Встань, встань!—старался я успокоить ее.

— Не могу, батюшка, охъ, не могу!—зашамкала старуха.— Не погуби, кормилецъ, дай съ поканіемъ умереть! Вѣдь ужъ ходить почти-что не могу, все хвораю; добрые люди навѣщаютъ, хлѣбушка приносятъ. Ужъ давно пора умирать, одинокая я, горемычная, душу спасаю свою... Пощади, кормилецъ!

— Да живи съ Богомъ, бабушка, никто тебя изъ насъ не тронетъ. Вотъ только, какъ одна-то ты здѣсь живешь, ни звѣря никого не боишься?—говорилъ я ей, сойда съ лошади.

— Ничего, кормилецъ, звѣрь меня не трогаетъ, щадитъ мою старость; намеднись медвѣдушка вечеромъ-то постучался ко мнѣ въ окно лапой, а я ему грожу изъ избы: пошелъ ты, ничего у меня нѣтъ. Онъ пофыркалъ, поскребся въ дверь, да и ушелъ... Погоди, батюшка, я тебѣ принесу на дорожку,—и старуха ползлась въ избу, какъ видно, освоившись съ нами. Всѣ спутники наши только ахали отъ изумленія и качали головами. Старуха вскорѣ опять появилась, держа въ рукахъ яйца и протянула ихъ мнѣ.

— Покушай, родимый, съ дорожки! Небось, въ тайгу-то неволя завела,—проговорила она.

— Что ты, бабушка, мы сыты, намъ ничего не нужно отъ тебя, ты вѣдь одна живешь,—и съ этими словами я протянулъ

ей нѣсколько серебряныхъ монетъ. Она такъ и отшатнулась, увидѣвъ деньги.

— Что ты, что ты, кормилецъ, не надо, не надо! Еще убьютъ меня здѣсь съ деньгами-то. Нѣтъ, господинъ, я денегъ не беру въ тайгѣ. Вотъ, если милость будетъ, оставьте маленько деньжонокъ на заимѣ у Михея Бабкина; онъ богобоязливый человекъ, мнѣ хлѣбушка купить. Водички испить не хотите ли—студеная въ колодцахъ, а я, простите меня, старую, въ избушку пойду полежать, — и она отъ насъ удалилась въ свою келью. Всѣ пошли къ колодцу, изъ котораго бадейкой, съ помощью самаго примитивнаго журавля, достали воды, обзавшейся весьма вкусной и свѣтлой.

День вловился къ вечеру, когда мы опять потянулись, обвиняясь впечатлѣніями по поводу удивительной старухи. Абрамій видимо прибавлялъ шагу и съ безпокойствомъ оглядывался по сторонамъ. Въ тайгѣ становилось темнѣе, и вся зелень мховъ и немногихъ цвѣтковыхъ растений принимала болѣе мрачный колоритъ.

— Гдѣ же мы будемъ ночевать, отче? — спросилъ его топографъ. — „Да вотъ я и поглядываю, что надо намъ къ острову придти, что на рѣкѣ Кандатѣ,—и съ этими словами онъ вынулъ компасъ, привѣшенный на бичевѣ, по таежному обычаю, и спрятавший за пазухой.—Правильно идемъ, какъ будто,—проговорилъ онъ въ раздумьи и вдругъ соскочилъ съ лошади.—„Что ты это!“—крикнули мы ему.—„Да пользуй-ка я на боловольню“.

При этомъ онъ на минуту скрылся за стволомъ высочайшаго кедра и въ удивленію своему мы увидѣли его взбирающимся, какъ бѣлка, по гладкому почти стволу ввысь. Его кожаные штаны, въ которые онъ облачился, шуршали по кедровой корѣ, пока онъ не добрался до первой вѣтки. „Вотъ и до неба недалеко“,—говорилъ онъ намъ сверху, сбрасывая кедровыя шишки. Еще прошло нѣсколько мгновений, и онъ очутился на самой верхушкѣ высочайшаго кедра, безстрашно покачиваясь. „Эка благодать-то!“ слышалось оттуда; видно, что онъ чувствовалъ себя на такой страшной высотѣ,—отъ которой, стоя на землѣ, становилось жутко,—какъ у себя дома. Вскорѣ онъ слѣзъ, встряхивая съ себя куски древесной коры, облѣпившей его. „И былъ я восхищенъ на небо, братіе,—заговорилъ онъ пѣвучимъ голосомъ,—и привидѣлось мнѣ видѣніе, и чудеса же я узрѣлъ... видѣлъ я зеленое поле безъ конца, а среди его близко и водичку; къ водичкѣ-то этой мы и пойдемъ,—Богъ милостивый да Никола и доведутъ“,—и онъ вкларбался на свою савраску, вставши пред-

варительно на ближайшій пенъ, чтобы легче было занести ногу на сѣдло, изъ-подъ котораго висѣли широкіе мѣшки.

Наши путники, приунывшіе-было въ виду наступающей темноты, подбодрились, обмѣниваясь разными соображеніями по поводу „хитроумія“ Абрамія. Дѣйствительно, не задолго до наступленія ночи мы очутились на берегу Чиндата, протекавшаго среди тайги и образовавшаго въ этомъ мѣстѣ нѣчто въ родѣ острова или скорѣе полуострова, причемъ противоположный берегъ узкимъ мысомъ вдавался въ рѣку и представлялъ удобное мѣсто для разбитія палатки, покрытое черемушникомъ (кустарникомъ, состоящимъ изъ ивъ, черемухи и черной ольхи). Кормъ для лошадей оказался на томъ берегу, гдѣ мы стояли, ибо у самой рѣвки расположенъ былъ мѣшанный лѣсъ. Раскинуть же палатку рѣшено было на „островѣ“ для ночевки. Такимъ образомъ нашъ караванъ раздѣлился на двѣ части. Иванъ, въ качествѣ повара, переправился съ нами на „островъ“, причемъ въ видѣ моста были переброшены двѣ тутъ же на берегу срубленные ели, изъ которыхъ одна служила перилами, а другая—мостомъ. Остальная часть каравана осталась ночевать при коняхъ, за исключеніемъ Абрамія и Тихона, которые кочевали съ одного берега на другой, трудясь надъ разбивкой палатки. Собаки наши остались съ лошадьми на другомъ берегу, за исключеніемъ Манерки, перебѣгавшей съ необычайною ловкостью по бревну съ одного берега на другой.

Сдѣлалось совсѣмъ темно; развели костеръ, освѣтившій угрюмую обстановку дѣвственнаго лѣса. За узкимъ мысомъ по обѣ стороны блестяла вода, на поверхности которой нарѣдка всплескивала рыба. Отраженіе отъ костровъ протянулось двумя огненными полосами по рѣкѣ, и отъ этого фантастическаго свѣта огромныя деревья, стоявшія по обоимъ берегамъ и склонившія свои вершины надъ водою, рисовались на темномъ фонѣ неба сказочными гигантами, съ громадными ризами и нахлобученными шапками. Говоръ рабочихъ, звяканье колокольчиковъ, привязанныхъ къ конямъ, щипавшимъ траву со спутанными ногами, заставлявшими ихъ скакать отъ времени до времени, трескъ пылающихъ сучьевъ, — все это нарушало таинственную тишину ночи среди мрачнаго лѣса и разсѣивало жуткость и неловкость, которыя невольно испытываются среди лѣсного мрака.

— А вотъ мы съ отцомъ Павломъ и груздей набрали, — раздался успокоительный голосъ около нашей палатки, въ которой уже мы растянулись на разложенныхъ кошмахъ, довольно утомленные сдѣланнымъ переходомъ:—сейчасъ мы грибовницу будемъ варить,—тавъ, Павелъ?.. Вотъ какая милость Божія на

насъ сошла, всѣхъ Господь питаетъ,—говорилъ онъ наставительно,—не по грѣхамъ нашимъ.

— А грѣховъ-то много у тебя?—отозвался топографъ.

— Много, баринъ!—усмѣхнулся Абрамій.—Вотъ мы нашу грибовницу съ отцомъ Павломъ скушаемъ,—говорилъ онъ, возясь у костра и поворачивая котелокъ, висѣвшій на шестѣ рядомъ съ нашимъ чайникомъ и котломъ, причемъ лицо его дѣлалось отъ огня темно-краснымъ, а борода просвѣтлѣла,—а потомъ, значить, когда наши утробы насытятся, коли угоднои святыне допустить и смерть къ намъ не придетъ до самаго этого времени, я вамъ одинъ случай о грѣхѣхъ и расскажу.

— Или помирать собрался скоро?—раздался голосъ Кости, который пришелъ къ намъ за топоромъ съ другого берега.

— Зачѣмъ помирать, Костенька!—авось Нивола этого скоро и не допустить,—говорилъ Абрамій, уже набивая себѣ ротъ хлѣбомъ, который онъ жевалъ, хлопоча около грибовницы. Намъ подали въ палатку ужинъ, состоявшій изъ неизмѣнныхъ рябчиковъ, и въ жареномъ, и въ вареномъ видѣ, которые намъ уже порядкомъ надоѣли, ибо изъ десятка подстрѣленныхъ штуки три за день протухли совсѣмъ, а остальные были съ маленькимъ душкомъ.

Съ другого берега раздавались гулко и отчетливо голоса рабочихъ среди ночной тишины; между ними слышался больше всего голосъ Никифора, повѣствовавшаго о своихъ многочисленныхъ звѣринныхъ встрѣчахъ на охотѣ, за которую онъ проводилъ большую часть своей жизни. Когда я вышелъ изъ палатки, чтобы нѣсколько размять ноги, затекшія отъ десятичасовой верховой ѣзды въ течение дневного перехода, я залюбовался картиной ночи въ тайгѣ, съ пылающими кострами среди темнаго фона угрюмой лѣсной чащи, съ блестящей рѣкой въ огненныхъ полосахъ, отражающихъ костры, и видомъ нашей палатки, которая отъ горѣвшей внутри свѣчи казалась свѣтлою и прозрачною, какъ бы сотканной изъ свѣтлой, воздушной ткани. Голоса стали затихать, рабочіе укладывались, а нѣкоторые уже храпѣли, подложивъ подъ головы котомки и мѣшки и покрывшись зипунами (армяками). Огонь въ кострахъ началъ догорать, и синеватые языки ходили по огненнымъ головнямъ, наваленнымъ другъ на друга. Раздавался тихій трескъ отъ горѣвшихъ головней, въ которыхъ переливались огненные цвѣта, то болѣе яркіе, то темные, то вспыхивая мѣстами, то погасая. Клонило ко сну, и я, залѣзши въ палатку, въ которой топографъ уже спалъ, растянулся на кошмѣ и началъ дремать подъ тихую трескотню потухающаго костра.

Не успѣлъ я еще хорошо заснуть, какъ надъ моимъ ухомъ раздался голосъ Павла:— „Баринъ, къ намъ изъ тайги медвѣдь подходитъ!“—Гдѣ?!—спросилъ я, поднимаясь съ кошмы и хватаясь за ружье, лежавшее около меня.— „Недалеко отъ палатки хрустнуло, да и не разъ“.—Я вылѣзъ изъ палатки и, зарядивъ оба ствола пулевыми патронами, началъ прислушиваться, напряженно вглядываясь по указанію Павла. Около палатки видѣлись темные силуэты черемушника, колеблемаго тихимъ вѣтромъ. За черемушникомъ надвигалась темная стѣна, въ которой ничего нельзя было разобрать. Раздался тихій трескъ, одинъ, другой... отъ ломаемыхъ сучьевъ подъ тяжелыми, но осторожными шагами. Всѣ собаки были на противоположномъ берегу и не могли слышать. „Выстрѣлите, баринъ, въ лѣсу, онъ тутъ не далеко ходитъ“,—тихо прошепталъ мнѣ Павелъ. Хотя мнѣ и жалко было потерять даромъ зарядъ съ пулями, но я выстрѣлилъ. Раздалось далеко по рѣкѣ длиннымъ эхомъ. Собаки проснулись и залаяли. „Что такое?“ послышался голосъ топографа изъ палатки. „Медвѣдь ходитъ около насъ“... Всѣ стали слушать. Черезъ минуту явственный трескъ раздался въ лѣсу. Скоро къ намъ подоспѣлъ съ другого берега Никифоръ съ собаками и началъ ихъ натравливать по направленію къ лѣсу. Псы стали обнюхивать ближайшіе кусты и скоро скрылись. „Напали на слѣдъ проклятаго“,—проговорилъ тихо Никифоръ. Мы стояли съ ружьями наготовѣ. Раздался собачій лай. „Нашли!“—прошепталъ Никифоръ.— „Пойдемте туда!“—проговорилъ топографъ.— „Темно, баринъ, стрѣлять нельзя; вѣдь такъ темно, что, неровнѣе часа, на самого его наскочишь“,—говорилъ Никифоръ. Еще нѣсколько моментовъ тяжелаго ожиданія, и раздался дикій ревъ звѣря, а за нимъ послышался азартный лай. „Пойдемъ за нимъ!“—крикнулъ топографъ и бросился въ кусты. Мы пошли за нимъ, ежеминутно спотыкаясь о сучья и переплетенныя между собою вѣтви цѣпкаго кустарника. Слышался въ отдаленіи трескъ отъ удаляющагося звѣря. Ревъ раздался дальше, покрываемый собачьимъ лаемъ. „Уходитъ!“—проговорилъ съ досадой Никифоръ и остановился.— „Не догнать его ночью, ни зги не видать... кабы въ костру подошелъ“... Добравшись до первыхъ таежныхъ елей и пихтъ, мы остановились. Ревъ раздавался далеко и чуть слышно. Скоро все затихло.

Я проснулся на зарѣ и сѣлъ у палатки. Вся природа пробуждалась. Вотъ, шелестя крыльями и торопясь, пролетѣли утки надъ рѣкой; высоко въ небѣ, размахивая громадными крыльями, пролетѣлъ большой глухарь; вырпнулъ вальдшнепъ и спрятался въ

чащу; затрещала кедровка;—словомъ, началась лѣсная жизнь пернатыхъ, жизнь, оживляемая присутвіемъ рѣки, несущей живительную влагу для каждаго живого существа. Утренній туманъ разсѣялся и показалось солнце; вся тайга просвѣтлѣла, рѣчка засеребрилась и засверкала, и радость пробудившейся природы сообщилась успокоившемуся сердцу, встревоженному ночными страхами.

IV.

Чѣмъ дальше мы двигались отъ р. Чиндата по направленію къ старовѣрскимъ займамъ, тѣмъ болѣе восхищались той мѣстностью, по которой пришлось проходить. Таежныя заломы смѣнились ровной площадью, покрытой мелкимъ березнякомъ съ почвой, одѣтой пестрымъ ковромъ цвѣтущихъ разными оттѣнками луговыхъ травъ. Мало того, среди березняка попадались цѣлыя луговые поляны, просіяныя подъ сѣнокосъ или пашню. „Старцы“ не даромъ здѣсь поселились; долго они вѣроятно ходили по тайгѣ, пока не нашли для себя новой ханаанской земли, столь пригодной для культуры. На этой высокой мѣстности не встрѣчалось болотъ; если бы не дождикъ, портившій намъ настроеніе, это бы было не путешествіе, а прогулка. Наши кони также не могли оставаться равнодушными къ такой благодати, и моя лошадь, какъ и остальные, то-и-дѣло нагибала голову, чтобы схватить сочный листъ или вѣтку какого-либо зонтичнаго, „оробуса“ или мышиннаго горошка. Приходилось натягивать узду и силой отрывать лошадиную морду отъ лакомаго кушанья, чтобы только далѣе двигаться. Наши рабочіе и проводники были въ прекрасномъ настроеніи духа, даже нерѣдко пытались затащить пѣсню; когда же дождикъ прекратился и показалось солнышко, совсѣмъ стало весело на душѣ. Къ довершенію благополучія, на пути встрѣтился густой малинникъ на большомъ пространствѣ, съ пропастью ягодъ. Пѣшіе рабочіе въ немъ совсѣмъ утонули, увлекшись ѣдой и сборомъ малины. Они просто садились около какого-нибудь куста, особенно краснѣвшаго ягодами, которыя на солнцѣ даже просвѣчивали и краснѣли, будучи смочены каплями дождя, и манили каждаго своей величиной и спѣлостью. Пришлось на нѣсколько минутъ остановиться, пока не насытятся. Они сами ѣли и намъ подавали цѣлыя кусты съ крупнѣйшими ягодами. „Все равно въ тайгѣ пропадутъ,—говорили они,—медвѣдю да старцамъ все добро не съѣсть“. И дѣйствительно, этого добра было множество.

Вдругъ Артемій сталъ пристально смотрѣть вправо на деревья. „Рябчики, баринъ, сѣли,—слышите, посвистываютъ, идите стрѣлять!“—шопотомъ проговорилъ онъ. Собаки уже замѣтили и побѣжали въ ту сторону. „Никифоръ, придержи собакъ!“—крикнулъ ему топографъ, снимая ружье изъ-за плеча,—а то опять бросятся и разорвутъ“.

У Соколки,—потому-ли что Никифоръ мало его кормилъ,—но была для охотника скверная привычка, образовавшаяся на звѣриной охотѣ: схватывать подстрѣленного рябчика и тотчасъ его разрывать. Это бѣсило страшно, и разъ едва въ него не былъ пущенъ зарядъ за это. Мы пошли съ Абрамомъ въ ту сторону, гдѣ сѣлъ табуновъ рябчиковъ. Топографъ сталъ приманивать ихъ пищикомъ. Они стали отклеиваться. У Абрама были великолѣпные глаза, а при охотѣ на рябчиковъ это чрезвычайно важно, ибо они, слышавъ погоню, имѣютъ обычай сокращаться, и такъ прижмутъ голову, что принимаютъ видъ сѣрой кочки на деревѣ. Если долго стоять у дерева безъ движенія, то можно увидѣть, какъ эта кочка зашевелится, и вытянется шея рябчика. Артемій же различалъ отлично рябчика въ видѣ такой кочки на деревѣ. „Смотрите, баринъ, вонъ, прижался на сучкѣ!“—проговорилъ онъ шопотомъ, указывая на березу. Дѣйствительно, сразу его никакъ не разберешь на высокой березѣ или осинѣ. Но, приглядѣвшись, я выстрѣлилъ, и кочка, оказавшаяся рябчикомъ, свалилась. Послѣ перваго выстрѣла начинается безпокойство среди табуна и перелетъ рябчиковъ, которые, впрочемъ, далеко не улетаютъ, а скоро садятся на ближайшую березу или осину, откуда ихъ можно уже легче высматривать по направленію перелета. У насъ пошла пальба, рябчики валились; собаки хотя и бросались, но ихъ били и удерживали; одного рябчика все-таки прозѣвали, и Соколка имъ полакомился, за что былъ сильно поученъ Никифоромъ. Послѣ этой остановки мы опять двинулись.

П. И. Соколовъ.

МОЯ ЖИЗНЬ

И

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

1832—1884 гг.

Воспоминанія и замѣтки.

Окончаніе.

ХІІ *).

Семидесяте годы.—Славянское движеніе и берлинскій конгрессъ.—Университетская жизнь и опасенія университетской реформы.—Пріѣздъ въ Кіевъ графа Д. А. Толстого.—Коммиссія для пересмотра устава.—Временныя правила 1879 года.—Студенческія волненія и университетскій судъ.—Мои научныя работы въ 70-хъ годахъ.—Моя болѣзнь и поѣздка за границу въ 1881 году.—Университетскія дѣла до введенія новаго устава 1884 года.

Въ исторіи не часто встрѣчаются моменты, запечатлѣнные такимъ своеобразнымъ характеромъ и представляющіе таковой глубокой интересъ, какъ наши семидесяте годы. Угрюмые и скептическіе, они смѣнили полныя вѣры и надежды шестидесяте годы, когда такъ легко жилось и такъ искренно вѣрилось. Какъ объяснить эту перемѣну въ настроеніи общества? Страна только-что получила рядъ великихъ реформъ, способныхъ оживотворить

---

*) См. выше: май, 181 стр.

народную жизнь, поднять и ободрить духъ общества:—упразднено было крѣпостное право, дарованъ скорый и правый судъ, земство и города получили самоуправленіе, воинская повинность распространена на всѣ общественные классы, университеты получили правильную организацію, построенную на началѣ автономіи. Казалось бы, такія реформы могутъ удовлетворить самую требовательную прогрессивную программу. А между тѣмъ общество все чего-то ждало, чего-то еще хотѣло, очевидно, боясь за судьбу великихъ реформъ, которыя начала подтачивать реакція.

Духъ пессимизма и недовольства быстро овладѣлъ всѣмъ обществомъ: недовольны были высшіе и богатые общественные классы; недовольна была интеллигенція; недовольны были классы торгово-промышленные, а о крестьянствѣ и говорить нечего—малоземелье начинало угнетать его. Героемъ дня во внѣшней полпикѣ въ это тяжелое время дѣлается Бисмаркъ съ его оригинальной этикой, построенной на началѣ—„*beati possidentes*“; борьба за существованіе у Дарвина придавала частной морали своеобразную окраску. Славянское движеніе какъ-будто хорошо сначала подѣйствовало на настроеніе русскаго общества, но подъ знамена Черняева собрались, подъ другими именами, также и наши Ноздревы, Хлестаковы и Подхалюзины. Жертвы плевенскихъ неудачъ болѣзненно отзывались на насъ, а униженіе берлинскаго конгресса горько почувствовалось русскимъ обществомъ. Все это завершилось ужаснымъ днемъ перваго марта 1881 года...

На такомъ мрачномъ фонѣ развивалась въ 70-хъ годахъ и наша университетская жизнь. Надъ университетомъ нависла задумываемая графомъ Д. А. Толстымъ реформа. Въ академическую среду вторгся новый принципъ совмѣстительства: между товарищами подъ-часъ шла ожесточенная газетная война...

2-го мая 1872 года ректора Матвѣева замѣнилъ Н. Х. Бунге. Несмотря на всю безупречность веденія имъ университетскаго дѣла, имъ многіе были недовольны, такъ какъ онъ не могъ быть такимъ пассивнымъ ректоромъ, каковымъ былъ Матвѣевъ. По своей рабочей и вмѣстѣ талантливой натурѣ онъ не могъ оставаться безъ почина, а въ этомъ усматривали посягательство на автономію совѣта. Бунге всегда принималъ къ сердцу студенческую нужду, придумывая мѣры противъ нея; онъ улучшилъ „Университетскія Извѣстія“, которыя въ значительной степени были его созданіемъ. Его озабочивало устройство студенческаго отдѣла бібліотеки, которымъ онъ думалъ увеличить учебныя средства студентовъ; не карами, а увѣщаніями онъ думалъ бороться со студенческими

сходками и волненіями; его запросы историко-филологическому факультету по поводу незамѣченныхъ основныхъ каверъ были весьма категоричны... Во всемъ этомъ профессорскій кружокъ усматривалъ посягательство Бунге на права и привилегіи, дарованныя университету уставомъ 1863 года, и популярничанье предъ молодежью. Все это усиливало вражду и недоразумѣнія между членами университетской семьи, тогда какъ имъ слѣдовало сплотиться во-едино: надъ университетомъ уже нависла гроза еще невѣдомой, но какой-то тяжелой реформы. Мысль объ этой реформѣ отравляла университетскую жизнь въ теченіе цѣлаго десятилѣтія; общее настроеніе было вялое, апатичное: какъ будто всѣ были проникнуты мыслью, что университетскіе порядки не сегодня—завтра будутъ отмѣнены.

Отношеніе „Московскихъ Вѣдомостей“ въ уставу 1863 года на первыхъ порахъ было примирительное: когда забаллотированіе такого талантливаго ученаго, какимъ былъ В. И. Герье, вызвало протестъ въ нѣкоторыхъ органахъ печати, „Русскій Вѣстникъ“, въ 1868 году, тѣмъ не менѣе защищалъ и отстаивалъ принципъ университетскаго самоуправленія. Борьба съ уставомъ началась со времени забаллотировки Леонтьева, друга Каткова. Въ 1872 году сообщено было совѣту предложеніе министра попечителю, гласившее, что въ теченіе шестилѣтняго управленія министръ нашелъ многіе недостатки въ уставѣ 1863 года, которые будутъ предметомъ обсужденія комиссіи для пересмотра этого устава; при этомъ министръ предложилъ членамъ совѣта высказать свои мнѣнія по университетскимъ вопросамъ. Совѣтомъ былъ назначенъ комитетъ для этого дѣла.

Въ сентябрѣ 1873 года самъ гр. Толстой пріѣхалъ въ Кіевъ. Знакомство съ университетомъ онъ началъ съ моей лекціи по русскому государственному праву. Онъ сидѣлъ прямо противъ меня, и до сихъ поръ мнѣ живо представляется его оригинальное лицо, холодное, какъ бы застывшее. Толстой довольно долго пробылъ въ Кіевѣ, проживая у своего родственника Демидова. Какъ-то онъ созвалъ профессоровъ и директоровъ гимназій на чашку чая. Это именно была „чашка чая“, такъ какъ ни о чемъ серьезномъ рѣчи не было. А мы надѣялись узнать что-нибудь о задуманной университетской реформѣ. Такая таинственность особенно насъ смущала.

Дѣло не выяснилось и въ 1875 году, когда къ намъ прибыла наконецъ комиссія, въ составъ которой входили А. И. Георгіевскій и Любимовъ. Эта памятная комиссія, подъ предсѣдательствомъ Делянова, руками котораго гр. Толстой хотѣлъ провести

свою университетскую реформу, приглашала для опроса каждого профессора въ отдѣльности; каждому предлагались вопросы, сквозь которые свѣтилась задняя мысль—иронія и презрѣнiе къ существующимъ университетскимъ порядкамъ. Отвѣты на эти вопросы, сколько помню, записывались Георгіевскимъ. Иногда эти отвѣты вызывали переглядываніе членовъ комиссіи. Всему этому придавалось что-то таинственное, инвизиціонное.

Затѣмъ, въ 1876 году, образована была комиссія для пересмотра устава: ректоръ Матвѣевъ отказался быть ея членомъ, и его замѣнилъ проректоръ Рахманиновъ. О дѣятельности этой комиссіи и о направленіи ея работъ мы ничего не знали, такъ какъ все дѣло продолжали вести въ секретѣ. Только временныя правила 1879 года, отмѣнившія должность проректора, замѣнивъ ее инспекторомъ, непосредственно подчиненнымъ попечителю, выдали затаѣнную мысль графа Толстого. Студенческія волненія того времени начались еще съ конца 60-хъ годовъ и почти-что не прекращались въ 70-хъ. Только тактъ ректора Бунге умѣлъ сдерживать эти волненія, не доводя ихъ до крайностей. Не стало этого такта, — волненія обострились и въ то же время сдѣлались предметомъ разбирательства университетскимъ судомъ, которому до тѣхъ поръ совсѣмъ не приходилось функционировать. Члены этого суда выбирались на одинъ годъ; сначала составъ измѣнялся, но мало-по-малу повторяли выборъ однихъ и тѣхъ же лицъ, такъ что они сдѣлались почти несмѣняемыми; въ число ихъ попалъ и я. На мою долю выпало разбирать два сложныя дѣла въ 1876 и 1878 годахъ. Въ декабрѣ 1876 года штатный доцентъ Цвѣтаевъ предложилъ студентамъ какую-то работу, въ отвѣтъ на что они сговорились не посѣщать его лекцій. Дѣло поступило на разсмотрѣніе суда, а потомъ на утверженіе совѣта и попечителя. Другое дѣло было болѣе важное и имѣло болѣе серьезныя послѣдствія: въ мартѣ 1878 года какой-то студентъ былъ арестованъ полиціей; товарищи потребовали заступничества университетскихъ властей. Въ студенческой лекторіи начались сходы, которыя продолжались съ 14-го по 20-е марта. Сходы избирали предсѣдателя; на нихъ говорились шумныя рѣчи.

Проректоромъ тогда былъ Митюковъ; какъ ни уважали его студенты, но настроеніе ихъ было таково, что и его увѣщанія не подѣйствовали. Не подѣйствовали и увѣщанія попечителя Антоновича, котораго также студенты чтили, зная его сердечное отношеніе къ нимъ. Предложено было участникамъ записать свои имена, что съ полною готовностью было ими исполнено; списки

эти представлены были проректоромъ въ судъ. Въ теченіе шести дней мы разбирали дѣло, допрашивая каждаго студента въ отдѣльности; но допросы эти не привели ни къ чему, такъ какъ подсудимые предъявляли требованія, чтобы допросы производились въ присутствіи всѣхъ обвиняемыхъ, а иначе они отказывались отъ показаній. Студенческой формы тогда не было, и мнѣ въ памяти запечатлѣлись широкополая шляпа, суковатая палка, русскія поддѣвки или малороссійскія свитки студентовъ. Судили мы въ то памятное время, когда одновременно въ Кіевѣ велись политическіе процессы. Подсудимые студенты были раздѣлены на четыре группы: къ первой отнесено пятьдесятъ человѣкъ, на три года исключенныхъ изъ университета; вторая группа—изъ семидесяти-пяти человѣкъ—на два года; третья—изъ десяти—на одинъ годъ, и послѣдняя—изъ нѣсколькихъ человѣкъ—приговорена была къ выговору. Интересно, что среди этихъ тогдашнихъ бунтарей находились такія лица, которые теперь занимаютъ довольно высокія мѣста: деканъ новороссійскаго медицинскаго факультета Подвысоцкій, профессоръ варшавскаго университета Горбь-Ромашкевичъ, извѣстный генераль-губернаторскій чиновникъ Никандръ Молчановскій и многіе другіе...

Приговоръ суда былъ внесенъ на утвержденіе совѣта, который принялъ его тридцатью-четырьмя голосами противъ четырехъ. Я помню, что при особомъ мнѣніи остался профессоръ Лучицкій, къ которому присоединился профессоръ Швярревскій. Я самъ находилъ приговоръ слишкомъ строгимъ, и когда дѣло перенесено было на окончательное утвержденіе попечителя, то я просилъ Антоновича смягчить участь нѣкоторыхъ приговоренныхъ. Въ оправданіе строгаго суда можно сказать, что онъ дѣйствовалъ при такихъ обстоятельствахъ, что приговоръ его не могъ быть болѣе мягкимъ. Результатомъ всѣхъ этихъ событій была перемѣна университетскихъ властей: уволились Матвѣевъ и Митюковъ. Перваго замѣнилъ Бунге, имѣвшій гражданское мужество взять на себя ректорство при такихъ смутныхъ обстоятельствахъ. Митюкова замѣнилъ Рахмановъ, но не надолго. Перемѣненъ былъ и составъ суда: совѣтъ оцѣнилъ всю тяжесть нашихъ полномочій и пожелалъ освободить насъ отъ нихъ, замѣнивъ насъ другими профессорами. Для изысканія же мѣръ къ прекращенію безпорядковъ среди студентовъ назначена была коммиссія изъ декановъ подъ предсѣдательствомъ проректора. Не припомню результатовъ дѣятельности этой коммиссіи, но въ концѣ мая 1878 года была назначена другая съ той же самой цѣлью.

Припоминая всѣ эти событія—этотъ судъ, эти студенческія

сходки и волненія,—я сравниваю ихъ съ тѣмъ, что творилось позже, и не могу не подчеркнуть слѣдующихъ чертъ: автономный университетъ въ 70-хъ годахъ былъ уже поколебленъ, но все-таки еще существовалъ. Этотъ автономный университетъ имѣлъ болѣе средствъ бороться съ необузданной молодежью, противопоставляя ей значеніе и достоинство университета, и какъ ни разнузданна была иногда молодежь и въ тогдашнее время, она все-таки чтילה и признавала авторитетъ своей *almae matris*. А теперь? Разрушенный и распавшійся на отдѣльныя составныя части, университетъ не имѣетъ никакихъ силъ бороться съ молодежью, которая беретъ верхъ надъ нимъ, оставаясь глухою и нѣмою къ значенію и достоинству храма науки. Что касается сравненія университетскаго суда съ судомъ правленія, то несомнѣнно, что первый былъ судомъ болѣе правильнымъ и справедливымъ, чѣмъ послѣдній, представляющій собой анахронизмъ соединенія суда съ администраціей.

По увольненіи Матвѣева, 7-го сентября 1878 года, ректоромъ, какъ мы сказали, былъ выбранъ Бунге. Это было тяжелое время: студенты еще не успокоились, продолжая сходки. Большинство членовъ совѣта требовало не компромисса, но строгихъ взысканій. Ректоръ Бунге не могъ слѣдовать этимъ указаніямъ, такъ какъ его университетская политика всегда основывалась на сердечномъ участіи къ молодежи. Стали раздаваться голоса, что ректоръ Бунге распускаетъ студентовъ, что онъ бьетъ на популярность. Не могу забыть полного достоинства заявленія ректора въ совѣтъ въ началѣ января 1879 года. Это были золотыя слова, которыя считаю нужнымъ выписать изъ протокола: „Во время бывшей попытки вызвать заявленія студентовъ на сходкахъ,—говорилъ Бунге совѣту,—не допускаемыхъ закономъ и дѣйствующими правилами университета, я пригласилъ нѣкоторыхъ студентовъ и заявилъ о своей готовности содѣйствовать всему, что можетъ прямо и косвенно способствовать ихъ научнымъ занятіямъ, оставаясь въ предѣлахъ устава и существующихъ правилъ. Смѣю думать, что совѣтъ, который почтилъ меня избраніемъ въ должность ректора, имѣлъ въ виду такого рода образъ дѣйствія съ моей стороны. Въ свою очередь прошу совѣтъ поддержать меня въ попыткѣ сдѣлать для научнаго образованія студентовъ то, что зависитъ отъ университета и общества“. При этомъ Бунге предложилъ совѣту избрать комитетъ, который бы изыскалъ способы содѣйствовать достиженію таковой цѣли. Таковой комитетъ и былъ избранъ.

Но время было слишкомъ смутное; университетская молодежь

была экзальтирована. Агитація шла извнѣ. Противъ нея была бессильна благородная политика Бунге: онъ очутился между двухъ огней—недовольствомъ беспокойныхъ студентовъ и недовольствомъ многихъ членовъ совѣта, требовавшихъ суровыхъ и крутыхъ мѣръ. Понятно, что Бунге было не по силамъ дотянуть до конца третья ректорство: 14-го марта 1880 года онъ заявилъ совѣту о выборѣ ему преемника.

Преемникомъ этимъ явился Теофилактъ.

Возвращаясь къ началу семидесятыхъ годовъ, остановлюсь предъ вопросомъ, какое вліяніе на мои литературные и ученые труды имѣли различныя впечатлѣнія и приключенія этого десятилѣтія? Не скажу, чтобы это время было вовсе непроизводительно, но все-же я былъ не въ силахъ работать, и работа шла тяжело и принужденно—не такъ, какъ въ пятидесятыхъ годахъ, когда я писалъ магистерскую диссертацию, или въ шестидесятыхъ, когда складывалась моя исторія русскаго дворянства. За изданіе своего курса по русскому государственному праву я принялся еще въ 1870 году, печатая его въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“, а потомъ—выпусками. Я приостановилъ третій выпускъ вслѣдствіе того, что въ немъ должно было заключаться мѣстное управленіе, реформа котораго тогда выработывалась. Я думалъ дожидаться реформы, а затѣмъ продолжать изданіе. Но реформы я такъ и не дождался, и мой курсъ остался недоделаннымъ. Что касается моего политическаго „сгедо“, которое было проведено черезъ мой курсъ, то оно складывалось въ царствованіе Александра II-го, когда верховная власть творила великія дѣла для преуспѣянія Россіи. Отсюда понятенъ былъ у меня восторженный піететъ къ той формѣ государственной власти, которая исторически у насъ сложилась. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я, тѣмъ не менѣе, считалъ земское начало присущимъ нашему историческому государственному строю.

Курсъ моей науки я проходилъ въ теченіе двухъ лѣтъ для первыхъ четырехъ семестровъ, по четыре часа въ недѣлю. Грѣшнѣйшій человѣкъ, я пересталъ надъ нимъ работать: хотя онъ былъ очень далеко отъ совершенства, но меня охлаждало въ этому дѣлу усиливающееся равнодушіе къ наукѣ студентовъ. Для меня же всегда настроеніе аудиторіи опредѣляло мое собственное: многолюдная и увлеченная лекціей аудиторія вызывала такое же увлеченіе и съ моей стороны... Устроивалъ я иногда и практическія занятія. Они состояли въ томъ, что, на основаніи указан-

Въ Кіевѣ я прїѣхалъ наканунѣ Екаторина дня. Ректоромъ въ университетѣ былъ тогда Рахманиновъ. Въ январѣ 1883 года, за окончаніемъ его срока, происходили выборы новаго ректора. Равенство голосовъ получили Теофиластовъ и Рененкампфъ. На перебаллотировкѣ послѣдній получилъ однимъ шаромъ больше и былъ провозглашенъ ректоромъ. Въ отроческіе нѣжинскіе годы я былъ въ большой дружбѣ съ Рененкампфомъ; въ періодъ студенчества наши отношенія колебались, а когда мы были оставлены для приготовленія къ профессурѣ, добрыхъ товарищескихъ отношеній между нами уже не было. Войдя въ совѣтъ, мы дѣйствовали иногда солидарно, но въ 70-хъ годахъ, когда Рененкампфъ удѣлилъ часть профессорскаго времени банку и управѣ, отношенія между нами совершенно обострились. Мнѣ жалко было юныхъ дружескихъ отношеній, но я не подавалъ даже повода возвратиться къ нимъ...

Въ это время мы доживали послѣдніе дни нашего автономнаго университетскаго режима: 31-го мая 1884 года было послѣднее засѣданіе совѣта по уставу 1863 года. Въ іюнѣ былъ утвержденъ уставъ 1884 года, введеніемъ къ которому послужили событія пятидесятилѣтняго юбилея кіевскаго университета...

А. В. Романовичъ-Славатинскій.

ВЛАДИМІРЪ РАЕВСКІЙ

И

ЕГО ВРЕМЯ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЦЕРКЪ: РОД. 1795; УМ. 1872 Г.

Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду возстановить память о замѣчательномъ въ свое время человѣкѣ — о маіорѣ Владимірѣ Ѳедосѣевичѣ Раевскомъ. Онъ забытъ такъ основательно, что съ его именемъ у современнаго читателя, вѣроятно, не связывается никакихъ представленій. Даже специалисты упоминаютъ о немъ вскользь. Между тѣмъ Раевскій принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые имѣли бы нѣкоторое право на память потомства, а біографія его имѣетъ значеніе какъ для исторіи нашихъ общественныхъ теченій 1818—1822 гг., такъ и для исторіи нашей литературы. По складу своего характера, Раевскій является однимъ изъ типичнѣйшихъ представителей конца Александровской эпохи. Будучи членомъ „Союза Благоденствія“, а потомъ „Южнаго тайнаго общества“, онъ былъ арестованъ задолго до конечнаго взрыва движенія, еще въ 1822 году, и его процессъ даетъ нѣкоторыя любопытныя подробности для исторіи этого движенія. Ислѣдователь русской литературы со вниманіемъ остановится также на его отношеніяхъ къ Пушкину, завязавшихся во время кипиневской ссылки поэта, и отмѣтитъ вліяніе политическаго агитатора и заговорщика на поэта, художника. Наконецъ, Раевскій самъ былъ поэтомъ; правда, его стихи не печатались при его

жизни и не оказали вліянія на развитіе русской поэзіи, но они заслуживаютъ нѣвторого вниманія, какъ безыскусственное и искреннее свидѣтельство о настроеніи, которое охватывало тогда не одного Раевского, но и другихъ его современниковъ ¹⁾.

Надъ его головой пронесся бурный, губительный вихрь, разбившій всѣ надежды; человекъ оказался внѣ жизни... Заброшенный въ Сибирь, спустя много лѣтъ, онъ съ горечью въ сердцахъ писалъ:

„Гдѣ мой кумиръ и гдѣ моя
Обътованная земля?
Гдѣ трудъ тяжелый и безплодный?
Онъ для людей давно пропалъ,
Его никто не записалъ,
И человекъ къ груди холодной
Тебя, какъ друга, не прижалъ“¹⁾.

I.

Объ отцѣ Раевского, маіорѣ Федосѣѣ Михайловичѣ, мы знаемъ, что онъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ курской губерніи. Вотчины Раевскихъ находились главнымъ образомъ въ старо-оскольскомъ уѣздѣ (с. Хворостянка). Старооскольскіе дворяне не разъ выбирали маіора Федосѣя Раевского своимъ пред-

¹⁾ Свѣдѣнія о Раевскомъ крайне отрывочны и разбросаны по историческимъ журналамъ. Главнѣйшій матеріалъ для его жизни и дѣятельности—въ письмахъ Раевского къ его сестрѣ Вѣрѣ Федосѣевнѣ („Русская Старина“, 1902, мартъ; 1903, апр.); въ его замѣткахъ по певоду приговора по его дѣлу („Русская Старина“, 1873, т. VII, стр. 373 и слѣд.) и въ воспоминаніяхъ И. И. Липранди („Русскій Архивъ“, 1866 года). Кромѣ этихъ указаній, приводимъ всѣ, какія намъ пришлось найти, упоминанія о Раевскомъ, хотя бы самыя незначительныя: „Русская Старина“, 1873 г., т. VII, стр. 720; 1882 г., т. XXXVI, стр. 102; 1881 г., т. 30, стр. 873; 1887 г., т. 56, стр. 132; „Вѣстникъ Европы“, 1874 г., июнь; С. В. Максимовъ, „Сибирь и каторга“, т. III, Спб., 1871 г., стр. 251, 263; Записки Басаргина, „Деятельный вѣкъ“, изд. П. Н. Бартечева, М., 1873 г., кн. I, стр. 74, 100; Вѣлоголовый, П. А., „Воспоминанія“ и др. статьи. М., 1897 г., стр. 57; Записки С. Г. Волконскаго, Спб., 1901 г., стр. 318, 406, 409, 477; Записки И. Д. Якушкина, стр. 51, 62; Сборникъ старинныхъ бумагъ И. И. Щукина, М., ч. VIII, стр. 244; Воспоминанія Вельмана и Пуцина въ книгѣ Л. Н. Майкова „Пушкинъ“, Спб., 1899 г., стр. 81, 86, 125. Кое-какія изъ этихъ свѣдѣній повторяются въ книгѣ А. Н. Пипина (Общ. движеніе при имп. Александрѣ I), Богдановича (Ист. дарств. имп. Александра I, т. VI) и біографіяхъ Пушкина. См. также статью „Изъ Пушкинской эпохи“ въ книгѣ В. А. Мясотина: „Изъ исторіи нашего общества“, Спб., 1902 г. Стихи Раевского напечатаны въ „Русской Старинѣ“, 1890 г., т. 66, стр. 365 и слѣд. Сравни также нашу замѣтку о Раевскомъ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона, т. 51.

водителемъ. Маіоръ, человекъ крутого нрава, былъ не чуждъ литературѣ: намъ извѣстна одна его замѣтка въ „Отечественныхъ Запискахъ“ ¹⁾. Жена Раевского происходила изъ рода князей Фениныхъ. У Раевскихъ была очень большая семья. Мы знаемъ имена пяти дочерей и пяти сыновей: Надежда ²⁾, Наталья, Александра, Вѣра ³⁾, Любовь ⁴⁾, Александръ, Андрей ⁵⁾, Владиміръ, Петръ ⁶⁾ и Григорій. Изъ всей этой многочисленной семьи право на нашу память заслуживаетъ только Владиміръ Ѳедосѣвичъ, да еще младшій братъ Григорій по своей непри- мѣрно-несчастной судьбѣ.

Владиміръ Ѳедосѣвичъ родился 28 марта 1795 года. У насъ нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ о его дѣтствѣ; мы можемъ только догадываться, что оно не было счастливо. Семейныя отноше- нія Раевского складывались неудачно и невесело. Отецъ и мать относились къ нему иначе, чѣмъ къ другимъ дѣтямъ, и не скрывали разницы отношеній. Когда другія учились вмѣстѣ въ пансіонѣ, мать присылала имъ денегъ на конфеты, и Владиміру всегда меньше, чѣмъ другимъ сыновьямъ. Объ отцѣ самъ Влади- міръ Ѳедосѣвичъ, уже будучи старикомъ, писалъ: „любилъ ли меня отецъ наравнѣ съ братьями Александромъ и Андреемъ, — я не хотѣлъ знать, но онъ вѣрилъ мнѣ болѣе другихъ братьевъ, надѣялся на меня одного, — я это зналъ. Онъ хорошо понималъ меня и въ письмахъ своихъ, вмѣсто эпиграфа, начиналъ: „не будь гордъ, — гордымъ Богъ противенъ“; въ моихъ отвѣтахъ я начиналъ: „смиреніе паче гордости“ ⁷⁾. По тому, какъ относи- лись братья и сестры къ Владиміру Ѳедосѣвичу, когда онъ былъ въ ссылке въ Сибири, можно думать, что и въ дѣтствѣ нѣкоторые его братья и сестры были непріязненно настроены

¹⁾ „Благодѣтельный помѣщикъ“. Письмо въ редакцію изъ Хворостянки отъ Ѳедосея Раевского. „От. Зап.“, 1822 г., ч. 12, стр. 108—111.

²⁾ Была замужемъ за Н. Н. Вердлевицъ, очень богатая, въ свое время блистала въ петербургскомъ свѣтѣ, но пережила тяжелую и печальную старость. Совершенно разорившись, она жила въ имѣніи своей сестры Вѣры, а послѣ ея смерти доживала свои дни въ пріютѣ для престарѣлыхъ дворянъ въ Курскѣ, и умерла, около ста лѣтъ отъ роду, въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка.

³⁾ Жена Іоасафа Александровича Попова, новооскольскаго предводителя дво- рянства.

⁴⁾ По мужу Веригина.

⁵⁾ Служилъ въ лейбъ-уланахъ и былъ главнымъ дѣятелемъ по изданію военнаго журнала при г.-ад. Сипягинѣ. См. „Русскій Архивъ“, 1866, стр. 1430.

⁶⁾ Объ этомъ Петръ внукъ Влад. Ѳед. Раевского сообщаетъ, что онъ былъ извѣстенъ своими безшабашными выходками и скандалами. См. „Русскую Старину“, 1902, мартъ.

⁷⁾ „Русская Старина“, 1902, мартъ.

по отношенію къ нему. По неяснымъ намекамъ, по обращенію отца, можно думать, что и въ дѣтствѣ Владиміръ Ѳедосѣевичъ обнаруживалъ необычайное упорство и силу воли, которыя отмѣчаютъ всю его жизнь. Гордый и одинокій, онъ рѣдко отрывалъ свою душу и жилъ невѣдомой для посторонняго глаза сложной жизнью.

Раевскіе заботились о воспитаніи своихъ дѣтей. Мы знаемъ, что дочери ихъ Наталья и Александра воспитывались въ смольномъ институтѣ, а сыновья, Александръ, Андрей и Владиміръ, учились въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ. О годахъ своего ученія Владиміръ Ѳедосѣевичъ вспоминаетъ въ слѣдующихъ стихахъ своего посланія къ дочери:

„А я въ твои младые годы
Людей и свѣта не видалъ..
Я много лѣтъ не зналъ свободы,
Однихъ товарищей я зналъ
Въ моемъ учебномъ заключеніи,
Гдѣ время шло, какъ день одинъ,
Безъ жизни, красокъ и картинъ,
Въ желаньяхъ, скукѣ и ученіи.
Тамъ въ книгахъ я людей и свѣтъ
Узналъ“...

Въ эти годы Раевскій положилъ начало тѣмъ солиднымъ познаніямъ, которыя выдѣляли его изъ среды сослуживцевъ; быть можетъ, въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ зародилась въ немъ любовь къ литературѣ ¹⁾. Должно быть, прямо со школьной скамьи онъ перешелъ въ военную службу: „17-ти лѣтъ, — говоритъ онъ самъ о себѣ, — я встрѣтилъ безпощадную, кровавую войну“. Это былъ 1812-ый годъ — война, роковая въ извѣстномъ смыслѣ для иностранцевъ, принимавшихъ въ ней участіе, и для нашихъ, участвовавшихъ — для событій 14-го декабря. Раевскій такъ описываетъ свое роковое вступленіе въ жизнь:

„Среди моленій и проклятій,
Средь скопища пирующихъ рабовъ,
Подъ гулами убійственныхъ громовъ
И стопами въ крови лежащихъ братій
Я встрѣтилъ жизнь, вошла заря моя“...

Раевскій служилъ сначала въ артиллеріи; за Бородино онъ получилъ золотую шпагу съ надписью: „за храбрость“; съ рус-

¹⁾ Братъ его, Андрей Ѳедосѣевичъ, въ юные годы тоже занимался литературой. Въ „Вѣстникѣ“ 1809 года есть его стихи Отзывъ объ Андрѣѣ Ѳедосѣевичѣ см. въ „Запискахъ“ Никитенка.

скими войсками былъ за-границей. Онъ довольно быстро подвигался по службѣ. Вступивъ въ военную службу позже своихъ братьевъ, онъ обогналъ ихъ; въ одиннадцати сраженіяхъ онъ получилъ два чина за отличіе, и 25-ти лѣтъ, за два года до катастрофы, уже былъ майоромъ 32-го егерскаго пѣхотнаго полка и имѣлъ два военныхъ ордена. Исторія вѣйшей жизни Раевского не сложна и, кажется, исчерпывается данными о его успѣхѣ по службѣ. Эта жизнь не имѣла цѣны въ его глазахъ, она была только видимой. „Внутренняя, настоящая моя жизнь разъяснилась для посторонняго наблюдателя только моимъ крѣпостнымъ заключеніемъ“,—говоритъ о себѣ Раевскій. За повседневной, будничной жизнью офицера, состоящей въ отправленіи служебныхъ обязанностей, скрывалась таинственная дѣятельность члена тайнаго общества; за мнимой надменностью и гордостью одиночества таилось глубоко-идеалистическое настроеніе, проникавшее всѣ помысленія и чувства. Жизнь въ мысляхъ Раевского представлялась странствіемъ къ высокой цѣли и—

„Странника вездѣ одушевлялъ
Высокихъ думъ, страстей завѣтныхъ пламень“ ¹⁾.

Откуда эти идеалистическія настроенія?—Самъ Раевскій, будучи уже въ Сибири, искалъ источниковъ своего юношескаго идеализма въ религиозныхъ представленіяхъ:

„Когда я былъ младенцемъ въ колыбели—
Кто жизни плавь моей чертилъ,
Тотъ волю, мысль, призывъ къ высокой цѣли
У юноши надменнаго развилъ“ ²⁾.

Здѣсь мы подходимъ къ любопытной психологической чертѣ людей Александровской эпохи, отличавшихся высокимъ идеализмомъ. Были эпохи, когда война рождала мечты о славѣ и являлась источникомъ идеализма, но Раевскій въ своихъ стихахъ весьма опредѣленно говоритъ о томъ, какое событіе его жизни зажгло въ немъ „высокихъ думъ, страстей завѣтныхъ пламень“:

„Когда, людей еще облитый кровью,
Я сладко спалъ подъ буркой у огня,—
Тогда я не горѣлъ къ высокому любви,
Высокихъ тайнъ постигнуть не алкалъ,
Не жалъ руки гонимому украдкой,
И шопотомъ надежды сладкой
Жильцу темницы не вливалъ“ ³⁾.

¹⁾ „Русская Старина“, 1890, т. 66, стр. 378.

²⁾ Ibidem, стр. 374.

³⁾ Ibidem, стр. 378, 379.

Не во время войны случилось духовное преобразование Раевского, а послѣ, по возвращеніи въ Россію, по вступленіи въ тайное общество. Намъ трудно теперь представить, какое значеніе и какой ореолъ имѣла дѣятельность по тайному обществу въ глазахъ самихъ его членовъ: вступая въ общество, думали, что найдена цѣль жизни,—и жизнь получала какъ бы освященіе. „У многихъ изъ молодежи,—вспоминаетъ И. Д. Якушкинъ,—было столько избытка жизни при тогдашней ея ничтожной обстановкѣ, что увидѣть предъ собой прямую и высокую цѣль почиталось уже блаженствомъ“ ¹⁾. Другъ Пушкина, Ив. Ив. Пущинъ, въ слѣдующихъ трогательныхъ строкахъ говорить о своемъ вступленіи въ общество: „эта высокая цѣль жизни самою своею таинственностью и начертаніемъ новыхъ обязанностей рѣзко и глубоко проникла душу мою; я какъ будто получилъ особенное значеніе въ собственныхъ своихъ глазахъ: сталъ внимательно смотрѣть на жизнь во всѣхъ проявленіяхъ буйной молодости, наблюдать за собою, какъ за частицей хотя ничего не значащею, но входящею въ составъ того цѣлаго, которое рано или поздно должно имѣть благотворное свое дѣйствіе“ ²⁾. Къ этимъ свидѣтельствамъ присоединимъ еще слова самого Раевского о своемъ вступленіи въ общество:

„Но для слѣпца свѣтъ свыше просіялъ.
И все, что мнѣ казалось загадкой,
Упрекъ людей болѣзненный сказалъ...
И Богъ проститъ мнѣ прежнія ошибки,
Не для себя я въ этомъ мірѣ жилъ,
И людямъ жизнь я щедро раздарилъ“ ³⁾...

Приведенныя нами свидѣтельства участниковъ движенія ярко закрѣпляютъ въ нашей памяти идеалистическій моментъ въ ихъ дѣятельности. Ихъ жизнь, полная трагизма, совершалась во имя самыхъ отвлеченныхъ истинъ. Они думали работать для блага людей, а это благо они понимали абстрактно, какъ наивысшую цѣнность,—работали для Бога. Въ своей „Предсмертной думѣ“ (1842 годъ) Раевскій припоминаетъ свою жизнь, и у него вырываются сильныя и вдохновенныя строфы:

„Меня жалѣть?.. О, люди, ваше ль дѣло?
Не вами мнѣ назначено страдать!
Моя болѣзнь, разрушенное тѣло—
Есть жизни слѣдъ, душевныхъ силъ печати!

.....

.....

¹⁾ Записки И. Д. Якушкина, стр. 15.

²⁾ Л. Н. Майковъ. „Пушкинъ“. Спб., 1902, стр. 69.

³⁾ „Русская Старина“, 1890, т. 66, стр. 379.

И жизнь страстей прошла, какъ метеоръ,
 Мой конченъ путь, конецъ борьбы съ судьбою;
 Я выдержалъ съ людьми опасный споръ
 И падаю предъ силой неземною!

Къ чему же мнѣ бесплодный толкъ людей?
 Предъ нимъ отчетъ мой конченъ безъ ошибокъ;
 Я жду не слезъ, не скорби отъ друзей,
 Но одобрительной улыбки!¹⁾

Вспоминая въ 1846 году о поворотномъ моментѣ своей жизни, опредѣлившемъ все ея теченіе и составившемъ ея трагедію, Раевскій писалъ въ посланіи къ своей дочери:

...„Съ волею мятежной,
 Какъ видѣть бой вдали атлетъ,
 Въ себѣ самомъ самоуверенный
 Пустилъ чрезъ океанъ безбрежный
 Челвочекъ мой къ цѣли роковой.
 О, другъ мой, съ бурей и грозой
 И съ разъяренными волнами
 Отецъ боролся долго твой...
 Онъ видѣлъ берегъ въ отдаленнѣ,
 Тамъ свѣтъ зари ему блисталъ;
 Онъ взоромъ пристани искалъ
 И смѣло вѣрилъ въ Провидѣнье“²⁾.

Нельзя яснѣе выразить того настроенія, которое одушевляло Раевскаго въ теченіе всей жизни, того идеалистическаго порыва, необыкновенно сильнаго, мощнаго, который охватилъ его и держалъ въ своей власти отъ момента вступленія въ общество до момента катастрофы.

Внѣшніе мотивы присоединенія Раевскаго къ тайному обществу—тѣ же, что были и у декабристовъ, и одинаково излагаются во всѣхъ извѣстныхъ намъ запискахъ того времени. Вспоминая объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ къ жизни тайное общество, Раевскій на первомъ мѣстѣ отмѣчаетъ, конечно, вліяніе заграничныхъ походовъ, изъ которыхъ онъ, какъ и всѣ декабристы „возвратились на родину уже съ другими, новыми понятіями“³⁾; заграничная жизнь открывала передъ изумленными глазами новые, огромные горизонты и всю глубину нашихъ вну-

¹⁾ „Русская Старина“, 1890, т. 66, стр. 374.

²⁾ Ibidem, стр. 376.

³⁾ „Русская Старина“, 1902, мартъ, стр. 601.

треннихъ неустройствъ: гнеть крѣпостного права, приниженіе личности, жестокость нравовъ, соединенную съ невѣжествомъ. На ряду съ этими первостепенной важности основаніями для возникновенія тайнаго общества, Раевскій рѣзче, чѣмъ всѣ другіе мемуаристы, подчеркиваетъ специфическія, частныя обстоятельства, которыя способствовали возбужденію оппозиціоннаго настроенія и придали всему движенію декабристовъ особую, милитаристскую окраску. „Армія, избалованная побѣдами и славою, вмѣсто общанныхъ наградъ и льготъ, подчинилась неслыханному угнетенію. Военныя поселенія, начальники такіе, какъ Ротъ, Желтухинъ и десятки другихъ,—забивали солдатъ подъ палками; боевыхъ офицеровъ вытѣсняли со службы, новые наборы... производили глухой ропотъ... Власть Аракчеева, ссылка Сперанскаго, неуваженіе знаменитыхъ генераловъ и такихъ сановниковъ, какъ Мордвиновъ и Троцинскій, сильно встревожили, волновали людей, которые ожидали обновленія, улучшеній, благоденствія, исцѣленія тяжелыхъ ранъ своего отечества“¹⁾.

II.

Въ какомъ году и кѣмъ былъ принятъ Раевскій въ члены тайнаго общества, мы не знаемъ. Можно думать, что еще за границей завязались связи, которыя выросли потомъ въ тайный союзъ, и что Раевскій былъ однимъ изъ первыхъ, применившихъ къ обществу. Достоверно извѣстно, что Владиміръ Федосѣвичъ былъ ревностнымъ членомъ „Союза Благоденствія“, основаннаго въ 1818 году и прекратившаго свою дѣятельность въ 1821 году. Дѣятельность Раевского была прервана его арестомъ въ февралѣ 1822 года. Слѣдовательно, въ моментъ катастрофы онъ былъ членомъ южнаго тайнаго общества, начавшаго самостоятельное, независимое отъ сѣвернаго, существованіе въ 1821 году. Правда, въ своихъ замѣткахъ, писанныхъ уже въ Сибири въ 1844 году, Раевскій, указывая на то, что слѣдствіе не открыло его принадлежности къ декабристамъ, говоритъ, что онъ и не могъ принадлежать къ нимъ, потому что то общество, конечнымъ эффектомъ котораго было 14-е декабря, основалось лишь въ 1823 году. Это утвержденіе, какъ увидимъ дальше, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Не трудно объяснить, почему не соотвѣтствуетъ: оно написано по поводу официальной бумаги, имѣетъ въ виду

¹⁾ Ibid, 601.

указать несоразмѣрность понесеннаго Раевскимъ наказанія съ матеріаломъ уликъ, и является данью таинственности. Въ интимномъ письмѣ къ сестрѣ Раевскій прямо заявляетъ: „Тайна (ареста и заключенія, длившагося годами) оставалась тайною, и только 14-го декабря 1825 года она объяснилась на Сенатской площади“. Очевидно, самъ Раевскій понималъ цѣли и значеніе своей дѣятельности, и зналъ, къ чему она должна была привести. Для того, чтобы выяснитъ роль Раевского въ тайномъ обществѣ, сущность и значеніе его процесса въ исторіи тайнаго общества, необходимы предварительныя свѣдѣнія изъ этой исторіи. Мы даемъ ихъ здѣсь, ограничиваясь самыми общими и подлежащими сомнѣнію данными.

Извѣстно, что первые тайные кружки и союзы съ политическимъ направленіемъ возникали тотчасъ же по возвращеніи нашихъ войскъ изъ заграничнаго похода въ 1815 году. Мы знаемъ о существованіи „Союза спасенія“, „Военнаго общества“ и другихъ кружковъ. Учредители ихъ берутъ за образецъ извѣстные въ Россіи масонскіе союзы и заграничныя тайныя общества. На первыхъ порахъ интересуются формой больше, чѣмъ содержаніемъ; воплнѣ въ духѣ времени—отводятъ много мѣста обрядности и таинственному элементу. Съ годами, общества становятся серьезнѣе, объединяются; появляется крупная организація „Союза Благоденствія“ съ двумя думами—петербургской и тульчинской; ея мѣсто занимаютъ два самостоятелно дѣйствующихъ общества—сѣверное и южное. Внутренняя исторія обществъ характеризуется тѣмъ, что постепенно разъясняются способы дѣйствія и опредѣляются задачи. На одномъ концѣ стоитъ мирная культурная работа, на другомъ—крайній политическій радикализмъ. Но наши свѣдѣнія объ устройствѣ, способахъ дѣйствія и идейной сторонѣ обществъ крайне скудны. На основаніи данныхъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, мы не можемъ составить точнаго и яснаго представленія не только объ обществахъ, существовавшихъ до „Союза Благоденствія“, но и о самомъ „Союзѣ“, самомъ крупномъ изъ всѣхъ. Источники нашихъ свѣдѣній—официальныя данныя и записки участниковъ движенія. Первые сгруппированы въ извѣстномъ „Донесеніи слѣдственной коммиссіи“ для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ. Это донесеніе преслѣдовало опредѣленную цѣль и, должно сказать, занималось гораздо больше выслѣживаніемъ преступныхъ словъ, когда-либо произнесенныхъ обвиняемыми, чѣмъ выясненіемъ реальной дѣятельности декабристовъ, условій ихъ работы, средствъ, къ которымъ они прибѣгали. А авторы мемуаровъ почти все свое внима-

ніе сосредоточиваютъ на подробностяхъ 14-го декабря или на событіяхъ, вызванныхъ этимъ днемъ, и совсѣмъ не останавливаются на томъ, что дѣйствительно интересно для насъ,—на исторіи своей повседневной дѣятельности—и не касаются теоріи и практики пропаганды. Нельзя забывать слѣдующей особенности сообщеній декабристовъ: ихъ воспоминанія въ значительной мѣрѣ создавались подъ вліяніемъ круга данныхъ, обращавшихся во время слѣдствія: усвоенные ими приемы сохраненія тайны въ періодъ дѣятельности сохраняли свое значеніе въ извѣстной степени и послѣ официального разслѣдованія дѣла. Затѣмъ нужно принять во вниманіе, что какъ во всѣхъ тайныхъ обществахъ, такъ и въ организаціяхъ декабристовъ лишь очень немногіе члены, самые вліятельные, стоявшіе во главѣ дѣла, понимали и знали всѣ цѣли и всѣ дѣйствія организаціи, а были и такіе, которые, заявивъ свое сочувствіе идейной сторонѣ движенія, исполняли порученія старшихъ членовъ и были, такъ сказать, на послыахъ. Огромное большинство членовъ знало только свою спеціальность и имѣло сношенія не со всѣми, а съ опредѣленными лицами. Тѣ члены общества, которые дѣйствительно могли бы въ деталяхъ разъяснить исторію движенія, мемуаровъ не оставили; записки исходятъ въ большинствѣ случаевъ отъ членовъ, игравшихъ второстепенную роль и сравнительно мало освѣдомленныхъ. Кстати отмѣтить здѣсь значеніе конспираціи въ декабристскомъ движеніи: декабристы были гораздо таинственнѣе, чѣмъ это принято думать. Самое важное доказательство тому—продолжительность существованія общества и крайняя скудость фактическихъ данныхъ по исторіи движенія въ официальномъ изслѣдованіи. Въ сторонѣ долженъ быть поставленъ источникъ, игравшій видную роль въ созданіи обычнаго представленія, пытающагося, въ противовѣсъ сужденіямъ „Донесенія“, уменьшить значеніе движенія, выставить на видъ его несерьезность и стереть черезчуръ рѣзкіе штрихи „Доклада комиссіи“. Мы говоримъ о свидѣтельствѣ Ник. Ив. Тургенева въ его извѣстной французской книгѣ о Россіи. Опубликованныя въ самое послѣднее время (1901 и 1902 гг.) данныя позволяютъ утверждать, что Тургеневъ въ своемъ разсказѣ объ обществѣ допускалъ сознательное отклоненіе отъ истины, и заставляютъ насъ отнестись съ весьма большимъ недовѣріемъ къ тѣмъ страницамъ его книги, которыя посвящены декабристамъ и легли въ основу сужденій о нихъ, обращающихся въ большой публикѣ ¹⁾).

¹⁾ Н. И. Тургеневъ былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ членовъ тайнаго обще-

„Союзъ Благоденствія“, членомъ котораго былъ Владиміръ Федосѣевичъ Раевскій, въ свое время былъ извѣстенъ подъ названіемъ общества „Зеленой Книги“, по цвѣту обертки устава этой организаціи. Онъ былъ учрежденъ въ 1818 году; вѣрнѣе, въ этомъ году было реформировано ранѣе существовавшее тайное общество, которое получило теперь новый уставъ и названіе „Союза“. Уставъ „Союза Благоденствія“ заключалъ въ себѣ двѣ части. Въ первой части авторы устава предлагаютъ вступающимъ въ „Союзъ“ заниматься различными отраслями культурной работы. Первый параграфъ первой книги устава о цѣли „Союза Благоденствія“ заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „Убѣдись, что добрая нравственность есть твердый оплотъ благоденствія и доблести народной, и что при всѣхъ объ ономъ заботахъ правительства, едва-ли достигнетъ оное своей цѣли, ежели управляемые съ своей стороны ему въ сихъ благотворныхъ намѣреніяхъ содѣйствовать не стануть, „Союзъ Благоденствія“ въ святую себѣ вмѣняетъ обязанность, распространеніемъ между соотечественниками истинныхъ правилъ нравственности и просвѣщенія, споспѣшествовать правительству къ возведенію Россіи на степень величія и благоденствія, къ коей она самимъ Творцомъ предназначена“. Уставъ „Союза“ намѣчалъ четыре специальности: каждый изъ членовъ долженъ былъ трудиться на одномъ изъ слѣдующихъ поприщъ: человеколюбіе, т.-е. дѣла частной и общей благотворительности; заботы объ умственномъ и нравственномъ образованіи, т.-е. распространеніе истинныхъ познаній; содѣйствіе правильному и справедливому отправленію судопроизводства, и теоретическія занятія политической экономіей. До насъ дошла только та первая часть, предназначенная для прозелитовъ. Учредители, конечно, знали, что дѣйствія общества не могутъ ограничиться только содѣйствіемъ культурной работѣ правительства. „Настоящая же цѣль Союза Благоденствія,—по собственному сознанію его членовъ,—заключалась въ томъ, чтобы ввести въ Россіи представительное правленіе, причемъ они надѣялись на содѣйствіе своимъ видамъ

ства. Изданныя въ 1901 году записки С. Г. Волконскаго еще разъ авторитетно подтверждаютъ важную роль Тургенева въ обществѣ. Въ 1901 и 1902 году въ „Русской Старинѣ“ были напечатаны его оправдательныя записки по дѣлу и переписка его съ братьями. Когда начался судъ надъ декабристами, Тургеневъ былъ за границей и заочно былъ присужденъ къ смерти. Разсчитывая на таинственность своихъ дѣйствій, онъ усиленно хлопоталъ черезъ братьевъ и Жуковскаго передъ имп. Николаемъ I о смягченіи его участи и позволеніи вернуться въ Россію для оправданія. И братьевъ, и царя, онъ увѣрялъ въ ничтожности дѣйствій тайнаго общества, и въ томъ, что его роль въ немъ сводилась къ нулю. Понятно, онъ не могъ быть безпристрастнымъ историкомъ общества.

государя“¹⁾ И. Д. Якушкинъ такъ говоритъ объ этомъ уставѣ: „Въ самомъ началѣ изложенія его было сказано, что члены тайнаго общества соединились съ цѣлью противодѣйствовать злонамѣреннымъ людямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ споспѣшествовать благимъ намѣреніямъ правительства. Въ этихъ словахъ была уже на половину ложь, потому что никто изъ насъ не вѣрилъ въ благія намѣренія правительства“²⁾.

Во всякомъ случаѣ, на первыхъ порахъ вожди „Союза Благоденствія“, которымъ были извѣстны отдаленныя цѣли „Союза“, заботились главнымъ образомъ о распространеніи оппозиціонныхъ идей въ русскомъ обществѣ, созданіи общественнаго мнѣнія, расположеннаго въ пользу этихъ идей, и приуготовленіи преданныхъ членовъ общества. Они достигли своей цѣли: число членовъ „Союза“ быстро увеличивалось и сказывались слѣды дѣятельной пропаганды. Какъ вербовались члены тайнаго общества и что открывалось имъ при посвященіи,—приведемъ для того разговоръ, бывшій лѣтомъ 1822 года у члена южнаго общества, князя Барятинскаго, съ Фаленбергомъ, тогда еще не знавшимъ объ обществѣ. Барятинскій открылъ ему его существованіе.

„— Какая же цѣль этого общества?—спросилъ Фаленбергъ.

„— Избавить отечество отъ порабощенія, — отвѣчалъ Барятинскій, — и ввести правленіе конституціонное.

„— Но Россія далеко еще не готова къ принятію такого правленія, — замѣтилъ Фаленбергъ.

„— Правда, — сказалъ Барятинскій, — и потому-то въ планѣ общества принято правиломъ прежде всего распространять просвѣщеніе и свободомысліе; а между тѣмъ, отыскивая повсюду людей съ благороднымъ духомъ и независимымъ характеромъ, безпрестанно ими усиливаться; когда же общество будетъ такъ сильно, что голосъ его не можетъ быть неуваженъ, потребовать отъ государя настоятельно конституціи такой же, какъ въ Англіи“³⁾.

1818—1819 годы были временемъ наивысшаго развитія дѣятельности „Союза“; 1820-й—былъ годомъ перелома въ его дѣятельности. Событія не оправдывали надеждъ будущихъ декабристовъ на то, что дѣло измѣненія существующаго строя произойдетъ само собой; наиболѣе энергичные и нетерпѣливые члены требовали перехода къ болѣе рѣшительной дѣятельности. Начались разговоры

¹⁾ Богдановичъ, Ист. царств. имп. Александра I, т. VI, стр. 420.

²⁾ Записки И. Д. Якушкина, стр. 23, 24.

³⁾ Neue Materialien, veröffentlicht v. Th. Schiemann. 1902, стр. 367, 368.

о различныхъ формахъ возможнаго будущаго и о вѣрнѣйшихъ средствахъ въ его достиженію. Крайніе взгляды нашли себѣ представителей въ южномъ отдѣлѣ „Союза“ — тульчинской думѣ. Здѣсь была тоже правая, представленная Бурцевымъ, Комаровымъ, вскорѣ прекратившими свою тайную дѣятельность, и лѣвая, имѣвшая своимъ руководителемъ талантливаго агитатора П. И. Пестеля.

Въ 1821 году, въ февралѣ, депутаты петербургской и тульчинской думы собрались въ Москвѣ на съѣздъ, чтобы обсудить вопросъ о будущемъ тайнаго общества. Рѣшено было объявить о закрытіи „Союза Благоденствія“ и, удаливъ такимъ образомъ всѣхъ ненадежныхъ и умѣренныхъ членовъ общества, приступить къ коренной реформѣ „Союза“. Этотъ съѣздъ приступилъ къ выработкѣ устава, который долженъ былъ дѣлиться на двѣ части: въ первой части, по прежнему, вступающимъ въ „Союзъ“ предлагалось избрать родъ дѣятельности по прежнимъ отдѣламъ. Члены высшаго разряда знали и дѣйствовали по второй части устава; эту часть писалъ Н. И. Тургеневъ. „Въ ней уже прямо было сказано, что цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы ограничить самодержавіе въ Россіи, а чтобы пріобрѣсти для этого средства, — признавалось необходимымъ дѣйствовать на войска и приготовить ихъ на всякій случай“ ¹⁾. Депутатъ тульчинской думы Бурцевъ, представитель умѣренныхъ на югѣ Россіи, долженъ былъ заявить о прекращеніи дѣйствій „Союза“ всѣмъ членамъ, а затѣмъ избраннымъ (изъ этихъ избранныхъ исключалась непріятная Бурцеву партія Пестеля и его приверженцевъ) предложить принять участіе въ реформированномъ обществѣ съ новымъ уставомъ. Послѣ съѣзда произошло слѣдующее. Петербургская дума, подъ руководствомъ Никиты Муравьева, приняла выработанный на съѣздѣ уставъ, а тульчинской думѣ онъ остался неизвѣстнымъ, такъ какъ Бурцевъ исполнилъ только первую часть своего порученія; онъ объявилъ о закрытіи „Союза“ и скрылъ о его реформѣ. Члены тульчинской думы отнеслись отрицательно къ постановленію съѣзда, полагая, что депутатамъ не принадлежало право распускать „Союзъ“. Конечно, они рѣшили продолжать свою дѣятельность, но уже въ томъ крайнемъ направленіи, которое обнаружилось въ послѣдній годъ (1820) и находило защитника въ П. И. Пестелѣ. Такимъ образомъ, петербургская дума, ставшая теперь сѣвернымъ тайнымъ обществомъ, и тульчинская, превратившаяся въ южное, стали независимы въ своей дѣятельности одно отъ другаго, не превращая, впрочемъ,

¹⁾ Записки И. Д. Якушкина, стр. 78.

сношевіи между собой. Сѣверное общество стояло на сторонѣ монархически-конституціоннаго переворота; южное — имѣло въ виду республику. С. Г. Волконскій оставилъ въ своихъ запискахъ слѣдующее свидѣтельство, кратко резюмирующее дѣятельность обоихъ обществъ. „Дѣла южнаго общества, замышляющаго радикальный переворотъ, быстрыми шагами подвигались впередъ; вербовка членовъ шла успѣшно, причемъ самоотверженіе отъ аристократическихъ началъ придавало какую-то восторженность частнымъ убѣжденіямъ, а поэтому — и самому общему ходу дѣла. Дѣйствія же сѣвернаго общества, какъ по существу своему, такъ и по принятымъ имъ началамъ, были не такъ живительны, и болѣе относились къ приготовленію разныхъ проектовъ конституціи, между которыми трудъ Муравьева болѣе всѣхъ другихъ былъ сѣверной думою одобряемъ, какъ мысль; но въ затѣянномъ переворотѣ ставится все въ мысленную рамку преждевременно. Для успѣшнаго переворота надо просторъ, увлеченіе, а по переворотѣ — надо сильную волю, чтобъ избѣгнуть анархіи, и къ этой цѣли клонилось постановленіе южнаго общества, чтобы, при удачѣ, вслѣдъ за переворотомъ учредить временное правительство на три года, а впослѣдствіи отобрать отъ народа или черезъ назначенныхъ отъ него довѣрителей, чего и что хочетъ Россія“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, теперь были ясно намѣчены средства, которыми думали достигнуть переворота: извѣстная планомѣрная система дѣйствій на войско. Необходимость прибѣгнуть къ содѣйствію войскъ сознавалась, — правда, не совсѣмъ опредѣленно, — и раньше, и нѣкоторые опыты воодѣйствія предпринимались. Прежде всего, конечно, нужно было расположить къ себѣ солдатъ хорошимъ обращеніемъ и заботливостью объ ихъ нуждахъ, а затѣмъ укрѣпить въ нихъ чувство собственнаго достоинства, нѣсколько ослабивъ чувство полной покорности авторитету дисциплины и начальства. Теперь уставъ возродившихся къ новой жизни обществъ прямо говорилъ объ извѣстномъ воспитаніи, извѣстной подготовкѣ съ расчетомъ на опредѣленный эффектъ. Но именно эта сторона дѣятельности декабристовъ намъ извѣстна очень мало: официальные данныя скудны до чрезвычайности; быть можетъ, ихъ было больше, но не сочли удобнымъ ихъ опубликовывать. Записки декабристовъ совсѣмъ не касаются этого вопроса, а между тѣмъ для правильной оцѣнки конечнаго результата усилій декабристовъ были бы необходимы точнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ средствахъ, съ помощью которыхъ декабристы

¹⁾ Записки С. Г. Волконскаго, Сиб. 1901, стр. 420.

дѣйствовали въ войскахъ. Конечные эффекты — неудавшееся военное возстаніе, день 14-го декабря на Сенатской площади и междоусобное сраженіе подъ Бѣлоу-Церковью. При этомъ, необходимо принять во вниманіе, что чувство привязанности, которое такъ умѣли внушать къ себѣ декабристы, могло заставить солдатъ пойти за людьми, ими уважаемыми и любимыми. Играло роль и то обстоятельство, что приказывали офицеры, а солдаты исполняли ихъ приказаніе и шли въ открытый бой со своими же товарищами. Но врядъ-ли всѣ эти указанныя причины могутъ объяснить размѣръ бунта, такъ какъ не вводы выходили на площадь, а цѣлыя части войскъ! Очевидно, что декабристы вели систематическую пропаганду, и эта пропаганда находила удобную почву. „Въ войскахъ,—показывали на допросахъ Сергѣй и Матвѣй Муравьевы,—есть начала, коими смѣлый мятежникъ можетъ всегда воспользоваться для произведенія неурядицъ“... „Главнымъ они почитаютъ,—продолжаетъ авторъ „Приложенія“ къ докладу слѣдственной комиссіи,—пороки настоящаго образа продовольствія; ибо эти нижніе чины не только лишаются принадлежащихъ имъ по праву остатковъ и всѣхъ выгодъ бережливости, но иногда не имѣютъ и достаточнаго пропитанія; видя же, что начальники похищаютъ ихъ собственность, приучаются и ненавидѣть, и презирать ихъ. Другое, столь же важное зло есть большое число штрафованныхъ солдатъ и разжалованныхъ офицеровъ и иныхъ чиновниковъ, людей если не всегда очернившихъ себя злодѣяніями, то по крайней мѣрѣ оказавшихъ худыя склонности, и сверхъ того лишенныхъ всякой надежды на улучшеніе судьбы своей въ будущемъ, слѣдственно готовыхъ на все“¹⁾. Только эти соображенія и привелъ авторъ „Приложенія“, задавшійся, между прочимъ, специальной цѣлью отвѣтить въ этомъ конфиденціальному документѣ на вопросъ: „какими средствами злоумышленники надѣялись обольстить войско“? Подробностей онъ не сообщаетъ. Князь Васильчиковъ, бывшій командиромъ гвардейскаго корпуса во время извѣстной исторіи въ Семеновскомъ, былъ убѣжденъ, что „всѣ полки были болѣе или менѣе подготовлены въ 14-му декабря неудовольствіемъ, возбужденнымъ излишнею выскательностью фронтальной службы“²⁾. Такимъ образомъ, для пропаганды въ войскахъ находились благоприятныя условія. Въ извѣстной семеновской исторіи (отказъ подчиниться властямъ) размѣръ и сущность агитаціи не выяснены, но она была несо-

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1875, кн. 3, стр. 487.

²⁾ Ibid., 1875, кн. 1, стр. 349.

мнѣнно. Въ перепискѣ князя Васильчичова съ императоромъ и начальникомъ его штаба, Волконскимъ, находится не мало любопытныхъ указаній и намековъ. Во время семеновскихъ волненій былъ захваченъ „пасквиль“. Въ немъ „проповѣдывали солдатамъ считать самихъ себя властителями; проповѣдывали, чтобы они удалили или отставили бы того, кто имѣлъ власть донныѣ, также какъ всѣхъ офицеровъ или старшихъ, и выбрали бы другихъ между собою“¹⁾. Прокламація заканчивалась словами: „Слѣдите слѣдовать сему плану, и я къ вамъ явлюсь по зачатіи сихъ дѣйствій.—Любитель отечества и сострадатель несчастныхъ, Единоземецъ“. Авторъ прокламаціи остался неразъсканнымъ. Н. К. Шильдеръ дѣлаетъ предположеніе о томъ, что эту прокламацію сочинилъ одинъ изъ будущихъ декабристовъ; что болѣе предприимчивые изъ членовъ тайнаго общества намѣревались воспользоваться смятеніемъ, возбужденнымъ семеновской исторіей, чтобы вызвать всеобщее возстаніе среди войскъ²⁾. Вотъ любопытный отрывокъ изъ письма Волконскаго къ Васильчичову: „Я очень удивленъ, что вы мнѣ ни слова не говорите объ арестованіи полицією унтеръ-офицера гвардейскаго егерскаго полка Степана Гушеварова, который препровожденъ въ шлиссельбургскую крѣпость за веденные имъ разговоры съ однимъ изъ своихъ товарищей и музыкантомъ Преображенскаго полка насчетъ исторіи Семеновскаго полка и о томъ, что ежели не вернуть арестованные батальоны, то они докажутъ, что революція въ Испаніи ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что они сдѣлаютъ“³⁾. Въ позднѣйшее время, прокламаціонная литература была въ большемъ ходу. У насъ нѣтъ свѣдѣній о ней; быть можетъ, они и есть, да пока еще недоступны. Самый яркій документъ этого рода представляетъ „Православный катехизисъ“, написанный С. И. Муравьевымъ-Апостоломъ и прочитанный передъ войсками въ день сраженія подъ Бѣлой-Цервкою. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ него:

„Вопросъ: Для чего Богъ создалъ человѣка?
 „Отвѣтъ: Для того, чтобы онъ въ Него вѣровалъ, былъ свободенъ и счастливъ.“

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1875, кн. 1, стр. 358.

²⁾ Н. К. Шильдеръ, Исторія Александра I, т. IV, стр. 184 и слѣд., и 470.

³⁾ Ibid., 1875, кн. 2, стр. 57. Съ этими данными любопытно сопоставить сообщенія некоторыхъ декабристовъ о томъ, что по дорогѣ въ Сибирь они чувствовали себя всегда хорошо тамъ, гдѣ часовыми были разжалованные солдаты Семеновскаго полка. См. также біографію декабриста И. И. Сухинова („Русскій Архивъ“, 1870, стр. 908 и слѣд.): въ ней найдется нѣсколько подробностей объ агитаціи среди солдатъ.

„Вопросъ: Что значитъ вѣровать въ Бога?

„Отвѣтъ: Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, сошедши на землю для спасенія насъ, оставилъ намъ, святое свое Евангеліе. Вѣровать въ Бога значитъ слѣдовать во всемъ истинному смыслу начертанныхъ въ немъ законовъ.

„Вопросъ: Что значитъ быть свободнымъ и счастливымъ?

„Отвѣтъ: Безъ свободы нѣтъ счастья. Св. апостоль Павелъ говоритъ: „Цѣною крови куплены есте, не будете раби чело-вѣкамъ“ и т. д.

Дальше идутъ вопросы о томъ, должно ли повиноваться власти, когда она поступаетъ вопреки воли Божіей; какимъ образомъ ополчаться всѣмъ чистымъ сердцемъ; какое правленіе сходно съ закономъ Божіимъ? Противна ли Богу присяга, и т. д. ¹⁾

Пропаганда въ войскахъ, помимо пасквилей или листовъ, могла вестись систематическимъ путемъ въ школахъ для солдатъ по ланкастерской системѣ, которыя существовали въ то время при многихъ частяхъ войскъ. Раевскій былъ преподавателемъ одной изъ такихъ школъ, и ниже мы остановимся на этой сферѣ его дѣятельности.

Такимъ образомъ, быть можетъ, приведенныя выше слова С. Г. Волконскаго о „самоотверженіи отъ аристократическихъ началъ, придававшихъ какую-то восторженность частнымъ убѣжденіямъ“, содержатъ свидѣтельство о томъ „хожденіи въ войска“, о которомъ осталось весьма мало свѣдѣній.

III.

Ареной дѣйствій южнаго отдѣла „Союза Благоденствія“, а съ 1821 года и южнаго тайнаго общества, была вторая армія, состоявшая изъ двухъ корпусовъ, 6-го и 7-го, и расквартированная на югѣ Россіи, въ губерніяхъ кіевской, подольской, херсонской, екатеринославской, таврической и Бессарабіи. Душою дѣла и вождемъ движенія на югѣ былъ П. И. Пестель, адъютантъ начальника штаба второй арміи, П. Д. Киселева. Квартира штаба была въ мѣстечкѣ Тульчинѣ, ставшемъ центральнымъ пунктомъ движенія. Другой пунктъ, памятный въ исторіи декабристовъ, — помѣстье Раевскихъ (извѣстнаго генерала 12-го года) въ кіевской губерніи, Каменка. Здѣсь ежегодно собирались члены тайнаго общества. Въ первый періодъ движенія (1818—1821), пе-

¹⁾ Schiemann, op. cit., стр. 409—412.

рідь пропаганды, важнымъ центромъ былъ Кишиневъ. Здѣсь было управленіе намѣстника Бессарабіи и штабъ 16-й дивизіи. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и руководителемъ былъ генераль Михаилъ Ѳеодоровичъ Орловъ, человекъ необыкновенной привлекательности и выдающихся способностей. Онъ былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ „Союза Благоденствія“. Онъ дѣятельно пропагандировалъ идеи общества, занимаясь специально распространеніемъ просвѣщенія въ духѣ исповѣдуемыхъ имъ истинъ, и былъ главнымъ дѣятелемъ по устройству школъ взаимнаго обученія ¹⁾. Изъ другихъ членовъ тайнаго общества, жившихъ въ Кишиневѣ, мы знаемъ Владиміра Ѳеодосѣевича Раевского, адъютанта Орлова, капитана Охотникова, подполковника Липранди ²⁾. По всей вѣроятности, членомъ „Союза“ былъ по-

¹⁾ О М. Ѳ. Орловѣ см. „Русск. Стар.“ 1872, т. V; 1877, т. XXI; 1878, т. XX. Для характеристики его взглядовъ см. письма къ нему П. Д. Киселева (Ibid., 1887, кн. VII, стр. 231). О ланкастерской школѣ, основанной имъ въ Кіевѣ,—записка И. Р. Маргоса въ „Кіевской Старинѣ“, 1897, т. 56, июль—авг., стр. прилож. 65—69. Характеристику его см. Сочиненія Герцена, т. I, стр. 2 и слѣд.

²⁾ Липранди оставилъ подробнѣйшія записки о Пушкинѣ и кишиневской жизни, и, какъ членъ тайнаго общества, могъ бы сообщить интересныя свѣдѣнія о его дѣятельности въ 1818—1823 гг., но, къ удивленію, мы находимъ въ его запискахъ утвержденіе, что никакого движенія не было, и въ 6-мъ корпусѣ совсѣмъ не было участниковъ „Союза Благоденствія“ (всѣ перечисленные нами лица какъ-разъ служили въ 6-мъ корпусѣ). Наше удивленіе исчезнетъ, если мы вспомнимъ, что этотъ Липранди—тотъ самый Липранди, который впоследствии пріобрѣлъ извѣстность, какъ тайный и ревностный агентъ по дѣлу петрашевцевъ и по процессамъ склоповъ и раскольниковъ. С. Г. Волконскій пишетъ о Липранди слѣдующее: „Въ уваженіе его передовыхъ мыслей и убѣжденій, принять въ члены открывшагося въ 16-й дивизіи отдѣла тайнаго общества, извѣстнаго подъ названіемъ „Зеленой Книжки“. При открытіи, въ двадцатыхъ годахъ, возстанія въ Италіи онъ просилъ у начальства дозволенія стать въ ряды волонтеровъ народной итальянской арміи, и по поводу непріятностей за это, принятое какъ дерзость, ходатайство, онъ принужденъ былъ выйти въ отставку и, выказывая себя вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ къ прогрессу и званію члена тайнаго общества, былъ другомъ майора В. Ѳ. Раевского, сослуживца его по 32-му егерскому полку... И этотъ Липранди, при такихъ предшествующихъ данныхъ, служа впоследствии въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ при Перовскомъ и его преемникахъ по особымъ порученіямъ, былъ тайнымъ усерднымъ сыщикомъ въ царствованіе Николая, былъ орудіемъ гоненія раскольниковъ, былъ орудіемъ разскаванія едва установившагося общества социалистовъ и, наконецъ, имѣлъ дерзость, уже при Александрѣ II, подать проектъ объ учрежденіи при университетахъ школы шпионовъ, выставляя въ обязанность попечителямъ давать свѣдѣнія министерству о тѣхъ студентахъ, которыхъ употребляютъ они, чтобы имѣть данныя о мысляхъ и дѣйствіяхъ ихъ товарищей, а министерство этими данными руководствовалось бы, чтобы этихъ мерзавцевъ (но не такъ ихъ онъ выставлялъ) назначать и употреблять, какъ сыщиковъ и шпионовъ въ обществѣ, и, основываясь на полученныхъ отъ попечителей свѣдѣніяхъ, давать имъ по службѣ ходъ“ („Записки С. Г. Волконскаго“, Слб. 1901, стр. 318).

ручикъ Таушевъ, гевальтигеръ дивизіи. Были, конечно, и другіе члены, но ихъ фамиліи намъ неизвѣстны.

До насъ дошли крайне скудныя извѣстія о кишиневской жизни 1818—1825 гг., и ими мы обязаны только тому, что въ Кишиневѣ жилъ Пушкинъ. Изъ отрывочныхъ данныхъ можно заключить, что кишиневскіе члены общества самымъ точнымъ образомъ исполняли обязанности, налагаемыя на нихъ „Союзомъ“. Къ нимъ можно было примѣнить слова Якушина, сказанныя имъ о главныхъ членахъ „Союза Благоденствія“ въ 1818—1819 годахъ: „въ это время они вполне цѣнили предоставленный имъ способъ дѣйствія посредствомъ слова истины; они вѣрили въ его силу и орудовали имъ успѣшно“¹⁾. Они настойчиво распространяли идеи, легшія въ основу общества; въ своихъ бесѣдахъ постоянно направляли мысль на критику существующаго порядка вещей и строя всей государственной жизни, говорили о необходимости реформъ, частичныхъ и общихъ. Одно обстоятельство особенно подогрѣвало пылъ кишиневскихъ членовъ и придавало имъ рѣчамъ рѣзкое, боевое настроеніе. Въ поращенной Греціи шла въ это время борьба за освобожденіе и подготавливалось возстаніе гэтэристовъ, вспыхнувшее въ 1820 году. Въ Кишиневѣ было очень много греческихъ патріотовъ; здѣсь именно и дѣйствовалъ ихъ революціонный комитетъ. Понятно, какой отзвукъ нашли въ сердцахъ русскихъ мечтателей призывные клики возстанія, имѣвшаго цѣлью сверженіе турецкаго ига. Раевскій писалъ:

„Простите, тамъ для васъ, друзья,
Горитъ денница на востокѣ,
И отразилась заря
Въ шумящемъ кровію потокѣ.
Подъ снѣгъ священную знаменъ
На поле славы боевое
Зовегъ васъ долгъ, добро святое;
Спѣшите, тамъ вокальный звонъ
Поволебалъ подземны своды,
Пробудитъ онъ народный сонъ
И гдѣ дремящей свободы“²⁾.

Въ Кишиневѣ была масонская ложа; надо думать, что члены

Быть можетъ, загадка молчанія или даже отрицанія того, что было, объяснится, если примемъ во вниманіе послѣдующую дѣятельность Липранди, а также неясныя сообщенія Н. С. Алексѣеву Пушкина, отъ 30 октября 1826 г.: „Липранди тебѣ кланяется, живетъ по прежнему здѣсь открыто и, какъ другой Калиостро, Вогъ знаетъ, откуда беретъ деньги“ (Бумаги Пушкина, выг. 1-й, М. 1887 г., стр. 82).

¹⁾ Записки И. Д. Якушина, стр. 34.

²⁾ „Русская Старина“, 1890, т. 66, стр. 363.

„Союза“ придали ей собраніямъ рѣзкій политическій характеръ. Но мы собственно ничего не знаемъ о ней. Когда Пушкинъ, въ 1826 году, въ своемъ письмѣ къ Жуковскому припоминалъ всѣ свои связи, могущія компрометировать его съ точки зрѣнія политической благонадежности, онъ писалъ: „Я былъ масонъ въ вишневецкой ложѣ, т.-е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи“. Основателемъ ложи былъ бригадный командиръ, генералъ П. С. Пущинъ. Сохранился конецъ экспромпта, обращеннаго къ нему Пушкинымъ. Онъ содержитъ несовсѣмъ ясныя для насъ свидѣтельства о направленіи ложи:

„И скоро, скоро смолкнетъ брань
Средь рабскаго народа —
Ты молотокъ возьмешь во длань
И воззовешь: „свобода“!
Хвалю тебя, о, вѣрный братъ,
О, каменщикъ почтенный!
О, Кишневецъ, о, темный градъ!
Ликуй, имъ просвѣщенный!“

Пропаганда оппозиціонныхъ идей шла всюду, гдѣ собирались члены общества и когда они бывали другъ у друга, и на обѣдахъ у генерала Орлова ¹⁾. Не ограничиваясь распространеніемъ идеи въ обществѣ, вишневецкіе члены старались проложить имъ путь въ среду солдатъ. Дѣйствуя въ духѣ свободомыслія, они старались вывести жестокое обращеніе съ солдатами, но отъ этихъ заботъ, обязательныхъ для всякаго, они переходили къ заботамъ о духовной личности солдата. Старались стать въ болѣе близкія и искреннія отношенія къ своимъ подчиненнымъ и, пытаясь расшатать чувства слѣпота подчиненія, они признавали въ солдатѣ независимую личность, — и это былъ фактъ глубоко революціонный. Орловъ ставилъ своей задачей ввести въ своей дивизіи человѣческое отношеніе къ „людямъ“; преслѣдовалъ начальниковъ, жестоко обращавшихся; съ извѣстной точки зрѣнія, онъ являлся нарушителемъ военной дисциплины, принимая и поощряя жалобы нижнихъ чиновъ на жестокость обращенія, и этимъ самымъ вызывая пробужденіе сознанія человѣческаго достоинства. Вниманіе Орлова было обращено на распространеніе грамот-

¹⁾ Извѣстный севастопольскій генералъ Толевъ, начавшій службу въ 16-й дивизіи, вспоминаетъ о политической атмосферѣ разговоровъ: „Однимъ изъ бригадныхъ командировъ дивизіи Орлова былъ генералъ Бологовской, еще будучи капитаномъ стоявшій на караулѣ въ Михайловскомъ замкѣ въ ночь кончины имп. Павла. Бологовской, не стѣсняясь, хвастался, что его шарфъ получилъ историческую извѣстность“. „Русск. Старина“, 1881, т. 30, стр. 873.

ности и просвѣщенія среди солдатъ. Имъ была открыта при дивизіи школа взаимнаго обученія по ланкастерской методѣ для солдатъ, и онъ ревностно заботился о ея процвѣтаніи. Въ письмахъ П. Д. Киселева, начальника штаба второй арміи, отъ 1818—1822 годовъ, сохранились различныя свѣдѣнія о броженіи въ войскахъ. 22 января 1822 года, онъ писалъ А. А. Закревскому въ Петербургъ: „удалите отъ военной службы всѣхъ тѣхъ, которые не дѣйствуютъ по смыслу правительства; всѣ они въ англійскомъ клубѣ безопасны, въ полкахъ чрезмѣрно вредны; духъ времени распространяется повсюду, и нѣкое волненіе въ умахъ замѣтно; радикальные способы къ исторженію причинъ вольнодумства завязать не отъ насъ; но дѣло наше—не дозволить распространяться оному и укрощать, сколько можно, зло. Неумѣстная и непрерывная строгость возродитъ его, а потому остается зараженныхъ удалять и поступать съ ними какъ съ чумными: лечить сколько возможно, но сообщеніе—воспрещать“.

Распространеніе броженія побудило Киселева, въ 1821 г., учредить при арміи тайную полицію. 15 марта 1822 года, онъ писалъ объ этой полиціи Закревскому слѣдующее: „секретная полиція, мною образованная въ іюль 1821 г., много оказала услугъ полезныхъ, ибо много обнаружила обстоятельствъ, черезъ которыя лица и дѣла представились въ настоящемъ видѣ; духъ времени заставляетъ усилить часть сію“. Вотъ еще одинъ отзывъ изъ письма Киселева отъ 22 января 1822 года: „Касательно арміи я долженъ тебѣ сказать, что въ общемъ смыслѣ она, конечно, нравственнѣе другихъ; но въ частномъ разборѣ несомнѣнно найдутся лица неблагомыслящія, которыя стремятся, но безъ успѣха, къ развращенію другихъ; мнѣнія ихъ и дѣйствія мнѣ извѣстны, а потому, слѣдя за ними, я не страшусь какой-либо внезапности и довернута издавна начатое“¹⁾.

Секретные агенты доносили слѣдующія характерныя подробности о броженіи въ Кишиневѣ. „Въ Ланкастеровой школѣ, говорятъ, что кромѣ грамоты учатъ ихъ и толкуютъ о какомъ-то просвѣщеніи. Нижніе чины говорятъ: дивизионный командиръ (М. Ѳ. Орловъ) нашъ отецъ, онъ насъ просвѣщаетъ. 167-ю дивизию называютъ Орловщиной... Пушкинъ ругаетъ публично и даже въ кофейныхъ домахъ не только военное начальство, но даже и правительство... Липранди говоритъ часовымъ, у него стоящимъ: „не утаивайте отъ меня, кто васъ обидѣлъ, я тотчасъ

¹⁾ Заблоцкій-Десятовскій, Гр. П. Д. Киселевъ и его время. Спб. 1882 г., т. I, стр. 156, 157.

доведу до дивизионнаго командира. Я вашъ защитникъ. Молите Бога за него и за меня. Мы васъ въ обиду не дадимъ, и, какъ часовые, такъ вѣстовые, наставленіе сіе передайте одинъ другому“. Охотскаго полка 3-ья гренадерская рота при выходѣ со двора корпуснаго командира разсуждала, и, между прочимъ, вотъ разговоръ одного унтеръ-офицера съ рядовымъ за квартою воды. *Рядовой*:—Ну! какъ принялъ насъ корпусной! Это значить, что онъ не хочетъ подражать дивизионному, который желаетъ образовывать дивизию по своему вкусу, а корпусному-то неприятно, но, дастъ Богъ, найдемъ правду. *Унтеръ-офицеръ*:—Меньше говорить, да больше думать, вотъ какое дѣло. Что-то нашъ полковой молничаешь, только врядъ ли удастся корпусному утушить“¹⁾.

Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій былъ дѣятельнымъ помощникомъ Орлова и вполне оправдывалъ свое званіе члена тайнаго общества. Онъ опредѣленно и ясно заявлялъ свои взгляды, вѣрный своему рѣзкому характеру; между прочимъ, своими разговорами онъ вліялъ на Пушкина, жившаго въ это время въ Кишиневѣ, и поддерживалъ въ немъ оппозиціонное настроеніе; но объ отношеніяхъ Раевского и Пушкина мы будемъ говорить особо. Конечно, въ донесеніяхъ агентовъ имя Раевского попало нерѣдко, и Киселевъ въ теченіе долгаго времени до ареста имѣлъ подъ надзоромъ Раевского, который ему былъ извѣстенъ „вольнодумствомъ, совершенно необузданнымъ“²⁾. Но помимо постоянной устной пропаганды въ средѣ, окружавшей Раевского, Раевскій находился въ тѣхъ особыхъ отношеніяхъ къ солдатамъ, при которыхъ, пользуясь ихъ любовью и уваженіемъ за гуманное обращеніе, онъ могъ разсчитывать, что его слова найдутъ путь въ головы солдатъ. Когда Орловъ открылъ при своемъ дивизионномъ штабѣ ланкастерскую школу, онъ выбралъ преподавателемъ В. Ѳ. Раевского. Здѣсь Раевскій (употребимъ специальный терминъ) „занимался“ съ солдатами. Въ 1821 году, „Союзъ Благоденствія“ былъ закрытъ, и тайное общество, дѣйствовавшее въ двухъ его организаціяхъ—сѣверной и южной, вступило на путь активной пропаганды съ яснымъ сознаніемъ тѣхъ цѣлей, которыхъ надо достигнуть. Въ это время, уже ясно поняли, какою помощи въ ихъ дѣлѣ нужно ждать отъ солдатъ и что нужно дѣлать, чтобы этой помощи добиться. Если прежде съ солдатами толковали о просвѣщеніи, то теперь старались просвѣтить ихъ въ духѣ исповѣдуемыхъ обществомъ истинъ. Извѣстно, что на

¹⁾ „Русская Старина“, 1888, т. 40, стр. 657, 658.

²⁾ Заблоцкий-Десятовскій, *op. cit.*, стр. 158.

съѣздѣ членовъ „Союза Благоденствія“, въ февралѣ 1821 года, въ Москвѣ, М. Ѳ. Орловъ, по личнымъ соображеніямъ, формально порвалъ связи съ обществомъ и съ этихъ поръ уже не принималъ участія въ тайныхъ обществахъ. Не слѣдуетъ думать, что онъ измѣнилъ всѣмъ своимъ убѣжденіямъ, — въ своей основѣ его взгляды были убѣженіемъ чловѣка, гуманнаго и отрицательно относящагося къ существующему порядку. Отдалившись отъ членовъ общества, онъ, понятно, зналъ объ ихъ работѣ, не препятствовалъ ей и оставилъ Раевского по прежнему преподавателемъ школы. Раевскій, послѣ закрытія „Союза“, остался въ числѣ членовъ общества и остался вѣренъ, по выраженію князя С. Г. Волконскаго, „принятой имъ клятвѣ“¹⁾. Онъ, очевидно, сочувствовалъ повороту въ направленіи общества и понималъ, какая работа предстояла теперь ему. Не даромъ онъ вспоминалъ впоследствии, что таинственность его дѣла объяснилась на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Оставаясь учителемъ въ дивизионной школѣ, Раевскій рассчитывалъ на поддержку Орлова, но, по словамъ Якушкина, „въ надеждѣ на покровительство Орлова, онъ слишкомъ рѣшительно дѣйствовалъ и попалъ подъ судъ“²⁾. Когда Раевскій былъ арестованъ, онъ ни словомъ не обмолвился объ Орловѣ. Изъ тюрьмы онъ просилъ передать Орлову, что „онъ судьбу свою сурову съ терпѣніемъ мраморнымъ сносилъ, — нигдѣ себѣ не измѣнилъ“.

Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій былъ арестованъ 6 февраля 1822 года. Началось продолжительное слѣдствіе. Главное вниманіе слѣдственныхъ властей привлекли дѣйствія Раевского въ ланкастерской школѣ. „Необузданное вольнодумство“ было извѣстно и, надо думать, засвидѣтельствовано рѣзкими заявленіями самого Раевского; искали преступныхъ дѣйствій. Доказать, что Раевскій принадлежитъ къ тайному обществу, не удалось, хотя нити заговора были въ рукахъ судей. При обыскѣ, въ бумагахъ Раевского, нашли списокъ всѣмъ тульчинскимъ членамъ. Якушкинъ рассказываетъ удивительную исторію объ этомъ списокѣ: „генераль Сабанѣевъ отправилъ при донесеніи этотъ списокъ, и члены ожидали очень дурныхъ послѣдствій по этому дѣлу. Киселевъ, который безъ сомнѣнія зналъ о существованіи тайнаго общества, призвалъ къ себѣ Бурцева (Бурцевъ тоже былъ членомъ „Союза Благоденствія“ вплоть до его закрытія въ 1821 году; потомъ онъ, подобно Орлову, не принималъ никакого участія въ дѣлахъ

¹⁾ Записки С. Г. Волконскаго, стр. 409.

²⁾ Записки И. Д. Якушкина, стр. 62.

кожнаго общества), который былъ у него старшимъ адъютантомъ, подать ему бумагу и приказалъ тотчасъ по ней исполнить. Пришедши домой, Бурцевъ былъ очень удивленъ, нашедши между листами данной ему бумаги списокъ тульчинскимъ членамъ, писанный Раевскимъ и присланный Сабанъевымъ отдѣльно; Бурцевъ сжегъ списокъ, и тѣмъ кончилось дѣло¹⁾.

Такимъ образомъ, слѣдствію оставалось заниматься только дѣломъ о пропагандѣ Раевского среди солдатъ, въ ланкастерской школѣ. Тайные агенты въ свое время доносили о томъ, „что Раевскій въ школѣ задабриваетъ солдатъ и что прописи включаютъ въ себѣ имена извѣстныхъ республиканцевъ: Брута, Кассія и т. п.“²⁾. Трудно было уловить слѣды преступной пропаганды, потому что она совершалась устно. Слѣдственной комиссіи хотѣлось найти документальное подтвержденіе извѣстамъ шпионовъ въ тѣхъ прописяхъ, которыя употреблялись въ школѣ Раевского. Если онѣ существовали, то нужно предположить, что Раевскій воспользовался весьма остроумнымъ средствомъ для распространенія своихъ идей. Прописи—надо думать—заклучали въ себѣ извѣстныя сентенціи, правила поведения, тѣ истины, которыя декабристы желали распространить въ войскахъ. Фразы прописей воспринимались памятью безъ участія сознанія, прочно осѣдали въ памяти, и нужно было ждать извѣстнаго момента, который ярко освѣтилъ бы содержаніе этихъ фразъ, чтобы вслѣдъ послѣдовала активная реакція на это содержаніе. Комиссія производившая дознаніе, кинулась искать таинственныхъ прописей, но нашла только дозволенные и обращавшіяся во всѣхъ ланкастерскихъ школахъ печатныя таблицы Греча. Тогда привлекли къ дѣлу гевальтигера 16-ой пѣхотной дивизіи, поручика Таушева. Ему поставили въ вину то, что онъ, „получа отъ начальства предписаніе о принятіи въ вѣдѣніе свое, послѣ ареста Раевского, всѣхъ находившихся въ школѣ таблицъ, книгъ и разныхъ вещей, взялъ только однѣ печатныя таблицы Греча, а книги и письменныя прописи, подъ предлогомъ ненужныхъ, отдалъ служителю капитана Охотникова, который жилъ на одной квартирѣ съ Раевскимъ и находился съ нимъ въ тѣсной связи³⁾. Намъ извѣстно, что Охотниковъ былъ также членомъ „Союза Благоденствія“, и только смерть спасла его отъ преслѣдованій. Какъ бы тамъ ни было, но прописей, компрометирующихъ Раевского, не нашли. Остались только подозрѣнія и допросы. Среди доносчиковъ

1) Записки И. Д. Якушкина, стр. 57, 58.

2) „Русскій Архивъ“, 1866, стр. 1437.

3) „Русская Старина“, 1873, т. VII, стр. 873, 874.

были не только безыменные тайные агенты, — были и всѣмъ извѣстные доносители. Объ одномъ изъ нихъ и мы знаемъ. Это былъ иркутскій архіерей Иринея; его знали еще по „иркутскому бунту“. Будучи уже иркутскимъ архіепископомъ, онъ отказался признать за подлинныя синодскіе указы о своей отставкѣ и обвинилъ губернскія власти въ злоумышленіи на его жизнь и государственной измѣнѣ и т. д. ¹⁾ Онъ былъ сосланъ въ Вологду, въ Прилуцкій монастырь; здѣсь ему учинили допросы, и на этихъ допросахъ онъ сообщилъ слѣдующее о своемъ разговорѣ съ городскимъ головой. Между прочимъ, городской голова сказалъ Иринею, что „есть въ Иркутскѣ (собственными показанія Иринея) Раевскій, и что когда я былъ еще на пути изъ Пензы въ Иркутскъ, распространилась молва, что я виною ссылки его, Раевского, въ Сибирь, что онъ проводитъ часто время у Муравьева... При семъ я вспомнилъ, что еще когда былъ ректоромъ въ Бессарабіи, то мной первоначально было открыто зловерное для государства ученіе, которое преподавалъ бывшій тогда майоръ сей Раевскій юнкерамъ въ военномъ бессарабскомъ лицейѣ. Тогда дивизионнымъ командиромъ былъ Мих. Фед. Орловъ, а корпуснымъ — Сабанѣевъ. Раевскій найденъ былъ виновнымъ и сосланъ въ Сибирь“ ²⁾.

Для возбужденія дѣла противъ Раевского было достаточно причинъ на мѣстѣ, но тутъ играли роль и другія обстоятельства. По характерному выраженію Липранди, изъ главной квартиры настоятельно требовали открытія заговора. Почти съ самаго вступленія въ должность начальника штаба (въ 1819 году), Киселевъ получалъ обильныя предостереженія отъ Закревскаго относительно Пестеля: „Возьми свои мѣры, — писалъ Закревскій 2 іюня 1819 года; — Государь своего мнѣнія о Пестелѣ не перемѣнитъ и не перемѣнитъ. Онъ его хорошо, кажется, знаетъ“ ³⁾. Въ 1821 г. была подана имп. Александру I графомъ Бенкендорфомъ извѣстная записка о тайныхъ обществахъ. Съ самаго начала своего служенія во 2-ой арміи Киселевъ былъ озабоченъ созданіемъ правильно организованной секретной полиціи. Ему ревностно помогалъ въ этомъ дѣлѣ корпусный командиръ Сабанѣевъ. Полиція должна была вслѣживать нити заговора. О необходимости открытія общества писали, по всей вѣроятности, изъ Петербурга. Поиски разрѣшились арестомъ Раевского, который не пользовался симпатіями ни

¹⁾ О немъ въ послѣднее время появилась статья г. Пфадіуса въ „Вѣстникѣ всемірной исторіи“ за 1900 годъ.

²⁾ „Русская Старина“, 1882, т. XXXVI, стр. 102.

³⁾ Заблоцкій-Десатовскій, *op. cit.*, стр. 89.

корпуснаго командира Сабанѣева, ни начальника его штаба, Вахтена. Вахтенъ уже давно имѣлъ свои причины негодовать на Раевского. „При инспектированіи полка, когда Раевскій былъ еще ротнымъ командиромъ, Вахтенъ сообщалъ, что онъ много говоритъ за столомъ при старшихъ и тогда, когда его не спрашиваютъ; что онъ, на свой счетъ, спилъ для роты двухшешевные салюги; что онъ часто стрѣляетъ изъ пистолета въ цѣль“¹⁾. Начиная явное разслѣдованіе о преступной дѣятельности Раевского, разсчитывали открыть самый заговоръ. Пушкинъ, подслушавшій разговоръ Сабанѣева съ Инзовымъ о Раевскомъ наканунѣ его ареста, ясно уразумѣлъ изъ послѣднихъ словъ Сабанѣева, наставлявшаго на арестованіи Раевского, что „ему такъ привязано: ничего нельзя открыть, пока Раевскій не арестованъ“²⁾. Любопытно, что декабристы, знавшіе Раевского и по его дѣятельности въ тульчинскомъ отдѣлѣ, и по Сибири, очень глухо говорятъ о сущности его дѣла. Почему же глухо? Не по соображеніямъ ли, внушеннымъ осторожностью? — Басаргинъ, сидѣвшій въ петропавловской крѣпости рядомъ съ Раевскимъ и переговаривавшійся съ нимъ, ограничивается только сообщеніемъ: „онъ мнѣ разсказалъ подробности своего дѣла“³⁾. Деталей своего дѣла не сообщаетъ въ письмахъ и самъ Раевскій. Открыто ли ихъ официальное разслѣдованіе, хранящееся, надо думать, въ государственномъ архивѣ?

Вотъ—все, что намъ удалось найти о политической дѣятельности Раевского, окончившейся 6 февраля 1822 года; но исторія бурныхъ лѣтъ кишиневской жизни Владиміра Федосѣевича была бы неполна, если бы мы прошли молчаніемъ важный въ исторіи нашей литературы эпизодъ сношеній Раевского и Пушкина, жившаго въ это время въ ссылке въ Кишиневѣ. Подробности этихъ отношеній обрисовываютъ личность Раевского съ другихъ, еще неизвѣстныхъ намъ сторонъ и помогутъ намъ составить о немъ болѣе ясное представленіе.

IV.

Кажется, ни въ одной исторіи провинціального русскаго города не разрабатывались съ такими подробностями и такимъ вниманіемъ событія короткаго, двухъ или трехлѣтняго періода городской жизни, какъ въ лѣтописяхъ города Кишинева годъ 1820—1823.

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1866, стр. 1437.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1874, июнь, стр. 858.

³⁾ Девятнадцатый вѣкъ, изд. П. И. Бартечева, кн. 1-я. М. 1872, стр. 74.

Особенный интересъ именно этихъ лѣтъ кишиневской лѣтописи объясняется тѣмъ, что на это время падаетъ пребываніе въ этомъ городѣ Пушкина. Эпизодъ его отношеній къ Владимиру Федосѣевичу Раевскому—одна изъ наиболѣе интересныхъ и значительныхъ страницъ исторіи кишиневской жизни поэта. Среди массы кишиневскихъ пріятелей, собутыльниковъ, пріятныхъ и веселыхъ собесѣдниковъ, знакомыхъ просто,—Раевскій былъ однимъ изъ немногихъ людей, которыхъ поэтъ дарилъ своей дружбой, и единственнымъ человѣкомъ, который былъ достоинъ этой дружбы. Къ „друзьямъ“ великихъ людей нужно относиться особенно осторожно: стоитъ только подумать о томъ, какъ много, напримѣръ, было друзей у Пушкина, да такихъ, о дружбѣ которыхъ съ поэтомъ мы знаемъ не изъ ихъ собственныхъ разсказовъ только, а изъ свидѣтельствъ самого Пушкина. Истинныхъ друзей, людей, которые вносили бы свое творчество, свою индивидуальность въ отношенія дружбы, у Пушкина было немного, а обиліе друзей находить свое объясненіе въ богатствѣ и щедрости души поэта. Онъ не бралъ дружбы, а дарилъ ее. Различныя воспоминанія о кишиневскихъ годахъ жизни Пушкина называютъ имена пяти лицъ, съ которыми онъ былъ дружески близокъ и общеніе съ которыми доставляло ему искреннее удовольствіе: это—Алексѣевъ, Горчаковъ, Вельтманъ, Липранди и Раевскій. Алексѣевъ и Горчаковъ платили поэту за его отношеніе чувствами искренней преданности, но врядъ ли дружескія чувства, связывавшія ихъ съ Пушкинымъ, были глубоки. Одна характерная фраза изъ письма Алексѣева (отъ 1826 года) къ Пушкину освѣщаетъ характеръ ихъ отношеній; вспоминая о названіяхъ: „лукавый соперникъ и черный другъ“, данныхъ ему Пушкинымъ, Алексѣевъ пишетъ: „Я имѣлъ многихъ пріятелей, но въ обществѣ съ тобою я себя лучше чувствовалъ, и мы, кажется, понимали другъ друга. Несмотря на названія лукаваго соперника и чернаго друга, я могу сказать, что мы были друзья-соперники и жили пріятно“¹⁾. Съ Горчаковымъ и Вельтманомъ Пушкинъ могъ бесѣдовать о литературѣ; сохранился отвѣтъ Пушкина Горчакову на его критическія замѣчанія о „Кавказскомъ Плѣнникѣ“,—отвѣтъ, по которому чувствуется, что Пушкинъ не очень цѣнилъ эстетическія сужденія своего пріятеля. Липранди, въ ту эпоху занимавшійся собираніемъ историческихъ данныхъ о Бессарабіи и выдѣлявшійся своимъ радикализмомъ, также былъ друженъ съ Пушкинымъ. „Онъ мнѣ добрый пріятель,—писалъ о немъ Пушкинъ

¹⁾ Бумаги А. С. Пушкина. Вып. I-й М. 1881, стр. 81.

Вяземскому,—и (вѣрная порука за честь и умъ) нелюбимъ нашимъ правительствомъ и въ свою очередь не любитъ его¹⁾. Въ бумагахъ Пушкина сохранился еще отзывъ о Липранди, какъ о человѣкѣ, „соединяющемъ ученость истинную съ отличными достоинствами человѣка“²⁾. Но и Липранди, и Вельтманъ, и Горчаковъ и Алексѣевъ—были мало оригинальныя фигуры, среднія личности, и, можно съ увѣренностью утверждать, ничего не дали поэту, кромѣ, быть можетъ, воспоминаній о *приятности* совмѣстной съ ними жизни. Если былъ въ Кишиневѣ человѣкъ, общеніе съ которымъ могло быть плодотворно и значительно для Пушкина, то такимъ человѣкомъ былъ Раевскій. Пушкинъ не зналъ о томъ, что Раевскій былъ членомъ тайнаго общества, и его нелегальная дѣятельность оставалась неизвѣстной Пушкину. Онъ и впослѣдствіи, очень интересуясь судьбой Раевского, никакъ не могъ уяснить себѣ сущности его процесса, тайнаго и преступнаго элемента его дѣятельности. Но, безъ сомнѣнія, отъ Пушкина не могло укрыться то идеалистическое возбужденіе, которое привело Раевского къ вступленію въ тайное общество и не оставляло его во все время дѣятельности по дѣламъ общества; понятно, Раевскій, какъ и всѣ молодые заговорщики, не сознавалъ своихъ политическихъ убѣжденій, своего образа мыслей. Въ эпоху 1820—1823 годовъ, и въ Кишиневѣ, и въ Каменкѣ, куда съѣзжались на свои собранія будущіе декабристы, Пушкинъ жилъ въ атмосферѣ политическихъ разговоровъ: стѣнать только вспомнить, что въ этотъ періодъ въ Кишиневѣ находились и Орловъ Мих. Ѳед., и Раевскій, и Охотниковъ, и Липранди, принадлежавшіе къ „Союзу Благоденствія“. Пушкину суждено было только подозрѣвать своихъ знакомыхъ и друзей въ принадлежности къ тайному обществу, только догадываться, что гдѣ-то внѣ сферы его зрѣнія эти люди занимаются чѣмъ-то тайнымъ, недозволеннымъ и страшнымъ, такимъ, что можетъ кончиться очень плохо. Быть можетъ, помимо политическихъ убѣжденій, Пушкина тянуло къ этимъ людямъ еще скрытый, но чувствуемый художникомъ трагизмъ ихъ жизни. Возможность трагическаго конца жизни освѣщала этихъ людей особымъ свѣтомъ. Въ одной изъ черновыхъ тетрадей Пушкина, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ (№ 2368, листъ 38-ой), мы встрѣчаемъ слѣдующій рисунокъ: валъ и ворота крѣпости, на валу висѣлица и на ней пять повѣшенныхъ, а сбоку страницы приписка: „я бы могъ, какъ тутъ на“... Внизу

¹⁾ Ibid., т. VII, стр. 27.

²⁾ Ibid., т. I, стр. 279.

опять тотъ же рисунокъ и начало фразы: „И я бы могъ“. Въ этой замѣткѣ, относящейся къ 1826 году и къ казни пяти декабристовъ, набросанной неволью, не предназначенной для другихъ, не нужно искать указаній на фактическую исторію жизни Пушкина; рисунокъ и замѣтка свидѣтельствуютъ только о томъ волненіи, которое возбуждалъ въ немъ трагизмъ дѣятельности декабристовъ. Дальше мы увидимъ, что Раевскій былъ однимъ изъ немногихъ людей въ Кишиневѣ, къ которымъ поэтъ относился съ полнымъ уваженіемъ.

У Раевского была одна общая черта со многими декабристами, въ особенности съ декабристами-писателями, — своеобразный патриотизмъ. Возвысившись до идеальнаго представленія о высокой цѣли жизни и благѣ родины, посвятивъ свою дѣятельность самоотверженной любви къ своимъ соотечественникамъ, — и Раевскій, и многіе другіе не могли освободиться отъ чувства національной исключительности и нетерпимости. Раевскій питалъ, напримѣръ, ненависть къ нѣмцамъ; однимъ изъ мотивовъ возникновенія въ немъ оппозиціоннаго настроенія было „возстановленіе“ всегда враждебной намъ Польши. На ряду съ этой нетерпимостью необходимо отмѣтить стремленіе къ національной самобытности, — борьбой за самобытное, національное содержаніе опредѣляется значеніе литературной дѣятельности декабристовъ. Раевскій въ своихъ разговорахъ съ Пушкинымъ не разъ утверждалъ, что въ русской поэзіи не должно приводить ни именъ изъ мѣлологіи, ни историческихъ лицъ Греціи и Рима, — что у насъ то и другое есть свое. Къ достоинствамъ Раевского нужно отнести его образованность, его солидные и большія знанія, особенно въ области историческихъ наукъ. Наконецъ, Раевскій самъ былъ поэтомъ и, слѣдовательно, могъ быть судьей поэтическихъ произведеній. Вотъ тѣ данныя, которыхъ, во всей ихъ совокупности, не было ни у одного изъ кишиневскихъ пріятелей Пушкина, и которыя вызвали дружбу Пушкина къ Раевскому и выдвигаютъ послѣдняго на первое мѣсто въ кишиневской толпѣ друзей поэта. Въ общеніи съ Раевскимъ на Пушкина могъ еще дѣйствовать темпераментъ поэта и заговорщика. Человѣкъ громадной энергіи, рѣдкой силы воли, пылкій и горячій, онъ всегда находился, по выраженію Липранди, „въ весело-мрачномъ“ расположеніи духа.

Соберемъ теперь разбросанныя данныя, освѣщающія картину отношеній Пушкина и Раевского ¹⁾. Въ своемъ письмѣ

¹⁾ Привода цитаты изъ воспоминаній Липранди („Русскій Архивъ“, 1866), не указываемъ страницъ.

къ Жуковскому, отъ января 1826 года, Пушкинъ, перебирая всё свои связи, могущія компрометировать его въ глазахъ правительства, на первомъ мѣстѣ вспоминаетъ о Раевскомъ. „Въ Кишиневѣ я былъ друженъ съ маіоромъ Раевскимъ“, — пишетъ Пушкинъ. Вотъ его собственное показаніе о характерѣ отношеній къ Раевскому. Пушкинъ бывалъ у Раевского и часто встрѣчался съ нимъ у Липранди. Эти встрѣчи очень часто сопровождались спорами „всегда о чемъ-нибудь дѣльномъ“; изъ чтенія „Воспоминаній“ Липранди выносишь такое впечатлѣніе, будто споры — специфическая особенность отношеній Раевского и Пушкина. Первый былъ очень рѣзокъ въ своихъ возраженіяхъ, но Пушкинъ, не переносившій рѣзкостей со стороны собесѣдниковъ, выслушивалъ ихъ отъ Раевского и не обижался. Липранди подмѣтилъ, что Пушкинъ иногда завязывалъ споры съ видимымъ желаніемъ удовлетворить своей любовнательности; поэтому-то онъ не оскорблялся рѣзкими выраженіями своего оппонента, а напротивъ, какъ казалось Липранди, „искалъ выслушивать бойкую рѣчь Раевского“. Пушкинъ, очевидно, находилъ пользу въ этихъ спорахъ, такъ какъ не разъ, черезъ день, два послѣ такихъ бесѣдъ, обращался къ Липранди, обладавшему большой бібліотекой, за книгами, которыя имѣли отношеніе къ предмету спора. Между прочимъ, Пушкинъ условился съ Липранди на тотъ счетъ, что если у него, Липранди, не найдется нужныхъ Пушкину книгъ, то Липранди будетъ доставать ихъ у другихъ лично для себя, скрывая, что онѣ предназначаются поэту. Эти споры, по свидѣтельству Липранди, очень содѣйствовали расширенію умственного кругозора Пушкина и обогатили его знанія, особенно въ области историческихъ наукъ; очевидецъ приводитъ слѣдующій любопытный фактъ: „одинъ разъ какъ-то Пушкинъ ошибся и указалъ на мѣстность въ одномъ изъ европейскихъ государствъ не такъ. Раевскій вликнулъ своего человѣка и приказалъ ему показать на висѣвшей на стѣнѣ картѣ пунктъ, о которомъ шла рѣчь; человѣкъ тотчасъ исполнилъ. Пушкинъ смѣялся болѣе другихъ, но на другой день взялъ Мальтебрюна“.

Въ памяти Липранди осталось нѣсколько споровъ Раевского съ Пушкинымъ. Одинъ разъ Пушкинъ оспаривалъ приведенное выше мнѣніе Раевского о томъ, что въ русской поэзіи не должно приводить не-русскія имена; не одинъ разъ въ своихъ бесѣдахъ они обращались къ вопросу о мѣстѣ ссылки Овидія (встати: у Раевского было свое прозвище для Пушкина — „Овидіевъ племянникъ“). Въ спорахъ часто затрогивались, конечно, темы политическія и историческія, но кромѣ этихъ темъ Пушкинъ бе-

сѣдоваль съ Раевскимъ о литературѣ. Липранди пишетъ объ этихъ спорахъ: „такъ какъ предметъ этотъ меня вовсе не занималъ, то я и не обращалъ никакого вниманія на эти диспуты, неоднократно возобновлявшіеся“. Только одинъ споръ, по темѣ своей тоже отчасти литературный, сохранился въ памяти Липранди.

„Помню очень хорошо, — пишетъ онъ, — между Пушкинымъ и В. О. Раевскимъ горячій споръ (какъ между ними другого и быть не могло) по поводу: „рѣжь меня, жги меня“; но не могу положительно сказать, кто изъ нихъ утверждалъ, что—„жги“ принадлежитъ русской пѣснѣ, и что вмѣсто „рѣжь“, слово—„говори“—имѣеть въ „пытеѣ“ то же значеніе, и что споръ этотъ порѣшилъ отставной фейерверкеръ Ларинъ, обыкновенно жившій у меня. Не понимая, о чемъ дѣло, и уже довольно попробовавшій за ужиномъ полыннаго, потянулъ онъ эту пѣсню — „ой, жги, говори, рукавички барановыя“! Эти послѣднія слова превратили споръ въ хохотъ и обыкновенныя съ Ларинымъ проказы“.

Пушкинъ и Раевскій сыпали остроуміемъ въ своихъ бесѣдахъ. Въ одну изъ нихъ Раевскому пришла мысль приспособить извѣстную пѣсню о Мальбругѣ, отправившемся въ походъ, въ смерти извѣстнаго фронтовика, подполковника Адамова. По почину Раевского и при усердномъ содѣйствіи Пушкина изъ передѣлки получилась сатира, затронувшая многихъ лицъ по начальству.

Когда 6-го февраля 1822 года былъ арестованъ Раевскій, — и совершенно внезапно порвались тогда и его личные сношенія съ Пушкинымъ, — Пушкину, жившему у Инзова, пришлось узнать о готовящемся арестѣ Раевского, и онъ за день до ареста, 5 февраля, предупредилъ своего друга. Вотъ какъ рассказываетъ самъ Раевскій объ этомъ:

„1822 года, 5-го февраля, въ 9 часовъ пополудни, кто-то постучался у моихъ дверей. Арнаутъ, который стоялъ въ безмолвіи передо мною, вышелъ встрѣтить или узнать, кто пришелъ. Я курилъ трубку, лежа на диванѣ.

— Здравствуй, душа моя! — сказалъ Пушкинъ весьма торопливо и измѣнившимся голосомъ.

— Здравствуй, чтò новаго?

— Новости есть, но дурныя; вотъ почему я прибѣжалъ къ тебѣ.

— Добраго я ничего ожидать не могу послѣ безчеловѣчныхъ пытокъ С. (очевидно, Сабанѣва). Но чтò такое?

— Вотъ чтò, — продолжалъ Пушкинъ. — Сабанѣевъ уѣхалъ

отъ генерала (Инзова); дѣло шло о тебѣ. Я не охотникъ подслушивать, но, слыша твое имя, часто повторяемое, призываюсь, согрѣшилъ, приложилъ ухо. Сабанѣевъ утверждалъ, что тебя надо непременно арестовать; нашъ Инзушка—ты знаешь, какъ онъ тебя любитъ—отстаивалъ тебя горячо. Долго еще продолжался разговоръ, я многого не дослышалъ, но изъ послѣднихъ словъ Сабанѣева ясно уразумѣлъ, что ему приказано: ничего нельзя открыть, пока ты не арестованъ.

— Спасибо,—сказалъ я Пушкину:—я этого почти ожидалъ, но арестовать штабъ-офицера по однимъ подозрѣніямъ—отзывается турецкою расправой; впрочемъ, что будетъ, то будетъ. Пойдемъ къ Липранди,—только ни слова о моемъ дѣлѣ¹⁾.

Раевскій былъ отвезенъ въ тираспольскую крѣпость. Несмотря на строгія предписанія, все-таки была возможность видѣться и говорить съ нимъ. Липранди, въ серединѣ 1822 года, нашелъ случай поговорить съ Раевскимъ во время его прогулки по глазису крѣпости. Раевскій передалъ ему свое большое стихотвореніе „Пѣвецъ въ темницѣ“ и поручилъ сказать Пушкину, что онъ пишетъ ему длинное посланіе. „Пѣвецъ въ темницѣ“ произвелъ большое впечатлѣніе на Пушкина и, быть можетъ, оказалъ непосредственное вліяніе на его произведенія; мы не знаемъ, къ сожалѣнію, этого стихотворенія въ полномъ видѣ. Посланіе къ Пушкину вовсе не дошло до насъ; зато въ сохранившемся „Посланіи къ друзьямъ въ Кишиневѣ“, написанномъ въ тираспольской крѣпости 28-го марта 1822 года, мы находимъ строки, относящіяся къ Пушкину. Въ нихъ данъ какъ бы итогъ всѣхъ разговоровъ между друзьями; въ нихъ „пѣвецъ въ темницѣ“ плетъ свое завѣщаніе поэту, оставшемуся на свободѣ. Раевскому приходятъ на мысль тѣ страданія, которыя готовятъ ему тюремное заключеніе, быть можетъ, долгодѣнее, и онъ чувствуетъ, что его силъ не хватитъ на изображеніе этихъ страданій. Онъ вспоминаетъ о Пушкинѣ, и это обращеніе содержитъ въ себѣ высокую оцѣнку поэтического дарованія поэта и выражаетъ взглядъ Раевского на задачи поэзіи:

„Но пусть не я, другой пѣвецъ,
Страстей высокихъ юный жрецъ,
Син подземныя картины
Страданья, пытки Угоины,
Стихами Давта воспоетъ!

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1874, іюнь, стр. 857, и „Русская Старина“, 1887, т. 56, стр. 132.

Сковала мысль мою, какъ ледь,
 Уже темничная зараза;
 Жилецъ темницы отдастъ
 Тебѣ сей лавръ, пѣвецъ Кавказа.
 Оставь другимъ пѣвцамъ любовь:
 Любовь ли пѣть, гдѣ льется кровь;
 Гдѣ вать съ насмѣшкой и улыбкой
 Терзаетъ насъ кровавой пыткой“¹⁾

Пушкинъ очень интересовался судьбой „спартанца“, какъ они прозвали Раевского. Онъ очень много, съ видимымъ участіемъ разспрашивалъ о Раевскомъ Липранди, послѣ его свиданія съ заключеннымъ; но онъ, очевидно, никакъ не могъ добиться точныхъ и опредѣленныхъ разъясненій, за что же собственно былъ взятъ „спартанецъ“ въ крѣпость. Дѣло Раевского представлялось ему таинственнымъ, важнымъ и страшнымъ. Во время известнаго свиданія Ив. Ив. Пущина съ Пушкинымъ въ селѣ Михайловскомъ, 11-го янв. 1825 года, въ разговорѣ они незамѣтно коснулись опять подозрѣній насчетъ общества. „Когда я ему сказалъ, — вспоминаетъ Пущинъ, — что не я одинъ поступилъ въ это новое служеніе отечеству, онъ вскочилъ со стула и вскрикнулъ: „Вѣрно, все это въ связи съ майоромъ Раевскимъ, котораго пятый годъ держатъ въ тираспольской крѣпости и ничего не могутъ выпытать“²⁾.

Быть можетъ, сложившееся у Пушкина представленіе о важности дѣла Раевского и было причиной того, что онъ въ одномъ случаѣ, о которомъ мы расскажемъ ниже, выказалъ неожиданное и несвойственное ему житейское благоразуміе. Въ 1824 году Пушкину случилось заночевать въ Тирасполѣ, и здѣсь ему представилась возможность имѣть свиданіе съ Раевскимъ. Сабанѣевъ, которому были известны дружескія отношенія Раевского и Пушкина, далъ на это согласіе, но Пушкинъ рѣшительно отвергнулъ предложеніе повидаться съ Раевскимъ, отговариваясь тѣмъ, что ему надо быть въ опредѣленный часъ въ Одессѣ. Въ Одессѣ Липранди задалъ Пушкину вопросъ, почему онъ не повидался съ Раевскимъ, когда ему было предложено это самимъ корпуснымъ командиромъ. „Пушкинъ, — пишетъ Липранди, — будто бы нѣсколько былъ озадаченъ моимъ вопросомъ и сталъ оправдываться тѣмъ, что онъ спѣшилъ, и кончилъ полнымъ признаніемъ, что въ его положеніи ему нельзя было воспользоваться этимъ предложеніемъ, хотя онъ былъ убѣжденъ, что оно было

¹⁾ „Русская Старина“ 1890, т. 66, стр. 368.

²⁾ Л. Н. Майковъ, „Пушкинъ“. Спб. 1899, стр. 81.

сдѣлано Сабанѣвымъ съ искреннимъ желаніемъ доставить ему и Раевскому удовольствіе, но что нѣмецъ Вахтенъ не упустилъ бы сообщить этого свиданія въ Тульчинъ, а тамъ много усерднѣйшихъ, которые поспѣшатъ сдѣлать то же въ Петербургъ и пр.“. Такое поведеніе было благоразумнымъ съ практической точки зрѣнія и имѣло свои основанія, но изъ стихотвореній Раевского мы видимъ, какъ тяготило его во время пребыванія въ тюрьмѣ безучастное отношеніе друзей:

„Когда громъ грянулъ надъ тобою,
Гдѣ были братья и друзья?
Раздался ль внятно за тебя
Ихъ голосъ смѣлый подъ гровою?
Нѣтъ, ихъ раскрашенные лица
И въ счастья гордое чело—
При словѣ: казни и темницы—
Могильной тѣнью повело“...

Все-же надобно думать, что Раевскій не причислялъ Пушкина къ тѣмъ друзьямъ, о которыхъ онъ говоритъ въ этихъ стихахъ...

Атмосфера, окружавшая Пушкина въ кишиневскій періодъ его жизни, атмосфера политическихъ разговоровъ, бесѣдъ о „тѣхъ“ и „той“¹⁾, мечтаній о зарѣ свободы золотой, поддерживала оппо-

„Вотъ эхаристія другая,
Когда и ты, и мой братъ,
Передъ каменною надѣвая
Демократическій халатъ,
Спасенія чашу наполняли
Безцѣнной, мерзлой струей
И за здоровье *тыя* и *той*
До дна, до капли выпивали...
Но *ты* въ Неаполѣ шалить,
А *та* едва ли тамъ воскреснетъ:
Народы тишины хотятъ,
И долго ихъ время не треснетъ“, и т. д.

зиціонное настроеніе поэта и питала его гражданскія стремленія. Кишиневскій періодъ былъ эпохой наибольшаго воздѣйствія на поэта оппозиціонныхъ теченій первой четверти прошлаго вѣка; мы не ошибемся, если скажемъ, что эти годы были поворотными въ отношеніи Пушкина къ движенію, въ которомъ принимали участіе многіе изъ его друзей. Быть можетъ, то житей-

¹⁾ Въ известномъ письмѣ къ В. Л. Давыдову Пушкинъ вспоминаетъ о разговорахъ, происходившихъ въ Каменкѣ:

свое благоразуміе, которое поэтъ выказалъ въ 1824 году въ Тирасполѣ относительно свиданія съ Раевскимъ, было результатомъ уже сложившагося въ душѣ Пушкина рѣшенія о своихъ отношеніяхъ къ заговорщикамъ. Ни въ какой другой періодъ Пушкина не занимали такъ сильно мысли и убѣжденія, раздѣлявшіяся членами тайныхъ обществъ и людьми радикально настроенными; никогда его такъ не волновали ихъ чувства и настроенія. Въ поэтическихъ произведеніяхъ Пушкина, написанныхъ въ эти годы, мы найдемъ не мало отраженій политической атмосферы, окружавшей поэта. „Его поэзія, — по справедливому замѣчанію г. Мякотина, — и теперь не стала поэзіей гражданской, тѣмъ менѣе политической, но въ ней прорывались въ эту пору болѣе рѣзкіе и страстные звуки, чѣмъ когда бы то ни было“¹⁾. Стоить только вспомнить, что въ это время написаны: „Кинжалъ“, стихотвореніе необыкновенной силы, извѣстное посланіе къ В. Л. Давыдову о „тѣхъ“ и „той“, „Наполеонъ“, отрывокъ, заключающій сопоставленіе Наполеона съ Александромъ, и т. д. Еще болѣе драгоцѣнные свидѣтельства о степени вліянія политическихъ настроеній на творчество поэта — въ отдѣльныхъ фразахъ, замѣткахъ, стихахъ, начатыхъ и брошенныхъ, рисункахъ, разсѣянныхъ въ кишиневскихъ тетрадяхъ поэта²⁾. Всѣ эти мелочи, набросанныя на бумагу, быть можетъ, совершенно произвольно, даютъ ключъ къ тому, что занимало и волновало поэта. Мы найдемъ въ рукописяхъ и многочисленные рисунки фригійскихъ шапокъ, и рисунки головъ съ рѣзкими чертами лица (одна въ ночной повязкѣ съ надписью: „Maat“; подъ другой, съ длиннокудрыми волосами, подписано: „Sand“ и т. д.). Вотъ, напр., афоризмъ: „только революціонная голова, подобная Мар. (Мир.—?) и И. (?), можетъ любить Россію такъ, какъ писатель можетъ любить ея языкъ... Все должно творить въ этой Россіи и въ этомъ русскомъ языкѣ“. А вотъ отрывокъ: „Вездѣ яремъ, сѣкира иль вѣнецъ; вездѣ злобный иль малодушный. Предразсужденія Тиранъ-льстецъ, — Предразсужденій рабъ послушный“... Вотъ прекрасный черновой набросокъ:

„Кто, волны, васъ остановилъ,
Кто оковагъ вашъ бѣгъ могучій,

¹⁾ В. А. Мякотинъ, Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки. Спб. 1902, стр. 279.

²⁾ См. описаніе ихъ въ статьяхъ В. Е. Якушкина: „Рукописи Пушкина, хранящіяся въ Румянцевскомъ музеѣ“; „Русская Старина“, 1884 годъ. Отсюда взяты нами всѣ свидѣтельства рукописей; отдѣльныхъ ссылокъ не дѣлаемъ.

Кто въ прудъ безмолвный и дремучій
Потокъ мятежный обратитъ?

Вы, бури, вѣтры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплотъ!
Гдѣ ты, гроза? символъ свободы,
Промчась поверхъ невольныхъ водъ“!

Въ рукописяхъ поэта найдется еще не мало подобныхъ замѣтокъ, этихъ тайныхъ и невольныхъ свидѣтелей того, о чемъ думалъ ихъ хозяинъ. Не будетъ, кажется, преувеличеніемъ утверждать, что мысли политическаго характера давали тонъ всему настроенію поэта въ теченіе его кшпиневской жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что однимъ изъ наиболѣе,—быть можетъ, даже самымъ усерднымъ и энергичнымъ проводникомъ и защитникомъ политическихъ идей передъ Пушкинымъ—былъ Раевскій. Мы, конечно, не можемъ точно опредѣлить степень вліянія Раевского на складъ политическихъ убѣжденій и настроеній поэта; невозможно уловить и фиксировать это вліяніе. Но есть другія области, въ которыхъ вліяніе Раевского сказывается гораздо ощутительнѣе.

Вспомнимъ строфы изъ посланія въ Чаадаеву:

„Въ уединеніи мой своеобразный гениі
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій;
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ дружнѣ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ,
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщенія стать съ вѣкомъ наравнѣ“.

Къ этимъ стихамъ, какъ къ свидѣтельству самого поэта о своихъ занятіяхъ съ цѣлью расширенія кругозора, часто относились съ недобѣриемъ; но вспомнимъ о спорахъ Пушкина съ Раевскимъ и ихъ значеніи для поэта. Вотъ своеобразно выраженное мнѣніе Липранди о бесѣдахъ съ Раевскимъ (кромѣ него, еще и съ Охотниковымъ, Орловымъ и Вельтманомъ): „онѣ, такъ сказать, дали толчокъ къ дальнѣйшему развитію научно-умственныхъ способностей Пушкина, по предметамъ серьезныхъ наукъ“. Раевскій особенно интересовался исторіей и географіей родной страны; этотъ интересъ стоитъ въ связи съ чувствами своеобразнаго патриотизма и характернымъ для многихъ декабристовъ стремленіемъ къ самобытности. Въ литературѣ типичный образецъ этого обращенія къ національному представляютъ „Думы“ Рылѣева. Мы знаемъ взгляды Раевского на необходимость русскаго содержанія въ поэтическихъ произведеніяхъ. Надо думать,

что Раевскій не разъ толкалъ Пушкина къ подобнымъ сюжетамъ; впоследствии и Рыдѣевъ побуждалъ Пушкина въ нимъ. „Ты около Пскова,—писалъ онъ ему:—тамъ задушены послѣднія вспышки русской свободы, — настоящій край вдохновенія, и неужели Пушкинъ оставить эту землю безъ поэмы“, и т. п. Во всякомъ случаѣ, Раевскій несомнѣнно обратилъ вниманіе Пушкина на русскую старину и содѣйствовалъ обогащенію его историческихъ знаній. Какъ разъ въ вишиневскихъ рукописяхъ поэта мы найдемъ много свидѣтельствъ того, что поэтъ очень занимали въ это время темы древней русской исторіи. Сохранился цѣлый рядъ историческихъ программъ различныхъ произведеній объ Олегѣ, Изяславѣ, Владимірѣ и т. д. Къ 1822 году относится и первый планъ для сказки о „Царѣ Салтанѣ“. Въ этомъ же году поэтъ дѣлалъ вступительные наброски къ поэмѣ о Вадимѣ, но объ этомъ скажемъ ниже. Наконецъ, въ этому же году относятся замѣтки Пушкина о русской исторіи со временъ Петра I; взгляды, высказанные въ этихъ замѣткахъ, вполне соотвѣтствуютъ мнѣніямъ передовыхъ элементовъ русскаго общества. Подъ извѣстной „Пѣснью о вѣщемъ Олегѣ“ стоитъ дата: „1 марта 1822 г.“. Раевскій арестованъ былъ 6 февраля этого же года. Не вспоминалъ ли Пушкинъ о бесѣдахъ съ Раевскимъ, о его проповѣди самобытнаго содержанія поэтическихъ произведеній, когда онъ набрасывалъ эту балладу?

Липранди записалъ въ своемъ дневникѣ о томъ впечатлѣніи, которое произвело на Пушкина первое чтеніе „Пѣвца въ темницѣ“. „Начавъ читать стихотвореніе, Пушкинъ замѣтилъ, что Раевскій упорно хочетъ брать все изъ русской исторіи, что и тутъ онъ нашелъ возможность упоминать о Новгородѣ и Псковѣ, о Марѣ Посадницѣ и Вадимѣ, и вдругъ остановился: „Какъ это хорошо, какъ это сильно; мысль эта мнѣ нигдѣ не встрѣчалась; она вертѣлась въ моей головѣ; но это не въ моемъ родѣ, это въ родѣ Тираспольской крѣпости, а хорошо“, и пр. Онъ продолжалъ читать, но видимо болѣе серьезно. Прочитавъ стихотвореніе до конца, онъ продекламировалъ вслухъ недоумѣвающему Липранди отрывокъ, его поразившій:

„Какъ истуканъ, нѣмой народъ
Подъ игомъ дремлетъ въ тайномъ страхѣ:
Надъ нимъ бачей кровавый родъ
И мысль, и взоръ казнить на плахѣ“.

Послѣ чтенія зашелъ разговоръ еще объ одномъ четырехстишии изъ стихотворенія Раевского, но у Пушкина не произошло впечатлѣніе поразившаго его отрывка. Онъ былъ въ вол-

неніи... Вдругъ началъ бороться съ Таушевымъ, потомъ схватилъ Таушева подъ-руку и ушелъ. На другой день Таушевъ передавалъ Липранди мнѣніе Пушкина, что мысль этого отрывка едва ли Раевскій не первый высказалъ.

Вслѣдъ за этимъ отрывкомъ въ стихотвореніи Раевского находятя обращеніе къ русской старинѣ и упоминанія о Новгородѣ и Псковѣ, Вадимѣ и Марѣ Борецкой. Такъ какъ въ неоконченныхъ наброскахъ Пушкина изъ поэмы или трагедіи изъ жизни Вадима, можно прослѣдить отдаленное вліяніе произведенія Раевского и его теоретическихъ разсужденій о поэзи, то мы остановимся нѣсколько подробнѣе на исторіи темы о Вадимѣ въ русской литературѣ и цѣликомъ приведемъ извѣстныя намъ строфы посланія Раевского, слѣдующія за приведенными отрывками:

„Къ моей отчизнѣ устремилъ
Я, общимъ зломъ пресытись, взоры,
Съ предчувствьемъ мрачнымъ вопросы
Сибири, подземные затворы
И книгу, кою открывалъ,
Дыша къ землѣ родной любовью.
Но хладный потъ меня объялъ,—
Листы залиты были кровью!

Я бросилъ сумрачный свой взоръ
Съ печалью на кровавы строки—
Тамъ былъ подписанъ приговоръ
Судьбою гибельной, жестокой:
„Во прахъ и Новгородъ, и Псковъ,
Конецъ ихъ гордости народной!
Они дышали шесть вѣковъ
Во славу жизнью свободной“.

Погибли Новгородъ и Псковъ,
Во прахъ пышна жилища,
И трупы добрыхъ ихъ сыновъ
Звѣрей голодныхъ стали пища.
Но тамъ бессмертныхъ имена
Златыми буквами сіили;
Богоподобная жена—
Борецкая, Вадимъ,—вы пали:
Съ тѣхъ поръ исчезъ, какъ тѣнь, народъ,
И гласъ его не раздавался
Предъ вѣстью бранныхъ непогодъ,
На площади онъ не собирался* и т. д.

Конецъ стихотворенія намъ неизвѣстенъ.

Обращенія къ Новгороду, Пскову, Вадиму, столь обычные въ нашей литературѣ первой четверти вѣка, являются, безъ сомнѣній, результатомъ старательнаго желанія создать самобытную, національную русскую литературу; но у поэтовъ оппозиціоннаго лагера обращенія именно къ Пскову и Новгороду имѣли особый смыслъ. Искренно желая свободы своей странѣ, они искали свободнаго состоянія своихъ согражданъ въ глубокой древности. Исторія Новгорода и Пскова казалась имъ исторіей древней славянской свободы. Въ борьбѣ за свободу имъ нуженъ былъ легендарный эпическій герой, и они нашли его въ Вадимѣ, вождѣ новгородскаго возстанія, убитомъ въ 863 году ¹⁾. Тема о Вадимѣ имѣетъ любопытную литературную исторію. За обработку ея брались и Екатерина II, и Херасковъ, и Муравьевъ М. Н., и Княжнинъ, и Жуковский. Каждый изъ авторовъ, при полнѣйшемъ отсутствіи историческихъ данныхъ, рѣшалъ вопросъ о личности Вадима по своему. И вотъ какъ измѣнялся образъ Вадима въ нашей литературѣ. Въ то время, какъ по изображенію Екатерины Вадимъ является дерзкимъ бунтовщикомъ противъ верховной власти Рюрика, представителя просвѣщеннаго абсолютизма,—Княжнинъ въ своей трагедіи выводитъ Вадима, новгородскаго гражданина, борца за свободу своихъ гражданъ, русскаго Брута. Приходитъ французская революція, и взгляды мѣняются. Въ поэмѣ Хераскова посвященной Павлу I, Вадимъ — „юноша, предерзкій, злобный, свирѣпствомъ льву подобный“, честолюбивый бунтарь и ярый республиканецъ. „Дней Александровыхъ счастливое начало“ будитъ вновь неясныя, неопредѣленныя мечты о свободѣ, и Вадимъ Муравьева и Жуковскаго является сентиментально-романтическимъ ревнителемъ національной свободы. Для Рылѣва и лицъ, раздѣлявшихъ его взгляды, Вадимъ являлся опять желаннымъ героемъ, русскимъ Брутомъ. Этотъ типъ удовлетворялъ и ихъ стремленія къ самобытности и къ чувству, требовавшему героя. Вадимъ сталъ своего рода паролемъ для радикаловъ Александровской эпохи, подобно тому, какъ Псковъ и Новгородъ были синонимами древне-славянской свободы. Темы о Вадимѣ касался Рылѣвъ въ своей „думѣ“. Въ его „думѣ“ Вадимъ

¹⁾ Этому Вадиму они могли придать дорогія имъ черты героя-революціонера съ тѣмъ большею увѣренностью, что о немъ не сохранилось никакихъ данныхъ. Всѣ данныя заключаются въ слѣдующей записи въ Никоновской лѣтописи подъ 873 годомъ: новгородцы возмутились правленіемъ Рюрика и... „того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго и иныхъ многихъ изби новгородцевъ, совѣтниковъ его“.

является мощнымъ и сильнымъ борцомъ за свободу, крѣпко вѣрющимъ въ успѣхъ своего дѣла ¹⁾).

„Дума“ Рылѣва не была известна Пушкину во время его пребыванія въ Кишиневѣ; зато отъ Раевского, постоянно проповѣдывавшаго о самобытности, Пушкинъ не мало слышалъ о древне-славянской свободѣ Новгорода, Пскова, о Вадимѣ. Принимаясь за обработку темы о Вадимѣ, Пушкинъ не только вспоминалъ разсужденія Раевского, но имѣлъ предъ собой и „Пѣвца въ темницѣ“. Изъ его плановъ ничего не вышло; до насъ сохранилось, кромѣ программъ, два отрывка: одинъ предназначался для драмы о Вадимѣ, другой — для поэмы. Въ первомъ отрывкѣ мы найдемъ кое-что и о древне-славянской свободѣ, и о народѣ, влчущемъ свое ярмо. Вадимъ спрашиваетъ Рогдая: „Ты видѣлъ Новгородъ, — ты слышалъ гласъ народа: сважи, Рогдай, жива-ль славянская свобода? — Иль князя чуждаго покорные рабы — рѣшились оправдать гоненіе судьбы?“ Рогдай отвѣчаетъ: „Народъ нетерпѣливый, — старинной вольности питомецъ горделивый, досадуя, влчатъ позорный свой яремъ“, и т. д. Невольно вспоминается то впечатлѣніе, которое произвелъ на Пушкина отрывокъ изъ стихотворенія Раевского, рисующій положеніе народа подъ ярмомъ власти. Въ отрывкѣ изъ поэмы образъ Вадима развитъ подробнѣе и представляетъ уклоненія отъ типа Вадима — героя-революціонера; тутъ замѣтно вліяніе Вадима въ изображеніи Жуковскаго. Между прочимъ, во снѣ Вадимъ Пушкина видитъ Новгородъ. Поэтъ рисуетъ картину запустѣнія: „Онъ видитъ Новгородъ великій, — знакомый теремъ съ давнихъ поръ; но тынъ обросъ крапивою дикою; — обвиты окна повилюей, — въ травѣ заглохъ широкій дворъ“ и т. д. Не приходили ли на память Пушкину стихи Раевского: „Погибли Новгородъ и Псковъ, — во прахѣ пышныя жилища“, и т. д.? Конечно, сближенія отдѣль-

¹⁾ Въ Вадимѣ Рылѣва нѣтъ и тѣни разочарованія. Г. Замотинъ, изслѣдовавшій исторію преданія о Вадимѣ въ русской литературѣ, несомнѣнно ошибается, зачисляя Вадима Рылѣва и Раевского въ толпу разочарованныхъ героев Байроновскаго отъѣна. По мнѣнію г. Замотина, Рылѣвскій Вадимъ, собирающійся на подвигъ борьбы, предчувствуетъ, что она не уадается. Онъ очевидно не зналъ конца „думы“; послѣдняя известная ему строфа: „До какого насъ безславія довели вражди гражданъ! (думаетъ Вадимъ) Насылаетъ Скандинавія властелиновъ для славянъ“!.. Въ рукописи „думы“, найденной В. Е. Якушкинымъ („Вѣстникъ Европы“, 1888 г., № 11) есть еще строфа: „Грозенъ князь самовластительный! Но наступитъ часъ ночной; и настанетъ часъ рѣшительный, часъ для гражданъ роковой“. Для Раевского Вадимъ тоже былъ идеаломъ героя, тоже паролемъ. См. И. И. Замотинъ. Преданіе о Вадимѣ новгородскомъ въ русской литературѣ. Воронежъ, 1901. Сравни замѣтку объ этой книгѣ П. Щ. въ „Историч. Вѣстникъ“ 1902, июнь, стр. 1092—1094.

ныхъ стиховъ не могутъ дать прочныхъ выводовъ: они всегда случайны и они должны быть приводимы подъ знакомъ вопроса.

Мы исчерпали всё данныя объ отношеніяхъ Раевского и Пушкина; намъ кажется, что въ біографіи Пушкина Раевскій долженъ быть упомянутъ, какъ человекъ, дружба котораго была полезна Пушкину и оказала вліяніе на развитіе его міросозерцанія. Мы не должны забывать и попытокъ Раевского побудить Пушкина ввести русское содержаніе въ поэзію,—но въ этой области Пушкинъ былъ мастеромъ, понимавшимъ самобытное въ литературѣ безконечно глубже и прониновеннѣе Раевского.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о стихахъ самого Раевского. Какъ поэтъ, Раевскій совершенно неизвѣстенъ, и мы впервые касаемся его поэтической дѣятельности. До насъ дошло немного его стихотвореній, и всё дошедшія написаны имъ или въ тюрьмѣ, или въ ссылке, въ Сибири. Правда, стихотворенія Раевского не появлялись въ печати въ моментъ ихъ созданія, и никакого вліянія на развитіе русской поэзіи не могли оказать, но въ исторіи русской поэзіи имя В. Θ. Раевского должно быть упомянуто, потому что его стихи—историческій памятникъ гражданскаго направленія поэзіи, которое было выдвинуто и нашло дѣятельныхъ представителей среди декабристовъ. Раевскій долженъ быть поставленъ рядомъ съ А. И. Одоевскимъ, другимъ поэтомъ изъ декабристовъ, тоже не оказавшимъ никакого вліянія на современную ему литературу.

Изъ многочисленныхъ отрывковъ изъ произведеній Раевского, выше приведенныхъ нами, читатель можетъ составить извѣстное представленіе о характерѣ его дарованія. Его стихи не блещутъ отдѣлкой, красотой формы, но они производятъ сильное впечатлѣніе выразительностью и энергіей стиля. Припомнимъ, какъ восторгался Пушкинъ строфами „Пѣвца въ темницѣ“. Неотъемлемое достоинство стиховъ Раевского—ихъ простота и безусловная искренность. Во всѣхъ извѣстныхъ намъ произведеніяхъ онъ говоритъ о себѣ и своихъ пережиткахъ, или же съ необыкновенной силой исповѣдуетъ свои политическія убѣжденія. Взгляды Раевского на сущность и значеніе поэзіи намъ уже извѣстны. Онъ совѣтовалъ Пушкину обратиться къ социальнымъ темамъ:

„Любовь ли пѣть, гдѣ льется кровь,
Гдѣ вать съ насмѣшкой и улыбкой
Терзаетъ насъ кровавой пыткой“!

Мы видѣли—Раевскій, раздѣляя взгляды своихъ современниковъ, стремился вложить національное содержаніе въ поэзію.

Вмѣстѣ съ этимъ, искусству онъ ставитъ задачу непосредственнаго служенія жизни, служенія опредѣленному направленію. Обѣ эти черты сближаютъ Раевского съ Рылѣевымъ и позволяютъ зачислить его въ ряды первыхъ по времени представителей того направленія, которое распространилось въ литературѣ шестидесятыхъ годовъ.

IV.

Владиміръ Федосѣевичъ Раевскій, арестованный 6 февраля 1822 года и заключенный въ тираспольскую крѣпость, пробылъ въ заключеніи, въ различныхъ крѣпостяхъ, почти 6 лѣтъ (5 лѣтъ и 8¹/₂ мѣс.). Онъ вспоминалъ объ этомъ времени:

„Прошли темничной жизни годы,—
И эти каменные своды,
Во тьмѣ двѣ тысячи ночей—
Легли свинцомъ въ груди моей“ ¹⁾.

За это время надъ маіоромъ Раевскимъ произвели четыре военно-судныхъ дѣла, въ четырехъ различныхъ комиссіяхъ. Прямыхъ уликъ по его дѣлу не было, а онъ самъ ничего не сообщалъ и отвѣчалъ судьямъ на ихъ вопросы крайне рѣзко, особенно въ первой инстанціи, въ комиссіи при 6-мъ корпусѣ, гдѣ дознаніе производили корпусный командиръ Сабанѣевъ и начальникъ штаба Вахтенъ — люди, настроенные враждебно противъ Раевского. Продолжительность дознанія и переходъ дѣла изъ одной комиссіи въ другую объясняются, очевидно, тѣмъ, что, пока Раевскій сидѣлъ, правительство обогащалось все новыми данными о тайныхъ обществахъ и дѣло Раевского хотѣли связать съ новыми, возникающими дѣлами. Когда начался процессъ декабристовъ, маіоръ Раевскій былъ привлеченъ къ суду комитета противъ государственныхъ преступниковъ и переведенъ изъ тираспольской крѣпости въ петропавловскую. Когда закончилось разслѣдованіе этого комитета, дѣло Раевского было передано въ Высочайше учрежденную въ царствѣ польскомъ комиссію, подъ предсѣдательствомъ генерала Дурасова. Всѣ эти разысканія увѣнчались разборомъ дѣла при 1-мъ гвардейскомъ корпусѣ, подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта Левашева и подъ наблюденіемъ великаго князя Михаила Павловича. О производствѣ дѣла мы знаемъ слѣдующее.

¹⁾ „Русская Старина“, 1890, т. 66, стр. 373.

Въ стихотвореніяхъ Раевского можно найти данныя о первомъ разслѣдованіи дѣла при 6-мъ корпусѣ. Въ посланіи къ друзьямъ въ Кишиневъ изъ петропавловской крѣпости, отъ 28 марта 1822 года, Раевскій такъ очерчиваетъ свое поведеніе во время слѣдствія“:

„Скажите отъ меня Орлову,
 Что я судьбу мою сурову
 Съ терпѣньемъ мраморнымъ сносла,
 Нигдѣ себя не измѣнилъ,
 И въ дни убійственные жизни
 Немраченъ былъ, какъ день весной,
 И даже мыслью и душой
 Отвергнувъ право укоризны“¹⁾.

Дѣло осложнилось личнымъ раздраженіемъ судей противъ Раевского и рѣзкостью его отвѣтовъ. Въ стихахъ Раевского разсѣяны намеки, для насъ несомнѣнно неясные, по которымъ все-таки можно составить нѣкоторое представленіе объ обстановкѣ допросовъ и о характерѣ судебного слѣдствія. Вотъ одинъ отрывокъ, отъ 28 марта 1822 г., напечатанный въ „Русской Старинѣ“ съ сокращеніями:

„Наемной лжи передъ судомъ
 Я слышалъ голосъ двуязычной,
 И презрѣлъ видъ ея двуличной!
 Съ какимъ-то рабскимъ торжествомъ,
 Въ порокахъ рабскихъ закоснѣлый,
 Предатель рабскимъ языкомъ
 Дерзнулъ—вопросъ мнѣ сдѣлать смѣлый;
 Но я замолъ передъ судомъ!
 . . . . .
 И этотъ тайный трибуналъ
 Искалъ не правды обнаженной,
 Онъ двухъ свидѣтелей искалъ
 Въ толпѣ... презрѣнной.
 . . . . .
 Но я сослался на законъ,
 Какъ на гранитъ народныхъ зданій“²⁾.

Не разъ упоминаетъ Раевскій о враждѣ и клеветѣ, опутывавшей его своими сѣтями (1824 г.):

„Вражда со клеветою
 Въ судѣ шипѣли предо мною,
 И тщетно я взывалъ права“³⁾.

¹⁾ Ibidem, стр. 368.

²⁾ Ibidem, стр. 366, 367.

³⁾ Ibidem, стр. 372.

Любопытенъ еще одинъ отрывокъ изъ посланія къ дочери, писаннаго въ 1846 году, но мы не можемъ рѣшить, къ какой инстанціи изъ четырехъ, разбиравшихъ дѣло Раевского, относятся воспоминанія Раевского.

„О, помню я моихъ судей,
Ихъ смѣхъ торжественный, ихъ лица,
Мрачнѣ стѣнъ моей темницы,
И ихъ предательскій вопросъ:
„Ты людямъ славы зовь мятежный,
Твой ранній блескъ, твои надежды
И жизнь цвѣтущую принеси,—
Что жъ люди?“¹⁾

Можно думать, будто Раевскій открылъ судьямъ идеалистическія настроенія своей души, рассказалъ о томъ, какъ онъ думалъ служить людямъ, исповѣдалъ свои убѣжденія, и съ такимъ предположеніемъ совпадаютъ заключенія послѣдней инстанціи: „хотя майоръ Раевскій и не принадлежалъ къ составленному послѣ 1821 года злонамѣренному обществу, но за всѣмъ тѣмъ собственное его поведеніе, образъ мыслей и поступки столь важны, что, по всѣмъ существующимъ постановленіямъ, подлежалъ бы лишенію жизни“²⁾.

Когда дѣло Раевского было еще въ первой инстанціи, и онъ сидѣлъ въ петропавловской крѣпости, — съ его братомъ, отставнымъ корнетомъ Григоріемъ Ѳедосѣевичемъ случилась исторія, безпримѣрно печальная. Она имѣетъ отношеніе къ дѣлу Раевского, да, кромѣ того, и по своему глубокому драматизму, заслуживаетъ быть рассказанной. Дѣло Раевского производилось тайно, секретно; родные не могли узнать, за что онъ преданъ суду; важется, они и не хотѣли знать или боялись предпринимать поиски. Младшій братъ, молодой, семнадцатилѣтній корнетъ въ отставкѣ, Григорій, неотступно умолялъ своего отца разрѣшить ему поѣхать въ Одессу или Тирасполь и тамъ разузнать о причинахъ заключенія Владиміра Ѳедосѣевича Раевского. Отказъ отца только усилилъ желаніе молодого человѣка, и онъ рѣшился поѣхать безъ разрѣшенія: между бумагами онъ отыскалъ нѣсколько старыхъ, негодныхъ подорожныхъ братьевъ и, выбравъ лучшую изъ нихъ, подскоблилъ годъ и отправился, въ концѣ 1823 или 1824 года, въ Одессу, сказавъ отцу, что ѣдетъ въ Курскъ. Приѣхавъ въ Одессу, по молодости и неопытности, онъ

¹⁾ „Русская Старина“, 1890, т. 66, стр. 377.

²⁾ Ibid., 1873, т. 7, стр. 373.

проговорился; а такъ какъ дѣло майора Раевского считалось очень важнымъ, то о намѣреніи Григорія Раевского сейчасъ же донесли Ланжерону, бывшему генераль-губернатору. Ланжеронъ донесъ по начальству. Корнета Раевского взяли и увезли въ шлиссельбургскую крѣпость. Его тоже заподозрили въ преступной дѣятельности и привлекли къ дѣлу. Въ шлиссельбургской крѣпости молодой человекъ сошелъ съ ума. Зная объ арестѣ брата, Владиміръ Ѳедосѣевичъ, уже изъ петропавловской крѣпости, писалъ о братѣ, объяснялъ причины его поступка: любовь къ своему брату, желаніе видѣться съ нимъ и разспросить его, успокоить его и себя, — и просилъ его освободить. Быть можетъ, въ отвѣтъ на эту просьбу—Григорія Раевского перевезли изъ шлиссельбургской крѣпости въ крѣпость Замостье въ то время, какъ уже тамъ находился Владиміръ Ѳедосѣевичъ, и посадили въ камеру на одномъ корридорѣ. Видѣться съ нимъ онъ не могъ, ни тайно, ни явно, но велики были его горе и ужасъ, когда онъ какимъ-то образомъ узналъ, что рядомъ съ нимъ сидитъ его братъ, и что этотъ братъ сошелъ съ ума. Но дѣло Григорія Раевского все продолжалось и окончилось только въ 1827 году, одновременно съ окончаніемъ дѣла брата. Коммиссія, разбиравшая дѣло, „почитая, что корнетъ Григорій Раевскій продолжительнымъ содержаніемъ въ заключеніи достаточно наказанъ уже за фальшивый поступокъ, на который рѣшился онъ не по особеннымъ какимъ-либо видамъ, но по незрѣлости лѣтъ и развращенному поведенію; притомъ же поступокъ сей учиненъ имъ до состоянія еще всемиловѣйшаго манифеста, 22 августа 1826 года, — полага, освободя упомянутаго корнета Григорія Раевского изъ-подъ ареста, доставить въ имѣніе отца, гдѣ и быть ему подъ призоромъ родственниковъ“. Великій князь Михаилъ Павловичъ согласился съ заключеніемъ коммиссіи, и оно было Высочайше подтверждено 15 октября 1827 года ¹⁾).

Возвращаемся снова къ Владиміру Ѳедосѣевичу. Не знаемъ, какихъ результатовъ добилась разыскная коммиссія при 6-мъ корпусѣ и какой матеріалъ для обвиненія она собрала. Изъ этой коммиссіи дѣло Раевского было передано въ Высочайше учрежденную 17 декабря 1825 года коммиссію для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ. Эта коммиссія нашла Раевского не причастнымъ къ тайному обществу, дѣйствіемъ котораго было 14-ое декабря. Поводомъ къ такому заключенію, повидимому, были

¹⁾ Исторія Григорія Раевского разсказана Влад. Ѳед. Раевскимъ въ его замѣткахъ, писанныхъ въ Сибири въ 1844 г.; здѣсь же данныя и о судѣ надъ Раевскимъ. См. „Русская Старина“ 1873 года, т. VI (мартъ), стр. 376 — 379.

хронологическія сопоставленія: Раевскій былъ арестованъ въ 1822 году, а образованіе новаго отдѣла общества или переформированіе стараго „Союза Благоденствія“, распущеннаго въ 1821 году, не было точно датировано. Вообще, свѣдѣнія комитета не отличались опредѣленностью и точностью. Но разслѣдованіе этой комиссіи не было эпилогомъ дѣла: оно было передано для новаго разсмотрѣнія въ Высочайше учрежденную въ царствѣ польскомъ при крѣпости Замостье комиссію подъ предсѣдательствомъ генерала Дурасова. Эта комиссія подтвердила заключеніе второй инстанціи о непринадлежности маіора къ обществу и сочла возможнымъ вынести слѣдующій приговоръ: „освободить маіора Раевскаго изъ заключенія, съ вознагражденіемъ или безъ вознагражденія за службу; а ежели затѣмъ останутся какія-либо подозрѣнія, которыхъ изъ дѣлъ не видно, то отправить въ свое имѣніе подъ надзоръ начальства“. Этотъ приговоръ былъ подтвержденъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ.

Заключенія комиссіи генерала Дурасова перешли на разсмотрѣніе комиссіи при 1-мъ гвардейскомъ корпусѣ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Левашова и подъ наблюденіемъ командующаго гвардейскимъ корпусомъ великаго князя Михаила Павловича. Тутъ дѣло Раевскаго приняло совсѣмъ неожиданный оборотъ. Великій князь, разсмотрѣвъ заключенія комиссіи, не удовлетворился ея приговоромъ. Онъ нашелъ, что „маіоръ Раевскій, хотя, по удостовѣренію комиссіи, и не принадлежалъ къ составленному послѣ 1821 года злонамѣренному обществу, почему и дальнѣйшее изслѣдованіе объ немъ по комитету о государственныхъ преступникахъ прекращено было, но за всѣмъ тѣмъ собственное его поведеніе, образъ мыслей и поступки, извѣстенныя въ рапортѣ комиссіи, столь важны, что онъ, по всѣмъ существующимъ постановленіямъ, подлежалъ бы лишенію жизни, и потому насчетъ его, находя приговоръ комиссіи не соответствующимъ обнаруженнымъ преступленіямъ, полагалъ: онаго маіора Раевскаго, лиша чиновъ, заслуженныхъ имъ—ордена св. Анны 4-го класса, золотой шпаги съ надписью „за храбрость“, медали въ память 1812 года и дворянскаго достоинства,—удалить, какъ вреднаго въ обществѣ чловѣка, въ Сибирь на поселеніе“.

Въ своихъ замѣткахъ, писанныхъ въ Сибири въ 1844 году и напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ (1872, мартъ, стр. 376—379), Раевскій дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе къ этимъ строкамъ официальной бумаги: „*Собственное же поведеніе и*

поступки, а въ особенности *образъ мыслей* (кто ихъ проницъ?) столь *важны*, что ни одного изъ сихъ поступковъ и думъ комиссія и всѣ суды не могли огласить. Въ чемъ же состояла *важность* его поступковъ и думъ? Для чего бы не сказать, не обнаружить хотя *однѣ* поступокъ и *одну* или *двѣ* мысли“?

На всеподданнѣйшій докладъ начальника главнаго штаба, графа Дибича, въ которомъ было изложено вышеприведенное мнѣніе великаго князя Михаила Павловича, была положена, 15-го октября 1827 года, слѣдующая Высочайшая резолюція: „Быть по мнѣнію его императорскаго высочества, командующаго гвардейскимъ корпусомъ. Николай“.

Черезъ мѣсяцъ, Раевского уже отправили на почтовыхъ въ Сибирь на поселеніе. „Послѣ шестилѣтняго крѣпостного заключенія, — вспоминалъ онъ черезъ сорокъ лѣтъ, — я, наконецъ, дышалъ свѣжимъ воздухомъ, видѣлъ людей, могъ говорить съ ними; мнѣ дозволяли обѣдать на постоянныхъ дворахъ, ночевать не въ тюрьмахъ, не подъ замкомъ; чиновники и офицеры, которые назначались губернаторомъ тѣхъ губерній, черезъ которыхъ я проѣзжалъ, обходились со мною не только вѣжливо, но съ неприличнымъ уваженіемъ. Я потерялъ чины, ордена, меня лишили наследственнаго имѣнія, но умственные мои силы, физическая крѣпость, мое имя — остались при мнѣ“.

Сибирь стала второй родиной Раевскому. Только въ 1856 г. ему было разрѣшено вернуться въ Россію, но онъ уѣзжалъ только на время и затѣмъ снова вернулся въ Сибирь. Выброшенный за бортъ, цѣной неимоверныхъ усилій, человѣкъ сильной воли и могучей энергіи, Раевскій, безъ всякой посторонней поддержки, сумѣлъ устроить свое матеріальное благополучіе, обзавелся семьей и поставилъ на ноги дѣтей. Изъ ссылки онъ обращался за помощью къ роднымъ и писалъ сестрамъ, но „сестры, — пишетъ Раевскій, — какъ бы судомъ семейнымъ осудили меня на нищету. Александра Федосѣевна отвѣчала очень уклончиво, вовсе не удовлетворительно. Я понялъ, что ссылка моя отдѣлила сестеръ моихъ рѣзко отъ меня, предоставила имъ право не признавать меня своимъ роднымъ братомъ... Я прекратилъ переписку; восемь лѣтъ я не писалъ никому изъ васъ“¹⁾. Когда у Раевского подросли дѣти и нужно было заботиться объ ихъ судьбѣ, Раевскій возобновилъ сношенія, но они, очевидно, не налаживались. Одна изъ сестеръ, Вѣра, взяла на воспитаніе сына Раевского. Сестры Раевского, воспользовавшись оффиціальнымъ предлогомъ, не только

¹⁾ „Русская Старина“, 1902, мартъ, 602.

отказали ему въ долѣ наслѣдства послѣ отца, но даже совсѣмъ отказались помогать ему. О дѣйствіяхъ сестеръ Раевскаго было въ свое время сообщено въ одномъ заграничномъ журналѣ „Будущность“, но мы не имѣли его подъ рукой и не можемъ сообщить подробностей. Въ 1868 году Раевскій писалъ о своихъ сестрахъ: „Веригина имѣетъ деньги на поѣзду въ Парижъ и отказываетъ мнѣ въ такой незначительной помощи. О Бердяевой мнѣ и говорить больно: она, послѣ 40-лѣтней разлуки, не хотѣла видѣться со мной. Я-ль виноватъ, что въ „Будущности“ огласили ихъ поступокъ со мною? Неужели онѣ думаютъ, что это тайна? Не одинъ разъ мнѣ предлагали подать прошеніе прямо на имя Государя, такъ какъ это—дѣло совѣсти, не юрисдикціи. Начинать дѣло, безславить имя моего отца, при моихъ правилахъ—очень тяжело“¹⁾.

Когда въ 1828 году Раевскій прибылъ въ Сибирь, онъ былъ водворенъ на жительство въ с. Олонкахъ, недалеко отъ Иркутска. Нужно было самому зарабатывать свой хлѣбъ, нужно было кормить свою семью²⁾, и Раевскій ушелъ въ практическую дѣятельность; трудно представить себѣ, какъ могъ пристроиться къ практикѣ жизни бывший офицеръ, богатый человѣкъ, не приученный къ труду, заговорщикъ, котораго до сихъ поръ оживлялъ „страстей высокихъ пламень“. Но въ ссылкѣ Раевскій дѣйствительно развернулъ всю свою энергію и силу воли. Чтобы добыть средства къ существованію, онъ бралъ подряды на поставку вина, сѣялъ хлѣбъ и занимался его продажей; когда эти дѣла пошли плохо, онъ взялъ на себя наемъ рабочихъ на бирюсинскіе золотые промыслы. Въ своемъ письмѣ къ сестрѣ Вѣрѣ Федосѣевнѣ, отъ 21-го мая 1868 года, онъ рассказываетъ подробно исторію своей практической дѣятельности. Читая ее, удивляешься его способ-

¹⁾ Ibid., 606.

²⁾ Семей Раевскій обзавелся довольно скоро. Онъ женился на крещеной братьѣ. Исторія отношеній къ той, которая стала его невѣстой, изложена въ его стихотвореніи, отъ 1-го августа 1829 года. Она полюбила его первая, но „грудь моя была какъ камень“... „Безпечная, затѣмъ ты встрѣтилась со мною?—Зачѣмъ ты странника узнала?—Вся жизнь его—загадка для тебя,—ты съ тайнъ его не снимешь покрывала,—не встрѣтишь съ нимъ ты радостнаго дня,—ты въ сердцу не прижмешь дрожащую руку—вѣнчальнаго кольца“... Но суровость пѣвца растаяла, его сердце размягчилось. Конецъ стихотворенія: „Она сказала мнѣ отрадное „живи!“—и раны сердца залечила!—Упалъ съ души моей свинецъ!—ты мнѣ дала ключи земного рая—возьми кольцо, надѣнь вѣнецъ,—пойдемъ впередъ, сопутница младая!“.. У Раевскаго была довольно большая семья; изъ сыновей его старшій, Михаилъ—впослѣдствіи казачій полковникъ, извѣстный своимъ удалствомъ и беззаветной храбростью—имѣлъ шанку „за храбрость“ при усмирении польскаго мятежа“ („Русская Старина“, *ibid.*, 604).

ности въ приспособленію и необыкновенной выносливости. Приведемъ цѣликомъ соотвѣтствующее мѣсто письма:

„По водвореніи моемъ въ с. Олонкахъ, въ 1828 году, первоначально, по просьбѣ крестьянъ, я взялъ небольшой подрядъ на перевозку вина изъ винокуреннаго завода, по одобрителному свидѣтельству или поручительству крестьянъ. Черезъ полтора года, новый откупщикъ безъ одобрителнаго свидѣтельства ввѣрилъ мнѣ всю перевозку, съ жалованьемъ 3.000 руб. (ассигн.) въ годъ. Восемь лѣтъ постоянно я занимался приѣмкою вина и доставкою его во всѣ мѣста Иркутской губерніи, Забайкальской и Якутской областей. Кромѣ 3.000 р. жалованья, я получалъ до двухъ тысячъ награжденія. Купилъ мельницу, домъ въ г. Иркутскѣ, отстроился въ Олонкахъ, купилъ 30 десятинъ пашни. Когда откупъ Пономарева кончился, а я сильно заболѣлъ затвердѣніемъ печени, я оставилъ должность или званіе довѣреннаго по откупу и занялся хлѣбовашествомъ и торговлею хлѣбомъ ¹⁾. Торговля эта давала отъ 4—5 тысячъ дохода. Девять лѣтъ я занимался покупкою и продажей хлѣба, но, съ пріѣздомъ новаго генералъ-губернатора Муравьева, вмѣсто покупки хлѣба въ казну, начался безбожный, насильственный налогъ. Крестьянамъ выдавались произвольно цѣны на хлѣбъ, не окупавшія труда. Я долженъ былъ бросить и хлѣбовашество, и торговлю хлѣбомъ. Нечего было дѣлать. Я взялъ на себя наемъ рабочихъ людей на бирюсинскіе золотые промыслы, до 2.000 человекъ, и получалъ до 3.000 р. сер. въ годъ. Но я долженъ былъ съ ноября мѣсяца по мартъ ѣздить по округамъ и деревнямъ, заключать контракты, выдавать билеты и въ это время, проѣзжая нѣсколько тысячъ верстъ, останавливаться на квартирахъ въ деревняхъ, разсчитывать каждаго особо и лично, а въ іюнѣ мѣсяцѣ ѣхать на промыслы, тайгою, для разсчета съ управляющими: 250 верстъ верхомъ и обратно, а всего 500 верстъ. Новый откупщикъ предложилъ мнѣ взять на себя приѣмку вина и поставку этого вина, отъ 700 до 800 тысячъ ведеръ, во всѣ города и дистанціи Восточной Сибири. Я согласился, и при двухъ откупщикахъ занимался этимъ дѣломъ по довѣренности, какъ довѣренный, 12 лѣтъ, получая до 2.500 руб. сер. Мельница безъ собственнаго присмотра не обезпечивала домашняго содержанія въ Олонкахъ. По окон-

¹⁾ По разсказу С. В. Максимова, Раевскій занимался также разведеніемъ арбузовъ. „Въ Олонкахъ, подъ Иркутскомъ, на особнхъ грядкахъ и безъ излишнихъ хитростей воспиталъ арбузы. Съ его примѣра и подъ его руководствомъ заводскія бабы воспитаніе арбузовъ превратили въ промыселъ“. См. С. Максимовъ, „Сибирь и каторга“. Часть III. Сиб. 1871, стр. 263.

чаніи откупа, у меня осталось за всѣми расчетами до пяти тысячъ рублей серебромъ. Я взялъ подрядъ на поставку вина въ города Иркутскъ и Нижнеудинскъ, 164 тысячи ведеръ, и между прочимъ склады вина и нѣсколько питейныхъ домовъ“ ¹⁾.

Но съ 1863 года житейское благополучіе, на созданіе котораго было затрачено столько трудовъ, начинаетъ колебаться. Раевского преслѣдуютъ жестокія испытанія и несчастья, иногда просто неожиданныя. Казна какимъ-то путемъ сочла возможнымъ удержать залогъ въ 3.000 руб.; въ одну изъ поѣздокъ Раевскій подвергся нападенію разбойниковъ, которые сильно поранили его; сынъ его, въ самую нужную для отца минуту, проигралъ 1.200 руб.; по неосторожности, Раевскій попалъ въ огонь: у него обгорѣла половина тѣла и онъ лежалъ безъ движенія. Матеріальное благополучіе рушилось мало-по-малу; Раевскій сталъ входить въ долги. Письмо, единственное, дошедшее до насъ, изъ котораго мы выше почерпали біографическія данныя, было написано въ 1868 году, съ цѣлью побудить сестеръ помочь ему деньгами. Несчастья сломили гордую волю человѣка: желая получить деньги, онъ рассказываетъ въ письмѣ всю свою жизнь, и въ заключеніе пишетъ: „чѣмъ скорѣе я получу деньги, тѣмъ болѣе я буду благодаренъ. Если домъ мой опишутъ, для меня достаточно мѣста будетъ на кладбищѣ... Но больная жена, но Соничка... Я и то съ нѣкотораго времени ложусь спать и просыпаюсь, какъ осужденный. Ты бы не узнала своего брата— онъ постарѣлъ“ ²⁾... Не знаемъ, была ли исполнена просьба; этимъ письмомъ обрываются наши свѣдѣнія о жизни Раевского.

Въ 1868 г. ему исполнилось 73 года; четыре года спустя, въ 1872 г., онъ скончался.

Къ этимъ даннымъ, извлеченнымъ изъ письма, намъ уже почти нечего прибавить о жизни Раевского. Можно еще сказать, что обвиненія, вызвавшія его ссылку, продолжали тяготѣть надъ нимъ въ теченіе всей его ссылки. Многимъ изъ декабристовъ были даны различныя льготы и сдѣланы смягченія ихъ участи; Раевскій не испыталъ милости. Только при вступленіи на престолъ императора Александра II онъ получилъ прощеніе, но чинъ ему не былъ возвращенъ. Раевскій не разъ пытался вступить въ службу по гражданской части: его энергія обращала на себя вниманіе генераль-губернаторовъ, и четверо изъ нихъ, по разказу Раевского, входили о немъ съ представленіемъ къ го-

¹⁾ „Русская Старина“, 1902, мартъ, 603, 604.

²⁾ Ibid., 605, 606.

сударю—но получали отказъ. „Что же было причиной такой немилости? Государь (Николай Павловичъ) считалъ меня виновнѣе другихъ, но доказательствъ не было“¹⁾. Н. А. Бѣлоголовый, воспитанникъ декабристовъ, знавшій ихъ жизнь, сохранилъ память и о Раевскомъ. Вотъ строки изъ его „Воспоминаній“, относящіяся въ Владиміру Ѳедосѣевичу и дающія нѣсколько чертъ изъ исторіи его сибирской жизни и характеристики: „На замчатникѣ въ Волконскимъ нѣсколько разъ въ лѣто пріѣзжала семья Трубецкихъ, зачастую привозилъ съ собой двухъ барышень Раевскихъ. Раевскій тоже былъ политической сосланный, прожившій также десятки лѣтъ въ Сибири, и хотя былъ сосланъ одновременно съ ними, но не считался принадлежащимъ къ ихъ кругу и, кажется, на каторгѣ съ ними не былъ. О немъ и о его семьѣ я мало могу сказать: жилъ онъ въ селѣ Олонкахъ, въ 60-ти верстахъ отъ Иркутска, и имѣлъ, кромѣ жены, двухъ дочерей и двухъ сыновей; дочерей онъ оставилъ при себѣ, а сыновей отправилъ для воспитанія въ Россію. Самъ Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій держалъ себя какъ-то особнякомъ и, должно быть, рѣдко выѣзжалъ изъ Олонокъ, потому что мнѣ ни разу не пришлось его видѣть ни у декабристовъ, ни въ городѣ; репутацію онъ имѣлъ человѣка весьма умнаго, образованнаго и остраго, но озлобленнаго и ядовитаго“²⁾.

Такимъ образомъ, мощнымъ ударомъ судьбы была разбита жизнь, съ юныхъ лѣтъ отданная подвигу дѣятельной любви:

„И громъ ударилъ въ тишинѣ...
 Какъ будто бы въ ужасномъ снѣ,
 На брегѣ дикомъ и бесплодномъ,
 Почти безлюдномъ и холодномъ,
 Борьбой измученный гѣвецъ
 Себя увидѣлъ, какъ пришлецъ
 Другого міра“³⁾..

Въ „другомъ мірѣ“ всю жизнь заполнила тяжелая борьба за существованіе... Но неужели и внутренняя жизнь была погло-

¹⁾ Ibid., 608. Въ виду этихъ данныхъ о дѣятельности Раевского представляется невѣрнымъ сообщеніе Е. И. о томъ, будто В. Ѳ. Раевскій игралъ значительную роль при главномъ управленіи Сибирью. Въ этой же замѣткѣ Е. И. о Раевскомъ сказано, что онъ былъ человѣкъ умный и энергичный, но не внушавшій къ себѣ симпатіи. Приводимое нами въ текстѣ свидѣтельство доктора Бѣлоголоваго исправляетъ это заключеніе. Замѣтка Е. И.—въ „Русской Старинѣ“, 1878, т. VII (май), стр. 720.

²⁾ Бѣлоголовый, д-ръ, „Воспоминанія“ и другія статьи. М. 1897, стр. 57.

³⁾ „Русская Старина“, 1890, т. 66, стр. 377.

цена этой борьбой? Неужели исчезъ безъ возврата „высокихъ думъ, страстей завѣтный пламень“, и были изгнаны изъ памяти всѣ надежды юной жизни?

„Текутъ впередъ изгнанья годы,
Все тѣ же солнце и луна,
Такая жъ осень и весна,
Все тотъ же гулъ отъ непогоды“¹⁾...

Какъ же теперь относился Раевскій къ книгѣ своей жизни, къ тѣмъ ея страницамъ, на которыхъ записана ея трагедія, къ тѣмъ убѣжденіямъ, которыя одушевляли его въ покинутомъ имъ мірѣ? Отвѣты на эти вопросы даютъ стихотворенія, писанныя имъ въ Сибири:

„Я вопрошалъ у совѣсти моея
Мою вину... она молчала,
И свѣтлая заря въ душѣ моея сіяла“¹⁾.

Но вѣдь онъ видѣлъ, что „цѣли онъ желанной не достигъ“²⁾; онъ зналъ, что осталось непонятымъ то, во имя чего онъ боролся; онъ не находилъ у людей признанія ни своимъ трудамъ, ни своимъ мечтамъ. Много нужно было силы душевной и религіознаго идеализма, чтобы не отчаяться въ дѣлѣ всей жизни...

„И что-жь отъ пламенныхъ страстей
Надеждъ, возвышенныхъ желаній,
Мольбы и набожныхъ мечтаній
Въ душѣ измученной твоея
Осталось?

Вѣра въ Провидѣнье,
Познанье вѣрное людей,
Жизнь безъ желаній, безъ страстей,
Въ болѣзняхъ сила и терпѣнье,
Все та же воля, какъ законъ,
Давно прошедшаго забвенье
И надъ могилой сладкій сонъ“³⁾

Идеалистическія вѣрованія спасали отъ душевной гибели и Раевского, и другихъ декабристовъ. Отношеніе къ нимъ, выказанное современниками, отсутствіе сочувствія, могли огорчать, но не убивали ихъ. За подвигъ свой, по оригинальному выраженію Раевского, онъ ждалъ только улыбки людей!

„Съ набожной мечтой
И съ чистой вѣрой—не искалъ
Я власти, силы надъ толпою.

¹⁾ Ibid, стр. 374.

²⁾ Ibid, стр. 379.

³⁾ Ibid, стр. 378.

Не удивленья, не похвалъ
 Отъ черни я безсильной ждалъ;
 Я не былъ увлеченъ мечтою;
 Что скажутъ люди, я не зналъ“ ¹⁾.

Раевскій не сѣтовалъ на людей за ихъ незаслуженное отноше-
 ніе къ нему, и въ своемъ посланіи онъ даетъ дочери слѣ-
 дующій завѣтъ:

„Люби людей, дай руку имъ въ пути!
 Они слѣпцы, но, другъ мой, наше дѣло
 Жалѣть о нихъ и вошу ихъ нести.
 Нѣтъ, не карай судомъ и приговоромъ
 Ошибки ихъ. Ты знаешь, кто виной,
 Кто ихъ сковалъ желѣзною рукою
 И заклеилъ и рабствомъ, и позоромъ“ ²⁾.

Сила религіознаго чувства поддерживала идеализмъ въ серд-
 цахъ осужденныхъ и помогала имъ переживать всѣ невзгоды жизни,
 а у Раевского было еще одно утѣшеніе. У него была почти ми-
 стическая вѣра въ то, что его дѣти посвятятъ свою жизнь слу-
 женію высокимъ думамъ и страстямъ, и ихъ жизнь станетъ не-
 посредственнымъ продолженіемъ жизни отца:

„Богъ видѣлъ все... Онъ трудъ мой освятилъ..
 Онъ мнѣ дѣтей, какъ даръ святой, завѣтныя,
 Какъ мысль, какъ дѣлъ, какъ мира вѣтъъ—вручилъ!
 Итакъ, мой другъ, я волею безотчетной
 И мысль, и дѣлъ тебѣ передаю:
 Тотъ знаетъ ихъ, кто знаетъ жизнь мою“ ³⁾.

Въ представленіяхъ Раевского между жизнью его дѣтей и
 его загробною участію существуетъ таинственная связь. Конецъ
 его посланія къ дочери—этого завѣта ей—грозное и мистическое
 откровеніе:

„Когда я въ міръ завѣтныя отойду,
 Когда меня не будетъ больше съ вами,
 Не брошу васъ, а къ вамъ еще приду—
 И внятными, знакомыми словами,
 Къ отчету васъ я строго призову.
 Отъ васъ мои иль вѣчныя страданья,
 Иль вѣчное блаженство—все отъ васъ!
 И трудъ земной пройдетъ какъ день, какъ часъ,
 Для нераздѣльнаго небснаго свиданья“ ⁴⁾.

П. Е. Щеголевъ.

¹⁾ Ibid, стр. 377.

²⁾ Ibid, стр. 376.

³⁾ Ibid, стр. 379.

⁴⁾ Ibid, стр. 380.

НА НОВОМЪ МѢСТѢ

РАЗСКАЗЪ.

Окончаніе.

V *).

Проживъ три дня у дяди Левонтія, Корманъ все еще не былъ увѣренъ, что его пріютилъ еврей. Такъ чужда была ему вся обстановка, порядокъ дня, взаимныя отношенія, а главное, работа хозяевъ. Только дождавшись субботы и посмотрѣвъ, какъ она справляется, Корманъ и жена его вздохнули свободнѣе. Они убѣдились, что дядя Левонтій дѣйствительно еврей.

— Знаете чтò, — сказалъ онъ ему вечеромъ въ субботу за ужиномъ: — скажите мнѣ ваше еврейское имя.

— Шлема, — отвѣтилъ хозяинъ.

— Такъ я васъ буду звать лучше по-еврейски, ребъ Шлема, — предложилъ Корманъ.

— Ну, нѣтъ, какой же я ребъ! Ребъ—это значитъ который ученый да богобоязненный, я вѣдь знаю. А мы какіе же ученые! — Леонтій покраснѣлъ и вздохнулъ. — Зовите прямо Шлема.

Корманъ, однако, не согласился, а жена его, ни съ того, ни съ сего, начала благодарить супруговъ за ихъ „добро“.

---

*) См. выше: май, 156 стр.

Эти благодарности, повторяемыя ежедневно по нѣскольку разъ, крайне смущали Леонтія и его жену, и это мѣшало имъ болѣе обстоятельно узнать: кто таковой пріютившійся у нихъ человекъ. Они стѣснялись разспрашивать, боясь обидѣть „гостей“.

Въ этотъ субботній вечеръ Корманъ самъ съ большими красками разсказалъ о томъ, что совершенно напрасно и безвинно „попалъ“ въ Сибирь. Онъ былъ меламедомъ (еврейскимъ учителемъ) у одного винокуренаго заводчика. Заводъ сгорѣлъ, хозяина обвинили въ поджогъ, а его, Кормана, въ пособничество и укрывательствѣ, и обоихъ осудили, но его, Кормана, напрасно, такъ какъ онъ ни въ чемъ не виноватъ. Тутъ Корманъ прослезился, его жена заплакала, а Леонтій и тетка Настасья начали ихъ утѣшать. Имъ въ голову не приходило сомнѣваться въ правдивости разсказаннаго.

Когда Корманы, еще разъ сконфузивъ своихъ хозяевъ благодарностью, ушли къ себѣ, Леонтій, послѣ небольшого молчанія, сказалъ женѣ.

— А, слышь! Онъ, должно, большой ученый, меламедомъ былъ.

— Ну,—согласилась тетка Настасья.

— А знаешь, что я думаю? Оставить бы его у насъ.

Жена молчала, ожидая объясненій.

— Гриньку-то, вотъ, учить надо, а кому? Десять уже лѣтъ, пора. Вотъ его парнѣна—слыхала даве, какъ здорово молитвы-то читалъ?

— Ну, — живо подхватила тетка Настасья.—Ужъ я и то диву далась: таковой маленькій, а какъ читаетъ! Сердце радуется.

— Рассейскій!—вдохнулъ дядя Левонтій.

— А нашъ Гринька, слышь, смотрѣлъ, смотрѣлъ на него, инда меня завидки взяли, прости меня, Господи!

— Вотъ-то я и говорю,—учить пора.

— Дорого, поди, захочеть. Не по силамъ.

— А у брата Арона? У него вѣдь тоже Санька да Борька. Вдвоемъ, глядишь, оно не такъ бы ужъ много.

— А вѣдь это ты, слышь, хорошо придумалъ; завтра же сходи, поговори!—еще оживленнѣе подхватила тетка Настасья, пораженная идеей мужа, состоящей въ томъ, чтобы пригласить Кормана въ качествѣ меламеда и къ Гринькѣ, и къ двумъ его сверстникамъ, Санькѣ и Борькѣ, дѣтямъ Арона.

Супруги замолчали. Дядя Левонтій былъ очень доволенъ, что его „затѣя“ понравилась „бабѣ“.

— Знаешь что?—вдругъ схватила съ кровати тетка Настасья.—А можетъ, онъ и шойхетомъ можетъ быть?

Дядя Левонтій тоже приподнялся. Блестящая мысль жены прямо поразила его своей гениальностью. Имѣть не только учителя, но и шойхета, избавиться отъ большихъ расходовъ по выпискѣ его изъ далекаго города, вдобавокъ, имѣть всегда кусокъ мяса, по которомъ почти полгода „скупали“ избалованные сытымъ житьемъ сибирскіе еврей-крестьяне,—это ли не гениальная мысль! Однако, немного подумавъ, дядя Левонтій сказалъ:

— Ну, еще что выдумала! Поди, ино дѣло меламедъ, ино шойхеть.

— Да самъ же говоришь—ученый, значитъ, все знаетъ,—оправдывалась тетка Настасья.

Леонтій снова задумался.

— Сводить развѣ его къ братцу Василь-Григорьичу?—вслухъ подумалъ онъ.

— А что-жь, и сведи, завтра же сведи!—поддержала жена. — Братецъ ужъ все узнаеть, какъ слѣдуетъ.

— А это ты, слышь, хорошо придумала, даромъ что баба,—похвалилъ дядя Левонтій, и тетка Настасья осталась очень довольна комплиментомъ мужа. Они еще долго говорили о томъ, какъ хорошо будетъ, если удастся выполнить задуманный планъ.

Получить титулъ ученаго у сибирскихъ евреевъ-хлѣбопашцевъ и легко, и выгодно. Легко потому, что никакой учености не требуется. Нужно только хорошо говорить на жаргонѣ, бѣгло читать и умѣть переводить древне-еврейское, т.-е. знать ровно столько, сколько знаютъ самые ядаціе евреи европейской Россіи. Выгодно потому, что сознающіе свое „невѣжество“ сибиряки взираютъ на каждаго „ученаго“ съ какимъ-то благоговѣніемъ, окружая его всѣми доступными имъ знаками вниманія и уваженія. Зная объ этомъ, еврей-поселенцы по цѣлымъ годамъ живутъ у сибиряковъ; ихъ кормятъ, поятъ не только потому, что гостепрѣимство въ самыхъ широкихъ размѣрахъ присуще сибирякамъ, но именно потому, что они ученые, что по субботамъ или въ долгія зимнія ночи таковой „ученый“ расскажетъ какую-нибудь талмудическую легенду, притчу, переведеть главу изъ пророковъ, вообще,—поговорить о божественномъ. Вниманіе къ этимъ божественнымъ бесѣдамъ—самое напряженное. Всѣ мужчины, женщины, дѣти слушаютъ, затавъ дыханіе, очень рѣдко осмѣливаясь прервать ученаго какимъ-нибудь вопросомъ. А если случится, что сойдутся двое „ученыхъ“ и заведутъ между собою хитроумный диспутъ о какомъ-либо совершенно абстрактномъ изреченіи талмуда, то этотъ диспутъ слушается съ наслажденіемъ. Слушатели ни слова не понимаютъ въ спорѣ, но имъ

важно не то, о чемъ спорять, не то даже, какъ спорять, — важно то, что двое ученыхъ диспутируютъ о божественномъ, и на побѣдителя смотрятъ съ благоговѣніемъ и считаютъ большой честью, если онъ удостоить своимъ посѣщеніемъ того или иного „дядю“.

Проживающіе у сибиряковъ „ученые“, конечно, никакой работой не заняты, да они и не могли бы, еслибы даже хотѣли, помогать пріютившимъ ихъ. Тяжелая крестьянская работа была не по силамъ абсолютно ей чуждымъ и физически истощеннымъ отбросамъ еврейства Европейской Россіи.

Что Корманъ ученый — дядя Левонтій имѣлъ случай убѣдиться на другой же день послѣ посѣщенія его у себя, когда, разбирая привезенный съ собой хламъ, Корманъ досталъ десятка полтора книгъ самаго разнообразнаго формата и шрифта. Большинство были такія, что дядя Левонтій не могъ прочитать въ нихъ ни одного слова, такъ какъ онѣ не имѣли объяснительныхъ знаменъ. Дядя Левонтій съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ, муслилъ всѣ пальцы, переворачивая то большіе, то крошечные листы, и все справлялся, какія это книги. Мудренныя и загадочныя названія книгъ внушали ему большое уваженіе къ Корману. Затѣмъ послѣдній, въ разговорахъ, часто вставлялъ длинныя, совершенно непонятныя изреченія на древне-еврейскомъ языкѣ, и именно потому, что они были совершенно непонятны, они восхищали дядю Левонтія. Наконецъ, сообщеніе Кормана, что онъ былъ меламедомъ, окончательно убѣдило дядю Левонтія, что онъ имѣетъ дѣло съ великимъ ученымъ. Меламедъ — это уже не просто ученый, а поучающій, обращающій ихъ, сибиряковъ, въ евреевъ. Слово меламедъ сибиряку неизвѣстно, это слово у нихъ замѣняется почетнымъ титуломъ — „ребе“, — и хотя бы этотъ ребе только и зналъ, что одну еврейскую азбуку, его имя уже не произносятъ, и въ глаза, и за глаза онъ одинаково называется ребе; даже крестьяне, встрѣчаясь съ нимъ, кричатъ:

— Доброга здоровья, реба! Какъ здоровьице?

Мудрому брату Василь-Григорьичу и его женѣ „бабья думка“ тоже по душѣ приплась. Онъ долго спрашивалъ брата, рано поутру явившагося къ нему съ своимъ предложеніемъ, какого рода книги привезъ Корманъ. Леонтій, однако, не могъ удовлетворить его любопытства.

— Ужь я, братецъ, не знаю. Такія, что не прочтешь. Вижу, значить, гдѣ атшъ, гдѣ бишъ, а что оно значить — и не знаю. А одна, слышь, страсть большая, куды больше нашего молитвенника. Во! — онъ широко разводилъ руками, опредѣляя объемъ неизвѣстной книги, размѣромъ превышавшей даже самую боль-

шую, имѣвшуюся въ еврейской библиотекѣ всѣхъ трехъ братьевъ Винеровъ.

— Только какъ же, чтобы шойхетомъ? Вѣдь это не то, что другое, прочее, — сомнѣвался Василій.

— Да вѣдь ребой былъ, да еще въ Рассей, — отвѣтилъ Леонтій.

— Ну, да приведи ужотко, поговорю, узнаю, что и какъ, — рѣшилъ, наконецъ, Василій, и довольный Леонтій отправился къ другому брату, Арону, условливаться насчетъ обученія дѣтей. Аронъ сразу согласился. Его тоже давно озабочивало, что его подростки ребята, Саньба да Борька, еще „не обучены“, и представившаяся возможность обучить ихъ очень его обрадовала.

Довольный успѣхомъ своей мисси, Леонтій вернулся домой и конфиденціально сообщилъ женѣ объ удовлетворительномъ результатѣ. Пока мужъ велъ переговоры съ братьями, у нея уже совѣмъ „сердце разгорѣлось“. Напоивъ своихъ гостей чаемъ, она прифрантилась, прифрантила и Гриньку, т.-е. одѣла его въ шаровары и чистую ситцевую рубаху, взяла сына за руку и робко вошла въ чистую комнату, гдѣ Корманъ и его синишка молились.

Усѣвшись на краю скамейки, тетка Настасья съ восхищеніемъ смотрѣла и слушала, какъ молится „паренекъ“ Кормана. Мальчикъ читалъ внятно и быстро, съ осмысленной интонаціей, нарастающаго и, очевидно, хорошо знакомый съ читаемымъ, большую часть молитвъ провозносилъ наизусть, глазѣя по сторонамъ и особенно часто останавливая глаза на Гринькѣ, который, заложивъ, по-мужицки, руки за поясокъ рубашки, съ широко раскрытыми глазами тоже смотрѣлъ во всѣ глаза, дивуясь, какъ „здорово рѣжетъ молитву“ этотъ худенькій, маленькій мальчикъ. Мать изрѣдка посматривала на своего сына и, наконецъ, прослезилась. Ей стало обидно за него.

Послѣ обѣда Леонтій предложилъ Корману сходить съ нимъ къ „братцу Василь-Григорьичу“. Такое же предложеніе сдѣлала женѣ Кормана тетка Настасья. Цѣль посѣщенія, разумѣется, скрыли. Гринькѣ поручили „поигратся съ паренкомъ“. Гринька, успѣвшій уже приглядѣться и заинтересоваться своимъ сверстникомъ, сейчасъ же подошелъ къ смиренно сидѣвшему мальчику и, по обыкновенію, засунувъ руки за поясокъ рубашки, добродушно спросилъ:

— Тебя какъ же звать?

— Береле, — чуть слышно отвѣтилъ мальчикъ.

— Какъ?

— Береле,—послышался еще болѣе робкій отвѣтъ.

Гринька безпомощно завертѣлъ головой.

— Тятка! Его какъ же зовутъ? — обратился онъ къ отцу и ткнулъ пальцемъ на совсѣмъ оробѣвшаго мальчика.

— А ты спроси,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Да я спрашивалъ... Не знаю...—медленно тянулъ Гринька, смущаясь и почесывая себѣ голову.

Дядя Леонтій обратился къ Корману,—тотъ сказалъ, что сына зовутъ Береле и что это имя дано ему въ честь какого-то необыкновенно ученаго родственника. Леонтій врякнулъ, многозначительно посмотрѣлъ на жену и обратился къ сыну:

— Борькой, значить, звать-то его.

— А-а, Борькой, то-то,—удовлетворился Гринька.—Ну, пойдемъ, что-ли,—и, взявъ за руку новонспеченнаго Борьку, вышли вмѣстѣ съ нимъ изъ комнаты. Матери посмотрѣли обоимъ мальчикамъ вслѣдъ, переглянулись и улыбнулись.

Взрослые тоже отправились къ братцу Василь-Григорьичу.

Гринька повелъ товарища прямо въ загонъ, гдѣ на волѣ разгуливали десятокъ лошадей, нѣсколько жеребятъ и телятъ. Гринька, тщательно закрывъ скрыпучія ворота, усѣлся на володу изъ-подъ корма и началъ посвящать Борьку въ достоинства и недостатки всѣхъ лошадей. Онъ говорилъ солидно, съ полнымъ знаніемъ дѣла, употребляя техническія выраженія.

— Видишь, вонъ, буланку? Добрый конь,—хоть ты на него сто пудовъ наложи, повезетъ. Тятка, какъ пахать надо, всегда буланку беретъ, только лѣнивъ—страсть!—кнута любить. А вонъ пѣгонькаго лошанца ¹⁾ видишь? Матка у него осенясь пропала. И съ чего, не знаемъ. Тагъ, вдругъ взяла, да пропала. А хорошая кобыла была. Мы было думали, что и пѣгашка пропадетъ, да нѣтъ, вишь, остался. Хорошій конь будетъ, только играть любить.—И въ доказательство Гринька бросился къ жеребенку; тотъ, вскинувъ задними ногами, „заигралъ“, т.-е. помчался вокругъ загона. Потревоженные кони заржали и тоже начали бросаться изъ стороны въ сторону. Гринька, не обращая никакого вниманія на мчащихся и брывающихся коней, съ крикомъ несся по загону за жеребенкомъ, пока, наконецъ, ловко забѣжалъ наперерѣзъ, поймалъ его и моментально очутился у него на спинѣ.—Вишь, какъ играетъ!—вскрикнулъ онъ Борькѣ. Тотъ отъ страха совсѣмъ забрался въ володу, сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, и широко раскрытыми отъ ужаса глазами смотрѣлъ

¹⁾ Годовалый жеребенокъ.

на продѣлки товарища, который ежеминутно рисковалъ быть убитымъ бѣшено мчавшимися вокругъ лошадьми. Гринька, замѣтивъ, какой эффектъ производятъ его эволюціи, окончательно разошелся. Однимъ прыжкомъ соскочилъ съ жеребенка и бросился къ большимъ лошадямъ. Онъ поочередно ловилъ то одного, то другого коня, вскакивалъ на спины и съ гикомъ: „грабать!“ — несся по загону. Ошалѣвшіе кони носились какъ вихрь, а Гринька, обхвативъ скакуна за шею, билъ его по бокамъ сапогами. Наконецъ, утомившись, онъ бросилъ эту забаву и, сверкая глазами отъ удовольствія, подошелъ къ Борькѣ. Страхъ послѣдняго дошелъ до апогея. Онъ весь трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Ты чего? Боишься развѣ? — съ удивленіемъ спросилъ Гринька. — А ты коней никогда не бойся, потому она, лошадь, лукавая, сейчасъ замѣтитъ, коли кто ея боится, ни за что въ руки не дастся, — докторально поучалъ онъ товарища.

Тотъ все молчалъ. Кромѣ поразившаго его молодечества Гриньки, онъ еще очень плохо понималъ его. Знаніе русскаго языка Борьки было крайне примитивное, и онъ положительно не находилъ словъ объясняться съ нимъ.

— Да ты что это такъ чудно говоришь? — спросилъ его Гринька.

— Я по-русски не умѣю, я по-еврейски, — съ трудомъ объяснилъ Борька.

— По-еврейски! Я по-еврейски не знаю. Тятка знаетъ, хорошо знаетъ, и мамка знаетъ, а я нѣтъ. Меня, тятка сказывалъ, еще учить будутъ, и тогда и я буду говорить, — увѣрялъ Гринька. — А ты, слышь, по-еврейски хорошо знаешь. Даве, вонъ, я слышалъ, ты по книжкѣ читалъ, страсть-здорово!

Эта похвала товарища подбодрила оробѣвшаго Борьку, и онъ началъ сначала несмѣло, но потомъ все болѣе оживляясь, рассказывать на своемъ тарабарскомъ русскомъ языкѣ, что онъ уже давно и много учился, знаетъ многое, даже талмудъ, и что мама его говоритъ, что онъ будетъ раввиномъ.

Настала очередь Гриньки изумиться. Онъ слушалъ разиня ротъ и все больше и больше проникаясь удивленіемъ къ этому маленькому и худенькому „парнѣну“, который, вотъ, коней даже боится, а между тѣмъ такой ученый.

— Ишь ты! ребѣ! — удивлялся Гринька и, желая въ свою очередь поразить будущаго раввина, сказалъ:

— А я нонѣ на маслинкѣ двадцать вогѣекъ выбѣжалъ. У Оедьбинаго тятки каурая кобыла есть. Она хоть на одну ногу и припадаетъ, да какъ разоидетъ, бѣжить — страсть! Вотъ мы съ

Федькой и ударились, — онъ, значить, на кауркѣ, я на карьѣ, — эвона, видишь? — Отъ крутого лога до самаго села. Тутъ версты пять будетъ. Ну, вотъ, завели мы коней да и пустились. Каурка-то по началу отстала далеко, да потомъ, слышь, какъ разошлась, да какъ, язви ее, почала, почала! Я давай своего карька, инда потничекъ потерялъ, и таки выбѣжалъ закладъ, — саженой на пятнадцать отстала каурка. Двадцать копѣекъ получилъ. А тятъка мой, слышь, такъ цѣлый рушъ. Онъ съ Федькинымъ тятъкой ударился на рушъ. Осенясь, вотъ, опять побѣжимъ, потому Федькинъ тятъка говоритъ, что пять версты для каурки мало, семь надо. Ну, да посмотримъ, я уже своего карька налажу, — увѣренно закончилъ онъ и побѣжалъ къ карька. Лошадь не сразу далась, но Гринька живо поймалъ ее, и съ самымъ серьезнымъ видомъ началъ поднимать ей то одну, то другую ногу; важно разсматривая копыта, поддѣвалъ коню подъ брюхо, вообще явно бравировалъ, желая поразить и безъ того пораженного товарища, ни слова, впрочемъ, не понявшаго изъ всего услышаннаго. — А ты въ бабки играть умѣешь? Пойдемъ, покажу, у меня много бабокъ, — и, не дожидаясь, Гринька пошелъ къ воротамъ. Борька послѣдовалъ за нимъ, трусливо оглядываясь на ржущихъ и расхаживающихъ по загону лошадей. — Вишь, сколько! — хвасталъ Гринька, показавъ цѣлую груду бабокъ. — Ужъ завтра поиграемъ, сегодня суббота. Въ субботу, тятъка говоритъ, грѣхъ играть. У Митьки косога тоже много бабокъ, и плитка у него хорошая, — продолжалъ онъ. — Только онъ, Митька, хлюздитъ, онъ все по ровить жиды отнять, а я жиды не даю, всегда кричу: мой жидъ! Митька злится.

Борька началъ вздрагивать. Въ непонятномъ разсказѣ товарища онъ вдругъ услышалъ хорошо знакомое и понятное слово: жидъ...

— Развѣ твой тятъка не еврей? — несмѣло спросилъ Борька.

— Мой тятъка еврей, — увѣренно сказалъ Гринька.

— Такъ ты что... ты зачѣмъ ругаешь?

— Кого ругаю? — изумился Гринька.

— Да жидъ говоришь... — со слезами выговорилъ Борька.

— Ну-у? — еще болѣе изумился его товарищъ.

Дѣти не понимали другъ друга. Одинъ зналъ слово жидъ какъ ругательное; другому оно было знакомо только какъ необходимый терминъ при игрѣ въ бабки.

— Да ты о чемъ плачешь-то? — испугался, наконецъ, Гринька. — Я вѣдь тебѣ ничего не сдѣлалъ.

Борька вытеръ рукавомъ влажные глаза.

— Хочешь, къ дядѣ Василью побѣжимъ? — тамъ и твой тятька, — предложилъ Гринька, не зная, чѣмъ занять страннаго товарища. Борька согласился, и дѣти побѣжали.

VI.

Въ большой комнатѣ чистой половины дома дяди Василя сидѣлъ онъ самъ, его два брата съ ихъ женами. Бабы сидѣли поодаль, но съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за экзаменомъ, которому подвергалъ Кормана братецъ Василій Григорьевичъ. Впрочемъ, мудрый братецъ не столько экзаменовалъ, сколько самъ старался поразить Кормана своей ученостью. Въ то время, какъ остальные, сказавъ два-три слова по-еврейски, сейчасъ же переходили на болѣе для нихъ легкую и привычную русскую рѣчь, Василій самоотверженно говорилъ все на жаргонѣ, не безъ того, конечно, чтобы не путать русскихъ фразъ и не прибавлять любимое „язви-е“. Кромѣ того, Василій выложилъ передъ стѣснявшимся гостемъ нѣсколько побасенокъ и рассказовъ о чудесахъ разныхъ цадиковъ. Эти рассказы Василій слышалъ, когда былъ въ губернскомъ городѣ, хорошо запомнилъ и ими поражалъ своихъ братьевъ и знакомыхъ. Тема оказалась для Кормана знакомою. Онъ тоже началъ рассказывать о разныхъ чудесахъ гораздо большаго числа всевозможныхъ цадиковъ, древнихъ и современныхъ. Замѣтивъ напряженное вниманіе, съ какимъ его слушаютъ, Корманъ разошелся. Рассказъ слѣдовалъ за рассказомъ, каждый вызывая восхищенные и удивленные возгласы. Но такъ какъ всѣ эти рассказы, свидѣтельствовавшіе объ эрудиціи Кормана, еще не подтверждали и не выясняли учености его, то Василій, воспользовавшись однимъ перерывомъ, обратился къ Корману:

— Знаете чтѣ? Скажите что-нибудь, скажите.

Это техническое выраженіе, приглашающее истолковать какою-нибудь запутанный текстъ талмуда, Василій тоже слышалъ въ губернскомъ городѣ, усвоилъ и повторялъ довольно часто.

Корманъ не заставилъ себя просить. Онъ началъ что-то необычайно головоломное, комментировалъ, вступалъ въ споръ, опровергалъ и приводилъ какіе-то доводы, жестикулировалъ и распѣвалъ, и закончилъ, наконецъ, самымъ побѣдоноснымъ образомъ.

Не только женщины и два брата, но и самъ мудрый Василій не понимали ни слова изъ запутаннаго „сказа“ Кормана,

но отъ этого послѣдній только выигралъ въ глазахъ своихъ благодарныхъ на рѣдкость слушателей. Особенно бабы были поражены и слушали, какъ очарованныя, „слово божье“.

Когда Корманъ кончилъ, Василій горячо поблагодарилъ его, потомъ вышелъ изъ комнаты, незамѣтно кивнувъ братьямъ. Тѣ тоже послѣдовали за нимъ, и когда пришли на кухню, Василій сказалъ:

— Ученый, страсть!

— Ну-у!—обрадовался дядя Левонтій.—Значить, за шойхета можетъ?

— Этого не знаю еще. Вотъ ужъ, погодите, поговорю еще. А что насчетъ ребы, такъ это какъ есть, лучше не надо.

— Я сегодня же съ нимъ поговорю,—сказалъ довольный Леонтій.

— Ты, язви-те, не торопись, а то такую цѣну заломить, что... Ты ужъ мнѣ предоставь. Я уже сдѣлаю, что надо.

— Да оно бы скорѣй хотѣлось,—зачесалъ затылокъ Леонтій.—Гринькѣ-то вотъ десять годовъ уже, пора бы.

— Успѣешь!—кратко и рѣшительно сказалъ большаеъ, и Леонтій не прекословилъ.—Онъ только вызвалъ свою жену и сообщилъ ей, что братецъ Василій Григорьичъ „даже оченно одобряютъ“ Кормана, какъ ребе.

— А насчетъ шойхета какъ?—интересовалась тетка Настася.

— А этого мы еще не знаемъ. Погоди, дай срокъ,—важно отвѣтилъ ей мужъ.

Выдавъ Корману аттестатъ ученаго, Василь-Григорьичъ вовсе, однако, не былъ склоненъ переплачивать за эту ученость. Болѣе того, какъ „мужикъ серьезный“, Василій сразу сообразилъ, что Кормана можно даже „малость поприжать“. Хорошо понимая состояніе духа, въ которомъ находится Корманъ, Василій рѣшился немедленно воспользоваться этимъ.

Когда Леонтій съ женой вернулись въ экзаменаціонную комнату и услышали, о чемъ „братецъ толкуеть“ съ ученымъ, они только рты разинули отъ изумленія. Василій выражалъ искреннее сожалѣніе по тому поводу, что такой человекъ попалъ въ нимъ въ Тюменцевское. Развивая дальше свою мысль, Василій нарисовалъ такую страшную картину будущихъ бѣдствій и лишений, ожидающихъ Кормана въ селѣ, гдѣ онъ положительно не найдетъ никакого заработка, что ободрившійся-было за эти дни Корманъ окончательно упалъ духомъ и, весь блѣдный, безпомощно озирался по сторонамъ, особенно часто останавливая

испуганный взоръ на дядѣ Левонтіи, словно ожидая отъ него помощи или словъ ободряющихъ.

Аронъ сразу догадался о политическомъ маневрѣ брата и не вмѣшивался. Леонтій изумлялся, ничего не понимая, но не рѣшаясь вмѣшаться въ разговоръ, отчасти въ силу уваженія къ большаку, отчасти въ виду категорическаго приговора его „предоставить“ все ему. Лишь тетя Настасья, которая почувствовала особенную жалость, видя отчаяніе супруговъ, несмѣло замѣтила:

— Ужъ вы, братецъ, тово... Чай, и у насъ...—Но Василій не далъ ей договорить:

— А ты что, язви-те, мѣшаешься?—крикнулъ онъ.—Спрашиваютъ тебя, что-ли? Сказано—баба! Обнадежить человека—ваше дѣло, а потомъ что?

— Ну!..

Тетя Настасья растерялась и замолчала.

Василій снова принялся „пужать“ и до того стусилъ краски, что жена Кормана не выдержала и горько заплакала. Василій замолчалъ, и въ комнатѣ стало тихо; слышались лишь рыданія бѣдной женщины, которую даже бабы не рѣшались утѣшать, видя явно воинственное настроеніе большака.

— Развѣ вотъ что,—въ раздумьи произнесъ Василій, заставивъ этимъ Кормана встрепенуться:—ребой васъ взять.

Корманъ не понималъ.

— Вотъ у него парнѣнка есть; у него тоже двое ребятъ,—тыкалъ онъ пальцемъ въ братьевъ.—Учить пора ихъ. Поди, вы стумѣли бы, а?—словно сомнѣваясь, кончилъ Василій, мелькомъ бросивъ торжествующій взглядъ на братьевъ.

— О, да, да... Я могу... Я училъ...—торопливо заговорилъ Корманъ, обращаясь ко всѣмъ братьямъ.

— Это что говорить!—извѣстно, можете.—Ужъ коли въ Россіи ребой были, такъ нашихъ ребятъ обучать вамъ однимъ словомъ,—льстилъ Василій.—Только что-жъ это? Не Богъ знаетъ достатки-то какіе, такъ только живутъ по-крестьянски. Многого вѣдь они дать не могутъ. Да ученье-то какое? Такъ только, чтобы азбуку знали, да читать мало-мало.

Аронъ успѣшилъ поддержать брата, что, дѣйствительно, ученье самое пустяковое, и что многого онъ дать не можетъ; въ этомъ поддержалъ его и Леонтій, навонецъ догадавшійся о цѣли запугиванія Кормана. Послѣдній опять упалъ духомъ и молчалъ.

— А вы шойкетомъ не можете быть?

Василій предложилъ этотъ вопросъ такъ неожиданно, что Корманъ не сразу понялъ.

— Шойхетомъ, значить, говорю. Потому, какъ у насъ нѣтъ и приходится выписывать, то оно можно бы вамъ лучше платить. Ужъ одно, значить, къ одному: ребятъ бы учили и шойхетомъ бы были. Оно, глядишь, на прожитокъ и хватило бы.

Корманъ унылымъ тономъ объяснилъ, что шойхетомъ онъ быть не можетъ, такъ какъ для этого требуются спеціальныя знанія.

— Ишь ты!—среди общаго молчанія заговорилъ дядя Левонтій.—Вотъ оно дѣло-то какое. А я, было, такъ и полагаю, что ежели человекъ ученый, такъ уже значить все... А оно вонъ какъ.

Дядя Левонтій въ этотъ моментъ уже хлопоталъ не о себѣ,—ему сдѣлалось жаль Кормана. Послѣдній тѣмъ же унылымъ тономъ опять далъ поясненіе, что сами по себѣ знанія не трудныя, а важно умѣть „ставить ножъ“, т.-е. владѣть искусствомъ оттачивать и обдѣлывать ножи, служащіе для рѣзки скота, и что какъ въ званіяхъ, такъ и въ этомъ искусствѣ необходимо сдавать экзамены предъ раввиномъ и спеціалистомъ.

— Я бы, можетъ, и сдумѣлъ, да не предъ кѣмъ, — закончилъ Корманъ.

— А вотъ къ намъ осенью шойхетъ прійдетъ—передъ нимъ,—подхватила тетва Настасья и густо покраснѣла за свое вмѣшательство. Ей была дорога собственная идея, жалко было и Кормановъ.

— И чего это у васъ, у бабъ, языкъ-то зря болтается!— снова прикрикнулъ на нее Василій; но по тону, какимъ онъ это сказалъ, братья догадались, что большаку мысль невѣстки понравилась. Однако, преслѣдуя свою цѣль, Василій поспѣшилъ прибавить, что изъ „этого ничего не выйдетъ“.

— Потому кому же охота отъ своего счастья отказываться? Онъ, шойхетъ-то, сколько зарабатываетъ за осень-то? И у насъ, и въ Шалаболихѣ, и въ Тесвикскомъ,—пересчитывалъ Василій смежныя деревни, гдѣ проживали по одной, по двѣ семьи таковыхъ же, какъ Винеры, евреевъ, также приглашавшіе шойхета.

— Нѣтъ ужъ, это оставить надо, а вотъ ежели ребой хотите быть, такъ это можно. Все-же оно лучше, тѣмъ, значить, ничего. Потомъ, можетъ, приглядитесь и другое что найдете.

Не прошло и десяти минутъ, какъ Василій уже окончательно „оволпачилъ“, какъ мысленно опредѣлили братья, Кормана. Онъ не предлагалъ, а, пользуясь безвыходнымъ положе-

ніемъ поселенца, продиктовалъ ему мизерныя условія, на которыя тотъ поспѣшилъ согласиться. Рѣшено было, что Корманъ будетъ жить у Арона, у котораго была маленькая избѣнка „для работниковъ“.

Кромѣ того, братья ежемѣсячно уплачивали ему по нѣскольку рублей, и то исключительно за зимній сезонъ, такъ какъ лѣтомъ „ребятамъ“ учиться некогда.

Корманъ былъ радъ и этому. Довольны были и братья, которые, благодаря большаку, выгодно „обдѣлали дѣльце“. Но больше всѣхъ былъ доволенъ самъ Василій, которому удалось одновременно обнаружить и свою мудрость во время экзамена, и свою „сурьезность“ въ системѣ „околпаченія“ Кормана.

— Я ихъ, язви ихъ, этихъ рассеянныхъ-то,—даромъ что ученые,—вѣ!..—и онъ показавъ восхищеннымъ имъ братьямъ сжатый вудакъ.

Братья одобрительно улыбнулись.

Не прошло и недѣли, какъ Василій счумѣлъ убѣдить Кормана заняться изученіемъ наукъ, необходимыхъ для шойхета; а когда осенью явился выписанный изъ губернскаго города шойхеть, Василій, опять-таки словно случайно, устроилъ между нимъ и Корманомъ диспутъ, результаты котораго тетка Настасья, неизмѣнно, какъ и остальные бабы, присутствовавшая при всѣхъ „божественныхъ“ бесѣдахъ, резюмировала слѣдующими словами:

— Нашъ-то, нашъ! Какъ того-то къ стѣнѣкъ приперъ!

На этомъ основаніи, т.-е. въ виду явнаго превосходства знаій Кормана надъ официальнымъ шойхетомъ, Василій попробовалъ-было убѣдить перваго слѣдаться шойхетомъ безъ экзамена. Братьямъ онъ говорилъ:

— Намъ-то что? Мы люди неученые. Коли согласье дастъ, да ежели что не такъ—грѣхъ-то, поди, на его душѣ будетъ, не на нашей.

Но какъ ни нуждался Корманъ и какъ ни улыбалась ему возможность сравнительно хорошаго заработка, онъ, однако, наотрѣвъ отказался взять грѣхъ на свою душу. Шойхеть, къ которому Василій обратился послѣ этого съ просьбой выдать Корману аттестатъ, рѣшительно въ этомъ отказалъ, мотивируя свой отказъ недостаточной компетентностью, но въ дѣйствительности, какъ предсказалъ Василій, изъ нежеланія отказаться „отъ своего счастья“.

Василій думалъ не долго и повезъ Кормана въ одинъ изъ сибирскихъ городовъ, имѣвшій своихъ раввина и шойхета. Въ губернской городъ онъ не поѣхалъ, опасаясь возней корыстолю-

бываго шойхета. Путешествіе это, помимо расходовъ, было еще опасно въ виду того, что Корманъ не имѣлъ права выѣзда. Но Василій преодолѣлъ и это препятствіе, въ немъ сказался упрямый сибирякъ. Въ отличіе отъ російскаго безпричиннаго и самодурствующаго упрямства, упрямство сибирскихъ крестьянъ всегда имѣеть въ основѣ своей хорошо продуманную и выгодную практическую цѣль. Разъ представлялась возможность имѣть шойхета дешеваго, да еще безотвѣтнаго поселенца, котораго во всякій моментъ поприжать можно, Василій рѣшилъ имъ воспользоваться и достигъ своей цѣли.

Корманъ вернулся въ Тюменцевское официальнымъ шойхетомъ. Предусмотрительный Василій еще до поѣздки условился съ Корманомъ насчетъ годичной платы. Послѣдній немедленно согласился. Онъ сильно бѣдствовалъ, и предложенныя условія показались ему блестящими. Выгодны они были и для братьевъ, особенно для Василя, который отнесъ на счетъ Арона и Леонтія всѣ расходы по поѣздѣ и получению аттестата.

— Вы, язви васъ, ужъ сами. Потому хлопотъ у меня съ нимъ, возжаться пришлось не мало. Тоже и отъ дому отбиться эвонъ на какой срокъ—чего-нибудь да стоять,—говорилъ онъ братьямъ, и тѣ согласились, что, дѣйствительно, „братцу Василь-Григоричу“ за хлопоты слѣдуетъ; „тово, предоставить“.

— Ну, и башка же, язви его, этотъ Василь-Григоричъ! Какъ ребу-то своего облапошилъ!—восхищались крестьяне, хорошо знавшіе всѣ перипетіи, предшествовавшія посвященію Кормана въ санъ шойхета.—Сурьезный мужикъ, однимъ словомъ, своего не упустить...

VII.

Шесть лѣтъ прожилъ Корманъ въ Тюменцевскомъ. Материально онъ былъ обезпеченъ настолько, что успѣлъ за этотъ періодъ скопить нѣсколько сотъ рублей. Винеры знали о богатствѣ своего шойхета, знали, что источникъ его—„сваредность“, и крайне не одобряли послѣднюю. Корманъ, какъ и большинство русскихъ евреевъ, не привыкъ къ обезпеченному куску хлѣба, всегда дрожалъ за завтрашній день. Это вошло у него въ привычку, отъ которой онъ не могъ, да едва-ли и хотѣлъ отдѣлаться и на новомъ мѣстѣ, несмотря на полную обезпеченность и явную зависимость братьевъ отъ него, а не его—отъ нихъ. Корманъ жилъ въ Тюменцевскомъ такъ, какъ тамъ жить

не привыкли: грязно и впроголодь, сокративъ до минимума потребности своей семьи и удивляя этимъ сельчанъ.

— Ужь я, матушки, и не знаю, чѣмъ и живы-то... А грязно какъ!—съ изумленіемъ тараторила бабы, приглядываясь къ домашнему обиходу своего шойхета. Мужики тоже покачивали головами, пробовали доказать, что такъ жить „не резонъ“, но Корманъ „не бралъ во вниманіе“. Тогда Василь-Григоричъ махнулъ на него рукой и объяснилъ братьямъ эту непонятную скупость однимъ презрительнымъ словомъ:

— Рассейскіе!

За исключеніемъ этого пункта, вызывавшаго презрѣніе сибиряковъ, во всемъ остальномъ положеніе Кормана въ селѣ было очень хорошее. За ученость, обнаруженную имъ съ теченіемъ времени въ полномъ блескѣ, онъ пользовался уваженіемъ и даже почетомъ. По субботамъ къ нему собирались всѣ три брата съ семьями и слушали его запутанные „сказы“, въ которыхъ, конечно, ничего не понимали, но за которые ему были искренно благодарны, какъ и вообще за каждое „божественное“ слово или наставленіе, имѣвшія цѣлью просвѣтить „неученыхъ мужиковъ“.

Сначала Корману льстило это грубое, но искреннее поклоненіе предъ его знаніями, но затѣмъ онъ привыкъ къ нему и началъ тяготиться полнымъ одиночествомъ, въ которомъ онъ очутился. Еще болѣе недовольна была новымъ мѣстомъ жена Кормана. Прежде всего она положительно запротестовала противъ даннаго ей имени Федосьи. Она не смѣла протестовать предъ „этими сибирячками“, какъ за-глаза презрительно называла она тетку Настасью и ея невѣстовъ, и поэтому говорила мужу:

— Видѣлъ ты! Всю жизнь была Ентой, а тутъ вдругъ Федосья стала. Чтò это, я уже не еврейка больше?—волновалась она.—Слышишь? Ты имъ скажи, что кромѣ своего имени Ента я не хочу никакихъ другихъ именъ.

Въ концѣ концовъ она добилась того, что ее звали ея еврейскимъ именемъ, причемъ совѣмъ уже неученые „парни и дѣвки“, изъ особаго уваженія и зная, что слово „ребъ“—обязательное прилагательное къ каждому еврейскому имени, называли ее даже „ребъ Ента“.

Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ Корманы обживались въ Тюменцевскомъ, и Енту охватило одиночество. Съ „этими сибирячками“ она положительно не находила никакихъ точекъ соприкосновенія; ей, какъ и вначалѣ, продолжали оставаться чуждыми ихъ интересы, укладъ жизни, распорядки въ домѣ. Но всему этому прибавилась еще новая бѣда.

— Куда ты меня завелъ? Куда ты меня завелъ?—въ отчаяніи кричала на мужа Ента.—Ты посмотри, вѣдь Береле совсѣмъ гоеть дѣлается, а Ривка да Йосель на него глядятъ. Что же ты хочешь, чтобы они совсѣмъ оврестились, чтобы стали такими же, какъ „ихъ“ Гринька и Санька? Для этого ты меня привезъ сюда?—вопила Ента.

Бормана и самого озабочивала участь дѣтей. Онъ и самъ съ ужасомъ замѣчалъ, что окружающая обстановка, близость его еврейскихъ дѣтей къ дѣтямъ этихъ „гоетъ“ оказывать на первыхъ громадное вліяніе. Даже наружность ихъ измѣнилась. Береле какъ-то вытянулся, возмужалъ, пересталъ робѣть и, къ ужасу своихъ отца и матери, совсѣмъ потерялъ всякій интересъ къ талмудической мудрости; а если его засаживали за книгу, то онъ явно томился, все порываясь скорѣе вырваться и побѣжать къ Гринькѣ, съ которымъ онъ успѣлъ сойтись и сильно подружиться.

Какъ ни трудно давалось Гринькѣ ученье, Корманъ все-таки за два года вдобилъ въ него еврейскую азбуку, и теперь Гринька каждую субботу восхищалъ тетку Настасью тѣмъ, что, подобно отцу, раскрывалъ молитвенникъ, водилъ по строкамъ толстымъ пальцемъ, съ большими усилиями выкрикивая непонятныя слова субботнихъ молитвъ. По буднямъ Гринька не молился, мать рѣшила, что онъ еще „махонькій“, и что поэтому достаточны одни субботнія моленія.

За шесть лѣтъ Гринька превратился въ здороваго, веселаго и добродушнаго парня, помощника отцу. Его работа, особенно лѣтомъ, не позволяла ему проводить время съ Борькой, и послѣдній бѣгалъ къ нему на пашню. Тамъ онъ хаживалъ по пашнѣ виѣсть съ Гринькой, который просто объяснялъ ему процессы пахоты, бороньбы, посѣва, значеніе косы и серпа.

Борька слушалъ эти объясненія, ничего въ нихъ, на первое время, не понимая, и ему страстно хотѣлось знать столько же, сколько знаетъ Гринька. Предъ нимъ открывался новый, невѣдомый міръ, міръ природы съ ея простыми для Гриньки, но чрезвычайно сложными для Борьки законами. Гринька, выросшій въ этомъ мірѣ, сжившійся съ нимъ, зналъ его, такъ сказать, нутромъ. Онъ не анализировалъ, не анализъ причинъ того или иного проявленія жизни природы. Онъ зналъ, что въ такое-то время года надо „робить“ такую-то работу, и слѣдствіемъ ея должны быть опредѣленные результаты; а если этихъ результатовъ нѣтъ, то виноваты въ этомъ опять-таки вполне опредѣленные ковертныя причины, въ родѣ дождя, засухи, инея и т. п.

— Бѣда, Борька! Того и гляди безъ сѣна останемся,—озабоченнымъ тономъ взрослого сказалъ разъ Гринька своему товарищу.

— Почему безъ сѣна?—спрашивалъ Борька.

— Да дожди. Скосить-то скосили, а смести не успѣли, а тутъ каждый день дождь. Сгорить.

— Что сгорить?

— Да сѣно.

— Какъ же оно сгорить, коли дождь?—недоумѣвалъ Борька.

— Да отъ дождя и сгорить.

— Какъ же это?

— Да такъ, вотъ, какъ, знаешь, хлѣбъ горитъ, такъ и сѣно.

Но Борька и въ жизни не слыхивалъ, чтобы отъ дождя могло сгорѣть что-нибудь, а между тѣмъ Гринька другихъ, болѣе точныхъ и ясныхъ объясненій представить не могъ. Самъ онъ въ нихъ не нуждался; онъ зналъ, что отъ продолжительнаго дождя хлѣбъ и сѣно „горятъ“; причины этого явленія онъ не доискивался, ему были интересны слѣдствія; но нервный, впечатлительный Борька, съ широко, въ сравненіи съ товарищемъ, развитымъ умственнымъ кругозоромъ, не довольствовался этими ничего не объясняющими объясненіями Гриньки,—онъ хотѣлъ болѣе ясныхъ и понятныхъ указаній, но получить ихъ было не отъ него.

— Папа! какъ это можетъ сѣно горѣть отъ дождя?—спросилъ Борька отца.

Это было ночью. Сидѣли за грязнымъ столомъ, освѣщавшимся маленькой лампой съ закоптѣлымъ до-нельзя стекломъ. Возлѣ стола сидѣла и Ента, вязавшая чулокъ. Ривка и Иосель спали въ углу. Предъ отцомъ и сыномъ лежали громадные фолианты талмуда. Корманъ читалъ въ голосъ какую-то главу, а сынъ долженъ былъ слѣдить по своей книгѣ за объясненіями отца. Свой вопросъ Борька задалъ неожиданно, когда Корманъ, для разъясненія одного непонятнаго, спутаннаго спора двухъ талмудистовъ, сталъ про себя просматривать комментаторовъ ихъ.

— Что такое?—недоумѣвая, спросилъ Корманъ.

— Я говорю: какъ это можетъ быть, чтобы сѣно горѣло отъ дождя? Сегодня мнѣ Гринька сказалъ, что у нихъ сѣно сгорить, потому что дождь идетъ. Развѣ это можетъ быть?—объяснилъ Береле.

Помимо того, что и самъ Корманъ не зналъ, можетъ ли это быть, онъ совсѣмъ не былъ подготовленъ къ такому вопросу. Въ этотъ моментъ онъ совершенно забылъ, что онъ—поселенецъ, что

окрыжёнъ гоими; онъ весь отдался талмудической мудрости, увлекшись запутаннымъ споромъ древнихъ мудрецовъ, какъ вдругъ вопросъ сына вернулъ его къ дѣйствительности.

— А тебѣ что за дѣло?—сказалъ онъ съ раздраженіемъ.

— Видишь, видишь! Слышишь, о чемъ онъ думаетъ, когда сидитъ за святой торой! — сейчасъ же подхватила съ визгомъ Ента.—Вмѣсто того, чтобы слушать да учиться, онъ думаетъ о какомъ-то сѣнѣ! Вотъ до чего онъ дошелъ... О, бѣда на мою голову! Что же это будетъ дальше? И о чемъ ты думаешь, ты! что ты смотришь? Богъ мой! Что я за несчастная! Зачѣмъ ты меня привелъ сюда? чтобы сдѣлать изъ моихъ дѣтей гоевъ? Для этого, для этого?..

Ента еще долго кричала, проклиная себя, мужа, Борьку. Последнему досталось отъ отца, который тоже былъ возмущенъ тѣмъ, что, сидя за торой, Борька думалъ о какомъ-то сѣнѣ.

Это былъ единственный случай, когда Борька попробовалъ-было обратиться за разрѣшеніемъ сомнѣній къ отцу. Проба оказалась неудачной, и мальчикъ уже не возобновлялъ ея. Волея-неволей пришлось довольствоваться объясненіями и посвященіями Гриньки, къ которымъ Борька постепенно привыкъ, какъ постепенно началъ онъ привыкать и къ той работѣ, которую дѣлывалъ Гринька. Эта работа затягивала его, имѣя за собой и прелесть новизны, и наслажденіе запретнаго плода. Отецъ и мать рѣшительно запретили ему „смотреть на этого Гриньку“, но запрещенія не дѣйствовали, — Борьку тянуло на воздухъ, въ поле, къ товарищу, и каждый разъ, когда, улучивъ удобный моментъ, онъ скрывался изъ дому, тамъ поднимался содомъ. Ента яростно нападала на мужа, рисуя ему ужасное будущее дѣтей, которыя, дескать, совсѣмъ осибирячатся и сдѣлаются гоими. Баталіи заканчивались всегда однимъ и тѣмъ же аккордомъ:

— Куда ты меня завезъ? Что ты дѣлаешь изъ дѣтей?—Словно Корманъ нарочно привелъ семью въ Сибирь.

А будущій гой, прибѣжавъ къ товарищу, сейчасъ же принимался просить какой-нибудь работы себѣ. Когда бороновавшій Гринька передалъ ему въ первый разъ возжи лошадей, и Борька, спотыкаясь, пошелъ по рыхлой пашнѣ, онъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ, отъ волненія дрожалъ, какъ въ лихорадѣ, весь охваченный неизвѣданнымъ ощущеніемъ живой работы. Гринька шелъ рядомъ съ товарищемъ и поучалъ его:

— Правую возжу, правую! Рыжку опусти! Заворачивай! Влѣво, влѣво, не такъ... Едъ, какъ надо, видишь?

Опытъ, повторенный нѣсколько разъ, послужилъ Борькѣ на

пользу. На другой день онъ гораздо меньше волновался, шелъ ровнѣе, не дергалъ безъ толку лошадей. Онъ только скоро уставалъ, какъ вообще быстро утомлялся, принимаясь за непривычную работу. Онъ удивлялся силѣ Гриньки, который спокойно и ровно дѣлалъ свое дѣло, не обнаруживая никакихъ признаковъ усталости или утомленія

— Непривыченъ ты, оттого. Привыкнешь, такъ тоже, — утѣшалъ Гринька, и Борькѣ страстно хотѣлось поскорѣе привыкнуть. Само собой, что, по возвращеніи домой, Борькѣ доставалось. Особенно невыносимы были для Борьки субботы. Незанятая кухней мать зорко слѣдила за сыномъ, не выпуская его изъ дому. Борька томился въ одиночествѣ, придумывая разные способы улизнуть, но очень рѣдко удачно.

— Ты это куда опять? къ Гринькѣ? — замѣтивъ маневръ сына къ дверямъ, кричала она. — Ты мнѣ скажи, что тебя тянетъ къ нему? Что онъ тебѣ за товарищъ? Вѣдь онъ почти безграмотенъ, вѣдь онъ даже читать не умѣетъ. Что же? тебѣ тоже хочется слѣлаться такимъ? Забыть святую тору? обратиться въ мужива? — надрываясь отъ крика, спрашивала мать.

Отецъ пробовалъ дѣйствовать на него убѣжденіемъ:

— Что тебѣ такъ нравится у нихъ? — тыкалъ онъ рукою куда-то въ пространство. — Что тамъ хорошаго, скажи ты мнѣ, скажи?

Борька и самъ не зналъ, что „тамъ хорошаго“. Его только брала тоска дома, но объяснить, почему, онъ не могъ.

— Ты уже не маленькій, долженъ самъ понимать, что нѣтъ на свѣтѣ ничего выше и благороднѣе, какъ тора. Посмотри на меня: я пріѣхалъ въ чужой край, къ чужимъ людямъ, почти мужикамъ, а между тѣмъ, слава Всевышнему, самъ видишь, живемъ, да еще какимъ почетомъ пользуюсь у этихъ сибиряковъ... А почему? потому что я всю жизнь учился, всегда зналъ, что святая тора всюду отероетъ мнѣ двери, что Господь не оставитъ меня и нивогда, нивогда не оставитъ.

Борька, инстинктивно, по вдохновенному тону, какимъ все это сказывалось, чувствовалъ, что отецъ его говорить искренно, глубоко убѣжденный въ правотѣ и непреложности своихъ словъ; но и эти убѣжденія, какъ и крики и брань матери, не дѣйствовали на нервную, живую душу мальчика.

Наконецъ, одно уже совсѣмъ экстравагантное обстоятельство окончательно рѣшило участь Кормана и всей его семьи, въ томъ числѣ, конечно, и Борьки.

VIII.

Это было въ началѣ зимы. Корманъ сидѣлъ на скамейкѣ у окна, смотрѣлъ на пустынную, покрытую снѣгомъ улицу и злился. Онъ, Корманъ, работаетъ, „мучится“, не знаетъ покоя, а между тѣмъ, когда онъ хочетъ „чего-нибудь закусить“, то не можетъ достать. Дѣло въ томъ, что Корманъ, вставъ довольно рано, усердно помолился, потомъ прочиталъ псалтирь, послѣ чего занялся талмудомъ и въ результатѣ захотѣлъ ѣсть, а дома ни души, ни дѣтей, ни Енты. Корманъ злился, обдумывая, какъ онъ будетъ разносить неизвѣстно куда запровавшую жену, а въ ухахъ у него какъ будто звучали отвѣты жены, отвѣты рѣзкіе, грубые, въ которыхъ ясно, какъ божій день, будетъ доказано, что онъ не гоѣ, чтобы такъ гнаться за жратвомъ, что за пять минутъ онъ не подохнетъ съ голоду, что онъ обжора, только и дѣлаетъ, что жирѣетъ, вмѣсто того, чтобы смотрѣть за дѣтьми, которыя навѣрное, навѣрное оврестятся и покроютъ позоромъ и его обжорливую, и ея несчастную головы. Само собой, что онъ въ долгу не останется, и также ясно докажетъ женѣ, что она—вѣдьма, что она—она довела его до Сибири, до паденія,—словомъ, произойдетъ одна изъ тѣхъ знакомыхъ сценъ, которыми ошалѣвшіе отъ бездѣлья супруги чуть ли не ежедневно разнообразили свою скучную, монотонную жизнь. И чѣмъ дальше тянулось отсутствіе Енты, тѣмъ жесточе должна была быть семейная баталія. Корманъ дошелъ до высшей точки раздраженія, но когда дверь неожиданно отворилась и на порогѣ появилась Ента, у Кормана моментально испарилась вся его злость.

— Что случилось?—испуганно крикнулъ онъ, соскакивая со скамейки.

Ента, куда болѣе блѣдная, чѣмъ завоптѣлыя стѣны грязной комнаты, стояла у косяка, бессильно опустивъ руки, и тяжело дышала.

— Что случилось? — повторилъ Корманъ, не дождавшисъ отвѣта.

Ента мутными глазами оглядѣла комнату и мужа, потомъ энергично вся встряхнулась и рѣзко выговорила:

— Пойдемъ!

— Куда?

— Пойдемъ, говорю!—повторила она съ бѣшенствомъ, полными ненависти глазами глядя на перепуганнаго ея видомъ мужа.

Корманъ быстро накинулъ на себя засаленный и загрязненный кровью битой скотины тулупъ и вышелъ вмѣстѣ съ женой.

— Надо запереть, нѣтъ никого, — попробоваль-было сказать мужъ, указывая на дверь.

— По-ойдемъ! — еще бѣшенѣе выговорила Ента и быстро завернула за уголъ по направленію къ дому дяди Леонтія.

Дядя Левонтій, взявъ у „брата Василя-Григорыча“ молотилку по три рубля съ тысячи сноповъ, молотилъ хлѣбъ въ нарочно приспособленномъ для этого балаганѣ, сколоченномъ на скорую руку изъ досокъ и помѣщавшемся позади огорода. Еще издали Корманъ слышалъ глухой шумъ и, недоумѣвая, хотѣлъ спросить объ этомъ, но рѣшительное, злое, какъ-то заострившееся даже лицо жены лишило его смѣлости. Молча шелъ онъ за ней, пока не подошли къ самому балагану. Здѣсь Ента остановилась, выбрала щель побольше, заглянула внутрь и тѣмъ же рѣвкимъ тономъ сказала мужу:

— Смотри!

Корманъ тоже заглянулъ, но сначала ничего не могъ разобратъ. Въ балаганѣ густымъ слоемъ носились тучи пыли, въ которой двигались какія-то темныя фигуры. Мѣшалъ Корману сразу сообразить, въ чемъ дѣло, и адскій шумъ. Здѣсь, у самаго балагана, кромѣ глухого и страшнаго стука самой молотилки, слышались пронзительные крики мальчиковъ-помощниковъ, визгъ женщинъ, грубые крики и здоровый смѣхъ мужчинъ. Всѣ эти разнообразныя тоны и ноты странно сливались въ одинъ общій звукъ, имѣвшій въ себѣ что-то свѣжее, бодрящее и здоровое, что-то, что поднимаетъ энергію, вызываетъ краску на лицѣ и желаніе двигаться, что-то дѣлать, кричать, вообще чувствовать себя причастнымъ къ этому шуму силы и здоровья. Даже у Кормана вдругъ сердце странно застучало въ груди; но когда онъ, приглядѣвшись къ фигурамъ, двигавшимся въ этой пыли, увидалъ, что онѣ дѣлаютъ, онъ понялъ, зачѣмъ привела его жена, и сердце у него забилося еще сильнѣе, но уже по другой со-всѣмъ причинѣ.

Въ балаганѣ происходилъ обычный процессъ молотбы. По обѣимъ сторонамъ молотилки, распѣвая пѣсни, стояли женщины съ граблями и отбрасывали обмолоченную солому, которая тутъ же складывалась на носилки и выносилась другими женщинами и мужиками. У вѣялки, сидя на ворточкахъ, помѣщался самъ дядя Левонтій и ковшомъ наполнялъ вѣли отвѣяннымъ хлѣбомъ. Одна сторона балагана до самаго потолка была занята разворощенной скирдой связаннаго въ снопы хлѣба; на этой скирдѣ

стояла дѣвушка и по одному сбрасывала снопы внизъ, которые подхватывались — Корманъ уже ясно различалъ теперь — его Борькой и передавались Гринькѣ, стоявшему у основы молотилки и ловко и быстро подававшему развязанный снопокъ въ стучащій и гремящій барабанъ. Само по себѣ уже одно это занятіе было неподходящее для Борьки, но дагѣ Корманъ увидаль нѣчто невѣроятное, отъ чего его родительское сердце, нѣкогда мечтавшее сдѣлать изъ сына раввина, сжималось тупой болью.

Стоявшая на скирдѣ дѣвушка, сбросивъ два-три снопа какъ слѣдуетъ, четвертымъ норовила попасть Борькѣ на голову. Борька сейчасъ же карабкался на скирду, опрокидывалъ дѣвушку, и они оба, хохоча и визжа, начинали барахтаться по мягкой соломѣ, награждая другъ друга тумаками куда попало. Когда визгъ дѣвушки становился особенно пронзительнымъ, ей на помощь прибѣгала одна изъ подметальщицъ или носильщицъ, и обѣ женщины принимались щекотать, мять хохотавшаго во все горло Борьку, пока веселый и грудной голосъ Гриньки не останавливалъ ихъ окрикомъ:

— Эй, вы, черти! Будеть вамъ баловаться. Подавай!

Баловники бросали и принимались за работы, но черезъ минуту-другую повторялось то же самое, опять визгъ, хохотъ, и опять Борька и дѣвушки катались по мягкой соломѣ. Самъ дядя Левонтій изрѣдка оставлялъ свой ковшъ и смотрѣлъ, какъ „балуются“, широко и добродушно улыбаясь, очевидно, не видя ничего зазорнаго въ томъ, что ребята „играютъ“.

Не такъ думалъ Корманъ. Сначала онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и тихо шепталъ женѣ:

— Что это, что это?

— Что это? А вотъ смотри, такъ увидишь, — не шептала, а шипѣла въ отвѣтъ та. И Корманъ смотрѣлъ, чувствуя, что у него холодѣютъ руки отъ ужаса. Да, сомнѣнія нѣтъ, это онъ, его Борька, шестнадцатилѣтній женихъ, совершаетъ такіа неслыханныя, прямо невѣроятныя въ еврейскомъ быту непристойности. Да! что Сибирь, что муки тюрьмы, этапа, ссылки, нужды, одиночества — въ сравненіи съ этимъ страшнымъ наказаніемъ!

— Наказалъ Господь, наказалъ Господь! — чуть слышно шепталъ онъ поблѣвшими губами, однако жена услышала.

— Наказалъ Господь? Погоди, еще не то будетъ, еще не того дождешься! — зловѣще шипѣла она. — Ты, вотъ, посмотри-ка еще на Юсея.

— Гдѣ, гдѣ? — встрепенулся Корманъ, ожидая увидать еще нѣчто ужасное, однако то, что увидаль, сразу не такъ поразило

его, какъ похождения старшаго сына. Восьмилѣтній Юсель стоялъ на оси колеса и вмѣстѣ съ другимъ мальчуганомъ кривыми и ударами бича подгонялъ лошадей, вертѣвшихъ колесо молотилки. Это, конечно, тоже было ужасное событіе, ужасное по своей опасности,—матери, по крайней мѣрѣ, казалось, что вертѣвшійся вмѣстѣ съ колесомъ Юсель вотъ-вотъ свалится подъ ноги лошадей и будетъ ими раздавленъ. Но что эта опасность въ сравненіи съ тѣмъ, что вытворялъ Борька!

Не обмѣнявшись ни словомъ, оба супруга вдругъ разомъ отдѣлились отъ своего обсервационнаго пункта и, пугливо озираясь, трусливо побѣжали домой. Ни Корманъ, ни жена его даже въ послѣдствіи не могли объяснить себѣ, почему они такъ быстро ушли. Чего боялись, почему не взяли съ собою дѣтей? Что-то оттолкнуло ихъ отъ балагана, и они молча побѣжали домой, и тамъ Корманъ, какъ былъ, въ полушубѣвъ усѣлся на скамейку и тупо сталъ глядѣть себѣ подъ ноги. Жена его сняла платокъ, но осталась въ купавейкѣ, словно собираясь сейчасъ же уйти опять. Корманъ сидѣлъ, какъ оцѣпенѣлый, а жена смотрѣла на него. Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго и глубокаго молчанія.

— Ну?—неопредѣленно произнесла, наконецъ, Ента.

Корманъ не шевелился, и это раздражало его жену.

— Что же ты молчишь? Посмотрѣлъ, полюбовался, понравилось тебѣ? Что ты сдѣлалъ изъ дѣтей? Что дальше будетъ, что будетъ дальше, я тебя спрашиваю?—наступала она на мужа.

Корманъ сорвался съ мѣста, лихорадочно быстро снялъ съ себя шубу и прохрипѣлъ:

— Уѣдемъ!

— Что, куда?—спросила пораженная Ента.

— Что? Куда? Куда глаза глядятъ, куда ноги понесутъ... Я не могу больше здѣсь... Я не хочу... Я буду камни таскать... Я буду милостыню просить... Я буду голодать... Только я не допущу, не хочу, не хочу...

Корманъ выкрикивалъ все это, бѣгая какъ изступленный по комнатамъ и безтолково хватаясь то за столъ, то за кровать, то за ухватъ, стоявшій возлѣ печи.

Ента испугалась. Она совсѣмъ не ожидала такого рѣшенія вопроса. Она пилила мужа, требовала отъ него мѣры, сама не зная — какой, но во всякомъ случаѣ не столь радикальной, имѣвшей въ перспективѣ лишенія, нужду даже голодъ.

— Что ты говоришь? Куда поѣдешь? Съ ума сошелъ, что-ли?—спрашивала перепуганная Ента.

— Га! Я съ ума сошелъ? Нѣтъ, я не сошелъ съ ума. Я не

хочу имѣть дѣтей гоями. Ты видѣла? Этотъ мужикъ, этотъ гой, этотъ сибирякъ смотрѣлъ на эту мерзость и смѣялся... Онъ смѣялся!..—взвизгнувъ Корманъ, намекая на добродушнаго дядю Левонтія.

Ента примолкла. Она сообразила, что съ мужемъ сейчасъ не столкуешься, что ему надо дать успокоиться и тогда уже серьезно поговорить.

Дѣйствительно, Корманъ, побѣгавъ еще немного по комнатѣ и варьируя на разные лады почему-то всего болѣе его поразившее, возмутительное, по его понятію, отношеніе въ „мерзости“ дяди Левонтія, сразу потерялъ все свое оживленіе и весь опустился. Онъ усѣлся за столъ, подперъ обѣими руками голову. Его фигура, съ надвинутой на глаза шапкой и торчащей влочьями остроконечной бородой, удивительно напоминала дождемъ промоченнаго козла.

Ента, дождавъ немного, прежде всего высыпала на голову мужа цѣлое рѣшето всевозможныхъ проклятій, а затѣмъ начала доказывать, что уѣхать имъ некуда. Что они будутъ дѣлать тамъ въ городѣ? Въ маленькомъ—евреевъ нѣтъ, большіе—имѣютъ своихъ шайкетовъ; что же онъ будетъ дѣлать въ городѣ? онъ, ни на что неспособный, кромѣ того, чтобы жрать, какъ мужикъ, и спать. Нечего имъ тамъ дѣлать, и они умрутъ тамъ съ голоду. Она-то, конечно, только обрадовалась бы, если бы ее „смерть взяла“, но вѣдь и онъ, ея горе, ея несчастье, тоже подохнетъ, и его дѣти, эти гойи, мешумеды—тоже съ нимъ. Что же онъ будетъ дѣлать въ городѣ, что?

Долго еще пѣла Ента свою хорошо знакомую мужу пѣсню. Онъ молчалъ, сознавая, что она права, но въ то же время чувствуя всѣмъ существомъ, что уѣхать надо, что это—единственное средство спасти Борьку отъ тлетворнаго вліянія среды и обстановки, а Ривку и Юсея—отъ примѣра старшаго брата. Сознавала это и Ента, но ее страшило будущее, нищета и голодь.

Не дождавшись ни слова въ отвѣтъ, Ента тоже замолчала. Наступила тишина; супруги сидѣли рядомъ, но не смотрѣли другъ на друга. Имъ было очень тяжело.

— Развѣ предложить имъ, этимъ гоямъ, что мы будемъ жить въ „нашемъ“ городѣ и ты будешь приѣзжать къ нимъ? — нарушила молчаніе Ента.

Корманъ захлопалъ глазами и даже привсталъ,—до того поразила его предложенная женой комбинація. Дѣйствительно, это былъ самый удачный выходъ изъ незавиднаго положенія. Развивая дальне свою мысль, Ента нарисовала слѣдующую картину

будущаго. Они будутъ жить въ „нашемъ городѣ“, т.-е. въ ближайшемъ, отстоявшемъ въ тридцати верстахъ отъ Тюменцевскаго. Таеъ какъ „эти гои“ чуть ли не ежедневно ѣздятъ въ городъ, то, когда понадобится рѣзать скотину, они будутъ увозить его, „ея несчастье“, къ себѣ. Въ согласіи братьевъ она не сомнѣвалась,—они вѣдь привыкли „жрать, какъ мужики“, и будутъ довольны, что пойдеть близко. Само собою, что эти поѣздки сопряжены съ расходами, что „гои“ не будутъ уже платить столько, сколько теперь платятъ, что и городская жизнь также стоитъ дороже, но зато, во-первыхъ, у нихъ есть четыреста рублей, и они откроютъ лавочку, а во-вторыхъ, лучше не доѣсть, чѣмъ имѣть крещенныхъ дѣтей.

Когда, часа черезъ два послѣ этого разговора, домой пришелъ Борьба, онъ крайне удивился. Давно уже онъ не видалъ на лицахъ отца и матери такого спокойнаго, а главное, мирнаго выраженія. Супруги разговаривали необычнымъ спокойнымъ тономъ и даже улыбались. Еще болѣе удивился Борьба, что его появленіе не вызвало обычной баталіи. Правда, когда онъ вошелъ, отца какъ-то передернуло, но онъ врякнулъ, переглянулся съ женой и ничего не сказалъ. На другой день Борьба опять изумился, узнавъ, что мать ѣдетъ въ городъ; онъ спросилъ, зачѣмъ; ему отвѣтили кратко, что надо. Мечтавшій о томъ, чтобы скорѣе попасть на молотьбу, Борьба удовольствовался этимъ отвѣтомъ.

IX.

Ента принялась хлопотать. Въ городѣ она узнала, что мужъ ея, вслѣдствіе подоспѣвшаго манифеста, приобрѣвшій права крестьянина изъ ссыльныхъ, тѣмъ самымъ приобрѣлъ право проживать и въ городѣ. Потомъ она познакомилась съ двумя проживавшими уже тамъ еврейскими семействами. Конечно, это были неважные евреи, одинъ жестяникъ, другой портной, но все-таки не мужики, не сибиряки, а настоящіе евреи, т.-е. російскіе поселенцы, съ которыми хоть говорить можно на родномъ жаргонѣ. Эти евреи тоже совѣтовали переѣхать, увѣряя, что лавочка можетъ дать хорошій заработокъ.

Три дня провела Ента въ городѣ, и когда вернулась, то осталось только уложиться и ѣхать. Даже квартиру Ента приготовила.

— Матушки, родимыя! Да что же это такое?—всплеснула руками тетва Настасья, узнавъ отъ сына, которому прибѣжавшій

утромъ, блѣдный какъ смерть, Борька разсказалъ, весь дрожа какъ въ лихорадкѣ, о предстоящемъ черезъ нѣсколько дней отъѣздѣ въ городъ.—Да какъ же это? Да пошто же это? Да... да...—не находя словъ, кричала она и стремглавъ кинулась къ мужу, возившемуся у лошадей, и сообщила ему невѣроятную новость.

— Ты что, баба, болтаешь-то? — выпучилъ на нее глаза мужъ. Но уже одинъ видъ тетки Настасьи свидѣтельствовалъ, что слова ея—не бабья болтовня. Дядя Левонтій усиленно зачесалъ затылокъ.

— Надо тово... къ братцу Василь-Григорьичу,—полный недоумѣнія, выговорилъ онъ.

— Бѣги, бѣги! А я къ нимъ побѣгу, суспрошу. Господи! да пошто же это!—твердила одно и то же жена.

Василій тоже по началу не повѣрилъ, но затѣмъ сейчасъ же перевелъ дѣло на практическую почву. Позвали Арона, и братья, какъ и предполагала Ента, рѣшили пользоваться услугами Кормана, какъ шойхета, въ нужныхъ случаяхъ выписывая его къ себѣ или отвозя ему для рѣзки птицу и мелкій скотъ.

— Только, значить, насчетъ платы надо будетъ тово... Это онъ нарочно въ нашъ городъ переѣзжаетъ, потому нельзя ему безъ насъ, такъ ужъ и тово...—сообразилъ Василій тайные замыслы Кормана.

Братья поняли эту замысловатую рѣчь.

— Да пошто же онъ уѣзжаетъ? Чѣмъ ему плохо у насъ?—доискивался причины дядя Левонтій.

— Кто его знаетъ? Къ своимъ, должно, потянуло. Тамъ, въ городу, этотъ Гершико портной, да еще другой, ка-акъ его? Ну, язвѣ-е, забылъ. Они, вѣдь, эти расейскіе, что волеи, сколь ни корми, все имъ къ своимъ хочется, — резонерствовалъ Василій.

Всѣ три брата отправились къ Корману и тамъ застали и тетку Настасью, которая нивагъ не могла успокоиться, все всплескивала руками и выкрикивала:

— Господи! Да чѣмъ же это мы вамъ не угодили? Аль не понравилось что? Какъ же это? Вотъ и Гринька мой тоже скучать будетъ,—онъ вѣдь съ вашимъ Борькой дружки, да и Борька... Ахъ, ты, Господи!—безпорядочно кричала Настасья, не подозрѣвая даже, что эта дружба Гриньки и Борьки—причина отъѣзда Кормановъ.

Явившимся братьямъ Корманъ, конфузясь и заискивающе улыбаясь, плелъ что-то несуразное о томъ, что ему необходимо

у́хать, что здоровье... жена... — Онъ очевидно такъ-таки и не успѣлъ придумать приличнаго объясненія. Василій слушалъ, слушалъ и наконецъ прервалъ:

— Что-жъ! извѣстно, важный по своему, какъ лучше. Только какъ же теперь, значить, насчетъ пойдета?

Черезъ полчаса все было улажено, и Корманы съ легкимъ сердцемъ начали собираться къ отъѣзду.

День отъѣзда былъ назначенъ на воскресенье, а до этого дня въ квартирѣ Кормановъ стоялъ труба нетолченая. Цѣлый день тамъ толпились; даже мужики заходили, глядя на сборы, качали головой и говорили:

— Ты что же это, реба, надумалъ? Покидать насъ,—а?

Корманъ и имъ улыбался.

Особенно тетя Настасья усердствовала. Она почти не выходила отъ Кормановъ, помогала укладываться, совѣтовала, соблаговновала, ахала и охала и все возвращалась къ тому, что „Гринькѣ скучно будетъ безъ Борьки, потому дружки“...

Борька, съ момента, когда узналъ о предстоящемъ переселеніи, ходилъ какъ въ воду опущенный. Юношу какъ-то сразу до того перевернуло, что мать начала съ тревогой посматривать на него. Онъ почти не бывалъ дома. Съ утра онъ уходилъ въ Гринькѣ и возвращался только ночью.

— Пойдемъ къ вамъ, посмотримъ, что дѣлается, поможемъ, — предлагалъ по нѣскольку разъ на день Гринька.

— Нѣтъ, не надо. Посидимъ тутъ, — отказывался Борька, у котораго сжималось тупой тоской сердце и на глаза появлялись слезы, едва онъ подходилъ къ дверямъ своей квартиры.

Отецъ и мать не трогали его. Они инстинктивно чувствовали, что сынъ переживаетъ мучительную душевную драму. Только разъ Борька попробовалъ-было заговорить съ родителями. Это было въ субботу за обѣдомъ. Все уложившіе и совсѣмъ уже готовые супруги чувствовали себя прекрасно и, сидя за столомъ, мечтали о томъ, какъ устроятся въ городѣ, гдѣ мать будетъ завѣдывать лавкой, а отецъ развѣзжать по деревнямъ.

— А я что буду дѣлать? — хрипло спросилъ Борька.

— Ты? ты будешь учиться, а когда захочешь отдохнуть, поможешь матери въ лавкѣ, — отвѣтилъ отецъ.

— Да я вѣдь ничего не знаю, не умѣю, — попробовалъ сказать Борька.

— Не умѣешь? — взвизгнула Ента. — Съ дѣвками играть умѣешь, а въ лавочкѣ...

— Ш-ш... сегодня суббота, не надо ссориться, — торжественно

ственно протянувъ руку, остановилъ Корманъ жену, и та замолкла.

Наступилъ день отъѣзда. Съ утра возлѣ квартиры Кормана творился невѣроятный сумбуръ. Чуть ли не вся деревня собралась проводить „ребу“. Само собою, что всѣ три брата были тутъ же съ чадами и домочадцами. Бабы плакали, а тетка Настасья ревѣла въ голосъ, несмотря на увѣщанія дяди Левонтія, который, отчаянно скребя себѣ затылокъ, твердилъ безтолково:

— Ну, чего ревешь, чего ревешь?

Послѣднимъ сѣлъ въ кошеву Борька. Онъ крѣпко обнялся съ Гринькой и съ затуманившимися отъ слезъ глазами подошелъ къ кошевѣ. Гринька помогъ ему забраться.

— Ну, прощай, Борька!—еще разъ сказалъ Гринька.

Борька не отвѣтилъ,—онъ только посмотрѣлъ на друга, но въ этомъ взглядѣ было столько душевной муки, что и Гринька заревѣлъ. Ему сейчасъ же отклинулась мать.

— Съ Богомъ! Счастливо! Дай Богъ! — раздавались безпорядочныя восклицанія, когда кошева тронулась.

Корманы отъѣхали верстъ десять, не обмолвившись ни словомъ. Только Ента изрѣдка шептала поблѣввшими губами:

— Слава Богу, слава Богу!

Но на сердцѣ у нея было тоскливо, на глаза навертывались слезы, особенно когда она взглядывала на сына, сидѣвшаго напротивъ нея. Лицо Борьки было мертвенно-блѣдно; онъ сидѣлъ, сжавшись въ комочекъ, и казался матери такимъ маленькимъ, маленькимъ...

П. Хотымскій.

„НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ“

ВЪ

И Т А Л І И

I.

„Какъ бы ни были обширны вашъ умъ и ваше сердце, — старайтесь заполнить ихъ“, — совѣтовалъ Гёте своимъ современникамъ. Сомнительно, чтобы этотъ „веймарскій Юпитеръ“, хотя самъ и полный тѣхъ чувствъ и тѣхъ идеаловъ, которые такъ сильно взволновали конецъ XVIII-го вѣка, хотя бы и сочувствовавшій идеямъ гуманизма и космополитизма, которыя такъ сильно тогда затронули души философовъ и поэтовъ, — сомнительно, говоримъ мы, чтобы, давая такой возвышенный совѣтъ, онъ имѣлъ въ виду, помимо привилегированныхъ классовъ, также и народныя массы. Подъемъ нравственный и умственный этихъ послѣднихъ, значеніе, которое онѣ имѣютъ въ поступательномъ движеніи цивилизаціи, какъ факторы прогресса и регресса, не были въ его мысляхъ, и даже не могли быть. Законодатели національнаго собранія, озабоченные именно этимъ значеніемъ народныхъ массъ, подняли впервые великій вопросъ о народномъ воспитаніи и мужественно поставили передъ собой задачи самаго смѣлаго плана шеолы; пользуясь столь же великодушными, сколько и гениальными мыслями своихъ предшественниковъ, они подняли вопросъ о народномъ образованіи и о народномъ воспитаніи на такую высоту, какой онъ никогда прежде не достигалъ. Теоретическая дѣятельность Дидеро, Д'Аламбера, Дюмарсе, Ла-Шалоте, Кондильяка, Гельвеція, — какъ и законодатель-

ная — Кондорсè, Лепеллетье, Фуркруа, Лаканала и др., съ энергією и съ большимъ знаніемъ приложена была въ тѣхъ знаменитыхъ засѣданіяхъ законодательнаго собранія и конвента, о которыхъ Мишлè съ полнымъ правомъ могъ сказать, что до нихъ никто никогда не заботился такъ о будущемъ. Несмотря на то, дѣятельность эта не нашла себѣ должнаго отголоска: только самые просвѣщенные умы могли понять всю сложность задачъ, заключенныхъ въ проблемѣ народнаго образованія, — остальные относились индифферентно, признавая, что рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ специалистамъ. Нечего удивляться потому, если еще и до сихъ поръ мнѣніе это господствуетъ среди большей части политическихъ дѣятелей нашего времени. Но уже Кантъ утверждалъ въ своей „Педагогіи“ (напечатанной въ 1803 г., но преподаваемой имъ еще ранѣе 1789-го года) о необходимости „космополитическаго плана воспитанія, и о томъ, что принципъ воспитанія, котораго никто изъ занимающихся этимъ предметомъ не долженъ упускать изъ вида, состоитъ въ томъ, чтобы дѣти воспитывались не для настоящаго положенія человѣческой расы, а, насколько это возможно, для будущаго, наилучшаго ея положенія“; иначе говоря, — воспитаніе, къ какому бы возрасту ни было примѣнено, не должно быть даваемо только для настоящаго, но всегда должно стремиться за предѣлы его; этотъ благоразумный и возвышенный принципъ примѣненія воспитанія нравственнаго и умственнаго въ видахъ будущности и прогресса остался безъ всякаго воздѣйствія даже на ученыхъ того времени: они не захотѣли или не сумѣли извлечь того наставленія, которое привело бы ихъ къ размышленіямъ болѣе широкимъ и болѣе внушительнымъ насчетъ задачъ народнаго образованія по отношенію къ условіямъ и къ ходу цивилизаціи; и даже теперь не было бы излишнимъ повторять такое наставленіе, въ виду опасной непредусмотрительности *activism'a*, который примѣняетъ школу только къ своимъ личнымъ, непосредственнымъ интересамъ дня, обративъ ее въ подготовленіе къ карьерѣ или къ профессіи.

Теченіе въ пользу высшаго народнаго образованія могло образоваться и придти въ движеніе только гораздо позднѣе, почти въ концѣ прошлаго вѣка, и послѣ уже того, какъ весь обширный матеріалъ по народному первоначальному образованію былъ приведенъ въ порядокъ; при этомъ, нельзя отрицать, что именно девятнадцатому вѣку принадлежитъ честь учрежденія и окончательной систематизаціи народнаго первоначальнаго воспитанія на общественныхъ началахъ — задача, въ исполненіи которой только-что истекшій вѣкъ выказалъ большую энергію.

Нынѣшнему экстенсивному образованію предшествовалъ и сопровождалъ настоящій расцвѣтъ специальныхъ учрежденій для распространенія культуры, каковы, напр., конференціи, специальные курсы и т. д. Въ Италіи нѣтъ самаго маленькаго города, который бы не имѣлъ своего клуба, своего собранія, цѣль которыхъ—побочная или главная—дать народу научное и литературное развитіе. Но предметы, которые разрабатывались на этихъ конференціяхъ и на этихъ курсахъ—за немногими развѣ исключеніями, какъ, напр., курсы гигиены, читаемые специальными обществами,—представляли характеръ временнаго интереса и не всегда имѣли въ виду исключительно народныя массы; въ большой части случаевъ они ставили себѣ скорѣе цѣлью распространеніе всяческаго знанія среди буржуазіи.

Да и само экстенсивное, университетское учрежденіе вначалѣ не имѣло въ виду только народъ. Во всякомъ случаѣ, во всѣхъ этихъ конференціяхъ, во всѣхъ этихъ курсахъ, учреждаемыхъ съ специальными цѣлями, съ измѣняющимися критеріями, трудно было уловить общую, руководящую идею о высшемъ народномъ образованіи. Въ нихъ не было ничего похожаго на „Extension University“, въ смыслѣ университетскаго, правильнаго, послѣдовательнаго образованія, а тѣмъ болѣе—намекъ на то, что подразумѣвается подъ „народнымъ университетомъ“; на нашъ взглядъ, существуетъ громадная разница, все болѣе и болѣе обнаруживающаяся въ силу обстоятельствъ, между „Extension University“ въ полномъ смыслѣ этого слова,—какъ оно понимается, напр., въ Англии,—и „народнымъ университетомъ“, какъ онъ долженъ бы пониматься у насъ, въ Италіи.

Мы думаемъ, что не понято еще все значеніе этого различія. Уже давно, обсуждая все, что въ зачаточномъ видѣ заключается въ нашемъ новомъ учрежденіи, мы пришли къ тому убѣжденію, что народный университетъ въ Италіи предназначенъ со временемъ оказать вліяніе на преобразование государственныхъ университетовъ, то-есть, принудить ихъ измѣниться, какъ того требуютъ новыя времена, и предстать, какъ типъ будущихъ университетовъ, городскихъ или государственныхъ, передвижныхъ или постоянныхъ, но всегда свободныхъ, благодаря свободному преподаванію, свободному выбору предметовъ и профессоровъ, свободному, наконецъ, знанію.

Принимая участіе въ учрежденіи одного изъ такихъ итальянскихъ „народныхъ университетовъ“, и состоя нѣкоторое время членомъ научнаго отдѣленія совѣта управленія, мы имѣли возможность подробно изложить нашу мысль, хотя и съ большой осто-

рожностью и осмотрительностью, такъ какъ мнѣніе наше раздѣляли немногіе, ибо большая часть тѣхъ, кто стоитъ во главѣ нашихъ народныхъ университетовъ, какъ и вообще большая часть общества, находятся въ полномъ подчиненіи государственнымъ университетамъ, отъ нихъ требуя профессоровъ и руководителей, у нихъ заимствуя нормы для преподаванія, даже наименѣе прогрессивныя и наиболѣе невыгодныя для народа.

При всемъ этомъ „народный университетъ“ — это не „Extension University“. Само его названіе уже многозначительно, а тотъ фактъ, что вѣрно понятый народный университетъ не допускаетъ изученія предметовъ, не имѣющихъ между собой тѣсной связи, общихъ программъ, не обоснованныхъ на взаимномъ пронизываніи предметовъ изученія, а требуетъ, наоборотъ, единства органическаго, — служить уже достаточнымъ отличительнымъ признакомъ. Чтобы яснѣе выяснитъ разницу между тѣмъ и другимъ учрежденіемъ, мы прибѣгнемъ къ обобщенію или, точнѣе, къ необходимому историческому изложенію.

Есть три фазиса, черезъ которые прошло „Extension University“, не исключая того случая, когда всѣ они непосредственно слѣдовали одинъ за другимъ и слѣдуютъ въ Англіи еще и теперь. Эти фазисы могутъ назваться зачаточными фазисами „народнаго университета“, рассматриваемаго скорѣе какъ форма будущаго, чѣмъ настоящаго. Первый фазисъ принадлежитъ неопредѣленному желанію научиться, получить общее развитіе помимо установленной школы, — желаніе, принявшее самыя разнообразныя формы и породившее массу собраній, клубовъ, всевозможныхъ обществъ, организующихъ конференціи и курсы. Специальность этого фазиса — конференція, а побужденіе еще смутное, безъ всякаго опредѣленнаго руководства.

Необходимость распространенія высшаго культурнаго развитія почувствовалась сильно въ тѣхъ странахъ, гдѣ преобразование политическихъ учреждений, призвавшихъ избирателей и избираемыхъ на общественныя должности, то-есть къ управленію и къ руководству общественными дѣлами всѣхъ гражданъ безъ исключенія, потребовало отъ народа того необходимаго образованія и той культурной подготовки, которыя до сихъ поръ вполнѣ отсутствовали. Именно эту цѣль имѣла первая „Высшая народная школа“, задуманная Н. Ф. С. Грундвигомъ, въ Даніи, послѣ 1807 г., но учрежденная только въ 1844 году. И въ самомъ дѣлѣ потребовалось тогда дать гражданамъ, молодежи и взрослымъ, „подходящее образованіе и достаточную ясность мыслей, чтобы они подобающимъ образомъ могли исполнять ихъ гражданскія обязан-

ности избирателей и при случаѣ членовъ избирательныхъ корпорацій“. Эта мысль, развиваясь, нашла мало-по-малу новыя примѣненія и обогатилась новыми горизонтами.

Вотъ это и былъ второй фазисъ, который, можно сказать, вызванъ необходимостью политическаго характера. Здѣсь еще нѣтъ даже и намекъ на „Extension University“.

Третій фазисъ—это тотъ, когда общее вниманіе обращается на университеты, какъ на хранителей знанія, и провозглашается если не право, то доступность народныхъ массъ на часть этого знанія,—и польза, которую онѣ могли бы извлечь; требуется отъ университетовъ *распространить* даже на тѣхъ, кто не посѣщаетъ университетовъ, блага нѣкоторыхъ научныхъ знаній. Тогда конференціи, не имѣвшія никакой связи, замѣняются цѣлою серіей конференцій и курсовъ на одинъ и тотъ же предметъ, читаемыхъ въ популярной формѣ; аргументы случайные замѣняются нѣкоторыми приблизительно университетскими предметами,—государственный университетъ популяризуется, расширяется. Вотъ это фазисъ уже назрѣвшій, фазисъ „Extension University“, который далекъ еще отъ „народнаго университета“, такъ какъ не заняты органическими, обдуманными программами; это не есть правильный дидактический организмъ, и потому онъ задается только цѣлю дать народу знакомство съ тѣмъ или другимъ университетскимъ научнымъ знаніемъ.

Словомъ, идея „Extension University“, можно сказать, заживается въ этихъ трехъ фазисахъ, и даже въ послѣднемъ принимаетъ свою конкретную форму, свою абсолютную зрѣлость и свою опредѣленную цѣль, которая хотя и имѣетъ въ виду народныя массы, но не такъ исключительно, какъ „народные университеты“, учреждаемые для народа.

Вскорѣ долженъ былъ выступить на сцену болѣе широкій, болѣе высокій взглядъ на народное воспитаніе; пришлось подумать о назначеніи и цѣляхъ общаго воспитанія, поскольку оно способно воздѣйствовать на прогрессъ, замедляя или ускоряя его. Бокль замѣтилъ, что тамъ, гдѣ ученыхъ отъ народа раздѣляетъ глубокая пропасть, цивилизація не подвигается впередъ, и вѣчно ей грозитъ опасность быть разрушенной или отброшенной назадъ. Ученые не имѣютъ никакого вліянія на народныя массы, весьма далекія отъ нихъ, а эти послѣднія не получаютъ никакого блага отъ научныхъ изслѣдованій, не понимаютъ и не оцѣниваютъ ихъ. Заполнить эту пропасть взялись, поощряя культуру народа,—ту культуру, которая заключаетъ въ себѣ не только образованіе, но и воспитаніе, развитіе личныхъ способно-

стей, пробужденіе сознанія у народа, — ту культуру, наконецъ, которая даетъ народнымъ массамъ возможность понять и оцѣнить блага цивилизаціи, истину знанія.

Помимо заботы о непосредственныхъ результатахъ, прибавилась еще мысль, заглядывающая далеко впередъ, съ цѣлью защитить не только настоящую цивилизацію, но также и будущую. Воспитаніе не должно имѣть въ виду только настоящее (это мысль Канта), но и будущее; оно должно подготовить настоящихъ и будущихъ поколѣній къ тому, чтобы они не были чуждыми и враждебными цивилизаціи, въ которой живутъ или должны со временемъ жить.

Вотъ, на нашъ взглядъ, первая задача „народныхъ университетовъ“. Обязанность распространять культуру — не есть уже великодушная сентиментальность, — она принимаетъ суровый видъ необходимости. Высшая культура есть благо, котораго нельзя лишить ни одной части человечества; имѣть ее — это право и обязанность также и народа, какъ и остальныхъ классовъ; народу, который не можетъ посѣщать государственные университеты, слѣдуетъ имѣть собственный университетъ, который становится снова тѣмъ, чѣмъ былъ при своемъ возникновеніи, въ средніе вѣка, — свободнымъ и общедоступнымъ.

Такимъ образомъ, что въ прошломъ столѣтіи произошло съ первоначальнымъ образованіемъ, то теперь готовится произойти съ высшей народной культурой въ ея собственномъ университетѣ. На нее обращено теперь въ Италіи все вниманіе общества и правительства. Но она не можетъ быть руководима, какъ первоначальное образованіе: свойства ея, условія существованія, значеніе, заключаются именно въ ея полной академической свободѣ.

Было бы большою ошибкой ограничить функцію „народнаго университета“ популярнымъ изложеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ, какъ это дѣлаетъ „Extension University“, а также и университетскими только предметами. Народный университетъ, какъ онъ не есть „Extension University“, такъ онъ не есть и копія государственныхъ университетовъ, приуроченная къ народу. Это совершенно новое учрежденіе у насъ, вызванное болѣе современнымъ фазисомъ цивилизаціи. Народный университетъ, въ силу обстоятельствъ, въ силу своего происхожденія, своего характера, несетъ въ себѣ самомъ неизбѣжное преобразование школы и знанія и постановку истинной культуры, взамѣнъ нынѣшней.

Эта новая культура, включая и обобщая все, что можетъ сдѣлать совершеннымъ современнаго человѣка, пробуждая въ немъ

познаніе себя самого и цивилизаціи, въ которой онъ живетъ, поведетъ неизбѣжно къ отбѣннѣ многихъ старыхъ школьныхъ предметовъ и поставитъ на сцену новые предметы. По меньшей мѣрѣ, произойдетъ то, что многіе предметы, считающіеся теперь недостойными быть преподаваемыми въ школахъ, а могущіе служить только темой для внѣ-школьныхъ конференцій, образуютъ со временемъ жизненную часть культурнаго образованія; и наоборотъ, сдѣлаются темами для конференцій многіе теперешніе школьные предметы.

Итакъ, „народный университетъ“, — повторяю еще разъ, — учрежденіе совершенно новое у насъ и отличное отъ „Extension University“. Та же экстенсивная функція, общая обоимъ учрежденіямъ, принимаетъ въ томъ и другомъ различный характеръ и различное значеніе. И въ первомъ она — университетская, но университетская народнаго университета, а не государственнаго, и составляетъ только часть отправления, тогда какъ во второмъ она — все. Въ немъ концентрируются всѣ современные учрежденія, которыя содѣйствуютъ моральному и интеллектуальному развитію народа; культура тамъ дается посредствомъ органическаго прониновенія предметовъ; она стремится возбудить дѣятельность слушателей, въ особенности дѣятельность критическую, которая образуетъ сужденія, укрѣпляетъ и возвышаетъ сознаніе. Преподаваніе, поэтому, принимаетъ тамъ всевозможныя формы — объяснительную, разговорную, обсудительную, въ закрытомъ зданіи и на воздухѣ; въ экскурсіяхъ, въ театрахъ, въ лабораторіяхъ; предметы бесполезныя изгнаны окончательно; другіе очищены отъ всего устарѣлаго, ненужнаго и подѣ-часъ дживаго; новые предметы вошли въ жизнь, — и все это организовано въ богатую, плодотворную комбинацію программъ и соотвѣтствующихъ дидагическихъ приѣмовъ.

Какъ не требуется особыхъ документовъ, чтобы учиться, такъ и не требуется ихъ, чтобы преподавать. Школа тамъ — сотрудничество; функція преподавателя не должна быть понимаема, какъ диктаторство непреложнаго знанія, — какъ, напр., функція офицера, дающаго приказъ солдатамъ, — но какъ разумное объясненіе, оплодотворенное и оплодотворяемое обсужденіемъ. За слушателями признается право обсуждать, совѣтовать, направлять; по меньшей мѣрѣ, они могутъ имѣть представительство въ управленіи университета и могутъ, во всякомъ случаѣ, принимать участіе въ избраніяхъ на университетскія должности, въ выборѣ профессоровъ и предметовъ преподаванія и обсуждать даже значеніе преподаванія.

Чрезвычайно интересна еще одна задача нашего „народнаго

университета“, заключающаяся въ томъ, чтобы помогать развитію отдѣльныхъ интеллектуальныхъ способностей, и стремящаяся дать форму индивидуальную коллективному воспитанію, такъ какъ надо предположить болѣе значительную сумму различій характеровъ и умственного развитія среди неподготовленныхъ взрослыхъ, чѣмъ среди молодежи, которая въ среднихъ школахъ годами подводится подъ общій уровень развитія.

Наконецъ, не лишне выставить еще одно незамѣнимое преимущество, встрѣчающееся въ высшей, окончательной формѣ „народнаго университета“, это—ея форма ассоціативная. Воспитательная функція становится шире и полнѣе, благодаря постоянному столкновенію съ общественными элементами, стоящими на болѣе высокомъ умственномъ развитіи. Это общеніе различныхъ общественныхъ классовъ, основанное на общей благородной цѣли и проявляющееся въ разговорахъ, чтеніи, одновременно поднимаетъ тонъ школы, облагораживая высокою солидарностью параллельную дѣятельность слушателей и профессоровъ, облегчаетъ результаты сотрудничества. Знанія, приобретенныя въ такомъ университетѣ, находятъ способы проявиться, направиться, укрѣпиться и, наконецъ, умѣститься въ головѣ. Культура ассимилируется, укрѣпляется, интегрируясь въ болѣе широкое поле ассоціаций, освобождаясь отъ всякаго ложнаго предразсудка, отъ всякихъ предвзятыхъ идей; мысли дисциплинируются; сужденіе, избавившись отъ застѣнчивости и хвастовства (то и другое—формы гордости и невѣжества), дѣлается болѣе осмысленнымъ и находитъ точный и подходящий образъ выраженія.

Однимъ словомъ, „народный университетъ“ есть преимущественно учрежденіе для воспитанія, то-есть освобожденія отъ невѣжества,—учрежденіе преимущественно для культуры,—то-есть, возвышенія, развитія моральнаго, интеллектуальнаго. Онъ не задается цѣлью сдѣлать изъ слушателя ученаго, но человѣка съ познаніемъ и разсудкомъ, человѣка развитога; не ученика, подготовленнаго на ту или другую карьеру, но человѣка, способнаго понять и прожить свою жизнь достойно; изъ него не выходятъ усовершенствованные эгоистическіе механизмы, обреченные двигаться только во имя своихъ личныхъ интересовъ, но просвѣщенные сознанія, которыя въ удовлетвореніи своею моральною высотой, въ наслажденіи гармоничнымъ выраженіемъ всѣхъ своихъ способностей и склонностей чувствуютъ солидарность какъ съ той цивилизаціей, продуктомъ которой они являются, такъ и той, которой предназначены быть производителями.

Вотъ вѣратцѣ характеристика „народныхъ университетовъ“; но да не подумаетъ читатель, что все, что мы сказали, уже примѣнено въ Италіи: это было бы слишкомъ хорошо и слишкомъ поспѣшно; но если бы все это и было реализовано, то оно не имѣло бы въ себѣ ничего аномальнаго, такъ какъ народные университеты возникли поздно и имѣли, слѣдовательно, возможность воспользоваться опытомъ англійскихъ „Extension University“. Въ Италіи названіе и кое-что изъ сказаннаго нами уже существуетъ, хотя и въ зачаточномъ видѣ, но многое еще остается сдѣлать. Въ нѣкоторыхъ статутахъ, въ флорентинскомъ, миланскомъ (какъ мы увидимъ впоследствии) уже ясно обрисована типическая фізіономія народныхъ университетовъ, какою мы ее желали бы видѣть; на дѣлѣ же, эти университеты еще очень далеки отъ самой главной изъ своихъ функций—дидактической, въ которой заключается не только вся педагогическая правоспособность учрежденія, но и все значеніе пользы. И все-таки недостатки этихъ университетовъ, въ которыхъ руководящая мысль не выражена ясно, не помѣшали выполненію многого прекраснаго и необходимаго, вытекающаго само собою изъ характера самого учрежденія. Впоследствии увидимъ нѣкоторыя причины этихъ недостатковъ, по большей части зависящихъ отъ исключительныхъ и измѣчивыхъ условій среды и людей. Этими условіями объясняется, — чтобы дать примѣръ, — тотъ фактъ, что флорентинскій народный университетъ, — со статутомъ, если и не вполне совершеннымъ, то, во всякомъ случаѣ, однимъ изъ лучшихъ и даже въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ наилучшимъ, — сдѣлалъ меньше своихъ собратьевъ миланскаго и болонскаго университетовъ и даже туринскаго и венеціанскаго, въ смыслѣ, указываемомъ самимъ статутомъ.

Припомнимъ, по этому случаю, извѣстное изреченіе Платона: „Самое важное для государства — не существовать, а быть добродѣтельнымъ“. Мы же скажемъ про наши народные университеты, какъ и про всякое другое современное учрежденіе, хорошее и полезное, наоборотъ: главное — существовать, а что касается до добродѣтели, то это уже дѣло времени.

II.

Италія выказала бы мало здраваго смысла, еслибы, — принимая во вниманіе условія, въ коихъ живетъ ея народъ, взяла за модель своихъ университетовъ исключительно англійскіе „Extension Uni-

versity". Благодаря плохимъ условіямъ, матеріальнымъ, какъ и моральнымъ, народъ не можетъ извлечь пользы изъ конференцій, читаемыхъ безъ всякой послѣдовательности; то же можно сказать и про краткіе схематическіе курсы на разнообразныя темы, безъ всякой идеи о синтетической связи предметовъ между собою. Этотъ фактъ, очевидно, болѣе важенъ внѣ большихъ городовъ, внѣ городской скученности; и тѣмъ важнѣе отмѣтить его, что народныя университеты должны обратить свою дѣятельность именно на эти эксцентрическіе пункты, менѣе тронутые вѣяніемъ цивилизаціи. Дѣятельность эта, какъ обоснованная на гражданской мудрости и всеобщей справедливости, должна заботиться не о томъ, чтобы увеличить преимущества городовъ, а чтобы сдѣлать менѣе темной и лучше вознаграждаемой жизнь въ эксцентрическихъ пунктахъ, сдѣлать менѣе импульсивнымъ фатальное забвеніе деревень, съ цѣлью распространять свѣтъ и вносить блага цивилизаціи и культуры туда, гдѣ это болѣе всего необходимо для защиты этой же самой цивилизаціи и этой же самой культуры.

Итакъ, если въ самыхъ центрахъ, гдѣ представляется такъ много всякихъ способовъ развитія, гдѣ народъ находится въ постоянномъ столкновеніи съ другими классами и пользуется до нѣкоторой степени благами цивилизаціи, вдыхая ихъ въ самой атмосферѣ, — и въ этихъ центрахъ даже не можетъ быть полезнымъ распространеніе культуры по англійской системѣ, — то легко представить, какъ это преподаваніе должно оказаться бесполезнымъ въ маленькихъ центрахъ, среди разрозненнаго населенія. Тутъ отсутствуетъ не только столкновеніе съ высшими элементами, какъ это происходитъ въ городахъ, но недостаетъ библиотекъ (даже передвижныхъ), недостаетъ книгъ, времени, средствъ и, при этомъ, даже желанія пріобрѣсти ихъ. Безсмысленно предполагать, чтобы народъ обходился безъ всего того, что такъ нужно учащемуся, даже самому опытному и напрактиковавшемуся въ школѣ, и надо помнить, что урокъ (мы не говоримъ уже о конференціяхъ, которыя могутъ принести пользу только культурнымъ людямъ), не переработанный въ головѣ, который нельзя просмотрѣть по крайней мѣрѣ по книгѣ, — почти бесполезенъ, тѣмъ болѣе среди народа, который не пріученъ сосредоточивать вниманіе, удерживать въ памяти, приводить въ порядокъ мысли. Желать напечатать умъ народа, уставшаго отъ дневной работы, плохо питаемаго, удрученнаго жестокой борьбой за существованіе, обрывками знанія, — не значитъ думать о его благѣ.

Итальянцы высказали бы еще меньше здраваго смысла, если-

бы вздумали подражать въ народныхъ университетахъ своимъ государственнымъ университетамъ: эти послѣдніе, правда, даютъ привилегіи, но чужды всякой культурной новизны, всякому соприкосновенію съ жизнью, идутъ въ разрѣзъ съ самыми справедливыми требованіями времени. Плохая модель, если противъ нея возстаютъ въ Италіи самые консервативные профессора, какъ Бонги, Мартелло и др.; если противъ нея направлены критики наиболѣе просвѣщенныхъ ученыхъ Италіи.

Въ Италіи, по отношенію къ университетамъ, есть свои традиціи, старинныя, но незабвенныя, которыми она имѣетъ полное право гордиться, — это средневѣковые свободные университеты. Вотъ ими должны были бы вдохновляться, а не нѣмѣйшей организаціей государственныхъ университетовъ, болѣе дальновидныя личности, среди тѣхъ, кто впервые взяли въ Италіи за устройство народныхъ университетовъ. И безспорно, названіе „народныхъ университетовъ“ присвоено въ Италіи почти безсознательно, въ силу этихъ самыхъ традицій, а не въ подражаніе Франціи, какъ это можно бы было подумать.

Наши государственные университеты возродились только съ началомъ нашего объединенія, послѣ цѣлыхъ столѣтій упадка. Они, можно сказать, слѣдовали судьбамъ страны и процвѣтали и были могущественными и богатыми центрами интеллектуальной и научной жизни въ счастливые періоды отечества; и наоборотъ, — возникшіе съ процвѣтаніемъ республикъ, они скоро устарѣли и окончательно пали съ наступленіемъ политическихъ бѣдствій. Блестѣли послѣднимъ блескомъ на мрачномъ фонѣ XVI-го столѣтія, во времена Галилея, пизанскій и падуанскій университеты, но инквизиція политическая и религіозная тиранія заставили и ихъ быстро погаснуть. Павіанскій университетъ блеснулъ еще во время Наполеоновской эпохи, но съ паденіемъ Наполеона, подъ давленіемъ деспотизма, палъ и онъ. Пьемонтскій министръ Казати своимъ закономъ 1859-го года (который и до сихъ поръ руководитъ университетами) имѣлъ въ виду преобразовать университеты по національному образцу, то есть, реставрировать старый типъ итальянскаго университета, — но законъ вышелъ такъ неудаченъ, что и до сихъ поръ приходится жаловаться на его недостатки.

Собственно отъ этого закона ничего почти не осталось — съ 1860 года прибавлено было множество отдѣльныхъ уставовъ, положеній, которые усложнили и испортили даже лучшую часть этого закона, ту, напр., которая провозглашала свободу преподаванія и свободу слушанія. Такимъ образомъ, Италія, создавшая

типъ университета, который потомъ заимствовали у нея другія страны, какъ Германія и Австрія, сохранившія его и до сихъ поръ, такъ и Франція, отказавшаяся отъ него, за недостаткомъ мужества и возможности передѣлать его „ab infimis fundamentis“ всю организацію высшаго образованія, — Италія только и знаетъ, что прибавляетъ, почти съ каждымъ новымъ министромъ народнаго просвѣщенія, новыя измѣненія къ существующимъ законамъ, образу запутанную сѣть законовъ, указовъ, положеній, доказывающихъ не только неувѣренность и неясность представленія обо всемъ, что касается высшаго образованія въ государственныхъ сферахъ, но и нежеланіе и неумѣніе поправить дѣло въ законодательныхъ сферахъ. Многіе проекты, предложенные министрами, вышли изъ палаты и изъ сената настолько изуродованными и сокращенными, что представляли собой только простыя, незначительныя поправки къ закону, который хотѣли преобразовать. Наши государственные университеты, на которые смотрятъ въ странѣ, и совершенно основательно, какъ на лабораторіи, выдѣлывающія профессоровъ и профессионалистовъ, не имѣли до сихъ поръ того престижа и того вліянія, которыя должно бы было имѣть такое важное учрежденіе. Вопросъ о высшемъ образованіи остался у насъ однимъ изъ тѣхъ, которые находятъ мало интересующихся имъ, помимо специалистовъ; а когда начинаютъ обращать на него вниманіе заинтересованные люди вообще, то только для того, чтобы видоизмѣнить его въ свою пользу. Самые главные представители итальянской мысли XVIII-го столѣтія большею частью были чужды университетамъ, да и сравнительно немногимъ обязаны имъ выдающіеся умы первой половины XIX-го столѣтія, а среди мыслителей, литераторовъ, поэтовъ, историковъ, писателей XIX-го столѣтія вообще, большая часть совсѣмъ не посѣщала университетовъ или появлялась тамъ на короткое время, какъ, напр., изъ умершихъ — Леопарди, Манцони, Джіоберти, Ботта, Джусти, Адзельо, Кавалотти и мн. др.; Газтано Трецца, талантливый писатель, самый развитой литературный критикъ нашего времени, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и Робертъ Ардиго, самый извѣстный изъ теперешнихъ итальянскихъ философовъ, — вышли изъ духовныхъ учреждений.

Хотя въ нѣкоторыхъ городахъ народные университеты стремятся стать въ подчиненіе государственнымъ университетамъ и передаютъ управленіе собой исключительно въ руки университетскихъ профессоровъ — все-таки самымъ просвѣщеннымъ основателямъ даже въ мысль не приходило вдохновляться, а тѣмъ менѣе взять за модель для такого современнаго и новаго учреж-

денія, какъ народный университетъ, университетъ государственный.

Италія, какъ мы уже упомянули ранѣе, имѣла свои славныя традиціи въ своихъ средневѣковыхъ университетахъ, и онѣ не могли не предстать образцомъ, хотя бы безсознательно, для выдающихся инициаторовъ движенія у насъ въ пользу высшаго народнаго образованія, тѣмъ болѣе если онѣ представлялись, какъ національная модель для государственныхъ университетовъ, пьемонтскому министру. Слѣдовательно, если нужно было принскывать типъ народныхъ университетовъ, то надо было обратиться къ другимъ временамъ, тѣмъ болѣе, что много пунктовъ соприкосновенія существуетъ между теперешнимъ движеніемъ и средневѣковыми университетами.

Дѣйствительно, нынѣшнее движеніе можетъ въ нѣкоторой степени быть подведено подъ монастырское и свѣтское движеніе среднихъ вѣковъ, создавшее первые итальянскіе свободные университеты (болонскій былъ первымъ, какъ извѣстно; онъ учрежденъ въ 1111 году, если не считать знаменитой медицинской школы въ Салерно, основаніе которой относится къ 900 году).

Мы употребили выраженіе: „монастырское движеніе“, принимая во вниманіе сущность знанія тѣхъ временъ, оставшееся схоластическимъ даже внѣ монастырей, и фактъ сосредоточенія изученій и знаній въ монастыряхъ, изъ которыхъ позже извлекли науку университеты. „Свѣтскимъ“ можно назвать то движеніе въ томъ отношеніи, что оно характеризуетъ собой интеллектуальную эманципацію свѣтскихъ отъ вліянія и господства духовныхъ. Салернская медицинская школа, хотя и учрежденная иначе, чѣмъ университеты, насколько то возможно теперь предположить была въ этомъ отношеніи типична. Съ самаго своего основанія, повидимому, она имѣла почти свѣтскій характеръ, такъ что должна была бороться и страдать отъ конкуренціи въ преподаваніи духовныхъ, которые не могли помириться съ мыслью потерять преобладаніе, принадлежавшее имъ въ теоретической и практической медицинѣ, какъ, впрочемъ, и въ другихъ отрасляхъ знанія. Но соперничество между свѣтскими и духовными не могло продолжаться иначе, какъ въ ущербъ этимъ послѣднимъ, и рѣшеніе латеранскаго собора отъ 1139, запретившаго священникамъ и монахамъ предаваться медицинскимъ и юридическимъ наукамъ, подошло какъ нельзя болѣе встать.

Во всякомъ случаѣ, если по сущности знанія итальянскіе средневѣковые университеты были не очень революціонными по отношенію къ монастырскому знанію (въ этомъ отношеніи

нельзя требовать отъ среднихъ вѣковъ болѣе того, что они могли дать),—все-таки они являлись передовыми, насколько могли. Они образовались послѣ медленной переработки времени, черезъ соединеніе первыхъ свѣтскихъ высшихъ школъ, которыя послѣ X-го столѣтія быстро размножились въ Италіи; и это соединеніе имѣло различныя побужденія: любовь къ знанію среди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ элементовъ, въ особенности среди вновь народившейся тогда буржуазіи; инстинктъ общей самозащиты; чувство независимости, а также и въ силу того же духа ассоціацій, настолько сильно развитого въ средніе вѣка, что, помимо университетовъ, онъ создалъ *корпорации цеховъ*, то-есть ассоціацію рабочихъ, и *коммуны*, то-есть ассоціацію жителей для управленія общественными дѣлами.

Почти всѣ историки, изучавшіе средніе вѣка, видятъ въ этихъ старинныхъ формахъ зачатки современной цивилизаціи. Безспорно (оставивъ въ сторонѣ древніе примѣры Греціи), средне-вѣковой университетъ впервые провозгласилъ свободу преподаванія; она, какъ всякое значительное проявленіе цивилизаціи, зародилась при благопріятныхъ политическихъ и интеллектуальныхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась цивилизація того времени. Эти старинные университеты, очевидно, отразили въ себѣ такія политическія условія, такъ какъ имѣли форму исключительно демократическую, и основаны были по системѣ, которую мы теперь называемъ представительной. По выраженію нѣкоторыхъ историковъ они имѣли видъ маленькихъ республикъ.

Преподаватели и слушатели во взаимныхъ отношеніяхъ, и по отношенію къ наукѣ, пользовались въ тѣ времена абсолютной свободой. Высшая власть была по большей части въ рукахъ слушателей, которые составляли статуты, выбирали профессоровъ, избирали ректора и завѣдывали черезъ посредство своихъ представителей всѣми интересами корпорации.

Подобные университеты были, слѣдовательно, центромъ свободнаго знанія, по сравненію его съ монастырскимъ, а также центромъ распространенія этого знанія по всему свѣту, собраніемъ гражданъ всѣхъ сословій, которые искали знанія съ единственною цѣлью стать на болѣе высокой уровень интеллектуальный и общественный. Хотя въ своихъ первыхъ шагахъ они были не что иное, по отношенію къ знанію, какъ монастырскія „*Extension*“, несмотря на то, ихъ организація переродилась быстро въ особыя учрежденія, въ особенности когда само преподаваніе измѣнило характеръ, въ силу новыхъ предметовъ знанія и новыхъ тенденцій знанія. Такъ что эти университеты представляли своимъ

своеобразнымъ организмомъ, перерожденнымъ и перерождаемымъ, освобожденіе отъ ига монастырей, новое направленіе знанія и его правъ, и способствовали значительному преобразованію культуры и цивилизаціи, — ихъ, такъ сказать, социализаціи (socialisation).

III.

Мы остановились на тѣхъ университетахъ, чтобы лучше дать понять о томъ, какова должна быть среда, въ которой развилось, развивается и будетъ развиваться идея о народныхъ университетахъ, и каково вліяніе традицій, надеждъ, опасеній, болѣе или менѣе основательныхъ, на умы наиболѣе развитые и наиболѣе знакомые съ вопросомъ, а также показать, насколько эти вліянія могутъ воздѣйствовать на направленіе, которое могутъ со временемъ принять въ Италіи народные университеты.

„Цивилизація — это растение, qui se prorage bien plus souvent qu'elle ne se développe“. Не кажется ли вамъ, что это выраженіе Тэйлора можетъ заключать въ себѣ болѣе важное значеніе, если придать слову „развитіе“ болѣе широкій смыслъ? Идея народнаго университетскаго „Extension“ — какъ это случается со многими другими формами прогресса — распространилась во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, принимая вездѣ специальную фізіономію, въ сущности же оставаясь всегда одинаковою.

Еслибы Италія сначала была менѣе упорной, и не потеряла бы столько времени, прежде чѣмъ принять новый плодъ цивилизаціи, — навѣрное, хотя бы въ силу подражанія, у нея была бы своя „Extension University“ въ ея наиболѣе ошибочной формѣ; и съ трудомъ, или по крайней мѣрѣ очень медленно, она могла бы развить свой собственный типъ, полный и своеобразный, который она имѣетъ пока въ немногихъ своихъ университетахъ, и то скорѣе какъ широкій замыселъ, чѣмъ полная его реализація.

Народное университетское движеніе отразилось и зародилось, слѣдовательно, довольно поздно въ Италіи. Первый народный университетъ, — въ Туринѣ, — открытъ былъ 12 ноября 1900 года; до этого немногіе интересовались высшей народной культурой и не знали, что дѣлалось въ этомъ отношеніи не только въ Англіи, но даже гораздо ближе — въ Бельгіи и во Франціи.

Идея не могла найти надлежащей встрѣчи въ правящихъ классахъ, благодаря тѣмъ предубѣжденіямъ и тому недовѣрію, которыя они иногда питаютъ къ народу, и еще болѣе благодаря настроенію высшихъ классовъ, вызванному горестными днями маи

1898-года и усугубленной необходимостью скрывать то, въ виду общей симпатіи страны. Несмотря на то, движеніе, вызванное въ жизни народными партіями и наиболѣ просвѣщенной частью буржуазіи, въ скоромъ времени распространилось по Италіи, такъ что въ продолженіе двухъ лѣтъ, съ 1900 до 1902, можно сказать, нѣтъ города, въ которомъ бы не было своего народнаго университета, не принимая во вниманіе тѣхъ, которые нашли способъ устроить клубы по экстенсивному типу. Такимъ образомъ, не только главные города имѣютъ свои народные университеты, но даже и второстепенные; а краткіе, непостоянные курсы существуютъ даже въ нѣкоторыхъ маленькихъ рабочихъ центрахъ, какъ, напримѣръ, въ Сесто, куда народный университетъ ближайшей Флоренціи посылаетъ своихъ преподавателей прочесть тотъ или другой курсъ, на который заявлено желаніе. Болонья, Катанія, Флоренція, Генуя, Миланъ, Неаполь, Римъ, Туринъ, Венеція, Удино, Пиза, Павія, Парма, Падуа, Модена, Ливорно, Мачерата, Феррара и т. д.—всѣ имѣютъ свой народный университетъ.

Вначалѣ мы упомянули, что существовали въ Италіи клубы для конференцій и самыя разнообразныя общества, почти настоящія школы, которыя задавались распространеніемъ высшей культуры среди своихъ членовъ. Они существуютъ и теперь. Система конференцій сильно развита въ Италіи, и въ нѣкоторыхъ городахъ до того преувеличена манія конференцій, въ особенности зимой, что не хватаетъ достаточно слушателей. При этомъ не было упущено изъ вида распространеніе высшей культуры и интеллектуальное воспитаніе народа. Въ „Палатахъ труда“, помимо элементарнаго и профессиональнаго преподаванія, устраивались также правильные курсы по предметамъ культуры. Въ Туринѣ существовало уже ранѣе „Общество культуры“ (Società di Cultura); оно не было учреждено для народа, но мы упоминаемъ о немъ потому, что оно основало первый народный университетъ въ Италіи. Это общество задается цѣлью, какъ говорить его программа,—„дать возможность образованнымъ людямъ пользоваться наивозможно большимъ числомъ публикацій, а также и знакомиться другъ съ другомъ“. Оно имѣетъ прекрасную бібліотеку, залы для собраній, на которыхъ „разрабатываются въ разговорной, дружеской формѣ вопросы литературные, артистическіе и общественные и обсуждаются всѣ важныя событія“. Въ спорахъ принимаютъ участіе выдающіяся научныя силы Турина,—Ломброзо, напримѣръ, и т. д. вмѣстѣ съ этимъ, надо упомянуть о передвижныхъ земледѣльческихъ каедрахъ, устраиваемыхъ на счетъ коммунъ и провинцій. Онѣ имѣютъ

цѣлью распространить научные принципы земледѣльческой техники; такихъ кафедръ насчитывается до тридцати. Во Флоренціи также существуетъ общество, называемое „Pro Cultura“, имѣющее специальный характеръ. Тутъ молодые люди, кончившіе курсъ въ университетахъ, и часто даже извѣстные профессора читаютъ конференціи съ роскошными проекціями: одинъ вечеръ для семей членовъ, другой для рабочихъ. Цѣль „Pro Cultura“ — объяснить и иллюстрировать Италію со всѣхъ точекъ зрѣнія: географической, естественной, исторической, арифметической, индустриальной.

Въ Брешии существуетъ уже нѣсколько лѣтъ „Общественный институтъ образованія“ (Istituto sociale d'Istruzione), въ нѣкоторомъ отношеніи напоминающій народныя университеты.

Но ассоціаціи, направленные исключительно на образованіе народа, были учреждены въ Миланѣ, Болоньѣ, Венеціи, Падуѣ, Кюджѣ, Фабріано и т. д. Скажемъ нѣсколько словъ о первыхъ двухъ, въ виду того вліянія, которое онѣ имѣли на образованіе народнаго университета. Въ Миланѣ существуетъ съ 1898 года „Ассоціація-поощрительница народнои культуры“ (Associazione-Promotrice della cultura popolare), гдѣ при помощи гражданъ и профессоровъ научныхъ учреждений даются даровыя конференціи для народа. Этой ассоціаціи мы обязаны переводомъ книги Эрнеста Шульце: „Volkshochschulen und Universitäts Ausdehnungs-Bewegung“, которая такъ сильно способствовала распространенію идеи народныхъ университетовъ.

Въ Болоньѣ, по инициативѣ „Университетскаго Союза“ и при помощи „Рабочаго Общества“, которое съ 1862 года работаетъ неутомимо на пользу образованія своихъ членовъ, учредилась въ 1872 году „Лига народнаго образованія“, съ богатой библиотекой и съ чтеніемъ даровыхъ конференцій; за недостаткомъ средствъ, лига эта просуществовала только до 1886 года. Но въ 1898 году „Ассоціація XX сентября“ (Associazione XX Settembre) выступаетъ снова съ народнои идеей и въ одной изъ своихъ программъ ставитъ себѣ задачей народное образованіе и народное воспитаніе, какъ при помощи народнаго университета, долженствующаго „распространять познанія, необходимыя для интеллектуальной, технической, общественной и частной жизни всякаго гражданина, давать позитивныя объясненія феноменамъ физической и общественной жизни“, такъ и при помощи учреждений для гимнастическихъ упражненій. Помимо того, „Associazione XX Settembre“ задалась моральной и экономической помощью рабочимъ, учредивъ народное совѣщательное бюро (Ufficio di

consulenze popolari), чтобы „помогать рабочимъ при дѣловыхъ трактатахъ, объяснять законы и уставы, помогать и направлять его во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ и т. д.“. Но и эта попытка должна была остаться безъ послѣдствій, пока наконецъ, въ июнѣ 1900 года „Комитетъ профессоровъ и рабочихъ“ не начерталъ основанія народнаго университета, открывшагося 11-го февраля 1901 года и считающагося теперь однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ въ Италиі. Интересно, что болонскій народный университетъ, придерживаясь желаній „Ассоціаціи XX сентября“, учредилъ особымъ уставомъ „Секцію туристов“, задача которой организовывать экскурсіи; помимо физическаго упражненія, онѣ должны имѣть характеръ артистическаго, научнаго, литературнаго воспитанія. Членами этого отдѣленія могутъ быть даже не принадлежащіе къ народному университету; но они должны дать обязательство записаться въ слушатели. Члены этого отдѣленія платятъ годовой взносъ въ 50 сантимовъ; и достаточно, чтобы десятая часть членовъ заявила о желаніи на какую-нибудь экскурсію, чтобы эта экскурсія приведена была въ исполненіе. Послѣ каждой экскурсіи назначается конкурсъ на отчеты, рефераты, фотографическія объясненія и т. д., съ преміями книгъ или другихъ школьныхъ пособій.

Было бы болѣе чѣмъ естественно, если бы всѣ эти клубы, собранія, лиги, которые устраивали чтенія и конференціи для своихъ членовъ, неблагоприятно отнеслись къ учрежденію народныхъ университетовъ,—тѣмъ болѣе, что эти послѣдніе, не имѣя въ виду исключительно мелкій народъ и развивая серьезно всѣ отрасли знанія, дѣлали ихъ почти излишними. Дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы слиться съ новымъ университетомъ, или по крайней мѣрѣ помочь ему, они совсѣмъ отстранились; и только учрежденія дѣйствительно народныя, какъ, напримѣръ, „Палата труда“ (Camera di lavoro), рабочіе клубы, лиги, съ восторгомъ отнеслись къ новой идеѣ и помогаютъ морально и матеріально, насколько могутъ. Рабочее общество „Гарибальди“ въ Болоннѣ, помимо годового взноса въ тысячу франковъ, даетъ помѣщеніе и освѣщеніе.

Какъ бы то ни было, идея о народныхъ университетахъ нашла готовую почву въ Италиі, по отношенію всего, что касалось высшей народной культуры, но она должна была подчиниться условіямъ, которыя ей ставили политическіе консервативные умы; и даже тамъ, гдѣ народные университеты были прямымъ и единственнымъ дѣломъ народныхъ элементовъ, приходилось все-таки дѣйствовать осторожно, чтобы не зайти далеко и не испугать.

Остановились на полпути даже тѣ университеты, которые могли бы быть гораздо болѣе прогрессивными. Миланскій университетъ, благодаря свободѣ и новизнѣ (*modernité*) направленія и предметовъ, которые тамъ преподаются, выбора преподавателей и многихъ другихъ условий, есть самое смѣлое, самое молодое учрежденіе, и все-таки онъ далекъ отъ того, чтобы удовлетворить передовые умы. Вѣроятно, съ этой точки зрѣнія, скоро многое измѣнится къ лучшему въ этомъ знаменитомъ городѣ, городѣ инициативы и энергіи, не даромъ называемомъ „умомъ и моральной столицей Италіи“; именно онъ создаетъ себѣ ясное представленіе о народномъ университетѣ и отдастъ себѣ полный отчетъ въ главномъ назначеніи новаго учрежденія и въ важности функціи научнаго отдѣленія, которое, составляя часть совѣта управленія, представляется какъ необходимый органъ теоретическаго и практическаго обсужденія, отъ котораго зависить весь порядокъ, все направленіе новаго народнаго учрежденія.

Дѣло въ томъ, что наши консервативные элементы стараются поставить народные университеты подъ покровительство швольныхъ властей, въ особенности подъ надзоръ государственныхъ университетовъ и ихъ профессоровъ (если это выгодно по отношенію преподаванія предметовъ чисто научныхъ, то, наоборотъ, оно принесетъ большой вредъ относительно другихъ прикладныхъ предметовъ), — а слѣдовательно, тѣ интеллектуальныя нововведенія, которыя выпали на долю народнаго университета, ему придется выполнить, — будучи это неизбѣжнымъ, — съ большой задержкой, безъ всякаго критерія и съ большой путаницей; съ другой стороны, либеральные элементы, даже наиболѣе передовые, въ общей темѣ знаній, сами не имѣютъ еще, повидимому, идей противоположныхъ идеямъ консерваторовъ; между такими идеями нерѣдко даже можно найти тотъ умственный радикализмъ, который не служитъ еще явной характеристикой передовой партіи. Интеллектуальность народныхъ партій и самихъ социалистовъ, въ общемъ, далеко не можетъ назваться цѣльной; она представляетъ почти исключительно характеръ экономическій и политическій и имѣетъ самый неясный идеаль, безъ всякаго опредѣленнаго собственнаго направленія относительно знанія и изученій; она не имѣетъ ни собственныхъ идей относительно наукъ и искусствъ, ни методовъ для его уразумѣнія, своихъ собственныхъ, отличныхъ отъ тѣхъ, что господствуютъ въ другихъ классахъ; всѣ они стараются всѣми силами примѣниться къ существующему и даже преувеличивать ихъ, какъ буржуа, перенимающій манеры и поступки аристократа, чтобы имѣть значеніе въ глазахъ послѣдняго. Было бы,

слѣдовательно, несправедливо обвинять только консервативные классы въ направленіи, по большей части ортодоксальномъ, за нѣкоторыми рѣдкими исключеніями, итальянскихъ народныхъ университетовъ, гдѣ въ такихъ наукахъ, какъ философія, политическая экономія, мораль, исторія, литература, искусство, — преподаются предметы устарѣвшіе, съ устарѣвшими методами, устарѣвшими профессорами, часто даже и молодыми, но которые не въ состояніи освѣжить ихъ какииъ бы то ни было образомъ.

Въ виду всего этого, понятно, почему наши народные университеты (хотя во многихъ отношеніяхъ они не хуже иностранныхъ вѣстенсивныхъ учрежденій, а нѣкоторые, по сравненію съ этими, гораздо выше, миланскій, напр., по фактамъ, а флорентинскій по статуту стоятъ дѣйствительно высоко), — находятся тѣмъ не менѣе въ хаотическомъ періодѣ, который хотя и можетъ дать вредные результаты, но бесспорно даетъ также и полезныя.

Приведемъ примѣры: въ флорентинскомъ народномъ университетѣ, совѣтъ управленія котораго состоитъ преимущественно изъ социалистовъ, даны были курсы по политической экономіи и по другимъ предметамъ чисто ортодоксальнаго характера; тормазились всегда идеи и проекты либеральнаго и интеллектуальнаго характера, стремившіеся дать цѣльность и современность учрежденію и подъемъ болѣе высокой его работамъ, и поддерживались почти безусловно элементы консервативныя. Въ туринскомъ университетѣ, при управленіи чисто консервативномъ, профессоръ Моска, ультра-консерваторъ (профессоръ конституціоннаго права въ тамошнемъ университетѣ), могъ прочесть курсъ по политической экономіи; то же право дано было и профессору Пизкароло, социалисту, который въ чисто социалистическомъ духѣ прочелъ исторію собственности; не говорю о многомъ другомъ, что дѣлается въ этомъ университетѣ и что доказываетъ широкій и либеральный взглядъ на вещи.

Не надо забывать, что, исключая Миланъ и нѣкоторые другіе города, не народные элементы, или по крайней мѣрѣ не они одни, были инициаторами народныхъ университетовъ, хотя они и были яркими поборниками, пропагандистами и наиболее энергичными и воодушевленными кооператорами; и это происходило по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что они чувствовали себя не въ силахъ поставить на ноги такое высокое учрежденіе, требующее авторитета, престижа и содѣйствія всѣхъ гражданъ; а во-вторыхъ, они одни не могли бы имѣть на то средствъ.

Мы исключаемъ — и по праву — Миланъ; это индустриальный центръ Италіи, богатый, просвѣщенный, дѣятельный городъ, гото-

вый содѣйствовать всѣмъ хорошимъ и полезнымъ предпріятіямъ; тамъ всѣ граждане привыкли къ широкому обсужденію всѣхъ вопросовъ, и то, что считается полезнымъ, тамъ быстро приводится въ исполненіе—часто всѣми партіями безъ различія. Этотъ большой городъ (наиболѣе населенный послѣ Неаполя) не имѣетъ университета въ полномъ смыслѣ этого слова, но имѣетъ взамѣнъ его научно-литературную академію и политехникумъ, не считая многихъ другихъ превосходныхъ учреждений, какъ научныхъ, такъ и индустриальныхъ, даже частныхъ учредителей: вскорѣ тамъ будетъ открытъ „коммерческій университетъ“ имени Лунджи Боккони, сына богатаго и извѣстнаго коммерсанта, пожертвовавшаго на его учрежденіе значительную для Италіи сумму,—милліонъ франковъ, чтобы почтить память бѣднаго молодого челоуѣка, ушедшаго волонтеромъ въ Африку и умершаго въ знаменитомъ пораженіи Абба-Каримы.

Объ этомъ коммерческомъ университетѣ и его программѣ наукъ мы желали бы дать болѣе подробное описаніе, но должны ограничиться только замѣчаніемъ, что онъ не будетъ имѣть характера исключительно профессиональнаго, а поставитъ себѣ цѣлью распространеніе научно-коммерческой культуры. Миланъ изобилуетъ учреждениями, помогающими и покровительствующими образованію и культурѣ народа; тамъ существуютъ даровые школьные завтраки въ элементарныхъ школахъ и въ учрежденіяхъ, называемыхъ „Послѣ школы“, то-есть тамъ, гдѣ дѣти рабочихъ проводятъ послѣ-школьное время, готовя уроки, играя, въ ожиданіи возвращенія домой родителей; учрежденія, дающія стипендіи и всевозможныя пособія бѣднымъ учащимся; общества для распространенія культуры; рабочій домъ, рабочая палата; все это—центры, распространяющіе моральное и интеллектуальное воспитаніе по всѣмъ отраслямъ и всѣми способами, въ томъ числѣ и съ помощью народнаго театра.

Въ этомъ же городѣ народныя партіи, даже наиболѣе прогрессивныя, настолько сильны, что властвуютъ въ городѣ. Городской совѣтъ тамъ весьма радикальный, всѣ пять депутатовъ отъ Милана—соціалисты. Но тамъ инициатива народнаго университета принадлежала всѣмъ народнымъ партіямъ, которыя и привели ее въ исполненіе, такъ что въ Миланѣ все было сдѣлано и все дѣлается по обоюдному согласію, безъ необходимости реакціи, и все побуждалось могучею дѣятельностью къ лучшему, настолько, что изъ всѣхъ городовъ только одинъ Миланъ можетъ дать увѣренность въ быстрой эволюціи, въ смыслѣ болѣе снѣлаго и болѣе

откровеннаго выполненія типа народнаго университета, какъ онъ долженъ пониматься.

Продолжая нашъ сжатый обзоръ мѣстныхъ условій подготовленія и выполненія идеи народнаго университета, возвратимся къ высказанной мысли, а именно, что народные элементы одни не могли бы, за недостаткомъ экономическихъ и моральныхъ средствъ, задумать и поставить на ноги учрежденія высшей народной культуры, которыя имъ были такъ дороги. Они должны были отдать все въ руки господствующимъ классамъ (хотя бы это были исключительно профессора, какъ въ Римѣ, напр.) или опереться на нихъ, теряясь въ уступкахъ. Соучастіе всѣхъ классовъ, болѣе или менѣе сочувствующихъ движенію, становилось необходимымъ. Даже тамъ, гдѣ народныя партіи первенствовали, все-таки было необходимо довѣрить управленіе университетами личностямъ, наиболѣе благоприятнымъ господствующимъ классамъ.

Не должно упускать изъ вида, что Италия—страна, гдѣ политика, со всѣми относящимися къ ней вопросами, находится въ постоянномъ обсужденіи во всѣхъ частныхъ и публичныхъ засѣданіяхъ, и партіи здѣсь отличаются болѣею жизненностью и вліяютъ на всѣ рѣшенія, въ которыя входитъ какая бы ни было часть ихъ программъ и ихъ идеаловъ.

Въ Италиі—масса благотворительныхъ обществъ, гдѣ постоянно сталкиваются самыя разнообразныя политическія убѣжденія, и устроятся почти ежедневно, при всякомъ удобномъ случаѣ и въ виду всевозможныхъ цѣлей, различныя комитеты, въ которые стараются завлечь всѣ отѣнки партій безъ исключенія. Несмотря на то, въ воспитательномъ и въ школьномъ вопросѣ есть много пунктовъ, по поводу которыхъ партіи приходятъ въ яростную оппозицію другъ съ другомъ.

Отсюда понятно, что всѣ партіи или, по меньшей мѣрѣ, группы однородныхъ партій, стремятся захватить въ свои руки народные университеты, чтобы имѣть вліяніе черезъ нихъ.

Во всякомъ случаѣ, необходимо констатировать тотъ фактъ, что въ Италиі симпатія къ народнымъ классамъ настолько сильна, въ особенности среди людей науки, что всѣ народные университеты должны были допустить,—и что сдѣлали очень охотно—вмѣшательство общества, прямое или косвенное. И даже тамъ, гдѣ вмѣшательство это минимально, результаты его все-таки чувствительны въ силу того, что преподаваніе тамъ допускаетъ заявленіе всевозможныхъ убѣжденій, и сфера дѣятельности народныхъ университетовъ все расширяется въ виду нуждъ народныхъ.

Впрочемъ, нельзя отрицать, что въ тѣхъ городахъ, гдѣ на-

родныя партіи сильны, эти убѣжденія идутъ слишкомъ руза объ руку съ вліяніемъ давленія народныхъ партій, передъ которымъ часто не могутъ устоять даже власти. Когда въ Римѣ, прошлымъ лѣтомъ, общество приватъ-доцентовъ тамошняго университета захотѣло учредить народный университетъ, дѣлая его своимъ собственнымъ специальнымъ учрежденіемъ, — поднялся протестъ отъ всѣхъ народныхъ партій, которыя не были призваны участвовать въ его устройствѣ, и проектъ рисковалъ быть погребеннымъ. Обществу, которому не по вкусу пришелся этотъ типъ — далеко не демократическій, — возмутилось и, черезъ „Палату труда“ и другія народныя ассоціаціи потребовало разъясненій, и не успокоилось, пока они не были даны.

Эта, скажемъ, уступчивость, болѣе или менѣе искренняя, господствующихъ элементовъ народнымъ партіямъ не менѣе знаменательна и по отношенію преподающихъ профессоровъ, которые хотя и не вполне убѣждены (надо замѣтить, впрочемъ, что такихъ немного), предлагаютъ свой трудъ почти повсюду даромъ. Дѣйствительно, исключая Миланъ и Туринъ, гдѣ преподаватели получаютъ отъ пятнадцати до двадцати-пяти франковъ за урокъ, смотря по доходамъ, — другіе народные университеты не могутъ оплачивать своихъ преподавателей. Во Флоренціи, на примѣръ, народный университетъ не въ состояніи до сихъ поръ даже минимально вознаграждать своихъ профессоровъ, и они великодушно отдаютъ свое время и свой трудъ. Лучшіе профессора медицинскаго факультета здѣшняго института высшихъ наукъ, съ ректоромъ-профессоромъ Кіаруджи во главѣ, прочли блестящія лекціи, открывъ амфитеатры медицинскаго факультета учащимся изъ народа, которые массою шли туда, счастливые уже тѣмъ, что могутъ познакомиться съ науками.

Остальныя лекціи читаются въ другомъ учебномъ заведеніи, даромъ предоставленномъ муниципалитетомъ, которому оно принадлежитъ. Въ этомъ заведеніи, помимо курсовъ научныхъ и литературныхъ, даромъ прочитанныхъ профессорами и учителями лицеевъ, профессоръ Бонавентура могъ дать курсъ исторіи музыки, иллюстрированный небольшими концертами, безъ всякихъ расходовъ, благодаря великодушному содѣйствію дилеттантовъ. Невольно напрашиваются при этомъ на сравненіе блестящаго вознагражденія, получаемыя доцентами англійскихъ экстенсивныхъ университетовъ. Впрочемъ, долго такъ продолжаться не можетъ: профессора, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ дали блестящіе образцы популярныхъ лекцій, могутъ прочесть только краткіе курсы, безъ всякой заботы о взаимномъ ихъ соотношеніи; но со-

вѣты управленія могутъ требовать отъ нихъ большаго приспособленія къ характеру и цѣлямъ народнаго университета. Большая часть изъ нихъ, медики, адвокаты, инженеры, должны заниматься профессіей, такъ какъ университетскаго жалованья (пять тысячъ лиръ) не хватаетъ на удовлетвореніе ихъ нуждъ, какъ ученыхъ, такъ и семейныхъ, и тѣмъ менѣе—на поддержаніе своего значенія въ обществѣ.

Учителя же среднихъ школъ такъ плохо оплачиваемы (жалованье имъ—отъ двухъ до трехъ тысячъ лиръ), что они вынуждены, чтобы жить и поддерживать семью, давать частные уроки; потому, утомленные дневнымъ трудомъ, они приносятъ по истинѣ жертву, отнимая у себя и то немногое время, что остается имъ на отдыхъ и на попеченіе о семьѣ, и отдавая его на благо народа; отъ нихъ тѣмъ болѣе нельзя требовать серьезныхъ работъ подготовленія, соотвѣтствующаго цѣли.

Если подумать о мизерной стипендіи этихъ тысячъ воспитателей, подготовителей поволѣній, интеллектовъ на службѣ знанія, то приходится удивляться, какъ, несмотря на то, итальянская наука сумѣла занять свое скромное мѣсто среди остальныхъ націй, а культура—сдѣлать столько прогресса въ странѣ; нельзя не думать съ гордостью объ этой фалангѣ учителей, которые съ такимъ сознаніемъ долга и, можно сказать, съ благороднымъ самоотреченіемъ, выполняютъ свою общественную функцію, измученные часто ежедневной борьбой съ самыми необходимыми нуждами и, въ довершеніе всего, иногда и безъ всякаго почти моральнаго удовлетворенія.

Франч. Парэче.

Флоренція, 1908.

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ

I.—ВЫСОХШИЙ РУЧЕЙ.

Весной въ травѣ журчалъ ручей
Подъ вѣчной зеленью крушины;
Съ зарей звенѣли тамъ кувшины,
Имъ вторилъ смѣхъ и звукъ рѣчей,
И топотъ стада—у водооя...
Но вотъ, подъ жгучимъ игомъ зноя,
Изякла свѣтлая струя:
Безводнымъ ложе у ручья,
Такимъ сухимъ и жесткимъ стало,
Какъ взоръ, давно не знавшій слезъ,
Глядящій мутно и устало.
Его песокъ полужанесь,
И онъ оставленъ и покинутъ—
Пока изъ тучи грозовой
Опять струи воды живой,
Какъ слезы жгучія, не хлынуть.

II.—ВЪ ЗЕЛЕНОМЪ МОРѢ.

Вверху блистаетъ синева,
Кругомъ, на всемъ просторѣ,
Шумитъ весенняя листва,
Волнуется, какъ море...

Предъ нами—рябь зеленыхъ волнь,
Полдневный блескъ—надъ нами,

И нашъ балконъ — какъ будто чолнъ
Межъ свѣтлыми волнами.

Вотъ снова вѣтеръ набѣжалъ,
Сильнѣй дрожать осины;
Какъ парусъ, вздулся, задрожалъ
Наметъ изъ парусины.

Плывутъ въ лазури облака,
Вонъ тамъ — корабль воздушный,
И вдаль, по волѣ вѣтереа,
Несется онъ, послушный.

Во снѣ ли слышу, на яву,
Зеленыхъ волнъ удары;
И съ нимъ чудесно я плыву,
Въ страну весенней чары.

III.—ПЕРВАЯ МОЛНІЯ.

Оттого ль, что прошумѣла
Нынче первая гроза —
Такъ тревожно и несмѣло
Потупляешь ты глаза?

Отблескъ молній золотистыхъ
Тайну сердца освѣтя,
И въ твоихъ глазахъ лучистыхъ
Не сверкаетъ ли, дитя?

Вешнихъ грозъ живая сила
И тебя — какъ ни ты —
Незамѣтно опалила
Первой молніей любви?

О. Михайлова.

УРОЖЕНЕЦЪ ВИРГИНИИ

РОМАНЪ.

—The Virginian. A Horseman of the plains, by Owen Wister. London—New-York. 903.

Окончаніе

XXVI *).

Въ комнатѣ школьной учительницы Молли Вудъ были оставлены только кровать и стулъ. Все остальное было уложено. На стѣнѣ, среди пустыхъ полокъ, еще красовался портретъ-миниатюра прабабушки Старкъ, въ ожиданіи, когда и его упакують вмѣстѣ съ остальными вещами. До вчерашняго дня съ одной стороны портрета висѣлъ головной индѣйскій уборъ, въ видѣ цѣлаго потока перьевъ, а съ другой—лувъ и стрѣлы. На противоположной стѣнѣ была прибита шкура серебристой лисицы, надъ дверью торчали отростки оленьихъ роговъ, а на полу была разостлана медвѣжьѣ шкура. Такимъ образомъ, вся уютная, чистая комнатка была богато убрана охотничьими и военными трофеями, но по-сѣтителю школьной учительницы всегда останавливались передъ миниатюрнымъ портретомъ.

Молли Вудъ рѣшила оставить свое мѣсто въ „Медвѣжьей-Рѣвѣ“ и вернуться домой, въ Беннингтонъ въ Вермонтъ. Такое рѣшеніе явилось слѣдствіемъ послѣдняго посѣщенія виргинца.

---

*) См. выше: май, 208 стр.

Онъ сказалъ Молли Вудъ, что скоро прїѣдетъ, что скоро для него настанетъ рѣшительный часъ, и во избѣжаніе этого часа она рѣшилась бѣжать. Она не довѣряла своимъ силамъ въ присутствіи своего энергичнаго и неукротимаго обожателя. Ей страстно хотѣлось его видѣть, и поэтому не слѣдовало его видѣть совсѣмъ. Она написала виргинцу прощальное письмо, желая ему полного счастья. Нелегко ей было написать это письмо, такъ какъ она сознавала, что отнимаетъ у него счастье. Разставаясь съ Молли послѣ своего неожиданнаго короткаго посѣщенія, виргинецъ сказалъ:

— Вы хорошая учительница, по настоящему научили меня любить, но теперь вамъ придется самой выучить этотъ урокъ, — и онъ уѣхалъ, даже не привоснувшись къ ея рукѣ, а она еще долго сидѣла, глядя на цвѣты кактуса, которые онъ ей привезъ. Потомъ встала и, ваявъ нетерпѣливымъ движеніемъ волочіе цвѣты, хотѣла выбросить ихъ за окошко, но раздумала и поставила въ воду.

Теперь, однако, со всѣмъ этимъ было покончено: когда до него дойдетъ прощальное письмо, ея уже не будетъ въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“.

Всѣ сосѣди были огорчены отъѣздомъ Молли, а съ лучшимъ ея другомъ, м-съ Тэлоръ, у нея даже вышла ссора по этому поводу.

— Я вышла замужъ по любви, — сказала м-съ Тэлоръ, — и ни разу въ этомъ не раскаялась; а поэтому отъ души желаю всѣмъ знакомымъ и милымъ мнѣ дѣвушкамъ не упускать своего счастья.

— Когда мое счастье придетъ, — отвѣчала Молли, — я, конечно, скажу: „согласна“.

— Значитъ, вы скажете это на будущей недѣлѣ въ Беннингтонѣ. Конечно, скажете, — продолжала м-съ Тэлоръ, не обращая вниманія на протестующее движеніе Молли. — Или вы воображаете, что онъ останется здѣсь, а вы будете жить въ Беннингтонѣ?

— „Онъ“? Ради Бога! Кто такой „онъ“?

— Дитя, дитя! Вы сами недовольны собой съ тѣхъ поръ, какъ выдумали бросить школу, насъ и всѣхъ и все. И что такое съ вами вдругъ случилось? Еслибы онъ не былъ васъ достоинъ, я бы первая... но вѣдь вы теряете лучшаго человѣка въ свѣтѣ. Если кто-нибудь, несмотря на всевозможные соблазны, остается вѣренъ молодой дѣвушкѣ — значитъ, пришло ея счастье.

— Мое счастье? У всякаго свои взгляды на счастье!

— Взгляды!

— Конечно, сонъ былъ очень милъ со мною.

— Милъ!—съ негодованіемъ повторила м-съ Тэлоръ: — Ну, если это все, что вы можете о немъ сказать, то, конечно, вамъ лучше всего уѣхать въ Вермонтъ. Если для васъ вишняя шлифовка дороже души человѣка и вы такъ слѣпы, что не умѣете отличить брилліантъ отъ простаго камня...

— Однако, м-съ Тэлоръ!..

— Тогда уѣзжайте въ Вермонтъ, — тамъ вы найдете себѣ болѣе подходящаго жениха! — и добродушная женщина въ глубокомъ негодованіи выкатилась изъ комнаты, оставивъ разсерженную Молли среди ея сундуковъ и чемодановъ.

Молодая дѣвушка принялась было снова за укладку вещей, но дѣло у нея не ладилось. Она выкладывала всѣми попадавшимися ей подъ руку предметами какія-то фантастическія фигуры, точно отчаянно играя въ домино, но нѣкоторыя вещи никакъ не хотѣли укладываться въ оставленные для нихъ пустыя мѣста.

Особенно упрямился одинъ проклятый портфель и двѣ старыя книги. Кончилось тѣмъ, что Молли въ полномъ отчаяніи бросила ихъ на полъ и остановилась, съ пылающимъ лицомъ и сверкающими глазами, передъ портретомъ прабабушки. Видъ знакомаго изящнаго лица, обрамленнаго бѣлокурными волосами, немного успокоилъ Молли. Вѣдь ей оставалась еще цѣлая недѣля до отъѣзда и не было никакой необходимости уложить все именно сегодня. Недалеко отъ ея домика паслась лошадь, обѣзженная для нея виргинцемъ. М-съ Тэлоръ видѣла изъ своего окна, какъ молодая дѣвушка ловко и быстро осѣдлала лошадь. Этому научилъ ее все тотъ же виргинецъ. Отъ вниманія м-съ Тэлоръ не ускользнуло то обстоятельство, что, вскочивъ на сѣдло, Молли съ непривычной силой ударила лошадь хлыстомъ, и почтенная дама съ злобной улыбкой прослѣдила за фигурой всадницы, удалявшейся и уменьшавшейся среди пустынного солнечнаго пейзажа. Лошадь, привыкшая къ ласковому обращенію, послѣ третьяго рѣзкаго удара хлыстомъ, повернула голову и посмотрѣла на свою хозяйку умными, но недоумѣвающими глазами. Молли ослабила поводъ и позволила ей самой выбирать дорогу. Тогда лошадь съ видимымъ удовольствіемъ побѣжала по знакомой ей дорогѣ къ „Глубовой-Рѣкѣ“. Два или три раза имъ на встрѣчу попались знакомые фермеры и раскланялись съ м-съ Вудъ, удивляясь, что она не узнаетъ ихъ. Проѣхала она и мимо табунчиковъ. Они пасли небольшое стадо быковъ и долго слѣдили

глазами за проѣхавшей амазонкой. „Медвѣжья-Рѣка“ сдѣлалась уже, ея гористые берега сошлись ближе, и маленькіе водопады шумѣли и пѣвились, ярко освѣщенные полуденнымъ солнцемъ. Вдругъ лошадь насторожила уши. Въ самомъ началѣ пути къ родной для нея „Глубокой-Рѣкѣ“ ее уже привѣтствовалъ старый товарищъ, и она ускорила шаги. Это вывело Молли изъ задумчивости и заставило поднять голову. Откуда взялся Монте? Онъ былъ осѣдланъ и стоялъ возлѣ ключа, бившаго изъ скалы. Очевидно, хозяинъ его спѣшилъ, чтобы напиться. Молли затянула поводъ и хотѣла повернуть назадъ, но одумалась: усканать теперь, когда виргинецъ уже навѣрное замѣтилъ ее, было бы слишкомъ дико, и она обогнула скалу.

Одна рука южанина была опущена въ воду по локоть, а другая лежала согнутая возлѣ головы, но Молли не могла видѣть отвернутаго лица и разглядѣла только спутанные черные волосы на затылкѣ. Лошадь захрапѣла и стала вскидывать голову, и Молли, испуганная неподвижностью лежавшей передъ нею фигуры, соскочила съ сѣдла и подбѣжала къ виргинцу. Она заглянула ему въ лицо. Между полузакрытыми вѣками блестѣлъ узкой полоской бѣлокъ глазъ. На фланелевой рубашкѣ возлѣ плеча темнѣло пятно крови, сбѣгавшей и терпящейся подъ поясомъ, и все могучее тѣло молодого человѣка лежало вяло и безпомощно.

Инстинктивно она схватила его за руку, стараясь нащупать пульсъ, но ей не удавалось найти его. Тогда она вытатила другую руку виргинца изъ воды, и ощущеніе ледяного холода вернуло ее къ сознанію дѣйствительности. Но тотчасъ же она почувствовала сильную слабость и опустилась на камень, повторяя громко:

„Только бы мнѣ не сдѣлалось дурно... я не хочу, чтобы маѣ сдѣлалось дурно“...

А обѣ лошади внимательно смотрѣли на нее, настороживъ уши.

„А кровь все идетъ!“—вдругъ мелькнуло у нея въ головѣ. Она вскочила, оторвала кусокъ отъ своего платья, и стала мочить его въ водѣ и обмывать рану, пока кровь не перестала течь. Потомъ бросилась къ своему сѣдлу и достала изъ кармана походную фляжку. Наливъ немного коньяку въ крышку, представлявшую собою стаканчикъ, она съ неимовѣрнымъ усиліемъ разжала зубы виргинца и влила ему въ ротъ нѣсколько капель. Почти тотчасъ же она почувствовала, что къ нему возвращается живнѣ, и молча замерла на мѣстѣ, когда онъ открылъ и устре-

миль на нее свои большіе, глубокіе глаза. Но въ этомъ взглядѣ еще не было сознанія.

— Развѣ они не отыскали меня? Я думалъ, что они меня убьютъ,—прошепталъ онъ и снова закрылъ глаза. Отъ этихъ словъ Молли стало еще страшнѣе, чѣмъ отъ молчанія, и она тихо, почти шопотомъ назвала виргинца по имени.

Онъ открылъ глаза.

— Вы всегда были и теперь вы опять... Но не оставайтесь здѣсь...—съ усиліемъ произнесъ онъ и повторилъ:—не оставайтесь здѣсь,—они васъ схватятъ.

Она молча взяла его пистолеть, вынула пустые патроны и снова зарядила пистолеть, доставъ пули изъ его пояса.

— Возьмите его себѣ,—произнесъ виргинецъ съ безпокойствомъ.—Мнѣ ужъ защищаться не стоитъ, вы сами видите.

— Такъ, значитъ, вы собрались сдаваться? — сказала она, стараясь придать своему голосу какъ можно больше строгости.—Лежите смирно!—прибавила она, замѣтивъ, что онъ дѣлаетъ попытку встать.

Онъ покорно опустилъ голову къ ней на колѣни и сталъ улыбаться. Увидавъ это, она тоже улыбнулась и взяла его за руку.

— Послушайте, другъ мой,—сказала она,—никто меня не схватитъ, и васъ также. Выпейте-ка еще немного коньяку и отдохните.

— Да, вѣроятно они побоялись меня преслѣдовать слишкомъ близко отъ поселенцевъ, а то бы ужъ они были здѣсь...

— Не разговаривайте, берегите свои силы, — повторила Молли и, прикрывъ голову виргинца широкимъ зеленымъ листомъ, встала, подошла къ лошадямъ и разнудала ихъ, чтобы дать имъ возможность напиться и пощипать травы.

Когда она вернулась къ раненому, онъ уже не лежалъ, а сидѣлъ, опершись о скалу, и просилъ ее дать ему воды. Голова его горѣла, и смуглая кожа на лицѣ изъ блѣдной сдѣлалась темно-красной.

— Только пять миль,—произнесла Молли, обливая его холодной водой,—и вы теперь въ состояніи сѣсть на лошадь.

Она сняла съ его шеи платокъ и связала его со своимъ платкомъ, но такой перевязки было мало, и поэтому она сняла узелокъ, привязанный къ его сѣдлу. Въ узелкѣ нашлась чистая рубашка, и она разорвала ее на бинты. Изъ рубашки, когда она ее развертывала, выпалъ маленькій носовой платокъ. Молли подняла его и вдругъ увидала на одномъ изъ уголковъ свой вензель.

Ей ясно, вспомнились все подробности ихъ первой встрѣчи съ виргинцемъ. Конечно, это былъ тотъ самый платокъ, который она потомъ никакъ не могла найти. Молли осторожно свернула платокъ и сунула его обратно въ узелокъ. Когда она стала перевязывать рану, южанинъ ложно истолковалъ выраженіе ея взгляда, устремленнаго на него.

— Совсѣмъ же больно, — произнесъ онъ успокоительно, совершенно приходя въ сознаніе отъ острой боли, — не тратьте понапрасну свою жалость.

— А вы не тратьте понапрасну свои силы, — возразила она.

Онъ всталъ, желая доказать ей, какъ онъ силенъ, но тотчасъ же запнулся, и она сказала ему, что онъ все-таки ребенокъ.

— Да, — произнесъ онъ тихо, глядя ей вслѣдъ, такъ какъ она пошла за его лошадыю, — тотъ самый ребенокъ, который хотѣлъ достать луну съ неба.

Она помогла ему взобраться на сѣдло, и онъ замѣтилъ:

— Долженъ признаться, что во всей этой непріятной пере-дѣлкѣ вы вели себя какъ настоящій мужчина.

Они двинулись въ путь, онъ верхомъ, а она цѣпцомъ, придерживая его правой рукой, а лѣвой веда въ поводу свою лошадь. Чтобы ободрить его, она считала, сколько ужъ они проѣхали и сколько осталось, называя знакомые предметы, попадавшіеся на пути. Вотъ уже миновали дерево съ осиннымъ гнѣздомъ, вотъ сгорѣвшая хижина, а вонъ показалась и тополевая роща. Онъ молчалъ, держась обѣими руками за луку и все больше наклоняясь впередъ, пока наконецъ силы не измѣнили ему и онъ не соскочилъ съ сѣдла въ траву. Изъ раны опять показалась кровь, и Молли не рѣшалась оставить его одного, чтобы съѣздить за помощью. Она дала ему вынуть весь оставшійся у нея коньякъ.

— Всего только одна мля осталась, — проговорила она, стараясь ободрить его и подводя лошадь къ стволу упавшаго дерева, чтобъ ему легче было взобраться на сѣдло.

Съ большимъ трудомъ удалось ей усадить его на лошадь, и опять они двинулись шагомъ по дорогѣ. Оставалось поимки до „Медвѣжьей-Рѣки“, какъ вдругъ виргинецъ, все время молчавшій, быстро заговорилъ:

— Теперь я долженъ съ вами проститься.

Сначала Молли ничего не поняла.

— Лошади убѣжали, онъ уѣдетъ... я прошу извинить меня,

сударыня!—и, повернувъ Монте, онъ собирався уѣхать, но она схватила лошадь за узду.

— Вы должны проводить меня до дому!—произнесла она, догадываясь, что у него начинается бредъ.—Развѣ джентльменъ можетъ пригласить лэди на прогулку и такъ оставить ее одну?

Онъ какъ будто задумался.

— Я, конечно, провожу васъ домой,—произнесъ онъ.—Судья Генри пойметъ...—и онъ продолжалъ говорить о какихъ-то воображаемыхъ предметахъ, называя то лошадей, то людей.

Молли отвѣчала ему успокоительнымъ тономъ, соглашаясь со всѣми его фантазіями.

Добравшись до своего домика, она помогла виргинцу слѣзть съ лошади, отвела его за руку въ свою комнату и, усадивъ тамъ, побѣжала въ Тэлорамъ. Но ихъ домикъ былъ запертъ: все семейство уѣхало кататься. Вернувшись въ виргинцу, Молли нашла въ немъ большую перемѣну: возбужденіе его смѣнилось глубокой слабостью. Она уложила его въ свою постель и укрыла потеплѣе, такъ какъ все тѣло у него сдѣлалось холоднымъ, какъ ледъ. Больше она ничего не могла ему сдѣлать и, усѣвшись возлѣ кровати, стала дожидаться возвращенія Тэлоровъ. Глядя на блѣдное, серьезное лицо съ закрытыми глазами, рѣзко выдѣлявшееся на подушкѣ, Молли невольно вспоминала слова, сказанныя ей когда-то виргинцемъ:

„Табунщики рѣдко доживаютъ до старости“.

Скоро раздался стукъ колесъ возвращавшейся домой повозки Тэлоровъ, а черезъ нѣсколько минутъ и-ръ Тэлоръ уже скакалъ къ доктору, жившему за двадцать-пять миль. Двѣ женщины остались однѣ. Онѣ стояли въ той самой комнатѣ, гдѣ утромъ произошла ихъ ссора.

— Поцѣлуйте меня, душа моя!—сказала м-съ Тэлоръ.—Теперь ужъ я за нимъ присмотрю, а вы пойдите отдохнуть.

Но Молли и слушать не хотѣла ни о какомъ отдыхѣ и рѣшила дожидаться у постели раненаго пріѣзда доктора. Онѣ вдвоемъ обмыли и перевязали рану. Это было все, что онѣ умѣли, и вмѣстѣ съ тѣмъ именно то, что было пона необходимо. У виргинца опять начался бредъ. Онъ то шепталъ что-то, то громко выговаривалъ слова и фразы. Часто онъ произносилъ слово „Монте“. Часто также Молли слышала собственное имя, но онъ называлъ ее не иначе, какъ „миссъ Вудъ“, или обращался къ ней со словомъ „сударыня“.

Настала ночь. Вдругъ раненый приподнялся и сѣлъ на по-

стели. М-съ Тэлоръ послѣшно подошла къ нему, спрашивая, что ему нужно.

— Поднимитесь на ноги, хорещъ вы этакій, — громко произнесъ виргинецъ, — и скажите имъ, что вы — лжецъ!

М-съ Тэлоръ старалась успокоить его и снова уложила на подушки, но онъ продолжалъ что-то бормотать и нѣсколько разъ произнесъ: „Трампасъ“.

— Слышите? — спросила м-съ Тэлоръ, обращаясь къ Молли. — Это онъ вспоминаетъ старую исторію. Самъ-то онъ вамъ ее никогда бы не рассказалъ, ну, а я расскажу, хоть онъ и былъ бы этимъ недоволенъ. Этотъ Трампасъ съ удовольствіемъ убилъ бы его, еслибы посмѣлъ, и все изъ-за васъ.

— Изъ-за меня? Но я даже не знаю, кто такой Трампасъ.

— Тѣмъ не менѣе, этотъ негодяй позволилъ себѣ сказать о васъ, въ присутствіи цѣлаго общества табушницивовъ, что-то очень нехорошее, и онъ заставилъ его при всѣхъ признаться въ своей лжи... Однако, милая, какая вы блѣдная, — вы бы пошли ко мнѣ прилечь до пріѣзда доктора.

Но Молли осталась въ своей комнатѣ. Такъ просидѣли онѣ до зари, а утромъ явился посланный и сообщилъ имъ, что докторъ уѣхалъ къ больному, за тридцать миль, и м-ръ Тэлоръ отправился туда же, чтобы потомъ привезти доктора съ собою, какъ только явится возможность. Къ вечеру у виргинеца жаръ усилился, — онъ вскакивалъ, кричалъ и бранился. Обѣ женщины съ трудомъ удерживали его на кровати. М-съ Тэлоръ убѣждала Молли пойти къ ней, говоря, что молодой дѣвушка не прилично слушать такія грубыя выраженія, но миссъ Вудъ только улыбнулась.

— Неужели вы думаете, что я не знаю, что всѣ они умѣютъ браниться? — спросила она.

Однако, ей все-таки пришлось уступить и пойти отдохнуть. Онѣ рѣшили караулить раненаго поочередно.

Наконецъ, пріѣхалъ докторъ и сказалъ, что дѣло пойдетъ или очень медленно, или же все кончится очень быстро. Впрочемъ, рана была не изъ безусловно опасныхъ, и обмыванья холодной водой принесли очень встать. Раненый обладалъ на рѣдкость крѣпкимъ организмомъ, и съ каждымъ часомъ надежда на выздоровленіе возрастала; но отвѣчать ни за что было нельзя, и докторъ обѣщалъ остаться, пока только ему будетъ можно. Нѣсколько разъ въ „Медвѣжью-Рѣку“ являлись запыленные всадники, спрашивали доктора о состояніи раненаго и, уѣзжая, говорили ему:

— Не дайте вы ему умереть, докторъ.

Судья Генри тоже прислалъ спросить, какъ идетъ леченье и не понадобится ли что-нибудь для его управляющаго. Все окрестное населеніе было взволновано приключеніемъ съ виргинцемъ, и всѣ выражали ему свое сочувствіе.

Индѣйцы, ранившіе его, были схвачены и посажены въ тюрьму. Докторъ сказалъ, что южанинъ, конечно, обязавъ миссъ Вудъ жизнью, что она вела себя совсѣмъ не по-дамски, но что теперь ея дѣло окончено, и ей остается только ждать выздоровленія виргинца и того, что онъ скажетъ ей, выражая свою благодарность. При этомъ докторъ многозначительно улыбнулся. Очевидно, м-съ Тэлоръ дала ему какия-то ложныя свѣдѣнія.

— Къ сожалѣнію, я должна буду уѣхать, когда онъ поправится, — холодно отвѣчала Молли, и на какое-то возраженіе м-съ Тэлоръ прибавила:— Но, вонечно, я останусь до тѣхъ поръ, пока буду нужна ему, и сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы онъ скорѣе выздоравливалъ.

Черезъ пять дней въ состояніи здоровья раненаго стала замѣчаться значительная перемена къ лучшему: бредъ прекратился, жаръ спалъ. Докторъ объявилъ, что опасность миновала, и уѣхалъ навѣстить другихъ своихъ пациентовъ, предписавъ раненому полный покой.

Когда онъ снова, черезъ день, пріѣхалъ въ „Медвѣжью-Рѣку“, то нашелъ уже не одного, а двухъ больныхъ: у Молли наступила реакція послѣ возбужденія и волненія пяти дней, и она принуждена была лечь въ постель въ комнатѣ м-съ Тэлоръ.

Докторъ пожурилъ молодую дѣвушку за то, что она не берегла себя и дѣлала то, что могли бы дѣлать другіе. Виргинцемъ, напротивъ, докторъ остался очень доволенъ, и сказалъ, что черезъ недѣлю его можно будетъ перевести въ какую-нибудь болѣе уютную комнату.

— Ну, а пока придется оставить въ этомъ пустомъ сараѣ, — прибавилъ онъ.

— Какое счастье, что у насъ такой внимательный и милый докторъ! — сказала м-съ Тэлоръ, когда онъ уѣхалъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно милый: назвалъ мою комнату сараемъ! — воскликнула Молли.

— Вы сами сдѣлали ее похожей на пустой сарай. Хорошо еще, что больные многого не замѣчаютъ.

Однако, на другой же день, во время совмѣстной прогулки, м-съ Тэлоръ сообщила Молли, что больной все отлично замѣтилъ, и спросилъ, что значили уложенные сундуки и чемоданы.

— Конечно, я не сказала ему настоящей причины, чтобы не взволновать его, — прибавила м-съ Тэлоръ, — а сказала, что вы собирались съѣздить не надолго къ своимъ роднымъ.

— Конечно, не надо его переносить изъ моей комнаты, — поспѣшно сказала Молли, — гораздо легче перенести сундуки отсюда. Я могу вынуть изъ нихъ нѣкоторыя вещи... чтобы ему было уютнѣе. Дочтеръ вѣдь при васъ говорила...

— Да, дорогая.

— Надо еще спросить у доктора, нельзя ли постлать шкуру на полъ, и потомъ, быть можетъ, онъ позволитъ мнѣ поиграть въ карты съ больнымъ или почитать ему вслухъ.

Докторъ изъявилъ свое полное согласіе, и Молли отправилась къ виргинцу. Она не видала его уже цѣлую недѣлю. Загаръ на его лицѣ поблѣднѣлъ, щеки были гладко выбриты, а волосы и усы тщательно причесаны. Онъ сидѣлъ, опершись на подушку, и смотрѣлъ на входившую молодую дѣвушку.

— Вамъ лучше? — сказала она первая не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Да. Только мнѣ запрещено говорить, — произнесъ виргинецъ, улыбаясь.

— Конечно. Пожалуйста не говорите... по крайней мѣрѣ, сегодня.

— Хорошо. Дайте мнѣ сказать вамъ только одно... — онъ взглянулъ на нее и замѣтилъ, какъ она вся сжалась: — спасибо за все, что вы для меня сдѣлали, — произнесъ онъ просто.

Она ласково пожала протянутую ей руку, и они начали играть въ карты. Она выиграла одну игру, потомъ — другую, а послѣ третьей — бросила карты и упрекнула его за то, что онъ нарочно ей проигрываетъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, глядя на разставленные въ комнатахъ сундуки. — Только я не могу сосредоточить свои мысли на картахъ. — Никогда еще его голосъ не звучалъ такъ грустно. — Вы уже уходите? — спросилъ онъ, когда она встала.

— Да. Только сначала я немного устрою вамъ эту комнату поуютнѣе, — и, подойдя къ одному изъ сундуковъ, она стала вынимать уложенныя въ него вещи. Скоро на полу опять была разостлана медвѣжья шкура, различныя украшенія и бездѣлушки заняли свои прежнія мѣста, полки украсились книгами и, наконецъ, на столѣ появилась вазочка съ цвѣтами.

— Теперь больше похоже на прежнее, — сказалъ виргинецъ, но голосъ его звучалъ все такъ же грустно. — А ваши родные васъ ждуть? — прибавилъ онъ.

— О, я могу поѣхать къ нимъ позднеѣ,— сказала Молли, наклоняясь, чтобы поправить одѣяло.

— Могу я спросить одну вещь? — проговорилъ виргинецъ такимъ вѣжливымъ голосомъ, что молодая дѣвушка невольно по-краснѣла.

— Если только я въ состояннн буду вамъ отвѣтить.

— О, да. Это было въ самомъ дѣлѣ, что я просилъ васъ бросить меня, а вы зарядили мой пистолеть и остались, или это мнѣ почудилось въ бреду?

— Нѣтъ, это въ самомъ дѣлѣ было. Что же оставалось дѣ-
лать?

— Ничего другого не оставалось... для такой, какъ вы! — воскликнулъ онъ.— У меня все это спуталось въ головѣ; и эта маленькая прабабушка тамъ, на стѣнѣ... я не могу вамъ хоро-
шенько объяснить...—онъ провелъ рукой по своему лбу:—виро-
чемъ, все это глупости!—прибавилъ онъ какимъ-то почти гру-
бымъ тономъ.

— Ваши родные будутъ удивляться, почему вы не ѣдете,—
сказалъ онъ ей на другой день.

— Я думаю, имъ все равно, въ какомъ мѣсяцѣ я къ нимъ
приѣду,—отвѣтила Молли,—особенно, когда они узнаютъ при-
чину, задержавшую меня.

— Я не хочу васъ задерживать, сударыня. Я никогда не
забуду всего, что вы для меня сдѣлали. Но, пожалуйста, не оста-
вайтесь больше, сударыня. Вы сами видите, я уже вполне по-
правился.

— Я не понимаю, зачѣмъ вы все это говорите! — сказала
Молли. Она не любила, когда онъ говорилъ ей: „сударыня“.—
Я не ѣду, потому что еще не успѣла собраться. Но довольно
объ этомъ; не хотите ли, я вамъ лучше почитаю что-нибудь?

— Да, пожалуйста, вотъ этотъ романъ „Эмма“. Вы мнѣ
его давали, а я не прочелъ, но послушать, какъ вы его будете
читать—это совсѣмъ другое дѣло.

Молли начала читать, сначала равнодушно, но потомъ все
болѣе и болѣе увлекаясь произведеніемъ своей любимой писа-
тельницы. Дочитавъ главу и опустивъ книгу на колѣни, она
увидала, что виргинецъ мирно спалъ.

На другой день онъ былъ очень сконфузель и усиленно из-
винялся передъ нею.

— Сегодня ужъ вы почитайте мнѣ что-нибудь въ другомъ
родѣ,—попросилъ онъ,—и я увѣрю васъ, что больше не засну.

— Ну, вотъ, я думаю, это должно вамъ понравиться,—сва-

зала Молли, доставая книжку Броунинга. Это былъ ея любимый поэтъ, и она съ любовью стала переворачивать страницы, не зная, что прочесть. Наконецъ, она выбрала и прочла довольно длинную поэму. Виргинецъ одобрилъ и сказалъ, что это гораздо лучше „Эммы“.

— Лошадь хорошо описана,—прибавилъ онъ,—добрая лошадь, но только человекъ, который такъ спячетъ, обыкновенно внимательно смотритъ на землю и на попадающіеся рвы и впадины, а не разсматриваетъ, какого цвѣта глаза у его лошади.

Послѣ второго прочтеннаго стихотворенія онъ замѣтилъ:

— Это мнѣ больше нравится. И короче гораздо. Но конецъ слабъ. Этотъ солдатъ не могъ сказать императору, что онъ убить.

— А что же онъ могъ ему сказать, хотѣла бы я знать?—спросила не безъ раздраженія Молли.

— Да ровно ничего. Это подстроено въ концѣ для фокуса. „Ты раненъ?—Нѣтъ, государь, я убить!“—Человекъ, который былъ способенъ такъ поступить, молча упалъ бы мертвый.

Никто изъ пріятельницъ Молли никогда не критиковалъ такъ Броунинга. Многія изъ нихъ не понимали его, но всѣ неизмѣнно имъ восхищались.

— Вѣдь этотъ солдатъ былъ французъ,—заявила Молли, все еще не сдаваясь.

— Французъ,—серьезно повторилъ табунщикъ,—ну, можетъ быть, у французовъ такія глупости и возможны.

— Какая же это глупость?—воскликнула молодая дѣвушка:—это солдатская гордость, здѣсь же сказано. Неужели вы не понимаете?

— Нѣтъ.

Они опять заспорили. Молли сначала горячилась, но потомъ притихла и стала съ интересомъ слушать виргинца, развивавшаго передъ нею свои взгляды на то, что такое настоящая храбрость и скромность (хотя онъ не употреблялъ этикъ громкихъ словъ). Молли сидѣла, нагнувшись впередъ и подперевъ подбородокъ рукою. Броунингъ давно соскочилъ съ ея колѣнъ и лежалъ на полу, а она все слушала, изрѣдка восклицая, какъ бы про себя:

— Я не подозрѣвала, что возможно что-нибудь подобное!—или:—Это мнѣ никогда не приходило въ голову!

Перевязка на плечѣ виргинца немножко сползла съ мѣста. Молли стала поправлять ее, и это дало другое направленіе ихъ разговору: отъ литературы онъ перешелъ въ дѣйствительной

жизни. Молодая дѣвушка спросила: не бывалъ ли онъ когда-нибудь прежде раненъ, и виргинецъ отвѣчалъ, что это—второй случай въ его жизни.

— Скучно возиться съ раной,—замѣтилъ онъ:—ужь если кто долженъ быть убитъ...

— Вы никогда...—перебила его Молли и прибавила поспѣшно:—пожалуйста, не рассказывайте, если вамъ и приходится кого-нибудь...

— Ничего не было бы удивительнаго, еслибы я и убилъ одного изъ этихъ индѣйцевъ,—спокойно возразилъ виргинецъ.— Въ тотъ же самый день я чуть было не убилъ одного бѣлаго. Онъ мучилъ лошадь.

— Мучилъ?—переспросила Молли.

— Да. Я не стану вамъ рассказывать. Вамъ было бы слишкомъ тяжело слушать. Лошади—вѣдь это все равно, что дѣти,—такия же беззащитныя. У васъ бы самой явилось желаніе убить этого человѣка.

XXVII.

Бесѣды и чтенія возобновлялись каждый день, и результаты ихъ очень радовали добродушную м-съ Тэлоръ. О поѣздѣ домой больше не было и рѣчи, но, оставаясь одинъ, виргинецъ подолгу разглядывалъ всѣ предметы въ комнатѣ: семейные портреты, письменныя принадлежности и всевозможныя мелочи и бездѣлушки, все, что любила Молли и что напоминало ей родной городъ и семью. Силы виргинца возвращались къ нему съ каждымъ днемъ. Скоро судья Генри прислалъ ему его вещи, и Молли нашла его одѣтымъ въ фланелевую рубашку съ шолоховымъ платкомъ, повязаннымъ вокругъ шеи. При этомъ онъ объявилъ ей, что очень приятно чувствовать себя прилично одѣтымъ. Она пришла къ нему по обыкновенію съ книгой, чтобы почитать ему вслухъ. Онъ полусидѣлъ, полулежалъ въ креслѣ, среди подушекъ, и она накинула ему на плечи пестрое шерстяное одѣяло. Она стала читать очень заинтересовавшій его романъ „Давидъ Копперфильдъ“; но его безучастный, отсутствующій взглядъ заставилъ ее остановиться, и она упрекнула его въ невниманіи.

— Да, — согласился онъ, то беря въ руки, то снова кладя на волѣни письмо, только-что привезенное ему посылнымъ судьи:— я думаю совсѣмъ о другомъ, и я долженъ сказать вамъ, о чемъ я думаю.

Она замѣтила, какъ его рука конвульсивно сжала ручку кресла.

— Вы обѣщали...—начала Молли, вся дрожа.

— Я обѣщаль, что вы меня полюбите,—перебилъ онъ ее сурово,—обѣщаль это самому себѣ, и не сдержаль обѣщанія.

Она машинально захлопнула книгу и сильно поблѣднѣла.

— Мнѣ привезли ваше письмо, вотъ оно,—продолжалъ онъ уже обыкновеннымъ своимъ мягкимъ голосомъ.

— Мое письмо!..—она совсѣмъ забыла о немъ.

— Да, письмо, въ которомъ вы прощаетесь со мною. Вы не говорили мнѣ про него, потому что докторъ не велѣлъ мнѣ волноваться, и вы, конечно, думали, что оно...

— Простите!—воскликнула молодая дѣвушка.—Конечно, я должна была сказать вамъ раньше, и мнѣ нѣтъ оправданія!

— Нисколько! Вамъ не хотѣлось говорить, и вы написали. Что-жъ тутъ такого? Вотъ только вы пишете, что не въ состояніи заплатить мнѣ за доброту и вниманіе, а теперь я не въ состояніи заплатить вамъ за все, что вы для меня сдѣлали,—ничѣмъ не могу заплатить, ничѣмъ!.. Я вѣдь и раньше все понялъ, до письма. М-съ Тэлоръ не умѣетъ лгать, и ей не удалось обмануть меня. Я о многомъ думаль, лежа въ этой комнатѣ. Думаль и о томъ, что не могу сдѣлать васъ счастливой.

Онъ замолчалъ, но она не отвѣчала. Голосъ его звучаль совсѣмъ тихо, но это не былъ шопотъ.

Отъ звука этого голоса она отвернулась, чувствуя на глазахъ своихъ неожиданныя слезы.

— Прежде я думаль, что одной любви довольно,—снова началъ виргинецъ,—и я думаль, что если мнѣ удастся заставить васъ полюбить меня, вы сѣумѣете сдѣлать меня менѣе... болѣе похожимъ на васъ. Но одной любви мало. Вотъ м-съ Тэлоръ,—она не знаетъ ничего лучше того, что дѣлаеть м-ръ Тэлоръ. Она не желаетъ ничего такого, чего бы онъ не могъ ей дать. Его друзья подходятъ къ ней, а ея друзья—къ нему. И мечтаю о томъ времени, когда вы будете жить въ моемъ домѣ...—онъ закрылъ глаза и глубоко вздохнулъ. Потомъ опять взглянулъ на нее.—Здѣшняя страна—неподходящая для лэди. Забудете ли вы и простите ли мнѣ всѣ непріятности, которыя я вамъ сдѣлаль?

— Боже мой!—воскликнула Молли и закрыла лицо руками.

— Вѣдь я долженъ былъ сказать вамъ все это, не правда ли?—проговорилъ виргинецъ упавшимъ голосомъ.—Я долженъ былъ понять сразу, что не могу сдѣлать васъ счастливой.

— Но,—произнесла Молли, продолжая стоять неподвижно и

не отнимая руку отъ лица, — но я... но вы должны... я прошу васъ попробовать сдѣлать меня счастливой! — и, вставъ на колѣни возлѣ его кресла, она спрятала голову на его плечѣ. Безмолвно онъ склонился надъ нею, едва смѣя касаться ласковой рукою ея золотистыхъ, всегда такъ плѣнявшихъ его волосъ.

— Ты побѣдила, — прошепталъ онъ наконецъ едва слышно, — мнѣ ли бороться съ тобою?!

Въ комнатѣ опять наступила тишина. Никто не узналъ, что произошло въ ней, кромѣ прабабушки Старекъ. Она выглядывала изъ своей старинной золоченой рамы на двѣ склоненныя передъ нею головы, одну бѣлокурую, другую черноволосую, и на губахъ ея играла улыбка — полу-нѣжная, полу-насмѣшливая.

XXVIII.

Оставшись одинъ, виргинецъ долго лежалъ неподвижно въ креслѣ, глядя въ открытое окно на игру солнца и движеніе листьевъ. Онъ повторялъ мысленно слова, сказанныя ею передъ уходомъ: — „Только теперь я поняла, какъ я была несчастна до сихъ поръ“. — Снова и снова онъ повторялъ эти милыя слова, боясь позабыть ихъ, пока наконецъ, обезсиленный счастливымъ волненіемъ, не закрылъ глаза и не погрузился въ легкое полужабыть. Вдругъ онъ опомнился и открылъ глаза. „Я спалъ, — подумалъ онъ, — но вѣдь она была здѣсь, и все это не приснилось мнѣ, а произошло на яву? Если это былъ только сонъ, болѣзненный бредъ, то лучше мнѣ умереть. Я долженъ убѣдиться... она читала „Давида Копперфильда“, и когда встала, то книга упала на полъ. Здѣсь она? Да, значитъ, все это было въ самомъ дѣлѣ“. Глаза его упали на портретъ прабабушки. — Вы удивительно на нее похожи, — прошепталъ онъ, — удивительно! Можно мнѣ и васъ также поцѣловать, прабабушка? — Онъ всталъ, шатаясь, съ кресла и выпрямился. Пестрое одѣяло соскользнуло съ его плечъ на полъ. Потомъ осторожно, хватаясь за всѣ попадавшіеся подъ руку предметы, онъ перешелъ къ противоположной стѣнѣ и нѣжно привоснулъ губами къ портрету прабабушки.

— Обѣщаю сдѣлать вашу внучку счастливой! — прошепталъ онъ. Колѣни его дрожали, и онъ долженъ былъ скватиться руками за стѣну, чтобы не упасть. — Какъ я ослабѣлъ! — прошепталъ онъ: — но это отъ радости.

Въ эту минуту дверь отворилась, и она показалась на порогѣ съ подносомъ въ рукахъ. Она принесла ему его обѣдъ.

— Боже мой! — воскликнула она и, поставивъ подносъ на столъ, бросилась къ нему. Она усадила его опять въ кресло и прикрыла одѣяломъ. Съ нимъ ничего не случилось, но она прильнула къ нему съ нѣжнымъ испугомъ, и онъ сталъ покрывать ея лицо страстными поцѣлуями.

— Я буду благодарнымъ, — прошепталъ онъ.

— Да, ради Бога! — отвѣчала она: — ты былъ такъ блѣденъ!

— Ты говоришь такъ же тихо, какъ я, — сказалъ онъ: — мы точно боимся разбудить кого-то. Но вѣдь это не сонъ, и мы не можемъ проснуться.

XXIX.

Нѣсколько времени они хранили свою тайну или, по крайней мѣрѣ, испытывали наслажденіе, воображая, что никто на свѣтѣ не знаетъ, что съ ними случилось. Но я думаю, что былъ человѣкъ, умѣвшій хранить тайну еще лучше, чѣмъ наши влюбленные. М-съ Тэлоръ никому не проговорила ни единымъ словомъ, но во всей „Медвѣжьей-Рѣкѣ“ не было болѣе довольнаго и радостнаго существа. Отношеніе ея къ Молли Вудъ совершенно измѣнилось, — отъ прежней строгости не осталось и слѣда. Молодая дѣвушка не встрѣчала ничего, кромѣ ласки и снисхожденія.

М-съ Тэлоръ была строгая хозяйка; она требовала, чтобы всѣ ея домашніе аккуратно являлись къ столу, и всегда выговаривала всѣмъ запоздавшимъ безъ особенно уважительной причины.

Но Молли въ послѣднее время могла являться, когда ей было угодно, не опасаясь навлечь на себя гнѣвъ хозяйки.

— Прежде и ей отъ тебя доставалось, хотя ты и не ея мама, а теперь достается намъ однимъ, — жаловался Жоржъ Тэлоръ, на что мать возражала ему:

— Сначала спаси кому-нибудь жизнь, а потомъ разговаривай!

М-съ Тэлоръ очень внимательно слѣдила за корреспонденціей и подолгу разглядывала письма, отсылавшіяся изъ „Медвѣжьей-Рѣки“ въ Беннингтонъ и приходившія изъ Беннингтона въ „Медвѣжью-Рѣку“, — какъ будто возможно было узнать изъ содержаніе черезъ конверты. Въ одинъ прекрасный день ее очень взволновали три письма: одно изъ нихъ было адресовано въ

Беннингтонъ, другое—въ Дунбартонъ, а третье—тоже въ Беннингтонъ, но адресъ былъ написанъ не мелкимъ, изящнымъ почеркомъ школьной учительницы, а крупнымъ и твердымъ мужскимъ почеркомъ.

„Ну вотъ! — подумала м-съ Тэлоръ: — наконецъ онъ самъ написалъ ея матери“! Она была права, и вотъ какъ это случилось. Виргинецъ быстро поправился. Силы еще не вернулись къ нему вполне, но онъ уже чувствовать себя здоровымъ, и каждый день совершалъ прогулки въ сопровожденіи Молли.

— Сегодня мы прошли три мили, — сказалъ онъ однажды, — но я боюсь, что могъ бы пройти вдвое больше.

— Боишься?

— Да, вѣдь это доказываетъ, что я въ состояніи начать работать, и нашей жизни здѣсь приходитъ конецъ.

Вмѣсто отвѣта, она тѣсно прижалась къ нему.

— А я хотѣлъ бы, чтобы такъ продолжалось всегда... Нѣтъ, не всегда такъ жить, но чтобы всегда мнѣ быть такъ съ тобою и никто бы посторонній не вмѣшивался въ наши отношенія. Только это было бы нехорошо относительно твоей матери. Она имѣла бы право осудить меня. Мы должны ей сказать.

— Зачѣмъ! Развѣ нельзя такъ оставить? Неужели надо, чтобы кто-нибудь зналъ?

— Твоя мать не „кто-нибудь“. Я отвѣтственъ передъ нею за свое поведеніе.

— Но вѣдь это мое поведеніе!

— Ты думаешь? Твоя мать будетъ думать иначе. Я сегодня же напишу ей.

— Ты! Напишешь моей матери! — Впервые Молли ясно представила себѣ все, что ожидало ее и ея возлюбленнаго въ Беннингтонѣ. Ей представилось, какъ они будутъ дѣлать визиты и какъ всѣ будутъ разсматривать ея жениха, наблюдая за каждымъ его движеніемъ. Какой видъ будетъ онъ имѣть въ черной парѣ? Не утратитъ ли свой настоящій обликъ, не сдѣлается ли непохожъ самъ на себя? И, конечно, во время короткихъ визитовъ никто не пойметъ, за что она его полюбила и почему гордилась имъ.

— Ну хорошо, — произнесла она наконецъ со вздохомъ, — если ты находишь это нужнымъ, я сообщу ей.

Она вздохнула не столько отъ смутившихъ ее мыслей при воспоминаніи о Беннингтонѣ, сколько отъ сожалѣнія, что пришелъ конецъ волшебной сказкѣ, въ которой они жили съ нимъ вдвоемъ все послѣднее время.

— Да, сообщи ей,—отвѣчалъ виргинецъ,—а я сообщу съ своей стороны.

— Почему ты не хочешь сдѣлать это черезъ меня?—спросила молодая дѣвушка, смущаясь при мысли, что письмо виргинца можетъ не понравиться ея матери и не вполнѣ удовлетворить всѣмъ правиламъ грамматики. Но онъ покачалъ головою.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—ей можетъ не понравиться, что я какъ будто хочу уклониться отъ прямого разговора.—Молли осталась довольна его отвѣтомъ, но не могла освободиться отъ нѣкотораго смущенія. Ей все еще не хватало немного вѣры въ него, и этотъ недостатокъ омрачалъ ея счастье какъ въ этотъ день, такъ и въ послѣдующіе дни. Виргинецъ же вѣрилъ въ нее безусловно, и радость его поэтому была чиста, какъ хрусталь.

— Скажи мнѣ, что ты напишешь?—попросила Молли.

— Нѣтъ, не скажу.

— И не покажешь письмо?

— Нѣтъ, не покажу. Знаешь, какъ устроимся?—продолжалъ виргинецъ, уже входя въ комнату Молли:—ты садь по одну сторону стола, а я садю по другую, и будемъ вмѣстѣ писать. Живо пойдетъ у насъ работа.—Они такъ и сдѣлали. Чернильницу поставили по срединѣ стола и приступили къ дѣлу.

— Какъ, ты безъ черновика, прямо начисто?—воскликнула Молли, слѣдя за медленными, но энергичными движеніями его пера.

— Не нуждаюсь въ черновикѣ,—отвѣчалъ виргинецъ, склоняя голову въ бумагѣ.—О, проклятіе! я сдѣлалъ влясъ!

— Слишкомъ много забираешь чернилъ,—замѣтила она тономъ настоящей школьной учительницы, и снова принялась за свое письмо, но фразы разбѣгались въ ея головѣ, и она не находила словъ, хоть сколько-нибудь выражавшихъ ея мысли. Вдругъ она почувствовала на себѣ его пристальный взглядъ и подняла голову. Онъ складывалъ свое письмо.

— Какъ, уже кончилъ?—воскликнула она.—А я ничего не могу написать, лучше отложу до вечера.

Наканунѣ отъѣзда виргинца къ судѣ Генри въ „Глубокую-Рѣку“, онъ и Молли объявили всѣмъ, что они—женихъ и невѣста.

— Боже мой!—воскликнулъ снисходительно пріѣхавшій какъ разъ въ этотъ день Мак'Лэнъ.—Да ужъ это стало всѣмъ извѣстно съ того дня, когда она нашла тебя раненаго у ручья.

— А тогда этого еще и не было!—возразилъ недовольнымъ тономъ виргинецъ.

— Господи! Да ужъ всѣ давнымъ давно знаютъ,—не уни-
мался Мак'Лэнь.

— Гм!—протянулъ виргинецъ:—я не зналъ, что здѣсь такое
царство сплетенъ.

— Да ты не сердись!—разсмѣялся его другъ:—м-съ Мак'
Лэнь просила тебя поздравить. Она уже давно просила, но я
ждалъ, когда ты мнѣ самъ дашь возможность это сдѣлать. А у
насъ тоже новость,—прибавилъ Мак'Лэнь, женившійся годъ
тому назадъ:—ждемъ появленія на свѣтъ маленькаго или малень-
кой Мак' Лэнь. Надѣюсь, что и ты скоро будешь ждать того же.

Насталъ день отъѣзда виргинца. Южанинъ былъ мраченъ
по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, ему было тяжело разставаться
съ невѣстой, а во-вторыхъ, ему привезли плохія извѣстія: гра-
бители скота становились все смѣлѣе. То-и-дѣло пропадали то
лошади, то быки, и каждый фермеръ сталъ подозрительно от-
носиться къ сосѣдямъ.

— Надо будетъ принять строгія мѣры,—сказалъ виргинецъ.

— Ты будешь ихъ принимать?—быстро спросила Молли.

— Да, вѣроятно и я приму участіе.

— Что же ты будешь дѣлать?

— Объ этомъ я тебѣ расскажу, когда вернусь.

Между тѣмъ въ Дунбартонѣ было получено коротенькое
письмо Молли. Сначала двоюродная бабушка нахмурилась.

— Те, те, те!—произнесла она:—таки бросилась она на
шею этому молодцу!—Но мало-по-малу ея брови разошлись и на
лицѣ появилось выраженіе вѣжности.—Боже ты мой!—промо-
вила старушка:—еслибы бракъ былъ такимъ же простымъ дѣ-
ломъ, какъ любовь! Во всякомъ случаѣ, если она въ самомъ
дѣлѣ нашла настоящую большую любовь...—она отперла старую
шкапулку и стала перечитывать старыя письма.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе произвело длинное, на одиннад-
цати страницахъ письмо Молли, посланное въ Беннингтонъ. На
первыхъ страницахъ она старалась подготовить свою мать къ
долженствовавшему поразить ее извѣстію.

Отъ этихъ подготовленій у бѣдной лэди голова пошла кру-
гомъ.

— Ради Бога, Сара!—воскликнула она:—что все это зна-
чить?—и съ помощью дочери, дойдя до третьей страницы, нашла
въ концѣ ея поразительное извѣстіе.

— Диварь съ пистолетами и винжалами!—простонала она.

— Мама, я вамъ всегда это говорила,—произнесла стар-
шая дочь въ видѣ утѣшенія.

— Что за управляющій?—воскликнула снова несчастная мать:—и это этотъ судья Генри?

— Она выходитъ замужъ за главнаго лавка, — продолжала успокаивать ее Сара. — Если эта свадьба и состоится, я едва ли попаду на нее.

Въ тотъ же день страшное извѣстіе было сообщено старой теткѣ, какъ старѣйшему члену семьи, и получился отвѣтъ, въ которомъ старушка старалась успокоить м-съ Вудъ, напоминая ей, что вѣдь и генераль Старкъ носилъ пистолеты и кинжалы, когда это требовалось по службѣ.

„Ты бы лучше прислала мнѣ письмо этого молодого человѣка, — писала старая тетка, — чтобы я могла понять, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло“. Письмо было ей переслано, и она прочла слѣдующее:

„Сударыня, если ваша дочь сообщила вамъ, что спасла жизнь одному человѣку, раненному индѣйцами, то вотъ этотъ самый человѣкъ и пишетъ вамъ это письмо. Едва ли она вѣрно описала вамъ свой поступокъ, потому что она одна во всей странѣ думаетъ, что совершила что-то очень незначительное. Докторъ говорить, что она дважды спасла мнѣ жизнь: первый разъ — когда подобрала меня раненаго, и потомъ — когда такъ удивительно ухаживала за мною. Во всемъ этомъ дѣлѣ она обнаружила столько мужества и силы воли и такую нѣжную, сострадательную душу, что я полюбилъ ее такъ, какъ и не воображалъ, что могу полюбить. Боюсь, м-съ Вудъ, что извѣстіе, сообщаемое мною, будетъ неприятно вамъ. Я знаю, вы никогда не выбрали бы для нея такого человѣка, какъ я, потому что я мало образованъ и невысокаго происхожденія. Большинство моихъ предковъ были фермеры или охотники, а нѣкоторые служили въ военной службѣ. Мой отецъ и два брата были убиты на войнѣ. Я теперь устроился довольно хорошо и могу много работать, такъ какъ молодъ и силенъ. Дочь ваша не будетъ ни въ чемъ нуждаться, выйдя за меня, и можетъ оставить свои занятія въ школѣ. Много я видѣлъ и испыталъ въ жизни, но никогда не убивалъ людей для выгоды и безъ крайней необходимости. Судья Генри можетъ вамъ поручиться за меня. Я узналъ, что люблю вашу дочь настоящей любовью потому, что, встрѣтивъ ее, забылъ всѣхъ другихъ женщинъ. Конечно, не мало ихъ было у меня въ жизни, но вотъ уже три года, какъ никто для меня не существуетъ, кромѣ миссъ Вудъ. Особенно я это почувствовалъ послѣ того, какъ она спасла мнѣ жизнь,

но не хотѣлъ надоѣдать ей больше своей любовью и рѣшился разстаться съ нею; но тогда она сама не захотѣла...

Здѣсь старушка прекратила чтеніе и, уронивъ голову, стала плакать, повторяя про себя:

— Боже мой! Боже мой! Вотъ то, чего я сама себя лишила!..

На другой же день она написала письмо внучкѣ. Это было единственное ласковое посланіе, полученное Молли съ родины. Всѣ остальные письма и сплетни, доходившія до нея, причиняли ей боль, и тѣмъ сильнѣе была эта боль, что некому было смягчить ее поцѣлуемъ. Отъ виргинца не было никакихъ извѣстій. Молодая дѣвушка знала только, что онъ странствуетъ гдѣ-то далеко.

XXX.

Я получилъ письмо отъ виргинца, предлагавшаго мнѣ пріѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ „Глубокую-Рѣку“. Это предложеніе меня очень обрадовало: мнѣ такъ хотѣлось побывать въ пустынѣ послѣ довольно продолжительной жизни въ городѣ. Съ маленькой желѣзнодорожной станціи я отправился верхомъ въ глубь страны. Разразившаяся надо мною гроза съ ливнемъ, вонечно, могла показаться мнѣ дурнымъ предзнаменованіемъ, но я такъ былъ радъ одиночеству и свободѣ, что не обратилъ должнаго вниманія на это небесное знаменіе и только наслаждался имъ. Я провелъ на сѣдлѣ почти цѣлыя сутки, отдохнувъ немного въ полуразрушенной хижинѣ, но окружавшее меня бездонное молчаніе удивительно поддѣржало и духъ мой, и тѣло. Къ полудню дождь прекратился, и, снявъ съ себя клеенчатый плащъ, я былъ неприятно пораженъ видомъ сложенной газеты, торчавшей изъ моего бокового кармана и напомнившей мнѣ о желѣзныхъ дорогахъ, городахъ и ежедневныхъ дѣлахъ. По указанію виргинца я ѣхалъ на востокъ черезъ Идаго, по дорогѣ, извѣстной ему, но кромѣ него—очень немногимъ честнымъ людямъ. Онъ самъ назвалъ мнѣ ее „Тропою ковокрадовъ“. Въ эти мѣста его призывало одно дѣло,—писалъ онъ мнѣ, по своему обыкновенію, очень кратко. Мѣстомъ нашего свиданія онъ назначилъ мнѣ развѣтвленіе одной небольшой рѣчки, настолько небольшой, что на картѣ она была изображена совершенно невѣрно. Я предполагалъ пріѣхать на мѣсто тремя днями раньше назначеннаго срока и поудить тамъ рыбу въ свое удовольствіе. Я съ гордостью вспоминалъ, какъ въ мой первый пріѣздъ въ Вайомингъ меня

никуда не отпускали безъ провожатаго, и всё смѣялись надъ моими наивными вопросами. Теперь я ѣхалъ совершенно одинъ въ дикой, пустынной мѣстности, даже не обозначенной на картѣ.

Вдругъ моя лошадь заржала, насторожила уши и пошла быстрѣе. Въ отвѣтъ ей тоже послышалось ржанье, и, объѣхавъ выступъ горы, я увидалъ постройку довольно подозрительнаго вида. Возлѣ нея паслось нѣсколько лошадей. Онѣ стояли теперь, поднявъ головы и внимательно глядя на насъ. Мнѣ стало какъ-то жутко. Можетъ быть, это чувство было вызвано молчаніемъ, сдѣлавшимся вдругъ слишкомъ глубокимъ и необъятнымъ отъ присутствія этого покинутаго жилища. Вдругъ дверь конюшни открылась. Изъ нея вышли нѣсколько человѣкъ и остановились, глядя на меня. Мое усиливавшееся чувство жуткости раздражало меня своею бессмысленностью, и я привѣтствовалъ неизвѣстныхъ мнѣ людей по возможности развязно и спокойно. Я выразилъ надежду, что у нихъ найдется для меня мѣстечко на ночь. На мое привѣтствіе нѣкоторые изъ нихъ отвѣтили, но на мой вопросъ всё промолчали. Между тѣмъ, приглядѣвшись къ нимъ, я сталъ узнавать знакомыя лица, и какъ разъ въ это время изъ конюшни вышелъ виргинецъ.

— Вотъ и я!—сказалъ я ему съ чувствомъ облегченія.

— Я вижу, — отвѣчалъ онъ тономъ, по своей странности вполне соответствовавшимъ всему, что творилось вокругъ меня, и, обращаясь къ остальнымъ, прибавилъ:—я ручаюсь за этого джентльмена.

— Можетъ быть, — отвѣчалъ одинъ малый, котораго я встрѣчалъ прежде въ „Глубокой-Рѣкѣ“, — только на эту ночь онъ совсѣмъ некстати.

— И на завтра также, — замѣтилъ другой.

— Даже и на послѣ-завтра, — вставилъ третій.

— Положимъ, для васъ всё всегда некстати, — рѣзко проговорилъ виргинецъ.

— О, мы васъ ни въ чемъ не подозреваемъ, — возразилъ первый, смѣясь.

— Несмотря на вашу тѣсную дружбу со Стивомъ, — замѣтилъ другой.

Они шутили, но для виргинца ихъ слова не были шуткой, и я видѣлъ, какъ судорога прошла по его лицу. Онъ овладѣлъ собою и обратился ко мнѣ:

— Мы надѣялись раньше все покончить. Мнѣ очень жаль, что вы пріѣхали сегодня. Я знаю, что вы предпочли бы не быть здѣсь.

— Дайте мнѣ по крайней мѣрѣ войти подъ крышу, — сказалъ я, такъ какъ опять начался сильный дождь. Я смутно догадывался, о чемъ они говорили, но еще не понималъ вполнѣ. Виргинецъ молча послѣдовалъ за мною въ конюшню. Тамъ сидѣло рядомъ двое людей, а третій караулил ихъ. Этотъ видъ сразу объяснилъ мнѣ все.

— Вы собираетесь ихъ повѣсить завтра? — прошепталъ я.

Виргинецъ молчалъ. Это было дѣло, о которомъ онъ мнѣ такъ коротко упомянулъ въ своемъ письмѣ. Я осмотрѣлъ всѣ углы конюшни, но, кромѣ этихъ двухъ, другихъ плѣнниковъ не было. Я ожидалъ увидеть Трамаса и боялся увидеть Шорти. Случаи грабежей скота стали повторяться все чаще; нѣсколько человѣкъ, подъ предводительствомъ виргинца, было отправлено для поимки воровъ, и двое изъ нихъ были пойманы, но немного поздне, чѣмъ предполагалъ южанинъ. А я явился немного раньше, чѣмъ слѣдовало, и табунщики объявили, что не могутъ теперь отпустить меня, пока „все не будетъ покончено“.

— Но ему совсѣмъ не нужно присутствовать, — замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Лучше спите подольше завтра утромъ, — посоветовалъ мнѣ другой. Мнѣ оставалось только покориться. Я сталъ невольно разглядывать плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ спокойно жевалъ табакъ и обмѣнивался замѣчаниями со своими сторожами, какъ будто ровно ничего не случилось. Другой сидѣлъ мрачно и молчаливо, не сводя глазъ съ одной точки, но въ лицѣ его все время что-то двигалось, и я замѣтилъ, какъ онъ то-и-дѣло облизывалъ свои пересохшія губы. Когда я перевелъ глаза на человѣка, жевавшаго табакъ, онъ бивнулъ мнѣ головою и спросилъ:

— Вы не помните меня?

Это былъ Стивъ, тотъ самый веселый Стивъ, съ которымъ я познакомился въ Медисинъ-Боу. Я не узналъ его, потому что онъ отпустилъ бороду. Я былъ такъ мучительно пораженъ, что не могъ выговорить ни слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ ужасно хотѣлось сказать ему что-нибудь ласковое, доброе. Я стоялъ и молчалъ, безцѣльно соображая, что у другого плѣнника была совершенно такая же сѣрая фланелевая рубашка, какъ у меня. Стивъ, замѣтивъ газету, торчавшую изъ моего кармана, попросилъ меня дать ему ее почитать. Я поспѣшно протянулъ ему газету, стараясь скрыть свое волненіе подъ цѣлымъ потокомъ ненужныхъ словъ:

— Пожалуйста, возьмите и оставьте ее у себя! Мнѣ она не

нужна... здѣсь на поляхъ у меня записанъ счетъ, но это все равно... онъ мнѣ не нуженъ... пожалуйста, не возвращайте ее мнѣ!

Стивъ взялъ газету и улыбнулся.

— Послѣ завтрашняго утра она ужъ мнѣ не будетъ нужна,— сказалъ онъ и сталъ просматривать столбцы.—Избраніе Джекка почти обезпечено, — сообщилъ онъ своему товарищу, но тотъ ничего не отвѣтилъ. Я оставилъ Стива, увлеченнаго подробностями выборовъ.

Табунщики объявили мнѣ, что крыша хижины очень протекаетъ, и что мнѣ удобнѣе будетъ спать въ конюшнѣ. Они не понимали, въ какой ужасъ приводило меня то, что они собирались сдѣлать, не понимали, какъ тяжело мнѣ было проводить съ ними эту ночь. Одинъ виргинецъ почувствовалъ, въ какомъ я находился состояніи.

— Мнѣ очень неприятно за васъ,—сказалъ онъ, и я увидалъ, что онъ самъ былъ совсѣмъ въ другомъ настроеніи, чѣмъ его товарищи.

Послѣ двѣнадцатичасовой ѣзды верхомъ все мое тѣло жаждало отдыха и покоя. Я улегся, завернувшись въ одѣяло, но не могъ заснуть отъ мучительнаго волненія. Табунщики еще нѣсколько времени не ложились спать и о чемъ-то тихо переговаривались между собою. Я не могъ разобрать, о чемъ они говорили, и только разъ или два мнѣ слышалось, что они произнесли имена Трампаса и Шорти. Потомъ я услышалъ стукъ снимаемыхъ и бросаемыхъ на полъ сапогъ и, наконецъ, похрапываніе и дыханіе заснувшихъ людей. Вскорѣ всѣ спали, кромѣ меня. Я слышалъ снаружи глухой шумъ дождя и мѣрное паденіе капель въ углу конюшни, гдѣ на крышѣ образовалась дыра. Отъ времени до времени въ щели начиналъ дуть свѣжій вѣтеръ, принося съ собою острый, влажный запахъ прерій. Обыкновенно этотъ запахъ убаюкивалъ меня, какъ пѣсня, но теперь я лежалъ и не спалъ, несмотря на крайнюю усталость. Безсвязныя слова и движенія спавшихъ табунщиковъ, солома, шумъ дождя, мое одѣяло и свѣжія струи воздуха,—все это было такое привычное и обыкновенное. Непривычна и необыкновенна была только мысль о Стивѣ и о его товарищѣ въ сѣрой фланелевой рубашкѣ. Наконецъ, я услышалъ, какъ кто-то всталъ и началъ одѣваться, и почувствовалъ сквозъ закрытыя вѣки свѣтъ огня. Вокругъ меня поднялась возня и разговоры, и табунщики стали уходить одинъ за другимъ, а я лежалъ неподвижно, не открывая глазъ и чувствуя, какъ у меня холодѣютъ руки и ноги. Сейчас должно было совершиться, и я невольно старался себѣ представить, какъ

это будетъ. Кто-то, присутствовавшій при повѣшеніи, рассказывалъ мнѣ, какъ это дѣлается, но онъ смотрѣлъ на казнь съ моста и тогда вѣшали одного человѣка. А какъ же будетъ теперь? Одинъ будетъ смотрѣть, какъ вѣшаютъ другого?..

До меня донесся запахъ дыма и стукъ посуды. Я совсѣмъ забылъ, что они еще будутъ завтракать. Одинъ табунщикъ, оставшійся въ конюшнѣ, готовилъ завтракъ и варилъ кофе. Всѣ остальные вышли; я слышалъ ихъ голоса и ржанье лошадей за дверью. Потомъ ихъ позвали ѣсть; они стали входить, хлопая дверью, и каждый разъ на меня падала полоса свѣта и на мгновение становился слышнѣ шумъ дождя. Всѣ усѣлись за завтракъ и разговаривали, какъ ни въ чемъ не бывало. Къ плѣнникамъ табунщики относились ласково и побратски, не обращаясь къ нимъ непосредственно, но и не исключая ихъ изъ своего разговора. Только голоса виргинца я совсѣмъ не слышалъ. Зато громко раздавался голосъ Стива. Онъ обсуждалъ подробности того, какъ ихъ поймали.

— Какъ мы васъ ловко провели, — говорилъ онъ, — помните, въ четвергъ послѣ полудня? Вы думали, мы далеко, а мы тутъ же были. Я лежалъ на самомъ краю скалы и доносилъ товарищамъ обо всемъ, что вы дѣлали.

Табунщики весело засмѣялись.

— И второй разъ мы васъ здорово надули, когда притаялись за деревьями по ту сторону „Змѣиной-Рѣки“. — Табунщики опять захохотали сами надъ собою.

— Да, у насъ все было тонко рассчитано, — проговорилъ Стивъ, и въ первый разъ въ его тонѣ появилась горечь.

— На всякаго мудреца бываетъ довольно простоты! — Это были первые слова, произнесенныя виргинцемъ.

— Конечно, — сказалъ Стивъ. Тонъ, которымъ онъ сказалъ это виргинцу, былъ отрывистый и совсѣмъ другой, чѣмъ прежде.

Я подумалъ, что подъ „мудрецомъ“ разумѣлся онъ самъ. Но я ошибся.

— Слѣшкомъ плохіе у тебя были товарищи, Стивъ, — сказала одинъ изъ табунщиковъ.

— Да, правда, плохіе, — отвѣтилъ Стивъ своимъ обычнымъ спокойнымъ тономъ. — И сѣжу я теперь здѣсь потому, что одинъ изъ насъ тогда сплеховалъ, — и онъ выругалъ сплеховавшаго въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ. — Дернуло его разложить огонь! Этимъ я испортилъ все дѣло.

— Я тогда же сказалъ: кто-нибудь это сдѣлалъ, только не Стивъ, — замѣтилъ одинъ табунщикъ.

— Стивъ не выдалъ бы огнемъ своего мѣстопробыванія.

— Даже досадно, что ты попался, а дуракъ этотъ улизнулъ,—прибавилъ другой табунщикъ.

Всѣ помолчали, точно выжидая чего-то.

— А развѣ онъ улизнулъ?—спросилъ Стивъ.

Опять наступило молчаніе, послѣ чего я услыхалъ еще ни разу не раздававшійся голосъ:

— Я разложилъ тогда огонь, братцы.—Это проговорилъ плѣнникъ въ сѣрой фланелевой рубашкѣ.

— Опоздалъ, Эдъ!—добродушно возразили ему табунщики:—ты, какъ видно, лгать не умѣешь.

Стивъ разсмѣялся.

— Чего ты смѣешься?—спросилъ одинъ табунщикъ:—что Эдъ не сумѣлъ поддержать твою игру? Ты самъ плохо сыгралъ: не надо было такъ ругать человѣка, разложившаго огонь, если хотѣлъ заставить насъ повѣрить, что онъ тутъ сидитъ. Впрочемъ, еслибъ мы и поймали Шорти, то не стали бы съ нимъ особенно возиться, а только принуждали бы его хорошенько. Онъ бы и бросилъ воровать, если бы не связался съ Трампасомъ.

Голосъ Стива зазвучалъ рѣзко, когда онъ произнесъ:

— Вы поймали меня и Эда. Довольно съ васъ.

— Мы иначе думаемъ, Стивъ. Трампасъ улизнулъ, и поэтому наше дѣло не кончено. Мы рады, что и Шорти улизнулъ съ нимъ. А воть еще разложить гдѣ-нибудь огонекъ.

Наступило молчаніе.

— Ты ничего не ѣшь, Эдъ,—сказалъ Стивъ.

— Да,—подхватилъ одинъ изъ табунщиковъ,—бери примѣръ со Стива, какъ онъ здорово уписываетъ!

Но Эду, повидимому, было не до завтрака. Скоро всѣ кончили ѣсть.

— Хоть кофе выпей!—сказалъ кто-то:—это тебя согрѣетъ.

— Если всѣ готовы, отправимся!—раздался голосъ виргинца, и я закрылъ голову одѣяломъ, но и севозъ одѣяло я слышалъ, какъ они проходили, какъ зануршала возлѣ меня солома, задѣтая чѣмъ-то, какъ кто-то сказалъ: „Осторожнѣй, не наступи на руку Эду!“—а другой прибавилъ: „Бѣдный Эдъ, даже не могъ выпить кофе“!

XXXI.

Я не знаю, сколько времени я пролежалъ одинъ, обхвативъ голову руками. Меня вывелъ изъ этого тягостнаго состоянія

виргинець. Онъ стоялъ надо мною и, быстро взглянувъ мнѣ прямо въ глаза, отвернулся. Я никогда не видалъ у него такого лица.

— Кажется, все еще дождь идетъ, — началъ я.

— Да, сырая погода. — Онъ выглянулъ за дверь, теребя свои усы.

— Который часъ? — спросилъ я. Онъ взглянулъ на часы.

— Двадцать минутъ седьмого.

Я всталъ и началъ одѣваться.

— Огонь еще не погасъ, — сказалъ виргинець, подкладывая вѣтки и оглядываясь, чтобъ найти чашку.

— Если вы это для меня, то не безпокойтесь, — замѣтилъ я, натягивая сапоги.

— Намъ предстоитъ длинный путь, — отвѣчалъ онъ, и, наливъ чашку горячаго кофе, залпомъ выпилъ ее и молча сѣлъ у огня, проводя рукой по лбу и закрывъ глаза. Потомъ вдругъ всталъ и выпрямился, точно желая страхнуть съ себя тяготившее его чувство.

— Давайте уложимся и поѣдемъ! — сказалъ онъ.

Отвѣжая отъ конюшни, я невольно еще разъ оглянулся на то мѣсто, гдѣ провелъ такую ужасную ночь. Виргинець замѣтилъ это.

— Прощай навсегда! — произнесъ онъ.

— Дай Богъ, чтобъ было такъ!

Это были первыя естественныя слова, произнесенныя нами въ это утро.

Я вынулъ фляжку и протянулъ ему, а потомъ хлебнулъ изъ нея и самъ.

— Вамъ раньше никогда не приходилось этого дѣлать? — спросилъ я.

— Никогда.

— Я бы не былъ въ состояніи.

— А я бы сдѣлалъ еще разъ то же самое сегодня же.

— Да, конечно, вы ничего другого не могли сдѣлать.

Онъ ничего не отвѣчалъ, но опять провелъ рукою по лбу и закрылъ глаза.

— Должно быть, у васъ голова болитъ?

— И не хочу, а все продолжаю видѣть передъ собою Стива, — произнесъ виргинець.

— Стива! Но вѣдь онъ велъ себя великолѣпно. Вотъ другой...

— Ахъ, Эдъ? О немъ я забылъ. А Стивъ выдержалъ игру до конца. — Неприятно было видѣть, какъ Эда несли на казнь,

а онъ хваталъ людей за ноги и выказывалъ свой страхъ во всей его наготѣ, а я предпочелъ бы, чтобы и Стивъ разыгралъ изъ себя труса,—и помолчавъ, онъ прибавилъ:—Стивъ не всегда былъ негодяемъ.—Голосъ его задрожалъ.—До конца держался онъ бодро и владѣлъ собою... даже хотѣлъ мнѣ передать вашу газету, только я не взялъ... Онъ умеръ такъ же просто, какъ и жилъ, какъ долженъ умирать каждый, какъ и я надѣюсь умереть. Никакихъ сценъ, никакихъ послѣднихъ словъ. Только простился съ ребятами, какъ разъ въ ту минуту, какъ изъ-подъ его ногъ отводили лошадь... Ну, не ужасайтесь! Я больше не буду передавать никакихъ неприятныхъ подробностей.—Вы не замѣтили, что Стивъ за все время не сказалъ мнѣ ни слова?—продолжалъ, помолчавъ, виргинецъ,—а вѣдь шесть лѣтъ тому назадъ мы были съ нимъ очень дружны и всегда вмѣстѣ. Въ немъ тогда было много хорошаго. Отчего онъ не сказалъ мнѣ ни слова? Можетъ быть, боялся меня подвести, или боялся, что я отъ него отрекусь?

Показалось солнце; туманы стали прорываться, обнажая голубья дали. Тополевый лѣсъ, гдѣ была совершена казнь, остался далеко позади. Кругомъ тянулись огромныя очертанія горъ, и ни единого живого существа не было замѣтно: ни птицы, ни звѣря. Ко мнѣ понемногу возвращалось спокойствіе, а виргинецъ, напротивъ, становился все нервнѣе.

— Послушайте,—сказалъ я ему:—еслибы въ то время, какъ вы его караулили, онъ сказалъ вамъ: „отпусти меня“,—вы бы это сдѣлали?

— Нѣтъ, сэръ!—гордо отвѣчалъ виргинецъ.

— Въ такомъ случаѣ чего же вы хотите? Чтобы судили судомъ присяжныхъ человѣка, котораго вы повѣсили? Это слишкомъ большое требованіе.

Виргинецъ ничего не отвѣчалъ на мой вопросъ и проговорилъ задумчиво:

— Онъ заплатилъ своею жизнью за глупость Шорти.

— Зачѣмъ вы путаете? Тутъ виноватъ не Шорти, а человѣкъ, привлечшій неумѣлаго Шорти въ такому дѣлу. Вы отлично сами это знаете.

— Да, виноватъ Трампасъ, я знаю,—отвѣчалъ виргинецъ; но все то, что онъ зналъ, не могло его успокоить.—Стивъ простился со всѣми, кромѣ меня,—повторилъ онъ. Вотъ что его мучило.—Вѣдь онъ же не могъ забыть прошлаго. Есть вещи, которыя не забываются!—Онъ всхлипнулъ.

Въ первый разъ я видѣлъ, что онъ плачетъ, и, самъ не помню какъ, подбѣхалъ къ нему и обнялъ его.

Почувствовавъ мою руку на своемъ плечѣ, виргинецъ тотчасъ же овладѣлъ собою и, молча стиснувъ мою руку, заговорилъ о чемъ-то со своимъ Монте, а потомъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Ужасно жаль Шорти!

— Да, очень жаль.

— Онъ недурной человекъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ у него никогда не хватить ловкости, чтобы быть воромъ. Трампасъ даетъ ему работу не по силамъ. Онъ мнѣ рассказывалъ про свою жизнь. Отца онъ не помнитъ, а мать совсѣмъ не заботилась о немъ. Въ восемнадцать лѣтъ онъ поступилъ приказчикомъ въ магазинъ, но одна дѣвушка, съ которой онъ сошелся, отбирала у него всѣ деньги и требовала еще, такъ что въ одинъ прекрасный день онъ обокралъ своего хозяина. Его накрыли, и ему пришлось бѣжать. Дѣвушка эта еще раньше уѣхала въ деревню къ теткѣ, — такъ она ему по крайней мѣрѣ объяснила, — и бѣдному Шорти не съ кѣмъ было проститься. Онъ поцѣловалъ, уходя, большую кошку изъ магазина. Онъ всегда кормилъ ее; она его знала и любила мурлыкать, сидя у него на колѣняхъ. Онъ и теперь отсылаетъ всѣ свои деньги этой дѣвушкѣ. Только не продержится онъ долго, — здѣшняя страна не по немъ, и Трампасъ слишкомъ забралъ его въ свои лапы.

Виргинецъ замолчалъ, и мы стали подниматься на горы, а внизу подъ нами тянулись голубыя долины. Встрѣтивъ по дорогѣ родникъ, мы сдѣлали привалъ, и я заснулъ, какъ убитый, на голой землѣ. Я спалъ такъ крѣпко, что не сразу пришелъ въ себя, когда меня разбудилъ виргинецъ. Только узкая полоска тополеваго лѣса на горизонтѣ напомнила мнѣ обо всемъ случившемся. Виргинецъ не спалъ совсѣмъ. Онъ объяснилъ это тѣмъ, что долженъ былъ перевязать тюки на вьючныхъ лошадяхъ и сходить наловить форели, но его лицо и выраженіе глазъ выдавали его обманъ. Чтò бы онъ ни говорилъ, глаза его говорили о Стивѣ. Горе его не могло пройти такъ скоро.

XXXII.

Мы поднялись на вершину горы.

— Тутъ кто-то былъ послѣ дождя, — сказалъ я виргинцу, шедшему сзади, за вьючными лошадьми.

— Послѣ дождя!—воскликнулъ онъ:—значить, вѣтъ еще и двухъ дней.—Онъ подошелъ и сталъ разсматривать слѣды.—Человѣкъ и лошадь,—произнесъ онъ, нахмурившись.—Они шли по одному съ нами пути. Какимъ же образомъ они могли насъ обогнать, а мы ихъ не видали?

— Свернули съ другой тропинки,—замѣтилъ я.

— Да, но этихъ тропинокъ почти никто не знаетъ, да и трудно проѣхать по нимъ. Человѣкъ и лошадь. Не могу понять, что ему здѣсь понадобилось.

— Вѣрно, какой-нибудь естествоиспытатель,—предположилъ я.

— Одного только сорта естествоиспытатели здѣсь были,—возразилъ виргинецъ,—да и тѣ жаловались, что никакихъ минераловъ не нашли.

Мы снова сѣли на лошадей и отправились дальше, не понимая, чьи могли быть эти слѣды.

— Странно!—произнесъ виргинецъ:—онъ продолжаетъ идти рядомъ съ лошадей, вмѣсто того, чтобы сѣсть на нее.

— Можетъ быть, онъ ведетъ въ поводу вьючную лошадь? Это какой-нибудь бѣдный охотникъ, не имѣющій верховой лошади.

— Нѣтъ,—возразилъ виргинецъ,—вьючную лошадь не ведутъ то спереди, то сзади,—и соскочивъ съ лошади, онъ опупалъ слѣды рукою:—имъ нѣтъ и четырехъ часовъ; этотъ склонъ бываетъ въ тѣни только съ часу, а слѣды еще совсѣмъ влажные.

Нѣсколько времени мы ѣхали молча. Вдругъ виргинецъ остановился.

— Ну, что еще такое?—спросилъ я, не въ силахъ будучи преодолѣть какое-то жуткое чувство.

Виргинецъ долго смотрѣлъ на землю, потомъ повернулся на сѣдлѣ въ мою сторону и уставился на меня.

— Ихъ двое,—сказалъ онъ.

— Кого двое?

— Не знаю.

— Однако, вы должны знать, двѣ ли это лошади, или два человѣка,—произнесъ я почти сердито.

Но онъ ничего не отвѣтилъ, неподвижно глядя на землю. Молчаніе стало дѣйствовать на меня какъ гипнозъ. Я нетерпѣливо прищипорилъ лошадь и проѣхалъ впередъ, чтобы посмотреть самому. На землѣ были отчетливо видны слѣды двухъ людей.

— Странно!—произнесъ наконецъ виргинецъ:—ихъ двое, и они попеременно ѣдутъ на лошади.

Мы отправились дальше, стараясь разговаривать о посторон-

нихъ вещахъ, но нашъ разговоръ обрывался самъ собой, а взгляды такъ и лънули въ землѣ, слѣдя за отчетливыми слѣдами двухъ неизвѣстныхъ людей и ихъ лошади. Мнѣ начинало казаться, что эти люди проѣхали передъ нами не четыре часа тому назадъ, что они шли съ нами вмѣстѣ, и только мы не могли ихъ видѣть. Мысли мои путались, а воображеніе разыгрывалось все сильнѣе. Я долженъ былъ удерживаться, чтобы не спросить виргинца, съ одной ли лошади вѣшали обоихъ осужденныхъ, или одновременно съ двухъ? Временами мнѣ становилось стыдно за свои дѣтскія фантазіи, и я напоминалъ себѣ, что мнѣ уже двадцать-пять лѣтъ и что я долженъ не только поступать, но и чувствовать какъ взрослый человѣкъ.

Мы подѣхали къ мѣсту, гдѣ дорога круто поднималась наверхъ, такъ что снова пришлось спѣшиться и вести лошадей въ поводу. Очевидно такъ же поступили и наши предшественники. Разглядывая ихъ слѣды, я сдѣлалъ открытіе и поспѣшилъ сообщить его виргинцу:

— Одинъ изъ нихъ гораздо тяжелѣе другого.

— Я надѣялся, что вы это замѣтите, — отвѣчалъ виргинець.

— Ну, вы никогда не даёте мнѣ ничего замѣтить первому! — пожаловался я.

Дорога пошла отлого, и мы сѣли на лошадей.

— Пудовиёзъ сѣлъ, а фунтовикъ пошелъ пѣшкомъ, — замѣтилъ виргинець, поправляя платоёзъ на шеѣ.

Я невольно разсмѣялся, и мнѣ стало стыдно за всѣ свои фантазіи.

Вокругъ насъ громоздились скалы и камни, розовые отъ заходящаго солнца; теперь намъ предстоялъ крутой спускъ, и черезъ полчаса ѣзды мы уже могли очутиться среди зелени и лѣсовъ. Я посмотрѣлъ внизъ, мы оба посмотрѣли внизъ, но нашихъ предшественниковъ нигдѣ не было видно.

— Но вѣдь они должны быть гдѣ-нибудь здѣсь, — сказалъ виргинець, — вѣдь не случайно же они сюда заѣхали.

Подуль свѣжій вѣтерокъ, закрутился среди камней, и передо мною замелькалъ оторванный кусоёзъ газеты. Вѣтеръ потрепалъ его и бросилъ его на землю.

— Чтò тамъ у васъ? — спросилъ виргинець, такъ какъ я со-сочилъ съ лошади и поднялъ принесенный вѣтромъ кусоёзъ бума-гаи: — вѣроятно что-нибудь очень интересное... отчего вы тара-щите глаза?

— Да, — отвѣчалъ я, и мнѣ казалось, что это не я говорю, а кто-то другой, стоящій рядомъ со мною: — очень интересно! — и

я протянул газету виргинцу, слѣдя за выраженіемъ его лица. Онъ спокойно пробѣжалъ листовъ глазами.

— „Скоро начнутся выборы. Можно предполагать, что выберутъ Джекка“...

— Это моя газета, — перебилъ я его: — вотъ, на поляхъ, мои замѣтки.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ.

— Вы хотите сказать, что это та газета, которую вы давали Стиву... Какъ бы то ни было, вы получили ее обратно.

Онъ протянулъ мнѣ газету, и, случайно коснувшись его руки, я почувствовалъ, что она была холодна, какъ ледъ. Мы поѣхали дальше. Стало темнѣть. Сосны глухо шумѣли. Проѣхавъ еще немного, мы раскинули палатку, и я былъ очень радъ, что не приходилось спать подъ открытымъ небомъ.

— Я буду очень доволенъ, когда мы выберемся изъ этихъ горъ, — сказалъ виргинецъ: — ужъ слишкомъ онѣ огромны. Впрочемъ, бываютъ времена, когда и долины кажутся также слишкомъ огромными.

Шумъ сосенъ совершенно прекратился, но молчаніе было еще страшнѣе шума. Сидя передъ фонаремъ, въ которомъ металось пламя догоравшей свѣчи, виргинецъ опять сталъ предаваться воспоминаніямъ своей прошлой жизни со Стивомъ и рассказывать мнѣ разныя похождения съ женщинами. Въ этихъ рассказахъ не было ничего оскорбительнаго, благодаря необыкновенной простотѣ его отношенія къ нимъ, и тому чувству тоски, съ какимъ онъ все время говорилъ о Стивѣ. Наконецъ онъ замолчалъ, вышелъ изъ палатки и сталъ раскладывать огонь. Свѣча въ фонарѣ догорѣла; я лежалъ въ темнотѣ, и передъ моими глазами на стѣнѣ палатки двигалась огромная темная тѣнь виргинца. Я глядѣлъ на нее, пока не заснулъ, а когда проснулся, то виргинецъ уже спалъ рядомъ со мною, завернувшись въ одѣяло, и сквозь палатку сѣрѣлъ разсвѣтъ. Южанинъ спалъ безпокойно, сморщивъ лобъ съ выраженіемъ страданія. Вдругъ онъ вскочилъ, вскрикнулъ: „нѣтъ, я поступилъ бы точно такъ же!“ — и проснулся, дико оглядываясь по сторонамъ. Увидавъ меня, онъ произнесъ, находясь еще очевидно подъ вліяніемъ страшнаго сна:

— Вы бы лучше бросили меня... Какъ вы думаете, еслибы мы взяли другой путь, мы могли избавиться отъ нихъ?

Я хотѣлъ отвѣтить ему шуткой, какъ вдругъ раздался въ отдаленіи топотъ лошадиныхъ копытъ, и виргинецъ, схвативъ винтовку, выбѣжалъ изъ палатки. Я послѣдовалъ за нимъ, но мы ничего не увидели, кромѣ нашихъ собственныхъ лошадей.

Онѣ прибѣжали, очевидно чѣмъ-то испуганныя, потому что теперь стояли неподвижно, вытянувъ шею, наостривъ уши и глядя по одному направленію.

— Вѣрно, медвѣдь, — сказалъ я наконецъ.

Виргинець посмотрѣлъ на меня страннымъ взглядомъ.

— Онѣ чуютъ то, чего мы не можемъ чувствовать, — проговорилъ онъ медленно: — какъ же вы мнѣ докажете, что онѣ не могутъ видѣть того, чего мы не видимъ?

Морозъ пробѣжалъ у меня по кожѣ, и я съ невольнымъ страхомъ взглянулъ на лошадей; но одна изъ нихъ уже начала щипать траву, а ея примѣру послѣдовали и остальные. Мы тоже пошли позавтракать, а потомъ стали сѣдлатъ лошадей и пустились въ путь. Виргинець сталъ рассказывать мнѣ исторію о привидѣніяхъ. Одна женщина передъ смертію очень хотѣла видѣть свою дочь, жившую въ другомъ городѣ, очень далеко, и явилась ей въ минуту своей смерти.

— Вѣроятно объ очень думали другъ о другѣ, — заключилъ свой рассказъ виргинець. — Но Стивъ вѣдь умеръ. Конченъ. Вы, конечно, не вѣрите въ дальнѣйшее существованіе?

— Хотѣлъ бы вѣрить, — отвѣчалъ я.

— Меня небо мало интересуеть. Но если существуетъ міръ сновидѣній, послѣ того, какъ уйдешь отсюда... — Онъ не договорилъ и отвернулся. — Куда ни пойдешь мыслью, вездѣ черная бездна, — продолжалъ онъ. — Я думаю, въ душѣ каждаго взрослого человѣка сидитъ маленькій мальчикъ, отраженіе его самого въ дѣтствѣ, и этотъ мальчикъ всегда боится темноты...

Далеко за горою раздался какой-то слабый звукъ, и мы невольно остановились и прислушались; но звукъ не повторился, все было тихо и спокойно.

— Это они застрѣлили этого медвѣдя, — замѣтилъ я, но звукъ выстрѣла долго еще звучалъ у меня въ ушахъ.

Мы подѣхали къ тому мѣсту, гдѣ паслись наши лошади и откуда онѣ убѣжали, испугавшись чего-то. Это ясно было видно по слѣдамъ.

— Побудьте съ лошадьми, а я объѣду кругомъ и посмотрю, нѣтъ ли чего, — сказалъ виргинець.

Лошади стояли смирно. Еслибы на этомъ мѣстѣ онѣ видѣли медвѣдя, то теперь, навѣрное, обнаружили бы безпокойство. Виргинець крикнулъ мнѣ издали, и я пошелъ къ нему.

— Вотъ вашъ медвѣдь, — сказалъ онъ, — и, какъ видите, двуногій и съ лошадыю.

Въ землю былъ вбитъ коль, повидному, для того, чтобы привязать къ нему лошадь, и вокругъ трава была вытоптана.

— Слѣды какъ будто „Фунтовика“, — сказалъ я, — а гдѣ же „Пудовикъ“?

— „Пудовикъ“ распивалъ кофе, а „Фунтовикъ“ явился сюда, въ надеждѣ раздобыть вторую лошадь, чтобы обоимъ имѣть возможность продолжать путешествіе, какъ подобаетъ настоящимъ джентльменамъ. Идея у него была блестящая, но потомъ онъ сдѣлалъ ошибку, какъ мнѣ слается.

— Онъ, вѣроятно, хотѣлъ поймать одну изъ нашихъ лошадей, но не поймалъ, а только спугнулъ ихъ... Шорти въ одиночку никогда не умѣлъ поймать лошадь, — замѣтилъ я.

Виргинецъ усмѣхнулся.

— Шорти? У него, дѣйствительно, есть нѣчто общее съ „Фунтовикомъ“. Но я не объ этой ошибкѣ говорю.

Я зналъ, что онъ не сообщитъ мнѣ своей догадки, и не сталъ задавать вопросовъ, радуясь, что этотъ случай отвелъ его отъ мрачныхъ мыслей и вернулъ на землю, къ дѣйствительной жизни. Мы въѣхали на горную вершину.

— Надо всегда держаться повыше, если знаешь, что кругомъ есть люди, намѣренія которыхъ неизвѣстны, — сказалъ виргинецъ, но черезъ нѣсколько времени вдругъ круто повернулъ лошадь и выѣхалъ на дорогу. — Вотъ оно чтѣ! — произнесъ онъ: — глядите!

На дорогѣ ясно обозначались слѣды лошадиныхъ копытъ, но это одна лошадь скакала, и рядомъ съ нею никакихъ слѣдѣвъ больше не было.

— Онъ испугался насъ, — сказалъ виргинецъ: — онъ не могъ знать, сколько насъ окажется; кромѣ нашихъ трехъ лошадей, по близости могла оказаться еще цѣлая дюжина.

Мы доѣхали по дорогѣ вплоть до ночевки нашихъ предшественниковъ, и тогда я понялъ, какую ошибку сдѣлалъ Шорти. Послѣ неудачной попытки поймать лошадь, онъ вернулся къ своему товарищу и сообщилъ ему, что видѣлъ трехъ лошадей. Онъ долженъ былъ оставить своего сообщника и усакавать одинъ, такъ какъ убѣгать отъ преслѣдованія вдвоемъ на одной лошади было крайне неудобно. Но зато это была послѣдняя ошибка сѣднаго Шорти. Онъ лежалъ тутъ же, возлѣ потухшаго огня, лицомъ вверхъ. Убийца выстрѣлилъ въ него сзади. Мы оба закрыли глаза.

— Въ немъ не было ничего дурного отъ природы, — произ-

несь, наконецъ, виргинець, — но въ здѣшной странѣ надо дѣлать свое дѣло умѣючи.

Когда мы подняли Шорти, чтобы опустить его въ наскоро вырытую неглубокую могилу, мы увидали возлѣ него газету, которую онъ читалъ. Онъ привезъ ее изъ тополеваго лѣса, съ мѣста казни, куда они заѣзжали послѣ насъ, чтобы убѣдиться въ судьбѣ, постигшей ихъ товарищей, а можетъ быть также и въ надеждѣ поймать какую-нибудь отбившуюся лошадь. Вся газета была цѣла, кромѣ того листка, который я нашелъ наванунѣ, и на поляхъ ея было написано нѣсколько словъ, но не моимъ почеркомъ.

— „Прощай, Іеффъ,—прочелъ я вслухъ:—я боялся заговорить съ тобою, чтобы не устроить какой-нибудь дѣтской выходки“.—Кто такой Іеффъ?—спросилъ я, но, взглянувъ на виргинца, сразу догадался, въ чемъ дѣло.

Онъ сначала стоялъ неподвижно, потомъ протянулъ руку, взялъ газету и сталъ пристально разглядывать написанныя на ней слова.

— Стивъ всегда называлъ меня Іеффомъ, потому что я—южанинъ,—тихо произнесъ онъ;—кромѣ него, никто меня такъ не звалъ.

Онъ медленно свернулъ это посланіе мертвеца, переданное ему мертвецомъ, и, подойдя къ своей лошади, спряталъ его въ сѣдло. Съ минуту онъ простоялъ, отвернувшись отъ меня и опершись руками и головой о сѣдло, потомъ вернулся назадъ и нѣсколько времени глядѣлъ на лицо Шорти.

— Мнѣ хотѣлось бы имѣть возможность поблагодарить его,—сказалъ онъ,—очень бы хотѣлось.

Мы похоронили Шорти, набросали на его могилу сосновыхъ вѣтвей и поѣхали дальше. Передъ нами по дорогѣ все время были видны слѣды скакавшей лошади, и только на другой день утромъ они исчезли и больше уже не появлялись.

XXXIII.

Слѣды скакавшей лошади исчезли какъ-разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ главной дороги въ горы разбѣгалось много тропинокъ и гдѣ ѣхавшій по ней человекъ могъ скрыться и найти временное убѣжище у людей одной съ нимъ профессіи. Онъ растаялъ, какъ туманъ, но молва о его таинственномъ исчезновеніи и обо всемъ, что предшествовало этому исчезновенію, быстро распро-

странилась по окрестностямъ. Никто не говорилъ объ этомъ громко и опредѣленно, но и въ „Глубокой-Рѣкѣ“, и въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“ всѣ знали, что Стивъ, Шорти и Эдъ никогда больше не появятся.

Одинъ сосѣдъ, встрѣтивъ миссъ Молли Вудъ, ѣхавшую верхомъ на прогулку, раскланялся съ нею и сказалъ:

— Добраго утра! Чтò, случаете въ одиночествѣ? Скоро вашему одиночеству конецъ. Онъ уже покончилъ свое дѣло. Хотѣлось бы, чтобы еще болѣе довелъ его до конца. Честь имѣю кланяться!

Молли сама не понимала, почему эти слова произвели на нее странное впечатлѣніе. Ея смутныя подозрѣнія усилились, когда, вернувшись съ прогулки и зайдя въ Тэлорамъ, она нашла тамъ нѣсколькихъ окрестныхъ жителей, и всѣ они замолчали, когда она вошла, точно знали что-то и скрывали отъ нея. Не случилось ли что-нибудь съ ея женихомъ? Но тогда сосѣдъ не сказалъ бы ей, что скоро конецъ ея одиночеству. Безпокойство ея все усиливалось. На другой день, сидя возлѣ своего окна, она услышала, что дѣти затѣяли какую-то шумную игру.

— Прыгай!—привазывалъ одинъ голосъ:—прыгай!

— Я не хочу,—отвѣчалъ другой, видимо смущенный.

— Ты же согласился! — закричало нѣсколько дѣтей. — Всѣ слышали, что ты согласился. Прыгай живѣе!

— Да я же не хочу!—отвѣчалъ дрожащій голосъ такимъ жалобнымъ тономъ, что Молли вышла посмотреть, въ чемъ состояла игра.

Дѣти поставили Боба Кармоди на заборъ подъ дерево, надѣвъ ему на шею веревку, конецъ которой держали трое мальчиковъ. Остальные смотрѣли съ большимъ увлеченіемъ, а три маленькія дѣвочки хлопали въ ладоши и подпрыгивали отъ возбужденія.

— Дѣти, чтò вы дѣлаете!—воскликнула Молли.

— Онъ ужъ прочиталъ молитву и все, чтò нужно!—закричали мальчики.—Онъ боноврадъ, и мы его приговорили по закону Линча. Прыгай, Бобъ!

— Я не хочу!..

— Отпустите его, мальчики!—сказала Молли:—вы, въ самомъ дѣлѣ, можете сдѣлать ему больно.

И она положила конецъ игрѣ, чтò не обошлось, впрочемъ, безъ протеста со стороны юнаго населенія Вайоминга.

— Онъ же самъ согласился,—увѣрялъ Генри Довъ.

— Онъ сказалъ, что будетъ Стивомъ, — подтвердилъ Жоржикъ Тэлоръ, — а Стивъ вѣдь не струсилъ!

И онъ подробно сообщилъ учительницѣ и о Стивѣ, и объ Эдѣ, а учительница слушала его молча, сдвинувъ брови.

— Ты обѣщала своей мамѣ, что не станешь рассказывать, — сказалъ Генри Довъ послѣ того, какъ Жоржикъ кончилъ, — а самъ пошелъ да все и рассказалъ! — и онъ покачалъ головою съ видомъ превосходства.

Такимъ образомъ молодая дѣвушка узнала о поступкѣ своего возлюбленнаго. Она никому не сказала ни слова и затаила въ душѣ свое страданіе. Съ какою увѣренностью сказала она въ Дунбартонѣ, въ отвѣтъ на слова старой бабушки: „Надѣюсь, выпадаютъ дни, когда онъ никого не убиваетъ?“ — „Онъ никогда никого не убиваетъ“! Позднѣе, когда онъ лежалъ больной въ ея воннатѣ, изъ его безсвязныхъ словъ она могла догадаться объ истинѣ, но гнала отъ себя эти догадки, успокоивая себя мыслью, что человѣкъ не дѣлаетъ всего того, о чемъ говорить въ бреду. Наконецъ, послѣ того, какъ ея мать получила письмо отъ виргинца, сестра Сара написала ей: „Онъ пишетъ съ видимой гордостью, что никогда не убивалъ изъ выгоды или для удовольствія. Поздравляю тебя, моя милая, съ выборомъ защитника съ такой чуткой совѣстью“.

Письмо сестры привело Молли въ такое негодованіе, что приведенныя слова виргинца подѣйствовали на нее очень слабо и только вызвали желаніе защищать своего избранника отъ всѣхъ своихъ родныхъ, такъ дурно судившихъ о немъ. Но теперь!..

— Вы что-то поблѣднѣли за послѣднее время, моя дорогая, — сказала ей черезъ нѣсколько дней м-съ Тэлоръ.

— Неужели?

— И вичего не кушаете.

— О, напротивъ, я ѣмъ очень много!

И Молли ушла въ свой домикъ, а Жоржикъ получилъ сильный нагоняй за непослушаніе. На другой день м-съ Тэлоръ сама отправилась къ Молли.

— Какъ у васъ уютно! — начала она, усаживаясь. — Не могу себѣ представить, какъ мы будемъ жить безъ васъ, но все-таки очень рада, что вы насъ бросаете. Надѣюсь, ужъ онъ теперь скоро прійдетъ.

— М-съ Тэлоръ, — вдругъ заговорила Молли, — пожалуйста, не говорите всего этого. Я не выдержу!

Она разрыдалась, и м-съ Тэлоръ никакъ не удалось утѣшить ее.

— Что же она воображаетъ?—сказаль м-ръ Тэлоръ, когда жена передала ему всю эту сцену. —Она воображаетъ, что здѣсь такіе же нравы, какъ въ Вермонтѣ?

— Мнѣ все равно, что она воображаетъ,—отвѣчала м-съ Тэлоръ,—мнѣ только бы хотѣлось ей помочь.

Помощь явилась въ лицѣ судьи Генри.

— Вы находите, что я долженъ вмѣшаться въ это дѣло?—спросилъ судья, выслушавъ жалобы м-съ Тэлоръ.—Но не лучше ли мнѣ будетъ прислать къ ней его самого, когда онъ вернется. Они сами все уладятъ между собою.

— Только хуже будетъ,—возразила, покачавъ головою, м-съ Тэлоръ:—имъ теперь не надо встрѣчаться.

Судья вздохнулъ.

— Хорошо,—сказаль онъ:—я попробую уговорить ее, если вы на этомъ настаиваете, хотя это совсѣмъ не въ моемъ характерѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, судья Генри попалъ въ очень затруднительное положеніе. Ему приходилось защищать то, что, съ точки зрѣнія закона, было непозволительно, защищать поступокъ, въ которомъ выразилось большее презрѣніе къ закону, чѣмъ въ самомъ преступленіи.

„И однако, я самъ послаль его на это дѣло,—думаль въ смущеніи судья, дожидаясь, когда окончатся занятія въ школѣ, чтобы идти къ миссъ Вудъ.—Я отчасти отвѣтственъ за его поступокъ. Ему и такъ это принесло несчастіе: смерть Отива. Если она объ этомъ подумаетъ, то должна... Ахъ, Господи! какъ все это непріятно“!

И судья опять вздохнулъ, такъ какъ, подобно всякому человѣку, зналь, что инныя вещи должны совершаться въ молчаніи, и говорить о нихъ—величайшая безтавтность.

Тѣмъ не менѣе, когда занятія въ школѣ кончились, онъ постучаль въ дверь учительницы, рѣшившись принести свой характеръ въ жертву истинной любви.

— Ну,—началь онъ, прямо приступая къ дѣлу,—случились у васъ темныя дѣла, но надо избѣжать недоразумѣній; мы всѣ слишкомъ васъ любимъ.

— М-ръ Генри,—провзнесла Молли Вудъ, также прямо приступая къ дѣлу:—вы пришли ко мнѣ, чтобы выразить ваше одобреніе закону Линча?

Онъ встрѣтилъ ея ударъ:

— Публичному сжиганію южныхъ негровъ—нѣтъ. Повѣше-

нью же вайомингскихъ коноврадовъ—да. Вы не чувствуете, что тутъ есть огромная разница?

— Какая же разница въ принципѣ?

— Та разница, что мы не мучимъ нашихъ осужденныхъ и не приглашаемъ публику любоваться на ихъ казнь. Сожженіе негровъ есть доказательство варварства; судъ надъ коноврадами по закону Линча есть стремленіе къ цивилизаціи. И вы думаете, что принципъ тутъ одинъ и тотъ же?

— Да, только путь другой. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ простые граждане захватываютъ въ свои руки законъ.

— Прекрасно. У кого же они отнимаютъ этотъ законъ? У судовъ? А суды основаны конституціей,—не правда ли?

— Да, только я не понимаю...

— А конституція приводится въ исполненіе делегатами, избираемыми народомъ. Слѣдовательно, законъ есть дѣло народа, и народъ не захватываетъ его въ свои руки, а только возвращаетъ его, такъ сказать, къ его первоисточнику. Наши суды часто бываютъ похожи на искусственныя руки, сдѣланныя только для вида; въ нихъ нѣтъ жизни, нѣтъ силы, и когда простые граждане, какъ вы ихъ назвали, видятъ это, то они стараются вернуть законъ въ свои собственныя живыя руки, изъ которыхъ онъ и вышелъ впервые. Вы можете назвать этотъ способъ примитивнымъ, но во всякомъ случаѣ это не отрицаніе, а утвержденіе закона. Что вы можете на это возразить?

Она ничего не могла возразить, но не могла и согласиться съ нимъ.

— По моему, все это ужасно!—сказала она.

— Съ этимъ я согласенъ. Всякая казнь ужасна, такъ же, какъ и война, и, быть можетъ, въ будущемъ люди съумѣютъ обходиться безъ нихъ, но во всякомъ случаѣ все это менѣе ужасно, чѣмъ безпрепятственный грабежъ и убійство.

Судья Генри уѣхалъ въ „Глубокую-Рѣку“, и никто больше не пробовалъ заговаривать съ Молли, но лицо ея еще долго не прояснялось, и по ея виду можно было заключить, что мысль ея продолжала лихорадочно работать. Иногда, вставъ ночью, она подолгу простаивала передъ портретомъ виргинца, глядя на него съ выраженіемъ любви и ужаса.

XXXIV.

До города оставалось двѣнадцать миль.

Виргинецъ и Молли ѣхали верхомъ по дорогѣ, залитой полуденнымъ солнцемъ и совершенно пустынной. Южанинъ не спускалъ радостныхъ глазъ съ своей невѣсты и часто клалъ руку на грудь, чтобы почувствовать прикосновеніе маленькаго золотого кольца, которое долженъ былъ надѣть ей завтра на палецъ. Онъ былъ безмѣрно счастливъ своей любовью, а въ ея сердцѣ любовь къ нему омрачалась чувствомъ одиночества, охватывавшимъ ее все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ приближался день свадьбы. Никто изъ родныхъ не дожидался ея въ городѣ. Ей предстояло встрѣтить много дружескихъ лицъ, но ни одного лица, знакомаго съ дѣтства, а главное, ей такъ хотѣлось бы увидеть въ этотъ день свою мать, оставшуюся далеко, въ Вермонтѣ. Она закрыла глаза, и ей ясно представилась знакомая улица, почтовая контора, старое крыльцо, обвитое плющомъ, и фигура матери, срѣзывающей желтыя розы съ куста. Вдругъ она услышала приближающійся стукъ копытъ, быстро открыла глаза и увидала, что ея женихъ, повернувшись на сѣдлѣ, слѣдитъ за подѣзжающимъ къ нимъ всадникомъ. По движенію руки виргинца она поняла, что пистолеть его былъ на-готовѣ. Всадникъ бивнулъ головой южанину и, обогнавъ ихъ, посканалъ дальше. Онъ былъ совершенно незнакомъ Молли Вудъ, но она видѣла, какъ онъ посмотрѣлъ на виргинца: это былъ взглядъ затаенной ненависти.

— Кто этотъ человѣкъ?—спросила она.

— Такъ, — отвѣчалъ виргинецъ спокойно, — мы съ нимъ встрѣчаемся отъ времени до времени.

— Его зовутъ Трампасъ?

Виргинецъ поглядѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Когда же это ты видѣла его?—спросилъ онъ.

— До сихъ поръ никогда, но я тотчасъ же его узнала по глазамъ.

— Боже мой!—воскликнулъ ея женихъ, улыбаясь съ снисходительной ироніей: — при тебѣ, однако, надо слѣдить за выраженіемъ своихъ глазъ.

— Я думаю, это онъ совершилъ это убійство.

— А теперь по чьимъ же глазамъ ты читаешь?—спросилъ онъ, но ей было не до шутокъ. Она схватила его большую, сильную руку своими маленькими руками.

— Я знаю про то... про то, что было осенью, — произнесла она, боясь употребить болѣе опредѣленные выраженія, — и я знаю, что ты сдѣлалъ...

— Только то, что долженъ былъ сдѣлать, — докончилъ онъ грустно, но рѣшительно.

— Да, — подтвердила она, не выпуская его руки: — я думаю, что... законъ Линча, — она почти прошептала это слово, — единственно возможный въ такомъ случаѣ. Но если они умираютъ за ковокрадство, то какъ незаконно, что этотъ убійца...

— А кто можетъ это доказать? — спросилъ виргинецъ.

— Но развѣ ты не знаешь?

— Я знаю множество вещей въ глубинѣ моего сердца. Но это не доказательство. На лицо было только мертвое тѣло, слѣды лошадиныхъ копытъ и... людскія догадки.

— И его даже не арестовали! — произнесла Молли.

— Нѣтъ. Онъ способствовалъ выборамъ здѣшняго главнаго судьи.

— А я видѣла, какъ ты приготовилъ пистолетъ.

— Да, я это сдѣлалъ. Это оказалось совершенно лишнимъ.

И виргинецъ вынулъ пистолетъ и покачалъ, глядя на него, головой, съ видомъ человѣка, давшаго промахъ, а Молли не рѣшилась болѣе задавать ему вопросы. За послѣднее время они помѣнялись ролями. Онъ не былъ болѣе ея покорнымъ обожаемымъ, а она перестала быть его строгой учительницей. Ея воспитанность и образованіе, служившія ей главнымъ оружіемъ противъ него, ступевывались передъ его природнымъ умомъ и чуткостью. Она знала, что ея табунщикъ со всѣми своими недостатками былъ крупнѣе, чѣмъ она со всѣми ея достоинствами. Онъ все еще былъ ея поклонникъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и повелитель. Подъ его взглядомъ она чувствовала себя безсильной, и опять въ ней проснулось страстное желаніе увидать въ этотъ день свою мать. Она перевела взглядъ съ неукротимаго человѣка, ѣхавшаго рядомъ съ нею, на дикую Вайомингскую пустыню и на городъ, гдѣ должна была завтра назвать этого неукротимаго человѣка своимъ мужемъ, и отвернулась, чтобы скрыть выступившія у нея на глаза слезы.

— Не ты одна умѣешь читать чужія мысли, — услышала она совсѣмъ близко его голосъ, тихій и нѣжный. Онъ наклонился къ ней со своего сѣдла и поцѣловалъ ее. Она прильнула къ нему и положила голову ему на плечо. — Я думалъ, — продолжалъ онъ, — что ничто не можетъ быть лучше того, какъ мы будемъ вѣнчаться.

— Конечно, ничто,—прошентала она.

— Никакого глазбьющаго народа, никакихъ хлопотъ и суеты, никакихъ шуточекъ, лентъ и нарядовъ, никакихъ взглядовъ и разговоровъ въ тѣ минуты; когда менѣе всего хочешь кого-нибудь слушать или что-нибудь говорить. Благословить насъ вайомингскій священникъ. Мнѣ казалось, что такое вѣнчаніе лучше всѣхъ, какія я когда-либо видѣла.

Онъ остановился на мгновение и потомъ сказалъ:

— Но съ нами не будетъ твоей матери.

Она быстро и съ удивленіемъ заглянула ему въ лицо. Казалось, онъ душою услышалъ крикъ ея души.

— И это очень нехорошо,—прибавилъ онъ.

— Она никогда не могла бы пріѣхать сюда, — возразила молодая дѣвушка.

— Въ такомъ случаѣ мы должны были бы поѣхать къ ней. Я не знаю, какъ выпросить ея прощенье.

— Но это не по твоей винѣ!—воскликнула Молли.

— Нѣтъ, по моей,—вѣдь я ничего не возражалъ. Я не сказалъ тебѣ, что мы должны къ ней ѣхать. Я упустилъ это изъ виду, заботясь только о своихъ собственныхъ чувствахъ. Дѣло въ томъ, видишь ли... ..я до сихъ поръ тебѣ объ этомъ не говорилъ... твоя мать сдѣлала мнѣ очень больно. Я написалъ ей длинное, вполне искреннее письмо, а она мнѣ ни слова не отвѣтила и только поблагодарила черезъ тебя. Я такъ хотѣлъ, чтобы она меня поняла и простила, и такъ меня обидѣло ея молчаніе, что я весь предался своимъ личнымъ чувствамъ и упустилъ изъ виду, что она должна была бы присутствовать на нашей свадьбѣ. Но теперь еще можно измѣнить.

— Чтò измѣнить?—спросила Молли, не понимая.

— Измѣнить наши планы. Я ненавижу перемѣны, но мнѣ еще неприятыѣ обидѣть твою мать, или должно быть еще неприятыѣ. Мы можемъ поѣхать въ Вермонтъ, тамъ обвѣнчаться и потомъ вернуться сюда въ горы, — словомъ, начать съ того, чѣмъ мы собирались кончить.

Виргинецъ долженъ былъ употребить огромное усиліе воли, чтобы заставить себя сказать это. Отложить день вѣнчанья, о которомъ онъ мечталъ и за который боролся цѣлыхъ три года, отказаться отъ предполагавшейся послѣ совершенія обряда поѣздки въ горы, его любимыя горы, гдѣ они должны были остаться одни среди природы, не оскорбленные ни единымъ любопытнымъ взглядомъ,—отказаться отъ всего этого было слишкомъ тяжело,

но виргинецъ рѣшился пожертвовать своей мечтой и снова спокойнымъ голосомъ повторилъ Молли свое предложеніе.

— Никогда!—воскликнула она:—никогда!

Вѣдь ея родные отнесли къ нему такъ холодно и неделикатно, да и кромѣ того теперь было уже слишкомъ поздно принимать эту жертву.

— Если ты еще зайнешься объ этомъ, я ускачу въ городъ одна,—шутя, пригрозила Молли виргинецу, стараясь скрыть отъ него и чувство одиночества, и чувство обиды, вызванное въ ней его нежеланіемъ сообщить ей о своихъ дѣлахъ съ Трампасомъ. Но онъ и на этотъ разъ угадалъ ея мысли. Ему не хотѣлось, чтобы темная фигура Трампаса бросила тѣнь на эти ясные отъ счастья дни ихъ жизни, но такъ какъ его молчанье было ей непріятно, то онъ первый заговорилъ о конокрадѣ и о своихъ стычкахъ съ нимъ.

— Первый разъ мы крупно поговорили съ Трампасомъ еще давно, еще когда я тебя не зналъ. Дѣло вышло изъ-за картъ. Я тогда сильно игралъ. Господи, вотъ глупое-то было время! Игралъ я недурно, и Трампасу было досадно проигрывать такому молодому, какъ я,—онъ и позволилъ себѣ какое-то лишнее замѣчаніе; ну, а я тогда и доказалъ ему, что онъ имѣетъ дѣло съ вполне взрослымъ человѣкомъ. Второй разъ мы столкнулись съ нимъ уже гораздо позднѣе, когда судья Генри поручилъ мнѣ...

— Это былъ третій разъ,—перебила его молодая дѣвушка,—развѣ ты не помнишь?—и она покраснѣла. — Это было передъ баломъ. Трампасъ сказалъ обо мнѣ какую-то гадость, и ты заставилъ его сознаться передъ всѣми, что онъ лгунъ.

— Я позабылъ,—смущенно пробормоталъ виргинецъ.

— А я, когда узнала... это совершенно покорило меня.

— Но кто тебѣ сказалъ?

— М-съ Тэлоръ.

— Ну, да, мужчина женщинѣ такую вещь никогда не скажетъ.

— А кто же сказалъ м-съ Тэлоръ?—и Молли разсмѣялась торжествующимъ смѣхомъ.

— Ну, мужа не считаютъ;—произнесъ, улыбаясь, пойманный виргинецъ.—Значитъ, тебѣ все извѣстно; навѣрное тебѣ сообщили и про третье мое столкновеніе съ нимъ. Сегодня я въ первый разъ встрѣтилъ его послѣ осени. Онъ знаетъ, что я не могу доказать его участіе въ конокрадствѣ и что онъ убилъ Шорти, но онъ знаетъ также, что я чуть-было не поймалъ его, и этимъ очень повредилъ его дѣламъ, а поэтому можешь себѣ

представить, съ какою нѣжностью онъ ко мнѣ относится. Но еслибы мнѣ удалось дожить до двадцати лѣтъ, не имѣя ни одного врага, я считалъ бы себя неудачникомъ.

Этими словами виргинецъ закончилъ свой рассказъ, и Молли была счастлива, что онъ наконецъ откровенно заговорилъ съ нею о своихъ личныхъ дѣлахъ. Это уменьшило чувство страха, примѣшивавшееся къ ея любви.

Нѣсколько времени они ѣхали молча.

— О чемъ ты думаешь?—спросила она.

— Я рассчитываю. Часовъ остается немного, но я раздѣлил ихъ на минуты и на секунды. Остается семьдесятъ-двѣ тысячи секундъ до нашей свадьбы.

Повсюду еще горѣлъ солнечный свѣтъ, но отъ главной горной цѣпи уже начали тянуться тѣни по направленію къ городу. Стали попадаться горожане. Иные изъ нихъ были знакомые и раскланивались. Повернувъ на главную улицу города, виргинецъ и Молли были встрѣчены шумными привѣтствіями трехъ друзей: Виггина, Сципіона Лемуана и Лина Мак' Лэна. Всѣ они выразили желаніе выпить за здоровье виргинца, если только его лѣди...

— Дайте ему проводить меня до гостинницы,—ласково сказала Молли,—а потомъ онъ вернется къ вамъ, и вы можете пить за его здоровье сколько угодно.

Она проѣхала впередъ, а виргинецъ немного задержалъ свою лошадь, потому что почувствовалъ, что эта встрѣча была устроена не спроста. Сципіонъ сощурилъ свои свѣтло-голубые глаза и сказалъ то, что всѣ они собирались сказать ему:

— Не перемѣняйте платья.

Проводивъ свою невѣсту въ гостинницу, виргинецъ, какъ былъ, съ пистолетомъ за поясомъ, вернулся къ своимъ друзьямъ.

— Спасибо вамъ,—сказалъ онъ. — Онъ меня обогналъ сегодня утромъ.

— Намъ неизвѣстны его намѣренія,—замѣтилъ Виггинъ.

— Знаемъ только, что онъ бродитъ по городу, — вставилъ Мак' Лэнь.

— И дуетъ виски,—заявилъ Сципіонъ.

Они зашли въ таверну, съ ховяномъ которой были хорошо знакомы. Къ несчастью, тамъ сидѣло нѣсколько очень глупыхъ посѣтителей, но людскую глупость трудно опредѣлить по первому взгляду.

Друзья выпили за здоровье жениха, но очень умѣренно. Они стояли у прилавка взволнованные и обмѣнивались незначительными замѣчаніями. На прилавкѣ помѣщалась машина, въ кото-

рую посѣтителѣ бросали никеллированные жетоны. Медальки прыгали, ударяясь о цѣлую систему гвоздиковъ, и попадали въ одну изъ многочисленныхъ, сдѣланныхъ вверху, дыръ. Можно было выиграть подъярядъ десять ставокъ, но это рѣдко удавалось. Три друга и женихъ занялись этой игрой, покупая никеллированные жетоны, когда ихъ запасъ истощался.

— Сегодня въ городѣ появился, кажется, одинъ вашъ другъ, — сказала хозяйнѣ таверны, обращаясь къ виргинцу.

— Онъ назвалъ себя моимъ другомъ? — спросилъ южанинъ, бросая жетонъ. — Ахъ, не попалъ!

Хозяинъ разсмѣялся, а виргинецъ сталъ слѣдить за жетономъ, прыгавшимъ среди гвоздиковъ.

— Хотите, мы васъ избавимъ отъ этой обузы? — спросилъ его Виггинъ.

— Одинъ изъ насъ или мы всѣ вмѣстѣ, — подтвердилъ Линъ.

Только Сципионъ молчалъ. Онъ всѣхъ лучше зналъ виргинца. „Не перемѣняйте платья“ — въ этомъ заключалась вся помощь, которую онъ могъ оказать своему другу; остальное должны были рѣшить между собою оба заинтересованные лица, какъ это всегда дѣлается у мужчинъ. Но Виггинъ и Макъ Лэнъ были другого мнѣнія.

— Люди не каждый день вѣнчаются, — проговорилъ Линъ. — Мы выгонимъ его изъ города для тебя.

— Отъ васъ зависитъ избавиться отъ неприятности, — подержалъ его Виггинъ, — скажите только слово.

Хозяинъ тоже присоединился къ нимъ.

— Я его отправлю ночевать въ преріи, такъ у него хмель изъ головы выскочитъ. Тамъ, небось, не станетъ пустяковъ болтать.

Но виргинецъ молчалъ и продолжалъ бросать медальки.

— Подумай о ней! — тихо проговорилъ Макъ Лэнъ.

— А о комъ же я думаю? — возразилъ южанинъ. Лицо его стало мрачнымъ. — Она совсѣмъ иначе воспитана! — прошепталъ онъ, и сталъ что-то обдумывать.

Всѣ ждали. Хозяину пришла въ голову блестящая идея.

— Я исполняю должность мэра, — сказалъ онъ, — и могу посадить его въ тюрьму, пока вы не обвиняетесь и не уйдете.

— Скажите только слово! — повторилъ Виггинъ.

Глаза Сципиона встрѣтились съ глазами хозяина, и при этомъ онъ сдѣлалъ чуть замѣтное движеніе головой. Хозяинъ сдѣлалъ то же самое, и они поняли другъ друга. Дѣло зашло такъ далеко, что могло быть рѣшено только единственнымъ вѣчнымъ

способомъ. Надо было быть большимъ ничтожествомъ, чтобы прибѣгать къ закону.

— Такъ онъ про меня что-то болталъ?—спросилъ виргинецъ.

— Въ немъ виски говорило,—пояснилъ Сципионъ.

— Онъ бы задалъ стрелача, еслибы былъ въ состояннн понять свои собственные намеки,—сказалъ Макъ Лэнъ.

— Мы ихъ повторять не станемъ,—прибавилъ Виггинъ.

Посѣтителн таверны подошли послушать интересный разговоръ. Изъ числа шести зѣвакъ одинъ всегда окажется дуракомъ, а здѣсь набралось человѣкъ двадцать.

— Въ здѣшнемъ краѣ всѣ знаютъ,—началъ одинъ дуракъ, желая приобрѣсти значеніе въ глазахъ другихъ,—что вы не станете клеймить телятъ, которые не принадлежать вамъ.

Виргинецъ мрачно посмотрѣлъ на него.

— Благодарю васъ,—произнесъ онъ,—за вашу оправдательный приговоръ.

Дуракъ былъ очень польщенъ.

— Весьма радъ, что вы захватили съ собою оружіе,—продолжалъ онъ:— вы знаете, Трампасъ утверждаетъ, что еслибы стали извѣстны всѣ обстоятельства убійства Шорти...

— Освѣжитесь-ка немного,—любезно обратился къ нему хозяинъ, протягивая ему бутылку, — можетъ быть, тогда и ваши новости стануть болѣе свѣжими.

Важность дурака значительно поубавилась.

— Да вѣдь всѣ это говорятъ,—пробормоталъ онъ.—Трампасъ завелъ себѣ друзей въ городѣ.

Виргинецъ сильно нахмурился.

Итакъ, всѣ знали, что есть человѣкъ, обвиняющій его въ грабежѣ и убійствѣ, и что ему это также извѣстно. Могъ ли онъ избѣжать встрѣчи съ этимъ человѣкомъ? Самъ онъ обвиненій не слышалъ.

— Конечно,—заговорилъ опять дуракъ,—въ здѣшнемъ краѣ никто не вѣритъ Трампасу, здѣсь...

Но онъ не договорилъ. Среди посѣтителей таверны произошло движеніе, и въ комнату ввалился Трампасъ, съ необыкновенно храбрымъ видомъ, чему, главнымъ образомъ, способствовало виски. Одинъ изъ посѣтителей таверны, схватившій его за руку, очутился на полу, другіе бросились на Трампаса, чтобы отнять у него пистолеть, но онъ успѣлъ выстрѣлить, и пуля попала въ потолокъ, такъ что штукатурка посыпалась на присутствующихъ. Послышались голоса:

— Вы не смѣете говорить такихъ вещей! — такъ какъ Трампасъ выкрикивалъ злобныя ругательства.

Одинъ виргинецъ стоялъ спокойно у прилавка, и глаза многихъ были устремлены на него съ выраженіемъ глубокаго изумленія.

— Я бы и половины такихъ словъ не позволилъ себѣ сказать, — замѣтилъ одинъ посѣтитель таверны другому.

— Ваши друзья спасли вамъ жизнь! — завопилъ Трампасъ, съ прибавленіемъ площадной брани. — Я вамъ даю срокъ до солнечнаго захода, чтобы убраться изъ города.

Наступило глубокое молчаніе.

— Трампасъ, — произнесъ виргинецъ: — я не желаю съ вами связываться.

— Онъ и никогда не желалъ, — хихикнулъ Трампасъ, поворачиваясь къ присутствующимъ. — Онъ отъ меня увертывался цѣлыхъ пять лѣтъ; ну, да теперь я ему накинута арканъ на шею.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ улыбулись.

— Трампасъ, — снова произнесъ виргинецъ: — увѣрены ли вы въ значеніи вашихъ словъ?

Бутылка виски, брошенная рукою Трампаса, полетѣла черезъ комнату и разбилась объ оконную раму сзади виргинца.

— Это совершенно лишнее, — произнесъ спокойно южанинъ, — если вы не отказываетесь отъ вашихъ словъ.

— Убирайтесь вонъ изъ города съ заходомъ солнца, вотъ и все! — пробормоталъ Трампасъ и вышелъ, пошатываясь, изъ комнаты.

Виргинецъ сдѣлалъ общій поклонъ и тоже вышелъ вслѣдъ за нимъ.

— Ужасно стыдно, что ему пришлось отложить расправу! — вздохнулъ Сципионъ.

XXXV.

Виргинецъ шелъ по улицѣ совсѣмъ разстроенный.

„Я двухъ мнѣній объ одной и той же вещи“, — думалъ онъ тревожно.

А молва о случившемся уже разливалась, какъ потокъ, и бѣжала по городу, опережая его. Когда онъ приближался, всѣ замолкали и, проводивъ его глазами, начинали снова.

— Онъ что-то не очень взволнованъ, — замѣтилъ одинъ, не прочтя ничего особеннаго на лицѣ виргинца.

— Это больше взволнуетъ его невісту, — сказала другой.

— Да она не узнаетъ, пока все не будетъ кончено, — произнесъ третій.

— Да развѣ онъ ей не скажетъ? — спросилъ четвертый.

— Не думаю; совсѣмъ не дѣло женщинъ вѣриваться въ такія дѣла.

А виргинецъ все шелъ и шелъ.

„Я лучше бы согласился заболѣть, чѣмъ быть въ такой нерѣшимости“, — думалъ онъ.

А тамъ, въ гостинницѣ, его ждала невіста, одна, безъ матери, безъ родныхъ и друзей, ждала его и ничего не знала. Онъ посмотрѣлъ на западъ. Тѣнь отъ горной цѣпи все ближе надвигалась на городъ.

— Черезъ сорокъ минутъ! — произнесъ онъ громко. — Она совсѣмъ иначе воспитана, — прибавилъ онъ со вздохомъ и повернулъ назадъ. Противъ почтовой конторы ему на встрѣчу попался вайомингскій священникъ и привѣтствовалъ его. Одинокое сердце южанина забилось сильнѣе отъ теплаго, крѣпкаго пожатія дружеской руки. Священникъ замѣтилъ вдругъ появившійся влажный блескъ въ его глазахъ, какъ будто отъ подступившихъ слезъ, но слезъ не было, и виргинецъ произнесъ только:

— Радъ васъ видѣть!

Но молва о случившемся уже дошла до священника. Онъ былъ тяжело взволнованъ и прямо спросилъ:

— Чтѣ все это значить?

Виргинецъ посмотрѣлъ въ глаза священнику открытымъ взглядомъ.

— Вы столько же знаете, сколько и я. Я готовъ отвѣчать на всѣ ваши вопросы.

— Сказали вы миссъ Вудъ? — спросилъ священникъ.

Виргинецъ опустилъ глаза, и когда онъ поднималъ ихъ, то священникъ почувствовалъ острую жалость.

— Я понимаю, какъ вамъ тяжело, — произнесъ онъ, прикасаясь къ его рукѣ, какъ братъ.

— Сегодня болѣе, чѣмъ когда-либо въ моей жизни, мнѣ хотѣлось бы поступить хорошо, — выговорилъ южанинъ, съ трудомъ владыя своимъ голосомъ.

— Въ такомъ случаѣ пойдите и скажите ей все прямо.

— Чтобы только напрасно испугать ее!

— Пойдите и скажите ей прямо.

— Я думалъ, что вы будете совѣтовать мнѣ убѣжать отъ Трамаса. Вы знаете, что я не могу этого сдѣлать.

Священникъ это хорошо зналъ. Еще никогда, за все время его служенія, не приходилось ему сталкиваться съ такими обстоятельствами. Онъ зналъ, что Трампасъ олицетворялъ собою зло всей страны, что конокрады губили своимъ примѣромъ молодежь, что число ихъ все увеличивалось и они грозили спокойствію и благосостоянію цѣлой области. Сердце его было на сторонѣ виргинца. Но то, что собирался сдѣлать южанинъ, шло въ разрѣзъ съ Евангеліемъ, которое священникъ проповѣдывалъ, любилъ и по которому старался жить.

— Хотите вы знать мое искреннее мнѣніе?—спросилъ онъ, наконецъ.—На вашемъ мѣстѣ, я убѣждалъ бы отъ Трамаса.

— Ну, это не совсѣмъ-то искренно, сэ. Припомните, какъ вы вели себя во время бунта на „Бѣлой-Рѣкѣ“, въ то время, какъ другіе пасторы улетѣывали, думая только о своей личной безопасности. Проклятые трусы!

Священникъ строго остановилъ его, хотя и самъ не одобрялъ поведенія своихъ собратьевъ.

— Мы всѣ только орудія въ рукахъ Провидѣнія, — заключилъ онъ.

— Отлично!—возразилъ виргинецъ:—значить, и я, и Трампасъ—мы тоже орудія въ рукахъ Провидѣнія?

— Но въ Библии сказано: не убій!

— Для меня это ясно, сэ. Сдѣлайте это также яснымъ для Трамаса—и убійства не будетъ.

— Другъ мой,—произнесъ священникъ, вкладывая въ эти слова все свое доброе, горячее сердце,—дорогой мой, уѣзжайте изъ города на одну эту ночь! Онъ опомнится.

Виргинецъ покачалъ головой.

— Онъ не можетъ измѣнить уже сказанныхъ словъ, сэ. Вѣдь я далъ ему возможность взять ихъ назадъ. Не многіе люди вытерпѣли бы то, что я вынесъ отъ него въ тавернѣ. Отчего вы не требуете отъ него, чтобы онъ выѣхалъ изъ города?

Священникъ не нашелся, что сказать.

— Но вы все-таки помогли мнѣ,—продолжалъ виргинецъ.— Я пойду и скажу ей все прямо.

Его слова навели священника на счастливую мысль.

— До сихъ поръ ваша жизнь принадлежала вамъ одному,—сказалъ онъ,—но не забывайте, что теперь вы ее отдали жещинѣ.

— Да, я ее отдалъ ей. Но вѣдь жизнь, это—не все. Я ей дважды отдалъ бы жизнь, сто жизней, тысячу! Но я не могу

отдать ей—ни ей и никому на свѣтъ—мою... мою... Впрочемъ, словомъ, все равно, ничего не выразишь!

Виргинецъ пожалъ священнику руку и ушелъ.

— Да благословить его Богъ!—произнесъ ему вслѣдъ священникъ:—да благословить его Богъ!

Виргинецъ прошелъ въ свой номеръ въ гостинницѣ, чтобы взять пистолеть, который онъ, въ опасныхъ случаяхъ, всегда пряталъ за поясомъ, подъ рубашкой. Онъ взглянулъ въ окно. Тѣнь отъ горы подошла совсѣмъ близко, изъ сорока минутъ прошло уже пятнадцать.

„Священникъ не правъ, — подумалъ онъ: — нѣтъ никакого смысла говорить ей!“—и онъ повернулся къ выходу, но дверь отворилась, и въ комнату быстро вошла Молли.

— Боже мой!—воскликнула она и бросилась къ нему.

— Кто тебѣ сказалъ?—спросилъ онъ, привлекая ее къ себѣ.

— Не знаю. Кто-то сейчасъ пришелъ и сказалъ. Я хотѣла объять разспрашивать тебя, но удержалась. Ты такъ долго не приходилъ! Но все равно, теперь ты со мною—и все прошло!

— Я долженъ былъ предвидѣть, что какой-нибудь болванъ расскажетъ тебѣ,—произнесъ онъ съ горемъ и раздраженіемъ.

— Теперь вѣдь все прошло! Теперь ужъ все равно!—Она крѣпче обвила его руками.

— Ничто не прошло, — проговорилъ онъ тихо. — Мнѣ неприятно, что тебѣ придется ждать одной, но я надѣюсь, что это будетъ недолго.

Радость сбѣжала съ ея лица и замѣнилась выраженіемъ ужаса.

— Я сдѣлалъ все, что могъ,—продолжалъ онъ:—я позволилъ ему говорить вещи, которыя никогда никому не позволялъ и не позволю говорить. Но я все время думалъ о тебѣ, а то—убилъ бы его на мѣстѣ. Я предложилъ ему взять свои слова назадъ, два раза далъ ему эту возможность, но онъ уперся на своемъ. Теперь съ нимъ надо повончить!

— Покончить?—повторила она почти беззвучно.

— Да,—тихо отвѣчалъ онъ.

Она взялась обѣими руками за голову.

— Значить, ты хочешь... о, Боже мой!.. значить, ты...

Онъ хотѣлъ обнять ее, но она отшатнулась отъ него и остановилась у стѣны, глядя на него широко раскрытыми глазами.

— Но вѣдь ты можешь уѣхать,—заговорила она,—еще не поздно. Ты можешь избавиться отъ него, уѣхать, такъ, чтобы онъ тебя не нашелъ. Всѣ знаютъ, что ты храбрый. А я уѣду

съ тобой всюду. Въ горы, въ какой-нибудь городъ, куда хочешь. Оставимъ это ужасное мѣсто!..— Она протянула къ нему руки.— Ты не слушаешь меня?

— Я долженъ остаться здѣсь.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—повторила она, судорожно сжимая его пальцы.—Существуетъ другая жизнь, можно жить лучше, не проливая хладнокровно людскую кровь. Подумай только, что это значить! Подумай только, что придется объ этомъ вспоминать! Да вѣдь за это же вы и вѣшаете людей! Вѣдь это же убійство!

— Не называй этого такимъ именемъ!—произнесъ онъ сурово и выпустилъ ее руки.—Онъ самъ это выбралъ. Послушай,—продолжалъ виргинецъ,—ты слушаешь меня?—прибавилъ онъ, такъ какъ она глядѣла тусклымъ, тупымъ взглядомъ. Она наклонила голову.—Здѣсь я работаю. Здѣсь вся моя жизнь. И еслибъ люди здѣсь стали считать меня трусомъ...

— Кто можетъ считать тебя трусомъ?

— Всѣ. И враги, и друзья. Я не смогу жить среди лжеющихъ враговъ и друзей, которымъ будетъ за меня стыдно.

— Все можно будетъ объяснить...

— Никакихъ объясненій не существуетъ. Существуетъ фактъ,—произнесъ онъ почти гнѣвно.

— Высшая храбрость состоитъ въ томъ, чтобы не бояться чужого мнѣнія,—произнесла молодая дѣвушка. Южанинъ посмотрѣлъ на нее.

— Конечно. И я выказываю эту храбрость, не подчиняясь твоему мнѣнью.

— Но если ты увѣренъ въ своей храбрости и если я въ ней увѣрена, дорогой мой,—о, мой милый!—то какое тебѣ дѣло до цѣлага свѣта? Истинно смѣлый человѣкъ долженъ идти своимъ собственнымъ путемъ...

— Я иду своимъ собственнымъ путемъ,—перебилъ онъ ее:—если человѣкъ называетъ меня воромъ, то я не забиваюсь въ уголъ и не шепчу себѣ подъ носъ: „успокойся, ты не воръ, а честный человѣкъ!“—нѣтъ, я иду и наказываю того, кто солгалъ и оскорбилъ меня. И ты не можешь этого понять?

— Нѣтъ, не могу,—отвѣчала она глухимъ, точно не своимъ голосомъ.—Когда я услышала о казни воююградовъ, я старалась успокоить себя, говоря: „онъ долженъ былъ такъ поступить, это было исполненіе общественной обязанности“, но теперь...—она вздрогнула,—когда я подумаю о завтрашнемъ днѣ, о томъ, что ждетъ тебя и меня, и о томъ... Если ты это сдѣлаешь, то не можешь быть завтрашняго дня для тебя и меня.

При этихъ словахъ онъ сильно поблѣднѣлъ.

— Ты хочешь сказать... — началъ онъ; но продолжать не могъ. Она также не могла отвѣтить ему и отвернулась.

— Значить, это конецъ?—выговорилъ онъ съ трудомъ. Ея голова едва замѣтно наклонилась. Онъ стоялъ неподвижно, и только его рука слегка дрожала.

— Посмотри на меня и повтори еще разъ!—прошепталъ онъ, наклонясь. Она не шевелилась.—Можешь ты это сдѣлать?—спросилъ онъ.

Нѣжность его голоса заставила ее обернуться къ нему, но ихъ раздѣляло ея отчаяніе, глубокое, какъ бездна. Онъ взглянулъ въ окно. Теперь уже все было покрыто тѣнью. Голубыя горы покрылись тяжелыми лиловыми тонами. Рука его судорожно сжалась.—Тогда прощай!—сказалъ онъ.

Она бросилась къ нему и упала на колѣни.

— Ради меня,—умоляла она его,—ради меня!

Онъ весь задрожалъ, и, поднявъ голову, она увидала, что онъ закрылъ глаза отъ муки. Но скоро онъ открылъ ихъ, отстранилъ отъ себя ея руки и помогъ ей встать.

— Я не имѣю больше права поцѣловать тебя,—сказалъ онъ и вышелъ, не оглядываясь.

Сколько времени она простояла одна въ этой комнатѣ—она не знала,—быть можетъ минуту, а быть можетъ цѣлую вѣчность. Она помнила только, что услышала вдали выстрѣлъ, потомъ другой, и увидала, что мимо окна стали бѣгать люди. Она бросилась въ свою комнату и тамъ упала на полъ, закрывъ лицо руками.

Трампасъ бродилъ по городу, выйдя изъ таверны. Онъ зналъ, что всѣ его слова люди уже разнесли по городу, а къ утру разнесутъ и за городомъ, и вся исторія станетъ извѣстна въ самыхъ отдаленныхъ фермахъ и домикахъ, одиноко стоящихъ по берегамъ горныхъ рѣкъ. Къ ночи будетъ всѣмъ извѣстно и происшествіе, и конецъ его, такъ какъ къ ночи все будетъ кончено. Пять лѣтъ это тянулось, и вотъ теперь къ ночи должно было кончиться. У Трампаса и въ умѣ этого не было, когда онъ проснулся утромъ, и утро казалось ему такимъ далекимъ. Онъ вспомнилъ, какъ завтракалъ сегодня. Какъ-то онъ будетъ ужинать? Вѣдь ужинъ будетъ потомъ. А ужъ многіе и теперь сидѣли за ужиномъ, и ничего ужаснаго имъ не предстояло. Сердцу его стало холодно и больно при мысли о томъ, какъ эти люди уютно сидятъ передъ своими тарелками и чашками кофе. Онъ взглянулъ на горы, увидалъ солнце надъ ихъ вершинами и тѣнь

у ихъ подножія, и такъ близко показалось ему ушедшее утро, къ которому онъ никогда больше не вернется. Мысли его протянулись къ этому утру, какъ руки, чтобы осязать его еще разъ. Приближающейся ночи онъ не могъ видѣть, и его взглядъ и мысли съ ужасомъ отвращались отъ нея. Онъ назначилъ своему врагу срокъ до ночи. Онъ не зналъ, какимъ путемъ дошелъ до этого. Ему вспомнилась ихъ первая встрѣча въ Медисинъ-Боу и слова, породившія его ненависть. Нѣтъ, она родилась раньше словъ, въ то мгновеніе, когда впервые встрѣтились ихъ взгляды. Съ тѣхъ поръ этотъ человѣкъ не давалъ ему покоя и мѣшалъ во всемъ. Но почему именно сегодня все должно было кончиться и почему онъ избралъ именно этотъ способъ: поединокъ? Онъ зналъ множество гораздо лучшихъ способовъ. Но его собственные слова, произнесенныя при свидѣтеляхъ, прихлопнули его, какъ западня. Теперь ужъ нельзя было бѣжать, — послѣдній негодяй отвернулся бы отъ него послѣ такого поступка. Выстрѣлить первому? Но, все равно, враги не выпустятъ его послѣ этого живымъ. Онъ вышелъ на главную улицу и увидалъ издали виргинца, разговаривавшаго со священникомъ. Ненависть закипѣла въ его сердцѣ, согрѣла его и разогнала холодное чувство отчаянія. Онъ зашелъ въ таверну и выпилъ виски.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ не сталъ пить такъ много, — сказалъ ему хозяинъ. Но его нервы были такъ возбуждены, что алкоголь уже не дѣйствовалъ на него. Онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ товарищей-конокрадовъ и пошелъ вмѣстѣ съ ними.

— Ну, теперь уже не долго ждать! — сказали они ему, и никогда еще онъ не слышалъ болѣе страшныхъ словъ. Проходя мимо лавки, онъ увидалъ человѣка, стоявшаго опершись на прилавокъ, и такъ вздрогнулъ, что всѣ это замѣтили.

— Онъ такъ похожъ на Шорти, — невольно вырвалось у него, и онъ тотчасъ же пожалѣлъ, что не откусилъ себѣ въ время языкъ.

— Шорти спитъ себѣ въ горахъ, — сказалъ одинъ изъ товарищей, — и тебѣ нечего о немъ думать.

И, похлопавъ его по плечу, товарищи разошлись, а онъ остался одинъ. Онъ глядѣлъ на окружающіе предметы и не зналъ, настоящіе они или только представляются ему. Потомъ замѣтилъ, что все вокругъ померкло. Это солнце закатилось за горы. Тогда онъ медленно вытаскилъ изъ-за пояса свой пистолетъ.

Виргинецъ изъ предосторожности вышелъ не изъ главнаго подъѣзда гостинницы, а изъ задней двери, и пошелъ по боковой дорогѣ. Его увидѣли его три друга и молча издали поспѣдовали

за нимъ. Они знали, что Шорти былъ застрѣленъ сзади. Наконецъ виргинецъ остановился въ такомъ мѣстѣ, гдѣ къ нему могли подойти только спереди, и, поднявъ голову, увидалъ Трамаса. Еще мгновеніе, и Трамась лежалъ на землѣ, поднялъ одну руку и снова уронилъ ее. Отъ пистолета, зажатого въ этой рукѣ, поднимался легкій дымокъ. Виргинецъ взглянулъ на свой пистолетъ и увидалъ, что и онъ тоже дымится.

— Кажется, кончено,—пронзнесъ онъ громко, и подошелъ къ Трамасу, все еще держа пистолетъ наготовѣ, такъ какъ лежавшая на землѣ рука двигалась. Два пальца подергались и застыли. Все было кончено. Онъ не замѣтилъ, какъ его окружили друзья и стали поздравлять. Кто-то пожималъ ему руку. Это былъ Сципіонъ, весь въ слезахъ.

— Если кто-нибудь меня потребуеть, скажите, что я въ гостинницѣ,—проговорилъ виргинецъ.

— Кто можетъ васъ потребовать?—возразилъ Сципіонъ.— Мы видѣли, какъ онъ стрѣлялъ, пуля пролетѣла совсѣмъ близко отъ вашей руки,—и онъ не удержался отъ восторженнаго восклицанія:—а вы то! Сама быстрота и само хладнокровіе!

— Мы еще увидимся съ вами потомъ,—проговорилъ сумрачно виргинецъ и ушелъ.

Сципіонъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Можно подумать, что человѣку не посчастливилось,—сказалъ онъ Мае' Лэну.

Виргинецъ пошелъ въ гостинницу и остановился на порогѣ комнаты Молли. Она услышала его шаги, встала и глядѣла на него, не произнося ни слова.

— Вы должны знать,—сказалъ онъ:—я убилъ Трамаса.

— Ахъ, слава Богу!—воскликнула она и очутилась въ его объятіяхъ. Совѣсть молодой дѣвушки выдержала борьбу до конца, но все-таки должна была сдаться любви.

На слѣдующій день священникъ обвинялъ ихъ, и виргинецъ уѣхалъ со своей женою въ горы.

XXXVI.

Цѣлью своего свадебнаго путешествія виргинецъ выбралъ одинъ пустынный островъ. Онъ намѣтилъ его задолго до свадьбы и часто дѣлалъ большой крюкъ во время своихъ поѣздокъ, чтобы только побывать на своемъ любимомъ мѣстечкѣ, половить форелей подъ скалой, замыкавшей островъ, и заснуть подъ шумъ

протекавшихъ съ обѣихъ его сторонъ потоковъ. Вступивъ на островъ, онъ зналъ, что началось царство горъ. Тамъ росли первыя горныя сосны и распускались первыя горыя цвѣты. Когда послѣдніе городскіе дома остались позади, Молли стала задавать вопросы своему мужу относительно того, куда они ѣхали, увѣряя, что можетъ ѣхать сколько ему угодно. Виргинецъ, въ отвѣтъ, только кивалъ головою, и она поняла, что онъ уже что-то придумалъ. Они поднимались по берегу потока, и уже всѣ слѣды человѣческаго жилья исчезли. Проезжая дорога перешла въ горную тропинку. Но это не были еще настоящія горы, и вѣтеръ долины доносилъ до нихъ теплый запахъ прерій. Два раза потокъ исчезалъ, теряясь подъ сдвинувшимися скалами, и потомъ появлялся опять, причемъ съ важнымъ разомъ вода его становилась чище и прозрачнѣе. Нѣсколько разъ они проезжали мимо мѣстъ, вполне годныхъ для ночѣвки, съ дѣсомъ, водой и пастбищемъ для лошадей. Каждый разъ Молли думала, что вотъ сейчасъ ея мужъ остановится, но онъ ѣхалъ, не останавливаясь, впереди нея. Вдругъ онъ затянулъ поводья, указывая ей на что-то.

— Что такое?—робко спросила она.

— Сосны,—отвѣчалъ онъ.

Она взглянула и увидала островъ, охваченный съ двухъ сторонъ водою. Красноватымъ золотомъ горѣли на солнцѣ стволы сосенъ, а скала роняла тѣнь на маленькую бухту съ тихой прозрачною водою и песчанымъ берегомъ. Лужайка блестяла на солнцѣ, какъ изумрудъ; засушающее дыханіе лѣта еще не коснулось ея. Она поняла, почему онъ привезъ ее именно сюда: болѣе очаровательнаго мѣста они еще не проезжали. Они поѣхали рядомъ. На островѣ онъ снялъ ее съ сѣдла. Трепетъ охватилъ ихъ обоихъ, и она спрятала лицо у него на груди, прошептавъ слова восхищенія.

— Я такъ радъ!—сказалъ онъ, все еще держа ее въ своихъ объятіяхъ.—Я всегда мечталъ, что это будетъ именно такъ. Но только дѣйствительность лучше моей мечты.—Помолчавъ, онъ прибавилъ:—Я именно думалъ, что здѣсь мы увидимъ нашъ первый солнечный закатъ и первый солнечный восходъ.

Она хотѣла помочь ему разсѣдлать лошадей и снять вьюки, разбить палатку и разложить огонь, напоминая ему, что онъ обѣщалъ научить ее всему этому; но онъ объявилъ, что это еще успѣется и что сегодня онъ самъ позаботится обо всемъ. Онъ предложилъ ей объѣхать островъ и осмотрѣть окружающія горы. Она уѣхала, а онъ живо принялся за работу. Прежде всего раз-

ложилъ тюки и разбилъ палатку возлѣ сосенъ, такъ чтобы большія вѣтви ихъ могли служить защитой отъ вѣтра и дождя. Полъ покрылъ молодыми сосновыми вѣтками, а сверху разостлалъ буйволовою кожу и одѣяла. Въ головахъ положилъ ея красивый мѣшокъ съ равными вещами. Потомъ разложилъ огонь въ такомъ мѣстѣ, чтобъ его видно было изъ палатки, но чтобы дымъ шелъ въ противоположную отъ нея сторону. Возлѣ огня онъ разставилъ привезенную посуду и съѣстные припасы, но кромѣ того наловилъ свѣжей форели и приготовилъ ее къ ужину, когда сумерки уже начали сгущаться.

Когда она вернулась съ прогулки, то ей оставалось только сѣсть и поужинать вмѣстѣ съ нимъ.

Они долго сидѣли, любуясь послѣднимъ румянцемъ вечерней зари, и дождались той минуты, когда въ небѣ замерцала первая, большая, бѣлая вечерняя звѣзда. Вслѣдъ за нею стали высыпать другія, разгораясь все ярче въ темнотѣ. Онъ послалъ ее въ палатку, а самъ перемылъ посуду и сходилъ взглянуть, не ушли ли лошади съ пастбища, и вернулся къ ней, когда уже совершенно стемнѣло.

Палатка была открыта на востокъ, и изъ нея они любовались солнечнымъ восходомъ. Онъ такъ давно представлялъ себѣ въ мечтахъ это утро, пробужденіе пѣдъ несмолваемый лепетъ потока, зарождающійся день и блаженное чувство, что весь міръ былъ оставленъ гдѣ-то далеко, далеко. Солнце взошло и согрѣло воздухъ.

— Теперь я иду въ потокъ купаться, — сказалъ онъ: — лѣвая сторона острова моя, а правая твоя; я тебѣ вчера показывалъ.

Когда онъ ушелъ, она тоже встала и тоже пошла купаться. Когда онъ вернулся, огонь уже былъ разложенъ, и она готовила завтракъ. Она успѣла все это сдѣлать, потому что послѣ купанья онъ еще замѣшкался, не желая явиться къ ней небритый. Она побѣжала къ нему на встрѣчу, глядя въ его ясное, радостное лицо.

— Останемся здѣсь навсегда! — воскликнула она.

Послѣ завтрака они пошли вмѣстѣ ловить рыбу.

— Однако пора и собираться, если хотимъ попасть сегодня еще куда-нибудь, — сказалъ онъ.

— Но зачѣмъ же намъ куда-нибудь попадать? — возразила Молли: — развѣ можетъ быть что-нибудь лучше этого! — и она протянула руки къ острову и соснамъ.

Виргинецъ бросилъ удочку, подошелъ къ женѣ, сѣлъ съ нею рядомъ и обнялъ ее.

— Я такъ доволенъ, что мы останемся здѣсь, — прошеп-

талъ онъ:—ты такъ же относишься къ острову, какъ я. Я не надѣялся, что мы будемъ такъ любить его вдвоемъ.

Пока они сидѣли молча и неподвижно, изъ-за скалы выплылъ маленькій дикій звѣрокъ. Онъ не видѣлъ ихъ и не подозрѣвалъ объ ихъ присутствіи. Они замерли и притаили дыханіе, слѣдя за нимъ. Звѣрокъ выплылъ на песчаный берегъ, повернулъ нѣсколько разъ то въ ту, то въ другую сторону свою сѣрую головку съ острымъ чернымъ носикомъ и сталъ кататься на спинѣ по горячему сухому песку. Покатавшись, онъ всталъ на ноги, отряхнулъ свою шкурку и убралъ.

— А вѣдь я на него похожъ,—задумчиво произнесъ виргинецъ:—я часто вотъ точно такъ же катаюсь по песку послѣ купанья.—Онъ вытянулся во всю свою длину на землѣ и положилъ голову на волѣни Молли.—Еслибы я умѣлъ говорить по звѣриному, я поговорилъ бы съ этимъ звѣркомъ, и онъ сказалъ бы мнѣ: „Пойдемъ, покатаемся по песку. Какая польза въ вашихъ людскихъ волненіяхъ и мукахъ? Чтò за радость быть человѣкомъ? Пойдемъ-ка лучше, покатаемся со мною“. Вотъ чтò онъ сказалъ бы мнѣ.—Виргинецъ замолчалъ.—Но,—продолжалъ онъ, вздохнувъ,—все несчастье въ томъ, что мы отвѣтственны за нашу жизнь и поступки. Еслибы мы могли съ тобою забыть объ этомъ навсегда!.. Часто, когда я заѣзжалъ на этотъ островъ, у меня являлось желаніе слиться со всѣмъ окружающимъ, но сознавать себя отдѣльнымъ существомъ. Чтò это такое? Отчего это? Ты не знаешь; не знаю и я. Но ты понимаешь,—онъ нѣжно прикоснулся къ ея рукѣ,—и вотъ почему мы такъ себя чувствуемъ здѣсь и почему дѣйствительность еще лучше моей мечты. А моя мечта была такъ прекрасна!—Онъ еще больше вытянулся, желая быть еще ближе къ землѣ, и продолжалъ говорить такъ, какъ еще никогда никому не говорилъ. Она глядѣла на него, и не могла достаточно надивиться происшедшей въ немъ перемѣнѣ. Неужели этотъ мечтательный юноша былъ тотъ самый человѣкъ, съ которымъ она подѣзжала къ городу два дня тому назадъ? Мрачный, неумолимый человѣкъ, отъ котораго она отшатнулась съ такимъ ужасомъ? Неужели этотъ черноволосый мальчишъ, положившій голову къ ней на волѣни, зналъ, что значить убивать? Сегодня ему казалось на видъ не болѣе девятнадцати лѣтъ. Онъ имѣлъ болѣе юный видъ, чѣмъ въ день ихъ первой встрѣчи. Эту перемѣну принесли ему часы, проведенные съ нею на островѣ. Эти часы придали такое невинно-чистое выраженіе его лицу.

Они пробыли на островѣ шесть дней. Послѣ полудня третьяго

дни надъ островомъ разразилась страшная гроза, но они были отлично защищены и отъ вѣтра, и отъ дождя въ своей палаткѣ и выглядывали изъ нея на сверкавшія молніи. Вдругъ Молли замѣтила опасеніе въ лицѣ мужа и поспѣшила отвѣтить на его взглядъ:

— Я не боюсь. Еслибы огонь сжегъ насъ обоихъ въ эту минуту,—что же изъ этого!

Совершивъ поѣздку въ горы, они, прежде чѣмъ вернуться въ городъ, еще разъ заѣхали на островъ и провели на немъ послѣднюю ночь. Они, какъ дѣти, общались другъ другу прѣзжать сюда каждый годъ, чтобы проводить на островѣ день своей свадьбы. Каждый годъ имъ не удавалось это дѣлать, но все-таки они прѣзжали вѣскольکو разъ именно въ этотъ день на островъ, и каждый разъ могли сказать себѣ:

— Это лучше, чѣмъ моя мечта.

Тридцать дней провели они въ полномъ одиночествѣ въ горахъ, не видя ни одинаго человѣческаго лица. Иногда имъ попадались олени и другіе звѣри. Разъ они увидали даже медвѣдя, но Молли не позволила мужу стрѣлять въ него. Ничто не нарушало ихъ счастья. Иногда Молли слышала, какъ мужъ ея въ минуты восторга шепталъ:

— Я хотѣлъ бы умереть,—такая смерть была бы блаженствомъ.

Но она уже дала ему доказательство своей любви болѣе сильное, чѣмъ эти слова. Въ самую роковую минуту своей жизни она подчинила ему свою совѣсть, пожертвовала для него своею душою. Объ этой роковой минутѣ они все еще не рѣшались говорить другъ съ другомъ, но виргинецъ въ первый разъ въ своей жизни отрывалъ свою душу женщины, и эти откровенныя бесѣды все болѣе и болѣе сближали ихъ.

Имъ было безумно жаль покинуть горы, но насталъ наконецъ день, когда нужно было вернуться въ долины и ѣхать въ Вермонтъ.

— Еслибы ты только могъ,—сказала она, смѣясь,—поѣхать къ моимъ роднымъ въ такомъ видѣ!

— Верхомъ на Монте и съ шестиствольнымъ пистолетомъ?—спросилъ онъ:—это къ твоей-то матери?

— Я думаю, мама не устояла бы, увидавъ тебя на лошади.

— Но она именно и боится, что я явлюсь въ такомъ видѣ.

Когда онъ явился къ ней въ костюмѣ, приготовленномъ для поѣздки къ родственникамъ, она въ восторгѣ расцѣловала его.

— Теперь ты убѣдилась, что можешь вполне довѣрять мнѣ, — произнесъ онъ съ напускною важностью.

— Какъ ты могъ догадаться, что именно такая пара изъ толстаго сукна всего больше пойдетъ къ тебѣ?

— А мнѣ очень понравился нью-іоркскій костюмъ м-ра Огдена; ты помнишь этого господина, который пріѣзжалъ къ судѣ Генри? Когда я собрался жениться, то послалъ заказъ его портному.

Въ Беннингтонѣ всѣ были разочарованы.

Одѣтъ виргинецъ былъ прекрасно и говорилъ такъ, какъ дай Богъ всякому. М-съ Флинтъ старалась излить свою досаду, выражая повсюду шумную радость по поводу того, что Самъ Баннеттъ женился на богатой дѣвушкѣ и вполне счастливъ. Кромѣ м-съ Флинтъ, всѣ отдали виргинцу должную справедливость и одобрили выборъ Молли. М-съ Вудъ робко бесѣдовала съ своимъ новымъ зятемъ и признавалась дочери, что она поражена его приличными манерами и мягкостью обращенія. Даже Сара старалась быть любезной, а мужъ ея прямо объявилъ Молли, что ей очень посчастливилось. Всѣ были милы, насколько умѣли, и поэтому легко себѣ представить, какая райская атмосфера царилъ въ домѣ.

Изъ Беннингтона молодые поѣхали къ двоюродной бабушкѣ въ Дунбартонъ. Тамъ ихъ ждалъ самый радушный приемъ. Старушка была въ саду и срѣзала августовскіе цвѣты, когда они пріѣхали. Услышавъ стукъ подѣхавшаго экипажа, она закричала:

— Прежде, чѣмъ идти въ домъ, приведи сюда моего племянника, моя дорогая!

Молли схватила руку своего мужа и прошептала:

— Я знала, что она будетъ очаровательна съ нами.

И она побѣжала и бросилась въ объятія бабушки, а за нею медленно шелъ виргинецъ, со шляпой въ рукахъ.

Старая лэди пошла ему на встрѣчу, протягивая слегка дрожащую руку.

— Добро пожаловать, племянникъ! — сказала она. — Ну и высокая же вы, нечего сказать! Повернитесь-ка сюда, сэръ, дайте на васъ посмотрѣть!

Виргинецъ повиновался, покраснѣвъ до ушей.

А его новая родственница повернулась къ его женѣ и дала ей цвѣтокъ, прибавивъ:

— Продѣнь его ему въ петличку, дорогая моя... Признаюсь

тебѣ, я теперь отлично понимаю, почему ты выбрала его себѣ въ мужа!

Потомъ старая лэди повела ихъ въ домъ, показала имъ ихъ комнату и вернулась въ садъ, гдѣ должна была сѣсть на скамью, — такъ ослабило ее радостное волненіе. А Молли, сидя на колѣняхъ мужа, продѣвала ему цѣпоть въ петличку и потомъ положила голову въ нему на плечо.

— Я не зналъ, что могутъ быть такія старыя лэди, — сказалъ онъ. — И какъ ты думаешь, — много такихъ?

— Ахъ, право, не знаю, — отвѣчала Молли: — только я такъ счастлива!

Вечеромъ, отправивъ Молли спать, старушка еще долго бесѣдовала съ виргинцемъ объ ихъ будущемъ. Южанинъ сообщилъ ей, что уже давно предвидѣлъ упадокъ скотопромышленности въ своемъ краѣ и готовился къ новому дѣлу.

— Когда я выбиралъ себѣ участокъ земли, — сказалъ онъ, — то старался найти такой, гдѣ было бы много каменнаго угля. Теперь повсюду пройдутъ новыя вѣтви желѣзныхъ дорогъ и явится большой спросъ на уголь.

Виргинецъ совсѣмъ забылъ о своей застѣнчивости и говорилъ, увлекаясь и съ жаромъ, о своей любимой странѣ и о любимой женщинѣ, съ которой жизнь представлялась ему яркой, осмысленной и свѣтлой.

Время, проведенное въ Дунбартонѣ, промелькнуло какъ одинъ счастливый день.

— Да благословить васъ Богъ, мои дорогіе, — сказала старая лэди, прощаясь съ племянницей и племянникомъ и пожимая имъ руки: — когда вы приѣдете въ слѣдующій разъ, я приготовлю дѣтскую.

Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ покинуть землю, старушкѣ удалось помянуть перваго ребенка виргинца и Молли.

Судья Генри приготовилъ для молодыхъ свой свадебный подарокъ: дѣла его въ Вайомингѣ такъ расширились, что онъ не могъ самъ всюду поспѣвать, и сдѣлалъ виргинца своимъ компаніономъ. Когда количество конокрадовъ и грабителей въ странѣ превзошло количество мирныхъ фермеровъ и послѣдніе должны были или выселяться, или разориться, виргинецъ, предвидѣвшій эту катастрофу, заблаговременно угналъ всѣ свои стада въ Монтану. Потомъ, въ 1892 году, началась война. Грабители сначала захватили всю власть въ свои руки, но сами погибли отъ своего мятежа, потому что въ опустошенной странѣ нечего было грабить.

Но явилась желѣзная дорога, и одна вѣтка прошла мимо

участва виргинца, гдѣ было много угля. Къ тому времени онъ уже сдѣлался значительнымъ лицомъ въ странѣ, участникомъ многихъ важныхъ предпріятій, и могъ доставлять своей женѣ все, чего только она хотѣла, и даже болѣе. Ея счастье иногда только отравляется страхомъ, что слишкомъ усиленная работа убьетъ ея мужа, но, кажется, это страхъ совершенно неосновательный. Ихъ старшій сынъ ѣздитъ верхомъ на Монте, и, между нами говоря, я думаю, что отецъ его проживетъ еще очень долго.

Съ англ. П—на С—ва.

НА ВЫСОТАХЪ КАВКАЗА

ПУТЬЕВЫЯ ЗАМѢТКИ И НАБЛЮДЕНІЯ.

I.

Кто былъ въ Крыму или на Кавказѣ, тотъ испыталъ, несомнѣнно, томительность переѣзда по однообразнымъ степямъ, тянущимся отъ Курска до самаго подножія Крымскихъ и Кавказскихъ горъ. По владикавказской желѣзной дорогѣ невыносимо скучная степь эта немного разнообразится, начиная отъ Таганрога, видомъ Азовскаго моря и р. Дона; затѣмъ, между станціями Кавказскою и Невинномыскою—видами р. Кубани, а близъ станціи Минеральныя-Воды показываются, наконецъ, горы, причемъ особенно хорошо видны уединенныя отъ общаго хребта вершины Пятигорскаго округа: Зміевая, Бештау, Машукъ и т. д. За Минеральными-Водами владикавказская желѣзная дорога проходитъ черезъ большія горныя рѣки: Куму, Малку и—у самой станціи Котляревской—Терекъ.

Эта послѣдняя станція и была моимъ конечнымъ пунктомъ: отъ нея мнѣ надо было проѣхать 46—47 верстъ на лошадакъ въ древнюю столицу Большой Кабарды, а нынѣ слободу Терской области—*Нальчикъ*.

Въ словарѣ Брокгауза и Ефрона разстояніе до Нальчика (50 верстъ) показано отъ предшествующей станціи Котляревской—Прохладной, но теперъ, насколько мнѣ извѣстно, отъ

Прокладной нити не ѣздить, потому что отъ нея до Нальчика и дальше, и дорога хуже; отъ Котляревской же имѣется, хотя и плохое, выложенное щебнемъ шоссе, а черезъ рѣки существуютъ мосты, вслѣдствіе чего проѣздъ, за рѣдкими исключеніями, всегда обезпеченъ, что на Кавказѣ случается не часто: стоить въ горахъ пройти хорошему дождю, или въ сильные жары усилится таяніе снѣговъ и льдовъ на вершинахъ, или загромоздить гдѣ-либо воду обвалъ, и мельчайшіе ручьи, не говоря о рѣкахъ, представляютъ въ такихъ случаяхъ непреодолимые препятствія ¹⁾.

Но если отъ Котляревской путь удобнѣе, то сама станція не представляетъ ровно никакихъ удобствъ. На ней вы можете получить лишь сомнительнаго качества чай съ черствымъ хлѣбомъ и больше, пожалуй, ничего. А между тѣмъ здѣсь сходятъ сотни пассажировъ, и, казалось бы, прямой матеріальный расчетъ—имѣть сносный буфетъ или близъ станціи завести торговлю необходимыми продуктами. Такъ, вотъ, подите же—не хватаетъ и на это предприимчивости!

Невольно припоминялся мнѣ при этомъ Западъ: что бы сдѣлали здѣсь швейцарцы, нѣмцы, англичане! И напоили бы, и накормили, и снабдили бы всевозможными литературными свѣдѣніями, и фотографіями, не говоря уже, конечно, объ устройствѣ удобныхъ путей сообщенія ²⁾. А изъ Котляревской вы не всегда можете скоро уѣхать и совершенно не знаете, сколько придется уплатить за проѣздъ до Нальчика. Всякій отправляющійся въ эту слободу считается „курсовымъ“, т.-е., ѣдущимъ лечиться, а „курсовые“, по мнѣнію и извозчиковъ, и всего населенія, обладаютъ большими средствами. Поэтому съ васъ заламываютъ очень чувствительную сумму, и чтобы не платить ея,

¹⁾ Такъ, въ августѣ 1902 года, по неизвѣстнымъ причинамъ, вышла изъ береговъ р. Урвань, идущая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ параллельно дорогѣ отъ Котляревской до Нальчика, и чуть-было не прервала сообщенія, несмотря на существованіе шоссе и мостовъ.

²⁾ Не странно ли, что въ западно-европейской литературѣ (напримѣръ, у Бедкера) существуютъ весьма подробныя свѣдѣнія о Нальчикскомъ округѣ, куда ежегодно пріѣзжаютъ европейскіе альпинисты, чтобы пробраться къ высочайшимъ вершинамъ округа, превосходящимъ не только вершины Европы, но Африки и Западной Азіи, а у насъ имѣются лишь темные слухи объ этомъ интереснѣйшемъ уголкѣ во всемъ Кавказѣ. Что касается путей сообщенія, то, несомнѣнно, европейцы утилизовали бы, для добыванія электрической силы, невѣроятно мощную, неизсякаемую силу горныхъ рѣкъ, какъ Баксанъ, Черекъ, Урвань и др., протекающія въ самомъ недалекомъ разстояніи отъ станціи Котляревской и пересѣкающія много разъ дорогу въ Нальчикъ. Сколько этой водной силы гибнетъ на Кавказѣ!

надо запастись стойкостью и торговаться или ѣхать на почтовыхъ, что обходится около четырехъ рублей.

Мнѣ, однако, повезло, такъ какъ на станціи были и частные ящики, и почтовые обратныя лошади, и два пассажира. Съ послѣдними я и уѣхалъ, нанявъ рессорный экипажъ за шесть рублей, т.-е. по два рубля съ человѣка.

Чудное іюльское утро заставило забыть всё вагонныя и станціонныя испытанія, и я всецѣло предался созерцанію природы Предкавказья. Очень скоро вдали, на горизонтѣ степи, въ безоблачномъ голубомъ небѣ ясно вырисовалась громадная цѣпь снѣжныхъ вершинъ на протяженіи отъ Казбека до Эльбруса. Не мало пришлось мнѣ видѣть горъ: былъ я и въ Крыму, и въ Алтайскихъ горахъ, и въ Саянскихъ, и въ швейцарскихъ Альпахъ, но все-же кавказскіе великаны сразу произвели на меня сильное, неотразимое впечатлѣніе.

Къ сожалѣнію, скоро облака окутали ихъ и скрыли съ глазъ. Тогда пришлось ограничить свои впечатлѣнія дорогою. Шла она все еще степью, но это была уже не ровная донская степь, а конецъ южнаго Предкавказья. Волнистая, съ перелѣсками, она поднималась все выше и выше къ темнѣвшимъ впереди горамъ, пересѣкая рѣки: Черекъ (по мѣстному Чурѣкъ), Урвань и Шалуху.

По берегамъ этихъ рѣкъ и на перекресткахъ дорогъ попадалось немало каменныхъ прямоугольныхъ памятниковъ, увѣнчанныхъ чалмами и съ арабскою надписью изъ корана. По сторонамъ, въ степи разбросаны были курганы разныхъ окружностей и высотъ, то одинокихъ, то по нѣскольку въ одномъ мѣстѣ. Относительно каменныхъ столбиковъ ящики объяснилъ, что, будто бы, они ставятся надъ убитыми туземцами. Если это вѣрно, то по истинѣ ужасающее количество совершается здѣсь убійствъ, чему, вѣроятно, способствуетъ господствующая еще во всей силѣ родовая месть. Что касается кургановъ, то нѣкоторые изъ нихъ насыпаны надъ могилами погибшихъ во время кровопролитныхъ кавказскихъ войнъ, а часть, несомнѣнно, относится къ древнѣйшимъ временамъ, доказательствомъ чему служатъ и раскопки, и исторія Кавказа ¹⁾. Съ незапамятныхъ временъ пре-

¹⁾ Можно указать на курганы въ Кубанской области,—раскопанные известнымъ археологомъ Н. И. Веселовскимъ,—происхожденіе которыхъ относится къ II—III в. по Р. X. Въ Терской области интересныя данныя добыты членомъ археологическаго института поручикомъ В. Р. Апухтинымъ, производившимъ раскопки въ Пятигорскомъ округѣ и въ Нальчикскомъ по р. Баксану. Но много еще неразсѣдованныхъ памятниковъ хранится на Кавказѣ вообще и въ Нальчикскомъ округѣ въ частности.

лестная страна эта привлекала многіе народы и нерѣдко служила, такъ сказать, вапканомъ для разъ попавшихъ въ кавказскія горы. Необъятныя степи, предшествующія Кавказу, служили когда-то главною дорогою для дикихъ ордъ изъ Азій въ Европу. На этихъ степяхъ одни народы вытѣснили другихъ, и тѣ изъ нихъ, которые должны были спасаться на Кавказѣ, уже не имѣли выхода, запертые тремя морями и высочайшими горами. И вотъ, вся эта кровавая исторія Кавказа зарыта въ этихъ курганатъ и ждетъ еще своихъ историковъ.

На половинѣ дороги, въ небольшой деревушкѣ ямщикъ имѣлъ лошадей у переселенца изъ курской губерніи. Переселенецъ этотъ, какъ и всѣ другіе, жилъ въ грязной, кривой, кривой соломою избушкѣ. Онъ разсказалъ, что въ деревушкѣ живутъ переселенцы изъ курской и тамбовской губерній, а на вопросъ о причинѣ бѣдности, изложилъ длинную и запутанную исторію о вавомъ-то надувательствѣ при покупкѣ земли. Словомъ, пришлось услышать старую, знаемую, тяжелую пѣсню, которая несется изъ всѣхъ переселенческихъ пунктовъ отъ холодной Сибири до жаркаго Кавказа.

Чѣмъ дальше, тѣмъ виднѣе дѣлались лѣсистыя горы, у подножія которыхъ и пріютился Нальчикъ.

Слобода эта произвела на меня, какъ и на всѣхъ пріѣзжающихъ, впечатлѣніе далеко не отрадное. Это не то село, не то заброшенный уѣздный городишко. Въ немъ довольно грязно, пыльно; постройки неказисты; количество населенія не превышаетъ трехъ съ половиною тысячъ, причемъ подавляющее большинство—до 3.000—туземцы-магометане, главнымъ образомъ, кабардинцы. Не-туземное населеніе Нальчика—сборное. Коренные жители изъ русскихъ,—вѣроятно, потомки солдатъ-завоевателей Кавказа. Лѣтъ 80—85 тому назадъ, въ Нальчикѣ было укрѣпленіе, превращенное затѣмъ въ гауптвахту. Прежде коренныхъ жителей изъ русскихъ и были защитниками этого укрѣпленія, а впоследствии, по замиреніи края, получили здѣсь земли. Помимо этого, имѣются въ Нальчикѣ переселенцы изъ разныхъ мѣстъ Россіи, которые правомъ собственности на землю не пользуются, а живутъ на арендуемыхъ участкахъ. Близъ слободы расположена еврейская колонія, а верстахъ въ трехъ отъ нея—нѣмецкая, населенная выходцами изъ саратовскихъ колоній. Нѣмцы, какъ, конечно, самая культурная часть населенія, снабжаютъ Нальчикъ лучшими фруктами и молочными продуктами.

Для прогулокъ въ слободѣ имѣется два большихъ бульвара, и за слободою—такъ называемый „Атажукинскій“ садъ. Есть

общественный клубъ съ небольшою при немъ библиотекою для членовъ. Имѣется горное низшее училище съ метеорологическою станціею при немъ ¹⁾, и, кромѣ того—мужская и двѣ женскія начальныя школы. Есть церковь, синагога, окружное управленіе, нѣсколько неприглядныхъ магазиновъ, но больницъ, кажется, нѣтъ ни одной ²⁾. Почта приходитъ три раза въ недѣлю: во вторникъ, четвергъ и субботу, а отходить: въ понедѣльникъ и пятницу.

Было бы, однако, слишкомъ поспѣшно на основаніи первыхъ впечатлѣній разочаровываться въ Нальчикъ, что, къ сожалѣнію, случается съ весьма многими „курсовыми“, особенно если они прѣвращаютъ въ ненастную погоду.

Прежде всего, здѣсь все очень дешево, что на курортахъ встрѣчается болѣе чѣмъ рѣдко. Вы можете, напримѣръ, имѣть сносный обѣдъ отъ 9 до 12 руб. въ мѣсяцъ, нанять квартиру отъ 3 до 20 руб. Конечно, большинство квартиръ этихъ болѣе чѣмъ примитивны по своимъ удобствамъ, но жить, какъ говорится, можно, да и не для квартиръ же ѣхать на Кавказъ! Климатъ въ Нальчикѣ превосходный; въ слободѣ,—особенно въ части ея, называемой „Астраханскою“,—немало садовъ, отличные виды на снѣжныя горы и довольно сносное купанье въ горной рѣчкѣ, Нальчикѣ, вытекающей не изъ снѣжныхъ вершинъ, а потому вода въ ней вообще, сравнительно, не холодная, а часто нагрѣвается до высокихъ температуръ ³⁾. А такихъ горныхъ рѣчекъ наберется на Сѣверномъ Кавказѣ, во всякомъ случаѣ, немало.

Впрочемъ, лично я поселился не въ Нальчикѣ, а на такъ называемомъ „Долинскомъ хуторѣ“, расположенномъ въ двухъ, много въ трехъ верстахъ на югъ отъ слободы, хотя ямщики,

¹⁾ Это, насколько намъ извѣстно, единственная метеорологическая станція на весь округъ! Между тѣмъ крайняя гористость округа обуславливаетъ разнообразіе въ высотахъ надъ уровнемъ моря и обособляетъ многія мѣстности въ совершенно самостоятельныя климатическія пункты. Нужно ли говорить, что такія естественныя условія округа требуютъ широкаго развитія метеорологической сѣти, чтобы хотя сколько-нибудь ориентироваться въ атмосферическихъ явленіяхъ. За отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ, горные жители предугадываютъ погоду по горамъ: если изъ ущелій ночью дуетъ снѣжій и сильный вѣтеръ—ожидается хорошая погода. Къ слову сказать, горные вѣтры болѣею частью дуютъ ночью и сильно понижаютъ температуру.

²⁾ На весь округъ имѣется, кажется, всего одинъ врачъ, да еще одинъ военный. Оба они проживаютъ въ Нальчикѣ. Есть, впрочемъ, еще фельдшера и повивальныя бабы.

³⁾ Одно неудобство: при дождяхъ вода въ Нальчикѣ дѣлается мутною и даже грязною.

желая „сорвать“ съ „курсового“, утверждаютъ, что разстояніе до хутора—10, 15 и даже 25 верстъ!

На этомъ хуторѣ долина рч. Нальчика окружена лѣсистыми темно-зелеными горами; за ними, на югѣ, высятся громадныя скалы, а за скалами отчетливо видны снѣжныя вершины великановъ Коштанъ-Тау и Дыхъ-Тау. Съ юго-западныхъ холмовъ, въ хорошую, ясную погоду, особенно раннимъ утромъ и при закатѣ солнца, бываетъ видна, въ юго-восточномъ направленіи, громадная снѣжная цѣпь, заканчивающаяся Казбекомъ.

Такое изобиліе разнообразнѣйшихъ горъ является причиною постоянной смѣны чудныхъ картинъ. Въ различные часы дня, въ зависимости отъ того или иного освѣщенія, всѣ эти горы, скалы и снѣжныя вершины мѣняютъ свой видъ до неузнаваемости.

При безоблачномъ небѣ, утромъ, онѣ имѣютъ ясныя и рѣзкія очертанія. Словно выточенные, бѣлѣютъ въ небесахъ пирамиды снѣжныхъ гигантовъ изъ-за голыхъ, розоватыхъ скалъ; ниже послѣднихъ бирювою отливаютъ горныя пастбища, а еще ниже—темнѣютъ, подернутыя голубою дымкою, лѣсистыя горы. Къ полудню, и снѣжныя вершины, и скалы прячутся въ тучи, такъ что кто не видалъ ихъ до этого—ни за что не повѣритъ, что онѣ существуютъ. Къ вечеру облака разсѣиваются, и опять за зелеными горами показываются громады, но уже въ иномъ видѣ, чѣмъ утромъ. Случалось, что, лежа на зеленомъ луку, подъ тѣнью разлѣсистыхъ дикихъ грушъ, и слушая шумъ Нальчика, я цѣлыми часами не отрывалъ взора отъ горъ, дававшихъ одну за другою все новыя и новыя картины, словно въ калейдоскопѣ.

А какъ прелестны здѣсь лунныя ночи!

Окрестности хутора также заслуживаютъ вниманія. Здѣсь вы встрѣтите и поля, засѣянные хлѣбными растеніями, и пастбища, и роскошнѣйшіе луга, и темныя лѣса, и веселыя горныя рѣчки.

Послѣ всего сказаннаго нельзя не выразить удивленія, что мнѣ не удалось добыть фотографическихъ снимковъ ни Нальчика, ни его окрестностей. Наши фотографы, включая и любителей, идутъ лишь по протореннымъ дорогамъ,—сидятъ „въ извѣстныхъ“ только курортахъ и снимаютъ общеизвѣстные виды. У нихъ вовсе нѣтъ стремленія къ изученію страны, какъ это дѣлаютъ ихъ западно-европейскіе коллеги. Я съ товарищемъ-литераторомъ предлагалъ заѣзжему въ Нальчикъ фотографу заняться снимками чудныхъ видовъ Нальчикскаго округа, но этотъ

„художникъ“, ссылаясь на то, что „видовъ не покупаютъ“, ограничивался изображеніемъ нальчикскихъ обывателей.

Заслуживаетъ удивленія и то обстоятельство, что въ прекраснѣйшемъ уголкѣ, каковъ „Долинскій хуторъ“, негдѣ жить. Здѣсь имѣется всего-на-всего два домика: одинъ Е. П. Долннскою, которая любезно пріютила меня у себя, и другой—г. Мовчановскаго, гдѣ совершенно случайно нашелъ себѣ помѣщеніе товарищъ-литераторъ съ семействомъ. А между тѣмъ желающихъ жить на хуторѣ было и будетъ цѣлое множество, и, конечно, не понесли бы убытковъ лица, которые построили бы здѣсь дачи.

Но какъ ни хорошо на хуторѣ, все-же истинное ознакомленіе съ кавказскою природою могутъ дать только путешествія по Нальчикскому округу.

Послѣдній, расположенный въ юго-западной части Терской области, представляетъ одно изъ интереснѣйшихъ мѣстъ не только сѣвернаго, а вообще всего Кавказа.

Если вы посмотрите на карту трехверстнаго масштаба, то увидите, что Нальчикскій округъ, особенно южная часть его, заполненъ высочайшими горами, которыя сгруппированы на пространствахъ не болѣе двадцати верстъ. Среди нихъ вы встрѣчаете: первую по величинѣ гору на Кавказѣ—Эльбрусъ (5 верстъ 150 сажень), вторую—Дыхъ-Тау (4 версты 436 саж.), третью—Шхора (4 версты 434 саж.) и четвертую по величинѣ гору на всемъ Кавказѣ—Коптанъ-Тау (4 версты 411 саж.). Не говоря объ Эльбрусѣ, всѣ эти горы и еще Джангы-Тау (4 версты 379 саж.) больше Казбека, возвышающагося на 4 версты 364 сажени надъ уровнемъ моря. Мы еще не упомянули о Катинъ-Тау (4 версты 328 саж.), немногимъ уступающей Казбеку.

Эти гиганты являются величайшими вершинами не только на Кавказѣ: высочайшая гора Европы Монъ-Бланъ имѣетъ высоты всего 4 версты 270 саж.; величайшая вершина Африки, въ „Лунныхъ-Горахъ“, Руензори, возвышается на 4 версты 321 сажень. Что же касается Эльбруса, то онъ конкурируетъ еще и съ вершинами Западной Азіи: его однофамилецъ, тоже Эльбрусъ, съ вулканомъ Демавендъ, высящійся на восточномъ берегу Каспійскаго моря и считающійся первою вершиною въ Западной Азіи, на 18 сажень ниже кавказскаго Эльбруса, именно азіатскій Эльбрусъ имѣетъ 5 верстъ 132 саж. высоты.

Съ выше перечисленныхъ горъ Нальчикскаго округа и ихъ отроговъ спускаются величайшіе ледники Кавказа, какъ Би-

зинги (длина 15 верстъ; спускается съ горы Шхора), Дыръ-Су (15 верстъ), Адыль, Агштанъ, Азау и мн. др.

Понятно, что такое скопленіе снѣговъ и льдовъ является причиною зарожденія множества горныхъ рѣкъ, рѣчекъ, каскадовъ, водопадовъ и т. п. И мы встрѣчаемъ въ Нальчикскомъ округѣ такія значительныя рѣки, какъ Малга (притокъ Терека), Черекъ (притокъ Малги), Баксанъ (притокъ Череха), Чегемъ (притокъ Баксана), Урванъ; или быстрѣйшія на всемъ Кавказѣ—Адыль, Дыхъ-Су и т. п.

Прибавьте въ этимъ горамъ богатѣйшую и разнообразнѣйшую растительность, и не нужно большого воображенія, чтобы представить всю прелесть, все величіе Нальчикскаго округа ¹⁾.

И всѣмъ этимъ можно легко и, сравнительно, удобно, вдоволь налюбоваться, совершивъ изъ Нальчика двѣ поѣздки: въ Балкарію или, другими словами, въ истокамъ р. Череха, берущаго начало въ ледникахъ Дыхъ-Тау и Коштанъ-Тау, и въ Урусбиевскій аулъ, или, иначе, въ истокамъ р. Баксана, вытекающаго изъ самого Эльбруса.

Я совершилъ обѣ поѣздки и опишу ихъ, чтобы вызвать подражателей этихъ интереснѣйшихъ и очень дешевыхъ путешествій.

Первая поѣздка была въ Балкарію.

Получила она свое названіе отъ народности, ее населяющей—балкарцевъ. Въ Нальчикскомъ округѣ насчитывается пятьдесятъ—четыре степныхъ кабардинскихъ обществъ и пять обществъ горныхъ. Изъ послѣднихъ, живущіе въ истокахъ Баксана называются урусбиевцами, въ истокахъ Чегема—чегемцами, а обитающіе въ истокахъ Череха—бизингинцами, хуламцами и балкарцами.

Относительно происхожденія горныхъ жителей Нальчикскаго округа существуютъ весьма сбивчивыя данныя. Такъ, одни считаютъ ихъ кабардинцами ²⁾, но большинство причисляетъ нальчикскихъ горцевъ вообще и балкарцевъ въ частности къ мон-

¹⁾ Какъ во всѣхъ горныхъ странахъ, растительность Нальчикскаго округа распределена полосами. Предгорья и горы до извѣстныхъ высотъ покрыты дубомъ, кленомъ, ясенемъ, букомъ, ольхою, осиною, а изъ плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ—дикія яблони, груши, кизиль, барбарисъ, малина, крыжовникъ, виноградъ, агача; выше этого пояса преобладаетъ букъ; еще выше—сосна, береза, можжевельникъ, рабина, рододендроны. Дальше идутъ горные луга съ чрезвычайно разнообразными и красивыми цвѣтами и травами, какъ-то: клеверъ, анемонъ, горныя лиліи, колокольчики, орхисы. Луга въ долинахъ также роскошны, съ громадною сочною травою и множествомъ цвѣтовъ.

²⁾ См. Словарь Брокгауза и Ефрона, полут. 4, „Балкарія“.

гольскому племени ¹⁾. Г. Надеждинъ, между прочимъ, говоритъ: „языкъ этихъ горцевъ весьма близокъ къ кумыскому и карачевскому. Они образуютъ какъ бы островокъ среди другихъ национальностей, чуждыхъ имъ по языку и племени (кабардинцевъ, осетинъ и сванетовъ)“ ²⁾. Профессоръ В. С. Миллеръ также указываетъ на рѣзко выделяющіеся здѣсь два типа ³⁾: „Одинъ, напоминающій монгольскій, хотя и съ значительно сглаженными чертами этого типа; другой типъ арийскій, напоминающій всего болѣе осетинскій ⁴⁾. Цѣлый рядъ топографическихъ названій указываетъ на то, что татары-горцы застали въ этихъ мѣстахъ осетинское населеніе, исповѣдывавшее христіанскую религію (незначительные остатки христіанскихъ древностей можно встрѣтить здѣсь и теперь). Горцы-татары рядомъ со своимъ счетомъ сохранили осетинскую систему счета—парами, лишь слегка измѣнивъ осетинскія слова. О культурномъ вліяніи осетинъ на татаръ, бывшихъ, впрочемъ, еще кочевниками, можно судить по проникнувшимъ въ татарскій языкъ осетинскимъ терминамъ для земледѣлія и болѣе разумнаго скотоводства“.

Таковы данныя о балкарцахъ.

Свѣдѣнія о Балкаріи точно также разнорѣчивы. Но объ этомъ мы будемъ говорить въ соответствующихъ мѣстахъ описанія нашей поѣздки.

Выѣхавъ я изъ Нальчика 21 іюля текущаго года въ сообществѣ двухъ молодыхъ дѣвушекъ и студента. Молодая, веселая компанія эта очень способствовала хорошему настроенію, что весьма важно въ дорогѣ. Посчастливилось мнѣ также и въ ящикахъ: насъ повезъ отличный человекъ — Николай Федотовичъ Зайченко. Самъ онъ уроженецъ екатеринославской губерніи, но давно уже живетъ съ семействомъ въ Нальчикѣ, въ собственномъ домѣ, въ той части слободы, которая называется „Астраханкою“ ⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, полут. 26, „Кавказскій край“.

²⁾ „Кавказскій край“, второе изд. Тула, 1895 г.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Кабардинцевъ и осетинъ нѣкоторые считаютъ потомками алановъ, принадлежащихъ къ скинскому племени, которое причисляютъ къ арийцамъ. Эти аланы обитали сначала на Кавказѣ, а затѣмъ распространили свои владѣнія до р. Дона. Въ 375 году, въ союзъ съ гуннами, они разгромили царство остготскаго короля Германриха, присоединились къ великому движенію народовъ, и въ 406 г. вторглись въ Галлію. Въ послѣднюю византийскую эпоху аланы упоминаются еще на Кавказѣ (Словарь Брокгауза и Ефрона, полут. 65).

⁵⁾ Сообщаю адресъ для будущихъ путешественниковъ, потому что качество ящика играетъ громадную роль при поѣздкахъ на Кавказѣ.

Николай разъ тридцать бывалъ въ Балкаріи, а потому могъ быть превосходнымъ чичероне въ этой мало извѣстной странѣ. За поѣздку въ Балкарію и обратно (до послѣдняго аула въ Балкаріи 70 верстъ отъ Нальчика), въ теченіе четырехъ дней, онъ ввзялъ съ насъ десять рублей, и повезъ на парѣ лошадей, въ простой телѣгѣ, покрытой рогожею, что представляло намъ немало удобствъ ¹⁾. Помимо этихъ десяти рублей, нами затрачено было 8 рублей 64 коп. на провизію, которую необходимо было взять съ собою, такъ какъ на всемъ пути возможно раздобыть лишь яйца, куръ да молока, но и то далеко не всегда. Въ этомъ отношеніи Нальчикъ служитъ незамѣннымъ отправнымъ пунктомъ, въ которомъ все можно достать..

Такимъ образомъ, четырехдневное путешествіе, съ пищею, обошлось на человѣка по 4 рубля 66 коп. или по 1 рублю 16 коп. въ день.

Но перейдемъ къ самому путешествію.

Изъ Нальчика, переправившись вбродъ черезъ рѣчку Нальчикъ, мы поѣхали на востокъ ²⁾. Благодаря предшествующимъ дождямъ, дорога была грязная. Шла она по волнистой мѣстности, то спускаясь въ ложбины, то поднимаясь въ гору, сначала степью, а затѣмъ мелкимъ перелѣскомъ. Въ правой сторонѣ, время отъ времени, въ ясной лазури неба показывались снѣжныя горы. Приблизительно на 12-й верстѣ лѣсъ кончился, и взору нашему открылась широкая степная долина Череха и Урвани, замыкавшаяся на югѣ темно-зелеными горами, скалами и пиками горныхъ великановъ. На берегу Череха видѣлся большой кабардинскій Догожуковскій аулъ. Спустившись въ долину, мы у подножія горы увидѣли каменный памятникъ, совершенно такой, о которыхъ я уже говорилъ, описывая путь отъ станціи Котляревской до Нальчика. Далѣе этихъ памятниковъ, какъ и различныхъ кургановъ, встрѣчалось очень много.

Переѣхавъ вбродъ горную рѣчку Рванѣнокъ, мы, въ полдень, по предложенію Николая, остановились на первый привалъ на обширномъ лугу, близъ холоднаго ключа, совсѣмъ незамѣтно вытекавшаго изъ подножія одного изъ холмовъ, окаймлявшихъ долину съ правой стороны.

Несмотря на конецъ іюля, лугъ не былъ еще скошенъ, и мы

¹⁾ Въ рессорныхъ экипажахъ ѣздить въ горы совсѣмъ невозможно.

²⁾ При дождяхъ въ горахъ черезъ Нальчикъ переправиться весьма трудно, а иногда и невозможно, вслѣдствіе чего отсутствіе моста черезъ эту рѣчку представляетъ одно изъ очень крупныхъ неудобствъ для проживающихъ въ слободахъ.

превосходно устроились на немъ подъ тѣнью устроенной Николаемъ палатки изъ брезента.

Я полагалъ, что трава на лугу не скошена по случайности, но оказалось, что туземцы убираютъ сѣно всегда въ теченіе іюля мѣсяца. Русское населеніе объясняетъ это лѣнью туземцевъ, которые, будто бы, чтобы не трудиться надъ ворочаньемъ травы, съ цѣлью просушки, косятъ тогда, когда трава совершенно высохнетъ, и ее можно прямо складывать въ стога. Туземцы же утверждаютъ, что въ іюнѣ у нихъ идутъ дожди и губятъ скошенную траву, а въ іюлѣ устанавливается погода ¹⁾.

Часа черезъ два, три, когда свалилъ полдневный зной, мы двинулись въ дальвѣйшій путь.

Вскорѣ открылись прелестные виды на продолжавшуюся долину Черека, а черезъ нѣкоторое время кончилась Кабардинская степь, и мы вступили въ предѣлы Балкаріи.

Первый балкарскій аулъ — это бѣдный и грязный Кашкенталь, съ почтовою станціею въ немъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Балкаріею считается лишь крайній истокъ Черека, но это не совсѣмъ точно. По свѣдѣніямъ, полученнымъ нами отъ мѣстныхъ жителей, Балкарія раздѣляется на верхнюю и нижнюю, или „поскогорье“. Вотъ это „поскогорье“, насколько мы могли понять, и начинается отъ аула Кашкенталь, причемъ, какъ мы ниже увидимъ, нижняя Балкарія по своей природѣ совсѣмъ не похожа на верхнюю.

Миновавъ Кашкенталь, мы черезъ нѣкоторое время подъѣхали въ мосту черезъ рѣку Урвань. Загроможденная громадными камнями, падая съ большой высоты, Урвань въ этомъ мѣстѣ реветъ, пѣнится и съ необычайной силой и быстротой сердито мчитъ мутныя воды, совершенно оправдывая свое названіе, если оно происходитъ отъ русскаго глагола *ревать*.

Долго мы любовались горною грозною рѣкою, стоя на мостикѣ сомнительной крѣпости, казалось, трепетавшемъ отъ каждаго взрыва мощной стихіи.

Нельзя было не испытывать нѣкотораго волненія при видѣ этого примитивнаго сооруженія. Какъ и всѣ другіе, мостъ черезъ Урвань построенъ былъ ужъ очень просто. Въ берега были горизонтально вбиты три или четыре ряда свай, причемъ нижнія немного выступали надъ водою, а слѣдующія — все больше и больше; такъ что самыя верхнія сваи съ той и другой стороны

¹⁾ Русскіе жители утверждаютъ, что нѣкоторые изъ нихъ косятъ въ лѣто два и даже три раза, а туземцы — лишь одинъ разъ.

берега уже значительно выдавались надъ рѣкою; на эти-то послѣднія сваи были положены боковыя основанія моста, въ видѣ толстыхъ бревенъ, а поперекъ ихъ устланы менѣе толстыя круглыя же бревна—вотъ и все. Иногда настилка бываетъ изъ досокъ, которыя кладутся и вдоль, и поперекъ. Въ большинствѣ случаевъ мосты безъ перилъ.

Недалеко за урванскимъ мостомъ начиналось уже ущелье Черева, но мы, за позднимъ временемъ, не доѣхали до него и остановились ночевать на лугу, на берегу красивой горной рѣчки Кара-Су, противъ заброшеннаго дома болгарскаго князя Абаева-Баташева.

При свѣтѣ костра, на которомъ варилась каша и кипятился чай, Николай сообщил намъ свои охотничьи похождения.

Между прочимъ, онъ выражалъ удивленіе, какъ можно бояться какого бы то ни было звѣря: „Никакой звѣрь не только самъ не бросится на человѣка, а чтобы подобраться къ нему, надо идти противъ вѣтра, потому что звѣрь отъ одного духу человѣческаго уйдетъ“.

Что касается количества и породы звѣрей, водящихся въ горахъ, то немало имѣется тамъ оленей, сернь, козъ, лисицъ, куницъ, выдръ, волковъ, но больше всего медвѣдей и особенно дикихъ кабановъ и свиней. Эти послѣднія и служатъ главнымъ предметомъ охоты, такъ какъ на вкусные окорока дикихъ свиней существуетъ, оказывается, большой спросъ изъ Россіи. Вкусны же они потому, что дикія свиньи здѣсь питаются исключительно растительною пищею, причемъ осенью ѣдятъ кукурузу, орѣхи, дикія яблоки и груши. Охота на свиней производится съ приученными обыкновенными дворовыми собаками, которыхъ гибнетъ видимо-невидимо, потому что свиньи сплошь и рядомъ убиваютъ или, чаще всего, разрываютъ ихъ своими вѣлками „снизу доверху“.

Что касается опасности для охотника, то она не велика: случаи даже пораненій ихъ очень рѣдки. Хорошій охотникъ въ осенній сезонъ убиваетъ до ста штукъ свиней.

Главнымъ образомъ находятъ ихъ въ кукурузѣ, въ лѣсахъ дикихъ грушъ и яблонь и орѣшникахъ. Кукурузѣ свиньи причиняютъ такой вредъ, что въ періодъ созрѣванія ея туземцы устраиваютъ специальную охрану кукурузныхъ плантацій.

Николай, между прочимъ, жаловался, что русскимъ охотникамъ не дозволяютъ имѣть берданокъ, изъ опасенія, что русскіе охотники будутъ продавать ихъ туземцамъ. Вслѣдствіе этого приходится охотиться съ ружьями старыхъ, плохихъ системъ. Впо-

слѣдствіи жалобу эту мнѣ пришлось услышать и отъ другихъ охотниковъ.

Послѣ ужина мы улеглись спать въ тѣлѣхъ, но долго не могъ я уснуть, любуясь южною ночью. Милліоны звѣздъ ярко горѣли на высокомъ темно-синемъ небѣ. Свѣжій горный воздухъ напоенъ былъ ароматами луга, обрамленнаго лѣсостепями, казавшимися черными горами. Ритмично шумѣла Кара-Су, бѣляя игривыми волнами своими въ темныхъ берегахъ. И это были единственные звуки среди глубокаго покоя природы.

Ранняя заря была еще очаровательнѣе. Какъ алмазы горѣли капли росы на сочной высокой травѣ; сверкали и бурлили холодныя струи Кара-Су; темно-зеленые лѣса окружающихъ горъ еще погружены были въ тѣнь, а возвышающіяся за ними на юго-западѣ скалы уже зарумянились отъ лучей еще невидимаго солнца, и дивно бѣлѣли три снѣжные пика какой-то громадной вершины.

Скоро проснулись и мои спутники.

Напившись чаю и оставивъ Николая запрягать лошадей, мы отправились впередъ пѣшкомъ, перейдя черезъ перекладную на правый берегъ Кара-Су. Тропинка шла по сильно росистому еще лугу и привела къ дорогѣ, шедшей по направленію къ Череву, шумѣвшему съ лѣвой стороны подъ крутыми бѣлыми скалами, поросшими лѣсомъ. Версты черезъ $1\frac{1}{2}$ —2 мы достигли поэтического мостика, безъ перилъ, переброшеннаго на громадной высотѣ черезъ ревушій Черевъ.

Сейчасъ за мостомъ мы по тропѣ поднялись на ближайшую лѣсистую гору, и взору нашему открылась по истинѣ очаровательная картина.

Внизу, близъ подошвы горы, среди зеленой долины видѣлось круглое озеро въ тѣни большихъ деревьевъ, отчетливо отражавшихся въ его зеркальной, изумрудной поверхности. За озеромъ легкою прозрачною дымкою курилась темно-зеленая стѣна ущелья Чу-река, замыкавшаяся вдали необычайной бѣлизны снѣжными пиками и красноватыми скалами. Длинные, узкія ярко-золотистыя облачка лѣниво плыли близъ утесовъ и скрывались одно за другимъ въ невѣдомыхъ отдаленныхъ ущельяхъ. Тамъ и сямъ въ необъятной бирюзовой выси поднебесной, какъ точки, плавали орлы.

Все было хорошо, но насъ особенно занимало озеро, о которомъ мы слышали не мало восторженныхъ отзывовъ отъ предшествовавшей намъ компаніи. И, спустившись съ горы, мы медленно направились къ нему.

Отъ озера дѣйствительно вѣяло чѣмъ-то таинственнымъ, фантастическимъ. Необыкновенно тихое, молчаливое, безъ всякихъ признаковъ органической жизни, оно, казалось, замерло на-вѣки, похоронивъ въ необычайно чистыхъ и очень глубокихъ водахъ своихъ большія деревья. Последнія, съ громадными сучьями и вѣтвями, покрытыя мхомъ и водорослями, ясно видѣлись подъ водою, отсвѣчивая голубовато-серебристымъ отблескомъ ¹⁾. Таковой отблескъ имѣли и виднѣвшіеся на днѣ озера камни. Правильная круглая форма озера, какъ бы выточенные овальные берега его, воронкообразное углубленіе дна, сѣрнистый запахъ и высокія горы, окружающія озеро, невольно наводили на мысль, что это— кратеръ на-вѣки или временно потухшаго вулкана ²⁾. Особенно сильный сѣро-водородистый запахъ издавала чистая, свѣтлая рѣчка, выходящая изъ озера.

Рѣчка эта течетъ въ густой заросли. На ней, въ недалекомъ разстояніи отъ впаденія въ Черевъ, пріютились двѣ поэтическія горныя мельницы и заброшенная грязная сажля ³⁾.

Николай, нагнавшій насъ на озерѣ, замѣтивъ восторженное настроеніе наше отъ окружавшей природы, улыбаясь, замѣтилъ: „Это еще что! Вотъ дальше увидите много получше. Ужъ на что я привыкъ ѣздить по этой дорогѣ, а и то въ тѣхъ мѣстахъ всегда удивляюсь“.

И дѣйствительно, дальше на каждомъ шагу открывались все новыя и новыя картины; одинъ видъ конкурировалъ съ другимъ по своей оригинальности и величію.

Ущелье сдвигалось все больше и больше, пока не превратилось въ сплошной скалистый коридоръ. Внизъ спускались пропасти, откуда чуть-чуть доносился шумъ Черева; надъ дорогою скалы поднимались къ небу. Куда ни посмотришь—духъ захватываетъ, голова кружится! Вотъ съ недостигаемой высоты, среди зелени деревъ, съ шумомъ и звономъ несется горный потокъ. Разбиваясь о камни, брилліантами блещутъ брызги и пѣна его чистой, холодной, какъ ледъ воды. Пересѣкли дорогу, потокъ, стремясь къ Череву, прыгиваетъ внизъ и замираетъ шумъ его среди лѣсовъ темной бездны.

¹⁾ Вѣроятно это обстоятельство и послужило причиною названіе озера „голубымъ“, хотя на самомъ дѣлѣ цвѣтъ воды—зеленоватый

²⁾ Впослѣдствіи мы узнали, что такія же озера были и на горѣ, на которую мы поднимались. Но расположены они выше, въ лѣсу и въ болотистой мѣстности.

³⁾ На всѣхъ малыхъ и большихъ горныхъ рѣчкахъ попадаетъ не мало мельницъ. Обыкновенно горцы отводятъ воду въ особые каналы, по которымъ она и идетъ къ мельничнымъ примитивнымъ турбинамъ, падая изъ нихъ на лопасти своеобразныхъ колесъ и приводя послѣднія въ движеніе.

А вотъ грозный обвалъ. Земля и небо, вѣроятно, содрогались, когда рушились эти куски скалъ—въ нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ каждая.

Старые обвалы природа убрала уже мхами и деревьями, а новые валяются въ беспорядочномъ хаосѣ, заставляя путешественниковъ скорѣе миновать ихъ.

И эти каскады, водопады, обвалы и осыпи встрѣчаются очень часто. Прибавьте къ этому разнообразную, мощную растительность, тамъ и сямъ бѣлѣющія изъ-за скалъ сѣвѣнныя вершины, голубое небо, жаркое солнце, свѣтъ и тѣни—и вы поймете всю прелесть описываемой части балкарской дороги. Дальше она носить другой характеръ. Но объ этомъ мы будемъ говорить ниже, а теперь скажемъ, что колесная дорога въ Балкарію проведена очень недавно,—кажется, въ 1893 году,—а раньше былъ лишь верховой путь, видный и теперь по ту сторону Черема ¹⁾.

Сооруженіе колесной дороги обошлось въ 70.000 или 80.000 руб., причемъ приходилось взрывать юры, пробить два тоннеля и ломать свалы. И теперь путь въ Балкарію настолько широкъ, что мы безъ труда развѣзжались со скрипучими арбами, запряженными лѣнвыми волами, съ многочисленными верховыми горцами, одѣтыми въ бурки и покрытыми папахами, несмотря на 30-ти градусный зной, и съ десятками маленькихъ осликовъ, навьюченныхъ всякою всячиною.

Нѣкоторые лица, проѣзжавшія по военнымъ грузинской и осетинской дорогамъ, говорили мнѣ, что описанная часть пути въ Балкарію красивѣе и величественнѣе двухъ первыхъ. Если это даже и не совсѣмъ вѣрно, все-же дорога въ Балкарію заслуживаетъ вниманія ѣдущихъ на Кавказъ.

Приблизительно отъ второго тоннеля начинается вторая часть пути, совсѣмъ не похожая на описанную. Отсюда дорога вступаетъ въ верхнюю Балкарію, въ печальныя безлѣсныя скалы, покрытыя лишь скудною травой ²⁾. У подножія этихъ скалъ и на разныхъ высотахъ ихъ, до 5.000 и болѣе футовъ, тамъ и сямъ видѣлись аулы, пасійся скоть, сложенное въ стога сѣно, разбросанныя поляны, засѣянные ячменемъ. Въ долинѣ поля орошались арыками.

Вотъ этотъ-то мрачный уголокъ и называется собственно Балкарію, хотя, какъ мы выше говорили, сами балкарцы счи-

¹⁾ Огсутствіемъ колесной дороги, вѣроятно, и объясняется, что Балкарія, собственно говоря, terra incognita для большой русской публики и до сихъ поръ.

²⁾ Существуетъ преданіе у мѣстныхъ жителей, что нѣкогда скалы верхней Балкаріи также были покрыты густымъ лѣсомъ, но оны, будто бы, срублены.

таютъ страну свою отъ аула Кашванталъ и раздѣляютъ на верхнюю и нижнюю.

Около пяти часовъ пополудни мы прибыли въ послѣдній аулъ Балкарія—*Кумимъ*—и остановились въ волостномъ правленіи, единственномъ, если не считать мечети, деревянномъ домѣ, затеряншемся среди валунныхъ саклей. Черезъ нѣкоторое время Николай заявилъ, что „въ аулѣ ничего нельзя достать: нѣтъ ни хлѣба, ни сѣна, ни дровъ“.

Это обстоятельство заставило насъ поспѣшить ознакомиться съ жизнью кунимцевъ; съ этою цѣлью мы сейчасъ же отправились къ князю Нухтѣ Абаеву-Баташеву, окончившему начальскую горную школу и единственному интеллигентному, — сравнительно, — человѣку на всю верхнюю Балкарію ¹⁾. Онъ живетъ очень высоко, на скалѣ противоположнаго берега Черема, и намъ пришлось не безъ труда взбираться по узкимъ тропамъ среди саклей. Послѣднія производили самое гнетущее впечатлѣніе.

Всѣ онѣ сложены исключительно изъ камней-валуновъ и вмѣсто оконъ имѣютъ лишь небольшія отверстія; плоскія крыши саклей покрываются землею; на нихъ растетъ трава, причѣмъ на нѣкоторыхъ крышахъ мы видѣли пасущихся ословъ. Самая ужасная курная крестьянская изба, которыхъ мнѣ приходилось видѣть не мало, на мой взглядъ, во много разъ превосходить лучшую саклю, напоминающую скорѣе стойла для скота, чѣмъ человеческое жилище.

Валунныя же изгороди для скота и дворы отличались отъ саклей только отсутствіемъ крышъ. Въ этихъ изгородахъ и дворахъ совершенно невѣроятная вонь и грязь, застоявшіяся болотца, переполненные скотскими экскрементами. Нерѣдко возлѣ этихъ лужъ и у дверей саклей ползали и играли совершенно голыя дѣти.

Съ любознательностью дикарей насъ сопровождали много женщинъ и дѣвушекъ, говорившихъ на непонятномъ для насъ

¹⁾ Къ слову сказать, въ балкарскомъ, какъ и во всѣхъ горскихъ обществахъ, нѣтъ ни одной русской школы, а другихъ они и имѣть не могутъ, такъ какъ у балкарцевъ нѣтъ своей письменности. Лишь при мечетахъ, въ медресе, муллы обучаютъ нѣкоторыхъ дѣтей арабскому языку, чтобы читать коранъ. Словомъ, балкарцы—совершенно дикіе, темные, невѣжественные и полуниліе люди. Принимая во вниманіе всѣ эти ужасныя условія существованія балкарцевъ, нужно удивляться ихъ выносливости и добродушію. За исключеніемъ родовой мести и похищеній скота, намъ не приходилось слышать объ особенныхъ преступленіяхъ въ ихъ средѣ, а въ пути мы не имѣли ни одной даже малѣйшей несприятности. Наоборотъ, при встрѣчахъ балкарцы въ громадномъ большинствѣ случаевъ улыбались и любезно привѣтствовали насъ.

нарѣчи. Другія любопытствующія женщины и дѣти выглядывали и изъ саклей, и съ крышъ. У большинства женщинъ и дѣвушекъ были крайне истомленные, худыя и старческія лица; почти каждая изъ нихъ держала въ рукахъ веретено съ шерстью и искусно прядла на ходу.

У князя Абаева-Баташева, — встрѣтившаго насъ весьма радушно и любезно, — мы застали торжество: праздновалась свадьба его брата. По этому случаю во дворѣ видѣлось не мало балкарцевъ, балкарокъ и ихъ дѣтей. Послѣ нѣвотораго замѣшательства, явившагося слѣдствіемъ нашего прихода, начались горскіе танцы подъ русскую гармонию, на которой очень плохо играла молодая, неуклюжая балкарка.

Сначала танцевали лезгинку. Намъ невольно припомнилась при этомъ лезгинка Рубинштейна въ его „Демонѣ“.

Въ звукахъ гармоніи мы уловили только одинъ мотивъ, какъ будто что-то напоминающій изъ лезгинки въ „Демонѣ“, а въ танцахъ не было ничего общаго съ тою чудною лезгинкою, которую приходилось не разъ видѣть на петербургской и московской сценахъ. Здѣсь ее, какъ и всѣ другіе танцы, исполняли вяло, монотонно, безжизненно, словно это была какая-то тяжелая обязанность. Среди собравшихся вовсе не было веселыхъ и красивыхъ женщинъ. Всѣ онѣ худыя, плоскогрудыя, какія-то истомленные.

Да это и очень естественно. Положеніе горскихъ женщинъ убійственное. Благодаря тому обстоятельству, что въ 14, даже 13 и 12 лѣтъ онѣ уже выходятъ замужъ и дѣлаются матерями, старѣютъ балкарскія женщины очень и очень рано. Помимо этого, вся тяжесть домашней работы цѣликомъ лежитъ на нихъ. Кромѣ того, горская женщина вѣчно сидитъ въ дымной, полутемной, грязной до-нельзя саклѣ.

Среди мужчинъ, наоборотъ, попадаетса очень много положительныхъ красавцевъ. И почти всѣ мужчины обладаютъ граціозною, изящною фигурою. Ловкіе наѣздники, мужчины постоянно разтѣвжаютъ верхомъ, всегда на воздухѣ и работаютъ, по общему мнѣнію, много меньше женщинъ, а „привилегированное сословіе“, князья и дворяне („уздени“), кажется, и вовсе ничего не дѣлаютъ или, во всякомъ случаѣ, работаютъ очень и очень мало. Вдоволь насмотрѣвшись на однообразные танцы, которымъ не предвидѣлось конца, на шалости оборванныхъ дѣтей, вносившихъ большое оживленіе въ празднество, мы отправились обратно въ волостное правленіе, причемъ съ нами ушелъ и Абаевъ.

Въ волостномъ правленіи устроили чай, за которымъ Абаевъ рассказывалъ намъ о печальной жизни горцевъ своего аула ¹⁾).

Помимо Абаева, во дворѣ волостного правленія набралось немало мужчинъ-горцевъ, въ большинствѣ пожилыхъ, глазѣвшихъ на насъ и дразнившихъ какого-то помѣшаннаго старика, который, при общемъ хохотѣ, рычалъ и дрался палкою, когда отъ него хотѣли отобрать чай и хлѣбъ, данные нами. При этомъ горцы хохотали до упаду, и никто не могъ понять, что сцена эта для насъ болѣе чѣмъ тяжела, а уговоры Абаева—бросить травить сумасшедшаго—оставались безъ всякихъ результатовъ.

Насъ не мало удивляло, что волостной писарь не принималъ участія въ нашихъ бесѣдахъ, былъ очень сухъ и молчаливъ. Но когда поздно вечеромъ горцы ушли, онъ подошелъ къ намъ, и изъ бесѣды выяснилось, что писарь, во-первыхъ, абсолютно не понимаетъ балкарскаго языка, а во-вторыхъ, всѣхъ безъ исключенія горцевъ считаетъ за воровъ, мошенниковъ и обманщиковъ, почему и не принималъ участія въ общемъ чаѣ. Такое высомѣрное и подозрительное отношеніе къ туземцамъ намъ приходилось встрѣчать на каждомъ шагѣ со стороны русскихъ вообще и начальства въ особенности. И врядъ ли такая „политика“ можетъ дать благіе результаты.

Переночевавъ на крыльцѣ волостного правленія, мы проснулись очень рано, когда дикія свалы, высившіяся на противоположномъ берегу Череха, чуть-чуть подернулись розовымъ свѣтомъ. Мы спѣшили осмотрѣть кладбище, увидѣть общанную Абаевымъ джигитовку и скорѣе уѣхать, такъ какъ лошадямъ нечего было ѣсть, да и намъ удалось достать лишь щедро разведенное водою молоко, которое мы не могли пить, да кусокъ грязнаго, такъ называемаго „осетинскаго“ сыра, кажется, изъ возьяго молока. Вообще, въ этомъ аулѣ, какъ и во всѣхъ, было лишь изобиліе великолѣпной воды, потому что, помимо Череха, здѣсь вливается въ него превосходная горная рѣка Иртышъ-хи и, кромѣ того, есть великолѣпная ключевая вода.

Кладбище представляло собою какой-то дикій каменный хаосъ, среди котораго тамъ и сямъ возвышались памятники. Но что особенно привлекло наше вниманіе, такъ это ряды камен-

¹⁾ Между прочимъ, Абаевъ сообщилъ, что въ городѣ Балкаріи найдены мѣдныя и свинцовыя руды. Нѣкій Эжерикъ выразилъ желаніе разработывать ихъ и уже заключилъ условіе объ арендованіи горскихъ земель, но балкарцы, живущіе на „плогскогорьѣ“, т. е. въ нижней Балкаріи, запротестовали, доказывая, что названныя руды находятся на земляхъ, принадлежащихъ „къ плогскогорью“. Дѣло передано теперь въ судъ, и балкарцы ждутъ рѣшенія.

ныхъ пещеръ съ небольшими отверстіями, наполненныхъ массою человѣческихъ костей, цѣлыхъ скелетовъ и даже высохшихъ труповъ съ сохранившимися волосами и одеждою.

Мѣстная легенда гласить, будто бы въ отдаленныя времена въ Куниѣ свирѣпетовала какая-то ужасная эпидемическая болѣзнь, въ родѣ проказы. Для больныхъ этою болѣзью, будто бы, и сооружены катакомбы. Туда засаживали ихъ десятками, подавая пищу черезъ отверстія, и тамъ больные умирали, и умирали, конечно, не всѣ въ одно время, такъ что живымъ пришлось находиться среди труповъ.

Какъ увидимъ ниже, легенда эта подвергается сомнѣнію, но намъ думается, что если бы въ горскихъ аулахъ сейчасъ проявилась какая-либо эпидемія, пришлось бы, вѣроятно, прибѣгнуть къ такимъ же катакомбамъ и въ XX вѣкѣ, потому что здѣсь медицинская помощь совершенно отсутствуетъ.

Что касается сомнѣнія относительно происхожденія названныхъ пещеръ, то я узналъ объ этомъ совершенно случайно. Въ Куниѣ мнѣ, между прочимъ, передавали, что аулъ этотъ посѣтила графиня Уварова и брала въ катакомбахъ черепа.

На археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ я бесѣдовалъ по этому поводу съ графинею Уваровой, и она сообщила мнѣ, что лично въ Куниѣ не была, а ѣздилъ туда проф. Миллеръ, который полагаетъ, что кунимскія пещеры—это не что иное, какъ особый типъ погребенія.

Послѣ осмотра кладбища мы ждали увидѣть джигитовку, обѣщанную намъ княземъ Абаевымъ, но она не удалась, такъ какъ явился лишь одинъ джигитъ.

Тогда остатокъ времени употребленъ былъ на осмотръ принадлежащихъ глубочайшей старинѣ башенъ, видѣвшихся на скалахъ, окружающихъ аулъ, и на кладбищѣ. Всѣ онѣ имѣютъ форму усѣченныхъ пирамидъ, снаружи оштукатурены, а внутри изъ стѣнъ торчатъ валуны, изъ которыхъ башни сложены.

Князь Абаевъ совершенно основательно замѣтилъ, что современные жители аула, пожалуй, не сдумали бы соорудить такихъ башенъ и такъ прочно оштукатурить ихъ. Что касается происхожденія башенъ, то рѣшительно никто не знаетъ даже легенды, относящихся ко времени ихъ возникновенія. Одно только обстоятельство даетъ возможность заключить о давности—это кресты, выдѣланные въ самомъ верху стѣнъ, между тѣмъ какъ всѣ жители—магометане. На вопросъ, предложенный Абаеву, чѣмъ объяснить эти кресты, онъ отвѣтилъ, что существуетъ преданіе, что когда-то жители Кунима были христіане. Не при-

надлежать ли эти башни къ тѣмъ „остаткамъ христіанства“, о которыхъ упоминаетъ проф. В. Миллеръ въ свѣдѣніяхъ о горахъ, выше нами приведенныхъ?

По осмотрѣ башенъ, мы, въ сопровожденіи любезнаго князя Нухты-Абаева, уѣхали изъ Кунима, не побывавъ на ледникахъ Дыхъ-тау и Каштанъ-тау, главнымъ образомъ потому, что, какъ мы говорили, не было корма для лошадей, и потому, что я долженъ былъ спѣшить въ Нальчикъ, чтобы ѣхать въ подножію Эльбруса.

Обратный путь изъ Балкаріи въ Нальчикъ можно было проѣхать почти вдвое быстрее, такъ какъ приходилось все время спускаться съ горы, но хотѣлось еще разъ полюбоваться чудною природою, и мы дѣлали привалы и ночевали почти въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ это дѣлали, когда ѣхали изъ Нальчика.

И. П. Бѣлоконскій.

ПОСЛѢДНІЙ ВѢНОКЪ

I.

Какая красота!.. Какъ вольно дышетъ грудь...
Какъ свѣтомъ солнечнымъ весь воздухъ напоёнъ!
Къ туманнымъ днямъ зимы привыкшій глазъ взглянуть
На возрожденный вновь не смѣетъ небосклонъ.

Весна, опять весна!.. Горячій солнца лучъ
И талая вода—два вѣчныхъ чародѣя—
Въ лѣсахъ, среди полей, средь голыхъ скалъ и кручъ,
Повсюду будятъ жизнь... Вновь ярво зеленѣя,
Трава спѣшитъ прикрыть земную наготу;
Сирени вустъ вотъ-вотъ свои раскроетъ почки;
А тамъ, въ затишьи скалъ, какую красоту
Являютъ персика прекрасные цвѣточки:
Какъ звѣздочки, кругомъ всю вѣтву облѣпивъ,
Рой нѣжныхъ лепестковъ, чуть розовыхъ бѣлѣтъ;
На вѣткахъ тоненькихъ черешенъ, яблонь, сливъ
Живая сила вновь, переливаясь, зрѣетъ.

Весна, опять весна, во всей красѣ и силѣ.
Но милой—нѣтъ... она—вы знаете—въ могилѣ.

II.

О, милая, вчера былъ вечеръ такъ прекрасенъ,
Сводъ неба такъ былъ чистъ, и такъ глубоко и ясенъ...
А я стоялъ одинъ и думалъ: счастье—сонъ,
Быль данъ на мигъ, исчезъ—и не вернется онъ...

Вотъ бѣдный холмикъ твой... Средь желтыхъ стебельковъ
 Увянувшей травы я вижу ясно вновь
 Побѣги свѣжіе. Но травки оживанье
 Бывало—милое, теперь—одно страданье...
 На кладбищѣ пустомъ, средь жуткой тишины,
 Тоска меня грызеть; я думаю: о, да,
 Былинка оживетъ подъ чарами весны,—
 А та, что здѣсь лежитъ въ могилѣ? Никогда!..
 И развѣ то, что здѣсь подъ дерномъ больше года,
 Такъ развѣ жъ это ты?.. И какъ могла природа
 То сочетаніе ума и красоты
 И чуткой совѣсти, какимъ являлась ты,
 Убить безвременно?—Вѣнецъ и перлъ творенья
 И жалкая трава—равно добыча тлѣнья...

III.

Я въ полѣ былъ съ дѣтьми. Нашъ маленькій усталъ;
 Дорога шла все вверхъ, по склонамъ сѣрыхъ скалъ;
 Я поднялъ на руки усталое дитя
 И несъ, баюкая и ласково шутя.
 А вотъ и домикъ нашъ; мы входимъ—самоваръ
 Блеснулъ привѣтливо, струится тонкій паръ...
 Скорѣй кормить дѣтей, вотъ хлѣбъ и молоко—
 Мнѣ такъ все хочется, чтобъ весело, легко
 И шумно было здѣсь, чтобъ въ домѣ жизнь цвѣла,
 Какъ было прежде, до... когда здѣсь ты была...
 Гнетъ гора и тоски—мертвѣющій, тяжкій гнетъ:
 Подъ бременемъ его душа не расцвѣтетъ.
 Прекрасный образъ твой въ сердцахъ твоихъ дѣтей,
 Какъ лучшій кладъ души, я свято охраняю,
 Но въ блескѣ радостныхъ свергающихъ лучей
 Я образъ матери усопшей вызываю...
 Мнѣ можно горевать, но дѣтямъ надо жить,
 Я долженъ охранять невѣрной жизни нить.
 И, сердце сжавъ, сажусь, гдѣ ты всегда сидѣла,
 И замѣнить тебя пытаюсь неумѣло.
 И длился мирно часъ... И если бъ легкой тѣнью,
 Какъ въ сказкахъ, вопреки безвѣрью и сомнѣнью,
 Явилась ты съ небесъ въ вечерній этотъ часъ,—
 Съ улыбкой и безъ слезъ взглянула бъ ты на насъ:

Такъ дѣти весело, какъ прежде, щебетали,
Забывъ застывшую вкругъ насъ волну печали...

Но маленький узъ снѣтъ; весь полный сонной лѣни
И теплый, онъ ко мнѣ взобрался на колѣни,
Прижался и лежитъ, какъ будто засыпая...

И я съ отрадою подумалъ: доля злая
Невластна возмутить повои души дитяти;
Еще мгновеніе—и въ маленькой кровати
Покойно онъ уснетъ. Но мальчикъ вдругъ вздохнулъ
И, вскинувъ ручки вверхъ по мягкой спинкѣ кресла,
Съ тоской недѣтскою тихонько мнѣ шепнулъ:

— „Охъ, если бъ мамочка скорѣй бы да воскресла“!..

М. Филипскій.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

для

КРЕСТЬЯНЪ

Нѣтъ необходимости указывать, что съ переходомъ натурального хозяйства въ денежное, съ развитіемъ мірового рынка, съ приростомъ населенія, съ возрастаніемъ культурныхъ потребностей, крестьянское земледѣліе и крестьянскіе промыслы такъ же нуждаются въ болѣе совершенной технику, какъ и всякое другое промышленное предпріятіе. И дѣйствительно, несмотря на многія неблагопріятныя условія, въ особенности — отсутствіе нормальнаго благоустроеннаго народнаго кредита и недостаточность даже элементарнаго образованія, — мы видимъ въ послѣдніе годы въ крестьянскомъ хозяйствѣ усиливающуюся тенденцію къ улучшенію приемовъ земледѣлія, что сказывается пока, главнѣйшимъ образомъ, въ болѣе и болѣе примѣненіи усовершенствованныхъ орудій и машинъ, и развитіи травосѣянія. Но необходимость въ улучшенной технику въ крестьянскомъ хозяйствѣ возрастаетъ съ каждымъ днемъ; на очереди стоятъ: введеніе рациональныхъ плодосмѣновъ, воздѣлываніе промышленныхъ растений, улучшеніе скотоводства и молочнаго производства, меліорация луговъ и т. п. Не менѣе, конечно, нужна совершенная техника и въ кустарныхъ промыслахъ. Новыя производственныя отношенія и въ Россіи уже настолько развились и расширились, что всѣ слабыя и рутинныя предпріятія, казалось бы, уже заранѣе обречены на гибель. Не даромъ еще недавно, въ девяностыхъ годахъ, извѣстная литературная школа, а также и нѣ-

которые официальные культуртрегеры пѣли отходную надъ крестьянской промышленностью, долженствующею уступить мѣсто крупному капиталистическому производству. Это была, конечно, наивная ошибка въ перспективѣ. Кустарные промыслы не могутъ исчезнуть въ земледѣльческой странѣ съ 140-милліоннымъ населеніемъ, въ странѣ, физико-географическія условія которой таковы, что земледѣльческія работы въ ней занимаютъ у населенія въ теченіе года пять-шесть мѣсяцевъ. Очевидно, было бы крайнимъ абсурдомъ въ жизни государства, если бы въ немъ десятки милліоновъ взрослого населенія въ теченіе шести свободныхъ отъ земледѣлія зимнихъ мѣсяцевъ лежали „на печѣ съ подтянутыми животами, безъ движенія“ (для сохраненія жизненной энергіи и теплоты тѣла), подобно псковскимъ мужикамъ, о которыхъ недавно повѣдали міру псковскіе статистики.

Уже въ силу этихъ естественныхъ условій громадной по территоріи страны, кустарные промыслы должны и будутъ существовать въ Россіи, независимо отъ вопроса о сравнительныхъ преимуществахъ фабричнаго производства и кустарной промышленности. Фабричная промышленность не можетъ поглотить даже избытка земледѣльческаго населенія, не говоря уже о томъ, чтобы занять послѣднее, въ свободное отъ земледѣлія, время. Въ недавніе годы расцвѣта у насъ фабричнаго производства, обязательнаго всяческому покровительству государства, — всѣхъ рабочихъ, занятыхъ въ этомъ производствѣ, было лишь около 1⁰/₀ населенія Россіи, а въ настоящее время, въ виду промышленнаго кризиса, и того меньше. При томъ же и этотъ 1⁰/₀ не представляетъ фабричнаго пролетаріата, а въ значительнѣйшей части состоитъ изъ рабочихъ, еще связанныхъ съ землей и съ земледѣліемъ.

Итакъ, 88⁰/₀ населенія Россіи не могутъ не заниматься кустарными промыслами. Но тѣмъ не менѣе точно такъ же, какъ крестьянское земледѣліе, и крестьянскіе промыслы не могутъ болѣе оставаться въ прежнемъ рутинномъ состояніи; даже болѣе: хозяйственныя условія новаго времени требуютъ для кустарныхъ промысловъ еще большаго приложенія совершенной техники и капитала, до примѣненія механической и паровой силы включительно, чѣмъ для крестьянскаго земледѣлія, что обуславливается уже самой сущностью обрабатывающей промышленности. И въ сферѣ кустарной промышленности необходимымъ становится обобществленіе производства; должна совершаться, такъ сказать, капитализація промысловъ на кооперативной почвѣ.

Но для всего этого нужны техническія знанія при сравни-

тельно высокой общей интеллектуальности (оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о доминирующемъ значеніи благоустроеннаго сельскаго кредита). Откуда же ихъ взять крестьянамъ?

Значительную роль въ реформѣ крестьянскаго земледѣлія имѣли и имѣютъ пока лишь земскіе „сельскохозяйственные склады“ и, какъ консультанты при нихъ, земскіе агрономы. Воздѣйствіе же низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, и техническихъ школъ различныхъ вѣдомствъ на крестьянское хозяйство и промыслы почти отсутствуетъ. Эти дорогія и громоздкія учебныя заведенія мало отвѣчаютъ широкой потребности населенія въ специальномъ образованіи. Въ особенности низшія сельскохозяйственные школы служатъ, какъ это было не разъ констатировано и въ печати, и на сѣздахъ сельскихъ хозяевъ и дѣятелей политехническому и профессиональному образованію въ Москвѣ, исключительно интересамъ частновладѣльческихъ экономій и лишь въ незначительной мѣрѣ—общественной агрономіи. И это, конечно, совершенно понятно и естественно. Число ихъ, вслѣдствіе ихъ дороговизны, ничтожно по отношенію къ массѣ крестьянскаго населенія. Казенныя и земскія низшія сельскохозяйственные школы, устроиваемыя по такъ-называемому нормальному положенію, выработанному министерствомъ земледѣлія, стоятъ очень дорого: первоначальное обзаведеніе ихъ не менѣе 35.000 р.¹⁾, не считая цѣнности земли (обыкновенно 500 десятинъ); ежегодное содержаніе, въ среднемъ, 10.500 р., не считая аренды за землю и суммъ, расходуемыхъ различными учреждениями и лицами въ видѣ стипендій и платы за пансіонъ.

Программа теоретическихъ и практическихъ занятій въ большинствѣ этихъ школъ слишкомъ обширна и, въ то же время, узко-шаблонна: одна для всѣхъ условій, для всѣхъ мѣстностей, совмѣщаетъ въ себѣ и изученіе основъ естественныхъ наукъ, земледѣлія и зоотехніи, и хозяйственную практику, и всевозможныя специальныя отрасли сельскаго хозяйства и сельскохозяйственно-техническихъ производствъ, и ремесла: столярное, слесарно-кузнечное и пр., и пр., изъ которыхъ каждое одно само

¹⁾ Какъ велики могутъ быть единовременные и ежегодные расходы при учрежденіи земствомъ низшей сельскохозяйственной школы, показываетъ примѣръ уфимскаго земства: Белебеевская низшая сельскохозяйственная школа уфимскаго губернскаго земства потребовала единовременныхъ расходовъ на постройки 55.000 р., на обзаведеніе 16.800 р.; расходы же на содержаніе колеблются отъ 18.416 р. до 27.337 р. въ годъ. Ежегодные расходы конь-володезской школы воронежскаго губернскаго земства составляютъ, въ среднемъ, 21.000 р., достигая до 24.457 р.

по себѣ уже требуетъ продолжительнаго курса обученія. Питомцы ихъ должны быть фантастическими универсальными техниками, и потому не могутъ изучить ни одного предмета настолько основательно, чтобы быть послѣ школы хорошими практиками, стоящими на собственныхъ ногахъ. Они обучаются понемногу всему и какъ-нибудь. Неудивительно поэтому, что число оканчивающихъ полный курсъ въ этихъ школахъ крайне мало по отношенію къ числу поступающихъ; большая часть учениковъ оставляютъ школу недоучками. Достаточно сказать, что нѣкоторыя большія и дорогія перворазрядныя школы выпускаютъ ежегодно всего трехъ-пять человекъ, закончившихъ полный курсъ ученія. Но и тѣ немногіе счастливыя, которые кончаютъ школу, въ большинствѣ случаевъ выходятъ ни павы—ни вороны, ни ученые—ни практики, ни „мужики“—ни „господа“, а способны быть лишь ключниками, надсмотрщиками работъ, конторщиками, писцами и т. п. Къ сожалѣнію, нѣтъ статистики распредѣленія по жизненнымъ поприщамъ лицъ, учившихся въ низшихъ сельскохозяйственныхъ школахъ. Изъ моихъ личныхъ наблюденій я знаю, что эти лица очень часто поступаютъ на мѣста, не имѣющія ничего общаго съ земледѣіемъ,—напримѣръ, писцами губернскихъ правленій.

Безспорный фактъ, что питомцы сельскохозяйственныхъ школъ никогда не возвращаются въ свою крестьянскую среду. Даже въ „крестьянскихъ“—вятской и пермской—губерніяхъ, гдѣ эти школы устраивались земскими дѣятелями съ исключительной цѣлью внесенія специальныхъ знаній въ крестьянскую массу, и гдѣ, по окончаніи курса, питомцы въ видѣ преміи снабжались улучшенными сельскохозяйственными орудіями, они, все-таки, всегда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уходили отъ своихъ отцовъ, будучи уже не въ состояніи выносить обычныхъ условій крестьянской жизни, отъ которыхъ отвыкли за годы пребыванія въ школѣ. Ихъ уже влечетъ къ себѣ какое-нибудь жалкое мѣстико канцелярскаго писца или ключника въ экономіи, суля имъ по крайней мѣрѣ съ вѣшной стороны болѣе „культурную“ обстановку и свободу отъ деревенской „тяготы“. Все это понятно тѣмъ болѣе, что трагуемая школы, отрывая совершенно на нѣсколько лѣтъ подростка отъ семьи, и заполняются въ настоящее время не дѣтьми нормальныхъ крестьянскихъ семействъ, а различными „неудачниками“ и „недоучками“, уволенными изъ городскихъ среднихъ школъ, принадлежащими ко всякаго рода разночиннымъ и мѣщанскимъ семьямъ, и только частью въ лучшемъ случаѣ лишними членами многочленныхъ или очень состоятельныхъ крестьянскихъ дворовъ. Поэтому у большей части питомцевъ,

по окончаніи сельскохозяйственной школы, и нѣтъ своего хозяйства, куда они могли бы „возвратиться“ и внести свѣтъ знанія въ крестьянскую среду.

Еще болѣе ненормально, чѣмъ казенныя и земскія, поставлены низшія сельскохозяйственныя школы при частныхъ экономіяхъ. Это школы, открываемыя по тому же нормальному положенію 1883 года, что и казенныя и земскія, но лишь субсидируемыя министерствомъ земледѣлія въ размѣрѣ 3.000—4.000 рублей ежегодно. Учебнымъ хозяйствомъ для такихъ школъ и служить хозяйство владѣльца, на поляхъ котораго и работаютъ питомцы. Фактическимъ распорядителемъ („попечителемъ“) школы при этомъ является владѣлецъ имѣнья, хотя при каждой школѣ и состоитъ такъ называемый управляющій школы, числящійся на службѣ министерства и содержаніе получающій также отъ послѣдняго. Подобныя школы рѣдко бываютъ въ хорошемъ состояніи. Мнѣ извѣстно, напримѣръ, какъ въ нѣкоторыхъ изъ такихъ школъ, съ одной стороны, несмотря на большіе бюджеты (кромѣ ежегодной субсидіи въ 3.500 руб. отъ министерства, эти школы нерѣдко получаютъ также значительныя ежегодныя субсидіи отъ земства), нѣтъ ни одной химической реторты, никакихъ учебныхъ пособій по естествознанію, хотя въ программу ихъ входятъ значительныя курсы химіи и другихъ естественныхъ наукъ, а съ другой стороны—имѣеть мѣсто чрезмѣрное обиліе практическихъ занятій, но занятій особаго рода, интересныхъ лишь въ цѣляхъ, преслѣдуемыхъ данной экономіей. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ школахъ при свеклосахарныхъ хозяйствахъ, ученики изучаютъ „совершенныя приемы земледѣлія“ довольно-таки односторонне, будучи обязаны ежедневно съ ранней весны до поздней осени стоять лишь надсмотрщиками за работницами на бурячныхъ плантаціяхъ. Между тѣмъ, конечно, по недоразумѣнію, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, повидимому, охотнѣе всего открываетъ школы при частновладѣльческихъ экономіяхъ.

Но, все равно, какія бы достоинства или недостатки ни имѣли низшія сельскохозяйственныя школы „по нормальному положенію“, число ихъ не можетъ быть настолько значительнымъ, чтобы удовлетворять потребность крестьянскаго населенія въ сельскохозяйственныхъ знаніяхъ. Я остановился на отрицательныхъ сторонахъ ихъ только для того, чтобы подчеркнуть несоотвѣтствіе ихъ намѣреніямъ и желаніямъ тѣхъ земствъ, которыя, устраивая или субсидируя сельскохозяйственныя школы, ошибочно видятъ въ нихъ разсадники сельскохозяйственныхъ

знаній въ крестьянской массѣ. До сихъ поръ еще не прошло увлеченіе нѣкоторыхъ земствъ этими школами; до сихъ поръ иногда приходится слышать въ земскихъ собраніяхъ заявленія, что на первый планъ земской сельскохозяйственно-экономической дѣятельности должно быть поставлено открытіе низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ указаннаго типа, а не учрежденіе сельскохозяйственныхъ складовъ, не дѣятельность земскихъ общественныхъ агрономовъ и т. п. Грубая ошибка въ перспективѣ!

Несомнѣнно, не низшія сельскохозяйственныя школы существующаго типа послужатъ источникомъ распространенія сельскохозяйственно-техническихъ знаній въ массѣ народа. На иномъ базисѣ это послѣднее должно быть построено. Въ учебной сферѣ этимъ базисомъ можетъ быть лишь существующая широкая сѣть двухъ-классныхъ и одноклассныхъ начальныхъ общеобразовательныхъ земскихъ и министерскихъ училищъ, уже дѣйствительно захватившая своимъ влияніемъ массы крестьянскаго населенія.

Земство, устроившее за тридцатипятилѣтіе тысячи начальныхъ народныхъ школъ, создало массовую грамотность. Почти всеобщая грамотность молодого крестьянства скоро станетъ фактомъ. Для достиженія этой цѣли земство потратило многіе милліоны рублей, взятыя изъ скудныхъ средствъ того же крестьянства. Но элементарная грамотность одна, сама по себѣ, безъ развитого сознанія и специальныхъ знаній, представляется еще мертвымъ капиталомъ. Въ настоящее время предъ земствомъ стоитъ новая наиважнѣйшая задача—воспользоваться этой грамотностью, этимъ пока малопроизводительнымъ, но таящимъ въ себѣ великую силу капиталомъ, этими многими тысячами народныхъ школъ—для цѣлей поднятія культуры въ интересахъ земледѣлія и промышленности, т.-е. необходимо оживить и использовать эту грамотность, дополнивъ ее техническими познаніями и развитымъ сознаніемъ. Иначе тѣ громадныя суммы, какія потрачены земствомъ на элементарныя школы, могутъ остаться еще долго непродуктивными. Чтобы получить, такъ сказать, ⁰/₁₀₀ съ затраченнаго на распространеніе элементарной массовой грамотности многомилліоннаго капитала, земство должно сдѣлать эту грамотность орудіемъ культуры. Это расчетъ, стоящій внѣ сомнѣній. Какимъ же способомъ? Очевидно, кромѣ повсемѣстнаго открытія библиотекъ-читаленъ, книжныхъ складовъ и изданія популярныхъ земскихъ журналовъ, на подобіе земской „Вятской Газеты“, необходимы *дополнительные высшіе общеобразовательные и спеціальныя сельскохозяйственно-техническія курсы* при начальныхъ училищахъ, расположенныхъ въ наиболѣе центральныхъ селахъ, въ особенности при двухъ-классныхъ

училищахъ, министерскихъ и земскихъ. Такіе курсы лучше всего могутъ быть организованы въ формѣ 1—3-хъ-годичныхъ дополнительныхъ отдѣленій. И даже русская земская жизнь, не говоря уже о заграничной жизни, даетъ намъ примѣры такой постановки народнаго образованія. Пермское, самарское и вятское земства уже сдѣлали опытъ устройства подобныхъ дополнительныхъ курсовъ—отдѣленій при начальныхъ школахъ,—и опытъ удачный, судя по имѣющимся у меня отчетамъ. Пермское губернское земство имѣетъ семь высшихъ дополнительныхъ сельскохозяйственно-техническихъ отдѣленій при начальныхъ школахъ, самарское земство—пять, вятское приступаетъ къ организациіи цѣлой сѣти высшихъ курсовъ. Наконецъ, проектъ подобныхъ высшихъ народныхъ школъ обсуждается земствами черниговскимъ, симбирскимъ и тверскимъ.

Жизнь на Западѣ и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, ушла впередъ сравнительно съ Россіей. Нѣмцы любятъ говорить, что Германія обязана своей высокой культурой и благосостояніемъ народной школь,—и они несомнѣнно правы. Во всей Германіи начальное общее образованіе обязательно и бесплатно для всѣхъ дѣтей до 13-лѣтняго возраста. Но, кромѣ того, на ряду съ обязательной начальной школой, въ Германіи уже существуетъ болѣе 15.000 высшихъ дополнительныхъ школъ—отдѣленій начальной школы, насчитывающихъ свыше 625.000 учащихся. Въ Саксоніи же, Баденѣ, Баваріи и Вюртембергѣ посѣщеніе такихъ высшихъ дополнительныхъ курсовъ объявлено такъ же обязательнымъ, какъ и посѣщеніе низшей школы. Высчитываютъ, что въ общемъ каждый германскій рабочій обучается въ продолженіе десяти лѣтъ. При этомъ слѣдуетъ помнить, что рядомъ съ школою для народныхъ массъ Германіи существуютъ постоянныя выставки, многіе спеціальныя журналы, многочисленныя лекціи и т. п.

Данія, Скандинавія, Бранденбургъ славятся своими высшими народными школами, какъ дополнительными къ начальной школь. Наконецъ, Швейцарія и Австрія съ успѣхомъ выступаютъ на тотъ же путь. Всѣ эти высшія народныя школы Запада очень разнообразны по программамъ и цѣлямъ, но въ общемъ постановка ихъ далека отъ типа нашихъ громоздкихъ и неуклюжихъ низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ „по нормальному положенію 1883 года“. Напримѣръ, въ Пруссіи изъ 230 элементарныхъ сельскохозяйственныхъ школъ 182 школы *зимнихъ*, безъ интерната, отрывающаго крестьянскаго юношу отъ семьи, хозяйства и его обычной обстановки. Обученіе въ германскихъ

высших народных школах бесплатно, но всё онѣ устраиваются обыкновенно при наличности самыхъ небольшихъ средствъ. Лѣтнія практическія занятія на школьной фермѣ, если таковая имѣется, не обязательны для учащихся.

Отмѣтимъ здѣсь лишь слѣдующее обстоятельство. У насъ, въ Россіи, очень распространено мнѣніе, что включеніе въ курсъ народной школы изученія сельскаго хозяйства влечетъ за собою ущербъ въ интересахъ общеобразовательно-воспитательныхъ. На Западѣ такъ не думаютъ. И въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что изученіе земледѣлія требуетъ изученія основъ естествознанія—этого важнаго фактора въ сферѣ общаго образованія, даже практическія занятія по тѣмъ или инымъ отраслямъ хозяйства—въ полѣ, въ саду, въ огородѣ—при сколько-нибудь рациональной ихъ постановкѣ безспорно развиваютъ въ учащихся вниманіе, наблюдательность, размышленіе, діалектику, т.-е. тѣ элементы въ воспитаніи, которымъ современная педагогія придаетъ важнѣйшее значеніе. И дѣйствительно, высшія дополнительные спеціальныя народныя школы на Западѣ признаются въ то же время и школами, преслѣдующими задачу общаго культурнаго развитія.

Возвратимся къ нашей родной дѣйствительности. Пермское—это предприимчивое и чуткое къ интересамъ народа—земство очень долго, такъ же, какъ до сихъ поръ другія земства, возлагало надежду въ дѣлѣ распространенія техническихъ знаній въ массѣ крестьянства на дорогія „низшія сельско-хозяйственныя школы по нормальному положенію 1883 года“; правда, устроивъ нѣсколько такихъ школъ, „губернская земская управа, —по словамъ ея отчета,—уже тогда предвидѣла, что питомцы низшихъ школъ не будутъ возвращаться, по окончаніи курса, на свой надѣлъ, но надѣялась, что они будутъ, все-же, оставаться на родинѣ и будутъ содѣйствовать улучшенію мѣстнаго сельскаго хозяйства, занимая должности народныхъ учителей, волостныхъ или сельскихъ писарей и т. п. Но, къ сожалѣнію, и эти ожиданія не оправдываются, такъ какъ для занятія должности народнаго учителя окончившіе сельскохозяйственную школу не имѣютъ достаточнаго образовательнаго ценза, а для должности волостнаго писаря нужны также спеціальныя познанія, которыхъ питомцы сельскохозяйственныхъ школъ не имѣютъ; поэтому, не находя службы по своей профессіи на мѣстѣ, они ищутъ ее за предѣлами губерніи или поступаютъ на какую-нибудь службу въ города“. Таково было печальное разочарованіе губернской земской управы.

Тогда среди пермскихъ земцевъ возникла идея объ использованіи въ культурныхъ цѣляхъ уже существующей широкой сѣти начальныхъ земскихъ школъ, тѣмъ болѣе, что въ то же время директоръ народныхъ училищъ пермской губ., г. Раменскій, обратился въ XXIII земскому собранію съ ходатайствомъ объ ассигнованіи пособія въ 2.387 р. на преобразование 10 начальныхъ школъ въ двухклассныя министерскія школы сельско-хозяйственнаго характера. При этомъ было выяснено, что количество отдѣленій въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ никакими законоположеніями не установлено. Такъ, въ официальномъ „Циркулярѣ попечителя по с.-петербургскому учебному округу“ 1893 г., № 1, говорится по этому предмету слѣдующее: „Существующія нынѣ, почти повсемѣстно, три отдѣленія начальной школы (младшее, среднее и старшее) образовались лишь практическимъ путемъ; долговременный опытъ показалъ, что научить совершенно безграмотнаго ребенка сколько-нибудь осмысленной грамотѣ (не касаясь уже другихъ сторонъ образованія и воспитанія) равнѣ какъ въ 3 года (или вѣрнѣе въ 3 зимы), при обыкновенныхъ условіяхъ совершенно невысказано. Но изъ этого вовсе нельзя выводить заключенія, что въ одноклассной школѣ непременно долженъ быть трехгодичный курсъ. При особо благоприятныхъ обстоятельствахъ, если, напримѣръ, въ школу поступаютъ дѣти, уже знакомыя съ элементами грамоты и достаточно умственно развитыя, въ училищѣ можетъ быть устроено и 2 отдѣленія; съ другой стороны, если позволяютъ средства имѣть нѣсколькихъ учителей и дѣти имѣютъ охоту учиться, а родители не только тому не препятствуютъ, напротивъ желаютъ, то закономъ не возбраняется устроить въ той же школѣ 4 отдѣленія. Народное просвѣщеніе отъ такой постановки можетъ только выиграть“.

Въ виду этого пермское земство и остановилось на устройствѣ четвертыхъ высшихъ дополнительныхъ сельскохозяйственно-техническихъ отдѣленій при обыкновенныхъ одноклассныхъ земскихъ начальныхъ школахъ, оставляя первыя три отдѣленія въ прежнемъ видѣ, посвятивъ ихъ исключительно прохожденію общеобразовательнаго нормальнаго курса. Четвертому дополнительному отдѣленію первоначально инициаторы дѣла предполагали придать также не столько практической, сколько сельскохозяйственно-общеобразовательный характеръ съ цѣлью „по возможности осмыслить въ глазахъ учащихся явленія сельскохозяйственнаго производства и пробудить въ нихъ сознательное отношеніе къ хозяйству“. „Крестьянская земледѣльческая семья,—

говорить въ прекрасной докладной запискѣ составитель программы дополнительнаго отдѣленія для пермскихъ школъ—такъ неразрывно связана съ хозяйствомъ, которымъ она живетъ, находится отъ него въ такой тѣсной зависимости, что не даромъ говорятъ о „власти земли“ надъ крестьяниномъ. Этотъ основной характеръ деревенской жизни опредѣляетъ собой и воспитаніе крестьянскихъ дѣтей. Власть земли и здѣсь проявляетъ свою силу. Крестьянскія дѣти очень рано начинаютъ жить хозяйственными интересами. Въ возрастѣ 10—12 лѣтъ они уже принимаютъ активное участіе въ хозяйствѣ—пасутъ скотъ, боронятъ пашню, возятъ копны, помогаютъ гдѣ и какъ могутъ. Поле, лугъ, лѣсъ, домашняя скотина, полевая работа, погода,—все, о чемъ говорятъ и думаютъ ихъ родители, усиленно привлекаетъ къ себѣ ихъ дѣтскую наблюдательность и пыливость. И они быстро осваиваются съ хозяйствомъ, поражая посторонняго наблюдателя знаніемъ мелочей хозяйственнаго обихода, дѣловитыми сужденіями о различныхъ вопросахъ домашняго и полевого хозяйства. Но сравнительно быстро достигнувъ той ступени сельскохозяйственнаго развитія, на какой стоятъ ихъ отцы, дѣти какъ бы застываютъ въ этомъ положеніи и остаются такими на всю жизнь. Наличный запасъ сельскохозяйственныхъ свѣдѣній и наблюдений, существующія сельскохозяйственные воззрѣнія воспринимаются ими до извѣстной степени механически, безъ участія критически-сознательной мысли, какъ вѣчно непреложное и понятное само по себѣ. И такъ изъ поколѣнія въ поколѣніе переходитъ сельскохозяйственная рутинная, медленно и съ трудомъ измѣняясь подъ неотразимымъ вліяніемъ измѣняющихся условий жизни; каждое даже небольшое измѣненіе является плодомъ долговременнаго коллективнаго опыта”.

Разбудить мысль молодого крестьянина—вотъ задача школы по мнѣнію составителя программы. За практикой же въ деревнѣ дѣло не станетъ. Сообразно этому, первоначально высшее отдѣленіе начальной школы въ пермской губ. предвѣщало для систематическихъ бесѣдъ по естествознанію и основамъ хозяйства, съ экскурсіями въ поле, лѣсъ и луга. Съ такимъ планомъ пермскіе земцы приступили къ дѣлу. Но учебная практика затѣмъ значительно видоизмѣнила первоначальныя намѣренія. Открывшіяся четвертыя сельскохозяйственныя отдѣленія превратились скоро въ упрощенныя сельскохозяйственныя школы съ двухлѣтнимъ курсомъ, но тѣмъ не менѣе опытъ оказался очень удачнымъ. Въ настоящее время пермское губернское земство имѣетъ такіа высшія школы при семи начальныхъ училищахъ.

Курсъ обученія въ нихъ продолжается въ теченіе двухъ зимъ и одного лѣта, причемъ дѣлаются продолжительные отпуска домой въ извѣстные періоды года; хотя ученики принимаются только изъ того уѣзда, въ которомъ находится школа, и даже въ большинствѣ случаевъ изъ сосѣднихъ волостей, но пришлось устроить общежитія для учащихся. Правда, въ пермской губ. это объясняется тѣмъ, что селенія въ ней мелкія; въ мѣстностяхъ же съ крупными селеніями, въ особенности на югѣ—потребности въ такихъ общежитіяхъ не будетъ. Но и въ пермской губ. ученики обыкновенно на каждое воскресенье разъѣзжаются по домамъ. При школахъ устроены небольшія показательныя поля-фермы и того или иного рода мастерскія, но вообще въ этихъ школахъ нѣтъ такихъ „практическихъ работъ по сельскому хозяйству, каковы онѣ въ сельскохозяйственныхъ школахъ (по нормальному положенію), гдѣ ученики цѣлыми днями и недѣлями возятъ навозъ, гребутъ сѣно и т. п., т.-е. продѣлываютъ такую работу, которая является повседневною и въ хозяйствахъ ихъ родителей, но гдѣ она совершается не по приказанію начальства, а съ полнымъ сознаниемъ необходимости этой работы для обезпеченія своей семьи, и потому производится при иномъ отношеніи къ ней, чѣмъ въ школѣ.

Завѣдывающіе описываемыми дополнительными отдѣленіями состоятъ лица съ среднимъ сельскохозяйственнымъ образованіемъ, съ жалованьемъ 720—900 р. Программа заключаетъ въ себѣ предварительное систематическое изученіе основъ естествознанія и затѣмъ слѣдующій курсъ сельскаго хозяйства: 1) почва; 2) обработка почвы; 3) удобреніе почвы; 4) воздѣлываніе зерновыхъ хлѣбовъ; 5) воздѣлываніе картофеля; 6) полевое травосѣяніе; 7) луговоеводство; 8) скотоводство; 9) вредныя насѣкомыя; 10) лѣсоводство. Лѣтнее преподаваніе основано на частыхъ экскурсіяхъ въ садъ, поле, лѣсъ, на сельскохозяйственныя работы; зимнее—въ видѣ живыхъ бесѣдъ при непремѣнномъ условіи наличности многихъ учебныхъ пособій: коллекцій по основамъ естествознанія, коллекцій почвъ, сѣмянъ, вредныхъ насѣкомыхъ, сорныхъ травъ, гербарія мѣстныхъ и выписныхъ культурныхъ растений, моделей орудій, машинъ, хозяйственныхъ и техническихъ построекъ, улучшенныхъ типовъ домашняго скота, коллекцій приборовъ тѣхъ или иныхъ специальныхъ отраслей сельскаго хозяйства и производствъ и т. п. Все это вмѣстѣ, постоянно ежегодно пополняясь, составляетъ школьный естественно-историческій и сельско-хозяйственный музей.

Описываемыя школы устрояются земствомъ съ великой эво-

номіей, при самыхъ небольшихъ средствахъ. Въ 1900 г., на содержаніе всѣхъ высшихъ отдѣленій при начальныхъ школахъ, включая сюда и содержаніе многихъ учащихся въ общежитіи, земство потратило 5.360 р. О суммѣ же единовременныхъ затратъ на первоначальное устройство ихъ можно судить потому, что на устройство одного изъ наиболѣе установившихся IV отдѣленій—устиновскаго—было израсходовано только 900 р. (250 р. на учебныя пособия, 350 р. на приобрѣтеніе живого и мертвого инвентаря и 300 р. оборотнаго капитала для учебнаго поля). Квартира для классовъ, общежитія и учителя, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, пока нанимается у частнаго лица за 285 р. въ годъ. Предъ нами краснорѣчивый примѣръ земской хозяйственности!

Но, несмотря на минимальныя средства, все дѣло поставлено живо и, насколько возможно при краткомъ времени обученія, основательно. Крестьянскій подростокъ не выходитъ изъ условій крестьянской жизни и хозяйства. Его любознательность, его мысль, весь его интеллектъ развивающіеся на изученіи родной ему обстановки и съ дѣтства знакомыхъ предметовъ. Онъ у себя дома становится сознательнымъ и знающимъ хозяиномъ, оставаясь въ то же время крестьяниномъ. Такимъ образомъ создается дѣйствительно крестьянская сельскохозяйственная школа. Судя по отчетамъ, пермское земство очень довольно своими новыми школами и намѣрено значительно увеличить ихъ число.

Вятское губернское земство выработало программы и условія постановки четырехъ высшихъ типовъ народныхъ школъ на базисѣ современной земской школы съ трехгодичнымъ курсомъ. Первый типъ—общеобразовательная начальная школа съ удлиненнымъ курсомъ обученія до четырехъ лѣтъ, допускаемый уже и въ настоящее время положеніемъ о народныхъ училищахъ 1874 года. Такъ, напримѣръ, въ послѣдніе годы четырехгодичный курсъ введенъ почти во всѣхъ земскихъ школахъ курской губерніи.

Второй типъ—общеобразовательное двухклассное училище съ пятилѣтнимъ курсомъ, въ настоящее время уже также существующій.

Третій типъ—тоже двухклассное училище, но съ шестилѣтнимъ курсомъ, причемъ третій годъ второго класса прибавленъ къ обыкновенной двухклассной школѣ съ цѣлью придать, на ряду съ общеобразовательнымъ, и утилитарный характеръ въ широкомъ смыслѣ этого слова. При этомъ типѣ въ программу второго класса вводится специальный дополнительный курсъ—сельско-

хозяйственный вообще, или съ тою или иною отдѣльною отраслю хозяйства въ частности, или, наконецъ, техническій, ремесленный, горнозаводскій и т. п., смотря по мѣстнымъ условіямъ. По мнѣнію вятскаго земства, эти школы не претендуютъ на то, чтобы воспитанники ихъ выходили вполне образованными и опытными практиками—сельскими хозяевами; нѣтъ, онѣ имѣютъ болѣе скромную, но тѣмъ не менѣе серьезнѣйшую задачу—развить интеллектъ крестьянской молодежи въ направленіи сознательной постепенной реформы земледѣлія. При условіи же развитого сознанія, практика ихъ сдѣлаетъ деревенская хозяйственная жизнь. Лишь при изученіи частныхъ специальныхъ отраслей хозяйства—пчеловодства, садоводства, молочнаго производства и т. п. и при изученіи ремеслъ необходима вполне законченная практическая подготовка.

Наконецъ, четвертый высшій типъ—это промышленныя по различнымъ специальностямъ народныя училища съ широкимъ подготовительнымъ общеобразовательнымъ курсомъ на началахъ естествознанія. Промышленныя отдѣленія устроиваются при двухклассныхъ училищахъ, какъ подготовительной школѣ. Курсъ отдѣленія трехгодичный. Въ программу училища включается основательное изученіе естествознанія. Что касается прикладныхъ знаній, то здѣсь прежде всего предполагается избѣгать объема и разбросанности предметовъ изученія съ тѣмъ, чтобы питомцы выходили, дѣйствительно, вполне подготовленными практиками по какой-либо одной специальности. Если промышленное училище земледѣльческое, то въ немъ не должно быть изученія ремеслъ и пр.—и наоборотъ.

Многоразличіе промысловъ населенія, мѣстныхъ хозяйственныхъ условій и нуждъ требуетъ осторожной и разумной согласованности постановки дополнительныхъ специальныхъ отдѣленій съ тѣмъ или инымъ характеромъ мѣстности. Сообразно послѣднему, избирается какая-либо одна главная специальность: общесельскохозяйственная, молочно-скотоводственная, по садоводству, пчеловодству и т. п. или техническая—по видамъ мѣстныхъ промысловъ—кузнечно-слесарная, столярная, по производству земледѣльческихъ машинъ и орудій, мебели, кожевенная, гончарная, ткацко-кружевная, и пр., и пр. При этомъ необходимы тѣ или инныя учебно-промышленныя учрежденія, согласно специальности курсовъ: полевой участокъ, молочная ферма, маслодѣльня, пасѣка, садъ-огородъ, мастерская для производства болѣе простыхъ земледѣльческихъ машинъ и орудій, прочія различнаго рода мастерскія по вышеуказаннымъ и инымъ специальностямъ. Учеб-

нымъ мастерскимъ долженъ быть приданъ болѣе или менѣе торгово-промышленный характеръ, какъ это уже имѣетъ мѣсто въ мастерскихъ московскаго, вятскаго и нѣкоторыхъ другихъ земствъ. Примѣръ послѣднихъ показываетъ, что онѣ могутъ быть даже коммерчески-выгодными и окупающими себя. Мастерскія ставятся въ связь съ земскими торгово-коммисіонными, кустарными и сельско-хозяйственными складами, принимая отъ нихъ заказы, что и практикуется уже въ выше помянутыхъ земствахъ. Нѣтъ аномаліи худшей, какъ разбросанность и дилеттантизмъ при техническомъ обученіи. Поэтому выборъ специальностей для каждой школы долженъ быть строго ограниченъ. Но при этомъ, какая бы ни была специальность, программа дополнительныхъ курсовъ, отдѣлений непременно должна включатьъ насколько большій общеобразовательный курсъ по предметамъ естествознанія и гуманитарнымъ, потому что, повторяемъ, главная задача русской народной школы въ настоящее время, это—пробудить и развить сознаніе и мышленіе крестьянина.

Подобнаго устройства новые общеобразовательные и технические высшіе дополнительные народныя курсы-школы, открытыя въ значительномъ количествѣ (а это будетъ возможно, потому что постановка ихъ не будетъ дорогой), дѣйствительно внесутъ знанія въ массу населенія, не отрывая своихъ питомцевъ отъ крестьянскаго хозяйства. Практика же показала, что устройство ихъ не требуетъ отъ земства крупныхъ затратъ.

Цѣлесообразность подобныхъ высшихъ специальныхъ дополнительныхъ отдѣлений, при двухклассныхъ училищахъ признана и министерствомъ народнаго просвѣщенія. Остается лишь пожелать, чтобы оно скорѣе приступило къ ихъ осуществленію.

Я знаю, мысль и стремленіе утилизировать начальную народную школу для цѣлей распространенія сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаній въ крестьянской массѣ имѣютъ у насъ въ Россіи не мало противниковъ. Напомнимъ хотя бы многократныя заявленія г. Чернолуцкаго, а также резолюціи нѣкоторыхъ совѣщаній и сѣздовъ, касавшихся даннаго вопроса. Такъ, въ числѣ постановленій недавно бывшаго въ Москвѣ сѣзда дѣятелей агрономической помощи мѣстному хозяйству мы встрѣчаемъ слѣдующее „постановленіе“: „Общеобразовательная школа отнюдь не должна служить средствомъ распространенія профессиональныхъ знаній, въ томъ числѣ и сельскохозяйственныхъ“. Но если вникнуть хотя сколько-нибудь въ глубину вопроса, становится очевиднымъ, что подобныя постановленія основаны на недоразумѣніи; происхожденіе ихъ вытекаетъ изъ предположенія

не культурныхъ и рациональныхъ приемовъ сельско-хозяйственнаго техническаго обученія, а приемовъ дивныхъ и глупыхъ. Именно: при условіи рациональныхъ и культурныхъ приемовъ обученія, единственно достигающихъ цѣли, изученіе земледѣлія и техники требуетъ предварительнаго изученія основъ естествознанія; изученіе же основъ естествознанія требуетъ предварительной достаточной грамотности ученика, однимъ словомъ, извѣстнаго уровня его умственнаго общаго развитія. Для послѣдней же цѣли, какъ извѣстно, необходимы, минимумъ, три года обученія, т.-е. нормальная начальная общеобразовательная школа. Даже болѣе: практика показываетъ, что земская элементарная общеобразовательная школа требуетъ не трехгодичнаго, а четырехгодичнаго курса. Поэтому, конечно, дивной представляется мысль о возможности изученія земледѣлія въ элементарной трехгодичной школѣ. Элементарная трехгодичная школа, конечно, должна быть общеобразовательной. Правда, и это положеніе должно быть понимаемо болѣе широко, чѣмъ въ настоящее время понимается по рутинѣ многими.

Элементарная *крестьянская* трехгодичная школа должна быть общеобразовательной, но въ то же время, какъ *крестьянская*, она должна быть и приготовительной къ изученію земледѣлія. Это значитъ, что общеобразовательный трехгодичный, а въ ближайшемъ будущемъ, вѣроятно, четырехгодичный курсъ ея долженъ быть болѣе систематическимъ, чѣмъ тотъ, каковъ онъ въ настоящее время. Въ настоящее время программа нашей начальной школы отличается удивительною хаотичностью, пестрой кунсткамерностью. Вѣрнѣе, въ современной начальной школѣ нѣтъ совсѣмъ программы, если не называть программой необходимость обучить чтенію, письму и счисленію, что въ дѣйствительности въ настоящее время и составляетъ и официальную, и фактическую задачу школы при современной ея постановкѣ. Но какъ обучить крестьянскихъ дѣтей чтенію, письму и счисленію? Въ настоящее время въ нашей школѣ это достигается путемъ изученія и зубренія разнаго рода нехудожественныхъ (частью и художественныхъ) побасенокъ и калейдоскопическихъ фантастическихъ „арифметическихъ задачъ“. Самыми пестрыми кунсткамерностью и калейдоскопичностью отличаются въ большинствѣ случаевъ такъ называемыя „книги для класснаго чтенія“ въ начальной школѣ разныхъ случайныхъ чиновныхъ и нечиновныхъ авторовъ. Въ этихъ книгахъ мы находимъ всевозможные обрывки и отрывки „исторіи“, „географіи“, „естественной исторіи“, и проч. и проч., но ни въ одной не встрѣчаемъ цѣльнаго, яснаго, талантливаго,

болѣе или менѣе систематическаго изложенія (не рѣшаюсь сказать: курса).

Объясняется это въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что до сихъ поръ держится рутинное представленіе, что „книга для класснаго чтенія“ въ начальной школѣ должна представлять „разносторонній“ вивегреть стиховъ, правоучительныхъ рассказиковъ и „полезныхъ“, и „занимательныхъ описаній“. Какъ будто талантливый и живой систематическій курсъ по географіи, по исторіи и по основамъ естествознанія не можетъ быть занимательнымъ, правоучительнымъ, полезнымъ и доступнымъ для ребенка, обучающагося въ начальной школѣ! Не цѣлесообразнѣе ли, напротивъ, вмѣсто калейдоскопической современной „книги для класснаго чтенія“ имѣть отдѣльно художественную хрестоматію по изящной словесности и раціональные талантливые цѣльные курсы географіи, естествознанія и исторіи? Даже элементарные уровни по земледѣлю на основѣ естествознанія могутъ прекрасно служить дидактическимъ — педагогическимъ цѣлямъ общеобразовательной школы для крестьянскихъ дѣтей. Точно также даже ариѳметическіе задачки не должны ли быть приноровлены къ условіямъ и вопросамъ реальной крестьянской и міровой жизни? Даже они могутъ заключать въ себѣ уже извѣстный курсъ естествознанія и земледѣлія. Часы занятій въ школѣ въ теченіе дня, недѣли, года должны быть распредѣлены на уроки и бесѣды по художественной хрестоматіи и по отдѣльнымъ систематическимъ курсамъ. Что касается изученія этимологіи и синтаксиса, то и оно, очевидно, будетъ легче достигаться при помощи указаннаго матеріала для чтенія, бесѣды и диктанта, чѣмъ при помощи тѣхъ отрывочныхъ, часто нелѣпыхъ и непонятныхъ фразъ и „предложеній“, какими въ настоящее время въ продолженіе трехъ лѣтъ наполняются головы дѣтей подъ видомъ этимологическихъ и синтаксическихъ образцовъ. Диктантъ, который долженъ въ начальной школѣ занимать видное мѣсто, и будетъ заключать въ себѣ квинтъ-эссенцію школьныхъ бесѣды и чтеній по естествознанію, исторіи, земледѣлію и т. д. Диктантъ сопровождается грамматическими объясненіями и повтореніями.

Итакъ, даже въ элементарной общеобразовательной школѣ все дѣло, весь успѣхъ заключаются въ раціональномъ талантливомъ подборѣ матеріала для чтенія, бесѣды и диктанта, — и включеніе въ этотъ матеріалъ предметовъ естествовѣдѣнія и земледѣлія, конечно, ужъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть въ ущербъ воспитательнымъ задачамъ школы. Поэтому съ полнымъ основаніемъ можно сказать: начальная общеобразовательная

крестьянская школа должна быть въ то же время приготовительной школой для изученія земледѣлiя. Для этой цѣли необходимы талантливыя, живыя, систематическiя „книги для класснаго чтенiя“ въ начальной школѣ. Этихъ книгъ въ настоящее время у насъ нѣтъ. Но онѣ должны быть, и онѣ возможны. На эту сторону дѣла должны обратить особенное вниманiе учебное вѣдомство и наши земства. И успѣхъ здѣсь скорѣе достигнемъ, чѣмъ многiе думаютъ. Если для высшей школы необходимы цѣлые ряды талантливыхъ лекторовъ-ученыхъ, то для начальной школы необходимы немногiя талантливыя книги-учебники. Конечно, я помню, необходимъ и образованный народный учитель, который былъ бы въ состоянiи пользоваться въ школѣ талантливыми учебниками. Но существованiе такого образованнаго народнаго учителя, кажется, не за горами. По крайней мѣрѣ, повсемѣстное сильнѣйшее движенiе въ земскихъ сферахъ къ устройству педагогическихъ, общеобразовательныхъ и сельскохозяйственныхъ курсовъ для учителей общается въ недалекомъ будущемъ желанныя результаты.

Отсюда практическое замѣчанiе: земство и учебное вѣдомство, тратя въ настоящее время значительныя суммы на устройство учительскихъ курсовъ, должны также назначить извѣстныя суммы на премii за лучшiе учебники — „книги для класснаго чтенiя“ въ начальной школѣ. Это создастъ сильный толчокъ къ замѣнѣ дубочныхъ учебниковъ надлежащими.

Но, говоря о необходимомъ усовершенствованiи современной начальной общеобразовательной школы, я, повторяю, не покушаюсь на ея курсъ въ интересахъ распространенiя въ крестьянской массѣ сельскохозяйственно-техническихъ знанiй. Напротивъ, я имѣлъ въ виду только усиленiе, именно, общеобразовательнаго значенiя начальной школы. Для ближайшихъ же цѣлей изученiя земледѣлiя и техники необходимы вышеописанныя дополнительныя высшiя профессиональныя отдѣленiя народной школы. Центръ тяжести вопроса заключается лишь въ томъ, чтобы распространенiе сельскохозяйственно-техническихъ знанiй въ стомиллионномъ крестьянствѣ основывалось на базисѣ уже существующей широкой сѣти земскихъ начальныхъ школъ. Иначе не должно быть и не можетъ быть.

Относительно же сказанныхъ дополнительныхъ профессиональныхъ отдѣленiй начальныхъ школъ могутъ возразить, что сельское хозяйство—столь сложный предметъ для изученiя, что для него недостаточно двухъ лѣтъ, при томъ же — безъ солидной хозяйственно-учебной обстановки. Но возраженiе это не основа-

тельно: строгая экономія въ выборѣ и объемѣ предметовъ изученія должна быть, какъ я уже сказалъ, непремѣнною чертою трагуемыхъ школъ; преподаваніе должно преслѣдовать лишь усвоеніе основъ естествознанія и земледѣлія; приложеніе же этихъ основъ къ практическому хозяйству будетъ достигаться естественно и непрерывно уже тѣмъ, что питомцы все время остаются въ деревенской земледѣльческой обстановкѣ, недостатки которой для нихъ будутъ тѣмъ яснѣе, что они заинтересованы въ ней, какъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Каждое преимущество, каждый успѣхъ новыхъ культурныхъ приемовъ, приложимыхъ къ крестьянскому хозяйству, будутъ производить на нихъ большее впечатлѣніе, чѣмъ то было бы при чуждой обстановкѣ; для этого не нужно сложныхъ и дорогихъ комбинацій и приспособленій, а потребуются лишь тѣ наглядныя демонстративныя работы на небольшомъ школьномъ участкѣ—съ одной стороны и на поляхъ ихъ отцовъ—съ другой стороны, какия а ргіогі выгодны и доступны крестьянскому хозяйству. Въ этомъ будетъ даже преимущество предлагаемыхъ дополнительныхъ отдѣленій въ начальныхъ школахъ предъ дорогими низшими сельскохозяйственными школами нормальнаго устава, которыя такъ страдаютъ излишествомъ всевозможнаго агрономическаго балласта.

Что же касается преподаванія болѣе тѣсныхъ, чѣмъ общее земледѣліе, специальностей, какъ-то: пчеловодство, молочное производство, ремесла и т. п., то въ этомъ случаѣ, при строгомъ ограниченіи одной специальностью, достигнимо опять-таки болѣе совершенное практическое изученіе ея, чѣмъ въ низшихъ сельскохозяйственныхъ школахъ при обилии и разбросанности въ послѣднихъ различныхъ видовъ техническаго обученія.

Итакъ, резюмируемъ всѣ главные положенія.

Современныя низшія сельскохозяйственныя школы, по такъ-называемому нормальному положенію 1883 года, и большая часть разнаго рода ремесленныхъ училищъ, открываемыя въ городахъ или нерѣдко въ глухихъ мѣстностяхъ, при чуждой для крестьянскаго юношества, дорогой, сложной и тѣмъ не менѣе нецѣлесообразной обстановкѣ,—не служатъ и не могутъ служить цѣли внесенія сельскохозяйственно-техническихъ званій въ многомиліонную массу крестьянскаго населенія.

Дѣло сельскохозяйственно-техническаго образованія народной массы должно быть построено на иномъ базисѣ, на базисѣ уже существующей нынѣ обширной сѣти земскихъ и министерскихъ начальныхъ двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ—въ формѣ высшихъ дополнительныхъ специальныхъ 1—3-хъ-годичныхъ

отдѣленій при означенныхъ училищахъ, въ наиболѣе централь-
ныхъ селахъ. Только подобныя школы, близкія къ населенію,
воспитывающія крестьянское юношество въ деревенской обста-
новкѣ, многочисленныя, потому что онѣ не дороги, могутъ быть
дѣйствительно народными специальными школами.

Земствамъ, а также и министерствамъ народнаго просвѣще-
нія и земледѣлія, въ тѣхъ случаяхъ, когда они ставятъ цѣлю
внесеніе сельскохозяйственныхъ техническихъ знаній въ крестьян-
скую массу, несомнѣнно цѣлесообразнѣе устроить и субсиди-
ровать не современные низшія сельскохозяйственные школы,
такъ-называемыя нормальнаго типа, а вышеописанныя высшія
дополнительныя спеціальныя отдѣленія при начальныхъ школахъ.

При этомъ, крестьянская начальная общеобразовательная
школа можетъ и должна быть приготовительной для изученія
земледѣлія школой, что не только не будетъ въ ущербъ обще-
педагогическимъ цѣлямъ, но, напротивъ, будетъ имъ содѣй-
ствовать.

Николай Катаевъ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛЕМИКА

— Петръ Лохтинъ. Къ вопросу о реформѣ сельскаго быта крестьянъ. Москва. 1902.

Два года назадъ, г. Лохтинъ опубликовалъ статистическое изслѣдованіе о „Состояніи сельскаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами“, о которомъ въ свое время (1901 г., кн. VI) былъ данъ отзывъ въ нашемъ журналѣ. Въ настоящее время тотъ же авторъ выступилъ съ новою работою, заключающею указаніе на основныя причины низкаго состоянія русскаго земледѣлія, констатированнаго въ первомъ трудѣ, и на мѣры къ устраненію этихъ причинъ. Въ этой новой книжкѣ имѣется кромѣ того глава, посвященная отзывамъ печати о первомъ изслѣдованіи г. Лохтина, въ которой особенное вниманіе удѣляется рецензій „Вѣстника Европы“. Г. Лохтинъ обвиняетъ эту рецензію въ томъ, что она даетъ „ложное представленіе“ о его трудѣ, что она „неосновательна и крайне пристрастна“. Подобное же мнѣніе высказано г. Лохтинымъ почти о всѣхъ неблагопріятныхъ отзывахъ о его книгѣ,—а для подкрѣпленія такого мнѣнія онъ прибѣгаетъ къ приемамъ, которымъ, повидимому, не должно бы быть мѣста въ печати. Мы не считаемъ себя обязанными защищать свои мнѣнія противъ всякаго на нихъ нападенія; но мы не можемъ обойти молчаніемъ замѣчаній г. Лохтина, такъ какъ этотъ авторъ своимъ первымъ изслѣдованіемъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, и за первой его работою послѣдовала вторая, въ которой изъ области научныхъ изысканій онъ переходитъ въ сферу практическаго прожектёрства; разсмотрѣніе системы его самозащиты даетъ намъ удобное средство лучше выяснить научный характеръ и литературные приемы этого писателя. Мы позволимъ себѣ, поэтому, остановить вниманіе читателя прежде всего на полемической части новаго труда г. Лохтина, ограничиваясь при

этомъ лишь тѣми ея сторонами, которыя имѣютъ наибольшее значеніе въ вышеуказанномъ смыслѣ.

Тридцать откликовъ печати на свою книгу г. Лохтина раздѣляетъ на похвальные, индифферентные и отрицательные, причемъ послѣднихъ насчиталъ онъ всего шесть. Изъ этого г. Лохтинъ выводитъ неожиданное заключеніе, „что, повидимому, защитники средневѣкового быта крестьянъ вообще и общины въ частности у насъ обрѣтаются въ меньшинствѣ“. „Провинціальныя органы, стоящіе близко къ суровой дѣйствительности, а равно и сельскохозяйственные журналы и газеты, хорошо понимающіе техническую нецѣлостность средневѣкового быта крестьянъ, отнеслись—говоритъ онъ—къ моему изслѣдованію весьма сочувственно. Сторонники кастоваго обособленія крестьянъ отнеслись къ нему весьма недружелюбно, но сюда относятся лишь 4—5 отзывовъ“ (133).

Очень оригинальнымъ является предположеніе г. Лохтина, что характеръ отзывовъ о его изслѣдованіи вообще опредѣлялся не дѣйствительными его достоинствами или недостатками, а сочувственнымъ или несочувственнымъ отношеніемъ писателей къ нѣкому постороннему предмету; что критическія замѣчанія въ частности на его книгу, заключающую сводъ данныхъ о положеніи сельскаго хозяйства въ Россіи и за границей, диктовались не мнѣніемъ рецензентовъ о матеріалахъ и приемахъ изслѣдованія, а ихъ пристрастіемъ къ „средневѣковому быту“ и къ „кастовому устройству“ крестьянъ. Плохимъ предзнаменованіемъ для ученой карьеры можетъ послужить такая слабая вѣра въ силу и привлекательность истины! Хотя бы еще къ вышеуказанному заключенію г. Лохтина приведенъ былъ путемъ неопровержимыхъ фактовъ; а то оказывается, что онъ его высказалъ, несмотря на то, что факты именно говорили противное. Въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе непріятные для г. Лохтина отзывы появились въ такихъ несходныхъ въ ихъ отношеніи къ общинѣ изданіяхъ, какъ „Вѣстникъ Европы“ и „Русское Экономическое Обзорѣніе“, „Русскія Вѣдомости“ и „Научное Обзорѣніе“. Приведенное выше заключеніе г. Лохтина о мотивахъ отзывовъ о его книгѣ характеризуетъ поэтому не отзывы, а самого г. Лохтина—и характеризуетъ не только со стороны его воззрѣній на стремленіе къ истинѣ, какъ мотиву научныхъ изысканій, но и со стороны его знакомства съ направленіями нашихъ періодическихъ изданій.

Изложенное выше заключеніе г. Лохтина есть вмѣстѣ съ тѣмъ не особенно удачный приемъ критики и полемики. Дальнѣйшее знакомство съ этимъ авторомъ, къ сожалѣнію, показываетъ, что онъ легко прибѣгаетъ къ приемамъ, еще менѣе заслуживающимъ сочувствія.

Недостатки изслѣдованія г. Лохтина о „Состояніи сельскаго хозяй-

ства въ Россіи сравнительно съ другими государствами"—рецензія „Вѣстника Европы“ находила въ томъ, что на ряду съ первѣисточниками статистическихъ данныхъ, не первой, однако, свѣжести, г. Лохтинъ охотно прибѣгаетъ къ справочнымъ книгамъ, преимущественно въ формѣ словарей, а не ежегодниковъ; поэтому, почерпаемыя имъ оттуда цифры, во-первыхъ, не всегда достаточно новы, во-вторыхъ, не для всѣхъ странъ соответствуютъ одинаковому моменту времени; онъ „недостаточно (для специалиста) знакомъ не только съ официальной статистикой иностранныхъ государствъ, но и съ ихъ экономической литературой вообще“, и, главное, — онъ незнакомъ съ русской статистической литературой. „Мы уже не говоримъ о такъ называемой земской статистикѣ; даже изданія центрального статистическаго комитета извѣстны ему только изъ вторыхъ рукъ, и онъ даже не знаетъ того, къ какому моменту времени относятся соответствующія изслѣдованія“... „Не зная первоисточниковъ, г. Лохтинъ обреченъ повторять ошибки тѣхъ справочныхъ изданій, изъ которыхъ онъ заимствовалъ свои данныя, и толковать эти послѣднія неправильно“. Самые же выводы г. Лохтина изъ разработаннаго имъ матеріала рецензія призываетъ *въ общемъ* правильными, а „его сопоставленія относительно различныхъ сторонъ сельскаго хозяйства—наглядно рисующими убогое состояніе основнаго промысла русскаго народа“. Было только замѣчено, что „данныя имъ *цифровыя* выраженія современнаго состоянія землевладѣнія и хозяйства въ Россіи и за границей во многихъ отношеніяхъ требуютъ провѣрки“.

По приведеннымъ выдержкамъ читатель можетъ судить, насколько справедливо утвержденіе г. Лохтина, что рецензентъ „Вѣстника Европы“, „привода примѣры ошибокъ, ни однимъ словомъ не обмолвился о положительныхъ сторонахъ изслѣдованія“ (стр. 148), равно какъ и другое его утвержденіе, что этотъ рецензентъ „былъ сильно задѣтъ за живое“ изслѣдованіемъ, компрометирующимъ, будто бы, излюбленное имъ „кастовое обособленіе крестьянъ“ (тавъ характеризуетъ г. Лохтинъ сочувственное отношеніе рецензента къ общинѣ), чѣмъ и „объясняется его недовольство изслѣдованіемъ“ (стр. 143). Кромѣ невѣрности по существу, утвержденіе г. Лохтина служить однимъ изъ многочисленныхъ проявленій его незнакомства съ русской экономической литературой. „Когда я производилъ свое изслѣдованіе,—говоритъ авторъ на стр. 133 своего новаго труда,—меня занималъ вопросъ, какъ отнесутся „патріоты своего отечества“ къ работѣ, показывающей, что нѣтъ ни одного государства, гдѣ бы земледѣльство велось такъ плохо, какъ въ Россіи“. Замѣчаніе это показываетъ, что г. Лохтинъ считаетъ свои выводы о положеніи русскаго хозяйства чѣмъ-то новымъ. Въ дѣйствительности же въ печати сплошь и рядомъ

приводятся данныя, показывающія низкое состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи, сравнительно съ другими государствами, и сравнительное многоземелье русскихъ крестьянъ, и подтверждающія фактъ голоднаго существованія послѣднихъ (открытие котораго г. Лохтинъ приписываетъ также своему изслѣдованію) и т. д. Книга же г. Лохтина только сконцентрировала и систематически разработала соответствующія данныя. Она бы могла имѣть значеніе и болѣе точнаго цифрового выраженія указанныхъ явленій, еслибы отмѣченные въ рецензій „Вѣстника Европы“ недостатки приѣмовъ изслѣдованія не приводили къ необходимости предварительной провѣрки многихъ ея сопоставленій. Что же касается выводовъ и заключеній, то независимо отъ ихъ вѣрности—г. Лохтинъ не далъ ни одной мысли, которая уже не обращалась бы въ обществѣ, и уже по этому одному его книга, какъ изслѣдованіе, не могла „задѣть за живое“ ни одного человѣка, интересующагося литературой по вопросамъ нашего хозяйства.

Тенденція усматривать или указывать въ неприятныхъ ему замѣчаніяхъ такія вещи, которыхъ на самомъ дѣлѣ въ нихъ не существуетъ, составляетъ столь явную и заслуживающую всякаго порицанія черту литературныхъ приѣмовъ г. Лохтина, что мы не можемъ не обратить на это вниманія. Тенденція эта проявляется даже относительно безобидныхъ для кого бы то ни было отдѣльныхъ выраженій, проявляется, такъ сказать, безкорыстно. На стр. 138 своей новой книги г. Лохтинъ цитируетъ одно мѣсто рецензій „Вѣстника Европы“, въ которой имѣется выраженіе: „Сводъ матеріаловъ (изд. канцеляріи комитета министровъ)“. Находящееся въ скобкахъ сокращенное слово, въ связи съ тремя послѣдующими, очевидно, можетъ быть прочтено только однимъ манеромъ („изданіе“), и оно представляется тогда относящимся къ книгѣ, именуемой „Сводъ матеріаловъ“. Въ выдержкѣ же изъ рецензій, сдѣланной г. Лохтинымъ и заключенной,—какъ это и принято при передачѣ чужихъ словъ,—въ кавычки,—подчеркнутое мѣсто передано такимъ образомъ: „въ сводѣ матеріаловъ, *изданныхъ канцелярією* комитета министровъ“, и при словѣ „изданныхъ“ поставленъ знакъ вопроса, чтобы отмѣнить неправильность согласованія этого слова, отнесеннаго, будто бы, рецензентомъ не къ „Своду“, издаванному дѣйствительно комитетомъ министровъ, а къ слову „матеріаловъ“, которые издавались разными другими вѣдомствами и учрежденіями. Это—мелочь, но она характерна... и непохвальна. Тотъ же приѣмъ переименованія чужихъ мыслей употребляется авторомъ и въ случаяхъ, которые нельзя уже считать свободными отъ корыстнаго, такъ сказать, элемента.

Въ рецензій „Вѣстника Европы“ указывается на незнакомство

г. Лохтина съ русской статистической литературою, обязывающее его брать свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ и приводящее къ неправильной оцѣнкѣ этихъ свѣдѣній. „Такъ (дѣлаемъ выдержку изъ рецензій), заключающаяся въ „Сводѣ матеріаловъ“ (изд. канцеляріи комитета министровъ) данныя о землевладѣніи, собранныя, какъ извѣстно, въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг., отнесены г. Лохтинымъ къ 1892 г., на томъ, вѣроятно, основаніи, что въ томъ же „Сводѣ“ приводятся свѣдѣнія о землѣ подъ посѣвомъ въ 1892 г. На стр. 145—146 площадь земли подъ паромъ и залежью опредѣляется на основаніи относительныхъ цифръ разныхъ авторовъ, но не самаго источника, гдѣ сгруппированы данныя соотвѣтствующаго официального изслѣдованія; и такъ какъ авторамъ, которыми пользовался г. Лохтинъ, не могли быть извѣстны результаты болѣе новаго изслѣдованія, опубликованнаго позже („Главнѣйшія данныя по земельной статистикѣ по изслѣдованію 1887 г.“), то этимъ источникомъ свѣдѣній не пользовался и г. Лохтинъ“. Это говорится въ рецензій „Вѣстника Европы“. А вотъ какъ передаетъ это мѣсто г. Лохтинъ. Онъ приводитъ изъ рецензій первую половину отиѣченной нами тирады, не упоминаетъ ничего о содержаніи подчеркнутой части и позволяетъ себѣ, затѣмъ, слѣдующую реплику: „Выписка эта показываетъ, что г. В. В. не свѣдущъ въ томъ вопросѣ, который онъ такъ авторитетно разбираетъ. Онъ утверждаетъ (!), что мы имѣемъ свѣдѣнія о землевладѣніи только относящіяся къ 1877—78 и 1881 гг. Это невѣрно“ (стр. 139).

Какъ видно изъ приведенной нами выдержки, рецензій „Вѣстника Европы“ утверждаетъ какъ-разъ обратное. Она напоминаетъ объ изслѣдованіи землевладѣнія болѣе позднею, чѣмъ 1877—78 и 1881 гг., относить это изслѣдованіе къ 1887 году, показываетъ, что г. Лохтину не были извѣстны ни первое, ни второе изслѣдованія, и утверждаетъ, что данныя 70-хъ годовъ, заимствованныя г. Лохтинымъ изъ вторыхъ рукъ, отнесены имъ къ началу 90-хъ годовъ. Въ отвѣтъ на это г. Лохтинъ, путемъ довольно запутанныхъ соображеній, старается доказать, что одна изъ книгъ („Сельское и лѣсное хозяйство Россіи“), откуда онъ почерпалъ свои свѣдѣнія о землевладѣніи (и которая—сказать встаті—будучи издана въ 1893 г., могла привести свѣдѣнія по этому предмету лишь для конца 70-хъ годовъ, такъ какъ результаты изслѣдованія 1887 г. появлялись въ свѣтъ выпусками въ теченіе 1892—1901 гг.), приводитъ самыя новыя данныя по этому предмету. Доказательства этого утвержденія очень характерны для ученаго, занимающагося спеціально статистическими работами. Вмѣсто подтвержденія своего мнѣнія справкою съ первоисточниками, г. Лохтинъ ссылается на два слова сочиненія „Сельское и лѣсное хозяйство Россіи“. „Въ настоящее время,—говоритъ это изданіе 1893 г., составленное

по случаю выставки въ Чикаго, примѣнительно къ читателю-американцу (оно было издано и на англійскомъ языкѣ),—поземельная собственность въ 49 губерніяхъ европейской Россіи распределяется слѣдующимъ образомъ“. Неточнаго обозначенія момента („въ настоящее время“), къ которому относятся приводимыя свѣдѣнія, оказалось для г. Лохтина совершенно достаточно, чтобы считать послѣднія современными моменту изданія книги, и даже полное почти совпаденіе этихъ свѣдѣній съ цифрами „Свода матеріаловъ“,—признанными имъ, наконецъ, относящимися къ концу 70-хъ годовъ,—не убѣдило его въ томъ, что оба изданія пользовались данными одного и того же изслѣдованія. Спрашивается, однако, нѣтъ ли надобности въ косвенныхъ доказательствахъ происхожденія и значенія спорной цифры, когда обращеніе къ первоисточнику рѣшить вопросъ непосредственно; и логично ли защищать специальное изслѣдованіе ссылками не на общіе для всѣхъ источники матеріаловъ, а на отдѣльныя выраженія книги, которая—по ея происхожденію—признана авторомъ компетентной, или—какъ это допущено г. Лохтинымъ въ вопросѣ относительно фиктивныхъ цифръ о числѣ малоземельныхъ крестьянъ—заимствованныхъ имъ изъ словаря Брокгауза и Ефрона,—ссылкою на то, что въ этомъ изданіи „участвуютъ 110 академиковъ и профессоровъ“ (стр. 142).

Послѣ всего изложеннаго, мы должны высказать, въ сожалѣнію, замѣчаніе, что и теперь, послѣ сдѣланныхъ ему указаній, г. Лохтинъ не ознакомился съ единственными источниками нашихъ свѣдѣній о русскомъ землевладѣніи; не знаетъ того, что данныя болѣе новаго изслѣдованія этого предмета опубликованы въ такое время, что не могли войти въ книги, изданныя въ началѣ 90-хъ годовъ, а черезъ нихъ попасть и на страницы изслѣдованія; г. Лохтинъ не знаетъ, вообще, когда и какъ производится у насъ общія изслѣдованія землевладѣнія. Онъ не потрудился ознакомиться съ этимъ предметомъ, несмотря на то, что въ своемъ новомъ трудѣ посвятилъ особую главу вопросу „о точности сельско-хозяйственныхъ статистическихъ данныхъ“, и сказанное о статистикѣ землевладѣнія мы должны распространить и на другіе предметы. Въ объѣмахъ своихъ книгахъ, напр., г. Лохтинъ сталкивается съ вопросомъ о разнорѣчии данныхъ разныхъ источниковъ объ урожаяхъ хлѣбовъ, и разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу свѣдѣній центральнаго статистическаго комитета, показывающаго болѣе низкіе урожаи, чѣмъ департаментъ земледѣлія и земства. Разрѣшеніе этого вопроса требуетъ прежде всего яснаго представленія о методахъ регистраціи урожаевъ; и хотя методы эти описываются и въ публикаціяхъ соответствующихъ учреждений, и у авторовъ, касавшихся даннаго предмета (труды которыхъ значатся въ списокѣ книгъ, прочитанныхъ г. Лохтинымъ), но г. Лохтинъ, тѣмъ не менѣе, пребываетъ

въ невѣдѣніи того, въ чемъ заключается различіе приемовъ собиранія свѣдѣній объ урожаяхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ съ одной стороны, земствомъ и департаментомъ земледѣлія—съ другой. Ему кажется, что бланки, —разсылаемые центральнымъ статистическимъ комитетомъ, черезъ посредство волостныхъ правленій, мѣстнымъ хозяевамъ, въ количествѣ двѣнадцати на каждую волость, и заключающіе вопросы о засѣянныхъ и собранныхъ хлѣбахъ, —предназначены для свѣдѣній не о двѣнадцати только хозяйствахъ волости и заполняются не тѣми самыми хозяевами, которые сообщаютъ о себѣ требуемыя свѣдѣнія. Онъ полагаетъ, что хозяева, о которыхъ идетъ рѣчь (и которыхъ онъ называетъ корреспондентами центрального статистическаго комитета), подобно добровольнымъ корреспондентамъ департамента земледѣлія и земства, собираютъ свѣдѣнія отъ разныхъ лицъ и представляютъ ихъ въ комитетъ. Составивъ себѣ такое понятіе о предметѣ, г. Лохтинъ резонно удивляется тому, на какомъ основаніи можно предполагать, что свѣдѣнія земскихъ корреспондентовъ будутъ вѣрнѣе свѣдѣній, получаемыхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ. „Предположеніе, что крестьяне умѣютъ тонко отличать корреспондентовъ центрального статистическаго комитета отъ земскихъ, что они идутъ только официальнымъ корреспондентамъ и говорятъ правду земскимъ—дѣтски смѣшно“ (стр. 141). Смѣшно—еслибы не было такъ грустно—читать подобныя разъясненія по предметамъ его специальности со стороны ученаго статистика, опирающагося на свои знанія для того, чтобы проектировать коренныя преобразованія аграрнаго строя стомилліонной страны.

Незнакомство съ русской статистической литературой обнаруживается чуть не въ каждомъ фактѣ самозащиты г. Лохтина. „Замѣчанія г. В. В., что изданія центрального статистическаго комитета о землевладѣніи мнѣ неизвѣстны,—говоритъ онъ, напр., на стр. 140 новаго своего произведенія,—и что я пользовался ими изъ вторыхъ рукъ, даютъ тоже ложное представленіе о моемъ изслѣдованіи. Всѣ свѣдѣнія соответствующаго характера о Россіи мною взяты изъ *этихъ изданій*“. Въ доказательство этого утвержденія г. Лохтинъ сообщаетъ, что свѣдѣнія о величинѣ владѣній, распредѣленіи угодій, о посѣвныхъ площадяхъ и количествѣ пара заимствованы имъ изъ изданія центрального статистическаго комитета—„Сборника свѣдѣній по Европейской Россіи за 1882 г.“,—не вѣдая того, что этотъ „Сборникъ“ и есть „вторыя руки“, а что „изданія центрального статистическаго комитета о землевладѣніи“, служащія первымъ источникомъ для вышеуказанныхъ свѣдѣній, носятъ заголовки: „Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи“, „Статистическій Временникъ Россійской Имперіи, серія III, вып. 10, Поземельная

собственность Европейской Россіи 1877—78 гт.", „Статистическій Временникъ Россійской Имперіи, серія III, вып. IV, Распределение земель по угодьямъ и пахатныхъ по посѣвамъ въ Европейской Россіи за 1881 годъ“.

Мы считаемъ излишнимъ останавливаться долѣе на вопросѣ о томъ, справедливо ли общее заключеніе г. Лохтина, что моя рецензія на его книгу „неосновательна и крайне пристрастна“,—и опровергъ или подтвердилъ онъ своими объясненіями мнѣніе рецензіи о томъ, что онъ вовсе не знакомъ или знакомъ очень поверхностно съ источниками свѣдѣній о Россіи, составлявшихъ спеціальнѣйшій предметъ его разработки. Намъ нужно сказать еще нѣсколько словъ о главномъ предметѣ его новой книги.

Въ своемъ первомъ трудѣ г. Лохтинъ коснулся вопроса о причинахъ „специфической разницы между Россіей и другими странами въ сельско-хозяйственномъ отношеніи“. По этому поводу въ рецензіи „Вѣстника Европы“ было высказано слѣдующее: „Мы опасаемся, что данный вопросъ авторъ, пожалуй, еще менѣе изучалъ по источникамъ, чѣмъ вопросъ о современномъ положеніи хозяйства, и та мысль, которую онъ развиваетъ въ этой главѣ (что всему причиной несчастная община), равно какъ и способъ аргументаціи (ссылка на исторію земледѣлія и на процессъ уничтоженія общины на Западѣ), даютъ много основанийъ предполагать, что указанная авторомъ причины отсталости нашего хозяйства не были признаны имъ за таковыя послѣ серьезнаго изслѣдованія предмета; что онъ принялъ извѣстныя мнѣнія, какъ принимаетъ масса ходячія воззрѣнія по тому или другому важному и интересному вопросу. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ браться за очень сложный вопросъ о причинахъ низкаго состоянія нашего хозяйства и о роли общины въ развитіи земледѣлія, г. Лохтину слѣдовало бы ознакомиться съ русской экономической и преимущественно земской литературой“. Причинамъ „специфической разницы между Россіей и другими странами въ сельскохозяйственномъ отношеніи“ посвященъ новый трудъ г. Лохтина, и читатель, конечно, догадывается, что наши опасенія оказались не напрасны, и что, посвящая свою работу аграрному строю Россіи, авторъ не ознакомился какъ слѣдуетъ „съ русской экономической и, преимущественно, земской литературой“. Такъ, въ перечнѣ авторовъ, съ трудами которыхъ ознакомился г. Лохтинъ, указанъ лишь одинъ (К. Р. Качоровскій) изслѣдователь русской общины, издавшій очень цѣнную по этому предмету книгу, но которая составляетъ лишь начало многотомнаго изслѣдованія объ общинѣ. Г. Лохтину неизвѣстно даже классическое сочиненіе о московской общинѣ покойнаго В. И. Орлова. Съ такимъ научнымъ багажемъ, конечно, нельзя было *изслѣдовать* вопросъ о дѣйствительномъ значе-

нів общины въ сельско-хозяйственной жизни страны и о роли этого фактора, въ ряду другихъ вліяній, въ процессѣ постепеннаго упадка крестьянскаго хозяйства. Никакими другими вліяніями, впрочемъ, г. Лохтинъ не занимается; не интересуется онъ и дѣйствительною жизнью русской общины въ многообразныхъ ея проявленіяхъ въ отношеніи сельскаго хозяйства; онъ только перечисляетъ по русскимъ и нѣмецкимъ книжкамъ техническія и экономическія неудобства аграрной и сельскохозяйственной общины вообще, и на эти недостатки возлагаетъ отвѣтственность за всѣ, кажется, экономическія бѣды русскаго крестьянства, вплоть до отсутствія подсобныхъ для земледѣлія занятій и чуть-ли не вывоза нашего хлѣба за границу. Недостатки эти: скученная жизнь земледѣльцевъ и удаленность полей отъ жилища и скотныхъ дворовъ; трехполье съ мертвымъ паромъ; прогонъ общаго стада черезъ поля отдѣльныхъ общинниковъ; раздробленность земли каждаго хозяина на отдѣльные куски; господство надъ личностью крестьянина власти міра и обычнаго права и т. п.

Эта „устарѣлая система быта крестьянъ ведетъ къ послѣдствіямъ невыгоднымъ не только для крестьянъ, но и для всего государства. Прежде всего здѣсь слѣдуетъ указать на расточительное и до бессмысленности небрежное отношеніе къ дарамъ природы и къ Богомъ данной способности трудиться“. Выясняетъ это авторъ, сравнивая Россію съ Китаемъ (стр. 29). „Китайцы тщательно удобряютъ землю, употребляя для этого рѣшительно все, что можно достать“; земля ихъ не истощается, а обогащается. Въ Россіи „въ вывозимыхъ за границу хлѣбѣ и продуктахъ скотоводства, и также въ предметахъ, потребляемыхъ городами, земля лишается безвозвратно огромныхъ богатствъ... Заводы, бойни спускаютъ свои отбросы въ рѣку“. Весь навозъ человѣческій, большая часть животнаго, кости и т. д. „теряются зря и безъ толку“. Крестьяне „совершенно равнодушно (?) относятся къ гибели большей части или всего навоза и другихъ удобрительныхъ веществъ“. „Болѣе бессмысленнаго и расточительнаго отношенія къ богатствамъ земли нельзя себѣ представить“ (стр. 31). „Китайцы имѣютъ особыя печи для согрѣванія жилищъ и особыя небольшія печи для приготовленія кушаній“. Они „готовятъ кушанья въ небольшихъ печуркахъ, причемъ вся посуда имѣетъ тонкое дно и нагрѣвается снизу. Нѣсколько горстей сухихъ листьевъ и прутьиковъ достаточно для изготовленія обѣда“. „У русскаго крестьянина такого раздѣленія нѣтъ, и въ теплое время печь требуетъ для прогрѣванія почти столько же топлива, какъ и зимою“; для приготовления пищи „употребляется не прямое тепло топлива, а переданное каменной кладкѣ печи“. „Какъ топливо китайцы употребляютъ всевозможную дрянь: сухіе листья и прутья изъ лѣса (дѣти лезятъ за сухими

листьями на деревья), сухоподстой и т. п.". Наши же лѣса „почти никогда не прорѣзаются и не очищаются.. и черезъ гніеніе гибнетъ масса лѣсного матеріала и лѣсныхъ отбросовъ безъ всякой пользы“ (стр. 37). „Снѣговая и дождевая вода бесполезно стекаютъ съ утрамбованнаго скотомъ и высушеннаго солнцемъ пара“; „никакихъ мѣръ для удержанія и равномернаго распредѣленія снѣга по полямъ не предпринимается“; „у крестьянъ нѣтъ ни малѣйшихъ (?) попытокъ къ орошенію полей (и даже огородовъ), нѣтъ попытокъ избѣгать вымачиванія и вымерзанія посѣвовъ“. Крестьянинъ тратитъ „безтолково“ массу труда на проѣздъ къ отдаленнымъ полямъ. Вмѣстѣ съ этимъ „также безтолково тратятся время, кормовыя средства, издержки на ремонтъ сбруи, телѣгъ, фуръ и т. п.“ (стр. 33). Слово „безтолковый“ въ примѣненіи къ крестьянскому труду такъ и мелькаетъ на страницахъ разбираемой нами книги. Не брезгаетъ авторъ и другими не менѣ лестными для крестьянъ выраженіями и мыслями. Крестьянинъ—это „манекенъ, автоматически двигающійся, будучи сжатъ и подталкиваемъ со всѣхъ сторонъ такими же манекенами, и свободнымъ (?), хотя и не вполне, онъ можетъ сдѣлаться только однимъ путемъ—отказавшись отъ земли и сдѣлавшись пролетаріемъ“ (стр. 18). Его „обычное право—право сильнаго и безправіе слабаго“ (стр. 24). „Прославленное равномерное распредѣленіе земли между общинниками не можетъ быть поставлено въ заслугу міру, такъ какъ всегда находилось (?) подъ отеческимъ контролемъ правительственныхъ органовъ или помѣщиковъ, не допускавшихъ крупныхъ несправедливостей“. „Земля въ общинахъ, какъ извѣстно, дѣлится часто (?) весьма неравномерно, причѣмъ невліятельные крестьяне получаютъ дальнія поля“. „Если бы крестьянинъ вздумалъ лучше другихъ удобрять свою землю, то уже черезъ немного лѣтъ поля его стали бы подвергаться осмотрамъ многихъ плотоядныхъ глазъ, и умы его сочленовъ стали бы разрабатывать игривыя комбинаціи, имѣющія цѣлью продажу его земли съ молотка и полученіе возможно большаго мотарыча“ (стр. 20—21). Только съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ „въ хаотическій міръ крестьянскаго самоуправленія и суда былъ все-таки внесень нѣкоторый порядокъ, судебнымъ и другимъ рѣшеніямъ крестьянъ приданъ нѣкоторый характеръ однообразія и опредѣленности“, а „розга все рѣже употребляется въ крестьянскомъ „правосудіи“. Точно также „и земская помощь крестьянамъ (или земская опека надъ крестьянами) въ различныхъ отрасляхъ жизни (образовательной, врачебной, агрономической и т. д.) явилась значительною частью вслѣдствіе полной неспособности крестьянскаго міра къ разумной и плодотворной общественной самодѣятельности“ (стр. 28). „Составленный изъ манекеновъ, насильно связанныхъ другъ съ другомъ, не довѣряющихъ одинъ

другому и управляемыхъ калейдоскопически измѣнчивымъ большинствомъ, онъ способенъ къ нововведеніямъ только подъ воздѣйствіемъ властей, земцевъ, сосѣднихъ помѣщиковъ или постороннихъ лицъ“ (стр. 20).

Всѣ эти воздѣйствія, равно какъ и другія мѣропріятія земства и правительства не приведутъ, однако, по мнѣнію г. Лохтина, даже къ предупрежденію дальнѣйшаго истощенія полей, если не послѣдуетъ предварительно преобразование техническихъ и экономическихъ условій крестьянскаго хозяйства, т. е. если часть домохозяевъ крупныхъ селеній не будетъ выселена на окраины надѣла, а оставшіеся на мѣстахъ не получатъ въ личную собственность цѣльные участки земли въ одной межѣ, близъ усадебъ. Когда же это будетъ сдѣлано, начнется эра благополучія крестьянина. „Вслѣдствіе надѣленія крестьянина лично, хотя бы и не отчуждаемою собственностью въ одномъ кускѣ близъ дома, возникло бы безконечное множество культуръ и производствъ, матеріальное положеніе крестьянина улучшилось бы и вмѣстѣ съ тѣмъ въ деревнѣ явился бы состоятельный покупатель, при отсутствіи котораго хирѣютъ фабрично-заводская и кустарная промышленность, страдаютъ и рабочіе промыслы“ (стр. 38). „Въ этомъ случаѣ необходимо произошла бы безконечная спеціализація хозяйствъ и для крестьянъ открылась бы возможность множества различныхъ производствъ, связанныхъ со спеціальными культурами на ихъ землѣ или же съ добычею глины, песка, рудъ, камней, торфа и т. п.“ (стр. 36). „Пески, овраги, солончаки, болота, мочжины, въ настоящее время никакихъ мѣропріятій со стороны крестьянина, кромѣ почесыванія въ нѣкоторомъ мѣстѣ, не вызывающіе, сдѣлавшись личною собственностью крестьянина, были бы обращены въ доходныя статьи—въ рыбныя пруды, мѣста для культуры любящихъ обиліе воды растений, водные резервуары для орошенія и т. п. Если китайцы устроиваютъ поля и огороды на скалистыхъ горахъ, на рѣкахъ (на плотяхъ, судахъ и лодкахъ) и т. п., то и нашъ крестьянинъ, поставленный въ условія, допускающія свободную самодѣтельность, сумѣлъ бы обратить себѣ на пользу разныя неудобныя мѣста“ (стр. 17). „Образованіе народа—великая вещь“. Но такъ какъ „плодотворная сельско-хозяйственная дѣятельность невозможна для крестьянъ по условіямъ ихъ быта, ...то результатъ теперь былъ бы тотъ же, если бы всѣ крестьяне были магистрами агрономіи“ (стр. 27). И затѣмъ, „предварительное образованіе не необходимо для возможности введенія интенсивнаго хозяйства“. „Это показываютъ примѣры другихъ странъ. Такъ, земледѣльцы древняго Египта, Ассиріи и т. п., гдѣ сельско-хозяйственная культура стояла на высокой ступени, были люди необразованные. ...Китайцы, японцы, индусы, у которыхъ земледѣльство стоитъ высоко, отнюдь

не образованнѣ русскихъ крестьянъ. ...Съ другой стороны, несомнѣнно что и въ настоящее время нашъ крестьянинъ оказался бы вполне способенъ къ интенсивной сельско-хозяйственной работѣ, если бы ему была дана къ тому возможность“ (стр. 42—43). Дайте только крестьянину „свободное распоряженіе землей“ (стр. 17), и все остальное явится само собой.

Таковы историко-соціологическіе взгляды г. Лохтина, и его пониманіе экономическихъ, политическихъ и культурныхъ условий—промышленнаго развитія вообще, хозяйственнаго развитія Россіи въ частности. И откуда же явится этому пониманію, если г. Лохтинъ, повидимому, до крайности ограничилъ свое общеніе съ печатнымъ словомъ! Если послѣ связаннаго раньше нужны новыя свидѣтельства для подтвержденія этой мысли,—мы сошлемся на стр. 49 разбираемой книги, гдѣ г. Лохтинъ утверждаетъ, что „модными фразами“ настоящаго времени являются фразы „о пользѣ общины, о великой миссіи русскаго народа“ и что противники „кастового обособленія крестьянъ ведутся на буксирѣ его защитниками“. Характерно въ этомъ смыслѣ и предисловіе къ разсматриваемому труду, въ которомъ г. Лохтинъ объявляетъ себя новаторомъ въ сферѣ обсуждаемыхъ имъ вопросовъ и признается, что „едва ли не первый выступаетъ публично противъ земско-крестьянскаго травосѣянія. Нужно, поэтому, ожидать, что предлагаемый теперь рядъ статей возбудитъ опроверженія и можетъ быть рѣзкія нападки“ (ст. III). Можемъ успокоить г. Лохтина: особенныхъ возраженій онъ можетъ и не встрѣтить, такъ какъ проповѣдываемые имъ взгляды на общину—самые теперь модные. Ихъ можно цѣликомъ встрѣтить въ произведеніяхъ г. П. Д., г. А. Никольскаго и другихъ немало-численныхъ противниковъ общины. А критика земско-крестьянскаго травосѣянія сдѣлалась даже любимымъ конькомъ одного изъ этихъ писателей. Въ новомъ произведеніи, поэтому, какъ и въ предшествующемъ, г. Лохтинъ лишь воспроизводитъ чужія мысли.

В. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1903.

Положеніе объ управленіи земскимъ хозяйствомъ въ девяти западныхъ губерніяхъ.— Порядокъ утвержденія земскихъ смѣтъ и раскладокъ.—Общее значеніе реформъ.— Новое уголовное уложеніе: постановленія о вѣнѣмости и вѣнѣніи, о видахъ виновности, о давности, о религиозныхъ посягательствахъ.

Въ 1898 г., министромъ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинымъ были внесены въ государственный совѣтъ два законопроекта, изъ которыхъ одинъ касался введенія земскихъ учреждений въ девяти западныхъ губерніяхъ, а другой—въ губерніяхъ астраханской, оренбургской и ставропольской. И тамъ, и тутъ предполагалось сохранить основной земскій принципъ—выборное начало, хотя и съ значительными отступленіями отъ типа принятаго для земскихъ губерній. Въ 1901 г., преемникъ И. Л. Горемыкина, Д. С. Сипягинъ, замѣнилъ оба проекта однимъ, предназначеннымъ какъ для двѣнадцати вышепоименованныхъ губерній, такъ и для губерніи архангельской. О главныхъ чертахъ этого проекта мы тогда же говорили довольно подробно ¹⁾. Большая ихъ часть перешла въ законъ, Высочайше утвержденный 2-го апрѣля нынѣшняго года подъ именемъ—положенія объ управленіи земскимъ хозяйствомъ въ губерніяхъ виленской, витебской, волынской, гродненской, кievской, ковенской, минской, могилевской и подольской. Изъ самаго заголовка закона видно, что реформа коснулась только сѣверо-западнаго и юго-западнаго края. Позволительно надѣяться поэтому, что на губерніи сѣверныя и восточныя будетъ распространено, уже безъ всякихъ значительныхъ отступленій, общее земское положеніе. Такую надежду подтверждаетъ предполагаемое возстановленіе земскихъ учреждений—земскихъ на самомъ дѣлѣ, а не только по имени,—въ области Войска Донскаго. Весьма вѣроятно, что совершенно особый порядокъ, установленный закономъ 2-го апрѣля, создается для западныхъ губерній лишь по со-

---

¹⁾ См. „Внутреннее Обозрѣніе“ въ №№ 5 и 6 „Вѣстника Европы“ за 1901 г.

ображеніямъ политическаго характера, непримѣнимымъ къ сѣверной и восточной окраинѣ Европейской Россіи. Какъ бы то ни было, нельзя не пожалѣть, что значительная часть государства остается, на неопредѣленное время, лишеною тѣхъ благъ, которыя даетъ истинное, хотя бы и не вполне развитое и во многомъ ограниченное самоуправленіе. Постановленія большинства губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ западнаго края, такъ единодушно и такъ энергично выразившихъ желаніе воспользоваться этими благами, заставляли думать, что близокъ, наконецъ, рѣшительный шагъ, имѣвшійся въ виду уже сорокъ лѣтъ тому назадъ, при самомъ утвержденіи перваго положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Еще раньше комитетовъ за возможность безотлагательнаго дарованія западному краю настоящихъ земскихъ учрежденій высказались нѣкоторые изъ числа мѣстныхъ администраторовъ, въ томъ числѣ генералъ Драгомировъ. Земское хозяйство далеко отъ жгучихъ политическихъ вопросовъ; въ его сферѣ могли бы мирно сойтись и національности, и сословія, найдя нормальный исходъ для жажды общественной дѣятельности, растущей параллельно съ интересомъ къ общему дѣлу... Въ текущемъ году новое положеніе будетъ введено въ дѣйствіе только въ губерніяхъ витебской, минской и моголевской; разрѣшеніе на дальнѣйшее его распространеніе должно быть испрашиваемо въ законодательномъ порядкѣ. Быть можетъ, опытъ трехъ губерній докажетъ необходимость перемѣны, болѣе рѣшительно отступающей отъ бюрократическихъ традицій.

Организація новыхъ учрежденій почти во всемъ сходна съ тою, которая была намѣчена Д. С. Сипягинымъ. Мѣсто, въ общей земской организаціи принадлежащее губернскому земскому собранію, въ западномъ краѣ занимаетъ губернской комитетъ по дѣламъ земскаго хозяйства. Въ составъ его входятъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, съ одной стороны—должностныя лица (губернскій предводитель дворянства ¹⁾, вице-губернаторъ, управляющій казенною палатою, начальникъ управленія земледѣлія и государственныхъ имуществъ, представитель удѣльнаго вѣдомства, уѣздные предводители дворянства, непремѣнный членъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, непремѣнные члены губернскаго или губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, предсѣдатель и члены губернской управы по дѣламъ земскаго хозяйства и городской голова губернскаго города, а также, при разсмотрѣніи дѣлъ извѣстнаго рода, представители вѣ-

¹⁾ Припомнимъ, что предводители дворянства въ западномъ краѣ не избираются, а назначаются, и слѣдовательно являются должностными лицами въ полномъ смыслѣ этого слова.

домствъ или частей, которыхъ эти дѣла ближайшимъ образомъ касаются); съ другой стороны—земскіе гласные, въ числѣ двухъ отъ каждаго уѣзда ¹⁾, назначаемые, на три года, министрами внутреннихъ дѣлъ изъ числа лицъ, имѣющихъ постоянное мѣстожительство въ уѣздѣ, если они сами (или жены или родители ихъ) владѣютъ не менѣе трехъ лѣтъ въ предѣлахъ уѣзда, на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, обложеннымъ на земскія повинности недвижимымъ имуществомъ или торгово-промышленнымъ заведеніемъ. На каждую *должность* земскаго гласнаго (гласные при исполненіи своихъ обязанностей приравняются къ должностнымъ лицамъ) и кандидата къ нему губернаторъ, по соглашенію съ губернскимъ и мѣстнымъ уѣзднымъ предводителями дворянства, представляетъ министру внутреннихъ дѣлъ не менѣе двухъ лицъ, но выборъ гласныхъ именно изъ числа этихъ лицъ для министра не обязателенъ. Земскіе гласные пользуются правомъ голоса на одинаковыхъ съ прочими членами основаніяхъ. Губернскіе комитеты созываются въ собранія годичныя (для разсмотрѣнія смѣтъ, раскладокъ, отчетовъ и жалобъ на дѣйствія управъ) и обыкновенныя. Для открытія годичнаго собранія требуется прибытіе не менѣе половины земскихъ гласныхъ, входящихъ въ составъ комитета; если оно не состоится, то созывается второе собраніе, дѣйствительное независимо отъ числа прибывшихъ гласныхъ. Въ обыкновенныхъ собраніяхъ присутствіе извѣстнаго числа гласныхъ необходимо только при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ дѣлъ, перечисленныхъ въ законѣ. Дѣла въ губернскомъ комитетѣ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ; при равенствѣ голосовъ перевѣсъ даетъ мнѣніе предсѣдателя, т.-е. губернатора. Рѣшенія, не требующія дальнѣйшаго утвержденія, могутъ быть переносимы губернаторомъ, если онъ остался въ меньшинствѣ, на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ. Уѣздный комитетъ по дѣламъ земскаго хозяйства состоитъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ всѣхъ земскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ уѣзда, уѣзднаго исправника, представителей министерства земледѣлія и удѣльнаго вѣдомства, инженера по дорожной части, мѣстнаго городского головы (или городского старосты), непремѣнныхъ членовъ уѣздной управы по дѣламъ земскаго хозяйства и 2—5 волостныхъ старшинъ, по назначенію губернатора. Уѣздный комитетъ ничего окончательно не рѣшаетъ, ограничиваясь составленіемъ *проектовъ* смѣтъ и раскладокъ и представленіемъ губернскому комитету ходатайствъ, свѣдѣній и заключеній. Для дѣйствительности собранія комитета требуется присут-

¹⁾ Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется по ходатайствамъ комитетовъ увеличивать, въ случаѣ надобности, число гласныхъ отъ отдѣльныхъ уѣздовъ до пяти.

ствіе не менѣе семи членовъ, въ томъ числѣ по крайней мѣрѣ одного земскаго гласнаго и одного волостного старшины.

Исполнительными органами новыхъ учрежденій служатъ въ губерніи — губернская, въ уѣздѣ — уѣздная управа по дѣламъ земскаго хозяйства. Предсѣдатель и члены (числомъ отъ трехъ до пяти) губернской управы назначаются министромъ внутреннихъ дѣлъ изъ числа лицъ, пользующихся правами государственной службы, если они удовлетворяютъ требованіямъ, установленнымъ по отношенію къ земскимъ гласнымъ или близко знакомы съ мѣстными условіями по прежней своей служебной дѣятельности въ губерніи. Уѣздная управа образуется, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ уѣзднаго исправника, одного изъ податныхъ инспекторовъ, двухъ земскихъ гласныхъ отъ уѣзда (по назначенію губернскаго комитета) и непремѣнныхъ членовъ, число которыхъ опредѣляется въ порядкѣ, установленномъ для утвержденія земскихъ смѣтъ и раскладокъ. Непремѣнные члены назначаются губернаторомъ, по представленію губ. управы, съ соблюденіемъ правила, установленнаго для назначенія предсѣдателя и членовъ губернской управы. Для завѣдыванія отдѣльными отраслями хозяйства могутъ быть назначаемы министромъ внутреннихъ дѣлъ, на три года, особые попечители, съ правомъ ношенія мундира и съ возмѣщеніемъ изъ земскихъ суммъ произведенныхъ ими по должности расходовъ.

Кругъ вѣдомства новыхъ учрежденій совпадаетъ, въ общемъ, съ кругомъ вѣдомства, предоставленнымъ земству положеніемъ 1890-го года. Нельзя сказать того же самаго о полномочіяхъ новыхъ учрежденій, сравнительно узкихъ. Рассмотрѣнные губернскимъ комитетомъ смѣты и раскладки представляются министру внутреннихъ дѣлъ и подвергаются предварительному обсужденію въ особомъ совѣщаніи, вновь образуемомъ при хозяйственномъ департаментѣ министерства ¹⁾. Въ первый годъ по введеніи въ дѣйствіе въ каждой губерніи новаго положенія смѣты и раскладки вносятся на утвержденіе законодательной власти, при чемъ государственнымъ совѣтомъ указываются тѣ ассигнованія, которыя и впредь не могутъ быть уменьшены иначе какъ въ законодательномъ порядкѣ. Въ послѣдующіе годы смѣты и раскладки утверждаются министромъ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ финансовъ, но первоначально установленный земскій сборъ съ недвижимыхъ имуществъ не можетъ быть увеличиваемъ больше, чѣмъ на три процента въ годъ. На рассмотрѣніе государственнаго

¹⁾ Въ составъ этого совѣщанія входятъ, подъ предсѣдательствомъ директора хозяйственнаго департамента, два члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, два члена отъ министерства финансовъ и представители другихъ вѣдомствъ (послѣдніе — при рассмотрѣніи дѣлъ и вопросовъ, касающихся даннаго вѣдомства).

совѣта вносятся: 1) предположенія объ увеличеніи земскихъ сборовъ выше упомянутой нормы; 2) предположенія объ измѣненіи смѣты и раскладокъ въ виду несоотвѣтствія ихъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ или явнаго нарушенія интересовъ мѣстнаго населенія; 3) предположенія объ уменьшеніи ассигнованій, изъятыхъ государственнымъ совѣтомъ изъ дѣйствія общихъ правилъ объ утвержденіи смѣты, и 4) разногласія между вѣдомствами, не устраненныя соглашеніемъ ихъ главныхъ начальниковъ.

Таковы главныя черты закона, котораго такъ долго и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ западный край. Существенной перемѣны въ положеніе земскаго хозяйства онъ не вноситъ, оставляя его по прежнему въ рукахъ администраціи. Доказательствомъ этому служить, прежде всего, составъ губернскихъ комитетовъ по дѣламъ земскаго хозяйства. Въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ хотя и участвуютъ должностныя лица, но основаніемъ ихъ участія (за исключеніемъ только депутата отъ духовенства) служить либо привлеченіе ихъ вѣдомства къ платежу земскихъ сборовъ (представители казны и удѣловъ), либо выборное происхожденіе ихъ полномочій (губернскій и уѣздные предводители дворянства, городской голова губернскаго города, председатели уѣздныхъ земскихъ управъ). Совсѣмъ не то будетъ представлять собою губернскій комитетъ по дѣламъ земскаго хозяйства: здѣсь должностныя лица будутъ засѣдать именно въ качествѣ должностныхъ лицъ, назначенныхъ начальствомъ и относящихся къ занятіямъ комитета какъ ко всякому другому ввѣренному имъ по службѣ дѣлу. Въ губернскомъ земскомъ собраніи представители казны и удѣловъ могутъ чувствовать себя призванными, наравнѣ съ гласными, къ исполненію общественной задачи; въ губернскомъ комитетѣ они неизбѣжно будутъ смотрѣть на дѣло съ той же точки зрѣнія, какъ и другія, засѣдающія рядомъ съ ними губернскія власти. Примыкать къ послѣднимъ, въ силу своего положенія, будутъ и назначенные предводители дворянства, и назначенный составъ губернской управы. Единственнымъ выборнымъ лицомъ въ комитетѣ будетъ городской голова губернскаго города. Наименьшее число уѣздовъ въ губерніяхъ западнаго края—7, наибольшее—12; слѣдовательно, всѣхъ должностныхъ лицъ въ губернскомъ комитетѣ будетъ отъ 20 до 25, не считая временно приглашаемыхъ ¹⁾, а земскихъ гласныхъ, вмѣстѣ съ городскимъ головой, отъ 15 до 25. Большинство голосовъ почти всегда, такимъ образомъ, будетъ на сторонѣ первыхъ, тѣмъ болѣе, что, живя (за исключеніемъ уѣздныхъ предводителей дворянства) въ губернскомъ

¹⁾ Замѣтимъ, что изъ числа временно приглашаемыхъ (съ правомъ голоса) членовъ комитета нѣкоторые (напр. губернскій инженеръ, губернскій врачебный инспекторъ, губернскій ветеринарный инспекторъ) прямо подчинены губернатору.

городѣ, они могутъ гораздо аккуратнѣе посѣщать засѣданія комитета, чѣмъ приѣзжающіе изъ уѣздовъ земскіе гласные. Прибавимъ къ этому, что губернатору, при раздѣленіи голосовъ поровну, принадлежитъ рѣшающій голосъ. Еще важнѣе, конечно, отсутствіе существеннаго различія между должностными лицами, входящими въ составъ комитета, и такъ-называемыми земскими гласными (говоримъ: такъ называемыми, потому что до сихъ поръ гласными именовались одни выборные общественныхъ учреждений). Назначаемые министромъ внутреннихъ дѣлъ и самимъ закономъ приравняемые къ должностнымъ лицамъ, они будутъ имѣть очень мало общаго съ гласными земскихъ собраній. Фактически назначеніе ихъ будетъ зависѣть, въ большинствѣ случаевъ, отъ губернатора, такъ какъ министръ рѣдко будетъ располагать свѣдѣніями, идущими изъ другого источника, а соглашеніе съ *назначаемыми* предводителями дворянства не составитъ серьезной гарантіи правильнаго выбора ¹⁾. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ гласные будутъ чаще попадать люди безцвѣтные, безличныя, податливыя, чѣмъ самостоятельныя, энергичныя, умѣло и бодро отстаивающіе свои мнѣнія. Для всѣхъ тѣхъ, кто входитъ въ составъ комитета *ex officio*, и въ особенности для его предсѣдателя, сессія комитета будетъ не особенно пріятнымъ отвлеченіемъ отъ обычныхъ занятій; естественно явится желаніе сократить ее до крайнихъ предѣловъ—а для этого нужно какъ можно меньше задержекъ со стороны гласныхъ, т.-е. какъ можно меньше возраженій противъ одобренныхъ губернаторомъ докладовъ губернской управы. Гласные, дорожающіе этимъ званіемъ и желающіе сохранить его по истеченіи трехлѣтняго срока, будутъ избѣгать всего того, что можетъ помѣшать новому назначенію; гласные по неволѣ, тяготящіеся своими обязанностями, будутъ неисправно посѣщать засѣданія комитета. А между тѣмъ, абсентеизмъ гласныхъ можетъ имѣть тѣмъ болѣе серьезное значеніе, что въ обыкновенныхъ собраніяхъ комитета многія дѣла подлежатъ рѣшенію независимо отъ числа явившихся гласныхъ. Даже въ лучшемъ случаѣ, при аккуратности, добросовѣстности и независимости гласныхъ, они будутъ гораздо менѣе освѣдомлены о положеніи своего уѣзда, чѣмъ гласные губернскихъ земскихъ собраній, какъ потому, что каждый изъ двухъ гласныхъ можетъ быть хорошо знакомъ только съ сравнительно небольшою частью уѣзда, такъ и потому, что недостатокъ личнаго опыта не будетъ—мы сейчасъ это увидимъ—пополняться преніями уѣзднаго комитета. Очень слаба, наконецъ, можетъ быть связь гласнаго съ мѣстностью, которую онъ какъ бы представляетъ въ губернскомъ коми-

¹⁾ Отъ соглашенія съ предводителями можно ожидать только одного: подбора гласныхъ преимущественно изъ числа лицъ, преданныхъ интересамъ крупнаго земледѣнія.

тетѣ. Отъ него требуется только уплата земскаго сбора, въ какомъ бы то ни было количествѣ, хотя бы самомъ ничтожномъ. Мы сочувствовали бы такому пониженію пассивнаго избирательнаго ценза, еслибы дѣло шло о *выборѣ*; но при *назначеніи*—сравнительно высокой цензъ больше гарантируетъ самостоятельность назначаемаго. Правда, установленіе сколько-нибудь высокаго ценза мѣшало бы приглашенію гласныхъ изъ среды крестьянъ—но представительство ихъ могло бы быть достигнуто другимъ путемъ, сходнымъ, напримѣръ, съ намѣченнымъ въ проектѣ И. Л. Горемыкина.

Если положеніе гласныхъ въ губернскомъ комитетѣ представляетъ мало условій для плодотворной дѣятельности, то еще менѣе оно благоприятно въ уѣздномъ комитетѣ, гдѣ они—даже съ присоединеніемъ къ нимъ городского головы—являются ничтожнымъ меньшинствомъ среди массы должностныхъ лицъ. Къ числу послѣднихъ, въ виду состава комитета, слѣдуетъ присоединить и волостныхъ старшинъ, такъ какъ они, будучи назначены губернаторомъ и дѣйствуя на глазахъ своего непосредственнаго начальства, не могутъ не сознавать себя агентами власти, а вовсе не представителями крестьянства. Въ такомъ собраніи земскіе гласные не могутъ ни почерпнуть свѣдѣнія о положеніи всѣхъ частей уѣзда, ни узнать настоящія нужды и желанія населенія. Нѣтъ, притомъ, и достаточнаго побужденія къ дѣятельному участию въ собраніи, вся задача котораго сводится къ приготовленію матеріала для работъ губернскаго комитета. Въ сущности законъ 2-го апрѣля создаетъ, для дѣлъ земскаго хозяйства, только одинъ распорядительный органъ—*губернскій*. Неудобства такого порядка были указаны нами еще при разборѣ законопроекта 1898-го года. Даже уѣздъ—говорили мы тогда—„слишкомъ великъ, его части слишкомъ разнородны, населеніе его слишкомъ мало соприкасается съ центромъ. Это отражается, въ большей или меньшей степени, на всѣхъ отрасляхъ земскаго хозяйства. Возможно ли, въ виду этого, рассчитывать на успѣхъ земской организаціи, еще гораздо болѣе отдаленной отъ населенія? Не ясно ли, что если уѣздному земскому собранію не всегда по силамъ одинаково внимательное отношеніе ко всѣмъ частямъ уѣзда, одинаково успѣшная охрана ихъ специальныхъ интересовъ, то отъ губернскаго земскаго собранія тѣмъ меньше можно ожидать правильнаго разрѣшенія вопросовъ, касающихся только одного уѣзда, одной части уѣзда, одной волости“? Все это еще въ большей степени примѣнимо къ губернскому комитету. Нельзя не признать, однако, что облечь уѣздные комитеты, по отношенію къ уѣзду, тѣми же правами, какія даны губернскимъ комитетамъ по отношенію къ губерніи, было бы до крайности рискованно. Губернскій комитетъ больше на виду, чѣмъ уѣздный, больше долженъ считаться и ст. официальнымъ контролемъ, и съ обществен-

нымъ мѣнѣемъ. Въ уѣздной глуши широкія полномочія собранія, не связаннаго, по своему происхожденію, съ мѣстнымъ населеніемъ, были бы, поэтому, особенно неудобны.

Всецѣло бюрократическими учрежденіями являются, по закону 2-го апрѣля, губернская и уѣздныя управы по дѣламъ земскаго хозяйства. Губернская управа ничѣмъ, въ сущности, не отличается отъ другихъ губернскихъ присутственныхъ мѣсть, тѣмъ болѣе, что предсѣдатель ея и члены могутъ быть назначаемы даже не изъ числа мѣстныхъ коренныхъ жителей или землевладѣльцевъ. Ознакомленіе съ мѣстными условіями путемъ прежней служебной дѣятельности—это такое требованіе, подъ которое легко подвести любого изъ числа „старослужащихъ“ данной губерніи. Для составленной такимъ образомъ губернской управы мѣніе губернатора не можетъ не быть несравненно болѣе важнымъ, чѣмъ рѣшеніе губернскаго комитета. Усмотрѣвъ неправильныя дѣйствія управы или подвѣдомственныхъ ей лицъ и учреждений, губернаторъ предлагаетъ управѣ о возстановленіи нарушеннаго порядка и о своихъ распоряженіяхъ сообщаетъ губернскому комитету—сообщаетъ, очевидно, только для свѣдѣнія, такъ какъ губернскому комитету не предоставлено обсуждать пререканія между губернаторомъ и управой. Подчиненность управы является, такимъ образомъ, полной, ничѣмъ не смягченной. Уѣздныя управы точно такъ же подчинены губернской, а черезъ нее—губернатору. Самый составъ уѣздныхъ управъ не благопріятствуетъ ни самостоятельности ихъ, ни распорядительности: первой—потому что всѣ члены управы (за исключеніемъ, быть можетъ, податнаго инспектора) прямо или косвенно зависимы отъ губернатора, второй—потому что предсѣдателемъ управы состоитъ уѣздный предводитель дворянства, обремененный массою дѣлъ, а членовъ слишкомъ много, и солидарности между ними, въ виду различія ихъ положеній, ожидать трудно. Бюрократично и внутреннее устройство управы: распределеніе обязанностей между предсѣдателемъ и членами управъ утверждается министромъ внутреннихъ дѣлъ или губернаторомъ; предсѣдателю предоставлено останавливать исполненіе опредѣленія управы, и притомъ не только въ случаѣ противорѣчія его закону, но и въ случаѣ несогласія его съ постановленіемъ губернскаго комитета. Единству и правильности земскаго управленія едва ли, наконецъ, будутъ способствовать попечители, назначаемые министромъ внутреннихъ дѣлъ. Институтъ попечителей выросъ и развился на земской почвѣ; побужденіемъ къ принятію этой должности служить довѣріе избирателей. Трудно предположить, чтобы равносильнымъ стимуломъ могло оказаться право на ношеніе мундира.

Среди возраженій, вызванныхъ, два года тому назадъ, проектомъ

Д. С. Сипягина, большую роль играли указанія на несоотвѣтствіе между характеромъ проектируемыхъ учреждений и предоставленіемъ имъ съ одной стороны, наравнѣ съ земствомъ, правъ юридическаго лица, съ другой—права обложенія, принадлежавшаго до сихъ поръ только законодательной власти и представителямъ населенія. Первая аномалія устранена закономъ 2-го апрѣля, въ силу котораго право приобрѣтать и отчуждать имущество, заключать договоры, вступать въ обязательства, искать и отвѣчать на судѣ предоставлено новымъ учрежденіямъ на основаніи общихъ для казенныхъ управленій правилъ. Совершенно правильно, такимъ образомъ, вновь созданное „управленіе земскимъ хозяйствомъ“ въ западныхъ губерніяхъ приравнено къ другимъ казеннымъ управленіямъ. Вторая аномалія не устранена, а только смягчена тѣми постановленіями о порядкѣ утвержденія смѣтъ, которыя приведены нами выше: управленію по дѣламъ земскаго хозяйства и министерствамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ предоставлено увеличивать обложеніе въ извѣстныхъ предѣлахъ и на почвѣ, предварительно установленной въ законодательномъ порядкѣ. До извѣстной степени, слѣдовательно, сохраняютъ свою силу всѣ аргументы, приведенные, въ свое время, противъ первоначальнаго законопроекта. Постановленія губернскаго комитета, поступающія на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ не въ силу закона, а вслѣдствіе разногласія между губернаторомъ и губернскимъ комитетомъ, разрѣшаются министромъ, по соглашенію, когда нужно, съ заинтересованными вѣдомствами. Отсюда слѣдуетъ заключить, что министр въ правѣ не только *отмѣнить*, но и *измѣнить* постановленіе губернскаго комитета, т.-е. замѣнить его собственнымъ своимъ рѣшеніемъ... Весьма характерно, что губернскому комитету предоставлено возбуждать ходатайства не о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, а только „по различнымъ вопросамъ управленія земскимъ хозяйствомъ“. Это совершенно логично, такъ какъ меньше всего губернскій комитетъ является представительствомъ мѣстнаго населенія. Другая характерная черта—крайнее ограниченіе гласности земскаго управленія. О публичности засѣданій комитетовъ не говорится вовсе, и она по всей вѣроятности допущена не будетъ. Печатацію въ губернскихъ вѣдомостяхъ подлежатъ только важнѣйшія постановленія губернскаго комитета и отчеты губернской управы.

Наивно утверждая, что новый законъ привлечетъ къ участию въ земскомъ хозяйствѣ западнаго края *лучшихъ* представителей мѣстнаго населенія, реакціонная печать спѣшитъ провозгласить, что реформа 2-го апрѣля „имѣетъ не только мѣстное значеніе, а представляетъ собою, вмѣстѣ съ тѣмъ, и важный политическій шагъ“. „Наконецъ-то“—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“ (№ 123)—„рѣшились мы (?)

признать, что надлежащая забота о мѣстномъ благоустройствѣ не должна непременно оплачиваться всѣми прелестями мѣстной избирательной борьбы, что привлеченіе мѣстнаго населенія къ заботамъ о земскомъ хозяйствѣ возможно и не на выборномъ началѣ. Пока это лишь теорія. Мы не сомнѣваемся, что черезъ нѣсколько лѣтъ она будетъ считаться незыблемо подтвержденною опытомъ, а въ этомъ случаѣ самъ собою естественно возникаетъ вопросъ: не лучше ли распространить этотъ болѣе совершенный, чѣмъ выборная система, порядокъ привлеченія населенія къ участию въ мѣстномъ хозяйственномъ управленіи и на внутреннія губерніи? Мы не беремся, подобно московской газетѣ, предсказывать будущее—но мы знаемъ прошедшее, а оно ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что все полезное и прочное, созданное земствомъ, достигнуто имъ благодаря независимости, возможной только при дѣйствиіи выборнаго начала. Въ учрежденіяхъ, которыя вводятся теперь въ западныхъ губерніяхъ, мы видимъ, поэтому, только временную мѣру, только переходъ къ нормальнымъ основамъ земскаго хозяйства.

Возвращаемся къ новому уголовному уложенію, нѣкоторыя особенности котораго были указаны нами въ предъидущемъ обзорѣ. Къ наиболѣе совершеннымъ его отдѣламъ принадлежатъ, безспорно, постановленія объ условіяхъ вмѣненія и преступности дѣяній. Одною статьею замѣняется здѣсь длинный перечень причинъ невмѣняемости, съ которыми до сихъ поръ приходилось считаться нашимъ судамъ. „Не вмѣняется въ вину“—гласитъ ст. 39 новаго закона—„преступное дѣяніе, учиненное лицомъ, которое, во время его учиненія, не могло понимать свойство и значеніе имъ совершаемаго или руководить своими поступками вслѣдствіе болѣзненнаго расстройства душевной дѣятельности, или безсознательнаго состоянія, или же умственнаго неразвитія, происшедшаго отъ тѣлеснаго недостатка или болѣзни“. Подъ это общее опредѣленіе могутъ быть подведены всѣ основанія невмѣняемости, перечисленныя въ дѣйствующемъ уложеніи (безуміе, сумасшествіе, безпамятство, умоизступленіе, дряхлость, лунатизмъ, глухотѣмота), а также и другія, имъ не предусмотрѣнныя (напр. состояніе просонковъ, гипнозъ). Суду, опирающемуся на научную экспертизу, предоставленъ достаточный просторъ, дана возможность примѣняться къ обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго случая. На сколько новая редакція закона превосходитъ старую, объ этомъ можно судить по одному примѣру. По ст. 95-ой уложенія о наказаніяхъ не вмѣняется въ вину преступленіе, совершенное сумасшедшимъ, если онъ не могъ имѣть понятія о противозаконности и о самомъ свой-

ствѣ своего дѣянія. Бываютъ, однако, такія формы душевнаго разстройства, при которыхъ сознается свойство (а слѣдовательно и противозаконность) дѣянія, но нѣтъ силы удержаться отъ его совершенія. Вполнѣ основательно, поэтому, новое уложеніе ставитъ рядомъ съ неспособностью понимать значеніе совершаемаго неспособностью руководить своими поступками. Сжатости формы соотвѣтствуетъ здѣсь полнота содержанія. То же самое можно сказать и о статьяхъ, предусматривающихъ: случай, непреодолимую превосходящую силу, фактическую ошибку и необходимую оборону. Двѣ первыя причины невмѣненія объединены въ одной статьѣ (42-ой), несмотря на свою краткость вполнѣ исчерпывающей предметъ („не вѣмѣняется въ вину преступное дѣяніе, коего учинившій не могъ предвидѣть или предотвратить“). Новымъ и какъ нельзя болѣе цѣлесообразнымъ является правило ст. 47-ой, давно уже подсказываемое жизнью и судебною практикою: „не почитается преступнымъ дѣяніе, направленное на предметъ несуществующій или, очевидно, негодный для учиненія того рода преступнаго дѣянія, которое замышлено“. Сомнѣнія внушаетъ намъ только одна статья даннаго отдѣла (44-ая), по которой „не почитается преступнымъ ни дѣяніе, учиненное во исполненіе приказа по службѣ, даннаго подлежащею властью въ предѣлахъ ея вѣдомства, съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ, если приказъ не предписывалъ явно преступнаго“. „Для обязательности приказа“—сказано въ объясненіи въ этой статьѣ—„необходимо, чтобы исполнитель въ моментъ исполненія приказа не сознавалъ его явной противозаконности, такъ какъ интересы не только частныхъ лицъ, но общества и государства одинаково требуютъ, чтобы подчиненный, исполняя въ точности возложенное на него порученіе, не былъ бы только физическимъ орудіемъ въ рукахъ начальника“. Именно изъ того, что исполнитель не долженъ быть только орудіемъ въ рукахъ начальника, слѣдуетъ заключить, что онъ безусловно не въ правѣ исполнять противозаконный приказъ и подлежитъ отвѣтственности за его исполненіе. Конечно, въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ судъ можетъ оправдать подчиненнаго, установивъ, что онъ не сознавалъ противозаконность даннаго ему приказа; но заранѣе признавать наказуемымъ только исполненіе приказа *явно преступнаго*, значить поощрять подчиненныхъ къ неразборчивости въ исполненіи приказаній. Мы продолжаемъ думать ¹⁾, что вполнѣ достаточно было бы первыхъ словъ статьи 44-ой: „не почитается преступнымъ дѣяніе, учиненное во исполненіе закона“; они обнимаютъ собою и дѣйствія, совершенныя на основаніи правильнаго по формѣ и не противозаконнаго по содержанію приказа. Желатель-

¹⁾ См. „Внутр. Обзорніе“ въ № 1 „Вѣсти. Европы“ за 1883 г.

ной представлялась бы, по меньшей мѣрѣ, замѣна выраженія: „явно преступнаго“ выраженіемъ: „явно противозаконнаго“. Вполнѣ согласное съ мотивами закона, оно побудило бы подчиненныхъ къ бѣльшей осмотрительности въ исполненіи получаемыхъ ими приказаній. Явно преступными, т.-е. существенно нарушающими чье-либо основное право, указы начальствующихъ лицъ бывають сравнительно рѣдко: гораздо чаще они идутъ дальше закона, раздвигая его рамки или обостряя его примѣненіе—и вотъ, именно этому произволу могла бы противодѣйствовать болѣе строгая отвѣтственность исполнителей. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ: представимъ себѣ, что земскій начальникъ, распоряжаясь, въ силу своей дискреціонной власти, арестомъ крестьянина на три дня, предписываетъ волостному старшинѣ содержать его на хлѣбѣ и на водѣ, не допуская снабженія его другой пищей со стороны его домашнихъ. Въ глазахъ волостного старшины такой указъ едва ли былъ бы явно преступнымъ (какимъ было бы, на примѣръ, предписаніе не давать арестованному, въ теченіе трехъ дней, *никакой* пищи, т.-е. подвергнуть его мученіямъ голода и жажды); но явно противозаконнымъ онъ несомнѣнно можетъ и долженъ быть признанъ, такъ какъ въ составъ ареста, налагаемаго дискреціонною властью земскаго начальника, вынужденный постъ не входитъ. Ошибочно было бы утверждать, что законъ задается цѣлью свести къ минимуму право подчиненнаго на разсужденіе, обезпечить, по возможности, непрекословное, слѣпое исполненіе начальственныхъ предписаній. Разсуждать подчиненнымъ придется и при дѣйствіи ст. 44-ой, потому что она освобождаетъ ихъ отъ отвѣтственности за исполненіе такихъ только приказовъ, которые даны: 1) *подлежащею* властью, 2) въ предѣлахъ ея вѣдомства и 3) съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ. Въ наличности всѣхъ этихъ признаковъ или условій, въ особенности двухъ послѣднихъ, нельзя убѣдиться, не разсуждая.

Много новаго и цѣннаго заключаетъ въ себѣ и отдѣлъ о видахъ виновности. *Двадцать четыре* статьи дѣйствующаго уложенія замѣнены здѣсь *пятью*, не только безъ ущерба, но съ выгодой для полноты и опредѣленности содержанія ¹⁾. До крайности упрощены постановленія объ умыслѣ, о покушеніи и въ особенности о соучастіи

¹⁾ Не совсѣмъ точнымъ кажется намъ только опредѣленіе одного изъ видовъ неосторожности. Преступное дѣяніе—говорится въ ст. 48-ой—почитается неосторожнымъ, „когда виновный хотя и *предвидѣлъ наступленіе послѣдствія*, обуславливающаго преступность сего дѣянія, но легкомысленно предполагалъ такое послѣдствіе предотвратитъ“. Подчеркнутыя нами слова правильнѣе было бы замѣнить словами: *предвидѣлъ возможность послѣдствія*. Предвидѣть *наступленіе* послѣдствія дѣянія, значитъ дѣйствовать умышленно.

въ преступномъ дѣяніи. Безусловно наказуемымъ покушеніе признается только при тяжкихъ преступленіяхъ; покушеніе на преступленіе наказуемо только въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ, покушеніе на проступокъ не наказуемо вовсе. Къ числу соучастниковъ не отнесены попустители, укрыватели и недоносители, подлежащіе отвѣтственности только въ извѣстныхъ случаяхъ, на основаніи специальныхъ узаконеній. Не всегда, также, подлежатъ наказанію подстрекатели и пособники, хотя они и причислены къ соучастникамъ. Въ отдѣлѣ объ обстоятельствахъ, устраняющихъ наказуемость,—вниманія и сочувствія заслуживаетъ распространеніе давности не только на тѣ случаи, когда, въ теченіе извѣстныхъ сроковъ, не было возбуждено уголовного преслѣдованія, но и на тѣ, когда (въ теченіе сроковъ болѣе продолжительныхъ) не было постановлено приговора или приговоръ не былъ обращенъ къ исполненію.

Особенная часть уложенія начинается главою о нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій. Въ проектѣ, составленномъ редакціонною комиссіею, эта глава была семнадцатою, сообразно съ общей системою, переходящей послѣдовательно отъ охраны государства къ охранѣ общества и общественныхъ союзовъ, а отъ нея къ охранѣ частныхъ лицъ. Порядокъ этотъ, вслѣдствіе замѣчаній со стороны вѣдомства православнаго исповѣданія, былъ измѣненъ уже въ окончательной редакціи проекта, внесенной на разсмотрѣніе государственнаго совѣта: преступленіямъ противъ вѣры возвращено мѣсто, занимаемое ими въ дѣйствующемъ уложеніи. Сравнительно мало измѣнено и самое содержаніе главы. Редакціонная комиссія, какъ видно изъ объяснительной ея записки (т. IV), остается здѣсь, по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ, на почвѣ возрѣній дѣйствующаго законодательства. Въ западно-европейскихъ государствахъ понятіе о посягательствахъ на Божество уступило мѣсто понятію о посягательствахъ на права религиозныхъ обществъ и ихъ членовъ—посягательствахъ, заключающихся либо въ стѣсненіи свободы богослуженія, либо въ непочтительномъ отношеніи къ тому, что составляетъ для многихъ предметъ благоговѣйнаго уваженія. Отсюда и самый характеръ наказаній,—въ Германіи и Франціи, напримѣръ, не идущихъ дальше тюремнаго заключенія. Редакціонная комиссія заимствовала изъ дѣйствующаго уложенія понятіе о богохуленіи и оскорбленіи святыни, наказуемость котораго, какъ и теперь, обусловливается цѣлью произвести соблазнъ, увеличивается совершеніемъ преступнаго дѣянія въ молитвенномъ зданіи или публично—и уменьшается опьяненіемъ, неразуміемъ или невѣжествомъ преступника. За значительное смягченіе наказаній, грозящихъ виновному въ богохуленіи или оскорбленіи святыни, стоялъ только одинъ членъ комиссіи (Н. С. Таганцевъ),

находя, что сущность богохуленія состоитъ не въ посягательствѣ на самое Божество, а въ посягательствѣ на религію, какъ на одну изъ нравственныхъ основъ государственной жизни, и что притомъ посягательства эти, не разрушая тѣхъ благъ, на которыя они направлены, служатъ лишь доказательствомъ отсутствія должнаго къ нимъ уваженія, возбуждая чрезъ то неудовольствіе и соблазнъ. Исходя изъ этикъ соображеній, Н. С. Таганцевъ признавалъ достаточнымъ назначить за наиболѣе тяжкіе виды богохуленія или оскорбленія святныи ссылку на поселеніе, за менѣе тяжкіе — заточеніе, а при обстоятельствахъ, особо уменьшающихъ вину—арестъ. Большинство коммисіи высказалось за лѣстницу наказаній, близко подходящую къ существующей: срочная каторга — поселеніе — заточеніе на срокъ не свыше трехъ лѣтъ—тюрьма. Эта система усвоена и уложеніемъ, съ тою только разницей, что рядомъ съ заключеніемъ въ крѣпости (т.-е. заточеніемъ) поставлено заключеніе въ исправительномъ домѣ, а тюрьма замѣнена арестомъ.

Болѣе существенно измѣненіе, внесенное уложеніемъ въ постановленія о поношеніи установленій и обрядовъ христіанской церкви и о поруганіи или поношеніи предметовъ, употребленіемъ при христіанскомъ богослуженіи освященныхъ. Объединяя эти преступленія, а также непристойныя насмѣшки надъ священными предметами или предметами вѣрваній, подъ общимъ именемъ кощунства, ¹⁾ новое уложеніе караетъ ихъ тюрьмою (а въ случаѣ если они совершены по неразумію, невѣжеству или въ состояніи опьяненія—арестомъ), между тѣмъ какъ въ настоящее время подобныя дѣянія могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, повлечь за собой ссылку на поселеніе или даже въ каторжную работу. Значительно смягчены также наказанія за нарушенія церковнаго благочинія, объединяемыя въ новомъ уложеніи подъ именемъ безчинства (арестъ и только въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ тюрьма, а по дѣйствующему уложенію тюрьма на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ). Наказуемымъ, зато, новое уложеніе провозглашаетъ явное оскорбленіе одного изъ признанныхъ въ Россіи нехристіанскихъ исповѣданій (путемъ поношенія, поруганія или безчинства), если оно совершено въ молитвенномъ домѣ этого исповѣданія или при публичномъ отправленіи установленнаго имъ общественнаго религіознаго служенія (наказаніе—арестъ). Это нововведеніе вытекаетъ вполне логически изъ основнаго

¹⁾ Въ дѣйствующемъ уложеніи кощунствомъ называются только насмѣшки, доказывающія явное неуваженіе къ христіанству. Н. С. Таганцевъ полагалъ, что кощунство (въ широкомъ смыслѣ слова), должно быть караемо не тюрьмою, а заточеніемъ.

закона, обезпечивающаго каждому инопордцу — еврею, магометанину, язычнику—свободное отправленіе его вѣры по обычаю предковъ.

Въ составъ новаго уложенія не вошелъ цѣлый рядъ новыхъ дѣйствующихъ статей, предусматривающихъ отступленіе отъ православія и несоблюденіе правилъ православной церкви; но это объясняется исключительно тѣмъ, что всѣ подобныя статьи не установили никакой свѣтской кары и лишь по недоразумѣнію были включены въ уголовное законодательство. Никакого шага впередъ, въ смыслъ свободы выхода изъ господствующей церкви, уложеніе, слѣдовательно, собою не знаменуетъ. Запрещенною остается, по прежнему, пропаганда вѣроученій, несогласныхъ съ православіемъ. Въ подробностяхъ, однако, новое уложеніе существенно уклоняется отъ дѣйствующаго. По ст. 90-ой новаго уложенія виновный въ произнесеніи или чтеніи, публично, проповѣди, рѣчи или сочиненія или въ распространеніи или публичномъ выставленіи сочиненія или изображенія, возбуждающихъ къ переходу православныхъ въ иное вѣроисповѣданіе или въ расколоученіе или секту, если эти дѣянія учинены съ цѣлью совращенія православныхъ, наказывается заключеніемъ въ крѣпости на срокъ не свыше одного года или арестомъ. Это наказаніе представляется болѣе мягкимъ въ сравненіи какъ съ дѣйствующимъ законодательствомъ (ст. 189 и 196: тюремное заключеніе на срокъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ), такъ и съ проектомъ редакціонной комиссіи (заточеніе на срокъ не свыше трехъ лѣтъ; за ограниченіе этого срока однимъ годомъ стояли только два члена комиссіи, Н. С. Таганцевъ и И. Я. Фойницкій). На одинъ уровень съ пропагандой редакціонная комиссія ставила совершеніе расколникомъ или сектантомъ духовной требы для лица завѣдомо православнаго; уложеніе (ст. 91) отнеслось къ этому дѣянію болѣе снисходительно, назначая за него только арестъ. Смягчена, сравнительно съ дѣйствующимъ закономъ и съ проектомъ, и отвѣтственность духовныхъ лицъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій за совершеніе духовныхъ требъ для православныхъ и за преподаваніе имъ (во время ихъ несовершеннолѣтія) катихизиса своего вѣроисповѣданія: арестъ замѣненъ денежной пеней и сокращены сроки удаленія отъ должности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ это добавочное наказаніе назначено только за повтореніе проступка (ст. 93 и 94).

Особаго вниманія заслуживаютъ тѣ статьи новаго уложенія, которыя касаются совращенія христіанъ въ нехристіанскую вѣру и православныхъ въ иное христіанское исповѣданіе, расколоученіе или секту. Дѣйствующее уложеніе говоритъ: 1) объ *отвлеченіи* христіанина, черезъ подговоры, обольщенія или иными средствами, въ нехристіанскую вѣру (ст. 184: каторжная работа); 2) о *совращеніи* изъ

православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе (ст. 187: исправительное арестантское отдѣленіе), и 3) о *распространеніи* ересей и расколовъ (ст. 196: поселеніе). Для одного и того же понятія употреблены, такимъ образомъ, три различныя выраженія, изъ которыхъ два послѣднія совершенно неопредѣленны, а попытка точнѣе опредѣлить первое парализована словами: *или иными средствами*. Новому уложенію предстояло, въ данномъ случаѣ, не только объединить терминологію, но и установить условія преступности. Редакціонная коммиссія остановилась на терминѣ: *совращеніе*, но не дала ему строго опредѣленнаго содержанія; изъ средствъ совращенія она указала только насиліе и наказуемую угрозу, какъ обстоятельства, увеличивающія вину и наказаніе. Въ такомъ видѣ проектъ уложенія былъ внесенъ въ государственный совѣтъ, но въ окончательной редакціи статей о совращеніи (82—84) произведена существенно важная переимѣна. Совращеніе признается наказуемымъ лишь тогда, когда оно учинено посредствомъ злоупотребленія властью, принужденія, обольщенія обѣщаніемъ выгодъ, обмана, насилія надъ личностью или наказуемой угрозой (два послѣдніе способа совращенія влекутъ за собою обостреніе уголовной кары). Преимущества такой редакціи очевидны. Еслибы въ законѣ шла рѣчь о совращеніи вообще, безъ дальнѣйшихъ поясненій, подъ это понятіе могло бы быть подведено всякое воздѣйствіе одного лица на другое, хотя бы оно выразилось только въ чтеніи, въ словѣ или даже просто въ нравственномъ вліяніи, едва уловимомъ. Достаточно было бы, напримѣръ, сопоставить два факта: частыя бесѣды убѣжденнаго раскольника съ православнымъ и совершившійся затѣмъ переходъ послѣдняго въ расколъ, — чтобы предположить между ними причинную связь и признать наличность совращенія. При дѣйствіи новаго уложенія это перестаетъ быть возможнымъ; для обвиненія въ совращеніи необходимо будетъ установить употребленіе совратителемъ одного изъ средствъ, предусмотрѣнныхъ закономъ — средствъ, предсудительныхъ по самому своему существу, независимо отъ преслѣдуемой ими цѣли. Точнѣе опредѣляя совращеніе, новое уложеніе смягчаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣтственность совратителей, за исключеніемъ только совращенія въ расколъ или сектантство: въ послѣднемъ случаѣ, къ сожалѣнію, наказаніемъ остается ссылка на поселеніе (а при насиліи или угрозахъ — каторга). Совращеніе въ нехристіанскую вѣру, теперь влекущее за собою каторжную работу, по новому уложенію наказывается (при отсутствіи насилія и угрозы) заключеніемъ въ крѣпости или въ исправительномъ домѣ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ; совращеніе въ другое христіанское исповѣданіе, теперь караемое отдачей въ исправительное арестантское отдѣленіе, по новому уложенію (при отсутствіи насилія и угрозы) влечетъ за собою заклю-

ченіе въ крѣпости на срокъ не свыше трехъ лѣтъ. Два члена редакціонной комиссіи (Н. С. Таганцевъ и И. Я. Фойницкій) предлагали ограничить наказаніе за совращеніе (ненасильственное) въ нехристіанскую вѣру—заточеніемъ до трехъ лѣтъ, въ расколъ или ересь—заточеніемъ до одного года, а совращеніе (ненасильственное) въ другое христіанское исповѣданіе признать ненаказуемымъ. Они находили, что стремленіе къ обращенію въ свою вѣру является естественнымъ выраженіемъ религіознаго чувства, вслѣдствіе чего самая наказуемость его можетъ возбуждать серьезныя сомнѣнія, а обложеніе его строгимъ наказаніемъ представляется несправедливымъ. Тяжкія кары скорѣе способствуютъ, чѣмъ противодѣйствуютъ развитію сектъ. При совращеніи непринудительномъ крайне трудно доказать, что данное лицо приняло какое-либо религіозное ученіе не по собственному убѣжденію, а по настоянію другого лица. При принудительномъ совращеніи ничто не мѣшаетъ отпадшему, по прекращеніи принужденія, возвратиться въ прежнюю вѣру. Всѣ эти глубоко вѣрныя соображенія рано или поздно должны привести къ новому пересмотру постановленій о совращеніи.

На ряду съ совращеніемъ въ новомъ уложеніи, какъ и въ нынѣ дѣйствующемъ, стоитъ нарушеніе лежащей на родителяхъ или опекунахъ обязанности религіознаго воспитанія своихъ или опекаемыхъ ими дѣтей (до достиженія четырнадцатилѣтняго возраста). Если надъ дѣтьми-христіанами совершены религіозныя обряды нехристіанскаго исповѣданія, виновный подвергается заключенію въ крѣпости на срокъ не свыше трехъ лѣтъ (по дѣйствующему уложенію—ссылка на поселеніе). Если дѣти подлежали воспитанію въ правилахъ православной вѣры, приведеніе ихъ къ таинствамъ другого христіанскаго исповѣданія наказывается заключеніемъ въ крѣпости на срокъ не свыше одного года (по дѣйствующему уложенію—тюрьма на время отъ восьми до шестнадцати мѣсяцевъ). Въ послѣднемъ случаѣ дѣйствующее уложеніе требуетъ отдачи дѣтей на воспитаніе родственникамъ или опекунамъ православнаго исповѣданія. Въ новомъ уложеніи это правило не повторено, но отсюда еще не слѣдуетъ, что отобраніе дѣтей у родителей, составляющее одну изъ самыхъ печальныхъ сторонъ нашей общественной жизни, навсегда отошло въ прошлое: оно остается возможнымъ въ видѣ административной мѣры, принятіе которой въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо предусмотрено закономъ (т. XIV уст. о предуп. и пресѣч. прест. изд. 1890 г. ст. 57). Пережѣну къ лучшему можно усмотрѣть только въ томъ, что новое уложеніе облагаетъ наказаніемъ конкретныя, сравнительно легко устанавливаемыя дѣйствія (учиненіе обрядовъ, приведеніе къ таинствамъ), тогда какъ теперь въ законѣ говорится, между прочимъ, о *воспитаніи*

по обрядамъ другого исповѣданія, т.-е. о чемъ-то гораздо менѣ определенномъ и гораздо болѣе растяжимомъ.

Въ текстѣ новаго уложенія мы не находимъ одного правила, заключавшагося въ первоначальномъ проектѣ, но встрѣчаемъ, за то, два новыя постановленія — новыя какъ по отношенію къ дѣйствующему законодательству, такъ и по отношенію къ проекту уложенія. Исключена изъ проекта (согласно мнѣнію двухъ членовъ редакціонной коммисіи, Н. А. Неклюдова и Н. С. Таганцева) статья, въ силу которой послѣдователь расколоченія, вслѣдствіе обращенія его въ православіе возвращенный изъ мѣста ссылки, но вновь отпавшій въ расколъ, долженъ былъ подлежать (какъ и по дѣйствующему уложенію) ссылкѣ на поселеніе. Признано, по всей вѣроятности, что отпаденіе отъ православія, при какихъ бы обстоятельствахъ оно ни произошло, уголовно-наказуемымъ дѣяніемъ само по себѣ ни въ какомъ случаѣ почитаться не можетъ. Изъ новыхъ правилъ одно (ст. 92) предусматриваетъ публичное оказательство раскола, закономъ воспрещенное, другое (ст. 97) — самовольное присвоеніе сана священнослужителя христіанскаго исповѣданія и совершеніе, въ этомъ качествѣ, священнодѣйствія, которое можетъ быть совершаемо только священнослужителемъ. Признавая вообще крайне нежелательнымъ расширеніе сферы уголовно-наказуемыхъ религіозныхъ посягательствъ, мы не можемъ не замѣтить, однако, что въ данномъ случаѣ оно имѣетъ свою raison d'être. Назначеніе за публичное оказательство раскола уголовной кары, сравнительно легкой (денежной пени не свыше трехсотъ рублей), можетъ предупредить если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ отчасти, административныя взысканія, иногда гораздо болѣе чувствительныя. Что касается до самозваннаго совершенія таинствъ, то оно и теперь не оставалось безъ преслѣдованія, — и наказанія, налагаемыя за него по аналогіи, бывали, сколько намъ извѣстно, значительно строже того, которое определено новымъ уложеніемъ (тюрьма, а въ случаѣ совершенія крещенія или брака — исправительный домъ).

Нѣкоторыя изъ числа преступленій, признаваемыхъ теперь религіозными посягательствами, перенесены новымъ уложеніемъ въ раздѣлы, болѣе соответствующіе по содержанію. Сюда относится, на примѣръ, такъ называемое святотатство, предусмотрѣнное, подъ именемъ воровства принадлежащихъ церкви предметовъ, въ главѣ тридцать второй: „о воровствѣ, разбоѣ и вымогательствѣ“ (ст. 588). Наказаніе за это преступленіе остается, однако, чрезвычайно строгимъ, доходя, въ случаѣ похищенія изъ церкви или другого христіанскаго молитвеннаго зданія предметовъ священныхъ, до каторги (на срокъ не свыше восьми лѣтъ). Тяжкому, сравнительно, наказанію (заключенію въ исправительномъ домѣ) подвергается, на основаніи той же главы

(ст. 582 пун. 1), и воровство изъ разрытой могилы (разрытіе могилы съ цѣлью похищенія умершаго или поруганія его дѣйствіемъ разматривается новымъ уложеніемъ какъ посягательство религіозное и карается исправительнымъ домомъ или тюрьмою). Исключена, наконецъ, изъ числа преступленій противъ вѣры лжеприсяга, предусмотрѣнная въ главѣ седьмой: „о противодѣйствіи правосудію“ (ст. 158), какъ обстоятельство, увеличивающее наказаніе за лжесвидѣтельство (вмѣсто тюрьмы—исправительный домъ).

Другіе отдѣлы новаго уложенія будутъ рассмотрѣны нами въ слѣдующихъ обзорѣніяхъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ ЗЕМСКИХЪ И НЕ-ЗЕМСКИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ.

Весьма интересныя свѣдѣнія о состояніи народнаго образованія въ одной изъ обширѣйшихъ областей государства, занимающей пять большихъ губерній съ двадцати-милліоннымъ населеніемъ, мы находимъ въ вышедшемъ не такъ давно обстоятельномъ отчетѣ г. почетнаго кіевскаго учебнаго округа.

Важный вопросъ о народномъ образованіи,—вопросъ, не сходящій со столбцовъ ежедневной и періодической печати,—получаетъ въ отчетѣ, благодаря цѣлому ряду цифръ, таблицъ и вѣдомостей, обнимающихъ свыше 1.200 печатныхъ страницъ,—рельефную обрисовку и детальную фактическую выразительность. Обзоръ народнаго образованія въ кіевскомъ учебномъ округѣ представляетъ еще интересъ и въ томъ отношеніи, что даетъ возможность судить о томъ, какъ удовлетворяются важнѣйшіе духовные запросы населенія въ двухъ частяхъ округа, рѣзко отличающихся по общему гражданскому управленію, а именно, въ двухъ *земскихъ* губерніяхъ (черниговской и полтавской) и въ трехъ *не-земскихъ* (кіевской, подольской и волынской), носящихъ общее названіе юго-западнаго края.

Въ отчетѣ среднимъ учебнымъ заведеніямъ отводится первое мѣсто и удѣляется въ два раза болѣе мѣста, чѣмъ народнымъ училищамъ, но мы остановимся прежде всего на вопросѣ, въ какомъ положеніи находится *начальное* образованіе, какъ наиболѣе важное въ смыслѣ показателя развитія культурныхъ силъ страны.

I.

Въ юго-западномъ краѣ, а именно, въ кіевской, подольской и волынской губерніяхъ, къ началу 1901 года состояло 928 народныхъ училищъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія ¹⁾. По типамъ всѣ эти училища распредѣляются на 77 городскихъ, 6 приходскихъ и 740 сельскихъ. При сравненіи съ числомъ училищъ предъидущихъ лѣтъ мы находимъ, что въ 1898 году число училищъ уве-

¹⁾ Въ это число не вошли училища: ремесленныя, частныя, еврейскія и инородческія, о которыхъ мы упомянемъ при общемъ обзорѣ.

личилось на 27, въ 1899—на 28, въ 1900—на 58, а въ 1901 году—всего на 22. Если принять во вниманіе, что такое возрастаніе числа училищъ шло въ краѣ, обнимающемъ 145 тысячъ кв. верстъ, съ населеніемъ свыше $9\frac{1}{2}$ милліоновъ душъ, то станетъ очевидно вся незначительность подобнаго роста.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія цифры: въ кievской губерніи на одно городское училище приходится 5.873 городскихъ жителя, а на одно сельское—17.090 человекъ сельскаго населенія. Въ частности, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ получаютъ еще болѣе неблагоприятныя данныя; такъ, напримѣръ, въ сквирскомъ уѣздѣ на одно сельское училище приходится 25.279, а въ уманскомъ—48.479 сельскихъ жителей.

Въ подольской губерніи на одно городское училище приходится въ среднемъ 6.436 городскихъ и на одно сельское—10.399 сельскихъ жителей. Въ волинской губерніи—7.671 и 8154¹⁾.

Если же взять отношеніе числа училищъ къ пространству, то получится, что въ кievской губерніи, въ среднемъ, на одно училище приходится площадь въ 246,1 кв. верстъ (въ уманскомъ уѣздѣ—площадь въ 630,8 кв. вер.); въ подольской губ.—135,7 и въ волинской—181,5 кв. версть.

Отсюда понятно, почему изъ числа 560 волостей, составляющихъ территорію всего юго-западнаго края, 118 волостей совершенно лишены народныхъ училищъ, а въ 234 волостяхъ имѣются по одному училищу. Въ частности, въ кievской губерніи почти половина всего числа волостей (89 изъ 204) не имѣетъ ни одной школы министерства народнаго просвѣщенія! Если сравнить съ 1900 годомъ, то окажется, что число волостей всего края, въ которыхъ нѣтъ ни одного училища, уменьшилось лишь на 2.

На содержаніе народныхъ училищъ было отпущено 1.253.258 руб., изъ которыхъ на ассигнованія государственнаго казначейства приходится 20%, а на ассигнованія городскихъ и сельскихъ обществъ 25%; остальная сумма составила изъ пожертвованій, платы за ученіе и дохода съ капиталовъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что суммы, отпущенныя государственнымъ казначействомъ, расходуются преимущественно на содержаніе „городскихъ училищъ“, въ то время какъ содержаніе наиболѣе распространеннаго типа народной школы обезпечивается главнымъ образомъ мѣстными средствами, представляющими вполнѣ добровольныя жертвы населенія на дѣло народнаго образованія. Что касается степени производительности средствъ, затрачи-

¹⁾ Цифры населенія заимствованы изъ изданій центрального и губернскихъ статистическихъ комитетовъ.

ваемыхъ на народную школу, то оказывается, что въ то время какъ содержаніе одного „городскаго училища“ составляетъ 4.118 руб., а расходъ на одного учащагося въ немъ 20 руб. 93 коп.—стоимость сельской школы не превышаетъ въ среднемъ 593 руб., а расходъ на одного учащагося составляетъ всего 5 руб. 83 коп.

О состояніи школьныхъ библиотекъ имѣется въ отчетѣ много подробныхъ таблицъ, но вмѣсто всего этого матеріала мы приведемъ лишь слѣдующія характерныя слова: „Большая часть книгъ,—говорится въ отчетѣ,—входящихъ въ составъ библиотекъ,—учебники, которые выдаются на руки учащимся, и потому скоро они приходятъ въ ветхость; запасъ постоянныхъ книгъ для чтенія въ ученическихъ отдѣлахъ сравнительно незначителенъ“. Особенно бѣдны книгами сельскія училища, такъ какъ въ среднемъ „на приобретеніе учебниковъ и книгъ отпускается около двадцати рублей на училище“. Между тѣмъ, какъ извѣстно, въ школьную библиотечку часто обращаются за книгой и бывшіе питомцы школы, а также и взрослое крестьянское населеніе.

Переходя къ составу учащихся, мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что въ юго-западномъ краѣ преобладаетъ мужской персоналъ, стоящій по полученному образованію ниже учительницъ. Послѣднихъ изъ 1.400 учащихся всего 30,3% (въ двухъ земскихъ губерніяхъ—онѣ составляютъ 58,46%). По образованію учащіе распредѣляются слѣдующимъ образомъ: лицъ съ высшимъ образованіемъ—1,5%, со среднимъ—54,5% (изъ нихъ большинство составляютъ учительницы), съ низшимъ—17,2% и получившихъ педагогическую подготовку—26,8%. Высшій окладъ содержанія—отъ 200 до 300 руб.—получаетъ половина всего количества учащихся; отъ 100 до 200 руб.—14%, затѣмъ отъ 50 до 100 руб.—21%, а менѣе 50 руб. въ годъ—11%; бесплатно обучающихся—4%. При этомъ нужно принять во вниманіе, что такое вознагражденіе дается при занятіяхъ, гдѣ на одного учителя или учительницу (въ сельской школѣ) приходится 63—72 учащихся. Неудивительно поэтому, если отчетъ отмѣчаетъ такое явленіе: „Необезпеченность въ будущемъ и часто крайняя нужда въ настоящемъ мѣшаетъ сельскимъ учителямъ крѣпко держаться своего дѣла, если оно даже имъ по душе, и естественно побуждаетъ ихъ искать какого-нибудь другого рода дѣятельности, болѣе вознаграждающей ихъ. Не вполне удовлетворительно также и положеніе учителей городскихъ и особенно уѣздныхъ училищъ, если принять во вниманіе дороговизну жизни въ городахъ“.

Что касается учащихся, заслуживаетъ особеннаго вниманія то обстоятельство, что изъ 85.356 дѣтей на долю дѣвочекъ приходится всего 18.084, т.-е. 21,2%. При сравненіи соответствующихъ цифръ за нѣсколько послѣдовательныхъ лѣтъ нельзя сказать, чтобы вопросъ

о начальномъ женскомъ образованіи подвинулся значительно впередъ. Такъ, на примѣръ, въ 1892 году дѣвочекъ было 18,1% общаго числа учащихся; въ 1895 г.—19,4; въ 1897 г.—20,7; въ 1899 г.—21,3; въ 1900 г.—21,9, а въ 1901 г.—21,2%. По отношенію же къ количеству женскаго населенія въ юго-западномъ краѣ *одна дѣвочка, обучающаяся въ народной школѣ приходится на 268 душъ, т.-е. нѣсколько меньше 0,3%*. Процентное отношеніе числа учащихся мальчиковъ къ количеству мужскаго населенія также ничтожно—1,3%.

II.

Перехода теперь къ вопросу о положеніи народной школы въ двухъ *земскихъ* губерніяхъ (черниговской и полтавской), мы—для облегченія сравненія приведенныхъ выше данныхъ съ новыми—будемъ держаться прежняго порядка изложенія.

Всѣхъ народныхъ училищъ въ черниговской и полтавской губерніяхъ къ началу настоящаго года было 1,620, причемъ въ теченіе года вновь было открыто и преобразовано 67 училищъ. Преобладающимъ типомъ является сельская школа—1.546; городскихъ и приходскихъ училищъ—74. При сравненіи этого числа училищъ съ количествомъ населенія получаютъ слѣдующія соотношенія: въ черниговской губерніи на одно училище приходится 3.363 души населенія, а въ полтавской—3.275. Въ то же время на одно училище въ черниговской губерніи приходится 63,4 кв. верстъ пространства, а въ полтавской—47,1. Относительно постепеннаго роста начальнаго образованія въ этихъ губерніяхъ отчетъ замѣчаетъ слѣдующее: „За послѣднія десять лѣтъ большая часть уѣздныхъ земствъ, на средства которыхъ открыто большинство училищъ, усердно стремится по мѣрѣ силъ и возможности къ увеличенію количества начальныхъ училищъ“.

На содержаніе всѣхъ народныхъ училищъ обѣихъ губерній поступило 1.204.151 руб., причемъ главнымъ источникомъ содержанія училищъ являются суммы, ассигнованныя земствами и составляющія въ общей сложности 57,2% всѣхъ поступленій; затѣмъ слѣдуютъ ассигнованія городскихъ и сельскихъ обществъ въ размѣрѣ 24,3%; пожертвованія, плата за ученіе и проценты съ капиталовъ составляютъ 17,4%; и наконецъ, ассигнованія государственнаго казначейства въ размѣрѣ лишь 9,7%. При сравненіи поступленій изъ суммъ государственнаго казначейства за нѣсколько лѣтъ оказывается, что эти суммы, не измѣняясь почти въ своемъ размѣрѣ, составляютъ, однако, въ общей суммѣ поступленій все меньшій и меньшій процентъ; такъ, въ 1896 году онѣ составляли 11,6%, въ 1898 г.—10,2%, въ 1899 г.—9,9%, а въ

1901 г.—9,7%. Между тѣмъ за этотъ же промежутокъ времени ассигнованія земствъ увеличились съ 454 до 688 тысячъ рублей.

Если сравнить количество поступленій на дѣло начальнаго образованія съ числомъ жителей, то получимъ, что въ разныхъ уѣздахъ обѣихъ губерній ассигнованія государственнаго казначейства колеблются между 0,7 и 5,9 копѣекъ на одного жителя, ассигнованія же земствъ колеблются между 5,1 и 21,8 копѣекъ. Не лишень также интереса и тотъ фактъ, что *поступленія на одного члена сельскаго общества на цѣли начальнаго образованія въ селахъ колеблются между 10,9 и 0,1 копейками*, откуда очевидно, что даже высшій расходъ на одного члена сельскаго общества (10,9 коп.) нисколько для него не обременителенъ и, слѣдовательно, тревога, поднятая было „охранительной“ печатью о разореніи сельскаго населенія на школы,—совершенно неосновательна.

Что касается средней стоимости училищъ разныхъ типовъ, то и въ данномъ случаѣ сельская школа является самой дешевой (563 руб.), а самой дорогой—четырехъ-классная городская (7.497 руб.). Соответственно этому расходъ на одного учащагося въ сельской школѣ не превышаетъ 4 руб. 90 к., а въ городскомъ училищѣ—25 руб. 19 коп.

Педагогическій персоналъ народныхъ училищъ состоялъ изъ 4.491 человѣка; причемъ учителей было 41,54%, а учительницъ—58,46%. Вообще, число послѣднихъ все больше растетъ на счетъ числа учителей. Такая замѣна является весьма желательной, если—помимо другихъ причинъ—принять во вниманіе болѣе высокой образовательный цензъ учительницъ; въ то время какъ учителей, получившихъ среднее образованіе—10,5%, а получившихъ низшее—62,3%,—учительницъ со среднимъ образованіемъ—67,9%, а съ низшимъ—31,14%.

Однако лицъ, получившихъ специальную педагогическую подготовку, весьма мало. Такое явленіе объясняется тѣмъ, что обѣ учительскія семинаріи округа, имѣющія цѣлью подготовку учителей для сельскихъ училищъ, находясь за предѣлами обѣихъ земскихъ губерній, выпускаютъ своихъ воспитанниковъ почти исключительно въ училища юго-западнаго края. Кромѣ того, лица, получившія нѣкоторую педагогическую подготовку въ духовныхъ семинаріяхъ, — какъ отмѣчаетъ отчетъ,—не хотятъ всецѣло отдаться обученію дѣтей въ виду того, что учительство—для нихъ только переходная ступень для достиженія священства, которое они обыкновенно принимаютъ черезъ два—три года послѣ поступленія на службу учителями.

Относительно состава учащихся мы и въ данномъ случаѣ можемъ отмѣтить, что дѣвочекъ въ пять разъ меньше, чѣмъ мальчиковъ: изъ 155.056 учащихся мальчиковъ—130.171, а дѣвочекъ—24.885, т.е. 16,1%. Если мы, однако, прослѣдимъ возрастаніе числа дѣвочекъ въ

течение послѣдняго десятилѣтiя, то увидимъ, что мѣстное крестьянское населенiе начинаетъ сознавать пользу женскаго образованiя; такъ, въ 1891 г. число дѣвочекъ, посѣщавшихъ сельскiя начальныя училища по отношенiю къ общему числу учащихся составляло всего 10,1%. При сравненiи числа учащихся съ количествомъ училищъ и педагогическаго персонала получается, что на одно училище приходится 92 учащихся, а на одного учащаго—58 душъ; въ частности, на одно сельское училище приходится 114 дѣтей, что свидѣтельствуетъ о переполненiи училищъ и трудныхъ условiяхъ работы для учителей.

Что касается внѣ-школьнаго образованiя, то во всемъ учебномъ округѣ оно выражается въ 233 классахъ для взрослыхъ, существующихъ при училищахъ. Въ составъ обучающихся въ этихъ классахъ входятъ подростки,—недавно окончившiе курсъ начальной школы; бывшiе ученики сельскихъ школъ, выбывшiе до окончанiя курса; взрослые, съ трудомъ разбирающiе печатный текстъ и совершенно неграмотные. Поэтому учащихся приходится дѣлить по группамъ, что представляетъ большую трудность, а самыя занятiя требуютъ большаго напряженiя силъ. Къ сожалѣнiю, дальнѣйшее развитiе классовъ, усердно и правильно посѣщаемыхъ взрослымъ сельскимъ населенiемъ, встрѣчаетъ препятствiе главнымъ образомъ въ томъ, что наличный составъ преподавателей въ училищахъ, отдаваясь всецѣло школѣ, является въ большинствѣ слишкомъ утомленнымъ для того, чтобы, окончивъ одни занятiя,—сейчасъ же приступить къ другимъ, еще болѣе труднымъ.

На основанiи приведеннаго матеріала,—читатель легко можетъ теперь видѣть, насколько лучше поставлено народное образованiе въ двухъ земскихъ, чѣмъ въ трехъ не-земскихъ губернiяхъ одного и того же учебнаго округа. При сопоставленiи приведенныхъ цифръ получается не только количественное, но и качественное превосходство постановки начальнаго образованiя въ земскихъ губернiяхъ, что даетъ поводъ еще разъ убѣдиться въ важномъ значенiи органовъ самоуправленiя въ дѣлѣ культурнаго развитiя страны. Въ общемъ народное образованiе въ двухъ земскихъ губернiяхъ почти въ *четыре* раза благоприятнѣе, чѣмъ въ трехъ не-земскихъ, такъ какъ *на одно училище*, какъ мы видѣли, приходится:

Въ кievской губ. . . .	18.548 душъ населенiя и 169,2 кв. верстъ.
„ подольской губ. . . .	9.948 „ „ 121,4 „
„ волынской губ. . . .	8.111 „ „ 166,1 „
„ черниговской губ. . . .	3.363 „ „ 63,4 „
„ полтавской губ. . . .	8.275 „ „ 47,6 „

Кромѣ того, относительно цѣлесообразности затрачиваемыхъ средствъ

легко судить по тому факту, что въ то время какъ среднее число окончившихъ курсъ въ одномъ училищѣ юго-западнаго края не превышаетъ пяти человекъ, въ общихъ земскихъ губерніяхъ оно достигаетъ семнадцати. Разумѣется, при болѣе самостоятельности земскихъ учреждений можно было бы ожидать еще болѣе благоприятныхъ результатовъ въ одномъ изъ самыхъ серьезныхъ духовныхъ запросовъ народа.

Перейдемъ теперь къ вопросу о положеніи среднихъ учебныхъ заведеній округа.

III.

Объ отрицательныхъ сторонахъ современной средней школы въ послѣднее время много трактовалось на столбцахъ печати, и потому естественно, что теперь обсуждается снова вопросъ о необходимости существенныхъ реформъ въ дѣлѣ средняго образованія, остающагося, послѣ одного-другого эксперимента, въ прежнемъ ненормальномъ положеніи. Мы поэтому приведемъ здѣсь только одинъ, не лишенный извѣстнаго интереса, *фактический* матеріаль.

При обзорѣ постановки средняго образованія въ кievскомъ учебномъ округѣ на первый взглядъ получаются довольно удовлетворительные результаты, выражающіеся въ высокой успѣшности, обнаруженной учащимися по главнымъ предметамъ, затѣмъ—въ богатствѣ школьныхъ библіотекъ, въ прекрасномъ поведеніи юношества, въ большомъ развитіи пансіоновъ и проч. Однако, при разсмотрѣніи внутренней стороны дѣла, тотчасъ же выступаетъ наружу—помимо другихъ отрицательныхъ сторонъ—вся затруднительность въ соединеніи учащихся различныхъ возрастовъ въ одномъ учебномъ заведеніи, устанавливаемомъ одни и тѣ же правила какъ для восьмилѣтнихъ дѣтей, такъ и для юношей 20—22 лѣтъ.

Всѣхъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ округѣ—30 съ 12.934 учащимися, изъ которыхъ 9.945 обучаются въ двадцати-двухъ гимназіяхъ, а 2.989—въ восьми реальныхъ училищахъ. Отсюда мы видимъ, что классическое образованіе является преобладающимъ, несмотря на численное превосходство въ Россіи высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній, для которыхъ болѣе близкой подготовительной школой являются несомнѣнно реальные училища.

Заслуживаетъ вниманія составъ учащихся, ярко иллюстрирующій извѣстное отношеніе администраціи учебныхъ заведеній къ дѣтямъ непривилегированнаго класса, къ „кухаркинымъ дѣтямъ“. Такъ, по словіямъ учащихся распределяются слѣдующимъ образомъ: дѣтей дво-

рянъ и чиновниковъ—52⁰/₀ (въ нѣкотор. гимназ. 62—70,5⁰/₀); почетныхъ гражданъ и духовнаго званія—12,3⁰/₀; купцовъ и мѣщанъ—25,4⁰/₀, а крестьянъ—8,7⁰/₀. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ увеличеніи контингента учащихся въ гимназіяхъ на долю дѣтей дворянъ и чиновниковъ приходится болѣе третьей части, а на долю дѣтей крестьянъ—всего шестая часть. Почти такое же сословное отношеніе наблюдается и въ составѣ учениковъ реальныхъ училищъ (дворянскаго—44,4⁰/₀, купеческаго и мѣщанскаго—33⁰/₀, а крестьянскаго—9,9⁰/₀).

Естественно было бы ожидать, что зато привилегированный классъ болѣе другихъ участвуетъ въ расходахъ по содержанию средней школы. Между тѣмъ оказывается, что сумма свыше тѣмъ 1¹/₂ милліона рублей, поступившая на содержаніе гимназій и реальныхъ училищъ, составила изъ ассигнованій земствъ, государственнаго казначейства, платы за ученіе, городскихъ обществъ и другихъ источниковъ. Правда, *въ 1899 году изъ суммъ дворянства поступило 761 р. 50 коп. ¹⁾, а въ 1900 г.—758 руб. 47 коп.* Въ 1901 г. мы и подобныхъ поступленій не находимъ.

Что касается успѣшности, обнаруженной дѣтьми различныхъ сословій, то нѣкоторое превосходство дворянскихъ и купеческихъ дѣтей надъ мѣщанскими, — выражающееся въ отношеніи 84,3⁰/₀ къ 82,3⁰/₀, — можетъ быть легко объяснено болѣе обеспеченнымъ матеріальнымъ положеніемъ первыхъ, пользующихся всѣми удобствами для учебныхъ занятій. Успѣшность учениковъ разныхъ исповѣданій опредѣляется слѣдующими цифрами въ процентахъ: православные—83,2⁰/₀; лютеране—82,4⁰/₀; католики—80,5⁰/₀ и евреи—92,4⁰/₀. Кстати замѣтимъ, что евреевъ въ гимназіяхъ насчитывается въ среднемъ всего 9,8⁰/₀. Ненормальное положеніе послѣднихъ, вызванное процентными ограниченіями, усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время какъ дѣти евреевъ, разъ попавшія въ гимназію, стараются оставаться въ ней до окончанія курса, ученики другихъ исповѣданій въ большемъ числѣ выбываютъ изъ гимназій, не закончивъ полнаго курса—что, естественно, отражается на процентномъ составѣ учениковъ-евреевъ. Такъ, напр., въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ было 6,3⁰/₀ всего числа учениковъ-евреевъ, въ то время какъ христіанъ было 35⁰/₀.

Успѣшность учащихся по главнымъ предметамъ выражается слѣдующимъ образомъ: по русскому языку—85,3⁰/₀; по математикѣ—80,1⁰/₀; по латинскому языку—86,6⁰/₀ и по греческому языку—89,2⁰/₀.

¹⁾ Сумма эта приведена въ статьѣ г. І. Куперника: „Учебные контрасты“, помѣщенной въ 6-й книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1901 г.

Такимъ образомъ *наибольшую успѣшность воспитанники гимназій показали по греческому языку* ¹⁾.

Это преимущественное положеніе греческаго и латинскаго языка передъ русскимъ и математикой является наиболѣе характерной отрицательной чертой гимназій.

Въ связи съ такимъ пышнымъ ростомъ классицизма не является удивительнымъ констатированіе отчетомъ слѣдующаго грустнаго факта: „При ничтожномъ расходѣ нѣкоторыхъ гимназій на физическіе кабинеты не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы знакомить учениковъ на опытахъ съ главными открытіями въ области физическихъ знаній“. На ряду съ этимъ отмѣчается не только хотя бы слабое развитіе кабинетовъ естественныхъ наукъ, а наоборотъ, число предметовъ и пособій въ этихъ кабинетахъ къ концу 1901 года было *меньше, чѣмъ въ предыдущемъ году на 2.365, или на 33,3⁰/о*.

Нужно, однако, замѣтить, что для удовлетворенія вполне естественнаго стремленія учащейся молодежи къ изученію природы, администрація время отъ времени устраивала научно-образовательныя экскурсіи на Кавказъ, въ Крымъ, въ окрестности Днѣпра, и, разумѣется, наблюденія формъ и явленій природы очень освѣжали экскурсистовъ-классиковъ. Оживленіе среди учащихся вызывали также экскурсіи, организовавшіяся для ознакомленія съ историческими памятниками Кіева и его окрестностей, затѣмъ осмотръ музеевъ, различныхъ заводовъ и образцовыхъ сельскихъ хозяйствъ. Кроме того, во многихъ гимназіяхъ устраивались литературныя вечера, а въ нѣкоторыхъ и литературныя собесѣдованія съ учениками. Относительно этого весьма интереснымъ является такой фактъ. Въ глуховской гимназіи устроены были бесѣды, посвященныя разбору самостоятельныхъ ученическихъ работъ на данныя темы. Бесѣды эти сначала велись лицомъ, указавшимъ большую способность въ дѣлѣ руководства внѣ-класснымъ чтеніемъ учащихся и умѣніе воспитать въ своихъ слушателяхъ любовь къ изученію литературныхъ произведеній, что поставило преподаваніе русскаго языка и словесности на высокую степень и содѣйствовало умственному развитію его учениковъ. Съ перемѣщеніемъ этого педагога бесѣды начали касаться сферы другихъ предметовъ—Закона Божія, отечественной исторіи и древнихъ языковъ; и „теперь,—замѣчаетъ отчетъ,—бесѣды литературныя хотя и поддерживаются, но не имѣютъ прежняго общаго всѣхъ захватывающаго интереса“.

Относительно поведенія учащихся, регламентация котораго всегда

¹⁾ Вообще, успѣшность учениковъ по древнимъ языкамъ за послѣдній годъ оказалась значительно выше средней успѣшности за десять лѣтъ: по латинскому языку на 10,3⁰/о и по греческому языку на 11,6⁰/о.

представляла предметъ особыхъ заботъ воспитателей средней школы, можно судить по слѣдующимъ весьма благоприятнымъ даннымъ. Изъ всѣхъ учащихся въ двадцати-двухъ гимназіяхъ баллъ *три* получило лишь 28 человекъ, т.-е. 0,4% общаго числа; *четыре*—всего 5,2%, а высшій баллъ *пять*—94,4%. Полное нравственное удовлетвореніе воспитателямъ и пекущимся родителямъ могутъ также дать цифры, касающіяся поведенія учениковъ реальныхъ училищъ, гдѣ *пять* за поведеніе имѣютъ 90,9% общаго числа учащихся. Невольно, однако, напрашивается мысль, почему всѣ эти примѣрные юноши оказываются, спустя нѣкоторое время, „отрицательнымъ“ элементомъ въ высшей школѣ, откуда ихъ исключаютъ сотнями? Впрочемъ, нѣтъ никакой надобности входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, являющагося въ настоящее время вполне выясненнымъ, но, къ сожалѣнію, еще не разрѣшеннымъ...

Мы здѣсь лишь отмѣтимъ, что въ теченіе одного года въ мужскихъ гимназіяхъ произведено было 12.862 взыскапія, а въ реальныхъ училищахъ—4.365; причемъ на учениковъ младшихъ классовъ приходится 68,9%, а на воспитанниковъ старшихъ классовъ—31,1%.

Большее число взисканій, падающихъ на учениковъ младшихъ классовъ, отчетъ совершенно справедливо объясняетъ „особенностями дѣтскаго возраста, естественной наклонностью дѣтей къ движенію, къ шалостямъ, которыя, къ сожалѣнію, иногда подводятся подъ рубрику проступковъ“. Такая очевидная ненормальность въ системѣ воспитанія еще больше усугубляется, если принять во вниманіе, что самый характеръ взыскапія является подчасъ крайне суровымъ. Въ гимназіяхъ, какъ извѣстно, до настоящаго времени примѣняются: оставленіе по окончаніи уроковъ, задержаніе въ гимназіи въ праздничные и воскресные дни, заключеніе въ карцеръ съ назначеніемъ письменной работы и содержаніемъ на черномъ хлѣбѣ, выговоръ начальства передъ классомъ, а также одиночное сидѣніе въ классѣ, отдѣленіе отъ общества товарищей и удаленіе изъ учебнаго заведенія. Нужно замѣтить, что такія наказанія, какъ заключеніе въ карцеръ, падаютъ и на дѣтей младшихъ классовъ: изъ 1.355 разъ на время отъ 1 до 4 часовъ на учениковъ младшихъ классовъ приходится 870 разъ; на время свыше 4, но не болѣе 8 часовъ изъ 426—191 разъ. Даже „заключеніе въ карцеръ на время *свыше 8 часовъ, но не болѣе какъ на сутки изъ 91 раза на учениковъ младшихъ классовъ приходится 36*“. Еще болѣе тяжелой мѣрой являются отмѣченныя выше наказанія: одиночное сидѣніе въ классѣ и отдѣленіе отъ общества товарищей безъ лишенія свободы. Последняя мѣра въ одной гимназіи была примѣнена въ 1898 году 190 разъ. Отчетъ замѣчаетъ, что такое употребленіе тяжелыхъ взыскапій „можетъ лишить ихъ

всякаго нравственнаго значенія“. Комментировать такой способ воспитанія совершенно излишне.

Женскихъ гимназій въ округѣ—29 съ 9.352 учащимися, приче́мъ въ юго-западномъ краѣ ихъ 10, а въ черниговской и полтавской губерніяхъ—19, т.-е. въ двухъ земскихъ—женскихъ гимназій почти въ два раза больше, чѣмъ въ трехъ не-земскихъ губерніяхъ. На содержаніе гимназій поступило 827.118 руб., изъ которыхъ 46,3^o/_o приходится на плату за ученіе, 13,2^o/_o—на ассигнованія земствъ и городскихъ обществъ, а всего на ассигнованія государственнаго казначейства—лишь 5,8^o/_o. И въ данномъ случаѣ приходится отмѣтить, что изъ суммъ дворянства не было никакихъ поступленій, между тѣмъ какъ воспитанницы гимназій по сословіямъ распредѣляются: на дѣтей дворянъ—37,6^o/_o; купцовъ и мѣщанъ—37,7^o/_o, а крестьянъ—7,7^o/_o. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ ученицъ привилегированныхъ сословій 77—86,4^o/_o. Подобно мужскимъ гимназіямъ, женскія также не могутъ похвастать богатствомъ физическихъ приборовъ и естественно-историческихъ пособій: въ среднемъ на каждую изъ гимназій приходится физическихъ приборовъ на сумму около двухъ тысячъ рублей, а естественно-историческихъ—едва на 500 рублей.

IV.

Намъ остается отмѣтить одно весьма интересное явленіе, существующее по всей вѣроятности въ учебныхъ заведеніяхъ не одного только кievскаго учебнаго округа. Какъ часто, въ отвѣтъ на раздающіяся въ обществѣ жалобы о недостаточномъ количествѣ среднихъ учебныхъ заведеній, указываютъ на отсутствіе средствъ, какъ на самый серьезный и непоколебимый аргументъ.

Между тѣмъ, даже при бѣгломъ обзорѣ отчета бросается въ глаза часто повторяющаяся отмѣтка: „остатки отъ содержанія“. *Оказывается, что эти „остатки“ отъ содержанія однихъ мужскихъ гимназій округа составляютъ около милліона рублей (939.975 руб.); образовались они изъ сбереженій по суммамъ сбора за ученіе, изъ пожертвованій, изъ неизрасходованныхъ ассигнованій государственнаго казначейства, изъ процентныхъ суммъ съ разныхъ капиталовъ, изъ сбора по содержанію воспитанниковъ въ пансіонахъ и т. д. Сбереженія отъ средствъ содержанія реальныхъ училищъ составляютъ 175.567 рублей, а отъ содержанія женскихъ гимназій—314.649 рублей. При этомъ заслуживаютъ вниманія слѣдующія слова отчета: „Какъ указано было и въ отчетахъ за прошлые года, эти остатки въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ не оказываются случайнымъ явленіемъ одного года: они правильно повторяются*

изъ года въ годъ".—Приведа затѣмъ цѣлый рядъ цифръ въ подтвержденіе послѣднихъ словъ, отчетъ замѣчаетъ: „Къ такимъ крупнымъ, сравнительно съ общими расходами, сбереженіямъ слѣдуетъ относиться съ полнымъ предубѣжденіемъ... На такое не вполне нормальное явленіе было указано и въ прошлыхъ отчетахъ“.

Явленіе это, разумѣется, болѣе, чѣмъ „не вполне нормальное“ если принять во вниманіе, что изъ 4.387 лицъ, подавшихъ прошеніе о приѣмѣ, было принято лишь менѣе половины; что за послѣднія десять лѣтъ число дѣтей, желающихъ поступить въ среднюю школу, увеличилось на 118%; что существующее теперь „крайнее переполненіе гимназій, при общей тѣснотѣ учебныхъ заведеній, заключаетъ въ себѣ большое зло для здоровья учащихся и учащихъ и не отвѣчаетъ требованіямъ правильнаго образованія и воспитанія учащихся“. На ряду съ убожествомъ физическихъ и естественно-научныхъ кабинетовъ, для которыхъ почти ни одна изъ гимназій не имѣетъ подходящаго помѣщенія; на ряду съ низкой, сравнительно, платой учащимъ, вынужденнымъ, при все большемъ переполненіи гимназій, вести все болѣе и болѣе многолюдные классы, возросшіе за послѣднее десятилѣтіе отъ 32 до 40 человекъ; и затѣмъ на ряду съ высокой платой за ученіе, являющейся часто недоступной для семьи со среднимъ достаткомъ—образованіе подобныхъ остатковъ представляется совершенно непонятнымъ и крайне вреднымъ явленіемъ. Наконецъ, ни для кого не тайна, что многіе учащіеся вынуждены выбывать изъ средней школы за неуплату годового взноса за ученіе; такъ, изъ гимназій до окончанія курса „по разнымъ причинамъ“ выбыло 919 человекъ, а изъ реальныхъ училищъ—387 (за малоуспѣшность и дурное поведение выступила лишь десятая часть изъ этого числа); отсюда ясно, сколько человекъ лишено было возможности окончить курсъ вслѣдствіе матеріальной недостаточности, въ то время какъ сбереженій по суммамъ сбора за ученіе въ однѣхъ мужскихъ гимназіяхъ находится свыше 131 тысячи рублей.

Даже изъ суммы въ 2.457.409 руб., отпущенной на содержаніе народныхъ училищъ, къ январю 1902 года имѣется остатокъ въ 266.028 рублей, на которые можно открыть 450 сельскихъ школъ.

Въ общемъ, *остатокъ изъ средствъ, ассигнованныхъ на содержаніе среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній округа составляетъ около двухъ милліоновъ рублей*..

Закономъ предусматрѣна возможность образованія остатковъ, и вотъ что мы читаемъ въ циркулярѣ министерства народнаго просвѣщенія, отъ 20-го января 1899 года, за № 1457 ¹⁾:

¹⁾ См. „Настольную книгу по народному образованію“ Фальборка и Чернолуцкого, второй томъ, стр. 962.

„Министръ народнаго просвѣщенія призналъ необходимымъ установить такой порядокъ распрежденія остатковъ отъ содержанія личнаго состава учебныхъ заведеній, *содержимыхъ при участіи мѣстныхъ обществъ*, чтобы, за обращеніемъ казенной части остатка на нужды министерства, остальная часть его, причитающаяся на долю обществъ, по перечисленію ея въ соотвѣтствующую статью сметы министерства, была употреблена на нужды даннаго учебнаго заведенія, но не иначе, какъ *по соглашенію* съ воспообляющими обществами. При этомъ желательно, чтобы, въ видахъ своевременнаго удовлетворенія потребностей учебныхъ заведеній, начальства оныхъ дѣлали сношеніе съ сими обществами благовременно“ ...

Едва ли мы, однако, ошибемся, если скажемъ, что такого соглашенія въ настоящее время не бываетъ, несмотря на вполне точное указаніе циркуляра. Нужно ли доказывать, какъ важно было бы для всего дѣла народнаго образованія, чтобы почаще происходили соглашенія между земствами, городскими и сельскими обществами, съ одной, и начальствомъ учебныхъ заведеній, съ другой стороны. Подобныя соглашенія повели бы не только къ болѣе нормальной постановкѣ матеріальной стороны народнаго образованія, но вообще заполнили бы ту пропасть, которая существуетъ между школой и обществомъ. Какъ мы видѣли, циркуляръ министерства вполне благопріятствуетъ подобному сближенію.

Въ заключеніе мы, для полной обрисовки положенія народнаго образованія въ округѣ, должны прибавить, что кромѣ перечисленныхъ учебныхъ заведеній въ округѣ насчитываются:

11 промышленныхъ училищъ съ 787 учащимися; 88 частныхъ училищъ съ 4.514 учащимися; 205 еврейскихъ училищъ съ 13.115 учащимися; 306 иновѣрческихъ—съ 11.467 учащимися; одинъ учительскій институтъ и двѣ учительскія семинаріи — въ общемъ съ 337 учащимися.

На основаніи этихъ и раньше приведенныхъ цифровыхъ данныхъ мы получаемъ, что во всѣхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, находящихся въ округѣ, обучается 292.921 человекъ. Если мы теперь допустимъ, что въ училищахъ другихъ вѣдомствъ обучается даже сто тысячъ человекъ, то—принимая установленный на послѣдней всероссійской выставкѣ для учета дѣтей школьнаго возраста коэффициентъ въ 11⁰/₁₀₀ населенія ¹⁾—мы при населеніи въ 20.967.232 че-

¹⁾ Этотъ коэффициентъ долженъ быть повышенъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ входятъ учащіяся, перешедшіе за предѣльный школьный возрастъ—15 лѣтъ.

довѣка получимъ, что въ кievскомъ учебномъ округѣ внѣ школы остается около двухъ миллионѣвъ дѣтей школьнаго возраста (1.913.674), т.-е. 83% общаго количества дѣтей школьнаго возраста..

Послѣ такого вывода, полученнаго на основаніи фактическаго матеріала, совершенно излишне сопоставлять, какъ это часто дѣлаютъ, наши данныя съ данными о состояніи народнаго образованія въ западно-европейскихъ государствахъ...

Кievъ, 1908.

М. Ц.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1903

Иностранная газетная кампанія противъ Россіи. — Полемика по манчжурскому вопросу. — Международныя злоупотребленія. — Балканскій кризисъ. — Сербскія и болгарскія дѣла. — Имперіализмъ и его представители въ Англіи.

Въ иностранной печати замѣчается въ послѣднее время какой-то враждебный поворотъ по отношенію къ Россіи: опять стали появляться прежніе рѣзкіе отзывы о нашей политикѣ, внутренней и виѣшней; оживилось прежнее недовѣріе къ нашимъ порядкамъ и намѣреніямъ, и непріятный оскорбительный тонъ чувствуется во многихъ разсужденіяхъ, касающихся нашего отечества. Даже страны, считавшіяся безусловно доброжелательными и дружественно къ намъ расположенными, какъ Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты, начинаютъ обнаруживать непріязнь, которую до сихъ поръ мы привыкли встрѣчать только у англичанъ. Американскія газеты предприняли теперь ожесточенный походъ противъ Россіи по поводу ея мнимаго коварства относительно Манчжуріи, и само правительство президента Рузвельта отнеслось къ нашей дипломатіи такъ, какъ едва ли оно могло бы отнестись къ кабинетамъ другихъ великихъ державъ, напр. Англіи или Германіи.

Мы не знаемъ въ точности, какія новыя требованія предъявлены были въ Пекинѣ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, г. Плансономъ; но эти требованія несомнѣнно поняты въ смыслѣ попытки прямого нарушенія формальныхъ международныхъ обязательствъ, относящихся къ Китаю и въ частности къ Манчжуріи. Россія, будто бы, не желаетъ выпустить изъ рукъ занятую ею китайскую территорію и старается подъ разными предлогами уклониться отъ исполненія своихъ обѣщаній; она хочетъ, будто бы, выговорить для себя и для своихъ подданныхъ разныя привилегіи, которыя обезпечивали бы ей фактическое господство въ странѣ, и только подъ этимъ условіемъ соглашается передать управленіе краемъ китайскимъ властямъ, тогда какъ въ дѣйствительности она обязалась очистить Манчжурію въ извѣстные сроки, съ соблюденіемъ принципа „открытыхъ дверей“ для всей вообще иностранной торговли и промышленности. Еслибы мы требовали для себя въ Китаѣ особыхъ преимуществъ, несогласныхъ съ правами другихъ иностранцевъ, сознательно опираясь при этомъ на реальный фактъ военной оккупации, стоившей намъ громаднхъ жертвъ,

то въ сущности мы дѣйствовали бы только въ духѣ обычной дипломатической практики, которая всегда придерживалась правила, формулированнаго Бисмаркомъ въ словахъ: „*beati possidentes*“; но мы сами заранѣе отказались отъ этой общепринятой точки зрѣнія и условились сохрѣнить безкорыстіе до конца, такъ что предъявлять новыя требованія передъ очищеніемъ Манчжуріи было бы по меньшей мѣрѣ непослѣдовательно и неосторожно.

Въ одной изъ американскихъ газетъ помѣщена карриатура, изображающая положеніе дѣлъ на дальнемъ Востокѣ: большой бѣлый медвѣдь положилъ свою лапу на несчастнаго беззащитнаго тюленя съ надписью „Манчжурія“ и грозно скалитъ зубы на встрѣчу подплывающему сопернику—тоже медвѣдю, съ надписью „Японія“; на заднемъ планѣ, съ одной стороны, озадаченныя или испуганныя фигуры Джонъ-Буля и Вильгельма II, а съ другой—фигура „дяди Сама“, въ позѣ внимательнаго наблюдателя, съ ружьемъ въ рукѣ. Внизу поясненіе: Джонъ-Буль удерживаетъ своего „вузена Вилли“, говоря, что „съ этимъ старымъ медвѣдемъ не легко справиться“; лучше обождать и „посмотрѣть, какъ возьметъ его дядя Самъ“. Изъ этого видно, что намъ приписываютъ желаніе вызвать изъ-за Манчжуріи борьбу съ цѣлою коалиціею, въ которой главная роль принадлежала бы Японіи и Сѣверной Америкѣ,—или вѣрнѣе, что намъ угрожаютъ коалиціею въ случаѣ покушенія Россіи на окончательный захватъ Манчжуріи. Зачѣмъ же мы ставили бы себя въ такое положеніе, чтобы противъ насъ пускались въ ходъ подобныя угрозы? Съ какою цѣлью мы сначала брали бы на себя опредѣленныя обязательства, а потомъ придумывали бы способы обойти или нарушить ихъ? Если Манчжурія намъ нужна, то мы имѣли полную возможность заявить это послѣ разгрома китайцами русской манчжурской желѣзной дороги, или по крайней мѣрѣ мы могли тогда не отвергать мысли о присоединеніи. Если же мы не имѣли и не имѣемъ въ виду завладѣть Манчжуріею, то какими поступками или погрѣшностями давали мы матеріалъ для уподобленія Россіи хищному звѣрю, котораго должны укрощать америкавцы, въ союзѣ съ японцами и англичанами?

Дѣйствительная политика наша въ Китаѣ едва ли оправдывала неприязненное настроеніе, выразившееся въ нападкахъ американской печати на Россію. Мы несравненно больше другихъ пострадали отъ китайскихъ волненій и гораздо меньше другихъ заботились о возмѣщеніи убытковъ и объ огражденіи нашихъ интересовъ на будущее время. Манчжурія была занята нами по необходимости, подъ давленіемъ событій, которыхъ мы не предвидѣли или не сѣумѣли предупредить; а разъ вступивъ въ китайскую провинцію, мы естественно не могли выбраться изъ нея, пока не устроили въ ней прочнаго по-

рядка и пока не обеспечили безопасности нашихъ желѣзнодорожныхъ сооружений; устройвъ же порядокъ и обезпечивъ безопасность дороги, мы опять-таки не рѣшались рисковать всѣми плодами нашихъ усилій и по неволѣ медлили передачей занятой области китайцамъ, пока не добились отъ нихъ нѣкоторыхъ гарантій относительно будущаго. Въ этомъ логическомъ сцѣпленіи обстоятельствъ трудно было усмотрѣть слѣды коварнаго завоевательнаго замысла, способнаго возбудить негодованіе или протесты заинтересованныхъ культурныхъ націй; съ нашей стороны можно было замѣтить скорѣе неразсчетливость, тѣмъ коварство, — ибо самый планъ проведенія желѣзной дороги черезъ чужую территорію, въ расчетъ на старинныя сосѣдскія отношенія, заключалъ въ себѣ элементы сильнѣйшаго риска.

Разныя колебанія, противорѣчія и неясности въ нашихъ дѣйствіяхъ и заявленіяхъ по манчжурскому вопросу могли происходить отъ причины, вполне понятной для насъ, но не существующей для иностранныхъ кабинетовъ. Въ дѣлахъ Манчжуріи участвуютъ и распоряжаются у насъ три различныя вѣдомства, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои особые взгляды и смотритъ по своему на охраняемые государственные интересы: министерство иностранныхъ дѣлъ стремится главнымъ образомъ избѣгнуть всякихъ пререканій и недоразумѣній съ иноземными правительствами, и потому всегда готово давать примирительныя обѣщанія и увѣренія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда исполненіе ихъ зависить не отъ однихъ только дипломатовъ; министерство военное, съ своей стороны, руководствуясь соображеніями военной предусмотрительности, не можетъ удалить войска изъ области, нуждающейся еще въ военной охранѣ, и часто вообще находитъ нужнымъ принимать именно тѣ мѣры и рѣшенія, отъ которыхъ отрекается дипломатія; наконецъ, министерство финансовъ прежде всего озабочено громадными матеріальными интересами, связанными съ восточно-китайскою желѣзною дорогою, и должно поэтому стоять за строгую обдуманность и постепенность въ очищеніи Манчжуріи. Тамъ, гдѣ замѣшаны три самостоятельныя вѣдомства, трудно ожидать единства и послѣдовательности въ официальныхъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ; — этимъ и объясняются нѣкоторыя особенности въ ходѣ нашихъ китайскихъ дѣлъ. Разнорѣчія между отдѣльными вѣдомствами принимаются иностранцами за доказательства неискренности правительства, за признаки скрытыхъ цѣлей и честолюбивыхъ плановъ, направленныхъ прямо или косвенно противъ интересовъ другихъ державъ.

То же самое мы видѣли во время прежнихъ средне-азиатскихъ споровъ съ Англіею: дипломатія заявляла одно, а военныя власти дѣлали другое; министерство иностранныхъ дѣлъ обязывалось соблюдать такія условія, которыя съ военной точки зрѣнія

оказывались неисполнимыми, и постоянно приходилось занимать войсками тѣ области, отъ которыхъ раньше отрекивалась дипломатія, — а отвѣчать на нареканія и протесты иностранныхъ кабинетовъ должно было опять-таки дипломатическое вѣдомство. На долю дипломатическихъ дѣятелей выпадало крайне неблагоприятное занятіе — отписываться отъ Европы, и эти „отписки“ получали иногда характеръ вынужденныхъ изворотовъ послѣ фактическаго военнаго нарушенія какихъ-либо кабинетныхъ комбинацій или обѣщаній. Отсюда обычные за границей толки о двуличіи и коварствѣ нашей политики, — тогда какъ можно было ставить намъ въ вину, напротивъ, отсутствіе цѣльной, точно опредѣленной программы по каждому данному вопросу, вслѣдствіе внутренняго разлада между отдѣльными заинтересованными вѣдомствами. Недоумѣнія иностранныхъ государствъ разрѣшаются обыкновенно новыми успокоительными разъясненіями и уступками, согласно требованіямъ отечественной дипломатіи, которой въ концѣ концовъ принадлежитъ послѣднее слово во внѣшней политикѣ. Такъ и въ новѣйшемъ фазисѣ манчжурскаго кризиса все окончилось благополучно: протесты американскаго статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ, м-ра Гея, и запросы британскаго министра, маркиза Лансдоуна, привели къ тому, что съ нашей стороны вновь подтвердилась полнѣйшая готовность строго держаться состоявшихся соглашеній, а сообщенныя газетами свѣдѣнія о требованіяхъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Пекинѣ признаны невѣрными или ложно понятыми. Обиднымъ остается только то внутреннее недовѣріе къ нашей добросовѣстности, которое сквозитъ въ замѣчаніяхъ иностранныхъ дипломатовъ и въ комментаріяхъ иностранной печати. Лондонскій „Times“ ядовито высмѣиваетъ американцевъ, удовлетворившихся официальными отвѣтами и увѣреніями русскаго правительства, — хотя, очевидно, нельзя было не удовлетвориться этими отвѣтами, которые успокоили и ближайшихъ нашихъ соперниковъ на дальнемъ Востоцѣ, англичанъ и японцевъ.

Высокомѣрный тонъ относительно Россіи вызывается, конечно, не грѣхами нашей дипломатіи, и не увлеченіями или слабостями нашей внѣшней политики, а чѣмъ-то другимъ; — мы имѣемъ здѣсь одинъ изъ многихъ симптомовъ кореннаго принципиальнаго антагонизма, для котораго международные вопросы служатъ только удобнымъ предлогомъ. Иностранныя газеты, не исключая даже самыхъ авторитетныхъ, все чаще позволяютъ себѣ проводить какія-то неподходящія параллели между Россією и Турцією, причемъ пользуются матеріаломъ, о которомъ не принято высказываться въ нашей печати. Дипломатическое лицемеріе, коварство и изворотливость внѣшней политики, варварскіе политическіе приемы, — все то, въ чемъ упре-

каютъ насъ по поводу Китая и Манчжуріи, свойственно въ гораздо большей мѣрѣ англичанамъ и отчасти также другимъ народамъ, въ томъ числѣ и американцамъ. Вспомнимъ поведеніе американцевъ относительно Кубы до и послѣ испанской войны, и особенно образъ дѣйствій ихъ на Филиппинскихъ островахъ. Какъ быстро освободительная культурная миссія превратилась въ отвратно хищническую, завоевательную! Еще недавно въ американской печати обсуждались возмутительныя подробности о томъ, какъ американскіе офицеры и солдаты укрощали филиппинцевъ. Главный начальникъ сѣверо-американскихъ войскъ, генераль Майльсъ, былъ посланъ правительствомъ на Филиппинскіе острова для контроля и ревизіи, и представленный имъ отчетъ, опубликованный въ концѣ апрѣля, произвелъ сильное впечатлѣніе на публику. Генераль Майльсъ нашелъ, что многія мѣстности совершенно опустошены и что населеніе находится въ крайне угнетенномъ состояніи; въ одномъ городѣ обыватели, во главѣ съ своимъ выборнымъ старшиною, жаловались ему на разныя жестокости: пятнадцать человѣкъ было подвергнуто „пытѣ въ воду“, и одинъ почтенный старикъ, доведенный этимъ до безпамятства, былъ брошенъ въ домъ, который затѣмъ подожгли, такъ что онъ сгорѣлъ заживо; жители сгонялись изъ окрестностей и скучивались въ отдѣльныхъ домахъ, гдѣ ихъ запирали въ такой давкѣ, что многіе умирали; это обстоятельство подтвердилъ мѣстный американскій врачъ. Генераль Майльсъ убѣдился въ справедливости разныхъ другихъ обвиненій подобнаго же рода: американскіе офицеры засѣкали туземцевъ до смерти, разстрѣливали плѣнныхъ, пытали и грабили священниковъ. Эти варварскіе поступки не имѣли никакого политическаго оправданія, и даже „Times“ признаетъ ихъ позорными для американской арміи. И тѣмъ не менѣе американцы, заодно съ англичанами, относятся къ намъ свысока именно съ точки зрѣнія политической морали, и мы какъ будто чувствуемъ себя въ положеніи людей, нуждающихся въ защитѣ и снисхожденіи предъ судомъ культурнаго міра. Ясно, что дѣло тутъ не въ судьбѣ Манчжуріи и не въ спорныхъ вопросахъ современной международной политики...

Обстоятельства рѣшительно благопріятствуютъ туркамъ и ихъ правительству: бѣдствія Македоніи и другихъ балканскихъ земель, подвластныхъ Портѣ, перестали занимать общественное мнѣніе Европы, и вопросъ о преобразованіи турецкаго режима можетъ фактически считаться поконченнымъ. Динамитные взрывы, произведенные 17 (30) апрѣля въ Салоникахъ, явились очень кстати для туркофиловъ и „сразу освѣтили,—какъ выражается „Кельнская Газета“,—истинное

положеніе дѣлъ на Востокѣ". Болгарскіе революціонеры, повидимому, прибѣгли къ отчаянному средству, чтобы вызвать внимательство великихъ державъ, и они достигли только общаго раздраженія кабинетовъ противъ болгаръ, которые признаются уже главными виновниками нынѣшнихъ замѣшательствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Туркамъ фактически предоставлена свобода дѣйствій для усмиренія недовольныхъ христіанъ; въ Македоніи и Старой Сербіи собраны большія массы турецкихъ войскъ, которыя при содѣйствіи башибузуковъ поддерживаютъ авторитетъ султанской власти и могутъ въ случаѣ надобности угрожать Болгаріи. Турецкіе патріоты заговорили въ повышенномъ тонѣ о правахъ Оттоманской имперіи, нарушаемыхъ, будто бы, попытками внѣшняго контроля; они смѣло ссылаются на явленія и событія, происходящія въ другихъ странахъ и не дающія, однако, повода къ дипломатическимъ мѣрамъ. Реформы и льготы, возвыщенные султаномъ, получили значеніе милостей, которыхъ могло бы и не быть.

Какъ осуществляются въ Турціи реформаторскія предположенія державъ—объ этомъ легко судить по имѣющимся безспорнымъ свѣдѣніямъ. Инспекторъ трехъ неспокойныхъ провинцій, Хильми-паша, принявъ на службу, въ качествѣ жандармовъ, известное количество христіанъ, не превышающее пятой доли общаго числа жандармскихъ дѣятелей; но эти христіане-жандармы, по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, взяты преимущественно изъ категоріи завѣдомыхъ шпионовъ и продажныхъ негодяевъ, такъ какъ другіе и не пошли бы на турецкую службу. Объявлена была амнистія всѣмъ осужденнымъ и обвиняемымъ въ политическихъ преступленіяхъ, точно также какъ и эмигрантамъ; на этомъ основаніи выпущено на свободу нѣсколько десятковъ человѣкъ, а болѣе трехъ тысячъ арестованныхъ содержится по прежнему въ тюрьмахъ Малой Азіи, въ ожиданіи дальнѣйшихъ милостей султана. Въ Монастырскомъ округѣ освобождено изъ-подъ ареста около трехсотъ человѣкъ, задержанныхъ неизвѣстно почему, а за то вновь заключено въ тюрьму свыше тысячи обывателей, тоже вѣроятно ни въ чемъ неповинныхъ. Амнистія какъ будто примѣняется, но безъ видимой пользы для населенія; общее безправіе подданныхъ остается въ полной силѣ. Хильми-паша охотно принималъ иностранныхъ корреспондентовъ и сообщалъ имъ утѣшительныя свѣдѣнія о предстоящемъ благополучіи края; только въ послѣднее время ему запрещено допускать пріѣзжихъ журналистовъ внутрь страны, для избѣжанія нескромныхъ разоблаченій. Мусульмане открыто встаютъ противъ уступокъ Порты по отношенію къ христіанамъ и берутся за оружіе для защиты своихъ привилегій; въ разныхъ мѣстахъ совершаются жестокія безчинства, къ которымъ турецкія власти относятся довольно равнодушно. Въ Монастырѣ, 6 мая, турки напали на бол-

гарскій кварталъ, разграбили много домовъ и убили двадцать-пять болгаръ, прежде чѣмъ мѣстное начальство успѣло сообразить, въ чемъ дѣло; по официальному отчету, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, виноватыми оказывались сами пострадавшіе: какой-то болгарскій мясникъ обидѣлъ, будто бы, мусульманина, и изъ-за этого возникла свалка, которая выразилась въ одностороннемъ нападѣніи фанатической мусульманской толпы на христіанское населеніе.

Самое печальное для Македоніи — это рознь и взаимная вражда среди самихъ туземныхъ христіанъ. Греки ненавидятъ болгаръ и съ удовольствіемъ участвуютъ въ подавленіи ихъ; они искренно возмущаются болгарскими притязаніями на первенство въ старинной греческой землѣ; многіе изъ нихъ поступаютъ на турецкую службу только для того, чтобы имѣть случай проявить свои чувства относительно соперниковъ. Энергическіе и предприимчивые болгаре постепенно усиливаютъ и распространяютъ свое вліяніе въ Македоніи, чѣмъ вызываютъ неприязнь не только грековъ, но и сербовъ. Туркамъ остается только пользоваться этимъ внутреннимъ разладомъ между различными христіанскими народностями, натравливать одну часть населенія противъ другой и сохранять такимъ образомъ свое владычество безъ всякихъ государственныхъ реформъ и улучшеній.

Къ счастью для Турціи, самостоятельныя балканскія государства не ходятъ не въ такомъ положеніи, чтобы брать на себя рѣшеніе спорныхъ національныхъ вопросовъ помимо Европы, путемъ совмѣстной борьбы противъ Порты. Греція давно уже обречена на безсиліе по разнымъ причинамъ, и ее почти совсѣмъ не принимаютъ въ расчетъ при обсужденіи періодическихъ кризисовъ на Балканскомъ полуостровѣ. Сербія имѣетъ слабыхъ правителей, удовлетворяющихъ свое честолюбіе благорасположеніемъ вѣнскаго двора и неспособныхъ возвыситься надъ мелочными династическими и партійными расчетами; король Александръ идетъ по стопамъ своего отца, короля Милана, не имѣя его крутого характера, его пороковъ и увлеченій. Привычка ставить личные вкусы и взгляды впереди интересовъ государства и народа всегда отличала Милана; она перешла отчасти и къ его сыну, вмѣстѣ съ наклонностью къ неожиданнымъ рѣшеніямъ и комбинаціямъ, неприятнымъ для окружающихъ. Король Александръ началъ въ юности свою карьеру государственнымъ переворотомъ, который поразилъ его опекуна, Іована Ристича; поздѣе онъ нѣсколько разъ прибѣгалъ къ подобнымъ же театральнымъ эффектамъ, чтобы отдѣлаться отъ того или другого министерства или отъ господствующей въ данное время партіи. Въ концѣ марта онъ озадачилъ своихъ подданныхъ совершенно небывалымъ подвигомъ: онъ внезапно объявилъ объ отміѣнѣ конституціи 6 апрѣля 1901 года, измѣнилъ составъ государственныхъ учреждений

и вслѣдъ затѣмъ обратно возстановилъ ту же конституцію 1901 года, которую только-что призналъ зловредною. Въ своемъ первомъ манифестѣ король заявлялъ, что созданный на основаніи новой конституціи сенатъ и народная скупщина установили законы, которые оказались нецѣлесообразными. „Конституція, давъ просторъ политическимъ страстямъ, причинила вредъ интересамъ отечества и помѣшала его государственному и національному развитію. Обстоятельства на Балканскомъ полуостровѣ весьма серьезны. Сербія нуждается въ порядкѣ, согласіи и мирѣ. Для возстановленія согласія и порядка въ отечествѣ отмѣняется конституція, и полномочія сенаторовъ прекращаются; члены государственнаго совѣта освобождаются отъ своихъ должностей, и скупщина подлежитъ обновленію“. Отмѣнены законы о печати, о выборахъ, о городскомъ и сельскомъ общинномъ устройствѣ; одновременно съ этимъ назначены новые консервативные сенаторы и члены государственнаго совѣта, взамѣнъ бывшихъ прогрессистовъ, — послѣ чего упраздненная конституція вновь введена въ дѣйствіе. Сенату и государственному совѣту въ новомъ составѣ предстоитъ выработать новые органическіе законы о печати, о выборахъ и мѣстныхъ общинахъ, но „уже не въ партійномъ духѣ“, или, вѣрнѣе, въ духѣ только одобряемыхъ партій, болѣе или менѣе консервативныхъ и благонадежныхъ, безъ участія другихъ группъ, которыя прежде тоже считались благонадежными и часто призывались къ управленію страной. Такимъ страннымъ способомъ король Александръ сразу удалил со сцены многихъ почтенныхъ дѣятелей, замѣнивъ ихъ другими по своему усмотрѣнію, и эта перемѣна, конечно, не возвыситъ авторитета сената, государственнаго совѣта и конституціи въ глазахъ населенія, какъ не подниметъ и престижа власти, столь игриво обращающейся съ основными законами государства. Если одни и тѣ же законы и учрежденія сначала объявляются неподходящими, а потомъ опять признаются полезными и необходимыми, то что подумать обывателямъ при этой смѣнѣ правительственныхъ настроеній? Возможно ли дѣлать внезапные законодательные перевороты только для того, чтобы измѣнить личный составъ существующихъ учреждений?

Сербскій король, разумѣется, не задавался никакими общими планами и идеями при совершеніи своего послѣдняго *coup d'état*; онъ просто хотѣлъ, чтобы сенатъ, государственный совѣтъ и скупщина во всемъ соглашались съ министерствомъ г. Цинцара Марковича, которое въ данный моментъ пользуется полнымъ довѣріемъ короля. Имѣя очень высокое мнѣніе объ исторической роли и важности дома Обреновичей, король Александръ очень низко цѣнитъ здравый смыслъ своего народа и слишкомъ часто производитъ надъ нимъ опыты, которые трудно чѣмъ-нибудь объяснить или мотиви-

ровать; впрочемъ, и самъ родоначальникъ его фамиліи, знаменитый Милошъ, бывшій нѣкогда скромнымъ свинопасомъ, удивлялъ современниковъ странными переменами своей карьеры и своихъ взглядовъ, хотя исключительныя обстоятельства, быть можетъ, и оправдывали его поведеніе. Дѣйствія и распоряженія короля Александра не имѣютъ видимой связи ни съ какими внѣшними событіями, а вытекаютъ изъ его личныхъ, отчасти загадочныхъ побужденій, явно противорѣчащихъ интересамъ государства; не было, очевидно, никакого расчета затѣвать внутреннія замѣшательства въ правительственной системѣ Сербіи, въ то время какъ сосѣднія турецко-славянскія земли переживаютъ опасный политическій кризисъ, близко затрагивающій жизненныя національныя чувства и стремленія сербской народности.

Благодаря своеобразной политикѣ своихъ правителей, Сербія почти вовсе не участвуетъ въ общемъ движеніи, отъ котораго въ концѣ концовъ зависить судьба различныхъ племенъ и областей Балканскаго полуострова;—дѣйствуетъ въ сущности одна Болгарія, на которую державы все болѣе привыкаютъ смотрѣть, какъ на центръ и ядро будущей политической организаціи европейской Турціи. Болгаре выступили на первый планъ и въ нынѣшнемъ македонскомъ вопросѣ; они являются единственными сознательными руководителями злосчастныхъ турецкихъ христіанъ и этимъ создаютъ для своего отечества положеніе славянскаго Пьемонта, который рано или поздно завершить дѣло объединенія родственныхъ странъ. Князь Фердинандъ представляетъ собою политическія традиціи Кобурговъ, умѣвшихъ всегда достигать своихъ цѣлей при помощи твердой выдержки, умѣнья приспособляться къ обстоятельствамъ или, напротивъ, приспособлять ихъ къ своимъ интересамъ. Болгарскій князь также вызываетъ иногда рѣзкіе правительственные кризисы; недавно онъ очень круто обошелся съ министерствомъ Данева, подъ предлогомъ личнаго конфликта съ министромъ народнаго просвѣщенія Радевымъ, но всякій догадывается, почему ему понадобилось разстаться съ министрами-теоретиками и передать власть такимъ энергическимъ людямъ, какъ генералъ Петровъ и бывшій сподвижникъ Стамбулова, Петковъ. Князь Фердинандъ несомнѣнно руководствовался политическими и государственными интересами, а не личными чувствами и вкусами, когда рѣшился переимѣнить своихъ министровъ послѣ пріѣзда изъ Парижа; очень можетъ быть, что сдѣланный имъ шагъ былъ результатомъ его политическихъ бесѣдъ съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Новые болгарскіе министры, вѣроятно, болѣе симпатичны нѣмцамъ и австрійцамъ, безъ содѣйствія которыхъ ничего нельзя устроить въ сферѣ балканскихъ дѣлъ; а министры, извѣстные своимъ руссофильствомъ, всего менѣе могутъ рассчитывать на успѣхъ и автори-

теть при современномъ ходѣ событій. Таково, къ сожалѣнію, фактическое положеніе нынѣшняго восточнаго вопроса на Балканахъ...

Въ Англіи политическая жизнь имѣетъ свою особую логику, не всегда понятную въ остальной Европѣ. Казалось бы, что послѣ разорительной южно-африканской войны британское правительство должно было избѣгать крупныхъ чрезвычайныхъ расходовъ, не требуемыхъ настоятельною необходимостью; между тѣмъ, кромѣ ассигнованія огромныхъ суммъ на возстановленіе фермъ въ Трансваалѣ и Оранжевой колоніи, предполагаются еще колоссальныя затраты на устройство поземельныхъ дѣлъ въ Ирландіи. Новый ирландскій билль, внесенный въ парламентъ статсъ-секретаремъ по дѣламъ Ирландіи, м-ромъ Виндгамомъ, и принятый уже палатою общинъ, напоминаетъ знаменитыя земельныя реформы Гладстона по своему общему характеру и направленію; законодательство вновь ставитъ себѣ задачей преобразовать аграрныя отношенія страны согласно желаніямъ и потребностямъ наиболѣе заинтересованныхъ и многочисленныхъ классовъ мѣстнаго населенія. Организуется систематическій переходъ имѣній лордовъ въ руки фермеровъ, черезъ посредство особой правительственной комиссіи, при содѣйствіи государственнаго казначейства; на первое время назначается на это дѣло изъ казны вспомогательная сумма въ двѣнадцать милліоновъ фунтовъ стерлинговъ—больше ста милліоновъ рублей. Ни милліарды, поглощенные бурскою войною, ни сотни милліоновъ, расходуемыя на оживленіе опустошенныхъ земель южной Африки, не останавливаютъ англичанъ въ новыхъ громадныхъ затратахъ на Ирландію. Неистощимыя финансовыя средства Англіи ни въ чемъ не проявляются такъ краснорѣчиво, какъ въ этихъ широкихъ проектахъ добровольныхъ государственныхъ пожертвованій, которыя всегда могли бы быть откладываемы до другого времени даже при сознаніи ихъ важности и полезности.

Но финансовое богатство не зависитъ—или только въ незначительной мѣрѣ зависитъ—отъ особыхъ условій политическаго быта Англіи; несравненно болѣе любопытно другое явленіе, съ которымъ никакъ не могутъ примириться на материкѣ Европы,—удивительный подъемъ популярности и силы главнаго виновника и вдохновителя бурской войны, министра колоній Чемберлена. Послѣ тяжелыхъ испытаній и разочарованій, связанныхъ съ этою войною, долженъ былъ бы прежде всего удалиться со сцены тотъ политическій дѣятель, который безъ крайней надобности и съ легкимъ сердцемъ втянулъ Англію въ воинственное предпріятіе, обошедшееся такъ дорого англичанамъ во всѣхъ отношеніяхъ; континентальная печать неумоимо избличала Чемберлена въ раз-

ныхъ грѣхахъ и провинностяхъ не только передъ чужими-націями, но и передъ англійскимъ народомъ и передъ совѣстью всего образованнаго міра. Повсюду господствовало убѣжденіе, что неудачный ходъ войны нанесъ непоправимый ударъ Чемберлену, и что немислимо будетъ удержаться ему послѣ восстановления мира. Въ дѣйствительности произошло нѣчто прямо противоположное: чѣмъ болѣе выяснялась трудность предпринятой борьбы, тѣмъ сильнѣе становилось положеніе Чемберлена, и авторитетъ его возвысился и окрѣпъ въ небывалой еще степени послѣ тяжелыхъ событій въ южной Африкѣ. Имперіалистская политика торжествовала побѣду именно тогда, когда заграничные наблюдатели возвѣщали ея паденіе; Чемберленъ сдѣлался могущественнѣйшимъ государственнымъ дѣятелемъ Англии въ то самое время, когда иностранная пресса ниспровергала и осуждала его съ наибольшимъ усердіемъ. Во всякой другой странѣ Чемберленъ долженъ былъ бы выйти въ отставку при первыхъ же крупныхъ неудачахъ, и его смѣнили бы какой-нибудь второстепенный представитель мирной и сдержанной колониальной политики; но англичане, разъ усвоивъ извѣстную практическую программу, не отказываются отъ нея такъ легко и не бросаютъ своихъ вождей изъ-за сдѣланныхъ ими ошибокъ и упущеній; — они чрезвычайно дорожатъ выдающимися людьми и упорно держатся поставленныхъ государственныхъ цѣлей, не смущаясь временными препятствіями и пораженіями. Только при подобной выдержкѣ могутъ осуществляться серьезно задуманные политическіе планы, безъ которыхъ не можетъ обходиться ни одна великая держава; британскіе имперіалисты, сторонники мірового расширенія британскаго владычества, чувствуютъ потребность въ такомъ предводителѣ, какъ Чемберленъ, и сохраняютъ ему вѣрность именно потому, что раздѣляютъ его идеи и стремленія. Въ томъ-то и дѣло, что Чемберленъ — не просто министръ, назначенный властью короны, а выразитель взглядовъ и интересовъ цѣлой націи или значительной ея части, проповѣдникъ и исполнитель извѣстной государственной программы; такого дѣятеля не увольняютъ, а онъ самъ держится или уходитъ, въ зависимости отъ распространенности и силы его идей въ обществѣ. Чемберленъ воплощаетъ собою новѣйшія мечты англичанъ о внѣшнемъ величіи и могуществѣ британской имперіи; онъ даетъ этимъ мечтамъ реальныя формы и обѣщаетъ осуществить ихъ въ будущемъ, — и оттого онъ сталъ теперь центральной политической фигурой въ Англии, главнѣйшимъ изъ британскихъ министровъ въ кабинетѣ, номинальнымъ главою котораго является до сихъ поръ Бальфуръ.

Недавно Чемберленъ произнесъ передъ своими избирателями въ Бирмингамѣ замѣчательную рѣчь, въ которой подробно развилъ свою программу имперіализма; онъ намѣтилъ грандіозный проектъ міровой

британской федераціи, для которой первымъ фундаментомъ долженъ служить таможенный союзъ Англіи со всѣми ея колоніями. По мнѣнію Чемберлена, необходимо прежде всего признать, что колоніи имѣютъ право на пониженные тарифы при сбытѣ своихъ продуктовъ въ метрополию или въ другія колоніальныя владѣнія; промышленная, экономическая солидарность должна сопутствовать политическому единенію, блестящія доказательства котораго были представлены во время бурской войны. Около пятидесяти тысячъ колоніальныхъ солдатъ сражалось на ряду съ британскими войсками на поляхъ Трансваала и Оранжевой области, въ силу добровольнаго рѣшенія своихъ отечественныхъ парламентовъ и правительствъ, и эти яркіе симптомы единства британской имперіи не могутъ пройти безслѣдно для ближайшаго будущаго. Чемберленъ рисуетъ эту будущность въ самыхъ заманчивыхъ образахъ, если Англія смѣло и твердо пойдетъ по пути имперіализма, и вполнѣ естественно, что британское общественное мнѣніе увлекается его призывами и готово подчиниться его руководству. Рѣчь Чемберлена была всѣми принята какъ открытое возвѣщеніе его кандидатуры на постъ премьера, и самъ Бальфуръ видимо соглашается отодвинуться на второе мѣсто, чтобы не стѣснять свободы дѣйствій министра, имѣющаго полное нравственное право считать себя душою правительства. Англійскія газеты, съ „Таймсомъ“ во главѣ, превозносятъ таланты и заслуги Чемберлена, выдвигаютъ его заявленія на степень національныхъ событій и окружаютъ его имя такимъ ореоломъ славы, какой въ былое время выпадалъ на долю немногихъ государственныхъ дѣятелей Англіи. Его сравниваютъ съ Биконсфильдомъ, отъ котораго онъ заимствовалъ свои имперіалистскія идеи; общее у нихъ обоихъ—способность возбуждать противъ себя вражду и ненависть внѣ предѣловъ отечества. Никого такъ не клеймили позорными именами въ европейской и русской печати, какъ Чемберлена и Биконсфильда; особенно наши газетные патриоты долго упражнялись въ изобличеніи коварства „еврея Дизраэли“, пока дипломатія не покорилась его волѣ въ Санъ-Стефано и на берлинскомъ конгрессѣ. Надо надѣяться, что ничего подобнаго не случится съ нами по отношенію къ Чемберлену...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1903.

I.

— Графъ Л. Н. Толстой въ литературѣ и искусствѣ. Подробный библиографическій указатель русской и иностранной литературы о гр. Л. Н. Толстомъ. Со многими портретами гр. Толстого. Составилъ Юрій Битовтъ. Москва, 1903.

Г-нъ Битовтъ возымѣлъ счастливую мысль собрать литературу о гр. Толстомъ: знать эту литературу не только существенно важно для тѣхъ, кто хотѣлъ бы ближе изучить знаменитаго писателя, но и вообще гр. Толстой представляетъ собой столь особенное и столь крупное явленіе въ нашей литературѣ и общественной жизни, что и для читателя обыкновеннаго можетъ быть интересно получить хотя бы общее понятіе о литературѣ, которая была ему посвящена у насъ и за границей...

Но въ исполненіи книги оказываются немалые недостатки. Многого въ ней нѣтъ, что должно бы быть; много есть лишняго, что только напрасно ее утолщаетъ; наконецъ, въ перечетѣ и библиографическомъ обозначеніи имѣющагося матеріала употреблены приемы ошибочные. Составитель напрасно не посоветовался съ людьми, знающими библиографическое дѣло, — потому что давнымъ-давно существуютъ извѣстные приемы библиографическихъ указаній, сложившіеся не произвольно и случайно, а по существу дѣла, для простого удобства: указанія авторовъ и ихъ книгъ, или журналовъ (съ ихъ отдѣлами), гдѣ помѣщены статьи; порядоковъ номенклатуры (вначалѣ имя автора или названіе книги) и т. п. Соблюденіе этихъ подробностей весьма облегчаетъ читателей библиографическихъ сочиненій, потому что упрощаетъ общій обзоръ и справки.

Въ настоящей книгѣ эти привычные библиографическіе приемы нарушаются сплошь и рядомъ. Приводимъ нѣсколько примѣровъ.

Стр. 3, указано подъ 1855 годомъ „Письмо петербургскихъ лите-

раторовъ къ М. С. Щепкину по случаю его пятидесятилѣтняго юбилея, одобренное его высокопревосходительствомъ г. министромъ народнаго просвѣщенія“; сдѣлана ссылка на „Современникъ“ 1855. Самое письмо не приведено, но приведены имена *всѣхъ* подписавшихъ письмо литераторовъ,—въ чемъ не было никакой библиографической надобности; довольно было отмѣтить, что въ числѣ подписавшихъ и гр. Л. Н. Толстой былъ.

Стр. 5, жирнымъ шрифтомъ: „Изъ общественной хроники“. Далѣе, простымъ: „Рѣчь графа Л. Н. Толстого по поводу московской переписи. Вѣстникъ Европы, 1882, III“. По простому библиографическому приему слѣдовало бы поставить все это какъ разъ наоборотъ: указать „Рѣчь“, потомъ статью, которая посвящена ей, т.-е. назвать журналъ, годъ, книжку и ея отдѣлъ. Кромѣ того, эта рѣчь появилась не въ „Вѣстникѣ Европы“ въ первый разъ.

И дальше опять множество разъ повторяются подобныя библиографическія неправильности или нелюбовности. Жирнымъ, или толстымъ шрифтомъ ставится не то что имя автора или названіе сочиненія, а названіе отдѣла въ журналѣ или газетѣ, напр.: „Разныя разности“ (это — отдѣлъ смѣси въ „Недѣль“), или: „Изъ литературнаго міра“, „Изъ общественной хроники“, „Внутреннія извѣстія“, т.-е. названія, ровно ничего не означающія, и только дальше, обыкновеннымъ шрифтомъ, приводится настоящее названіе автора и статейки, имѣющихъ какое-нибудь отношеніе къ гр. Толстому. Или жирнымъ шрифтомъ ставится одно первое слово заглавія,—что совсѣмъ ничего не говоритъ читателю. Или, при новомъ изданіи книги или статьи, читатель въ началѣ новаго библиографическаго номера встрѣчаетъ жирный шрифтъ: „перепечатано“—цѣлыми рядами; или повторяется безъ конца заглавіе: „Поликушка“, „Поликушка“... „Два старика“, „Два старика“... „Воскресеніе“, „Воскресеніе“... „Крейцерова соната“ и т. д.,—не выдержанъ и библиографическій приѣмъ. „Азбука“ и „Книги для чтенія“ ихъ подробнымъ пересчитываньемъ (стр. 69—79) бесполезно удручаютъ читателя.

Также бесполезны и многія другія вещи. Когда составителю приходится упоминать сборникъ или иное сочиненіе, гдѣ лишь случайно участвовалъ или упоминался гр. Толстой, то составитель приводитъ (какъ бы слѣдовало) не только то именно, что относится къ гр. Толстому, но приводитъ оглавленіе цѣлаго сборника или сочиненія, что для цѣли книги совершенно излишне.

Напр., на стр. 46—47 приведено цѣликомъ все оглавленіе сборника, изданнаго въ 1884 Литературнымъ Фондомъ, гдѣ гр. Толстымъ помѣщенъ былъ отрывокъ „Декабристовъ“. Кромѣ одной строки съ

этимъ указаніемъ, все остальное оглавленіе, занимающее цѣлую страницу, совершенно не нужно.

На двухъ страницахъ 56—57, не нужное, кромѣ трехъ строкъ, оглавленіе сборника „Помощь голодающимъ“.

Стр. 58—59, ненужное, кромѣ двухъ строкъ, оглавленіе сборника „Помочь“.

На полутора страницахъ 60—61, ненужное, кромѣ двухъ строкъ, оглавленіе сборника „Путь-дорога“.

Стр. 64—65, ненужное, кромѣ одной строки, оглавленіе сборника „Починъ“.

Затѣмъ опять рядъ ненужныхъ (или по крайней мѣрѣ на три четверти ненужныхъ) оглавленій къ сочиненіямъ Анненкова, Арс. Введенскаго, К. Головина, Меньшикова. Шесть страницъ мелкой печати занято оглавленіемъ сборника Зелинскаго, и т. д.

Къ изложенію „гр. Толстого въ искусствѣ“ составитель прибавилъ рядъ портретовъ и кромѣ того изображенія скульптуръ г. Аронсона, Кенигсайдера и вв. Трубецкаго (всѣ довольно странны: въ бюстѣ г. Аронсона представленъ не гр. Толстой, а какой-то Ааронъ; вторая скульптура, кажется, просто неудачна; третья—съ вычурнымъ импрессионизмомъ); къ нимъ слѣдовало присоединить бюстъ и весьма удачную статуэтку г. Гинцбурга.

Въ изложеніи переводовъ сочиненій гр. Толстого опять встрѣчаемъ немалыя странности. Частью составитель помѣщаетъ просто извѣстія русскихъ журналовъ и газетъ объ этихъ переводахъ; частью беретъ свои указанія изъ иностранныхъ каталоговъ, и повторныя изданія являются, напр., въ слѣдующемъ видѣ:

3146. War and peace... 1886.

3147. Same (!)... 1889.

3148. Same bound in two vols (!)... 1889.

3149. Same in four vols... 1889.

3150. Same as above... 1897.

И дальше приведено еще нѣсколько изданій, которыя называются „Same“ или „Also“ (!).

Извѣстія о переводахъ гр. Толстого на славянскіе языки опять не весьма удовлетворительны. Библиографическія указанія взяты иногда просто изъ упоминавнй русскихъ журналовъ и газетъ, а частью приведены съ такими грубыми ошибками, которыя привели бы въ ужасъ чеховъ, поляковъ, хорватовъ, вообще славянскую братію. А кромѣ того, и славянская братія перемѣшана; въ чешскую литературу попадаетъ словацкое изданіе (№ 3287); въ сербскую литературу попало извѣстіе о трудѣ словацкаго писателя Гурбана-Ваянскаго (№ 3294), и т. п.

Вслѣдствіе неурядицы въ приѣмахъ составленія книги въ нее вошло, какъ мы упоминали, множество вещей, не имѣющихъ къ гр. Толстому никакого отношенія. Это ненужное отразилось и въ указателѣ, помѣщенномъ въ концѣ книги. Здѣсь мы находимъ, напр., г-жу Хвоцинскую, извѣстную писательницу (стр. 370). Зачѣмъ она попала въ книгу о гр. Толстомъ? Очень просто: она упомянута въ (ненужномъ) оглавленіи книги Головина о русскомъ романѣ, и оттуда такимъ же ненужнымъ образомъ попала въ указатель. Такимъ же способомъ попали въ указатель, черезъ книгу Головина, гг. Ясинскій и Эртель, не имѣющіе никакого отношенія къ гр. Толстому, и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ, составитель взялся за свой трудъ безъ яснаго представленія о требованіяхъ правильной библиографіи: отсюда масса неточностей, излишествъ, а также и недостатковъ. Чтобы взяться за подобную работу, надо было раньше выяснитъ себѣ ея требованія, напр. хотя бы посоветовавшись съ людьми, знающими это дѣло. Въ частности, по литературамъ славянскимъ надо было просто посоветоваться съ опытными специалистами... При болѣе обдуманной постановкѣ дѣла, изъ книги пришлось бы выбросить не мало вещей, совсѣмъ излишнихъ; многое, напротивъ, привелось бы добавить, — и книга лучше послужила бы той цѣли, которую составитель для нея предположилъ. — А. П.

II.

— Ю. Н. Лавриновичъ (Надеждинъ). Очерки французской общественности. Спб. 1903.

Очерки г. Лавриновича прочтутся русской публикой не безъ интереса. Авторъ ставитъ своей задачей охарактеризовать типичныя черты французской общественности, выработавшіяся столько же въ зависимости отъ особенностей пройденнаго историческаго пути, какъ и отъ основныхъ свойствъ національнаго гения. Во введеніи авторъ дѣлаетъ одно замѣчаніе, не лишнее, кажется, большой вѣроятности: въ самомъ дѣлѣ, рѣдко на комъ отразилась до такой степени двойственность личной и общественной психологии, какъ на французскомъ народѣ. Французъ и французское общество въ его цѣломъ являются мало похожими другъ на друга. Отдѣльный француз расчетливъ, даже скупъ, холоденъ къ интересамъ ближняго, меркантильно буржуазенъ, тщеславенъ, суетенъ, легкомысленъ и неустойчивъ во взглядахъ. Но тотъ же французъ становится неузнаваемъ въ общественной жизни. „Здѣсь только, — говоритъ авторъ, — его нравственная фізіономія принимаетъ тѣ черты величавости, смѣлости, широкаго размаха мысли,

изъ которыхъ слагается исторія французскаго общества. Если въ этой исторіи и играли часто весьма крупную роль отдѣльныя личности, то ихъ значеніе и успѣхъ ихъ дѣятельности все-таки находились въ гораздо большей зависимости отъ современныхъ имъ условій общест-венности, нежели отъ ихъ индивидуальныхъ свойствъ. Правда, эти условія не разъ приводили Францію, въ ея вѣчномъ исканіи обще-ственныхъ идеаловъ, къ ошибкамъ. Но она же сама эти ошибки и исправляла, и онѣ не помѣшали созданію ея величія“.

Первый изъ очерковъ посвященъ журнализму и журналистамъ во Франціи; въ основаніе его положены, главнымъ образомъ, работы Авнэля ¹⁾ и Тавернье ²⁾. Исторія французской журналистики поучи-тельна и любопытна. Печать и политика такъ тѣсно переплелись между собою во Франціи, что можно безъ преувеличенія опредѣлять исторію Франціи XIX столѣтія какъ исторію ея печати, и исторіей печати характеризовать исторію Франціи. Красной нитью проходить по исторіи печати исполненная своеобразнаго драматизма борьба, ко-торую вела французская печать съ правительствомъ, на политической почвѣ. Начиная съ 1631 г., когда д-ръ Теофрастъ Ренодѣ положилъ начало періодической печати первой еженедѣльной газетой „Gazette de France“, печати этой пришлось пережить не мало критическихъ моментовъ. Впервые тѣсную связь между прессой и политикой обна-ружила революція, вызвавшая къ жизни множество политическихъ га-зетъ, во главѣ которыхъ стали такіе дѣятели, какъ Андрѣ Шенье, Робеспьеръ, Маратъ, Мирабо. Учредительное собраніе провозгласило полную свободу печати: „Свободное сообщеніе мыслей и мнѣній есть одно изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ правъ человѣка. Каждый гражда-нинъ, поэтому, можетъ свободно говорить, писать и печатать, отвѣчая передъ закономъ лишь за злоупотребленіе этой свободой“. Но Напо-леонъ I векорѣ нарушилъ признаніе за гражданиномъ права свободно говорить, писать и печатать. Сначала, въ качествѣ перваго консула, онъ уничтожилъ почти все политическія газеты, по его объясненію, — „для защиты республики“. Черезъ четыре года, когда первый консулъ сталъ императоромъ, подобныя мѣры примѣнялись имъ съ обратной цѣлью—для защиты имперіи отъ республиканцевъ. Усилія его увѣ-чались успѣхомъ, и въ газетахъ при немъ писалось только то, что было угодно императору и его полиціи.

Авторъ послѣдовательно отмѣчаетъ различные моменты борьбы правительства съ печатью. Постоянныя притѣсненія и гоненія слу-

¹⁾ Henri Avenel. Histoire de la presse française depuis 1789 jusqu'à nos jours. P. 1901.

²⁾ Eugène Tavernier. Du journalisme, son histoire, son rôle politique et reli-gieux. 1902.

жили ей хорошей школой, которая настолько закалила ее для борьбы, что искусственныя мѣры для ослабленія печати оказывались часто бессильными, и она стала пріобрѣтать то значеніе „третьей власти“, которымъ она пользуется теперь. Реакція особенно дала себя знать послѣ убійства герцога Беррійскаго, въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Послѣ нѣкоторыхъ льготъ предшествующихъ лѣтъ были снова возстановлены: предварительная цензура, воспрещеніе издавать газеты безъ особаго разрѣшенія правительства, пріостановка газетъ безъ суда на шесть мѣсяцевъ... Вскорѣ былъ вотированъ господствовавшей въ палатѣ правою стороною новый законъ, который отдавалъ дѣла о преступленіяхъ печати правительственнымъ судамъ. „Дальше, — говоритъ авторъ, — при существовавшихъ въ то время условіяхъ, идти было некуда. Желѣзное кольцо стягивалось все плотнѣе. Судебныя преслѣдованія газетъ сдѣлались такъ часты, что оппозиція въ печати становилась невозможной: если не находилось поводовъ привлечь газету за какую-нибудь отдѣльную статью, то ее преслѣдовали „за вредное направленіе“, которое могло выразиться въ серіи статей, хотя бы въ отдѣльности онѣ ничего собою не представляли. Дѣло дошло даже до курьезнаго проекта „покупки правительствомъ всѣхъ существовавшихъ газетъ и воспрещенія выпускать какія бы то ни было новыя“...

Изложеніе свое авторъ иллюстрируетъ документальными данными, изъ которыхъ многія чрезвычайно интересны въ смыслѣ изображенія эпохи и характера борьбы. Остановимся на одномъ изъ нихъ — на протестѣ ста четырехъ дѣятелей печати, послѣдовавшемъ послѣ извѣстнаго приказа Карла X, уничтожавшаго не только свободу печати, но и самый режимъ представительнаго правленія. Текстъ этого протеста авторъ заимствуетъ у Аври Авняля, приводя его въ русскомъ переводѣ.

„Въ положеніи, въ которомъ мы теперь находимся, — говорится въ этомъ протестѣ, — повинненіе перестаетъ быть нашей обязанностью. Журналисты были первыми гражданами, призванными къ новиновенію; они же первые должны подать примѣръ и сопротивленія власти, отказавшейся отъ закона.

„Сегодня правительство нарушило законность, и мы поэтому считаемъ себя свободными отъ подчиненія ему; мы попытаемся выпустить наши газеты, не спрашиваясь у правительства — это предписываетъ намъ нашъ гражданскій долгъ, и мы его исполнимъ.

„Мы не имѣемъ въ виду указывать незаконно распущенной палатѣ ея обязанности. Но мы умоляемъ ее отъ имени всей Франціи не отказываться отъ своего очевиднаго права и сопротивляться до послѣдней возможности нарушенію законовъ. Это право такъ же несомнѣнно, какъ и то, на которомъ основывались мы. Статья 50-ая

хартіи гласить, что король можетъ распустить палату депутатовъ; по для этого нужно, чтобы она была раньше собрана и учреждена. Пока не состоялось первое собраніе палаты—существуютъ только выборы. Хартія же ни однимъ своимъ пунктомъ не даетъ королю права кассировать выборы. Между тѣмъ, опубликованными сегодня королевскими приказами выборы уничтожены. Эти приказы незаконны, ибо хартія не дозволяетъ издавать такіе приказы. Слѣдовательно, выборы депутатовъ и созывъ ихъ на 9 августа должны оставаться въ силѣ. Ихъ права сегодня таковы же, какъ и вчера, и Франція умоляетъ ихъ не забывать этого. Они должны сдѣлать все возможное для того, чтобы заставить уважать эти права.

„Правительство сегодня уничтожило законность, предписывающую повиноваться ему. Мы сопротивляемся ему во всемъ, что касается насъ самихъ. Франція же пусть обсудитъ, до какихъ поръ должно простираться ея собственное сопротивление“.

Тотчасъ по опубликованіи этого манифеста въ газетахъ „Temps“ и „National“,—разсказываетъ г. Лавриновичъ,—полиція арестовала печатные станки съ наборомъ и уничтожила ихъ. Наборщики, вытѣсненные полиціей, разсыпались по улицамъ Парижа съ криками: „Да здравствуетъ свобода! Долой министровъ!“—Таковыми возгласами сопровождалась и начавшаяся вслѣдъ за сѣмъ іюльская революція...

Не послѣднюю роль сыграли журналисты и въ дѣлѣ революціи 1848 года. Такъ, временное правительство этого года было образовано изъ журналистовъ. „National“ и „Réforme“ стали какъ бы колыбелью второй французской республики. „Происшедшія событія, приблизивъ журналистовъ къ управленію страной, возложили на нихъ высокую миссію умиротворенія и просвѣщенія. Ставъ у власти, журналисты проявили трогательную терпимость, стремленіе къ единодушію. Передъ сознаніемъ долга, предъ надією забывалась старая вражда, и печать съ удивительнымъ единодушіемъ старалась внушить народу уваженіе къ временному правительству и привить ему понятія объ общемъ избирательномъ правѣ и о демократическомъ направленіи. Одинъ изъ членовъ временнаго правительства, авторъ „Исторіи революціи 1848 года“ Гарнье-Пажэ разсказываетъ, что, всегда враждовавшая до того, пресса старалась не только добросовѣстно передавать факты и событія, но въ своихъ сообщеніяхъ смягчала все, что могло вліять раздражающимъ образомъ, и всячески умиротворяла наиболѣе нетерпимыхъ полемистовъ“. Этотъ миролюбивый характеръ былъ вскорѣ утраченъ прессой, когда водворилась республика, жизнь вошла въ свое русло, и парламентъ предоставилъ благодарную почву для разгара политическихъ страстей.

Властвованіе Наполеона III прошло въ ожесточенной борьбѣ съ пе-

чатку. По усмотрѣнію префектовъ, предостереженія слѣдовали одно за другимъ; бывали случаи и совершеннаго закрытія газетъ безъ предварительной пріостановки и безъ суда. Тяжелый гнетъ, легшій на печать въ пору Наполеоновской реакціи, лишилъ политическія газеты ихъ независимости и выработалъ особый типъ оппортунистскихъ и умѣренно-оппозиціонныхъ газетъ, выразившихъ свои взгляды на существующій порядокъ въ формѣ намековъ; тогда же возникла и новая форма выраженія мыслей—хроника. Газеты заговорили эзоповскимъ языкомъ.

Отсылая читателей къ подробному разсказу о дальнѣйшихъ моментахъ исторіи развитія печати, скажемъ нѣсколько словъ о томъ положеніи, въ которомъ находится французская печать въ переживаемое нами время. По закону 1881 года, печать и книжное дѣло въ странѣ признаются свободными. Совершенно отгнѣнены издательскій залогъ, пошлины на газеты и предварительное разрѣшеніе. Почти всѣ преступленія по дѣламъ печати отнесены къ юрисдикціи суда присяжныхъ. „Одна эта мѣра,—по выраженію автора,—вызвала у журналистовъ вздохъ облегченія, избавивъ ихъ отъ Дамоклова меча административнаго произвола, заставлявшаго ихъ трепетать за всякое смѣло написанное слово. Въ судѣ общественной совѣсти они нашли справедливаго и нелицепріятнаго судью своихъ поступковъ“. Вообще, законъ 1881 года отличается миротворнымъ направленіемъ, въ которомъ выразилось желаніе законодателя не только дать печати свободу, но и поставить ее въ такія условія, при которыхъ она меньше всего могла бы впадать въ нарушеніе закона.

Отгнѣтивъ свѣтлыя и темныя стороны французской печати, авторъ задается вопросомъ: къ какому же выводу можно придти на основаніи знакомства съ ея прошлымъ и настоящимъ?—и дѣлаетъ такое заключеніе: „исторія французской печати убѣждаетъ насъ, что Франція можетъ гордиться своею прессою не только потому, что послѣдняя достигла рѣдкаго развитія и могущества, но потому, главнымъ образомъ, что она дала странѣ свободу, своею пропагандою освободивъ ее отъ деспотизма и всегда смѣло поднимая голосъ противъ всякихъ попытокъ стѣснить эту свободу и навязать странѣ новое иго. Благодарная Франція отвѣтила на это полнымъ освобожденіемъ печати, даровавъ ей законъ 1881 г.“

Въ другихъ очеркахъ, не менѣе интересныхъ, чѣмъ настоящій авторъ знакомитъ читателей съ такими вопросами, какъ рабочіе союзы, армія просвѣщенія, демократизація науки, заботы о будущемъ чело- вѣчествѣ. Написанная легко, съ очевиднымъ знаніемъ дѣла и на основаніи документальныхъ данныхъ, книга г. Лавриновича возбуждаетъ цѣлый рядъ живыхъ вопросовъ и является несомнѣнно полез-

нымъ вкладомъ въ литературу общедоступныхъ книгъ въ цѣляхъ общественнаго самообразованія.

III.

- Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы, собранные книгоиздательствомъ „Скорпионъ“. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. М. 1903.
- А. С. Пушкинъ. „Труды и дни“. Хронологическія данныя, собранныя Николаемъ Лернеромъ. Книгоиздательство „Скорпионъ“. М. 1903.

Пушкинская литература продолжаетъ обогащаться новыми матеріалами, освѣщающими различныя стороны жизни и дѣятельности поэта. Въ этомъ отношеніи работаютъ многія ученые учрежденія и общества, „Пушкинскіе“ кружки и т. д., и нельзя не выразить сочувствія тому новому направленію дѣятельности книгоиздательства „Скорпионъ“, которое пошло на встрѣчу общимъ усиліямъ историко-литературнаго изученія Пушкина и посвятило два изъ своихъ изданій работамъ научнаго свойства. Въ первомъ изъ упомянутыхъ изданій, названномъ не совсѣмъ точно письмами Пушкина и къ Пушкину, есть не мало дѣйствительно новыхъ матеріаловъ, хотя и не заключающихъ въ себѣ существенно важныхъ, по отношенію къ Пушкину, біографическихъ или историческихъ чертъ. Однѣ изъ помѣщенныхъ здѣсь бумагъ были извѣстны раньше въ извлеченіяхъ, другія — лишь въ изложеніи, третьи появляются здѣсь впервые. Къ послѣдней группѣ относятся семь писемъ Пушкина, представляющихъ наибольшій интересъ. Такъ, весьма любопытно письмо къ князю П. А. Вяземскому, отъ 1823 г. (по предположенію издателя), въ которомъ Пушкинъ проситъ написать ему обстоятельнѣе „о тяжбѣ своей съ цензурою: это касается всей православной кучки“. „Твое предложеніе собраться намъ всѣмъ жаловаться на Бирузовыхъ, — продолжаетъ онъ, — можетъ имѣть худыя послѣдствія. На основаніи военнаго устава, если болѣе двухъ офицеровъ въ одно время подадутъ рапортъ, таковой поступокъ приеѣмлется за бунтъ. Не знаю, подвержены ли писатели военному суду; но общая жалоба съ нашей стороны можетъ навлечь на насъ ужасное подозрѣніе и причинить большія безпокойства. Соединиться тайно, но явно дѣйствовать въ одиночку, кажется, вѣрнѣе. Въ такомъ случаѣ должно смотрѣть на поэзію, съ позволенія сказать, какъ на ремесло. Руссо не впервой совралъ, когда утверждалъ que c'est le plus vil des métiers — Pas plus vil qu'un autre. Аристократическія предубѣжденія пристаѣли тебѣ, но не мнѣ. На конченную свою поэму я смотрю, какъ сапожникъ на пару своихъ сапоговъ, и продаю съ барышомъ. Цѣховой старшина находитъ мои ботфорты не по формѣ,

обрывываетъ, портитъ товаръ. Я въ накладѣ, иду жаловаться частному прикасту. Все это въ порядкѣ вещей“.

Кромѣ писемъ, мелкихъ записокъ, росписокъ и прошеній Пушкина, находимъ въ той же книгѣ бумаги и разнаго рода матеріалы, относящіеся къ сношеніямъ поэта съ шефомъ жандармовъ Бенкендорфомъ, А. Н. Мордвиновымъ, Б. А. Адеркасомъ, Л. В. Дубельтомъ и др. и частныя письма къ Пушкину разныхъ лицъ (И. И. Козлова, барона Е. Ѳ. Розена, С. С. Уварова, А. И. Тургенева и др.), уже извѣстныя въ печати, но напечатанныя здѣсь, по словамъ редактора, съ рукописей и въ полномъ видѣ, т.-е. съ приведеніемъ вступленій и заключительныхъ словъ, которыя пропускались прежними издателями. „Между тѣмъ,—замѣчаетъ г. Брюсовъ,—эти вступленія и особенно отпуски чрезвычайно характерны. Бенкендорфъ не безъ умыслу подписывался то „покорнѣйшимъ слугою“, то просто фамиліей, то оставлялъ письмо безъ подписи. Любопытно, что въ первыхъ письмахъ онъ писалъ слово „покорнѣйшій“ въ безобразной формѣ „покорнейшей“, потомъ сталъ ставить гдѣ слѣдуетъ „ѣ“ и, наконецъ, въ тридцатыхъ годахъ, началъ писать его и совсѣмъ правильно“.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ помѣщены три отрывка изъ бумагъ Пушкина: 1) нѣсколько стиховъ изъ „Русалки“; 2) программа „Дубровскаго“ и 3) примѣчаніе къ „Евгенію Онѣгину“. Къ книгѣ приложены fac-simile записокъ и рисунковъ Пушкина.

Весьма полезную книгу составилъ и г. Дермеръ, задавшійся цѣлью создать болѣе или менѣе полный справочникъ для всѣхъ изучающихъ Пушкина. Его книга—хронологическій подборъ данныхъ жизни и творчества поэта изъ разнообразныхъ матеріаловъ историко-литературнаго, биографическаго характера, изслѣдованій, переписки и т. д.,—нѣчто подобное тому, что сдѣлалъ когда-то Я. К. Гротъ въ своей „Хронологической канвѣ для біографіи Пушкина“. Но „канва“ Грота давно уже устарѣла, и въ этомъ отношеніи гораздо болѣе полный и обстоятельно сдѣланный сводъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что, по свидѣтельству составителя, къ бывшему у него подъ рукою обширному матеріалу онъ старался относиться строго-критически и осознанно.

IV.

- Литературный Архивъ, издаваемый П. А. Картавовымъ, Спб., 1902.
- Статьи и материалы, посвященные Некрасову въ „Литературномъ Вѣстникѣ“, 1903, кн. I.
- Писатели изъ народа. Литературный Сборникъ. 1877—1902. Памяти Некрасова. Серия I. Выпускъ II. М. 1903.

По поводу отмѣченныхъ первыхъ двухъ изданій, преслѣдующихъ цѣли детальнаго историко-литературнаго изученія творчества писателей, и въ данномъ случаѣ преимущественно—Некрасова, нельзя ставить общаго вопроса о значеніи его дѣятельности въ идейномъ и художественномъ смыслѣ. Но именно относительно Некрасова нельзя не отмѣтить, что историко-литературный интересъ къ его произведеніямъ возникъ не въ однихъ специальныхъ кружкахъ, посвящающихъ свои силы разработкѣ прошлаго отечественной литературы, но что онъ органически связанъ съ заглохшимъ на время и неожиданно съ новой силой проснувшимся общественнымъ интересомъ, наглядно показавшимъ, что поэтъ не умеръ для насъ, что онъ, можетъ быть, болѣе нашъ, чѣмъ въ свое время, омраченное для поэта „ненастьемъ и грозомъ“. Живительной струей ворвался этотъ интересъ въ нашу угнетенную и гнетущую унылыми буднями общественную жизнь, и освѣжилъ и взволновалъ душу пѣснями не только „музы мести и печали“, но и всепрощающей любви къ человѣчеству. Онъ явился могучимъ протестомъ противъ надвигающейся на литературу рати упадочниковъ всякаго рода, своекорыстныхъ умовъ, замѣнившихъ вычурностью таланты, и талантовъ безъ ума, которые провозгласили новый путь литературнаго движенія—безъ ясныхъ идеаловъ вперед и связей съ традиціями лучшихъ нашихъ писателей въ прошломъ. Обаяніе, а главное—родство наше съ Некрасовымъ, болѣе почувствовалось обществомъ, чѣмъ нашло соотвѣтственное выраженіе въ литературѣ; однако и здѣсь, въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, оно отразилось съ необычнымъ единодушіемъ и искренностью.

Четверть вѣка со дня смерти—срокъ достаточный для того, чтобы дать время улечься личнымъ страстямъ и подвести безпристрастный итогъ наслѣдству, оставленному поэтомъ. Едва ли не самымъ цѣннымъ показателемъ этого итога является тотъ фактъ, что въ обществѣ стало пробуждаться стремленіе идти, вслѣдъ за поэтомъ, прочь отъ общественнаго индифферентизма и эстетическаго самоублаженія, истерпывавшаго большинство темъ современной поэзіи.

Независимо отъ общественной оцѣнки поэзіи Некрасова, стала сознаваться потребность ея детальнаго историко-литературнаго изученія.

Въ этомъ отношеніи „Литературный Архивъ“ г. Картавова представляетъ несомнѣнный интересъ. Издателю его посчастливилось найти, въ числѣ приобретенныхъ у книгопродавца В. П. Полякова бумагъ, неизданныя произведенія Н. А. Некрасова, стносящіяся къ ранней порѣ его литературной дѣятельности. Изъ этихъ произведеній въ первой книжкѣ „Литературнаго Архива“ помѣщена драматическая фантазія Некрасова „Юность Ломоносова“, разрѣшенная цензурой въ 1840 г. Сцена первая рисуеть обстановку Ломоносова въ домашней средѣ и его стремленіе къ ученью. Во второй сценѣ Ломоносовъ рѣшается бѣжать изъ отцовскаго дома и направляется — „въ Питеръ“. Эпизодъ изображаетъ Ломоносова на вершинѣ почестей и славы. Вспоминая прошлое, Ломоносовъ говоритъ:

„Трудовъ не мало перенесъ я:
Не рѣдко даже голодалъ,
Съ людьми боролся и съ судьбою,
Дороги самъ себѣ искалъ“.—

слова, весьма идущія къ самому Некрасову той поры. Вообще, выборъ темъ чрезвычайно характеренъ для начинающаго поэта.

Здѣсь же находимъ двѣ новыя строфы изъ стихотворенія Некрасова „Рыцарь на часъ“. Онѣ не вошли въ полное собраніе сочиненій поэта и найдены г. Картавовымъ въ альбомѣ Л. П. Шелгуновой. Вотъ онѣ:

„Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать
На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать...
.....
Въ эту ночь со стыдомъ сознаю
Безполезно погибшую силу мою,
И трудящійся, бѣдный народъ
Предо мною съ упрекомъ идетъ,
И на лицахъ его я читаю грозу,
И въ душѣ подавить я стараюсь слезу...
.....
Да! теперь я къ тебѣ бы воззвалъ,
Бѣдный братъ, угнетенный, скорбящій!
И такую бы правдой звучалъ
Голосъ мой, изъ души исходящій,
Въ немъ такая бы сила была,
Что толпа бы за мною пошла“...

Въ книжкѣ „Литературнаго Вѣстника“ находимъ немало интересныхъ матеріаловъ, касающихся жизни и творчества Некрасова. Г. Нахимовъ, въ статьѣ „Къ Некрасовскимъ поминкамъ“, останавливается на вопросѣ, въ какой мѣрѣ приложимъ къ Некрасову эпитетъ *народнаго* поэта, и приходитъ къ положительному выводу. „Не колеблясь, — го-

ворить онъ, — можно называть Некрасова русскимъ народнымъ поэтомъ... Некрасова знаютъ и любятъ арміи школьниковъ—настоящихъ и бывшихъ, толпа, улица поющихъ и „музицирующихъ“; многіе и многіе грамотные люди изъ самой „неприличной“, „сѣрой“ публики привязаны къ строфамъ его. Наичаще встрѣчающіяся „крылатые слова“, поговорки книжнаго происхожденія — послѣ Крылова, Грибоѣдова, Пушкина—Некрасовскія!“ В. Н. Перетцъ, въ статьѣ „Памяти Н. А. Некрасова и К. Д. Ушинскаго“, говоритъ о томъ громадномъ моральномъ и воспитательномъ значеніи, какое приобретаетъ поэзія Некрасова „въ сумеркахъ нашего общественнаго существованія“: „она ставитъ такіе вопросы, на которые нельзя отвѣтить уловкой или уверткой“. Въ отдѣлѣ „Изъ русской печати“ заботливо подобраны статьи и замѣтки, являющіяся дополненіемъ къ сочиненіямъ Некрасова. Здѣсь мы встрѣчаемъ, между прочимъ, случайно пропускавшійся въ прежнихъ изданіяхъ эпилогъ къ „Морозу—Красному-Носу“, по рукописи Публичной Библіотеки, съ такимъ началомъ:

„Задумавъ правдивую повѣсть,
Безъ всякихъ эффектныхъ затѣй,
Я взять не рѣшаюсь на совѣсть
Погибель крестьянки моей.
Она не погибла“...

Кромѣ матеріаловъ, относящихся къ Некрасову, мы находимъ въ „Литературномъ Архивѣ“: статьи И. С. Аксакова въ газетѣ „Парусъ“, не вошедшія въ полное собраніе его сочиненій, „Незамѣченный портретъ А. И. Герцена“, „Списокъ сочиненій А. И. Герцена (1836 — 1848)“ и др.; въ „Литературномъ Вѣстникѣ“: историко-литературный очеркъ А. Л. Слонимскаго, посвященный „Душенькѣ“ Богдановича, библиографическія работы В. Е. Якушкина, А. М. Ловягина, А. П. Альбицеаго и др.

Памяти Некрасова посвященъ „Литературный Сборникъ“ писателей изъ народа. Сборникъ этотъ производитъ симпатичное впечатлѣніе; въ его стихотвореніяхъ и очеркахъ есть неискусные, неуѣренныя штрихи, но на ряду съ ними—страницы, живо и даже талантливо написанныя. Отрывается сборникъ стихотвореніемъ Егора Нечаева, посвященнымъ памяти Некрасова. Приведемъ изъ него первую и послѣднюю строфы:

„Въ дни безпросвѣтнаго горя народнаго,
Гнусной неволи цѣней,
Въ образѣ дивномъ пѣвца благороднаго,
Звукомъ чарующимъ слова свободнаго
Тронулъ сердца ты людей.

.....
Время умчало тебя быстротечное

Въ міръ, гдѣ страданія нѣтъ...
 Живы лишь пѣсни... Спасибо сердечное
 Скажемъ тебѣ ми за доброе, вѣчное,
 Нашъ незабвенный поэтъ“!

Отмѣтимъ еще двѣ-три строфы изъ стихотворенія М. Савина „На могилѣ Некрасова“:

„— Склонись, мой внукъ, склонись надъ этою могилкой,—
 Въ ней мирно спитъ Руси великій гражданинъ,
 Кто въ пѣсняхъ пламенныхъ, пропѣтыхъ съ грозной силой,
 Оставилъ лѣтописи годиныъ.

— Онъ все въ нихъ очертилъ кровавыми слезами,
 Все горькой истиной для насъ запечатлѣлъ —
 Неправый судъ, творимый надъ рабами,
 Нѣмныхъ рабовъ безвыходный удѣлъ...

— Ты молодежь... Не поймешь его святой заслуги:
 Ты барства надъ собой не чувствуешь ярма,
 За завтра не дрожишь въ тревогѣ и испугѣ,
 И цѣлый міръ тебѣ не кѣтка, не тюрьма“...

Темами разсказовъ служатъ различныя стороны народнаго жителя-бытья и сродныхъ ему настроеній. Въ одномъ изъ нихъ авторъ дѣлится своими воспоминаніями о томъ, какое впечатлѣніе производило на него чтеніе Некрасовскихъ стиховъ въ дѣтствѣ. „Я многого не понималъ, но что-то таинственное, захватывающее духъ овладѣло мной. Вниманіе мое было напряжено, такъ что нѣкоторыя четверостишія я сразу запомнилъ наизусть, и до сего дня эти стихи не изгладились въ моей памяти:

„Полю трусливъ... боится... не хоронить...
 Убѣдить его мы не могли,
 И въ оврагъ, гдѣ горько вѣтеръ стонетъ,
 На рукахъ покойницу снесли“...

Впослѣдствіи авторъ перечиталъ и Пушкина, и Лермонтова, но „муза мести и печали“, по его словамъ, была ему особенно близкой и родной по духу.

V.

- Первое столѣтіе Иркутска. Изданіе В. П. Сукачева. Въ память 250-лѣтія Иркутска. Сиб. 1902.
- Тюмень въ XVII столѣтіи. Изданіе А. И. Чукмадиной. М. 1903.

Обѣ книги заключаютъ въ себѣ матеріалы для мѣстной исторіи, обѣ сопровождаются введеніемъ и заключительными статьями П. М. Головачева, изъ которыхъ первая посвящена вопросу о составѣ населенія и экономическомъ бытѣ Иркутска до сороковыхъ годовъ XVII

вѣка, а вторая даетъ очеркъ экономическаго быта Тюмени въ XVII вѣкѣ. Исторія Сибири, удаленной отъ вопросовъ и интересовъ, дававшихъ содержаніе внѣшней политикѣ и общему ходу дѣлъ въ московскомъ царствѣ, складывается своеобразно, но въ весьма несложныхъ и опредѣленныхъ рамкахъ. Это исторія того, главнымъ образомъ, въ какихъ направленіяхъ расселялись въ странѣ новые пришельцы, какъ приспособлялись къ новымъ условіямъ жизни, и въ какой мѣрѣ и въ какихъ формахъ они подчинялись общему экономическому и государственному строю московской Руси. На первомъ планѣ стояли у населенія вопросы матеріальные, экономическіе и хозяйственные,—они-то и отразились прежде всего въ историческихъ документахъ этого края. „Дѣйствительно,—говоритъ г. Головачевъ,—для сибирскаго горожанина XVII в. исключительный, жизненный интересъ представляла именно та система чисто-матеріальныхъ, хозяйственныхъ, фискальныхъ отношеній, обязанностей и вопросовъ, которая господствовала надъ всѣмъ его существованіемъ и охватывала всѣ стороны его несложной жизни: „пашенные люди“ обязаны были пахать „государеву пашню“; посадскіе — вносить оброкъ, платить за свои промыслы и ремесла, отбывать очень многочисленныя и отвѣтственныя „вѣрныя“ службы; пріѣзжіе торговые люди должны были платить съ объявляемыхъ ими капиталовъ, привозимыхъ товаровъ и при покупкѣ товаровъ мѣстныхъ: „денежное, хлѣбное и соляное жалованье“ играло первенствующую роль въ жизни служилыхъ людей и „ружниковъ“; наконецъ, всѣ жители города безъ исключенія обязаны были платить разнообразнѣйшіе налоги при всякой сколько-нибудь гласной покупкѣ и продажѣ“.

Документы обѣихъ книгъ извлечены, главнымъ образомъ, изъ московскихъ архивовъ—министерства юстиціи и министерства иностранныхъ дѣлъ: это—описи, писцовыя книги, расходныя, таможенныя, дозорныя, разгонныя, разнаго рода списки и т. п. Въ нихъ мало свѣдѣній, способныхъ привлечь въ себѣ средняго читателя общей картиной исторической жизни края, но нѣкоторыя страницы, при всей сухости изложенія, способны остановить на себѣ вниманіе и не спеціалиста-историка. Такова, напр., лѣтопись губернскаго города Иркутска, своеобразно отражающая послѣдовательныя смѣны царствованій и эпохъ; не безъ интереса читается и извлеченіе изъ дѣла „о бунтѣ заморскихъ казаковъ“ противъ иркутскаго воеводы Афанасія Савелова 1696 г., не додавашаго жалованья казакамъ, — „и какъ-де они (казачьи дѣти) пришли въ Нарымъ и изъ тобольскихъ казачьихъ дѣтей Петрушка Сорокинъ съ товарищи 100 человекъ въ Нарымъ къ острогу приступали съ всякимъ шумомъ и боемъ, съ канатами и баграми, и на острогъ канаты наматывали и острогъ хотѣли выломить

и государеву казну пограбить и торговыхъ людей изъ острогу про-
шали изъ животовъ ихъ хотѣли мучить“...

Къ книгамъ приложены виды и планы Иркутска и Тюмени въ старину.

Слѣдуетъ добавить, что сборъ отъ продажи обѣихъ книгъ предна-
значенъ для просвѣдительныхъ и благотворительныхъ цѣлей.—Евг. Л.

VI.

— Изабелла Гриневская: „Баба“, драматическая поэма изъ исторіи Персіи. Въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ. Спб. 1903.

Г-жѣ Гриневской пришла счастливая мысль ознакомить въ поэти-
ческой формѣ русскую публику съ грандіозной личностью и замѣча-
тельной проповѣдью персидскаго пророка новѣйшихъ временъ, Али-
Мохаммеда, получившаго имя „Баба“, что значитъ буквально „дверь“
(дверь истины). Онъ проповѣдывалъ среди персіянъ въ сороковыхъ
годахъ XIX вѣка, и результатомъ этой проповѣди, окончившейся му-
ченической смертью проповѣдника, явилась весьма распространенная
и вліятельная секта. Однимъ изъ существенныхъ элементовъ пропо-
вѣди Али-Мохаммеда была эмансипація восточной женщины. Быть
можетъ, эта-то сторона его ученія и обратила на себя наибольшее
вниманіе поэтессы. Оно сказалось въ содержаніи рѣчей Али-Мохаммеда,
введенныхъ въ поэму въ значительномъ количествѣ. Наоборотъ, со-
ціальныя элементы его проповѣди развиты нашей поэтессой гораздо
менѣе, и о нихъ мы можемъ судить больше по разговорамъ народа
о проповѣдяхъ учителя, чѣмъ изъ его собственныхъ словъ. Гораздо
больше отгѣнена общая моральная сторона его ученія, а именно про-
повѣдь мира и любви между людьми. Этой сторонѣ посвящена даже
одна изъ лучшихъ сценъ произведенія г-жи Гриневской. Я говорю о
той сценѣ, въ которой послѣдователи „Баба“, собравшіеся ночью на
сходку въ гористой мѣстности около Шираза, въ развалинахъ дворца,
„Тронъ Джемшида“, избиваютъ, въ отсутствіе Али-Мохаммеда, стражу,
явившуюся арестовать ихъ. Когда отсутствовавшій пророкъ возвра-
тился въ мѣсту побоища, его послѣдователей уже не было, и при
лунномъ свѣтѣ онъ увидѣлъ лишь распростертыя на землѣ тѣла уми-
рающихъ и трупы убитыхъ. Кроткую, женственно-нѣжную душу про-
рока—а такимъ онъ изображенъ въ поэмѣ—охватываетъ глубокая
скорбь, почти отчаяніе. На просьбу одного умирающаго дать ему воды,
пророкъ отвѣчаетъ:

„Гдѣ взять води живительной?
 Гдѣ взять води живой?
 Къ Пульвару путь медительный...
 Нѣтъ тучи грозовой...
 Вода изъ рукъ расщепется,
 Пока я донесу...

(Плачетъ.)

Мой другъ, тебѣ мерещется,
 Что пьешь съ деревъ росу,—
 Слезу ты пьешь горячую,
 Слезу, слезу мою...
 То надъ тобою плачу я,
 Я, я тутъ слези лью“...

Далѣе, пророкъ сокрушается о томъ, что его слова, его рѣчи, „которыя въ душѣ его слагались, въ груди, исполненной любви“,—

„Отъ нихъ теперь въ крови
 Безъ жизни плаваютъ вотъ эти люди...
 Не дышать трепетныя груди...
 Уста молчать... угаснуль взоръ...
 Межъ жизнью теперь и смертью конченъ споръ...
 Убили ихъ слова... Мои слова то были,
 Сказалъ онъ тутъ, Агга... Мои слова закрыли
 На вѣки имъ глаза... У ногъ моихъ, у ногъ
 Мира убитые лежать... Всякъ человекъ—чудесный,
 Широкий миръ. И я миръ убилъ... Мой Богъ“!

Послѣ длинныхъ разсужденій на ту же тему, — что составляетъ важный недостатокъ всѣхъ рѣчей и даже простыхъ разговоровъ поэмы, — Али-Мохаммедъ обращается къ Богу съ такой молитвой:

„Что людямъ говорить, о, Господи, скажи!
 Ахъ, какъ роса цѣтовъ, что исцѣляетъ раны,
 Пусть будетъ рѣчь моя! Въ уста мои вложи,
 О, Господи, слова, что бы сближали страны,
 Свели-бъ какъ агнцевъ всѣхъ людей
 Въ одно прекрасное *святое стадо*.
 Ты рѣчь, Господи, моею самъ влады!
 Что говорить мнѣ надо?
 И какъ сказать, молю, мнѣ, Господи, открой,
 Чтобъ слова мои въ мечи не обратились“... и т. д.

Изъ этихъ выдержекъ читатели могутъ судить о томъ, насколько г-жа Гриневская владѣетъ стихотворною рѣчью. Иногда она даже злоупотребляетъ этой своей способностью, чрезчуръ удлинняя, какъ я уже замѣтилъ, монологи и реплики своихъ дѣйствующихъ лицъ. Отъ этого они выигрываютъ въ экстенсивности, но очень теряютъ въ интенсивности. Другой недостатокъ ея стиховъ состоитъ въ нѣкоторомъ злоупотребленіи фигурой усугубленія, что читатели могли за-

мѣтить и въ приведенныхъ выдержкахъ. Въ общемъ же, поэма производитъ сильное и ярко-поэтическое впечатлѣніе, вызывая въ душѣ читателя высокія и трогательныя эмоціи. Въ ней разсѣяно не мало глубокихъ мыслей, соблюденъ восточный колоритъ, въ образной формѣ рѣчей, въ изображеніи толпы, которая у г-жи Гриневской очень удачны... Вообще, поэмѣ слѣдуетъ пожелать полного успѣха не только въ чтеніи, но и на сценѣ, для которой она приспособлена и гдѣ должна явиться зрѣлищемъ въ высшей степени эффектнымъ. Въ наше время безыдейныхъ драмъ, кормящихъ зрителя адюльтерами и любовными похождениями, или грубымъ реалистическимъ фотографированіемъ порока и паденія, такая драма была бы отраднымъ отдыхомъ и для эстетическаго, и для моральнаго чувства. — Л. Ов—скій.

VII.

— А. И. Фаресовъ. Въ одиночномъ заключеніи. Спб. 1908. 2-е изд.

Тюремныя мытарства русскаго политическаго арестанта семидесятихъ годовъ XIX столѣтія — таково содержаніе книжки г. Фаресова, выходящей уже вторымъ изданіемъ. Автобіографическій характеръ, который она, повидимому, носитъ, представляетъ слабую, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сильную ея сторону. Авторъ болѣе всего старается воспроизвести субъективную сторону испытанныхъ тогда „увлеченій и нравственныхъ страданій“. Въ этомъ отношеніи его произведеніе примыкаетъ къ тому типу воспоминаній, самымъ яркимъ образцомъ которыхъ остаются и теперь „Мои темницы“ Сильвіо Пеллико. Большая нужна сила чувства и искренности, чтобы въ такихъ автобіографическихъ произведеніяхъ не допустить искусственности и нѣкоторой фальши: уже въ силу того, что воспоминанія пишутся въ значительно другомъ настроеніи, чѣмъ то, которое сопровождало описываемыя событія, въ нихъ часто звучатъ невѣрныя и коробящія читателя нотки. Только сильное художественное дарованіе, въ родѣ Достоевскаго, можетъ совершенно избавиться отъ нихъ, творчески перерабатывая пережитое.

Г-нъ Фаресовъ совсѣмъ, совсѣмъ не художникъ, и даже наиболѣе сильныя мѣста его произведенія не лишены тѣхъ качествъ, о которыхъ сказано выше... Предположеніе, высказываемое авторомъ во вступленіи, что его „воспоминанія дадутъ нѣсколько штриховъ для характеристики пережитого времени, уже сдѣлавшагося достояніемъ исторіи“, — не оправдывается содержаніемъ книги: можетъ быть, по обстоятельствамъ, отъ повѣствователя и независящимъ, въ книгѣ мы

не находимъ никакихъ данныхъ, хотъ сколько-нибудь характеризующихъ то народническое движеніе, участникомъ котораго, повидимому, былъ герой повѣствованія. Нѣтъ фактовъ, нѣтъ и воспроизведенія психологій и личности дѣятелей этого движенія, которое еще ждетъ своего художника.

Но то, что дѣйствительно имѣетъ значеніе въ книгѣ Фаресова— это матеріалъ для оцѣнки нашихъ тюремныхъ порядковъ, матеріалъ, доставляемый человекомъ, на себѣ перенесшимъ всю тяжесть ихъ. Не менѣе любопытны, правда, отрывочныя воспоминанія о нѣкоторыхъ сторонахъ нашего судебного строя, связанныхъ съ преступленіями, въ которыхъ обвинялся герой повѣствованія.

Какъ извѣстно, политическіе арестанты содержатся въ строгомъ одиночномъ заключеніи. Каково дѣйствіе продолжительнаго одиночнаго заключенія на интеллигентныхъ людей? Вотъ что говорить объ этомъ герой воспоминаній:

„Я уже и безъ того значительно потерялъ способность воспринимать впечатлѣнія, и ихъ почти у меня не было. Я создавалъ искусственно себѣ жизнь и воспоминаніями поддерживалъ свои силы... я утрачивалъ понемногу потребность къ свободной жизни. Какой-то чужой представлялась она мнѣ: и трудъ людей за кусокъ хлѣба, и дѣти безпечныя, и красота природы, и даже любовь къ женщинѣ, все заволакивалось туманомъ и отдалялось. Даже крѣпкое мое тѣло какъ бы смялось и обезсилѣло. Я приобрѣлъ привычки старика: сидѣть вытянувъ ноги, опрокинувшись или понуро согнувшись въ продолжительномъ забытіи“. Потомъ идутъ уже галлюцинаціи и специфическое нервное тюремное разстройство, разрушающія психику заключеннаго.

Достигаетъ ли своихъ цѣлей система одиночнаго заключенія? Достигается ли по крайней мѣрѣ та абсолютная изоляція, ради которой приносятся въ жертву всѣ требованія человѣческой природы? И на эти вопросы книга г. Фаресова даетъ отвѣтъ такого рода: надламывая часто человекъ, система одиночнаго заключенія вырабатываетъ только особые специфическіе способы сообщенія, и всѣ ухищренія усовершенствованныхъ тюремъ безсильны противъ всевластнаго инстинкта. Иллюстрація г. Фаресова весьма поучительна въ этомъ отношеніи. Цѣлесообразность исчезаетъ, остается жестокость. Только послѣдней можетъ быть объясненъ и режимъ одной изъ московскихъ тюремъ (Пугачевская башня) для политическихъ арестантовъ, описаніе котораго для семидесятихъ годовъ даетъ г. Фаресовъ. Казематъ представлялъ что-то въ высокой степени ужасное. Когда герой воспоминаній покидалъ его, смотритель отдавалъ приказаніе перевести въ него какую-то барышню.

„Я не вытерпѣлъ, — передаетъ авторъ воспоминаній, — и сказалъ

ему, что въ моемъ номерѣ даже сильный мужчина теряетъ силы.—
Въ стѣнахъ и въ кровати—насъкомья.

— Чудесно! — воскликнулъ онъ.—Я бы иголокъ насыпалъ туда!
Иголокъ!

— Затѣмъ эта суровость?

— А мы въ томъ присягу принимали, — отвѣтилъ онъ безъ смущенія“... ¹⁾

Изъ описаній г. Фаресова видно, что въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія приемы судебного изслѣдованія тѣхъ преступленій, за которыя привлекался герой воспоминаній, представляли собою нѣчто худшее, чѣмъ даже дореформенные судебные порядки. Дознанія та- нулись годами (то, о которомъ рассказываетъ авторъ, четыре года), арестованные томились въ ужасномъ одиночномъ заключеніи по тюрьмамъ, въ полной неизвѣстности и неопредѣленности; окончаніе слѣд- ствія и судъ представлялись имъ благодѣніемъ, какія бы кары ихъ ни ожидали. Система допросовъ основывалась, вопреки основному принципу судебныхъ уставовъ, на стремленіи во что бы то ни стало получить признаніе отъ самихъ подсудимыхъ. Тюремный режимъ и ухудшеніе его примѣнялись въ качествѣ кары за то, что подсудимые пользовались основнымъ своимъ правомъ не давать показаній. Слѣд- ственныя власти прибѣгали и къ запугиванію, и къ чисто іезуитскимъ приемамъ полученія показаній. Вотъ картина того, какъ создается изъ растерявшагося юноши, попавшаго въ какую-нибудь передрагу, беллетристъ-инсинуаторъ, для котораго иногда возможный конецъ—или полное нравственное паденіе, или самоубійство и сумасшествіе.

„Сначала юноша думаетъ обмануть слѣдственную власть искрен- ностью своихъ показаній и подтверждаетъ цѣлый рядъ фактовъ, уже раскрытыхъ слѣдствіемъ ранѣе или въ будущемъ.

— Все это намъ извѣстно, — презрительно обрываютъ его, — вы ни- чего новаго не сообщаете. Если хотите быть выпущеннымъ на по- руки, то будьте искреннѣе и откройте намъ новыя обстоятельства

¹⁾ Года два тому назадъ, въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“ былъ напе- чатанъ проектъ тюремной инструкціи, составленный г. Витте (инспекторомъ глав- наго тюремнаго управленія); согласно этой инструкціи подслѣдственные политическіе арестанты, по окончаніи о нихъ жандармскаго дознанія, въ случаѣ выраженнаго ими желанія должны переводиться въ общія, специально для этой категоріи преступни- ковъ предназначенныя камеры; одиночное заключеніе прекращается также по за- явленію врача о вредѣ его для здоровья заключеннаго. Максимумъ срока одиноч- наго заключенія установленъ въ полтора года. Проектъ этотъ, какъ сообщалъ офи- ціальный „Журналъ Министерства Юстиціи“, долженъ былъ лечь въ основу работъ особой комиссіи по улучшенію тюремныхъ порядковъ. До сихъ поръ въ печать не пропало никакихъ свѣдѣній о судьбѣ этихъ предположеній.

дѣла..... Васъ не выпускаютъ, если вы укрываете факты. Это все слова, что вы говорите.

Плохо кормленный въ тюрьмѣ юнецъ, лишенный солнца и истомленный неизвѣстностью, начинаетъ уже и себя не жалѣть, ссылаясь на молодость, легкомысліе...

— Вашъ соучастникъ,—говорятъ ему,—во всемъ признался. На вашемъ мѣстѣ вполнѣ будетъ честно отплатить ему тѣмъ же; а другой бѣжалъ за границу, и вы напрасно обитесь скомпрометировать его. Теперь вамъ надо думать о себѣ и о полномъ своемъ раскаяніи.

Несчастный хватается за удобный предлогъ и убаюкиваетъ свою совѣсть вымыслами о подлости одного друга и бѣгствѣ за границу другого. Онъ даетъ пространное показаніе и рассказываетъ все, что знаетъ изъ личной и общественной жизни своихъ товарищей. Но и это не помогло его освобожденію... Ему осталось приняться за политическіе вымыслы“.

А вотъ другая сценка, происходящая между представителемъ слѣдственной власти и тоже юнцомъ, но съ болѣе крѣпкими нервами и чуткой совѣстью. Первый показываетъ второму томы дознанія съ цѣлью продемонстрировать предательство товарищей и склонить давать показанія.

„— Довольны ли вы?... Не церемоньтесь же съ ними! Дайте намъ правдивыя показанія о нихъ, и, можетъ быть, участь ваша смягчится. Будьте откровенны... Вѣдь другіе же даютъ откровенныя показанія и васъ самого нисколько не падаютъ.

— Я это вижу... Я это читалъ...

— Ну, такъ что же? Пишите и вы...

— Не стану. Прикажите дать мнѣ стаканъ воды.

— Вотъ вы какъ волнуетесь... Не угодно ли чаю? Со сливками или съ лимономъ...”

И за „упорство“ юнецъ снова былъ отправленъ на дальнѣйшее пребываніе въ тюрьму, одно описаніе которой внушаетъ ужасъ.

Не знаемъ, что въ этихъ картинахъ представляется современнымъ и теперь. Узаконенія (1035 ст. уст. уг. суд.) остаются съ 1871 г. тѣ же, и слѣдовательно уже ко времени разсказа г. Фаресова слѣдственные дѣйствія при дознаніи должны были вестись по принципамъ, положеннымъ въ основаніе Судебныхъ Уставовъ для предварительнаго слѣдствія, какъ о томъ говоритъ указъ 1871 года.

VIII.

— П. Д. Боборкивъ. „Вѣчный Городъ“. Москва, 1903 г.

„Ich zähle einen zweiten Geburtstag, eine wahre Wiedergeburt von dem Tage, da ich Rom betrat...“ Эти слова Гёте о томъ влияніи, какое оказалъ на него Римъ, — въ той или иной формѣ повторяются, распускаются въ томъ неисчислимомъ количествѣ путешествій и описаній, которыми наводнена западно-европейская литература. Но обиліе словъ объ Итали и Римѣ для европейца — не звукъ пустой. Психика культурнаго человѣка западной Европы органически выросла изъ идей и образовъ античнаго міра, средневѣковья и „Возрожденія“; живымъ символомъ всѣхъ этихъ глубоко лежащихъ психическихъ наслоеній является „Вѣчный Городъ“. Европейецъ въ Римѣ невольно чувствуетъ, что тутъ начало всего, что есть лучшаго, и чѣмъ онъ живетъ; его міросозерпаніе, каково бы оно ни было, такъ или иначе связано съ Римомъ. Школа прививаетъ къ нему эстетическія понятія объ искусствѣ, неразлучныя отъ представленій объ Итали; религиозныя представленія его такъ или иначе связаны опять съ Римомъ. Неудивительно, что Итали и Римъ влекутъ къ себѣ европейца, что это дѣйствительно два обаятельныхъ звука, которые приводятъ въ трепетъ его внутренній міръ.

Въ иномъ положеніи русской обыватель, и не только тотъ, который, какъ авторъ „Вѣчнаго Города“, былъ полуклассикомъ, но и настоящій классикъ, прошедшій всю школьную муштровку по системѣ графа Д. Толстого. Если въ школьные годы автора, протекавшіе отъ половины 40-хъ до половины 50-хъ годовъ, никто любовно не говорилъ питомцамъ школы о римской культурѣ, о древнемъ искусствѣ, не упоминалъ о памятникахъ зодчества, о статуяхъ, театрахъ, картинахъ, то пожалуй еще въ худшемъ положеніи находилась молодежь, взлелѣанная грамматическимъ классицизмомъ 70-хъ, 80-хъ годовъ и послѣдующихъ десятилѣтій. У полуклассиковъ было отсутствіе отношенія къ древней культурѣ; у классиковъ школы Толстого воспитывалась тупая вражда къ ней, какъ къ чему-то, что связано съ наиболѣе неприятными моментами юныхъ лѣтъ. Чтобы пробудить въ себѣ интересъ ко всѣмъ этимъ явленіямъ, которыя такъ влекутъ къ себѣ образованнаго европейца, російскому обывателю часто приходится не только проникнуться міросозерпаніемъ общечеловѣческой культуры, но и преодолѣть отвращеніе ко всему классическому, привитому намъ школой.

Во вступленіи къ своимъ интереснымъ очеркамъ авторъ рассказываетъ, какъ постепенно въ немъ нарастало стремленіе въ страну

оливъ и апельсиновъ. Любопытно, что рѣшающимъ моментомъ была жизнь автора въ Дерптѣ. Здѣсь, среди чисто нѣмецкихъ традицій и нравовъ, жилъ русскій страстный поклонникъ Рима—Кудрявцевъ. „Онъ уже побывалъ въ Италіи, страстно любилъ поэзію Данте и Аріосто, чувствовалъ обаяніе Рима, и античнаго, и папскаго, и умѣлъ въ бесѣдахъ со мной образно возстановлять цѣлыя эпохи“. Дальнѣйшая жизнь автора за границей создавала въ немъ то психическое состояніе культурнаго человѣка, о которомъ мы говорили выше, „Область красоты“, — пишетъ авторъ, — „исторія изящнаго искусства, всѣ высшіе образцы всемірнаго творчества, собранные въ музеяхъ, коллекціяхъ, бібліотекахъ, рядомъ съ памятниками архитектуры, съ продуктами музыкальнаго и драматическаго генія, на фонѣ разнообразныхъ картинъ природы—все это переплеталось съ остальными проявленіями культурной жизни. И въ этой школѣ росла и закрѣплялась потребность въ воспріятіи прекраснаго, выяснялись взгляды и симпатіи, развивалась привычка къ болѣе систематическому знакомству со всѣми областями общечеловѣческаго творчества“. Эта школа, подкрѣпленная изученіемъ всего интереснаго, что дала западно-европейская литература о Римѣ, и явилась той подготовкой, которая дала возможность П. Д. Боборыкину дѣйствительно почувствовать Римъ и передать свое настроеніе читателямъ.

Очерки г. Боборыкина, печатавшіеся раньше въ „Русской Мысли“, чрезвычайно интересны. Беллетристическій таланта автора, его наблюдательность и широкое, всестороннее образованіе счастливо сочетались при описаніи „вѣчнаго“ города. Отдѣльный очеркъ, подъ названіемъ „Римъ и западная интеллигенція“, даетъ бѣглую характеристику европейской литературы о Римѣ, начиная съ эпохи „Возрожденія“. Тутъ передъ читателемъ пестрыми рядами проходятъ ученые, поэты, беллетристы, художественные критики, начиная отъ Рабле и кончая Золя. Легкими штрихами авторъ набрасываетъ тѣ настроенія, которыя вызвалъ Римъ въ теченіе вѣковъ въ лучшихъ представителяхъ европейской интеллигенціи. Этотъ очеркъ служитъ прекраснымъ введеніемъ къ тѣмъ римскимъ итогамъ, которые авторъ сдѣлалъ лично для себя. Основаніе впечатлѣнія, которое Римъ производитъ, заключается въ томъ настроеніи, которое городъ вызываетъ. „Не безусловная красота вида съ любой изъ этихъ вышекъ дѣйствуетъ на васъ,— говоритъ авторъ,— а то, что это—Римъ, вѣковѣчный пріемникъ самой могучей и продолжительной человѣческой культуры, на материкѣ Европы. Вы не можете отрѣшиться отъ того, что въ васъ самихъ уже создалъ этотъ Римъ: какую игру идей и образовъ, какое сочетаніе душевныхъ элементовъ!.. Вотъ главный источникъ впечатлѣній“... Знакомство искусства чувствуется въ томъ обзорѣ памятниковъ и художе-

ственныхъ произведеній, который мы находимъ въ третьемъ и четвертомъ очеркахъ. Но г. Боборыкину не свойственна роль только описывателя; онъ слишкомъ для этого живой человекъ, слишкомъ „злободневный“ романистъ, который не можетъ не откликаться на жизнь, кипящую вокругъ него; этой жизни посвящены пять очерковъ; въ нихъ мы знакомимся съ Ватиканомъ и его теперешнимъ положеніемъ, съ современнымъ Римомъ, его классами, интересами, типами, съ политическимъ настроеніемъ партій, съ его домашней и семейной жизнью. Тутъ уже талантъ жанриста, столь свойственный г. Боборыкину, проявляется во всемъ блескѣ: сцены изъ жизни, типичныя фигуры духовенства, аристократіи, ученыхъ, литераторовъ, туристовъ мелькаютъ передъ читателями—всегда живыя, всегда интересныя. Г. Боборыкинъ вращался во всѣхъ кругахъ итальянскаго общества и широко воспользовался своими знакомствами для своихъ очерковъ, которые даютъ прекрасное представленіе не только о Римѣ мертвомъ, но и о Римѣ живомъ, растущемъ и развивающемся на почвѣ новой Италіи.

IX.

—С. С. Татищевъ. Императоръ Александръ II. его жизнь и царствованіе, I и II т. СПб. 1903.

Два обширныхъ тома изслѣдованія г. Татищева привлекутъ несомнѣнно вниманіе всѣхъ, интересующихся исторіей современности. Авторъ, какъ онъ заявляетъ въ предисловіи, не стремился къ исторической оцѣнкѣ лицъ, дѣяній и явленій знаменательной эпохи, которая, по его мнѣнію, слишкомъ близка къ намъ, чтобы судить о ней съ той безпристрастной объективностью, безъ которой нѣтъ правдивой исторіи. Цѣль автора — дать точный и по возможности полный прагматическій сводъ событій царствованія Александра II и личнаго въ нихъ участія или воздѣйствія императора въ области политики какъ внутренней, такъ и внѣшней. Авторъ вполне правъ, когда онъ упрекаетъ русское общество въ неосвѣдомленности относительно фактическаго содержанія эпохи преобразовательной, просвѣтительной, объединительной и освободительной, значеніе которой глубоко отразилось на историческихъ судьбахъ Россіи. Но удалась ли автору его цѣль дать *прагматическое* изложеніе событій, если подъ послѣднимъ понимать выясненіе причинъ и слѣдствій историческихъ явленій? При самыхъ скромныхъ требованіяхъ, трудъ г. Татищева далеко не удовлетворяетъ научнымъ приѣмамъ историографіи. Сообщаемые факты связаны обыкновенно не болѣе какъ хронологи-

чески. Вы не встрѣтите здѣсь ни изображенія эпохи, ни анализа общественныхъ силъ, влѣвшихъ на то или иное историческое явленіе. Вы не имѣете въ сочиненіи г. Татищева и художественной исторической біографіи. Автора можно назвать типичнымъ, официальнымъ историческимъ хроникѣромъ, точка зрѣнія котораго на событія всегда вполнѣ совпадаетъ съ той мотивировкой и освѣщеніемъ ихъ, которыя даются въ официальныхъ актахъ. Это особенно сказывается на тѣхъ главахъ, которыя касаются внутренней жизни Россіи. Самыя вступленія къ этимъ главамъ весьма характерны. Вотъ какъ начинается глава, имѣющая своимъ предметомъ освобожденіе крестьянъ: „Великимъ общественнымъ зломъ представлялось молодому Государю крѣпостное право, объ упраздненіи котораго уже неоднократно помышляли предшественники Его, давно мечтали всѣ лучшіе русскіе умы“... И далѣе идетъ уже изложеніе событій. Изложенію фактовъ, относящихся къ экономической жизни описываемой эпохи, предшествуетъ такое вступленіе: „Развитіе торговли какъ внутренней, такъ и внѣшней было предметомъ особой заботливости Правительства“. Глава, посвященная просвѣщенію, начинается такъ же оригинально: „Развитіе просвѣщенія въ русскомъ народѣ и утвержденіе его въ вѣрѣ и благочестіи составляли предметъ постоянныхъ заботъ Императора Александра II“...

Историческое міросозерцаніе автора отразилось и на подборѣ того фактическаго матеріала, который представляетъ собою центр тяжести всего сочиненія. Факты, относящіеся ко внѣшней политикѣ, интересуютъ его по преимуществу, и въ этомъ отношеніи сочиненіе даетъ массу и новаго, и цѣннаго матеріала. По внутренней жизни г. Татищевъ часто только скользитъ, совершенно не интересуясь заглянуть въ глубь этой жизни, хотя бы путемъ сообщенія фактическихъ свѣдѣній. Земской, городской и судебной реформъ не посвящены отдѣльныя главы, какія мы имѣемъ въ сочиненіи г. Татищева о парижскомъ мирѣ, о коронаціи, о сближеніи съ Франціей и т. д. Это одностороннее отношеніе къ фактамъ исторической жизни тѣмъ болѣе досадно, что авторъ находился въ исключительно благоприятныхъ условіяхъ при составленіи своего труда; какъ авторъ сообщаетъ въ предисловіи, ему были открыты наиболѣе интересные наши правительственные архивы, именно: Государственный, архивъ Государственнаго Совѣта, архивъ бывшаго III Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, архивъ Департамента Полиціи, архивы иностранныхъ государствъ и многіе частные архивы. Конечно, мы понимаемъ, что опубликованіе массы архивнаго матеріала, относящагося къ внутренней жизни, немислимо, — но и при этомъ ограниченіи наше замѣчаніе остается въ силѣ.

Весь трудъ г. Татищева распадается на семь книгъ. Первая книга содержитъ въ себѣ біографическія свѣдѣнія, относящіяся къ событіямъ жизни императора Александра II до его вступленія на престолъ. Въ этой книгѣ наиболѣе интересны документальныя данныя о воспитательномъ планѣ Жуковскаго, который несомнѣнно имѣлъ вліяніе на преобразовательную дѣятельность царя-Освободителя. Вторая книга излагаетъ, главнымъ образомъ, событія Восточной войны и послѣдствія ея для Россіи въ дипломатическомъ отношеніи. Центр тяжести этой книги—свѣдѣнія, сообщаемыя на основаніи подлинныхъ дипломатическихъ актовъ. Третья книга касается событій отъ 1856 до 1866 года. Специальная глава посвящена освобожденію крестьянъ, при чемъ въ этой главѣ мы не нашли ничего, что не было бы уже извѣстно изъ сочиненій г.г. Семенова, Барсукова и др. Въ этой же книгѣ читатель найдетъ довольно подробную передачу высшихъ событій польской смуты и въ особенности цѣнныя данныя дипломатической переписки, относящейся къ этой смутѣ. Четвертая и пятая книги излагаютъ внутреннія реформы, при чемъ авторъ особенно подробно останавливается на преобразованіи арміи, флота, на финансовыхъ и экономическихъ мѣропріятіяхъ и на учебномъ дѣлѣ. Здѣсь же дается и изложеніе событій, относящихся къ завоеванію Средней Азии. Интересныя данныя въ этихъ книгахъ находимъ о швольной реформѣ, давшей Россіи классическую систему графа Д. Толстого. Шестая книга сплошь посвящена русско-турецкой войнѣ и дипломатическимъ актамъ, съ ней связаннымъ. Тутъ масса новаго не опубликованнаго матеріала, касающагося отношенія державъ къ Россіи въ эту эпоху. Особенно любопытна та глава, которая трактуетъ о союзѣ Германіи и Австріи противъ Россіи. Седьмая, послѣдняя, книга цѣлкомъ посвящена внутренней жизни Россіи. Специальная глава посвящена крамолѣ отъ 1861 до 80-го года. Это, кажется, первый опытъ систематическаго изложенія въ цензурной печати исторіи соціально-революціоннаго движенія въ Россіи и мѣропріятій правительства, направленныхъ на борьбу съ нимъ. Матеріалъ для этой главы, почерпнутый авторомъ изъ архивныхъ источниковъ, даетъ кое-что новое неизвѣстное изъ правительственныхъ сообщеній, появившихся одновременно съ описываемыми событіями. Еще болѣе содержательны въ этомъ отношеніи послѣднія двѣ главы сочиненія г. Татищева, относящіяся къ эпохѣ „диктатуры сердца“. Дѣятельность Лорисъ-Меликова и верховной распорядительной комиссіи освѣщена документами, крайне любопытными и до сихъ поръ совершенно неизвѣстными. Особенно интересенъ приводимый г. Татищевымъ докладъ Лорисъ-Меликова о преобразованіи внутренняго управленія. Замѣтимъ здѣсь кстати, что большая часть фактовъ, приводимыхъ авторомъ, была имъ

уже использована въ жизнеописаніи императора Александра II, помѣщенномъ въ I-мъ томѣ Русскаго Биографическаго Словаря, издаваемого Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ.

Свой общій взглядъ на царствованіе императора Александра II авторъ излагаетъ въ послѣсловіи. „Великими внутренними преобразованіями,—читаемъ мы,—вдохнувшими въ Россію новую жизнь, Александръ Николаевичъ оправдалъ историческое міросозерданіе русскаго народа, исконную вѣру его въ Самодержавіе. Во внѣшней политикѣ онъ смѣлѣе и дальше всѣхъ своихъ предшественниковъ повелъ Россію по пути ея всемірно-историческаго призванія, освободивъ отъ мусульманскаго ига соплеменные и единовѣрные ей христіанскіе народы европейскаго Востока и распространивъ въ глубь Азій просвѣщеніе и гражданственность съ расширеніемъ предѣловъ Богомъ вѣренной ему державы до Восточнаго океана и подножія Гималайскаго хребта. Конечно, не всѣ его благія начинанія увѣнчались успѣхомъ. Причины тому—независимо отъ несовершенства, вообще присущаго человѣческой природѣ,—промахи, ошибки, заблужденія, увлеченія, страсти совѣтниковъ и сотрудниковъ императора, не всегда точныхъ исполнителей его державной воли, а также неподготовленность русскаго общества къ воспріятію дарованныхъ ему щедрою царскою рукою гражданскихъ правъ и къ закономѣрному пользованію ими. Вотъ чѣмъ, на нашъ взглядъ, объясняются какъ внутренніе, такъ и внѣшніе недочеты царствованія Александра II и самый его трагическій исходъ. Къ сожалѣнію, благодушный государь, быть можетъ, слишкомъ часто внушенія разума подчинялъ влеченію чувства“.....

При всѣхъ своихъ крупныхъ недостаткахъ, трудъ г. Татищева заслуживаетъ несомнѣнно серьезнаго вниманія, и нашъ журналъ надѣется посвятить ему особую статью.—М.—Г-анъ.

Въ теченіе мая мѣсяца въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Баландина, В. А.—Къ вопросу о кредитѣ для сельскаго населенія Енисейской губерніи. Народный кооперативный кредитъ въ Германіи и Россіи. Краснояр., 903. Ц. 30 к.

Баръ, Герм.—Апостоль, ком. въ 3 д. Съ нѣм. О. Поповой. Спб. 903. Ц. 1 р.

Болословскій, Л., студентъ II курса Восточнаго Института.—Къ вопросу о характеристикѣ японцевъ. Этическія основы жизни благороднаго сословія въ Японіи. Владив. 903. Ц. 1 р.

Боцяновскій, В. Ѳ.—Максимъ Горькій. Критико-біографическій этюдъ. Съ портр. и факсимиле М. Г. Изд. 2-е. Спб. 903. Ц. 60 к.

Ватсонъ, М.—Ада Негри. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ. Спб. 902.

Вересаевъ, В.—По поводу „Записокъ врача“. Отвѣтъ моимъ критикамъ. Дополн. изд. Спб. 908. Ц. 35 к.

Витперъ, проф. Р.—Учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Водовозова, Е. Н.—Жизнь европейскихъ народовъ. Т. III: Жители средней Европы. Съ 32 рис. Изд. 3-ье. Спб. 908. Ц. 3 р. 75 к.

Войновичъ, Драго.—Исторія сербскаго народа. Съ картой Балканскаго полуострова. Од. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Гизель, Ф.—О радиоактивныхъ веществахъ и ихъ лучахъ. Перев., п. р. проф. М. И. Коновалова. Съ прим. М. 903. Ц. 35 к.

Гитеръ, Ф.—Опытъ теоріи гнѣности и денежнаго обращенія. Спб. 908. Цѣна 75 коп.

Губеаишвили, Я. С.—Какъ улучшить кавказскую народную школу. Тифл. Спб. Ц. 30 к.

— Правда о Тифлисі. Тифл. 902. Ц. 20 к.

Гольмъ, Ф. М.—Чудеса человѣческой изобрѣтательности. Великіе люди и ихъ произведенія. 42 иллюстраціи. Съ англ. Изд. 2-е. Спб. 901. Ц. 1 р.

Гордицъ-второй, П. К.—Дѣти провинціи. Очерки и рассказы. Т. I. Екатеринбургъ, 903. Ц. 1 р. 25 к.

Горбовъ, Н. М.—С. А. Рачинскій. Спб. 903. Ц. 30 к.

Гошкевичъ, В. И.—Клады и древности Херсонской губерніи. Кн. 1-я, съ художественными иллюстраціями. Херс. 903.

Демченко, Г. В.—Судебный прецедентъ. Варш. 903. Ц. 2 р.

Демчинскій, К. А.—Нужда сельскаго хозяйства и будущее Россіи. Спб. 903. Ц. 60 к.

Добровольскій, В. К.—Смоленскій этнографическій сборникъ. Ч. IV. М. 903.

Дмитровскій, А.—Методическія замѣтки по чтенію, письму и счету. Изъ курса начальвой школы. Нѣжинъ 903. Ц. 25 к.

Ельмановъ, Н. В.—Борьба съ туберкулезомъ у животныхъ въ хозяйствахъ. Датскій способъ. Для сельскихъ хозяевъ. Новг. 903. Ц. 10 к.

Ематьевскій, К.—Учебникъ русской исторіи, съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. 8-е изд. Допущено Уч. Ком. Мин. нар. пр., Главн. Управл. в.-учебн. завед., Уч. Комит. Вѣд. учрежд. Имп. Маріи и Уч. Ком. при св. Синодѣ для духовныхъ семинарій. Спб. 903. Ц. 1. 40 к.

Зола, Эм.—„Моя ненависть“ и др. публицистическіе очерки. Съ франц., п. р. и съ предисловіемъ З. Н. Журавской. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Задерацкій, В.—Наши ведуги (какъ живутъ и работаютъ желѣзнодорожныя служащіе). М. 903. Ц. 60 к.

Кертъ, Э.—Овраги, ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе. Съ 38 рис. и 8 таблицами. 4-ое изд. Спб. 903. Ц. 75 к.

Кильдюшевскій, Н. П.—Прямолинейная тригонометрія. Каз. 903. Ц. 75 к.

Лейкинъ, Н. А.—Господа и слуги. Рассказы: Мамки-бормилянцы.—Дѣдушка-именниникъ.—Новый знакомый.—Въ неладахъ.—Изъ Ниццы.—Квартирная страда.—Кухарки и горничныя.—Телефонъ поставленъ.—Въ хорошемъ тѣлѣ. Спб. 903. Ц. 1 р.

Лоренцъ, Г.—Элементы высшей математикъ. Т. I. (Библіотека для самообразованія, XIV). Основанія аналитической геометріи, дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія и ихъ приложенія къ естествознанію. Переводъ съ дополненіемъ В. П. Шереметевскаго. 2-е изд. М. 903.

- Лужмамова, Н. А.*—„Не сказки“. Для дѣтей. Спб. 903.
- Метеръ, К.*—Основанія политической экономіи. Общая часть. Съ нѣм. Г. Тиктисъ и И. Абезгусъ, п. р. Р. Оржевицкаго. Од. 903. Ц. 1 р. 50 к.
- Мошинъ, Алексѣй.*—Штрихи и настроенія. Въмѣсто предисловія. Всегда съ гр. Л. Н. Толстымъ. М. 908. Ц. 75 к.
- Марковский, М.*—Исторія возникновенія и созданія „Мертвыхъ душъ“. Кіевъ 902.
- Никольскій, А. П.*—Столѣтіе военнаго министерства: 1802—1902 гг. Главное управленіе казачьихъ войскъ. Историч. очеркъ. Спб. 902. Т. XI, ч. 1 и 2.
- Нечаевъ, Ал-дръ.*—Очеркъ психологій для воспитателей и учителей. Ч. I. Процессы умственной жизни. Спб. 903. Ц. 1 р.
- Ончукова, К.*—Былинная поэзія на Печорѣ. Спб. 903. Ц. 40 к.
- Поповъ, акад. Л. В.*—О временномъ функциональномъ суженіи лѣваго венознаго устья, съ недостаточностью митрального клапана, при хроническомъ міокардитѣ и утомленномъ сердцѣ. Спб. 903.
- Петрушевскій, А.*—Рассказы про Петра В. Удостоено двухъ премій. Изд. 9-ое. Спб. 903. Ц. 50 к.
- Полторацкій, А-ѣй.*—Старымъ варяжскимъ путемъ. Плаваніе кадетъ Полоцкаго корпуса 1901 г. изъ Полоцка до Рижскаго залива на ялѣ „Константинъ“. Спб. 903. Ц. 80 к.
- Платоновъ, С. Ѡ.*, проф.—Статьи по русской исторіи (1883—1902 г.). Спб. 903. Ц. 1 р. 75 к.
- Риманъ, Г.*—Музыкальный Словарь. Съ нѣм. Б. Юргенинъ, п. р. Ю. Энгеля. Вып. XI. М. 903. По подл. 6 руб.
- Руссофиловъ, П.*—Къ вопросу о малоуспѣвающихъ учащихся въ начальныхъ школахъ. Харьк. 903. Ц. 20 к.
- Ржю, Эд.*—Земля и Люди. Всемирная Географія. Вып. VI: Франція. Съ франц. Д. А. Корончевскій. Со 108 иллюстр. Спб. 903. Ц. 3 р.
- Сворцовъ, проф. Ир.*—О воспитаніи и нравственности. Спб. 903.
- Серафимъ, архимандритъ (Чичаговъ).*—Лѣтопись Серафимо-Дивѣвскаго монастыря Нижегородской губерніи, Ардатоваго уѣзда, съ жизнеописаніемъ основателей ея, преподобнаго Серафима и схимонахини Александры, урожд. А. С. Мельгуновой. Изд. 2-ое. Спб. 903. Ц. 5 р.
- Сергеевичъ, В.*—Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. 3-ье изд., дополн. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.
- Смирновъ, С. И.*—Какъ служили міру подвижники древней Руси? Историческая справка къ полемикѣ о монашествѣ. О. Тр. Серг. Лавра, 903. Ц. 70 к.
- Сеньбось, Ш.*—Политическая исторія современной Европы. Эволюціи партій и политическихъ формъ. 3-ье изд. Т. I и II. Съ приложеніемъ очерка: „Европа нашихъ дней“ (1897—1902 гг.) и русской библиографіи. Спб. 903. Ц. за 2 т.—3 руб.
- Татищевъ, С. С.*—Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе. Т. I и II. Спб. 903. Ц. 8 р. 50 к.
- Федотовъ, И.*—Къ 200-лѣтію С.-Петербурга. Историческій очеркъ г. С.-Петербурга и его окрестностей. Историческіе планы; рисунки 12 историч. медалей царствованія Петра I и Екатерины II, программа юбилейныхъ торжествъ; новый подробный планъ г. С.-Петербурга 1903 года; планъ-адресъ. Спб. 903. Цѣна 1 рубль.
- Шифферсъ, Р. К.*—Опытъ рѣшенія одного изъ важнѣйшихъ экономическихъ вопросовъ нашего времени. Спб. 903.

Шмигелскій, Н. И.—Клиническое значеніе количественнаго опредѣленія фосфора въ крови, по способу W. Maskie. Спб. 903.

Щелковитовъ, С. Г.—Судебные уставы Имп. Александра II, съ законодательными мотивами и разъясненіями. Уставъ уголовного судопроизводства по продолженію 1902 года. 8-ое изд., исправл. и дополнен. по 1 марта 1903 года (неоффиц.). Спб. Ц. 5 р. 50 к.

Яновскій, С. Я.—Еврейская благотворительность Спб. 903.

Языковъ, Д. Д.—Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ. Вып. 1-ый. 2-е изд. М. 903.

Землардтъ, Н.—Исторія русской литературы XIX-го столѣтія. 1850—1900. Критика, романъ, поэзія и драма. Съ приложеніемъ синхронистической таблицы, хронологіи писателей, полной библиографіи и алфавитнаго указателя къ обоимъ томамъ. Спб. 903. Ц. 2 р.

— Геологическія изслѣдованія въ золотоносныхъ областяхъ Сибири. Левскій золотоносный районъ. Вып. II. Енисейскій золотоносный районъ. Вып. IX, съ 2 карт. Спб. 903.

— Геологическія изслѣдованія и развѣдочныя работы по линіи Сибирской желѣзной дороги. Вып. XXVI. Спб. 903.

— Два года жизни и дѣятельности перваго въ Россіи учрежденія на пользу трудящейся молодежи Комитета для оказанія содѣйствія молодымъ людямъ въ достиженіи нравственнаго и физическаго развитія, состоящаго подъ почетнымъ попечительствомъ Е. В. Принца Александра Петровича Ольденбургскаго. 1900—1902 г.г. Спб. 903.

— Извѣстія Восточнаго Института, п. р. директора инстит. А. Поддѣва. Т. III: 1901—1902 академ. годъ. Вып. 1 и 3. Владивостокъ 901.

— Отчетъ московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1902 г. Москва. 903.

— Отчетъ Особаго Отдѣла по предупрежденію слѣноты за 1901 г. Спб. 902.

— Отчетъ по Главному Тюремному Управленію. Изд. Гл. Тюремн. Управл. Спб. 902.

— Почтово-телеграфная статистика за 1900 г., съ краткимъ обзоромъ дѣятельности почт.-телегр. вѣдомства за тотъ же годъ. Изд. Главн. Управл. почтъ и телеграфовъ. Спб. 903.

— Сельскохозяйственный обзоръ по Орловской губерніи за 19 годъ. Орелъ, 903.

— Словарь юридическихъ и государственныхъ наукъ, п. р. А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова. Спб. 903. Вып. VI: Гавай-Гумбольдтъ. Спб. 903. Ц. за 3 т.—15 р.; отдѣльно—1 р. 50 к.

— Современный Петербургъ. 1703—1903. Изд. „Родника“. Спб. 903. Ц. 75 к.

— Тридцать-восьмое очередное Нижегородское Уѣздное Земское Собраніе въ сентябрѣ 1903 г. Н.-Новг. 903.

— Труды Минскаго Общества сельскаго хозяйства по вопросамъ, возбужденнымъ Высочайше утвержденною программой о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Минскъ, 903.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Anatole France. Histoire Comique. Стр. 324. Paris, 1908. (Edit. Calman-Levy).

„Histoire Comique“—заглавіе новѣйшаго романа Анатоль Франса—означаетъ не „смѣшную исторію“, а „исторію изъ жизни комедіантовъ“. Франсъ пишетъ въ нѣкоторомъ родѣ pendant къ знаменитому „Roman Comique“ Скаррона, писателя XVII-го вѣка. Скарронъ описывалъ нравы актеровъ своего времени, Франсъ изображаетъ закулисную жизнь современнаго Парижа, вслѣдствіе чего получается параллель для сравненія нравовъ общества на протяженіи болѣе двухъ вѣковъ. Трудно сказать, въ пользу ли современности будетъ это сравненіе. Романъ Скаррона славится грубостью и распушенностью описанныхъ въ немъ нравовъ—но хотя гистріоны современнаго Парижа, описываемыя Франсомъ, и болѣе утонченны, безконечно болѣе культурны, но по существу они едва ли нравственнѣе и чище. Франсъ имѣлъ случай наблюдать закулисную театральную жизнь, благодаря постановкѣ на одной изъ лучшихъ сценъ Парижа его пьесы „Тайса“. Его новый романъ очевидно,—результатъ этихъ наблюденій, какъ въ свое время романъ „Красная Лилія“ написанъ былъ вслѣдствіе его временнаго близкаго сопрیکосновенія съ жизнью парижскаго свѣтскаго общества.

„Histoire Comique“, какъ и „Красная Лилія“, стоитъ внѣ излюбленныхъ Франсомъ серій философско-сатирическихъ повѣстей, связанныхъ между собой общимъ героемъ и изображающихъ текущую дѣйствительность съ безстрастіемъ будущаго ея историка. Таковы были повѣсти о переживаніяхъ и мысляхъ аббата Коньяра, изображавшія бытъ XVIII-го вѣка, или вѣрнѣе примирительную жизненную мудрость XVIII-го вѣка, которая продолжаетъ жить въ позитивизмъ современной Франціи. Въ томъ же духѣ написаны многочисленныя короткія повѣсти Франса, разрабатывающія вѣчные мотивы человѣческой психологіи—ея суетность и вмѣстѣ съ тѣмъ ея трогательность—на фонѣ художественно очерченныхъ историческихъ эпохъ. Въ послѣдніе годы Франсъ создалъ совершенно новый родъ историческаго романа; въ серіи подъ общимъ заглавіемъ: „Histoire Contemporaine“ онъ художественно сочеталъ факты общественной жизни съ вымысломъ, и получила единственная въ своемъ родѣ картина современной Франціи

въ спокойномъ историко-философскомъ освѣщеніи. Въ „Histoire Comique“ онъ отвлекся отъ этой схемы, забылъ героя „Histoire Contemporaine“, Бержере, мудро-снисходительнаго судью жизни, не отступающаго отъ философскаго безпристрастія, даже когда событія касаются его самого, и написал романъ въ духѣ обычныхъ „романовъ парижскихъ нравовъ“. Этого рода романы менѣе всего удаются Франсу: его „Красная Лилія“—слабая вещь въ сравненіи съ другими его произведеніями; „Histoire Comique“ тоже во многихъ отношеніяхъ разочаровываетъ цѣнителей своеобразнаго и высоко художественнаго дарованія Анатоля Франса. Въ этомъ романѣ слишкомъ много, такъ сказать, „декольтированныхъ“ сценъ, не нужныхъ по своей банальности, и потому что онѣ слишкомъ часто повторяются во всякомъ французскомъ романѣ, въ которомъ пустота содержанія прикрывается пикантною описаніемъ. Франсъ и въ прежнихъ романахъ не избѣгалъ рискованныхъ въ этомъ смыслѣ сценъ;—есть, напр., знаменитая сцена въ „Maupequin d'Osier“, когда Бержере входитъ къ своей женѣ въ неурочный часъ и застаётъ у нея своего же молодого ученика; но эта сцена такъ своеобразно описана и психологически углублена, что оригинальность мыслей совершенно уничтожаетъ элементъ „пикантности“. Въ „Histoire Comique“, напротивъ того, Франсъ сбивается на обычную французскую пошлость въ слишкомъ частыхъ описаніяхъ подробностей женскаго туалета, подробностей эротическихъ сценъ. И въ этихъ сценахъ, конечно, чувствуется обычный умъ Франса, его умѣнье придавать философскій смыслъ самымъ мелкимъ и пошлымъ подробностямъ жизни,—но слишкомъ ужъ много этихъ подробностей, и слишкомъ онѣ надоели въ адультерныхъ романахъ Буржэ и компаніи.

Но за этими крупными недостатками, возбуждающими только досаду у серьезнаго читателя, въ романѣ Франса кроется очень интересная и глубокая основная идея, и въ разработкѣ ея авторъ стоитъ на прежней высотѣ. Онъ возбуждаетъ вопросъ объ отвѣтственности человѣка передъ человѣкомъ за невольное причиненное имъ другому страданіе; онъ показываетъ, во что сознаніе отвѣтственности превращается съ одной стороны въ культурномъ человѣкѣ, воспитанномъ на традиціонныхъ понятіяхъ о нравственности, а съ другой—въ душѣ, живущей только инстинктивными чувствами. Душевная трагедія героини романа, красивой, талантливой актрисы, пользующейся большимъ успѣхомъ, вызвана самоубійствомъ неудачливаго-актера, Шевалье. Онъ полюбилъ легкомысленную, поглощенную закулисными интригами, своими успѣхами и своими мѣняющимися сердечными увлеченіями, актрису Фелиси. Его сценическій „амплуа“—комическія роли, и даже, благодаря своему характерному, уродливому лицу, неулыжимъ дви-

женіямъ, огромному росту и худобѣ и врожденному комическому таланту,—имѣть успѣхъ. Но въ жизни этотъ комикъ очень трагично относится ко всякимъ переживаніямъ; его любовь — источникъ безконечныхъ терзаній и для него, и для Фелиси, которую онъ преслѣдуетъ своей ревностью. Она на короткое время увлеклась имъ, уступила его страсти, но очень скоро охладѣла къ нему; онъ же не можетъ забыть своего кратковременнаго счастья, и терзается тѣмъ, что Фелиси, сохраняя съ нимъ товарищескія отношенія, позволяя ему постоянно бывать у нея, считаетъ себя въ правѣ отдаваться новымъ увлеченіямъ. Шевалье легко примиряется съ ея измѣнами, вызванными практическими соображеніями; онъ знаетъ о ея связи съ какимъ-то банкиромъ, о томъ, что она слишкомъ любезна съ людьми, нужными ей для ея сценической карьеры,—но самъ настолько проникнуть театральнымъ ядомъ, что считаетъ все это совершенно естественнымъ. Онъ только не допускаетъ другихъ сердечныхъ привязанностей съ ея стороны, не теряя надежды, что она вернется когда-нибудь къ нему. Замѣтивъ, что Фелиси увлеклась молодымъ, красивымъ дипломатомъ, Роберомъ де-Линьи, онъ безконечно терзается и надѣбдаетъ своей бывшей возлюбленной своими жалобами. Его уже не радуютъ его собственныя удачи на сценѣ, предстоящій ему успѣхъ въ готовящейся къ представленію новой пьесѣ, комплименты директора и автора. „Стоитъ ли быть великимъ артистомъ, если все равно чувствуешь себя несчастнымъ?“—говоритъ онъ въ отчаяніи. Фелиси, которой надѣбдала его ревность, на зло ему, и чтобы доказать свою свободу, даже не скрываетъ своихъ отношеній съ Роберомъ. Шевалье требуетъ, чтобы она ихъ порвала, угрожаетъ ей катастрофой, если она не послушается его, и въ порывѣ отчаянія кланется ей, что заставить ее порвать съ Роберомъ. Она сначала смѣется надъ нимъ, потомъ чувствуетъ къ нему злобу и ненависть за стѣсненіе ея свободы,—но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ избавиться отъ страха передъ его угрозой. Въ противоположность своимъ прежнимъ легкомысленнымъ увлеченіямъ, она полюбила Робера настоящей любовью, и онъ также привязался къ ней со всей страстью своей бурной натуры. Они продолжаютъ видѣться, причемъ все-таки Фелиси инстинктивно скрываетъ отъ Шевалье свои свиданія съ Роберомъ. Но Шевалье выслѣживаетъ ихъ. Когда Фелиси уѣзжаетъ съ Роберомъ за городъ, въ домикъ, нанятый Роберомъ для ихъ свиданій, Шевалье ѣдетъ вслѣдъ за ними. Фелиси очень тревожно настроена. Ей чудятся чьи-то шаги, ей кажется, что за нею слѣдятъ, но Роберъ успокаиваетъ ее. Когда они вмѣстѣ уходятъ изъ домика, на крыльцѣ передъ ними появляется Шевалье, съ револьверомъ въ рукахъ, и застрѣливается

на ихъ глазахъ, сказавъ передъ смертью: „Я вамъ запрещаю принадлежать другъ другу. Это моя послѣдняя воля“.

Смерть Шевалье, смѣняющая страшнымъ кошмаромъ любовный экстазъ Робера и Фелиси, различно влѣяетъ на нихъ. Въ изображеніи разныхъ воздѣйствій одного и того же факта на двѣ разныя натуры и заключается психологическій интересъ романа. Въ смерти Шевалье Роберъ и Фелиси одинаково виновны, — или не виноваты, но совѣсть образованнаго и разсудочнаго Робера, воспринявшаго всѣ традиціонныя представленія о нравственномъ долгѣ, совершенно иначе справляется со своей отвѣтственностью за чужія страданія, чѣмъ чисто эмоціональная натура Фелиси. Кто изъ двухъ правъ — этого Франсъ не рѣшаетъ, или вѣрнѣе, будучи искреннимъ въ своихъ философскихъ исканіяхъ, не хочетъ категорически рѣшать. Страница романа, гдѣ описываются мысли Робера у трупа Шевалье — лучшая во всемъ романѣ. Мы приводимъ ее какъ образецъ тонкой ироніи Франса, показывающаго, до чего непосредственный жизненный фактъ глубже всякихъ теоретическихъ измышленій, до чего традиціонная мораль опошляетъ своей условностью правду жизни — и до чего у современныхъ людей тернется правдивое нравственное чутье подъ вліяніемъ условныхъ правилъ морали. Сознывая несостоятельность этихъ правилъ передъ грозной и сложной правдой жизни, современные люди отбрасываютъ устарѣвшую мораль; но они уже слишкомъ пропитаны ея духомъ, и потому свобода отъ стараго становится для нихъ свободой отъ всякой мысли о нравственномъ долгѣ. Это ироническое отношеніе къ недостаточности старой морали и къ людямъ, которые, отвергнувъ ее, успокаиваются на этомъ и не создаютъ новаго отношенія къ долгу совѣсти, сказывается съ удивительной силой въ описаніи чувствъ и мыслей Робера.

„Серьезные и даже торжественные голоса раздавались въ глубинѣ его собственной души. Воспитанный съ дѣтства въ правилахъ нравственной отвѣтственности, онъ испытывалъ теперь тягостное сожалѣніе, похожее на угрызеніе совѣсти. Думая о томъ, что онъ былъ причиною смерти этого человѣка, хотя и помимо своей воли и даже невѣдомо для него, онъ почувствовалъ себя виноватымъ. Обрывки философскихъ и религіозныхъ поученій безпокоили его совѣсть. Сентенціи моралистовъ и проповѣдниковъ, выученныя въ гимназій и скрытыя въ глубинахъ его памяти, вдругъ выплыли въ его сознаніи. Внутренніе голоса повторяли ихъ ему. Они говорили словами кого-то изъ старыхъ церковныхъ ораторовъ: „предаваясь наименѣе осуждаемымъ людьми увлеченіямъ, человѣкъ рискуетъ совершить самыя тяжкія проступки. Мы видимъ на страшныхъ примѣрахъ, что чувственные страсти ведутъ къ преступленіямъ“. Эти изреченія, надъ которыми

онъ никогда не задумывался, вдругъ приобрѣли для него точный и строгій смыслъ. Онъ сталъ серьезно размышлять о нихъ. Но такъ какъ онъ былъ не особенно религиозенъ и не обладалъ чрезмѣрной совѣстливостью, то фразы эти казались ему теперь мало поучительными и даже—когда онъ въ нихъ болѣе вдумывался—вздорными и совершенно неприложимыми къ положенію, въ какомъ онъ очутился. „Предаваясь наименѣе осуждаемымъ увлеченіямъ, мы видимъ на страшныхъ примѣрахъ“... Эти сентенціи, которыя звучали сначала въ его душѣ какъ раскаты грома, теперь слышались ему въ гнусавомъ произношеніи и въ картавомъ говорѣ профессоровъ и священниковъ, которые ему преподали ихъ, и уже стали казаться ему нѣсколько смѣшными. По естественной ассоціаціи мыслей, онъ вспомнилъ мѣсто изъ прочитанной имъ когда-то исторіи Рима, гдѣ говорилось о женщинѣ, уличенной въ измѣнѣ мужу и обвиненной позднѣе въ томъ, что она подошла Римъ. „Этимъ подтверждается, — говорилъ историкъ, — та истина, что человѣкъ, забывшій стыдъ, способенъ совершить всякое преступленіе“. При этомъ воспоминаніи Робертъ внутренне улыбнулся и подумалъ, что у моралистовъ странныя понятія о жизни“.

Вотъ какимъ образомъ культурный французъ отдѣляется отъ глоса совѣсти. Онъ слишкомъ привыкъ къ общепринятымъ моральнымъ сентенціямъ, чтобы самому заглянуть въ глубь своей души и найти живую нравственную правду. Выродившаяся культура убила въ немъ непосредственное, творческое нравственное чувство. Нельзя болѣе безошадно изобразить мертвящее вліяніе вырождающейся культуры во Франціи, чѣмъ это сдѣлалъ Франсъ въ этомъ психологическомъ разъясненіи чувствъ Робера. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ самоубійство Шевалье на Фелиси. Она изображена легкомысленной, истеричной натурой. Она не особенно интеллигентна и беретъ въ своей игрѣ только прирожденнымъ талантомъ и эстетическимъ вкусомъ. Она умѣетъ устраивать свои дѣла, очень практична и даже „très grosse“, какъ ее характеризуютъ недоброжелательные товарищи по сценѣ непереводаемымъ французскимъ выраженіемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ она сохранила наивную набожность, граничащую съ суевѣріемъ, соблюдаетъ церковные обряды. Нравы ея—самые легкомысленные; она считается только съ практической необходимостью, и не особенно дорожитъ собой, если ей это нужно для карьеры. Франсъ какъ бы нарочно настаиваетъ на отсутствіи нравственныхъ устоевъ въ жизни своей героини, на томъ, что ея постоянныя „уступки обстоятельствамъ“—безъ малѣйшихъ угрызений совѣсти—свидѣтельствуютъ о полномъ отсутствіи всякихъ нравственныхъ принциповъ. И въ такомъ именно существѣ голосъ совѣсти звучитъ настойчивѣе, мучительнѣе, разбивая всю жизнь, заставляя отказаться отъ самаго доро-

того. Голосъ совѣсти принимаетъ у Фелиси нѣсколько болѣзненную, истерическую форму, сплетается съ суевѣрїями неразумнаго существа, но все-же это — проявленіе внутренней правды, жажды искупленія.

Фелиси любитъ Робера, и уже эта любовь до нѣкоторой степени преобразуетъ ее, дѣлаетъ для нея невозможными прежніе минутные капризы чувствъ, заставляетъ ее порвать съ Шевалье,—хотя, конечно, при этомъ она не отказывается отъ разныхъ практическихъ комбинацій, не считая это измѣной своему возлюбленному. Когда на ея глазахъ происходитъ самоубійство Шевалье, она не разсуждаетъ, не заглушаетъ въ себѣ логикой проснувшихся угрызений совѣсти,—а ясно и опредѣленно чувствуетъ себя виноватой: изъ-за нея умеръ человѣкъ, который любилъ ее и былъ ею обманутъ—этого нельзя измѣнить, и это—вина, требующая искупленія. Послѣднія слова Шевалье передъ смертью становятся ея приговоромъ. Она любитъ Робера мучительной и страстной любовью,—но между ними стоитъ призракъ самоубійцы и не позволяетъ ей послушаться послѣдней воли умершаго. Сначала Фелиси не чувствуетъ власти умершаго надъ собой и необходимости искупленія. Ея нервы потрясены катастрофой, и она только думаетъ о томъ, какъ бы, такъ сказать, „вѣрнѣе“ похоронить Шевалье, для того, чтобы онъ окончательно исчезъ изъ ея жизни. Въ качествѣ набожной католички, она хлопочетъ о церковномъ погребеніи, въ которомъ церковь сначала отказывается въ виду самоубійства. Ей удается устранить всѣ препятствія; похороны Шевалье—очень пышныя, и бѣдной Фелиси кажется, что тѣмъ больше будетъ свѣчей, цвѣтовъ, слезъ и рѣчей надъ его гробомъ, тѣмъ вѣрнѣе будутъ выполнены ея обязательства относительно умершаго. Послѣ похоронъ она, успокоенная, уѣзжаетъ къ Роберу; но когда онъ начинаетъ говорить ей о своей любви, ей становится страшно, у нея появляются галлюцинаціи,—и она уходитъ отъ Робера, чувствуя, что прежнее счастье безвозвратно погибло. Она старается умиловить умершаго, ѣдетъ къ нему на могилу съ цвѣтами и съ дѣтски наивной вѣрой молить мертвеца, чтобы онъ не преслѣдовалъ ее. Но на кладбищѣ у нея является странное ощущеніе: она не чувствуетъ свойственнаго ей обыкновенно страха передъ могилами. Стараясь уяснить себѣ причину этого, она вдругъ понимаетъ, что Шевалье не пугаетъ ее на кладбищѣ, потому что его тамъ нѣтъ. „Его здѣсь нѣтъ,—съ отчаяніемъ думаетъ она,—его здѣсь никогда нѣтъ. Онъ—вездѣ, кромѣ того мѣста, гдѣ его положили. Онъ на улицахъ, въ домахъ, въ комнатахъ“. И она съ ужасомъ уходитъ съ кладбища, увѣренная, что отнынѣ будетъ встрѣчать его всюду—только не на кладбищѣ.—Призракъ Шевалье начинаетъ ее всюду преслѣдовать; она тщетно истреб-

леть всё его портреты, всё письма, все, что могло бы напомнить о немъ,—онъ какъ живой всегда стоитъ передъ нею и настаиваетъ на исполненіи своей послѣдней воли. Свиданія съ Роберомъ становятся для нея мукой; при всей своей любви къ нему она не можетъ допустить никакихъ проявленій его любви, и ихъ встрѣчи заканчиваются упреками съ его стороны, бурными сценами, слезами Фелиси. Чтобы прекратить все это, Роберъ принимаетъ предлагаемое ему мѣсто въ Голландіи и уѣзжаетъ въ надеждѣ развлечься и забыть свою любовь къ актрисѣ. Съ его отъѣздомъ, Фелиси нѣсколько успокоивается, всецѣло предается сценѣ, и среди усиленной работы забывается о грозномъ призракѣ. Ее увлекаютъ театральные успѣхи, которые увеличиваются тѣмъ, что она принята въ „Comédie Française“, и ей предстоитъ дебютировать въ ея излюбленной роли въ одной изъ комедій Мольера. Съ Роберомъ у нея идетъ постоянная переписка, потому что и онъ, и она убѣждаются, что не могутъ полюбить никого другого и привязаны другъ къ другу навсегда. Къ ея дебюту онъ собирается вернуться въ Парижъ, и она радостно ждетъ его пріѣзда, надеясь, что преслѣдовавшій ее кошмаръ исчезнетъ, что ихъ прежнее счастье возобновится—и навсегда. Онъ пріѣзжаетъ, и въ первомъ угарѣ свиданія ей дѣйствительно кажется, что ничто ее не мучитъ, что никакой призракъ не отдѣляетъ ее отъ возлюбленнаго. Въ противоположность ея прежней уклончивости, къ которой Роберъ привыкъ послѣ смерти Шевалье, она съ радостью соглашается придти къ нему, очень нѣжна съ нимъ, весела, репетируетъ передъ зеркаломъ свою роль, спрашиваетъ его о его жизни въ Голландіи, шутитъ съ нимъ, очевидно забывъ всё свои прежніе страхи. Но это сразу обрывается. Нарушить предсмертную волю Шевалье она не можетъ. Передъ нею вырастаетъ призракъ умершаго, и появленіе его на этотъ разъ окончательно убѣждаетъ ее въ непоправимости ея несчастья. Ей не дано быть счастливой съ Роберомъ—таково искупленіе, возложенное на нее погибшимъ по ея винѣ человѣкомъ. „Что изъ того, что я настоящая артистка,—съ отчаяніемъ говоритъ она, повторяя бессознательно слова умершаго,—если я все-таки несчастна“?! Она уходитъ отъ Робера со словами: „Мы очень любили другъ друга, но теперь все кончено. Мы больше не можемъ принадлежать другъ другу. Онъ этого не хочетъ“.

Такъ разрѣшается вопросъ объ отвѣтственности за невольное причиненное страданіе въ душѣ наивно покорной голосу совѣсти Фелиси. Голосъ этотъ воплотился для нея въ осязательные призраки и кошмары, но очевидно, что это только—внѣшнія проявленія бессознательной внутренней правды.—Легкомысленная актриса оказывается болѣе чуткой и болѣе близкой къ правдѣ, чѣмъ культурный и умно раз-

суждающий. Роберъ, который такъ легко отбрасываетъ всякіе запросы совѣсти вмѣстѣ съ пережитыми моральными сентенціями, въ условности которыхъ онъ убѣждается.

Помимо интересно разработанной психологической темы, романъ Франса интересенъ правдиво и умно описанными типами актерскаго міра, изображеніемъ искусственно возбужденной и въ основѣ своей пошлой театральнаго среды, извращающей всѣ искреннія чувства, полной всякихъ нравственныхъ компромиссовъ. Очень пластичны и полны юмора фигуры нѣсколькихъ актеровъ и актрисъ, драматурговъ, критиковъ и т. д. Своего излюбленнаго героя, всепріемлющаго и всепрощающаго скептика-философа Бержере, Франсъ тоже не совѣмъ забылъ въ своемъ новомъ романѣ. Онъ перевоплотенъ здѣсь въ театральнаго врача, Требло, исповѣдующаго послѣдовательный детерминизмъ и дѣлающаго глубокомысленные оригинальные выводы изъ мелкихъ и крупныхъ событій театральнаго міра.

II.

Max Dreyer. Das Thal des Lebens. Historischer Schwank. Berlin, bei G. H. Meyer. 1908.

Максъ Дрейеръ занимаетъ особое положеніе среди нѣмецкихъ беллетристовъ и драматурговъ. Въ противоположность современнымъ исканіямъ сложнаго и непонятнаго въ психологіи человѣка, онъ—сторонникъ простоты и жизнерадостности, и возводитъ въ идеалъ здоровья, бодрья чувства, высмѣиваетъ ложь и искусственность, внесенную въ обиходъ жизни избыткомъ культуры; онъ показываетъ пагубность стремленія къ изысканности въ людяхъ, которые только во имя моды насилуютъ свою обыкновенную и совершенно простую натуру, и потому производятъ впечатлѣніе не оригинальности, а изломанности. Дрейеръ — юмористъ, и обладаетъ самыми существенными его качествами большимъ реалистическимъ чутьемъ, не мудрствующимъ, простымъ пониманіемъ жизни, то-есть, и тонкимъ чутьемъ правды. Его мораль—самая незамысловатая, чтобы не сказать банальная: жизнь во имя жизни, безъ всякихъ философскихъ мудрствованій, простая, но непремѣнно искренняя любовь; все, что ведетъ къ процвѣтанію рода человѣческаго, все, что соответствуетъ дѣламъ природы, кажется ему справедливымъ и нравственнымъ. Всякое уклоненіе отъ природы, какими бы принципами и теоріями оно ни прикрывалось, кажется ему ложью, и очень зло имъ высмѣивается. Для юмориста такая исходная точка—самая вѣрная, такъ какъ высмѣивать можно

только новое, непривычное, не пустившее корни въ сознание людей, и дѣлать это можно только во имя твердо установившагося стараго, — не устарѣвшаго (оно тоже — благодарный предметъ для насмѣшекъ, потому что люди уже не чувствуютъ связи съ нимъ и согласны отступить отъ него), а вѣчно истиннаго. Инстинктивная жизнерадостность и простыя, естественныя чувства всегда сохранять свою власть надъ людьми, какъ бы вѣчно ищущая душа и неустанно пытливый умъ ни разнообразили внутренній міръ человѣка, отыскивая исходъ для нарождающихся новыхъ чувствъ, влеченій и настроеній. Правы ищущіе, создающіе новое отношеніе къ жизни, ея задачамъ и формамъ, но такъ какъ стремленіе къ новому часто искажается непониманіемъ его и напускнымъ оригинальничаньемъ, то правы и напоминающіе о неизмѣнныхъ простыхъ началахъ жизни; правъ юмористъ, усматривающій смѣшное, т.-е. лицемеріе и ложь, въ людяхъ, переиначивающихъ жизнь, не имѣя въ сущности на это права. Такого рода сатира приноситъ пользу и „новымъ теченіямъ“, противъ которыхъ она возстаетъ, такъ какъ способствуетъ отдѣленію отъ нихъ всего наноснаго, случайнаго, ложнаго.

Въ своихъ произведеніяхъ, въ особенности въ новеллахъ (напр., „Lautes und Leises“), Дрейеръ напоминаетъ своего земляка, знаменитаго юмориста Фрица Рейтера, описывая съ большимъ юморомъ и реализмомъ добродушныхъ и жизнерадостныхъ мекленбургцевъ. Яркій реалистическій талантъ проявляется и въ его многочисленныхъ драматическихъ произведеніяхъ, въ его умѣньи характерно и пластично передавать особенности каждаго отдѣльнаго лица, какъ, напр., въ „Зимнемъ снѣ“, въ драмѣ „Probe-Kandidat“, „Hans“ и др. Въ послѣднихъ своихъ вещахъ Дрейеръ все болѣе переходитъ въ область сатиры, направленной противъ всякаго рода лжи и лицемерной разсудочности. Очень хороша его трилогія подъ общимъ названіемъ „Schelmen Spiele“, въ которой къ разряду „плутовъ“ причислены и почтенный съ виду сановникъ, строящій свою семейную жизнь на величайшемъ лицемеріи, и мать, воспитывающая ребенка на лжи, и люди, прикрывающіеся важными интересами государства для устройства своихъ мелкихъ личныхъ дѣлъ.

Новая пьеса Дрейера, „Долина жизни“ — очень злая комедія, написанная живо и весело; авторъ называетъ ее историческимъ фарсомъ, но историческаго въ ней — только костюмы и внѣшній бытъ. Дѣйствіе перенесено въ XVIII-й вѣкъ и происходитъ въ одномъ изъ маленькихъ нѣмецкихъ маркграфствъ этого времени; въ придворномъ быту маркграфа преувеличенная торжественность и строгость этикета сочетается съ неискоренимой захолустностью. Эта обстановка нужна Дрейеру для большей свободы въ разработкѣ своего нѣсколько ри-

скованнаго сюжета. Восемнадцатый вѣкъ славится легкостью нравовъ и снисходительнымъ отношеніемъ ко всѣмъ проступкамъ, объясняемымъ сердечными увлеченіями; и поэтому на фонѣ восемнадцатаго вѣка легче было изобразить происшествіе, въ которомъ права природы торжествуютъ надъ нравственными принципами. Это торжество естественныхъ и простыхъ чувствъ надъ условной моралью трудно было бы представить въ обстановкѣ современной дѣйствительности, — и Дрейеръ придавъ нѣсколько фантастическій характеръ своей комедіи, перенесенной въ полу-опереточную обстановку. Бытовая сторона придворной жизни представлена хотя и въ комичномъ, преувеличенномъ видѣ, но все же вѣрно передаетъ духъ эпохи.

Основная идея пьесы заключается въ противопоставленіи простой морали людей, живущихъ искренними, несложными чувствами, лицемѣрію, созданному привычками искусственной культуры, теоретичностью, находящею оправданіа для самыхъ эгоистическихъ и далеко не возвышенныхъ побужденій. Простая жизнь, которую Дрейеръ возводитъ въ идеаль, воплощена въ его комедіи въ населеніи маленькой горной деревушки, по сосѣдству съ резиденціей маркграфа. Деревня бѣдная, почва тамъ очень скудная и не можетъ прокормить населеніе. Но деревня живетъ своеобразнымъ промысломъ; она называется „Деревней кормилицъ“, и поставляетъ кормилицъ на все маркграфство. Населеніе деревни очень здоровое, жизнерадостное, честное, такъ что отовсюду охотно берутъ тамошнихъ женщинъ для вскармливанія дѣтей. Деревню зовутъ также „Долиной жизни“, потому что тамъ и природа населенія всегда очень большой, и кромѣ того женщины этой деревни оздоравливаютъ городское населеніе, вскармливая здоровыхъ питомцевъ и приживая имъ свое бодрое отношеніе къ жизни. Нравы въ деревнѣ — нѣсколько своеобразные. Браковъ тамъ заключается немного, въ силу экономическихъ условій, такъ какъ мало у кого есть достаточно средствъ для основанія семейнаго очага. Но зато тамъ признаются права свободной любви, причемъ, однако, любящіе отличаются взаимной вѣрностью, и не бываетъ ни одного случая, чтобы отецъ и мать не заботились о своихъ дѣтяхъ. Чистота нравовъ при такомъ устройствѣ — полная. Свободныя связи заключаются на всю жизнь, а матеріальное положеніе семьи обеспечивается съ одной стороны тяжкимъ трудомъ отцовъ, обрабатывающихъ скудную почву, а съ другой — заработкомъ матерей, нанимающихся въ кормилицы. Законы маркграфства признаютъ такой порядокъ вещей, и учрежденъ даже особый „цехъ кормилицъ“ (Ammenzunft). Изъ него выбираются кормилицы для придворныхъ круговъ, и самъ маркграфъ вскормленъ женщиной изъ „Долины жизни“; сынъ его кормилицы, молочный братъ маркграфа, занимаетъ мѣсто пастора. Онъ — ярый защитникъ нравовъ

своей родины, и превозноситъ чистоту ихъ въ разговорѣ съ присланнымъ въ деревню по особому случаю комиссаромъ—придворнымъ маркграфомъ. Когда комиссаръ нападаетъ на безнравственность, царящую въ деревнѣ, пасторъ выходитъ изъ себя. „Какъ,—говоритъ онъ,— вы, прѣхавшій изъ резиденціи, осмѣливаетесь упрекать насъ въ безнравственности?! Знаете ли вы, что любящіе даютъ у насъ обѣтъ вѣрности на всю жизнь? А вѣрность—основа чистоты. Что же касается безнравственности и гризи, то вамъ вѣроятно извѣстно, что она существуетъ и въ правильной семьѣ. Если сравнить жизнь въ резиденціи съ жизнью въ этой деревнѣ, то здѣсь царятъ ангельская чистота и невинность. И я считаю счастьемъ для дѣтей нашей родины, что ихъ вскармливаютъ дочери нашей деревни. Онѣ отдали всей странѣ свою силу, свою бодрость духа, свою свѣжесть. И это послужило на благо странѣ“.

Такова утопія простого счастья, свободы любви и чистоты нравовъ, которую Дрейеръ осуществляетъ въ своей фантастической „деревнѣ кормилицъ“. Ей противопоставляется испорченность при дворѣ маркграфа, гдѣ вся жизнь построена на карикатурномъ подражаніи французскимъ нравамъ и французскому придворному этикету; этотъ нѣсколько опереточный дворъ воплощаетъ въ пьесѣ лицемѣріе и ложъ условныхъ понятій о нравственности. Столкновеніе двухъ міровъ, придворнаго и деревенскаго, происходитъ по очень своеобразному случаю, изложенному Дрейеромъ въ легкомъ, нѣсколько гривуазномъ тонѣ,—который оправдывается тѣмъ, что дѣло идетъ о нравахъ XVIII-го вѣка; торжество—на сторонѣ добродѣтельной, т. е. болѣе близкой ко всему здоровому и естественному, деревни. „Долина жизни“ спасаетъ отечество, но это спасеніе совершается не по правиламъ и свѣтской, и буржуазной морали. Дѣло начинается съ того, что на деревню обрушивается несчастіе. Маркграфъ, который превелъ очень бурную юность, женился на молодой и красивой принцессѣ, но не имѣетъ дѣтей; это тѣмъ болѣе печально, что, за отсутствіемъ наследника, маркграфство должно перейти къ Пруссіи. Маркграфъ очень золь, и хочетъ распространить свое уныніе на всю свою страну; онъ не выноситъ около себя веселыхъ лицъ; ему тягостна мысль, что кто-нибудь можетъ быть счастливъ и доволенъ, когда его преслѣдуетъ неудача. Для этого личнаго настроенія онъ придумываетъ чрезвычайно возвышенныя, моральныя основанія. Онъ вдругъ становится сторонникомъ святости, и начинаетъ искоренять безнравственность въ маркграфствѣ. Строгость нравовъ возводится въ законъ не только при дворѣ, гдѣ преслѣдуется всякое удовольствіе и всякая радость, въ особенности, конечно, радости любви,—но и во всей странѣ. Учреждается особая „комmissія нравовъ“, которой поручено

строгое преслѣдованіе всего, что признано безнравственнымъ, т. е. опять-таки въ особенности союзовъ любви. Комиссія является въ „Долину жизни“, и попадаетъ туда какъ разъ на праздникъ, глубоко возмущающій ее своей безнравственностью. Члены комиссіи, изъ придворнаго раболѣпства, усвоили себѣ напускную святость своего властелина, и праздникъ, на который они повадуютъ, кажется имъ верхомъ раснущенности. Въ деревнѣ враздуются крестины сына свободной четы, красавицы Лизбеты и молодцоватаго, работающаго и очень любящаго свою подругу Ганса. Лизбета и Гансъ гордятся своимъ сыномъ, тѣмъ болѣе, что онъ родился въ воскресенье и крестины его выпали на 1-ое мая. Совокупность этихъ обстоятельствъ даетъ поводъ къ особой церемоніи: Ганса вѣнчаютъ „королемъ цеха кормилицъ“, и по этому поводу происходитъ пиръ и танцы, въ которыхъ принимаетъ участіе и деревенскій пасторъ. Членъ комиссіи нападаетъ на пастора за его потворство испорченнымъ нравамъ, и на всѣ горячія возраженія пастора, который доказываетъ, что нравы его деревни безконечно чище придворныхъ, заявляетъ въ очень комичномъ, торжественномъ тонѣ, что марекграфъ уничтожилъ „цехъ кормилицъ“, считая это учрежденіе безнравственнымъ. Прочитывается марекграфскій декретъ, направленный противъ „возрастающей безнравственности въ странѣ“ и объявляющій, что всякое появленіе незаконнорожденнаго ребенка будетъ считаться преступленіемъ и наказываться смертью. Всѣ съ ужасомъ выслушиваютъ чтеніе декрета, и возмущены несправедливымъ обвиненіемъ въ безнравственности. Особенно сильно возмущена Лизбета, которая, не стѣсняясь, высказываетъ свое мнѣніе и осыпаетъ дерзостями растерявшихся придворныхъ, членовъ комиссіи. Они велютъ солдатамъ схватить ее и гроютъ жестокой расправой. Гансъ за нее заступается, но тогда его арестуютъ. Несмотря на сопротивленіе Лизбеты, Ганса уводятъ, причемъ пасторъ успокоиваетъ молодую женщину тѣмъ, что самъ тоже идетъ къ марекграфу, чтобы выхлопотать помилованіе Ганса.

Появленіе Ганса въ замкѣ марекграфа придаетъ дѣлу совершенно новый оборотъ; въ лицѣ его деревня торжествуетъ надъ дворомъ. Марекграфъ въ очень дурномъ настроеніи духа, преслѣдуетъ всякую улыбку на лицѣ придворныхъ, злобно устроиваетъ имъ всякія непріятности, чтобы не видѣть вокругъ себя довольныхъ лицъ. Единственнаго придворнаго, который не сумѣлъ побѣдить свою придворную веселость, онъ увольняетъ. Весь дворъ состоитъ изъ скучающихъ людей, которые говорятъ лицемѣрныя вѣжливыя фразы, томятся и стараются втайнѣ нарушить строгость придворныхъ правилъ. Марекграфъ постоянно совѣтуется со своимъ врачомъ, язвить его за неузнѣнье поправить его здоровье, и хотя совершенно не вѣритъ въ его

лекарства, однако принимает ихъ, ворча на ихъ дороговизну. Ганса онъ, въ наказаніе за всё его проступки, велѣлъ забрать въ солдаты и помѣстилъ его въ придворную стражу. Онъ этимъ, будто бы, оказываетъ честь мужику, но въ дѣйствительности дѣлаетъ это изъ злорады, чтобы лишить молодого, влюбленнаго въ свою подругу солдата семейныхъ радостей,—такъ какъ не можетъ простить Гансу того, что у него есть сынъ. Гансъ просить, чтобы его избавили отъ чести быть въ замковомъ караулѣ и отправили бы куда-нибудь подальше, такъ какъ придворные солдаты не имѣютъ права жениться, а другимъ это право предоставляется. Маркграфъ на это не соглашается, и лицемерно говоритъ о томъ, что для Ганса полезнѣе состоять въ придворномъ караулѣ, въ которомъ онъ окруженъ стариками, заботящимися о его нравственной чистотѣ. Простыя, искреннія слова Ганса, который открыто говоритъ о своей любви къ Лизбетѣ, о привязанности къ ребенку и къ деревнѣ, ярко отбѣляютъ лицемеріе придворныхъ, будто бы порицающихъ его во имя святости и чистоты. Маркграфъ, однако, настаиваетъ на томъ, чтобы Гансъ остался во дворцѣ, и поручаетъ ему стражу у дверей маркграфини, которая должна остаться одна, въ виду отъѣзда ея супруга со свитой на охоту. Очень комична сцена разставанія маркграфа съ молодой женой, его изысканная учтивость съ нею и притворная влюбленность. Онъ уѣзжаетъ, сопутствуемый ея сожалѣніями, выраженными въ церемонныхъ французскихъ фразахъ, и молодая маркграфиня остается одна—къ своему великому удовольствію. Она молода, жизнерадостна и очень скучаетъ въ обществѣ своего унылаго мужа. Послѣ его отъѣзда, она тормозитъ свою церемонную старую придворную даму, возится съ ребенкомъ кастелянши, жалуется на судьбу, не давшую ей своего ребенка, и мечтаетъ о томъ, чтобы тѣмъ-нибудь развлечься. Къ ней являются съ выраженіями почтенія оставленные маркграфомъ въ замкѣ придворные, является придворный поэтъ, который читаетъ ей строфы, обращенныя къ несуществующей возлюбленной,—но все это еще болѣе увеличиваетъ ея скуку. Узнавъ о необыкновенномъ солдатѣ, попавшемъ въ дворцовый караулъ, она призываетъ Ганса. Онъ ей нравится своей простотой, своими разсказами о любви къ Лизбетѣ, и она видитъ много общаго между собою и имъ: „Мы оба съ тобой единственные молодые люди здѣсь“,—говоритъ она ему, и онъ соглашается съ ней, говорить, что сразу почувствовалъ къ ней симпатію, и проситъ ее заступиться за него. Графиня очень романтична; ее всегда привлекали сказки о принцессѣ и влюбленномъ пастушкѣ, и ей хотѣлось бы видѣть Ганса въ этой роли. Фельдфебель предупреждаетъ маркграфиню, что нужно зорко наблюдать за молодымъ солдатомъ,

чтобы онъ не дезертировалъ,—и маркиграфиня говоритъ, что сама будетъ объ этомъ заботиться и держать молодого солдата на заперѣ.

На дружеской бесѣдѣ маркиграфини съ Гансомъ обрывается третье дѣйствіе. Последнее дѣйствіе разыгрывается много мѣсяцевъ спустя въ „Долинѣ жизни“, гдѣ все взволновано радостнымъ событіемъ: у маркиграфа родился сынъ, и по этому случаю отивняются всякіе „комитеты нравственности“, потому что воспрянувшій духомъ маркиграфъ уже хочетъ видѣть вокругъ себя только радость и веселье. Вызванная обстоятельствами святость исчезаетъ съ переменной обстоятельствъ, и для новаго настроенія маркиграфа выдумывается новая мораль—уже совершенно иного характера. Этимъ подтверждается лицемеріе всякой придуманной нравственности. Въ деревнѣ печальна только Лизбета, такъ какъ ея Гансъ пропалъ съ того времени, какъ былъ въ замкѣ. Въ ту ночь раздался выстрѣлъ въ замкѣ, и всѣ думаютъ, что Гансъ былъ убитъ стражей за попытку дезертировать. Но эти печальныя предположенія не оправдываются. Гансъ появляется самъ, говоритъ Лизбетѣ, что онъ дѣйствительно дезертировалъ, что ему удалось перебраться черезъ границу въ Пруссію, и что онъ теперь пришелъ тайкомъ, чтобы забрать съ собой Лизбету. Ему, однако, не удается уйти незамѣченнымъ, такъ какъ почти одновременно съ нимъ въ деревню является маркиграфъ. Гансъ пораженъ извѣстіемъ о рожденіи сына у маркиграфа, и очень уклончиво отвѣчаетъ Лизбетѣ на ея вопросы о томъ, былъ ли онъ ей вѣренъ; онъ даже сознается, что однажды нарушилъ вѣрность—но не совсѣмъ по своей винѣ. При видѣ маркиграфа Гансъ тотчасъ же поднимается на пригорокъ, на которомъ начинается прусская граница, и оттуда смѣло говоритъ съ маркиграфомъ, отказывается вернуться на его службу и вообще повиноваться его приказаніямъ. Милостиво расположенный маркиграфъ подзываетъ его къ себѣ, общая въ присутствіи пастора простить его вину, и говоритъ ему о рожденіи у него сына, требуя, чтобы Гансъ радовался этому. Маркиграфъ объявляетъ также всей деревнѣ, что возвращаетъ ей ея прежнія права и привилегіи, и совѣтуетъ всѣмъ предаваться радости, какъ предается ей онъ самъ. „У насъ всѣхъ должна быть общая радость, у васъ и у меня. Я вскормленъ тѣмъ же молокомъ, какъ и вы, самые здоровые и сильные изъ моихъ подданныхъ. Быть можетъ, даже у меня не родился бы такой великолѣпный и сильный сынъ, еслибы не существовало „деревни кормилицъ“; на это Гансъ очень убѣжденно отвѣчаетъ: „навѣрное не родился бы“. Оказывается, что маркиграфъ прибылъ въ деревню съ довольно неожиданной послѣ его декрета цѣлью—нанять кормилицу для своего сына; и опять-таки вопреки декрету, выборъ кормилицъ оказывается довольно большой, хотя браковъ было заключено мало, въ виду еще болѣе понизившагося

заработка. Маркграфъ на радостяхъ прощаетъ своимъ подданнымъ ихъ „безнравственность“, и принимаетъ участіе въ танцахъ и играхъ, устроенныхъ, чтобы отпраздновать радостное событіе.

„Долина живни“ спасла маркграфство отъ перехода къ Пруссіи и отъ господства лицемерія при дворѣ и во всей странѣ, т.-е., другими словами, законъ жизни восторжествовалъ вопреки декретамъ и постановленіямъ придуманной нравственности, а лицемеріе наказано тѣмъ, что само становится жертвой обмана, оправдываемаго протестомъ живыхъ, жизнерадостныхъ чувствъ. Каррикатурный дворъ маркграфа изображенъ чрезвычайно остроумно, и въ изображеніи чисто анекдотическаго происшествія сквозитъ искренняя жизненная правда, благодаря которой пьеса не только забавляетъ остроуміемъ діалога, но и привлекаетъ своимъ внутреннимъ содержаніемъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюня 1908.

Двухсотлѣтіе Петербурга. — Петербургъ и Москва. — Странное ходатайство. — Что такое „моральная виновность“ печати?—Отголоски кишиневскихъ событій.—Свобода литературы и свобода печати.—Рѣшеніе сената и комментарий къ нему въ „Гражданинѣ“.— К. М. Станюковичъ †.

Торжественно отпраздновано двухсотлѣтіе Петербурга... Средоточіемъ праздника, какъ и слѣдовало ожидать, явилась память о великомъ основателѣ города. Прошло то время, когда слава Петра встрѣчала систематическое отрицаніе въ лагерѣ славянофиловъ. Ихъ „эпигоны“, только въ немногомъ оставшіеся вѣрными старой своей доктринѣ, преклоняются теперь передъ Петромъ, видя въ немъ, впрочемъ, не столько преобразователя Россіи, передвинувшаго ее съ Востока на Западъ, сколько олицетвореніе ихъ кумира—сильной власти или властной силы. Иначе, чѣмъ прежде, относятся къ Петру и преемники „западниковъ“. Восторгъ уступилъ мѣсто критикѣ, одинаково зорко всматривающейся въ обѣ стороны медали. И ту, и другую нетрудно подмѣтить и въ самомъ основаніи Петербурга. Обратная сторона—это та масса горя и лишеній, которую вынесли собранные тогда со всѣхъ концовъ государства подневольные строители новой столицы; лицевая сторона—это тотъ свѣтъ, который пролило на Россію „окно въ Европу“. Не всѣмъ, однако, приятенъ свѣтъ, вмѣстѣ съ которымъ приходитъ и свѣжій воздухъ. Почти наканунѣ юбилейныхъ празднествъ въ печати ¹⁾ слышались сѣтованія на то, что именно въ Петербургѣ, у окна, особенно трудно устранить „сквозной вѣтеръ“, несущійся изъ странъ „вѣчной непогоды“. „Европейскимъ сквознякомъ“—воскликали наши доморощенные Іереміи — „Петербургъ продувается непоправимо, какъ плохо построенное зданіе на неподходяще выбранномъ мѣстѣ“. Предубѣжденіе противъ Петрова града оказывается, такимъ образомъ, какъ будто болѣе живучимъ, чѣмъ предубѣжденіе противъ Петра—но на самомъ дѣлѣ одно неотдѣлимо отъ другого. Кто замышлялъ, во второй четверти XVIII-го вѣка, возвращеніе столицы въ Москву? Тѣ самые вельможные приверженцы старины, которые не могли и не хотѣли примириться съ завѣтами

¹⁾ См. №№ 103 и 100 „Московскихъ Вѣдомостей“.

Петровскаго времени. Чтò поддерживало въ барскихъ кружкахъ Москвы, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, глухое недовольство Петербургомъ? Нерасположеніе къ реформамъ Екатерины II-ой и Александра I-го. Кто, двадцать лѣтъ тому назадъ, написалъ на своемъ знамени: *домой, въ Москву?* Послѣдній представитель стараго славянофильства, П. С. Аксаковъ. И теперь за главенство Москвы стоятъ въ особенности тѣ, чью духовную родину слѣдуетъ искать по ту сторону нашей азиатской границы. „Съ тѣхъ поръ“—говоритъ одинъ изъ нихъ—„какъ рядомъ съ Москвой возникъ на Невѣ новый государственный центръ, Россія живетъ какою-то двойственною жизнью, московскою и петербургскою, причемъ преобладаетъ то одна, то другая, а иногда та и другая текутъ параллельно, переплетаясь между собой, парализуя другъ друга и нарушая этимъ правильное развитіе нашего государственнаго организма... Московское вліяніе на жизнь Россіи чувствуется на каждомъ шагу, все крѣпнеть и растетъ. Но тѣмъ сильнѣе борется съ нимъ вліяніе Петербурга. По всѣмъ жизненнымъ вопросамъ Россіи образовались у насъ два враждебные лагеря: національный московскій и космополитическій петербургскій. Гармонія между Москвой и Петербургомъ, какъ между сердцемъ и умомъ, признается невозможной; о какихъ-либо компромиссахъ нельзя и думать. Остается только терпѣливо ждать того отдаленнаго, *а можетъ быть и близкою*, времени, когда въ Россіи сольются въ единый мощный организмъ и сердце, и умъ ея, и головой ея по стародавнему станеть первопрестольная Москва“...

Въ основаніи этихъ и имъ подобныхъ разсужденій лежитъ, очевидно, колоссальное недоразумѣніе, неумѣлая игра фактами и словами. Двойственность, составляющая, будто бы, отличительную черту русской жизни и приписываемая существованію двухъ противоположныхъ и равносильныхъ вліяній—московскаго и петербургскаго,—есть, въ сущности, не чтò иное, какъ вездѣ (въ культурныхъ государствахъ) совершающаяся смѣна прогресса и регресса, акціи и реакціи. Эта смѣна всегда сопровождается колебаніями, борьбою. Побѣда одного начала надъ другимъ бываетъ болѣе или менѣе прочной, болѣе или менѣе полной; иногда одно изъ нихъ торжествуетъ на одномъ пунктѣ, другое, въ то же время—на другомъ; слагаются, видоизмѣняются, исчезаютъ самыя разнообразныя комбинаціи самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Приурочивать все это сложное движеніе къ какой-нибудь одной причинѣ, значить останавливаться на крайне поверхностномъ пониманіи историческаго процесса. Меньше всего такой причиной можетъ служить, въ обширной, централизованной странѣ, антагонизмъ двухъ родовъ. Болѣе чѣмъ сомнительна, притомъ, наличность у насъ въ Россіи, въ настоящее время, подобнаго антагонизма. Полтора столѣтія тому

назадъ торжество Москвы надъ Петербургомъ усилило бы, можетъ быть, шансы торжества до-Петровскихъ порядковъ—но теперь никакихъ серьезныхъ результатовъ отъ перенесенія столицы ожидать нельзя. Надежды, возлагаемыя на Москву газетными реакціонерами и обскурантами, совершенно тщетны. Глубокое духовное различіе между Москвою и Петербургомъ существуетъ только въ ихъ воображеніи. Жизнь создаетъ новые запросы, не приурочивая ихъ къ географическимъ единицамъ—и не въ связи съ послѣдними находится устойчивость старины. Вездѣ чувствуется потребность движенія—и вездѣ она встрѣчаетъ противоѣдствіе въ инерціи и привычкѣ. Съ этой точки зрѣнія есть, конечно, разница между городомъ и деревней, да и между крупнымъ городомъ и мелкимъ; но Москва-то во всякомъ случаѣ давно перестала быть „большой деревней“ и даже провинціальнымъ городомъ. Превжнія антитезы, излюбленныя авторами параллелей между Петербургомъ и Москвою, потеряли свою силу. Все, что волнуетъ и занимаетъ Петербургъ, отзывается и на Москвѣ—и наоборотъ. Рушились перегородки, за которыми, какъ за китайской стѣной, вели обособленную жизнь тѣ или другіе сословные уголки Москвы; нѣтъ больше ни специфически-московскаго барства, изображеннаго Грибодовымъ, ни замоскворѣцкаго купечества, списаннаго съ натуры Островскимъ. На сцену выступили новыя силы, не приуроченныя къ той или другой мѣстности. Какъ и превжнія, уцѣлѣвшія рядомъ съ ними; эти силы распределены на поверхности Россіи неравномѣрно; но колоритъ каждой изъ нихъ и принадлежащая ей роль въ общемъ и главномъ одинаковы вездѣ. Качественное сходство преобладаетъ надъ количественными различіями. Вопросу о томъ, останется ли столицей Петербургъ или сдѣлается ею Москва, мы не придаемъ, поѣтому, существеннаго значенія. Еще двадцать два года тому назадъ¹⁾, въ самый разгаръ агитации, поднятой И. С. Аксаковымъ, мы выразили убѣжденіе, что съ закрытіемъ „прорубленнаго окна“ примириться легко, разъ что настѣжь раскрыты двери. Возражая противъ предложенія, сдѣланнаго „Русью“ и поддержаннаго реакціонной печатью, мы уже тогда имѣли въ виду „не опасность предлагаемой мѣры, а безсиліе мысли, которое въ ней отразилось“. Немного хорошаго намъ казалось возможнымъ „ожидать отъ тѣхъ совѣтниковъ, которые думаютъ устранить дисгармонію пересадкой съ мѣста на мѣсто“. Дальше пріемовъ Крыловскаго „Квартета“ московскіе музыканты не пошли, какъ видно, и въ настоящее время.

Не пугаясь при мысли о возможномъ, хотя и мало вѣроятномъ перенесеніи столицы въ Москву, мы не раздѣляемъ тѣхъ преувели-

¹⁾ См. „Внутреннее Обзореніе“ въ № 4 „Вѣстника Европы“ за 1881 г.

ченныя ожиданія собственно отъ Петербурга, которыя родились на почвѣ юбилейнаго настроенія. Мы не видимъ причины восклицать, вмѣстѣ съ г. Розановымъ („Новое Время“, № 9768), что „Петербургъ—весь въ будущемъ“, что это „городъ неизмѣримо болѣе осмысленный, вѣковѣчный, провиденціальныи и небесный (!), нежели Москва“ ... Довольно и того, что у Петербурга есть свое прошедшее, что онъ сослужилъ, въ свое время, полезную и трудную службу. Дальнѣйшая судьба его, какъ столицы, неразрывно связана съ судьбой имперіи; а развитіе его, какъ города, зависитъ отъ того, что предстоитъ пережить русскому самоуправленію. Двухсотлѣтній юбилей совпалъ, въ этомъ отношеніи, съ критической эпохой—критической для всѣхъ русскихъ общественныхъ учрежденій вообще и для петербургскаго городского общественнаго управленія въ особенности. Городская дума, на долю которой выпало подготовить и провести юбилейныя торжества, должна была, собственно говоря, сойти со сцены и уступить мѣсто другой еще полтора года тому назадъ; при новыхъ выборахъ измѣнился бы, безъ сомнѣнія, и весь составъ управы... Но будемъ надѣяться, что первый годъ третьяго столѣтія принесетъ съ собою для Петербурга новое, болѣе нормальное городское устройство, съ значительно увеличеннымъ числомъ избирателей, съ значительно болѣею самостоятельностью—и что это устройство послужитъ первымъ шагомъ къ всеобщей городской реформѣ, неотложно необходимой.

Что органы самоуправления, даже оставляющіе желать весьма многого, даже пришедшіе въ временной упадокъ, сохраняютъ до извѣстной степени, способность оберегать ввѣренные имъ интересы, устранять слишкомъ безцеремонныя посягательства на достояніе представляемой ими общественной единицы—новымъ доказательствомъ этому служить постановленіе с.-петербургской городской думы, состоявшееся за нѣсколько дней до 16-го мая. Вопреки мнѣнію управы, дума, по большинству голосовъ (37 противъ 25), отклонила ходатайство русскаго собранія (учрежденнаго, года два тому назадъ, по инициативѣ гг. Сыромятникова, Величко, Комарова, кн. Голицына - Муравлина и др.) о безвозмездной уступкѣ, подъ постройку дома для собранія, участка городской земли. Можно только удивляться, какимъ образомъ подобное ходатайство могло возникнуть и даже найти поддержку въ городской управѣ. При той высокой цѣнности, которую имѣетъ теперь земля въ Петербургѣ, городскіе участки могутъ быть предоставляемы безвозмездно только такимъ учрежденіямъ, полезное значеніе которыхъ для городского населенія несомнѣнно доказано на опытѣ, если они, притомъ, не обладаютъ и не могутъ обладать средствами, достаточными для приобрѣтенія земли путемъ покупки. Русское собраніе даже въ самой малой мѣрѣ не удовлетворяетъ этимъ условіямъ. Его

многочисленные члены, образовавшие, путемъ складчины, капиталъ для постройки дома, легко могутъ добыть такимъ же путемъ и средства для покупки земли. Что касается до дѣятельности собранія, то, не входя въ ея оцѣнку, достаточно замѣтить, что она выразилась до сихъ поръ исключительно въ устройствѣ, для членовъ собранія и ихъ гостей, литературныхъ чтеній и музыкальныхъ вечеровъ, едва ли дающихъ право на щедрую помощь города.

Говоря въ предыдущей „Общественной Хроникѣ“ о кишиневскомъ погромѣ, мы упомянули о широко-распространенномъ мнѣннн, усматривающемъ одну изъ главныхъ причинъ погрома въ юдофобской агитаціи нѣсколькихъ газетъ, въ особенности „Бессарабца“ (рука объ руку съ которымъ идетъ редактируемая тѣмъ же лицомъ петербургская газета „Знамя“). Это мнѣніе показалось намъ въ значительной степени преувеличеннымъ. „Непосредственнаго воздѣйствія на толпу“ — замѣтили мы, развивая нашу мысль, — „печать, несомнѣнно, не производитъ и о такъ-называемой *моральной виновности* ея въ погромахъ, какъ и въ другихъ массовыхъ преступленіяхъ, не можетъ быть и рѣчи“. Мы допускали только одно: что не безъ вліянія печати слагается умственная атмосфера, принадлежащая къ числу важнѣйшихъ факторовъ народной жизни. Вездѣ и всегда существуютъ зачатки нерасположенія къ *чужому*, питающіеся всѣмъ тѣмъ, что подчеркиваетъ національный или религіозный антагонизмъ. Съ этой точки зрѣнія, газетный антисемитизмъ могъ послужить однимъ изъ источниковъ *настроенія*, на почвѣ котораго возникаютъ погромы.

Съ выраженнымъ нами взглядомъ не соглашается газета „Восходъ“ (№ 19), утверждая, что изъ числа газетъ, систематически враждебныхъ евреямъ, по меньшей мѣрѣ одна — „Бессарабецъ“ — имѣла „непосредственное воздѣйствіе“ на толпу. „Бессарабецъ“ — единственное періодическое изданіе, выходящее въ Кишиневѣ: онъ выписывался въ харчевняхъ, чайныхъ, народныхъ читальняхъ, и имѣлъ распространеніе среди того класса, который въ столицахъ читаетъ изданія мелкой, такъ-называемой уличной прессы. Но если непосредственное воздѣйствіе газеты на толпу и не было значительно, то это, по мнѣнію „Восхода“, отнюдь не исключаетъ ея моральной виновности. Развращающему вліянію „Бессарабца“ подчиняются мало-культурная буржуазія и мелкое провинціальное чиновничество — а ихъ настроеніе передается ниже, въ народную массу. Въ своемъ ограниченномъ районѣ „Бессарабецъ“ доводилъ до крайностей и до каррикатурныхъ преувеличеній тѣ способы безчестнаго обращенія съ печатнымъ словомъ, которые съ давнихъ временъ культивировались въ нашей реак-

ціонной печати и были въ новѣйшее время усовершенствованы до цинизма въ „Новомъ Времени“.

Такова, въ главныхъ чертахъ, аргументація „Восхода“. Пока идетъ рѣчь объ осужденіи приемовъ и тенденцій юдофобской печати, до тѣхъ поръ между нами и почтенной газетой нѣтъ разногласія: наше отношеніе къ травлѣ инновѣрцевъ и инородцевъ, къ узкому націонализму и конфессіонализму, хорошо извѣстно читателямъ „Вѣстника Европы“. Спорнымъ пунктомъ является только вопросъ о „моральной виновности“ печати, о „непосредственномъ воздѣйствіи“ мнѣній, проводимыхъ въ газетахъ и журналахъ. Установимъ, прежде всего, истинный смыслъ выраженія: *моральная виновность*, не случайно, въ прошлый разъ, поставленнаго нами въ кавычки. Употребляя его, мы вспомнили пресловутую „*complicité morale*“ (моральное сообщничество), которую французская прокуратура, въ эпоху политическихъ процессовъ, столь частыхъ при Людовикѣ-Филиппѣ, избрѣла съ цѣлью обостренія отвѣтственности оппозиціонныхъ органовъ печати. Обвинительному усердію казалось мало подвести ту или другую газетную статью подъ дѣйствіе закона, предусматривающаго тотъ или другой проступокъ печати. Являлось желаніе доказать, что слово, при извѣстныхъ условіяхъ, равносильно дѣйствію, запрещенному общимъ уголовнымъ законодательствомъ, и одинаково съ нимъ должно подвергаться виновнаго общей уголовной карѣ. И эта теорія примѣнялась не только къ тѣмъ случаямъ, когда былъ на лицо прямой призывъ, путемъ печати, къ совершенію опредѣленнаго преступленія (призывъ, могущій считаться однимъ изъ видовъ подстрекательства): она распространялась на возбужденіе *настроенія*, отъ котораго уже недалеко до преступнаго замысла. Болѣе чѣмъ гдѣ-либо подобный взглядъ опасенъ именно у насъ. Почва для его воспріятія давно уже подготовлена нашими газетными реакціонерами — а примѣненіе его до крайности упрощено тѣмъ, что печать подчинена у насъ не суду, а административной власти. Суду, даже не чуждому пристрастія, не легко перешагнуть черезъ мостъ, ведущій отъ моральной виновности къ юридической; для администраціи это не представляетъ ни малѣйшихъ затрудненій. Кто дорожить правами печати, кто опасается усиленія гнета, безъ того уже тяготящаго надъ нею въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, тотъ обязанъ, по нашему глубокому убѣжденію, противодействовать укорененію взгляда, безъ того уже находящаго слишкомъ много точекъ опоры на русской почвѣ. Мы охотно вѣримъ, что ни „Восходъ“, ни какая бы то ни было другая изъ газетъ, въ данномъ случаѣ съ нимъ солидарныхъ, не имѣли въ виду апеллировать къ власти, не желали административныхъ каръ для „Бессарабца“ или какаго-либо другого періодическаго изданія; мы вѣримъ, что ихъ единственною

цѣлью было заклеить презрѣніемъ, вполнѣ заслуженнымъ, систематическихъ сѣателей дурного, злобнаго чувства. Этимъ не устраняется, однако, возможность перетолкованій. Если печать — такъ, пожалуй, стануть разсуждать газетные обскуранты,—способна, въ одномъ случаѣ, произвести непосредственное воздѣйствіе на толпу, если дѣятели печати могутъ, въ одномъ случаѣ, оказаться „моральными виновниками“ преступленія, то не ясно ли, что то же самое примѣнимо и къ цѣлому ряду другихъ случаевъ? Не ясно ли, что столь зловредная сила подлежитъ не только бдительнѣйшему надзору, но и самому крутому обузданію? Не ясно ли, что никуда не годится одинъ изъ главныхъ доводовъ, приводимыхъ обыкновенно въ защиту свободы печати—доводъ, въ силу котораго она только *выражаетъ*, а не *возбуждаетъ* общественныя теченія?.. Мы понимаемъ, что въ единовѣрцахъ кишиневскихъ жертвъ негодование взяло верхъ надъ всѣми другими соображеніями; но, раздѣляя ихъ гнѣвную скорбь, мы не могли ни на минуту забыть о томъ, чего требуетъ отъ печати охрана, въ настоящемъ и будущемъ, ея собственной свободы... Не слѣдуетъ, съ другой стороны, упускать изъ виду, что черезчуръ усердное подчеркиванье отвѣтственности, падающей на юдофобскую печать, отодвигаетъ на задній планъ другія, болѣе глубокія причины прискорбныхъ явленій. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ газетный антисемитизмъ находился еще въ зачаточномъ состояніи—и тѣмъ не менѣе это была эпоха усиленныхъ, много разъ повторявшихся еврейскихъ погромовъ.

До крайности некрасивую картину представляетъ собою отношеніе нѣкоторыхъ органовъ нашей печати къ отголоскамъ кишиневскихъ событій. Не говоримъ уже о безобразныхъ выходкахъ „Бессарабца“, возлагающаго всю отвѣтственность за погромъ на самихъ евреевъ и предлагающаго радикальный способъ разрѣшенія еврейскаго вопроса: удаленіе изъ Россіи всѣхъ евреевъ, которые въ теченіе *одного года* (!) не обратятся въ христіанство. Слишкомъ уже низменнымъ, слишкомъ мало вліятельнымъ является этотъ источникъ нелѣпыхъ обвиненій и еще болѣе нелѣпыхъ предложеній: свое опроверженіе они носятъ, если можно такъ выразиться, въ самихъ себѣ. Слишкомъ ясна и несостоятельность попытки доказать достовѣрность сообщеній „Бессарабца“... его подцензурностью. Эту попытку дѣлаетъ „Новое Время“, „утверждая“, что въ статьѣ „Бессарабца“ „очевидно не можетъ быть очевидной неправды“, такъ какъ она вышла въ свѣтъ съ дозволенія мѣстной газетной администраціи. Повѣрять фактическую точность извѣстій, предназначаемыхъ для печати, цензура вовсе не обязана, да и не имѣетъ для того никакихъ средствъ. Вполнѣ возможно, притомъ, и пристрастіе со стороны цензирующей власти, въ особенности если обвиненіе, всею тяжестью своею обрушивающееся на неполно-

правную часть населенія, является, до извѣстной степени, оправданіемъ административныхъ дѣйствій—или административнаго бездѣйствія... Болѣе чѣмъ странно, дажѣ, удивленіе, выражаемое той же газетой по поводу намѣренія потерпѣвшихъ предъявить искъ къ должностнымъ лицамъ, которымъ приписывается допущеніе погрома. Сообщая, „будто нѣсколько присяжныхъ повѣренныхъ, одинъ съ русской фамиліей даже, прибыли съ этою цѣлью въ Кишиневъ, „Новое Время“ находитъ, повидимому, что о такихъ искахъ не должно быть и рѣчи и что во всякомъ случаѣ за нихъ не слѣдуетъ браться русскимъ по происхожденію адвокатамъ. Мы думаемъ, наоборотъ, что стороны разоренныхъ погромомъ вполне естественно желаніе привлечь къ отвѣтственности тѣхъ, кого они считаютъ косвенными виновниками своего разоренія—и что въ достиженіи, законными способами, законной цѣли имъ можетъ, съ спокойною совѣстью, помочь всякій, для кого дорого правосудіе. Подобно тому, какъ администрація должна охранять безопасность *всѣхъ* гражданъ, независимо отъ ихъ національности и вѣры,—присяжный повѣренный въ правѣ оказывать поддержку *справедливымъ* требованіямъ, отъ кого бы они ни исходили и къ кому бы ни обращались.

Какихъ блестящихъ результатовъ, въ дѣлѣ охраненія порядка, можетъ достигнуть разумная энергія, даже при самыхъ небольшихъ средствахъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ корреспонденція изъ Килии (бессарабской губерніи), помѣщенная въ № 116 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Подъ вліяніемъ вѣстей изъ Кишинева, часть христіанскаго населенія Килии (въ числѣ 13 тысячъ жителей этого города насчитывается 5 тысячъ евреевъ) стала поговаривать о необходимости „немножко избить евреевъ“. Этому рѣшился помѣшать мѣстный становой приставъ, г. Вржежевскій, хотя въ распоряженіи его имѣлось всего 12 конныхъ городовыхъ. Вечеромъ 14-го апрѣля толпа старообрядцевъ двинулась изъ предмѣстья въ городъ, имѣя во главѣ содержателя кабака. Предводитель толпы кричалъ: „жида мое дитя задушили“. На встрѣчу толпѣ прискакалъ приставъ, съ своимъ отрядомъ, и убѣдилъ ее войти въ ближайшій домъ и рассказать, въ чемъ дѣло. Кабатчикъ показалъ приставу трупъ своей трехлѣтней дочери. Внимательно осмотрѣвъ трупъ, г. Вржежевскій не нашелъ никакихъ признаковъ насилія и заявилъ, что для точнаго опредѣленія причины смерти трупъ будетъ вскрытъ врачомъ; противъ этого возстала толпа, грози, въ случаѣ вскрытія, разгромомъ всѣхъ евреевъ. Приставъ вынужденъ былъ уступить. Въ похоронной процессіи, состоявшейся на другой день, участвовало все населеніе предмѣстья (числомъ болѣе тысячи душъ), произнося угрожающіе возгласы противъ евреевъ. Усилиямъ г. Вржежевскаго, къ 12 городовымъ котораго

присоединилось еще 8 солдатъ, удалось, однако, поддержать порядокъ. Въ теченіе слѣдующей ночи въ предмѣстьѣ долго горѣли огни, сдѣлана была попытка звонить въ набатъ; евреи массами искали убѣжища въ домахъ христіанъ. Убѣдясь, что г. Вржежевскій и его команда бодрствуютъ и готовы воспротивиться насилию, жители предмѣстья наконецъ успокоились. 16-го апрѣля по городу постоянно двигались разѣзды, и 17-го все вошло въ обычную колею. Замѣчается только большая неувѣренность въ будущемъ. Не пострадалъ, такимъ образомъ, никто, ни съ той, ни съ другой стороны. Трудно сомнѣваться въ томъ, что столь же успѣшно, своевременными, мирными распоряженіями, опасность могла быть устранена и въ Кишиневѣ.

„Свобода печати не значить ли отрѣшенность газеты отъ предначертаній правительства и неподчиненіе ея министерскимъ внушеніямъ, диктуемымъ государственною необходимостью и общественной безопасностью?“ Эти слова, сказанныя довольно извѣстнымъ беллетристомъ въ мало распространенномъ періодическомъ изданіи („Ежемесячныя Сочиненія“), попались намъ на глаза въ письмѣ ¹⁾, въ которомъ ихъ авторъ старается разсвѣять недоумѣнія, вызванныя ими среди „братъевъ-писателей“. Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на то, что имѣлъ въ виду только періодическую печать, а отнюдь не литературу, которая „всегда была абсолютно свободна“, даже при императорѣ Николаѣ I-мъ. Періодическая печать — читаемъ мы дальше — „состоитъ, по самой сущности своей, на государственной и общественной службѣ, и освободить ее отъ этой службы — значить уничтожить печать. То, что понимаетъ печать подъ свободой печати, есть только литературная свобода. Въ интересахъ же печати, напротивъ, лежитъ возможно бѣльшій захватъ службы на государственномъ и общественномъ поприщѣ: отсюда гласность. Въ то время, какъ литература свободна и не обязана быть обличительной, печать должна носить боевой характеръ. При отсутствіи представительства повседневная политическая печать замѣняетъ у насъ представительство... Конечно, печать несетъ службу пока въ слабой степени. Расширеніе функций печати въ этомъ направленіи всецѣло зависитъ отъ правительства. Итакъ, то, что я не называю свободой печати, но что, можетъ быть, свободой печати кажется другимъ — ея служебная миссія — тѣсно связана съ предначертаніями правительства, которое я разсматриваю не подъ какимъ-нибудь злободневнымъ угломъ зрѣнія,

¹⁾ См. № 114 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

а объективно, какъ разсматриваетъ его юридическая наука, и, слѣдовательно, въ идеальномъ освѣщеніи“.

Какой смыслъ имѣли слова, послужившія поводомъ къ нареканіямъ противъ автора—этого мы рѣшить не беремся, такъ какъ не имѣемъ подъ рукой изданія, гдѣ они были сказаны. Мы коснемся, поэтому, только тѣхъ взглядовъ, которые выражены въ выше приведенномъ письмѣ. Теоретически ошибочной и практически опасной кажется намъ, прежде всего, попытка провести демаркаціонную черту между свободой литературы и свободой періодической печати. Какъ составная часть литературы, періодическая печать подчиняется одинаковымъ съ нею вліяніямъ и условіямъ, лишь нѣсколько больше испытывая на себѣ ихъ тяжесть. Когда несвободна періодическая печать, не бываютъ свободны и другіе отдѣлы литературы. *Абсолютно свободной* послѣдняя не можетъ быть названа, собственно говоря, нигдѣ—и меньше всего, конечно, этотъ эпитетъ приложимъ къ русской литературѣ второй четверти XIX-го вѣка. Кому неизвѣстно, въ самомъ дѣлѣ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не допускалось новое изданіе не только „Записокъ Охотника“, но даже сочиненій Гоголя? Кому неизвѣстно, что не только на сценѣ, но и въ печати „Горе отъ ума“ долго могло появляться не иначе, какъ въ значительно искаженномъ видѣ? Кому неизвѣстно, что причиной ссылки Салтыкова послужила повѣсть, которая не перестала же принадлежать къ литературѣ только потому, что была напечатана въ журналѣ? Если подъ флагомъ беллетристики могли иногда высказываться мысли, для которыхъ была безусловно недоступна публицистическая форма, то это объясняется исключительно тѣмъ, что въ романѣ или повѣсти онѣ легче могли ускользнуть отъ стойкаго надзора. Когда цензурныя строгости, въ концѣ сороковыхъ годовъ, достигли своего апогея, онѣ отразились и на изящной литературѣ; достаточно вспомнить, что въ это время заподозрѣна была даже благонамѣренность Островскаго. Да и впоследствии, при гораздо лучшихъ условіяхъ, развѣ не было случаевъ запрещенія или уничтоженія беллетристическихъ произведеній? Развѣ противъ одной періодической печати былъ направленъ законъ 1872-го года, замѣнившій, для журналовъ и книгъ, судебное разбирательство—административной расправой? Развѣ судьбу беллетристики, въ этомъ отношеніи, не раздѣляла и не раздѣляетъ наука? И развѣ не было аналогичныхъ явленій въ исторіи другихъ государствъ, когда они не пользовались свободой печати или пользовались ею въ ограниченной мѣрѣ? Развѣ Беранже, при Карлѣ X-мъ, не сидѣлъ въ тюрьмѣ за свои пѣсни; развѣ Прудонъ и Ваперо, въ эпоху второй имперіи, не были присуждены къ лишенію свободы за обширные философскіе трактаты?.. Свобода печати, понимаемая въ ши-

рокомъ смыслѣ — синонимъ свободы литературы, свободы науки, свободы слова.

Литература, говорятъ намъ, не обязана быть обличительной. Конечно—но не обязана быть обличительной и періодическая печать: она можетъ задаваться и другими, самыми разнообразными цѣлями—и наоборотъ, боевой характеръ можетъ носить, наравнѣ съ періодической печатью и литература. Допустимъ, однако, что этотъ характеръ преимущественно свойственъ періодической печати; слѣдуетъ ли отсюда, что она „состоитъ на государственной службѣ“, что ея „служебная миссія тѣсно связана съ предначертаніями правительства“? Не смѣшивается ли здѣсь понятіе о службѣ, неизбѣжно предполагающее въ некоторую связанность и подчиненность, съ понятіемъ о служеніи высшимъ цѣлямъ государства—служеніи, къ которому печать призвана наравнѣ со всѣми живыми силами общества и народа? Такое служеніе можетъ быть плодотворно именно и только въ той мѣрѣ, въ какой оно свободно. Только свободой обеспечивается его искренность, а слѣдовательно и его сила. Задачи печати не только не совпадаютъ съ служебнымъ долгомъ: онѣ во многомъ ему противоположны. Служебный долгъ требуетъ повиновенія, хотя бы предписаніе и шло въ разрѣзъ съ убѣжденіемъ служащаго; для печати, достойной своего призванія, обязательно только собственное убѣжденіе, хотя бы оно и шло въ разрѣзъ съ намѣреніями администраціи. Только независимая печать можетъ оказаться на высотѣ своего служенія, только она, во многихъ случаяхъ, можетъ пролить свѣтъ на всѣ стороны вопроса, предупредить ошибку или проложить путь къ ея исправленію. „Возможно большій захватъ службы на государственномъ поприщѣ“, если онъ не идетъ рука объ руку съ увеличеніемъ свободы, грозитъ измельчаніемъ задачъ, паденіемъ достоинства печати... Насколько печать замѣняетъ и можетъ замѣнять отсутствующее у насъ представительство—этого вопроса мы касаться не будемъ; замѣтимъ только, что чѣмъ меньше точекъ опоры печать находитъ въ учрежденіяхъ, тѣмъ ревнивѣе она должна оберегать свою нравственную независимость, съ которою едва ли совмѣстимо отправление службы.

„Нѣтъ, недовольны мы сенатомъ“,—таковъ, уже довольно давно, обычный пригвѣвъ реакціонной печати. Не одобрила она отношенія сената къ реприманду, слѣланному чернскимъ уѣзднымъ предводителемъ одному изъ земскихъ начальниковъ этого уѣзда ¹⁾, не одобрила

¹⁾ См. „Обществ. Хроника“ въ № 5 „Вѣстника Европы“ за 1902 г.

рѣшенія по иску Давингофа къ с.-петербургскому градоначальнику¹⁾; не одобряетъ она теперь опредѣленія, состоявшагося по жалобѣ харьковскаго губернскаго земства на бывшаго харьковскаго губернатора. Содержаніе этой жалобы извѣстно нашимъ читателямъ²⁾. Въ рѣчи, произнесенной при открытіи послѣдняго очереднаго губернскаго собранія, бывший губернаторъ, подчеркнувъ разные недочеты земскаго хозяйства, выразился, между прочимъ, такъ: „я знаю много земствъ, но такихъ земскихъ учрежденій, какъ у васъ, я не видалъ“. Обсудивъ, по порученію собранія, эти слова, соединенныя комиссіи редакціонная и ревизионная, къ которымъ применили и председатели земскихъ управъ, нашли, что ни по буквѣ, ни по духу законовъ губернатору не предоставлено права высказывать огульное, въ оскорбительной формѣ, осужденіе дѣятельности земства. Заключеніе комиссіи было принято собраніемъ и послужило основой для жалобы, принесенной отъ его имени правительствующему сенату. Теперь мы узнаемъ изъ „Гражданина“ (№ 34), что сенатъ, оставивъ безъ послѣдствій ходатайство земства о привлеченіи губернатора къ отвѣтственности, тѣмъ не менѣе призналъ дѣйствіе губернатора неправильнымъ. „Такимъ образомъ“ — восклицаетъ, негодуя, кн. Мещерскій, — „устанавливается новый принципъ: отнынѣ губернаторъ лишается права высказывать свое порицаніе земскимъ дѣйствіямъ, явно предосудительнымъ и причиняющимъ вредъ населенію губерніи, иначе, какъ любезно“. Усматривая въ опредѣленіи сената не что иное, какъ „личную оцѣнку большинствомъ сенаторовъ даннаго присутствія степени рѣзкости губернаторскаго стиля“, авторъ „Дневника“ продолжаетъ: „еслибы губернаторъ позволилъ себѣ, подобно героямъ одной комедіи Островскаго, сказать: пошли вонъ, дураки! — я бы поваль въ вопросъ объ отвѣтственности губернатора, но чтобы неправильнымъ было дѣйствіе губернатора, когда онъ безобразіе земства назвалъ безобразіемъ, этого я понять не могу. Еслибы безобразными позволилъ себѣ назвать губернаторъ дѣйствія высшаго государственнаго учрежденія, понятна была бы за это отвѣтственность губернатора; но относительно земства губернаторъ не можетъ быть лишень права всякаго начальника — порицать его дѣйствіе въ разныхъ степеняхъ: слабо, сильно и очень сильно, ибо земство не можетъ не быть въ дисциплинарномъ отношеніи подчинено губернатору. Вѣдь каждый день министръ можетъ сказать директору департамента, что дѣйствіе департамента безобразно, и не думаю, чтобы сенатъ нашелъ это слово министра неправильнымъ“. Достойнымъ финаломъ этого разсужденія

¹⁾ См. „Обществ. Хронику“ въ № 3 „Вѣстника Европы“ за 1903 г.

²⁾ См. „Внутр. Обзор.“ въ № 2 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ, стр. 905—6.

служить привычное „Гражданину“ „чтеніе въ сердцахъ“, съ помощью котораго жалоба харьковскаго земства провозглашается „шиваной“ и попыткой „уронить губернаторскій престижъ“.

Въ этомъ новомъ походѣ противъ сената, какъ и въ прежнихъ, одинаково характерны невѣжество нападающаго и, выражаясь вѣжливо, невысокій нравственный уровень его воззрѣній. Только невѣжествомъ, въ самомъ дѣлѣ, можно объяснить увѣреніе, что губернаторъ—начальникъ земства, „подчиненнаго ему въ дисциплинарномъ отношеніи“. Припомнимъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о *земской управѣ*, личный составъ которой хотя и не состоитъ въ прямомъ подчиненіи губернатору, но до извѣстной степени отъ него іерархически зависить,—а о *земскомъ собраніи*, члены котораго администраціей не утверждаются, на государственной службѣ, въ качествѣ гласныхъ, не числятся и дисциплинарной отвѣтственности вовсе не подлежатъ. Никакихъ предписаній губернаторъ собранію давать не можетъ, никакихъ его постановленій собственною властью отмѣнить не въ правѣ; даже тѣ постановленія, которыя требуютъ, по закону, утвержденія губернатора, вносятся имъ, если онъ съ ними несогласенъ, на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, отъ котораго (или, при разногласіи между большинствомъ присутствія и губернаторомъ—отъ министра внутреннихъ дѣлъ) и зависить рѣшеніе дѣла. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ между губернаторомъ и земскимъ собраніемъ первый не въ правѣ выражать послѣднему порицанія, ни въ сильной, ни въ слабой степени, а можетъ только указывать ему, въ сдержанныхъ выраженіяхъ, на тѣ отрасли земскаго хозяйства, которыя требуютъ развитія, улучшенія или исправленія. Совершенно правильно, поэтому, харьковское губернское земское собраніе подчеркнуло, въ своей жалобѣ, съ одной стороны рѣзкость, оскорбительность формы, въ которую было облечено осужденіе земской дѣятельности, съ другой — *огульность* самаго осужденія, отсутствіе указаній на опредѣленные недостатки, устраненіемъ которыхъ могло бы озаботиться земство.

Степень тяжести оскорбленія зависитъ, какъ извѣстно, не только отъ его формы, но и отъ того, кому и при какихъ условіяхъ оно нанесено. „Гражданину“ не возбранено находить, что обидно только грубое ругательство („пошли вонъ, дураки“!) — но такой взглядъ не обязательенъ для тѣхъ, кто выше цѣнить и ревностнѣе охраняетъ свое личное достоинство. Большое значеніе имѣетъ, притомъ, торжественность и гласность обстановки, при которой были произнесены оскорбительныя слова. Меньше чѣмъ когда-либо низведеніе даннаго земства на низшую ступень среди знакомыхъ губернатору земскихъ учреждений было умѣстно въ публичной рѣчи при открытіи земскаго

собранія. Что слова губернатора не заключали въ себѣ обиды въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаетъ уложеніе о наказаніяхъ—это установлено сенатомъ, именно потому и отклонившимъ просьбу о привлеченіи губернатора къ уголовной отвѣтственности; но дѣяніе *не наказуемое* сплошь и рядомъ можетъ быть *неправильнымъ*, недопустимымъ въ особенности со стороны должностного лица, при исполненіи служебныхъ обязанностей. Правительствующій сенатъ, какъ верховное въ порядкѣ суда и *управленія* мѣсто имперіи, уполномоченъ разъяснять всѣмъ подчиненнымъ ему учреждениямъ и лицамъ сущность предоставленныхъ имъ правъ и лежащихъ на нихъ обязанностей—а, слѣдовательно, и ставить имъ на видъ, чего они должны избѣгать, въ какихъ предѣлахъ должны держаться. Мы рѣшаемся утверждать, что еслибы министр, публично, въ рѣчи, обращенной къ директору департамента, назвалъ *безобразною* всю дѣятельность департамента, то сенатъ не затруднился бы признать неправильность и нежелательность такого способа выраженій... Для „престижа“ администратіи гораздо опаснѣе нигдѣ не останавливаемая несдержанность, чѣмъ напоминовеніе о необходимости осторожнаго пользованія властью—осторожнаго не только въ дѣйствіи, но и въ словѣ.

Русская литература понесла большую потерю въ лицѣ К. М. Станюковича. Его здоровье давно уже было поколеблено постояннымъ трудомъ и тяжкими невзгодами, но онъ не переставалъ писать, и нѣкоторыя изъ послѣднихъ его произведеній (появившихся, болѣею частью, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“) отличались по истинѣ юношескою свѣжестью и бодростью. Широкой публикѣ онъ извѣстенъ въ особенности какъ авторъ „Морскихъ разсказовъ“¹⁾, художественныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ правдивыхъ, дающихъ блестящую, полную картину морского быта въ эпоху перехода отъ старыхъ, до-реформенныхъ порядковъ къ новымъ, болѣе гуманнымъ. Эту эпоху авторъ пережилъ самъ, служа морскимъ офицеромъ—и внесъ въ ея изображеніе всѣ лучшія силы своего таланта. Многіе изъ его морскихъ разсказовъ соединяютъ высокія литературныя достоинства съ доступностью для народа—и бывший петербургскій комитетъ грамотности былъ совершенно правъ, присудивъ К. М. Станюковичу, вслѣдъ за В. Г. Короленко, золотую медаль, которою награждались лучшія произведенія для народнаго чтенія. Большимъ успѣхомъ пользовались, въ свое время, и другія сочиненія К. М.—тенденціозные романы, фельетоны,

¹⁾ Изъ числа этихъ разсказовъ въ нашемъ журналѣ напечатаны „Василій Ивановичъ“ (1886 г., №№ 10 и 11) и „Мрачный штурманъ“ (1889, № 8); сверхъ того у насъ помѣщена повѣсть К. М. Станюковича: „Первые шаги“ (1891, №№ 1—4).

сатирическіе очерки. Теперь они почти забыты, но далеко не излишнимъ было бы воспроизведеніе всего того, что въ нихъ есть выдающагося, не приуроченнаго всецѣло къ „злобѣ дня“. Чрезвычайно интересна была бы также подробная біографія покойнаго, много испытавшаго, много претерпѣвшаго—и всегда остававшагося вѣрнымъ тому строю чувствъ и убѣжденій, который сложился въ немъ въ ранней молодости, въ первую, счастливую половину шестидесятыхъ годовъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ Совѣта Имп. Женскаго Патріотическаго Общества.

Съ соизволенія Августѣйшей Предсѣдательницы Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества предпринято изданіе открытыхъ писемъ съ художественнымъ воспроизведеніемъ:

1) *въ гелиогравирахъ (на мѣди)*: картинъ изъ коллекціи Императорскаго Эрмитажа и Русскаго Музея Императора Александра III, по цѣнѣ 2 рубля за каждую серію въ 20 разныхъ открытыхъ писемъ. 1-я, 2-я, 3-я и 4-я серія по 20 писемъ вышли;

2) *въ двойной фототипіи*: съ художеств. воспр. картинъ: Московской Городской Третьяковской Галлерей, по цѣнѣ 1 рубль за каждую серію въ 20 разныхъ открытыхъ писемъ. 1-я, 2-я, и 3-я серія по 20 писемъ вышли.

Адресная сторона всѣхъ открытыхъ писемъ снабжена штемпелемъ: „Въ пользу школъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества“.

Означенное изданіе, кромѣ цѣлей благотворительныхъ, стремится возможно широко распространить среди публики знакомство съ хранящимися въ вышеуказанныхъ хранилищахъ произведеніями искусства, недоступныхъ для большинства. Это изданіе, будучи предназначено для открытыхъ писемъ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду его особенно художественнаго исполненія, большой интересъ для знатоковъ художественныхъ воспроизведеній и для любителей искусства. Подъ каждою гелиогравюрою и двойной фототипіею помѣщено имя художника, названіе картины и наименованіе галлерей, а подъ воспроизведеніями картинъ Императорскаго Эрмитажа сверхъ сего—школа, къ которой принадлежалъ художникъ.

Открытыя письма продаются въ наиболѣе извѣстныхъ магазинахъ, или можно подписываться у Почетнаго Старшины Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества Фридриха Борисовича Бернштейна, С.-Петербургъ, Фонтанка 134; за пересылку взимается по 15 к. за 1 серію, а за 2 серіи 20 коп. и т. д.

Каталоги высылаются бесплатно.

II.—Шестой конкурсъ для соисканія преміи имени князя А. И. Васильчикова.

На основаніи §§ 11 и 13 Положенія о преміяхъ имени кн. А. И. Васильчикова, С.-Петербургское Отдѣленіе Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что для шестого конкурса на премію кн. А. И. Васильчикова въ 1500 р. предлагается на срокъ 27-го октября 1906 г. нижеслѣдующая тема:

Судьбы общиннаго землевладѣнія со времени отмены крѣпостного права.

Предлагая эту тему для соисканія преміи князя А. И. Васильчикова, С.-Петербургское Отдѣленіе Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ руководится убѣжденіемъ, что формы крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія имѣютъ громадное вліяніе на бытъ и благосостояніе крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на развитіе кредита и тѣхъ кооперативныхъ учреждений, заботиться о преуспѣяніи которыхъ составляетъ задачу Отдѣленія.

Нижеизложенными условіями отъ соискателей требуется не изслѣдованіе вопроса о происхожденіи русской сельской общины и о первоначальныхъ судьбахъ ея, не изученіе всѣхъ видовъ общиннаго владѣнія и пользованія землей, а лишь выясненіе обнаружившихся за послѣднія четыре десятилѣтія его выгодъ и невыгодъ для общинниковъ и для государства.

Сообразно съ этимъ будущій трудъ на тему долженъ заключать въ себѣ:

1. Обзоръ высказанныхъ до реформы 1861 года мнѣній за и противъ земельной общины съ точки зрѣнія выгодности ея для крестьянскаго и государственнаго благосостоянія, а также—выясненіе, какъ былъ поставленъ и рѣшенъ вопросъ объ общинѣ въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ и въ Положеніи 19 февраля 1861 года.

2. Изслѣдованіе: а) существеннѣйшихъ измѣненій въ законодательствѣ объ общинѣ и вліянія на нее этихъ измѣненій; б) степени жизненности общины, въ сравненіи съ другими формами землевладѣнія, при неблагоприятныхъ условіяхъ, особенно въ годы неурожаевъ и иныхъ общественныхъ бѣдствій и в) вліянія развитія желѣзнодорожной сѣти, крупной обрабатывающей промышленности и отхожихъ промысловъ на земельную общину въ мѣстностяхъ: черноземныхъ, и нечерноземныхъ, рѣдко и густо-населенныхъ.

3. Выясненіе вліянія Положенія о выкупѣ и особенно размѣра выкупныхъ платежей и прочихъ повинностей на общину.

4. Отвѣтъ на вопросъ: находятся ли въ неразрывной связи съ общинной формой землевладѣнія круговая порука въ исправной уплатѣ окладныхъ сборовъ и отбываніи повинностей, а также стѣсненія въ свободахъ передвиженія?

5. Выясненіе: а) выгоды и неудобствъ общиннаго землевладѣнія въ настоящемъ его видѣ, въ сравненіи съ подворно-наслѣдственнымъ и хуторскимъ при остальныхъ одинаковыхъ условіяхъ, б) средствъ къ устраненію неудобствъ, а также в) условій, при которыхъ общинное землевладѣніе можетъ приносить наибольшую пользу и общинникамъ, и всему государству.

Примѣчаніе. Желательно, чтобы выводы и заключенія по вопросамъ, поименованнымъ въ § 5, были сдѣланы на основаніи мѣстнаго изслѣдованія нѣсколькихъ земельныхъ общинъ, преимущественно въ густонаселенныхъ малоземельныхъ мѣстностяхъ черноземной и нечерноземной Россіи.

6. Отвѣтъ на вопросъ: совмѣстимы ли желательные успѣхи сельскаго хозяйства съ существованіемъ земельной общины? Можетъ ли Россія при господствѣ общинной формы землевладѣнія соперничать въ прогрессѣ благосостоянія съ другими культурными государствами?

7. Отвѣтъ на вопросъ: возможенъ ли, и при какихъ условіяхъ, переходъ отъ общиннаго землепользованія, въ нынѣшнемъ его видѣ, къ кооперативному земледѣлю?

Сочиненія на вышеозначенную тему для соисканія преміи въ 1.500 р. должны быть представлены въ С.-Петербургское Отдѣленіе Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ *не позже 1-го мая 1906 г.* Рукописи обозначаются особымъ девизомъ; имя же автора и его мѣстожителство должны быть сообщены въ особомъ запечатанномъ конвертѣ, имѣющемъ одинаковый съ рукописью девизъ. Рукописное сочиненіе, удостоенное преміи, будетъ напечатано на средства Отдѣленія.

ОПЕЧАТКИ.

Въ майской книгѣ просить исправить:

На стр. 13, сл. 9 строч.

„ 26 сл. 19 „

Напечатано:

магистерство

дидактикѣ

Слѣдуетъ:

магистранство

догматикѣ

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА

Май. — Июнь. 1903.

Книга пятая. — Май.

	стр.
Духовно-учебныя заведенія и ихъ современное состояніе. — I-XIV. — Н. РЯ- ЗАНЦЕВА	5
На развалинахъ. — Романъ въ двухъ частяхъ. — Часть вторая: IX-XVIII. — Л. Е. ОВОЛЕНСКАГО	40
Турція и Македонія. — Историческій очеркъ. — VI-IX. — Окончаніе. — X. Г. ИНСАРОВА.	102
Звуки старины далекой. — Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА	134
Вѣсти о Китаѣ. — I. Проектъ китайскихъ реформъ. — II. Средства къ вытѣс- ненію иностранцевъ изъ Китая. — П. С. ПОПОВА	137
На новомъ мѣстѣ. — Разсказъ. — I-IV. — П. ХОТЫМСКАГО	156
Моя жизнь и академическая дѣятельность. — 1832-1884 г. — X-XI. — А. В. РО- МАНОВИЧА-СЛАВАТИНСКАГО	181
Стихотвореніе. — Нева. — * * — Л. КОЛОГРИВОВОЙ	206
Уроженецъ Виргиніи. — Романъ. — The Virginian, by Owen Wister. — XIII-XXV. — Съ англ. П. — НЫ С — ВОЙ	208
Изъ пьесъ Беранже. — I. Дурная примѣта. — II. Перевоплощеніе. — Перев. В. УМАНОВА-КАШЛУНОВСКАГО	269
Екатерина II и Монтескье. — А. Н. ПЫПИНА	272
Стихотвореніе. — Ясныя дни. — О. П.	301
Хроника. — Овщина и „выдѣлъ“. — Ф. Ф. ВОРОПОНОВА.	302
Внутреннее Овозрѣніе. — Именной Высочайшій указъ сенату 22 марта. — Новое уголовное уложеніе. — Его исторія. — Дѣленіе преступныхъ дѣяній. — Си- стема наказаній. — Досрочное освобожденіе. — Зачетъ предварительнаго ареста. — Тюрьма и работный домъ. — Одночное заключеніе. — Лише- ніе и возстановленіе правъ. — Смягченіе и замѣна наказаній. — Законъ 12 марта; его отношеніе къ земскимъ учрежденіямъ	315
Главные основанія законопроектвъ о средней школѣ. — М. СТ.	331
Иностранное Овозрѣніе. — Кризисъ въ турецкихъ провинціяхъ. — Официальная донесенія и телеграммы. — Убийство русскаго консула въ Митролицѣ. — Политика великихъ державъ и вопросъ о турецкихъ реформахъ. — Туркофильскія мнѣнія въ нашей печати. — Багдадская желѣзная дорога и патріотическія заботы „Новаго Времени“. — Внутреннія дѣла во Франціи	389
На Дальнемъ Востоке. — Письмо изъ Пекина. — В. В. КОРСАКОВА	352
Литературное Овозрѣніе. — I. Великій Князь Николай Михайловичъ, Графъ Павелъ Строгановъ. — А. П. — II. П. А. Некрасовъ, Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. — III. Про- блемы идеализма, сборникъ статей, п. р. П. И. Новгородцева. — IV. Бо- рецъ за идеализмъ (А. Л. Волынский), Н. Г. Молоцова. — Евг. Л. — V. Дебидуръ, Политическая исторія XIX-го вѣка, т. I: Священный союзъ. — Н. Барфева. — VI. С. К. Говоровъ, Врачій вопросъ въ быту учащихъ начальной школы. — М. М. — Новые книги и брошюры	364
Новости Иностранной Литературы. — I. Otto Ernst, Die Gerechtigkeit, Komödie in 5 Akten. — II. Henri de Regnier, Mariage de Minuit. — З. В.	390
Изъ Овещественной Хроники. — Націонализмъ „первобытній“ и „просвѣщенный“. — Газетная инквизиція. — Обвиненія, граничащія съ клеветою. — Еврей- скій погромъ въ Кишиневѣ. — Два доклада о юридическомъ положеніи евреевъ. — Народная чтенія въ Н.-Новгородѣ. — Земская медицина и земская статистика	403
Извѣщенія. — Отъ Комитета III-го Съѣзда русскихъ дѣятелей по технич. и профессиональному образованію въ Россіи	415
Библиографическій Листовъ.	

Книга шестая. — Июнь.

	стр.
✓ На развалинахъ.—Романъ.—Часть II: XIX-XXVIII.—Л. Е. ОБОЛЕНСКАГО.	426
ТАЙГА И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ.—I-IV.—П. И. СОКОЛОВА.	477
✓ Моя жизнь и академическая дѣятельность.—1832-1884 г.—XII.—Окончаніе.— А. В. РОМАНОВИЧА-СЛАВИНСКАГО.	499
✓ Владимиръ Раевскій и его время.—Биографическій очеркъ.—I-V.—П. Е. ЩЕ- ГОЛЕВА.	509
✓ На новомъ мѣстѣ.—Разсказъ.—Окончаніе.—П. ХОТЫМСКАГО.	563
„Народные университеты“ въ Италіи.—I-III.—ФРАНЦ. ПАРЭСЧЕ.	590
Три стихотворенія.—I. Высокій ручей. II. Въ зеленомъ морѣ. III. Первая молнія.—О. МИХАЙЛОВОЙ.	614
✓ Уроженецъ Виргиніи.—Романъ.—The Virginian, by Owen Wister.—XXVI- XXXVI.—Окончаніе.—Съ англ. П.—НЫ С—ВОЙ	616
На высотахъ Кавказа.—Путевыя замѣтки и наблюденія.—I.—И. П. БЪЛОКОН- СКАГО.	677
Последній вѣнокъ.—I-III.—Стих. М. ФИЛИПСКАГО.	697
Профессиональное образованіе для крестьянъ.—Н. КАТАЕВА.	700
Хроника.—Экономическая полемика.—Петръ Лохтинъ. Къ вопросу о ре- формѣ сельскаго быта крестьянъ.—В. В.	719
Внутреннее Овозрѣніе.—Положеніе объ управленіи земскимъ хозяйствомъ въ девятѣ западныхъ губерніяхъ.—Порядокъ утвержденія земскихъ смѣтъ и раскладокъ.—Общее значеніе реформы.—Новое уголовное уложеніе: постановленія о вмѣяемости и вмѣненіи, о видахъ виновности, о дав- ности, о религиозныхъ послѣдствіяхъ.	731
Народное образованіе въ земскихъ и не-земскихъ губерніяхъ.—М. Ц.	750
Иностранное Овозрѣніе.—Иностранная газетная кампанія противъ Россіи.—По- лемика по манчжурскому вопросу.—Международныя злоупотребленія.— Балканскій кризисъ.—Сербскія и болгарскія дѣла.—Имперіализмъ и его представители въ Англіи	764
Литературное Овозрѣніе.—I. Графъ Л. Н. Толстой въ литературѣ и искусствѣ, состав. Ю. Битовъ.—А. П.—II. Очерки французской общественности, Ю. Лавриновича.—III. Письма Пушкина и къ Пушкину, п. р. В. Брюсова.— А. С. Пушкинъ, „Труды и дни“. Н. Лернеръ.—IV. Литературный Архивъ, П. Картавова.—Статьи и матер., посвящ. Некрасову.—Писатели изъ народа. Литерат. Сборникъ. Памяти Некрасова.—V. Первое столѣтіе Иркутска, В. Сукачева.—Тюмень въ XVII столѣтіи.—Евг. Л.—VI. Иза- белла Гриневская, „Бабъ“.—Л. Об-скій.—VII. А. Фаресовъ, Въ оди- ночное заключеніи.—VIII. П. Д. Боборкинъ, „Вѣчный Городъ“.—IX. С. С. Татищевъ, Имп. Александръ II.—М. Г-анъ.—Новыя книги и брошюры.	776
Новости Иностранной Литературы.—I. Anatole France, Histoire Comique.— II. Max Dreyer, Das Thal des Lebens. Historischer Schwank.—З. В.	806
Изъ Овдѣствянной Хроники.—Двухстолѣтіе Петербурга.—Петербургъ и Москва. —Странное ходатайство.—Что такое „моральная виновность“ печати?— Отголосокъ кишиневскихъ событій.—Свобода литературы и свобода пе- чати.—Рѣшеніе сената и комментарий къ нему въ „Гражданинѣ“.—К. М. Станюковичъ †.	821
Извѣщенія.—I. Отъ Совѣта Имп. Женскаго Патриотическаго Общества.— II. Шестой конкурсъ для соисканія преміи имени князя А. И. Василь- чикова.	836
Библиографическій Листокъ.—Труды Я. Е. Грота, т. V.—Матеріалы для академ. изданія А. С. Пушкина, собр. Л. Н. Майковимъ.—Гражданское положе- ніе женщины съ древн. временъ, В. Жйда.—Записки колонизатора Си- бири, П. Соколова-Костромскаго.—Щегловитовъ, С. Г., Судебные Уставы императора Александра II.—Водовозова, Е. Н., Жизнь европейскихъ народовъ, т. III: Жители Средней Европы.	
Озвѣявленія.—I-IV; I-XII стр.	

КНИЖНАГО СКЛАДА ТИПОГРАФІИ

М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5-я л., 28.

Книжный складъ типографіи принимаетъ на комиссію постороннія изданія не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ ихъ издателемъ, и высылаетъ иногороднымъ заказы съ наложеніемъ платежа по цѣнѣ книги и почтовыхъ расходовъ на ея пересылку *).

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ.

Аузрбахъ, Бертольдъ. Спиноза. Переводъ съ нѣмецкаго Надежды Вахрушевой. Подъ редакціей, съ введеніемъ и примѣчаніями проф. А. Трачевскаго. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к. 6973

Берсъ, А. А. Что такое пониманіе музыки? (Психологическій очеркъ). Спб. 1903 г. Ц. 50 к. 6988

Вагнеръ, К. Простая жизнь. Переводъ съ французскаго С. Леонтьевой. Спб. Ц. 1 р. 6993

Ковалевскій, П. И., проф. Вырожденіе и возрожденіе. Преступникъ и борьба съ преступностью. (Соціально-психологическіе эскизы). Изданіе второе. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 6791

Розановъ, В. В. Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к. 6993

Соколовъ, П. Вѣра. Психологическій этюдъ. Москва. 1902 г. Ц. 60 к. 6965

Соловьевъ, Владиміръ. Оправданіе добра. Нравственная философія. Второе, дополненное изданіе. Москва. Ц. 2 р.

Стасюлевичъ, М. М. Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ. Изд. 2-е. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Цертелевъ, Д. Н., кн. Нравственная философія гр. Л. Н. Толстого. Москва. Ц. 75 к.

Эстетика Шопенгауэра. Изд. 2-е. Спб. Ц. 50 к.

Шестовъ, Л. Достоевскій и Нитше. (Философія трагедіи). Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шопенгауэръ, Артуръ. О писательствѣ и о слогѣ. Переводъ съ предисловіемъ князя Д. Цертелева. Спб. Ц. 50 к.

Эристика или искусство спорить. Переводъ съ предисловіемъ князя Д. Цертелева. Изданіе четвертое. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Эразмъ Роттердамскій. Похвала глупости. Переводъ съ предисловіемъ, введеніемъ и примѣчаніями профессора П. Н. Ардашева. Юрьевъ. 1902 г. 1 р. 6933

II. СЛОВЕСНОСТЬ.

Алмазовъ, Б. Н. Сочиненія, въ 8-хъ томахъ, съ портретомъ, гравированнымъ на стали, и краткимъ біографическимъ очеркомъ. М. Ц. 5 р.

Байронъ, Манфредъ. Драматическая поэма. Переводъ кн. Д. Н. Цертелева. Москва. Ц. 50 к.

Балобанова, Е. Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани. Изданіе второе, безъ перемѣнъ. Спб. Ц. 1 р. 6841

Бѣлинскій, В. Г. Сочиненія. Въ четырехъ томахъ. Съ портретомъ и факсимиле автора. Томъ первый 1834—1840. Томъ второй 1840—1842. Томъ третій 1842—1844. Томъ четвертый. 1844—1848. Москва. Цѣна каждаго тома 65 к. Всѣхъ четырехъ томовъ вмѣстѣ—2 р. 50 к. 6938

*) Книжки, вновь поступившія въ складъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, указаны:

— Литература, поэзія, театр. Слб.

Ц. 20 к.

Бѣлоноскій, П. П. Деревенскія впечатлѣнія. (Изъ записокъ земскаго статистика). Томъ II. Слб. 1903 г. Ц. 80 к.

7003

— Деревенскія впечатлѣнія. (Изъ записокъ земскаго статистика). Слб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вербницкая, А. По-новому. (Романъ учительницы). Повѣсть. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 6964

— „Вавочка“. Романъ въ трехъ частяхъ. Изд. 2-е. Москва. 1902 г. Ц. 1 р. 6811

Веселовскій, Алексѣй. Этюды и характеристики. Джорд. Бруно, Донъ-Жуанъ, Мольеръ, Вольтеръ, Дидро, Бомарше, Бетранже, В. Гюго, Альф. Додэ, Свифтъ, Ибсенъ, Альцестъ и Чацкій, Гробоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь, Чаадаевъ, Вѣлинскій, Легенда о Прометей и друг. Второе, значительно дополненное изданіе. Москва. 1903 г. Ц. 2 р. 75 к. 6773

Веселовскій, А. Н., академикъ. Чтеніе о В. А. Жуковскомъ. Слб. 1902 г. Ц. 10 к.

Вѣра. Одна за многихъ. Изъ дневника молодой дѣвушки. Переводъ съ нѣмецкаго А. Ф. Л. Изданіе второе. Москва. 1903 г. Ц. 50 к. 6868

Вяземскій, П. П., князь. Собраніе сочиненій (1876—1887 гг.). Слб. Ц. 4 р.

Гёте, Фаустъ. Трагедія. (Часть первая). Переводъ кн. Д. Н. Цертелева. М. Ц. 1 р.

— Фаустъ. Трагедія. Въ стихотворномъ переводѣ Э. И. Губера. Слб. Ц. 2 р., въ перел. — 3 р. 6966

Грантъ-Алленъ. Женщина, которая осмѣлилась. Романъ. Переводъ съ англійскаго Н. Дадоновой. Изд. А. Вербницкой. Москва. 1903 г. Ц. 60 к. 6964

Добролюбовъ, В. А. Дождь гг. Николая Энгельгардта и Розанова о Н. А. Добролюбовѣ, Н. Г. Чернышевскомъ и духовенствѣ. Слб. 1902 г. Ц. 80 к. 6979

Муковский, В. А. Образцы персидскаго народнаго творчества. Пѣсни пѣвцовъ—музыкантовъ, пѣсни свадебныя, пѣсни колыбельныя, загадки, образцы разнаго содержанія. Съ 10 рис. и портретомъ. Слб. 1902 г. Ц. 3 р. 6971

Назаримовъ, А. В. Опять о природѣ человѣческаго мышленія. Слб. 1902 г. Ц. 50 к. 6976

Ниплингъ, Редіардъ. „Смѣлые жореплаватели“. Повѣсть. Полный переводъ съ англійскаго А. Каррикъ. Съ 38 иллюстраціями. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к. 6868

Лавриченко, К. Вѣра въ жизнь. Шестидесять годов. Романъ въ двухъ частяхъ. Содержаніе: Письмо къ автору М. Салты-

кова. Изъ письма къ автору И. Аксакова. Юбилей нашего вѣщаго слова. Общественіе Е. Кавелана. Общественіе А. Суворова. Слб. 1902 г. Ц. 2 р.

М. Горный за границей. Къ десятилѣтію литературной дѣятельности. 1892—1902. Книга первая. Изданіе С. Гринберга. Слб. Ц. 25 к. 6901

Мансимовъ, А. Я. „Безъ руля, компаса и вѣтриль“. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть I. Слб. 1902 г. Ц. 2 р. 6699

М. З. О женщинахъ. Мысли, факты и афоризмы. Изданіе 5-е, значительно дополненное. Слб. 1902 г. Ц. 75 к. 6807

Ормизио, Эм. Арговалти. Повѣсть. Изданіе автора. Слб. Ц. 1 р. 50 к.

Петруданъ, М. X. Женщина и ея судьба. Вильна. Ц. 80 к.

— Какъ мы живемъ и какъ должны жить. Слб. Ц. 50 к. 6582

Поморская, М. И., женщина-врачъ. По подваламъ, чердакамъ и угловымъ квартирамъ Петербурга. Содержаніе: О жилищныхъ петербургскихъ рабочихъ.—Моя думская практика.—Изъ жизни петербургской угловой квартиры. Слб. 1903 г. Ц. 60 к. 6705

„Провѣты“ и настроенія. 1) Предчувствіе „Сѣвернаго снѣга“ (Забытыя слова“ Салтыкова). 2) Благая часть (Крестовоздвиженское трудовое братство). 3) Душа поэта-философа (о Вл. С. Соловьевѣ). Слб. 1903 г. Ц. 75 к. 6986

Рачинскій, С. А. Татевскій сборникъ. Съ приложеніемъ портрета А. С. Хомякова. Слб. Ц. 1 р. 50 к.

Сальмовъ, В. П. Смерть тещи и женщина женѣ. (Отравокъ изъ дневника). Истинное происшествіе. (Посвящается тещамъ). Н.-Маргеланъ. 1902. Ц. 40 к. 6664

— Превратность судьбы или дѣя смрти. Н.-Маргеланъ. 1902 г. Ц. 20 к. 6664

Сиробицкій, А. И., д-ръ. Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ призываніе на Западъ Съ чертежами въ текстъ и пятью таблицами. Слб. 1903 г. Ц. 6 р.

Тимдалъ, Дж. Свѣтъ. Лекціи. Переводъ Л. А. Левенстерна, подъ редакціей М. Филиппова. Съ 57 рисунками. Слб. 1902 г. Ц. 50 к. 7000

Труды Я. Н. Грота. Т. V. Дѣятельность литературная, педагогическая и общественная. Статьи, путевыя замѣтки, стихи и дѣтское чтеніе. (1837—1889). Изданіе подъ редакціей проф. К. Я. Грота. Съ приложеніемъ портрета-офорта работы художника В. И. Быстренна. Слб. 1903 г. Цѣна 3 руб. Имѣются въ продажѣ первые четыре тома. Цѣна каждаго—3 р. 6808

Тургеневъ, И. С. Стихотворенія. Изд.

2-е, просмотр., исправ. и дополн. С. Н. Кривенко. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Фаресовъ, А. И. Въ одиночномъ заключеніи. Второе изданіе. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 6974

Хрущовъ, П. П. Бесѣды о древней русской литературѣ. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к. 6884

Цертелевъ, Д. Н. кн. Стихотворенія. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

— **Теорія искусства графа Л. Н. Толстого.** Москва. Ц. 50 к.

Шапиръ, Ольга. Антиподы. Романъ въ двухъ частяхъ. Спб. Ц. 1 р.

— **Безъ любви.** Романъ. Изданіе 2-е. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

— **Вернулася!.** Изданіе 3-е. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

— **Любовь.** Романъ. Изданіе 2-е. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

— **Старая пѣсня.** Изданіе 2-е. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

— **Повѣсти и рассказы.** Спб. Цѣна 2 руб.

— **Законныя жены.** Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 6941

— **Ея сѣятельство.** Изданіе второе. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 6865

Шараповъ, Сергій. Сочиненія. Томъ VIII (выпуски 22, 23 и 24). 1) Черезъ полѣвка. Фантастическій политиво-соціальный романъ. 2) Неопознанный геній. (Памяти + Никиты Петровича Гиллрова-Платонова). Съ портретомъ и факсимиле почившаго. 3) Дезинфекція московской „пресса“. Москва. 1902 г. Ц. 1 р. 6826

Шепелевичъ, Л. „Безъ догмата“. Романъ Сенкевича. (Изъ публичной лекціи, читанной въ пользу первой бесплатной харьковской читальни 8-го мая 1894 г.). Харьковъ. Ц. 20 к.

— **„Донъ-Кихотъ“.** Амеллянеды и вопросъ объ авторѣ этого романа. Критическій этюдъ. Харьковъ. Ц. 40 к.

Шумахеръ, П. В. Шутки послѣднихъ лѣтъ. Москва. Ц. 1 р.

III. ИСТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ — ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

Веселовскій, Юрій. Литературныя очерки. (Леонарди. Байронъ. Шиллеръ. Гейне. Пѣвецъ богемы XV вѣка. Расинъ. Шенье. Додэ и др.). Москва. 1900 г. Ц. 2 р. 6136

Дрэперъ, Джонъ-Вильямъ. Исторія умственного развитія Европы. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей А. Н. Пышина. Два тома. Изданіе пятое. Спб. 1901 г. Цѣна за оба тома 3 руб.

Порфирьевъ, И. Исторія русской словесности. Ч. I. Древній періодъ. Устная на-

родная и книжная словесность до Петра Вел. Изд. 6-е. Казань. Ц. 2 р.

— **Исторія русской словесности.** Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ 1. Отъ Петра Вел. до Екатерины II. Изд. 4-е. Казань. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

— **Исторія русской словесности.** Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ 2. Литература въ царствованіе Екатерины II. Изд. 3-е. Казань. Ц. 2 р.

— **Исторія русской словесности.** Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ 3. Литература въ царствованіе Александра I. Изд. 2-е. Казань. Ц. 1 р. 20 к. 6316

— **Краткій курсъ исторіи древней русской словесности.** Изд. 2-е. Казань. 1901 г. Ц. 1 р. 20 к. 6316

Шепелевичъ, Л. Кудруна. Историко-литературный этюдъ. Харьковъ. Ц. 1 р. 50 к.

— **Кудруна.** Переводъ II-й части поэмы (Гильда) и опытъ ея изслѣдованія. Харьковъ. Ц. 1 р.

— **Этюды о Данте. I.** Апокрифическое „Виднѣ св. Павла“. 2 части. Харьковъ. Ц. 2 р.

— **Каеэдра исторіи всеобщей литературы въ имп. харьковскомъ университетѣ.** Историческая записка. Харьковъ. Ц. 50 к.

IV. ПЕДАГОГИКА.

Вниманіе и интересъ при обученіи. Дидактической очеркъ, составленный по класснымъ урокамъ воспитанниками казанскаго учительскаго института подъ ред. А. И. Анастасіева. Спб. 1903 г. Ц. 40 к.

Демковъ, М. И. Исторія русской педагогіи. Ч. I. Древне-русская педагогія. (X—XVII вв.). Изд. 2-е, исправл. Спб. Ц. 2 р.

— **Ч. II.** Новая русская педагогія (XVIII-й вѣкъ). Спб. 1897 г. Ц. 4 р.

Лихачева, Е. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. I. 1086—1856 г. Спб. Ц. 3 р.

— **II.** Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи 1856—1890 г. Спб. 1901 г. Ц. 4 р.

Миниуевъ, П. Г. Средняя школа въ Германіи. Спб. 1903 г. Ц. 60 к. 763

Тростниковъ, М. Обученіе чтенію правильному, сознательному и выразительному. Спб. 1901 г. Ц. 25 к. 763

— **Обученіе письму.** (Чистописанію и правописанію). Спб. 1902 г. Ц. 40 к. 763

Флеровъ, Вс. Подробный планъ занятій по обученію грамотѣ, съ указаніемъ приемовъ обученія. 3-е изд. Москва. 1901 г. Ц. 10 к. 6900

А*

Новый способ обученія сліянію звуковъ при обученіи грамотѣ. Изд. 4-е. Спб. 1901 г. Ц. 25 к.

Чевасъ, П., д-ръ. Уходъ за дѣтми и воспитаніе ихъ по англійскому способу. Пер. съ англійск. Е. Д. Ильиной. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

V. УЧЕБНИКИ.

Беркевичъ, Л. Ѳ., проф. Коммерческая ариметика. Изданіе второе. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Богдановская, Вѣра. Начальный учебникъ химіи. Съ 15-ю рис. въ текстѣ. Спб. 1901 г. Ц. 85 к. 7006

Дерюгинъ, М. Е. Начала механики. Курсъ средн. учебн. заведеній. Изд. 3-е. Спб. Ц. 1 р. 268

Картевъ, Н. Главныя обобщенія всемірной исторіи. Учебное пособие для средняго образованія. Съ историческими картами. Спб. 1903 г. Ц. 80 к.

Киріановичъ, И. Я. Учебникъ русской грамматики для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній (примѣнительно къ правописанію). Часть 1-я, этимологія. Спб. Ц. 50 к.

Синтаксисъ русскаго языка. Приложение: литературный матеріалъ, вопросы и задачи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе пятое, переработанное. Спб. 1902 г. Цѣна 50 к. 816

Синтаксисъ русскаго языка, сліянный съ синтаксисомъ классическихъ и церковно-славянскаго языковъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Четвертое изданіе, дополненное и исправленное. Спб. Ц. 50 к. 816

Львовъ, В. Н., прив.-доц. Начальный учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть II: безпозвоночныя. Съ 249 рис. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 6986

Мензбиръ, М. А., проф. Начальный курсъ зоологіи. Примѣнительно къ программамъ реальныхъ училищъ. Часть вторая: безпозвоночныя. Съ 198 рис. и таблицей въ краскахъ. Москва. 1902 г. Цѣна 1 р. 6799

Морозовъ, В. Космографія въ историко-генетическомъ изложеніи для среднихъ учебныхъ заведеній. Вильна. Ц. 1 р. 40 к.

Обломовъ, П. Краткій учебникъ географіи. Курсъ I. Общій обзоръ земного шара. Съ чертежами и рис. въ текстѣ, съ приложеніемъ краткаго обзорія Россійской Имперіи и трехъ картъ: 1) полушарій, 2) океаническихъ теченій и осадковъ и 3) Европейск. Россіи. Спб. 1902 г. Цѣна 70 к.

Рабьеръ, А. Курсъ элементарной тригонометріи в собраніи примѣровъ и упражненій. Перевелъ Н. де-Жоржъ, преподаватель математики 8-й стѣп. гимн. и реальн. училища Н. Богинскаго. Изд. 3-е, исправленное. Спб. 1902 г. Ц. 85 к. 844

Розенталя, И. Общая физиологія. Введеніе въ изученіе естественныхъ наукъ и медицины. Съ 137 рис. Переводъ съ нѣмецкаго В. Елпатовскаго и Г. Риттера, подъ ред. съ измѣненіями и дополненіями академика кн. И. Тарханова. Москва. 1908 г. Ц. 3 р. 6934

Смирновъ, И., Клеменчикъ, О., и Сурицовъ, И. Учебникъ латинскаго языка (Для среднихъ учебныхъ заведеній). Изд. 5-е. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 40 к. 687

Сомовъ, І. Начертательная геометрія. Изд. 6-е. Спб. Цѣна текста съ чертежами 2 р.

Танкелли, П. Курсъ французскаго языка. 1-я часть (1-й годъ). Спб. 1901 г. Ц. 45 к.

VI. НАРОДНЫЯ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Абаза, К. К. Отечественные героические рассказы. Съ рисунками, картами и планами. Ц. 2 р. въ перешитѣ; въ бумажѣ 1 р. 50 к.

Героические рассказы. Народы Востока и Запада. Съ рисунками, картами и планами. Цѣна 2 р. въ перешитѣ; въ бумажѣ 1 р. 50 к.

Азбелевъ, Н. Дѣтскій маскарадъ-звѣринецъ. Съ рисунками. Спб. Ц. 20 к.

Балобанова, Е. Рейнскія легенды. 3-е изданіе безъ перемѣнъ, со 2-го сокращеннаго изданія. Для юношества. Иллюстрація А. Шнейдеръ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 6841

Богиевская, А. — Веселая азбука. Пособіе для матерей, воспитательницъ и дѣтскихъ садовъ: Слова и музыка—собственность автора. Спб. Ц. 1 р.

Любимыя сказки. Слова и музыка. Спб. Ц. 1 р.

Привѣтъ! Сборникъ поздравительныхъ пѣсень на рускомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ на 1, 2 и 3 голоса. Спб. Ц. 1 р.

Bogaiewsky, A. „Amusons - nous“ Petits-airs et petits-jeux. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Буткевичъ, С. Дневникъ дѣвочки. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Иллюстрація П. А. Ассатурова. Приложение: съ картинъ С. Зейденберга. Рисунки обложки Г. Шварца. Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 1 р. 10 к.

В. Р. Щ. Дюжинка. XII пьесокъ для дѣтскаго театра. Одуванчикъ.—Стрелокъ и

муравей.—Кто милѣ.—Тройка. — Старый уголокъ.—Воєвода. — Чтб купить.—Ножницы.—Несчастнал.—Чижикъ.—Большое курно.—Бѣдная Амшшка. Слб. Ц. 1 р.

Вернь, Жюль. Вокруг луны. Съ 40 рисунками. Слб. Ц. 2 р.

— Путешествіе къ центру земли. Съ 60 рис. художника Ріу. Изд. 2-е. Слб. Ц. 2 р.

— Отъ земли до луны, 97 часовъ прямого пути. Перев. съ французскаго. Слб. Ц. 1 р.

Герасимовъ, П. Въ подарокъ дѣтямъ. Четыре разсказа изъ ихъ жизни. Съ 4-мя рисунками. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

— Народные разсказы. 1) Усердіе не по разуму. Ц. 10 к. 2) Колѣнку бросишь—рубль подберешь. Ц. 30 к. 3) Дома и у турокъ. Ц. 30 к. 4) Покойница воскресила. Ц. 20 к. 5) Натхаль и чуть не въѣхаль. Ц. 10 к. 6) Грѣхъ и покаяніе Петра Безлицаго. Ц. 15 к. 7) На грѣхъ мнута—на отвѣтъ жизнь. Ц. 15 к.

Григорова, Е. Н. Вилліамъ Шекспиръ, для юношескаго возраста, съ портретомъ и рисунками. Москва. Ц. 75 к.

— Т. Г. Штеченко. Биографія. Для юношества. Съ 4 рис. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

— Разсказы для дѣтей старшаго возраста. Изд. 2-е, дополн. Москва. Ц. 1 р. 25 к.

— Магометъ. Для юношескаго возраста. Москва. Ц. 25 к.

Денисовъ, Д. Бѣлая лилія. Разсказъ для дѣтей. (Изъ записокъ дѣвочки). Съ 15-ю рисунками. Москва. Ц. 75 к.

Дергачевъ, И. Прежде азбуки. Первые вопросы ребенку и первое чтеніе съ малюбками. Изд. 3-е. Съ рисунками въ текстѣ. Тула. Ц. 1 р.

Жизнь дѣтей, въ разсказахъ изъ иностранной дѣтской литературы. Слб. Ц. 30 к.

Карсевичъ, С. Земля и небо. Описание важнѣйшихъ явленій изъ области астрономіи, въ формѣ разсказовъ для дѣтей средняго возраста. Съ 30 рис. Слб. Ц. 75 к.

Красильникова, Н. Прочти и разскажи! Сборникъ статей для пересказа и стихотвореній для заучиванія наизусть. Слб. 1901 г. Ц. 40 к.

Лунашевичъ, К. Рыбка-колюшка-рѣзвуха. Разсказъ. Слб. Ц. 50 к.

— Птичница Агабья. Разсказъ. Слб. Ц. 50 к.

— Аксютка-нянька. Изд. Фребел. О-ва. Слб. Ц. 50 к.

Лукиевичъ, В. Землетрясенія и огнедышащія горы. 2-е изд. Съ рис. Ц. 16 к. Среди снѣговъ и вѣчнаго льда. Съ рис.

Ц. 24 к. Земля. Съ рис. Ц. 8 к. Семейная жизнь животныхъ. Съ рис. Ц. 15 к. Общественная жизнь животныхъ. Съ рис. Ц. 12 к. Обезьяны. 2-е дополн. изд. Съ рис. Ц. 15 к. Пчелы, осы и термиты. Съ рис. Ц. 18 к. Вода. Съ рис. Ц. 28 к. Подводное царство. Съ рис. Ц. 20 к. Воздухъ. Съ рис. Ц. 15 к. Стѣнь и пустыня. Съ рис. Ц. 18 к. Тайга и тундра. Съ рис. Ц. 14 к.

Некрасовъ, Н. А. Русскимъ дѣтямъ. Иллюстрированное изданіе, съ 16 картинками работы барона М. П. Клодта, рѣзанными на деревѣ и отпечатанными въ Лейпцигѣ, у Брокгауза. Слб. Цѣна въ роскошномъ колѣнкоромѣ, тисненномъ золотомъ перешлѣгъ 1 р. 50 к.

Олькотъ, Л. Маленькія женщины уже выросли. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Перев. съ англ. Ольги Кларкъ. Слб. Цѣна 1 р. 25 к.

— Семь братьевъ и сестра. Пер. съ англ. О. Бутеневоѣ. Изд. 3-е. Слб. Ц. 1 р. 25 к.

— Юность—Розы. Продолженіе повѣсти „Семь братьевъ и сестра“. Пер. О. Бутеневоѣ. Слб. Ц. 1 р. 25 к.

— Подъ сиренями. Пер. Бутеневоѣ. Изд. 2-е. Слб. Ц. 1 р. 50 к.

П. В. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Слб. Ц. 20 к.

Петровская, Е. И. Картинки изъ дѣтской жизни. Разсказъ-быль. Съ рисунками А. Шнейдеръ и др. Слб. Цѣна 1 р.

— Мама—дѣткамъ о природѣ. Для первоначальнаго ознакомленія дѣтей съ явлениями четырехъ стихій. Съ рис. А. Шнейдеръ и др. Слб. Ц. 1 р.

Плахово, Н. Ѳ. Волшебница весна. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста, удостоенный преміи Слб. Фребелевскаго О-ва. Съ рисунками К. В. Изенберга. Слб. Ц. 50 к.

Туръ, Е. Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Изд. 4-е. Слб. Ц. 1 р.

— Княжна Дубровина. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

— Сергій Боръ-Раменскій. Повѣсть въ двухъ частяхъ. Изд. третье. Москва. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Черезъ край. Разсказъ. Изданіе 2-е. Москва. Ц. 40 к.

М. П. ИСТОРИЯ—БИОГРАФІЯ ПУТЕШЕСТВІЯ.

Болдаковъ, Н. М. Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи начала XVII в. Слб. Ц. 1 р. 50 к.

Бартольдъ, В. Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія. Часть первая.

Тексты. Сиб. Часть вторая. Исследование. Сиб. 1900 г. Ц. за обь части 5 р.

Вайнштейнъ, Софія. Госвожа. Сталь, мыслитель переходной эпохи. Съ предисловіемъ проф. Трачевскаго. Сиб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к. 6973

Войновичъ, Драго. Исторія сербскаго народа. Съ картой Балканскаго полуострова. Одесса. 1903 Ц. 1 р. 50 к. 6998

Картавъ, Н. Государство-городъ античнаго міра. Опытъ историческаго построения политической и социальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ. Съ двумя историческими картами. Сиб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ланглау, Ш. В. Инвизиція по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Переводъ подъ редакціей Н. Сперанскаго. Москва. 1903 г. Ц. 45 к. 6936

Ленць, Э. Опись собранія оружія гр. С. Д. Шереметева. Съ приложеніемъ 26 фототипическихъ таблицъ. Сиб. Ц. 10 р.

Лясковскій, Валерій. Братья Кирѣвскіе. Жизнь и труды ихъ. Сиб. Ц. 80 к.

Маисимовъ, А. Я. „Вокругъ свѣта“. Путевыя замѣтки и впечатлѣнія. Въ двухъ частяхъ. Часть I-я. Сиб. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к. 6699

— „На далекомъ востоѣ“. Полное собраніе сочиненій. Книга десятая. Сиб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к. 6699

Мордовцевъ, Д. Палій. Воскреситель правобережной Украины. Историчне оновданія. Сиб. 1902 г. Ц. 75 к. 6654

Переписка и бумаги Бориса Петровича Шереметева. 1704—1722 гг. Сиб. Ц. 3 р.

Старина и Новизна. Книга VI. Исторической сборникъ, издаваемый при Обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Сиб. 1903 г. Ц. 2 р. Имѣются въ продажѣ первыя пять книгъ. Цѣна каждой книги—2 р.

Сологубъ, В., графъ. Биографія генерала Котляревскаго. Изд. 3-е. Сиб. 1901 г. Ц. 1 р.

Ратгенъ, К., проф. Возрожденіе Японіи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Н. Е. Сиб. 1903 г. Ц. 20 к. 6990

Шелелевичъ, Д. Жизнь Сервантеса и его произведенія. Т. I. Харьковъ. 1901 г. Ц. 2 р. 40 к.

Щербатовъ, М. М., князь. Исторія російская отъ древнѣйшихъ временъ. Т. IV. Часть II и III. Изданіе кн. В. С. Щербатова. Редакція Н. П. Хруцова и А. Г. Воронова. Сиб. 1903 г. Ц. 5 р.

Ясницкій, А. Н. Основныя черты развитія права въ Чехіи XIII—XV вв. Историко-юридическій очеркъ. Юрьевъ. 1902 г. Ц. 40 к.

VIII. ГЕОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ—СТАТИСТИКА.

Географическія чтенія. Азія. Африка. Переводъ съ англійскаго. Съ 35 рисунками въ текстѣ. Москва. 1903 г. Ц. 80 к. 6957

Гольдштейнъ, I. М. Проблемы населенія во Франціи. Сиб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Краморъ. Сибирь и значеніе великаго Сибирскаго пути. Сиб. 1900 г. Ц. 1 р.

Крауфордъ, Маріонъ. Константинополь. Вып. I. Переводъ съ англійскаго графини Е. П. Шереметевой, подъ ред. проф. Пемилловскаго. Сиб. Ц. 50 к.

Ядринцевъ, Н. М. Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Этнографическія и статистическія изслѣдованія, съ приложеніемъ статистическихъ таблицъ. Сиб. Ц. 2 р.

IX. МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—МЕТЕОРОЛОГІЯ.

Агановъ, Д. В. Подробное рѣшеніе и объясненіе всѣхъ численныхъ задачъ геометріи А. Давидова. Оренбургъ. 1902 г. Ц. 1 р. 6870

— Приложеніе логарифмовъ къ вычисленію сложныхъ процентовъ и срочныхъ уплатъ. Оренбургъ. 1902 г. Ц. 60 к. 6870

Веребосовъ, А. Теорія кубическихъ формъ. Москва. 1903 г. Ц. 20 к. 6640

Волмовъ, М. Эволюція понятія о числѣ. Сиб. Ц. 80 к. 214

Посса, К., проф. Курсъ дифференціального и интегральнаго исчисленій. Сиб. 1903 г. Ц. 4 р.

Шиффъ, Вѣра. Сборникъ упражненій и задачъ по дифференціальному и интегральному исчисленіямъ. Ч. I-я. Изд. 3-е. Сиб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Ч. II. Приложенія анализа бесконечно-малыхъ къ геометріи и интегрированію дифференціальныхъ уравненій. Сиб. 1900 г. Ц. 3 р. 6523

Якубовичъ, И. Н. I. Причина всамірнаго тяготѣнія. II. Гипотеза о приближеніи земли къ солнцу. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Брестъ-Литовскъ. 1902 г. Ц. 30 к. 6969

X. ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЕ—ФИЗИКА—ХИМИЯ.

Беръ, Поль. Лекціи зоологіи. Адаптія и физиологія. Переводъ съ фрнц. д-ра А. Н. Симонова. 3-е русское. И. И. Билибина, подъ редакц. и съ доп.

проф. М. А. Мензбира. Съ 402 рис. въ текстѣ. Спб. Ц. 2 р. 661

Бергъ, Р. С. Курсъ общей эмбриологіи. Съ 126-ю рис. въ текстѣ. Подъ редакціей проф. В. М. Шимкевича перевели, съ разрѣшенія и съ дополненіями автора, Б. Сукачевъ и А. Линко. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 30 к. Весь чистый сборъ съ изданія поступаетъ въ пользу столовой студентовъ спб. университета. 631

Георгиевичъ, Георгъ, фонъ. Химія красокъ. Со 2-го изданія (1902 г.). „Lehrbuch der Farbenchemie von G. von Georgievics“ подъ ред. преподавателя Имп. Техническаго училища В. В. Шарина. Перевели студенты того же училища. Изданіе Павла Шорыгина. Москва. 1903 г. Цѣна 2 р. 75 к. 6982

Гофманъ, К., проф. мюнхенскаго университета. Радій и его лучи. Переводъ съ нѣмецкаго, съ добавленіями Ф. Н. Индиксона, подъ редакціей проф. И. И. Бормана (Съ 7-ю рисунками). Спб. 1903 г. Ц. 70 к. 6991

Диксонъ, Чарльзъ. Перелетъ птицъ. Опытъ установленія закона періодическихъ перелетовъ птицъ. Переводъ съ англійскаго графини Е. П. Шереметевой, подъ редак. Дм. Кайгородова. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Карпентеръ, Г. Насѣкомыя, ихъ строеніе и жизнь. Съ 184 рисунками. Переводъ съ англійскаго В. А. Герда. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 75 к. 6936

Мушкетовъ, И. В., проф. Физическая геологія. Т. I. Общія свойства и составъ земли. 2-ое изд., значительно переработанное. Съ 4 картами и 708 полтиняками въ текстѣ. Спб. Ц. 6 р. 615

XI. ЮРИДИЧЕСКІЯ И СОЦІАЛЬНЫЯ НАУКИ.

Бернштейнъ, Эд. Соціальныя проблемы. Переводъ съ нѣмец. П. С. Когана. Москва. 1901 г. Ц. 80 к. 6957

Будкевичъ, К. К. Присяга на судѣ. По поводу работъ Высочайше учрежденной комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части. Одесса. 1903 г. Ц. 35 к.

Бухъ, Л. Основные элементы политической экономіи. Съ предисловіемъ Эд. Бернштейна. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

Вышемирскій, А. П. Организация заводскаго счетоводства. Усовершенствованный типъ бухгалтеріи и отчетности для заводскихъ предпріятій. Николаевъ. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к. 6967

Георгиевскій, П. И., проф. Краткій учебникъ политической экономіи. Второе изданіе (исправленное и дополненное). Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 6731

— Указатель русской экономической литературы, съ приложеніемъ списка статей нѣкоторыхъ иностранныхъ журналовъ. Спб. 1903 г. Ц. 80 к. 6731

Зотовъ, А. Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Нузисъ, А. И. Сборникъ кассационныхъ рѣшеній правительствующаго сената по дѣламъ о взысканіи пожарныхъ убытковъ за 1867—1895 г.г. Москва. Цѣна въ перепл.—5 р. 40 к. 6980

Мигулинъ, П. П., проф. Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышленный кризисъ (1893—1902). Харьковъ. 1902 г. Ц. 2 р.

— Русскій государственный кредитъ (1769—1899 г.). Опытъ историко-критическаго обзора. Т. II. (Министерство П. А. Вышнеградскаго). Харьковъ. 1900 г. Ц. 2 р.

— Т. III. (Министерство С. Ю. Витте и задачи будущаго). Вып. I. Конверсионныя операціи въ 1893—1901 г.г. Харьковъ. 1901 г. Ц. 75 к.

— Вып. II. Реформа денежнаго обращенія 1897—1898 г.г. и связанная съ нею кредитныя операціи. Харьковъ. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Вып. III. Желѣзнодорожныя займы и желѣзнодорожная политика 1893—1902 г.г. Харьковъ. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Наша новѣйшая желѣзнодорожная политика и желѣзнодорожныя займы (1893—1902). Харьковъ. 1903 г. Ц. 2 р. 6770

Моревъ, Д. Руководство политической экономіи. Изд. 6-ое. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 843

Носенко, Д. А. Вексельные уставы 1902 и 1893 г.г. съ разъясненіями. Изданіе неофициальное. Москва. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к. 685

— Уставъ о несостоятельности. Изданіе третье, исправл. и дополн., неофициальное. Москва. 1903 г. Ц. 3 р. 25 к. 685

Носовичъ, С. И. Крестьянская реформа въ Новгородской губерніи 1861—1863. Съ предисловіемъ В. И. Семевского. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Поворинскій, А. Систематическій указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству, гражданскому и уголовному. Спб. Ц. 4 р.

Рамскій, С. П. Соціологія Н. К. Михайловскаго. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Розановъ, В. В. Семейный вопросъ въ Россіи. Дѣти и родители. — Мужья и жены. — Разводъ и понятіе незаконнорож-

денности. — Холостой бытъ и проституція. — Женскій трудъ. — Законъ и религія. Съ рисунками въ текстѣ. Въ двухъ томахъ. Сиб. 1903 г. Цѣна за два тома—4 р. 50 к.

Русскіе судебные ораторы въ известнѣхъ уголовныхъ процессахъ. Томъ VII. Изданіе А. Ф. Скорова. Москва. 1903 г. Ц. 2 р.

Скоровъ, А. Ф. Новые законы 1901—1902 гг. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 6708

Новые законы о банкахъ и акціонерныхъ компаніяхъ и фондовомъ отдѣлѣ Спб. биржи и объ оплатѣ пробирною пошлиною золотыхъ и серебряныхъ издѣлій. Москва. 1903 г. Ц. 60 к.

Слонимскій, Л. З. Умственное устройство, его значеніе въ правѣ гражданскомъ и уголовномъ. — I. Гражданское право и психіатрія. — II. Уголовное право и психіатрія. Сиб. Ц. 1 р.

Случескій, В., проф. Уголовно-процессуальная казуистика. Пособіе для лекцій и экзаменовъ. Сиб. Ц. 1 р.

Учебникъ русскаго уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Сиб. Ц. 5 р.

Добавленіе къ учебнику русскаго уголовного процесса. Сиб. 1900 г. Ц. 35 к. Покупателямъ „Учебникъ“ добавленіе выдается бесплатно. 616

Тумановъ, Г. П. Усадьбная и полевая земли крестьянъ-общинниковъ съ точки зрѣнія гражданского права. Согласовано съ изданіемъ 1902 г. Положеній о сельскомъ состояніи. Изд. 2-е. Сиб. 1903 г. Ц. 50 к.

Юановъ, С. Н. Соціологическіе этюды. Т. II, издан. дополненное. Сиб. Ц. 1 р. 50 к.

Вопросы просвѣщенія. Публицистическіе опыты. — Реформа средней школы. — Системы и задачи высшаго образованія. — Гимназическіе учебники. — Вопросъ всенароднаго обученія. — Женщина и просвѣщеніе. Сиб. Ц. 1 р. 50 к.

Янгуль, П. И., проф. Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. 3-е изд. Сиб. Ц. 3 р. 50 к.

Ясинскій, А. Н. Очерки и изслѣдованія по соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка. Т. I. Основы соціального строя чешскаго народа въ эпоху господства обычнаго права. Юрьевъ. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

XII. МЕДИЦИНА — ГИГИЕНА — ВЕТЕРИНАРІЯ.

Добрынинъ, П. И., д-ръ. Полное руководство къ изученію повивальнаго иску-

ства, съ изложеніемъ краткихъ правилъ ухода и пособій при женскихъ болѣзняхъ. Съ 486 рис. въ текстѣ. Третье изданіе, вновь переработанное и дополненное. Сиб. 1901 г. Ц. 15 р.

Жуль, В. Н. Дитя. Дневникъ матеря. Альбомъ для записи наблюденій надъ физическимъ развитіемъ ребенка. Первые три года жизни. Сиб. Ц. 1 р.

Зеленовъ, А. П., д-ръ мед. Обь основномъ принципѣ лекарственной терапіи. Сиб. 1900 г. Ц. 20 к.

Ивановъ, Ник. Зах., д-ръ мед. Анти-септика и асептика. Необходимыя свѣдѣнія для акушерокъ и фельдшерницъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва. 1902 г. Ц. 75 к.

Мондратовъ, А. И., д-ръ. Братскій курсъ военной гигиены, со включеніемъ правилъ подачи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и на полѣ сраженія. Сиб. 1906 г. Ц. 1 р. 25 к.

Похитоновъ, М. К., женщ.-врачъ, д-ръ мед. парижск. ун-в. Красота женщины, ея совершенствованіе и сохраненіе путемъ гигиены. Съ портретомъ автора и со многими красивыми головками, виньетками и пр. Сиб. 1903 г. Ц. 1 р., въ перем. 1 р. 50 к.

Сегенъ, Э. Воспитаніе, гигиена и нравственное леченіе умственно-незрѣлыхъ дѣтей. Переводъ съ франц. М. П. Лебедевой, подъ редакціей В. А. Елиза. Сиб. 1903 г. Ц. 2 р.

Шарко, Брюсс. Бушаръ. Трактатъ по медицинѣ. Переводъ со второго франц. изданія врачей: Е. В. Дункера, М. П. Канчаловскаго, В. В. Муравьева и Е. М. Швальбе. Съ рисунками въ текстѣ. Четыре выпуска. Вып. I. (A. Chantemesse. — Бранинъ тифъ). Москва. 1900 г. Вып. II. (Ferdinand Vidal. — Гриппъ. — Денгъ. — Мalaria. — Азиатская холера. — Желтая лихорадка. — Чума). Москва. 1900 г. Вып. III. (Louis Guinon. — Скарлатина. — Боръ. — Краснуха. — Оспа. — Вѣтряная оспа. — Предостережительная оспа (vaccinia). — Поточная горячка. — Заушница. Emile Voix. — Роза). Москва. 1901 г. Вып. IV. (A. Ruault. — Дифтерія Thoinot. — Сипной тифъ. Oettinger. — Острые ревматизмы. Tollenner. — Скорбутъ). Москва. 1902 г. Цѣна каждаго выпуска — 2 р., а четыре выпуска — 7 р.

XIII. ТЕХНОЛОГІЯ — СТРОИТЕЛЬНОЕ И ИНЖЕНЕРНОЕ ДѢЛО — РЕМЕСЛА.

Бобылевъ, Д., проф. Прибавленіе къ курсу аналитической механики. Сиб. 1903 г. Ц. 1 р.

Гидростатика и теория упругости. Вып. I. Спб. Ц. 1 р. 70 к.

Курсъ аналитической механики. Ч. I, кинематическая. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к. Ч. II, кинетическая. Вып. I, Механика материальной точки. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к. Вып. II, Механика системъ, составленныхъ изъ материальныхъ точекъ. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Очеркъ теоріи водяныхъ теченій, выработанный Буссинесомъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Руководство къ курсу теоретической механики. Съ 6-ю листами чертежей. Спб. Ц. 4 р. 40 к. 6397

Бронншъ, Л., и Фишеръ, В. Краткое руководство къ строительному искусству и архитектурѣ. (Общія начала). Рекомендованное въ программахъ испытаній на званіе техника путейсообщенія. Выпускъ I. Матеріалы и работы. Къ тексту приложено 20 листовъ чертежей. 6-е издание, исправленное и дополненное. Спб. 1903 г. Цѣна съ атласомъ чертежей 2 р.

Верига, В. Перелетчикъ. Полное практическое руководство къ перелетному дѣлу для желающихъ вполнѣ ознакомиться съ перелетными работами. Съ 97 объяснительными рисунками работъ, инструментовъ и новейшихъ машинъ, употребляемыхъ въ перелетномъ дѣлѣ. Изд. 6-е, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к. 6820

Гюбль, фонъ, А. Проявленіе фотографическихъ бромъ-серебряныхъ желатинныхъ пластинокъ при сомнѣніи въ правильности экспозиціи. Точный переводъ съ нѣмецкаго. Спб. Ц. 60 к. 6698

Наибеседесъ, Ф. Теоретическій и практический курсъ горнаго искусства. Перев. Н. Ганъ и А. Н. Митянского. Вып. I. Изученіе мѣсторожденій. Спб. Ц. 1 р. 50 к. Вып. III. Крѣпленіе. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Крение. Руководство къ разбивкѣ закругленій на обыкновенныхъ и желѣзныхъ дорогахъ (Abstecken von Curven) съ полными таблицами и чертежами. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія техника П. А. Федорова. Третье безъ измѣненія русское изданіе (точно свѣренное). Спб. 1903 г. Ц. 80 к. 6654

Моттони, Ф., фонъ. Обжигъ и обжигательная печь въ керамической промышленности. Съ 42 рис. Николаевъ. 1902 г. Ц. 60 к. 6968

Хедеръ, Германъ (H. Haeder). Паровая машина и парораспределеніи. Шестое, вновь переработанное изданіе. Полный переводъ съ нѣмецкаго, съ исправленіями и дополненіями профессора Импер. Техн. училища А. И. Сидорова. Книга со-

стоитъ изъ двухъ частей (въ одномъ томѣ) и папки съ чертежами (16 малыхъ и 10 большихъ таблицъ). Москва. 1902 г. Цѣна книги въ коленкорномъ переплетѣ, съ чертежами въ отдѣльной папкѣ—9 руб.

Органы парораспределенія. Парораспределеніе въ паровыхъ машинахъ. Переводъ съ VI нѣмецкаго изданія инж. М. Блокъ. 267 стран. текста съ 700 политипажами, 78 таблицами и 16 листами чертежей. Москва. 1903 г. Ц. 3 р. 6868

Эдвинсонъ, Д. Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. Переводъ съ англійскаго. Съ 25 политипажами въ текстѣ. Руководство для любителей ремесла и научныхъ приложений. 5-е исправленное изданіе. Москва. 1903 г. Ц. 50 к.

Руководство спайки и луженія. Съ приложеніемъ отдѣльной статьи о паяннн свинца. Съ 177 политипажами въ текстѣ. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 70 к. 6868

XIV. ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Абаза, К. К. Завоеваніе Туркестана. Разказы изъ военной исторіи, очерки природы, быта и нравовъ туземцевъ—въ общедоступномъ изложеніи. Съ рисунками, картами и планомъ текинской крѣпости Деонгилъ-Теле. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сальновъ, В. П. Анджапанское возстаніе въ 1898 г. (Сборникъ статей). Казань. 1901 г. Ц. 75 к., съ пересылкою 1 р. 6664

Фалѣевъ, Н. И. Цѣли воинскаго наказанія. Спб. 1902 г. Ц. 3 р. 6903

Щолиннъ, Евгений. Русско-австрійскій союзъ во время Семилѣтней войны, 1646—1758 гг. Изслѣдованіе по даннымъ Вѣнскаго и Коленгагенскаго архивовъ. Спб. 1902 г. Ц. 3 р. 50 к. 6931

XV. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Герцъ, Ф. О. Аграрный вопросъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. и съ предисловіемъ А. А. Мануилова. Москва. 1900 г. Ц. 80 к. 6957

Земледѣліе, фабрично-заводская и кустарная промышленность и ремесла. Съ англійскаго перевелъ А. Н. Коншинъ. Москва. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к. 6852

Кернъ, Э. Э. Овраги, ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе. Съ тридцатью-восемью рисунками въ текстѣ и восемью таблицами. Четвертое изданіе, исправленное и дополненное. Спб. 1903 г. Ц. 75 к. 6868

Королевъ, Ф. Н. Львоводство. Руководство къ льновоздѣлыванію, полученію льняного волокна и сельско-хозяйственной

его обработкѣ. Съ 47 чертежами въ текстѣ. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. Слб. Ц. 86 к.

Сельское строительное искусство. Изд. 2-е. Слб. Ц. 2 р.

Лашнаревъ, А. Сѣнные прессы, ихъ описаніе и устройство. Съ 22-мя рисунками и чертежами. Слб. Ц. 50 к.

Сѣно и сѣнопрессованіе. Слб. Ц. 30 к.

Мигулинъ, П. П., проф. Русскій сельско-хозяйственный банкъ. Къ вопросу о нуждахъ нашей сельско-хозяйственной промышленности. Харьковъ. 1902 г. Ц. 50 к. 6770

Налимовъ, Б. П. Бесѣды по вопросамъ гигиены въ плодовомъ саду. (Изъ замѣтокъ по поѣздкѣ въ заграничныя „станціи для защиты растений“). Астрахань. 1903 г. Ц. 85 к. 7009

XVI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Александровъ, Викторъ (Крыловъ). Для сцены. Сборникъ пьесъ. Тт. I—IX. Цѣна каждаго тома—1 р. 50 к. 6944

Деревницкій, А. Современная опера и ея главнѣйшія направленія на западѣ. Одесса. 1900 г. Ц. 60 к. 6478

Крыловъ, Викторъ. Петръ Великій. Историческая хроника въ пяти дѣйствіяхъ и тринадцати картинахъ. Слб. 1901 г. Ц. 1 р.

Такъ на свѣтѣ все превратно. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Слб. Ц. 75 к.

Сорванецъ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Слб. Ц. 1 р. 6944

Падрова, А. Драматическія сочиненія. Сватовство Вавила Сидича. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ. Неволяница. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Иягѣна. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Слб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к. 7008

Эрмана-Шатриана. Братья Ранцау. Ко-

медія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Переводъ Виктора Крылова. Слб. Ц. 1 р. 6944

XVII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Антомоловъ, Н. Ботаническій словарь. Справочная книга для ботаниковъ, сельскихъ хозяевъ, садоводовъ, лѣсоводовъ, фармацевтовъ, врачей, дрогистовъ, путешественниковъ по Россіи и вообще сельскихъ жителей. Слб. Ц. 8 р. 6561

Ариамъ, П. Н. Первый женскій календарь на 1908 г. 5-й годъ изд. Медицинскій отдѣлъ подъ ред. проф. Н. И. Вистрова. Составленъ женщинами-врачами О. Ю. Каминской, В. А. Волькенштейнъ, А. П. Петровой и Э. Е. Ельциной. Слб. 1908 г. Цѣна 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к. 6966

Момозъ, В. И. Русская историческая библиографія. Указатель книгъ и статей по русской и всеобщей исторіи и историческимъ наукамъ за 1800—1854 г. Томъ I. Историческіе и историко-юридическіе акты. Политическая исторія Россіи вообще, и исторія составныхъ ея частей. Слб. 1892 г. Ц. 1 р.—Томъ II. Биографія и некрологи русскихъ дѣятелей. Вспомогательныя науки по русской исторіи: Геральдика.—Хронологія.—Археологія.—Палеографія.—Нумизматика.—Сфрагистика.—Медальерное искусство.—Мнемологія. Слб. 1893 г. Ц. 1 р.—Томъ III. Географія.—Гидрографія.—Орографія.—Картографія.—Путешествія.—Статистика.—Этнографія.—Исторія вѣры и церкви.—Агиологія.—Исторія народнаго просвѣщенія и образованія въ Россіи.—Исторія академій, университетовъ, лицеевъ, гимназій и др. учебныхъ заведеній. Слб. Ц. 1 р. Фосенно, И. О. Важный вопросъ городского хозяйства. Участіе квартирохозяевъ въ городскомъ управленіи. Слб. 1900 г. Ц. 50 к.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ

Изданія Литературнаго Фонда:

Вѣлоголовый, Н. А. — Воспоминанія и другія статьи. Изд. 4-е. Слб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Джаншиевъ, Г. А.—Изъ эпохи великихъ реформъ. Изд. 8-е. Ц. 2 р. 50 к.

Ефименко, А.—Этнографическія изслѣдованія. Ц. 2 р.

Надсонъ, С. Стихотворенія. Изд. 20-е. Слб. Ц. 2 р.

— Недопѣты пѣсни. Слб. 1902 г. Ц. 1 р.

НОВЫЯ КНИГИ,

отпечатанныя въ типографіи М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

въ маѣ 1903 г.:

- ВОДОВОЗОВА, Е. Н.** Жизнь европейскихъ народовъ. Томъ III: Жители Средней Европѣ. Съ 32 рис. худ. Пачова, Брожа, Бухгольда, Голембовскаго и Горнака. Изданіе третье, переработанное и дополненное. Спб. 1903 г. Ц. 3 р. 75 к.
- ГАРШИНЪ, ВСЕВОЛОДЪ.** Рассказы. Изд. 9-е. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.
- ГОФМАНЪ, К.** Радій и его лучи. Переводъ Ф. Н. Индриксона. Изд. 2-е. Спб. 1902 г. Ц. 70 к.
- ЕЛПАТЬЕВСКІЙ, К. В.** Учебникъ русской исторіи. Изданіе 8-е. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 40 к.
- ПЕТРУШЕВСКІЙ, А.** Рассказы про Петра Великаго, съ портретомъ. Изд. 9-е, В. А. Березовскаго. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.
- СЕРГЪЕВИЧЪ, В. И., проф.** Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. Изд. 3-е. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.
- СЕРАФИМЪ, архимандритъ (Чичаговъ).** Лѣтопись Серафимо-Дивѣвскаго монастыря Нижегородской губ., Ардатовскаго уѣзда, съ жизнеописаніемъ основателей ея: преподобнаго Серафима и схимонахини Александры, урожденной А. С. Мельгуновой. Изд. 2-е Серафимо-Дивѣвскаго монастыря. Спб. 1903 г. Ц. 5 р.
- ЩЕГЛОВИТОВЪ, С. Г.** Судебные уставы императора Александра II съ законодательными мотивами и разъясненіями. Уставъ уголовного судопроизводства по продолженію 1902 г. Изд. 8-е, исправленное и дополненное по 1-е марта 1903 г. Спб. 1903 г. Ц. 5 р. 50 к.

Находятся въ печати:

- Алексѣевъ, В.**—Хрестоматія по исторіи древней Греціи.
- Вайковъ, А. Л.**—
- Вулицъ, Н. Н.**—Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка.
- Вагнеръ, Н. П., проф.**—Повѣсти, сказки и рассказы Кота-Мурлнки. Т. V, изд. 3.
- Градовскій, А. Д.**—Собраніе сочиненій. Т. IX.
- Дювернуа, Н. Л., проф.**—Чтенія по гражданскому праву. Т. I, вып. 3.
- Иностранцевъ, А. А., проф.**—Учебникъ геологіи.
- Историческое обозрѣніе.** Т. XIII. Изд. Историч. О—ва при Спб. унив.
- Исторія факультета восточныхъ языковъ при Спб. унив.**
- Костомаровъ, Н. И.**—Русская исторія. Т. II. Продолженіе и окончаніе. Изд. 5-е.
- Историческія монографіи и изслѣдованія. Кн. 1-я.
- Лукьяновъ.**—Основанія общей патологіи дыханія.
- Марковъ, Е. Л.**—Путешествіе по Греціи.
- Въ братской землѣ.
- Нернстъ.**—Теоретическая химія.
- Опшель.**—Лекціи по анатоміи.
- Орловъ, В. Н., прив.-доц.**—Краткій курсъ по общей терапіи женскихъ болѣзней. Изд. Риккера.
- Петровъ, М. Н.**—Изъ всемірной исторіи. Очерки. Изд. 4-е.
- Пири, Р.**—Путешествіе въ Гренландію.
- Пирожковъ, М. В.**—Дифференціальныя исчисленія, Бертрана.
- Арифметика, Серра.
- Письма и бумаги Суворова.**
- Программы чтенія для самообразованія.**
- Саячурскій.**—Краткая грамматика латынскаго языка. Ч. I. Изд. 9-е.
- Соколовъ, А.**—Краткій учебникъ географіи.
- Хвольсонъ.**—Курсъ физики. Т. II. Изд. 2-е.
- Шидловскій.**—Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи.
- Щербатовъ, князь.**—Исторія Россійская, т. V, ч. 2-я.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
НА
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. И. КОСТОМАРОВА

издаваемое Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ
и ученымъ (Литературнымъ Фондомъ).

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературный Фондъ), приступая, по соглашенію съ Ал. Д. Костомаровой, къ изданію Собранія сочиненій Н. И. Костомарова, объявляетъ, что въ предпринимаемое нынѣ изданіе войдутъ историческія монографіи и изслѣдованія покойнаго историка, въ 21 тома. Монографіи эти будутъ сгруппированы въ 8 книгъ, общимъ объемъ около 375 печатныхъ листовъ. Цѣна на это изданіе подпискѣ назначается, безъ пересылки, 20 рублей, уплачиваемыхъ такимъ порядкѣ: при подпискѣ вносится 4 рубля и подписчику дается билетъ на полученіе всѣхъ 8 книгъ; затѣмъ уплачивается по 3 рубля при выдачѣ I и II книгъ; по 2 рубля при выдачѣ III, IV, V, VI и VII книгъ, а VIII книга будетъ выдана платно подписавшимся на изданіе лицамъ.

По выходѣ въ свѣтъ всего изданія, которое предполагается выдать не позже, какъ черезъ два года (къ маю 1905 года), цѣна будетъ повышена, а именно: за всѣ восемь книгъ 25 руб. и при покупкѣ отдѣльными книгами: 1-я и 7-я книги по 3 руб. 50 к., 2-я, 4-я, 5-я и 6-я книги по 4 рубля, 3-я книга 2 р. 50 к., 4 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича, въ С.-Петербурѣ, В. О., 5 линія, домъ № 28.

Плата за пересылку взимается, по почтовой стоимости, при доставкѣ книгъ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас.-Остр., 5 л., 28.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОВЪ.

Труды Л. К. Грота, т. V. Изд. п. р. К. Я. Грота, съ портретомъ автора. Сиб. 903.

Настоящій томъ есть вмѣстѣ и послѣдній въ собраніи трудовъ покойнаго Якова Карловича; появленіе этого тома въ свѣтъ совпадаетъ съ первымъ десятилѣтіемъ со дня его кончины, въ мѣсѣ 1898 года. Въ составъ книгъ вышедшаго тома входятъ статьи, относящіяся къ его дѣятельности литературной, педагогической и общественной, путевыя впечатлѣнія, замѣтки, стихи и чтеніе, предназначенное для дѣтей—на пространствѣ слишкомъ полувѣка, отъ 1837 г. по 1889 г. Издатель отвѣтъ особое мѣсто въ самомъ началѣ недавно впервые напечатаннымъ (въ 1895 г.) „Мыслямъ, посвященнымъ въ Божію почитаему Наслѣднику Цесаревичу В. К. Николаю Александровичу, въ день его совершеннолѣтія“ (1859 г.); Л. К. Гротъ былъ до того времени однимъ изъ его преподавателей. Въ замѣтъ биогрѣфій, при плетомъ томѣ помѣщаются, въ видѣ отдѣльной статьи, весьма интересная „Автобиографическія замѣтки“. Въ „Приложеніяхъ“ перечислено нѣсколько переводныхъ очерковъ и впазаченій съ англійскаго, нѣмецкаго и шведскаго языковъ; эти очерки, по справедливому замѣчанію издателя, свидѣтельствуютъ о разнообразности учено-литературныхъ интересовъ Л. К. Грота и о постоянномъ его стремленіи популяризировать научныя свѣдѣнія и труды западныхъ ученыхъ въ болѣе широкомъ кругу отечественной публики. Портреты—оформъ покойнаго, работы художн. В. И. Быстренина, выполнены превосходно, и къ нему приложено факсимиле.

Материалы для академическаго изданія сочиненій Л. С. Пушкина. Собралъ Л. Н. Майковъ. Сиб. 902.

Материалы, собранныя покойнымъ Л. Н. Майковымъ для Ц-го тома изданія сочиненій Пушкина, заключаютъ въ себѣ текстъ только нѣкоторыхъ стихотвореній поэта,—начиная съ 1818 года,—а именно тѣхъ, автографы которыхъ получались Л. Н. Майковымъ въ разное время отъ частныхъ лицъ и учрежденій. Новый редакторъ, В. Савитовъ, издалъ собранное Майковымъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно было имъ подготовлено, но библиографическія примѣчанія помѣстилъ не отдѣльно, какъ было въ рукописи, а непосредственно къ текстамъ каждаго стихотворенія.

Гражданское положеніе женщины съ древнѣйшихъ временъ. П. Жюда. Перев. съ франц. подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Ю. Гамбарова. Москва. 1902. Стр. XL+478. Ц. 2 р.

Настоящая книга, въ оригиналѣ, напечатана была впервые въ 1867 году, но не потеряла значенія и интереса до настоящаго времени; въ 1881 году, уже послѣ смерти автора, она была вновь издана известнымъ парижскимъ профессоромъ Эмеионъ, съ его предисловіемъ, дополненіями и примѣчаніями. Теперь она появилась въ русскомъ переводѣ, подъ редакціею профессора Ю. Гамбарова, съ его вступительною статьей, какъ полезное научное руководство по одному изъ важнѣйшихъ отдѣловъ сравнительной исторіи права и нравовѣдѣнія. Выбранная для пере-

вода составителями программы московской комиссіи домашняго чтенія, эта книга вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію не только по богатству и интересу содержанія, но и по своей изящной литературной формѣ, которой не мѣшаетъ и обиліе научнаго балласта.

Записки колонизатора Сибири, П. Соколовъ—Костромской. Сиб. 903. Ц. 75 к.

Авторы поставили себѣ задачей—познакомить личныя впечатлѣнія при своемъ знакомствѣ на мѣстѣ съ фактами поселенія, и сверхъ того, присоединить къ этому свои наблюденія надъ результатами тѣхъ мѣръ, какія принимаются въ послѣднее время для облегченія и упорядоченія переселенческаго движенія на нашу восточную окраину—Сибирь. По мнѣнію автора, въ близкомъ будущемъ колонизаціи, важная роль будетъ принадлежать тайгѣ, а потому онъ и посвящаетъ свое изслѣдованіе съ заселеніемъ этой самой тайги. Выше, читатель найдетъ у насъ описаніе побѣды въ тайгу этого же самаго автора „Записокъ колонизатора Сибири“.

Щегловитовъ, С. Г.—Судебные Уставы имп. Александра II, съ законодательными мотивами и объясненіями. Сиб. 903. Стр. 1022. Ц. 5 р. 50 к.

Въ настоящемъ изданіи помѣщенъ Уставъ уголовнаго судопроизводства; будучи составленъ по повелѣнію имп. въ второй половинѣ 1902 г. продолженію Свода Законовъ, онъ въ то же время доводитъ извѣщеніями изъ сенатской практики по рѣшеніямъ уголовнаго кассационнаго департамента и общаго собранія—вернаго и пассационныхъ департаментовъ, распубликованнымъ до настоящаго времени, а также извѣщеніями изъ помѣщенныхъ за послѣдніе годы въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“ циркуляровъ министра юстиціи и разъясненій со стороны соединенныхъ присутствій сената и дисциплинарнаго его присутствія.

Водовозова, Е. Н.—Жизнь европейскихъ народовъ. Т. III: Житіе Средней Европы. Изд. 3-е. Сиб. 903. Ц. 3 р. 75 к.

Настоящимъ третьимъ томомъ, какъ извѣстно, заканчивается обширный трудъ автора, посвященный описанію жизни народовъ западной Европы. Въ первомъ томѣ описывались жизни, нравы, обычай и экономическое положеніе впадной Европы, начиная съ Балканскаго полуострова и переходя къ Апеннинскому и Пиренейскому полуостровамъ, Франціи и Швейцаріи. Народы Сѣвера составили содержаніе втораго тома, начинавшагося Великобританіей, Голландіей, Бельгіей, Даніей и оканчивающагося Скандинавіей. Третій, нынѣ вышедшій третьимъ изданіемъ томъ посвященъ Средней Европѣ: Германіи и Австро-Венгріи, съ ея славянскими народностями. Каждое новое изданіе всегда являлось вполнѣ переработаннымъ; точно также и въ третьемъ изданіи послѣдняго тома уснати на себѣ особенно сильное дополненіе описанія таихъ городовъ, какъ Берлинъ, Лейпцигъ, Вѣна; очерки же по Венгріи не только дополнены, но многое въ нихъ написано вновь. Не ограничиваясь прежними рисунками, авторъ присоединилъ къ нимъ въ новомъ изданіи нѣсколько новыхъ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,
 ВЫХОДИТЪ ВЪ ПЕРВЫХЪ ЧИСЛАХЪ КАЖДАГО МѢСЯЦА, 12 КНИЖЪ ВЪ ГОДЪ,
 ОТЪ 28 ДО 30 ЛИСТОВЪ ОБЫКНОВЕННАГО ЖУРНАЛЬНАГО ФОРМАТА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ: По полугодіямъ: По четвертямъ года:

	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ ПЕТЕРБУРГѢ, съ доставкой	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ МОСКВѢ и друг. городахъ, съ перес.	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ пониженія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Циверлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КИЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ.

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заявлять изъ себя: имя, отчество, фамилія съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (НВ) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителействѣ подписчика. — 2) *Перемена адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе поднастаки, переходя въ иногородіе, доплачивать 1 руб., и иногородніе, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, и, согласно обязанности отъ Почтоваго Департамента, не позже чѣмъ по полученіи сѣдующей книги журнала. — 4) *Вслѣдствіе* на полученіе журнала высылаются Конторѣ только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галеріи, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академич. пер., 7.

SEP 18 1956

